

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

ЭФФЕКТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ
(Базовые компетенции)

Словарь-справочник

Электронное издание

Красноярск
СФУ
2014

УДК 808.5(038)
ББК 81.411.2-7я2
Э 949

Издание выполнено при поддержке
Министерства образования и науки Российской Федерации

Рецензенты первого издания:
доктор филологических наук, профессор П.А. Катышев;
доктор педагогических наук, профессор В.В. Молчановский;
доктор филологических наук, профессор А.А. Чувакин.

Э 949 **Эффективное речевое общение** (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. Члены редколлегии: Г.А. Копнина, Л.В. Куликова, О.В. Фельде, Б.Я. Шарифуллин, М.А. Южанникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Электрон. дан. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows 98/XP/7; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7638-3042-2

Словарь-справочник «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» не имеет аналогов в отечественной лексикографии, поскольку отбор терминопонятий и их систематизация осуществлялись на компетентностной основе, а именно на основе тех компетенций, которые нужны речедетелю для эффективной коммуникации. Отсюда – комплексный характер словаря: в него включены, кроме необходимых общелингвистических терминов, термины тех речеведческих дисциплин (культуры речи, стилистики, риторики, жанроведения, лингвопрагматики), которые в совокупности составляют понятийную основу языковой, коммуникативно-речевой и этико-речевой компетенций, рассматриваемых как базовые, с их последующей дифференциацией. Словарь содержит 742 справочные статьи, которые достаточно полно объясняют соответствующие понятия.

Словарь адресован широкому кругу пользователей.

ISBN 978-5-7638-3042-2

УДК 808.5(038)
ББК 81.411.2-7я2

© Сибирский
федеральный
университет, 2013

Учебное издание

Подготовлено к публикации Издательским центром БИК СФУ

Подписано в свет 14.05.2014 г. Заказ 1288.
Тиражируется на машиночитаемых носителях.

Издательский центр Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел/факс (391)206-21-49. E-mail rio.bik@mail.ru
<http://rio.sfu-kras.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
1. О концепции словаря-справочника.....	5
2. Список сокращений.....	10
2.1. Общие сокращения.....	10
2.2. Сокращения названий периодических изданий.....	11
3. Справочные статьи.....	13
4. Список авторов статей.....	808
5. Тематический словник.....	809
6. Алфавитный словник.....	832

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проект создания словаря-справочника, предоставляющего достаточно полную информацию о содержании культурно-речевых компетенций носителя полнофункциональной речевой культуры, возник на кафедре русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета несколько лет тому назад и стал осуществляться в рамках темы «Методология и концепция формирования коммуникативных компетенций выпускника высшего учебного заведения в контексте модернизации профессионального образования в РФ (инвариантная модель)», утверждённой Министерством образования и науки Российской Федерации. Претворить в жизнь такой масштабный проект, предполагающий написание более семисот справочных статей, стало возможно благодаря активному участию в его реализации специалистов лингвистических кафедр других университетов Российской Федерации (см. список авторов статей). В создании словаря приняли участие более ста авторов из 19 городов России и Белоруссии: Москвы, Минска, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Барнаула, Волгограда, Великого Новгорода, Саратова, Краснодара, Перми, Красноярска, Ростова-на-Дону, Смоленска, Кемерово, Томска, Лесосибирска и Ачинска.

Особенно значительный вклад в создание словаря внесли: кафедра стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (зав. кафедрой проф. Г.Я. Солганик), кафедра теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации факультета журналистики СПбГУ (зав. кафедрой проф. Л.Р. Дускаева), кафедра русского языка и стилистики Пермского государственного университета (зав. кафедрой проф. Е.А. Баженова), кафедра русского языка Саратовского государственного университета (зав. кафедрой проф. М.А. Кормилицына), кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (зав. кафедрой проф. В.И. Аннушкин), кафедра современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета (зав. кафедрой проф. Н.С. Болотнова) и др. Этим кафедрам и персонально всем авторам словаря редколлегия выражает свою признательность за плодотворное сотрудничество.

Существенную помощь в создании словаря оказали своими ценными замечаниями рецензенты: д-р филол. наук, проф. А.А. Чувакин (Алтайский государственный университет), д-р филол. наук, проф. П.А. Катышев (Кемеровский государственный университет), д-р пед. наук, проф. В.В. Молчановский (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина). Авторы и редакторы словаря приносят уважаемым рецензентам свою искреннюю благодарность.

Мы выражаем также глубокую признательность Министерству образования и науки Российской Федерации и руководству Сибирского федерального университета, благодаря поддержке которых это издание могло осуществиться.

Мы не называем словарь «полным», «универсальным», «энциклопедическим», «новейшим», «большим» и т.п. Однако надеемся, что он будет востребован читателями разных профессий и социального статуса. Понимаем, что многие вопросы формирования культурно-речевой компетенции нуждаются в дальнейшей разработке, и поэтому заранее благодарим будущих читателей словаря за любые конструктивные замечания и предложения по его совершенствованию, в котором он, несомненно, нуждается, как всякое большое новое начинание.

С рецензиями на первое издание словаря можно ознакомиться в журналах «Русский язык за рубежом» (2013, вып. 3) и «Филология и человек» (2013, № 2).

А.П. Сковородников, д-р филол. наук, профессор,
руководитель проекта и главный редактор

О КОНЦЕПЦИИ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА

Концепция модернизации российского образования определяет важной задачей формирование профессиональной элиты, обладающей качествами коммуникабельности, толерантности, социальной и профессиональной мобильности, конструктивности, духовности, ответственности за судьбу страны. Утверждается, что «многоязычная российская школа предстоит проявить свое значение в деле сохранения и развития русского и родного языков, формирования русского самосознания и самоидентичности»¹ – задача, прямо вытекающая из сложившейся культурно-речевой ситуации, которая достаточно сложна²: попытки ограничить роль русского языка в автономиях, ближнем и дальнем зарубежье; давление на литературный язык и его нормы со стороны просторечия и жаргонов; рост числа не всегда прагматически оправданных заимствований (преимущественно англо-американских); ослабление внимания к преподаванию русского языка и литературы в средней школе (в частности, отмена обязательного экзамена по литературе в виде сочинения); отсутствие этической цензуры и ослабление автоцензуры в сфере писательского и журналистского творчества и некоторые другие процессы. Всё это имеет следствием колебание норм и стилистический дисбаланс в системе русского литературного языка, массовые нарушения собственно языковых, коммуникативных и этических норм в процессе речевого общения (в том числе – публичного), сокращение лексико-фразеологического потенциала у многих представителей русскоговорящего социума. В то же время происходит ускоренное пополнение русского языка новой лексикой и фразеологией, рождение новых значений слов, пополнение языка новыми средствами и приёмами речевой выразительности, возникновение новых и трансформация существующих речевых жанров как в устной, так и в письменной сферах речи. Все эти процессы требуют научного осмысления и дидактически продуманного отражения в учебной и справочной литературе с учётом компетентностного подхода. Кроме того, происходит осознание обществом того факта, что русский язык как государственный является важнейшим, по существу – главным, инструментом управления во всех областях государственной и общественной жизни, средством формирования гражданского и национального самосознания, воссоздания и развития культуры, основной скрепой русского и других этносов нашей многоязычной страны и всего русского мира. Именно эти обстоятельства побудили президента РФ В.В. Путина в Послании Федеральному собранию 2007 года заявить, что «забота о русском языке и рост влияния российской культуры – это важнейший социальный и политический вопрос».

Словарь-справочник «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» предназначен прежде всего для студентов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений, в учебные планы которых включены речеведческие дисциплины. Он может быть полезен для людей, профессия которых предъявляет повышенные требования к их речевой культуре, а также для всех, кто стремится к эффективности речи во всех сферах общения. Его публикация соответствует приоритетам коммуникативной и эколингвистической³ парадигм современной отечественной и зарубежной лингвистики и социальному запросу общества.

В основу словаря положено ключевое⁴ интегральное понятие культурно-речевой компетенции⁵, без которой невозможна эффективная коммуникация. Содержание этого интегрального понятия рас-

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Народное образование. 2004. № 2. С. 254–263. См. также: Смолянинова О.Г., Савельева О.А., Достовалова Е.В. Компетентностный подход в системе высшего образования. Красноярск, 2008. С. 8.

² Сиротинина О.Б. Два десятилетия «свободы» русской речи и факторы, вызвавшие изменения в русском языке // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы всероссийской научной конференции (24–27 октября 2007 г., Самара, Россия). Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2007. С. 78–88; Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013; Чувакин А.А. Коммуникативно-речевая ситуация в современной России и некоторые тенденции развития филологии // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9 (по мат-лам Междунар. науч. конф.) Пермь: Перм. ун-т, 2005. С. 299–304; Чувакин А.А. Риторическая составляющая филологического образования: от вуза к школе // Роль риторики и культуры речи в реализации приоритетных национальных проектов: мат-лы докладов участников XII Междунар. науч. конф. по риторике (Москва, 29–31 января 2008 г.) / под ред. М.Р. Савовой, Ю.В. Щербининой. М.: МПГУ, 2008. С. 369.

³ См. сетевой научный журнал «Экология языка и коммуникативная практика». URL: www.ecoling.sfu-kras.ru

⁴ О понятии «ключевые компетенции» см., напр.: Актуальные вопросы перехода российской высшей школы на Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения: учебно-методическое пособие / сост.: О.А. Коряковцева, Л.В. Плужанская, И.Ю. Тарханова, П.С. Фёдорова. URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met156/met156.html> (дата обращения 31.08.2012); Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос»; <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> (дата обращения 31.08.2012); Педагогика развития:

крывается в системе базовых (основных) компетенций: общелингвистической, языковой, коммуникативно-речевой и этико-речевой – и соответствующих им субкомпетенций. Придание интегральной значимости терминопонятию «культурно-речевая компетенция» мотивируется, во-первых, опорой на концепцию культуры речи, разработанную в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН под руководством Е.Н. Ширяева и Л.К. Граудиной⁶ и получившую в дальнейшем отражение в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи»⁷ и публикациях авторов настоящей статьи⁸, а также, в большей или меньшей степени, в публикациях других авторов⁹; во-вторых, трансформацией понятия культуры речи под влиянием современных риторических учений об эффективной речи, что в частности отражается на содержании учебников и справочников по культуре русской речи¹⁰; в-третьих, необходимостью заполнения терминологической лакуны, поскольку отсутствует обобщающий (родовой) термин по отношению к базовым, с нашей точки зрения, компетенциям: общелингвистической, языковой, коммуникативно-речевой (иногда называемой прагматической или лингвопрагматической), этико-речевой (часто сводимой к речевому этикету) – а также к другим компетенциям, выделяемым в специальной литературе: лингвистической (языковедческой)¹¹, лингвокультурологической¹², социалингвистической¹³, риторической и лингвориторической¹⁴, стратегической¹⁵, аргументативной¹⁶, текстовой¹⁷, дискурсивной¹⁸, интерактивной¹⁹, интертекстуальной²⁰ и др.

ключевые компетентности и их становление: мат-лы 9-й научно-практ. конф. Красноярск: КрасГУ, 2003; Педагогика развития: Становление компетентности и результаты образования в различных подходах: Мат-лы конф. / отв. за вып. Б.И. Хасан. Красноярск: КрасГУ, 2004.

⁵ Необходимо разграничивать *компетенцию* как некий конструкт (модель), обозначающий совокупность знаний, умений и навыков, овладение которыми обеспечивает эффективность деятельности в какой-либо области, и *компетентность* как степень (уровень) владения какой-либо компетенцией. См., напр.: Иванов Д.А., Митрофанов К.Г., Соколова О.В. Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий: учебно-методическое пособие. М., 2003. С. 11; Сквородников А.П. О понятии «коммуникативная компетенция» // Культура речевого общения в образовательных учреждениях разных уровней: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Сквородникова. Красноярск: КрасГУ, 2003. С. 102.

⁶ См.: Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996; Культура русской речи. Учебник для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М.: НОРМА-ИНФРА-М., 1998.

⁷ Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003.

⁸ Сквородников А.П., Копнина Г.А. О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Филологические науки. 2009. №3. С. 3–14; Сквородников А.П., Копнина Г.А. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки (спецвыпуск «Культура речевого общения»). 2009. № 2. С. 5–18.

⁹ См., напр.: Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Культура речи государственного служащего: учебно-практическое пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2011; Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи: учебник / под ред. Н.А. Ипполитовой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004; Гончарова Т.В., Плеханова Л.П. Речевая культура личности: практикум. М.: Флинта: Наука, 2012; Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Язык СМИ: учебное пособие для студентов 1 и 2 курсов бакалавриата по направлению «Журналистика». Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011 и др.

¹⁰ См. об этом, напр.: Матвеева Т.В. Учебник по культуре русской речи: принцип сочетания культурно-речевой и риторической составляющих // Записки Горного института. Том 160. Риторика в системе коммуникативных дисциплин. Часть 2. СПб., 2005. С. 118–120.

¹¹ См., напр.: Русская речевая культура. Учебный словарь-справочник. СПб.: «САГП», «Азбука-классика», 2006. С. 49; Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. Е.А. Быстровой. М.: Дрофа, 2004. С. 31; Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2007. С. 255.

¹² См., напр.: Мигненко М.А. Формирование лингвокультурологической компетенции в процессе профессиональной подготовки иностранных военнослужащих: Дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2004; Максимов В.В., Пахомова Е.С. Лингвокультурологический и лингвокраеведческий потенциал системы формирования языковой личности школьника: 5-6 классы: Дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2009; Токарева И.Ю. Теоретические аспекты формирования лингвокультурологической компетенции // Слово. Предложение. Текст: коллективная монография. Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2009. С. 419–425.

¹³ См., напр.: Беленюк Н.А. Формирование социалингвистической компетенции студентов младших курсов технического вуза в процессе обучения устному общению (английский язык, базовый курс): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2008; Манухина Ю.В. Формирование социалингвистической компетенции в процессе овладения формулами речевого этикета: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006; Овчинникова М.Ф. Методика формирования социалингвистической компетенции учащихся общеобразовательной школы (английский язык, филологический профиль): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2008.

¹⁴ См., напр.: Ворожбитова А.А. Непрерывное лингвориторическое образование как условие и продукт его модернизации // Риторика в модернизации образования: мат-лы докладов участников Восьмой междунар. науч. конф. по риторике (Москва, 2–4 февраля 2004 г.). М.: МПГУ, 2004. С. 49–52; Ворожбитова А.А. Системное формирование лингвориторической компетенции студентов педузав: синергетический потенциал преподавательского коллектива // Язык и образование: сб. науч. тр. В. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. С. 47–48; Горобец Л.Н. Формирование риторической компетенции студентов-филологов в системе профессиональной подготовки в педагогическом вузе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2008. Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005; Муравьева Н.В. Риторическая компетенция в профессиональной деятельности журналиста (экологические аспекты). М., 1999; Чувакин А.А. Риторические компетенции филолога и содержание риторических дисциплин в

Основой содержания культурно-речевой компетенции служит определение культуры речи, данное в «Предисловии» к книге «Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник»: «Культура речи (культура владения языком) – это такой выбор и такая организация языковых средств, которые с учётом ситуации общения и при соблюдении собственно языковых, коммуникативных и этических норм позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных целей»²¹. Основные составляющие культуры речи в таком её понимании (как культуры владения языком, или культуры речевого общения): нормы собственно языковые, нормы коммуникативные и нормы этические. Последние, с нашей точки зрения, должны рассматриваться в тесном единстве с нормами эстетическими, поскольку категории этического и эстетического, обладая относительной самостоятельностью, тесно связаны друг с другом, а их взаимосвязь «принадлежит к числу основных закономерностей исторического развития искусства»²². Наиболее очевидно взаимодействие и взаимопроникновение этих категорий «выступает в явлениях духовной жизни общества, в поступках, поведении личности»²³, и, следовательно, в речевом поведении. «Охватывая предмет или явление целостно, эстетическая оценка в качестве своего необходимого условия предполагает выявление их этической значимости. В свою очередь, этическое содержит предпосылки к тому, чтобы выступать в качестве эстетического»²⁴. Это даёт основание включить эстетический критерий в понятие этико-речевой компетенции.

В соответствии с названными нормами в составе культурно-речевой компетенции мы выделяем в качестве **базовых** названные выше языковую, коммуникативно-речевую (коммуникативно-прагматическую) и этико-речевую компетенции. Однако структура интегральной культурно-речевой компетенции будет неполна, если не предусмотреть в её составе ещё одну базовую компетенцию – общелингвистическую, включающую категории и понятия, которые необходимы для системного освоения языковой, коммуникативно-речевой и этико-речевой компетенций. Содержание выделенных базовых компетенций может быть соотнесено с аспектами описания языковой личности и лечь в основу дальнейшей разработки ее теории.

В процессе теоретико-дидактической разработки содержания четырёх базовых компетенций определяются составляющие их субкомпетенции. В силу того, что некоторые субкомпетенции по природе синкретичны (напр., риторические приёмы, составляющие содержание экспрессиологической субкомпетенции, имеют отношение к языку, поскольку создаются на базе языковых единиц, но в то же время являются речевыми по механизму их продуцирования), их включение в ту или иную базовую компетенцию является до некоторой степени условным и осуществляется по принципу преимущественной отнесённости к системе языка или к системе речи. Исключением является эрратологическая субкомпетенция, которая включается в состав трех базовых компетенций в соответствии с типом нарушаемой нормы.

университете: к вопросу о методике соотнесения // Риторика и культура речи в современном информационном обществе: мат-лы докладов участников XI Междунар. научно-методич. конф. (Ярославль, 29–31 января 2007 г.). Ярославль, 2007. Том. 2. С. 179–182.

¹⁵ См., напр.: Давер М.В. Формирование стратегической компетенции и развитие языковой личности билингва // Психологическая наука и образование: электронный журнал. 2009. № 3. URL: <http://www.psyedu.ru/journal/2009/3/Daver.phtml>; Тимофеева Т.И. Формирование стратегической компетенции студентов в коммуникативной деятельности в процессе обучения иностранному языку. Ульяновск, 2011; Кузнецова Г.А. Формирование стратегической компетенции в процессе обучения чтению: немецкий язык в лицеях и гимназиях: дис. ... канд. пед. наук. М., 2004.

¹⁶ См., напр.: Гаврилова А.Н. Формирование письменноречевой аргументативной компетенции у студентов гуманитарных специальностей (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011; Силаев П.В. Формирование аргументативной компетенции в учебном аргументативном дискурсе // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сб. мат-лов X Междунар. конф. по риторике. М.: Флинта: Наука, 2006.

¹⁷ См., напр.: Максимов В.В., Найдён Е.В. Совершенствование текстовой компетенции: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010.

¹⁸ См., напр.: Аниськина Н.В. Формирование профессиональной дискурсивной компетенции у студентов-филологов в сфере письменного делового общения: дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2009.

¹⁹ См. напр.: Прихода Т.Е. К определению понятия «интерактивная компетентность» // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3(15). С. 218–221.

²⁰ Кузьмина Н.А. Интертекстуальность современных СМИ: тенденции развития // Междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Тезисы. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010.

²¹ Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 10.

²² Эстетика: Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева и др. М., 1989. С. 425.

²³ Там же. С. 426.

²⁴ Там же.

Базовые культурно-речевые компетенции

Общелингвистическая компетенция	Языковая компетенция	Коммуникативно-речевая компетенция	Этико-речевая компетенция
<i>Субкомпетенции</i>			
Общепонятийная Лексикографическая	Структурно-языковая Текстовая (структурно-текстовая) Нормативно-языковая Эрратологическая	Нормативно-прагматическая Информационная Тактико-стратегическая Жанрово-стилистическая Логико-аргументативная Эристическая Ораторологическая Экспрессиологическая Перцептивно-рефлексивная Эрратологическая	Нормативно-ценностная Этикетно-речевая Эрратологическая

Предлагаемая концепция обусловила отбор терминов, которые в «Тематическом словнике» распределены по разделам, соответствующим выделенным базовым компетенциям и их составляющим (субкомпетенциям). Однако некоторые субкомпетенции (информационная, тактико-стратегическая, перцептивно-рефлексивная) представлены без подробного перечисления терминологического аппарата не только ввиду ограничений, накладываемых объемом словаря, но и в силу их недостаточной теоретической разработанности.

Составители словаря стремились отразить в словаре терминопонятия, наиболее важные для формирования культурно-речевой компетенции развитой языковой личности. Это определило речеведческий характер словаря, в силу чего в нём нашли отражение термины и понятия прежде всего культуры речи, стилистики, риторики, генристики и лингвопрагматики. В словарь включены также авторские терминопонятия, такие как: *культурно-речевая компетенция, коммуникативно-речевая компетенция, этико-речевая компетенция, общепонятийная субкомпетенция, экспрессиологическая субкомпетенция, эристическая субкомпетенция, эрратологическая субкомпетенция* и др.

Центральное понятие культурно-речевой компетенции осмыслялось в контексте учения о типах речевой культуры, поэтому словарь ориентирован на формирование полнофункциональной речевой культуры²⁵. В связи с этим в нём уделяется значительное внимание характеристике понятий, составляющих содержание субкомпетенций, которые слабо представлены или вообще не представлены в словарях.

Для удобства поиска нужного термина в основной части словаря словарные статьи сгруппированы по алфавитному принципу. В то же время тематический словник поможет тем, кто с использованием компетентного подхода занимается изучением или преподаванием какого-либо аспекта (аспектов) культуры речи.

Словарные статьи, имея прагматическую (прежде всего учебную) направленность, характеризуют соответствующие понятия подробней, чем это делается в обычных терминологических словарях. Эти статьи содержат не только определения понятий и соответствующий иллюстративный материал, но и, в ряде случаев, сведения дискуссионного и методического порядка. Авторы словаря не стремились к исчерпанности библиографических перечней, однако в конце словарных статей указана литература учебного и научно-исследовательского характера в объеме, достаточном для изучения

²⁵ Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи. Вып. 25. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. С. 9–19; Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 413–415; Сиротинина О.Б. Речевая культура и культура речи: сходство и различие // Вопросы культуры речи. Вып. 9. М., 2007. С. 127–132; Сковородников А.П. Об элитарном (полнофункциональном) типе речевой культуры и культуре речи // Мир русского слова. 2008. № 2. С. 51–59.

основных речеведческих дисциплин. Всё это составляет специфику словаря-справочника, по сравнению с другими словарями речеведческой направленности²⁶.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

²⁶ Ср., напр.: Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003; Москвин В.П. Выразительные средства в современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2007; Романова Н.А., Филиппова А.В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. М.: Флинта: Наука, 2009; Русская речевая культура. Учебный словарь-справочник. СПб.: «САГА», «Азбука-классика», 2006; Сёмушкина Л.Н. Культура русской устной речи. Словарь-справочник. М.: Айрис-пресс, 2007; Скворцов Л.И. Культура русской речи: словарь-справочник. М.: Академия, 2010; Словарь по межкультурной коммуникации: Понятия и персоналии / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе, Г.П. Рябов. М.: Флинта; Наука, 2010; Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович. М.: Флинта: Наука, 2013; Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / под ред. докт. пед. и филосов. наук, проф. Л.Г. Татарниковой. СПб.: ИД «Петрополис», 2011; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта; Наука, 2009; Цейтлин С.Н. и др. Язык. Речь. Коммуникация. Междисциплинарный словарь. СПб.: Каро, 2006; Шарков Ф.И. Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник. 3-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2013; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.: ООО «Агентство КРПА Олимп», 2005.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОБЩИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- URL – Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса
АДД – автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора (филологических, педагогических и др.) наук
АКД – автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата (филологических, педагогических и др.) наук
англ. – английский
букв. – буквально
в т.ч. – в том числе
в. – век
вв. – веков
вин. падеж – винительный падеж
вып. – выпуск
В. Новгород – Великий Новгород
г. – год
гг. – годы
гл. – глава
гос. – государственный
дат. падеж – дательный
ДД – диссертация на соискание учёной степени доктора (филологических, педагогических и др.) наук
д-р – доктор
др.-греч. – древнегреческий
ед. число – единственное число
ж. род – женский род
и др. – и другие
и нек. др. – и некоторые другие
и под. – и подобное
и проч. – и прочее/ие
и т.д. – и так далее
и т.п. – и тому подобное
илл. – иллюстрация (пример)
им. падеж – именительный падеж
канд. – кандидат
КД – диссертация на соискание учёной степени кандидата (филологических, педагогических и др.) наук
конф. – конференция
Л. – Ленинград
-л. – -либо
лат. – латинский
лит. – литература
М. – Москва
м. род – мужской род
мат-лы – материалы
межвуз. – межвузовский
междунар. – международная
Мн. – Минск
мн. др. – многие другие

мн. число – множественное число
-н. – -нибудь
Н. Новгород – Нижний Новгород
н.э. – нашей эры
напр. – например
наст. – настоящее/ий
науч. – научный
отв. – ответственный
Пг. – Петроград
пед. – педагогический
пер. – перевод
под ред. – под редакцией
пол. – половина
посвящ. – посвящённый
пр. падеж – предложный падеж
практ. – практический
прил. – прилагательное
РАН – Российская академия наук
ред. – редактор
РЛЯ – русский литературный язык
род. падеж – родительный падеж
Ростов н\Д – Ростов-на-Дону
РФ – Российская федерация
сб. – сборник
сер. – серия
см. – смотри
сост. – составитель
СПб. – Санкт-Петербург
ср. – сравните
ср. род – средний род
стих. – стихотворение
сущ. – существительное
СФУ – Сибирский федеральный университет
т.е – то есть
т.к. – так как
тв. падеж – творительный падеж
тр. – труды
тт. – томах
ун-т – университет
учеб. – учебный
фр. – французский
Ч. – часть
* – знак ненормативности

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

АиФ – Аргументы и факты
ВК – Вечерний Красноярск
Изв. – Известия
КК – Красноярский комсомолец

КО – Книжное обозрение
КП – Комсомольская правда
КР – Красноярский рабочий
ЛГ – Литературная газета
ЛР – Литературная Россия
МК – Московский комсомолец
НГ – Новая газета
НезГ – Независимая газета
НЛО – Новое литературное обозрение
РГ – Российская газета
СГ – Сегодняшняя газета
СК – Советская культура
ТД – Твой Додыр

АББРЕВИАТУРА. СМ. КУЛЬТУРА УПОТРЕБЛЕНИЯ АББРЕВИАТУР

АБЗАЦ (от нем. absatz – ‘раздел, часть текста’) – 1. Отступ вправо в начале первой строки. 2. Часть текста между двумя такими отступами. А. во втором значении не имеет особой структуры помимо синтаксической. Это может быть прозаическая строфа, фрагмент (несколько строф), отдельное предложение и т. д. Поэтому рационально использовать этот термин только в первом значении.

Как своеобразный знак препинания А. выполняет в тексте несколько функций:

1) А. углубляет предшествующую точку и открывает совершенно новый ход мысли (Л.В. Щерба), т.е. оформляет начало новой мысли и в то же время сигнализирует об окончании предшествующей;

2) А. выполняет в тексте экспрессивно-выделительную функцию. Выделение в А. отдельного предложения – распространённый приём публицистической и художественной речи. Обычно выделяются важные в композиционном и смысловом отношении предложения, часто зачины и концовки прозаических строф. Ср., напр., конец «Пиковой дамы» А.С. Пушкина:

Герман сошёл с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: «Тройка, семёрка, туз! Тройка, семёрка, дама!..».

Лизвета Ивановна вышла замуж за очень любезного молодого человека; он где-то служит и имеет порядочное состояние: он сын бывшего управителя у старой графини. У Лизветы Ивановны воспитывается бедная родственница.

Томский произведён в ротмистры и женится на княжне Полине;

3) важная функция А. – графическое выделение, оформление композиционно-синтаксических единиц текста: прозаических строф, фрагментов. Абзацное членение проясняет структуру текста. Отсутствие А. сделало бы текст трудно воспринимаемым. В стилистически нейтральной речи правилом является совпадение прозаических строф и А. Однако нередко абзацное членение текста не совпадает с его композиционно- синтаксическим членением. В этом случае А. выполняет функцию смысловую и стилистическую членности, выступающей как усложнение и дополнение его композиционно-синтаксической структуры. При этом А. может расчленять прозаическую строфу, выделяя одно или два предложения, или, напротив, объединять несколько прозаических строф. Объединение прозаических строф подчёркивает целостность фрагмента, тесную связь между прозаическими строфами. Расчленение одной прозаической строфы на предложения-А. имеет разное стилистическое назначение. В зависимости от контекста и др. факторов оно может придавать изложению импрессионистический или афористический характер, может выражать динамику, быструю смену событий, действий, фактов, может быть приметой индивидуальной манеры писателя;

4) А. участвует в ритмическом членении текста, которое тесно связано со смысловым ритмом. Ритмическое членение создаётся абзацными паузами, которые длиннее, глубже паузы, образуемой точкой. Дробное членение прозаической строфы на А. ведёт к прерывистому ритму. Ровный, плавный, спокойный ритм дают обычно строфы-А. Объединение же нескольких прозаических строф в одном А. заставляет ускоренно читать весь отрывок, т.к. паузы между точками короче.

Членение на А. – существенная сторона любого текста, связанная с его стилем, смысловым ритмом произведения.

Лит.: Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967; Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. М.; Л., 1967; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 2006.

Г.Я. Солганик

АБСУРДИЗАЦИЯ (от лат. absurdus – ‘нелепый’) – риторический приём, состоящий в намеренном и прагматически обусловленном использовании абсурдных высказываний. Под абсурдными высказываниями понимаются «бессмысленные, а иногда и просто нелепые или сумбурные высказывания» [Бочкарёв 2003: 8], построенные на принципах неправдоподобия и алогизма [Москвин 2007: 73]. А. сопровождается нарушением смысловых, а иногда и синтаксических связей между частями высказывания. «Классическим примером абсурдного высказывания является знаменитая фраза Н. Хомского Colourless green ideas sleep furiously “Бесцветные зелёные идеи спят яростно”. <...> Лексические единицы не принадлежат, как видно, общей понятийной сфере, а совместное их употребление не отвечает условиям референции» [Бочкарёв 2003: 8]. Правда, некоторые авторы высказывания типа «Автомобиль является рассказывайте», «Окно открылось сурово» определяют не как абсурдные,

а как семантически сумбурные, полагая, что «чтобы данное выражение могло быть абсурдным, оно должно иметь смысл, т.е. должно быть свободным от семантически сумбурной бессмыслицы» [Кондаков 1971: 13]. К абсурдным высказываниям мы относим также такие, в которых нарушена так называемая предметная логика и здравый смысл (допущена смысловая нелепость), напр.: *Во время кризиса из зарплаты кондукторов и водителей будет вычитаться плата за проезд во время работы* (АиФ. 2009. № 13).

Существует точка зрения, что истолкование абсурдных высказываний возможно «путём актуализации общего акцидентного признака, а механизм истолкования сводится к установлению семантической связности» [Бочкарёв 2003: 9], однако предьявленные указанным автором истолкования абсурдных высказываний (см. там же) представляются достаточно искусственными и потому неубедительными. Надо полагать, что именно затруднительность семантических интерпретаций абсурдных высказываний является их существенным релевантным признаком. С этой точки зрения, приводимая упомянутым автором цитата из текста А. Вознесенского *У сургуца всегда грудь горяча. У пера два прекрасных бедра* не может быть признана абсурдным высказыванием, поскольку легко интерпретируется с позиции теории тропа как метафорическая персонификация. Ср. с текстом, не поддающимся такой интерпретации: *Напрашивается мысль о несправедливости повседневной мзойлевой жизни а как же урвать девственный кусочек, если неблагоприятная по этой теме информация так, какие ещё знаки препинания есть и где их ставить... в близлежащей округе в первую же минуту контакта (!) распространяется среди опытных мужиков со стажем, опять же международный валютный фонд, по всей стране жизнь усложняется и производство комбайнов резко упало <...>. Похоже на бред сумасшедшего, правда?* (Комок. 17.04.2001).

А., как риторико-прагматическое использование абсурдных высказываний, широко используется в некоторых малоформатных комических жанрах (анекдот, комический диалог, сатирический комментарий) как а) непосредственно абсурдное высказывание: *Объявление в подъезде: «Лифт сломан, ближайший лифт – в соседнем доме»* (АиФ. 2007. № 29); – *Стоит, кто идёт? – Дождь! – ответил Штирлиц и забарабанил пальцем по стеклу* (КП. 29.05.2001); а также как б) приём «доведения до абсурда» какой-л. мысли, инициативы и т.д.: *Столичный мэр (Ю. Лужков. – А.С.) выступил с инициативой: заменить все казино и игровые клубы в Москве на книжные магазины и библиотеки. А бывших сотрудников (крупье да стриптизёрок) обеспечить новыми рабочими местами.*

Наконец-то в книжном магазине можно будет выиграть в рулетку том Шекспира, в библиотеке – посмотреть постановку Камасутры силами местной самодеятельности! (КП. 1–9.03.2007); *Е. Скрынник, министр сельского хозяйства: «По балансу производства и потребления у нас в стране с гречкой всё нормально».*

А по цене гречка уже приближается в магазинах к 100 рублям за килограмм. Кому не по карману, может попробовать сварить вкусную и полезную кашу из баланса производства и потребления (АиФ. 2010. № 35).

Абсурдные высказывания используются как приём в устойчивых оборотах, напр.: *в огороде бузина, а в Киеве дядька; сапоги всмятку*. Приёмом нарочитой А. является так называемая **склейка афоризмов**: *Куй железо, не отходя от кассы* (к\ф «Бриллиантовая рука»); *Что с воза упало, то не вырубишь топором* [Москвин 2007: 73].

Об абсурде как философской и эстетической категории см. [Современный... 1998; Лексикон неонклассики 2003].

Лит.: Бочкарёв А.Е. Семантический словарь. Н. Новгород, 2003; Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975; Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Растье Ф. Абсурдные высказывания // Интерпретирующая семантика. Н. Новгород, 2001; Современный философский словарь / под общ. ред. проф. В.Е. Кемерова. Лондон...Минск, 1998.

А.П. Сковородников

АВЕРСИЯ. См. РИТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

АВТОБИОГРАФИЯ (от др.-греч. αὐτός – ‘сам’, βίος – ‘жизнь’ и γραφω – ‘пишу’) – документ личного характера информационного типа, содержащий последовательное изложение основных этапов личной, трудовой и общественной жизни какого-л. лица, составленный им самим.

А. пишется при поступлении на работу, в учебное заведение; может потребоваться также при оформлении документов на въезд в страну и получение гражданства.

К содержательной части А. могут предъявляться различные требования, связанные в первую очередь со степенью подробности изложения сведений об авторе документа и его ближайшем окружении.

Не существует типового формуляра для составления этого документа; он пишется в произвольной форме от руки на листе формата А4 или на специальном бланке. Форма изложения – повествовательная, от первого лица. Все сведения даются в хронологическом порядке и так, чтобы можно было составить представление о жизненном пути, деловой квалификации и общественной деятельности автора А. Каждый новый блок информации лучше начинать с нового абзаца с указанием временных рамок нового этапа биографии.

Составные части А.: 1) наименование вида документа (Автобиография); 2) имя, отчество, фамилия автора; 3) гражданство; 4) дата рождения (число, месяц, год); 5) состав семьи: сведения о родителях и близких родственниках (фамилия, имя, отчество, место работы); 6) образование и специальность по образованию; 7) вид трудовой деятельности; 8) последнее место работы и должность (могут быть указаны причины увольнения с места работы); 9) награды и поощрения; участие в общественной работе; 10) семейное положение и состав семьи; 11) домашний адрес и телефон; 12) дата; 13) личная подпись. Пример А.:

Автобиография

Я, Павлова Надежда Васильевна, родилась 22 июля 1956 года в г. Владимире в семье рабочих. Отец, Павлов Василий Иванович, – пенсионер. Мать, Павлова Анна Сергеевна, – бухгалтер магазина № 14.

В 1963 году поступила в среднюю школу № 23 г. Владимира. Окончила среднюю школу в 1973 году. Одновременно занималась по классу скрипки в городской музыкальной школе, которую окончила в 1971 году.

В 1973 году поступила в педагогический институт на факультет иностранных языков (дневное отделение). Окончила с отличием институт в 1978 году по специальности «учитель английского языка». В 1978 году поступила на работу в школу № 3 г. Владимира учителем английского языка, где работаю по настоящее время.

Не замужем.

Домашний адрес: г. Владимир, ул. Пушкина, д. 6, кв. 18.

12.12.2001

(подпись) Н. П. Павлова

Лит.: Баландина Л.А., Давидян Г.Р., Кураченкова Г.Ф., Симонова Е.П. Русский язык и культура речи. М., 2008; Казанцева Г.В. Личные документы: требования к оформлению и образцы документов. М., 2010; Лопатникова Е.А. Делопроизводство: образцы документов с комментариями. М., 2005; Сологуб О.П. Делопроизводство: составление, редактирование и обработка документов. М., 2008.

Ю.И. Борисенко

АВТОР (от лат. au(c)tor – ‘основатель, создатель произведения’) – всеобщая категория словесного творчества, одно из ключевых понятий современной филологии. В общефилологическом понимании А. – субъект любого письменно оформленного высказывания. При таком понимании необходимо разграничение А. биографического (А.-творца) и «автора во внутритекстовом воплощении, имплицитного автора» [Введение в литературоведение 2004: 68].

В литературоведении основы современной теории А. были заложены в первой половине XX в. В.В. Виноградовым, Г.А. Гуковским, Л.Я. Гинзбургом, М.М. Бахтиным, Б.А. Успенским. В 1980-е годы особое значение имели работы Б.О. Кормана.

Для современного Речеведения (см.) А. – универсальная текстовая категория, имеющая значительный содержательный объём, разнообразную речевую реализацию. Причины пристального внимания разных филологических школ и направлений к этой текстовой категории в её огромной роли: центром художественно-речевого мира определял её В.В. Виноградов, руководителем читателя называли М.М. Бахтин, А.П. Скафтымов. В.В. Виноградов подчёркивал, что образ А. претерпевает серьёзную историко-семантическую трансформацию «в разных типах словесного творчества» [Виноградов 1971: 151].

Принято считать, что индивидуальность А. текста/высказывания определяется его речевой компетенцией (уровнем владения языком), знанием истории и культуры (образованием), воспитанием (диктующим отношением к речевому этикету), складом ума, принадлежностью к определённой национальной культуре, отношением к традиции, социальными, возрастными, гендерными характеристиками, особенностями отражения внеязыкового мира в сознании (психологическими особенностями), типом взаимоотношений с окружающей действительностью и эмоциональным состоянием в момент порождения речи/текста.

Выражение авторского начала в тексте зависит от многих факторов, прежде всего от стилиевой и жанровой принадлежности данного текста. Различаются статус авторского начала в зависимости от степени представленности, от характера отношений А. к изображаемой действительности и др. параметров; ключевые текстовые проявления (отнюдь не самостоятельные текстовые категории, как считают некоторые исследователи) категории А.: образ А. (автор-повествователь), авторское (субъектное) начало, авторская позиция (точка зрения).

Образ А., А.-повествователь, как правило, уникальные «персонажные» компоненты художественных, художественно-публицистических текстов, выполняющие посредническую функцию между А.-творцом и читателем, влияющие на степень читательского доверия. Напр., образ А. в «Царь-рыбе» – «повествовании в рассказах» В.П. Астафьева или максимально приближенный к биографическому А. – повествователь в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», главным отличием которого можно считать личное знакомство с героем «романа в стихах».

Авторское начало в медиатексте рассматривается в качестве стилеобразующего, оно представлено в речевой структуре текста разнообразными способами и средствами. Специфика А. медийной речи в его социальности и незначительной степени персональной вовлечённости в авторское «я» (хотя признаётся, что эта степень варьируется) [Кайда 1992]. Учитывая различие в степени и характере выраженности А. в тексте, можно говорить о вариантах авторского статуса в медиатексте – от стороннего наблюдателя, не включённого в события, лишь со стороны «взирающего» на них, до страстного горячего полемиста, «изнутри» анализирующего проблему и отстаивающего свою позицию [Майданова 1987; Шостак 1999; Устимова 2003]. Коммуникативный статус А. может меняться даже в пределах одного текста. Авторское начало выражается в социальном характере оценочности (Г.Я. Солганик), в субъективной модальности, специфику которой определяют через категории тональности, побудительности, эмотивности.

Как правило, в научной речи роль авторского начала незначительна, хотя авторское присутствие невозможно элиминировать и там. Ещё менее оно выражено в деловой речи: в правовом общении есть коммуникативные ситуации, где выражение авторской позиции недопустимо (напр., в некоторых жанрах судебной речи в суде с участием присяжных) [Дускаева, Протопопова 2010].

Лит.: Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. М., 2004; **Виноградов В.В.** О теории художественной речи. М., 1971; **Дускаева Л.Р., Протопопова О.В.** Стилистика официально-деловой речи. М., 2010; **Кайда Л.Г.** Авторская позиция в журналистике. М., 1992; **Майданова Л.М.** Структура и композиция газетного текста. Красноярск, 1987; **Солганик Г.Я.** О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. ст. М., 2008; **Солганик Г.Я.** Общая характеристика языка СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007; **Стюфляева М.И.** Образные ресурсы публицистики. М., 1982; **Устимова О.И.** Социально-политические ориентации российских журналистов (по материалам экспертного опроса) // Вестник МГУ. Сер. X. Журналистика. 2000. № 4–5; **Шостак М.И.** Аналитическая публицистика: методы и жанры. М., 1999.

Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ – письменный научный жанр, представляющий собой сжатое изложение основного содержания диссертации, показывающий вклад автора в разработку и решение той или иной научной проблемы и имеющий статус юридического документа, без которого не может состояться защита диссертации. Основное назначение А.д. «служить способом информирования о полученных научных результатах и введения их в сферу научной коммуникации» [Кузин 1998: 117]. Это обуславливает то, что при сравнительно малых размерах А.д. должен соответствовать диссертации по содержанию, что в свою очередь требует поиска экономных, но ёмких стилистических средств для передачи этого содержания. А.д., будучи разновидностью аналитического реферата,

обладает его основными признаками (см. Реферат), но в то же время имеет свои существенные особенности как в композиции, так и в содержании.

Композиция А.д. трёхчленна. В первой, вводной, части более или менее последовательно освещаются такие аспекты диссертации: актуальность темы; объект и предмет исследования; цель исследования и конкретные задачи, вытекающие из этой цели; принятая в диссертации методология и применяемые исследовательские методы (методики); характеризуются материалы, источники информации, на которых проводилось исследование; обосновывается достоверность и новизна полученных результатов, их теоретическая и практическая значимость (в последнем случае имеется в виду технический, экономический или социальный эффект от внедрения результатов); сообщаются сведения об апробации основных положений диссертации (количественные данные о публикациях, выступлениях с докладами на научных конференциях и т.п.); формулируются положения, выносимые на защиту. В конце вводной части сообщается о структуре диссертации (перечисляются главные разделы) и её объеме (указывается количество страниц).

Во второй, главной, части содержатся сведения о личном вкладе автора в решение исследуемой проблемы, сжато излагается ход исследования, показывается применение соответствующих методик, описываются условия и основные этапы экспериментов и их результаты. Эта часть А.д. требует повышенного внимания к информационной ёмкости текста и использования различных способов его рационального сокращения.

После основной части следует третья часть А.д. – небольшое по объёму заключение, в котором главные результаты исследования формулируются в виде обобщающих выводов. При этом желательно «указать, в чём автор видит основной смысл своего труда; какие важные побочные результаты получены при выполнении диссертации; какие, с точки зрения автора, встают новые научные задачи и каковы возможные направления их решения» [Кузин 1998: 126]. Язык А.д. является классическим образцом академического научного стиля (см. Научный стиль).

Лит.: Кузин Ф.А. Кандидатская диссертация. Методика написания, правила оформления и порядок защиты. Практическое пособие для аспирантов и соискателей учёной степени. М., 1998; Соловьёв В.И. О функциональных свойствах автореферата диссертации и особенностях его составления // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1981. № 6.

А.П. Сковородников

АВТОРСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ – 1. Регламентированные и нерегламентированные знаки препинания в авторской рукописи. 2. Особенности пунктуационного оформления текстов того или иного писателя, имеющие индивидуальный характер (напр., определённый набор применяемых знаков, преимущественное использование одного из них), которые в целом не противоречат принятым в данный период правилам пунктуации; 3. Нерегламентированное пунктуационной нормой употребление знаков препинания как результат преднамеренного отклонения от действующих норм пунктуации.

Третье значение термина требует пояснения, т.к. не всякие отступления от пунктуационной нормы можно отнести к проявлению авторской индивидуальности [Валгина 2001: 276–279]. Наряду с общими обязательными нормами пунктуации существуют ситуативные, которые регламентированы особенностями текстовой информации, напр., акцентно-выделительные знаки препинания в официально-деловом стиле речи или сигнальные в рекламных текстах, отражающие стилистические особенности функционально различающихся текстов [Валгина 2001: 277]. Не следует относить к А.п. случаи, которые отражают общие тенденции, имеющие место в сфере развития пунктуации. Так, в настоящее время всё чаще вместо двоеточия при обобщающих словах перед перечислением однородных членов употребляется тире: *А среди остальных встречается всё – и храбрость, и благородство, и образованность, и понятие чести* (Б. Окуджава). Постановка тире после обобщающего слова пока не учтена кодификаторами нормы, но эта тенденция отмечена в справочниках по пунктуации [Розенталь 1997: 272; Валгина, Светлышева 1996: 336]. Пунктуация, используемая при оформлении разговорной речи в художественном тексте, также не является проявлением А.п. Напр., многоточие может передавать интонацию разговорной речи, её спонтанность, неподготовленность, прерывистость: *Не, Иван, ты как приедешь, ты перво-наперво... Слышь? Ты как приедешь, ты... Слышь! Ваня, слушай сюда!.. Ты как приедешь...* (В. Шукшин).

К А.п. относят знаки препинания, которые носят нерегламентированный характер и зависят от воли пишущего, воплощают индивидуальные ощущения автора, имеют стилистическую значимость:

<...> Клара испытала какой-то ещё высший стыд и страх! – и замерла – и открыла сумочку – и хотела вывернуть её всю, отдать этой женщине – и не посмела (А. Солженицын); Несколько раз в день приходится переодеваться и каждый раз мучительная головоломка: что надеть на твои крупные ноги? и какая шляпка тебе не смешна? и какие цвета тебе идут? и какой рисунок ткани? и какой воротник к твоему твёрдому подбородку? (А. Солженицын). В первом примере восклицательный знак сочетается с тире между однородными членами. Во втором примере не регламентирована нормой постановка вопросительного знака, т.к. следующая синтаксическая единица пишется со строчной буквы. В обоих случаях обнаруживается избыточное употребление знаков вопреки известным грамматическим нормам. Однако их необходимость и уместность оправдывается возникающим стилистическим эффектом: здесь обнаруживается накал эмоционального состояния героини, на первый план выступает не грамматическая, а коммуникативно-смысловая обусловленность такого пунктуационного оформления.

К индивидуально-авторским относят знаки препинания, передающие ритмику, мелодику и темп поэтического текста. Напр., ритмико-мелодическую организацию текста усиливает тире, «оно обладает наибольшей разделительной “силой”, которая дополняется и зрительным эффектом: *Двое – мы тащимся вдоль по базару, оба – в звенящем наряде шутов* (А. Блок); *Мой путь не лежит мимо дому – твоего. Мой путь не лежит мимо дому – ничего* (М. Цветаева)» [Валгина 2001: 282]. См. также о стилистической роли знаков препинания в поэзии и прозе XX века [Дивакова 2005].

В поэзии отсутствие нормативных знаков препинания приводит к устранению границ между синтагмами, поэтому создаётся плавность, размеренность, включённость каждой словоформы во множество сочетаний, напр. в таком стихотворении:

*Огромный оранжевый шар
мощью огня своего притягивает
горячие и холодные небесные тела
не даёт им упасть друг на друга
и улететь прочь
из всех планет только одна непокорна
и в этом издержки взвихренной жизни
она накапливает всё больше гари и дыма
чтобы закрыться от солнечного сиянья
но с точки зрения вселенной это преходяще
дым развеивается свет остаётся* (В. Куприянов)

Н.С. Валгина называет такое оформление стихотворного текста «особым литературным приёмом» [Валгина 2001: 283], который встречается также в произведениях А. Весёлого, опубликованных ещё в 1924 году (см. также об этом приёме [Друговейко 2000: 58–61]).

В художественной прозе тоже иногда отсутствуют знаки препинания, предписанные нормой, напр., при повторяющемся союзе *и* между однородными членами предложения: *И друг, конечно, предложит за меня тост, там, среди друзей, и все вспомнят и погрузят секунду и чокнутся от дури* (А. Битов) или между частями сложносочинённого предложения: *С начала лета мы на новой квартире – на Триумфальной. И низко и вода есть и электричество горит* (А. Ремизов). Такая пунктуационная неоформленность передаёт непрерывность, нерасчленённость, наибольшую объединённость синтаксического ряда. Нерасчленённость проявляется в том, что при отсутствии запятой перед повторяющимся союзом сводится до минимума пауза: то, что рисует автор, представляется как единое целое. Пунктуационное выражение обусловлено, таким образом, коммуникативным аспектом русской пунктуации и спецификой Идиостиля (см.) писателя.

В современной прозе встречается употребление знаков препинания внутри слова: <...> *выпало одно звено – одно, но самое важное: почему Филипп Кодрин отказался от наслед...ства?* (В. Платова). Постановка многоточия внутри слова становится показателем расширения экспрессивных функций этого знака.

При стилистическом анализе употребления А.п., при разграничении авторской и ошибочной пунктуации следует учитывать функциональный подход: назначение знаков, их роль в тексте [Шварцкопф 1988: 13]. А.п., усиливая смысл текста, напрямую обусловлена индивидуальным стилем автора.

Лит.: Валгина Н.С. Нерегламентированная пунктуация. Авторская пунктуация // Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М., 2001; Валгина Н.С. Уточнение понятия авторской пунктуации // Филологические науки. 1995. № 1; Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Орфо-

графия и пунктуация: справочник. М., 1996; **Валгина Н.С., Светлышева В.Н.** Русский язык. Орфография и пунктуация. Правила и упражнения: учеб. пособие. М., 2000; **Дивакова М.В.** Принципы пунктуации и нормы синтаксических построений русского литературного языка первой трети XX в.: на материале произведений поэтов и писателей XX в.: КД. М., 2005; **Друговейко С.В.** Синкретизм языкового знака в поэзии постмодернизма // Вестник СПбГУ. 2000. Сер. 2. Вып. 2 (9); **Друговейко-Должанская С.В.** Знаки «препинания». URL: www.gramma.ru; **Розенталь Д.Э.** Справочник по пунктуации. М., 1997; **Шварцкопф Б.С.** Современная русская пунктуация: система и её функционирование. М., 1988.

М.В. Веккесер

АВТОРСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЭКСТОВ, или ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЭКСТОВ, – стилистический приём, состоящий в таком изменении фразеологического оборота или Прецедентного текста (см.), которое направлено на усиление его экспрессивности и достижение того или иного смыслового эффекта. Писатели и журналисты пользуются разными способами А.о.ф.п.т.

1. Сокращение лексического состава фразеологизма или прецедентного текста при сохранении его основного значения: *Праздник, который всегда* (ЛГ. 2007. № 1, заголовок); *Хрен редьки не...* (АиФ. 2008. № 44, заголовок); *На одной из школьных олимпиад в Ярославле на вопрос, как расшифровывается аббревиатура НТВ, первоклассник бабахнул: «Не Так Всё». Балла он не получил, хотя устами младенца...* (ЛГ. 2007. № 16).

2. Расширение лексического состава фразеологизма или прецедентного текста (иногда с частичной заменой его компонентов), как правило, с приданием ему нового, контекстуального смысла: *Театр начинается не с вешалки, а со старта предвыборной кампании* (ЛГ. 2004. № 7); *Людам надоело слушать оды, воспевание «великих менеджеров», «упорным трудом» скопивших миллиарды. «Либеральному журавлю» наш народ предпочёл «синицу порядка»* (ЛГ. 2003. № 49); *Существование преступника порождает необходимость существования полиции, судов, тюремной системы, прокуратуры. То есть один преступник с сошкой (с фомкой, автоматом и пр.), а семеро – с ложкой: адвокат, прокурор, судья, полицейские, тюремные охранники и прочие иждивенцы преступника эксплуатируют его, живут за его счёт* (Э. Лимонов),

3. Высокочастотной является операция замены компонента (компонентов) фразеологизма или прецедентного текста без сокращения или расширения их лексического состава: *Пиарова победа* (ЛГ. 2007. № 17–18); *Проект «лохотронизации» всей страны* (Завтра. 2007. № 31); *Негрityнка в 45 – баба чернослив опять* (ЛГ. 2003. № 30, жанр «прикола»); *А чувства добрые я литром пробуждал* (АиФ. 2006. № 24, жанр «прикола»); *В. ХРИСТЕНКО, министр промышленности и энергетики РФ: «Энергосистема – она самая тотальная! Это не дорожное хозяйство, это не транспортные проблемы, это не рельсы. Это – всё!»*. Комментарий журналиста: *Так бы прямо и сказали: «Чубайс – это наше всё!»* (АиФ. 2006. № 24, жанр комического комментария).

4. Замена всего или почти всего лексического состава фразеологизма или прецедентного текста при сохранении модели, а иногда (в стихе) размера и ритма: *Пенальти: бить или не бить?* (СГ. 27.12.2000, заголовок); *А. КЛЕПАЧ, замминистра экономического развития: «Мы сами не очень верим в нашу экономику, если послушать наших инвесторов. Но почему-то считаем, что иностранцы должны верить больше»*. Комментарий журналиста: *Будь чиновник Клепач поэтом Тютчевым, он сказал бы то же самое стихами: «В Россию денежки вложив, доход в процентах не измерить. У нас особый аппетит. Инвестор может только верить...»* (АиФ. 2010. № 42).

5. Изменение значения фразеологизма или прецедентного текста под влиянием контекста при сохранении лексического состава (в т.ч. приобретение переносного значения или, наоборот, буквализация тропа: *Это, можно сказать, не просто хорошая проза, а вкусная и здоровая пицца* (Вен. Ерофеев); *Оракулы предсказали поражение тому войску, которое первое вступит в бой. Войска стали выжидать. Но, спустя десять дней, раздался характерный треск. Это лопнуло терпение Мардония (479 г.), и он начал сражение и был разбит на голову и прочие части тела* (Тэффи).

6. Контаминация (совмещение) в одном высказывании двух устойчивых оборотов (иногда с трансформацией их структуры): *Много будешь знать – мало не покажется!* (ЛГ. 2010. № 14); *В таком стерилизованном виде тема развития никого не пугает. Обсуждайте её сколько угодно. Чем бы интеллектуальное дитя ни тешилось, лишь бы нос в политику не совало* (Завтра. 2008. № 25).

7. Трансформация прецедентных имён собственных: *МузТВ день и ночь утрамбовывает мозги народонаселения, превращая страну в «Архипелаг Гуляк»* (ЛГ. 2007. № 1); *Всё громче раздаются*

голоса, предлагающие заложить другой крейсер такого типа, «**Богоносец Потёмкин**», который так огромен, что моряки называют его плавучей деревней (В. Пелевин); *Льнов, не понимая, что происходит, вскочил, хватая обрыз. «Пастор!» – завывал во рту дедушки странный ветер. – «Пастор Нак!»* (М. Елизаров).

А.о.ф.п.т. является разновидностью Языковой игры (см.), выполняя соответствующие функции.

Лит.: Бакина М.А. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в современной поэзии // Русский язык в школе. 1980. № 3; Бакина М.А. Фразеологизмы в современной поэзии // Русская речь. 1980. № 2; Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009; **Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник** / под ред. Л.Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация**. М., 2003; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

АДИНАТО́Н. См. ИМПОССИБИЛИЯ

АДРЕСА́НТ (от нем. *adressant* – ‘отправитель’) – отправитель текстового сообщения. Понятие А. появляется в труде М.М. Бахтина «Эстетика словесного творчества» [Бахтин 1979]. А. – лицо, инициирующее коммуникативный акт и имеющее основной целью привлечь внимание адресата к объекту речи. Р. Якобсоном была предложена линейная модель для описания информационного процесса, которая включает передающего информацию (А.), принимающего информацию (адресат) и канал связи между ними (сюда можно отнести структуры, при помощи которых осуществляется коммуникация). «Мы стремимся выявить код, общий для адресанта и адресата, мы стремимся найти общие черты, а также различия между операциями кодирования, осуществляемыми адресантом, и способностью декодирования, присущей адресату» [Якобсон 1985: 173]. Ю.М. Лотман также акцентирует внимание на механизме «дешифровки», определяя его как «призрачный», т.к. он перестаёт быть заметным как для А., так и для адресата [Лотман 1973].

Современные исследователи обращают особое внимание на то обстоятельство, что широта восприятия информации, сообщаемой А., зависит от «богатства тезауруса адресата» [Кухта 2004]. Кроме того, концепция «языковой личности», выдвинутая Ю.Н. Карауловым [Караулов 2003], включает в себя и понятие А.

Коммуникация, инициируемая А., предполагает речевое воздействие, имеющее целью вызвать определённую реакцию адресата. Во избежание коммуникативной неудачи А. стремится предугадать возможный контрсценарий (непредвиденную, нежелательную ситуацию, которую может создать адресат, в частности, критику А., опровержение его тезисов [Котов 2001]).

Внешний А. – тот, кто сообщает информацию и адресанту, и адресату. Напр., если коммуникация осуществляется между политическим деятелем, обозревателем и слушателем, внешним А. будет политический деятель, если обозреватель доносит до слушателя его комментарий.

Последовательный А. – А., сообщающий о чём-либо адресанту. В случае, если пресс-секретарь передаёт представителям СМИ слова политического деятеля, то последний и будет последовательным А.

Лит.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Васильев Л.Г. Текст и его понимание. Тверь, 1991; Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003; Котов А.А. Лингвистические модели эмоциональной речи: Термины. URL: www.harpia.ru/terms.html; Кухта М.С. Модели восприятия информации в вербальных и визуальных текстах // Вестник ТГПУ. 2004. Вып. 3 (40). Сер. Гуманитарные науки (Филология); Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» (1973) // Избранные статьи: В 3-х тт. Т. 1. Таллин, 1992; Тарасова И.П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // Вопросы языкознания. 1992. № 4; Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

Т.Б. Аверина

АДРЕСАТ – второй участник коммуникации, гипотетически смоделированный потребитель и интерпретатор сказанного/написанного адресантом. В устном общении А. проявляется непосредственно, как второй участник диалога. Учитывая, что языковое общение в любой форме в принципе диалогично (см. Диалогичность) и является двусторонним процессом, в письменной речи А., или, по терминологии М.М. Бахтина, **Другой**, проявляется опосредованно, как получатель речи и как второй участник текстообразующей деятельности, предопределяющий многие её свойства.

Характеризуя разнообразие возможных А. высказывания, М.М. Бахтин писал, что А. «может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчинённым, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т.п., он может быть и совершенно неопределённым неконкретизированным другим (при разного рода монологических высказываниях эмоционального типа) – все эти виды и концепции адресата определяются той областью человеческой деятельности и быта, к которой относится данное высказывание» [Бахтин 1979: 275]. Стилистические исследования воздействия фактора А. в разных сферах общения – научной [Кожина 1986; Красавцева 1998; Дускаева 1998], художественной [Амвросова 1984; Карпенко 1991], публицистической [Дускаева 1995], официально-деловой [Дускаева 2010], религиозной [Мишланов, Салимовский 2010] – показали, что в каждом функциональном стиле формируется своя концепция А., определяемая целями и задачами общения в данной сфере. Более того, своя концепция А. и у речевых жанров [Дускаева 2004б].

Многоаспектнее, чем в других функциональных стилях, гипотеза А. в текстах СМИ, поскольку здесь она отражает не только точку зрения, представление о смысловом поле читателя, уровне его осведомлённости, т.е. когнитивные характеристики, но и целый ряд других, эмоциональных, поведенческих сторон. В творческом процессе по созданию текста СМИ проявляется и отражается активность А., во-первых, в том, что необходимость удовлетворять его информационные запросы задаёт круг тем и проблем публикации. В речевой структуре текста такое влияние автор представляет в форме гипотетических или вербализованных вопросов, номинации актуальных проблем. Текст создаётся как ответ на предполагаемые вопросы и запросы аудитории, устраняет неопределённость в её знании, даёт более или менее полные представления о мире и изменениях в нём.

Во-вторых, влияние аудитории проявляется в том, что для эффективности воздействия адресант отражает, учитывает всё многообразие её мнений, оценок, эмоций. Включение аудитории в коммуникативный процесс **обязательно**, хотя и проявляется оно в тексте по-разному. Степень включённости аудитории в коммуникацию тоже различна в разных жанрах. Наиболее значительна роль А. в интерактивных жанрах (в «прямых линиях», подборках писем, вопросах читателей). Активность А. в монологических текстах ниже, но всё же велика. Здесь его позиция передаётся в виде моделируемого читательского высказывания, формирующего так называемые микродиалоги. Более того, читатель нередко становится предметом изображения в публицистическом тексте. Автор, вводя реплики читателя в текст, передаёт его предполагаемую смысловую позицию.

В-третьих, влияние аудитории на информационный процесс проявляется и в том, что в речевой общественной практике разработан ряд весьма разнообразных тактик учёта особенностей предполагаемого А., для того чтобы усвоение предлагаемой журналистом информации (выработка оценки, отношения, запоминание, актуализация) происходило под его воздействием. В целях эффективности коммуникации воздействие осуществляется так, как будто предупреждается возможное «сопротивление», идущее со стороны гипотетического читателя. Тем самым автор, стремясь быть понятым, отвечает на предполагаемые возражения, недопонимание моделируемого А. и т.п. Вот почему преодолеть гипотетическое «сопротивление» в текстах СМИ помогают открытое выражение собственной позиции, социальная оценочность, побудительность, аргументированность, полемичность, доступность изложения, позволяющие сделать журналистское выступление прагматически адекватным.

Важно учесть, что непонимание, несогласие и прочие моделируемые проявления «сопротивления» А. чрезвычайно разнообразны, потому что автор ориентируется на массовую аудиторию, а значит, на весьма многогранное общественное мнение. Не случайно теоретики журналистики сущностной чертой публицистики считают полемичность, проявляющуюся в особом взаимодействии авторской и читательской позиций – «противостоянии», преодолении возможных моментов «сопротивления» читателя. Более того, воздействие в СМИ рассматривается как предупреждение возможного «сопротивления» воздействию.

Ориентация на адресатную смысловую позицию включается в творческий процесс как целевая установка субъекта речи, а в речевой структуре публикаций прямо или косвенно отражаются представления автора об А. Позиция А. проявляется прямо:

1) как стимулирующее активное побудительное и вопросительное взаимодействие с ним, как прямое обращение к А. с помощью местоимений и глаголов второго лица: *Но, согласитесь, если один и тот же товар можно продать дважды, кто сказал, что его нельзя продать трижды?* (НГ. 11–13.08.03) *...Представьте себе на минуточку, что произошло бы в стране, выйди в свет Указ «О сокращении бюджетников и об уменьшении им зарплаты»?* (АиФ. 13–21.01.1998) или местоимений и глаголов первого лица мн. числа: *Согласимся, что уже на уровне обыденного сознания кровопролитие – не женское дело: вспомним хотя бы дебаты по поводу возможности женской службы в армии* (НезГ. 08.08.2003); *Но, может, вспомним всех бросивших и забывших своих детей ... Вспомним и другую статистику – разводов, и ту жестокость, с которой расстаются люди...* (Изв. 02.02.93);

2) как отражение в тексте гипотетической позиции читателя, в случае появления смоделированных с помощью средств передачи чужой речи микродиалогов «автор – читатель»: *Старик Зигги... очень хорошо описал психологические последствия подписания в Харькове украинско-российских соглашений... Вдумчивый читатель может возразить: Фрейд давно мёртв, поэтому он никак не мог комментировать визит Дмитрия Медведева в бывшую вторую столицу Украины. А мы ответим: да, мёртв. Но дело его живёт! И, как выяснилось, здорово помогает точно диагностировать клинические процессы, происходящие в довольно запущенном «организме» блока имени Юлии Владимировны* (Newsland // www.newsland.ru/news/detail/id/494836/).

Возможно и косвенное выражение позиции адресата, которое проявляется: в фиксации его воображаемого присутствия: *У многих читателей вызовет интерес поправка в статью 98, которая разрешает работать по совместительству в том же самом учреждении, но за пределами установленной продолжительности рабочего дня* (Труд. 19.08.2003) – в примере побуждение к когнитивной активности представлено моделированием предполагаемой активности читателя;

3) в экспрессивности – полемичности, оценочности, акцентности, сигнализирующих о предназначенности речи определённому адресату: *Анекдоты насчёт белорусского менталитета помнят все ещё с перестроечных времен. Про кнопки, подложенные на кресла депутатов Верховного Совета СССР: все в знак протеста покинули парламент, а белорус поерзал-поерзал – да и остался. Или вот такое психологическое наблюдение: белорусы, мол, способны выйти на улицу, только если в стране начнётся голод, а голода не будет никогда, поскольку запасы картошки в Белоруссии безграничны. Это всё чушь собачья. Белорусы – протестный народ. В XIX веке восстания в Белоруссии вспыхивали каждые 30 лет – как только выросло новое поколение мужчин. И партизанское подполье во время Отечественной войны самым сильным было в Белоруссии. Так что пусть подвинутся на краешек те, кто считает, что к нам можно прикасаться лишь носком сапога или ментовской дубинкой. Дубинка – дура. И те, кто считает белорусский народ мямлями, – тоже дураки* (НГ. 15.04.2003);

4) в разговорности, выдающей речевую ориентацию на «своего читателя»: *Счастья полные сандалики: В Лондоне, в аукционном доме Сотбис, состоялись «русские торги»:... Сбылось наконец! Триумф! Русское искусство заняло достойное место на пиру жизни* (НезГ. 23–24.05.2003).

Лит.: Амвросова С.В. Языковые средства полифонии в художественном тексте (на материале английских романов XX века): КД. М., 1984; Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. № 4; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Дускаева Л.Р. Диалогичность как функциональная семантико-стилистическая категория // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. в 3-х тт. Т. 2. Пермь, 1998; Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004; Дускаева Л.Р. Концепция адресата газетных речевых жанров // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2004. № 1; Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистика официально-деловой речи. М., 2010; Каминская Т.Л. Адресат в массовой коммуникации. В. Новгород, 2008; Карпенко Е.П. Внутренний диалог в лирической поэзии XX века: КД. М., 1991; Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986; Красавцева Н.А. Выражение диалогичности в письменной научной речи (на материале английского языка): КД. Пермь, 1987; Мишланов В.А., Салимовский В.А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник ПГУ. Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (12). 2010; Полонский А.В. Категориальная и функциональная сущность адресатности: ДД. Орёл, 2000; Шмелёва Т.В. Диалогичность модуса // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 5.

АДРЕСАЦИЯ РЕЧИ – это учёт говорящим уровня культуры, знаний, интересов, социального статуса и других качеств адресата (собеседника), умение вовлечь его в процесс общения, достичь определённого (а в подготовленной речи заранее запланированного) уровня воздействия на Адресата (см.). Адресат при этом (даже в монологической речи) становится существенно значимым участником общения. От понимания со стороны адресата во многом зависит эффективность и успешность речевого взаимодействия. Таким образом, А.р. (ориентированность речи на адресата), заботу о нём следует признать важной характеристикой эффективного гармоничного общения (см. Интимизация повествования).

Средства А.р. многообразны. Задача говорящего – отобрать наиболее целесообразные в конкретной речевой ситуации. Они должны помочь говорящему реализовать его замысел, наиболее полно отразить авторскую позицию и максимально активизировать внимание, мыслительную деятельность, а иногда и чувства собеседника. Выбор тех или иных средств во многом зависит от формы речи, её стилевой и жанровой принадлежности.

Основными средствами А.р. являются обращения, мы- и вы- высказывания, императивные речевые акты, риторические вопросы и восклицания, вопросно-ответные единства, которые используются и в монологической речи, где являются средствами имитации естественного диалога и др. Эти средства широко используются и в художественной, и в публицистической речи, и в повседневном общении.

Говорящий/автор может подчеркнуть общность интересов с помощью местоимения *мы*. Тем самым он демонстрирует, что собеседник/читатель является его партнёром, единомышленником, «своим», разделяющим его взгляды: *Кто мы, каким идеям служим и во имя какого будущего расстаёмся с прошлым?; Нас такими обещаниями кормят уже лет двадцать; Мы начинаем учиться на ошибках прошлого, не повторять их.*

Проявлением заботы об адресате является вовлечение его в диалог с говорящим/автором даже в монологическом тексте. Фактически имитируя диалог, он акцентирует интерес к адресату: *С чего начать нам? С законов? Кажется, рановато.* При этом используются самые разнообразные конструкции согласия/несогласия. Речевой этикет требует выражения этих смыслов достаточно корректно, мягко. Слишком категоричное, безапелляционное несогласие может оттолкнуть собеседника/читателя и привести к коммуникативной неудаче. Эффективнее использовать средства так называемого «возражения под видом согласия» (А.Д. Шмелёв). Это показатель стремления к сотрудничеству, к поискам точек соприкосновения во взглядах: *Да, Россия движется к западному образу жизни и ценностям, но движется «задом наперёд», согреваясь проклятиями в адрес Запада* (РГ. 31.05.2005).

Средством А.р. являются и многочисленные вопросы, обращённые автором к читателю. Они могут быть эмоционально-оценочными, усиливающими эффект воздействия на адресата/читателя, подчеркивающими общность взглядов на обсуждаемую проблему: *У нас есть сегодня даровитые деятели крупного калибра в рядах правых? А левых? А среди губернаторов? А среди промышленников и предпринимателей? Вот такое у нас положение на кадровом фронте* (ЛГ. 2001. № 6).

В письменной речи начинать диалогическое единство могут вопросы-размышления, как будто обращённые автором к самому себе, а на самом деле направленные на активизацию аналитической деятельности читателя. Автор фактически предлагает адресату поразмышлять вместе с ним над обсуждаемой проблемой: *Чем в трудное для народа время озабочена власть? Бесконечными реформами; Какими делами заслужили они высокие посты? (ЛГ. 2004. № 34); Допустим, что напишут про суды. Сделают закон юридически чистым. Проголосуют. Но вот как будет работать?* (Изв. 09.09.2004).

Особую роль в адресации играют Риторические вопросы (см.). Они, с одной стороны, используются говорящим/автором для придания своим аргументам большей убеждающей силы, для более эффективного воздействия на собеседника, с другой – вовлекают его в обсуждение какой-л. проблемы, заставляя и его задуматься вместе с автором: *Он что, царь, чтоб устраивать свадьбу в государственном заповеднике?* (МК. 08.05.2004); *Да как мы можем «безнадёжно отстать», если у нас кадры, которые нарахват в ведущих западных лабораториях?* (ЛГ. 2001. № 39).

Одним из средств А.р. являются конструкции, которые облегчают понимание сообщения, ориентируют читателя, объясняют движение мысли говорящего/автора, логический ход его рассужде-

ний. Именно они помогают собеседнику/читателю выделить, обратить внимание на наиболее важные суждения: *Сейчас я расскажу, как это всё происходило, чтобы вам стала ясна моя позиция.* Иногда говорящий/автор прибегает к прямым призывам к адресату, с помощью которых актуализирует его внимание, апеллируя к интеллектуальной или эмоциональной «общности» с ним: *Кто в этом смысле может предложить на Украине кого-то лучше Юлии Тимошенко? Назовите имена! Вот видите, самим смешно* (РГ. 29.09.2005); Конструкции, указывающие на логическую последовательность мыслей говорящего, позволяют собеседнику следить за ходом его рассуждений, помогая лучше понять его позицию, акцентируют внимание адресата на теме сообщения, называя её. Говорящий также заявляет о своём коммуникативном намерении, которое становится понятным, очевидным для адресата: *во-первых, во-вторых, наконец, итак, с одной стороны, с другой стороны, кстати, кстати говоря, между прочим* и под.

В речевом общении говорящий использует и такие разнообразные средства демонстрации партнёрства с адресатом, как призывы к умственной и эмоциональной солидарности, к активизации внимания: *знаете, понимаете, подумайте, согласитесь, представьте, вообразите, можете себе представить, поймите, поверьте мне, заметьте, послушайте.*

В научной речи, особенно в её письменной разновидности, ведущую роль в А.р. играют различные способы введения чужой речи (цитация, ссылки, сноски), усиливающие доказательность сообщения; таблицы, схемы, иллюстрации и другие средства, помогающие адресату понять суть сообщаемого: *См. табл. 3; Как уже было сказано выше; Более подробно читайте об этом в [Русская грамматика 1980].*

Несколько иначе свойство обязательной А.р. представлено в деловой речи. Фактор адресата и здесь должен постоянно учитываться: хорошая деловая бумага или документ должны быть максимально понятны и удобны адресату, должны содержать перечень вопросов и рубрик, на которые может однозначно и самостоятельно ответить рядовой адресат.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. М., Т. 40. № 4. 1981; Кожина М.Н. Диалогичность письменной научной речи. Пермь, 1986; Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996; Федосюк М.Ю. Об основной тенденции развития стилей русской речи в XX веке // Речеведение. В. Новгород, 2000; Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998; Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001.

М.А. Кормилицына

АКАДЕМИЧЕСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ – раздел Частной риторики (см.), в котором изучаются теория и практика образцовой лекторской речи в высшей школе. А.к. начало складываться в России с появлением первого университета и академической научной школы. Его основателем по праву можно считать М.В. Ломоносова, написавшего о «публичных речах» в академическом собрании в своём «Кратком руководстве к красноречию». О публичном красноречии самого Ломоносова вспоминает Н.И. Новиков: «Слог Ломоносова был великолепен, чист, твёрд, громок и приятен, нрав он имел весёлый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять весёлые шутки». Д.И. Фонвизин также отмечал «великое его красноречие». Традиции А.к. развиваются в университетском образовании России и фиксируются в воспоминаниях о лекциях и творческих биографиях выдающихся учёных, описание личностей которых, как правило, включает описание характера их речи. Такие воспоминания имеются о многих заслуживающих внимания учёных-педагогах. Так, А.И. Герцен вспоминает о Т.М. Грановском: «Господин Грановский читает довольно тихо, орган его беден, но как богато искупается этот физический недостаток прекрасным языком, огнём, связующим речь, полнотою мысли и полнотою любви, которые очевидны не только в словах, но и в самой благородной наружности доцента!... Главный характер чтений Грановского: чрезвычайно развитая человечность, сочувствие, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтическому, – сочувствие, готовое на всё отозваться; любовь широкая и всеобъемлющая, любовь к возникающему, которое он радостно приветствует, и любовь к умирающему, которое он хоронит со слезами» (цит. по кн. [Этюды 1974: 11–12]).

Подобные выразительные воспоминания, ярко рисующие образы ораторов русского А.к., находим в мемуарах студентов и преподавателей русской высшей школы во все периоды её существования – и это первый основной источник для складывающейся теории русского А.к. Такие материалы имеются о филологах И.И. Срезневском, Ф.И. Буслаеве, историках С.С. Соловьёве, В.О. Ключевском; в XX в. находим воспоминания о филологах-академиках А.А. Шахматове, Л.В. Щербе, В.В. Виноградове [Русское и славянское языкознание 1980]. В сущности, каждая научная школа в любой области

знания так или иначе описывает и характеризует речь своих лидеров, выдающихся представителей, давая характеристику личности учёного и его речи.

Вторым источником по праву должны считаться сами речи профессоров и преподавателей русской высшей школы. Первым таким изданием стали «Речи профессоров Московского университета», опубликованные С.П. Шевырёвым. Публикации лекций свидетельствуют обычно не только о составе знаний или теоретических научных сведениях, которые излагает учёный, но также показывают читателю индивидуальный стиль научного изложения, которым обладает, как правило, любой выдающийся представитель науки в своей области. Кстати, лекции выдающихся учёных обычно стенографически записывались, а затем издавались – таким образом для потомства сохранились многие выдающиеся произведения научной лекторской словесности, напр., «Чтения о словесности» профессора И.И. Давыдова 1837 года в 4-х тт., лекции Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Потебни.

В настоящее время А.к. может рассматриваться как один из видов или жанров педагогического общения, включающий также особенности диалогового общения со слушателями. Речь лектора теперь нередко сопровождается использованием технических средств, но это никак не отменяет потребности в сохранении лучших традиций русского А.к., которое всегда состояло в передаче подлинного научного знания в привлекательной для аудитории устно-речевой форме.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Учебная риторика // Риторика. Вводный курс. М., 2008; **Ломоносов М.В.** Краткое руководство к красноречию. ПСС. Т. VII. М., 1952; **Русское и славянское языкознание в России середины XVIII–XIX вв.** Л., 1980; **Чихачёв В.П.** Лекторское красноречие русских учёных XIX века. М., 1987; **Этюды о лекторах.** М., 1974.

В.И. Аннушкин

АККУМУЛЯЦИЯ (от лат. *akkumulāre* – ‘нагромождать, собирать’) – стилистический приём множественного перечисления, нагнетания членов, частей предложения и – реже – целых предложений, обозначающих какие-л. части, детали, признаки, действия или другие аспекты некоего сложного целого с целью его объёмной характеристики. Напр.: *В самом деле, американские свадьбы, роды, похороны, трудовые будни, совокупления, воскресные мессы, споры о том, кто был лучшим президентом США, и представляют собой парад, идущий под звуки уличного оркестра. <...> Впереди – полицейские на юношеских велосипедах. За ними – старинные автомобили с намёком, что в Америке есть история. За ними – девочки-акробатки возраста моей Лорочки, обещающие Америке будущее. Дальше – бесконечная, строго организованная вакханалия. Она состоит из членов яблочного фестиваля, местных каратистов, работников химчистки *Bluff Country*, автомехаников, почтальонов, медсестёр. В неё вливаются заслуженные польские американки, искусственная чёрно-белая корова, команда пенсионеров на роликах, конгрессмен, клоуны, масоны, монахини с голыми пятками, национальная гвардия из империалистического комикса, воспитанники средних школ, боящиеся сделать неверный шаг и потому идущие вперед с выпученными глазами. Парад завершают холёные бездомные собаки с табличками, где и как их нашли.* (Виктор Ерофеев). А. здесь выполняет описательно-изобразительную функцию.

Изобразительный аспект этой функции может доминировать в конструкциях, избоблюющих словами с конкретным (предметным, вещественным) значением, напр., эпитетами: *Как зима беспредельна! У льда одного сколько ликов! Кувыркающихся, составляющихся из бликов... С убегающим взглядом, вертящихся, как на шарнирах, акварельных, игрушечных, радужных, линзообразных... Сколько ликов и видов! То сыростью нежных и сырых, то по-царски алмазных, то нищенски-бедных и грязных... Сколько ликов у льда! Он бывает пушистым, облегчённым, серым, сетчатым, перистым, мокрым, весенним, сечёным, чёрным, пильчатым, ржавым, дыханьем тепла омрачённым, мутным, грозным, слепым... С чем-то красным, внутри запечённым...* (Н. Матвеева).

Изобразительность уступает место характеризующему началу, если в аккумулятивном перечислении преобладает лексика абстрактного или, во всяком случае, непредметного типа: *Век девятнадцатый, железный, / Воистину жестокий век! / Тобою в мрак ночной, беззвездный / Беспечный брошен человек! / В ночь умозрительных понятий, / Матерьялистских малых дел, / Бессильных жалоб и проклятий, / Бескровных душ и слабых тел! / С тобой пришли чуме на смену / Неврастения, скука, сплин, / Век расшибанья лбов о стену / Экономических доктрин, / Конгрессов, банков, федераций, / Застольных спичей, красных слов, / Век акций, рент и облигаций, / И малодейственных умов, / И дарований половинных / (Так справедливей – пополам!) / Век не салонов, а гостиных, / Не Рекамье,*

– а просто дам... / Век буржуазного богатства / (Растущего незримо зла!). / Под знаком равенства и братства / Здесь зрели тёмные дела... (А. Блок).

Подбор лексики с определённого рода эмоционально-оценочными коннотациями в сочетании со специфическими усилительными приёмами (такими, как повторы разного рода, изоколон, анафора, эпифора, антитеза, инструментовка и др.) даёт возможность использовать А. для выражения эмоционального состояния: – *Где село?! – закричал доктор с ненавистью к метели, кладбищу, к дураку и ротозею Перхуше, невесть куда захавшему, к своим мокрым, мёрзнущим в сапогах пальцам ног, к тяжёлому, облепленному снегом пихору, к дурацкому самокату с дурацкой расписной спинкой и дурацкими карликовыми лошадью в дурацком фанерном капоре, к проклятой эпидемии, занесённой в Россию какими-то сволочами из далёкой, богом забытой и ни одному русскому человеку к чертям собачьим не нужной Боливии, к учёному-проходимцу и резонёру Зильберштейну, выехавшему на почтовых и не подумавшему о коллеге, докторе Гарине, а озабоченному только своей карьерой, к этой бесконечной дороге, окружённой сонными сугробами, со зловецю струящейся поверху змей-позёмкой, к этому беспросветному серому небу, худому, как решето, глупой лыбящейся маслянно-роже, лужгающей семечки на завалинке бабы, небу, беспрестанно и непрерывно сеющему, сеющему и сеющему эти проклятые снежные хлопья* (В. Сорокин); создания комического эффекта: *У нас с Анатолием Алексеевичем Трушкиным очень много общего (как известно, любое приветствие юбиляру – это лишь повод поговорить о себе самом). Трушкин сначала работал инженером, и я работал. Трушкин потом учился на писателя, и я учился. Трушкин писал для «Кабачка 13 стульев», и я писал. Трушкин выступал в телепрограмме «Вокруг смеха», и я выступал. Трушкин стал лауреатом премии «Золотой теленок» «Литературной газеты», и я стал. Трушкин объездил с выступлениями всю страну, и я объездил. Трушкин удостоен персонального тома в «Антологии сатиры и юмора России XX века», и я удостоен. Трушкин много лет живет с одной женой, и я очень много. Трушкину стукнуло семьдесят лет, и мне ещё раньше стукнуло. Ну вот поговорил о себе, теперь надо хоть немного поговорить и о юбиляре* (А. Инин) и т.д.

А. используется преимущественно в художественной речи (прозе и поэзии), реже – в публицистике.

Лит.: Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

АКРОМОНОГРАММА. См. АНАДИПЛОЗИС

АКРОТЕ́ЗА. См. АНТИТЕ́ЗА

АКРОФОНИ́ЧЕСКАЯ ПЕРЕСТАНО́ВКА. См. КОНТРАПЕТРИ́Я

АКТУА́ЛЬНОЕ ЧЛЕНЕ́НИЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ, или **КОММУНИКАТИ́ВНО-СМЫСЛОВО́Е (СМЫСЛОВОЕ, КОММУНИКАТИВНОЕ) ЧЛЕНЕ́НИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ,** или **ФУНКЦИОНА́ЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИ́ВА ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ,** – механизм, обеспечивающий понимание адресатом содержащейся в целом тексте (и, в принципе, в каждом предложении) информации благодаря её членению в соответствии с замыслом автора на уже известную (из предшествующего контекста, из опыта, знания мира) и новую. Движение от известного к новому – универсальный принцип мышления, познания и обучения. Информация, содержащаяся в конкретном предложении, воспринимается на фоне предыдущей информации и подготавливает восприятие последующей. Вместе с тем это и один из действенных механизмов преобразования единицы языка – предложения, при сохранении формальной идентичности, в единицу речи – Высказывание (см.), а простой совокупности предложений – в текст.

Традиционное членение предложения – формально-грамматическое, или синтаксическое (на главные и второстепенные члены предложения). Второе, актуальное, активно разрабатывалось с 50–60 гг. XX в. Термин «актуальное членение предложения» ввёл чешский лингвист В. Матезиус; он и считается основоположником этой теории. Другие названия этой категории одни исследователи используют как синонимичные, другие указывают на их различия. С точки зрения коммуникативной

роли различают, как правило, два компонента А.ч.: **тему** (данное, исходную часть высказывания) и **рему** (новое). Другие термины: **топик** и **комментарий/фокус**; **фон** и **фигура**.

Рема – коммуникативный центр высказывания, то, что в данном контексте или в данной ситуации говорящий/пишущий представляет в качестве основной части сообщения: *Слово – серебро, молчание – золото*. В высказывании, представленном вопросно-ответным диалогическим единством, вопросительное слово открывает «вакансию» на семантическую позицию места, времени, причины и т.п. в качестве ремы; лакуна заполняется в ответной реплике: – *Когда собрание будет? – Завтра*.

Важным моментом в развитии категории А.ч. стало представление о том, что предложение в коммуникативном плане членится на две синтагмы (группы) – тематическую и рематическую; каждая имеет ядро, или доминанту. Существуют фонетические, грамматические, лексические средства актуализации (выдвижения) коммуникативных центров. Универсальное средство в устной речи – интонация, логическое ударение, а в письменной речи – порядок слов. Для спокойной, эмоционально нейтральной речи характерен «объективный» порядок: тема – рема, а для эмоциональной – «субъективный», или «эмфатический»: рема – тема. Ср.: *Пациент жив и Жив пациент!* Рему выделяют частицы и сочинительные союзы: *только, лишь, даже, даже не, именно, как раз, ведь, же, также, и*. Слово любой части речи может быть и темой, и ремой. В обиходно-разговорной речи коммуникативно-информативным центром может стать даже служебное слово или морфема: – *Это был звонок «с» или «на» урок? – «С»*. Сказуемое и обстоятельство образа действия, как правило, входят в состав ремы.

Характер рематической доминанты зависит от речевого жанра текста, композиционно-речевой формы (повествование – описание – рассуждение), типа высказывания/текста и выполняет текстоорганизующую функцию. Так, для текстовых фрагментов повествования (сообщения), передающих событие в его временном развитии, в качестве рематического ядра характерны полнозначные глаголы действия: *...Похоронил я в чужой, немецкой земле последнюю свою радость и надежду, ударила батарея моего сына, провожая своего командира в далёкий путь... Приехал я в свою часть сам не свой. Но тут меня вскорости демобилизовали. Куда идти? Вспомнил, что в Урюпинске живёт мой дружок, <...>, вспомнил и поехал в Урюпинск* (М. Шолохов).

В описательных фрагментах доминируют ремы, выраженные существительными, прилагательными, наречиями, глаголами с семантикой качества, признаковости: *На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком – его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом – его сын* (А. Чехов).

В динамическом описании характеристика лиц, предметов даётся в смене их состояний: *Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искрилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбил, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт и застегнул все пуговицы своего мундира...* (А. Чехов).

Чешский лингвист Ф. Данеш вычленил (1974 г.) 5 основных моделей организации тематической структуры в сверхфразовом единстве: **модели тематической прогрессии**. Тематическая прогрессия – движение через текст компонентов А.ч., при котором темы скрепляют текст, а ремы передают новую информацию. Наиболее простая модель – схема **простой линейной прогрессии**, когда рема предшествующего предложения становится темой последующего.

Объявление в газете: *Сегодня и завтра в помещении...библиотеки (Т₁) пройдёт конференция (Р₁) по проблемам становления гражданского общества в России... На конференции (Т₂) выступят специалисты... (Р₂). В числе других будет обсуждаться (Т₃) вопрос создания общественной палаты Красноярского края (Р₃)*. Вторая модель – **прогрессия со сквозной, постоянной темой** (в каждом новом предложении она «обрастает» новой ремой), третья – с **гипертемой**: тема сквозная, но распадается на подтемы; каждая подтема приобретает свою рему. Это имеет место при описании какой-л. реалии, напр., обстановки квартиры, пейзажа, внешности человека и пр.: *Едет Аника через поле, / Навстречу Анике едет чудо: / Голова у него человеческа, / Волосы у чуда до пояса, / Туловище у чуда звериное, / А ноги у чуда лошадиные*. (А. Афанасьев).

Категория А.ч., точнее, функциональной перспективы, или тематической прогрессии, – одно из важнейших средств реализации связности текста. Переход к новой модели тематической прогрессии – показатель границы смыслового фрагмента текста: сверхфразового единства (сложного синтаксиче-

ского целого), тематического блока. Умение правильно строить тема-рематические цепочки формирует культуру связной речи, является частью культуры общения.

Лит.: **Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.** Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник. Практикум. М., 2003; **Всеволодова М.В., Панков Ф.И.** К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008. № 6, 2009. № 1; **Золотова Г.А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; **Ковтунова И.И.** Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; **Кронгауз М.А.** Семантика. М., 2001; **Распопов И.П.** Актуальное членение предложения. Уфа, 1961; **Селивёрстова О.Н., Прозорова Л.А.** Коммуникативная перспектива высказывания // Теория функциональной грамматики. СПб., 1992; **Энциклопедический словарь юного лингвиста.** М., 2006.

А.А. Бернацкая

АКЦЕНТНАЯ НОРМА, или **НОРМА УДАРЕНИЯ**, – одна из самых главных проблем культуры русской речи, поскольку русское ударение не является фиксированным, как в некоторых других языках: во французском – на последнем слоге, в польском – на предпоследнем слоге. Русское ударение разноместное и подвижное. Ударение может падать на любой слог слова: на первый – *ива*, на второй – *игра́*, на третий – *молоко́*, на четвёртый – *переворо́т* и др. Ударение может перемещаться с одного слога на другой при изменении (склонении или спряжении) одного и того же слова: *во́ды, вода́; нача́ть, начал, начала́; приня́ть, принял, приняли* и др. При этом большая часть слов русского языка (около 96 %) имеет подвижное ударение. Многосложные слова имеют слабое (побочное) ударение: *чёрносмородиновый́, водонепроницае́мый, красно́московская́* и др.

В результате исторической изменчивости произносительных норм, разноместности и подвижности русского ударения некоторые слова имеют акцентные варианты, один из которых рассматривается словарями как нормативный, а другой – с пометами *разг., доп., прост., арх., неправ.* и др. Напр.: **поло́жил, докуме́нт* – неправильно; *положи́л, докуме́нт* – правильно; *догово́р* и *до́говор* (разг.). В некоторых случаях акцентные варианты даются как равноправные: *индеветь* и *индеве́ть, йогу́рт* и *йогу́рт*.

Многие односложные имена существительные м. рода в косвенных падежах ед. числа имеют ударение только на окончании: *зонт – зонта́, клык – клыка́, пло́д – плода́, штри́х – штриха́*. С ударением на окончании же произносятся имена существительные ж. рода с предлогами *в* и *на*: *в но́чи, на печи́, в связы́, в сети́, в степи́, в чести́*. В вин. падеже ед. числа существительные ж. рода меняют ударение: *гора́ – гору́, зима́ – зиму́, стена́ – стену́, це́на – цену́* и др. Иногда предлоги (чаще всего – *на, за, под, по, из, без*) составляют со следующим за ним существительным или числительным одно фонетическое слово: *на́ воду, на́ руку, на́ голову, на́ пять; за́ город, за́ ухо, за́ три; по́д руки; по́ лесу, по́ трое; из́ лесу, из́ виду; без́ вести, без́ году*.

Немалую трудность представляют в акцентологическом плане формы рода и мн. числа кратких прилагательных. Приводим формы с правильным ударением: *бли́зок, близка́, близки́; вёсел, весела́, весело, веселы́; голо́ден, голодна́, голодны́; горек, горька́, горько, горьки́; дешев, дешева́, дешево, дешевы́; прав, права́, право, правы́*.

Трудности с ударением наблюдаются в формах рода и числа кратких страдательных причастий. У многих страдательных причастий прошедшего времени ударение стоит на основе, кроме формы ед. числа ж. рода, в которой оно переносится на окончание: *продан – продана́ – продано – проданы́; про́жит – прожита́ – про́жито – про́житы; роздан – роздана́ – роздано – розданы́; приня́т – принята́ – приня́то – приня́ты*. Но от причастий на *-бранный, -данный, -званный* форма женского рода имеет ударение на основе: *за́брана, на́брана, изб́рана, при́брана, со́брана, ото́брана; за́драна, обо́драна, разо́драна, со́драна, ото́драна; за́звана, обо́звана, ото́звана*.

Некоторые слова с архаическим ударением входят в устойчивые сочетания или фразеологические обороты, и этим продляют свою жизнь в языке: *братъ грех на́ душу, но на́ ду́шу населения́* и др. Существует несколько основных причин появления акцентных вариантов:

1) закон аналогии, когда большая группа слов с определённым типом ударения влияет на меньшую аналогичного строения группу. В слове *мышле́ние* ударение перешло с корня на суффикс *-ени-* по аналогии со словами *биение, вожде́ние* и др. В таких словах, как *упро́чение, обеспече́ние, намере́ние*, ударение, напротив, падает на корневую гласную;

2) ложная аналогия. Слова *газопровод*, *мусоропровод*, *нефтепровод* по ложной аналогии со словом *провод* неправильно произносят с ударением на предпоследнем слоге: **газопровод*, *мусоропровод*, *нефтепровод*;

3) грамматикализация ударения, его способность различать формы слов: разграничение форм изъявительного и повелительного наклонения: *принудите* и *принудите*; *пригубите* и *пригубите*;

4) профессиональное произношение: *комнас* (во флоте), *добыча* (у шахтёров), *прикус*, *алкоголь* (в медицине) и др.;

5) литературное и народнопоэтическое: *девица* – *девица*; *шёлковый* – *шелковый*;

6) тенденции в развитии ударения. Двухсложные и трёхсложные имена существительные м. рода испытывают тенденцию к смене акцента с последнего слога на предшествующий (регрессивное ударение): вместо прежних *призра́к*, *деспо́т*, *симво́л*, *жемчу́г*, *эпигра́ф* современные *призра́к*, *деспо́т*, *симво́л*, *жемчу́г*, *эпигра́ф* и др. В других словах процесс смены акцента продолжается и проявляется в наличии вариантов.

Лит.: Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003; Голованова Д.А., Михайлова Е.В. Русский язык и культура речи. Краткий курс. М., 2008; Куликова Э. Норма ударения и смещение акцентов в русском языке // RELGA: Научно-культурологический журнал. 2000. № 2; Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. М., 2010; Соловьёв Н.В. Словарь правильной русской речи: Ок. 85 000 слов: Более 400 коммент. М., 2004.

Т.М. Григорьева

АКЦЕНТНЫЕ ОШИБКИ – нарушения норм ударения. Русское ударение свободное, или разноместное, что делает А.о. обусловленными системой языка. А.о. – следствие этой свободы, но системная свобода ограничена нормами культуры речи.

Во многих случаях русское ударение подвижно, т.е. в разных морфологических формах слова оно может падать на разные слоги. Это вызывает сомнения носителей языка такого рода: *де́ньгами* или *деньга́ми*, *о деньга́х* или *о де́ньгах*, *за бо́ртом* или *за борто́м*, *о́тняли* или *отняли́*, *в дере́внях* или *в деревня́х* (примеры взяты из фонда радиопередачи «Служба русского языка»).

Кроме того, А.о. появляются и по ряду экстралингвистических причин, связанных с такими характеристиками говорящего, как профессия, возраст, место рождения и проживания. Появление А.о. предупреждается владением нормами литературного языка, тесно связанным с общим уровнем культуры.

Профессиональные акцентные варианты не являются литературными. Они существуют в разных сферах, но наиболее известны особенности речи врачей и юристов. У врачей – это *инсу́льт* (вместо *инсульта́*), *флюорогра́фия* (вместо *флюорография́*), *боле́й* (вместо *болея́*), *плода́* (вместо *плода́*) и др., у юристов – *возбу́ждено* (вместо *возбуждено́*), *осу́ждены* (вместо *осуждены́*). Некоторые из них, к сожалению, становятся профессиональной «нормой»: уже упомянутые *осу́жден*, *возбу́ждено*, а также *ко́клюш*, *диспа́нсер* и т.д. Но следует помнить, что по-настоящему образованный человек, к какой бы профессии он ни принадлежал, должен соблюдать нормы литературного языка. Наиболее культурные врачи и юристы так и поступают.

Ошибки могут быть обусловлены изменением норм, образующих старые и новые варианты: *мы́шление* и *мышле́ние*, *варя́т* и *ва́рят*, *фо́льга* и *фольга́*, *йогу́рт* и *йогурт*, *музы́ка* и *музыка́*. Иногда это связано с освоением заимствованных слов: упомянутые *музы́ка* и *йогу́рт* (*музы́ка* – первоначально из польского, а *йогу́рт* из турецкого языка), *мизе́рный* – слово, образованное от *мизер*, которое пришло из французского языка (*misere* – ‘бедность, нужда’), *ма́ркетинг*, пришедшее из английского.

Влияет и общая тенденция переноса ударения в массовом сознании во многих двусложных словах на первый слог: *звони́т* – *звонит*, *включи́т* – *включит*, *нача́ть* – *начать*, *твори́т* – *творит*, *баржа́* – *баржа*. Некоторые из них стали нормативно равнозначными, напр., *поя́т* и *поят*. Многие до сих пор остаются ошибочными: *звони́т*, *включи́т*, *нача́ть*, *столя́р*, *кварта́л*. Формирует ошибки и аналогия: в слове *форза́ц* происходит перенос ударения на второй слог по аналогии с *абза́ц*, а *ката́лог* произносится, как *аналог*.

Возникают ошибки при игнорировании различий между словами, имеющими ударение на разных слогах: *атла́с* и *атлас*, *ледни́к* и *ледник*. Иногда у акцентных вариантов развивается разное значение: нормативное *догово́р* сохраняется как обязательное для соглашения между государствами; допустимое уже *догово́р* применимо при соглашениях между мелкими фирмами, предприятиями, гражд-

данами. В некоторых случаях наблюдаются ошибочные попытки смыслового размежевания слов с помощью места ударения, как, напр., *квартал* и *квартал* (время и пространство).

В языке действует тенденция к появлению ударного окончания *-а(-я)* у слов мужского рода в родительном падеже: давно нормативное *профессора, тополя* (не *профессоры, тополи*); допустимые *редактора, бухгалтера, тенора*, теперь уже единственно возможное *дома* и недопустимые *инженера, офицера, вызова*. Пересечение акцентных и грамматических норм наблюдается и в косвенных падежах.

Бывают А.о. грубые и негрубые. Негрубые А.о., обычно обусловленные развитием языка, бывают настолько частотными, что становятся узуальной нормой (см. Узус): *обеспече́ние, гене́зис, догма́т, ба́ловать, ра́звитый*. Характерно следующее суждение: *Сли́вовый – сливо́вый (уж не знаю, как правильно)* (Ю. Высоцкая. НТВ. Едим вместе).

Широкое распространение узуальной нормы сейчас в основном связывается с влиянием разговорной речи. Но предпочтение узуального варианта кодифицированному, особенно в официальном общении, может быть также квалифицировано как негрубая ошибка, хотя имеющая возможность в будущем стать допустимым вариантом. Соблюдение традиционной нормы ударения в подобных случаях – это, как правило, знак высокой речевой культуры. О принадлежности к этой культуре говорит и знакомство её носителя с редкими словами (знание их значения и места ударения в них), напр.: *мит[э]нки – ‘перчатки без пальцев’, артику́л* в значении ‘оружейный приём’.

Грубые ошибки (*средства, бла́га, краси́вее, све́кла, торты́ и торта́*) являются маркерами низкой, просторечной речевой культуры, поэтому их особенно следует избегать.

Хотя русское ударение трудно поддаётся систематизации и акцентологические нормы наиболее подвижны и изменчивы в современном русском языке, избежать акцентных ошибок помогает знание норм ударения частотных слов и использование основных правил постановки ударения в разных частях речи. Во многих случаях определить место ударения могут помочь и сведения о происхождении слова: так, ударение на последнем слоге в словах *диспансе́р, жалюзи́, парте́р, апо́стрóf, коклю́ш* объясняется тем, что они заимствованы из французского языка. Другим надёжным способом избежать А.о. является привычка в случае затруднения обращаться к Орфоэпическим словарям (см.) и словарям, отражающим нормы ударения (см. Акцентологические словари), что, в свою очередь, способствует запоминанию произношения вызвавших сомнение слов.

Лит.: Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений русского языка. М., 2000; Зарва М.В. Русское словесное ударение. Словарь. М., 2001; Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1997; Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. М., 2008; Федянина Н.А. Ударение в современном русском языке. М., 1982.

Г.С. Куликова

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́ – словари, включающие в себя слова с нормативным ударением. В русском языке XX в. одним из первых А.с. был справочник «В помощь диктору», изданный в 1951 г. с целью установить единообразие в произношении и свести к минимуму разноречивую практику радиовещания. Он был составлен Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарвой на основе картотеки трудных с точки зрения ударения и произношения слов, собранной при дикторской группе Центрального радиовещания (5000 слов). В 1954 г. был опубликован «Словарь ударений. В помощь диктору», который включал 35000 слов, а в 1960 г. он, значительно дополненный, вышел как «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (под ред. Д.Э. Розенталя). Этот словарь включал в свой состав 63000 слов и давал не только сведения об ударении слов, но и некоторые наиболее необходимые в практике радио- и телевидения произносительные рекомендации: *с[э]нт[э]нция, эсс[э]ист* и т.п. К настоящему времени словарь выдержал 8 изданий.

Зарва М.В. Русское словесное ударение (М., 2001) – этот словарь содержит 50 тысяч слов современного РЛЯ, вызывающих трудности в определении места ударения в слове и его формах. Многие словарные единицы снабжены примерами их употребления, включено большое количество новых терминов из области экономики, политики, техники, медицины, а также слова из области религии и церкви, любительского и профессионального спорта, бизнеса и банковского дела, программирования и обработки информации. Словарь рассчитан на широкий круг пользователей, заботящихся о грамотности своей речи, в т.ч. – на иностранцев.

Существует множество других словарей, в которых представлены акцентологические нормы: Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений русского языка / под ред. М.А. Штудинера. М., 2000; Бо-

рунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. Ок. 63500 слов / под ред. Р.И. Аванесова. АН СССР. Ин-т русского языка. М., 1983, 2000; Горбачевич К.С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. 12 000 слов. СПб., 2000; Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение: Ок. 12000 слов. М., 1999; Тихонов А.Н., Тихонова Е.Н., Тихонов С.А. Словарь-справочник по русскому языку: Правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов. Ок. 26000 слов / под ред. А.Н. Тихонова. М., 1995.

Лит.: Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009; Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010; Иванова Г.А. О некоторых причинах акцентологического варьирования терминов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 200-летию Казанского ун-та (Казань, 4-6 октября 2004 г.) / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань, 2004; Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: пособие для вузов. М., 2004; Лесников С.В. Словарь русских словарей: более 3500 источников. М., 2002.

Т.М. Григорьева

АКЦИО. См. ПРОИЗНЕСЕНИЕ РЕЧИ

АЛЛЕГОРИЯ – 1. В искусстве – выражение отвлечённой идеи, отвлечённого понятия в конкретном художественном образе. Напр., образ женщины с завязанными глазами и весами в руках – это А. правосудия; две скрещённые пушки – аллегорическое изображение артиллерии и т.д. Такое образное представление абстрактных понятий и взаимоотношений вещей появилось впервые в изобразительном искусстве. Известны картины многих художников, изображавших что-л. в аллегорической манере. Напр., картины Шарля-Жозефа Натуара «Аллегория лета» и «Аллегория осени» (середина XVIII в.); Т. Роде «Аллегория на чесменскую победу» (1771 г.); В.Л. Боровиковского «Аллегория зимы» и т.д.

2. Стилистический приём, заключающийся в создании иносказательного образа, основанного на сходстве явлений жизни: связь между значением и образом устанавливается по аналогии (метафорично) или смежности (метонимично). Так, в баснях под видом животных аллегорически изображаются определённые лица или социальные явления, т.е. животные замещают человека, и их отношения и действия соотносятся с моралью, выводами уже из области человеческих отношений: хитрость иносказательно изображается в образе лисы, жадность – в образе волка, глупость – в образе осла и т.д.

Понятие А. очень тесно связано с понятием Метафоры (см.). Б.В. Томашевский называет А. «метафоры, происходящие от условного связывания явлений, выражающегося не только в словесном употреблении. Так, сердце выражает любовь в ряде условных изображений (вера – ‘крест’, надежда – ‘якорь’) <...> В аллегории (иносказании) слова имеют своё первоначальное значение, и лишь явление, ими означаемое, в свою очередь, означает то, к чему в конечном итоге направлена мысль говорящего. Таковы аллегорические апологи (басни), где под видом условной темы “подразумевается” нечто иное» [Томашевский 2001: 61]. По мнению Томашевского, А. почти всегда пространна, развёрнута и поэтому очень близка развёрнутой метафоре. И в том и в другом случае «слова сочетаются по их прямому значению, благодаря чему создаётся контекст, осмысленный и в своём прямом значении, и лишь отдельные слова, вводимые в контекст, равно как и общее значение связной речи, показывают, что мы имеем дело с речью переносного значения. Так как контекст поддерживает понимание слов в их основном, прямом значении, то в сознании проходят параллельно два ряда понятий и представлений – по прямому и по переносному значению слов, между которыми устанавливается некоторая связь» [Томашевский 2001: 62]. Ср.: Аллегория (развёрнутая метафора) у Маяковского: *Небывалей не было у истории в аннале / факта: / вчера, / сквозь иней, / звеня в интернационале, / Смольный / ринулся / к рабочим в Берлине. / И вдруг / увидели / деятели сыска – / все эти завсегдашай баров и опер – триэтажный / призрак / со стороны Российской: / поднялся. / Шагает по Европе.....*

Здесь А. заимствована из первых строк Коммунистического Манифеста: *Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма.*

Тесно связано понятие А. и с понятием символа: А. возникают из символов, ставших понятными и привычными для всех в иносказательном значении. Это своеобразная модификация символа.

Если в символе иносказательность, условность не имеет определённого прикрепления, устойчивости, то в А. такое прикрепление обязательно. Напр., образы древних сказок, обобщающих нравы животных, сначала были символами свойств и отношений людей, а уже позднее, в баснях, превращались в А. За волком закрепились такие качества, как жадность и глупость, за лисой – хитрость, за зайцем – трусость и т.д.

А. существует со времён Гомера (в текстах Гесиода, Архилоха, Алкея и др.). Особенно часто А. встречались у римских поэтов Вергилия, Горация, Овидия. Первым полностью аллегорическим произведением является «Психомэхия» («Psychomachie») Пруденция, заимствования из которой были широко распространены в Средние века. А. очень характерна для средневекового искусства, эпохи Возрождения, маньеризма, барокко, классицизма. Она питала творчество Эзопа и Федра, Лафонтена и Хемницера, Крылова и Салтыкова-Щедрина и мн. др.

Чаще всего аллегорические образы встречаются в сатирических произведениях, в частности в баснях; притчах, моралите, но не только в них – встречаются они и в лирической поэзии.

Лит.: Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986; Грасс Е.П. Аллегорический смысл в обиходном, художественном и религиозном типах дискурса: КД. Волгоград, 2012; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1978; Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 2001; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

АЛЛЕОТЭТА. См. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТРОП

АЛЛИТЕРАЦИЯ – один из видов Звукописи (см.), Звукового повтора (см.), заключающийся в повторении одинаковых или однородных согласных звуков или звукосочетаний для придания тексту (особенно и чаще всего – поэтическому, т.е. ритмически организованному) особой выразительности – звуковой и интонационной. Напр.: *Дым из-за дома догонит нас длинными дланями* (К. Бальмонт); *Город грабил, грёб, грабастал* (В. Маяковский); *Пенится пенье. / Пьянит толпу. / Площади плещут* (В. Маяковский); *И шальной, шевелюру ероша, / В замешательстве смысл темня, / Ошарашит тебя нехорошей / Глупой сказкой своей про меня* (Б. Пастернак).

А. как особый способ организации речи применяется с давних времён. Богато представлена А., напр., в «Слове о полку Игореве»: *Съ зарания въ пятькъ потопташа поганья плькы половецкыя*. На А. построены многие пословицы и поговорки: *Тише едешь – дальше будешь; Коси коса, пока роса, роса долой – и мы домой; Колос от колоса – не слышать и голоса* и т.д.

На А. построены и скороговорки, предназначенные, как известно, для работы над дикцией: *Шла Саша по шоссе и сосала сушку; Во дворе трава, на траве дрова* и т.д.

На А. строится так называемая поэтическая этимология (см. Этимологическая фигура) – звуковой параллелизм, звуковой символизм, при котором для сопоставления подбираются фонетически близкие слова и тем самым подчёркивается единство звуковой структуры. Напр.: *Он вне себя. Он внёс с собой дворцовый шум – и делать нечего!* (Б. Пастернак).

Поэты пользуются А. в зависимости от потребностей смыслового звучания стиха. Так, в следующих строчках стихотворений Пушкина, Бальмонта и Блока согласные помогают передать «звучание» описываемых авторами событий: *Шипенье пенистых бокалов / И пушища пламень голубой* (А. Пушкин); *Чуть слышно, бесшумно / Шуришат камыши* (К. Бальмонт); *Ты прошла, словно сон мой легка... / И вздохнули духи, задремали ресницы, / Зашептались тревожно шелка* (А. Блок).

А. используется и в прозаических текстах, но гораздо реже: *Признаки верного благополучия в семье 20-х годов: герань, гардины, граммофон* (Вен. Ерофеев).

А. близка Ассонансу (см.) и нередко с ним сочетается. Напр.: *По Красному морю плывут каторжане, / Трудом выгребая галеру, / Рыком покрыв кандалное ржанье, / Орут о родине Перу. / Орае Перу орут перуанцы* (В. Маяковский).

По справедливому замечанию В. Хлебникова, наиболее сильной позицией в слове для создания аллитерационного эффекта является начальная позиция, поскольку начальный звук имеет особую природу, отличную от природы своих спутников. «Первый звук в слове, – писал В. Хлебников, –

приказывает остальным. Слова, начатые одной согласной, имеют общее направление, как рои падающих звёзд» (цит. по [Якобсон 1921]).

Лит.: Брюсов В.Я. Звукопись Пушкина // Избранные сочинения: в 2 тт. Т. 2. М., 1955; Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979; Журавлёв А.П. Фонетическое значение. Л., 1974; Журавлёв А.П. Звук и смысл. М., 1981; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Левицкий В.В. Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // Филологические науки. 1974. № 4; Леонтьев А.А. Звукопись // Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 9; Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 2001; Филатов В.А. Фонетическая выразительность стихотворной речи // Русская речь. 1983. № 3; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову. Прага, 1921. URL: www.philologoz.ru/classics/jakobson-nrp.htm.

О.Н. Емельянова

АЛЛОЙОЗА. См. АНТИТЕЗА

АЛЛЮЗИЯ (от лат. *allūsiō* – намёк) – стилистический приём, характеризуемый обычно как намёк на какой-л. широко известный исторический, политический, культурный (в том числе – литературный) или другой факт (см., напр., [Квятковский 1966: 20; Клюев 2005: 217; Никитина, Васильева 1996: 36; Москвин 2007: 165, 297, 759–761]). Статус стилистического приёма А. получает в силу того, что факт, на который она намекает, не называется или/и описывается непосредственно, что соответствовало бы речевой норме, точнее – её нейтральному варианту. Таким образом, А. представляет собой прагматически значимое отклонение от нейтрального варианта речевой нормы обозначения объекта высказывания. Намёк на объект обозначения осуществляется при помощи слов, словосочетаний или предложений, значения, сочетаемость или дискурсивный фон которых ассоциативно связан с этим объектом. Напр.: 1) *Небывалая беда, постигшая Родину, ощущаемая каждым как неодолимое несчастье, выглядело на НТВ непрерывным торжествующим праздником победителей. Пировали на помосте, под которым хрустели живые кости скованных пленников* (здесь и далее выделено нами. – А.С.) (Завтра. 2001. № 16). Последнее предложение намекает на жестокую расправу, учинённую с русскими князьями, попавшими в плен к ордынцам в битве у реки Калки в 1224 году. А. выполняет здесь, прежде всего, оценочно-характеризующую функцию. 2) *Россия перестала себя мучить демократией и вливается в привычные имперские берега. Либералы срочно настраивают свои убеждения на державный лад, а тот из элиты, кто не понял диалектику момента, вынужден отправляться либо в Нерчинск, либо в Лондон* (ЛГ. 2008. № 12–13). Намёк на судьбу олигархов Ходорковского и Березовского, которые, «не поняв диалектику момента», оказались не по своей воле первый – в Нерчинске, второй – в Лондоне. Здесь А. используется в качестве ненавязчивого, но убедительного аргумента. 3) *Сегодня с неизбежностью встанет вопрос: а как поведёт себя население в условиях кризиса? Вчера обцеловывало власть. А сегодня? Не потребует ли выкатить на Красную площадь гильотину? Ограничится ли дело ворчаньем на кухне? Или дело дойдет до метания ботинок и – хуже того – «булыжников пролетариата»?* (АиФ. 2009. № 7). Последнее предложение содержит намёк на инцидент с метанием ботинок в президента США Буша во время его визита в Ирак, а также на скульптуру И. Шадра «Булыжник – оружие пролетариата» (1927 г.), символизирующую борьбу трудящихся за свои права. 4) *Бывшая пассия Билла Клинтона освоила новую профессию – занялась вязанием дамских ридикюлей <...> Объяснила Моника и то, почему она решила заняться именно вязанием: оказывается, ей всегда не хватало главного, на ее взгляд, атрибута женского туалета – вязаной сумочки... А ведь если бы кто-нибудь подарил ей в свое время желанный ридикюль и руки практикантки были бы заняты, глядишь, одним громким скандалом в Америке было бы меньше* (КП. 30.01.2001). В этой газетной публикации содержится едкий намёк на сексуальное «приключение» Моника Левински с Биллом Клинтонем в Белом доме, наделавшее много шума в США, то есть А. здесь участвует в создании иронического контекста.

Довольно распространены А., намекающие на те или иные литературные произведения или высказывания известных лиц, ставшие широко известными. Такого рода А. мы предлагаем называть вербалогическими, в отличие от фактологических, отсылающих к фактам невербальной природы.

Вербалогические А. часто носят иронический характер. Напр.: 5) *Известно из советской истории: начиная с Ленина русский юрист часто ходил в политику (а сын его и ныне там) <...>* (Изв. 19.11.1994) – намёк на известный эпизод из жизни В. Жириновского, который на вопрос о национальности ответил: «Мама – русская, а папа – юрист». 6) *Конечно, Барак Обама, Джордж Буш-младший и сорок тысяч курьеров-нюсмейкеров по всем каналам телевидения и радио, по всем газетам и журналам, по всему интернету начали говорить о том, как они рады тому, что «террориста № 1» больше нет в живых* (Завтра. 2011. № 18). Ироничное отношение автора текста к американской пропаганде выражено А. к тексту комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», где Хлестаков, «зайдясь» во вранье, роняет фразу: «И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!»

И фактологические, и вербалогические А. могут служить стилистической доминантой (текстообразующим приёмом) малоформатных комических жанров, напр., таких как анекдот (илл. 7), басня (илл. 8): 7) *В одной спецколле собрали всех выдающихся Вовочек всех времён и народов. На уроке математики учительница спрашивает: «Дети, сколько будет дважды два?» Первый Вовочка встаёт, засовывает руки в карманы, прищуривается и говорит: «Вопрос архиважный!». Второй Вовочка важно раздувает щеки: «Дважды два – однозначно!». Третий Вовочка достаёт спутниковый телефон: «Хеллоу, Жоржик! Ту бай ту – хау мач?». Отключает телефон и сообщает: «Он не знает, но обещал позвонить, как только спросит у папы» (ТД. 2001. № 43). «Вовочки» российского политического дискурса узнаются читателями по характерным речевым, вербальным и паралингвистическим приметам. 8) Басня И.А. Крылова «Волк на псарне», в поведении персонажей которой угадывается противоборство М.И. Кутузова и Наполеона.*

Вербалогические А. следует отличать от Реминисценций (см.), которые по сути дела являются имплицитными цитатами. Реминисценция имплицитно (без специальных маркеров чуждости) **воспроизводит** какой-л. текст (обычно его фрагмент); А. не воспроизводит текст, а только **отсылает** к тексту посредством какого-либо ассоциативного «сигнала» этого текста.

А. следует также отличать от риторического приёма умолчания, которое, как и А., построено на намёке. Однако если А. представляет собой намёк на широко известный факт, то умолчание намекает на любой факт или обстоятельство, в том числе сугубо частного порядка (см. Умолчание).

А., как и умолчание, является одним из средств создания Подтекста (см.).

Лит.: **Виноградов В.В.** Стиль Пушкина. М., 1999; **Исаев С.Г.** Аллюзия как принцип организации текста // Филологические науки. 2004. № 4; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Кносе М.И.** Лингво-когнитивные аспекты аллюзии: на материале заголовков английских и русских журнальных статей: КД. М., 2002; **Клюев Е.В.** Риторика: учеб. пособие. М., 2005; **Литературный энциклопедический словарь.** М., 1987; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Никитина С.В., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы их составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Новошачева Н.Ю.** Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI вв.: КД. Ставрополь, 2005; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Сквородников А.П.** Аллюзия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998; **Тухарели М.Д.** Аллюзия в системе художественного произведения: КД. Тбилиси, 1984; **Христенко И.С.** К истории термина аллюзия // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1992. № 4.

А.П. Сквородников

АЛОГИЗМ – это нарушение в речи норм формальной логики (закона тождества, закона непротиворечия, закона исключённого третьего, закона достаточного основания); само высказывание, содержащее отклонение от норм формальной логики также может называться А.

В логике А. считается ошибкой. Выделяются ошибки непреднамеренные (собственно ошибки) и преднамеренные – Софизмы (см.), т.е. осознанно допускаемые в речи ошибки, призванные запутать, сбить с толку адресата, убедить его в чём-л.

В стилистике А. также подразделяются на преднамеренные и непреднамеренные. Непреднамеренный А. считается Логической ошибкой (см.), преднамеренный А. понимается как стилистическое явление (см. Паралогические риторические приёмы).

Примером преднамеренного нарушения логики может служить Парономазия (см.): *Женщина с самого сотворения мира считается существом вредным и злокачественным* (А. Чехов). Здесь нормативным вариантам *злой, злобный* автор предпочёл слово *злокачественный*, применимое только для характеристики болезней, и за счёт неуместной ассоциации «женщина – болезнь» возникает комический эффект. Если заменить *злокачественный* на *злобный* (*Женщина с сотворения мира считается существом вредным и злобным*), то этот эффект пропадает, фраза становится логичной и нейтральной. Однако ненормативное использование слова *злокачественный* может обернуться и логической ошибкой: *Злокачественные продукты нельзя употреблять в пищу*. Здесь нарушение нормы лексической сочетаемости слова *злокачественный* (ср. *некачественные продукты*) не несёт дополнительного стилистического эффекта и потому является ошибкой.

В тех случаях, когда адресат не понимает интенции говорящего, преднамеренный А. (приём) может быть расценён как ошибка и высказывание говорящего оборачивается коммуникативной неудачей. Таким образом, будет ли А. ошибкой или приёмом, зависит не только от намерения говорящего и соответствующего ему контекста, но и от индивидуального восприятия адресата.

Лит.: Заяц А.А. Дискурсивный аспект метафорического алогизма (на материале русского и английского языков): КД. Иркутск, 2006; Ивин А.А. Логика. М., 2008; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция.). М., 1999; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Пропп В. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) // Собр. тр. В.Я. Проппа / науч. ред., комм. Ю.С. Рассказова. М., 1999.

Е.Е. Ермакович

АМПЛИФИКАЦИЯ (от лат. *amplificatio* – ‘увеличение, расширение, распространение’) – 1. Общее название для стилистических приёмов, связанных с увеличением протяжённости высказывания или текста. К А. в этом значении относят Плеоназм (см.), Аккумуляцию (см.), Гипофору (см.), Конкатенацию (см.) и некоторые другие фигуры, т.е. такие, линейная протяжённость которых представляется избыточной по сравнению с нейтральной (среднестатистической), но прагматически оправданной в силу выполняемой стилистической функции [Матвеева 2010: 18; Москвин 2007: 104; Хазагеров 2009: 155–157; Квятковский 1966: 25–26 и др.].

2. Стилистический приём «нанизывания» однородных языковых единиц и оборотов [Булыко 2004: 46; Иванюк 2008: 23]. В такой трактовке А. совпадает с приёмом Аккумуляции (см.) и используется, в частности, для усиления доказательности высказывания путём перечисления разного рода доводов, напр.: *Ты жива, ты во мне, ты в груди. Как опора, как друг и как случай* (Б. Пастернак) [Гаспаров 1987: 22].

И в первой, и во второй трактовке А. «укладывается» в понятие прагматически оправданного Плеоназма (см.).

3. Несколько иной характер носит понимание А. как фигуры речи, у которой в отличие от тропа (см.) названы оба сопоставляемых компонента [Хазагеров, Ширина 1999: 197]. «Фигурные амплификации построены в принципе на тех же основаниях, что и тропы. Но между ними есть и содержательные различия. И в тех, и в других сравниваемые представления сливаются в одно, более сложное. Но степень этого слияния различна. Она должна быть максимальной в тропе и не может превышать определённый предел в фигуре» [Хазагеров, Ширина 1999: 121]. К разряду фигурных А. указанные авторы относят Антитезу (см.), Смешение стилей (см.), Градацию (см.), Оксюморон (см.), Гипофору (см.) и др. [Хазагеров, Ширина 1999: 121–122]. Они обращают внимание на то, что некоторые фигурные А. не имеют соответствующего специального названия – термина, но не приводят примеров. Надо полагать, что это связано с множественностью видов амплифицированных структур. Возьмём, напр., образные обороты, имеющие синтаксическую форму дефиниции: *Патриотизм – это воздух, который даёт полёт всяк парящей в небесах птице* (ЛГ. 2003. № 30); *Политтехнологи имеют дело с социальной энергией. Они – бильярдисты, гоняющие кием шаровые молнии, направляя их к нужным лузам* (Завтра. 2007. № 51). Это фигурные А., в которых роль сопоставляемых компонентов играют подлежащие, а роль сопоставляющих компонентов – предикаты (точнее – предикативные части этих предложений). Такие фигуры речи, по сути являясь сравнениями со значением уподобления, отличаются от последних отсутствием соответствующего формального маркера. Ср.: *Патриотизм подобен воздуху, который <...>*; *Политтехнологи похожи на бильярдистов, гоняющих <...>*. Такого рода ре-

чевые фигуры, в отличие от А. плеонастичного типа (см. пп. 1–2), можно назвать сравнительно-уподобительными А.

А. всех типов обладают сильным выразительно-изобразительным потенциалом. А. плеонастичного типа может выполнять описательно-детализирующую функцию, напр.: *Подошедши к окну, он (Чичиков – А.С.) начал рассматривать бывшие перед ним виды: окно глядело едва ли не в курятник; по крайней мере находившийся перед ним узенький дворик весь был наполнен птицами и всякой домашней утварью. Индейкам и курам не было числа; промеж них расхаживал петух мерными шагами, потряхивая гребнем и поворачивая голову набок, как будто к чему-то прислушиваясь; свинья с семейством очутилась тут же; тут же, разгребая кучу сора, съела она мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала уписывать арбузные корки своим порядком. Этот небольшой дворик, или курятник, преграждал дощатый забор, за которым тянулись пространные огороды с капустой, луком, картофелем, свёклой и прочим хозяйственным овощем <...>* (Н. Гоголь).

А. может использоваться для создания высокого риторического пафоса, усиления аргументации и эмоционального напряжения речи, напр.: *Гагарин – витязь Русской Победы. Победа сорок пятого года – это космодром, с которого Гагарин взлетел в небеса. Он принял из рук Кантария победное алое знамя и отнёс его в космос. По сей день оно пламенеет на орбите, вращаясь вокруг земли. Александр Матросов, накрывший грудью пулеметную амбразуру, был Юрием Гагариным на той мистической грозной войне, на которой Россия приносила вселенскую жертву, выпрямляя согнутую земную ось. Матросов без скафандра, в солдатской гимнастёрке вышел в открытый космос и своею смертью открыл Гагарину путь в небеса. Гагарин улетел с земли в космос, преобразив земное в космическое. Но и космос через Гагарина влился в земное бытие, преобразив космическое в земное. Гагарин был земным человеком, улетевшим в мироздание. Но он был небожителем, прилетевшим из космоса на землю. Через Гагарина божественная сила снизошла в земную реальность. Гагарин преобразён космосом – космочеловек (А. Проханов); В старые времена царское правительство могло позволить себе продать Аляску: у России была Сибирь. Если об этом не писали, не говорили открыто, это подразумевалось само собой. Сибирь стояла крепостью, в которой можно укрыться; кладовой, которую при нужде всегда можно раскрыть; силой, которую можно призвать; твердью, которую можно подставить под любой удар, не боясь поражения; славой, которой предстоит прогнеть. Одним словом, в сознании человека Сибирь долго и прочно оставалась плацдармом для будущего <...>* (В. Распутин). Как видно из двух последних примеров, А. обоих типов свойственно вступать в стилистическое текстуальное взаимодействие (конвергенцию), что усиливает производимый ими эффект.

А. сравнительно-уподобительного типа используется прежде всего для образной и афористичной характеристики (примеры см. выше).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Брауда Н.В.** Текстовая амплификация как приём создания экспрессивности произведения (на материале рассказов К.Г. Паустовского) // Риторика и перспективы её изучения в школе и вузе. Ростов н/Д, 1990; **Булыко А.Н.** Современный словарь иностранных слов. М., 2004; **Иванюк Б.П.** Поэтическая речь: словарь терминов. М., 2008; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Литературный энциклопедический словарь.** М., 1987; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Хаззагерев Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Хаззагерев Г.Г.** Риторический словарь. М., 2009; **Ширина Л.С.** Амплификация в системе экспрессивных средств // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

АМФИБОЛИЯ (от др.-греч. ἀμφιβολία – ‘двусмысленность, неясность’) – стилистический приём, в котором двусмысленность порождается синтаксическими (структурными) средствами. В основном такими, как раздвоение морфосинтаксической связи в предложении, особый порядок слов, грамматическая омонимия, двоякое соотнесение местоименного слова, слабое управление, сложность синтаксической конструкции фразы, вариативность фразового членения и др. Напр.: *Брежнев начинает выступление (по бумажке): – Товарищи сионисты! В зале недоумение. Брежнев сверлит взором шпаргалку: – Товарищи! Сионисты опять готовят...* (Комок. 2006. № 50); *Не помешает при-*

слушаться к рекомендациям знакомых. Как правило, **они не подводят** (Шанс. 2012. № 32); – *Что там написано, Тань? – спросил Алексей Иванович. – «Кормление крокодила Хуфу», – перевела Танюша. – Хуфу – это имя крокодила? – Нет. Хуфу – это имя фараона. – Фараон Хуфу кормит крокодила? – спросил Игорь. – Или крокодила кормят фараоном Хуфу? Танюша засмеялась: – Нет, – сказала она. – Если по структуре фразы, крокодил принадлежит фараону Хуфу, и этого крокодила кормит неустановленное лицо* (В. Пелевин).

Основной функцией А. является комическая. Встречается преимущественно в малоформатных комических жанрах.

В случае прагматически немотивированного использования – ошибка (см. Ошибки в использовании омонимов и многозначных слов; Ошибки в порядке слов). Напр., в аннотации к научной статье: *В статье описывается подход к речевым нарушениям известных специалистов по общему недоразвитию речи у детей – Н.С Жуковой, Е.М. Мастюковой и Т.Б. Филлиевой* (журнал «Логопед»). Или в художественном тексте: *Аким Кондратьевич медленно повёл глазами по сторонам, цепляясь за любую мелочь, памятную только ему одному: <...>. Скользнул нечаянным взглядом по лавке, на которой лежала скончавшаяся мать, разбив себе голову, лежал отец и лежала Василиса* (В. Шанин)

А. необходимо отличать от Дилогии (см.).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Хазагерев Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

М.А. Южанникова

АМФИТЕ́ЗА. См. АНТИТЕ́ЗА

АНАГРА́ММА (от др.-греч. *ана* – ‘через’ и *γράμμα* – ‘буква’) – как форма языковой игры представляет собой перестановку букв в слове, которая в пределах одного текста превращает одно слово в другое: *В поле ВСЕ – ВСЕ – ВСЕ: / В поле СЕВ – СЕВ – СЕВ* (А. Шибяев).

Из одного длинного слова путём анаграммирования можно получить и целую небольшую фразу. В стихотворении «Спаниель на прогулке» Э. Юнга обыгрывается фраза «Синь пела», полученная из слова спаниель, и одновременно слово-анаграмма «апельсин»:

*Синь пела, пела синь,
Пела, пела, пела синь,
Синь, синь пела, пела:
Спаниель Апельсин.*

А. используется не только как игровой приём. Как подметил ещё Ф. де Соссюр, она способна также выполнять суггестивную функцию: ключевое слово, «распылённое» в тексте в виде повторяющихся звуковых комплексов, может производить сильное эмоциональное воздействие. Так, напр., анаграммируется в стихотворении А. Блока «Перстень-страдание» слово *печаль* – ключевое слово образа лирического героя. Звуки этого слова распылены в словах *печальная ночь, лучом, упала, плиты, плелась, прочь, печалей, просили, ночлег, пропадали, уличных, далее:*

*Шёл я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.
Горькие думы – лохмотья печали –
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей <...>* (А. Блок)

Лит.: **Баевский В.С.** Лингвистические, математические, семиотические модели в истории и теории литературы. М., 2001; **Иванов В.В.** Об анаграммах Ф. де Соссюра // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977; **Проблемы изучения анаграммы.** М., 1995.

Э.М. Береговская

АНАДИПЛО́ЗИС (АНАДИПЛО́ЗИС) (греч. ἀναδίπλωσις – ‘повторение, удвоение’), а также **АКРОМОНОГРАММА**, **ВОЗВРАЩЕНИЕ**, **ДУПЛИКАЦИЯ**, **КОНТАКТНЫЙ ПОВТОР**, **ПАЛЛОГИЯ**, **ПОДХВАТ**, **РЕДУПЛИКАЦИЯ**, **СТЫК**, **ЭПАНАЛЕПСИС**, **ЭПАНА́СТРОФА**, – стилистический приём (фигура речи), состоящий в повторении конечного элемента (звукосочетания, слова, словосочетания) одного отрезка речи (предложения, стихотворной строки) в начале следующего. Частотным является А. с повтором слов и словосочетаний.

Основные функции такого А.: 1) актуализация, подчёркивание причинно-следственных связей и отношений между перечисляемыми в определённой последовательности действиями, явлениями. Напр.: *Станем-ка, ребята, челобитную писать, / Челобитную писать, во Москву посылать. / Во Москву посылать, царю в руки подавать* (фольклор); *Это именно мозг ни разу не пожалел сердца, самодовольно полагая, что оно ему служит. А потом, раз всё его обслуживает, значит, всё ему и подвластно. А потом, раз всё ему подвластно, значит, он всё может. А раз он всё может, давай, говорит, сделаем искусственное сердце* (А. Битов); *Существует и несколько менее эмоциональных версий «замистищенности» окрестностей Диканьки. Говорят, например, что всё дело в шведских костях, которыми после Полтавской битвы засеялась вся округа. Где кости – там и нечисть, где нечисть – там и народные сказания, где сказания – там и пытливый Гоголь с блокнотом, родившийся, кстати, в Великих Сорочинцах* (АиФ. 2001. № 14);

2) логическое выделение повторяемых элементов: *Разруливать же её (ситуацию. – А.С.) надо так, чтобы властный кризис не превратился в кризис государственности. Сделать это очень трудно. Трудно, но необходимо* (ЛГ. 2007. № 51); *Ведь империю строить – это не предвыборные бюджеты пилить. Это что-то совсем другое, из иной материи и иной судьбы. Судьбы, которую России всё равно придётся пережить. Пережить, если она не хочет погибнуть, умереть, уснуть* (Завтра. 2004. № 9); *Большой пёстрый дятел – обычный, привычный житель наших лесов. Все его видели, знают и любят. Любят за яркую пестроту оперения, за бодрый, весёлый нрав, трудолюбие* (В. Песков).

Выполняя эти основные функции, А. может, в зависимости от лексического наполнения конструкции и окружающего контекста, выполнять и другие, «попутные», функции: 3) усиления эмоциональной оценки: *Но именно эта книга, эта «Хроника» хороша тем, что она удивительно **пристрастна!** Она **пристрастна** по своей интонации, по истинности любви к Маяковскому* (Р. Рождественский); 4) стилизации под фольклор: *Повалился он на холодный снег, / На холодный снег, будто сосенка, / Будто сосенка во сыром бору <...>* (М. Лермонтов); 5) отмечается также композиционная функция А. в больших литературных жанрах, напр., в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, где А. связывает концы и начала некоторых глав (см. об этом [Энциклопедический ... 2005: 34–35; Москвин 2007: 565]).

А., кроме фольклора, используется главным образом в художественных текстах и в публицистике и может быть многозвенным (в таком случае он иногда называется **цепочечным повтором**): *Итак, начинается песня о ветре, / О ветре, обутом в солдатские гетры, / О гетрах, идущих дорогой войны, / О войнах, которым стихи не нужны* (В. Луговской); *Шесть парадоксов советской системы. Нет безработицы, но никто не работает. Никто не работает, но растёт производительность труда. Растёт производительность труда, но в магазинах пусто. В магазинах пусто, но в домах кое-что есть. В домах кое-что есть, но все недовольны. Все недовольны, но единогласно голосуют «за»* (КО. 1991. № 48, анекдот).

Отмечаются как сравнительно редкое явление слоговой А. в поэзии на стыке двух смежных строк: *Но когда коварны **очи** / **Очаруют** вдруг тебя* (А. Пушкин) и рифменный А.: *Реет тень голубая, объята / Ароматом нескошенных трав; / Но упав на зелёную землю, / Я объёмлю глазами **простор**, / Звёздный хор мне поёт <...>* (В. Брюсов) [Квятковский 1966: 13–14]. Такого рода А. выполняют функцию звуковой изобразительности.

Лит.: Ахманова О.В. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Васильева Ю.В. Повтор как принцип организации фольклорного текста: Лексико-синтаксический повтор в произведениях русского и англо-шотландского фольклора: КД. Саратов, 2004; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; Ковальчук И.Ю. Повтор и его функции в тексте: КД. Пятигорск, 2004; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словар-

АНАКОЛУ́Ф – стилистический приём (фигура), состоящий в грамматическом рассогласовании частей или членов предложения. Напр.: *По краю сечи лениво, вразвалку, плетётся высокий узкоплечий мужчина лет сорока, в красной рубаше, латаных господских штанах и в больших сапогах. <...> Он красен и вспотел* (А. Чехов); *Пушкин и Есенин – альфа и омега поэзии в коллективном бессознательном русского народа. Северянин – вычурный, Блок – революционный, а Цветаева – повесилась* (Завтра. 2014. № 9); *Он увидел на месте, что приказчик был баба и дурак со всеми качествами дрянного приказчика <...>* (Н. Гоголь). А. квалифицируется как стилистическая фигура, если намеренно используется автором с определённым стилистическим заданием и как грамматическая ошибка, если его возникновение в речи обусловлено неграмотностью или невнимательностью (напр., в бытовом общении, речи взволнованного человека).

В описании А. существует несколько проблем: определение лингвистического статуса, типология, стилистическое использование. Чаще всего, давая определение А., исследователи указывают на отклонение от логических или грамматических норм при его построении. Так, напр., в научно-популярном словаре «Иллюстрированная энциклопедия реальных знаний» А. определяется как «отклонение от логически и грамматически правильной конструкции речи в видах усиления эффекта» [Яновский 1907: 52]. Е.В. Клюев относит этот приём к деструктивным фигурам и, приводя примеры предложений с А., отмечает, что «в плане логики» таких предложений просто не существует [Клюев 1999: 257]. А.П. Сковородников определяет А. как «грамматическую несогласованность частей или членов предложения, которая может быть как речевой небрежностью (речевым недочётом), так и средством речевой выразительности – стилистическим приёмом» [Культура русской речи... 2003: 45]. В ряде работ, рассматривая А., исследователи останавливаются только на синтаксических отклонениях при его построении. Так, напр., как синтаксическую несогласованность (не замеченную автором или допущенную для придания фразе характерной остроты) А. характеризует А.П. Квятковский [Квятковский 1998: 32]. И.В. Пекарская, анализируя принципы, лежащие в основе А., выделяет два его вида: морфологический и синтаксический и отмечает, что «в А. отступления от нормы объясняются либо несоблюдением правил согласования в роде, числе, падеже (морфологический анаколуп, или силлепс), либо контаминацией разных синтаксических моделей в одну единицу» [Пекарская 1995: 72]. В системном описании риторических приёмов современного РЛЯ Г.А. Копниной А. также рассматривается как отклонение от синтаксической или морфологической нормы [Копнина 2009: 369–374]. Е.В. Клюев, характеризуя А. как фигуру, предполагающую неупорядоченность отношений между частями предложения или его членами», обращает внимание на проблему его удачного построения: «Сложность анаколупа в том, что его чрезвычайно трудно исполнить так, чтобы он действительно воспринимался как фигура» [Клюев 1999: 257].

Разновидностью А. является **анантаподатон**. Эта фигура заключается в таком нарушении синтаксических связей в сложном предложении, при котором предложение не имеет соответствующего ему окончания: вторая часть представляет собой непрогнозируемый по смыслу и структурно элемент, синтаксически не связанный с началом: *Дамы города N были... нет, никаким образом не могу: чувствуется точно робость* (Н. Гоголь).

А. весьма эффективен в стилистическом отношении, сфера его функционирования – художественная литература и публицистика. Высокий комический потенциал А., обусловленный выраженным отклонением от логических и грамматических норм, делает его востребованным средством в художественной литературе при создании комической образности, характеристик и портретов героев, выражении авторской иронии, для развлечения адресата. Напр.: *Кружечка, бочёночек, метёлочка, совок, / Ты – моя козлёночек, а я – твой серый волк* (Э. Паперная). С целью создания комического эффекта к А. обращались Н.В. Гоголь, А.П. Чехов, М.А. Булгаков, В.Виктор Ерофеев, С.Д. Довлатов и др. С помощью А. передаётся взволнованность, спонтанность, аффективность речи, низкий уровень речевой культуры героя, неадекватное состояние, сумасшествие, а также особенности речи иностранцев. Напр.: *Я собственноручно видел, как он стрелять в генеральную зрудь, после – голову, прямым в ухо загнать патрон дважды* (А. Левицкий). А. часто используется при отображении особенностей мышления героев, специфики речевого оформления мысли: *Некуда жить, вот и думаешь в голову* (А. Платонов). Деструктивный характер А. позволяет также использовать его для усиления драма-

тизма и трагизма в соответствующем контексте. Напр.: *Там будет что-нибудь и о той, которая... ничего, молчание!*; *Хотелось бы мне заглянуть в гостиную, куда видишь только иногда отворённую дверь, за гостиную ещё одну комнату* (Н. Гоголь).

Лит.: Гаспаров М.Л. «Люди в пейзаже» Бенедикта Лившица: поэтика анаколуфа // Лотмановский сборник. Т. 2. М., 1997; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. М., 2009; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Новосибирск, 1999; Общая риторика: пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; Пекарская И.В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка (на материале художественных и публицистических текстов): КД. Красноярск, 1995; Яновский А.Е. Иллюстрированная энциклопедия реальных знаний. М., 1907.

А.Н. Смолина

АНАНТАПОДАТОН. См. АНАКОЛУФ

АНАСТРОФА (от др.-греч. ἀναστρέφει – ‘возвращаться’). 1. Общее название стилистических фигур, основанных на обратном порядке слов (см. Антиметабола, Гипербатон, Инверсия, Хиазм и др.). 2. Вид Инверсии (см.) – перестановка соседних слов. А. как вид инверсии выполняет усилительную (акцентирующую) функцию: *Арагвы светлой он счастливо / Достиг зелёных берегов* (М. Лермонтов). Ср.: Он счастливо достиг зелёных берегов светлой Арагвы. Кроме того, во взаимодействии с лексическим фактором создаёт патетическую тональность текста: *О ты, Родина! <...> Ты, безмерная, к тебе припадает усталый и загнанный, и своих бедных сынов ты берёшь на мощную грудь, обнимаешь руками многовёрстными, поишь извечную силою* (Б. Зайцев); 3) *Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / к нему не зарастёт народная тропа. / Вознёсся выше он главою непокорной / Александрийского столпа* (А. Пушкин).

А. надо отличать от ненормативного порядка слов, который в сочетании с другими приёмами, напр., лексическим повтором и аккумуляцией, может создавать комический эффект (эффект абсурда): *Дорогие товарищи! (Аплодисменты)*

Скоро у нас будет очень много пепси-колы. (Аплодисменты)

У нас скоро будет много очень пепси-колы. (Аплодисменты)

Очень много пепси-колы скоро у нас будет. (Аплодисменты)

Пепси-колы очень много у нас будет скоро. (Аплодисменты)

Скоро будет пепси-колы у нас очень много. (Аплодисменты)

У нас пепси-колы будет много скоро очень. (Аплодисменты)

Много у нас пепси-колы будет очень скоро. (Аплодисменты)

У пепси-колы скоро очень много будет нас. (Аплодисменты)

Скоро у будет нас очень много пепси-колы. (Аплодисменты)

У много нас скоро пепси-колы будет очень. (Аплодисменты)

Очень нас скоро много пепси-колы будет у! (Аплодисменты)

Спасибо за внимание. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, раздаются возгласы: «Ура», «Слава КПСС», «Да здравствует пепси-кола») (ЛГ. 2003. № 26).

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Хазагерев Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

АНАФОРА, или **ЕДИНОНАЧАТИЕ** (от др.-греч. ἀναφορά – ‘вынесение наверх’), – стилистическая фигура, заключающаяся в повторении слов (группы слов) и/или форм в начале нескольких от-

резков речи (предложений, фраз, абзацев, стихотворных строф, строк и т.д.). Напр.: *Говорят, человек перед смертью вспоминает всю свою жизнь. Может быть, и так, но он вспоминал перед смертью только войну! Говорят, человек перед смертью думает сразу о многом. Может быть, и так, но он перед смертью думал только об одном – о войне!* (К. Симонов).

А. – одна из довольно частотных стилистических фигур. Выдвигая наиболее важный повторяющийся элемент на первое место, А. позволяет сосредоточить на нём большее внимание, способствуя тем самым закреплению его в памяти читателя (слушателя): *Полотна надежды – сама душа. Сколько страсти в плавных изгибах тела танцовщицы! Сколько таинств хранит в себе подводное царство! Сколько блаженства в ласковых объятьях сна!* (Вечерний курьер, 09.1999).

В поэтической речи выделяют строфическую А. (повторение одних и тех же элементов в начале строф), которая способствует звуковой гармоничности речи:

*Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,*

*Эти ивы и березы,
Эти капли – эти слезы,
Этот пух – не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,*

*Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё – весна (А. Фет).*

А. может быть разделена значительными по протяжённости текстовыми сегментами (см., напр., стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил...» или В.С. Высоцкого «Люблю тебя сейчас...»).

А. широко используется в художественных и публицистических текстах, в которых она выполняет общую для выразительных средств экспрессивную функцию.

А. как стилистическую фигуру следует отличать от одноимённого нейтрального средства создания текстовой связи (см. Анафорические строфы).

Лит.: Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

А.А. Кузнецова

АНАФОРИЧЕСКИЕ СТРОФЫ – разновидность параллельных прозаических строф (сложных синтаксических целых), в которых параллелизм предложений усиливается Анафорой (см.). Основной способ связи между самостоятельными предложениями – их структурная соотнесённость. Она может выражаться в цепных средствах связи, т.е. с помощью одинакового лексического выражения соотносящихся членов предложения (*За домом находился лес. В лесу водились зайцы*), посредством замены одного из них местоимением, синонимами и т.д. Структурная соотнесённость предложений может также выражаться в их параллельном строении, при котором предложения однотипны, имеют одина-

ковый порядок слов и все члены предложений (или только некоторые) имеют одинаковую форму: *Синюю лодку прибило к берегу. Потерявший управление катер разнесло в щепы.*

При параллельной связи предложения не сцепляются, а сопоставляются, при этом видно, что благодаря параллелизму конструкций, в зависимости от лексического наполнения, возможно не только сопоставление, но и противопоставление. Очень часто некоторые члены соединяемых предложений (нередко первые) имеют одинаковое лексическое выражение. В этом случае усиливаемую анафорой связь можно назвать параллельной анафорической, а строфы, образуемые посредством такой связи, анафорическими.

Предложения в А.с. имеют не только одинаковую (или сходную) структуру, но и одинаково выраженное начало. Синтаксический параллелизм (см.) дополняется и усиливается параллелизмом лексическим. По структуре А.с. совпадают с параллельными. Однако в А.с. ярким показателем структуры, параллельной связи выступает анафора. Анафорическим может быть любой член предложения, что удобно положить в основу классификации А.с. Можно выделить строфы:

1) с анафорическим подлежащим: *Книга – хранилище знаний. Книга – вместилище всего великого опыта человечества. Книга – неистощимый источник высокого эстетического наслаждения, глубоких раздумий* (Б. Полевой);

2) с анафорическим сказуемым: *Видно, ещё не бывало здесь такого случая, чтобы человеку отказали в приёме. Принимают каждого, кто пришел. Принимают в тот же день. В тот же час, когда явился посетитель. Принимают с готовностью дело, быстро и оперативно* (из газет);

3) с анафорическими второстепенными членами: *Конечно, бой с опасным преступником он выиграл. Но он выиграл его по очкам. А ему хочется нокаута. Ему хочется «чистой» победы. Ему хочется найти такую улику, которая одна стоила бы всех остальных* (А. Ваксберг);

4) строфы с анафорическим местоимением *это*: *Это было в День Победы, 9 мая. Это было в солнечном городе, в сквере. Где буйная зелень и веселые ребятишки – всё говорит о весне и жизни. Это было там, где над братской могилой навших горит вечный огонь* (из газет);

5) строфы с обобщающим зачином и серией А.с.: *Было много старых Петербургов, и все разные. Петербург Невского проспекта – шумный, гудящий, плоский. <...> Петербург Выборгской стороны и Охты – потный, измученный, закопченный город. <...> Петербург Васильевского острова – крепкий и грубоватый, провинциальный, говорливый. <...>* (А. Кольцов);

6) вопросительные анафорические и неанафорические строфы: *Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и несправедливость? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или по крайней мере Муромским разбойникам?* (А. Пушкин).

А.с. используются, как правило, для организации речи подчёркнуто эмоциональной, экспрессивной, приподнятой.

Лит.: Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 2006; *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.

Г.Я. Солганик

АНАЭПИФОРА. См. АНЭПИФОРА

АНГЛИЦИЗМЫ – заимствования из английского языка, в т.ч. из его американского варианта. Особенно много А. в составе торгово-экономической, социально-политической, компьютерной и технической терминологий, а также в кругу наименований, отражающих реалии искусства, спорта, бытовой техники и индустрии питания: *бартер, чартер, импичмент, рейтинг, радикал, саммит, спичрайтер, кастинг, ток-шоу, ноутбук, смартфон, клип, джаз, финиш, гольф, хот-дог* и мн. др. Отличительными признаками А. являются наличие звуко сочетаний **дж**, **тч**, а также конечных формантов **-инг**, **-анг**, **-мен**: *джемпер, скотч, сквер, лифтинг, брифинг, мустанг, бизнесмен* и т.п. В молодёжном сленге и некоторых корпоративных жаргонах А. нередко выступают в качестве производящих основ для образования новых слов: *крзанутый – ‘сумасшедший’, крзануться – ‘сойти с ума’, крза – ‘психбольница’, ‘человек с неадекватным поведением’, ‘навязчивая идея’* (ср. англ. *crazy* – ‘сумасшедший’) и т.п.

На разных этапах становления русского языка интенсивность заимствований из английского была различной. В XVI–XVII вв. – это были единичные наименования английских реалий, напр.:

лорд, сэр, фунт, пенс и нек. др. В XVIII – начале XIX в. лексика русского языка пополнилась большим количеством английских морских терминов (*бриг, бот, аврал, тент* и др.), а также бытовыми словами (*джин, ростбиф, пудинг, вельвет* и др.). Начиная со второй половины XIX в. отмечается устойчивая тенденция к активизации заимствований спортивных и общественно-политических терминов в публицистическом, научном и художественно-беллетристическом стилях РЛЯ и в разговорной речи: *футбол, бокс, бойкот, лидер, митинг* и т.д. В настоящее время английский язык является основным источником пополнения лексики русского языка. Причинами этого процесса являются возросшая роль английского как мирового и международного языка, его популярность в кругу вторичных носителей, а также языковая политика, не препятствующая проникновению и освоению А.

В современном русском языке А. подразделяются на лексически освоенные (*клоун, турист, хоккей, волейбол, линолеум, блог, чат, чипсы* и др.), Экзотизмы (см.) (*грязли, стерлинг, сэр* и др.), иноязычные вкрапления (*о'кей, happy end*). Быстрое закрепление в русском национальном языке новейших заимствований из английского (*спрей, сайт, клип* и т.п.), а также переход ряда А. из группы экзотизмов в разряд лексически освоенных слов (*импичмент, инаугурация* и т.п.) объясняются переменами в общественно-политической, культурной и бытовой жизни россиян. Использование А. целесообразно в тех случаях, когда они не имеют синонимов в русском языке (*сканер* и т.п.), заменяют многословные номинации (*фристайл* и т.п.) или способствуют детализации смысловых оттенков (*хостис* и т.п.). Употребление А. в качестве названий или составных частей названий отечественных фирм и компаний, а также российских географических объектов обусловлено языковой модой и не всегда оправданно (*Beeline, Westland, Новэлэнд* – официальное название нового посёлка вблизи г. Красноярска).

Лит.: Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Владивосток, 1994; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982; Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. М., 2011.

О.В. Фельде

АНИМАЛИЗАЦИЯ. СМ. ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

АННОТАЦИЯ (от лат. *annotatio* – ‘примечание, пометка’) – письменный или устный вторичный текст научного стиля, представляющий собой краткое разъяснительное или критическое обобщённое изложение, характеристику основного содержания и назначения первичного текста: книги, статьи или рукописи.

Выделяются следующие основания для классификации А.: 1) по наличию автора (авторская; неавторская); 2) по адресату (для себя; не для личного пользования); 3) по объёму (краткая; развёрнутая); 3) по форме (устная; письменная); 4) по наличию оценки первоисточника (справочная, информационная, или описательная – характеризует тематику произведения и сообщает какие-л. сведения о нём без критической оценки; рекомендательная – даёт критическую оценку произведения с учётом возраста, уровня подготовки и других особенностей читателя).

Чтобы сформировать содержательную часть рекомендательной А., необходимо ответить на следующие вопросы: 1) *что представляет собой статья (книга)? О чём в ней говорится?*; 2) *кому она предназначена? На кого рассчитана?*

В тексте справочной А. могут быть отражены следующие сведения: 1) тип и назначение произведения (сборник, статья, диссертация); 2) задачи, поставленные или решаемые автором аннотируемого произведения; 3) метод, которым пользовался автор (компиляция других источников, эксперимент и т.п.); 4) принадлежность автора к определённой научной школе или направлению; 5) структура аннотируемого произведения; 6) предмет и тема произведения, основные положения и выводы автора; 6) характеристика иллюстративных материалов, приложений, справочного аппарата и др., в т.ч. указателей и библиографии.

Устойчивые конструкции (клише), которые используются для передачи основного содержания А.: 1) *автором рассматривается вопрос о...; в статье дан анализ проблемы..., раскрывается сущность..., заостряется внимание на..., приведены данные..., уделяется особое внимание..., обобщается материал о...; данная книга знакомит читателя с...; в монографии изложена концепция...; основная цель... состоит в...; книга призвана помочь в...; учебное пособие нацелено на..., адресовано..., представляет интерес для..., рекомендуется...* и др.

Отбор сведений для А. и их расположение зависят от содержательных, стилистических и жанровых особенностей аннотируемого произведения и адресата, которому она предназначена.

В книгах А. располагается на обороте титульного листа (под библиографическим описанием). А. печатаются в справочно-библиографических изданиях и реферативных журналах. Пример аннотации:

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.

В учебном пособии содержится обзор ключевых проблем когнитивного терминоведения как особого направления науки о терминах, отражающего современное состояние научного знания. Освещаются дискуссионные вопросы природы термина и среды его функционирования, взаимодействия специального и обыденного знания в единицах профессиональной коммуникации.

Для студентов и магистрантов филологических специальностей университетов, а также аспирантов, изучающих механизмы взаимодействия языка, мышления и деятельности.

Лит.: **Боженкова Р.К., Боженкова Н.А., Шаклеин В.М.** Русский язык и культура речи. М., 2011; **Лысова Т.В., Попова Т.В.** Культура научной и деловой речи. М., 2011; **Эффективная коммуникация: история, теория, практика** / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

Ю.И. Борисенко

АНТАНАКЛАЗА (АНТАНАКЛАСИС) (от др-греч. *αντανакλασις* – ‘отражение, преломление’), – стилистический приём, состоящий в повторении в одном микроконтексте одного и того же слова в разных значениях. Суть А. в одновременном отклонении от двух норм: логической (нарушение закона тождества) и речевой (нарушение смыслового тождества слова в микроконтексте). Как правило, в основе А. лежат Омонимия (см.) и Полисемия (см.): *Я приехал в Москву, плачу и плачу* (П. Вяземский); *М. Ахмадинежад, президент Ирана: «Бог мне свидетель, Ирану плевать на ваши (США и Израиль. – ред.) бомбы, боевые корабли и самолеты»*. Комментарий журналиста: *С таким свидетелем – хоть сегодня в суд любой инстанции. Вплоть до Страшного, если дело всё-таки дойдёт до бомб, кораблей и самолётов...* (АиФ на Енисее. 2012. № 12).

А. нередко отождествляется с такими понятиями как силлепс, плока и диафора [Beth, Magreau 2005: 34–35; Silva Reticæ; Филиппов, Романова 2002: 95]. Иногда А. и диафору понимают как два самостоятельных приёма [Клюев 2001; Копнина 2009: 405], хотя чаще плоку и диафору считают разновидностями А. и различают в зависимости от степени семантической удалённости значений повторяющегося в А. слова [Филиппов, Романова 2002: 95; Хазагеров, Ширина 1999: 202; Энциклопедический 2005: 43]. Подобная точка зрения является наиболее распространённой, хотя такое разделение довольно субъективно: на практике не всегда можно определить, близки ли значения или далеки (контрастны). Кроме того, выделение диафоры и плоки приводит к мысли об избыточности понятия и термина А. Ср.: А. – «общее название для приёмов, связанных с употреблением в микроконтексте одного и того же слова в разных значениях (см. Диафора, Плока) [Энциклопедический... 2005: 43]. **Диафора** представляет собой повтор одного и того же слова или словосочетания в узком контексте в разных, хотя и не резко контрастирующих значениях: *Снаряды попадают в боевиков. А Ельцин попадает в больницу* [Энциклопедический... 2005: 117]. **А плока** – это повтор слова в контрастных, иногда даже контекстуально противопоставленных значениях: *Она (власть – А.П) говорит на «блатном» языке. Духовные авторитеты оказались потеснены в обыденном сознании другими авторитетами* [Энциклопедический... 2005: 231].

В некоторых других источниках степень изменения значения не учитывается и термин А. служит для обозначения всех вышеуказанных вариантов [Литературная ... 2001; Кожевников, Николаев 1987: 28; Москвин 2004: 96].

А. может использоваться как **эквивокация** – один из видов софизмов, когда говорящий намеренно, обычно скрытно, употребляет слово, произнесённое ранее собеседником, в ином значении (см. Подмена тезиса, Софизм).

Нередко А. контаминирует с Полиптотом (см.), когда меняется не только значение, но и форма слова: *Если слишком долго стоишь на краю пропасти – можешь называть этот край родным* (Жомок. 2006. № 9); *Юрий Лужков: Родину не оставлю, если она не оставит меня* (КП. 2011. № 3).

А. может использоваться в публицистике и художественной литературе для выражения контраста: *Для нас, людей, был чёрный ход, / А ход парадный – для господ. / Хоть нашу братию подчас / Людьюми не признавали, / Но почему-то только нас / Людьюми и называли* (С. Маршак). Различные

значения или их оттенки обыгрываются также в рекламных текстах: *Сейчас многие банки повышают процентные ставки. Чего ждать? Ждать не стоит, так как практика показывает, что лучше не станет* (Шанс. 2012. № 7).

Более частотна А., выполняющая функцию создания комического: *Внимание, новости! В Чертанове был найден мальчик, воспитанный собаками! Это единственный воспитанный мальчик в Чертанове!* (КП. 2010. № 45). А. способна выражать иронию и даже сарказм: – *Это ж я часы не перевела. – Нонн, часы переводили 4 месяца назад. – Ой, это тогда я и не перевела. – Можешь уже не переводить. Чего дорогие часы переводить почём зря* (к/ф «День радио»); *На днях, влача с собой огромных два портсака, / Приплёлся он в вокзал; с лица струился пот... / «Ему не донести!» – вокруг сожалеет народ, / И только лишь какой-то забияка / Сказал: «Не беспокойтесь – донесёт!..»* (Эпиграмма Д. Минаева на Б. Маркевича, донёшего на И. Тургенева). А. может употребляться исключительно ради языковой игры самой по себе: *Миллионы граждан спят и видят собственные квадратные метры. А некоторые уже спят в своих квартирах и не видят в этом ничего необычного* (Cosmopolitan. март 2012).

Лит.: Ключев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 2001; Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Словарь лингвистических терминов / сост. Т.В. Жеребило. Назрань. 2010; Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник. М., 2002; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; Beth A., Marpeau E. Figures de style. Paris, 2005; Silva Reticarum. URL: www.rhetoric.byu.edu; Williams G. The figures of speech. URL: www.nipissingu.ca/faculty/williams/figofspe.htm.

М.А. Южанникова

АНТИКЛИМАКС. СМ. ГРАДАЦИЯ

АНТИМЕТАБОЛА (от др.-греч. ἀντιμεταβολή – ‘взаимообмен’) – стилистическая фигура, заключающаяся в перекрёстном повторении слов, которое сопровождается изменением их синтаксических функций и смысловых связей с непосредственным окружением. Исходной для преобразования формой может быть как словосочетание, так и предложение, напр.: *Поэзия грамматики и грамматика поэзии* (Р. Якобсон); *Хотя потребление сигарет в самой Америке идёт на убыль, страна всё же сохраняет за собой второе место в мире... Впрочем, эту фразу лучше прикурить с другого конца. Именно: хотя страна всё ещё остаётся вторым мировым сигаретным рынком, потребление табака идёт на убыль* (СГ. 29.11.1997).

А. считают разновидностью хиазма (из-за перекрёстного расположения компонентов), антитезы (т.к. перекрёстный повтор, как правило, приводит к противопоставлению компонентов друг другу) или трактуют как фигуру синкретичного (гибридного) характера, совмещающую в себе структурные признаки хиазма и семантические признаки антитезы.

Используется А. в художественных, публицистических и – реже – научных текстах с целью смыслового противопоставления, демонстрации сходства или различия каких-л. явлений, усиления изобразительности речи, напр.: *Замкнутая вода. Замкнутый лес. Озеро в небо смотрит, небо – в озеро* (А. Солженицын) – с помощью А. изображается зеркальность водной глади, со всех сторон окружённой лесом; *Запорожская Сечь с языческой экзотикой и чубатыми казаками. Гордые шляхтичи. Адский любовный треугольник с яростными мужчинами и ясноглазой красавицей с косой толциной в кулак. И битва. <..> Преобладающие цвета – красное с золотом. Золото с красным. Вот такой этот фильм* (МК – в Красноярске. 09.12.1999) – А. отображает цветовую гамму события и передаёт его драматизм; *Поэзия без фигур стала как бы недостойна называться поэзией, фигуры вне поэзии как бы перестали существовать* (Е.В. Ключев. Риторика) – А. подчёркивает естественность фигур для поэтической формы речи.

А. способна придавать афористичность высказыванию, поэтому она используется в разговорной речи в виде устойчивых выражений, напр.: *Не говори, что думаешь, но думай, что говоришь; Не место красит человека, а человек место; Надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть; Превращай мечты в жизнь, но не превращай жизнь в мечты.*

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; Кузнецова А.А. Антиметабола как стилистическая фигура в современном русском литературном языке // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат-лов II междунар. науч. конф. (Красноярск, 10–12 сентября 2007 г.). Красноярск, 2007; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Синтаксические фигуры как система: коллективная монография. Смоленск, 2007; Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник: учеб. пособие. М., 2002; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

АНТИОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. См. ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ

АНТИПАРАСТА́ЗИС. См. ОПРОВЕРЖЕНИЕ

АНТИПОСЛОВИЦА, или **КВАЗИПОСЛОВИЦА**, **ЛОГОЭПИСТЕМОИД**, **ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ НЕОЛОГИЗМ**, **ПОСЛОВИЦА-НЕОЛОГИЗМ**, **ПОСЛОВИЧНЫЙ(-АЯ) ТРАНСФОРМ(-А)**, **ТРАНСФОРМИРОВАННАЯ ПАРЕМИЯ**, – изречение, представляющее собой результат языковой игры с фразеологической единицей, пословицей, поговоркой или афоризмом; переделку известного изречения или выражения, «подчёркнуто иронического их “выворачивания наизнанку”» [Вальтер, Мокиенко 2005: 4]. Термин «А.», активно употребляемый в современных паремиологических исследованиях, до сих пор не «узаконен» в лексикографической практике. Как отмечают Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, термин является калькой английского *anti-proverb* или немецкого – *Anti-spruchwort*, используемых в работах зарубежных исследователей, напр., В. Мидера (W. Mieder) и С. Нойманна (S. Neumann): *Длинные ноги не роскошь, а средство выживания!*; *Вышла Василиса Прекрасная за Ивана Дурака и стала Василиса Дурак*; *Если не хотите брать kota в мешке, то следует сначала вылезти из мешка наружу* и др. Экстралингвистической причиной активизации трансформирования паремий в конце XX – начале XXI вв. учёные (В. Мидер, В.М. Мокиенко, Х. Вальтер, Е. Невзорова-Кмеч) считают то, что в них отражены не абсолютные истины, а мнения, в той или иной мере распространённые в народе в определённую эпоху. Смена системы ценностей общества и вызывает тягу к «стёбу», ироническому или даже саркастическому взгляду на вещи.

В.М. Мокиенко отмечает, что А. нельзя назвать новым явлением. Скорее, они возникают волнообразно: «В разные эпохи этот жанр то затухал, то вдруг выплёлскивался на подмостки народной речи или большой литературы. Так, в XVIII веке многие светлые умы Европы вдруг поставили (как и в эпоху античности) традиционную народную мудрость под большое сомнение. Г.Х. Лихтенберг, Э. Кант, И.В. Гёте, Ф. Шиллер, Вольтер и мн. др. писатели, поэты и философы превращали пословицы в антипословицы, которые столь же легко переносились из уст в уста, как и их прототипы» [Вальтер, Мокиенко 2005: 7]. Однако лингвисты не склонны сводить роль А. к насмешке над ценностями прошлого: «Переделки пословиц, правда, столь же древни, как и сами пословицы. Они родились не только как уже отмеченный протест против банального здравого смысла и назидательного тона традиционной “народной мудрости”, но и как весёлая языковая игра, очищающий катарсис, карнавальная речевая маска уставшего от “серьёзностей” и трагедий повседневной жизни Человека» [Мелерович, Мокиенко 2008: 87]. Лингвистическую причину возникновения А. исследователи видят в прозрачности внутренней формы исходного материала и в активности паремийных моделей, порождающих новые или обновлённые единицы. Сам процесс изменения прототипа учёные называют варьированием или трансформированием. В первом случае упор делается на восприятии носителями языка нового производного как узнаваемой переделки известного или нескольких известных [Жигарина 2006; Селиверстова 2009], ср.: *Агор шекель бережёт ← Копейка рубль бережёт*; *Шило не воробей, в лес не убежит ← Шила в мешке не утаишь + Слово не воробей: вылетит – не поймает + Работа не волк, в лес не убежит*. Во втором – внимание сосредоточивается на особенностях изменения формы и/или содержания прототипа [Фёдорова 2007; Бутько 2009].

В широком плане в круг А. включаются и такие воспроизводимые изречения нового времени, которые не имеют прототипа, ср.: *Безусловно, шахматы придумали русские, раз (поскольку) главное в игре – мат*.

Лит.: Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005; Жигарина Е.Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов: АКД. М., 2006; Максимов В.И. Словарь перестройки. СПб., 1992; Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома, 2008; Мокиенко В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). М., 2008; Савенкова Л.Б. Антропонимы в русских «антипословицах» // Проблемы региональной ономастики: мат-лы V Всерос. науч. конф. Майкоп, 2006; Селивёрстова Е.И. Пространство русской пословицы: изменчивость и постоянство. СПб., 2009; Фёдорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц: АКД. В. Новгород, 2007.

Л.Б. Савенкова

АНТИПРОЗОПОПЕЯ. См. ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ

АНТИРЕЗИС. См. ОПРОВЕРЖЕНИЕ

АНТИСТРЕФОН. См. ОПРОВЕРЖЕНИЕ

АНТИТЕЗА (от др.-греч. *αντι* – ‘против’ и *θεσις* – ‘тезис’) – стилистический приём, основанный на контрасте, противопоставлении понятий, положений, образов, состояний и т.п. А. строится на сравнении двух противоположных явлений или признаков, присущих, как правило, разным предметам: *Земля гипербол / лежит под ними / Как небо метафор / плывет над нами!* (И. Бродский). В данном примере для создания развёрнутой А. с целью характеристики разных явлений использованы пары контрастных слов: *земля – небо* (контраст по расположению в пространстве), *под – над* (антонимичные предлоги), *лежит – плывёт* (противопоставление по признаку наличия/отсутствия движения), *ними – нами* (противопоставление местоимений «мы» – «они»).

Аристотель в «Риторике» значение А. определил следующим образом: «Такой способ изложения приятен, потому что противоположности достаточно понятны, если же они стоят рядом, то понятны ещё более, а также потому, что похожи на силлогизм, так как опровержение есть соединение противоположностей» [Аристотель 2000: 127]. Напр.: *Час разлуки, час свиданья / Им ни радость, ни печаль. / Им в грядущем нет желанья / И прошедшего не жаль* (М. Лермонтов); *Много видевший, много знавший, / Знавший ненависть и любовь, / Всё имевший, всё потерявший / И опять всё нашедший вновь* (Д. Кедрин).

А. может быть простой, состоящей из одной пары антонимов: *Не может в хорошем спектакле превосходный Сальери быть при плохом Моцарте* (ВК. 14.02.1998); *Не видать мне, что ли, ни денёчков светлых, ни ночей безлунных?!* (В. Высоцкий); и сложной (состоящей из нескольких пар антонимов): *Из груди извлечёт не речь, но стон; и не привет, упрёк услышит он* (М. Лермонтов); *Идут – красивые и безобразные, / Идут – весёлые, идут – печальные, / Такие схожие – такие разные, / Такие близкие, такие дальние...* (З. Гиппиус).

А. широко используется в пословицах и поговорках: *Легко подружиться, тяжело разлучиться; Шуму много, толку мало; Ученье – свет, а неученье – тьма; Не отведав горького, не узнаешь сладкого*. Часто А. используется авторами художественных и публицистических произведений в заглавиях: *Война и мир* (Л. Толстой), *День и ночь* (название журнала), *Бедность при богатстве* (заголовки в газете).

Выделяют следующие разновидности А.

Акротеза – подчеркнутое утверждение одного из признаков предмета или явления за счёт отрицания противоположного: *не чёрный, а белый; не слабость, а сила; Во имя правды, а не лжи* (Е. Евтушенко).

Аллойоза – стилистический приём, который заключается в развёрнутом сопоставлении двух характеристик предмета (в широком смысле) и подчеркивании несхожего в том, что предварительно определено как сходное. Аллойоза является разновидностью развёрнутой А.: *Впрочем, «рыба-кит» всё же не рыба. Кит рождает одного китёнка — рыба мечет тысячи и даже миллионы икринок; кит вынужден время от времени всплывать, превращаясь в удобную мишень для гарпунной пушки, — рыба может уйти на глубину, недостижимую для современных орудий лова* (К. Константинов).

Амфитеза – одновременное утверждение двух противоположных явлений или признаков. Тем самым каждое явление или признак охватывается полностью: *и стар, и мал; и черные, и белые; Де-*

люся с **умным** и **безумным** (М. Лермонтов). Эффект амфитезы заключается в представлении всего множества явлений, называемых антонимами. Амфитеза часто представляет собой устойчивое словосочетание, состоящее из антонимов, соединённых союзом *и*: **зимой** и **летом**; **вдоль** и **поперек**; и **день**, и **ночь**.

Диатеза – приём, позволяющий более чётко изобразить промежуточное, среднее звено множества предметов, явлений, признаков: *не белый, но и не так, чтобы чёрный. Есть сумерки души, несчастья след, когда ни мрака в ней, ни света нет* (М. Лермонтов); *В брочке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод* (Н. Гоголь).

Парадиатеза – разновидность А., построенная на дополнении контраста признаков их сходством. В таком случае А. составляют не антонимы, а синонимы: *не глаза, а очи; Вы хотите сказать, что человечество ещё живо? Если вы и правы, то лишь отчасти. Разве можно назвать жизнью это существование с непременным букетом недомоганий, хворей и недугов?* (Собеседник. 1993. № 4).

Синкрисис (см.) – разновидность А., состоящая из двух симметрично построенных словосочетаний или предложений, в каждом из которых имеется ряд компонентов, вступающих в антонимические отношения: *После дня тяжёлого, / Ох, завидовал я как: / Твой Святой Никола – во! / Ну, а мой Иван – дурак! / Я придумал ход такой, / Чтоб заране причитать: / Мне ж до Бога – далеко, / А ему – рукой подать* (В. Высоцкий). Ср. в примере: *твой дурак – мой во!, мне далеко – ему рукой подать*.

А. может выступать в роли композиционного приёма. К примеру, стихотворение Н. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» включает в себе контраст жизни сановника и мужиков. Антистетически соотносящиеся друг с другом сюжетные линии имеют, напр., романы «Анна Каренина» (Л. Толстой) и «Поднятая целина» (М. Шолохов).

А. может использоваться для создания иронии в том случае, если вторая её часть семантически не соответствует первой: *В огороде бузина, а в Киеве – дядька*. В данном случае высказывание формально сохраняет структуру А., интонацию противопоставления, противительный союз, но его компоненты не имеют антонимических отношений. Подобную разновидность А. иногда называют **квантитезой**.

Лит.: Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000; Введенская Л.А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Краткие очерки по русскому языку. Курск, 1966; Еленевская М.Н. Синонимия как средство выражения контраста и аналогии в афоризме // Лексическая семантика и фразеология. Л., 1987; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1997; Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М., 1983; Хазагеров Т.Г., Ширинина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009; Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В. О речевых приёмах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1992; Щербаков А.В. Приёмы контраста в текстах современных российских СМИ // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сб. науч. работ, посвящённый 80-летию А.П. Сковородникова. Красноярск, 2009.

А.В. Щербаков

АНТИТЕЗИС (от др.-греч. ἀντίθεσις – ‘противоположение’) – утверждение, противоположное Тезису (см.).

А. обычно используется в косвенном доказательстве: обосновывая ложность А. и опираясь на закон исключённого третьего (из двух противоположных суждений одно обязательно истинно), доказывают истинность тезиса или, наоборот, обосновывая истинность А., доказывают ложность тезиса. Напр., «в качестве тезиса возьмём высказывание *Две прямые пересекаются в единственной точке* (это одна из теорем геометрии). Для выяснения истинности или ложности данного утверждения выдвинем антитезис *Две прямые пересекаются не в единственной точке (то есть они имеют две, три или более точек пересечения)*. Рассматривая это высказывание, мы заметим, что если, напр., две прямые пересекаются в двух точках, тогда через две точки пространства проходят две прямые; а это противоречит известной аксиоме о том, что через две точки пространства проходит одна и только одна прямая. Таким образом, две прямые не могут пересекаться в двух (а также – трёх, четырёх и т.д.) точках, т.е. антитезис ложен, а тезис, следовательно, истинен» [Гусев 2004: 75].

А. может быть выражен описательно, напр.: *Американское кино не ругает только слепой. <...> «Новое русское кино», как и бесконечные телеигры и лотереи российского телевидения твердят одно: главное – «успех». И лишь старое советское кино, как и некоторые голливудские картины намекают: «успех» – не главное. Главное – не предавай, не топчи других людей, уступи слабому и защити его... Когда в «Терминаторе-2» биоробот из будущего (персонаж Шварцнеггера) погружается в кипящую сталь на глазах у спасённого им мальчика – имеем ли мы право сказать, что перед нами проповедь антихристианства? Терминатор уничтожает себя – чтобы никакая из составляющих его деталей не досталась тем, кто пожелает воспроизвести подобного ему робота и использовать его в качестве супероружия. И в сознании детей, смотревших этот фильм, остаётся плачущий мальчик, смотрящий на защитившего его странного друга – и рука Терминатора, постепенно погружающаяся в лаву и прощально поднимающая большой палец... Разве не легче будет после этого рассказывать детям о Евангелии и о той жертвенной этике, что возвещается им? (А. Кураев. Фильм о «Титанике»: взгляд богослова // <http://www.dobrodel.net/relig/titanic.html>). Тезису, выделенному курсивом, противостоит А. о том, что и в американских фильмах можно увидеть христианские идеи о самопожертвовании во имя добра.*

Существует различие между пониманием тезиса и А. в логике и диалектике: «...логический антитезис является «чистым» отрицанием тезиса и не несёт никакого положительного содержания, в то время как диалектический антитезис не просто отрицает тезис, но и содержит в себе некое утверждение, которое, объединяясь с утверждением тезиса, порождает содержание объединительного суждения – синтеза. Напр., если имеется тезис: “человек – существо духовное”, то его логическим антитезисом будет суждение: “человек не является существом духовным”, а диалектическим: “человек – существо физическое”. Согласно логическому закону исключённого третьего, если тезис истинен, то антитезис ложен, и наоборот. Согласно диалектическому закону отрицания отрицания, истиной тезиса и антитезиса является их синтез: “человек – существо духовное и физическое”» [Суворов 2001].

Лит.: Гусев Д.А. Логика: учеб. пособие. М., 2004; Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М., 1997; Суворов О.В. Тезис и антитезис // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. М., 2001. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9189

Г.А. Копнина

АНТИФРАЗИС (греч. ἀντιφράσις – ‘говорить противоположное’) – Троп (см.), основанный на принципе контраста и состоящий в употреблении слова или сочетаний слов в значении, противоположном его (их) обычному (языковому, системному) значению. Такое употребление слова достигается с помощью контекста, а в устной речи и особой интонации. Напр.: *Попробуйте только меня тронуть, – кротко возразил я распорядителю. – Сами покойником будете!* (А. Аверченко); *За всё, за всё тебя благодарю я: / За тайные мучения страстей, / За горечь слёз, отраву поцелуя, / За мсть врагов и клевету друзей; / За жар души, растроченный в пустыне, / За всё, чем я обманут в жизни был... / Устрой лишь так, чтобы тебя отныне / Недолго я ещё благодарил* (М. Лермонтов).

А., используемый преимущественно в художественных и публицистических текстах, специализирован на выражении разных оттенков комического, в частности, иронии. А. употребляется и в разговорной речи, где часто приобретает форму клишированных конструкций (*Этого ещё не хватало!*; *Удружили так удружили!*; *Хорошенькое дело* и т.п.). А., выражающий похвалу в форме порицания, называется **астензмом** (от др.-греч. ἀστενισμός – ‘остроумие’), напр.: *Чёрт так не сыграет, как он, проклятый, играл на контрабасе, бывало, выводил, шельма, такие экивоки, каких Рубинштейн или Бетховен, положим, на скрипке не выведет. Мастер был, разбойник* (А. Чехов).

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Горшков А.И. Русская словесность. От слова к словесности: учеб. пособие для 10 – 11 классов. М., 1995; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие для вузов. М., 1999; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

АНТИЧНАЯ РИТОРИКА – наука и искусство убедительной и украшенной речи в Древней Греции и Древнем Риме. Риторика в античности является государствообразующей теорией и практикой организации всей жизни античного общества, поскольку для античного политика, судьи, учёного, воина аргументирующая публичная речь была инструментом управления во всех областях жизни. Как научная теория, риторика предлагала законы и правила построения прозаических (по преимуществу ораторских) сочинений; как общественно-педагогическая практика риторика давала образцы общественной речи, отбирала и фиксировала лучшие ораторские речи, становившиеся литературной классикой.

Если «в самом центре греческой философии возвышаются две фигуры: Платон и Аристотель» [Аверинцев 1996], то это же можно сказать о риторике в Древней Греции, которая, согласно выводам Ю.В. Рождественского, наиболее выразительно представлена в диалоге Платона «Горгий» и трактате Аристотеля «Риторика». Софист Горгий, считающийся одним из основателей риторики, главной целью рассматривает достижение успеха любыми способами, поэтому «главная цель оратора – не чёткость истины, но чёткость и убедительность при помощи вероятного». Сократ сравнивает такого ратора с поваром, потакающим обществу, и говорит, что риторика не может быть просто сноровкой и угодничеством, а должна быть сознательно проводимым искусством насаждения благих чувств. Риторика, по мысли Платона, есть творческая деятельность, которая воплощает высшую справедливость в человеческом обществе при помощи последовательного приведения всех низших страстей в стройное и упорядоченное состояние [Лосев 1979].

Цель красноречия и ораторства зависит от нравственности оратора. Эту мысль Платон выразил в таком суждении: «Если красноречие двойственно, то одна его часть должна быть самой угодливой, постыдным заискиванием перед народом, а другая – прекрасным попечением о душах граждан».

Автор основного фундаментального трактата «Риторика» Аристотель (384–322 гг. до н.э.) определяет риторику как «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета». Для большинства античных теоретиков ясно, что возможности убеждения аудитории необходимо связывать с нравственной философией и этикой, ибо решение судьи зависит от того, в какое «известное настроение (любви или гнева)» могут привести слушателей ораторы. Для корректного античного ратора очевидно, что в риторике доказывается не истинное, а вероятное, правдоподобное, но именно поэтому судья или аудитория, выносящие решение, должны знать о возможностях неверных выводов вследствие «простора для коварной софистики», которая действует в выступлениях перед толпой. Убеждение, согласно Аристотелю, зависит от трёх факторов: 1) характера говорящего, 2) настроения слушателей и 3) самой речи.

Именно Аристотель в трёх книгах своей «Риторики» выстраивает теоретическую схему риторики как последовательности создания речи от её замысла и содержания через композицию к выразительным средствам в словах, синтаксическом строе и произношении. В Книге 1-й анализируются основные роды государственных речей (совещательная, судебная, эпидейктическая), разбирается построение доказательств с помощью общих мест, поэтому толкуются понятия счастья, блага и видов благ, добродетелей, прекрасного, удовольствия/неудовольствия, справедливого/несправедливого. Книга 2-я оригинальна анализом видов страстей, ибо «страсти – всё то, под влиянием чего люди изменяют свои решения», с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, гнева, сострадания, страха, любви и т.д.; затем следует анализ общих способов убеждения, состоящих в изобретении примеров и различных видов энтимем как способов доказательств. Книга 3-я посвящена стилю и композиции, в частности разбираются достоинства стиля (условия ясности и правильности языка, пространности и сжатости стиля, сравнения, виды периодов как способов украшенного распространения речи, разные типы метафор, удачные и неудачные выражения), деление речи на различные части (виды предисловий, рассказ, доказательство, заключение).

Теория А.р. развивалась в Древнем Риме прежде всего трудами великого оратора и теоретика Марка Туллия Цицерона и основателя европейской педагогики Марка Фабия Квинтилиана (I в. н.э.). На латинском языке известны анонимный трактат «Риторика к Гереннию»; Цицерону принадлежат юношеский трактат «De inventione (Об изобретении)», три наиболее известных трактата «Оратор», «Брут», «Об ораторе» поразительные по широте охвата рассматриваемых вопросов: тут и взаимодействие красноречия и политики, философии, права, и способы обучения красноречию, которые затем будут воспроизводиться анонимно во множестве национальных традиций (дарование, наука, образцы, упражнения), и огромное количество практических наблюдений и советов.

Трактат Марка Фабия Квинтилиана «Двенадцать книг риторических наставлений» лежит в основании теории риторики и риторической педагогики. Именно Квинтилиан суммировал пять частей

риторики, заимствовав их, безусловно, из греческой традиции: 1) inventio (изобретение), 2) dispositio (расположение), 3) elocutio (слововыражение), 4) memoria (память), 5) actio, или pronuntiatio (в первоначальном переводе – «язык действия», произношение и телодвижение).

Учитель российской и латинской словесности Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанский справедливо писал, что «образцы предшествуют правилам», поэтому в некотором смысле практика риторики и выделение лучших речей для оставления в культурной памяти народа опережает составление теорий. «Реторики» Н.Ф. Кошанского свидетельствовали, какие речи античных ораторов наиболее ценились в европейской традиции – в сущности, они остались неизменными по сей день, только перепечатываются теперь с обновлёнными комментариями. Наиболее выдающимися ораторами, оставившими яркий след в европейской традиции как своими речами, так и советами и практикой воспитания оратора, являются, безусловно, в Греции – Демосфен, в Риме – Цицерон. Однако всегда ценились и изучались в педагогической традиции речи (в греческий период) Горгия, Лисия, Исократа, Эсхина, Диона Хрисостома, Аристиды, Либания, (в римский период) Марка Антония, Гая Юлия Цезаря, Сенеки Старшего и мн. др.

Лит.: Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М., 1996; Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. М., 2008; Античные реторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978; Квинтилиан Марк Фабий. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб., 1834; Кошанский Н.Ф. Частная риторика. 1–7 издания. СПб., 1832–1849; Лосев А.Ф. Риторика // История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979; Ораторы Греции. М., 1985; Платон. Горгий // Сочинения в трёх томах. Т. 1. М., 1968; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 2004; Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

В.И. Аннушкин

АНТИЭЛЛИПСИС – стилистическая фигура, структурно противоположная Эллипсису (см.) и состоящая в избыточном замещении какой-л. синтаксической позиции/позиций по сравнению с нейтральным вариантом нормы. Напр.: *Я не хотел думать о Варе, я хотел помнить отца, ведь прошло так мало времени после его смерти. Так мало времени прошло, а я уже живу новыми чувствами, забывая о долге перед его памятью* (Н. Евдокимов). Ср.:...ведь прошло так мало времени после его смерти, а я уже живу новыми чувствами, забывая о долге перед его памятью; *Самые близкие пока молчат. Я-то жду именно их звонка, их слов, их участия. Но им, видать, необходимо время, чтобы опомниться. Они позвонят. Они помогут. Они всё сделают* (М. Годенко). Ср.: Я-то жду именно их звонка, слов и участия; они позвонят, помогут, всё сделают.

Основная функция А. – логическое выделение того слова или сочетания слов, которое (которые) избыточно замещает потенциальную синтаксическую позицию. Однако если А. участвует в приёме синонимического или градационного повтора, то в такого рода конструкции акцентируются синонимы: *Мне предложили принять участие в программе «Суд времени» Пятого канала телевидения в составе команды Сергея Кургина, защищающей правду о Советской эпохе. Я согласился, я соблазнился, я дал слабину, хотя целиком разделяю взгляд покойного академика Виталия Гинзбурга на наше телевидение: «Это преступная организация»* (Завтра. 2010. № 43).

На эту основную функцию, в зависимости от контекста и лексического наполнения конструкции, могут накладываться некоторые другие, напр., функция выражения сильной эмоции и/или оценки: ... *И то, о чём боялась вспоминать – и помнила всё время. Помнила всё время. Счастье, о котором чем дальше, тем мучительнее вспоминать – потому что оно отходит в прошлое, всё глубже в прошлое* (М. Чулаки); *На крутом склоне Святой горы – серая рана каменной выработки. Искоржили гору, погубили красоту, как будто нигде в другом месте не могли добывать камень для строек. Погубили красоту, погубили!* (М. Годенко).

Стилистически не обусловленное замещение потенциальных синтаксических позиций может быть признаком невысокой речевой культуры, что в свою очередь может использоваться писателем как характерологический приём, напр.:

б) *И теперь этого (неравных браков. – А.С.) не бывает.... Нет, конечно, бывает, что молоденькая у нас иногда выходит за пожилого. Но зато этот пожилой у нас обыкновенно какой-нибудь там крупнейший физиолог, или он ботаник, или он чего-нибудь такое изобрёл всем на удивленье, или, наконец, он ответственный бухгалтер и у него хорошая материальная база на двоих* (М. Зощенко).

Сферой регулярного и полнофункционального употребления А. является художественная речь и публицистика.

Лит.: Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; Сковородников А.П. Об одном типе повторной номинации со стилистической значимостью // Синтаксис текста. М., 1979; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

АНТОНИМЫ (от др.-греч. *αντί* – ‘против’ + *ὄνομα* – ‘имя’) – слова одной части речи, имеющие противоположные значения. Явление антонимии в языке обусловлено свойственным человеку восприятием действительности во всей противоречивой сложности. Так, упоминание о знакомом человеке вызывает мысль о существовании незнакомых людей, понять смысл слова «холодно» можно лишь на фоне значения слова «тепло» и т.д. У одного слова может быть несколько антонимов: *сладкий – горький, кислый*. У слов, входящих в синонимические ряды, может быть довольно много А. Напр., слово *загораться* имеет А.: *гаснуть, погасать, угасать, тухнуть, потухать, затухать*.

Выделяют А. языковые, т.е. существующие в системе языка (*богатый – бедный*), и А. речевые (оказиональные, или индивидуально-авторские), возникающие в определённом контексте и не закреплённые в системе языка, напр.: *Волки и овцы* (название басни И. Крылова).

В основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков. Среди А. нет собственных имён, местоимений, числительных. В антонимические отношения вступают лишь слова, соотносительные по какому-л. признаку: качественному (*хороший – плохой, умный – глупый, родной – чужой, горячий – холодный*), количественному (*единственный – многочисленный, мало – много*), временному (*рано – поздно, день – ночь, утро – вечер, сегодня – завтра*), пространственному (*просторный – тесный, высокий – низкий, широкий – узкий*). Встречаются противоположные наименования действий/состояний (*плакать – смеяться, радоваться – горевать*), но таких в русском языке немного. По структуре А. могут быть разнокорневыми (*польза – вред, часто – редко, сила – слабость*) и однокорневыми (*логичный – алогичный, грамотный – безграмотный, приходить – уходить*).

Логическую базу антонимии образуют три вида противоположности: **контрарная, контрадикторная и комплиментарная**. В первом случае противоположность выражается видовыми понятиями, между которыми есть средний, промежуточный член: *молодой – нестарый, средних лет, пожилой ... – старый*. Контрадикторная противоположность выражена отношениями типа А – не А: *большой – небольшой, хороший – нехороший*. Комплиментарную противоположность образуют видовые понятия, которые дополняют друг друга до родового и являются предельными (полярными) по своему характеру: *конечный – бесконечный, добро – зло, истина – ложь*. В стилистических целях могут быть использованы все виды противоположностей.

Чаще всего в речи А. используются для выражения противопоставления, составляя основу Антитезы (см.): *Я – царь, я – раб, я – червь, я – Бог!* (Г. Державин); *... Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень не столь различны меж собой...* (А. Пушкин); *В результате свершилась резкая (и оскорбительно неравномерная) поляризация: с одной стороны, половодье глянцевого макулатуры, с другой – ручейк литературы подлинно художественной* (ВК. 18.02.1997).

В речи А., как правило, объединяются в пары: *Равенство это – равенство сознания, и оно остаётся с человеком на всю жизнь в виде памяти, смутной или отчётливой, и рано или поздно, кстати или некстати, определяет поведение индивидуума* (И. Бродский); *Мы вгрызались в его сложную философию, где сталкивались лбами романтизм и прагматизм, бытовая реальность горожанина, живущего в уюте Европы, и нереализованная мечта* (ВК. 18.02.1998).

А. раскрывают противоречивую сущность явлений и событий: *Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка-Русь* (Н. Некрасов).

Антонимия может развиваться внутри одного слова: случаи, когда значения слова являются противоположными. Такое явление получило название внутрисловной антонимии, или Энантиосемии (см.). Явление внутрисловной антонимии лежит в основе такого стилистического приёма, как Антифразис (см.). В этом случае контраст, лежащий в основе антонимии, реализуется на уровне слова под влиянием контекста за счёт актуализации двух противоположных значений: *Откуда, умная, бредёшь ты, голова?* (И. Крылов). В данном примере узальному значению слова «умный» противопоставля-

ется окказиональное значение «глупый», которое подразумевается (слово «умный» использовано в басне в качестве обращения к ослу). *С редакторами у меня взаимная **прия́знь** с застойных ещё лет* (из интервью с Е. Шифриным). В этом примере актуализированы значения «симпатичный» – «антипатичный» (ср. *прия́знь* – *неприя́знь*).

Стилистические функции А. не ограничиваются выражением контраста. При помощи А. можно выразить, напр., полноту охвата явлений или событий: *Я не унижусь пред тобою; / Ни твой **привет**, ни твой **укор** / Не властны над моей душою* (М. Лермонтов); *Перед ним толпа бежала, / **Быль** и **небыль** разглашала* (А. Пушкин).

А. как выразительное средство создания контраста употребляются преимущественно в художественной речи и публицистике. Антонимия является важнейшим средством создания антитезы, Оксюморона (см.) и антонимического Каламбура (см.).

А. встречаются в заглавиях: *Отцы и дети* (И. Тургенев), *Толстый и тонкий* (А. Чехов), *Война и мир* (Л.Н. Толстой), *Живые и мёртвые* (К. Симонов). А. используются в афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках: *Ученье – свет, а неученье – тьма; У бабы волос долог, да ум короток; Старый друг – лучшие новых двух; Лучшие горькая правда, чем сладкая ложь*. А. встречаются в загадках, напр.: *Бывает он в холод, / Бывает он в зной, / Бывает он добрый, / Бывает он злой. / В открытые окна / Нежданно влетит, / То что-то прошепчет, / То вдруг загудит, / Притихнет, умчится, / Примчится опять, / То вздумает по морю / Волны гонять... (Ветер)*.

Лит.: Асанова Н.В. К вопросу о понятии противоположности как основе лексической антонимии // Актуальные проблемы филологии. М., 1981; Введенская Л.А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Краткие очерки по русскому языку. Вып. 2. Курск, 1966; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1997, 2006; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М., 1973; Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: Учебник. М., 2003; Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В. О речевых приёмах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1992; Щербаков А.В. Приёмы контраста в текстах современных российских СМИ // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сб. науч. работ, посвящённый 80-летию А.П. Сковородникова. Красноярск, 2009.

А.В. Щербаков, Н.Н. Акулова

АНТОНОМА́ЗИЯ (АНТОНОМА́СИЯ) (от др.-греч. ἀντονομασία – ‘переименование’), – троп, состоящий в замене имени собственного нарицательным и наоборот. А. имеет несколько разновидностей: 1. Замена имени собственного описательным оборотом: *Страна восходящего солнца* вместо *Япония*; *Северная Венеция, Северная Пальмира, Северная столица, город на Неве* вместо *Санкт-Петербург*; *Автор «Евгения Онегина»* вместо *А.С. Пушкин* и т.д. *Смуглый отрок* бродил по аллеям, / У озёрных грустил берегов, / И столетие мы лелеем / Еле слышный шелест шагов (А. Ахматова), где *смуглый отрок* – А.С. Пушкин; *Но нам священный град Петра* невольным памятником будет (А. Ахматова). *Град Петра* – Санкт-Петербург. Данный тип А. является разновидностью Перифразы (см.).

2. Использование собственного имени (широко известного) вместо нарицательного для называния другого лица, наделённого сходными свойствами, чертами. Используемое собственное имя должно ассоциироваться с определёнными качествами. Так, общепринято благородного и наивного человека называть «дон кихотом», ленивого – «обломовым», ревнивого – «отелло», невежественного – «митрофанушкой» и т.д. Напр.: *Некоторые из моих друзей говорят, что я коллекционирую всякий хлам, и называют меня **плюшкиным*** (АиФ); *На Москве-реке пьяные «**шумахеры**» устроили гонки на катерах: один погиб, второй ранен* (АиФ).

В данном случае А. является скрытым сравнением. Возникает обобщённый образ носителя (носителей) определённого качества, свойства, признака. Называется этот образ по имени лица (реального или вымышленного), у которого данное свойство, качество достигло наивысшего проявления: *меценат* – богатый покровитель искусства (по имени Мецената, жившего в I в. до н.э.); *эскулап* – врач (по имени Эскулапа – древнеримского бога врачевания); *царь, кайзер* – правитель (по имени древнеримского императора Цезаря) и т.д. При этом А. становится нарицательным именем, т.е. из явления речи переходит в разряд единиц языка: *Я ускользнул от Эскулапа / Худой, обритый – но живой; / Его мучительная лапа / Не тяготееет надо мной* (А. Пушкин). Такая А. называется **проминацией**.

3. Использование географического названия, связанного с какими-л. событиями, для обозначения сходных событий. Напр.: ... или **Чернобылям** не будет конца (ЛГ); **Чернобыли** наших душ (АиФ); *Это было его Ватерлоо* (РГ).

4. Употребление названия основного признака, свойства лица вместо его имени: **Вседержитель**; **Единый**; **Отец небесный** и др. – о Боге. А. позволяет избежать скучного повтора и создать своеобразный синонимический ряд, когда одно и то же лицо каждый раз называется по-разному.

А., как правило, оценочна: *У меня в душе, как на острове Свободы: не бывает праздничных дней* (Вен. Ерофеев). *Остров Свободы* – Куба.

А. часто используется для создания разных форм комического: от легкой иронии до ядовитого сарказма, особенно в публицистических, масс-медийных текстах. Напр.: *Отношения между Ксенией Собчак и Анастасией Волочковой всегда были натянутыми. А если совсем откровенно – две светские львицы с трудом друг друга переносят* (АиФ).

В высмеиваемой А. нередко имя широко известного деятеля мировой истории, культуры переносится на недостойный этого имени объект: *К Лукреции Тарквиний новый / Отправился, на всё готовый* (А. Пушкин); *А глядишь, наш Мирабо / Старого Гаврилу / За измятое жабо / Хлещет в ус да в рыло* (Д. Давыдов).

Широко распространены формульные А. – устойчивые выражения: *Москва – третий Рим*; Павел I – *русский Гамлет*. Особенностью такой А. является её употребление с зависимыми словами, которые косвенно указывают на то, что речь идёт не о самом носителе данного собственного имени: А.Н. Островский – *Колумб Замоскворечья*; Батюшков – *русский Парни*; Державин – *Нестор муз*. Среди используемых зависимых слов наиболее распространены местоимения, числительные, прилагательное *новый*, географические, временные, национальные обозначения и др.

Лит.: Горте М.А. *Фигуры речи: терминологический словарь*. М., 2007; Квятковский А.П. *Поэтический словарь*. М., 1996; *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник* / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; *Литературный энциклопедический словарь*. М., 1987; Москвин В.П. *Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь*. Ростов н/Д, 2007; *Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь*. Ростов н/Д, 2008; Филиппов А.В, Романова Н.Н. *Публичная речь в понятиях и упражнениях: справочник: учеб. пособие*. М., 2002; *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты* / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

АНЭПИФОРА, или **АНАЭПИФОРА** (от др.-греч. ἀναέπιφορά – ‘вынесение наверх’), – повтор, при котором элемент, стоящий в начале речевого отрезка, повторяется в его конце: *У меня не живут цветы. / Красотой их на миг я обманут, / Постоят день, другой, и завянут, / У меня не живут цветы* (Н. Гумилёв).

Традиция называть эту стилистическую фигуру «рамкой», или «кольцом», утвердилась ещё в Древней Греции, была подхвачена древними римлянами [Античные ... 1996] и закреплена в риториках дальнейшего времени [Lausberg 1960]. Отечественная лингвистика сохраняет эту традицию, а термины часто используются и прочно укоренились в лингвистике [Квятковский 1966; Новиков 1988; Хазагеров, Ширина 1999].

Синонимичными, но менее частотными терминами являются «обрамление» [Кузнец и др. 1960: 75], «включение» (inclusio), «реддиция», (redditio), «охват», «комплексия» (complexio) [Античные... 1996: 281–283; Хазагеров, Ширина 1999: 236], «просаподосис» [Энциклопедический... 1988: 367]. Однако термин «А.» (или антэпифора) более прозрачен, так как объясняет структуру и происхождение названной стилистической фигуры [Morier 1981: 112].

Формальный принцип рамки рассматривался на всех структурных уровнях языка: фонетическом, морфологическом, семантическом, синтаксическом, а также в плане композиции и стихосложения. В русской филологии внимание к звуковой материи (прежде всего стиха) проявила школа русского формализма, а заслуга классификации звуковых повторов принадлежит О. Брику. Так, он выделяет фигуру «кольца», у которой «основа созвучия располагается в начале строки и повторяется в её конце» [Брик 1919: 83]: *где парус рыбака белеет иногда* (А. Пушкин); *колокольчик вдруг умолк* (А. Пушкин).

В большинстве классификаций риторических фигур (античных и современных), которые делятся на два больших класса: фигуры мысли (тропы) и фигуры речи (собственно фигуры), А. входит в состав фигур речи, а именно, в группу синтаксических повторов [Lausberg 1960; Morier 1981].

Относительно системы фигур экспрессивного синтаксиса по принципу симметрии/асимметрии, предложенной Э.М. Береговской, анэпифора включается в группу симметричных синтаксических фигур, производных от анафоры и эпифоры, которую называют **каркасными фигурами**, поскольку ведущей их функцией выступает функция архитектурная [Власова 2002: 3; Береговская 2007: 16–17].

Анэпифорический повтор очень вариативен в морфологическом плане, но большинство морфологических форм единичны, а устойчивых и частотных моделей обнаружено ограниченное количество. Доминирующей морфологической моделью А. является номинативный повтор (N-N): *Терпение в характере совка сочетается с жутким нетерпением. Нетерпение стоять в очереди к прилавку с потрясающим терпением* (Прав?Да?. 1999. № 1).

А. – единственная из каркасных фигур, имеющая дистантное расположение повторяющихся элементов, поэтому именно она подвержена наибольшему семантическим изменениям в сравнении с остальными каркасными фигурами. Изменения в семантике повтора обусловлены чаще всего изменениями в плане выражения. *Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья. / Я родилась. <...> / Мне и доныне / Хочется грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть* (М. Цветаева). Анэпифорический повтор, в основе которого лежат одновременные изменения в плане выражения и в плане содержания, называется **трансформационным** [Власова 2002: 7]. А. с неполным повтором в плане выражения и изменениями в плане содержания называем **усечённой** [Власова 2002: 7]: *Tu commences où je finis / Moi, je finis où tu commences. / C'est un ouvrage de patience, / Du moins tout le monde le dit. / <...> Quand l'un finit, l'autre commence* (М. Carême). Инициальные стихи в примере из М. Карема составляют зачин, задают перспективу текста. Повторяющиеся элементы в этом случае – это компоненты логической операции обобщения.

А. представляет собой фигуру очень вариативную графически. В зависимости от расстояния между повторяющимися элементами в поэзии выделяется А. стиха, строфы, целого стихотворения. Особенности графики, присущие этой фигуре, как правило, сохраняются при переводе поэтических и прозаических текстов на другой язык.

А., как и родственные ей эпанафора, Симплока (см.) и цепной повтор, сочетается с фигурами своей группы и другими разновидностями повтора. Подобные конвергенции именуются итеративными цепочками [Власова 2002: 8].

Богатейшая палитра стилистических свойств А., эпанафоры, симплоки и цепного повтора отражается в двух группах стилистических функций. В поэтических микроконтекстах реализуются частные функции, свойственные каркасным фигурам как видам повтора вообще: выделительная, сравнительно-сопоставительная, усиления признака или степени качества, суггестивная, гномическая, приёмоактуализирующая, ретардации или акселерации, фиксации локально-темпоральных отношений, усиления субъективно-модальной оценки, создания общей эмоциональной атмосферы. В макроконтекстах присутствуют функции общеэстетического характера: архитектурная (текстобразующая), композиционная, экспрессивно-грамматическая, изобразительно-характерологическая, интонационная.

А. может оказывать заметное влияние на формирование авторского стиля. Напр., А. у Шарля Бодлера органично вписывается в его эстетическую систему, где совершенство и отточенность формы выступают на первый план. В поэтическом сборнике «Цветы зла» обнаружены А., которые маркируют каждую строфу: *Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали? / Тоска, унынье, стыд терзали вашу грудь? / И ночью бледный страх ... хоть раз когда-нибудь / Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали? / Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?* (Ш. Бодлер). В стихах Ш. Бодлера А. реализуется в больших по объёму текстах (максимальное количество строф – 16). Этот факт указывает на то, что этот вид повтора никогда не выполняет локальную функцию, он «держит» целый текст.

А. является стилистической универсалией, т.к. входит в различные речевые сферы, свободно пересекает границы функциональных стилей: от рекламы до публицистики, от научного стиля до стиля художественной речи.

Лит.: Античные теории языка и стиля. СПб., 1996; Береговская Э.М. Введение // Синтаксические фигуры как система: коллективная монография. Смоленск, 2007; Брик О. Звуковые повторы // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Вып. 3, Пг., 1919; Власова Ю.Н. Анафоро-эпифорические производные во французской поэзии XIX–XX вв.: АКД. М., 2002; Квятковский А.П.

Поэтический словарь. М., 1966; Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Л., 1960; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Энциклопедический словарь юного литературоведа / сост. В.И. Новиков, Е.А. Шкловский. М., 1988; Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960; Morier H. Dictionnaire de poétique et de rhétorique. Paris, 1981.

Ю.Н. Власова

АПОДИОКСИС. См. **ОПРОВЕРЖЕНИЕ**

АПОДО́ЗИС. См. **ПЕРИОД**

АПОЗИОПÉЗИС (АПОЗИОПÉЗА), или **АПОСИОПÉЗИС (АПОСИОПÉЗА)** (от др.-греч. ἀποσιώπησις – ‘усечение, умолчание’), – стилистический приём (стилистическая фигура), состоящий в намеренном недоговаривании (прерывании, усечении) высказывания, сопровождающемся особой интонацией (на письме обозначается многоточием). В зависимости от типа предложения и его части, подвергаемой усечению, высказывания с А. отличаются разной степенью смысловой незавершённости. Ср.: *Клим не успел уклониться от объятий, Лютов тискал его, приподнимая и, целуя мокрыми, горячими губами, бормотал: – Спасибо... Я очень...очень... (М. Горький); И у них с Натой уговор, она просила: она будет приходить, но он должен об этом никому, никому... (А. Битов).*

Главная функция А. – создание подтекста, что характерно для художественной речи и публицистики. А. с высокой степенью смысловой неопределённости невербализованной части высказывания характерен для разговорной аффектированной речи (в художественных текстах это главным образом речь персонажей). В заголовках А. усиливает рекламную функцию: *Гласность – вещь превосходная, но...* (ЛГ. 23.07.1986).

А. часто вступает в стилистическую конвергенцию (взаимодействие) с другими стилистическими фигурами, напр., с риторическим вопросом; эллипсисом и др.: *Кто-нибудь другой об этом мог и не знать. Но начальник управления пассажирских перевозок?* (ЛГ. 14.11.1973).

А. может оформлять смысловой центр небольшого текста, напр., анекдота: *Два мужика разговаривают: – Ты знаешь, подарил дочери скрипку – думал, в музыкальную школу пойдёт, играть научится. Нет, ничего не произошло – так и лежит инструмент, пылится! – Ага! У меня та же история: купил теще чемодан...* (ГД. 26.02–04.03. 2001).

Разновидностью А. является Апокопа (см.) – обрыв слова, отсечение от него какой-л. части (недоговаривание слова). Этот приём обозначает наличие (появление) чего-л. препятствующего завершению речи (волнение, страх, физическое состояние говорящего, этическое табу и т.д.). Напр.: *Так обстоит дело даже в самых отвратительных случаях. Но есть ведь и другие – тоже не ахти какие, но чуть более позити... нет, скажу лучше «чуть менее летальные» (Завтра. 2007. № 51); Борьба с воровством, конечно, должна идти рука об руку с модернизацией. Иначе наши обнаглевшие чиновники все плоды модернизации спи... В смысле «спият!» (АиФ. 2010. № 44); Я видел: над тропом склонилась луна, / И мёртвые губы шепнули «Грена...» (М. Светлов).*

Термин «апокопа» употребляется также для обозначения способа образования слова путём укорачивания его финальной части на один или несколько звуков (см. у И. Северянина: *весень, синегладь, сквозь смоль, лазорь* и т.п.). Такие слова, как правило, окказиональны, хотя встречаются исключения, напр., стало узуальным созданное И. Северяниным слово *бездарь* (усечённое *бездарность, бездарный*).

Лит.: Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Колокольцева Т.Н. Незавершённые высказывания и контекст (на материале художественной прозы) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-методич. бюллетень / Краснояр. гос. ун-т. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Цой А.А. О так называемых усечённых, или недоговорённых предложениях // Русский язык в школе. 1971. № 6; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

АПО́КОПА (от др.-греч. ἀροκοπή – ‘отсечение, усечение’) – 1. Падение конечного звука или звуков в слове в результате акцентно-фонетических процессов. Напр.: *чтоб – чтобы.*

2. Способ образования слова путём усечения его с правой стороны на один или несколько звуков. Напр.: *метро – метрополитен, универ – университет*.

Апокопированные слова первоначально воспринимаются как окказиональные. Некоторые из них через продолжительное время входят в литературный язык. Как отмечает Е.В. Клюев, вошедшим в литературный язык является изобретённое Игорем Северяниным слово *бездарь*, образовавшееся усечением слова *бездарный* (бездарность). Изменилось лишь ударение, которое поэт ставил на последнем слоге [Клюев 1999: 230]: *Вокруг талантливые труссы / И обнаглевшая бездарь...* (И. Северянин).

3. Стилистический приём, заключающийся в умышленном усечении конечной части слова (как правило, слога или слогов), которое остается узнаваемым. Напр.: *И Леся стала тонуть. Казалось, будто кто-то тянет её за ноги и не даёт вырваться. Течение быстрое, вода холодная, а Леся слабая женщина, слабая, слабая, сла...* *Очнулась на берегу* (Э. Русаков); *... в небесах архан / радостно маха / шистыми хвоста* (Г. Сапгир) (ср.: в небесах архангелы радостно махали пушистыми хвостами); – *Чего ты с ним, гадом, толкуешь, Федьк?* – прогнулась фигура (А. Афанасьев).

А. используется для отображения стремительности событий, передачи эмоционального состояния героя, стилизации под разговорную речь, намёка на нежелательные для произнесения вслух слова, а также с целью создания комического эффекта или языковой игры.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004; Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; Кузнецова Н.В. Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов: АКД. Тюмень, 2008; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

АПОПЛАНЕ́СИС. См. ПОДМЕНА ТЕЗИСА

АПОСИОПЕ́ЗИС. См. АПОЗИОПЕЗИС

АПОСТРО́ФА. См. РИТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

АПОФ(Т)Е́ГМА. См. АФОРИЗМ

АРГО́ (от фр. argot) – разновидность социолектов, представляющая собой особый тайный язык ряда социально замкнутых групп, которые его искусственно создают и сознательно используют в целях конспирации, внутригрупповой коммуникации и намеренного обособления от других групп. Термин «А.» был заимствован в русский язык в 60-е гг. XIX в. и первоначально обозначал «воровской язык». На рубеже XIX–XX вв. и в первой половине XX в. термином А. также стали обозначать специфическое «тайноречие» нищих, проституток, извозчиков, матросов, рудокопов и т.п. [Брокгауз-Ефрон 1894: Т. 13. 201], а также профессиональные жаргоны бродячих торговцев и ремесленников [Жирмунский 1936: 118]. В русской лингвистической литературе сложилась традиция использования данного термина в нескольких значениях: 1. То же, что жаргон [Толковый... 1935: Т.1. 846]. 2. Язык отдельных социальных групп, сообществ, искусственно создаваемый с целью языкового обособления (иногда «потайной» язык) [Розенталь, Теленкова 1976: 28]. 3. Собственно язык воров и преступников [Грачёв 1997]. 4. Любые формы жаргонизированного просторечия [Елистратов 1995]. В последние годы наметилась устойчивая тенденция дифференцированного употребления терминов, обозначающих такие социально детерминированные формы речи, как арго, жаргон, сленг, профессиональное просторечие [Бондалетов 1990; Приемышева 2009 и др.]. От других типов социолектов А. отличаются доминированием эзотерической (конспиративной), людической (игровой) и социально-символической функций, а также составом лексического ядра, в которое входят стилистически нейтральные наименования как профессиональной, так и бытовой сферы. Для носителей А. характерна намеренная демонстрация своей социальной исключительности, а также установка на нестандартные формы коммуникации, на «эффект таинственности» [Приемышева 2009: 41].

По принадлежности к социальной группе и условиям функционирования А. подразделяются на **воровское** (А. деклассированных, воровской язык, уголовный язык, блатной язык, «блатная фея»), **условно-профессиональные А.** (синоним: условные тайные языки) и **детские А.** (напр., «фа-/ля-/пи-/ши- и т.п. языки», которые используют приставные слоги типа *зефалёфанафаяфа куртфакафа* – ‘зелёная куртка’). Важнейшим фактором функционирования условно-профессиональных А. является наличие или отсутствие так называемых «отхожих промыслов» и страннических видов социальной деятельности (А. портных, шерстобитов, стекольщиков, холодных кузнецов, коновалов, ямщиков, офеней-разносчиков, нищих и т.п. в XIX – начале XX вв.).

Все разновидности А. отличаются высокой степенью конвенциональности (договорённости об употреблении тех или иных словообразовательных формантов, слов и выражений). Используя фонетические, словообразовательные и синтаксические ресурсы общего языка, арготирующие стремятся к максимальному «засекречиванию» словаря. В частности, широко используются такие приёмы, как: а) добавление, вставка, перестановка, замена, устранение отдельных звуков и слогов общенародного слова: *ниблоки* – ‘яблоки’, *кузавод* – ‘завод’, *яшница* – ‘яшница’, *векчело* – ‘человек’ и т.п.; б) переосмысление общенародного слова, в т.ч. и имени собственного: *абрам* – ‘бык’, *букварь* – ‘квас’, *лопухи* – ‘сапоги’ и т.п.; в) заимствования из других языков: *стивер* – ‘деньги’ (швед.), *хявуга* – ‘дорога’ (финн.), *чува* – ‘женщина’ (цыган.); *декан* – ‘десять’ (греч.), *фраер* – ‘не имеющий отношения к преступному миру’ (нем.), *вассер* – ‘опасность’ (идиш). Большую часть словарного состава всех разновидностей А. составляют мотивированные и немотивированные лексемы, «сконструированные» из морфем национального языка: *беляха* – ‘стекло’; *хлебак* – ‘ложка’, *громак* – ‘телега’, *теренить* – ‘обедать’, *матаха* – ‘кошка’, *дериха* – ‘старуха’, *грошиться* – ‘смеяться’, *вислятник* – ‘сад’, *драпялун* – ‘жених’ и др. А. могут обладать эстетической функцией, которая находит своё выражение в песнях, частушках и других фольклорных жанрах, использующих арготический словарь. И.И. Срезневский в 5 вып. «Отечественных записок» за 1839 г. приводит текст песни на «афинском языке», т.е. на арго офеней-разносчиков: *Ой и масс не смурак, а ламон карюк, по турлу хандырю, коробей нарю. Коробей нарю, карючков вершаю. Карючок клевенёк, тудонной вербушок...* – «Ой и я не дурак, а молодой молодец, по селу хожу, короб ношу, на девиц гляжу. Девушка милая, чёрный глазок...».

Слово или словосочетание арготического происхождения, которое используется в других формах и сферах существования национального языка, называется **арготизмом**. В настоящее время такие арготизмы, как *дать на лапу*, *гопник*, *лох*, *лягавый*, *пахан*, *клёвый* и многие др. активно используются в языке СМИ, художественной литературы, кинематографии, в политическом дискурсе, в городском просторечии и сленге.

Среди основных причин проникновения арготических слов в общенародный язык называют криминализацию общественного сознания, начавшуюся ещё со времён «перестройки», усиление позиций преступного мира; снятие табу с А.; «волю/вседозволенность слова»; отсутствие эквивалента в литературном языке и др. [Грачев 1997].

Лит.: **Бондалетов В.Д.** Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. Рязань, 1980; **Бондалетов В.Д.** Типология и генезис русских арго. Рязань, 1980; **Бондалетов В.Д.** Иноязычные элементы в русских арго. Куйбышев, 1990; **Грачёв М.А.** Русское арго. Н. Новгород, 1997; **Грачёв М.А., Мокиенко В.М.** Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб., 2000; **Грачёв М.А.** Словарь тысячелетнего русского арго. М., 2003; **Елистратов В.С.** Арго и культура. М., 1995; **Елистратов В.С.** Русское арго в языке, обществе и культуре // Русский язык за рубежом. 1995. № 1; **Жирмунский В.М.** Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936; **Лихачёв Д.С.** Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; **Приемышева М.Н.** Тайные и условные языки в России XIX в. СПб., 2009; **Толковый словарь русского языка** / под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. М., 1935; **Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.** СПб., 1894. Т. 13.

О.В. Фельде

АРГОТИЗМЫ. См. АРГО

АРГУМЕНТ, или **ДОВОД**, – высказывание, которое служит для подтверждения или опровержения какого-л. положения, или Тезиса (см.).

А. должен приниматься априори, без дополнительного доказательства: принятие А. должно вести за собой принятие тезиса. Если А. не принимается априори, то это уже не А., а **субтезис** (дополнительный тезис), напр.:

– Сидоров, Вам необходимо приготовить к следующему занятию доклад...

– А почему я? (тезис не принимается)

– Потому что вы пишете курсовую работу по этой теме...

– А почему я пишу? Вон Петров тоже этим вопросом занимался?

Чтобы А. принимался, он должен быть:

1) истинным, т.е. соответствующим действительности (нарушение этого требования приводит к ошибке/уловке «ложное основание», напр.: *Только птицы летают* (ложный А.). *Летучие мыши не птицы. Следовательно, летучие мыши не летают*);

2) непротиворечивым и не противоречащим другим А. в системе аргументации (это требование часто нарушается защитниками в судах: «Они подробно и старательно доказывают полную неприкосновенность своего клиента к преступлению, а потом заявляют, что на случай, если бы их доводы не показались присяжным убедительными, они считают себя обязанными напомнить им обстоятельства, могущие служить основанием к отпущению вины или, по крайней мере, к снисхождению. Несколько заключительных слов обращают всю защиту в пепел. Это ошибка в самой схеме речи...» [Сергеич 1998: 210–211]);

3) не тождественным тезису (при нарушении этого требования возникает ошибка «порочный круг», напр.: *Ограничение свободы слова принесёт обществу пользу, потому что в интересах общества установить определённые границы свободы самовыражения*);

4) достаточным для доказательства тезиса (при несоответствии А. этому требованию возникает ошибка «предвосхищение основания», напр.: *Соль вредна для организма человека* (недоказанный А.). *Следовательно, её нельзя употреблять*);

5) кратко, ясно и чётко сформулированным (такой А. менее подвергается искажению в споре), а также удовлетворяющим требованиям необходимости, уместности (тематической и ситуативной), приемлемости (договорённости между собеседниками о том, какие типы доводов могут быть использованы в данном случае) и учитывающим потребности и систему ценностей адресата.

Существуют различные классификации А. Так, по отношению к тезису А. подразделяются на поддерживающие и опровергающие. По способу же воздействия на адресата выделяют два типа А.: рациональные (логические) А., или А. «к существу дела» («к логосу»), и иррациональные (психологические) А., или А. «к человеку» («к пафосу», т.е. чувствам, страстям, «к этосу», «к нравам»). К рациональным А. относятся факты, авторитеты (народная мудрость, тексты Священного писания, слова специалистов в какой-л. области знания и т.п.) и заведомо истинные суждения (законы, теоремы, аксиомы). Основная масса фактов черпается из документов, энциклопедий, научной литературы и др. книжных источников. К иррациональным А. относятся обращения к эмоциям, чувствам, желаниям и интересам адресата, напр.:

– Мы – люди, господа присяжные заседатели, будем же и судить по-человечески! – сказал, между прочим, защитник. – Прежде чем предстать перед вами, этот человек выстрадал шестимесячное предварительное заключение. В продолжение шести месяцев жена лишена была горячо любимого супруга, глаза детей не высохали от слёз при мысли, что около них нет дорогого отца! О, если бы вы посмотрели на этих детей! Они голодны, потому что их некому кормить, они плачут, потому что они глубоко несчастны... Да взгляните же! Они протягивают к вам свои ручонки, прося вас вернуть им их отца! (А.П. Чехов) – аргумент к состраданию, жалости;

Кондукторша говорит:

– Чего вы суёте мне в нос такие крупные деньги? У меня нету сдачи. Нет ли у кого разменять?

Я было хотел разменять, но, увидя суровый взгляд пассажира, отложил свои намерения:

– Вот то-то и оно, – сказал пассажир. – Через это я и не давал купюру, поскольку знаю, что это безрезультатно и в трамвае не могут её разменять.

– Какая канитель с этим человеком, – говорит кондукторша. – Тогда я трамвай сейчас остановлю и его к чёрту ссажу. Он мне тормозит мою работу.

И она берётся за звонок и хочет звонить.

<...> Он роется в кармане и достаёт двугривенный (М. Зощенко) – аргумент «к палке» (страху).

Иррациональные А. могут использоваться лишь для подкрепления А. логических, в противном случае (см. последний пример) они рассматриваются как запрещённые/нежелательные. Кроме того, с точки зрения норм риторической этики, говорящий не должен обращаться к низменным чувствам, а также к эмоциям, которые способны породить открытые общественные конфликты (агрессивность, тщеславие, зависть, ненависть к другим людям и т.п.).

Отбор А., их последовательность зависят от характера аудитории, речевой ситуации и задачи говорящего/пишущего. То, что для одного человека является сильным А., для другого может оказаться слабым. «В обычных спорах, особенно в спорах перед слушателями, слабых доводов лучше совсем не приводить. Слаб тот довод, против которого можно найти много возражений, притом таких, которые трудно опровергнуть» [Поварнин 1997: 506]. При негативной установке адресата начинать аргументацию нужно с сильных для него А., при доброжелательном же адресате начинать можно с А. не очень сильных. Это означает, что на этапе подготовки аргументации необходимо тщательно изучить предполагаемого адресата (собеседника или аудиторию), а каждый А. прорабатывать с точки зрения возможности его опровержения. Находить нужные А. помогают глубокое изучение вопроса и знание топосов (см. Топос).

В классической риторике термин «аргумент» используется также в значении «способ доказательства/убеждения». Многие аргументативные тактики (антитезис, коммодация, диализис и др.) в научной литературе описаны под термином «риторический приём» (см., напр.: [Хаззагеров, Ширина 1999; Хаззагеров 2009]).

Лит.: **Иванов Л.Ю.** Доводы // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996; **Поварнин С.И.** Спор. О теории и практике спора // Логика и риторика. Хрестоматия / сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. Мн., 1997; **Сергейч П.** Искусство речи на суде. Тула, 1998; **Филиппов А.В., Романова Н.Н.** Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник: учеб. пособие. М., 2002; **Хаззагеров Г.Г.** Риторический словарь. М., 2009; **Хаззагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999. См. также лит. к ст. Аргументация.

Г.А. Копнина

АРГУМЕНТАЦИЯ – специфический вид деятельности, форма мышления и способ рассуждения, причём каждая из этих форм аргументативного процесса отличается «специфическим строем понятий, имеющим свою внутреннюю логику развития» [Курбатов 1995: 235].

Если в логике А. определяют как приведение логических доводов для обоснования какого-л. положения, т.е. приравнивают к Доказательству (см.), то в риторике доказательство и А. – разные, хотя и тесно связанные друг с другом, процессы. «Доказывать означает устанавливать истинность тезиса, а убеждать – это создавать впечатление, вселять уверенность, что истинность тезиса доказана, делать слушателей единомышленниками, соучастниками своих замыслов и действий» [Павлова 1991: 75]. Доказательность речи рассматривается как основа её убедительности. Но доказать ещё не значит убедить. Убеждение предполагает не просто признание обоснованности положений оратора, но и принятие их. При А. точка зрения оратора становится и точкой зрения слушателя. Поэтому А. в риторике (риторическая А.) определяется как «...совокупность словесно оформленных ходов мысли, содержащихся во взаимосвязанных высказываниях, приводящих к согласию и присоединению аудитории. Согласие – признание обоснованности идей и положений ратора; присоединение – готовность принять позицию ратора» [Волков 2001: 17]. В риторической А. очень важно, чтобы аргумент не только соответствовал действительности и имел логическую (причинно-следственную) связь с тезисом, но и учитывал потребности и систему ценностей адресата. Ср. (сотрудник обращается к своему начальнику): *Прошу выдать нам краску и ряд других материалов, потому что нам необходим косметический ремонт и Прошу Вас выдать нам краску и ряд других материалов, так как думаю, что и Вам уже надоело смотреть на эти облупившиеся стены* (пример из кн. [Панасюк 2002: 94]). Второе высказывание будет принято с большей долей вероятности, так как апеллирует к потребностям адресата. Специфику риторической А. представители неориторики видят также в использовании фигур речи, играющих опеределённую роль в речевой технике А.

В лингвистике А. рассматривается как речевое действие или некий законченный текст («аргументационная конструкция»), объём которого – не менее одного предложения, как правило, сложно-подчинённого с придаточным, имеющим общее синтаксическое значение обусловленности (причины, предпосылки, основания, подтверждения и др.); это текст, обладающий целеустановкой убедить или разуверить в чём-л. адресата, повлиять на процесс принятия им решения. А., в отличие от приказа, всегда направлена на того, кто имеет право и возможность отвергнуть предлагаемые аргументы [Иванов 1996: 358–360].

А. обязательно включает Тезис (см.), Аргументы (см.) и демонстрацию (связь тезиса и аргументов, т.е. способ рассуждения). В тексте их можно распознать по «индикаторам», напр.: *Я полагаю...*, *Мой тезис...*, *На наш взгляд...* и т.п. («индикаторы тезиса»); *Экспериментально установлено, что...*, *В соответствии с...*, *Как отмечал...*, *Во-первых...*, *Во-вторых...* и т.д. («индикаторы аргументов»); *следовательно, итак, потому что* и т.п. («индикаторы демонстрации»). Дополнительными элементами А. (входящими в демонстрацию) считают: посылки (утверждения, положенные в основание тезиса и послужившие базой для его формулировки), условия (утверждения, ограничивающие область применения А. временными, пространственными рамками; указание, для какого случая (случаев) применима А.), оценки (высказывания, содержащие позитивную или негативную характеристику содержания других высказываний аргументативного взаимодействия), связки (соединения высказываний в логически правильный и стилистически корректный текст) и выводы (утверждения, подводящие итог аргументативному взаимодействию) [Там же: 358–360].

Существуют различные классификации способов А. По тому, усиливается или ослабляется А. к концу текста (выступления), различают А. нисходящую (вначале приводятся наиболее сильные А., затем – менее сильные, в конце – эмоциональная просьба, вывод, побуждение) и А. восходящую (от слабых аргументов к сильным). По характеру используемых аргументов А. может быть односторонней (излагаются аргументы только «за» или только «против») и двусторонней (адресату даётся возможность сопоставить разные точки зрения). А. подразделяется также на индуктивную (от фактов к выводу) и дедуктивную (от общей посылки к фактам); опровергающую (оратор разрушает контраргументы оппонента, не приводя позитивных аргументов или уделяя им мало внимания) и поддерживающую (оратор сразу выдвигает только позитивные аргументы, а контраргументы игнорирует). Кроме того, А. может быть явная (её составные части и структура предъясняются явно и недвусмысленно) и скрытая А. (отдельные её части не получают речевого оформления, хотя они подразумеваются и могут быть восстановлены); эмпирическая (в основе которой ссылка на опыт, на эмпирические данные) и теоретическая (не использующая ссылок на опыт); корректная (не содержащая ошибок и недопустимых уловок) и некорректная (А. с логическими ошибками или применением непозволительных уловок). Применительно к каждому типу А. в риторике вырабатываются рекомендации о том, в какой аудитории она окажется более эффективной. Напр., двусторонняя А. лучше действует на подготовленную аудиторию и эффективна для воздействия на сознание людей, критически относящихся к проблеме. Любой тип А. будет более эффективным, если у собеседника/аудитории сформировалось к вам положительное отношение.

Овладеть искусством А. можно только на практике, постепенно и настойчиво совершенствуя своё мастерство. Значительную помощь в этом может оказать анализ типичных ошибок и уловок (см. Речевые уловки), а также знание и отработка специальных методов (способов) убеждения, к которым относят, напр.: 1) метод Сократа, или метод положительных ответов, – такое построение разговора, когда партнёр на первые вопросы отвечает «Да... да... да...» и потом продолжает соглашаться уже по более существенным для дискуссии вопросам; 2) метод перелицовки – постепенное подведение собеседника к противоположным выводам путём совместного поэтапного обсуждения его аргументации; 3) метод «завязок» – использование в процессе убеждения специальных слов и оборотов, помогающих получить от собеседника положительный ответ (*Ведь верно? Вы согласны? Ведь так должно быть? Разве это не нормально?* и т.д.); 4) метод Гомера – расположение аргументов в особом порядке: сначала приводят сильные аргументы, затем – аргументы, средние по силе, в конце – один самый сильный аргумент; 5) метод «салями» – постепенное убеждение собеседника путём получения его согласия сначала в главном, а затем в необходимых для полного согласия частностях; 6) метод расчленения – разделение аргументов партнёра на верные, сомнительные и ошибочные с последующим доказательством несостоятельности его общей позиции; 7) метод классической риторики, или метод «Да... но», – согласие с высказываниями партнёра с последующим внезапным опровержением всех его построений с помощью одного сильного аргумента.

Изучая особенности А. в различных функциональных разновидностях языка, исследователи стремятся выработать для каждой сферы рекомендации эффективного построения А., соблюдение которых позволит повысить речевую культуру граждан. В любой сфере общения в процессе А. необходимо придерживаться этических норм: говорящий несёт ответственность за те идеи и предложения, которые выдвигает, и не должен наносить вред адресату.

Лит.: Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. М., Воронеж, 2002; Берков В.Ф., Яскевич Я.С., Павлюкевич В.И. Логика: учебник для вузов. Мн., 2000; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Иванов Л.Ю. Аргументация в функциональных разновидностях языка // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник. М., 1997; Куликова О.В. Лингвостилистические средства развёртывания аргументации в публицистическом тексте (на материале парламентских выступлений): КД. М., 1989; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Курбатов В.И. Стратегия делового успеха: учеб. пособие. Ростов н/Д, 1995; Матвеева Т.В. К основаниям аргументации // «Бессмертие народа – в языке»: мат-лы Дней русской словесности в Красноярске. Красноярск, 2010; Москвин В.П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов н/Д, 2008; Павлова Л.Г. Спор, дискуссия, полемика: книга для учащихся старших классов средней школы. М., 1991; Панасюк А.Ю. Как убеждать в своей правоте: Современные психотехнологии убеждающего воздействия. М., 2002; Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Новая риторика: Трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987; Стернин И.А. Практическая риторика. Воронеж, 1996; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

Г.А. Копнина

АРХАИЗМЫ – устаревшие слова, значения слов, словосочетаний, вытесненные по каким-л. причинам из активного употребления синонимичными единицами: *брашно* – ‘еда, кушанье’; *выя* – ‘шея’, *рыбарь* – ‘рыбак’, *позор* – ‘зрелище’, *сей* – ‘этот’, *доколе* – ‘до каких пор’, *зانه* – ‘потому что’ и т.д.

Существует несколько классификаций А. (как общих, так и специальных), посвящённых их отдельным видам: лексическим, грамматическим, стилистическим и проч. Общепринятой считается классификация Н.М. Шанского, который выделяет: 1. Архаизмы лексические: а) собственно лексические (*мзда* – плата); б) лексико-словообразовательные (*плат* – платок); в) лексико-фонетические (*змий* – змей); 2. Архаизмы семантические – устаревшие значения каких-либо слов, в других значениях являющихся обычными словами современного русского языка: *живот* – в значении *жизнь* и т.п. В качестве возможных Н.М. Шанский называет фонетические и лексико-синтаксические архаизмы.

Орфографические А. в отечественной лингвистике впервые были классифицированы в работе О.С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии», где они включены в число лексических вариантов слова.

Новую классификацию А., учитывающую все уровни и системы языка, предложила Е.Г. Михайлова. Она выделяет: 1. Фонетические А. (собственно фонетические, акцентные – орфоэпические, графические – орфографические); 2. Морфологические А.; 3. Лексико-семантические А. (собственно лексические, деривационные, семантические, устаревшие служебные слова, фразеологизмы); 4. Синтаксические А. (устаревшие конструкции словосочетаний, устаревшие конструкции предложений).

Одна из наиболее распространённых и изучаемых разновидностей А. – лексические А.

А. классифицируются также по степени устарелости: А. полного и неполного временного цикла, сложившегося и несложившегося типа (Ж. Марузо); устаревшие слова первой, второй степени (Н.М. Шанский).

По общему мнению, механизм процесса архаизации заключается в следующем: сначала мы наблюдаем наличие в языке как равноправных вариантов (стадия «безразличного варьирования») каких-либо языковых единиц, так и вариантов, отмеченных стилистически. Затем это варьирование превращается в контрастивное из-за расширения функциональной сферы одного из вариантов за счёт сужения сферы функционирования другого. У другого меняется его статус в языке: сокращается число носителей языка, употребляющих этот вариант в речи как нейтральный и растёт число употребляющих его как осознаваемо устаревший. Данный вариант смещается от центра языка к периферии, сужается круг его потенциальных контекстов. В конце концов А. либо закрепляется на периферии как

носитель определённого признака, либо меняет своё категориальное качество. Как считают некоторые исследователи, последний этап можно рассматривать как период «консервации» А., а не «забвения», т.к. у любого устаревшего явления есть шанс «вернуться» к жизни даже спустя много веков. Напр., в «Словаре Академии Российской» существительное *пасака* определяется как *старинное*, а в качестве широко употребительного варианта дано *борт для пчел*. В современном русском языке, наоборот, лексема *борт* является устаревшей в данном значении, а существительное *пасака* нейтрально, общеупотребительно.

С функциональной точки зрения А. определяют как стилистически отмеченные варианты с ограниченной сферой употребления, противопоставленные своим современным нейтральным эквивалентам. Большинство лингвистов рассматривают А. как разновидность возвышенной, торжественной лексики, придающей особый «лингвистический статус» описываемому: *Антарктида все время отдаёт океану сползающую толщу снега. Иногда эти горы уносятся течением или ветром, но иногда садятся на мель. Вода вымывает в толще айсберга ледяную пещеру. И мы осторожно спускаемся во «чрево» айсберга* (АиФ. 2011). Вен. Ерофеев в своих записных книжках писал: *вместо «плащ» говорить «гиматий»; не «пока живу», а «дónde же есмь»*. Эта возвышенная лексика используется в торжественных случаях, ораторских выступлениях, публицистической или стихотворной речи: *Но нам священный град Петра / Невольным памятником будет; Но много премудр сребролюбец Лаван...* (А. Ахматова).

Используются А. и как средство стилизации в исторических текстах, обычно в исторических романах и повестях. В настоящее время А. все чаще используются для языковой игры или характеристики отрицательных явлений через представление их в комическом, ироническом виде: *И днесь не пью, и присно не стану* (Вен. Ерофеев). Именно в этой функции А., как правило, используются в СМИ: *«Где закон?» – включил давеча строгача президент Медведев* (МК. 2011).

Лит.: Груздева Е.В. Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и её лексикографическая интерпретация: КД. СПб., 1996; Гулыга Е.В. Статус грамматических архаизмов в системе языка и их миграция в процессе исторического развития // Филологические науки. 1971. № 2; Ковалёва Е.В. Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX в.: КД. М., 1996; Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития: КД. Киев, 1987; Нестеров М.Н. Русская устаревшая и устаревшая лексика: учеб. пособие. Смоленск; Брянск, 1998.

О.Н. Емельянова

АСИНДЕТОН, или **БЕССОЮЗИЕ** (греч. ἀσύνδετον – ‘несвязанность’, ‘бессоюзие’), – стилистическая фигура, состоящая в намеренном (стилистически мотивированном) опущении сочинительных союзов в синтаксических конструкциях перечислительного типа, а также в бинарных конструкциях со значением сопоставления или противопоставления. Бессоюзие такого рода создаёт эффект быстроты, интенсивности действий, событий: *Швед, русский – колет, рубит, режет. / Бой барабанный, крики, скрежет, / Гром пушек, топот, ржанье, стон, / И смерть и ад со всех сторон* (А. Пушкин); или их множественности: *Каждый из них был целым миром. И этот мир погас навсегда. Вместе с ним легли в могилы неосуществлённые мечты, несыгранные свадьбы, нерождённые дети, неспетые песни, непостроенные дома, ненаписанные книги* (В. Быков), причём сила эффекта в таких конструкциях прямо пропорциональна их протяжённости (количеству перечисляемых членов).

Иначе обстоит дело в бинарных синтаксических конструкциях со значением сопоставления или противопоставления. Экспрессивность бессоюзия такого рода обратно пропорциональна протяжённости предложения. Ср.: *Как известно, оперные деятели такого дарования и масштаба сейчас наперечёт не только у нас в стране – во всём мире* (СК. 26.05.1990); *Это нужно не мёртвым – живым* (КО. 17.06.1988); *Лето припасает – зима проедает* (пословица).

Бессоюзие в такого рода синтаксических конструкциях интенсифицирует значения сопоставления и противопоставления.

Экспрессивное бессоюзие может осуществляться и на базе сложноподчинённых предложений. Опускаются преимущественно союзы изъяснительные, причинные, условно-следственные. Напр.: *У нас действительно не сложилась жизнь... но Ирина ни словом меня не упрекнула. А я видел по глазам – она страдала, жалела...* (Ю. Бондарев); *Не могут распуститься цветы на грядках – не хватает силы противостоять холоду* (Ф. Абрамов); 8) *Порвёшь косынку – / Уронишь слезинку. / С милым порвёшь – / Ведро наревёшь* (Т. Смертина).

А. характерен для художественной, публицистической речи, а также речи разговорной.

Лит.: Веккесер М.В. Бессоюзие в аспекте категории экспрессивности // Scripta manent: сборник науч. работ студентов и аспирантов-филологов. Смоленск, 2000; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Малащенко Т.В. Бессоюзные конструкции и фигуры прибавления (на материале творчества В. Набокова) // Проблемы экспрессивной стилистики. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995; Новиков Л.А. Искусство слова. М., 1982; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

АССОНАНС – один из видов Звукописи (см.), Звукового повтора (см.), заключающийся в повторении одинаковых или однородных гласных звуков или звукосочетаний для придания тексту (чаще всего – поэтическому, т.е. ритмически организованному) особой выразительности – звуковой и интонационной. Напр.: *Взложу на тетиву тугую, / Послушный лук согну в дугу, / А там пошлю наудалую / И горе нашему врагу* (А. Пушкин).

А. как способ звуковой организации речи применяется с давних времён, часто встречается в фольклоре: *Вдоль по Питерской, по Тверской Ямской / Едет мой милой с колокольчиком; Ах вы, сени, мои сени, / Сени новые мои, / Сени новые, кленовые, / Решётчатые...*

На А. построены многие пословицы и поговорки: *Не для муки – для науки; Наука не мука; Хоть не скоро, только б споро* и др.

А. занимает всё более постоянное место в ударных слогах (как повтор ударных звуков): *Скучно нам слушать осеннюю выюгу* (Н. Некрасов); Но А. возможен и в безударном положении: *Без друга и без милой, / Брожу я по лугам; / Брожу с душой унылой / Один по берегам* (И. Дмитриев).

В поэтических течениях и школах, возводивших в принцип прежде всего поэтическую форму (напр., у русских символистов) А. нередко использовался в своего рода экспериментах со звуковой содержательностью:

Бобзоби пелись губы,

Вээоми пелись взоры,

Пиээо пелись брови,

Лиэээй пелся облик,

Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.

Так на холсте каких-то соответствий

Вне протяжения жило лицо (В. Хлебников)

Я дарю вам стихи, веселые как би-ба-бо,

И острые и нужные, как зубочистки! (В. Маяковский)

Французский поэт А. Рембо написал сонет «Гласные», передав в нём особенности своего восприятия гласных звуков. Такого рода восприятие и лежит в основе А. как вида звукописи:

А – чёрный; белый – Е; И – красный; У – зелёный.

О – синий: тайну их скажу я в свой черёд.

А – бархатный корсет на теле насекомых,

Которые жужжат над смрадом нечистот.

Е – белизна холстов, палаток и тумана,

Блеск горных родников и хрупких опахал!

И – пурпурная кровь, сочащаяся рана

Иль алые уста средь гнева и похвал.

У – трепетная рябь зелёных волн широких,

Спокойные луга, покой морщин глубоких

На трудовом челе алхимиков седых.

О – звонкий рёв трубы, пронзительный и странный,

Полёты ангелов в тиши небес пространной –

О – дивных глаз её лиловые лучи.

Поэты пользуются А. в зависимости от потребностей смыслового звучания стиха, для «озвучания» описываемых ими явлений или событий.

Ассонансной называют и рифму, в которой совпадают именно ударные слоги, а концы рифмуемых слов либо приблизительно созвучны, либо равнозвучны: *оперы – докеры; красивая – неугасимая* и т.п.

А. очень близок Аллитерации (см.) и нередко с ней сочетается: *Горные вершины / Спят во тьме ночной; / Тихие долины / Полны свежей мглой* (М. Лермонтов).

Лит.: Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979; Журавлёв А.П. Звук и смысл. М., 1981; Леонтьев А.А. Звукопись // Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 9; Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972; Мысль, вооружённая рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. Л., 1983; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 2001.

О.Н. Емельянова

АССОЦИАТИВНЫЕ СЛОВАРИ – словари дескриптивного типа, содержащие различного рода ассоциативный материал (под ассоциацией понимается обусловленная связь представлений, возникающих в сознании человека на основе смежности, сходства или противопоставления с другим известным ему представлением [Энциклопедический... 2008]).

Становление русской ассоциативной лексикографии произошло в последние 30 лет: первый «Словарь ассоциативных норм» под редакцией А.А. Леонтьева был издан в 1977 г. За это время было опубликовано значительное количество словарей, включающих русский ассоциативный материал, получили словарную форму результаты экспериментов с испытуемыми различных социокультурных групп, открылась возможность рассматривать содержание отдельных русских А.с. как взаимодополняющие данные и извлекать из их сопоставления новую информацию [Гольдин, Сдобнова 2008].

В.Е. Гольдин предлагает следующую типологию печатных русских А.с.: 1) по степени полноты отражения ассоциативно-вербальной сети выделяются словари тезаурусные (полные) и словари частичные; 2) по типу отбора респондентов – словари отдельных социокультурных общностей и словари комплексные; 3) по принципу выбора языка для слов-стимулов – словари одноязычные и словари сопоставительные; 4) по типу отбора стимульного материала и ассоциатов – словари общие и словари аспектные; 5) по типу входов в словарь – словари с прямыми статьями и словари со статьями прямыми и обратными; 6) по принципу отбора респондентов – словари массовые и словари ассоциаций отдельных личностей.

1. Словари тезаурусные (полные) и частичные. Словари тезаурусного типа претендуют на наибольшую полноту фиксации ассоциативно-вербальной сети. Это обусловлено большим количеством стимулов и соответствующих им ассоциативных полей, а также достаточным количеством реакций, полученных на каждый из стимулов. В «Русском ассоциативном словаре», который является ассоциативным тезаурусом, представлены реакции на 6624 стимула, а список разных реакций включает более 100 тыс. единиц. Количество стимулов частичного словаря обычно не превышает нескольких сотен единиц. Так, в «Ассоциативном словаре подростка» – 265 стимулов, в частичном «Словаре ассоциативных норм русского языка» содержатся реакции на 196 стимулов, в «Славянском ассоциативном словаре» – на 112 стимулов.

2. Словари отдельных социокультурных общностей и комплексные. Словари отдельных социокультурных общностей составляют большую часть ассоциативных русских одноязычных словарей. Напр., «Ассоциативный словарь подростка», «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» (электронный вариант), «Словарь детских ассоциаций» и мн. др. При этом ассоциативно-вербальные сети, устанавливаемые на материале, полученном в экспериментах с представителями студенчества, рассматриваются как «хорошее приближение к строению “общерусской” ассоциативно-вербальной сети» [Гольдин 2008: 119]. Выбор студенчества как социального объекта для получения ассоциаций, отражающих сознание «усреднённой языковой личности» (Ю.Н. Караулов), по мнению составителей словарей, обусловлен физиологической и интеллектуальной зрелостью представителей этой общности, их общественной активностью и достаточной степенью их социализации. К словарям одной социокультурной общности относится, в частности, «Русский ассоциативный словарь», материал которого составляют ответы русскоязычных студентов 1-3 курсов вузов различных регионов России.

В комплексных словарях ассоциативные реакции испытуемых, принадлежащих одной общности, различающихся по некоторым дополнительным признакам, подаются раздельно. К ним относится, напр., «Прямой ассоциативный словарь пермских младших школьников», который позволяет из общего корпуса реакций представителей общности «младший школьник» выделять и отдельно рассматривать ассоциаты мальчиков и ассоциаты девочек, реакции первоклассников и реакции второ-

классников или третьеклассников. К этому типу относится также и «Ассоциативный словарь ребёнка».

3. Словари одноязычные и сопоставительные. В сопоставительных (киргизско-русском, алтайско-русском, русско-немецком и под.) А.с. представлены как фрагменты ассоциативно-вербальной сети русского языка, так и соответствующие им по содержанию фрагменты ассоциативно-вербальных сетей других языков. Основная цель таких словарей – обеспечить возможность сопоставления ассоциативного материала разных языков. Примеры сопоставительных словарей: «Ассоциативные нормы испанского и русского языков», «Ассоциативные нормы русского и немецкого языков», «Славянский ассоциативный словарь», содержащий ассоциаты на русском, белорусском, болгарском языках и мн. др.

4. Словари общие и словари аспектные. Аспектные словари посвящены отдельным аспектам ассоциативно-вербальной сети. Ограничения могут налагаться как на выбор стимулов, так и на отбор реакций. К первому типу относятся, напр., «Русский ассоциативный словарь информационных технологий», стимульный ряд которого образуют компьютерные термины, или «Словарь топонимов и топонимических ассоциаций». Ко второму типу относится, напр., «Ассоциативный фразеологический словарь русского языка», задача которого – выделить на материале большого ассоциативного словаря «корпус живых русских фразеологизмов».

5. Словари с прямыми статьями и словари со статьями прямыми и обратными. Данная типология словарей зависит от типа входа в словарь. Прямой словарь – такой словарь, в котором лексикографический материал размещён по принципу «от стимула – к реакции»; прямой и обратный словарь – не только от стимула к реакции, но и от реакции к стимулу. Как отмечает В.Е. Гольдин, большая часть современных русских печатных А.с. построена по первому принципу.

6. Словари массовые и словари отдельных личностей. Как правило, А.с. формируются в результате эксперимента, в котором принимают участие большое количество респондентов. Так, в анкетировании при сборе данных для Русского ассоциативного словаря приняли участие 11 тыс. студентов из всех регионов России. При проведении массовых экспериментов каждый из испытуемых даёт реакции только на часть стимулов (так, напр., при составлении «Ассоциативного словаря подростка» использовались анкеты, в которых было 15 слов-стимулов, всего было использовано 265 лексических единиц).

В исследовательской практике также используются и свободные ассоциативные лонгитюдные эксперименты с одним испытуемым (они проводятся либо постепенно в течение длительного времени, либо отдельными сериями, разделёнными определёнными временными промежутками). При этом испытуемый даёт реакцию на все слова-стимулы. Такие словари сейчас создаются (см., напр., [Караулов, Коробова 1993], [Сдобнова 2005]), однако пока они не опубликованы.

Лит.: Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. К типологии ассоциативных словарей русского языка // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7; Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Русская ассоциативная лексикография: учеб. пособие. Саратов, 2008; Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004; Караулов Ю.Н., Коробова М.М. Индивидуальный ассоциативный словарь // Вопросы языкознания. 1993. № 5; Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002; Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М., Мадрид, 2001; Сдобнова А.П. Индивидуальный тезаурус в развитии // Язык. Сознание. Культура. М., Калуга, 2005; Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004; Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977; Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребёнка. В 2-х ч. Архангельск, 1996; Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х тт. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. М., 2008.

А.А. Трапезникова

АСТЕЙЗМ. См. АНТИФРАЗИС

АСХЕМАТОН. См. НЕУДАЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ

АТТРИЦИЯ – процесс изменений, происходящих в языке иммигранта под воздействием языковой среды страны пребывания, возникающих в результате контакта двух языков и влияющих на

актуализацию языковой личности. В различных странах в зависимости от особенностей языка страны пребывания один и тот же исходный язык приобретает особенный, характерный именно для этой страны специфический колорит. Скажем, русский язык в Израиле отличается от русского языка в Финляндии или в Германии. А. как системное явление может проявляться на всех уровнях языка, отражаться на лексиконе, на морфологических, фонетических, синтаксических характеристиках. Интересные примеры проявления А. приводит израильский русист Л. Найдич. Этот автор, фиксируя высказывания русскоязычных израильтян, в обиходной речи которых в русских фразах очень часто встречаются инкрустации иврита, приводит такие примеры: *Заплатили арнону* ('налог на землю'); *Она живет с шутафой* (т.е. 'с соседкой, с которой снимает вместе квартиру'); *У нас был матконет* ('пробный экзамен перед экзаменом на аттестат зрелости'); *Началась швита* ('забастовка'); *Вызвали миштару* ('полицию'); *Купили для малыша титулимы* ('подгузники'); *Он служит в милуиме* ('в армейском резерве') [Найдич 2005]. Знаменательно, что, будучи употребленными в русском контексте, слова из иврита снабжаются русскими морфологическими атрибутами (окончаниями, суффиксами и т.д.).

А вот как Е. Протасова комментирует свои наблюдения: «Типичные особенности речи русскоязычного ребёнка в Финляндии, напр., такие: “Посмотри, что здесь kasvaa” (= ‘растёт’, после небольшой паузы) – вместо русского слова употребляется финское, потому что оно недавно употреблялось и его удобнее произнести; “Где мой... enkelini” (= ‘мой ангел’) – слово “ангел” в русском языке употребляется в семье сравнительно редко, а в финском детском саду чаще; притяжательный показатель стоит в финском слове на конце, и он как бы прирастает к основе и повторяется еще раз, хотя притяжательное местоимение уже было произнесено по-русски перед словом, род же существительного употреблен правильно; нельзя не заметить, что и сходство слов в двух языках играет определенную роль; “У меня будет porkkananen” (= ‘нос морковкой’) – финское творчески образованное сложное слово кажется более соответствующим ситуации и языку, на котором дети шутят и говорят между собой; “она в каникулах” (по аналогии с “она в отпуске”) – ребёнок знает, что про ребёнка не говорят, что он в отпуске, хотя в финском языке оба варианта отсутствия обозначаются одним словом, но сохраняет предлог, употребляемый в соответствующей конструкции русского языка, произносимой в разговоре о взрослых, потому что никогда не слышал правильного варианта на русском языке; “поставь новое мыло на раковину” (вм. “положи”) – два глагола не различаются в финском языке, соответственно, одно из употреблений финского глагола распространяется на ситуации, где по-русски должен был бы быть другой глагол <...> [Протасова].

Изучение явления А. представляет как теоретический интерес для функциональной лингвистики, так и большое прикладное значение для методики сохранения языка в диаспорах.

Лит.: Клюев Е.В. «Вавилонизм» как признак языковой личности» (интервью) и «Аттриция» (стихотворение) // Русский язык за рубежом. 2008. № 4; Мальцева Н.Г. К понятию языковой аттриции // Проблемы онтолингвистики – 2009: материалы международной конференции. Саратов, 2009; Найдич Л. Новая алия сохраняет русский // Отечественные записки: журнал для медленного чтения. 2005. № 2 (23). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/novaya-aliya-sohranyaet-russkiy>; Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. М., 2011; Протасова Е. Финляндский вариант русского. <http://do.gendocs.ru/docs/index-77849.html?page=5>; Пфандль Х. Четыре волны русской эмиграции XX века и культурно-языковое поведение эмигрантов // Русский язык в диаспоре: проблемы сохранения и преподавания. М., 2002.

В.В. Молчановский

АУГМЕНТАТИВ. См. ДИМИНУТИВ

АУДИРОВАНИЕ. См. КУЛЬТУРА СЛУШАНИЯ

АУДИТОРИЯ – в риторике – совокупность лиц, к которым обращается оратор. А. представляет собой в большей или меньшей степени организованную группу, объединённую по каким-л. признакам: общие взгляды, задачи, цели, интересы, получение информации из определённого источника и др. Напр., фактором, образующим А. СМИ, может быть приверженность читателей к конкретному средству массовой информации. Понятие А. рассматривается также в психологии, философии, социологии, политологии, теории коммуникации, журналистике и других областях научного знания.

В риторике по составу выделяют А. разнородные и однородные. **Однородная А.** отличается близостью образовательного и интеллектуального уровней и мировоззренческих установок, состав-

ляющих её лиц. А., не обладающая вышеозначенными признаками, считается **разнородной**. Специфику той или иной А. риторы (оратору) следует учитывать, чтобы избежать коммуникативной неудачи.

По объёму и речевой специфике А. подразделяются на **сосредоточенные** и **рассредоточенные**. Рассредоточенной, напр., является А. СМИ, поскольку слушатели (читатели, зрители) находятся в разных местах.

По количеству лиц А. подразделяются на малые, средние и большие. В **малых** А. возможно возникновение диалога между оратором и слушателями: камерность предполагает более лёгкое и свободное включение в речевую коммуникацию. Выступление перед такой А. требует от оратора очень хорошей подготовки, большей осведомлённости по теме выступления, а также по смежным темам, способности к импровизации и быстрому реагированию на вопросы. В **средних** аудиториях возникновение диалога менее вероятно, хотя возможно. Напр., диалогическое общение может происходить между выступающим и отдельной, достаточно активной, группой слушателей. Выступление перед **большой** А. требует мощного голоса, энергии, харизматических качеств. В этом смысле перед большой А. выступать намного сложнее. Хотя такая А. в меньшей степени склонна задавать вопросы, более внушаема и, по мнению И.А. Стернина, охотнее верит оратору [Стернин 1996: 106].

По степени подготовленности А. подразделяются на хорошо подготовленные, подготовленные и малоподготовленные. **Хорошо подготовленную** А., как правило, составляют люди среднего и пожилого возраста, имеющие высшее и среднее специальное образование, обладающие определённым жизненным и социальным опытом. При подготовке к выступлению перед А. этого типа рекомендуется отбирать ту информацию, которая ей ещё неизвестна, использовать только сильные аргументы, преимущественно логические. **Подготовленную** А. образуют, как правило, люди молодого и среднего возраста со средним образованием, имеющие осознанный интерес к знаниям. При обращении к такой А. рекомендуется быть более эмоциональным, подбирать яркие примеры. **Малоподготовленную** А. образуют, как правило, слушатели с начальным и незаконченным средним образованием. При выступлении перед такой А. важно обращаться к практическому результату, приводить примеры, в т.ч. из жизни, использовать ссылки на исторические факты, авторитеты и т.д.

По степени доброжелательности А. подразделяются на **позитивно настроенные, индифферентные (равнодушные)** и **негативно настроенные**. Труднее всего выступать перед А., настроенной негативно. Обращаясь к такой А., важно чётко обозначить цель выступления, найти в ней «союзников», на которых и опираться в ходе выступления.

При подготовке к выступлению важно учитывать такие факторы, как: национальные и религиозные особенности, сфера интересов, пол, возраст, профессиональная принадлежность, культурный, образовательный и духовный уровень, социальный статус, степень заинтересованности в предлагаемой теме, позитивный или негативный настрой, количество слушателей, в некоторых случаях – место жительства. Важную роль при обращении оратора к А. играет пространственное размещение слушателей. Различают «прямоугольную» и «круговую» схемы размещения. При круговом расположении («круглый стол») слушатели, видя друг друга, более свободно общаются между собой и с оратором. При прямоугольном размещении внимание слушателей сосредоточено на ораторе.

При изучении и описании СМИ и PR относительно А. рассматриваются такие понятия, как массовая А., целевая А., контактная А., ключевая А., совокупная А., состав, охват А. и др. Под **массовой А.** понимается совокупность лиц, которые регулярно пользуются информацией СМИ, это потребители распространяемой информации. Сообщение для массовой аудитории строится так, чтобы оно могло вызвать интерес как можно большего числа людей, входящих в такую А. **Целевая А.** – группа людей, которые сходны по каким-л. параметрам и с наибольшей вероятностью заинтересуются информацией, воспользуются продвигаемыми услугами или приобретут рекламируемый товар. Целевая А. выделяется из общей аудитории на основе различных характеристик, связанных с географическими, демографическими, экономическими, психологическими и поведенческими особенностями адресата. Работа с целевой А. предполагает предельно точное представление об адресате, его интересах, характере и т.п., составление его портрета. **Контактная А.** – группа получателей средства массовой информации, которая контактирует с адресантом, проявляет интерес к сообщениям. Под **ключевой А.** понимается группа людей, при помощи которой можно добиться наиболее эффективно воздействия на целевую аудиторию. **Совокупная А.** представляет собой общий охват адресатов конкретного средства массовой информации или рекламы (напр., количество людей, смотревших какую-л. телепередачу определённой телестанции в течение некоторого периода времени). **Состав А.** – классификация аудитории по социально-демографическим признакам (пол, возраст, место жительства).

ва, образование, род занятий, профессия, специальность, уровень дохода, покупательная способность, потребительские интересы и др.). **Охват А.** – число получателей информации, имеющих контакт со средством коммуникации, ознакомленных с сообщением (увидевших, услышавших).

Существуют различные классификации А. СМИ. По средствам информации выделяют А. печати, радио, телевидения, Интернета. По уровням канала – А. общероссийского (федерального), республиканского, краевого, областного, районного радио или телевидения. По конкретному СМИ и автору: А. программы, радиостанции, радиожурнала, рубрики, цикла, ведущего и другие. По социально-демографическим признакам (возраст, пол, национальность, образование, религиозная принадлежность, профессия, социальный статус и т.п.): молодёжная, женская, рабочая, воинская, русскоязычная, православная и др. По образу жизни: А. домохозяек, автомобилистов, дачников, охотников и рыболовов и др. По интересам: А. спортивных программ, классической и эстрадной музыки, любителей мистики и др.

В социологии выделяют также «реальную» и «потенциальную» А. СМИ. Знание того, кто слушает (смотрит/читает) и кто может потенциально стать слушателем, зрителем, читателем существенно для планирования речевой деятельности во всех СМИ.

Лит.: **Большой толковый словарь Владимира Чернышёва.** URL: www.e-slovar.ru/dictionary/1/2433/; **Введенская Л.А., Павлова Л.Г.** Культура и искусство речи. Ростов н/Д, 1999; **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Колесниченко А.В.** Использование исследований аудитории в управлении периодическим изданием: КД. М., 2007; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10-11 классов общеобразоват. учреждений. М., 1996; **Стернин И.А.** Практическая риторика. Воронеж, 1996.

А.Н. Смолина

АФОРИЗМ – это малый речевой жанр, краткое устойчивое высказывание, в отточенной форме метко выражающее какую-л. глубокую законченную мысль.

Под А. обычно понимаются авторские изречения, нередко взятые из художественных или публицистических произведений. В силу своей смысловой завершенности они не теряют значимости без контекста, становятся самостоятельными. Их употребление говорит о высоком уровне речевой культуры говорящего. А. используются в качестве апелляции к авторитету, подтверждения слов говорящего. Они могут выполнять общедидактическую (воспитательную), познавательную, комментирующую, аксиологическую (оценочную), полемическую, комическую и др. функции.

Лаконичность и высокохудожественность формы А. достигается за счёт использования стилистических приёмов, напр., антитезы: *Кто умеет – делает, кто не умеет – учит* (Б. Шоу); *Лучше быть свободным бедняком, чем богатым невольником. Конечно, люди хотят быть богатыми и свободными – и из-за этого подчас становятся бедными рабами* (А. Камю); параллелизма: *Где умирает надежда, там возникает пустота* (Леонардо да Винчи); *Чем кто умнее, тем он скромнее* (Цицерон); хиазма: *Ученье без размышления бесполезно, но и размышление без ученья опасно* (Конфуций); *Легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе* (А. Суворов); антиметаболы: *Умейте любить искусство в себе, а не себя в искусстве* (К. Станиславский).

Разновидностью А., отличающейся открыто нравоучительным содержанием, является **сентенция** (*Не судите, да не судимы будете*). Сентенции моралистического содержания, облекающие логические или этические принципы, правила, нормы поведения в краткие формулы изъявительной или императивной модальности, называют **максимами** (*На примерах учимся*).

Среди А. выделяют также **апоф(т)егму** – изречение, близкое по содержанию к сентенции, но вписанное в конкретную ситуацию; **гному** – поучительно-философское изречение в стихотворной форме.

А. направлен не столько на создание образа, сколько на формирование суждения, выявляющего какое-л. типическое явление действительности.

Лит.: **Королькова А.В.** Русская афористика в контексте фразеологии: ДД. Елец, 2006; **Кулишкина О.Н.** Русский афоризм XIX – начала XX веков: эволюция и сферы влияния: ДД. СПб., 2004; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Лингвистический энциклопедический словарь.** М., 2002; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Рехлова О.А.** Афористика в газете // Русская речь. 2007. № 3; **Geary J.** The world in a phrase: a brief history of the aphorism. New York: Bloomsbury, 2005.

АХРОНИЯ. См. ГИСТЕРОН-ПРОТЕРОН**БАЙЛАЙНЕР.** См. ЖАНРЫ ПИАР-КОММУНИКАЦИИ**БАРЬЕРЫ ОБЩЕНИЯ.** См. КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ

БЕДНОСТЬ РЕЧИ, или **ОДНООБРАЗИЕ РЕЧИ**, – один из коммуникативных речевых недостатков. Б.р. выражается в скудости языковых средств, которые использует человек в своей речи. Б.р. характеризуется однообразием словарного запаса (лексическая Б.р.), повтором однотипных синтаксических конструкций (синтаксическая Б.р.), неумением использовать функциональные стили речи (стилистическая Б.р.).

О лексической Б.р. свидетельствует объём словарного запаса человека, т.е. количество используемых слов. Трудно однозначно ответить на вопрос: сколько слов должен вмещать лексикон современного человека. Ориентировочно можно сказать, что активный словарь грамотного человека достигает 10 тыс. слов. Иметь достаточный запас слов и пополнять его – задача культурного человека.

Ещё одно проявление лексической Б.р. – размывание чётких семантических границ слова, когда оно либо не соответствует своему прямому значению, либо заменяется абсолютно не схожими по значению словами. Одной из причин семантического опустошения слова является частое его использование, т.е. своеобразная «мода» на слово, напр.: *проект, тренд, актуальный, озвучить, толерантность, инновация, эксклюзив, креативный*. Такое сужение семантики одного слова удаётся преодолеть, используя синонимический ряд (см. Синонимы). Напр., ненормативное употребление глагола «озвучить» можно заменить целым рядом слов: *сказать, произнести, назвать, познакомить, изложить, процитировать, рассказать, интерпретировать, обнародовать, довести до сведения, высказать, упомянуть*.

Выражается лексическая Б.р. также в использовании Речевых штампов (см.), шаблонных слов, Канцеляризмов (см.).

Лексическая Б.р. проявляется в речевой избыточности, т.е. в неоправданном повторе однокоренных или близких по значению слов: *главная суть, коренные аборигены, первый дебют, свободная вакансия, постоянная еженедельная передача* (см. Плеоназм, Тавтология). От неоправданного повтора следует отличать широкоупотребительные устойчивые сочетания, которые вошли в русскую речь как стилистически оправданные: *истинная правда, всякая всячина, вокруг да около*.

Синтаксическая Б.р. заключается в однотипности оформления ряда предложений или высказываний: *Рецензент прочитал рукопись. Потом рецензент написал отзыв*. Однообразие синтаксических конструкций следует отличать от таких приёмов выразительности, как Анафора (см.) и Синтаксический параллелизм (см.). Чтобы избежать синтаксической Б.р., нужно использовать всё многообразие синтаксических конструкций: *Прочитав рукопись, рецензент написал отзыв; После того, как рецензент прочитал рукопись, он написал отзыв; Рецензент закончил читать рукопись и написал отзыв; После прочтения рукописи рецензент написал отзыв; Рецензент, прочитавший рукопись, приступил к написанию отзыва*.

Стилистическая Б.р. проявляется в тех случаях, когда говорящий не меняет стилистические «регистры», т.е. применяет одни и те же стилистические средства в различных коммуникативных ситуациях. Напр., неуместно использование молодёжного сленга в учебной ситуации (на лекции, на экзамене, в разговоре с преподавателем). Или употребление оборотов, свойственных официально-деловому стилю, в других сферах речи: разговорной, научной, публицистической. К.И. Чуковский назвал это явление «канцеляритом» (см. Канцелярит) и считал его большой бедой и признаком убогого стиля. Для устранения этого речевого недостатка следует активно пополнять свой лексикон словами различной стилистической принадлежности, а также использовать для выражения мыслей весь потенциал литературного языка.

Лит.: Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи. М., 2007; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Новиков В.** Словарь модных слов. М., 2011; **Чуковский К.И.** Живой как жизнь. М., 2004.

БЕССОЮЗИЕ. См. АСИНДЕТОН

БИБЛЕЙЗМЫ – слова или выражения, взятые из текста Библии и вошедшие в литературный язык.

Библейские тексты на протяжении многих веков являются важнейшим средством духовно-культурного развития общества и отдельных индивидов, а также источником обогащения выразительных средств языка. Несмотря на большое число работ, посвященных Б. в русском и др. языках (А.М. Бабкин, Е.М. Верещагин, Н.П. Матвеева, В.М. Мокиенко, Е.С. Семёнова и др.), в науке не существует единого мнения относительно природы, функций и классификации этих важнейших единиц ментального, психологического и эстетического воздействия.

С литературоведческой точки зрения к Б. относятся цитаты из Библии, библейские реминисценции и аллюзии, встречающиеся в произведениях писателей [Борисенко 2002; Карпенко 1995]. С лингвистической точки зрения – к этим единицам чаще всего относят «слова и выражения из Библии, вошедшие в общий язык» [Ахманова 1969] и являющиеся важнейшей составной частью словесной культуры. Языковедческая трактовка Б. во многом зависит от исследовательского подхода. Некоторые учёные понимают их в узком смысле как «устойчивые сочетания (фразеологизмы) и афоризмы, которые характеризуются рядом признаков, а именно: смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, часто принадлежностью к книжному стилю лексики)» [Бетехтина 1995: 20]. Другие, напротив, трактуют Б. слишком широко как совокупность огромного числа языковых фактов, обозначающих понятия, прямо или косвенно связанные не только с Библией, но и в целом с христианством [Матвеева, Макаров 1993–1996].

Учитывая современный опыт исследования Б. в русле историко-этимологического, сравнительно-сопоставительного и лингвокультурологического подходов, относим к ним отдельные слова, фразеологические сочетания, афоризмы, художественные образы и символы, выраженные в словесной форме, восходящие к языку и поэтике книг Священного писания – Ветхого и Нового Заветов (Библии).

Эти единицы представляют собой значительный по объёму пласт лексики и фразеологии РЛЯ. По подсчётам С.Г. Шулежковой, не менее 20 % фонда крылатых выражений современного русского языка восходит к Библии [Шулежкова 1995: 40–42]. В собрание М.И. Михельсона «Русская речь и мысль. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии» (1902–1903 гг.) включено более 300 Б.; в книге Н.С. и М.Г. Ашукиных «Крылатые слова» (1950) зафиксировано свыше 200 библейских единиц. В «Словарь имён и крылатых выражений из Библии» Л.М. Грановской (2003) вошло около 400 имён и 300 крылатых выражений.

Б. составляют особый пласт экспрессивно окрашенных средств художественной литературы, публицистики и ораторской речи, способствуя, по справедливому утверждению А.Г. Супруна, «возвращению преемственности в духовной жизни русского народа, пробуждению нравственности и исторической памяти» [Супрун 1995: 164]. Большинство из них имеет книжную стилистическую окраску (*алчущие и жаждущие; камни вопиют; мерзость запустения; тьма кромеиная; что есть истина; упасть на добрую почву; не хлебом единым жив человек; легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть (войти) в Царствие небесное* и т.п.). Однако выделяются и такие, которые частично или полностью утратили связь с первоисточником, приобрели новые оттенки значения и используются как стилистически сниженные, разговорные или нейтральные (*кожа да кости, умыть руки, от чистого сердца, козёл отпущения, как (будто, словно, точно) с неба свалиться, Фома неверующий* и др.).

В настоящее время Б. активно используются в речевой практике в целях аргументации, самопрезентации, оценочной характеристики кого-/чего-л. Эти единицы выполняют целый ряд особых стилистических функций:

- 1) функцию социально-оценочной характеристики лица (*иуда, антихрист, хам* и т.п.);
- 2) функцию эмоциональной характеристики явления и места по его свойствам (*содом, эдем, голгофа* и т.п.);
- 3) функцию текстовых реминисценций: *Не дай Бог никому такого отца. Вам меня Бог на подвиг послал. Именно на подвиг! Тяните уж, детки, до конца. Чти отца твоего и долголетен будеши.*

За ваш подвиг, может, Господь пошлёт вам жизнь долгую. (А. Чехов); *День был самый лучший от сотворения мира, изумительно сверкало солнце в празднично ярком небе* (М. Горький); *Забывость надгробья нежна и прочна. / О, лакомка, сразу доставившийся рай! / «Вкушая, вкусих мало мёду», – прочла. / Уже не прочесть – «и се аз умираю»* (Б. Ахмадулина);

4) функцию назидания: *Не судите, да не осуждены будете; Не рой яму другому;*

5) функцию выражения иронии, шутки: *питаться святым духом* – ‘голодать, абсолютно ничего не есть’; *своя своих не познаша* – ‘говорится, когда кто-л. своего сторонника по недоразумению принимает за противника; употребляется также в карточной игре, когда играющий по ошибке перекрывает взятку своего партнёра’.

Знакомство с Б. приобщает человека к духовным ценностям христианства, а их употребление в устной и письменной речи является показателем высокой культуры, в т.ч. и культуры речи.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969; Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1996; Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. Л., 1970; Бетехтина Е.М. Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом библейского происхождения в русском и английском языках // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995; Библиейская цитата: словарь-справочник. М., 1999; Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. United Bible Societies, 1991; Борисенко Р.Н. Закон Вселенной в классической литературе // Русская провинция. 2002. № 3 (43); Верещагин Е.М. Библиейская стихия русского языка // Русская речь. 1993. № 1; Грановская Л.М. Словарь имён и крылатых выражений из Библии. Около 300 имён. Более 400 выражений. М., 2010; Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010; Карпенко Г.Ю. К вопросу о становлении «ветхозаветного» типа мышления в творчестве И.А. Бунина // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995; Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Библиейзмы в русском, чешском и словацком литературных языках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1993. Вып. 3; Матвеева Н.П., Макаров В.И. Словарь-справочник библейзмов русского литературного языка // Русская словесность. 1993. № 3–6; 1994. № 1–4, 6; 1995, № 2–6; 1996, № 1–2.

О.В. Фельде

БЛАГОЗВУЧИЕ РЕЧИ, или **ЭВФОНИЯ** (от др.-греч. *ἑυφωνία* – ‘благозвучие’), – одно из эстетических качеств речи, связанное с её звуковой организацией: сочетанием звуков в слове или на стыке слов, повторяемостью звуков в ближнем контексте. Различают широкое и узкое понимание Б. В широком смысле слова понятие Б. может быть применено к речевому произведению, созданному в рамках любого стиля в любом жанре: благозвучным признаётся естественное и красивое звучание, т.е. такая речь, которая удобна для говорящего и приятна для слушающего. Сочетания звуков, которые оцениваются как красивые носителями языка, могут вызывать отторжение у тех, для кого этот язык является неродным. То же касается и оценки произношения как лёгкого и трудного, иноязычного акцента – как приятного или неприятного. Всё это свидетельствует о том, что Б. всегда обусловлено своеобразием фонетики данного национального языка [Голуб 1997]. Речевое произведение, звуковой облик которого соответствует закономерностям звуковой системы языка, чисто интуитивно осмысливается носителями языка как благозвучное. И наоборот, несвойственные языку звуко сочетания – трудные для произнесения и «царапающие» слух – снижают Б. Так, слушатель российских новостей оценит как неблагозвучную фразу, в которой и диктор не раз споткнётся: *Полиция Нью-Йорка во вторник утром ликвидировала палаточный лагерь движения «Оккупируй Уолл-Стрит»*. Здесь представлены труднопроизносимые звуко сочетания (*ция+нюю; нюю+ё*), зияние (сочетание гласных – *уолл*), похожие на тренировочную скороговорку сочетания слов (*ликвидировала палаточный лагерь*). И это при том, что общее соотношение гласных и согласных звуков во фразе полностью соответствует звуковой пропорции в русском языке – в среднем 42 % гласных и 58 % согласных.

Приведённую фразу делает неудобной для устного воспроизведения и неблагозвучной для восприятия на слух отбор слов: повторяющиеся в рядом стоящих словах звуки оказываются разрушительными для устной прозаической речи. В отличие от речи поэтической и вообще – художественной. Именно повтор лежит в основе благозвучия как выразительного художественного приёма, т.е. Б. в узком смысле слова. В поэтике под Б. понимают **фонику** (от др.-греч. *φωνή* – ‘звук’) – звуковую организацию художественной речи, в которой повторения звуков, их особых сочетаний, и вызываемые ими ассоциации используются как приём художественной выразительности (см. Фоностилисти-

ка). Наиболее ярко звуковая выразительность проявляет себя в поэтическом произведении. Базируясь на основе фонетических закономерностей языка, эти приёмы так же, как те, что основаны на особенностях других языковых уровней (лексики, морфемике, синтаксиса), составляют известный набор выразительных воздействующих инструментов. Поэтому характеризуя звуковой облик стихотворения, говорят о его «инструментовке на тот или иной звук». Выделяют, напр., Аллитерацию (см.) (повтор согласных звуков) и Ассонанс (см.) (повторение гласных звуков): *Калитка уже на запоре, и море, / дымясь и вздымаясь, и дамбы долбя / солёное солнце всосало в себя.* // (Е. Евтушенко). Важно, что поэтическое произведение инструментовано именно на звук, а не на букву! Так, в приведённом отрывке в первой строке ассонанс на [о], который в слове *море* как бы притягивает к себе звук [м]; на него инструментована вторая строка, причём в ней есть аллитерации на [д] и [б]; все три согласных встречаются вместе в слове *дамба*; ассонанс на [а] (гласный [а] передается на письме буквами *а* и *я*) готовит нас к восприятию третьей строки, которая инструментована на [с], [о] и [а]: *солнце всосало*. Эти звуковые повторы, переключки звуков от одной строки к другой создают особую музыкальность стихотворной речи и обогащают его художественное содержание. Эстетическое удовольствие от стихотворного произведения усиливается особым видом звукового повтора – рифмой, которая в русской поэзии основана на созвучии ударных гласных, как правило, в конце строки. Использование рифмы как особого выразительного приёма зависит от литературной традиции и от фонетического строя языка. Русский язык в этом отношении предоставляет своим носителям поистине беспредельные возможности (см., напр., [Федченко 1995]).

Лит.: Брюсов В. Звукопись Пушкина // Брюсов В. Избранные сочинения. Т. 2. М., 1955; Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. М., 1997; Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Секреты хорошей речи. М., 1993; Гончаров Б.П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., 1973; Федченко С.М. Словарь русских созвучий. М., 1995.

В.В. Васильева

БОГАТСТВО РЕЧИ, или **РАЗНООБРАЗИЕ РЕЧИ**, – одно из Коммуникативных качеств речи (см.), характеризующееся разнообразием словарного запаса, отсутствием повторяющихся конструкций (тавтологий), применением средств лексической и синтаксической синонимии (в связи с этим различают лексическое и синтаксическое Б.р.).

Б.р. – качество, которое свидетельствует о высоком уровне речевого мастерства и является существенным условием успешного общения во многих ситуациях. Б.р. противопоставляют её бедности (однообразности) (см. Бедность речи), загромождённости и засорённости. К примеру, следует избегать повторения в тексте однокоренных или близких по значению слов (*изображаемый образ, объединение воедино* и т.д.). Синонимы (см.) помогают избегать ненужных повторений.

Одним из важных критериев разграничения богатства и бедности речи считают «количество слов» [Голуб 2000: 35]. У А.С. Пушкина, напр., в обращении было более двадцати тысяч слов, а известная героиня И. Ильфа и Е. Петрова Эллочка Щукина «легко и свободно обходилась тридцатью». О богатстве языка судят не только по количеству слов, но и по их многозначности. И.Б. Голуб пишет, что «разные значения слова расширяют границы его использования в речи» [Голуб 2000: 36].

В каждом функциональном стиле Б.р. проявляется по-разному. Необходимо отметить, что в языке художественной литературы Б.р. получает наиболее полное проявление. Талантливым писателям в большей степени удается достичь живости, наглядности, красочности, т.к. они владеют искусством художественного слова и умением правильно использовать выразительные средства языка. Искусству художественного слова учат русские писатели, которые из родного языка, по выражению М. Горького, «сделали чудо».

Б.р. оценивается как достоинство речи только в том случае, если языковые средства употреблены целесообразно и в соответствии с функциональной направленностью речи. Н.В. Гоголь, высказываясь о русском языке, писал: «Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово...».

В качестве примера образцовой речи приведём текст, написанный И.С. Тургеневым по поводу смерти Н.В. Гоголя: *Гоголь умер! – Какую русскую душу не потрясут эти два слова? Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам всё ещё не хочется ей верить. В то самое время, когда мы все могли надеяться, что он нарушит наконец своё долгое молчание, что обрадует, превзойдёт наши нетерпеливые ожидания, – пришла эта роковая весть! – Да, он умер, этот человек, которого*

мы имеем теперь право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших!

В этом фрагменте использована не только разнообразная лексика, но и целый ряд Стилистических приёмов (см.): Повтор (см.), Риторическое восклицание (см.), Риторический вопрос (см.), Амплификация (см.), Инверсия (см.), Синтаксический параллелизм (см.), Эпитет (см.) и др.

Таким образом, даже траурная речь может быть образной, эмоциональной, насыщенной и выразительной, т.е. богатой. Главное – овладеть мастерством слова и использовать его в соответствии с ситуацией общения.

Лит.: Голуб И.Б. Основы красноречия: учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. М., 2000; Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Занимательная стилистика. М., 1988; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р.** Русский язык и культура речи. М., 2007; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Филиппова Л.С.** Русский язык и культура речи. М., 2009.

Н.Н. Акулова

БОГОСЛОВСКО-ЦЕРКОВНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ. СМ. ГОМИЛЕТИКА

БРАННОЕ СЛОВО (БРАНЬ) – оскорбительное, ругательное, относящееся к разряду непристойных, скверных слов (отсюда – сквернословие), не приличествующих в благопристойном обществе. К бранным словам относится и так называемый **мат**.

По поводу бранного (непристойного, нецензурного, непечатного) слова существуют разные точки зрения. Церковь оценивает его как антислово, а употребление его в речи (сквернословие) как признак избытка скверны в сердце, как первый шаг к растлению, как одна из основных причин духовной гибели нации. Мат обращает человека к его гениталиям и низводит на уровень животного; он «индуцирует проявление зла вокруг себя, привлекает бесовские силы»; это «симптом эволюционной недоразвитости», «духовно-эстетическое занижение, путь к вульгарному материализму и его эстетическому следствию – цинизму» [Игумен Вениамин (Новик)].

В советский период на сквернословие был наложен культурный запрет, и это имело свой результат: нецензурное слово не проникало в сферу официального общения, не было столь распространённым в сфере общения бытового. Нецензурное слово было абсолютно запретным в печатном тексте и в соответствии с юридическим кодексом расценивалось как оскорбляющее слух и представление о чести и достоинстве.

В большинстве своём представители русской культуры отмечали и отмечают, что нецензурная лексика – проявление низкой сферы языка и речи; она включает в себе отрицательную экспрессию; её звучание оскорбительно и свидетельствует о низком уровне культуры речи.

В постсоветский период русская речь, не ограниченная рамками цензуры, беззастенчиво включает нецензурную брань, и это связано с тем, что в массовом сознании носителей русского языка понятие «свобода слова» отождествлено с понятием «свобода речи», т.е. вседозволенность. Это привело к нарушению норм этикета, разрушению эстетических постулатов речи; утрачено определённое А. Пушкиным для русского языка «чувство соразмерности и сообразности» и решительно преодолено табу на печатное употребление нецензурного слова. Большими мастерами употребления нецензурной лексики в современной поэзии считаются Т. Кибиров, Д. Пригов; в прозе – Вен. Ерофеев, Виктор Ерофеев, В. Аксёнов. В. Сорокин считает, что «литератор, обходящийся без мата, равносителен пианисту, отрезавшему себе палец», что мат созвучен русской жизни, балансирующей на грани разлома», но надо «уметь им пользоваться, чтобы “не пересолить” и не потерять стиля» [Сорокин 2001].

При существующей оценке брани как явления отрицательного всё-таки многие признают право нецензурного слова на жизнь:

- 1) как средства художественного изображения в речи отдельных персонажей;
- 2) как положительный момент в экстремальной ситуации; в частности – фронтовой жизни, когда «энергию и силу приходилось поддерживать длинной и изощрённой матерщиной (очень помогает)» [Лотман 1995: 31].

Национальный корпус русского языка включает около 300 употреблений слова, называющего мужской детородный орган со всеми его производными, и мн. др. нецензурные слова. Создаются

словари нецензурной брани, включающие весь набор нецензурных слов. Причём русский мат уже не является принадлежностью только мужской культуры.

При всех разногласиях в оценках нецензурного слова, оно живёт и, без сомнения, будет жить, пока жив русский язык и его носители. Оно может звучать цинично, омерзительно, грязно, а может – остроумно, талантливо и смешно, демонстрируя при этом богатые возможности русского языка.

Лит.: Игумен Вениамин (Новик). Антисловно. Взгляд на сквернословие // ЛГ. 14.06. 1999; Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб., 2003; Сорокин В. Литература без мата как пианист с девятью пальцами // МК. 31.05–7.06. 2001.

Т.М. Григорьева

БРИФИНГ. СМ. ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

БУКВАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ, или **РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ**, – стилистический приём, который состоит в том, что метафорическое выражение нарочито осмысливается и употребляется в прямом (буквальном, непереносном) значении. Напр.: *«Отморозком» может быть каждый. К печальным последствиям приводит не само обморожение, а неправильно оказанная первая помощь* (АиФ. 2005. № 50. Заголовок и подзаголовок); *Но позвольте, ведь известно, что деспотия... – по московской привычке потянул одеяло на себя заезжий щелкопёр, однако князь тут же остудил его бесподобным аристократическим взглядом, так что на критике едва не заискрился иней* (П. Крусанов).

Б.м. – приём, создающий, как правило, комический эффект. В частности, на нём строятся некоторые малоформатные комические жанры, в т.ч. анекдоты, «приколы» и др. Напр.: *Муж спрашивает жену: – Тебя что, сегодня начальник на ковер вызывал? – Да, а как ты догадался? – А у тебя на спине узор отпечатался* (АиФ. 2001. № 25); *Как держать язык за зубами тем, у кого их нет?* (АиФ. 2002. № 29); *Да, это правда, что я обещал тебе золотые горы, но разговора о стиральной машине не было!* (ТВЕнеделя. 30.01–5.03.2006).

Как приём создания комического эффекта, Б.м. используется в основном в художественной литературе, в публицистике, в развлекательных жанрах, функционирующих в средствах массовой информации.

Приёму Б.м. противопоставлен нетерминированный приём, представляющий собой своего рода altera pars (другую сторону) приёма Б.м. Суть его в том, что контекст демонстрирует переход прямого значения слова или словосочетания в переносное, метафорическое. Напр.: *Как приготовить заливного осетра? – Берёшь минтая и заливаешь, что это осетр* (Краснояр. новости. 2004. № 9); *В. Путин: «Я вчера спросил у него (Тони Блэра. – Ред.): «Умеешь ли ты играть на волынке?» Он ответил, что не умеет...»*. Комментарий журналиста: *Пусть придет в Россию и возьмет пару уроков у наших реформаторов* (АиФ. 2003. № 27).

Лит.: Береговская Э.М., Верже Ж.-М. Занятная риторика = Rhetorique amusante. М., 2000; Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: курс лекций. СПб., 1996; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Сковородников А.П. Реализация, или Буквализация метафоры // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА – наименования предметов и явлений материальной и духовной культуры, характерные для жизни людей вне их производственной, общественно-политической, социокультурной, научной и т.п. деятельности. Это слова, различные по происхождению и хронологическим напластованиям, по территориальному распространению и тематической принадлежности. Бытовой словарь включает в себя названия пищи и напитков, тканей, кожи и меха, одежды и её деталей, обуви, головных уборов, украшений, посуды и предметов домашнего обихода, мебели, жилых и хозяйственных построек и их частей, средств передвижения, названия некоторых игр, плясок, обычаев, обрядов и суеверий. Г.Н. Лукина относит к Б.л. также названия частей тела, растений, животных, названия денег [Лукина 1990: 246]. Основу данной части словаря национального языка составляют ней-

тральные по стилистической окраске общенародные слова – исконные и заимствованные: *щи, квас, ситец, цигейка, шуба, тапочки, платок, серьги, сковорода, покрывало, кровать, изба, чулан, хлев, жмурки, свадьба, зелье, приворот* и т.п. Б.л. занимает важное место и в составе лексики русских народных говоров (наряду с лексикой морально-этической сферы и специальными наименованиями местных промыслов). В художественных произведениях Б.л. употребляется для создания бытового колорита, в портретных зарисовках, часто – в составе сравнительных оборотов: *Возвратясь домой, Лев Саввич чувствовал себя злым и неудовлетворённым, точно он вместо **телятины** съел за ужином старую **калошу*** (А. Чехов).

Лит.: Лукина Г.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: учеб. пособие. Красноярск, 2011; Судаков Г.В. Лексикология старорусского языка: предметно-бытовая лексика. М., 1983; Судаков Г.В. Русская бытовая лексика XVI – XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах: ДД. Л., 1985.

О.В. Фельде

БЭКГРАУНДЕР. См. ЖАНРЫ ПИАР-КОММУНИКАЦИИ

ВАРВАРИЗМ (от др.-греч. βάρβαρος – ‘варварский, иноземный, чужой’) – иноязычное слово, употребляемое в речи, но не освоенное языком, напр., *мармит* (фр.) – ‘нагревательный прибор для поддержания приготовленной пищи в горячем состоянии’.

В. существует на пересечении двух аспектов существования иноязычного слова – динамического (степень освоенности иноязычного слова заимствующим языком) и стилистического (функция иноязычного слова в тексте).

В динамическом аспекте заимствование есть процесс освоения иноязычного языкового явления (чаще всего слова, но также и морфемы, значения слова, словообразовательной модели, морфологического явления, синтаксической конструкции или функции). Языковое явление считается освоенным, когда оно широко употребляется носителями заимствующего языка и не воспринимается ими как абсолютно чуждое.

Существуют разные аспекты освоения языком слов и других языковых явлений. В наибольшей степени эти аспекты описаны для слов:

- 1) функциональный аспект – регулярное употребление слова носителями языка;
- 2) формальный аспект (ассимиляция, т.е. вхождение в систему языка):
 - а) фонетический – произношение с помощью системы звуков заимствующего языка и в соответствии с его фонетическими закономерностями;
 - б) графический – написание в системе письма заимствующего языка и в соответствии с его графико-орфографическими закономерностями;
 - в) грамматический – словоизменение и вообще грамматическое оформление в соответствии с типами словоизменения заимствующего языка;
 - г) словообразовательный – при котором слово становится словообразовательной базой для других слов заимствующего языка, а также строится по его словообразовательной модели;
- 3) семантический аспект – слово не должно иметь дублета, абсолютного синонима в заимствующем языке;
- 4) психолингвистический аспект – слово воспринимается большинством носителей языка как принадлежащее заимствующему языку.

Существует большое количество терминов, характеризующих в разных аспектах не до конца освоенное языком слово: Экзотизм (см.), ксенизм, безэквивалентная лексика, этнографизм, локализм, Иноязычное вкрапление (см.). Наиболее близок к В. по внутренней форме слова термин «ксенизм», который также отражает чуждость, инородность языкового явления заимствующему языку.

По степени освоенности языком В. лежат в довольно широких пределах: от абсолютно неосвоенной лексики (ср. итальянское *fiaschetto* / фьяскетто ‘бутылка’ в «гастрономическом» языке; пример Л. и М. Маршалек [Маршалек, Маршалек 2007]) до части освоенной языком лексики, сохраняющей яркие формальные черты иноязычия (ср. цвет *хаки*).

В. делятся на группы по источнику заимствования – языку, группе или семье языков, территории: Галлицизмы (см.) (из французского языка), Англицизмы (см.), Германизмы (см.) (из немецкого языка), гебраизмы (из древнееврейского языка или иврита), итальянизмы, Полонизмы (см.) (из поль-

ского языка), Латинизмы (см.), Грецизмы (см.), ориентализмы (из восточных языков) и т.п. В последнее время основную часть В. образуют англицизмы в связи с усилившимся, особенно в 90-х гг. XX века, экономическим и культурным влиянием на Россию Соединённых Штатов Америки.

В стилистическом аспекте сохранение явной чужеродности В. заимствующему языку позволяет ему выполнять определённую стилистическую функцию «информирования читателей о номинации в языке-оригинале» [Лазуткина 2003]. Как средство выразительности В. используются для речевой характеристики персонажей в художественном тексте, а также для придания национального или территориального колорита (см. Экзотизм). Кроме того, они могут использоваться для обозначения реалий, не имеющих наименования в заимствующем языке (ср. термин безэквивалентная лексика), напр., *ятаган* (вид холодного оружия).

В настоящее время в лингвистических исследованиях по соображениям Политкорректности (см.) вместо термина «В.» иногда используются другие термины, напр., «иноязычие».

Широко использовал В. А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин». Особенно изобилует ими первая глава романа, изображающая столичную жизнь. Ср., напр.: *Надев широкий боливар, / Онегин едет на бульвар, / И там гуляет на просторе, / Пока недремлющий брежет / Не позвонит ему обед.* Обилие В. формирует у читателя представления о космополитизме столичной жизни, и служит для дальнейшего противопоставления петербургского быта деревенской и московской жизни.

Активно используют В. писатели русского зарубежья, в частности, В. Аксёнов, напр.: *Так создаётся общество вэлфэра, идеальная утопия, невиданный коммунизм* (В. Аксёнов).

Неоправданная или сознательная перегруженность В., попытка их «не освящённого узусом» морфологического освоения или, наоборот, сохранение облика, которым они обладали в языке-источнике, приводят к явлению, именуемому Макаронизмом (см.)

Лит.: Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Маршалек Л., Маршалек М.** Гастрономические италянизмы в русском языке (графико-орфографический аспект) // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат-лов II междунар. науч. конф. (Красноярск, 10-12.09.2007). Красноярск, 2007; **Реформатский А.А.** Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6; **Филинкова Е.О.** Варваризмы в периодической печати: динамика и особенности использования (на материале журнала «Наука и жизнь») // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 2001. Вып. 3.

И.Е. Ким

ВАРИАНТЫ НОРМЫ. См. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

ВАРИАТИВНЫЕ РАЗВЕРНУТЫЕ ПОВТОРЫ – смысловые единицы научного текста, обычно с перефразировкой повторяющие высказанное ранее в тексте положение и содержащие в своей структуре элементы нового знания, т.е. некоторое развитие темы (содержания) произведения.

В.р.п. принципиально отличаются от традиционных повторов, под которыми обычно понимаются лексические единицы, представляющие собой тавтологическое или синонимическое воспроизведение и выполняющие в основном функцию связи слов, высказываний или частей текста. В.р.п. – это единицы **текста**, а не языка. Структурная природа В.р.п. разнообразна и в целом представлена единицами двух уровней: синтаксического (синтаксические конструкции) и текстового (текстовые единицы). В.р.п. синтаксического уровня – это повторы, выраженные сложными словосочетаниями, простыми и сложными предложениями. В.р.п. текстового уровня обычно выражены либо сложными синтаксическими целыми (ССЦ), либо единством нескольких ССЦ, объединённых на основе смысла (В.р.п.-фрагменты).

В.р.п. – коммуникативные единицы, с их помощью в тексте выражается динамика старого и нового знания: от уже известного знания, выраженного в левом контексте, – к новому, ещё не известному, впервые выражаемому в правом контексте произведения. Не случайно наиболее часто В.р.п. употребляются в тех фрагментах текста, где выражается авторская концепция, т.е. именно **новое** знание. Таким образом, посредством В.р.п. в научном изложении реализуется спиралевидный характер научного познания.

Повторяя ту или иную мысль, В.р.п. являются несамостоятельными единицами, т.к. всегда зависят от тех высказываний, которые воспроизводят. Первичное высказывание, повторяющееся далее

посредством В.р.п., называется «основным высказыванием» (ОВ). Повторы, как производные от ОВ, всегда постпозитивны по отношению к ним.

Вплетаясь в окружающий контекст, В.р.п. выполняют в тексте определённые функции: 1) обобщают содержание ОВ; 2) конкретизируют его; 3) поясняют; 4) уточняют; 5) акцентируют содержание ОВ; кроме того, выполняют функцию 6) ретроспекции (связь текущего фрагмента текста с ближайшим или удалённым предшествующим) и 7) проспекции (связь текущего фрагмента текста с ближайшим или удалённым последующим). Все перечисленные функции В.р.п. объединены в целом тексте наиболее общей текстообразующей функцией, что связано с участием В.р.п. всех разновидностей в динамике развития мысли автора, его научной концепции, т.е. в развёртывании текста, или текстообразовании.

В.р.п. могут вводиться в текст эксплицитно и имплицитно. Для эксплицированных В.р.п. в научном стиле сложился свой круг языковых «сигналов». Причём для каждой функции существует свой набор «сигналов». Так, **обобщающие** В.р.п. вводятся в текст следующими средствами: вводными словами *итак, словом*, вводными словосочетаниями *одним словом, таким образом*, конструкциями связи *обобщая, можно сделать вывод, что; в заключении скажем, что; подводя итог, скажем что* и т.п.; **конкретизирующие** В.р.п. – вводными словами *так, например, действительно, сравните, сравним, в частности*; вводными словосочетаниями *в самом деле, по мнению X, по выражению X, по замечанию X* и т.п.; конструкциями *судите сами; сравните сами; X об этом писал следующее; говоря об этом, X писал; как писал X* и т.п.; **поясняющие** В.р.п. – пояснительными союзами *то есть, а именно, именно, или*; вводными словами *иначе, значит, следовательно*; вводными словосочетаниями *другими словами, иначе говоря, иными словами*; конструкциями связи *это означает, что; отсюда следует, что; это свидетельствует о том, что* и т.п.; **уточняющие** В.р.п. – пояснительными союзами *а именно, именно, или* с семантикой уточнения в контексте данных повторов; вводным словом *в частности*; наречием *точнее*, а также сочетанием *имеется в виду (что)*; **акцентирующие** В.р.п. – конструкциями *необходимо ещё раз подчеркнуть; подчеркнём, что; важно отметить, что; мы должны понимать, что*; и т.п.; **ретроспективные** – В.р.п. конструкциями связи и безличными предложениями как *мы видели; как уже было сказано; как мы указывали раньше; как мы видели выше; как уже было отмечено; как было показано в предыдущем разделе; как мы знаем; о чём уже многократно говорилось*; и т.п.; **проспективные** В.р.п. – конструкциями связи *ниже будет показано, что; ниже мы увидим, что; в последующем изложении мы рассмотрим эти вопросы более обстоятельно; об этом подробнее ниже; этому вопросу мы уделим особое место* и т.п.

В.р.п. представляет собой текстообразующий механизм научной речи. С помощью повторов происходит постепенное и незаметное для читателя формирование из контекстуально известной информации нового научного знания: а) автор целенаправленно то и дело возвращается к уже сказанному ранее, чтобы «на плечах» известного ввести в повествование «крупницу» нового знания. В такой сложной коммуникации, как наука, кроме поэтапного, невозможен никакой другой тип изложения; б) опора на уже сказанное, а значит, понятное читателю, позволяет ему постепенно и без сбоев в понимании двигаться вслед за размышлениями автора, чем обеспечивается адекватность интеллектуального диалога между автором и читателем. При этом сам повтор не воспринимается как остановка движения мысли, как «топтанье на месте» в общей динамике содержания текста.

Лит.: Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развёртывания научного текста. Пермь, 1992.

Н.В. Данилевская

ВЕРБАЛЬНО-ИКОНИЧЕСКИЕ ТЁКСТЫ – тексты, организованные комбинацией вербальных (словесных) элементов естественного языка с невербальными элементами других знаковых систем, прежде всего, иконических. Есть и более сложно организованные тексты, в которых органично сочетаются вербальные, иконические и аудиальные (звуковые, музыкальные) компоненты.

Современная речевая коммуникация – это не только вербальное взаимодействие языковых личностей, но также их невербальное общение на разных уровнях и в разных коммуникативных сферах. В современной лингвистике тексты как продукт речевого взаимодействия понимаются достаточно широко, к их множеству относят не только собственно вербальные (словесные) тексты, но и тексты иконические (визуальные) и др. [Валгина 2003; Иванова 2000].

Для обозначения такого типа текстов пока нет единого и общепринятого терминологического обозначения. Из всех используемых в настоящее время наименований («поликодовый текст» [Больш-

шакова 2008]; «видеовербальный текст» [Пойманова 1997] и пр.) обозначение «креолизованные тексты» употребляется большинством лингвистов. Этот термин ввели Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов: «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180–181]; см. также [Анисимова 2003]). Однако такое наименование лингвистически не совсем корректно, т.к. термин «креолизованный» уже использован в значении «смешанный язык»: креолизованные языки – те, которые образовались в результате взаимодействия языков коренного населения и английского в бывших колониях Британии. Перенос «по аналогии» неверен, т.к. в креолизованных языках всё же смешиваются и взаимодействуют вербальные формы разных языков, а не их невербальные «субституты».

Предпочтительнее более соответствующее сущности таких текстов понятие, введенное Р.О. Якобсоном: «синкретические тексты» [Якобсон 1985], поскольку в них представлены в синкретическом единстве различные знаковые компоненты: слово, звук, цвет, изображение, а учитывая явление синестезии – и запах, вкус, тактильные ощущения.

Большинство синкретических текстов относятся к В.-и.т.: тексты рекламы, синкретические тексты СМИ, кинотексты, видеотексты, музыкальные клипы [Шарифуллин 2009] и т.п.

Современные В.-и.т. – одно из самых эффективных средств воздействия на речевое, коммуникативное и психологическое поведение языковой личности. Особенно актуально – в интернет-коммуникации, в которой абсолютное большинство текстов – синкретичны и по самой природе своей – вербально-иконичны. Можно говорить уже о вербально-иконическом «гипертексте».

Лит.: **Анисимова Е.Е.** Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003; **Большакова Л.Б.** Метафора в англоязычном поликодовом тексте (на материале британских и американских музыкальных видеоклипов): АКД. Самара, 2008; **Валгина Н.С.** Теория текста: учеб. пособие. М., 2003; **Иванова Е.Б.** Художественный видеofilm как текст и его категории // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию проф. И.В. Сентенберг. Волгоград, 2000; **Пойманова О.В.** Семантическое пространство видеовербального текста: АКД. М., 1997; **Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.** Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990; **Шарифуллин С.Б.** Анализ вербально-иконических текстов видеоклипов: символика «чёрного» // Слово и текст: лингвокультурный, коммуникативный и исторический аспекты: мат-лы междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 1–4 октября 2009 г.). Ростов н/Д, 2009; **Якобсон Р.О.** Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

С.Б. Шарифуллин

ВЕРДИКТИВЫ. СМ. РЕЧЕВОЙ АКТ

ВНЕЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕКСИКА – неcodифицированные слова, а также их отдельные значения, употребляющиеся со стилистическими целями в языке художественной литературы, публицистики, в разговорной речи. Разновидностями В.л. являются такие экспрессивно окрашенные лексические единицы, как арготизмы (см. Арго); вульгаризмы (см. Вульгаризация речи); Диалектизмы (см.); Жаргонизмы (см.); локализмы, т.е. «слова, территориально ограниченные по распространению, вошедшие в литературный язык в результате его взаимодействия с диалектами, народно-разговорной речью и местной социальной терминологией» [Мальцева 1980: 103], регионализмы, т.е. слова, обозначающие явления и понятия, связанные с особенностями быта отдельной субэтнической группы какого-л. этноса (напр., русских сибиряков, кубанцев, жителей Забайкалья и т.п.); сленгизмы (см. Сленг) и некоторые просторечные слова (см. Просторечие). Они используются для создания местного колорита, речевой и социальной характеристики персонажей, как средство Языковой игры (см.). Неоправданное использование В.л. ведёт к нарушению правил культуры речи (См. Чистота речи) и отрицательно характеризует говорящего/пишущего.

Лит.: **Быков В.** Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения («Новые» слова и значения в современном русском языке) // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2; **Гридина Т.А.** Языковая игра: Стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996, 2003; **Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова Ф.М.** Локализмы в литературной речи горожан. Пермь, 2002; **Климкова Л.А.** Семантическая структура регионализмов // Семантика языковых единиц: доклады VI Междунар. конф.: в 2 тт. М., 1998; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Оссо-**

вещный И.А. Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50–60-х годов // Вопросы языка современной художественной литературы. М., 1971; **Самотик Л.Г.** Лексика современного русского языка: учеб. пособие. Красноярск, 2011; **Скитова Ф.Л.** Локализмы в литературной речи горожан: учеб. пособие. Пермь, 2002; **Скляревская Г.Н.** Новый академический словарь: Проспект. СПб., 1994; **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006.

О.В. Фельде

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ОРАТОРА – это конкретное представление о говорящем, возникающее в сознании у слушающих в процессе коммуникации, складывающееся из собственно внешности, кинесической культуры (манер, поз, жестов, взгляда (визуального контакта), походки) и проксемической культуры (пространственно-временных характеристик общения).

Для результативного публичного выступления имеет значение не только содержание выступления, но и впечатление, которое оратор произведёт на публику. Внешний вид, стиль, манеры, имидж оратора создают у аудитории первое впечатление о говорящем. Главный визуальный объект в публичном выступлении – сам оратор, поэтому он должен выглядеть опрятно. Внешний облик и манера поведения оратора очень важны, а подчас имеют решающее значение в деле воздействия оратора на аудиторию.

Внешний вид должен соответствовать ситуации общения и потребностям аудитории. В этом отношении в риторике существуют следующие общие рекомендации: у оратора должны быть аккуратная причёска, начищенная обувь, невызывающая опрятная одежда (не отвлекающая внимание аудитории, не стесняющая движения), ухоженные руки, здоровый внешний вид. Как бы мы ни относились к своему внешнему облику, мы всегда производим то или иное впечатление на слушателей. Напр., один оратор выступает, надевая дорогой деловой костюм, белую рубашку, модный галстук, другой – джинсы и свитер. Первый оратор демонстрирует статус, престиж, уважение. Второй – независимость, наивность, самостоятельность.

Желательно также всем своим видом демонстрировать уверенность, спокойствие, намерение сказать что-то важное. При этом лучше занять наиболее естественное положение, избегая напряжённой позы, стоять ровно, выпрямив спину, слегка подтянув живот, чуть расставив ноги для равновесия; плечи и шея должны быть расслаблены, в наиболее важных моментах выступления все тело может подаваться слегка вперед.

Обычно оратор производит благоприятное впечатление, когда находится на расстоянии, соответствующем тому или иному виду взаимодействия: персональное расстояние (при общении со знакомыми людьми) составляет 0,5–1,2 м.; социальное расстояние (при общении с чужими людьми и при официальном общении) – 1,2–4 м.; публичное расстояние (при выступлении перед различными аудиториями) – 4–7,5 м.

Визуальный контакт в коммуникации имеет немаловажное значение. Так, быстрые короткие повторяющиеся взгляды позволяют установить первоначальный контакт для дальнейшей коммуникации; взгляд на слушающего в конце каждой реплики и в ключевых пунктах сообщения служит выделению важной информации, помогает сосредоточить внимание на опорных моментах сообщения; перевод взгляда с одного собеседника на другого (говорящий и слушающий смотрят друг другу в глаза не более 10 секунд) стимулирует поддержание стабильного уровня психологической близости (свидетельствует о доверительных отношениях) и помогает произвести благоприятное впечатление; отказ от прямого визуального контакта при обсуждении неприятных и трудноразрешимых вопросов является выражением вежливости; пристальный длительный взгляд (более 10 секунд) может восприниматься собеседниками как признак враждебности и создаёт неблагоприятное впечатление, а в некоторых культурах (напр., китайской, японской и др.) взгляд в упор считается признаком оскорбительного поведения.

Жестикуляция оратора должна быть умеренной, естественной, соответствующей речевой ситуации, подчёркивающей наиболее важные отрезки речи и совпадающей со смысловыми акцентами. Так, эмоциональные жесты могут подчёркивать кульминационные моменты речи, а также похвалу, призывы к компромиссу и т.д.; указующие – демонстрируют местоположение чего-л., а описательные – дают наглядное представление о форме и свойствах предметов. Многие жесты имеют вполне определённое значение: напр., скрещённые руки или руки, сложенные в замок, указывают на защит-

ную реакцию. Мимика также принимает участие в передаче информации, но хорошо, когда она естественна и сдержанна. Выражение эмоций должно быть умеренным.

В целом внешний облик оратора должен соответствовать предполагаемой ситуации общения. Безусловно, «внешние данные должны взаимодействовать с глубокими переживаниями взаимного общения со слушателями» [Кохтев 2003].

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика и дипломатия: Образ оратора в дипломатической речи // Теория и практика преподавания русской словесности. М., 1996. Вып. 3; **Данилина В.В.** Образ оратора // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; **Иванов Л.Ю.** Поведение оратора перед аудиторией // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Пряхин М.Н.** Телевизионный оратор // Средства массовой информации в современном обществе: тенденции развития, подготовка кадров. М., 1995.

А.А. Кузнецова

ВОЗВРАЩЕНИЕ. См. АНАДИПЛОЗИС

ВООДУШЕВЛЯЮЩАЯ РЕЧЬ. См. ЭПИДЕЙКТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ

ВОПРОС ДЕЛИБЕРАТИВНЫЙ. См. РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС

ВОПРОС МЕДИТАТИВНЫЙ. См. РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС

ВОПРОС. См. КУЛЬТУРА ВОПРОСА И ОТВЕТА

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЙ ХОД – стилистический приём, состоящий во включении в монологический текст характерной для диалога вопросно-ответной конструкции или её фрагментов, осуществляемый в рамках Диалогизации монологической речи (см.). В-о.х. облегчает и активизирует восприятие речи слушателем/читателем, придаёт речи оттенок непринуждённости, интимности, разговорности. В письменном тексте В-о.х. обладает большими выразительными возможностями: он расчленяет текст, придаёт ему эмоциональность, способствует более тесному контакту с читателем. Напр.: *Давайте представим себе аналогичную историю в какой-нибудь, скажем, Америке или, на худой конец, в проклятой Богом Европе. Министр – за рулём «левой» машины. Представили? И как вы думаете – как долго после этой истории он продержится на своём посту? Правильно: не более часа (МК. 5–12.10.2000); Мечта? Реальность! (КК. 24.01.1987, газетный заголовок); 3) Любовь. / Ятаган? Огонь? / Поскромнее, – куда как громко! / Боль, знакомая, как глазам – ладонь, / Как губам – / Имя собственного ребёнка (М. Цветаева).*

В-о.х. широко используется в устной публичной речи, во многих жанрах газетной публицистики, в художественной прозе и поэзии, в научно-популярных текстах.

Лит.: **Богомолова М.А.** Диалогизация выступления как один из аспектов персонификации телевизионного сообщения // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика. М., 1987; **Кожина М.Н.** О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие. Пермь, 1986; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10-11 классов общеобразоват. учреждений. М., 1996; **Сковородников А.П.** Диалогизация монологической речи // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; **Стилистика русского языка.** Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987.

А.П. Сковородников

ВОСХОДЯЩАЯ ГРАДАЦИЯ. См. ГРАДАЦИЯ

ВСТАВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ. См. ПАРЕНТЕЗА

ВТОРИЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ. См. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ РЕЧИ – увлечение внелитературными элементами, неуместное использование в речи просторечных языковых средств (сленг, жаргон, аргó и т.п.), вульгаризмов (грубые, просторечные, бранные слова и выражения). Это явление, которое, к сожалению, получило распространение в наши дни. Многие слова из лексикона деклассированных элементов: *шухер, клёвый, мент, мусор, чмо, бодяга, канать, шпана* и др. – можно встретить как в устной речи, так и в прессе. Заголовки некоторых современных изданий активно включают в себя разговорно-просторечные элементы: *На раскрашенной тачке ездить нельзя; Эстонец прозевал виолончель за миллион* (КП); *Какая, к чёрту, полиция?; Зоозащитников хватает кондрашка* (МК). Это является стилистической ошибкой (см.), поскольку ведёт к размыванию рамок культурного общения культурных людей. Высшей формой национального языка признаётся литературный язык. Используя вульгарные просторечные языковые элементы, носитель языка принижает не только самого себя, но и своего собеседника. Абсолютно недопустимым примером В.р. следует признать введение обценной лексики, с чем также можно столкнуться в современных периодических изданиях, в частности в заголовках: *Омский гаишник – подчинённым: «Что, б..., перетрудились?! Не могли дописать протокол?»* (КП). Исследователи отмечают, что стилистическая функция В.р. – это маркирование по типу «Я – Свой» [Бушев 2005]. Человек использует вульгаризмы (*тут братва мне и говорит; родитель спал с лица*), желая показать, что он такой же, как все – его слушатели, читатели. Однако это впечатление ошибочное, поскольку ничего, кроме раздражения, подобное словоупотребление вызвать не может. Человек сам расписывается в собственной безграмотности и циничности. В.р. свойственна прежде всего молодому поколению, которое активно использует просторечный жаргон: *тусовка, засыпаться, бодяга, ксива*. В этом видится желание соригинальничать, заявить о себе в ущерб собственному речевому достоинству. Хуже, когда В.р. воспринимается как естественная, привычная. Серьёзной социолингвистической проблемой является использование вульгаризмов в прессе, с высокой парламентской трибуны. В художественной литературе вульгарные языковые элементы могут использоваться в стилистических целях, как средство создания иронии: *Поэт, он кратким должен быть и точным, / Иначе не поэт он, а фуфло. / Короче, я сидел в саду полночном. / А ты, как чмо последнее, не шло* (И. Иртеньев). При этом автор должен чётко представлять коммуникативно-эмоциональную ограниченность подобной лексики. Любому носителю языка необходимо помнить, что В.р. является стилистической ошибкой, и поэтому необходимо постоянно приучать себя к речи литературной, развивая навыки культурного и образованного общения.

Лит.: Бушев А.Б. Наука о языке и вульгаризация речи в СМИ // Российская наука и СМИ: сб. ст. М., 2004; Бушев А.Б. Риторический феномен семантической расплывчатости // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка: тр. и мат-лы. М., 2004; Бушев А.Б. Современные особенности языка российских СМИ (социолингвистические заметки) // Вестник ЦМО МГУ. № 5. Часть 1-2. «Филология. Культурология. Методика». М., 2005; Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1981; Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Русский язык и культура речи. Пермь, 2003; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Мартинович Г.А., Семёнов П.А. Терминологический словарь: русский язык, стилистика, культура речи. СПб., 2006; Попкова Н.Н. Отражение живых языковых процессов в творчестве Игоря Иртеньева // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 12. 2006. № 47.

Н.С. Цветова

ВЫДВИЖЕНИЕ – такой способ организации текста, который позволяет фиксировать внимание адресата на его определённых частях, выдвигая на первый план особенно важные элементы сообщения. В. – понятие, связанное с управлением вниманием Адресата (см.) в ходе восприятия им текста.

В. осуществляется за счёт размещения ключевых для всего текста высказываний в т.н. «сильных» («отмеченных») позициях (заглавии, абсолютном начале или конце текста, эпиграфе, лиде) или создания особых «схем выдвижения» – такого размещения тропов и фигур, которое позволяет привлечь внимание к отдельному фрагменту текста. К «схемам выдвижения» относят стилистическую конвергенцию (взаимодействие изобразительно-выразительных средств в каком-л. фрагменте текста на основе выполнения ими единой функции), сцепление (появление сходных элементов в сходных позициях, способствующее целостности текста, напр., рифма), обманутое ожидание (нереализация

определённых ожиданий адресата в процессе развёртывания речи). В. осуществлено удачно, если пики внимания адресата приходится на наиболее важные в смысловом отношении фрагменты текста.

По мнению И.В. Арнольд, «типы выдвигания охватывают либо весь текст, либо небольшие его отрезки. Этим они отличаются от стилистических приёмов, радиус действия которых значительно меньше и которые входят в структуры выдвигания как составные их части» [Арнольд 1978: 24]. Однако радиус действия стилистических приемов также может распространяться на весь текст (см., напр., стихотворение Н. Матвеевой «Девушка из Харчевни», структура которого основана на приеме градации). Тем самым понятие В. коррелирует с понятием стилистического (и шире – риторического) приема в одной из его функций.

Типы выдвигания рассматриваются в работах С. Левина, Р. Якобсона, М. Риффатера, Л. Долежелы, П. Гарвина, Л. Милик, И.В. Арнольд, И.В. Пекарской, Г.Г. Хазагерова и др. исследователей. К ним относят «схемы В.», семантический повтор, Градацию (см.), Ретардацию (см.), контраст (см. Стилистический контраст), текстовые фигуры и нек. др. явления. Логическая неоднородность ряда типов В. свидетельствует о недостаточной разработанности теории В. в современной лингвистике.

Иногда термин «В.» используют как синоним «актуализации», обозначая им необычное использование средств языка (см., напр., [Кухаренко 1988: 15; Чулкова 1978: 82]), или «акцентирования» – привлечения внимания адресата к коммуникативно значимым элементам речи [Москвин 2006: 43].

Лит.: Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4; Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник. М., 2002; Банникова И.А. Актуализация – выдвигание – стилистический контекст // Вопросы стилистики: межвуз. науч. сб. Вып. 15. Саратов, 1980; Варинская А.М. Становление русской лингвостилистической терминологии (функционально-стилистический аспект). (Приложение. Материалы к словарю-справочнику в аспекте проблемы «Становление терминосистемы науки о языке художественной литературы»): КД. Одесса, 1990; Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. 1. Абакан, 2000; Седых Э.В. Контраст в поэзии как один из типов выдвигания (на примере циклов стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» Уильяма Блейка): КД. СПб., 1997; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Чулкова В.С. Многочленный стилистический приём как одно из средств интеграции текста (на материале англоязычных прозаических текстов): КД. М., 1978; Milic L.T. Style and Stylistics. An Analytical Bibliography. N.Y., Ldn., 1967.

Г.А. Копнина

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ – интегральное качество речи, обеспечивающее максимальную её воздейственность (с позиции адресанта) и адекватность её восприятия адресатом. В.р. возникает при условии оптимального воплощения в ней всех основных коммуникативных качеств речи: правильности (соответствия литературно-языковой норме), целесообразности, точности, уместности, логичности, доступности, этичности, а также – во многих коммуникативных ситуациях, речевых жанрах, стилях – экспрессивности, направленности на эстетический эффект.

В специальной литературе В.р. получает различные толкования. Наиболее распространёнными являются два. Во-первых, выразительность отождествляют с экспрессивностью – при не вполне однозначном понимании последней (см. Экспрессивность), выдвигая на первый план такие составляющие, как эмоциональность и оценочность. Так, напр., синонимизируют выразительность и экспрессивность речи О.С. Ахманова [Ахманова 1966: 94], Н.Н. Романова и А.В. Филиппов [Романова, Филиппов 2006: 389], И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь [Голуб, Розенталь 1997: 231] и др. Во-вторых, многие авторы связывают понятие выразительности со способностью речи привлекать внимание слушателя или читателя своей особой организацией. Так полагают (различаясь некоторыми вариациями формулировок), напр., Б.Н. Головин [Головин 1988: 182], Г.Г. Хазагеров, И.Б. Лобанов [Хазагеров, Лобанов 2004: 204], Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина [Хазагеров, Ширина 1999: 215], Т.П. Плещенко, Н.В. Федотова, Р.Г. Четч [Плещенко и др. 2001: 205] и др. Иногда указанные точки зрения на В.р. совмещают-

ся, причём акцентируется эстетическое качество речевых произведений [Матвеева 2003: 43–44; Матвеева 2010: 64–65].

Мы предлагаем (см. выше) более широкое определение В.р., при котором экспрессивность понимается как одна из её составляющих. Все качества речи, в совокупности обеспечивающие её выразительность, обладают не одинаковой степенью значимости (важности), а также, отчасти, не одинаковым набором средств своего языкового воплощения в разных функциональных стилях и жанрах. Так, в официально-деловом стиле на первый план выходит качество точности, которое «проявляется прежде всего в употреблении специальной терминологии, в однозначности и безобразности нетерминологической лексики» [Кожина 2008: 326]. В качестве примера возьмём Статью 2 Всеобщей Декларации Прав Человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.: *Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашёнными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо ограниченной в своём суверенитете.*

Все слова этого текста употреблены в прямом значении. Причём, кроме собственно правовых терминов (*права, свободы, декларация, имущественное/сословное положение, статус, суверенитет*), обычные слова и словосочетания в данном контексте приобретают значение терминов (напр.: *независимая территория, подопечная территория, самоуправляющаяся территория* и др.). Ради точности передачи смысла авторы текста жертвуют лаконизмом, используя перечисления и даже тавтологию.

В художественной же речи первостепенное значение приобретают такие качества, как экспрессивность и ориентация на эстетический эффект: *Пьяный, с разорванной на груди белопенной рубахой – и свободы-то сотня сажен, но он и такой волюшке рад, заурчав радостно, будто дитёнок, узревший мать, он в наклон катился к Нижней Тунгуске, припадал к её груди, и тут же умиротворённо смолкал. Зимой дикий поток погрузится в оцепенелый, ледяной сон, заметёт его снегом, и никто не узнает, что среди заметённого леса, под глубокими сувоями распластанно, окаменело спит он мертвецки, спит до той счастливой поры, пока не оживит его солнце, и снова он кипуче, светло, бурно отпразднует лето* (В. Астафьев).

Художественно-образная конкретизация объекта описания (ручья – в произведении В. Астафьева «Царь-рыба»), создающая эстетический эффект, достигается здесь прежде всего благодаря искусному использованию таких экспрессивных средств (приёмов), как метафорическое олицетворение (*пьяный, с разорванной на груди рубахой; он и такой волюшке рад; припадая к её груди; погрузится в сон; спит; отпразднует лето*), сравнение (*будто дитёнок, узревший мать*), эпитеты (*белопенная, умиротворённо, дикий, оцепенелый, ледяной, распластанно, окаменело, мертвецки, кипуче, светло, бурно*). Причём эпитеты, приимённые и прилагательные, нагнетаются (используются с повышенной частотностью), что усиливает конкретность, точность, изобразительность, а следовательно, и выразительность описания.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988; Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Книга о хорошей речи. М., 1997; Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи: учеб. пособие. Мн., 2001; Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987; Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили: учеб. пособие; словарь. М., 2006; Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. Ростов н/Д, 2004; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА – языковые средства, которые способствуют точности, логичности, ясности, экспрессивности (эмоциональности, оценочности, интенсивности и образности) и обеспечивают полноценное (максимально приближенное к пониманию заложенной в тек-

сте информации) восприятие речи адресатом. В.с.я., вызывающие наглядно-чувственные представления, называют иногда изобразительно-выразительными средствами языка.

Понятие В.с.я. по-разному определяется в специальной литературе в связи с неоднозначной трактовкой категории выразительности (см. Выразительность речи). В работах некоторых исследователей В.с.я. отождествляются с фигурами речи (см., напр., [Арнольд 2002: 88; Словарь литературоведческих ... 1974: 57]) и – шире – со стилистическими приёмами (см., напр., [Культура ... 1998: 264–280]). М.Р. Савова пишет, что «средствами выразительности могут являться все средства языка и речи (если они соответствуют коммуникативным целям автора речи)» [Савова 1998: 30]. Подобной точки зрения придерживается и А.В. Фёдоров: «В системе стиля всякое средство выражения, всякий элемент языка, приобретающий стилистическую функцию, является выразительным средством, независимо от того, создаёт ли он в сочетании с другими элементами впечатление привычности данного отрезка речи или, напротив, заставляет его выделяться в целом по контрасту с нейтральными формами речи, или же, наконец, создаёт контраст внутри него, вступая в столкновение с окружающими словами или грамматическими конструкциями» [Федоров 1971: 73].

Выбор и использование В.с.я. зависят от ситуации общения, избранного жанра и стиля речи, а также от авторской индивидуальности. Так, в официально-деловой речи точность, не допускающая интолкования, достигается благодаря использованию специальной терминологии, однозначной и безобразной нетерминологической лексики, повторов слов (преимущественно терминов), уточняющих оборотов и др. средств языка. В газетно-публицистической речи точность имеет подчёркнуто документально-фактологический и оценочный характер и создаётся за счёт широкого употребления профессионализмов, оценочных метафор и др. В.с.я. Употребление В.с.я. зависит также от авторской индивидуальности.

Традиционно выделяют:

1) фонетические В.с.я.: Звуковые повторы (см.), Ударение (см.), Интонация (см.), Звукопись (см.), Звукоподражание (см.), звуковой символизм;

2) лексические В.с.я.: полисеманты (см. Полисемия), Омонимы (см.), Синонимы (см.), Антонимы (см.), Паронимы (см.), стилистически окрашенная лексика (см. Стилистическая окраска), Фразеологизмы (см.), лексика ограниченного употребления: Диалектизмы (см.), просторечные слова (см. Просторечие), Жаргонизмы (см.), Профессионализмы (см.), Архаизмы (см.), Историзмы (см.), Неологизмы (см.), Иноязычные слова (см.) и др.;

3) словообразовательные В.с.я.: экспрессивные аффиксы, окказиональное словообразование, словообразовательные архаизмы;

4) грамматические В.с.я.: синонимия частей речи и синонимия синтаксических конструкций, понимаемые достаточно широко (см. Синонимы), грамматические тропы (см. Грамматический троп).

Перечисленные В.с.я. могут выступать в виде стилистических приёмов (тропов и стилистических фигур). Кроме того, в речевом общении используются невербальные В.с.я.: в устной речи – позы, жесты, мимика; в письменной – графические средства.

В качестве примера использования В.с.я. приведём начало «Баллады о синем пакете» Николая Тихонова:

Локти резали ветер, за полем – лог,

Человек добежал, почернел, лёг.

Лёг у огня, прохрипел: «Коня!»

И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,

Четыре копыта и пара рук.

Озеро – в озеро, в карьер луга,

Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,

Ровным звоном звенят поля.

В этом тексте использованы **фонетические** В.с.я.: звукоподражание (*прохрипел*); звуковая анафора (*звоном звенят*); аллитерация на [к], [т], [р] (*Четыре копыта и пара рук*); ассонанс на [у] (*Небо согнулось, как дуга*), ритм; **лексические** В.с.я.: конкретно-предметная лексика, диатеза (*четыре копыта и пара рук*), метафоры (*локти резали, человек почернел, конь ударил, небо согнулось, летит земля*); **грамматические** (синтаксические) В.с.я.: экспрессивное бессоюзие (*Человек добежал, почернел, лёг*); эллипсис (*Озеро – в озеро, в карьер луга*). Кроме того, использованы лексико-

синтаксические приёмы: анадиплозис (...*почернел, лёг. / Лёг у огня...*); сравнение (...*Небо согнулось, как дуга. / Как телеграмма, летит земля...*).

Лит.: Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык.* М., 2002; Бахмутова Е.А. *Выразительные средства языка.* Казань, 1967; Винарская Е.Н. *Выразительные средства текста (на материале русской поэзии).* М., 1989; Голуб И.Б. *Стилистика русского языка.* М., 1997; Ковалёв В.П. *Языковые выразительные средства русской художественной прозы.* Киев, 1981; Кожина М.Н. *Стилистика русского языка.* М., 1993; **Культура русской речи:** учебник для вузов / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; Москвин В.П. *Стилистика русского языка: Приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация).* Волгоград, 2000; Савова М.Р. *Выразительность // Педагогическое речеведение: словарь-справочник.* М., 1998; **Словарь литературоведческих терминов** / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; **Стилистика английского языка:** учебник / А.Н. Мороховский, О.П. Воробьёва, Н.И. Лихошёрст, З.В. Тимошенко. Киев, 1991; Фёдоров А.В. *Очерки общей и сопоставительной стилистики.* М., 1971.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

ВЫСКАЗЫВАНИЕ – единица речевого общения, имеющая (в разных интерпретациях) больший или меньший объём. Минимальной единицей коммуникации оно признаётся в лингвистике текста, где трактуется как речевой аналог предложения: «Высказывание – это то, что мы слышим и читаем, предложение – результат лингвистического анализа» [Bellert 1972]. Или: «Предложениями не обмениваются, как не обмениваются словами и словосочетаниями, – обмениваются высказываниями, которые строятся из единиц языка: слов, словосочетаний, предложений; причём высказывание может быть построено и из одного предложения, и из одного слова <...>» [Бахтин 1986: 267]. **Предложение** – единица виртуальной системы языка, имеет формально-грамматическую структуру (присущий данному языку порядок слов; члены предложения, главные и второстепенные; грамматические категории предикативности и модальности). Со стороны формы оно описывается в структурном (формальном) синтаксисе, со стороны содержания – в семантическом разделе синтаксиса. Это анализ вне контекста и вне конкретной ситуации действительности.

В. всегда включено в контекст текстового целого и передаёт содержание конкретной ситуации действительности или её фрагмента. Связь с контекстом проявляется в особенностях порядка слов, в устной речи – интонацией; в наличии средств связи с пред- и посттекстом (см. Предтекст). Оно отличается от предложения наличием, кроме формального, актуального (тема-рематического) членения (см. Актуальное членение предложения). Предложение имеет содержание, В. – ещё и смысл. Смысл приобретает тем, что на содержание предложения накладывают отпечаток предшествующий текст, контекстные значения всех компонентов. В. должно быть уместным, т.е. соответствовать совокупности смыслов предыдущего фрагмента. В прагмалингвистике есть понятие Пресуппозиции (см.). Это те условия, которые делают уместным конкретное предложение-высказывание. Напр., фраза *Наконец-то и мой старший сын женился* уместна как обобщение всей предыдущей информации относительно ситуации: говорящий – мать или отец; он или она имеет не одного сына; младший или младшие женились раньше; свершившееся событие давно ожидалось и одобряется родителем и т.д.

В., в отличие от предложения, имеет деятельностьную природу: реализуется как определённый речевой акт (описание, сообщение, повествование, просьба, приветствие, обещание, намёк и т.п.). Вследствие указанных и других отличий одно и то же предложение, будучи употреблённым в разных контекстах, в разных коммуникативных ситуациях, может представлять разные высказывания, реализующие разные речевые действия и разные коммуникативные цели. Так, напр., вопросительное предложение *Сколько тебе лет?* в ситуации знакомства или установления анкетных данных представляет собой речевое действие запроса информации, что соответствует вопросительному типу предложения. В ситуации бытового общения матери со своим ребёнком это задумано и воспринимается как ирония, неодобрение, косвенное побуждение совершить некое действие, на которое ребёнок в силу своего возраста, по оценке матери, способен. Предложение *Во дворе злая собака* в одном случае может служить выражением благожелательного отношения хозяина к потенциальным посетителям, призыва к осторожности, в другом случае – это выражение скрытой угрозы.

Большой объём термин «В.» имеет в прагмалингвистике, когда его рамки совмещаются с репликой одного из участников диалога/полилога. Определяющими становятся признаки: относительная смысловая законченность; реализация коммуникативно-прагматических категорий (субъекта выска-

звания; обращённости к адресату – индивидуальному или коллективному, выраженному непосредственно или косвенно; мотива и цели коммуникативного акта); выраженность прямых или косвенных признаков всех компонентов коммуникативной ситуации: места, времени, соотношения социальных и ролевых статусов коммуникантов, тональности общения – официальной/неофициальной; характер и средства реализации коммуникативной тактики адресанта как элемент его коммуникативной стратегии (см. Коммуникативные стратегии и тактики).

Ряд лингвистов, прежде всего М.М. Бахтин, Д.Н. Шмелёв и их последователи, трактуют В. предельно широко, так что этим термином покрываются речевые единицы любой длины – «от короткой (однословной) реплики бытового диалога до большого романа или научного трактата» [Бахтин 1986: 263].

Лит.: Бахтин М.М. Высказывание как единица речевого общения. Отличие этой единицы от единиц языка (слова и предложения) // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986; Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998; Львов М.Р. Высказывание. Речевой акт // Львов М.Р. Основы теории речи: учеб пособие. М., 2000; Маргарян А.А. Высказывание как минимальная единица коммуникации // Актуализация содержательных и формальных языковых категорий в тексте: сб. науч. тр. Ташкент, 1988; Общение. Текст. Высказывание. М., 1989.

А.А. Бернацкая

ВЫСОКИЙ СТИЛЬ – разновидность речи, которая используется для создания торжественной тональности в произведении художественного или публицистического стилей. Он передаёт героический, трагический, романтический, сентиментальный пафос, отражая ту сторону мировосприятия автора, которая реализует его представления о Прекрасном (или Трагическом), о добре и зле, о вечных ценностях.

Противопоставление высокого и низкого стилей сложилось ещё в античности, когда были созданы первые теории, основанные на принципе трихотомичности – выделении высокого, среднего и низкого уровней в речи. В «Риторике к Гереннию» (неизвестного автора) была дана **классификация видов ораторской речи** – возвышенного, среднего, сниженного. В книгах Цицерона «Об ораторе», «Оратор», «О наилучшем роде ораторов» предложено стилистическое деление **по степени «украшенности», метафоричности** повествования. Автор пишет о «величественной» («пышной»); «средней»; «скудной» («тощей») речи, вид которой зависит от предмета речи. По мнению Цицерона, «самое трудное в речи, как и в жизни, – это понять, что в каком случае уместно...» [Цицерон 1972: 345]. О выделении трёх стилей изложения в зависимости **от степени экспрессивности** речи пишет и Квинтилиан в «Двенадцати книгах риторических наставлений». И Цицерон, и Квинтилиан следуют правилу Аристотеля, который считал, что «стиль ... должен подходить к предмету речи» [Аристотель 2000: 268]. Эта идея нашла своё отражение и в «Риторике» Гермодена, где приводится трёхчастная характеристика **содержания речи**: указаны «высокие», «средние», «низкие» объекты описания. В России попытки описать стилистические различия между письменной и устной, прозаической и поэтической речью были сделаны Лаврентием Зизанием, Мелетием Герасимовичем Смотрицким, а главное – архиепископом вологодским Макарием («Риторика» – 1617–1619), который в главе «О трёх родах глаголения» пишет о трёх типах речи. Терминологически теория трёх стилей окончательно оформилась в работах М.В. Ломоносова. Наиболее отчётливо идея трёхчастности отразилась в лексико-стилистическом описании «речений» русского языка, которое дано в «Предисловии о пользе книг церковных». Именно в этом труде появляется лексическая характеристика В.с.: он состоит из слов «славенороссийских» и «славенских», т.е. из «речений» первого и второго рода.

В современной стилистике для создания высокой тональности речи используются ресурсы лексики, фразеологии, словообразования, морфологии, синтаксиса, применяются и принципы, средства фоники; разные виды графического оформления, различные единицы риторического характера.

На уровне **семантики В.с.** создаётся прежде всего соответствующими группами лексики. Это слова старославянского происхождения: а) библеизмы (напр., *благодарность, душа*); б) поэтизмы (*муза, лазурный*); книжные слова (*иллюзорный, ибо, дабы, лапидарный, обозримый, облекать, пietet, харизма* и пр.); слова, характерные для публицистики (*беззаветный, глашатай*); тропы (*эпитет, сравнение, метаморфоза, олицетворение, метафора, метонимия, синекдоха, катахреза, оксюморон, гипербола, литота, аллегория, символ* и др.). Эти группы лексем лишь средство для создания

текста в В.с., которое используется по прямому назначению только в том случае, если автор ставит перед собой задачу изобразить «высокий» лик бытия. Употреблённые в ином смысловом контексте, они могут стать и способом выражения иронического отношения к миру. Вместе с тем торжественный пафос в речи может создаваться и нейтральными лексическими средствами. Так, напр., публицистический, подчёркнуто риторический смысл высказыванию придадут такие группы лексики, как **общественно-политическая, заимствованная**, которые сами по себе не являются высокими. Наблюдается в В.с. и метафоризация **профессиональной** лексики (*передний край, финишная прямая, агония*), **семантическое переосмысление** слов (*перестройка, гласность*). Эти приёмы помогают реализовать тот или иной тип пафоса, что приводит к появлению высокого образа действительности в тексте.

Интенция, заложенная в основу текста, определяет отбор и других, фразеологических, словообразовательных, морфологических, синтаксических средств. Лексически и морфологически значимыми оказываются такие морфемы, как суффиксы существительных *-знь, -ость, -(е)ств(о), -стви, -ни(е), -ени, -(т)и, -ци(я)*, приставки *чрез-, воз- (вз-)*, лексикализованные префиксы (префиксоиды) *благо-, бого-, добро-, досто-, сверх-, суе-*, интернациональные суффиксы и префиксы *-изм, -ист, -аци, анти-, контр-, транс-, де-, пан-*. Они являются потенциальными словообразовательными ресурсами для создания текста в высоком стиле – литературно-художественного или публицистического. На морфологическом уровне такими средствами могут стать: 1) существительные отвлечённые, условные имена собственные, несклоняемые, собирательные, отвлечённые существительные *singularia tantum*, т.е. имеющие форму только единственного числа, отвлечённые существительные *pluralia tantum* – имеющие форму только множественного числа; 2) глаголы в повелительном наклонении с частицей «да»; глаголы в настоящем абстрактном. Наконец, синтаксические средства создания высокого стиля – риторические (стилистические) фигуры. Эти синтаксические построения придают высказыванию особый ритм, графически и интонационно выделяют соответствующий отрезок текста, придают ему особую художественность.

Таким образом, В.с. – тот коммуникативно-стилистический «вектор» (по терминологии В.Г. Костомарова), который отражает наиболее важные для личности стороны мира средствами разных уровней языка.

Лит.: Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003; Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб., 2000; Бабкин Д.С. Русская риторика начала XVII века. М.; Л., 1951; Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трёх стилей. М., 1970; Граудина Л.К. Русская риторика. М., 2001; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2006; Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. Кн. X. Т. 1-2. М., 1834; Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005; Курилов А.С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981; Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. т. VII, М.; Л., 1952; Спафарий Николай. Эстетические трактаты. Л., 1978; Фёдоров В.И. История русской литературы XVIII века. М., 1982; Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве («Об ораторе», «Оратор», «О наилучшем роде ораторов»). М., 1972.

И.Б. Александрова

ГАЗЕТИЗМЫ – группа слов и выражений, составляющих характерную принадлежность газетно-публицистической речи и выделяемых некоторыми толковыми словарями с пометами «газ.», «журн.», «публ.». Так, в Толковом словаре русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова 224 газетизма (*агентура, акробаты благотворительности, активизация, акула – ср. акулы пера, болезнь – ср. болезнь левизны, вандал, жёлтый – ср. жёлтая пресса, жупел, зубр, кликуша, плутократ, пошехонец* и др.).

Тематический состав слов, причисляемых к Г., весьма пёстр: общественно-политическая, официально-деловая, военная, спортивная лексика и т.д. Неоднородна эта группа и со стилистической точки зрения: разговорные, просторечные, одобрительные, неодобрительные и др. слова. Представлены в списке Г. и устаревшие слова, а также слова с ограниченной сферой употребления.

Единственное, что объединяет эти слова, – социально-оценочная окраска, объясняющая восприятие их как газетных, публицистических. Именно эти слова и выражения, даже будучи малоупотребительными, типичны для газеты, наиболее ярко выражают её идею, установку, реализуют одну из

важнейших её функций – функцию воздействия. Г. – специфическая принадлежность лексики газетно-публицистического стиля, используемая прежде всего в газете и обладающая газетно-публицистической функционально-стилевой окраской. Г. входят в характерные для газеты разряды концептуальной (общественно-политической) лексики, а также лексики оценочной. С течением времени набор Г. меняется, но сам этот лексический слой остается как характерная принадлежность газетно-публицистического словаря.

Лит.: Калинин А.В. Слова-оценки // Книга о русском языке. М., 1969; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993; Полякова Г.П., Солганик Г.Я. Частотный словарь языка газеты. М., 1971; Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект). М., 1981; Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М., 2006.

Г.Я. Солганик

ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ. См. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

ГАЛЛИЦИЗМЫ (от фр. – *gallicisme* < лат. *gallicus* – ‘галльский’) – слова, устойчивые словосочетания и выражения, заимствованные из французского языка или образованные по модели французских слов и выражений. Обширный пласт Г. в русском языке сформировался в XVIII – первой половине XIX вв. в условиях тесных контактов России и Франции и культурного двуязычия представителей аристократических слоев общества. Г. проникали в русский язык преимущественно из речи франкоговорящих людей и переводной французской литературы. Со второй половины XIX в. приток Г. в русский язык заметно сократился. Специфическими признаками французских по происхождению слов являются сочетания *ю, гл, фл* (*буржуа, глассер, флакон* и т.п.); сочетания *бю, вю, зю, ню, пю, рю, фю* (*бюро, трюмо, гравюра, резюме, инженерю, пюпитр, рюши, фюзеляж*); конечные гласные *ю, и, е, о* в неизменяемых словах (*меню, травести, шоссе, индиго* и т.п.); конечные сочетания *-аж, -ант, -анс, -он, -онг* и нек. др. (напр., *татуаж, дебютант, ренессанс, кулон, шезлонг* и т.п.); префиксы *сюр-, дез-* (*сюрреализм, дезинформация* и др.); партикулы *аван-, премьер-, гала-, порт-, пресс-* (*авансцена, премьер-лига, гала-дефиле, портмоне, пресс-релиз* и др.). В современном русском языке Г. широко представлены как в кругу бытовой лексики, так и в составе многих терминологий. На их долю приходится значительная часть наименований одежды, обуви и головных уборов (*жакет, костюм, пальто, пеньюар, кашне, туфли, шапка* и мн. др.), пищи и напитков (*бисквит, суп, котлета, омлет, пюре, майонез, деликатес, кофе, лимонад, мармелад* и т.д.), украшений (*браслет, брошь, колье* и др.); мебели (*гардероб, софа, секретер, сервант, трельяж, табурет* и др.), парфюмерии (*парфюм, помада, пудра, одеколон, тушь* и т.д.). Заимствований из французского много в составе театральной, музыкальной, искусствоведческой, дипломатической, военной, экономической лексики (*актёр, афиша, водевиль, грим, увертюра, ноктюрн, атака, бомба, батальон, десант, импрессионизм, фабрика* и др.). Большинство новых заимствований из французского языка называют понятия кинематографа, моды и модной индустрии, экономики, финансов и информатики (*дубляж, каскадёр, бутик, визажист, дефиле, кутюрье, сомелье, девальвация, кредит, дискета* и др.). Некоторые Г. относятся к категории Модных слов (см.), обозначая реалии светской жизни высших слоёв общества (*богема, бомонд, гламур, журфикс* и т.п.). В составе Г. выделяются: 1) **лексические заимствования**, которые подразделяются на полностью ассимилированные (преобладают), частично ассимилированные и неассимилированные (*визави, комильфо*). Некоторые Г. всё ещё находятся в стадии освоения, что выражается в наличии орфографических, словообразовательных, морфологических вариантов (*откутюр – от кутюр; трансфер – трансферт*); 2) **словообразовательные и семантические кальки** (фр. *subdivision* → *подразделение*, фр. *true* → *дыра*, «захолустье», фр. *recherche* → *изысканный* и т.п.); 3) **фразеологизмы и фразеологические выражения, скалькированные с французских оборотов** (*jeunesse dorée* → *золотая молодёжь*; *parler à travers ses dents* → *говорить сквозь зубы*; *prendre un taxi* → *взять такси* и мн. др.); 4) **прямые фразеологические заимствования из французского языка** (вкрапления), которые в современной русской письменной речи обычно передаются кириллицей и не требуют пояснения (*се ля ви, шерше ля фам, миль пардон*); 5) **экзотизмы** (напр., *ажан, мушкетёр*); 6) **стилистические заимствования**: напр., обращения и этикетные формулы: *дорогой друг, молодой человек, мадам, Ваше Величество* (официальное обращение к монарху или его супруге); *Ваше Превосходительство* (в дореволюционной России – почтительное обращение к военным и гражданским чинам 3 и 4 классов «Табели о рангах»: генералу, адмиралу, тайному советнику, действительному статскому советнику, ректору университета), *Ваше Сиятельство* (в дореволюционной России – офи-

циально-почтительное обращение к князьям, графам и их супругам); *не за что* (как ответ на выражение благодарности); *искренне/весь/всегда Ваш* (эпистолярный комплимент) и т.п. К группе стилистических Г. относится и русское вежливое «Вы».

Г. широко используются в языке современной русской литературы и публицистики для языковой характеристики персонажей, при описании изысканных, утончённых сфер жизни, часто – в ироничных контекстах. Сочетая в одном контексте Г. с исконной русской общеупотребительной и разговорной лексикой, авторы достигают комического эффекта. Напр.: *Честное слово, мосье Бендер. – Слушайте, Шура, если уж вы окончательно перешли на французский язык. То называйте меня не мосье, а ситуайен, что значит гражданин* (Ильф и Петров); *У меня на сердце – мать. / Напишу, читаю – жуть! / Дело плохо. Надо к Васе. / Рядом с Васей – как-нибудь. / Вася скажет: «Бон суар!» / и поставит самовар. / Извинится: «Я уже... / миль пардон за negligje». / Опрокинет 200 грамм, / бормоча «шерше ля фам».* (А. Иванов).

Лит.: Агеева А.В. Иноязычная лексика французского происхождения в русском языке новейшего периода: КД. Казань, 2008; Белица Т.И. Проблемы освоения и лексикографического описания французских лексических заимствований в русском языке: На материале номинаций денотативной сферы «Модные реалии»: КД. Новосибирск, 2003; Бурова Э.А. Лексические галлицизмы в современном русском языке: КД. Ростов н/Д, 2004; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982; Габдреева Н.В. Французская лексика в русском языке: (историко-функциональное исследование): ДД. Казань, 2001; Гак В.Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М., 1966; Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958; Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: Краткий словарь. М., 2011.

О.В. Фельде

ГАПТИКА. См. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ

ГАРМОНИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ – идеал речевого общения, к которому нужно стремиться, желая доставить радость адресату и быть понятым им; вид диалогического общения, цель которого – достижение по возможности полного понимания, душевного отклика, эмоционального контакта коммуникантов, т.е. «гармонии».

Гармоничным является эффективный диалог, предполагающий не только интеллектуальный контакт, связанный с передачей и усвоением (пониманием) информации, но и эмоциональное созвучие участников общения. Проблема **понимания** является ключевой в жизни общества. Установка на Г.р.о., которое дарит людям радость, удовольствие, с которым связывается умение встать на точку зрения «другого» (М.М. Бахтин), проявить терпимость к его позиции, понять её – является показателем общей культуры человека, уровня его нравственного и эстетического воспитания. В современном речевом общении особую значимость приобретает **риторическая этика**, с которой связывают не только нравственную ответственность говорящего за каждое сказанное слово, но и стремление к пониманию адресата и желание быть адекватно понятым им. Не случайно русский риторический идеал связывают со стремлением к истине, добру, красоте (А.К. Михальская, А.П. Сковородников и др.). Нравственный аспект речевого общения представляется особенно важным в связи с ростом речевой агрессии в современном обществе. С этой точки зрения гармонизации противостоит конфликтное, т.е. дисгармоничное общение.

Один из законов риторики, сформулированный А.К. Михальской, называется «законом гармонизирующего диалога». Его суть в том, что «эффективное (гармонизирующее) речевое общение возможно только при диалогическом взаимодействии участников речевой ситуации» [Михальская 2001: 91]. Задача говорящего – «пробудить “собственное внутреннее слово” слушателя, установить гармонические и двусторонние отношения с адресатом» [Михальская 2001: 94]. Это соответствует современному коммуникативному подходу к тексту, когда признаётся равное право на речемыслительную активность не только автора, но и адресата. Эффективность их творческого диалога зависит как от деятельности пишущего (говорящего), ориентированной на адресата, так и от творческих усилий читающего (слушающего) субъекта.

Интерес различных исследователей к проблеме Г.р.о., начиная с авторов античных риторик, давний. В современной лингвистике некоторые аспекты Г.р.о. рассматриваются в связи с выявлением максим, правил, стратегий речевой коммуникации (Г.П. Грайс, Т.А. ван Дейк, В. Кинч, Д. Лич, О.Г. Почепцов, Ю.В. Рождественский, Н.И. Формановская, О.С. Иссерс, Е.В. Клюев и др.). В образо-

вательной сфере разрабатывается проблема эффективности общения с ориентацией на конкретные речевые жанры и виды речевой деятельности (Н.И. Формановская, А.А. Акишина, Т.А. Ладыженская и др.), на коммуникативную методiku обучения языку (Е.А. Быстрова, О.М. Казарцева и др.).

Ориентация на гармоничный/дисгармоничный диалог с «другим» проявляется в отборе и организации языковых средств, в выборе говорящим стиля общения и речевого жанра. Напр., на Г.р.о. потенциально направлены оценочные жанры «Похвала» и «Одобрение» (см. Похвала, Одобрение), этикетный жанр «Поздравление» (см.), императивный жанр «Совет» (см.); к потенциально дисгармоничному общению тяготеют информативные жанры «сомнение», «Опровержение» (см.), Оценочные жанры речи (см.) «Упрёк» (см.), «обвинение», «выговор»; императивные жанры с признаками авторитарности – «запрет» (см. Запрещение), «Угроза» (см.).

К условиям Г.р.о. можно отнести: 1) наличие контакта, канала связи (т.е. способов передачи сообщения с учётом сферы общения, условий, ориентации на определённые формы сознания); 2) знание кода (языка); 3) общность тезауруса (знаний о мире); 4) учёт социально-психологических, национальных и других особенностей участников общения; 5) наличие сходных целей и мотивов у автора и адресата, их взаимная готовность к сотворчеству и сопереживанию; 6) знание коммуникативно-прагматических правил общения и следование им.

В последние годы проблема Г.р.о. интенсивно разрабатывается в связи с исследованием толерантности/интолерантности как коммуникативной категории (Н.А. Купина, И.А. Стернин, Е.А. Земская, Н.Д. Бурвикова и др.).

Лит.: Болотнова Н.С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста. СПб., 1992; Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М., 1993; Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск, 2006; Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 2000; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; Михальская А.К. Основы риторики: учебник для 10-11 классов общеобраз. учреждений. М., 2001; Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988; Сковородников А.П. Норма этико-речевая // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Сковородников А.П. Риторический идеал // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Толерантность и коммуникативная культура педагога: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск, 2005; Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург, 2006.

Н.С. Болотнова

ГЕМИНАЦИЯ – стилистическая фигура, состоящая в контактном повторе слова, словосочетания или предложения три и более раза, напр.: *Зарницы. Зарницы. Зарницы. Земля слушает их. Хлеба слушают их* (В. Астафьев).

Г. широко употребляется в художественных и публицистических текстах, часто взаимодействуя с другими стилистическими фигурами. Она изображает множественность однородных предметов или явлений: *И целый день гравийными и асфальтовыми дорожками лились женщины, женщины, женщины! – молодые врачи, медицинские сёстры, лаборанты, регистраторши, кастелянши, раздатчицы и родственницы, посещающие больных* (А. Солженицын); *Дверной косяк в месте удара рассыпался. И гильзы, гильзы, гильзы* (КП. 18.10.1994); повторяемость и длительность событий: *Галя узнала его, ойкнула, вскинула руки (уж не обнять ли хотела?..), засмеялась и жадно слушала, слушала, слушала весь тот банальный бред, что он произносил* (Э. Русаков); *А птицы всё так же громко и многоголосо славили утро, солнце, и зорькина песня, песня пробуждающегося дня, вливалась в моё сердце и звучала, звучала, звучала...* (В. Астафьев); служит средством эмоционального усиления высказывания: *Но такая ситуация, я думаю, долго не продержится, опять наступит кризис. И опять скажут: где, где, где эти люди, которые могут что-то сделать?!* (КР. 30.08.1997); средством подчёркивания правоты, уверенности автора в чём-л.: *Де мол, они говорят, что моста не было, а он был, был, был! Да – был* (Пятница. 24.04.1998).

В более широком понимании Г. называют любой контактный повтор – лексический [Хазагеров 2009: 242], а также звуковой и слоговой [Москвин 2006: 81].

Лит.: Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА – направление в лингвистике, изучающее взаимосвязь пола и языка и влияние этой взаимосвязи на специфику мужской и женской речи. Это направление сформировалось в отечественном языкознании в 90-е годы прошлого столетия.

Отличия в мужской и женской речи проявляются на разных уровнях языка.

Фонетический уровень. Набор произносительных особенностей в речи мужчин и женщин один и тот же, однако их частотность в некоторых случаях различна. Так, для женщин более частотными являются различного рода смягчения согласных, причём даже тех, которые в нормативном литературном языке могут быть только твёрдыми: [ж], [ш] [Ерофеева 2000]. Женщины чаще склонны растягивать гласные, которые удлиняются главным образом с целью лучшего выражения мелодики движения тона или акцентировки ударения. Это делает речь женщины интонационно насыщенной. Мелодическое богатство достигается также за счёт таких просодических средств, как придыхание, лабиализация, назализация. Эти средства обычно передают различные оттенки эмоционального состояния говорящего [Земская и др. 1993].

Лексический уровень. Изучение мужского и женского лексикона в целом показали, что у мужчин центральный общеупотребительный слой лексики меньше, зато мужчины лучше владеют различными периферийными разделами словаря. Результаты исследований доказывают, что у мужчин ближе к центру находятся такие группы слов, как профессионализмы, термины – т.е. у мужчин актуализируются профессиональные знания. У женщин же данные группы слов находятся на периферии. Зато ближе к ядру такие группы слов, которые условно можно назвать «эрзацноминации», т.е. слова, являющиеся неполноценными заменителями того или иного термина. Чаще всего эрзацноминации сопровождаются излишним употреблением местоимений (*какой-то, такой*), частиц. Напр.: *Там такое тёмное пятнышко // Ну, там элементы какие-то потекли.*

Изучение закономерностей в употреблении инвектив, жаргонизмов, элементов сленга, показали, что данные группы слов находятся на периферии женского лексического поля и ближе к центру в организации мужского лексикона. Общеизвестным является тот факт, что в тезаурусе женской языковой личности активизированы такие тематические группы слов, как «семья», «дом», «дети», «одежда», «косметика», «диета» и др. В мужском тезаурусе активизируются другие тематические группы: «спорт», «техника», «политика», «рыбалка», «армия» и др. Некоторые тематические группы в мужском и женском тезаурусе различны в своем объёме. Так, словарь цветообозначений у женщин значительно шире. Она употребляет больше специфических названий цветов, многие из которых являются заимствованными, напр., *беж, мезар, перваши*. Исследования внутреннего лексикона человека с учётом его половой принадлежности показали, что структура женских ассоциативных полей имеет ряд отличий от мужских. Так, количество ассоциаций на одно слово-стимул у женщин в среднем в два раза больше, чем у мужчин. С другой стороны, мужские ассоциации разнообразнее и оригинальнее, а женские нередко банальны и стандартны.

Морфологический уровень. Экспериментальные исследования мужских и женских текстов (как устных, так и письменных) позволяют утверждать, что женщины чаще употребляют оценочные прилагательные, местоимения, частицы, междометия типа *ой*. Употребление грамматически неопределённых и семантически опустошённых слов (*ужас, страшно*) также является типичной женской чертой. Подобные слова являются грамматически неопределёнными, поскольку по форме – это существительные (*ужас*), а по значению – наречие.

Прагматический уровень. Воплощение и наполнение того или иного жанра у женщин и мужчин в определённых коммуникативных ситуациях различно. Так, имеются, напр., различия в мужском и женском воплощении разнообразных этикетных жанров. Можно выделить типично мужские и типично женские формы обращения: в транспортной ситуации общения только мужчина может обратиться к таксисту или водителю автобуса таким образом: *шеф, командир, хозяин*.

В коммуникации следует учитывать следующие гендерные особенности:

1) среднестатистический мужчина интерпретирует речь собеседника и сообщаемую ему информацию; чаще перебивает собеседника, особенно если это женщина; чаще дискутирует и оспари-

вает мнение собеседника, игнорирует его комментарии; старается доминировать в беседе; выражает свои намерения прямо, не используя при этом корректные и чересчур вежливые формы слов; выбирает темы беседы; рассматривает вопросы как источник информации, а не как средство для продолжения разговора; старается всегда в разговоре разрешить возникшие проблемы и дать советы по этому поводу;

2) женщины задают больше вопросов; вопросы, как правило, задают с целью каким-л. образом продолжить беседу; несогласие с мнением собеседника женщина чаще, чем мужчина, выражает молчанием; чаще выражает своё одобрение (вербально и невербально); избегает элементов «панибратского» речевого поведения (т.е. употребление кличек, прозвищ, унижительных обращений); чаще извиняется.

Гендерные стереотипы – это сложившиеся в обществе мнения о характеристике полов и о нормах мужского и женского поведения [Крейдлин 2005]. Среди гендерных коммуникативных стереотипов, сложившихся на сегодняшний день в русской и, шире, в европейской культуре, выделяются следующие: а) большая социализация женщин, коммуникативная направленность на говорящего и предмет разговора, соблюдение этикетных норм общения; б) переизбыток речи, болтовня, говорливость считаются характерными женскими качествами; в) преобладание подсознания, интуиции, инсайта у женщин и логики, рациональности у мужчин; г) меньшая, чем у мужчин, коммуникативная агрессивность и большая терпимость женщин; д) женщины более чувствительны, чем мужчины, к невербальным проявлениям.

Лит.: Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический аспект): КД. М., 1996; Горошко Е.И., Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. 1999. № 2; Ерофеева Е.В. К вопросу о фонетических характеристиках речи мужчин и женщин // Русский язык сегодня / отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2000; Жельвис В.И. Инвектива: мужские и женские предпочтения // Этнические и культурные стереотипы социального поведения. Л., 1989; Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993; Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999; Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации М., 2005; Мартынюк А.П. О реализации принципа вежливости в речи мужчин и женщин // Вестник Харьковского университета. Харьков, 1989. № 339; Шарифуллин Б.Я. Мужские и женские жанры речевого общения // Филологический ежегодник. Омск, 2002. Вып. 4; Шмутьская Л.С. Особенности женской языковой личности в сопоставлении с мужской (на материале сравнительных конструкций в речи жителей г. Лесосибирска): КД. Кемерово, 2003.

Л.С. Шмутьская

ГЕНРИСТИКА. См. ЖАНРОВЕДЕНИЕ

ГЕРМАНИЗМЫ – заимствования из германских языков (преимущественно немецкого, а также готского, шведского, датского, идиша и др.). Многочисленные Г. проникали в русский язык как прямым путём (устным и письменным), так и посредством других языков, прежде всего – польского (*бант, буханка, грунт, комната, маляр*), французского (*банк, банкир*). Активному пополнению словарного состава русского языка Г. способствовали такие экстралингвистические факторы, как территориальное соседство германских и восточнославянских племён в VIII – XII вв., ганзейское присутствие в Новгороде; наличие немецких колоний на территории страны в допетровское и в более позднее время; переводческая деятельность российских и немецких учёных, а также непосредственное участие немцев в управлении российским государством, в становлении многих наук, военного и промышленного сектора (Екатерина II, И. Шлаттер, Ф. Миллер, С. Гмелин, Ф. Беллинсгаузен, И. Крузенштерн, М. Барклай-де-Толли, В. Плевае и мн. др.), Из 13 академиков Петербургской АН, учреждённой в 1724 году Петром I, девять являлись приглашёнными немецкими специалистами.

К древнейшим заимствованиям из германских языков относятся около 200 общеупотребительных в современном русском языке слов (*бор, изба, князь, котёл, меч, свинья, панцирь, серьга, хлеб, хижина, холм, шлем* и т.д.). В разное время в состав бытовой лексики старорусского и русского языков заимствованы такие Г., как *бутерброд, бархат, картофель, рюмка, салфетка, стул, торт* и др. Однако большинство Г. вошли в состав русского языка в XVIII–XIX вв. как наименования понятий армии и флота, горного дела, техники, государственного управления, политиче-

ского устройства и финансов, социокультурной деятельности и сферы досуга вместе с заимствованием новых реалий и технологий (*альманах, арфа, вальс, верстак, горн, граф, кнопка, командир, компас, лагерь, машина, мундир, патруль, полицмейстер, слесарь, танец, циркуль, шланг, шахта, шпатель, яхта, шкипер, ярмарка* и мн. др.). Основными признаками слов германского происхождения в русском языке являются сочетания *шт, шл, шн, шп, кр, фл, хт, ау* и нек. другие (*штраф, шляпа, шницель, шпатель, вафли, вахта, крах, флот, пихта, шлагбаум* и т.д.), а также словосложение без соединительных гласных (*бакенбарды, мундштук, циферблат* и т.п.). Исследователи отмечают большое влияние немецких синтаксических конструкций на русское слабое управление (см., напр., выражения с предлогами *с, на, в: делать с радостью, с намерением; встать с рассветом; поумнеть с годами; уехать на несколько лет; быть в тягость* [Панькин, Филиппов 2011: 32]). В составе Г. выделяются: 1) **лексические заимствования**, которые подразделяются на полностью лексически освоенные (преобладают) и частично ассимилированные (*гастарбайтер, китч, мюсли*); 2) словообразовательные и семантические **кальки** (нем. *Bestehen* → *состоять*; нем. *Bildung* → *образование*; *Arbaitergeber* → *работодатель*; *Halbfabrikat* → *полуфабрикат*; нем. *Gabe* → *дар* / «*талант*»; нем. *Spielen* → *играть*, «о работе актёров» и т.п.); 3) **фразеологические кальки с немецких оборотов** (*благородные металлы, голубая мечта, коротко и ясно, ломаный язык, северное сияние, устал как собака, шведский стол* и мн. др.); 4) **синтаксические Г.** (*Я не имею времени, имею честь быть, что есть красота*); 5) **вкрапления**, которые в русской письменной речи передаются как кириллицей, так и латиницей (*Ахтунг! / Achtung* – команда «Внимание!»; *хенде хох / Hände Hoch* – «Руки вверх!»; *унд зо вайтер / und so weiter* – «и так далее»; *цумбайшпиль / zum Beispiel* – «например» и т.п.); 6) **экзотизмы** (*бундесвер, рейхстаг*).

В РЛЯ Г. могут выполнять номинативную, этнокультурологическую и художественно-эстетическую функции.

Лит.: Баранова Т.В. Русский язык как рецептор и источник заимствований. Орел, 2003; Ванина В.В. Экзотизмы немецкого происхождения в русском языке XX века: АКД. Новосибирск, 2001; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982; Гребинник Л.В. Немецкие заимствования в русском языке. Киев, 2007; Кепещук С.Ф. Немецкие лексические заимствования как источник пополнения русской лексики: АКД. Тюмень, 2001; Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: Краткий словарь. М., 2011; Токарева И.В. Адаптация немецких лексических заимствований в русском языке: на материале источников рубежа XIX–XX вв.: АКД. Тюмень, 2003.

О.В. Фельде

ГЕРМЕНЕВТИКА – 1. Теория и методология истолкования текстов («искусство понимания»). 2. Философское направление в XX веке.

В середине XVII века Г. как учение о «правилах» истолкования начинают отделять от экзегетики (практика простого комментирования). Задачу Г. составляет прояснение условий, делающих возможным уразумение смысла того или иного текста. Всякий письменный документ, согласно концепции немецкого философа Фридриха Шлейермахера, – это языковое обнаружение, имеющее двойную природу: с одной стороны, текст – часть общей системы языка, с другой – продукт творчества некоторого индивида. Перед Г. поэтому стоит двойная задача: исследование языкового обнаружения в качестве элемента определённой языковой системы и обнаружение стоящей за ним уникальной субъективности. Первую часть задачи выполняет «объективное» (или «грамматическое») истолкование, вторую – «техническое» (или «психологическое»). Грамматическое истолкование анализирует текст как часть определённой лексической системы, психологическое же – индивидуальный стиль, т.е. комбинации выражений, не заданные лексической системой.

Важным этапом становления Г. была «философия жизни» немецкого историка культуры и философа Вильгельма Дильтея, в рамках которой Г. приписывается особая методологическая функция. Дильтею принадлежит заслуга развития тезиса, согласно которому «понимание» есть не частный аспект теории познания, но фундамент гуманитарного знания («наук о духе») вообще.

Превращение Г. в философию связано с именем Мартина Хайдеггера, который стал рассматривать «понимание» не как способ познания, а как способ существования. В экзистенциальной аналитике, развиваемой им в работе «Бытие и время» (1927), «понимание» выступает как одна из основных характеристик человеческого бытия. Последнее есть то место в бытии, в котором возможна постановка вопроса о смысле последнего.

Человеческое бытие, таким образом, изначально находится в ситуации понимания. Задача Г. состоит в истолковании этой ситуации. Превращению Г. в философию противостоит привычный подход, согласно которому Г. была и остаётся теорией и методологией истолкования текстов.

Лит.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986; Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988; Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991; Малахов В. Герменевтика. URL: www.krugosvet.ru; Михайлов А.А. Современная философская герменевтика. Мн., 1984; **Общая стилистика и филологическая герменевтика.** Тверь, 1991; Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995; Шпет Г.Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М., 1989.

А.В. Щербаков

ГИПАЛЛА́ГА (ГИПАЛЛА́Г) (от др.-греч. υπαλλαγή – ‘подмена, замена’), – стилистическая фигура, состоящая «в переносе элемента одной синтаксической группы в другую, с ней смежную» [Никитина, Васильева 1996: 62], в результате чего возникает «перемена логической связи между понятиями в предложении» [Горте 2007: 57]. Напр.: *Тебя за щекой, как денежку, / Серебряно сберегу* (А. Вознесенский). Ср.: *Тебя сберегу, как серебряную денежку за щекой; Но мы уже не в силах ждать. / И нас ведёт через траншеи / Окоченевшая вражда, / Штыком дырявящая шеи* (С. Гудзенко). Ср.: *И нас, окоченевших, ведёт через траншеи вражда...*; *Царь грозной Руси* (заголовок книги В. Шамбарова). Ср.: *Грозный царь Руси.* Поскольку операции переноса часто подвергаются определения, Г. иногда называют перенесённым или перемещённым эпитетом.

Разновидностью Г. является **эналлага** (от др.-греч. ἐναλλαγή – ‘поворот, перемещение’), «характеризуемая тем, что определение-прилагательное перемещается с управляемого слова на управляющее или (реже) с управляющего слова на управляемое» [Хазагеров, Ширина 1999: 286], напр.: *Здесь стянута бессмысленно и тупо / Кольцом железной боли голова* (А. Блок). Ср.: *Голова стянута железным кольцом боли...*

Один из компонентов в Г. может отсутствовать, но подразумеваться. Такую Г. можно назвать имплицитной. Напр.: *Жёлтые, кое-где одетые можжевеловиком, точно в ужасе цеплявшимися за камни, эти горы мучительно походили на Триполитанские горы* (Н. Тихонов). Ср.: *Эти горы походили на Триполитанские, и это воспоминание было мучительно.*

Как изобразительный приём Г. характерна для художественной речи.

Лит.: Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Манчинова Н.В. Деривация и функционирование гипаллагы в поэтическом тексте: КД. Пермь, 1998; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ГИПЕРБА́Т (ГИПЕРБАТОН) (от др.-греч. υπερβατας – ‘перестановка, нарушение’), – 1. Стилистическая фигура, состоящая в изменении естественного порядка слов в тексте, а именно – в расчленении словосочетания другими словами. Напр.: *О, много расточил сокровищ я сердечных* (А. Пушкин); *В минуту жизни трудную* (М. Лермонтов). В поэтических произведениях это может диктоваться размером и рифмой. Целостность словосочетания нередко бывает «нарушена» таким образом и в прозаических текстах: *Скука меня томила страшная; Чего ждала эта тёплая, эта заснувшая ночь? Звука ждала она...* (И. Тургенев). Такой «разрыв» устоявшихся связей усиливает значение каждого компонента, логически выделяет наиболее значимое для автора.

2. Общее название приёмов, связанных с перестановкой слов (порядком слов) в тексте, таких как: Гистерология, или Гистеропротерон (см.), Инверсия (см.), Антиметабола (см.) и Хиазм (см.).

Изменение естественного порядка слов всегда вызвано какими-то причинами. Напр., необходимостью поставить «ключевое слово» высказывания в сильную позицию – начала или конца фразы (*Зачастил я к ней*), выделить его логическим и фразовым ударением (*Учитель – профессия творческая!*) и т.д.

По мнению Т.Г. Хазагерова и Л.С. Шириной, ещё более общим названием данной группы фигур речи является «Анастрофа» (см.).

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Гаспаров М.Л. Инверсия // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Хазагеров Т.Г., Ширин Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

ГИПЕРБОЛА (от др.-греч. υπερβολη – ‘излишек, преувеличение’; лат. superlatio, superjectio – ‘превышение, преувеличение’) – 1. В узком смысле приём, основанный на приписывании объекту свойств, качеств в большей мере, чем он ими обладает в действительности; в этом значении Г. противопоставлена Мейозису (см.) и Литоте (см.) в том их значении, которое связано с понятием преуменьшения. 2. В широком смысле приём, состоящий в приписывании какому-л. предмету размеров, свойств, состояний, действий не только значительно больших (назовём это гиперболической максимизацией), но и значительно меньших (назовём это гиперболической минимизацией). При широком осмыслении понятие Г. является родовым по отношению к мейозису и литоте в одном из её пониманий. И в первом, и во втором значении термина «Г.» имеется в виду отклонение от нормы правдоподобия.

Гиперболизация может касаться разных онтологических сфер (сфер бытия): а) антропоцентрической – сферы, относящейся к человеку, в т.ч. артефактам и продуктам его мыслительной деятельности: *Второй же... улыбался так широко, что, казалось, улыбка захватывала даже поля цилиндра* (А. Чехов); *Оставшись один, он не без удовольствия взглянул на свою постель, которая была почти до потолка* (Н. Гоголь); *В вышину ли он, Тугарин, трёх сажень, Промеж плечами косая сажень, Промеж глаз калёна стрела* (былина об Алёше и Тугарине); б) неантропоцентрической сферы живой и неживой природы: *Вот на этом поле <...> русаков такая гибель, что земли не видно* (Н. Гоголь); *Солнце падает за горизонт со скоростью мяча* (Виктор Ерофеев).

Чаще всего гиперболизация (в узком и широком значении) осуществляется путём переноса (транспозиции) – приписывания одному предмету свойств, состояний, действий другого предмета. Такой перенос оказывается возможным благодаря сравнению как операции человеческого мышления. Не случайно Г. часто выражается при помощи сравнительных конструкций. Напр.: *Акакий Акакиевич хотел было уже закричать «Караул», как другой <грабитель> приставил ему к самому рту кулак величиною с чиновничью голову* (Н. Гоголь) – перенос размеров головы на параметрические свойства кулака, выраженный существительным в творительном падеже; *Пылесос ревел, как ракета, выходящая на орбиту* (Профиль. 2009. № 33) – перенос силы звучания одного объекта на другой, выраженный при помощи сравнительного оборота с союзом «как»; *Жить на Рублёвском шоссе невозможно. Там проехать невозможно. Там вот едешь по этому шоссе, это как артерия атеросклеротического больного* (М. Задорнов) – перенос скорости движения кровяных клеток склеротического больного на скорость передвижения машин в «пробке», выраженный при помощи сравнительного оборота с союзом «как». Заметим, что чем дальше друг от друга в онтологической картине мира лежат сравниваемые объекты, тем больше выразительный потенциал этого приёма.

Помимо сравнительных оборотов, Г. могут выражаться с помощью таких типизированных средств, как: а) формы множественного числа: *Ты что это клумбы топчешь?* (вместо клумбу); б) числительное *пол-* в комбинации с существительными: *У нас полотдела гриппует*; кванторные слова: *всё, каждый, любой, никто, ничто* и др.: *Чуть чего случись – сразу никто ничего не знает!*; г) временные и пространственные наречия: *всегда, никогда, вечно* и др.: *Всегда тебя ждёшь*; д) прилагательные *целый, весь, сплошной, один*: *Весь день простоял в очереди*; фразеологические обороты типа *весь в мыле, руки отваливаются, глаза на лоб полезли*; сравнительные обороты с союзом *как*: *ржёт как лошадь, здоровый как бык, жарко как в бане* (подробнее см. об этом в [Крысин 1988, 2006]).

Приведённые выше примеры показывают, что степень отклонения от правдоподобия в Г. может быть различной: **абсолютной** – признак в той степени, в которой он преувеличен, невозможен ни в

какой ситуации реальной действительности и **относительной** – преувеличенный признак в реальной действительности возможен, но в данном контексте выступает как маловероятный.

Г. очень часто взаимодействует (конвергирует) с другими приёмами: *При одном предположении подобного случая вы бы должны были вырвать с корнем волосы из головы своей и испустить ручки... что я говорю! Реки, озера, моря, океаны слез!* (Ф.М. Достоевский) – конвергенция с восходящей градацией; *Какой, однако, тусклый культ тела... Почему эти коричневые макароны, принципиально высушенные и пересушенные на солнце, называются «культом тела»?* (С. Чёрный) – конвергенция с риторическим вопросом.

Соотносимым с Г. оказывается понятие Гротеска (см.). Наиболее распространена точка зрения, согласно которой Г. – одно из средств создания гротеска. Если Г. лежит в основе гротеска как фантастической деформации действительности, мы называем её Г. гротескного типа. Такая Г. часто совмещается с развёрнутой метафорой: *Мозг Сталина стал расти. Череп вождя треснул. <...> Мозг разорвал его череп, раздулся бело-розовым шаром, коснулся стены и стола. Стол поехал на мечущихся гостей, давя их, стена треснула. <...>. К полудню он коснулся облаков. К трём часам правое полушарие столкнуло в Атлантику обезумевший Лиссабон и рухнуло следом, подняв километровую волну. Левое полушарие, раздавив Москву и Санкт-Петербург, уперлось в Уральские горы и поволокло их по тундре Западной Сибири, счищая землю с вечной мерзлоты. Мозжечок, расправившись со Скандинавией, ухнул в Ледовитый океан, тревожа тысячелетние льды. К вечеру Последнего Дня Земли мозг Сталина накрыл полмира* (В. Сорокин).

Выделяют Г. языковые, или клишированные (*весь день ждал, полчаса пытался войти, вечно никого нет* и т.д.) и речевые, или индивидуально-авторские.

С целью создания изобразительности Г. охотно используют в газетных и журнальных публикациях: *Тонкий слой воды не защищает от тропического солнца, и бледные тела наших земляков обугливаются быстрее, чем свиные ребрышки в барбекю* (Catalog. 2005. № 6). Г. в функции выражения эмоционально-оценочных тональностей характерна для форумов и блогов Интернета: *Я не обнаружила себя в списках подсекций, вероятно, меня пропустили случайно. Внесите меня в список, пожалуйста, иначе моя нервная система меня покинет* (lomonosov-msu.ru/rus/forum).

Г. обладает жанрообразующим потенциалом, поэтому широко используется в малоформатных комических жанрах: частушках, приколах, шуточных комментариях к цитатам, комических диалогах, афоризмах.

Лит.: Гловинская М.Я. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М., 2004; Крысин Л.П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М., 1988; Крысин Л.П. Гипербола в художественном тексте и обыденной речи // Язык художественной литературы. Литературный язык. Саратов, 2006; Кузнецова В.А. Языковая и речевая гипербола // Слово в словаре, семантическом континууме и тексте. Челябинск, 1990; Курахтанова И.С. Языковая природа и функциональные характеристики стилистического приёма гиперболы (на материале английского яз.): АКД. М., 1978; Поликарпова Е.В. Гипербола в современном немецком языке: АКД. М., 1990; Сковородников А.П. О риторических приёмах с операторами «увеличение» и «уменьшение» // Мир русского слова. 2007. № 3; Тихомиров С.А. Гипербола в градуальном аспекте: КД. М., 2006; Ярышева Н.В. Гипербола в поэтических произведениях М.Ю. Лермонтова: АКД. М., 1995.

Ю.И. Борисенко

ГИПЕРЖАНР – устойчивая речевая форма, используемая в типичных коммуникативных ситуациях, включающая в себя несколько жанров. К примеру, Г. можно считать практическое занятие в вузе. В этот Г. могут входить такие речевые жанры, как сообщение или доклад, вопросы и ответы, дискуссия, деловая игра и т.д.

На современном этапе развития жанроведения одной из важнейших задач остаётся создание своей терминосистемы, определение ключевых понятий, в т.ч. понятия Г. В отечественном жанроведении одним из первых исследователей, употребивших наряду с термином «речевой жанр» термины «субжанр» и «гипержанр» стал К.Ф. Седов: «Гипержанры – это макрообразования, т.е. речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своём составе несколько жанров. Так, напр., можно выделить гипержанр застолье, в состав которого войдут такие жанры, как тост, застольная беседа, рассказ и т.п.» [Седов 2007: 14–15].

Л.В. Балашова дополняет такое представление замечанием, что между понятиями «гипержанр» и «речевой жанр» существуют гипер-гипонимические отношения: «гипержанр – коммуникативно-речевое явление, структура которого имеет жанровую природу, но единицы, определяемые нами как речевые жанры 1, относятся к данному феномену или как к модели большей степени абстракции, т.е. вступают с ними в гипонимические отношения (ср.: объяснительная записка, донос – официальная бумага, документ), или как его структурные элементы, т.е. вступают с ним в отношения «часть – целое» (ср.: дача показаний, донос – разговор со следователем)» [Балашова 2007: 22].

Г. могут иметь свои разновидности. Так, Е.И. Калинина, напр., отмечает, что «дневник как гипержанр включает в себя несколько разновидностей, среди которых мы выделяем четыре основные: личный дневник в классическом понимании, дневник публичного человека, предназначенный для публикации, дневник как форма организации литературного произведения и сетевой дневник, или блог» [Калинина 2010].

Т.В. Шмелёва считает, что для характеристики модели речевого жанра важны семь конститутивных признаков [Шмелёва 2007]. Эти же признаки могут быть положены в основание описания Г. При этом основным типологическим признаком будет коммуникативная цель, которая признаётся главным фактором организации любого текста. Стоит заметить также, что Г. – это всегда вторичное образование (см.: первичные и вторичные речевые жанры в терминологии М.М. Бахтина), чаще включающее в себя диалогические речевые жанры или их базовые характеристики.

Лит.: Балашова Л.В. Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов, 2007; Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М., 1996. Т.5: Работы 1940–1960 гг.; Дементьев В.В. Изучение речевых жанров в России: аспект формализации социального взаимодействия // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007; Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010; Калинина Е.И. Дифференциальные черты дневника как гипержанра // Вестник Кузбасской гос. пед. академии. 2010. № 1(2). Раздел «Филологические науки». URL: www.vestnik.kuzsra.ru/articles/2/; Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007; Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997.

А.В. Щербаков

ГИПЕРТЭКСТ (от англ. *hypertext* – букв. ‘сверхтекст’) – текст, в котором имеются связи с текстами, созданными до него или параллельно с ним, а также отсылки к этим текстам. Термин введён в научный оборот Тедом Нельсоном в 1965 году для обозначения «текста ветвящегося или выполняющего действия по запросу». Обычно Г. – это набор текстов, между которыми существуют взаимные отсылки, позволяющие выбирать необходимую для ознакомления информацию или определять последовательность чтения. Общеизвестным и ярко выраженным примером Г. служат веб-страницы – документы HTML (язык разметки Г.), размещённые в сети Интернет. В более широком понимании термина Г. является любая повесть, словарь или энциклопедия, где встречаются отсылки к другим частям данного текста.

Г. является принципом организации информационно-поисковых массивов, при котором отдельные информационные элементы (в т.ч. документографические, фактографические, полнотекстовые, графические) связаны между собой ассоциативными отношениями, обеспечивающими быстрый поиск необходимой информации и/или просмотр данных, взаимосвязанных указанными отношениями.

«Термин “гипертекст” употребляется настолько широко, что им обозначают, с одной стороны, весь массив текстовой информации, хранящейся в электронном виде, или, другими словами, “вселенную электронных документов”, а с другой стороны, любой письменный текст нелинейного характера» [Рязанцева 2010: 22]. Автор Г. может устанавливать многоуровневые связи между линейными отрезками текста, создавать различные пути ознакомления и восприятия довольно объёмного материала, делать аннотации текстов, отсылать читателя к цитируемым источникам либо к реферируемым текстам.

«Что касается читателя-пользователя, то он получает доступ к упорядоченному многоуровневому иерархически организованному корпусу текстов, который даёт ему возможность свободы в выборе своей собственной последовательности освоения материала» [Рязанцева 2010: 30].

В литературоведении Г. – это форма организации материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты. Гипертекстовость (гиперлитература) используется для создания эффекта игры, свойственного постмодернизму: количество значений изначального текста расширяется благодаря читательскому формированию сюжетной линии. Примеры литературных произведений, характеризующихся гипертекстовостью: роман-лексикон «Хазарский словарь» Милорада Павича, философская повесть «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского, роман Джонатана Сафрана Фоера «Дерево кодов» и нек. др.

Гипертекстовость свойственна и современной публицистике, в частности, существующей в интернет-среде. В таком случае текст содержит отсылки к предыдущим текстам по данной теме, к материалам того же автора, к справочным источникам и т.п.

Лит.: Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика: учеб. пособие. М., 2005; Купер И.Р. Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. 2000. № 1–2; Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. М., 2010; Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008.

А.В. Щербаков

ГИПОКРИЗИС. См. МИМЕЗИС

ГИПОФОРА (от др.-греч. ὑποφόρά – ‘предвосхищение’) – фигура речи, состоящая из вопроса или цепочки вопросов и ответа – или шире – реакции на него (на них). Эта стилистическая фигура выполняет двойную функцию: активизирует внимание адресата и акцентирует мысль, выраженную в ответной («реагирующей») её части. Напр.: *Не кажется ли вам, что Россия напоминает поезд, который остановился в длинном и тёмном туннеле?... Что ж, нам надо, жизненно необходимо вылезти из вагонов и выйти из чёрной мглы туннеля. Но – куда идти? Назад или вперёд? Надо полагать, что вперёд, потому что нельзя входить в историю пятясь* (Ю. Бондарев); *Кто и почему вёл борьбу с помощью ОМОНа против «Транснефти»? Почему такой крёстный бизнесмен, как Владимир Брынцалов, требует «разобраться» с главой компании ЮКОС Михаилом Ходорковским? Что побуждает владельцев Новолипецкого металлургического комбината выступить против Потанина с его «Норильским никелем»? Что делать с крупнейшим владельцем КРАЗа Анатолием Быковым, оказавшимся в тюрьме? Почему ушли из российского бизнеса братья Чёрные? Во всём этом должны разбираться суды и юристы, а не Президент и Правительство* (РГ. 15.07.2000).

Г. используется в публицистике, в ораторской и художественной речи. Отмечено, что Г. используется в полемике как средство ослабления доводов оппонента (т.е. оформляет соответствующую речевую тактику):

Ты уступил – почему?

Приневоленный миром? Однако

Мир бессилён, над ним изнеможенье царит.

Плоть позывает? Но плоть подвластна велению духа.

Демон тревожит? И с ним ты совладаешь легко.

Стало быть, дело не в них,

а причина в самом тебе скрыта:

Сам виноват человек, что в искушение впал (Эберхард / пер. М.Л. Гаспарова) (пример М.А. Горте).

Г. является одним из средств Диалогизации монологической речи (см.).

Лит.: Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Хазагерев Т.Г., Ширинина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ГИСТЕРОЛОГИЯ. См. ГИСТЕРОН-ПРОТЕРОН

ГИСТЕРОН-ПРОТЕРОН (ГИСТЕРОПРОТЕРОН) (от др.-греч. εἰστέρον – ‘позднейшее, последующее’ и πρότερον – ‘первое, предшествующее’), или **ГИСТЕРОЛОГИЯ, АХРОНИЯ, ХРОНОТЕЗИЯ**, – стилистический приём, состоящий в нарушении нормативного представления о временной последовательности описываемых событий (с соответствующей перестановкой слов в высказывании или содержательно-временными трансформациями сюжетной линии повествования).

Считается, что «обычно гистерология отображает неупорядоченность мыслей и чувств, вызванную сильной эмоцией» [Хазагеров, Ширина 1999: 220]. Пример такого Г.: *«Антониада», флагман египтян, / Все шестьдесят галер / Бегут и повернули руль (У. Шекспир). Ср.: повернули руль и бегут; ... Умрём / И в гущу сраженья ринемся (Вергилий).*

Г., выходящий за пределы одного высказывания и тем более «сюжетный», совпадает с **хронотезией** (от др.-греч. χρόνος – ‘время’ и θέσις – ‘положение, утверждение’) – термином, предложенным в [Сковородников 2005] для обозначения стилистического приёма, состоящего в описании виртуального отклонения каких-л. фактов (событий, процессов, поступков и т.п.) от их естественного (реального) осуществления во времени. Напр.: *Вокруг крик, гам. Все глядят на меня. Монашки расступаются. Входит наш капитан со снайперской винтовкой из ближайшего будущего (он купит её с оптическим прицелом завтра в Нижнем Новгороде) и его молодой помощник, чернявый чёрт (Виктор Ерофеев); Вот, ещё уверяете, что в мае 1940 года на севере Франции у приморского Дюнкерка немцы «окружили главные силы союзников» (стр. 319). Силы союзников – это 147 дивизий, а у Дюнкерка оказалось лишь 40. Разве это главные силы? И немцы их вовсе не окружили, а отрезали от главных сил. И 338 тысяч англичан, французов и бельгийцев благополучно удрали через Ла-Мани в Англию, где тихо просидели три года, наблюдая, как Россия обливается кровью, и читая сочинения Солонина о том, как бездарны советские генералы (Завтра. 2011. № 28).* Хронотезия в первом случае – дань постмодернистской стилистике, для которой характерны всякого рода «деконструкции» (нарушения норм и традиций). Во втором случае хронотезия – элемент сатиры, направленной на книгу современного автора М.С. Солонина «22 июня».

Хронотезия может выполнять композиционно-сюжетную функцию. Так, роман М. Шишкина «Венерин волос» построен как чередование двух сюжетных линий: 1) рассказа о жизни современных эмигрантов из России в Швейцарии; 2) рассказа из жизни персов эпохи царя Дария, содержащегося в книге, которую читает герой романа. По сути дела, на хронотезии (временном сюжетном «сдвиге») построен роман В. Сорокина «День опричника», в котором современной политической ситуации в России придан антураж Московской Руси времён царя Ивана Грозного.

Хронотезия используется в анекдотах, где создаёт комический эффект: *Отец спрашивает у сына: – Говорят, что ты встречаешься с Танькой из девятого подъезда... – Встречаюсь! А что, нельзя? – Да нет, почему же... Я в твоём возрасте тоже с ней встречался! (КП. 14–21.06.2002); – За морем такое диво: море вздуется бурливо... – Тоже мне, нашли диво, – сказал царь Салтан. – Небось наша подлодка во фьордах балласт продувает (ЛГ. 2004. № 7); может служить средством мистификации: *Милицейский «воронок» резко притормозил перед ней, из кабины высунулся розовощекий постовой в ушанке, сунул в рот блестящий свисток и переливчато засвистел. – Я вот тебе свистну, каналья! – погрозил ему из саней кулаком в белой перчатке Митрофан Владимирович Пуришкевич, едущий из «Яра» на Сретенку к своей любовнице Целиковской (В. Сорокин) – совмещение Пуришкевича и Целиковской, принадлежащих разным историческим эпохам.**

Хронотезия может совмещаться с Топотезией (см.) – «описанием вымышленных, несуществующих стран и местностей» [Хазагеров, Ширина 1999: 277], напр.: *«Че Гевара, гора Шумеру, вечность, лето»* (подпись под текстом, сочинённым Вавиленом Татарским, главным персонажем романа В. Пелевина «GENERATION “П”»); *Я Индией сыт по горло, она достала меня благовонными силлогизмами, непролазной нищетой деревень, жестяными игрушками, ашрамным рупором Больших Слов с Большой Буквы, разгромленной армией населения в рваных пледах, натянутых на голову, отступающего по Смоленской дороге к Тадж-Махалу, тусклым светом фонарей, шелухой арахиса, мухами в однообразной острой пище (Виктор Ерофеев).*

Предлагаемый термин «хронотезия» представляется наиболее удачным из всех перечисленных выше, поскольку он вписывается в определённую терминологическую микросистему: является аналогом термина «топотезия» и включается в отношение: топография – топотезия, хронография – хронотезия. Последний термин заполняет лакуну в системе.

Лит.: Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Сквородников А.П. Риторические приёмы в аспекте речевой системности // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9 (по мат-лам междунар. науч. конф.). Пермь, 2005; Сквородников А.П. О классификации риторических приёмов // Stylistyka-XIV. Opole, 2005; Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008; Хазагерев Т.Г., Ширинна Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Хазагерев Г.Г. Риторический словарь. М., 2009.

А.П. Сквородников

ГНО́МА. См. **АФОРИЗМ**

ГО́ВОР. См. **ДИАЛЕКТ**

ГОВОРЯЩЕЕ ИМЯ – художественный приём, в котором имя и/или фамилия прямо и недвусмысленно характеризуют человека (как правило, художественного персонажа) или указывают на его морально-этические качества. Такие имена имеют две основные функции: идентификация объекта и описание его свойств.

Г.и. использовались уже в античной комедии. Напр., один из героев комедии «Кубышка» Плавта носит имя *Мегадор* (образованное от др.-греч. μέγας – ‘много’ и δῶρον – ‘дар’): он «не скупится на приготовления к свадьбе с бесприданницей, беря на себя все расходы свои и соседа. Имя его сестры *Евномии* обозначает “благозаконие” – она и заботится о том, чтобы её сын узаконил свои отношения с девушкой». Эта традиция оказалась прочной. В особенности типичен данный приём для литературы классицизма. Напр., в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» легко определить по фамилиям доминанту характера или род занятия: *Простаковы*, *Скотинин*, *Вральман*, *Цифиркин*, *Кутейкин*, *Милон*, *Правдин*, *Стародум* (последняя фамилия, данная положительному герою, отразила свойственную автору-просветителю веру в одну – на все времена – истину). Г.и. часто наделяются комические персонажи в литературе любого направления. В «Ревизоре» Н.В. Гоголя порядок на улицах наводят полицейские *Держиморда*, *Свистунов*, *Пуговицын*. Названия деревень из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» отражают тяжёлую жизнь крестьян: *Заплатово*, *Дырявино*, *Разутово*, *Знобишино*, *Горелово*, *Неелово*, *Неурожайка*.

Ряд современных исследователей литературной ономастики (Ю.А. Карпенко, В.М. Калинин, Е.С. Отин, В.И. Супрун и др.) считают справедливым высказывание Ю.Н. Тынянова об отсутствии «неговорящих» имён в литературе, поскольку в литературных произведениях нейтральных, стилистически немаркированных имён нет. Г.и. являются значимым элементом поэтики и выступают в качестве текстообразующего и жанрообразующего средства в художественном пространстве литературы.

Лит.: Бардакова В.В. «Говорящие» имена в детской литературе // Вопросы ономастики. 2009. № 7; Блох М.Я., Семёнова Т.Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. М., 2001; Магазаник Э.Б. Ономастика, или «Говорящие имена» в литературе. Ташкент, 1978; Никольская Т.Е. Ассоциативное поле личного имени // Семантика языковых единиц: доклады IV Междунар. конф. Т.1. М., 1998; Шарашова М.К. О значении собственных имён // Семантика языковых единиц: доклады междунар. конф. Т.1. М., 1996.

Н.А. Володько

ГОМЕОЛО́ГИЯ (от др.-греч. ὁμοίος – ‘подобный’, λόγος – ‘речь’) – стилистический приём, заключающийся в повторении однотипных морфем. Выделяют несколько типов Г.:

1) повторение флексий, т.е. Гомеотелевтон (см.):

Небо звёздно.

Ночка ясна.

Степь привольна.

Жизнь прекрасна (П. Васильев).

2) корневой повтор, или **гомеоэоптон**:

Перегладили по шёрстке, –

Стосковался по тоске (М. Цветаева).

3) повтор одинаковых или однотипных суффиксов и префиксов:

Ревела буря, дождь шумел;

Во мраке молнии летали;

Беспрерывно гром гремел,

И ветры в дебрях бушевали (К. Рылеев).

Прозвучало над ясной рекою,

Прозвенело в померкшем дугу,

Прокатилось над рощей немойю,

Засветилось на том берегу (А. Фет).

Чаще всего Г. сопровождается стилистические фигуры Изоколона (см.), Хиазма (см.), Периода (см.), Антитезы (см.), Градации (см.), Полисиндетона (см.) и служит для усиления прагматического эффекта.

В наибольшей степени Г. характерна для художественных и публицистических текстов, где выполняет общую для стилистических приёмов экспрессивную функцию.

Лит.: Авдеева Г.А. Аффиксальная гомеология в поэзии М.И. Цветаевой: КД. Екатеринбург, 2000; **Литературный энциклопедический словарь.** М., 1987; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.

А.А. Кузнецова

ГОМЕОТЕЛÉВТ (ГОМЕОТЕЛÉВТОН) (от фр. homéotéleute) – стилистическая фигура, являющаяся одним из видов повтора и представляющая собой эстетически мотивированный ряд однородных членов предложения, т.е. набор слов одной грамматической категории с одинаковыми окончаниями и/или суффиксами. Напр.: *Заглуши в душе тоску тальянки, / Напои дыханьем свежих чар, / Чтобы я о дальней северянке / Не вздыхал, не думал, не скучал* (С. Есенин).

Первое упоминание о Г. античная традиция приписывает Аристотелю. Термин имеет греческие корни (ὁμοῖος – ‘подобный’, τέλος – ‘конец’) и был введён в употребление французскими лексикографами К. Буасте (homoïotéleute, 1839 г.), Э. Литтре (homéotéleute, 1866 г.). Наряду с термином «Г.» для обозначения данной стилистической фигуры в научной литературе используются и другие наименования: «гомеотелевтон», «гомеотелевтос», «гомеоптотон», «гомеоптот», «равноконечность», «единоконечие», «сходство окончаний», «сходство падежных окончаний», «созвучие окончаний», «уподобление».

Г. – фигура родственная рифме настолько, что рифма иногда рассматривается как частный случай Г. Разница состоит в том, что для реализации Г. недостаточно фонетической идентичности финальной части сближаемых слов. Необходимо также, чтобы идентичность была и графической, а повторяющиеся элементы были разложимы на морфемы.

В построении Г. принимают участие почти все части речи, за исключением служебных. Выступают морфологические категории в самых разных синтаксических позициях, как это видно из следующих примеров:

Существительные: *Чапаев превратил в ресурс местность, а также невозможность противника видеть свою дорогу, Чапаев превратил в ресурс общую неосведомлённость белых о перемещениях сил противника, а главное, их трусость и осторожность* (О. Матвейчев)

Глаголы: *Чуть ветер, / Чуть север – / Срывайтесь за ними, / Неситесь за ними, / Гонитесь за ними, / Катитесь в полях, / Запевайте в степях!* (Э. Багрицкий).

Прилагательные: *Весёлый, праздный, грязный, очумелый / Народ толпится позади дворца* (И. Бродский).

Наречия: *Из омота злого и вязкого / Я вырос тростинкой, шуриша, – / И страстно, и томно, и ласково / Запретною жизнью дыша* (О. Мандельштам).

Г. может быть интерпретирован лишь в пределах узкого контекста. Относительно пространства текста Г. может иметь как горизонтальное, так и вертикальное положение (возможно только в поэтических текстах). Компоненты фигуры подвижны и могут быть разделены другими словами.

Г. состоит преимущественно из двух-трёх звеньев, но иногда длина цепочки однородных одинаково оканчивающихся слов достигает десяти и более членов: *...это то место, куда швыряют, так*

уж и быть, обноски, обрезки, объедки, опивки, окурки, очистки, ошмётки, обмылки, облусолки, очитки, овидки, ослышки и обмыслёвки (Т. Толстая).

Встречаются в одном микроконтексте констелляции (слияния) Г.: *А разве он не заслужил как все, – / Замшелый и заброшенный орешник, / Такой красивый – в ивее, в росе – / Отшельник, и молчальник, и кромешник?* (Т. Бек)

Аффиксы, которые служат строительным материалом Г., не являются носителями лексического значения, но могут приносить в слово различные семантические и экспрессивно-эмоциональные оттенки: <...> *Кротчайший Георгий, / Тишайший Георгий, / Горчайший Георгий – свеча моих бдений – Георгий, / Кротчайший – с глазами оленя – Георгий!* (М. Цветаева). Здесь суффиксы превосходной степени в сочетании с семантикой корневых морфем передают отношение лирического героя к святому Георгию Победоносцу. Их дополнительные смысловые оттенки – «восхищение», «одобрение».

Г. сближает слова и их значения в смысловые группы. Но это сближение разноплановых понятий: у слов со сходными аффиксами корни различны. В результате складывается некоторое семантическое поле, включающее пересечение областей значений слов, объединённых Г. Напр.: *Он видит деву, блеск огнистый / В его очах перед ней потух, / Перед ней, такой невинной, чистой, / Стыдливо-трепетной, как дух* (Н. Гумилёв). Здесь компоненты фигуры являются носителями признаковой семантики и объединяются в семантическое поле «целомудренность».

Г. имеет некоторые стилистические ограничения: он не употребляется в тех функциональных стилях, которым свойственны безличность, безэмоциональность изложения, отсутствие или ограниченное использование экспрессивных средств языка (научный и официально-деловой стили). В наибольшей степени Г. характерен для художественных и публицистических текстов.

Как и другие разновидности повтора, Г. – явление полифункциональное. Так, напр., он может стимулировать образование окказионализмов, придавая игровой оттенок высказыванию: *Всё идут и идут года. / Сколько их? Разве это ведомо? / Жизнь идёт. И они идут. / Тут и внуково. Тут и дедово. / И прадедово тоже тут* (С. Островой).

Г. редко выступает в чистом виде. Чаще других он сопровождает фигуры, построенные на однородности слов или синтаксических конструкций (градацию, полисиндетон, асиндетон, синтаксический параллелизм, а также анафоро-эпифорические повторы) и служит для увеличения прагматического эффекта этих фигур (повтор конструкции усиливается морфемным повтором).

Лит.: **Античные теории языка и стиля.** М.; Л., 1936; **Береговская Э.М.** Очерки по экспрессивному синтаксису. М., 2004; **Лотман Ю.М.** Структура художественного текста. М., 1970; **Cuddon J.A.** The Penguin dictionary of literary terms and literary theory. London, 1992; **Grand Larousse de la langue française en sept volumes.** P., 1986.

Н.В. Толстоус

ГОМЕОЭОПТОН. СМ. ГОМЕОЛОГИЯ

ГОМИЛЕТИКА (от др.-греч. ομιλητική – ‘искусство беседы’) – богословская наука о христианской церковной проповеди, пасторском служении и правилах богословско-церковного красноречия; один из разделов пастырского богословия. Предмет Г. – проповедь как речь, обращённая к народу (ораторская речь); проповедническая деятельность (теория и практика); обязанности пастыря по наставлению своих прихожан в вероучительных истинах. В Г. используются данные библейской и церковной истории, догматического, нравственного и основного богословия, а также логики, риторики, стилистики и психологии. Основные источники Г. – Священное Писание (Ветхий и Новый Заветы), труды отцов и учителей Церкви, постановления Вселенских и Поместных Соборов, апостольские наставления о проповеди. Наиболее значимо из апостольских трудов в отношении проповедничества – «Послание к Галатам» апостола Павла (слово апостола Павла к церквам галатийским). Главный источник Г. – наставления Иисуса Христа. Этические и социальные основания Г. как искусства проповеди – это глава X Евангелия от Матфея, в которой даются наставления двенадцати апостолам на проповедь; содержательные основания – Нагорная проповедь (V–VII главы Евангелия от Матфея).

Искусство проповедничества, как и сама христианская проповедь, появляется в первом столетии от Рождества Христова. Основное содержание проповеди на протяжении всей истории её существования связано с вопросами духовной жизни, важнейшие цели – спасение человека, проповедование Евангелия. Главные задачи проповедника – способствовать стяжанию людьми важнейших хри-

стианских добродетелей (любовь к Богу и ближнему, вера, надежда, смирение, кротость, правдолюбие и истинолюбие, милосердие, чистосердечие, миролюбие, терпение, всепрощение и др.) и удалению от грехов (гордыня, уныние, сребролюбие, любодеяние, гневливость, злословие, сквернословие, неверие, маловерие, зависть и др.). Первым проповедником был Иисус Христос, идеал для всех пастырей и одновременно предмет христианской проповеди. Непосредственным продолжением проповеди Иисуса Христа становится проповедь св. Апостолов, которые, будучи его учениками, несли в мир Евангельские истины, проповедуя любовь к Богу, милосердие, прощение ближних, добро, мир и др. «Что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, то возвещаем вам», – говорит св. апостол Иоанн Богослов (Первое Соборное послание). Главным в своей проповеди Апостолы считали свидетельство о Христе. Величайший проповедник св. апостол Павел помимо своего пастырского служения заботился и о воспитании в основанных им общинах истинных христианских пастырей, которые, по учению апостола Павла, прежде всего должны быть учителями. Дело апостолов продолжили апостольские мужи св. Ириней Лионский, св. Тимофей Эфесский, св. Игнатий Антиохийский (Богоносец) и др.

Особое развитие проповедничество получает в III веке, чему способствовали такие факторы, как повышение образованности, основание школ (в т.ч. и богословских), появление большого количества храмов, при которых обычно были библиотеки, а в библиотеках – книги Священного Писания, Ветхого и Нового Заветов, сочинения христианских писателей. Большое влияние на развитие проповедничества и гомилетических идей того времени оказал Ориген, греческий теолог и философ. Талантливым проповедником был и ученик Оригена Григорий Чудотворец. Развитию института проповедничества в Африке способствовала деятельность св. Киприана Карфагенского. В IV–V веках («золотой период» христианской проповеди) ораторство, умение говорить и спорить считались высшим талантом, поэтому, несмотря на трудности, которые переживала Церковь в отношениях с государством, Г. как наука и искусство расцветала. Великими пастырями IV–V веков были Блаженный Августин, св. Афанасий Великий, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Иоанн Златоуст и др. Блаженный Августин стал автором первого руководства по церковному проповедничеству. В византийский период (VI–X века) продолжают развиваться традиции апостольского благочестия, хотя в это же время содержание и изложение проповеди отмечаются ригоризмом, сухостью и схоластикой, традиционностью мыслей и идей. В VI–X веках развивается и аскетическая святоотеческая проповедь, в которой отражается стремление христианина к Богу чрез очищение себя от греховной скверны, борьбу с грехом и деятельное подвижничество. Учение о проповеди развивалось в трудах св. Григория Двоеслова, преподобного аввы Дорофея, преподобного Феодора Студита, преподобного Симеона Нового Богослова. С XI века активно развиваются национальные Г. История становления и развития проповедничества на Руси начинается с принятия в X веке христианства (см. Проповедь) (см. работы Филарета Дроздова, Аверкия Таушева и др).

Г. как учебная дисциплина преподаётся в духовных учебных заведениях. К гомилетическим дисциплинам относятся теория и история проповедничества. В теории изучаются онтологические, этические и методологические основы проповедничества. В истории – формы и содержание образцовых проповеднических речей в их исторической последовательности, а также рассматривается личность автора изучаемой проповеди.

Лит.: Булгаков Г.И. Теория православно-христианской пастырской проповеди: (Этика гомилии). Курск, 1916; Бильченко (Феодосий), епископ. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1999; Ветелев А., священник. Гомилетика: Курс академических лекций по теории и практике церковно-правосл. проповедничества. Загорск, 1949; Певницкий В.Ф. Церковное красноречие и его основные законы. Киев, 1906; Православная энциклопедия. Т. 12. М., 2006; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997; Таушев (Аверкий), архиепископ. Руководство по гомилетике. М., 2001.

А.Н. Смолина

ГРАДАЦИЯ (от лат. gradatio – ‘постепенное повышение’ < gradus – ‘ступень, степень’) – стилистический приём, состоящий из ряда словесных компонентов (обычно не менее трёх): слов, словосочетаний, частей предложения, предложений, изобразительно-выразительных средств языка, – расположенных в порядке их возрастающей, или (реже) убывающей семантической и/или эмоциональной значимости.

В основе Г. лежат два принципа: градуальность (семантический принцип) и перечисление (синтаксический принцип). Г. сочетает в себе сопоставление по сходству и по контрасту, поскольку составляющие её компоненты имеют в значении общее и в то же время противопоставлены друг другу по интенсивности проявления этого общего. Г. основана на свойстве человеческого мышления градуировать объекты действительности, располагать их на шкале относительно точки отсчёта или относительно друг друга.

Г. может выражаться различными языковыми средствами. Нарастание эмоциональной значимости может быть передано фонетическими средствами (интонацией и громкостью голоса), которые на письме обозначаются графически: *Это всего лишь названия. А имени нет. И не будет. (Пауза. Полозов встает с пола, садится в кресло, сидит некоторое время.) Антон. Антон! Антон!! Антон!!!* (В. Пелевин).

Г. может быть усилена графическими средствами: *Чистый район. Чистый город. Чистая Сибирь* (щит наружной рекламы); *Выключите динамо! Динамо! Ди-на-мо!! ДИ-НА-МО!!!* (В. Пелевин).

Одной из универсальных форм является нумерическая Г., т.е. построенная при помощи чисел, как правило, из первого десятка или круглых: *Одна женщина – баба, две женщины – базар, а три – ярмарка* (шутка); *Лагеря расположились вокруг Караганды, и все восемь человек из десяти, то есть восемьдесят из ста, восемьсот из тысячи и восемьдесят тысяч из ста тысяч не знали ничего, кроме того, что вокруг были лагеря* (Л. Лиходеев).

Наиболее ярко Г. проявляется на лексико-семантическом уровне. Поскольку в основе градационных построений лежит семантический принцип градуальности, постольку явления лексического уровня языка задействуются при построении Г. прежде всего: *Я и в гробу буду ворочаться, как только вспомню. Туница, дурак, безмозглая тварь, идиот! Ну почему, почему мы задним умом крепки?* (В. Солоухин).

В образовании градационных рядов часто принимают участие слова, связанные гипергипонимическими отношениями: *Педагог разрабатывает систему личностных качеств, которые постепенно, поэтапно (из года в год, из четверти в четверть, из урока в урок) должны развиваться в учащихся* (из текста доклада); *И долгие века, пока наш мир был глухо, загадочно раскинут, пока не пронизался он едиными мнениями связи, не обратился в единый судорожно борющийся ком, – люди безошибочно руководились своим жизненным опытом в своей ограниченной местности, в своей общине, в своём обществе, наконец, и на своей национальной территории* (А. Солженицын).

Если гипонимическая Г. строится на совместимых понятиях, находящихся в отношениях подчинения, то антонимическая «исходит из понятий, между которыми существует некая противоположность» [Береговская 2000: 139]: *Искусство охватывает огромную сферу, и рядом с ним есть полуйскусство, чуть-чуть искусство и совсем не искусство* (Ю. Лотман).

Основу градационных рядов могут составлять и синонимичные слова или выражения, различающиеся стилистическими окрасками или уточняющие друг друга: *И хотя любовь никогда не для чего-то, всегда сама по себе радость, блаженство, благодать, каждая счастливая пара вносит в мир своё тепло* (Знамя. 1997. № 1).

Г. может базироваться и на аффиксальном градуировании: *Жак, Жакуля, Жакулёнок* (заголовок заметки в газете). В данном примере второй и третий члены градационного ряда образованы при помощи деминутивных суффиксов, причём значение «уменьшения» нарастает к концу ряда. Аналогично и в следующем примере: *Я, брат, коньяком напился вот уж как!.. / Ну ты, наверно, пьёшь денатурат. / Слушай, чёрт, чертяка, чёртик, чёртушка, / Сядь со мной, я очень буду рад* (В. Высоцкий).

«Градационный эффект может достигаться не только и даже не столько за счёт лексической семантики сопоставляемых в градационном ряду слов, сколько за счёт их грамматических и словообразовательных трансформаций: *Как хлыст полоснул. Как хлыстом полоснул. Как хлыстом полоснули* (М. Цветаева). Лексика здесь не меняется, изменяется грамматика (*хлыст* – именительный падеж, *хлыстом* – творительный падеж, *полоснул* – ед. число, *полоснули* – мн. число)» [Сковородников 1998: 113].

Морфологическая Г. может быть образована при помощи временных форм глагола: *Партия карала, карает и будет карать, – спокойно, не глядя на кулак, продолжал Сталин* (В. Сорокин). В данном примере градуальность выражается одним и тем же глаголом в форме прошедшего (*карала*), настоящего (*карает*) и будущего (*будет карать*) времён.

Г. может быть архитектурной основой текста. В таком случае она реализуется в рамках целого произведения. Напр., текст «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина пронизан градационными рядами, отражающими рост уровня запросов старухи, растущий социальный статус и состояние моря: *корыто – изба – терем – царские палаты; старуха – вольная крестьянка – столбовая дворянка – грозная царица – владычица морская; море слегка разыгралось – помутилось синее море – беспокойно синее море – почернело синее море – на море чёрная буря.*

Различают две основные разновидности градации – **климакс**, или восходящую градацию, и **антиклимакс**, или нисходящую градацию.

Лит.: **Береговская Э.М.** Градация как универсалия // Риторика – Лингвистика 2: сб. ст. Смоленск, 2000; **Береговская Э.М.** Система синтаксических фигур: К проблеме градации // Вопросы языкознания. 2003. № 3; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Сковородников А.П.** Градация // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методический бюллетень / Вып. 6. Красноярск; Ачинск, 1998; **Хазагеров Г.Г.** Климакс // Риторический словарь. М., 2009; **Щербаков А.В.** Градация в современном русском литературном языке (очерк экспрессивной стилистики): монография. Красноярск, 2006.

А.В. Щербаков

ГРАММАТИКА ТЕКСТА. См. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА. См. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТРОП

ГРАММАТИЧЕСКАЯ НОРМА – разновидность Языковой нормы (см.), регулирующая употребление в речи грамматических форм слов и синтаксических конструкций. К Г.н. относят Морфологическую норму (см.) и Синтаксическую норму (см.). К Г.н. примыкает Словообразовательная норма (см.).

Г.н. предписывает членам языкового коллектива использовать один вариант (императивная норма) или предлагает на выбор ограниченное количество вариантов (диспозитивная норма) морфологической формы или синтаксической конструкции, потенциально существующих в системе языка. Таким образом, Г.н. ограничена потенциалом языковой системы, действующими в ней закономерностями. С другой стороны, Г.н. учитывает традицию использования грамматических средств (консервативная тенденция в Г.н.) в предшествующий период существования языка (напр., отнесение слова *кофе* к мужскому роду, требующее постановку согласуемых с ним слов в форму также мужского рода, напр., *чёрный кофе; кофе стоял на столе*). С другой стороны, она испытывает влияние Узуса (см.), в частности, аналогического выравнивания под влиянием господствующих в современный период существования языка закономерностей (демократическая тенденция в Г.н.). Так, большинство несклоняемых слов с конечным *-o/-e* относятся к среднему роду, что приводит к регулярному отнесению к этому роду и слова *кофе*. В итоге ещё в редакции Орфоэпического словаря русского языка 1984 года предлагалось два варианта нормы – отнесение этого слова к мужскому и среднему роду.

Г.н. в большей степени, чем орфографическая, орфоэпическая и акцентологическая нормы, связана с выражаемым грамматическими формами смыслом и с их синтаксическим окружением. Поэтому выбор вариантов грамматической формы или синтаксической конструкции может зависеть от условий контекста и от выражаемого смысла. Так, выбор безличной формы или согласуемой формы множественного числа глагола при количественных сочетаниях определяется тем, насколько важен для говорящего отдельный объект, входящий в обозначаемую количественным сочетанием совокупность, поэтому в авторитетном справочнике Д.Э. Розенталя предлагается писать *В комнате стояли пять человек*, но *В комнате стояло пять столов*. Однако автор имеет право в обоих случаях выбрать альтернативное употребление (диспозитивная норма). Существует смысловое различие и в предложениях *Валенки поставили в углу* и *Валенки поставили в угол*. Употребление предложного падежа актуализирует результирующее состояние валенок, в то время как винительный падеж акцентирует внимание адресата речи на самом действии. Таким образом, норма позволяет употреблять обе падежные формы, которые несущественно различаются по смыслу.

Существуют следующие сложности в описании, обучении и реализации Г.н. Во-первых, грамматические закономерности во многих случаях выходят за пределы словоформы и слова. Кроме того, грамматика представляет собой систематическое описание языковых явлений. Поэтому чаще грамма-

тическая норма для практических нужд описывается в жанре систематического справочника или нормативной грамматики. Однако в 1970 году появился оригинальный «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка, в котором, в частности, «с точностью до слова» приведена морфологическая норма.

Во-вторых, современный РЛЯ чрезвычайно идиоматичен. Это проявляется в уникальности парадигм склонения и спряжения, акцентологических особенностей словоизменения, в избирательной лексической и синтаксической сочетаемости многих слов, что приводит к необходимости «поштучного» описания морфологического и синтаксического поведения многих слов русского языка и создания большого количества специализированных нормативных справочников по грамматике.

Наиболее эффективным способом обучения Г.н. является её практическое освоение путём чтения классической русской литературы XIX и XX вв. Кроме того, незаменимыми пособиями являются академические грамматики (Грамматика русского языка. М., 1953–1954; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Русская грамматика. М., 1980). Использование справочной литературы по Г.н. требует хотя бы минимальной лингвистической подготовки, в частности, знания основных терминов морфологии и синтаксиса.

Лит.: Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976; Грамматика русского языка. В 2-х тт. М., 1953–1954; **Грамматика современного русского литературного языка.** М., 1970; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 2001; Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1998; Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1977; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997; Русская грамматика. В 2 тт. М., 1980.

И.Е. Ким

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – языковые ошибки, связанные с использованием словообразовательных моделей, грамматических форм и конструкций, т.е. необоснованные нарушения Грамматической нормы (см.).

Г.о. делятся на ошибки:

а) **словообразовательные** (См. Ошибки в словообразовании). Приведём уникальный пример. В военном билете одного военнослужащего появилось отчество *Венушевич*. Оказывается, он призывался в армию из Грузии и не очень хорошо владел русским языком. Отца его звали *Геннадий*, и он, когда его спросили, какое отчество записать в военный билет, использовал вместо официальной формы мотивирующего имени *Геннадий* (соответственно, отчество *Геннадьевич*) «домашнее» имя *Гено* и интерфикс (наращение на корень) *-уш-*, в результате чего получилось *Генушевич*, а работник военкомата на слух записал в военный билет это удивительное отчество, заменив ещё и первую букву имени;

б) **морфологические** (См. Морфологические ошибки), напр.: *На улице найден / школьный туфель / балетка (чёрная)* (объявление на стене школы). В данном случае источником морфологической ошибки послужило то, что слово *туфля* обычно употребляется во множественном числе (это так называемые существительные преимущественно *pluralia tantum*), поскольку обозначает предмет, который в жизни чаще встречается в паре. Во множественном числе в русском языке род существительного не определяется. У русскоговорящих не складывается опыт употребления этого слова в форме ед. числа, по которой можно опознать и запомнить род. Поэтому у разных носителей русского языка откладываются разные представления о роде этого слова: у одних оно ж. рода, а у других – мужского. А морфологическая норма закрепила за этим словом ж. род. Так и возникла ошибка: слово употреблено в м. роде вместо женского, изменяется по второму типу склонения вместо первого. Правильно, с точки зрения морфологической нормы, будет *На улице найдена / школьная туфля*;

в) **синтаксические** (См. Синтаксические ошибки), напр.: *Подъезжая к сей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин* (А. Чехов). В блестящей имитации записи в станционную жалобную книгу, созданной А.П. Чеховым, употреблён так называемый независимый деепричастный оборот, который уже к концу XIX в. был ненормативным. Норма в употреблении деепричастия определяется его зависимостью от главных членов предложения (См. Ошибки в употреблении причастных и деепричастных оборотов). Возможный нормативный вариант: *Когда я подъезжал к сей станции и наблюдал из окна природу, с меня слетела шляпа.*

Владению грамматической нормой способствуют развитие «чувство языка» и большой опыт чтения русской художественной литературы XIX–XX веков.

Лит.: Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976; Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия. М., 1996; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 2001; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997.

И.Е. Ким

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТРОП, или **ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА**, или **АЛЛЕОТЭТА**, – стилистический приём, состоящий в необычном (непрямом, переносном) употреблении какой-л. грамматической формы и/или категории для передачи содержания (значения) другой грамматической формы/категории – как правило, с добавлением какой-л. стилистической коннотации (см. Коннотация). Таково, напр., употребление формы глагола настоящего времени в значении прошедшего, формы глагола повелительного наклонения в значении сослагательного и т.д. Напр.: *Только, понимаешь, выхожу от мирового, глядь – лошадки мои стоят смирёхонько около Ивана Михайловича* (И. Бунин). Здесь употребление форм настоящего времени глагола в значении прошедшего (так называемое «настоящее историческое») даёт изобразительный эффект, когда действия изображаются так, как будто они протекают перед глазами говорящего; *...И как судьба меня ни хлопай, / Я устремлён душою всей / К тебе, о синий Енисей!* (И. Северянин). Здесь употребление формы повелительного наклонения в значении сослагательного придает высказыванию оттенок разговорной непринуждённости и усиливает его эмоциональность; *Заяц готов зимовать. Однако он поспешил одеться – зима застряла где-то в лесах вологодских... За этим зайцем, опередившим зиму, и ходят в лес охотники* (В. Песков). Использование формы ед. числа имени существительного «заяц» вместо формы мн. числа позволяет совместить в данном контексте значения обобщения и индивидуализации изображаемого. Ср. с усилением такого рода приёма графическими средствами: *Но уже сегодня началась жестокая борьба за него* (новое издательство. – А.С.): *«виктор ерофеев»* (вовсе не желаю обидеть коллегу написанием его имени фамилии с малой буквы, но обозначаю этим некую множественность, некое явление, всплывшее на волне перестройки) со своими аппетитами рвётся завладеть и этим издательством (ЛР. 21.07.1989).

Употребление Г.т. характерно прежде всего для художественной речи, в меньшей степени – для речи публицистической.

Лит.: Береговская Э.М. К проблеме грамматической метафоры // Четвёртые Поливановские чтения: сб. науч. ст. по мат-лам докладов и сообщений. Ч. 4. Слово в тексте. Смоленск, 1998; Зубова Л.В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной русской поэзии // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000; Русская грамматика. Т.1. М., 1980; Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В. Грамматический троп и амплификация // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ГРАФИКА. См. ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА, ОРФОГРАФИЯ

ГРАФОН (ГРАФФОН) – фигура речи, заключающаяся в намеренном и прагматически мотивированном отклонении от нормативного графического и/или орфографического облика слова для достижения какого-л. стилистического эффекта. Средствами реализации этой фигуры (её разновидностями) являются шрифтовые выделения, курсив, факультативные кавычки, разрядка, дефисация, введение в текст инородных знаков, написание прописной буквы вместо строчной, отклонение от орфографической или пунктуационной нормы, фигурное расположение текста на плоскости листа, а также совмещение вышеуказанных способов в различных комбинациях. Напр.: *Бизнесstory* (название телевизионной программы на канале ТВК); *Рас-стояние: вёрсты, мили... / Нас рас-ставили, рас-садили, / Чтобы тихо себя вели, / По двум разным концам земли* (М. Цветаева).

Основная функция Г. – экспрессивно-выделительная. Г. часто является средством конденсации нескольких смыслов в одном слове, что характерно для лексических окказионализмов: *Школа: объЕ-ГЭрят всех* (АиФ. 2007. № 12; заголовок); *В Европе в настоящее время разворачивается настоящая битва между националистами и интерНАТОвскими* (Завтра. 1997. № 27). Эта фигура нашла широкое распространение в художественной литературе и публицистике, особенно в рекламе и разного рода заглавиях, вывесках и т.п.

Лит.: Емельянова Л.Л. Нарушение орфографической нормы как средство создания стилистического эффекта // Филологические науки. 1976. № 1; Нефляшева И.А. Перлокутивный эффект графических альтернатив слова // Речевое воздействие в разных формах речи. Вып. 4. Мат-лы Всерос. науч. конф. «Проблемы речевого воздействия» (Лиманчик-96). Ростов н/Д, 1996; Тетеревятникова Н.Ф. К вопросу о графических средствах выражения невербализованного коммуникативного смысла // Филология и журналистика в контексте культуры (Лиманчик-98): мат-лы Всерос. науч. конф. Вып. 4. Ростов н/Д, 1998; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ГРЕЦИЗМЫ – слова и обороты, заимствованные из греческого и древнегреческого языков. Подавляющую часть Г. в русском языке составляют научные и церковные термины, а также абстрактная лексика. В количественном отношении им уступают наименования бытовых реалий, которые проникли в восточнославянскую лингвокультуру ещё в дописьменный и раннеписьменный периоды предположительно от греческих колонистов с побережий Чёрного и Азовского морей, а также в результате торговых контактов восточных славян с Византией. К ранним заимствованиям из древнегреческого (**эллинизма**) относятся такие бытовые лексемы, как *кровать, скамья, лохань, кукла, фонарь, свёкла, фасоль, огурец, буйвол* и нек. др. Из греческого языка были заимствованы также многие мужские и женские имена (*Александр* – букв. ‘защитник людей’, *Афанасий* – ‘бессмертный’, *Герасим* – ‘почтенный’, *Никифор* – ‘победоносец’, *Екатерина* – ‘чистая’, *Ирина* – ‘мирная’ и др.). Основным источником Г. в русском языке стали переводы в XI–XIV и XV–XVII вв. богослужебных книг, научной и светской древнегреческой литературы на церковнославянский и западноевропейские языки, которые явились языками-посредниками при освоении греческих неологизмов.

В зависимости от способа заимствования Г. подразделяются на **прямые лексические** (напр., церковные термины типа *анафема, ангел, диакон, евангелие, игумен, иерей, икона, митрополит, патриарх, тропарь* и мн. др.), **косвенные заимствования** (напр., через латинский язык были заимствованы греческие лексемы *планета, кафедра* и т.д., через французский – *анархизм, каталог, крем, сарказм, театр, типаж, трагедия* и др.; через немецкий – *катастрофа, магнит, пластик* и т.д., через итал. – *комедия*), а также **кальки** (*чудотворец, сознание, сомнение, равнодушный, благоразумие, благодушие, благочестие, благоухание* и мн. др.). Особую группу составляют так называемые «двойные заимствования» из греческого, в результате которых в систему русского языка вошли и греческий термин, и его калька (*алфавит* – *азбука, орфография* – *правописание, атеист* – *безбожник, аллегория* – *иносказание, биография* – *жизнеописание* и т.п.). К Г. относятся также некоторые **устойчивые выражения**, заимствованные из древнегреческих источников: *драконовские меры, сардонический смех, ящик Пандоры* и др.

От Г. следует отличать слова, образованные в более позднее время в русском и других языках из греческих морфем и терминологических элементов *анти-, архи-, поли-, кардио-, морфо-, аэро-, авто-, фоно-, псевдо-* и др. В некоторых случаях можно установить авторов наименований, образованных из греческих элементов: *динамит* (авторство принадлежит А. Нобелю), *биология* (Ж.-Б. Ламарку), *азот* (А. Лавуазье), *семантика* (М. Бреалу), *парашют* (букв. ‘против падения’, термин, предложенный Ф. Бланшаром). В настоящее время во многих русских и иноязычных терминосистемах существует традиция называть новые понятия, комбинируя греческие и/или греко-латинские элементы. В частности, это характерно для терминологии физиологии, гистологии, лингвистики и др.

Лит.: Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1994; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982; Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996; Линдеман И.К. Греческие слова в русском языке. Экскурс в область истории русского языка. СПб., 1895; Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956; Фасмер М.Р. Греко-славянские этюды. СПб., 1906, 1907, 1909; Хориков И.П., Малеев М.Г. Новогреческо-русский словарь. М., 1993; Ширшов И.А.

ГРОТЕСК (от итал. *la grottesca* от *grotta* – ‘грот, подземелье’) – тип художественной образности, стиль, основанный на сочетании «резких, неожиданных контрастов» [Большой... 2006: 425] (высокого/низкого, прекрасного/безобразного, действительности/фантастики, комического/трагического), обладающий гиперболическим и ирреальным характером. Некоторые авторы определяют Г. как литературный приём [Дормидонова 2008].

Термин «Г.» возник в Италии в 15 в. и ведёт своё происхождение от названия подземных помещений (гrotто) с причудливым настенным орнаментом, содержащим растительные и животные мотивы. Тёмные римские гроты были тесными, и при восприятии в них старинный рисунок сильно искажался, оставляя впечатление уродливости. Эта особенность повлияла на формирование дефиниции. В искусстве Г. стали именовать искажённое, вычурное изображение.

Гротескный образ амбивалентен и динамичен, изображая некий объект, находящийся в состоянии метаморфозы. Ему свойственны высокая степень экспрессивности, которая реализуется в категориях образности, эмоциональности, оценочности и интенсивности. При этом Г. часто содержит комическое начало (юмор, иронию, сатиру и др.). Основные стилистические приёмы создания Г.: гиперболы, импоссибилия, метафора, эпитет, перифраза, градация, стилистический контраст, повтор, стилистическая конвергенция и др. Т.Ю. Дормидонова определяет Г. как литературный приём.

Типы Г. выделяют в соответствии с конкретно-историческими периодами развития культуры. В частности, выделяют архаический и мифологический Г. (Лукиан, Аристофан, Плавт), Г. Средних веков и эпохи Возрождения (Э. Роттердамский, Ф. Рабле, В. Шекспир), Г. эпохи Просвещения (Дж. Свифт), Г. периода романтизма (В. Гюго, Э.Т.А. Гофман), Г. времени реализма (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.), модернистский Г. (Э. Ионеско, С. Беккет, Дж. Барт). В XX в. европейскую традицию Г. представляют имена Ф. Кафки, Л. Пиранделло, К. Чапека, Б. Брехта, Г.Г. Маркеса, российскую – В.В. Маяковского, Е.Л. Шварца, М.А. Булгакова.

Кроме художественной литературы и публицистики (А.А. Проханов, Т.Н. Толстая, В.А. Шендерович) Г. активно используется в других видах искусства (И. Босх, П. Брейгель).

Лит.: *Большой академический словарь*. М., 2006; *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Дормидонова Т.Ю.* Гротеск как тип художественной образности: от Ренессанса к эпохе авангарда: АКД. Тверь, 2008; *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др.* М., 2003; *Литературный энциклопедический словарь*. М., 1987; *Манн Ю.Б.* О гротеске в литературе. М., 1966; *Шкловский В.Б.* Теория гротеска в книге М.Бахтина // Тетива. О несходстве сходного. М., 1970; *Эйхенбаум Б.М.* Как сделана «Шинель» Гоголя // О прозе. Л., 1969.

С.В. Серова

ГРУБЫЕ И НЕГРУБЫЕ ОШИБКИ. Под грубыми ошибками обычно понимают немотивированные нарушения императивных (строго обязательных) норм литературного языка. Нарушение таких норм обычно затрагивает систему языка и расценивается как слабое владение языком (напр., нарушение норм склонения, спряжения и т.д.). Такие нормы не допускают вариантов. В этом случае любые другие реализации расцениваются как неправильные.

Грубые ошибки связывают главным образом с нарушением языковых норм, определяемых, как правило, структурой языка. Это следующие их разновидности:

1) Орфоэпические ошибки (см.), связанные с нарушением невариативных норм произношения. Напр.: произношение [с'а] на месте постфикса *-сь* после гласных: *взяла[с'а]* вместо *взяла[с']*, соотв. *несла[с'а]* – *неслась*, *брала[с'а]* – *бралась*;

2) Лексические ошибки (см.), вызванные незнанием лексического значения слов и возможностей их сочетания. Напр.: *ЧП В Красноярском крае: 45 детей отравились; Жертв нет. 9 детей отправлены на стационарное лечение* (Новости ТВК. 3.11.2011) – слово *жертва* обозначает любого пострадавшего, а не только погибшего;

3) Грамматические ошибки (см.), связанные с нарушением невариативных грамматических норм (неправильное образование и употребление форм слов; неверное построение словосочетаний и предложений). Напр., употребление деепричастного оборота вместо конструкции с придаточной обстоятельственной частью в том случае, когда деепричастный оборот употребляется в безличном или неопределённо-личном предложении, а также включается в пассивную конструкцию: *Прибыв в Хакасию, президенту были отведены лучшие апартаменты*. Правильно, напр.: *Когда президент прибыл в Хакасию, ему были отведены лучшие апартаменты*.

Выделяют также ошибки, не соотносимые ни с одним из языковых уровней: 4) Орфографические ошибки (см.) – ошибки, связанные с нарушением норм орфографии (правописания).

Грубыми орфографическими считаются следующие ошибки: 1) на изученные правила: проверяемые гласные и согласные в приставке, корне, суффиксе, окончании; разделительный *ь* и *ы*; *ь* после шипящих в словах различных частей речи; правописание суффиксов слов различных частей речи; *не* с различными частями речи; слитные, раздельные и дефисные написания слов различных частей речи и др.; 2) в написании слов с непроверяемыми гласными и согласными, работа над которыми (словами) велась на уроках русского языка.

Грубыми пунктуационными ошибками, т.е. ошибками, демонстрирующими несоблюдение основных (регламентирующих постановку знаков препинания) правил, являются: 1) пропуск знака препинания в конце предложения (*Какой чудесный день*); 2) постановка запятой между подлежащим и сказуемым (*Его рассказ, казался нам лучшим подарком. Этот сад, как лес.*); 3) пропуск тире на месте нулевой связки (*Москва это столица нашей Родины.*); 4) пропуск запятой между однородными членами (кроме постановки запятой между неоднородными определениями) (*Мы купили фрукты молоко колбасу*); 5) пропуск запятых при выделении уточняющих обстоятельств места и времени (*Далеко впереди справа от дороги стояло одинокое дерево.*) и других обособленных членов предложения: обстоятельств, дополнений, определений, приложений (кроме оборотов с *как*) (*Всю ночь шёл дождь холодный, пронизывающий*); обращений (*Приглашаем Вас дорогие друзья в зал*); наиболее распространённых вводных слов, вводных и вставных предложений (*Мы видимо заблудились. Как говорят в народе где родился, там и сгодился*); 6) пропуск запятой для разделения частей сложносочинённого предложения (*Он вошёл в зал а все уже сидели на местах.*); 7) пропуск знака препинания для выделения придаточной части в сложноподчинённом предложении (*Всюду куда ни бросишь взгляд пестрели цветы.*); 8) постановка запятой перед союзом, соединяющим однородные придаточные части в составе сложноподчинённого предложения (*Видели девочки, как постепенно светало, и как гасли одна за другой звёзды.*); 9) отсутствие знака или его неправильный выбор в бессоюзном сложном предложении (*Он поднял голову – в небе клином летели птицы. Лес рубят, щепки летят.*); 10) пропуск знаков при оформлении прямой речи, для отделения её от слов автора («*Все нормально?*» спросил он.), а также знаков препинания в конце прямой речи («*Какой холод с трудом произнес он.*») Как правило, пропуск одного из сочетающихся знаков или нескольких считается за одну ошибку.

Под **негрубыми ошибками** обычно понимают немотивированные нарушения языковых и/или речевых норм, не являющихся императивными (строго обязательными), т.е. допускающих вариативность. Это могут быть следующие нарушения: фоностилистические погрешности в благозвучии речи. Напр.: *О всём не расскажешь* (из телепередачи); неуместное дублирование однокоренных слов (тавтология, приводящая к смысловой избыточности). Напр.: *Мы бегом выбежали из здания, где начался пожар* (из радиорепортажа).

К **негрубым орфографическим ошибкам** относятся ошибки: 1) при переносе слов (*лимо-нный* и т.д.), кроме переноса одной буквы или сочетания букв без гласной (*читат-ь, знако-мь, сто-л, я-блоки, зим-а*); 2) при написании удвоенных согласных в низкочастотных заимствованных словах (*суррогат* вместо *суррогат* др.); 3) при выборе прописных и строчных букв в собственных наименованиях (*Пермский Государственный университет* вместо Пермский государственный университет и т.д.); 4) в словах-исключениях из правил (*растовщик* вместо *ростовщик* и др.); 5) в написании наречий, образованных от имён сущ. с предлогами (*надом* вместо *на дом* и т.д.); 6) при слитном и раздельном написании *не* с прил., выступающими в роли сказуемых (*Книга непрочитанная. Книга не прочитанная*); 7) при написании частиц *не, ни* в сочетаниях типа *не кто иной, как; ничто иное* (*Это было ни что иное, как продуманная тактика защиты* вместо *Это было не что иное, как продуманная тактика защиты*).

Негрубые пунктуационные ошибки являются следствием нарушения второстепенных (отменяющих действие основных) правил, которые обычно приводятся в примечаниях и регулируют норму, не имеющую широкого распространения или представляющую частные случаи постановки зна-

ков препинания: 1) неправильный выбор конечного знака препинания (*Боже мой, какой чудесный день.*); 2) постановка точки в заглавии текста (*Введение.*); 3) постановка тире на месте нулевой связки, если между подлежащим и сказуемым, выраженными сущ. в им. падеже, стоит частица (*Сердце – не камень.*); 4) пропуск знаков препинания для выделения сравнительных оборотов (*Её голос как шелест листвы усыплял.*), обособленных приложений со словом *как* (*Как официальному лицу мне нельзя поддаваться эмоциям.*); постановка запятой перед словом *как*, имеющим значение «в качестве» (*Платье опознали, как вещь Петровой.*); 5) употребление запятой между неоднородными определениями (*В окно заглянул загорелый, немецкий турист.*); 6) неправильный выбор знака препинания при обращении в случаях, когда эмоциональность высказывания подчёркивается грамматически или лексически («*Вера, Вернитесь!*» – *закричали туристы.*); 7) постановка запятой после частиц *о* и *а* при обращении (*О, мой милый. Мама, а, мама!*); 8) пропуск запятых для выделения элементов обращений при их расчленении (*Мамочка, поздравляю тебя с днём рождения дорогая!*); 9) неправильный выбор знаков препинания для выделения вводных и вставных единиц (*Солдаты (их было трое – ели, не обращая на него внимания.)*); 10) обособление перешедших в наречия деепричастий (*Живите-ка, смеясь!*); 11) пропуск знаков препинания для выделения обособленных обстоятельств, выраженных именами сущ. с предлогами *благодаря, согласно, ввиду, в силу* и др. (*Благодаря помощи он справился с работой.*); 12) ошибки в выборе знаков препинания при прямой речи (*Все закричали: «Гроза!», и побежали в дом; Раздался чей-то голос, «К вам можно?» и кто-то, не дожидаясь ответа, вошёл в комнату.*); 13) постановка лишней запятой в сложносочинённом предложении с общим второстепенным членом или общим вводным словом (*В сенах пахло свежими яблоками, и висели пучки травы. По словам соседей, человек он смирный, и к нему не приходили никакие родственники.*)

В школьной практике негрубые ошибки иногда называют речевыми недочётами.

Лит.: **Барина А.В.** Речевые недочёты // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Горбачевич К.С.** Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; **Демиденко Л.П.** Речевые ошибки: учеб. пособие. Мн., 1986; **Егораева Г.Т.** ЕГЭ. Русский язык. Выполнение заданий части 3 (С). М., 2007; **Зайцева О.Н.** Методические рекомендации учителю по подготовке школьников к ЕГЭ // Русский язык и литература в современной школе: сборник научно-методических материалов. М., 2007; **Инструкция для участников единого государственного экзамена** // Письмо Рособнадзора от 07.04.2006 г. № 08-190/12; **Красиков Ю.В.** Теория речевых ошибок. М., 1980; **Львова С.И., Баранов М.Т., Шанский Н.М., Капинос В.И., Разумовская М.М., Рыбченкова Л.М.** Оценка качества подготовки выпускников основной школы по русскому языку. М., 2000; **Нормы оценки знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку.** URL: www.ipk.edu.ru/educat/obsch_obr/doc/normi_ocenki.doc; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997; **Русский язык и культура речи:** учебник / под ред. В.Д. Черняк. М.; СПб., 2003; **Фоменко Ю.В.** Типы речевых ошибок: учеб. пособие. Новосибирск, 1999; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

Л.Г. Кыркунова, А.А. Кузнецова

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ (калька с фр. *ambiguïté*) – в широком смысле наличие возможности множества интерпретаций у какого-л. явления, в т.ч., ситуации или изображения. В лингвистике Д. – наличие у высказывания или его фрагмента двух и более смыслов.

Иногда Д. рассматривают как «семантический эффект, порождаемый определёнными текстовыми характеристиками, которые допускают одновременно несколько равноправных интерпретаций, позволяя реципиенту сделать выбор в пользу одной из них» [Beristain 1995: 41], или как свойство некоторых высказываний быть понятыми несколькими различными способами, т.е. свойство быть двусмысленным. Двусмысленное высказывание – то, которое может иметь более одной интерпретации. Д. – контекстно-зависимый феномен: практически любое явление языка в определённом контексте может порождать двусмысленность. Это происходит, когда контекст либо неспособен обусловить выбор единственной из возможных интерпретаций, напр.: *В любви как в школе: самое интересное – перемена* (Телевизор. 2009. № 49), либо снимает возможность выбора не сразу: *Работница морга пыталась торговать телом* (ВК. 2008. № 1). Разрешение Д. может осуществляться как отсроченно, требуя довольно обширного контекста, (напр., в произведении В. Пелевина «Ника» лишь в последнем абзаце рассказа становится понятно, что Ника – это кошка), так и практически мгновенно, напр.: *Ино-*

гда дарят **звездки**. Необычным способом: сначала проведя этим звездиком по автомобилю, а потом засовывают его в колесо (КП. 2010. № 52).

Д. в языке может быть порождена многими причинами: полисемией, омонимией, порядком слов, особенностями связей между членами предложения, контекстуальной синонимией, наличием подтекста.

Существует множество классификаций Д. по разным основаниям. В основном её делят на лексическую и синтаксическую.

Чаще всего Д. создаётся для развлечения: *На встрече без галстуков обсуждался вопрос, как не остаться без штанов* (ТВЕнеделя 14-20.08.2006), причём нередко в шутках самого низкого уровня: *Любители паниковать вспомнили, что есть же ещё Красноярская ГЭС, и вот уж если она упадет, то... в ход пошли расчёты сроков бегства из центральных районов в места скопления деревьев и камней, а также карты затопления города с немногочисленными островками суши, саими и роллов* (ВЫБИРАЙ. 2010. № 21).

При прагматически немотивированном использовании Д. является ошибкой и затрудняет, вплоть до искажения смысла, восприятие текста. Напр.: *Мой сын потерял тулуп, на спине желтое пятно стоимостью 75 рублей* (Из милицейского эпистолярия) (ВК. 1991. № 1); *Использование последовательных ёмкостей и шунтирующих индуктивностей позволяет говорить авторам, что их линия передачи имеет свойства среды с отрицательной дисперсией* (из диссертации).

В риторике выделяют несколько стилистических приёмов, механизмы которых могут порождать Д. Это Антанаклаза (см.), Амфиболия (см.), Антифразис (см.), Буквализация метафоры (см.), Диалогия (см.), Зевгма (см.) и др.

Д. следует отличать от Многозначности (см.) и Омонимии (см.)

Лит.: **Зализняк А.А.** Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2; **Лаптева О.А.** Речевые возможности текстовой омонимии. М., 2009; **Литвин Ф.А.** Многозначность слова в языке и речи. М., 2005; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М., 2003; **Ambiguity** // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: www.plato.stanford.edu/entries/ambiguity; **Fuchs C.** L'ambiguïté: du fait de langue aux stratégies interlocutives // Travaux neuchâtelois de linguistique. L'ambiguïté, Nanterre: France, 2009. Vol. 50; **Beristein E.** Diccionario de retórica y poética. Mexico, 1995; **Tuggy D.** Ambiguity, polysemy and vagueness // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts. 2006.

М.А. Южанникова

ДЕБАТЫ (от фр. *debats* – ‘спор, прения’) – разновидность Спора (см.), а именно «регламентируемый спор в присутствии третьих лиц, в ходе которого сторонники аргументируют свою позицию и критикуют чужую, стремясь убедить в своей правоте третью сторону. Д. обычно посвящаются социально значимым проблемам, предполагают предварительную подготовку» [Матвеева 2010: 82–83]. Отличительной чертой Д. является практика судейства, осуществляемая по заранее определённым критериям.

Д. возникают на конференциях, различных собраниях и заседаниях после прослушанных докладов или сообщений. Сегодня активно развиваются парламентские Д., интернет-дебаты и теледебаты между представителями различных партий (см., напр., программу В. Соловьёва «Поединок»).

Д. используются как одна из игровых форм общения, позволяющая заявить о себе, задать вопросы. Существуют различные клубы дебатов, устраиваются международные турниры и чемпионаты по Д. (см., напр.: www.parldebates.ru/).

Д. служат в качестве образовательного (учебного) метода, использующего технику ведения спора по правилам и навыки эффективного общения в ситуации столкновения разных точек зрения. Методика проведения Д. хорошо изучена и описана в научной литературе.

В русской речевой практике термин «Д.» используют также в качестве синонима терминов «Прения» (см.), «Дискуссия» (см.), «Диспут» (см.).

Лит.: **Андреев А.А.** Политические телевизионные дебаты: их роль в избирательных кампаниях, социально-психологические и жанровые особенности: КД. М., 2004; **Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.** Парламентские дебаты: традиции и новации советского политического языка. М., 1991; **Калинкина Е.Г.** Дебаты как средство формирования коммуникативной компетентности педагога в условиях повышения квалификации: КД. М., 2007; **Кирьякова А.В.** Технология «дебатов» в компетент-

ностно-ориентированном образовании: учеб.-метод. пособие. Оренбург, 2011; Кузнецова Л.Н. Модус в аргументативном дискурсе парламентских дебатов: КД. Саранск, 2004; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Орешина Е.Е. Методика обучения обсуждению проблемы в форме дебатов: КД. Тамбов, 2008; Пермьяков О.Н. Психологические условия повышения эффективности участия в политических дебатах: КД. Тамбов, 2004; Стернин И.А. Дебаты как форма обучения речевым навыкам // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методич. бюллетень. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998; Турик Л.А. Дебаты: игровая, образовательная, развивающая технология: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2012.

Г.А. Копнина

ДЕЗАВТОРИЗАЦИЯ ТЕКСТА. См. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА

ДЕЙСТВЕННОСТЬ РЕЧИ. См. ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЧИ

ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ. См. ЯЗЫК И СТИЛЬ РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕЛИБЕРАТИВНЫЙ ВОПРОС (от лат. *deliberāre* – ‘взвешивать, обдумывать’), или **СПЕКУЛЯТИВНЫЙ ВОПРОС**, – вопрос, адресуемый говорящим самому себе; вопрос, как бы приглашающий к раздумью не собеседника, а самого себя (адресант является адресатом такого вопроса). Напр.: *Что бы такое сказать ему?* – подумал Чичиков и после минутного размышления объявил, что мёртвые души нужны ему для приобретения весу в обществе <...> (Н. Гоголь); *Сознаю, они так необходимы, старики. Что бы мы делали с женой, когда родился первый ребенок, если бы не бабушка?* (М. Гюгенот). В поэзии основной функцией Д.в. является выражение эмоционального размышления: *Зачем я не птица, не ворон степной, / Пролетевший сейчас надо мной? / Зачем не могу в небесах я парить / И одну лишь свободу любить?* (М. Лермонтов). Д.в. встречается также в газетной публицистике: *Святой? Антихрист? Губитель? Спаситель? Национальный характер? Извращенец? Распутин – древняя шаманская маска, ожившая в предреволюционной России* (АиФ. 2000. № 50).

Лит.: Новикова А.П. Вопросно-ответный комплекс как элемент категории диалогичности (на примере интернет-текстов суицидальной тематики) // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ДЕЛОВАЯ БЕСЕДА – диалогический жанр официально-делового функционального стиля речи, а именно развёрнутый устный разговор двух или нескольких лиц, наделённых полномочиями своих организаций, содержанием которого является та или иная деловая проблема, а основной целью – её практическое решение. Дополнительными целями Д.б. являются установление и поддержание баланса деловых взаимоотношений, стимулирование креативного тона профессионального сообщества. При невозможности удовлетворяющего всех решения в Д.б. идёт поиск компромисса.

Д.б. сформировалась на основе Разговорной беседы (см.) и сохраняет такие её фундаментальные черты, как неторопливость, доброжелательный настрой и психологическое равенство собеседников, признание непосредственного общения на близкой дистанции культурной ценностью. Д.б. характеризуется тем же прозаическим ритмом (чередованиями микромонологов с «дробными участками» и отдельными короткими репликами). В то же время деловые цели и официальные отношения речевых партнёров накладывают на общение свой отпечаток, и Д.б. существенно отличается от разговорной.

Д.б. предполагает предварительную подготовку участника: анализ проблемной ситуации, определение коммуникативной стратегии и выбор тактик её осуществления, сбор и систематизация фактических материалов по проблеме, разработка аргументации, обдумывание психологических проблем предстоящей встречи.

В композиционно-логическом отношении Д.б. подобна каноническому устному монологу-рассуждению: композиционная рамка связана с решением психологических проблем общения (во вступительной части – привлечение внимания, создание благоприятной атмосферы общения, пробуждение интереса к предстоящему разговору; в вежливом заключении – снятие напряжения и обеспечение благоприятного продолжения сотрудничества). Основная часть несёт в себе интеллектуальное проблематичное содержание. Специфика жанра связана с диалогичностью: тело Д.б. представляет собой сосредоточенный Спор (см.), Дебаты (см.) по обозначенной проблеме. Наиболее важны в Д.б. микромонологи-рассуждения, включающие в себя аргументацию и контраргументацию выдвигаемых собеседниками тезисов. Контраргументация и дополнительная информация любого характера может также оформляться в виде коротких реплик. Анализ позиции речевых партнёров, выявление слабых мест чужой аргументации осуществляется с помощью различных вопросов и коротких критических замечаний.

Тема Д.б. характеризуется определённой и обдумывается заранее. В отличие от разговорной беседы, Д.б. требует тематического единства. Сквозная тема – её принципиальный признак. Детализация основной темы, привлечение сопоставительной тематики, тематические отклонения контролируются собеседниками. Тональность спокойного дружелюбия и заинтересованности в решении проблемы является ведущей. Даже в острых ситуациях проблемного обсуждения участников Д.б. не должна покидать забота о гармонии взаимоотношений. Негативные эмоции, чрезмерная экспрессия, борьба за победу любой ценой разрушают Д.б. Нормой является тональная сдержанность, связанная с социально-ролевой позицией собеседника, необязательностью его личного самораскрытия, откровенности.

Помимо проблемной, существуют организационная, кадровая, дисциплинарная и др. разновидности Д.б. Данный жанр требует от участников профессиональной компетенции, а также различных логических, психологических, риторических знаний и навыков. Владение данным жанром – показатель высокого профессионализма и обширной речевой компетенции.

Лит.: Андреев В.И. Деловая риторика. Казань, 1993; Канитц А. Техники ведения беседы. М., 2008; Мицич П. Как проводить деловые беседы. М., 1987; Панфилова А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб., 2001; Романов А.А. Грамматика деловых бесед. Тверь, 1995; Эрнст О. Слово предоставлено Вам: Практические рекомендации по ведению деловых бесед и переговоров. М., 1988.

Т.В. Матвеева

ДЕЛОВА́Я ЛЕ́КСИКА – это лексика, употребляющаяся в текстах официально-делового стиля (государственных актах, законах, указах, международных соглашениях, уставах, инструкциях и т.п.), который обслуживает официальные сферы человеческих взаимоотношений: отношения между государственной властью и населением, между странами, между предприятиями, организациями, учреждениями, между личностью и обществом. Сфера Официально-делового стиля (см.) широка, включает в себя такие подстили, как законодательный, дипломатический и канцелярский, поэтому деловая лексика неоднородна.

Для Д.л. характерны канцелярско-деловые и номенклатурные слова и обороты, а также «сочетание нейтральных и книжных средств, в частности, активное использование профессиональной терминологии (юридической, дипломатической, административно-хозяйственной, делопроизводственной) и большое количество речевых стандартов, или клише» [Матвеева 2003: 213]. В то же время в документах не употребляются разговорные слова и эмоционально-экспрессивная лексика.

Д.л. делится на три группы: терминологическую (*ревизия, расследование, презумпция, персона грата, аванс, кредит, уведомить*); специальную или номенклатурно-терминологическую, включающую общеупотребительные слова с суженным значением (*свидетель, клиент, справка, протокол, акт, департамент, ЖЭК, постановили, согласовано, жалоба, вина, надзор*); экспрессивно-оценочную, утрачивающую в документах оценочный характер (*возмездие, деяние, его Высочество, господин, уважаемый*).

В современном обществе из-за широкого распространения документооборота Д.л. проникает в иные сферы общения: разговорную речь, художественную литературу, газетные статьи, научные работы.

Лит.: Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006; **Культура русской ре-**

чи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Солганик Г.Я.** Стилистика текста: учеб. пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей, филологов и учащихся старших классов школ гуманитарного профиля. М., 1997.

А.С. Белозор

ДЕЛОВА́Я РИТО́РИКА – 1. Одна из частных риторик, изучающая жанры, условия, формы, правила и приёмы эффективной деловой коммуникации. 2. Область человеческой культуры, ораторское искусство в условиях делового общения. 3. Учебный предмет, коммуникативно ориентированный курс обучения деловой речи и правилам делового общения.

Д.р. охватывает не только коммуникативную, но и этическую, эмоциональную, мыслительную сферы человеческой деятельности, поэтому носит выраженный междисциплинарный характер. Объект исследования Д.р. – профессионально ориентированные жанры делового общения: Деловые беседы (см.), Переговоры (см.), совещания, Дискуссии (см.), деловая переписка (см. Деловое письмо), Дебаты (см.), Телефонный разговор (См.), Презентация (См.) и т.д., а также этико-речевые правила делового контакта: а) действующие между членами одного коллектива, равными по статусу (горизонтальные) и б) регламентирующие характер контакта между руководителем и подчинёнными (вертикальные). Теория и практика Д.р. базируется на современных филологических концепциях общения и принципах речеведения. В России первые профессионально ориентированные риторики появились в XIX в., затем традиция их создания прервалась, возродившись лишь к концу XX в. В настоящее время отечественные авторы широко используют богатый опыт американской Д.р., психологии делового общения, теории менеджмента и имиджологии. Практические методики Д.р. позволяют эффективно управлять людьми, помогают решать те задачи, которые возникают на пути к достижению производственных целей и выстраиванию карьеры.

Основная задача Д.р. как учебной дисциплины – обучение рациональному речевому поведению в ситуациях делового общения, выработка умений, которые обеспечивают решение задач, составляющих суть той или иной профессиональной деятельности, а также навыков общения в определённом профессиональном коллективе.

Содержание курса включает многоаспектный анализ системы современной деловой коммуникации, её видов и жанровых форм, характеристику этических и психологических принципов деловой коммуникации; знакомство с этикой служебных отношений и способами эффективного речевого поведения в различных ситуациях делового взаимодействия. Курс обеспечивает подготовку к успешному общению в сферах производства, торговли, менеджмента и т.п. На основе полученных знаний формируются: 1) умения ориентироваться в ситуации делового общения; анализировать и оценивать характер деловой коммуникации и созданные в процессе общения тексты; создавать профессионально-значимые типы высказываний; реализовывать созданное высказывание в речевой практике; 2) навыки устного делового контакта и самопрезентации (создания и совершенствования профессионального имиджа).

Лит.: **Андреев В.И.** Деловая риторика. М., 1995; **Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г.** Современная деловая риторика: учеб. пособие. М., 2001; **Аррендо Л.** Искусство деловой презентации / пер. с англ. Челябинск, 1998; **Баева О.А.** Ораторское искусство и деловое общение: учеб. пособие. Мн., 2001; **Бенни М.** Как развивать навыки делового общения / пер. с англ. Челябинск, 1999; **Браим И.Н.** Этика делового общения: учеб. пособие. Мн., 1996; **Введенская Л.А., Павлова Л.Г.** Деловая риторика: учеб. пособие. М., 2004; **Володина Л.В., Карпухина О.К.** Деловое общение и основы теории коммуникации: учеб. пособие. СПб., 2002; **Кузин Ф.А.** Культура делового общения: практическое пособие. М., 1996; **Культура устной и письменной речи делового человека.** Справочник. М., 1997; **Мельникова С.В.** Деловая риторика (речевая культура делового общения): учеб. пособие. Ульяновск, 1999; **Милич П.** Как проводить деловые беседы. М., 1987; **Панфилова А.П.** Деловая коммуникация в профессиональной деятельности: учеб. пособие. СПб., 1999.

О.В. Фельде

ДЕЛОВОЕ ПИСЬМО, или **СЛУЖЕБНОЕ ПИСЬМО**, – многофункциональный справочно-информационный документ, обеспечивающий связи предприятия (организации) с другими организациями, а также с физическими лицами. Д.п. относится к наиболее распространённым и (с учётом количества пользователей) массовым жанрам современной деловой коммуникации.

В документоведении на настоящий момент отсутствует общепринятая классификация служебной корреспонденции. Нередко авторы ограничиваются развёрнутыми списками-перечнями существующих разновидностей Д.п. (см., напр. [Веселов 1993; Стенюков 1996]). Так, М.В. Стенюков выделяет следующие виды Д.п.: инструкционные, гарантийные, информационные, рекламные, коммерческие, рекламационные, сопроводительные, письма-запросы, письма-извещения, письма-приглашения, письма-ответы и др. [Стенюков 1996: 49–50].

М.В. Колтунова систематизирует служебную корреспонденцию по нескольким основаниям: 1) по тематическому признаку противопоставляются письма коммерческие и деловые. Коммерческие письма связаны с заключением и выполнением коммерческих сделок от имени юридических лиц. Деловые письма решают организационные, правовые, экономические проблемы корреспондентов; 2) по функциональному признаку различаются инициативные Д.п. и письма-ответы. Обязательного ответа требуют п.-запросы, п.-предложения, п.-рекламации, п.-просьбы и п.-обращения; 3) по признаку адресата противопоставляются Д.п. обычные и циркулярные. Циркулярные п. обычно рассылаются вышестоящими организациями в нижестоящие по нескольким адресам; 4) по форме отправления Д.п. делятся на обычные, электронные и факсовые; 5) по структурным особенностям различаются Д.п. регламентированные (стандартные) и нерегламентированные (нестандартные) [Колтунова 1998: 6–7].

Д.п. обычно оформляются на бланках организации и включают следующий набор реквизитов: 1) эмблема или логотип организации (предприятия); 2) код организации (по классификатору); 3) код документа; 4) наименование организации (полное и сокращённое); 5) почтовый и телеграфный адрес; 6) номер телефона; 7) номер факса; 8) номер банковского счёта; 9) дата; 10) индекс документа; 11) ссылка на индекс и дату входящего документа; 12) адресат; 13) заголовок к тексту; 14) текст; 15) отметка о наличии приложения; 16) подпись; 17) отметка о направлении копии в другие адреса; 18) фамилия и инициалы исполнителя. К обязательным реквизитам официального Д.п. относят: наименование организации (полное и сокращённое); её почтовый и телеграфный адрес; дата; индекс; заголовок; текст; подпись; сведения об исполнителе [Веселов 1993: 9].

Текст Д.п., как правило, состоит из вводной и основной частей. В первой части излагаются причины составления данного Д.п. Во второй части формулируется основная цель (предложение, просьба, гарантия, отказ и т.д.).

Современные Д.п. характеризуются высокой степенью стандартизации. Для каждого содержательного аспекта документа (передача сообщения, просьбы, благодарности, отказа, согласия выполнить что-л. и пр.) существуют свои устойчивые синтаксические модели (клише, стереотипы). Напр., выражение сообщения: *Сообщаем Вам о том, что...; Ставим Вас в известность, что...; Примите, пожалуйста, к сведению...; Доводим до Вашего сведения, что...;* выражение просьбы: *Пожалуйста, сообщите...; Просим сообщить...; Просим выслать нам...; Просим не отказать в любезности выслать нам...; Мы будем благодарны, если Вы...;* выражение благодарности: *Благодарим Вас за большой вклад в...; Примите, пожалуйста, глубокую благодарность за...; Позвольте воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить Вас за...*

В деловой переписке обязательно использование средств речевого этикета. Прежде всего это обращения в сочетании с этикетными прилагательными *уважаемый, глубокоуважаемый* (Напр.: *Уважаемый Иван Петрович! Глубокоуважаемый Игорь Михайлович! Уважаемые господа! Уважаемые коллеги!*); этикетные заключительные фразы типа: *С наилучшими пожеланиями; С наилучшими пожеланиями и надеждой на сотрудничество; С наилучшими пожеланиями и дружеским приветом; Желаю Вам всяческих успехов...* и т.п.

Приведём образец делового письма (документ обычно занимает 1 страницу формата А4):

АО «БАЙЯРД»

400010, Волгоград,
ул. Порт-Саида, 18
Р/с 0123678 в Инкомбанке
Тел. (8442) 33-45-11
Факс (8442) 33-71-77
05.04.04 № 07-02-45
На № 02-08-15 от 20.03.04

Директору АО «Оргтехника»
г-ну Соловьёву В.Н.
131100, Москва,
Тверская, 120

О возобновлении поставок оргтехники
Глубокоуважаемый Валерий Николаевич!

Сообщаем Вам, что оплата партии оргтехники № 6 была произведена нашей фирмой 18.03.04.
Для подтверждения факта оплаты направляем Вам копию платёжного поручения № 1321.

Мы рассчитываем на успешное развитие нашего сотрудничества в ближайшее время.

С уважением

Директор

подпись

А.Н. Колосов

АО «Оргтехника»

Дата 08.04.04

Вх. № 0000127

Современное развитие данного жанра в отечественном документоведении идёт в сторону сближения Д.п. с европейскими образцами и уменьшения степени стандартизации документа. Невысокая степень регламентированности, разнообразные отступления от канонов традиционного Д.п. особенно часто встречаются в электронных Д.п. [Колокольцева, Червинская 2001].

Лит.: **Веселов П.В.** Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. М., 1993; **Колокольцева Т.Н., Червинская О.В.** Документы XXI века: электронное деловое письмо // Делопроизводство. Информационно-практический журнал. 2001. № 2; **Колтунова М.В.** Деловое письмо. Что нужно знать составителю. М., 1998; **Котий Г.А., Гюльмисаров В.Р.** Образцы деловой переписки: практическое пособие. М., 1995; **Настольная книга секретаря-референта.** Контракты, деловая корреспонденция, документация на английском и русском языках. М., 1995; **Стенюков М.В.** Документы. Делопроизводство. Практическое пособие по документационному обеспечению деятельности предприятия. М., 1996; **Теппер Р.** Как овладеть искусством делового письма: 250 писем и записок в помощь менеджеру. М., 1997.

Т.Н. Колокольцева

ДЕМАГОГИЯ – вид речевого воздействия, основанный на использовании бездоказательной и/или преднамеренно искажённой информации, как правило, в манипулятивных целях. Как сказал А. Круглов, «демагогия – такая неправда, которую труднее опровергать, чем сочинить и доказывать, потому что для этого надо сначала воспитать тех, кого ею морочат» (цит. по кн. [Щербатых 2002: 595]).

Для Д. характерно употребление различного рода уловок (см. Уловки речевые), а также таких языковых и речевых средств (высокой лексики; слов с расплывчатым, но эмоционально-нагруженным значением; оценочных слов и выражений и т.д.), которые, воздействуя на эмоции и чувства адресата, отвлекают его внимание от недостающей информации и не позволяют её критически воспринимать. Иллюзию информационной насыщенности речи при демагогии создают речевые штампы, банальные фразы и выражения. Демагог конкретной лексике предпочитает абстрактную, вместо точных данных использует неопределённые слова и выражения, субъективное мнение подаёт в форме категорического суждения, что в совокупности позволяет навязать адресату одностороннее осмысление или оценку предмета обсуждения. Напр.:

Страна подседа на патриотизм, как на наркотическую иглу. Любой политик перед тем, как соврать клянётся в своём патриотизме. <...>

Патриотизм не имеет смысла!

Если кто очень хочет показать свою безумную любовь к чему-нибудь, пусть запирается в ванной и демонстрирует. Заниматься любовью на виду – это эксгибиционизм, это безнравственно и аморально. Публичная любовь к вождям, к власти в стране – не менее аморальна.

<...> Если нам в качестве национальной идеи подсовывают патриотическую фальшивку, значит, это кому-нибудь очень нужно, значит, кто-то пытается скрыть свою выгоду и выгоду, мягко говоря, не совсем честную и законную. Вопрос только в том, согласны ли мы проглотить эту наживку, не совсем ли у нас размякли мозги от патриотической трескотни, хотим ли мы сами наестись национальной ложью и быть готовыми поедать любое дерьмо, лишь бы только оно подавалось под патриотическим соусом? Осталось только выбрать: здоровы ли Вы или эпидемия патриотического безумия успела въестись в Ваши мозги, и они не воспринимают ничего, кроме сладостного еля, льющегося из телятника, и криков воров о том, как они любят свою Родину?

Честный человек не может быть патриотом, потому что честь не совместима с патриотической показухой. Умный человек никогда не станет патриотом, т.к. реально воспринимать патриотические лозунги – это удел глупцов, готовых обманывать самих себя.

Уважающие себя люди не купятся на патриотический обман, у них есть своё мнение, и им не нужно подменять его официальной пропагандой (С. Маркелов. Патриотизм как диагноз // <http://19jan.ru/patriotizm-kak-diagnoz-stanislaw-markelov.html>).

В приведенном тексте используются следующие демагогические приёмы:

– проведение необоснованных аналогий между чувством патриотизма и общественно осуждаемыми явлениями (наркотическим опьянением и эксгибиционизмом);

– необоснованные обобщения, имеющие характер утверждений (любой, кто говорит о своем патриотизме, врёт);

– подмена понятий (любовь как высокое нравственное чувство подменяется любовью как физическим контактом; патриотизм как любовь к Родине подменяется любовью к власти);

– установление ложных причинно-следственных отношений (в частности, из выдвижения в качестве национальной идеи патриотического воспитания не следует сокрытия выгоды; суждение о несовместимости чести с патриотизмом является ложной посылкой, из которой не следует утверждение о том, что честный человек не может быть патриотом и т.д.);

– приём «подмазывания аргумента» (*Уважающие себя люди не купятся на патриотический обман...*);

– формулировка вопросов, содержащих логически неоднородный ряд («выбор без выбора»: *здоровы ли Вы или эпидемия патриотического безумия успела вьестись в Ваши мозги...*) и наводящих адресата на нужный автору текста ответ;

– использование «операторов неопределённости»: неопределённого имени (*кто-то пытается скрыть*) и предложений без наименования субъекта действия (*Если нам в качестве национальной идеи подсовывают патриотическую фальшивку...; как они любят*);

– замена стилистически нейтральных слов и выражений негативно-оценочными (*подсела, соврать, подсовывают, наживку, дерьмо* и мн. др.), в т.ч. в сочетании с прилагательным «патриотический» (*патриотическую фальшивку, патриотической трескотни, патриотическим соусом, патриотического безумия*) – так называемый «нагруженный язык».

Д. противоречит нормам риторической этики и общественной морали.

«Демагогия является мощным оружием в руках тех, кто имеет власть и кто к ней стремится. Её берут на вооружение различные силы, заинтересованные в поддержке масс. Среди политических демагогов встречаются люди, которые свято верят в свою правоту. Но суть от этого не меняется: искреннее заблуждение одного способно ввести в заблуждение многих» [Баранов 2005].

Классическими образами демагогов в художественной литературе можно считать Фому Опискина, Петра Верховенского, Фёдора Павловича Карамазова у Ф.М. Достоевского, Павла Ивановича Чичикова у Н.В. Гоголя, Остапа Бендера у И.Ильфа и Е. Петрова. Знание художественных текстов, умение их анализировать и извлекать из этого анализа выводы являются одним из способов формирования навыков противостояния Д. и манипуляции.

Лит.: Баранов Н.А. Популизм и демагогия // Человек, культура, общество: межвуз. сб. науч. тр. Волгоград, 2005. Вып. 3; Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Приёмы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический приём // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997; Каценеленбаум Б. Демагогия: опыт классификации // Наука и жизнь. 1989. № 9; Комарова Е.А. Стратегия и тактика демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф.М. Достоевского («Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы», «Братья Карамазовы»): КД. СПб., 2005; Нестеренко Ю.Л. Демагогия. Классификация демагогических приёмов с примерами и советами по противодействию. URL: <http://ruskolan.xpomo.com/tolpa/demagog.htm>; Николаева Т.М. «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности: сборник научных трудов. М., 1988; Федосюк М.Ю. Выявление приёмов «демагогической риторики» как компонент полемики искусства // Риторика в развитии человека и общества: тезисы науч.-практич. конф. (Пермь, 13–18 января 1992 г.). Пермь, 1992; Шарифуллин Б.Я. Языковая экспансия, языковая агрессия и языковая демагогия // Проблемы развития речевой культуры педагога: мат-лы регионального научно-практического семинара (Томск, 28–29 ноября 1997 г.). Томск, 1997; Щербатых Ю.В. Искусство спора. Популярная энциклопедия. М., 2002.

Г.А. Копнина

ДЕМИНУТИВ. См. **ДИМИНУТИВ**

ДЕПЕРСОНИФИКАЦИЯ. См. **ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ**

ДЕПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ. См. **ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ**

ДЕТЕРМИНЫ. См. **ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА**

ДЕТСКИЙ ЯЗЫК (РЕЧЬ) – совокупность особенностей языкового развития ребёнка, реализующихся в речи. Серьёзное изучение Д.я. ведётся лингвистами, психологами, физиологами, филологами. Лингвистические наблюдения позволяют фиксировать звуковые (произношение слов), грамматические (образование и изменение слов) и семантические (смысловые) особенности Д.я. Целью исследований является понимание процесса овладения языком, проверка достоверности лингвистических гипотез.

В изучение Д.я. много внесли отечественные исследователи К.И. Чуковский, А.Н. Гвоздев, С.Н. Цейтлин и В.К. Харченко. К.И. Чуковский создавал на протяжении многих лет научно-популярный труд «От двух до пяти», который является соединением лингвистических и психологических наблюдений и содержит как примеры детских речений, так и теоретическое осмысление «законов» языка детей. Работа известного учёного А.П. Гвоздева «Вопросы изучения детской речи» написана на основе длительных регулярных наблюдений, изучен огромный фактический материал. Автор раскрывает закономерности усвоения ребёнком звуков и слов родной речи и её грамматики. Монография более специализирована, рассчитана на интерес людей, группирующих речь детей по языковым уровням – фонетическому, синтаксическому, морфологическому. В работах С.Н. Цейтлин подчёркивается, что ребёнок строит собственную языковую систему на основе речевых образцов взрослых. Такой подход в освоении языка был охарактеризован как «конструктивистский». С.Н. Цейтлин руководит семинаром по **онтолингвистике** (лингвистике детской речи), действующим в Санкт-Петербурге.

Существуют российские фонды, где содержатся записи детской речи. Сбор «петербургского» материала осуществляется сотрудниками Лаборатории детской речи РГПУ им. А.И. Герцена под руководством С.Н. Цейтлин. Архивные материалы К.И. Чуковского хранятся в Российской государственной библиотеке. Ещё один центр – Белгородский государственный педагогический университет им. М.С. Ольминского, где изучение детской речи ведётся под руководством В.К. Харченко. Существует мнение, что русские дети создают гораздо больше словообразовательных новаций, чем их сверстники, живущие на Западе (Дэн Слобин).

Всем изучающим Д.я. ясно, что дети не пассивно осваивают родной язык, а постоянно над ним размышляют, что подтверждается детскими высказываниями о языке: *Это моя санка. – Надо говорить «санки». – Мама, ну она же одна!; Что сегодня ел на обед? – Суп из горохов. – Наверное, из гороха? – Что ты! Их там много было; Мальчик придумывает мифических животных (зная греческий миф о Минотавре): «Кошкотавр, быкотавр, соватавр, пингвинотавр, дельфинотавр...».*

Какие особенности Д.я. выявляют лингвисты? Прежде всего, **системность**. У детей очень развито чутьё языка, поэтому создаваемые ими слова естественно вписываются в речь: *Спой мне баюль-ную песню; Какой ты спун! Чтобы сейчас было встало!; Ты же видишь: я вся босая!; Жил-был пастух, звали его Макар. И была у него дочь Макарона; Папа, смотри, как твои брюки нахмурились!; Ой, мама, какие у тебя толстопузые ноги!; Я мамина и больше никовойная; Мама, закрой мою заднюю ногу; Мама, я такая распутница* (распутав верёвочку). «Детские» слова создаются по внутренним законам языка. Язык – особая система, и данные Д.я. помогают понимать особенности её устройства. Напр., анализ механизма детских «новообразований» поясняет устройство словообразовательной, морфологической, лексико-семантической систем. Д.я. помогает выявить внутренние правила речевой деятельности человека, увидеть запреты и ограничения, которые заметнее при их нарушении: *обостриться* (уколоться чем-то острым), *вьюшка* (то же, что и завиток), *гаист* (работник ГАИ), *ногать* (толкать ногой), *рогать* (бодать), *копейница* (копилка), *кашлюн* (тот, кто кашляет), *катерист* (тот, кто водит катер), *жданка* (остановка), *расцвёлый* (который расцвёл), *расплёзаться* (расплакаться), *бежание*, *нырба*, *мытие*, *мытня*, *жаркота*, *грустность*. При этом большое количество «детских слов» понятны окружающим «без перевода», т.е. не требуют особых усилий в понимании значения сказанного. «Толкование» созданного ребёнком происходит за счёт представленности в нашем сознании вариативного способа реализации того или иного языкового знака. Напр., создавая

слово *тормозило*, ребенок почувствовал необходимость передать инструментальность, орудийность этого предмета и добавил суффикс «л», как в словах *мыло*, *точило* и пр.

Вторая значительная особенность Д.я. – выразительность, ведь Д.я. отличает творческое начало. Эта сторона Д.я. получила название **лингвокреативной деятельности**. Если у писателей эта деятельность сознательна, то у ребенка она стихийна и служит для выражения его представлений о действительности: *лога*, *подуха*, *одуван*, *сыроега*, *гребёх*, *мыха*, *чаха* – так передается в детском языке «огромность» размеров предметов – это большие *ложка*, *подушка*, *одуванчик*, *сыроежка*, *гребешок* (у петуха), *мышь*, *чашка*.

Ещё одно свойство Д.я., применение которого во «взрослой» речевой деятельности получило наименование «Народной этимологии» (см. Ложная этимологизация), когда внутреннее значение слова ошибочно связывается с неродственным по происхождению (как напр., нельзя связывать происхождение слова *дорога* с наречием *дорого*). Однако в Д.я. этот метод вполне оправдан: не *вазелин*, а *мазелин*; не *компресс*, а *мокресс*; не *термометр*, а *теплометр*; не *бормашина*, а *больмашина*; не *сухарик*, а *кусарик*; не *паутина*, а *паукина*; не *буравчик*, а *дырявчик*; не *милиционер*, а *улицонер*. Вспомним, что именно этим свойством наделяет Н.С. Лесков речь героев рассказа «Левша»: *мелкоскоп*, *тугомент* и пр.

Таким образом, Д.я. демонстрирует потенциал развития языка, ресурсы языковой системы, не получившие по разным причинам реализации в литературном (нормативном) языке. Существует связь между детскими языковыми «открытиями» и Окказионализмами (см.).

Д.я. демонстрирует многообразие стратегий усвоения языка. Если, опираясь на сопоставление речевой деятельности разных детей, выявить «стандартный» путь языкового развития ребенка, то в школьном обучении можно предупредить различного рода речевые ошибки, неизбежные при освоении ребенком письменной формы языка (см. пособие [Цейтлин 1997]).

Детское словотворчество вызывает интерес не только у лингвистов, но и у психологов, логопедов, педагогов. Трудно переоценить значение детской речи и для родителей. Но не только для них. Любому взрослому носителю языка, использующему свои речевые навыки почти неосознанно, автоматически, пойдёт на пользу знание скрытых возможностей языковой системы. Обнажённые детским восприятием механизмы создания «своего» слова могут быть источником выразительности речи, материалом языковых шуток, что, конечно, способствует гармонизации любого диалога.

Лит.: Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961; Харченко В.К. Словарь детской речи. Белгород, 1994; Харченко В.К., Голева Н.М., Чеботарёва И.М. Парадоксы детской речи. Опыт словаря. Белгород, 1995; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение СПб., 1997; Цейтлин С.Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи. М., 2000; Чуковский К.И. От двух до пяти. М., 2001.

А.Н. Сперанская

ДЕФЕКТЫ РЕЧИ – нарушение (**дислалия**) или затруднение (**паралалия**) произношения отдельных звуков при здоровом или повреждённом слухе; нормальном или дефектном артикуляционном аппарате.

Выделяются различные формы дислалии: мономорфная, при которой страдает произношение одного звука или группы однотипных звуков (*с – з – ц* или *ш – ж – ч*); полиморфная (сложная), при которой страдает произношение нескольких звуков из разных групп (*с – р – к – ш*; *ж – ш – р – ц* и др.); физиологическая (возрастная), при которой нарушение звукопроизношения наблюдается до 5 лет, что обусловлено недостаточным развитием органов артикуляционного аппарата; функциональная, при которой наблюдается нарушение произношения без отклонений в развитии артикуляционного аппарата, слухового и периферического артикуляционного аппарата и в функционировании центральной нервной системы; органическая (механическая), обусловленная наследственными, врождёнными или приобретёнными анатомическими дефектами периферического артикуляционного аппарата.

К причинам, не связанным с патологиями артикуляционного и слухового аппаратов и центральной нервной системы, относятся: соматические (обусловленные хроническими заболеваниями); социальные (обусловленные невниманием родителей и педагогов к проблемам произношения у ребёнка, билингвизмом родителей, неправильным произношением звуков взрослыми из окружения ребёнка); недоразвитие фонематического слуха.

Формы нарушения произношения звуков: нарушения произношения свистящих (*с, з, ц*) и шипящих (*ш, ж, ч*) звуков (сигматизмы) или их затруднённое произношение (парасигматизмы); нарушения произношения сонорных звуков (*л, м, н*); нарушения произношения сонорного звука [*р*]; нарушения произношения заднеязычных звуков (*г, к, х*); нарушение произношения звука [*й*]; замена звонких согласных глухими или их смешение; замена мягких согласных твёрдыми или их смешение.

Специфическими нарушениями, связанными с патологиями органов, являются дизартрия, ринолалия, заикание, афазия, алалия, тахилалия, брадилалия, дислексия, дисграфия. Нарушение произношения при **дизартрии** обусловлено поражением заднеязычных и подкорковых отделов мозга, недостаточной работой нервов, обеспечивающих связь речевого аппарата с центральной нервной системой (недостаточная иннервация). **Ринолалия** вызывается нарушением резонаторной функции носовой полости и проявляется в гнусавости, изменении тембра голоса и искажённом произношении звуков, может быть результатом нарушения проходимости полости носа или носоглотки либо произнесения звуков с прохождением воздуха не только через рот, но и через нос. **Заикание** представляет собой либо частое повторение звуков, или слогов, или слов, иногда их пролонгацию; либо частые остановки или нерешительность в речи, обусловленные генетическими и неврологическими факторами. **Алалия** обусловлена повреждением речевых областей больших полушарий головного мозга при родах, а также мозговыми заболеваниями или травмами, перенесёнными в доречевой период жизни. Проявляется в полном отсутствии или недоразвитии речи у детей при нормальном слухе и сохраняющемся интеллекте, напр., в наличии лепетных отрывков слов, в грубых нарушениях грамматического строя, ограниченности запаса слов, затруднении в усвоении чтения и письма. **Афазия** является системным нарушением сформировавшейся речи, возникает при органических поражениях речевых отделов коры головного мозга как последствие травм, опухолей, инсультов, воспалительных процессов и психических заболеваний; проявляется в грубых нарушениях чтения и письма, трудностях переключения с одного слова на другое и названия предметов речи. Афазия отличается от алалии, прежде всего, тем, что возникает вследствие органического поражения определённых участков коры больших полушарий мозга в период сложившейся речи, в возрасте не ранее 2,5 – 3 лет и проявляется в потере уже имевшейся речи. **Тахилалия** является формой нарушения устной речи, выражающегося в патологически быстром темпе речи, зачастую сопровождается повторением или пропуском слогов, что не замечается говорящим. Тахилалия, по мнению В. А. Куршева и других исследователей, органически обусловлена нарушением центрального речевого механизма и наследственностью. **Брадилалия** представляет собой нарушение, при котором речь становится чрезмерно замедленной, с растягиванием гласных звуков, с вялой, нечёткой артикуляцией, является следствием нарушений функций головного мозга. **Дислексия** обусловлена нарушением высших психических функций и проявляется в нарушении связности речи, повторяющихся ошибках в оформлении речи, постоянном использовании простых предложений и избегании сложных. **Дисграфия** обусловлена неврологическими и психическими нарушениями, влияющими на процесс письма и заключается в искажении звукослоговой структуры слова, нарушении слитности написания отдельных слов в предложении, трудности при порождении или восприятии предложений на письме.

Исправление Д.р. осуществляется с помощью логопедической и психотерапевтической коррекции и специфического лечения при органической форме нарушения звукопроизношения.

Лит.: Беккер К.-П., Совак М. Логопедия. М., 1981; Коган В. Алалия // Справочник по психологии и психиатрии детского возраста. СПб., 1999; Лурия А.Р. Учение об афазии в свете мозговой патологии. М., 1940; Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1976; Понятийно-терминологический словарь логопеда. М., 1997; Правдина О.В. Логопедия. М., 1973; Ретюнский К.Ю. Клиника и терапия заикания с неблагоприятным затяжным течением: КД. Челябинск, 1998; Селивёрстов В.И. Заикание у детей. Психокоррекционные и дидактические основы логопедического воздействия. М., 2001; Хватцев М.Е. Логопедическая работа с детьми дошкольного возраста. М., 1961; Логопедия: учебник. М., 2002.

А.Н. Смолина

ДЕЦЕНТРИЗМ. См. **ЯЗЫК И СТИЛЬ РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ДИАКОПА. См. **ТМЕЗИС**

ДИАЛЭКТ (от др.-греч. διάλεκτος – ‘наречие’) – разновидность национального языка, служащая средством общения людей, живущих на определённой территории, и изучаемая лингвистической наукой – диалектологией.

Диалектный язык имеет ряд отличий от литературного языка: имеет только устную форму; не кодифицирован, нормы поддерживаются только традицией; характеризуется слабой стилистической дифференциацией – ограничивается, главным образом, обиходно-бытовым общением, общением в производственной сфере (растениеводство, животноводство, ткачество, рыбалка, охота и пр.). Д. территориально окрашен, т.е. различен на разных территориях, так, напр., жители северных областей России, говорящие на диалекте, произносят [дома], [вода] – окают, в то время как в Подмосковье, в южных районах европейской части России, в центральной Сибири те же слова произносят с предударным А – [дама], [вада] – акают; на севере говорят [э]олова, [э]усь, а на юге – [у]олова, [у]усь («г» фрикативный); на севере говорят *петух, векша, ухват*, на юге, соответственно, – *кочет, белка, рогац*.

Говор – предельная, далее не делимая единица диалектного языка. Несколько говоров, имеющих значительную общность элементов, составляют группу говоров или Д. Д. с общностью многих черт объединяются в **наречия**. Наречиями называют два самых больших объединения, противопоставленных друг другу, – севернорусское и южнорусское наречия. Промежуточные между ними говоры называются среднерусскими говорами, а не среднерусским наречием – по причине разнородности говоров на разных частях этой территории.

Современные Д. – результат многовекового развития. «Границы современных диалектов могут отражать существовавшие в прошлом границы между разными территориальными объединениями: феодальными землями, племенами. Территориальная разобщённость <...> способствовала развитию у этих племён или на этих землях диалектных различий. Особенно активно происходило формирование диалектов в период феодализма» [Лингвистический... 1990: 133].

Русские говоры Сибири – это говоры территорий позднего заселения, являющиеся в большинстве своём вторичными по образованию, т.к. возникли они в результате интеграции различных диалектных систем. «Свою историю они исчисляют разными временными величинами: начало сложения одних относится к XVI–XVII вв., других – к XVII–XIX вв., третьих – к XX в. Своеобразие условий формирования сибирских говоров (смешанный, разнодиалектный состав населения, оторванность от «материнских» говоров, взаимодействие с языками аборигенов края – контакты с финно-угорскими, тюркскими народами, новые географические условия и связанные с ними особенности жизни, быта, экономики и т.д.) не могло не породить своеобразия самих говоров. Разновременность их появления на территории Сибири не могла не повлиять на создание различных по типу говоров» [Русские говоры... 1984: 15–16].

В первую волну заселения Сибири на новые земли перебирались по водному пути жители преимущественно северных территорий России – Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний. Вследствие этого главными явлениями – фонетическими, грамматическими и лексическими – сибирские говоры рождаются с севернорусскими. Эти говоры называют старожильческими говорами Сибири.

Севернорусской по происхождению и особенностям языка Сибирь оставалась до середины XVIII в. – до проведения Московского тракта, который вызвал новые потоки переселенцев из центральных губерний России. Выходцы из этих местностей принесли с собой черты среднерусских и южнорусских говоров.

Таким образом, на территории Сибири имеются различные диалектные типы, отражающие время переселения на те или иные территории, характер переселения (массовость/единичность, одновременность/разновременность), характер соотношения основ взаимодействующих говоров.

В настоящее время диалектный язык, испытывая мощное влияние литературного языка, находится в состоянии распада.

Лит.: Диалектное членение русского языка. М., 1970; Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 2004; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996; Пшеничнова Н.Н. Лингвистическая география (по материалам говоров). М., 2008; Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005; Русские говоры Среднего Приобья. Томск, 1984; Шарифуллин Б.Я. История и этимология русских говоров Сибири. Красноярск, 1990.

Л.А. Киселёва

ДИАЛЕКТИЗМЫ – элементы какого-л. территориального Дialecta (см.), широко используемые за его пределами, в общей речи. *Хата* – ‘изба’, *кочет* – ‘петух’, *драть зерно* – ‘очищать зерно от шелухи’ и др.

Некоторые Д. включаются в литературную речь и фиксируются толковыми словарями с пометой *обл. (областное)*. Так, напр., «Словарь русского языка» С.И. Ожегова фиксирует ряд «местных, диалектных слов, употребляемых в литературной речи при необходимости охарактеризовать то или иное явление выразительными средствами не литературного языка, а местной диалектной речи» [Ожегов 1961: 7]: *вёдро* – ‘летняя сухая погода’; *городьба* – ‘ограда, забор’; *зеленя* – ‘всходы озимых и яровых хлебов’; *клуша* – ‘курица-наседка’; *кучерявый* – то же, что ‘кудрявый’ и др.

Различают Д. фонетические (отражающие особенности звуковой, произносительной системы говора): *сястра* – ‘сестра’, *друх* – ‘друг’; грамматические (передающие особенности образования форм частей речи, перехода из одного грамматического рода в другой и т.п.): *идётъ* – ‘идёт’, *у же-не* – ‘у жены’, *приехал с города* – ‘приехал из города’; словообразовательные (отличающиеся от литературных единиц словообразовательной структурой при тождественности значений): *черни́ца* – ‘черника’, *та́мака* – ‘там’; семантические (имеющие своё, иное, чем в литературном языке, значение): *худой* – ‘плохой’, *погода* – ‘ненастье’; собственно лексические Д. (местные названия предметов и явлений, имеющие синонимы в литературном языке): *ка́чка* – ‘утка’, *анады́сь* – ‘недавно’ и др.

В литературной речи Д. используются с различными стилистическими целями. Часто они выполняют номинативно-стилистическую функцию – помогают обрисовать быт, нравы и обычаи народа, воспроизвести местный колорит, обозначая специфические для культуры данного региона предметы и явления: *Сложён он был неуклюже, «битнем» как говорят у нас* (И. Тургенев); *На нём была довольно опрятная суконная чуйка, вдетая на один рукав* (И. Тургенев).

Д. являются распространённым средством создания выразительного, экспрессивно окрашенного текста: *В терем тёмный, в лес зелёный, / На шелковы купыри, / Уведу тебя под склоны / Вплоть до маковой зари* (С. Есенин).

И, конечно, Д. выполняют характерологическую функцию – передают особенности речи персонажей художественного произведения (речь крестьянина или деревенского жителя; речь человека, проживающего в определённой местности; речь человека из народа; речь просто малообразованного или вовсе необразованного человека и др.), тем самым помогая созданию социальной и индивидуальной характеристики героя. Однако использование Д. в художественной речи требует от автора чувства меры и вкуса, т.к. чрезмерное увлечение Д. может привести к ухудшению качества текста – засорению языка произведения малопонятными или вовсе непонятными словами. Д., не мотивированные стилистическим заданием и использованные в литературной речи, являются нарушением языковой нормы.

«Введение диалектной лексики в произведения публицистического стиля возможно, но требует большой осторожности. В публицистике нежелательно употребление диалектизмов наравне с литературной лексикой, особенно недопустимы диалектизмы в авторском повествовании <...>. Совершенно недопустимо использование диалектных слов, значение которых не вполне ясно автору <...> Употребление диалектизмов не оправдано даже как характерологическое средство, если автор приводит слова героев, сказанные в официальной обстановке. <...> В таких случаях диалектизмы создают недопустимый разрыв речевых средств, потому что в беседе с журналистами сельские жители стараются говорить на литературном языке» [Голуб 2001: 79–80].

В научном и официально-деловом стилях Д. не используются.

Лит.: **Блинова О.И.** Региональная лексикология и стилистика художественной речи // Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975; **Ваулина С.С.** Лексические диалектизмы в произведениях В. Распутина // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1982; **Винокур Т.Г.** Воспроизведение особенностей разговорной речи в художественном тексте: к построению типологии приёма // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 2001; **Коготкова Т.С.** Внелитературная лексика в драме В. Распутина «Последний срок» // Культура речи на сцене и на экране. М., 1986; **Некрасова Е.А.** Семантические диалектизмы в художественных текстах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973; **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. М., 1961; **Оссовецкий И.А.** Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50–60 годов // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971; **Петрищева Е.Ф.** Внелитературная лексика в совре-

менной художественной прозе // Стилистика художественной литературы. М., 1982; Прохорова В.Н. Диалектизмы в языке художественной литературы. М., 1957.

О.Н. Емельянова

ДИАЛЭКТНЫЕ СЛОВАРИ – словари, посвящённые описанию словарного состава (лексических и отчасти фразеологических особенностей) народных говоров – вариантов национального языка, представленных на определённых ограниченных территориях. Уникальность подобных словарей состоит в том, что помимо собственно лингвистической информации они содержат ценные фольклорные, этнографические и собственно исторические данные.

Существует несколько классификаций Д.с. [Щерба 1974; Аванесов 1958; Блинова 1984; Сороколетов, Кузнецова 1987; Кузнецова, Сорокалетов 1998]. Обычно Д.с. делятся на типы с учётом объекта, предмета, цели лексикографирования, способа подачи словарного материала [Блинова 1984: 125].

В зависимости от объекта лексикографирования различаются а) словарь одного говора (напр., Словарь современного русского народного говора / д. Деулино Рязанского района Рязанской обл. / М., 1969); б) словарь диалектной группы, т.е. группы близких говоров (напр., Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003), и в) многодиалектный, или сводный словарь (напр., Словарь русских народных говоров. М.; Л./СПб., 1965–2003). С учётом хронологического фактора противопоставляются Д.с. синхронные (описывают диалектную лексику на относительно ограниченном временном отрезке) и диахронные (сравнительно-исторические), отражающие разные эпохи развития говоров.

По предмету лексикографирования принято разграничивать словари полные и дифференциальные. Полный Д.с. отражает весь словарный состав говора или группы говоров (в т.ч. лексику и фразеологию общерусскую, т.е. известную литературному языку). Главное достоинство словарей данного типа – возможность системного представления слов и фразеологических единиц, бытующих в говоре или группе говоров. Составление полных Д.с. – задача исключительной сложности, поэтому словари такого типа – явление довольно редкое (см., напр. Псковский областной словарь с историческими данными. Л./СПб., 1967–2004 и Полный словарь сибирского говора. Томск, 1991–1995). Дифференциальные словари говоров описывают собственно диалектную лексику и фразеологию, не представленную в литературном языке. Такой принцип отбора словарного материала является наиболее экономным и используется в большинстве Д.с.

С учётом цели лексикографирования Д.с. можно условно разделить на толковые, сравнительно-исторические, этимологические, мотивационные и др. По способу подачи словарного материала различаются Д.с. прямые и обратные [Блинова 1984].

Словарные статьи в Д.с. имеют много общего со статьями обычного толкового словаря (заголовочное слово, его толкование, ударение, грамматические и (факультативно) стилистические особенности, иллюстративный материал). Кроме того, обычно приводится ареальная характеристика слова (сведения о территории его распространения, данные о месте, где произведена запись). Напр.:

ГУТАРИТЬ [*гутарить*], ю, шшь, несов. *Говорить. Гутарют, волки овец порезали (Крснд.) -Ф- Мишка ихний пришел, гутарют (М. Шолохов) ~ Гутарить по чистой, несов. Говорить откровенно, начистоту. Гутарить по чистой — гаварить фсю правду (Оз.) Тбн.-ф- - Гутарь с нами по чистой...Чего ты опасешься? (М. Шолохов)* [Большой толковый словарь донского казачества 2003: 124].

Русская диалектная лексикография имеет богатую историю. В течение XIX–XX вв. были подробно разработаны принципы лексикографирования говоров и опубликованы десятки Д.с.

Первым крупным событием в отечественной диалектной лексикографии стало издание Российской Академией Наук в 1852 г. «Опыта областного великорусского словаря» (18011 слов). Это был сводный Д.с., обобщивший сведения, собранные преподавателями губернских гимназий и всеми ценителями и знатоками русского слова. В словарь также вошли материалы, опубликованные в трудах Общества любителей российской словесности и диалектная лексика из личных собраний Отделения русского языка и словесности (в частности, из архивов И.И. Срезневского и М.А. Коркунова). Большая роль в подготовке Словаря принадлежала А.Х. Востокову и И.И. Срезневскому. В 1858 г. было опубликовано «Дополнение к “Опыту областного великорусского словаря”», существенно расширившее представления о словарном составе народной речи (22895 слов).

Во второй половине XIX в. – начале XX в. вышла в свет целая серия региональных словарей: Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885; Якушкин Е.И. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896; Куликовский Г.И. Словарь областного олонцецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898; Богораз В.Г. Областной словарь Колымского русского наречия. СПб., 1901; Васнецов Н.М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907 и мн. др.

Ярчайшим явлением в русской лексикографии (в т.ч. и диалектной) стал «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (Т. 1–4. I издание – 1863–1866 гг.). Автор посвятил этому уникальному труду, в котором описано более 200 тысяч слов, 53 года своей жизни. Словарь не относится к собственно диалектным, поскольку отражает различные стихии общенационального языка. Однако народная речь находится в центре внимания автора. Принцип подачи материала – алфавитно-гнездовой. Родственные слова объединяются в гнезда, в основе которых находится имя или глагол.

Словарь Даля переиздавался десятки раз и был высоко оценён многими поколениями соотечественников. Он представляет собой «поистине энциклопедию русского народного быта, в которой отразились характерные черты склада ума и характера русского народа» [Сороколетов, Кузнецова 1987: 39].

Со второй половины XX в. наблюдается взрыв интереса к русской диалектной лексикографии. Выходит большое количество Д.с., отражающих особенности народной речи различных регионов. Вот только некоторые из этих изданий.

«Архангельский областной словарь» (АОС) под ред. О.Г. Гецовой публикуется в МГУ им. М.В. Ломоносова с 1980 г. Это дифференциальный словарь, характеризующий словарный состав только одного русского диалекта – архангельского. АОС убедительно показывает, насколько богата диалектная лексика. Словник АОС составляет около 150 тыс. единиц, многие из которых многозначны (ср.: в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» содержится всего 120480 слов). В настоящее время (1980–2001) издано 11 выпусков АОС (А–Д).

«Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС) издается Ленинградским (С.-Петербургским) университетом с 1967 г. Концепция словаря разработана Б.А. Лариным. ПОС – это полный словарь сравнительно-исторического характера, включающий как активный словарный состав псковских говоров, так и исторические сведения о диалектной лексике. Учёные справедливо считают, что «народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о её исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, т.к. она отражает <...> тысячелетние связи с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также и белорусами» (ПОС. Л., 1967. Вып. 1). Словарь находится в процессе издания: с 1967 по 2004 гг. опубликовано 14 выпусков ПОС (А–К).

Особое место в кругу Д.с. занимает «Словарь русских народных говоров». М.; Л./СПб., 1965–2003 (далее СРНГ). Это сводный сравнительно-исторический Д.с., издаваемый Российской АН под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Не имеет аналогов по охвату словарного состава говоров (более 200 тысяч единиц). СРНГ обобщает материалы, отражённые в ранее опубликованных и рукописных Д.с. (малодоступных современному читателю), а также сведения, которые прежде не включались в лексикографические издания. В окончательном виде Словарь, по замыслу составителей, будет представлять собой «относительно полное собрание диалектных слов, зафиксированных поколениями собирателей в течение почти двух столетий» [Сороколетов, Кузнецова 1987: 121].

СРНГ не только даёт семантическое описание (и – в необходимых случаях – этимологическую характеристику) обширному массиву диалектной лексики (все русские говоры), но и подробно показывает территорию распространения слов, а также изменения их значений на протяжении двух веков. Поэтому Словарь может служить источником для изучения лексики русского языка, славянской сравнительно-исторической лексикологии и этимологии [Кузнецова, Сороколетов 1998: 567]. В настоящее время (1965–2003) увидело свет 37 выпусков СРНГ (А–С).

Опубликованные и ныне издаваемые Д.с. содержат ценнейшие сведения о народной речи, народной картине мира и духовной культуре. Некоторые Д.с.: Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980–2001. Вып. 1–11; Большой толковый словарь донского казачества. Редкол.: В.И. Дегтярёв, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М., 2003; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. 1–4; Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров / сост. Ф.П. Сороколетов, Р.В. Одеков / под ред. Ф. Гледни. СПб., 2000. Т. 1–4; Полный словарь сибирского говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1991–1995. Т. 1–4; Псков-

ский областной словарь с историческими данными. Редкол.: Б.А. Ларин, С.М. Глускина, Л.А. Ивашко и др. Л./СПб., 1967–2004. Вып. 1–14; Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда, 1983–1993; Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л./СПб., 1965–2003. Вып. 1–37; Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской обл.) / под ред. И.А. Оссовета. М., 1969; Ярославский областной словарь / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–9.

Лит.: Аванесов Р.И. К теории диалектных словарей // Cercetari de lingvistica. 1958. Anul III. Supliment; Блинова О.И. Русская диалектология: Лексика. Томск, 1984; Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Современная диалектная лексикография // История русской лексикографии. СПб., 1998; Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987; Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Т.Н. Колокольцева

ДИАЛОГ – форма речи, состоящая из регулярного обмена высказываниями – репликами между двумя (и более) говорящими, противопоставленная монологу.

В Д. ответственность его участников за выполнение коммуникации распределяется равномерно. В качестве структурной единицы принято называть диалогическое единство (Н.Ю. Шведова), состоящее из реплики-стимула инициатора речи и ответной реплики-реакции собеседника. Определяя свойства диалогических единиц, подчёркивают их тематическую и функциональную связанность. Тем самым Д. представляет собой сложную целостную структуру. Стимулирующая реплика начинает общение, открывая тему. Эта реплика может быть сообщением, вопросом, побуждением, выражением оценки, обращением к адресату и т.д. Ответная реплика может быть добавлением, уточнением, согласием, подтверждением, возражением, объяснением. Она может прерывать Д., сигнализируя о непонимании, о невозможности по разным причинам продолжать общение.

По характеру ответности учёные выделяют разные типы Д.: **унисон** (в котором представленные точки зрения согласуются) и **несогласие** (спор, ссора, конфликт, провокация). Не случайно А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин предложили рассматривать в качестве основного сегмента Д. группы речевых актов, связанных жёсткими иллокутивными отношениями (таких, как вопрос – ответ, приказ – выражение согласия и т.п.). Однако диалогическая интенция отличается гибкостью и изменчивостью. Говорящий – по собственному усмотрению или под давлением ситуации – может изменить своё речевое намерение в ходе общения, внести в него серьёзные коррективы, изменить его вплоть до диаметрально противоположного или же вообще отказаться от своего первоначального замысла. В связи с этим в речевом общении выделяются первичная, и вторичная интенции. Последняя возникает под влиянием ситуации и/или контекста. Так, напр., к изначальному намерению сообщить что-то у говорящего может возникнуть по разным коммуникативным причинам дополнительная цель – уговора, призыва к вниманию, выражения удивления и др. Ср. два диалога: в первом случае диалог протекает «без помех»: *Ты можешь подойти вечером к школе? – Конечно! – Очень хорошо!* Как видим, на вопрос-просьбу второй участник отвечает согласием, первый участник выражает удовлетворённость. В другом случае из-за возражения появляется вторичная интенция – уговора, а затем и коррекции побуждения: *Ты можешь подойти вечером к школе? – Нет, вечером я занят. – Ну, пожалуйста, это очень важно! – Нет, никак, я запланировал всё заранее. – Ну ладно, тогда в следующий раз...*

В синтаксисе реплик наблюдаются самоперебивы, незаконченные фразы, повторы, в т.ч. вариативные, вставки. Эмоциональность подчёркивается восклицаниями. В следующем фрагменте Д. общение начинается стимулирующей – вопросной – репликой: *Скажи, а ты **видел** настоящего Лаокоона в Ватикане?* Разговор продолжается ответной репликой-подтверждением (**Видел**), выраженным лексическим повтором. В последующих ответах этого Д. наблюдаем повторы-подхваты, когда новая реплика опирается на предыдущую: *– И что? – Ничего.* Ответная реплика, в которой продемонстрировано безразличие собеседника к предмету разговора, послужила поводом для продолжения Д. его инициатором. Его следующая реплика завершает разговор: *Как **это**? Ты что? Разве **так** можно? Это же Лаокоон! Троянский конь!* (М. Шишкин) В ответной реплике возможно и устранение повтора того, что прозвучало в иницирующей, поэтому в диалогических высказываниях большое число неполных, нечленимых и эллиптических предложений: *– Ты куда? – **В антеку.** – Надолго? – **Нет.*** Участники Д. стремятся к лаконизму выражения, синтаксис реплик прост. Названные лингвистические приметы Д. обнаруживаются и в литературно обработанной речи.

Большинство языковедов рассматривают Д. как форму речи, присущую главным образом устному виду общения и характеризующуюся спонтанностью и непредсказуемостью развёртывания. Однако Д. функционирует и в литературно обработанной – книжной – сфере и используется в художественной (драма, диалоги героев прозаических произведений), публицистической (интервью, опрос, «круглый стол») речи, распространён в деловом общении (допросы, беседы, переговоры, совещания) и научном общении (дискуссия, обсуждение диссертации и т.п.).

Лит.: Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3; Балаян А.Р. К проблеме функционально-стилистического изучения диалога // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1970. № 3; Балаян А.Р. Ещё один монолог о диалоге (и полилоге) // Русский язык за рубежом. 1981. № 4; Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1997. № 2; Валюсинская З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. М., 1979; Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2011; Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976; Одинцов В.В. О языке художественной прозы. Повествование и диалог. М., 1973; Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2; Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. 1939. № 4; Якубинский Л.П. О диалогической речи // Язык и его функционирование. М., 1986.

Л.Р. Дускаева

ДИАЛОГ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ. Диалогическое общение – фактор, влияющий на формирование у ребёнка ценностного отношения к картине мира, т.к. все культурные процессы в жизни являются продуктом диалога. В ходе развития истории человечества диалог вели целые научные и культурные школы, и только в результате цивилизованного диалога люди находили истину, которая служила прогрессу. Современное обучение основано на диалогических принципах, т.к. процесс общения и процесс познания диалогичны по своей сути. Для полноценного участия в педагогическом диалогическом общении необходимы определённые умения: быстро и правильно ориентироваться в условиях общения; планировать свою речь сообразно целям и условиям, времени и ситуации; верно выбирать содержание акта общения; находить соответствующие средства для передачи этого содержания (речевые или знаковые); обеспечивать обратную связь. Если какое-то из звеньев акта диалогического общения будет нарушено, то вступившему в диалог не удастся добиться результатов.

Педагогический диалог имеет специфические черты: во-первых, в основе такого диалога находится понятная всем, но не примитивная тема для обсуждения, которая даёт принципиальную возможность рассмотреть её с альтернативных точек зрения; во-вторых, «условием возникновения диалога является проблемная ситуация. Если диалог возникает в отсутствие такой ситуации и служит для удовлетворения потребности в общении, то такое общение называют псевдиалогом» [Машбиц и др. 1989: 22]; в-третьих, на возникновение диалогических отношений в классе влияет положительное отношение партнёров друг к другу и признание ими некоторых общих правил взаимодействия; в-четвёртых, результатом диалога может быть решение проблемы или определение перспективы её обсуждения; в-пятых, мотивом возникновения педагогического диалога чаще всего является высказывание учителя, но началу диалога может послужить и вопрос или реплика учащегося, при этом диалог возникает в том случае, когда общение не является полностью детерминированной ситуацией, а партнёры обладают некоторой свободой высказываний; в-шестых, существенной особенностью диалога, определяющей его грамматический строй, является его ситуативность (все говорящие знают тему беседы, её содержание, ситуацию, в которой она протекает); в-седьмых, для диалогической речи характерно широкое использование внеязыковых компонентов общения (мимика, жесты, выразительные паузы, интонационные средства). Большую роль в облегчении восприятия и понимания диалогической речи играют также сила, интонация и тембр речи.

Педагогический диалог имеет собственную **структуру, динамику и композицию.** Структуру диалога составляют вербальные реакции участников на предмет диалога – их высказывания. Высказывание может быть иницирующим, если возникает по собственной инициативе ученика и развивает какую-л. тему независимо от действий других участников, и ответным, продолжающим или закрывающим тему. В составе педагогического диалога между репликами существуют логико-смысловые отношения, которые влияют на динамику его развития. Инициальная реплика является

причиной появления реагирующей реплики. Реагируя на реплики друг друга, говорящие создают определённый смысловой контекст многокомпонентного диалогического единства. **Композиционные** особенности учебного диалога связаны со спецификой диалога в целом. «Они выходят за рамки отдельного предложения, поскольку диалог представляет собой контекст, сцепление реплик, между которыми имеется смысловая и языковая (интонационная и структурная) связь» [Рейманкова 1968: 29].

Любой из видов общения может быть эффективным лишь тогда, когда не возникает коммуникативных барьеров. Существуют Коммуникативные барьеры (см.), специфичные для системы «учитель – ученик». На их возникновение влияют многие факторы. **Первый** из таких факторов – этическая основа взаимоотношений (отсутствие личностных мотиваций диалога, доброжелательности; неумение или нежелание педагога грамотно строить отношения равенства/превосходства при предъявлении знаний; неправильное обращение педагога к учащемуся; отсутствие информативно насыщенного контакта и др.); **второй** – эмоциональный стержень речи (невладение конкретными риторическими формами, организующими логику школьного урока; неверно организованный лингвистический контекст: неясная формулировка, неграмотно построенный вопрос, злоупотребление полисемией, омонимией, паронимией; экстралингвистическое несоответствие речевой цели: когда место достаточного обоснования занимает обоснование избыточное и др.) и **третий** – композиционная организация (неумение формировать диалогические взаимоотношения в нужной последовательности и психологической обоснованности: когда рассматриваемые категории ещё не нашли зримого воплощения и достаточного обоснования, но уже преподносятся в качестве учебной необходимости и др.) [Мурашов 1998].

Лит.: Машбиц Е.И., Андриевская В.В., Комисарова Е.Ю. Диалог в обучающей системе. Киев, 1989; Мурашов А.А. Учитель – ученик: что мешает творческому общению? // Русский язык в школе. 1998. № 5; Рейманкова Л.И. Материалы к изучению русской диалогической речи // Русский язык за рубежом. 1968. № 1.

О.И. Горбич

ДИАЛОГИЗАЦИЯ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ – одна из стратегий речевого поведения, а также комплекс обслуживающих её риторических средств. Д.м.р. способствует реализации риторического закона гармонизирующего диалога, суть которого в том, чтобы видеть в адресате (собеседнике, аудитории, читателе) не пассивный объект, а активный субъект равноправного речевого взаимодействия. «При диалогизации сообщения автор не просто высказывает свою точку зрения или обращается к слушателю. Он предугадывает возможную реакцию собеседника и отвечает на неё, т.е. происходит драматизация выступления» [Богомолова 1987: 92]. Задаче Д.м.р. служит ряд риторических приёмов: Риторическое восклицание (см.), Риторический вопрос (см.), Риторическое обращение (см.), Вопросно-ответный ход (см.), а также речевые тактики, помогающие говорящему установить эмоциональный контакт с адресатом, напр., ободрение, одобрение, согласие, признание говорящим своих ошибок и др. (см. [Михальская 1996: 243–245]). Напр.: *Есть ли альтернатива? Разумеется, есть. Можно ли сделать государство работающим, сохранив свободы и демократию? Можно. Даже в условиях кризиса* (АиФ. 1998. № 37) – использование вопросно-ответной схемы, вмонтированной в монологический текст; *Давайте представим себе аналогичную историю в какой-нибудь, скажем, Америке, или, на худой конец, в проклятой Богом Европе. Министр – за рулём «левой» машины. Представили? И как вы думаете – как долго после этой истории он продержится на своём посту? Правильно, не более часа* (МК. 5–12.10.2000). Элементами Д.м.р. в данном случае является прямое обращение к читателю, в т.ч. в виде вопросов, и ответная реплика автора на предполагаемый ответ читателя.

Разные способы Д.м.р., рекомендуемые риторикой, используются в публицистических, художественных, учебно-научных текстах, в лекторской практике и т.д.

Лит.: Богомолова М.А. Диалогизация выступления как один из аспектов персонификации телевизионного сообщения // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика. М., 1987; Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие. Пермь, 1986; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996; Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

ДИАЛОГИЧНОСТЬ – фундаментальное для письменных текстов свойство, помимо адресованности, включающее ответственность, выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения для достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения. Тем самым Д., отражая социальную сущность языка и мышления (М.М. Бахтин), свойственна диалогу (реплицированию) не только в устной речи, но и в письменной. При этом Д. шире адресованности, она отличается и от узкого понимания Д. как стилистического приёма. Таким образом, внешне монологический текст заключает в себе признаки и средства как собственно диалога, так и выработанные в процессе письменного общения. К Д. относят и межтекстовые единства (напр., в виде диалога текстов в газете).

Выражение Д. чрезвычайно многообразно по своим разновидностям. Установлены формы (способы) выражения Д. в научном тексте. Для изображения полемики активно передаётся «разговор» с другим упоминаемым лицом/лицами, идейными (теоретическими) противниками и единомышленниками, а также с читателями. «Говорящие» могут быть представлены не только именами собственными – фамилиями учёных, но и лексемами *точка зрения, мысль, идея* какого-л. лица; для ввода чужой речи используется цитация, косвенная речь, напр.: *Известна точка зрения, согласно которой понятия таксиса и относительного времени совпадают. На наш взгляд, эти понятия частично пересекаются, но всё же не являются идентичными* (А. Бондарко). В этом примере «реплика-реакция» обозначена вводным словом, несогласие автора с иной точкой зрения передаётся с помощью противительной и отрицательной частиц *всё же, не*. Иногда сопоставляются (или сталкиваются) две и более различных точки зрения, поскольку они обычно анализируются и оцениваются автором, напр.: *Так, ... Ферс... утверждал, что язык и мышление... Примерно о том же писал и Ч. Фриз, считая, будто бы «все неудачи в истолковании предложения были вызваны стремлением ... рассматривать предложение в связи со способом и характером развития мышления»* (Р. Будагов).

Автор выстраивает свою речь как «разговор» с читателем, приглашая его к соразмышлению, стремясь привлечь его внимание к излагаемому: *Обратим и мы внимание на природу знака...; Допустим на минуту такую возможность...* (Б. Головин). Д. можно понимать и как «разговор» со своим вторым «Я», не двойником, а объективированным «Я» (напр., в научном тексте как диалог-самоанализ, самоконтроль или – проще – диалог разных логик с целью проверки доказательства): *Нас сейчас интересует вопрос: живая гибридная система, изображённая на рис. 23а, или неживая? А если неживая, то сколько «живых» звеньев надо добавить, чтобы сделать её живой?* (Я. Френкель). Как видим, благодаря выражению Д., в тексте отражается движение авторской мысли, которая утверждается в полемике с другими, – так развёртывается взаимодействие с читателем, вовлекающее его в процесс соразмышления и сопереживания.

Д. в газетно-публицистической речи представлена в основном этими же формами, однако здесь они модифицируются в соответствии с функциональными особенностями газетной речи и её экстралингвистическими основаниями. Напр., значительно выше в них, чем в научных текстах, «эмоциональный тонус» оценки чужих позиций, усилено побуждение, адресованное к аудитории. По-иному выражается авторская рефлексия, поскольку текст служит воздействию: журналист передаёт не только ход мысли, но историю её формирования.

Развёртывание письменного текста структурируется главным образом тремя способами в соответствующих диалогических единицах – циклах: 1) вопрос – ответ – коррекция ответа; 2) сообщение – его оценка – аргументация или объяснение оценки; 3) побуждение к действию – обоснование необходимости его выполнения. В диалогах типа межтекстовых образований реплики цикла принадлежат разным авторам, во внешне монологических текстах – одному лицу. Ответы-сообщения корректируются для того, чтобы предупредить возможное непонимание каких-то фрагментов содержания текста; оценка и побуждение аргументируются для того, чтобы предотвратить возможное несогласие с ними читателя. В живом и многообразном творческом процессе эти элементарные циклы (оценочные, вопросительные, побудительные) осложняются, переплетаются, наполняются новым содержанием и чередуются, благодаря чему происходит развитие содержания текста. Реплику в межтекстовых единствах образует отдельный текст.

Как в полном, так и в свёрнутом циклах характер отношений между смысловыми позициями (проявляющийся в ответной реплике) передаётся с помощью языковых средств разных уровней – регулятивов, которые образуют необходимую автору модальную рамку, указывая на его отношение к

чужой смысловой позиции, в т.ч. позиции читателя. Выделяется три вида регулятивов: информирующие (с акцентированием уточнения, дополнения, корректировки сообщения); интерпретирующие (с оценкой) и побудительные. Таким образом, Д. письменных текстов представлена не только способами и средствами, как бы заимствованными из устного диалога, но и средствами, специально выработанными для этого в письменной речи, для передачи и ввода чужой речи, а также акцентирования, оценочности и побуждения.

Введение чужой речи, акцентирование, оценка отдельных моментов содержания и побуждение читателя в разных функциональных стилях выражаются по-разному, поскольку в разных стилях системы средств-маркеров Д. состоят из разных языковых средств, выполняющих в них функции в соответствии с целями и задачами общения в той или иной сфере. Коммуникативная культура предполагает владение стилистическими нормами употребления средств, способствующих выражению такого важного для эффективности общения свойства, как Д. Различия в выражении Д. в текстах разных стилей проявляются в составе самих средств и в тех функциях, которые они выполняют. Напр., этика научного общения требует сдержанности в оценках чужого мнения, поэтому оценка в научном стиле некатегорична и, как правило, рациональна. В публицистическом же стиле она, напротив, пронизана эмоциональностью. Эмоциональные оценки, даваемые с позиции той социальной группы, интересы которой отстаивает журналист, нередко бывают резкими, переходят в разоблачительные.

В письменном научном тексте ослаблена сила «иллокутивного вынуждения», т.к. тип запроса информации носит мыслительный характер [Красильникова 1995], побуждение передаёт приглашение к своеобразному соразмышлению. В публицистических текстах сила иллокутивного побуждения не ослаблена, а, наоборот, акцентирована. Читатель призывается не только к ментальным, но и к эмоциональным и физическим действиям, причём обращение выражается порою запальчиво, как, напр., в следующем примере, где экспрессивности способствует повтор: **Но, может, вспомним всех бросивших и забывших своих детей ...Вспомним и другую статистику...** (Изв. 2.02.93). Побуждение может быть и предостережением от ошибочных действий: **Если даже они есть, не всегда их следует сразу расходовать... При 25-кратном росте индекса цен ... говорить о наличии денег ... можно только в загадочном состоянии ума...** (Изв. 23.02.93)

В ориентированной на раскованность изложения публицистической речи используется большое число разговорных средств, которые научным текстам противопоказаны. Значительно чаще, чем в научных текстах, употребляются те средства, которые генетически восходят к разговорной речи, напр. вопросно-ответные комплексы, вопросы-переспросы, восклицательные предложения, благодаря чему складывается непринуждённость во взаимодействии с аудиторией, необходимая для успешного воздействия.

Характер взаимоотношений смысловых позиций тоже может быть различным: как диалог-унисон, диалог-спор, полемика, а также может иметь разные функции: информативную, побудительную, обозначения перехода к новой теме и др. Широко привлекается для этого вопросно-ответный комплекс. Приведём примеры. Диалог-унисон (согласованность точек зрения, подтверждения одного мнения другим): *Изменения языка... не контролируются человеком... Ср. мнение Э. Бенвениста: «Применение языка... человеком...».* Диалог-спор: *Такого типа текст является... переходной единицей. Ср. прямолинейное утверждение обратного порядка: «Структура текста может рассматривать...».* Вопросно-ответный комплекс как проблемный вопрос с ответом автора: *Рождается вопрос: откуда же взялось это тепло?.. Чтобы выяснить это, мы должны взглянуть на...* Побуждение и допущения при рассуждениях-доказательствах: *Докажем теорему... Будем считать, что...* Переход к новой теме: *Рассмотрим другой вопрос...*

Лит.: Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3; Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. № 4; Балаян А.Р. Ещё один монолог о диалоге (и полилоге) // Русский язык за рубежом. 1981. № 4; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Дускаева Л.Р. Диалогичность газетных текстов 1981–1991 гг.: КД. Пермь, 1995; Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004; Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р. Выражение диалогичности в естественнонаучных текстах // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. Пермь, 1987; Красавцева Н.А. Выражение диалогичности в письменной научной речи (на материале английского языка): КД. Пермь, 1987; Красильникова Л.В. Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии: АКД. М., 1995; Славгородская Л.В. Научный диалог. Л., 1986; Чепкина Э.В. Внутритекстовые автор и адресат газетного текста: АКД. Екатеринбург, 1993.

ДИАТЭЗА. См. АНТИТЕЗА**ДИАТРИ́БА. См. ИНВЕКТИВА****ДИА́ФОРА. См. АНТАНАКЛАЗА**

ДИВЕРСИ́Я (от лат. *diversio* – ‘отклонение, отвлечение’) – речевая тактика ведения спора, заключающаяся в том, что говорящий, опасаясь поражения, уходит от первоначально выдвинутого тезиса или приведённого довода (доказательства).

Традиционно выделяют Д. двух типов: Д. от тезиса и Д. от довода (доказательства).

Д. от тезиса может осуществляться при помощи его подмены (см. Подмена тезиса). Иначе говоря, подмена тезиса – это способ осуществления Д. Другие точки зрения: 1) Д. от тезиса, или логическая Д., – это разновидность подмены тезиса [Кузин 2000: 53]; 2) Д. от тезиса и подмена тезиса – это разные уловки, так как Д. от тезиса представляет собой уловку, которая заключается в том, что спорщик открыто, прямо оставляет тезис и формулирует другой, в отличие от подмены тезиса, при которой говорящий делает вид, что всё время придерживается исходного тезиса, но на самом деле его изменяет [Поварнин 1997: 550–552].

При **Д. от довода** говорящий перестаёт доказывать свой тезис и начинает опровергать ваш или требует, чтобы вы доказали свой тезис. Напр.: *Да что это я все доказываю своё мнение, а вы только критикуете. Критиковать легко. Докажите-ка вы своё мнение? Почему Вы так в нём убеждены?* Такая тактика служит для навязывания оппоненту невыгодной позиции, поскольку защищаться труднее, чем нападать (см. [Поварнин 1997: 551]).

Д. осуществляется с целью нанесения «урона» противнику, ослабления его позиции в споре, поэтому она часто состоит в «переходе на личную почву» («**диверсия против оппонента**» [Анисимова, Гимпельсон 2002: 145]), когда говорящий, вместо того, чтобы говорить о существовании дела, переводит спор на противоречие между словом и делом (напр.: *Вы утверждаете, что использовать закрытые жесты нецелесообразно, а сами скрестили руки*) или обсуждает личность оппонента (напр.: *Вы ещё малы и глупы, чтобы со мной спорить!*) или оценивает его поступки, мотивы (напр.: *Вы это говорите из жалости! Вам заплатили за то, чтобы вы нас убедили в этом* и т.п. – так называемое «чтение в сердцах»).

Лит.: Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. М., Воронеж, 2002; Кузин Ф.А. Культура делового общения: практ. пособие. М., 2000; Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора // Логика и риторика. Хрестоматия / сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. Мн., 1997.

Г.А. Копнина

ДИГРЕ́ССИЯ. См. ПОДМЕНА ТЕЗИСА

ДИКЦИ́Я (от лат. *dīctio* – ‘произнесение’) – произношение, манера выговаривать слова. Хорошая Д. (чёткость и ясность произношения) – одна из важнейших сторон культуры речи.

Д. по отношению к орфоэпии можно сравнить с почерком по его отношению к орфографии. Человек со скверным почерком рискует быть непонятым адресатом. Человек с плохой Д. заставляет собеседника либо пропускать мимо ушей часть воспринимаемой на слух информации, либо переспрашивать много раз. Такой человек нередко является предметом насмешек, особенно если он «гло-тает» отдельные звуки, что-то бормочет про себя или гнусавит, даже выступая с большой трибуны, а сама его речь нервная, с оговорками или нерасчленённая, монотонная.

Чёткое произношение возможно лишь при наличии здорового, нормально устроенного речевого аппарата и правильного его функционирования (см. Дефекты речи). К речевому аппарату, в узком смысле этого слова, относятся губы, язык, челюсти, зубы, твёрдое и мягкое нёбо, маленький язычок, гортань, задняя стенка глотки (зёва), голосовые связки.

Основные дикционные недостатки связаны со скованностью и зажатостью челюсти, что ведёт к невозможности произносить полноценные гласные. Вялость губ не позволяет чётко «вытачивать» и

оформлять согласные. Ленивый, «толстый» язык мешает ясности речи. Со всеми этими недостатками поможет справиться артикуляционная (логопедическая) гимнастика.

Правильная Д. имеет особое значение для актёра, певца, диктора, лектора, учителя.

Лит.: Анищенкова Е.С. Артикуляционная гимнастика для развития речи дошкольников. М., 2010; Козлянинова И.П. Произношение и дикция. М., 1977; Краузе Е. Логопедический массаж. Артикуляционная гимнастика. М., 2011; Пожиленко Е.А. Артикуляционная гимнастика. М., 2009; Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. М., 1991; Шепель В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям. М., 2002.

Н.А. Володько

ДИЛОГИЯ (от др.-греч. δι – ‘дважды’ и λόγος – ‘слово, высказывание, мысль’) – стилистический приём, состоящий в нарушении тождества семантики слова (или словосочетания), посредством постановки его в такой контекст, в котором это слово (или словосочетание) одновременно может иметь несколько толкований, и соответственно, менять смысл всей фразы или её части. Конструктивными механизмами в Д. в основном выступают Полисемия (см.), Омонимия (см.), контекстуальная Синонимия (см.). Напр.: *У Анны Семенович всё выдающееся: и голос, и бюст 5-го размера* (КП. 2006. № 187); *Истинную цену общения понимаешь, только глядя на счета за Интернет* (Комок. 2006. № 8); *Наши на Олимпиаде: 22 драгоценные победы* (АиФ. 2006. № 9; заголовок); *Я стар, я суперстар* (Из интервью с Зиновием Гердтом. КП. 26.05–06.06.2005);

Встречается преимущественно в художественных, публицистических и рекламных текстах. В художественной литературе и периодике чаще всего используется для развлечения (особенно частотна Д. в малоформатных комических жанрах): *Спиртные напитки плохо влияют на память. Помните об этом и когда будете протирать спиртом детали компьютера, <...>* (Комок. 2005. № 17); *Артемон посадил дерево в чулан* (Комок. 2005. № 19); и для усиления образности: *Анатомия слуха* (ВЫБИРАЙ. 2010. № 21; заголовок); *Счастье есть* (СГ. 2006. № 9; заголовок).

В рекламе Д. выполняет, в основном, функцию привлечения внимания: *Техносила: у нас все получают!* (Рекламный проспект магазина бытовой техники «Техносила»).

Д. способна породить Двусмысленность (см.). В случае прагматически не мотивированного использования – ошибка (См. Неудачное использование многозначных слов и омонимов).

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приёмы и средства выразительной и образной речи. Волгоград, 2004; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Старичёнок В.Д.** Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008.

М.А. Южанникова

ДИМИНУТИВ, или **ДЕМИНУТИВ** (от лат. *diminuo* – ‘уменьшать’), – грамматический термин, обозначающий тип производных слов разных частей речи: *ручки, книжечка, дамочка, магазинчик, хорошенький, чуточку, утречком* – содержащих в своей структуре уменьшительно-ласкательные суффиксы и суффиксы субъективной оценки (в грамматике Ломоносова термину Д. соответствовал термин «имена умалительные»).

Первичные значения Д. были связаны с размерностью: *столтик* меньше *стола*. Но в современном русском языке Д. активно образуются от разных слов, в т.ч. и от таких, семантика которых включает идею уменьшения: *неделька, денёк, десяточка*. Их реальное значение касается только отношений автора высказывания к адресату и действительности, о которой идёт речь.

Есть речевые ситуации, где Д. уместны и желательны. Общение с маленькими детьми: Д. годятся для всего, что связано с ребёнком: *ручки, ножки, кашка, кроватка, баиньки*; сами дети охотно используют Д. и легко их образуют. В дружеском общении часто возникает «гастрономический Д.»: *чайк, пиво, пивасик, картошечка, огурчики*. Их же можно услышать в ситуации, напр., потчевания гостя: *Скушайте пирожочек, ну хоть один кусочек, попробуйте салатик*. Неофициальные имена собственные – это тоже Д.: *Сашенька, Лидочка*.

В других случаях Д. работают на снижение, напр. в просьбу *одолжить тыщонку деньжат* Д. вносят деликатность; в рассказе о себе (*на дачке посадил цветочки, морковочку; статейку вот написал*) Д. как бы страхуют от хвастовства, помогают говорящему выглядеть скромным. С помощью Д. выражается и негативное отношение, напр., пренебрежение: *мужичок какой-то с усиками, бородежкой, в сереньком каком-то пальтишке*.

Таким образом, в разговорной речи Д. используются широко и выражают разнообразные смыслы, внося в общение нужную говорящему экспрессию – от умиления до пренебрежения. Отражая эти свойства русской речи, Д. широко представлены в художественных текстах; напр., в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова «гражданин престранного вида», который «соткался из воздуха», описывается так: *На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок*.

Последние десятилетия Д. всё более активно распространяются в городской среде (магазины «Башмачок», «Каблучок», «Пятёрочка» есть едва ли не в каждом городе), в названиях продуктов и товаров (*прянички, маслице*), наконец, в медийной сфере, напр., заголовки – *Колокола под водочку* (Изв. 28.05.2009); *Нью-Йорк на минуточку в Москве* (26.04.2011).

Всё это говорит о стремлении авторов текстов, вывесок, надписей создать атмосферу неофициальную, почти семейную. На волне этой тенденции следует помнить, что обилие Д. может создавать эффект «мещанской слащавости». Использование этого стилистического средства требует языкового вкуса и чувства меры.

Надо уметь отличать Д. от «бывших» Д., которые стали единственным обозначением реалии: *ласточка, лукошко, ножка стула*. Такие есть даже среди терминов: *желудочек сердца* (мед.), *головка* (техн.), *анютины глазки* (бот.). Они стилистически нейтральны.

Противоположность Д. – **аугментативы** (в грамматике Ломоносова – «имена увеличительные»): *ручища, силища, домина*. Они менее активны в русском языке, вне разговорной речи практически не встречаются.

Лит.: **Воейкова М.Д.** Системно-грамматические функции диминутивов в усвоении русского языка ребёнком. URL: www.iling.spb.ru/grammatikon/child/vo.html?language=en; **Русская речевая культура:** учебный словарь-справочник. СПб., 2006; **Химик В.В.** Оценочные субъективно-модальные преобразования слов в русском языке // Модальность в языке и речи: Новые подходы к изучению: сб. науч. тр. Калининград, 2008; **Шмелёва Т.В.** Диминутив как экспрессивное средство // Речевое общение и вопросы экологии языка: сб. науч. работ, посвящённый 80-летию А.П. Сковородникова. Красноярск, 2009.

Т.В. Шмелёва

ДИ́СКУРС (ДИСКУ́РС) (от фр. *discourse* – ‘речь’; лат. *discursus* – ‘беседа, разговор’), – многозначный термин-понятие, используемый в гуманитарном блоке исследований: философии, социологии, истории, языкознании. Существенное значение в его понимании имеет научная традиция, различные сложившиеся параллельно национальные научные школы дискурсивного анализа.

В западноевропейской лингвистике понятие «дискурс» активно используется с середины 1970-х гг. Под влиянием структуралистской американской и британской лингвистики в этот период активно развивается теория разговорной речи (*discourse analysis*), направленная прежде всего на анализ устной «живой» речи, при этом Д. отождествляется с диалогом. В дальнейшем британо-американская лингвистическая традиция развивает анализ Д. как анализ связной речи (*connected speech*) в устной и письменной форме, сосредоточенный на интеракционном взаимодействии отправителя и получателя сообщения. Важной составляющей теории Д. является когнитивно-ориентированный анализ, обращённый к ментальным структурам, механизмам, стратегиям и операциональным установкам, релевантным при порождении и восприятии высказывания/текста. В связи с этим активно разрабатывается теория фреймов. Когнитивно-прагматический подход в понимании связности Д. развивается школой Т. ван Дейка.

В зависимости от исследовательской традиции вносятся различные акценты в понимание того, какие именно составляющие экстралингвистического контекста в большей степени имеют дискурсообразующий характер. В германо-австрийской школе дискурсивного анализа (У. Маас, З. Егер, Ю. Линк, Ю. Хабермас, Р. Водак), развившейся на основе концепции Д. французского историка, социолога, лингвиста М. Фуко, Д. рассматривается как языковое выражение или языковой коррелят определённой общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность.

Каждый текст как часть соответствующей дискурсивной формации квалифицируется как социальное высказывание, как отражение надывидуальной, коллективной («серийной», по У. Маасу) речевой практики. Дискурсивный анализ развивается как критический анализ дискурса и рассматривается как средство социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени», проникновения в глубинную структуру текста, его смысл.

Французская традиция анализа Д., связанная, в основном, с М. Фуко, Л. Альтюссером, Ж.Ж. Лаканом, М. Пешё, П. Серио – традиция, в первую очередь, политико-идеологического, исторического и социокультурного анализа Д. Она наиболее автономна в своём социокультурном подходе и мало совместима с лингвистическими принципами и категориями анализа.

В 1970–80-е гг. развитие представлений о Д. поставило его в соотношение с категорией «текст» и ввело в систему понятий, методов и принципов лингвистики текста. В зарубежной лингвистике активно обсуждается необходимость предметного обособления лингвистики текста, с одной стороны, и лингвистики Д., с другой [Spitzmüller, Warnke 2011].

Д. в одном из его возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим всё то, что существенно для порождения данного высказывания/текста в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом. В этом смысле Д. характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определённой структуры текста. Становится очевидным разделение понятий «текст» и «дискурс» и задач традиционного текстового анализа и анализа Д. Если анализ текста направлен в первую очередь на внутренние – внутритекстовые – отношения высказываний между собой, их пропозициональную и иллокутивную структуру, взаимоотношения текстового целого и его частей, то анализ Д. характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса. Дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности, как непосредственного ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование языковых закономерностей конкретного произведения. В этом случае значение термина Д. близко пониманию его в отечественной стилистике как текста, изучаемого в коммуникативно-деятельностном функционально-стилистическом аспекте. В отечественной лингвистике круг вопросов, составляющих предмет исследования в Д., с 1960-х гг. рассматривался в связи с проблемами речевой деятельности и в целом при изучении экстралингвистических факторов, «сплетённых» с лингвистическими, на различном функционально-стилевом и текстовом материале (труды В.В. Виноградова, Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс, М.Н. Кожинной, А.Н. Васильевой, Т.Г. Винокур и др.).

Итак, в одном из возможных пониманий Д. обозначает конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определённом когнитивном и типологически обусловленном коммуникативном пространстве [Чернявская 2009]. Это означает, с одной стороны, что прототипический характер коммуникативных процессов обнаруживается в соответствии с той или иной инвариантной моделью текстопорождения и восприятия: текст существует как реализация определённого типа текста. С другой стороны, коммуникативно-речевая деятельность и продукты этой деятельности – тексты – соотносятся с соответствующей ментальной сферой, сосредоточивающей в себе определённые знания.

Лит.: **Кашпур В.В.** Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса: КД. Томск, 2011; **Квадратура смысла.** Французская школа анализа дискурса. М., 1999; **Прохоров Ю.Е.** Действительность. Текст. Дискурс. М., 2006; **Стрижкова О.В.** Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе: КД. Челябинск, 2012; **Чернявская В.Е.** От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // Филологические науки. 2003. Вып. 3; **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М., 2009; **Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса: ДД. Волгоград, 2000; **Heinemann M., Heinemann W.** Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs. Tübingen: Niemeyer, 2002; **Mills S.** Discourse. London; New-York, 1997; **Spitzmüller J., Warnke I.** Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin. 2011.

В.Е. Чернявская

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ. В современной теории дискурса одна из её базисных категорий – Д.п. – обсуждается с точки зрения как минимум двух подходов, а именно, либо в контексте полной идентификации дискурса и социальности (см., напр., концепцию М. Фуко), либо «встроенности» Д.п. в более широкие социальные практики (иначе говоря, более широкие социальные практики

образуют фон для практик дискурсивных). Тем самым проводится разграничение между дискурсивными и недискурсивными моментами социальной практики, диктующими разные виды логики в наблюдении и изучении (Н. Фэрклоф). Н. Фэрклоф приводит пример недискурсивной практики как физической практики, которая существует, напр., при строительстве моста. В отличие от неё журналистика и связи с общественностью – это, главным образом, Д.п. [Fairclough 1992: 64]. В таком подходе, как отмечает Н. Фэрклоф, Д.п. выступает посредником между текстами и социокультурной практикой [Fairclough 1995; Филлипс, Йоргенсен 2008: 122]. При этом в исследовательском аспекте основное внимание фокусируется на роли Д.п. в поддержании социального порядка и социальных изменений в обществе.

Автором данной статьи Д.п. понимаются как социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения.

Как санкционированный коллективный опыт Д.п. составляют существенную часть коммуникативного ресурса языкового сообщества, который исторически конституируя различные социокультурные сферы (коммуникацию повседневно, юридический, научный, деловой дискурс), обеспечивает устойчивые когнитивно-коммуникативные поведенческие паттерны представителей данной лингвокультуры.

Д.п. маркируются следующими характеристиками:

- 1) традиционность и целесообразность: Д.п. можно обозначить как стереотипно воспроизводимую речевую деятельность в рамках определённого типа дискурса;
- 2) нормированность: Д.п. реализуются на основе более или менее жёстко закреплённых норм вербального и невербального характера;
- 3) интерактивность: Д.п. порождаются в процессах диалогично развивающейся коммуникации, участники которой осведомлены о моделях эффективного дискурсивного взаимодействия в определённых ситуациях общения;
- 4) функционально-когнитивная направленность: Д.п. артикулируются на основе идентификации интерактивных фреймов как структурированных в сознании коммуникантов последовательностей процедур достижения заданных целей.

Таким образом, воспроизводство Д.п. основывается на знании специфического (часто неосознаваемого) комплекса социальных норм или конвенций, большая часть из которых имеет коммуникативно-языковую природу. Это значит, что описание и анализ Д.п. должны опираться на осмысление соответствующих институциональных и повседневных коммуникативных рутин в определённой лингвокультуре.

С точки зрения инструментализации изучения Д.п. представляется продуктивной логика исследования с учётом следующих факторов: интенциональная направленность в реализации дискурсивной практики, число коммуницирующих, каналы трансляции, задействованность вербальных и невербальных средств, протяжённость/длительность Д.п. по времени, основная сфера воспроизводства – институциональная, повседневная.

Лит.: **Ипатов** Н.А. Дискурсивные практики в формировании профессиональных сообществ: КД. СПб., 2009; **Куликова Л.В.** Современные дискурсивные практики как конститuent технологичной коммуникации // Человек. Язык. Культура: сборник научных трудов, посвящённый 60-летию проф. В.И. Карасика / отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. Киев, 2013. Часть 2. Сер. Концептуальный и лингвальный миры. Вып. 2; **Синицына Ю.Н.** Интерпретационный потенциал дискурсивных практик: на материале русского и английского языков: КД. Краснодар, 2008; **Филлипс Л., Йоргенсен М.В.** Дискурс – анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков, 2008; **Fairclough N.** Discourse and Social Change. Cambridge, 1992; **Fairclough N.** Media Discourse. London, 1995; **Foucault M.** Strategies of power // The Fontana postmodernism reader. Edited by Anderson W.T. Glasgow. 1996.

Л.В. Куликова

ДИСКУССИЯ (от лат. *discussio* – ‘рассмотрение, исследование, проверка, отчёт’) – разновидность Спора (см.); «...спор на заранее определённую тему и по определённым правилам, нацеленный на проверку обсуждаемой мысли с точки зрения её достоверности, правомерности, истинности или решение сложной проблемы, сопоставление разных точек зрения по выдвинутой проблеме с целью её выяснения и решения. Д. – это спор-исследование» [Матвеева 2010: 93–94].

Целевая, информационная, организационно-деятельностная и психологическая значимость и сложность Д. определяют типологическое разнообразие требований, которые вырабатываются культурой речи к этому типу коммуникации. Эффективность отдельной Д. определяется комплексом коммуникативных оснований (отдельных аспектов речи), подлежащих оценке: актуальностью и неоднозначностью обсуждаемой темы, её информационным наполнением, глубиной осмысления и оригинальностью предложенных по ходу Д. авторских интерпретаций спорного вопроса, качеством подготовки и компетентностью участников и организаторов Д., аргументативной стороной дискуссионного процесса, его детализацией и уместностью цитирования, межличностными отношениями между участниками, соответствием их поведения требованиям установленного регламента. Общепринятого и исчерпывающего списка аспектов Д., подлежащих оценке и определяющих эффективность Д., не выработано. Д. считается в целом эффективной, если в результате достигнуто и зафиксировано решение, полученное на основе достоверности, правомерности и истинности итогового суждения о предмете речи.

Лит.: Андреев В.И. Конфликтология (Искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов). М., 1995; **Виноградов С.И.** Нормативный и коммуникативно-прагматический аспект культуры речи // Культура речи и эффективность общения. М., 1996; **Винокур Т.Г.** Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М., 1993; **Волков А.М.** Курс русской риторики. М., 2001; **Зимичев А.М.** Психология межличностной борьбы: как победить в публичной дискуссии. М., 2009; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Мысль и искусство аргументации** / под ред. И.А. Герасимовой. М., 2003; **Ораторы Греции.** М., 1990; **Поварнин С.И.** Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996; **Родос В.Б.** Теория и практика полемики. Томск, 1989; **Русское и финское коммуникативное поведение:** сб. ст / ред. И.А. Стернин. Воронеж, 2006.

О.П. Жданова

ДИСПОЗИЦИЯ, или **РАСПОЛОЖЕНИЕ** (от лат. *dispositio* – ‘расположение, развёртывание’), – 1. Раздел риторики, в котором рассматриваются способы композиционной организации речи. 2. Второй этап Риторического канона (см.), заключающийся в оптимальном расположении накопленного и отобранного материала.

Основные принципы расположения материала: 1) принцип целостности: чёткое структурирование речи и обеспечение внутренней связности между её частями, их гармоничное сочетание и соразмерное соотношение, подчинённость всех частей основной идее (идейному замыслу речи); речь должна восприниматься как единое целое; 2) принцип мотивированности: последовательность изложения материала определяется прежде всего содержанием (темой) и видом речи.

Д. как раздел риторики описывает образцы построения речи, которые сложились в истории европейской словесной культуры. Разработаны универсальная композиционная схема построения речи (приемлемая для построения любого выступления, «на все случаи жизни» [Клюев 1999]) и частные композиционные схемы – схемы построения текстов, принадлежащих к определённым функционально-смысловым типам речи, напр., схема построения описания, повествования, рассуждения (см. о них [Михальская 1996]).

Развёрнутая универсальная композиционная схема предполагает пятичастную (зачин, вступление, основная часть, заключение, концовка [Кохтев 1998]), шестичастную в аргументирующей речи (введение, предложение, повествование, подтверждение, опровержение, заключение [Панов 2005]) или семичастную (зачин, исходное резюме, вступление, фаза перехода, основная часть как экспликация идеи, «опускание мысли в самостоятельное плавание», заключение [Таранов 2002]) структуру. Свёрнутая, или простейшая, универсальная композиционная схема, состоит из трёх частей: вступление, основная часть (развитие темы), заключение [Кохтев 1998].

Основные функции введения: привлечь внимание, вызвать интерес у слушателей, подготовить их к восприятию речи; подчеркнуть актуальность темы, её значимость в данной аудитории, обозначить цель речи и назвать основные проблемы, которые будут рассматриваться в основной части. В зависимости от преобладающей функции и выбирается та или иная тактика речевого поведения (см. об этом [Клюев 1999; Волков 2001]). Введение может меняться в зависимости от темы речи, её рода, вида и конкретных условий произнесения речи.

Общие рекомендации к введению: 1) во введении важно создать благоприятное отношение к тем предложениям, которые оратор выдвинет, и к той аргументации, которую он применит; обратить внимание на проявление нравственных качеств оратора: честность, скромность, доброжелательность,

предусмотрительность (оратор проявляет эти качества, а не говорит о них) [Волков 2001: 235, 239]; 2) желательно, чтобы введение было кратким (обычно оно составляет не больше 1/8 всей речи) и умеренно эмоциональным; 3) оно обязательно должно быть связано с темой и основной идеей; 4) введение рекомендуется обдумывать в последнюю очередь, когда оратор уже хорошо представляет своё выступление; 5) не рекомендуется в начале речи извиняться, говорить, что вы не оратор, тем самым как бы оправдываться за возможные неудачи; желательно избегать речевых штампов, напр.: *На мою долю выпала высокая честь выступить перед вами...*

В основной части излагается основной материал, последовательно разъясняются и доказываются выдвинутые положения. Основные правила построения материала: 1) правило соразмерности, т.е. разумного сочетания старого и нового, теоретического и практического материала, позитивной и негативной информации, рационального и эмоционального; 2) правило усиления информативности: желательно так располагать материал, чтобы он поддерживал или усиливал интерес слушателей к теме (переходить от более известного к менее известному); 3) правило краткости (краткость речи заключается не в том, чтобы она была непродолжительна, а в том, чтобы в ней не было ничего лишнего); 4) правило логичности, последовательности изложения (факты должны излагаться в определённом смысловом порядке); 5) правило учёта аудитории при выборе способа изложения материала и способа аргументации.

В заключении обобщаются мысли, высказанные в основной части, формулируются выводы; перед слушателями могут быть также поставлены задачи, которые вытекают из содержания речи. Заключение должно быть кратким, ясным, энергичным и выражать главную мысль выступления. В заключении не рекомендуется извиняться за то, что не удалось хорошо выступить, уложиться во времени и т.п.; использовать шутки, не относящиеся к теме выступления; негативно характеризовать работу аудитории; настаивать на том, чтобы слушатели присоединились к точке зрения оратора; слишком варьировать исходные формулировки; прощаться несколько раз.

Лит.: Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов н/Д, 1996; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция.): учеб. пособие. М., 1999; Кохтев Н.Н. Композиция ораторской речи // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вып. 6. Красноярск; Ачинск, 1998; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Смелкова З.С., Ассуирова Л.В., Савова М.Р., Сальникова О.В. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты. М., 2000; Сопер П. Основы искусства речи. Ростов н/Д, 1999; Таранов П.С. Искусство риторики: универсальное пособие для умения говорить красиво и убедительно. М., 2002; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

Г.А. Копнина

ДИСПУТ – разновидность запланированного и управляемого Спора (см.), публичное обсуждение общественно значимой дискуссионной темы (вопроса). Содержательно Д. нацеливается на просветительские цели и предполагает выявление различных мнений, взглядов, позиций как широкого спектра данных, фиксирующих состояние общественного, группового и индивидуального мнения по обозначенному предмету, проблеме. Внутренне Д. организуется тематическим единством при наличии различий в высказываемых суждениях (чаще всего по вопросам литературы, науки, искусства, общественной жизни) и не ориентирует участников Д. на принятие общего решения.

Будучи информационно и эмоционально содержательным процессом речевого взаимодействия, Д. интересен прежде всего как встреча участников, каждый из которых имеет своё видение предмета речи, своё мнение и собственный опыт. В условиях современной культуры, когда социальной инженерией выработаны различные технологии изучения общественного мнения и прагматически грамотного воздействия на него, когда потребительские ценностные ориентации массовой культуры доминируют, Д. утрачивает свою актуальность и используется преимущественно в учебных целях, как один из эффективных способов интерактивного обучения, позволяющего активизировать и разнообразить мыслительную, коммуникативную и информационную деятельность учащихся, формировать и развивать социокультурные и коммуникативные компетенции. В учебных целях Д. востребован преимущественно на практических и семинарских занятиях по предметам гуманитарного цикла. Следует учитывать, что проведение Д. неизбежно требует предварительной подготовки и организации.

Лит.: Андреев В.И. Конфликтология (Искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов). М., 1995; **Виноградов С.И.** Нормативный и коммуникативно-прагматический аспект культуры речи // Культура речи и эффективность общения. М., 1996; **Винокур Т.Г.** Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М., 1993; **Волков А.М.** Курс русской риторики. М., 2001; **Кузнецов И.Н.** Риторика, или Ораторское искусство: учеб. пособие. М., 2004; **Мысль и искусство аргументации** / под ред. И.А. Герасимовой. М., 2003; **Певнева В.И.** Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогических дискурсов русской и американской лингвокультур: АКД. Кемерово, 2008; **Поварнин С.И.** Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996; **Родос В.Б.** Теория и практика полемики. Томск, 1989; **Русское и финское коммуникативное поведение:** сб. ст. / ред. И.А. Стернин. Воронеж, 2006; **Стернин И.А.** Дебаты как форма обучения речевым навыкам// Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 6. Красноярск; Ачинск, 1998.

О.П. Жданова

ДИСТАКСИЯ. См. ПОЛИСЕМИЯ

ДИСФЕМИЗМ, или **КАКОФЕМИЗМ** (от др.-греч. *δυσφημία* – ‘дурнословие, поношение, порицание’), – слово или оборот, противоположный по функции Эвфемизму (см.), намеренное использование грубых, вульгарных, стилистически сниженных (иногда нецензурных) слов и оборотов с целью выражения резко отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистически и эмоционально нейтральное употребление. Дисфемизация речи может быть связана с неведением этическими и стилистическими нормами, с низкой речевой культурой. В качестве Д. могут использоваться жаргонизмы и просторечные слова и выражения, употребление которых в литературном языке ограничено: *пялиться* вместо *смотреть*, *загрехать* вместо *упасть*, *рассопливиться*, *разнюниться* вместо *заплакать*, *осточертеть* вместо *надоесть*, *сыграть в ящик* вместо *умереть*. Д. часто бывает выражен перифразой: *страна вечнозелёных помидоров и непуганых идиотов* – об СССР; *главный тормоз перестройки* – о Лигачёве и т.п.

В силу того, что Д. обладают стилистически сниженной окраской и ярко выраженной экспрессией, они не используются в текстах официально-делового и научного стилей, но в публицистическом стиле и в языке художественной речи встречаются часто. Напр.: ... *Пошел Васёк среди ночи до ларька, выпросил под залог **пупырь гамыры**, **вылакал** тут же, не отходя от кассы, и тихо почил* (ср.: ...бутылку водки выпил...). *Она его кое-как **затарила*** (ср.: положила), *длинного да **горбатого**, в гроб, почти стоямя закопала в тесной могиле, а сама **сыграла в психушку*** (ср.: попала в психиатрическую больницу) (Хакасия. 20.03.1997); *Теперь вы поняли, отчего я грустнее всех **забуддыг*** (ср.: пьяниц)? *Отчего я **легковеснее** всех **идиотов**, но и **мрачнее** всякого **дерьма**? Отчего я и **дурак**, и **демон**, и **пустомеля** разом?* (Вен. Ерофеев).

Современная общественно-речевая практика демонстрирует случаи намеренного использования Д. с целью дискредитации оппонента, нанесения ему морального ущерба: *Довольно **вешать** нам **лапшу на уши*** (из речи депутатов Верховного Совета России); *Пресловутая приватизация не что иное, как **растациловка** народного добра. **Гребёж** среди белого дня, **мародёрство*** (ЗА ПОБЕДУ! 26.09.2007).

Д. являются единицы языка, реализующие пейоративную и инвективную функции, направленные на унижение или оскорбление адресата. Это средство осуществления языкового насилия, агрессии, манипулирования сознанием слушателя/читателя. Д. также выполняет экспрессивную (эмоциональную, оценочную, интенсифицирующую) функции.

Употребление Д. зависит от контекста и условий речи: Д. используются в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи (ср. общение в семье, с друзьями и т.п.). Д. нарушают корректность общения, прежде всего официального. Напр., некоторые депутаты Государственной Думы используют Д.: ***бандитизм**, **морочить голову**, **политические расстриги**, **нахапали*** (о структурах власти), ***подозрительные личности*** и др.

Лит.: **Виноградов С.И.** Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Граудина Л.К.** Эвфемизмы – дисфемизмы, парламентские и непарламентские выражения // Культура парламентской речи. М., 1994; **Хаззагерев Т.Г., Ширин Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

Н.Е. Булгакова

ДИФФАМАЦИЯ. См. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

ДОВЕРЕННОСТЬ – документ, содержащий информацию о предоставлении права доверенному лицу на выполнение каких-л. действий (чаще – получение чего-л.) от лица доверителя (предприятия или гражданина) и предназначенный для предъявления третьим лицам.

В зависимости от того, кто составляет документ, Д. подразделяются на официальные, или служебные (выдаются представителю своего предприятия на совершение сделок, получение денег, товарно-материальных ценностей или других действий от имени предприятия), и личные (выдаются гражданином (физическим лицом) на получение зарплаты и других выплат, связанных с трудовыми отношениями, пособий, пенсий, стипендий, вкладов в банках, корреспонденции и т.д.).

Официальная Д. должна иметь следующие компоненты: (1) наименование предприятия, его юридический адрес; (2) наименование документа (доверенность); (3) дату; (4) индекс (номер); (5) основной текст документа (в нём указываются должность и паспортные данные доверенного лица, название организации, в которой будет производиться действие по Д., вид действий, срок действия Д., а также должен быть дан образец подписи лица, получившего доверенность); если документ связан с получением денег, то в тексте сумма указывается цифрами и прописью; если – с получением материально-технических ценностей, то указывается их перечень, количество и стоимость; (6) наименование и подписи должностных лиц (если Д. выдается на получение денежных или иных материальных ценностей, она подписывается руководителем предприятия и главным бухгалтером); (7) печать предприятия или организации.

Личная Д. составляется, как правило, от руки, но обязательно должна содержать следующие элементы: (1) наименование документа (доверенность); (2) дату; (3) текст, в котором указывается доверитель, доверенное лицо и вид действия по договорённости (кто? + доверяю + кому? + что?); (4) подпись и расшифровку подписи доверителя; (5) подпись должностного лица, заверившего документ; (6) печать организации, в которой доверитель учится, работает, или жилищно-эксплуатационной организации по месту жительства. Личная Д. не требует обязательного нотариального удостоверения.

Для юридической полноценности Д. следует указывать срок её действия. Д. выдаются, как правило, на срок проведения действий, указанных в ней. Если в Д. срок действия не указан, она сохраняет силу в течение года со дня выдачи [Стенюков 1997: 68].

Пример официальной Д.:

Компания «Шенк»
123480, Москва,
Краснопресненская наб., 12
р/с 0000-0051-007 в АКБ «РУСЬ»
тел. 253-24-60
факс (095) 253-28-41

ДОВЕРЕННОСТЬ

21.07.95 № 17
Москва

Компания «Шенк» в лице директора Скорина Л.А. выдала доверенность № 17 заместителю директора компании «Шенк» Суслову Андрею Ивановичу (паспорт III-МЮ, № 673347, выдан 120 о/м Москвы 14.02.84) на получение от концерна «Б. Полянка» товарно-материальных ценностей по

(наименование документа, дата, №)

Перечень и количество товарно-материальных ценностей, подлежащих получению:

Образец подписи лица, получившего доверенность № 17 (Суслов)
Доверенность действительна до 21.08.95.

Директор	подпись	Л.А. Скорин
Главный бухгалтер	подпись	И.В. Шпахов
	Место	
	Печати	

(Текст документа приведён по изданию: Стенюков 1997: 67).

Пример личной Д.:

ДОВЕРЕННОСТЬ

07.12.98

Я, Коновалова Нина Ивановна, доверяю лаборанту кафедры русской литературы Ивановой Наталье Петровне (паспорт серия XVI-БА № 72834, выдан Отделом внутренних дел Железнодорожного района г. Красноярска) получить причитающуюся мне заработную плату за декабрь в сумме 550 (пятьсот пятьдесят) рублей.

Преподаватель кафедры русской литературы	подпись	Н.И. Коновалова
---	---------	-----------------

Подпись Коноваловой Н.И. удостоверяю

Инспектор отдела кадров	подпись	К.Е. Соловьёв
-------------------------	---------	---------------

Место печати

В личной Д. возможно иное расположение реквизитов:

Доверенность

Я, аспирант третьего курса факультета филологии и журналистики Назимов Иван Вадимович, доверяю аспиранту второго курса Иванюкову Александру Георгиевичу (паспорт серия XVI-БА № 12674, выдан Отделом внутренних дел Железнодорожного района г. Красноярска) получить мою стипендию за ноябрь 2001 года в размере 97 (девятьюстами семи) рублей.

15.12.01

Назимов

Подпись аспиранта Назимова И.В. удостоверяется

15.12.01

зав. отделом аспирантуры *И.С. Троян*

Лит.: Кирсанова М.В., Аксёнова Ю.М. Курс делопроизводства. Документационное обеспечение управления. М.; Новосибирск, 1998; **Культура русской речи:** учебник для вузов / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Культура устной и письменной речи делового человека:** справочник. Практикум. М., 1997; **Смелкова З.С.** Деловой человек: культура речевого общения. М., 1997; **Стенюков М.В.** Документы. Делопроизводство. М., 1997.

Г.А. Копнина

ДОВОД. См. АРГУМЕНТ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО – 1. В традиционной логике – логическая операция обоснования истинности какого-л. суждения (тезиса) с помощью других истинных и связанных с ним суждений (аргументов, или доводов). 2. В лингвистике – подтип рассуждения (функционально-смыслового типа речи), соответствующий умозаключению как форме мышления; способ построения воздействующей речи на основе использования логических аргументов.

Д. связано с убеждением, но не тождественно ему: Д. «...должны основываться на данных науки и общественно-исторической практики, убеждения же могут быть основаны, напр., на религиозной вере, на предрассудках, на неосведомлённости людей в вопросах экономики и политики, на видимости доказательности, основанной на различного рода софизмах. Поэтому убедить – ещё не значит доказать» [Гетманова 2000: 181]. Д. является одним из способов Аргументации (см.).

Структуру Д. составляют Тезис (см.), Аргументы (см.) и демонстрация – логическая связь между тезисом и аргументами, т.е. форма Д. Эта связь должна иметь причинно-следственную направленность, в противном случае (даже при использовании слов *следовательно, таким образом, можно заключить* и т.п.) возникает логическая ошибка, носящая названия «не следует» и «мнимое следование» (тезис логически не вытекает, не следует из аргументов). Напр.: *Пользоваться такой косметикой – значит быть молодой и успешной!* К «мнимому следованию» приводит ошибка «от сказанного с условием к сказанному безусловно», которая возникает из-за того, что аргумент, истинный только с учётом определённых условий, используют как истинный во всех случаях, напр.: *Кофе нужно пить как можно больше, так как оно безвредно.* Нарушение причинно-следственных отношений в Д. является также следствием ошибки «после этого значит по причине этого», напр.: *Черная кошка перебежала дорогу – день будет неудачным.*

Существуют различные классификации способов Д. Так, по композиции Д. могут быть **дедуктивными** (от общего к частному, т.е. от тезиса к подтверждению), **индуктивными** (от частного к общему, т.е. от аргументов к тезису) и **смешанными** (сочетание индукции и дедукции). Ср., напр., отрывки из кн. Ю.А. Гвоздарева «Язык есть исповедь народа...»: 1) *Звуковой состав каждого языка очень специфичен. И количество, и качество звуков каждого языка различны (тезис). В русском языке, напр., 43 звука, из них согласных 37, а в гавайском языке <...> звуков очень мало. Единственные согласные в нём [х, к, л, м, н, п] и губной звук, похожий на английский [j]. А в речи после каждого согласного идёт гласный (аргумент 1). <...> бушмены, живущие в пустыне Калахари в Юго-западной Африке, употребляют в речи множество щёлкающих звуков, которых нет ни в русском, ни в английском, ни во многих других языках мира (аргумент 2) – дедуктивный способ рассуждения; 2) *Сможете ли вы определить, какие фамилии зашифрованы в этих сокращениях: Андрв, Бгрцкй, Грбдв, Лрмнтв, Пикн, Шлхв? Узнали? Конечно. Это не составляет особого труда. (аргумент 1) А теперь обозначим фамилию писателя только гласными буквами: Оо. И не пытайтесь определить, какая это фамилия: она может быть и Гоголь, и Толстой, и Лондон, и др. (аргумент 2). Выходит, что согласные буквы дают нам больше информации, чем гласные (тезис) – индуктивный способ рассуждения.**

Д. по форме делятся на **прямые** (используются только такие аргументы, которые служат поддержке тезиса) и **непрямые**, или косвенные (истинность выдвинутого тезиса обосновывается путём Д. ложности Антитезиса (см.)). Косвенные Д. подразделяются в свою очередь на **апагогические Д.** («Д. от противного»), осуществляемые путём установления ложности противоречащего тезису суждения, и **разделительные Д.** (Д. через исключение), осуществляемые путём последовательного исключения всех возможностей, кроме одной. Напр.: *Слово «борьба» по происхождению является общеславянским. Предположим, что это не соответствует истине. Слово «борьба» не является общеславянским. Если бы это было так, то оно не употреблялось бы во всех славянских языках. По данным же этимологических словарей, слово «борьба» зафиксировано во всех славянских языках: украинское «боротьба», белорусское «барацьба», словацкое «borba», болгарское «борба́», сербохорватское «бóрба», словенское «bórbа», «bórkа». Существительное «борь» отмечается ещё в памятниках XI–XII веков. Таким образом, предположение, что слово не является общеславянским, ошибочно (пример из [Павлова 1991: 70]) – апагогическое Д.; рассуждения Шерлока Холмса из рассказа «Пёстрая лента» А. Конан Дойла: «...Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты <...>. Как я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня сразу зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими*

тварями, я понял, что, пожалуй, попал на верный след» – разделительное Д. (в сокращённом виде умозаключение: *Опасность могла грозить через дверь, окно или вентилятор. Поскольку через дверь и окно проникнуть было нельзя, опасность грозила из вентилятора*)» [Гетманова 2000: 137].

Понятия истины и логического следования, включаемые в определение Д., в современной теории аргументации рассматриваются как в недостаточной степени ясные: многие наши утверждения (предостережения, требования и т.п.) лежат вне категории истины, т.е. не являются ни истинными, ни ложными. Поэтому встаёт вопрос о расширении понятия Д.: оно должно включать утверждения типа оценок и норм. «Но задача переопределения доказательства пока не решена ни логикой оценок, ни логикой норм...» [Ивин 2002: 75].

Для того чтобы Д. было эффективным, советуют приводить наиболее существенные факты, убедительные примеры, близкие и понятные адресату, уровню его образования и подготовки, а также не пытаться объяснить то, что вы сами не вполне понимаете.

Лит.: Гетманова А.Д. Учебник по логике. М., 2000; Ивин А.А. Риторика: искусство убеждать: учеб. пособие. М., 2002; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. М., 2011; Павлова Л.Г. Спор, дискуссия, полемика: книга для учащихся старших классов средней школы. М., 1991; Пузикова З.Г. Функционально-стилевые варианты доказательства в русском литературном языке начала XXI века: КД. Пермь, 2007; **Эффективная коммуникация:** история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

Г.А. Копнина

ДОКЛАД – информативный речевой жанр публичной речи – научной, деловой и политической сфер. Во всех случаях автор Д. называется докладчиком.

Д. предполагает изложение большого объёма информации, относящейся к одной проблеме. Изложение этой информации должно быть аргументированным и иллюстрированным фактами и примерами, текст Д. – хорошо структурирован.

В **научной** сфере Д. относится к устным жанрам, но обычно имеет письменный (прото)текст, который оглашается на заседаниях Учёных советов, кафедр, а также на конференциях, чтениях, конгрессах. Произнесению Д. могут предшествовать авторские Тезисы (см.).

В системе научных жанров Д. противопоставлен, с одной стороны, Сообщению (см.); с другой – Лекции (см.). Первое противопоставление касается времени (сообщение – 10–15 минут, Д. – 20 минут и более), объёма информации и глубины рассмотрения проблемы. Второе – адресата, точнее соотношения уровней компетенции: докладчик обращается к адресату, как минимум, одного с ним уровня компетентности, а лектор – заведомо более низкого, как, напр., профессор/студенты или слушатели курсов повышения квалификации; отсюда в Д. минимум разъяснений и Метатекста (см.).

Современное научное общение предполагает учёт фактора адресата: поощряется подготовка текстовых и визуальных раздаточных материалов для слушателей. Ценится визуализация изложения с использованием мультимедийных проекторов: презентация со схемами, графиками, текстовыми иллюстрациями. Отступление от канонов жанра Д. считается серьёзным недостатком речевой культуры.

Д., как правило, служит основой для позднее публикуемой статьи, что предполагает переход от устной фактуры речи к письменной с учётом специфики последней. Этикет научной сферы речи предполагает указание на это обстоятельство в статье, чаще всего в подстрочной сноске.

В практике отечественного образования культивируются Д. студентов – как научные на конференциях, так и в рамках учебных курсов – учебные, реферативного характера, что позволяет самостоятельно разобраться в одном из аспектов изучаемой проблемы и публично доложить своё представление о нём. При этом от студента требуется владение научной терминологией, навыками устной публичной речи. Особое внимание стоит уделить метатексту Д.

В **деловой** сфере общения Д. – письменный жанр (документ), автором которого выступает руководитель. Содержание его составляет анализ и оценка положения дел во вверенной ему организации. Д. бывает отчётным или проблемным, предполагает его оглашение и обсуждение его главных идей и оценок (прения по Д.). Современная практика делового общения предполагает высокий уро-

вень владения жанром Д., информация о его структуре, композиции, стилистике входит в пособия и тренинги по деловой коммуникации.

В **политической** сфере автором Д. выступает высокое должностное лицо, руководитель. Содержание такого Д. составляют анализ и оценка положения дел во вверенном ему учреждении или области общественной деятельности. Выдвижение Д. в центр публичной политической жизни происходило в советской словесной культуре, при этом Д. приближался к документу. Так, Д. Генерального секретаря ЦК КПСС на съездах КПСС, Пленумах ЦК были важнейшими документами в политической жизни страны, изучались в курсе «История КПСС» и в системе политпросвещения.

Лит.: Романенко А.П., Саджи-Гаряева З.С. *Общелингвистические основания советской жанровой системы* // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов, 2002; **Русский язык и культура речи** / под ред. В.Д. Черняк. М., 2002; **Современная русская устная научная речь** / под ред. О.А. Лаптевой. Т.1. Красноярск, 1985; **Троянская Е.С.** Особенности жанров научной литературы и отбор текстов на различных этапах обучения научных работников иностранному языку // *Функциональные стили. Лингвометодические аспекты* / отв. ред. М.Я. Цвилинг. М., 1985.

Т.В. Шмелёва

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА – документ, содержащий изложение какого-л. вопроса с выводами и предложениями составителя, адресованный руководителю данной или вышестоящей организации.

Внутренняя Д.з. (адресуемая руководителю подразделения или организации) составляется на стандартном листе бумаги формата А4 с воспроизведением необходимых реквизитов (обязательных компонентов) и подписывается составителем. Внешняя Д.з. (адресуемая в вышестоящие инстанции) составляется на общем бланке учреждения и подписывается руководителем организации.

Внутренняя Д.з. включает следующие обязательные реквизиты: (1) наименование организации или структурного подразделения, в котором работает составитель документа, с указанием, в случае необходимости, номера его телефона; (2) адресата (кому направляется Д.з.) – наименование должностного лица, его фамилия и инициалы; (3) наименование документа; (4) дату; (5) заголовок к тексту, раскрывающий его содержание, напр.: *О дополнительном финансировании заказа № 567*; (6) основной текст; (7) наименование должности составителя документа, (8) его подпись и её расшифровку (инициалы ставятся перед фамилией).

Образец внутренней Д.з. (при угловом расположении реквизитов):

Директору Гуманитарного университета
А.В. Ивановой

Факультет филологии

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

18.04.2012

О подготовке к проведению
акции «Тотальный диктант»

21 апреля 2012 г. кафедра русского языка проводит в нашем городе ежегодную образовательную акцию «Тотальный диктант», призванную привлечь внимание общественности к вопросам грамотности и развить культуру грамотного письма. Ожидается, что в акции примут участие более 800 человек.

В виду недостаточности аудиторного фонда с презентационным комплексом прошу разрешить использовать во время проведения акции переносное презентационное оборудование: переносной медиапроектор VT570G; экран на треноге Draper Diplomat; ноутбук Dell Inspiron; колонки Microlab.

Декан факультета

Подпись

Л.И. Сидоров

Основной текст Д.з. условно делится на две части: в первой части (описательной) излагаются имевшие место факты или описывается ситуация, послужившие поводом к написанию документа,

при необходимости приводится их анализ, во второй части – выводы и предложения и соответствующая просьба (просьбы). Текст излагается от первого лица единственного числа и должен соответствовать официально-деловому стилю. В начале текста не рекомендуются фразы *Довожу до Вашего сведения...*, *Обращаюсь к Вам, потому что...* и т.п. (необходимо сразу излагать суть дела), в конце – *Вносится на Ваше рассмотрение...*, *Докладывается для принятия решения* и т.п. (лучше *Считаю необходимым/целесообразным...*, *Предлагаю...*, *Прошу направить/выделить/оказать материальную помощь* и т.п.). Необходимо соблюдать требования краткости документа при полноте информации, её достоверности и объективности. Формулировки должны исключать возможность двоякого толкования.

Лит.: см. лит. к ст. Деловое письмо.

Г.А. Копнина

ДОСТУПНОСТЬ РЕЧИ, или **ДОХОДЧИВОСТЬ РЕЧИ**, – качество речи, обеспечивающее её беспрепятственное, лёгкое понимание. Это качество речи соотносится с лингвопрагматическим постулатом манеры (рекомендующим говорить ясно, коротко и последовательно) и постулатом великодушия (рекомендующим не затруднять собеседника, облегчать ему процесс общения). «Доступность предполагает такое построение речи, при котором уровень сложности и в терминологическом, и в содержательном, и в структурном отношении соответствует уровню понимания адресата. По сути, это требование использовать в речи только те речевые средства, которые адресат в состоянии воспринять, узнать, понять и на которые он в состоянии ответить. <...> Но доступность имеет и свои пределы: нужно соблюдать чувство меры, чтобы избежать противоположной ошибки, которая проявляется в упрощённости и примитивности...» [Ипполитова и др. 2004: 257–258].

Качество Д.р. тесно связано с понятием **ясности речи**. Достигается ясность речи прежде всего знанием предмета речи, логичностью речи (в т.ч. чёткой её композицией), лаконичностью (не в ущерб содержанию речи), простотой синтаксических конструкций (привычным порядком слов, слитным построением слабо распространённых словосочетаний, отказом от большого количества вводных и уточняющих оборотов), использованием общепонятной лексики и чёткостью артикуляции.

Ясность заключается не в элементарной, а в оптимальной для адресата информативной наполненности изложения. Речь неясная, непонятная усложняет понимание, вызывает утомление и желание завершить коммуникацию как можно скорее. Негативные эмоции, вызванные подобной речью, могут отвратить слушающего не только от «оратора», но и от предмета его речи. Ясная же речь экономит усилия собеседников, лучше усваивается и способствует эффективному продолжению общения.

Таким образом, Д.р. – относительное понятие, которое соотносится с характером и потребностями одиночного или коллективного адресата (аудитории), с его интеллектуальным уровнем и уровнем его коммуникативной компетенции. В общем случае качество Д.р. исключает злоупотребление терминами (особенно узкоспециальными), излишнее усложнение синтаксических конструкций, невнятность произношения (в устной речи), что составляет ясность речи. С другой стороны, Д.р. предполагает использование, по мере необходимости, приёмов популяризации, Контакттоустанавливающих средств (см.), в т.ч. – речевых поддержек (см. Речевое поддерживание) и других приёмов, облегчающих восприятие речи. Для обеспечения Д.р. необходимы знание языковых и психологических Барьеров общения (см.) и умение их избегать, а в случае возникновения – преодолевать.

Лит.: Головин Б.Н. Основы культуры речи: учебник. М., 1988; Дронова Г.Е. Коммуникативная категория «Ясность речи» в жанре лекции: АКД. Екатеринбург, 2006; Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи: учебник / под ред. Н.А. Ипполитовой. М., 2004; Колесников Н.П., Введенская Л.А. Культура речи. Ростов н/Д, 2001; Савкова В.З. Искусство оратора. СПб., 2000; Сковородников А.П., Копнина Г.А. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. Спецвыпуск «Культура речевого общения». 2009. № 2; Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001.

А.П. Сковородников, М.А. Южанникова

ДОХОДЧИВОСТЬ РЕЧИ. См. **ДОСТУПНОСТЬ РЕЧИ**

ДУПЛИКАЦИЯ. См. **АНАДИПЛОЗИС**

ЕДИНОКОНЕ́ЧИЕ. См. ЭПИФОРА

ЕДИНОНАЧА́ТИЕ. См. АНАФОРА

ЖАЛОБА – речевой жанр обыденного и делового общения. Ж. отличается смысловая сложность, предполагающая наличие трёх компонентов: информативного (рассказ о событии, поступке, положении дел), оценочного (негативная оценка описываемого) и императивного (намёк/просьба изменить положение дел, наказать за поступок). Этим он противопоставляется другим речевым жанрам с доминированием одного из смысловых компонентов.

В современной речевой практике широко известна прежде всего **деловая Ж.** – документ, описание и конкретные образцы которого содержатся в юридической литературе (словарях и справочниках, интернет-сайтах). Автором деловой Ж. может быть частное лицо или организация (юридическое лицо). Её адресатом – лицо или инстанция с полномочиями, необходимыми для исполнения требуемых мер. Содержание Ж. включает информативный (изложение сути события или ситуации) и императивный компонент, который фиксируется формулой «Прошу принять меры». Оценочный момент (а Ж. предполагает безусловно негативно оцениваемое событие/ситуацию) выражается прилагательными типа *неправомерный, незаконный* и под. Этим жанром активно пользуются адвокаты, люди с юридическим образованием. Людей, пишущих Ж. в инстанции, называют жалобщиками. Для фиксации Ж. в разных учреждениях существуют книги жалоб и предложений. Эта разновидность Ж. сближается с такими юридическими документами, как претензия, заявление, иск (обращение в суд).

В **обыденной** речи Ж. представлена разновидностями, которые отличаются преимущественным выдвижением на первый план одного из смысловых компонентов: сообщения, или оценки, или просьбы; поэтому их можно обозначить как **информативные, оценочные и императивные Ж.**

Информативная Ж. бытует в детской речи: *А Серёжка снег ест!, А она опять обливается!* События в таких случаях принадлежат сфере третьего лица, автор может и не быть пострадавшим. Коммуникативная цель жанра – проинформировать адресата, не исключая, конечно, печальных последствий для «героя» жалобы.

Во взрослом общении она узаконена в общении пациента с врачом, начинающего беседу с вопроса *На что жалуетесь?* и предполагающего услышать информацию о самочувствии собеседника. Слово Ж. фигурирует в медицинских документах, в этом значении его можно считать медицинским термином.

Инициативная информативная Ж. о событиях и фактах из жизни третьего лица, заведомо негативных в восприятии и подаче автора, именуется **доносом**, при этом, как известно, автор может быть анонимным.

Оценочная Ж. имеет в виду вызвать сочувствие, сострадание у адресата, именно такая его реакция считается успешным осуществлением жанра. Оцениваемое событие принадлежит личной сфере автора – это его неприятности, его проблемы: *Совсем со здоровьем стало плохо; Начальство без конца придирается.* Склонность к Ж. такого рода расценивается как особый тип речевого поведения, которое, помимо глагола *жаловаться*, описывается предикатами *сетовать, плакаться, плакаться в жилетку*. Ср.: *Скажу прямо, у меня почти не было, а теперь и вовсе нет проблем с прохождением сценариев и пьес. Мне не на что жаловаться* (В. Мережко).

Императивная Ж. призвана вызывать действия, направленные на изменения ситуации или наказание виновных: *Ваши дети расиумелись, невозможно работать, утихомирьте их.* Эта разновидность Ж. послужила первичным жанром для деловой Ж., сложившейся в рамках требований к юридическим документам.

В художественной речи вторичные речевые жанры, ориентированные на Ж., известны в лирической поэзии, напр., «Жалоба турка» М. Лермонтова.

В теории литературы используются книжные наименования Ж. – **ламентация** (от латинского *lamentatio* – ‘плач, рыдание’) и **неремиада** (по имени ветхозаветного пророка Иеремии, оплакавшего разрушение Иерусалима вавилонянами; «Плач Иеремии» входит в Ветхий завет). Ж. служит названием литературных, чаще поэтических, произведений, жанра в сентиментализме, музыкального жанра (католическая церковная музыка).

Лит.: Емельянова Н.А. Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке: КД. Астрахань, 2004; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под

ЖАНРОВАЯ НОРМА – требования к речевому оформлению жанра. Каждый жанр характеризуется рядом формальных и содержательных признаков. К примеру, доклад на научном семинаре отличается от лекции. Жанр доклада предполагает, в частности, что говорящий рассказывает о результатах своей работы (аудитории неизвестных), но при этом аудитория в той же мере компетентна в данной научной области, что и докладчик; содержание доклада, таким образом, выносится на суд аудитории. Жанр лекции предполагает, что докладчик излагает выбранную тему, используя любого рода факты и идеи (в т.ч. не им открытые и уже известные научному сообществу); читающий лекцию обращает свою речь к людям, как правило, менее компетентным в данной области, чем он сам. Аналогичным образом различаются, напр., жанр научной монографии и учебного пособия.

Речевые жанры различаются, в первую очередь, теми конвенциональными отношениями между автором и адресатом, которые традиция связывает с каждым из жанров. «Каждый жанр благодаря особенностям своей формы хорошо узнаваем.<...> Узнаваемость жанра позволяет адресатам ориентироваться в ситуации общения, понимать намерения партнёров и адекватно реагировать на их речевые действия» [Русский язык и культура речи 2003: 54].

Ж.н. функционируют как в рамках литературной нормы, так и за её пределами. Они определяются совокупностью факторов, из которых складывается ситуация общения. «Ясно, что эти жанровые нормы могут быть как более, так и менее обобщёнными, действительными как для целых классов жанров (так называемых функциональных стилей), так и для отдельных жанровых разновидностей (образец искового заявления, доверенности и т.п.). С другой стороны, они имеют разную степень обязательности. Так, нормы административной и деловой речи достаточно жёстки, особенно применительно к письменным текстам, а нормы, регулирующие неформальное общение (разговорную и литературно-художественную речь), допускают значительно большую свободу» [Долинин 1987: 267]. В письменном общении Ж.н. выдерживаются строже, чем в устном, а в официальном общении – строже, чем в неофициальном.

Некоторые исследователи говорят о Ж.н., включая её в состав Стилистических норм (см.). «Стилистические нормы имеют более свободный характер, чем общеязыковые. Правда, свобода эта относительна. Степень допустимости отхода от сложившихся правил организации речи меняется в зависимости от того, какое место – центральное (наиболее близкое к специфике данного функционального стиля) или периферийное, «межстилевое» – занимает данное высказывание (текст) и какие функционально-стилистические категории и стилевые черты при этом реализуются. В случае если текст тяготеет к центру функционального стиля, нормы строже и определённые, к периферии – свободнее, вариативнее» [Стилистический... 2005: 434–435].

Кв. Кожевникова выделяет три класса текстов, типизированных с жанрово-коммуникативной точки зрения (по сути, РЖ), в зависимости от степени жёсткости типизации: 1) тексты, которые строятся в соответствии с более или менее жёсткими, но всегда обязательными информативными моделями (напр., кулинарный рецепт, инструкция, театральная афиша); 2) тексты, содержание которых строится по узואльным информативным моделям, т.е. моделям, носящим довольно общий характер (напр., газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение); 3) тексты нерегламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанра и коммуникативной сферы (частная переписка, большинство жанров художественных произведений) [Кожевникова 1979: 53–54].

Несмотря на то, что в ряде случаев Ж.н. представляются достаточно жёсткими, они могут изменяться. Так, время от времени трансформируются стандарты оформления документов, библиографического описания и т.п. Претерпевают изменения и относительно свободные Ж.н., которые, к примеру, относятся к литературно-художественным или публицистическим жанрам. Это происходит, в первую очередь, из-за постоянных изменений экстралингвистической ситуации. В частности, развитие средств и каналов коммуникации, увеличение информационного потока привело к необходимости создавать тексты, во-первых, более компактные, а во-вторых, с вкраплениями элементов небуквенных семиотических систем, облегчающих восприятие.

Таким образом, Ж.н., с одной стороны, существенно облегчают работу над текстом автору, предоставляя ему определённый шаблон (схему), а с другой стороны, – помогают в восприятии речевого произведения его адресату.

Лит.: Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010; Долинин К.А. Стилистика французского языка. М., 1987; Кожевникова Кв. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003, 2007; **Русский язык и культура речи:** учебник для студентов-нефилологов / под ред. О.Б. Сиротининой. М., 2003; **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2005.

А.В. Щербаков

ЖАНРОВЕДЕНИЕ, или **ГЕНРИСТИКА**, – лингвистическая дисциплина, изучающая Речевые жанры (см.). Ж. активно развивается в нашей стране в последние десятилетия, начиная с публикации в 1979 г. ставшей сегодня классической работы М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров». В работах В.В. Дементьева, В.Е. Гольдина, К.Ф. Седова, Т.В. Шмелёвой, К.А. Долинина, М.Н. Кожинной, М.Ю. Федосюка и других учёных даются различные варианты понимания РЖ, предлагаются основания для типологий РЖ, рассматриваются общие теоретические проблемы Ж., а также предпринимаются попытки описания как отдельных жанров, так и целых групп жанров, как правило, устного бытового общения.

По известному определению М.М. Бахтина, РЖ – это «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1996: 165]. Под высказыванием М.М. Бахтин понимал единицу речевого общения, границы которой определяются сменой речевых субъектов – первой конститутивной особенностью высказывания. Вторая особенность – специфическая завершённость высказывания. «Эта завершённая целостность высказывания, обеспечивающая возможность ответа (или ответного понимания), определяется тремя моментами (или факторами), неразрывно связанными в органическом целом высказывания: 1) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего; 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения» [Бахтин 1996: 182]. М.М. Бахтин придавал огромное значение изучению РЖ, поскольку «говорящему даны не только обязательные для него формы общенародного языка (словарный состав и грамматический строй), но и обязательные для него формы высказывания, т.е. речевые жанры; эти последние так же необходимы для взаимного понимания, как и формы языка. Речевые жанры, по сравнению с формами языка, гораздо более изменчивы, гибки, пластичны, но для говорящего индивидуума они имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» [Бахтин 1996: 187]. При этом высказывания, а вместе с этим и жанры как их типы, М.М. Бахтин понимал крайне широко, относя к ним и однословную реплику, и большой роман. Он же ввёл понятие первичных (простых) и вторичных (сложных) РЖ, к первым относя «жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения», а ко вторым жанры, возникающие «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного). В процессе своего формирования вторичные жанры вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры» [Бахтин 1996: 162].

Актуальными проблемами современного Ж. можно считать «1) параметризацию жанровых форм и установление системных отношений между параметрами, 2) создание классификаций и многоаспектной типологии жанров, 3) уточнение главных оппозиций в системе терминов жанроведения, 4) структуризацию жанроведческих понятий в системе общелингвистических концептов и 5) исследование жанровых форм в историческом аспекте» [Гольдин 1999: 4].

В.В. Дементьев разводит понятия «генристика» и «Ж.». В своей работе [Дементьев 2010] он предлагает выделять следующие направления в теории РЖ: лингвистическое и прагматическое. Первое направление основное внимание уделяет синтактике и семантике РЖ, а второе – его прагматике. В синтактике РЖ активно используются достижения лингвистики текста, в которой РЖ обычно понимается как системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединённых по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом. Данное направление рассматривает в основном «горизонтальные» и «вертикальные» модели организации дискурса, что способствует более глубокому осмыслению синтактики РЖ.

Концепции, объединяемые В.В. Дементьевым в условную группу «семантического изучения речевых жанров», имеют целью анализ семантики РЖ, при этом все они имеют целью (хотя бы промежуточной) анализ лексики. Расходятся они в основном в том, сколько существует жанров, какие типические речевые формы следует, а какие не следует считать РЖ. К работам данного направления относят, напр., модели описания РЖ при помощи семантических примитивов А. Вежбицкой [Вежбицка 1997], а также «модель речевого жанра» Т.В. Шмелёвой [Шмелёва 1997].

Генристика во многом опирается на методологию и терминологию теории речевых актов. В генристике РЖ понимаются как модели инвариантно-вариантного типа и изучаются через призму синтагматических и парадигматических отношений системы. РЖ рассматриваются в основном с точки зрения говорящего, его интенций.

Второе направление теории РЖ – Ж., которое В.В. Дементьев обозначает как прагматическое изучение РЖ, – исходит из диалогической природы РЖ. Понимание жанра в рамках данного направления определяется прагматическим подходом, РЖ рассматриваются как явления, принципиально противопоставленные языковым, а собственно языковым средствам отводится второстепенная роль.

Главные различия лингвистического и прагматического изучения РЖ В.В. Дементьев видит в ориентации на монолог или диалог; ориентации на логику, грамматику или на психологию (ориентация на взаимодействие, помещённое в социально-культурные условия конкретной ситуации) и социологию [Дементьев 2010]. Вместе с тем, оба эти направления едины, возможен их синтез на основе общей коммуникативной природы РЖ и языка, представления о том, что жанры – средство формализации социального взаимодействия.

Лит.: Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Собрание сочинений: в 5 тт. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. М., 1996; Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. ст. Саратов, 1997; Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи: сб. ст. Саратов, 1999; Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Русский язык и культура речи: учебник для студентов-нефилологов / под ред. О.Б. Сиротининой. М., 2003; Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи: сб. ст. Саратов, 1999; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2005; Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. ст. Саратов, 1997; Щербаков А.В. Речевой жанр и смежные понятия // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9 / отв. ред. М.П. Котюрова. Пермь, 2005.

А.В. Щербаков

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. СМ. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ЖАНРЫ НАУЧНОЙ РЕЧИ – исторически сложившиеся устойчивые типы произведений научной литературы, обладающие функционально-стилевой спецификой и стереотипной композиционной структурой.

Ж.н.р. подразделяются на жанры со свободной, или «мягкой», структурой: статьи, монографии, рецензии, тезисы и др., и жанры с жёстко фиксированной структурой: патенты, авторские заявки, стандарты и др.

Монография (см.) обычно посвящена многоаспектному рассмотрению и решению актуальной научной проблемы. Она характеризуется разветвлённой композиционно-содержательной структурой, целостность которой обеспечивается не только тематическим единством, но и периферийными текстами: аннотацией, предисловием, заключением, библиографическим списком, оглавлением.

Статья обладает более простой композицией и меньшим объёмом (см. Научная статья). Выделяются следующие виды научных статей: 1) проблемно-постановочная статья; 2) статья-краткое сообщение о результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; 3) собственно научная (научно-техническая) статья; 4) историко-научная обзорная статья; 5) дискуссионная/полемика статья; 6) научно-популярная статья; 7) рекламная статья.

Тезисы (см.) – краткое изложение содержания научного исследования в виде основных, сжато сформулированных положений. Общей нормой стиля тезисов является высокая предметно-логическая плотность содержания при коммуникативной доступности. Нарушение этой нормы приводит к следующим погрешностям стиля: 1) чрезмерной усложнённости фразы, затрудняющей вос-

приятие содержания; 2) содержательной неполноте фразы; 3) чрезмерному дроблению фраз «ради простоты».

Учебник (учебное пособие) – учебно-научное сочинение, излагающее основы той или иной науки и предназначенное для целей обучения. Поскольку в учебнике представлено устоявшееся научное знание, изложение в нём, как правило, не носит проблемного характера и полемической заострённости.

Научная Рецензия (см.) выполняет функции оценки и осмысления какого-л. научного труда. От собственно научных Ж.н.р. рецензия отличается максимальным проявлением личностного начала, что ведёт к использованию различных языковых единиц, индивидуализирующих изложение.

Реферат (см.) представляет содержание первичного научного текста, сохраняя его структурные элементы (заглавие, композицию, некоторые рисунки и др.). Разновидностью реферата является Автореферат диссертации (см.), информирующий о результатах проведённого исследования и содержащий данные, по которым можно судить об уровне диссертации и научной квалификации автора. Автореферат диссертации имеет силу официального юридического документа, без которого диссертация не может быть допущена к защите. Автореферат диссертации состоит из трёх частей: заголовочной, собственно реферативной и справочной. Собственно реферативная часть содержит общую характеристику диссертации, основные положения глав и параграфов, а также обобщённое заключение. Общая характеристика диссертации включает следующие рубрики: актуальность темы, научная проблема (задача), цель исследования, результаты исследования, методы, материал, условия исследования, научная новизна, теоретическая значимость, практическая ценность, апробация работы, структура и объём диссертации. В автореферате диссертации важно показать, как были получены результаты, изложить суть использованных методов, привести данные об их точности и трудоёмкости, описать условия и основные этапы эксперимента. В заключении целесообразно дать обобщённую оценку проделанной работы, отметить главный смысл исследования, поставить перспективные научные задачи в связи с проведённым исследованием и наметить возможные пути их решения. Заключение, составленное по такому плану, дополнит характеристику теоретической значимости диссертации, а также продемонстрирует профессиональную зрелость автора.

Следование структурно-языковым, функционально-стилевым и жанровым нормам научного текста обеспечивает создание стилистически полноценного произведения, что способствует эффективной коммуникации в сфере науки.

Лит.: Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов: АДД. Екатеринбург, 2001; Ванников Ю.В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности. М., 1985; Васильева А.Н. Основы культуры речи. М., 1990; Демидова А.К. Пособие по русскому языку. Научный стиль. М., 1991; Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М., 2008; Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М., 1999; Шурыгина И.Л. Жанры научной литературы М., 1986.

Е.А. Баженова

ЖА́НРЫ ОБИХО́ДНО-РАЗГОВО́РНОЙ РЕ́ЧИ. См. РАЗГОВОРНАЯ БЕСЕДА, СЕМЕЙНАЯ БЕСЕДА

ЖА́НРЫ ОФИЦИА́ЛЬНО-ДЕЛОВО́ГО СТИ́ЛЯ – «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы» произведений (М.М. Бахтин), функционирующие в сфере права: законодательства, управления, меж- и внутригосударственных отношений. Жанры этой сферы складываются исторически, и их стилистические различия выражены явно и определённо.

Новые реалии, иная ситуация в России конца XX в. предопределили изменения канонов и содержания жанров профессионального общения. Сегодня активно обновляются жанровые стандарты деловой речи: одни жанры замещаются другими, некоторые трансформируются, взаимодействуют, синтезируются. Изменяются и активно развиваются коммерческие, административные и др. жанры не только письменной, но и устной речи.

Ж.о.-д.с. создаются в сфере, где основным стилеобразующим экстралингвистическим фактором выступает право как форма общественного сознания с соответствующим ему – регулятивным – видом деятельности. Правовое регулирование общественных отношений осуществляется в двух направлениях – внутригосударственном и межгосударственном (дипломатическом), первое происходит в трёх областях – законодательной, юрисдикционной и административной. В каждой из этих облас-

тей осуществляются три разновидности деятельности: предписание, ходатайство и осведомление, поэтому тексты подстилей – внутригосударственные (законодательные, юрисдикционные, административные) и межгосударственные (дипломатические) – можно разделить на три группы – предписывающие, ходатайствующие и осведомляющие (см. таблицу).

Количество Ж.о.-д.с. многообразно, трудно обозримо и требует систематизации. Учитывая четыре группы текстов (подстилей) и их основные функции – предписания, ходатайства, информирования – все жанры можно свести в единую систему (см. табл., отражающую и формы речи (письменная и устная)), в которой функционируют те или иные жанры.

При реализации того или иного вида деятельности, в соответствии с коммуникативной установкой, функцией документа создаются тексты, в которых такие стилевые черты официально-деловой речи, как её предписующе-долженствующий характер, точность, не допускающая инотолкования, стандартизованность, неличность, официальность и безэмоциональность изложения, проявляются неодинаково.

На выражение этих черт оказывает влияние ещё один фактор – адресат. Так, в законодательных текстах-предписаниях, устанавливающих нормы жизни в государстве, адресат представлен предельно обобщённо: государственными нормами должны руководствоваться все граждане. Императив в этих жанрах особенно строг, представлен развёрнуто и обобщённо, поскольку определяет норму поведения в обществе, систему обязательств; в целом таким текстам в наивысшей степени свойствен и неличный характер речи. Тем самым предписание осуществляется как обязывание, запрет и разрешение определённых действий; указание на юридическую ответственность, наступающую при тех или иных обстоятельствах и условиях.

Сфера влияния юрисдикционных императивных текстов уже: она распространяется лишь на отдельные органы исполнения власти, должностных лиц и граждан, отсюда – документы содержат предписания по применению юридических санкций, т.е. к совершению лишь некоторых конкретных действий (а не нормы вообще).

Административные предписания определяют применение правовых норм в конкретных жизненных ситуациях (гражданских, уголовных и арбитражных делах), императивность в них смягчена за счёт более личного изложения. Деятельность по предписанию в административной сфере может осуществляться как требование выполнения тем или иным должностным лицом необходимых действий, как установление порядка и способа их выполнения и т.д.

Жанры официально-делового стиля				
Функции				
Под-стили	Формы речи	Предписание	Ходатайство	Осведомление
Законодательный	Письменная	Законы, решения, нормативные акты, указы, постановления, вторичные жанры (инструкция, разъяснительное письмо, консультация, постановки и оперативный комментарий)		
	Устная		Апеллирующие парламентские речи	Парламентские речи, прения
Юрисдикционный	Письменная	Обвинительные заключения, приговоры, определения, судебные решения, постановления об аресте, обыске	Кассационные жалобы, кассационные протесты, поручения, подписки, обязательства	Процессуальные акты, протоколы
	Устная		Судебные речи, беседы на приеме граждан и др.	Опросы, допросы, показания, очная ставка

Административный	Письменная	Приказы, решения, уставы, постановления, инструкции, служебные циркулярные письма, факсы и телеграммы директивного характера, договоры, контракты, трудовые соглашения, представления, заявки, контракты (торговые), договоры страхования (жизни, имущества и др.)	Петиции; исковые, личные заявления, объяснительные записки, рекомендательные письма, факсы и телеграммы ходатайствующего характера, заявки, завещания, коммерческие письма типа оферты и претензии	Автобиографии, докладные записки, личные листки по учёту кадров, резюме, коммерческие письма, банковские документы, акты, бухгалтерские документы (ордера, отчёты, квитанции, счета, реестры, ведомости, регистры, журналы-ордера, кассовые книги, калькуляции (сметы)), календарные планы, авансовые отчёты, карточки учёта материальных ценностей), товаросопроводительная документы, страховые полисы и др.
	Устная	Распоряжения, переданные лично или опосредованно (по телефону)	Речи-представления, аукционы, выступления-предложения, просьбы	Коммерческие переговоры, речи на приёмах и презентациях, торги, выступления и доклады на собраниях, телефонные разговоры, прения
Дипломатический	Письменная	Договоры, соглашения, конвенции, пакты, декларации, ультиматумы, вербальные ноты, протоколы	Личные ноты	
	Устная			Коммюнике, совместные заявления, совместные коммюнике, меморандумы

Жанры, содержащие ходатайства, наряду с императивностью, могут обладать личностным характером изложения, поскольку в этих документах отражаются отношения между администрацией и отдельными гражданами. При этом в жалобах, напоминаниях, просьбах, протестах, судебных речах, нотах и др. жанрах различна степень категоричности речи: от мягкости, деликатности до настойчивости, требовательности, жёсткости. Кроме того, апеллирующие парламентские речи, судебные речи, коммерческие и рекомендательные письма, презентации и др., должны обладать речевой выразительностью и богатством языковых средств с целью оказать определённое воздействие на слушателя/читателя. Ходатайство, обращённое к компетентным органам, структурам, должностным лицам, осуществляется как просьба, жалоба, претензия, предупреждение, напоминание, опровержение, запрос, предложение и т.д. в форме официального обращения. В текстах-ходатайствах особенно важно также соблюдать нормы речевого этикета, сложившиеся в российском деловом общении. В парламентских речах, переговорах и т.п. текстах уместны деликатность, терпимость, сниженная категоричность, в т.ч. благодаря эвфемизации речи.

Жанрам осведомляющего характера свойственна констатация, фиксирующая состояние дел в определённой области (протоколы, акты, справки, отчёты, показания, автобиографии, сертификаты, полисы и др.). Осведомление осуществляется как констатация, удостоверение, описание, перечисление и т.д.

Тот или иной устный или письменный текст определённого жанра отражает стандартную ситуацию официально-делового общения. Так, в ситуации, в которой необходимо представить условия и обстоятельства, влекущие за собой юридическую ответственность, востребован жанр закона; в ситуации, когда следует обратиться к кому-л. с просьбой, жалобой, – жанр заявления. В случае поручения кому-л. определённых действий, передачи определённых прав, составляется доверенность. В случае подтверждения факта получения, передачи чего-л. кому-л. – расписка и т.д. Таким образом, исходя из коммуникативной потребности, автор выбирает жанр, оптимально подходящий для её реализации, и составляет текст, следуя установленному образцу.

Отличительной чертой Ж.о.-д.с. является стандартная форма с устойчивым набором и последовательностью реквизитов (совокупностью формальных элементов документа), которые специально регламентируются. Жанровая форма юрисдикционных документов задаётся законодательством (гражданским или уголовным кодексом), форма административных жанров – ГОСТами. Этот набор реквизитов передаётся регламентированными языковыми средствами, что приводит к использованию устойчивых, клишированных выражений и синтаксических конструкций, проверенных многолетней практикой. Такая стандартизированность текста особенно характерна для административных жанров.

Многие Ж.о.-д.с. находятся в «зоне влияния» других функциональных стилей: научного, публицистического, разговорного (см., напр., тексты судебных речей, протоколов допроса или осмотра места происшествия, акты судебных медэкспертиз, рекламные письма, переговоры, презентации, служебные телефонные разговоры, коммюнике). Поэтому в них проявляются дополнительно такие признаки других стилей, как оценочность (правовая), подчеркнутая логичность, эмоциональность и др., что не следует квалифицировать как нарушение культурно-речевых норм. Напр., жанр судебных речей кроме логичности и точности, свойственных официально-деловому стилю, требует еще и некоторой доли экспрессивности (эмоциональности, образности).

По отношению к официально-деловым текстам обязательными остаются требования нормированности речи как базового коммуникативного качества, а также обеспечения в них точности, логичности, чистоты, ясности, уместности высказывания. Вместе с тем в реально функционирующих жанрах деловой речи встречаются, к сожалению, ошибки, связанные как с несоблюдением жанровых форм, так и с отступлением от норм литературной речи, чего следует избегать. Вот примеры нарушений речевых норм из текста уголовного кодекса 1997 г.: *Убийство, то есть причинение смерти другому человеку...; обязан был иметь заботу о ком-то; невиновное причинение вреда; ... с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста....*

Лит.: Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи: риторический аспект: КД. Краснодар, 2000; Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика. М., 2008; Веселов П.В. Как составить служебный документ. М., 1982; Губаева Т.В. Практический курс русского языка для юристов. Казань, 1990; Дускаева Л.Р. Стилистические особенности актов прокурорского реагирования // Вестник Пермского гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. № 5; Дускаева Л.Р. Речи судьи в суде с участием присяжных: жанрово-стилистический аспект // Мысль. Слово. Текст. СПб., 2011; Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Жанровая дифференциация юрисдикционной речи // Слово есть дело. СПб., 2009; Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Жанры официально-деловой речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин. М., 2003; Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистика официально-деловой речи. М., 2003; Зубарев В.С., Крысин Л.П., Статкус В.Ф. Язык и стиль обвинительного заключения. М., 1976; Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997; Кирсанова М.В., Анодина Н.Н., Аксёнов Ю.М. Деловая переписка. М.; Новосибирск, 2001; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977, 1983, 1993; Колтунова М.В. Язык и деловое общение. М., 2000; Культура русской речи: учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1997; Русский язык делового общения. Воронеж, 1995; Шварцкопф Б.С. Официально-деловой стиль // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979; Ширинкина М.А. Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: КД. Пермь, 2001; Шугрина Е.С. Техника юридического письма. М., 2000.

Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова

ЖА́НРЫ ПИА́Р-КОММУНИКА́ЦИИ (от англ. PR – public relations – ‘связи с общественностью’) – тексты особого типа, функционирующие в сфере публичных коммуникаций: процессе информационного взаимодействия базисного субъекта PR (государства, коммерческих и иных общественных структур) и его целевой аудитории. Ж.п.-к. обладают специфической формой организации текстового материала и характеризуются общностью содержательных, композиционных и лингвостилистических признаков. Основные факторы образования жанра для PR-текста такие: целеустановка, предмет отображения, метод отображения, функции и лингвостилистические средства. Основные цели PR-текстов разных типов: информирование, создание и поддержание оптимальной коммуникационной среды, – достигаются через описание предметов; установление причинно-следственных связей событий и процессов. Любое обращение с PR-информацией в публичной коммуникации – заранее продуманное послание, в котором предусматриваются, прогнозируются последствия введения информации.

В настоящий момент исследователи при характеристике текстов PR-коммуникации обычно выделяют следующие жанры: оперативно-новостные, исследовательские, исследовательско-новостные, образно-новостные, фактологические (см. работы А.Д. Кривоносова, Н.Е. Пивоновой, С.Н. Должиковой, И.О. Морозовой). К оперативно-новостным жанрам относят пресс-релиз и приглашение. К исследовательско-новостным – бэкграундер, лист вопросов-ответов, имиджевое интервью. К образно-новостным – байлайнер, поздравление, письмо. К фактологическим – факт-лист, биографию, некролог. К исследовательским – заявление для СМИ.

Оперативно-новостные жанры оперативно передают новостную информацию, предметом которой является какая-л. персона или событие, касающееся той или иной общественной структуры. Основные жанровые признаки: актуальность, оперативность, релевантность, фактологичность, своевременная подача материала, лаконизм. Оперативно-новостной жанр **пресс-релиз** представляет собой сообщение, содержащее предназначенную для прессы новостную информацию о событии, касающемся базисного субъекта PR и передаваемом для публикации в СМИ. **Приглашение** – это текст, содержащий новостную информацию о событии в жизни субъекта PR, в котором адресату предлагается принять участие; его основная цель – пригласить.

Исследовательско-новостные жанры сообщают неоперативную, но актуальную информацию и предполагают анализ событий. Основные жанровые признаки: фактологичность, релевантность, полнота, аналитичность. Жанр **бэкграундера** представляет собой PR-материал для СМИ, содержащий информацию об организации, истории её создания, развития, профиле, продуктах и услугах. **Лист вопросов-ответов** – жанровая разновидность, позволяющая в форме ответов на возможные или наиболее часто задаваемые вопросы поддерживать публичный капитал субъекта PR; может быть подготовлен для открытой печати, мероприятий, связанных с прессой, корпоративного буклета и т.д. **Имиджевое интервью** – текст беседы с первым лицом организации, способствующий формированию/приращению публичного капитала базисного PR-субъекта.

В образно-новостных жанрах информация о новостном событии излагается от имени конкретного лица; PR-тексты этого жанра подписываются (в т.ч. и мнимо) первым должностным лицом базисного субъекта PR и/или распространяются от его лица. Основные жанровые признаки: фактологичность, релевантность, полнота и экспрессивность. Образно-новостной жанр **байлайнер** – это PR-текст от имени первого лица, связанный с каким-л. событием или темой; авторская, или именная статья, поддерживающая через авторитетный текст от имени первого лица организации её статус и публичный капитал. **Поздравление** – жанр PR-текста, представляющий собой поздравление со знаменательным в жизни адресата событием; направляется целевой аудитории от должностного лица или коллегиального органа базисного субъекта PR. **Письмо** – текст, направляемый от имени первого лица организации узкой целевой группе и представляющий собой обращение, посвящённое новостному событию в жизни организации или комментарию ситуации, действий руководства; целевая группа в тексте письма конкретна и всегда именуется.

Фактологические жанры содержат дополнительную по отношению к новостному событию информацию из реальной деятельности базисного субъекта PR (в виде суммы фактов). Основные жанровые признаки: фактологичность, релевантность, полнота. **Факт-лист** как жанр представляет собой короткий документ, отражающий профиль организации и содержащий справочные данные о ней, её товарах и услугах. **Биография** – жанр, дающий опорную фактическую информацию биографического характера о должностном лице базисного субъекта PR или социально значимой персоне. **Некролог** – официальное уведомление организации о смерти своего сотрудника.

Исследовательские жанры содержат анализ события или ситуации, касающихся организации; предполагают наличие элементов логически-рационального анализа фактов, многоканальность источников информации, лингвистические элементы научного стиля. Основные жанровые признаки: фактологичность, релевантность, полнота, экспрессивность (факультативно). Исследовательский жанр **заявление для СМИ** – это PR-текст, объявляющий и/или объясняющий позицию базисного субъекта PR по какому-л. вопросу или реакцию на событие с целью поддержания его публичного капитала (коммерческой привлекательности).

Функции Ж.п.-к.: информационная, воздействующая, функция конструирования публичного дискурса, познавательная. Основная функция Ж.п.-к. – информативная – определяет такие жанрообразующие признаки PR-текстов, как официальность, документальность, фактологичность, объективность, содержательность. Воздействующая функция определяет наличие выразительности, побудительности, оценочности и эмоциональности. Целеустановка на оптимизированную оценку предметов отображения – одно из основных свойств Ж.п.-к.

Лит.: Гундарин М. Книга руководителя отдела PR. Практические рекомендации. СПб., 2006; Должикова С.Н., Морозова И.О. Стилеобразующие признаки корпуса PR-текстов. URL: www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.2/1121/dolzhikova2_2011_2.pdf; Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2002; Патюкова Р.В. Сопоставительный анализ понятий публичной и политической коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Философия. Искусствоведение. Челябинск, 2009. Вып. 36. № 34 (172); Пивонова Н.Е. Жанры PR-текстов. Лекция 9 // Речевые и письменные коммуникации, 2008. URL: www.pivonina.spb.ru/rechpism/rechpism_lecture9.html.

А.Н. Смолина

ЖАНЫРЫ ПУБЛИЦИСТИКИ – формы текстов публицистической сферы, характеризующиеся устойчивыми чертами, зависящими от специфики реализуемого замысла, типом представления содержания адресату, наличием или отсутствием отличительных композиционно-речевых признаков.

Ж.п. выделяются по тематическому, интенциональному (в зависимости от авторского намерения – интенции) и даже формальному признаку (напр., объём или расположение на газетной полосе). К примеру, в самом названии жанра «передовая статья» уже содержится указание на его расположение в газете – первая полоса.

Современные исследователи при определении жанровых признаков опираются на практику, т.к. публицистические тексты не могут рассматриваться вне принципа целостности издания (газеты, радио- или телеканала и т.д.). Кроме того, это облегчает деятельность автора, позволяя более чётко определить, какая информация и в каком объёме потребуется для работы, текст какого жанра может получиться. Ж.п. облегчают и деятельность адресата, потому что предупреждают его, какие ожидания могут быть удовлетворены, а каких требований предъявлять к тексту не следует.

Некоторые исследователи выделяют пять групп Ж.п.: 1) оперативно-новостные (заметка во всех её разновидностях); 2) оперативно-исследовательские (интервью, репортажи, отчёты); 3) исследовательско-новостные (корреспонденция, комментарий (колонка), рецензия); 4) исследовательские (статья, письмо, обозрение); 5) исследовательско-образные (художественно-публицистические) – очерк, эссе, фельетон, памфлет [Основы творческой деятельности журналиста 2006: 139].

Традиционной является трёхчастная классификация Ж.п.

К **информационным жанрам** можно отнести заметку, корреспонденцию, репортаж, информационное интервью, зарисовку и нек. др. Это тексты небольшого или среднего объёма, отражающие один факт, одно событие, одну ситуацию. Часть из них допускает стандартное оформление, совсем или почти без экспрессивных композиционно-языковых средств. Другие (репортаж, зарисовка) требуют определённой стилистической отделки. Однако и в этих жанрах на первом плане стоит задача передать информацию.

Аналитические жанры (статья, эссе, аналитическое интервью, беседа, аналитическая корреспонденция, рецензия) не только передают читателю в той или иной степени актуальную информацию, но и анализируют её, обобщая факты, выявляя закономерности развития событий и процессов. Это тексты среднего и большого объёма, в них увеличивается количество и разнородность фактического материала, призванного аргументировать подробно разработанную авторскую концепцию той или иной общественной проблемы.

Художественно-публицистические жанры (очерк, фельетон, памфлет и нек. др.) передают актуальную информацию в эмоциональной, образной форме.

В текстах информационных жанров могут сочетаться элементы собственно публицистические, официально-деловые (напр., в жанре отчёта), разговорные и нек. др. В аналитических и художественно-публицистических жанрах господствующее положение занимают, соответственно, элементы публицистического и художественного стилей с целью воздействия не только на интеллектуальную, но и на эмоциональную сферу адресата.

По типу представления содержания Ж.п. можно разделить на монологические и диалогические. В монологических текстах (заметка, репортаж, зарисовка, статья, эссе, очерк, фельетон, памфлет и т.п.) автор передаёт информацию непосредственно читателю (радиослушателю, телезрителю). В диалогических жанрах (интервью, беседа, анкета и др.) двое или более носителей информации обмениваются ею друг с другом и в форме такого обмена передают сведения третьей стороне – читателю.

В ряде отечественных источников (см., напр., [Культура русской речи... 2003]) в качестве отдельных групп жанров выделяются юмористические, сатирические, комические и т.п. Очевидно, что

в такой ситуации требуется установление иерархии жанровых групп. Если же вписывать данные группы в самую распространённую классификацию, включающую информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры, то, скорее всего, и комические, и сатирические жанры следует отнести к группе художественно-публицистических. Вопрос же, касающийся «места» отдельных жанров (напр., сатирической заметки, комментария, интервью и т.п.) остаётся открытым. Определить, к какой группе (информационной или художественно-публицистической, информационной или аналитической, аналитической или художественно-публицистической) следует отнести тот или иной текст, оказывается действием крайне сложным. У перечисленных и нек. других жанров могут быть и информационные, и аналитические модификации.

Ж.п. взаимодействуют друг с другом, обогащают друг друга, что является следствием подвижности данной жанровой подсистемы. «Откликаясь на перемены в обществе, система жанров журналистики перестраивается, переживает смену лидера. Так, если в 70-е гг. лидировал очерк, который оказал большое влияние на статью, интервью, рецензию, значительно усилив в них изобразительность письма, то во второй половине 80-х гг. на первый план вышли интервью и статья, и теперь уже очерк стал включать в себя фрагменты интервью, получившего, наряду с обычными, и характерологическую функцию. Кроме того, жанры журналистики взаимодействуют с жанрами других функциональных стилей, что ещё больше обогащает запас выразительных средств публицистики» [Культура русской речи... 2003: 184–185]. «Процесс размывания жанровых границ приводит <... > к образованию гибридных жанровых форм (напр., очерк-расследование)» [Ким 2004: 12].

Подвижность системы Ж.п. проявляется в образовании новых жанров; в смешении жанров; в трансформации существующих жанров. Современный публицистический текст, как правило, включает в себя несколько жанровых форм. Так, статья (аналитический жанр) обычно сопровождается справочными сведениями о проблеме или действующих лицах (информационный жанр), комментариями экспертов (аналитический жанр), мнениями читателей и т.д. Самым ярким проявлением смешения жанров являются публикации в Интернете, когда исходный (базовый) текст не только содержит вкрапления элементов других жанров, но и сопровождается комментариями читателей, экспертов, содержит ссылки на другие тексты и т.п.

Классификация Ж.п. может строиться и по полевому принципу. В центре поля находятся традиционно выделяемые и не подвергающиеся серьёзным изменениям жанры, в периферийной зоне – жанры новые и трансформированные. Часть жанров (в настоящее время это, напр., сатирические жанры) из области периферии может сдвигаться к ядру при изменении ряда экстралингвистических параметров.

Лит.: Ким М.Н. Жанры современной журналистики. СПб., 2004; *Культура русской речи:* Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Лазарева Э.А. Газета как текст: АДД. Екатеринбург, 1994; *Основы творческой деятельности журналиста.* М., 2000; Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М., 2002; Щербаков А.В. Полевая организация системы публицистических жанров // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: труды междунар. науч.-практ. конф. Кемерово, 2008.

А.В. Щербаков

ЖА́НРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУ́РЫ – это понятие в качестве литературоведческого термина введено во Франции в XVI в. для обозначения поэтических **рода** и **вида**, намеченных в поэтике Аристотеля. Буало и Сумароков трактуют термин «жанр» (фр. *genre* – ‘род, вид’) с позиций классицизма. Несмотря на различия в толковании термина, под «жанром» обычно понимают повторяющиеся во многих произведениях на протяжении истории развития литературы единство композиционной структуры, обусловленной своеобразием отражаемых явлений действительности и характером отношения к ним художника.

На рубеже XVIII – XIX вв. происходит смена **канонических** жанров (автор сознательно ориентируется на произведения предшественников, отразившие неизменные прообразы), **неканоническими**. В эту эпоху актуализируются такие структуры, как роман, романтическая поэма, рассказ в стихах и др. Здесь «порождающая модель» определённого, продолжающего традицию произведения не была тождественна структурной основе произведения-образца. Специалистам приходится признать, что в литературе XIX века жанров либо вовсе нет, либо нет «в строгом смысле». Кризис жанрологии относят к 1920-м годам, к эпохе русского формализма (Ю. Тынянов, В. Шкловский). Основной аргумент

Тынянова – признаки, отличающие один исторический вариант жанра от других гораздо существеннее, чем конструктивные свойства жанра, а потому невозможно «изучение изолированных жанров вне знаков той жанровой системы, с которой они соотносятся», т.е. исторический роман Л. Толстого и исторический роман Загоскина соотносятся друг с другом менее, чем роман Толстого с прозой его времени.

В литературоведении единого понимания жанра не существует, одни связывают его с **литературными родами** (эпос, лирика, драма), другие – с **литературными видами**, на которые делится род (роман, повесть, рассказ и т.п.). Литературный род – наиболее устойчивая категория литературоведения, используется для обозначения группы жанров, обладающих сходными структурными признаками и, одновременно, служит для выявления основных и как бы «естественных» возможностей словесно-художественного творчества, дифференциации «надисторических» инвариантов структуры литературного произведения. Род проявляется через вид или жанр. В термине «жанр» содержится и понятие о «жанровой форме», т.е. об особенностях идейно-эмоциональной трактовки изображаемого в пределах одного вида (пасторальный, утопический, научно-фантастический, детективный, семейно-бытовой роман и т.д.). В 1960-е гг. Цв. Тодоров предложил выделять **исторические жанры и теоретические жанры**, наши школьные представления о жанрах связаны с историческими, теоретические жанры – плод чистой дедукции, их примеры находим в античных поэтиках. Сегодня есть точка зрения, что категория «жанр» вообще не актуальна, её заменяет понятие «**синтетической конструкции**», когда различия между родом и жанром признаются как бы несущественными, поскольку «эпическое», «драматическое» и «лирическое» суть универсальные «начала», выступающие в комплексе и присутствующие в любом жанре, но в различных сочетаниях и пропорциях, так балладу, рассказ в стихах и романтическую поэму называют «лироэпическими» жанрами (Э. Штайгер).

В современной науке выделяют несколько подходов к категории жанра. Во-первых, жанр предстаёт в неразрывной связи с жизненной ситуацией, в которой он функционирует, с различного рода ритуалами, что акцентирует установку на аудиторию, объём произведения, его стилистическую тональность, устойчивую тематику и композицию. Этот подход находит основания в поэтиках и риториках древности, откуда перешёл в научное изучение канонических жанров (А. Веселовский, Ю. Тынянов). Во-вторых, в литературном жанре видят картину или образ мира, отразившие определённое мирозерцание – традиционно-общее или индивидуально-авторское. Такое понимание, берущее основание в поэтике романтизма, переходит к мифопоэтике XX в. (теория жанра О. Фрейдберг), в теорию жанра как «содержательной формы» (Г. Гачев), оборачивается разграничением «жанрового содержания» и «жанровой формы» (Г. Пospelов). В-третьих, на почве трагедии от Аристотеля до Шиллера и Ницше формируется предсказание об особом аспекте структуры художественного произведения – границе между эстетической реальностью и внеэстетической действительностью, в которой находится читатель-зритель, о своеобразном пространстве-времени взаимодействия двух миров.

Эта точка зрения нашла отражение в работах М.М. Бахтина. В итоге появилась возможность понять форму целого как результат взаимодействия эстетической активности автора-творца и внеэстетической закономерности сознания и поступка героя, был решён вопрос о внутренней динамике многомерной художественной структуры. Разработанная Бахтиным теория жанра как «трёхмерного конструктивного целого» синтезирует все три подхода, существующие в жанрологии. С точки зрения учёного, жанр определяется исходя из «тематической действительности» и действительности читателя, отсюда два взаимосвязанных определения «типического целого художественного высказывания». В одном случае акцентирована «сложная система средств и способов понимающего овладения действительностью», в другом – определено, что «все разновидности драматических, лирических и эпических жанров» определяются «непосредственной ориентацией слова как факта, точнее, как исторического свершения в окружающей действительности». Оба аспекта объединяются установкой на завершение»: «каждый жанр – особый тип строить и завершать целое». Канонические и неканонические жанры могут расцениваться с позиции идеи «памяти жанра» (Бахтин). Благодаря постоянному воспроизведению структурного инварианта в различных произведениях сохраняется единая смысловая основа жанра, одновременно, благодаря постоянному варьированию этой структуры, происходит обновление смысла.

В современной массовой литературе жанры (детектив, триллер, боевик, мелодрама, фантастика, фэнтези, костюмно-исторический роман и т.д.) характеризуются предсказуемостью тем, приёмов, поворотов сюжета и способов решения конфликта. Принципиально важным оказывается понятие «формульной литературы», т.е. строящейся без оригинальности, отличающейся высокой степенью стандартизации, эскапизмом и развлекательностью. Формула – комбинация или синтез специфических

культурных штампов и более универсальных повествовательных форм, архетипов. Самые известные формулы: «американская мечта», «сказка о Золушке», катастрофа, преступление и его расследование, соблазнение, нашествие инопланетян и т.д.

Лит.: Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957; Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; Буало. Поэтическое искусство. М., 1957; Гачев Г. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М., 1968; Маркевич Г. Основные проблемы науки о литературе. М., 1980; Медведев П. (М.М. Бахтин). Формальный метод в литературоведении. М., 1993; Поспелов Г. Вопросы методологии и поэтики: сб. ст. М., 1983; Тодоров Цв. Введение в фантастическую литературу. М., 1997; Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977; Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997; Чернец Л. Вопросы литературных жанров в работах М.М. Бахтина // Филологические науки. 1980. № 6; Черняк М.А. Базовые понятия массовой литературы: учебный словарь-справочник. СПб., 2009; Теория литературы: В 2 тт. Т. 1. М., 2004; Straiger E. Grundbegriffe der Poetik. 8 Aufl. Zürich und Freiburg, 1968.

Н.В. Ковтун

ЖАРГО́Н (от фр. jargon – букв. ‘наречие, жаргон’, производное от галло-романского *gargone – ‘болтовня’) – особый вид Социолектов (см.), который характеризуется специфическим словарным составом и доминированием таких функций, как идентифицирующая (опознавательная), эмотивная, людическая (игровая). Ж. является средством внутригруппового общения и отражения субкультуры различных социальных общностей; он служит для различения «своих» и «чужих», для противопоставления себя (и себе подобных) остальному обществу. Ж. подразделяются на **классово-прослоечные** (дворян, духовенства, мещан), **профессиональные** (авиаторов, работников какой-л. отрасли промышленности, торговли, медицины и т.п.); **групповые** Ж. относительно устойчивых совокупностей людей, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения (Ж. альпинистов, байкеров, картежников, геймеров и др.); **воинские** (Ж. различных родов и видов войск); **возрастные** (школьный, студенческий и т.п.). Последние три разновидности Ж. тесно взаимодействуют с интержаргонами (молодёжным сленгом, общевоинским сленгом) и другими социолектами. От общенационального, общенародного языка Ж. отличается лишь лексикой и фразеологией, а также нередко особым использованием словообразовательных средств. Напр.: *бабки* – ‘деньги’, *тачка* – ‘автомобиль’, *чувак* – ‘парень’, *стипуха* – ‘стипендия’ и т.д.

Все Ж. характеризуются стремлением дать оригинальное наименование общеизвестным понятиям и представлениям, поэтому лексические единицы Ж. являются стилистическими (обычно сниженными) синонимами слов и словосочетаний общенародного языка: *балабон*, *духарик*, *духарь*, *кадрист*, *приколист*, *сливодёр*, *стебло*, *стебок* – ‘весёлый человек’; *амбал*, *бамбула*, *бивень*, *бизон*, *боец*, *бугай*, *бык*, *гиббон*, *дровосек*, *желобок*, *жлоб*, *квадрат*, *капелька*, *качок*, *кулёк*, *культ*, *культик*, *пузырь*, *рама*, *рама 2х2*, *репа*, *слон*, *сохатый*, *стероид*, *шварц*, *шифоньер*, *шкаф* – ‘культурист’; *законтачить*, *подвалить(ся)*, *подтусоваться*, *пришиться* – ‘присоединиться’ и др. Для лексического состава Ж. характерна многозначность и диффузность значений многих лексем. Напр., прилагательное *железный* может называть понятия ‘надёжный’, ‘ценный’, ‘прекрасный’, ‘верный’ и под.; глагол *зажигать* имеет значения ‘веселиться’, ‘танцевать’, ‘ярко самовыражаться’, ‘играя на музыкальных инструментах, заставляя публику вставать с мест’ и т.д. Всем Ж. свойственна семантическая недостаточность, напр., отсутствие номинаций для многих абстрактных понятий. Это отчасти компенсируется высокой степенью экспрессии, образности, «нацеленности на передачу различного рода оценок», на языковую игру [Ермакова, Земская, Розина 1999: IX–XXVI]. В словарном составе различных Ж. немало наименований, образованных с помощью различного рода экспериментов с фонетическим обликом слова или каламбурного сближения сходнозвучающих слов: *харакири* – ‘кесарево сечение’ (мед.); *гонококи* – ‘сотрудники госнаркоконтроля’ (тамож.); *компхутер*, *контупер* – ‘компьютер’ (комп.); *чмо*, *чмония* – ‘тепловоз серии ЧМЭЗ’ (ж/д). Типичными способами словообразования в современных русских Ж. является переосмысление общеупотребительного слова или словосочетания (*шнурки* – ‘родители’, *рвать когти*, *делать ноги* – ‘быстро убежать’), заимствование (*чувак* – из цыганского, *атас* – из фр., *мани* – из англ.); а также образование слов посредством специфических жаргонных аффиксов и усечения (*кликуха* – ‘кличка, прозвище’; *вокалюга* – ‘певец, участвующий в рок-концерте’; *гетераст* – ‘гитарист, музыкант, играющий на гитаре’; *басюк* – ‘музыкант, играющий на бас-гитаре’; *закусон* – ‘закуска, обычно к алкоголю’, *глиуки* – ‘галлюцинация’, *препод* – ‘преподаватель’ и т.п.) (см. Жаргонизмы).

Некоторые исследователи используют термин Ж. как синоним терминов «сленг», «арго», «социолект», «субстандарт», «нонстандарт» [Береговская 2007: 216], другие сближают его по значению только со сленгом [Арапов 1990; и др.] или только с социолектом [Беликов, Крысин 2001], третьи считают Ж. родовым понятием по отношению к арго и сленгу (см., напр. [Беликова 1992: 7]). Терминологическая путаница объясняется разницей научных подходов к исследованию данного феномена, а также недостаточной упорядоченностью метаязыка лингвистики.

Лит.: Арапов М.В. Жаргон // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., 2001; Беликова Н.В. Функционирование некодифицированной лексики в тексте: АКД. СПб., 1992; Береговская Э.М. О современном состоянии русской социодialeктной лексикографии // Восьмые Поливановские чтения. Ч. 3. Слово в тексте. Лексикография как источник информации для лингвистических исследований. Смоленск, 2007; Бондалетов В.Д. Социолингвистика: учеб. пособие. М., 1987; Быков В. «Русская фея». Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994; Виноградова Н.В. Компьютерный жаргон в аспекте гендер-лингвистических исследований // Исследования по славянским языкам. № 7. Серул, 2002; Грачёв М.А. Толковый словарь русского жаргона: Русский язык от А до Я. М., 2006; Гуц Е.Н. Идеографический словарь жаргонно-просторечной лексики: 1985–2010 гг. Омск, 2010; Дубровина К.Н. Студенческий жаргон // Филологические науки. 1980. № 1; Дубягин Ю.П., Теплицкий Е.А. Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона. М., 1993; Дьячок М.Т. Солдатский быт и солдатское арго // Русистика. Берлин, 1992. №1; Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999; Кёстер-Тома З. Сопоставительное исследование субстандартной лексики восточнославянских языков (на примере школьной лексики) // Русистика. Берлин, 1992. № 2; Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой толковый словарь русского жаргона. СПб., 2001; Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М., 2002; Скворцов Л.И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. М., 1977; Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90 годов). М., 1997; Словарь социолингвистических терминов. М., 2006; Хомяков В.А. Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков // Вопросы языкознания. 1992. № 3.

О.В. Фельде, О.Н. Емельянова

ЖАРГОНИЗМЫ – слова и обороты, входящие в состав какого-л. Жаргона (см.) и при этом широко используемые за его пределами, в общенародной речи, в художественных и публицистических текстах и т.п. Как правило, Ж. являются стилистическими синонимами литературных слов: *наезжать* – ‘преследовать’, *клёвый* – ‘хороший’, *мочить* – ‘убивать, уничтожать’, *облом* – ‘неудача, невезение’, *прикол* – ‘шутка, розыгрыш’ и мн. др. Лексическое значение Ж. осложнено «социальным довеском» [Поливанов 1931], они всегда экспрессивны или оценочны. Особенно много таких лексем появилось на рубеже XX–XXI вв., когда в силу социокультурных, социально-экономических, политических и иных причин существенно усилился процесс жаргонизации русского языка. Ж. составляют более 3 % новой лексики, зафиксированной авторами «Толкового словаря русского языка XXI века» [2007].

В процессе частого употребления в устной речи различных слоев населения, в печатных и электронных СМИ некоторые Ж. утрачивают специфический для них семантико-стилистический характер и переходят в разряд разговорно-сниженной (*беспредел*, *обалдеть*, *застукать* и т.п.), разговорной (*дедовщина*, *лопхнуться* и др.) и просторечной лексики (напр., *косить* – ‘притворяться, симулировать’). Жаргонные по происхождению слова и выражения, проникшие в Литературный язык (см.) называются **жаргоноидами**.

В языке художественных произведений Ж. используются для характеристики речи персонажей и создания необходимого речевого колорита, а также в случаях, когда литературный текст или жанр сознательно подвергается карнавальному переосмыслению. Напр.: *Когда типа кумарит, когда в натуре рвёт баиню от голимых глюков о том, какой, блин, на хазе напряг, – ты один мне в кайф, крутой, отпадный, чисто пацанский русский базар*. В разговорной речи образованных людей Ж. иногда употребляются в процессе языковой игры, с целью самоиронии, а также для намеренного

стилистического снижения речи. Однако следует помнить, что беспорядочное и немотивированное использование Ж. в речи нарушает её чистоту, придаёт речи человека небрежный, грубый характер.

Лит.: **Быков В.** Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения («Новые» слова и значения в современном русском языке) // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2; **Грачёв М.А.** Толковый словарь русского жаргона: русский язык от А до Я. М., 2006; **Гуц Е.Н.** Идеографический словарь жаргонно-просторечной лексики: 1985–2010 гг. Омск, 2010; **Кёстер-Тома З.** Сопоставительное исследование субстандартной лексики восточнославянских языков (на примере школьной лексики) // Русистика. Берлин. 1992. №2; **Крысин Л.П.** Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989; **Лазаревич С.В.** Лексика и фразеология русского военного жаргона: АКД. Н. Новгород. 2000; **Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.** Большой толковый словарь русского жаргона. СПб., 2001; **Поливанов Е.Д.** Стук по блату // Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М., 1931; **Распопова Т.А.** Некодифицированная социально-оценочная лексика и её использование в русском языке 80–90-х годов XX века: АКД. Орёл, 1999; **Рахманова Л.И.** Жаргонная лексика // Современный русский язык. М., 1984; **Скворцов Л.И.** Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. М., 1977; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2007; **Хомяков В.А.** Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков // Вопросы языкознания. 1992. № 3; **Шапошников В.Н.** Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.

О.В. Фельде, О.Н. Емельянова

ЖАРГОНОИД. См. **ЖАРГОНИЗМЫ**

ЗАГОЛОВОК – обязательная, начальная часть Заголовочного комплекса (см.), которая содержит первичную информацию о публикации и имеет в ней фиксированное положение – перед и над текстом.

Важнейшая цель З. – привлечение внимания читателя. З. помогает быстро ознакомиться с содержанием текста, понять, о чём сообщается в публикации, насколько важна информация, которую предлагает читателям издание. Познакомившись с З. периодического издания, можно судить о характере материала, о концепции издания, о предпочтениях автора и о предполагаемой аудитории.

Именно З., по мнению М.И. Шостак, «призван выполнять несколько функций: номинативную (он вычленяет и называет), коммуникативную (он должен информировать; называя, нечто сообщать); рекламно-целевую (должен одновременно и рекламировать текст, и передавать читателю определённую установку автора)» [Шостак 1998: 76].

Подзаголовок – один из элементов Заголовочного комплекса (см.), дополнительная информация под основным Заголовком (см.). Подзаголовок уточняет, поясняет, иногда развивает стоящий над ним З. Он может указывать на характер опубликованного материала и источники информации. З.: *А кто нормальный? Ван Гог ел краски, а Ницше тил из сапога* Подзаголовок: *Когда гении слегка «куку», это идёт на пользу творчеству и обществу?* (АиФ. 2011. № 51).

З. условно можно разделить на пять основных групп: 1) **Повествовательный:** *Реставраторы перестарались – и испортили краски Леонардо.* Подзаголовок: *На полотне «Мадонна с младенцем и святой Анной» они теперь гораздо ярче, чем хотел да Винчи* (КП. 29.12.2011); 2) **Вопросительный:** *Кто дёргает за ниточки революции в российском балете?* (The Observer. 02.02.2012); 3) **Интригующий и сенсационный:** *Папы на работе нет. Он давно ушёл в декрет...* (КП. 13.01.2012); 4) **Игровой** заголовок: *Ын за отца.* Подзаголовок: *Что ждёт Северную Корею после смерти Ким Чен Ира?* (МК. 20.12.2011); *Второй раз на те же «Ёлки».* Подзаголовок: *В прошлом году была предпринята попытка реформы государственного финансирования российского кино* (Коммерсант власть 19.12.2011); 5) **Рифмованный:** *Страну познав до глубины сибирских руд, поймёшь: у нас почётен всякий труд!* (КП. 27.10.2005).

Существуют и такие З., где автор комбинирует несколько видов: *Армия причудами богата. Кто же построит дачу для комбата?!* (КП. 13.10.2005).

Лит.: см. лит. к ст. Заголовочный комплекс.

Ю.Н. Пшеницина

ЗАГОЛОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС – совокупность элементов названия текста (произведения), системно связанных между собой: заголовок – подзаголовок – лид. В полном объёме может состоять из рубрики, шапки, Заголовка (см.), подзаголовка (см. Заголовок) и вводного абзаца – Лида (см.).

Главное в заголовочном комплексе – последовательная подача его частей. Каждый компонент З.к. должен дополнять предыдущий новыми фактами и интересными подробностями, оставляя элемент недосказанности, интриги. Самый интересный факт обычно выносится в заголовок или лид (с последующим его анализом в основном тексте), однако эти два элемента не должны подменять друг друга. Заголовок должен соответствовать не только «своему» тексту, но и общей концепции рубрики, подборки, полосы, номера – линии издания в целом. Очень важно избегать повторов и не дублировать уже известную информацию в разных частях заголовочного комплекса. Подзаголовок уточняет содержание заголовка. Лид завершает заголовок и/или подзаголовок и служит информационным мостиком от заголовка к тексту.

Элементы З.к. могут присутствовать в полном составе (заголовок – подзаголовок – лид) или в неполном (заголовок – подзаголовок; заголовок – лид). Заголовок может быть названием рубрики (постоянный заголовок раздела в газете или журнале), а также может быть названием нескольких публикаций на одну и ту же тему (такой заголовок принято называть «шапкой»):

Вампир – вместо Снегурочки (Заголовок)

О ВРЕМЕНА! (Подзаголовок)

В предновогодней новостной ленте промелькнуло сообщение: ребяташки одной из школ решили пригласить на праздничную ёлку вместе с Дедом Морозом... нет, не его давнюю подружку – Снегурочку, а вампира. Судя по стилю заметки, нам предлагали умилиться – какое современное поколение подрастает!.. Но умиляться почему-то не хочется. (Лид)

Бал правит жестокость. По «ящику» демонстрируют очередной выпуск любимого ребятнёй «Ералаша». Девочка не даёт списать ответ своим друзьям. И те не находят ничего лучшего, как связать подружку и пригрозить ей средневековыми пытками, на которые щедры нынче бандитские сериалы. <...> Хочется верить, что под крылом Синей птицы, птицы счастья – символа театра, сохранится верность доброте. Без неё ведь никак нельзя нашим мальчишкам и девчонкам!.. (ЛГ. 2012. № 1–2).

Лит.: Галкин С.И. Техника и технология СМИ. Художественное конструирование газеты и журнала. М., 2005; Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра: учеб. пособие. М., 2004; Корконосенко С.Г. Основы журналистики: учебник. М., 2001; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Пешкова Н.П. Конституирующая функция заглавия // Лингвистический анализ текста. Иркутск, 1985; Шостак М.И. Журналист и его произведение: практическое пособие. М., 1998.

Ю.Н. Пшеницина

ЗАЙМСТВОВАНИЯ – 1. Универсальный процесс перемещения и усвоения языковых и/или стилистических элементов, антропонимических формул, речевых жанров и речевых приёмов из одного языка в другой, а также из одной подсистемы языка какого-л. этноса в другую подсистему. 2. Результат этого процесса.

Существуют устный и письменный пути З. Основными причинами З. являются а) языковые контакты народов (географические, политические, экономические, культурные); б) потребность в номинации нового; в) необходимость в дифференциации и специализации понятий (*образ – имидж; уборщица – специалист по клинингу*, т.е. «*профессиональный уборщик жилых помещений, умеющий обращаться со сложной техникой и обладающий знаниями об этических нормах*»); г) тенденция к аналитизму, стремление заменить одним словом описательное наименование (*гостиница для автотуристов → мотель, журналист-фотограф, специализирующийся на сенсационных снимках частной жизни знаменитостей → папарацци*); д) социально-психологические факторы (восприятие иноязычного слова или выражения как более престижного) и др.

Различают **внутренние** и **внешние** З. Внутренние – типичны для многих терминосистем, которые пополняют свой состав за счёт смежных терминологий (таковы, напр., биологические, физические, химические, технические термины в составе терминосистем медицинских отраслей), а также за счёт лексических ресурсов общенародного языка и диалектов (*палец крепёжный, шляпка звезда* и мн. др.) **Внешние** З. (из другого языка) могут быть **прямыми** и **косвенными** (через язык-посредник). Напр., через польский язык в русский были заимствованы такие немецкие по происхождению слова,

как *танец* (ср. в нем. *Tanz*), *папироза* (нем. *papier* – ‘бумага’), через французский – *маргарин* (греч. *margarios* – ‘перламутр’), *пенсия* (лат. *pensio* – ‘платёж’), *казино* (лат. *casino* – ‘домик’) и мн. др. Прямые заимствования подразделяются на **языковые** (заимствования фонем, морфем, слов, лексических значений и т.п.); **стилистические**, к которым относятся заимствования устойчивых выражений типа *Се ля ви!*, иноязычных правил наименования лиц (*Саркози-отец*, *Саркози-сын*), формул речевого этикета (*пардон*, *мерси*, *тысяча извинений* – из фр.; *чао* – из итальянского); **3. речевых жанров**, при котором в практику письменной и устной речи вводятся инокультурные речевые жанры (такова история появления в России *проповеди*, *спича* и нек. др.), а также **речевых приёмов** (напр., поэтической скрепы *ты скажешь* в русской поэзии XIX в., скалькированной с фр. *tu dirais*). Языковые З. в количественном отношении преобладают над остальными разрядами. По характеру заимствованного материала различают **прямые лексические З.**, **кальки** (в этом случае заимствуется только лексическое значение или семантическая структура: *водород* < лат. *hydrogen*; *правописание* < греч. *orthos+grapho*; *картина* < англ. *picture*; *порочный круг* < лат. *circulus vitiosus*) и **гибриды** (когда в слове выявляется только один иноязычный формант: *штудир*-овать, *за-кадр*-и-ть и т.п.). В зависимости от языка-источника З. подразделяются на З. из славянских языков (прежде всего – из старославянского и польского; см. Славянизмы, Полонизмы) и З. из неславянских языков, большую часть которых составляют З. из греческого и латинского (См. Англицизмы, Грецизмы, Галлицизмы, Германизмы, Латинизмы).

Исследователи выделяют до 6 признаков заимствованных слов в русском языке: 1) фонетические: начальные звуки *а, э, ю, ф, ц, ш* (*ария, эра, юла, цирк, шар*); начальные *шт, шп, дж* (*штабель, штепсель, джоуль*); наличие в слове звукосочетаний *кс, пс, шп, хт, кг, бю, дю, пю, вю, ке, ге* (*эксперт, докер, гематолог, пакгауз, дюна* и др.); сочетание двух или более гласных в пределах одной морфемы (*аорта, каучук, тротуар*); финальные форманты *-ос, -ус, -ум, -инг, -ер, -ёр, -о, -е, и* (*космос, нотариус, аквариум, кренинг, дирижёр, брутто, сомелье, секьюрити*); 2) графические: использование нехарактерных для языка-реципиента написаний (*PR-статья, web-мастер*); 3) словообразовательные: наличие аффиксов *-ист, -ер, -изм, -аци-я* (*программист, костюмер, дарвинизм, декларация*); композиты с элементами *-граф, -лог, -метр, -мен* и др. (*топограф, филолог, параметр, конгрессмен*); 4) морфологические: усвоение грамматических признаков чужого языка, напр., неизменяемость ряда слов, заканчивающихся на *-е, -о, -и, -у* (*желе, бюро, иваси, какаду*); 5) синтаксические: употребление несвойственных родному языку синтаксических моделей (*бренд-менеджер, арт-директор*); 6) семантические: специфичность контекста, приспособление семантической структуры слова к системе заимствующего языка. Напр.: *Недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора, / Подобный английскому сплину / Короче: русская хандра...* (А. Пушкин).

З. – один из самых продуктивных способов пополнения словарного состава русского языка на протяжении всей его истории. Однако темпы, основные источники и объём заимствований в разные эпохи были различными. В древнерусский период преобладали заимствования из германских языков, а также из старославянского и греческого. В XVI–XVII вв. – из польского, в XVIII–XIX вв., в период образования терминологий многих наук, искусств и промышленных производств, – из западноевропейских и классических языков. Многие из древнейших З. (*баня, изба, гармонь, хлеб, сахар, серьга, шлем* и т.п.) в настоящее время являются полностью лексически освоенными и не воспринимаются как иноязычные. Большинство заимствованных слов в процессе их освоения подвергаются фонетическим, грамматическим, лексическим изменениям, суть которых сводится к уподоблению структуре заимствующего языка. Одним из признаков полного освоения иноязычного по происхождению слова является его включение в парадигматические, синтагматические и деривационные отношения с другими словами. К лексически неосвоенным З. относятся Экзотизмы (см.), большинство Иноязычных вкраплений (см.) и некоторые Интернационализмы (см.).

В употреблении З. важно учитывать правило целесообразности, коммуникативной оправданности, а также строго соблюдать требования точности словоупотребления (см. Ошибки в употреблении слов иноязычного происхождения).

Лит.: Им Чынг Су. Становление терминологической лексики русского языка. М., 1995; Костомаров В.Г. Русское слово в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. М., 1996. № 2; Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004; Крысин Л.П. Большой словарь иноязычных слов. М., 2005; Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982; Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. М., 2011; Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: учеб. пособие. Красноярск, 2011.

ЗАЙМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА. СМ. ЗАЙМСТВОВАНИЯ

ЗАКОН КРАЯ – риторическое предписание, рекомендуемое говорящему – в целях повышения результативности речи – обращать повышенное внимание на её начало и конец. Эта рекомендация объективно обусловлена неравномерностью протекания психологических процессов восприятия, запоминания и забывания информации, что впервые было выявлено в 1885 г. немецким психологом Г. Эббингаузом, доказавшим опытным путём, что лучше помнится то, что находится в начале и конце сообщения.

Согласно этому закону начало публичной речи (особенно её первые предложения) должно, привлекая аудиторию, сразу же заинтересовать, «подцепить» её внимание любопытным или полезным сведением, мудрой пословицей, яркой цитатой, уместным нестандартным вопросом, замечанием, ориентирующими на дальнейшее развитие темы. В заключение речи следует суммировать её основные положения, сделать выводы, конкретизировать задачи и вдохновить адресата на их решение. Завершающим может быть и доброе напутственное слово как вербальный ориентир на предстоящую или дальнейшую деятельность.

Действием этого психологического закона ограничивается также выбор времени и места для публичного выступления. Не рекомендуется, за исключением крайней необходимости, вступать в противоречия с эмоциональной расположенностью, готовностью аудитории к совсем другим событиям, с её ближайшими ожиданиями иных состояний и отношений. Любое деловое выступление 31 декабря в 16 ч. или 9 марта в 8 ч. утра, т.е. в ситуации, граничащей с праздничной, согласно данному закону, будет и, как правило, бывает, при прочих равных условиях, менее результативным, чем накануне.

Лит.: Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика. М., 2008; Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика. Ростов н/Д, 2008; Кони А.Ф. Советы лекторам // Русская риторика. Хрестоматия. М., 1996. Хазагерев Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. М., 2006.

О.П. Жданова

ЗАМЕТКА – публицистический жанр, относящийся к группе информационных, в котором фиксируется актуальное событие, а также сообщаются некоторые его подробности. «Главное для заметки – именно краткое изложение результата изучения, “сигнализирование” о существовании (или отсутствии), основных чертах какого-то явления, события, человека, проблемы. Причём эти события, явления, проблемы, стороны личности человека должны выступать для аудитории как “новость”, т.е. потенциальная информация, превышающая то, что уже известно читателям» [Гертычный 2002: 53].

В изложении подробностей необходимы точность и краткость, поэтому в З. часто используются имена собственные, цифровые данные, не требующие пояснений термины. З. разнообразны по стилистической тональности. Они могут быть официальными, деловыми, нейтральными, ироническими и т.п.

З. является наиболее динамично развивающимся информационным газетным жанром, что обусловлено её малой формой. К основным характеристикам З. можно отнести письменную форму выражения, наличие заголовка (в отличие от некоторых других малых публицистических жанров), информативность, небольшой объём, повторяемость структуры текста в конкретном газетном издании и/или рубрике, неявно выраженная авторская позиция.

Структура газетной З. включает такие компоненты, как заголовок (иногда и подзаголовок), лид, зачин, основной текст, заключение (факультативно). В следующем тексте (НезГ. 24-25.06.2011 г.) присутствуют все её структурные компоненты:

Частный Пикассо (заголовок).

Работы художника выставили в галерее в Монако (подзаголовок).

В Монако в галерее Орега на этой неделе открывается выставка работ Пабло Пикассо. Уникальность её не в концепции или новом подходе к творчеству художника (вряд ли о нём вообще можно сказать сегодня что-то новое), а в том, что галерея выставляет сразу 34 работы мастера <...> (лид).

Организаторы вообще утверждают, что подобной экспозиции не было ни в одной французской галерее уже 20 лет. Судя по всему, им можно верить – уже одни цифры впечатляют: 17 живописных полотен и 17 графических работ общей стоимостью 60–70 млн. евро, большинство периодов творчества от 1905 до 1969 года. <...> (зачин).

<...> Выставка недаром проходит в Монако: Пикассо обожал Лазурный Берег и часто проводил лето в районе Антиба. Об этом на выставке напоминают несколько пейзажей и работ на тему античности. Но всё-таки самым многочисленным является поздний период творчества художника – 1960-е годы. Холсты этого времени с искажёнными фигурами и лицами, отсутствием деталей, почти монохромной палитрой и яркими кричащими акцентами узнаваемы. Они оцениваются на рынке не так дорого, как ранние произведения 1910–1920-х годов, но, учитывая, что Пикассо занимает первую строчку рейтинга самых дорогих художников, цены на них всё равно исчисляются миллионами и десятками миллионов (основной текст).

Впрочем, цены всегда будут интересовать арт-дилеров и коллекционеров, но посетить выставку до конца августа предлагается всем желающим. А работам побыть пусть недолго, но общественными – пока работы из одних частных коллекций не перекочевали в другие, не менее частные (заключение).

Следует заметить, что «границы между структурными компонентами заметки подвижны, сами компоненты тесно семантически связаны друг с другом, что нередко приводит к их взаимозаменяемости или синкретичности» [Чжао Вэньцзе 2007: 4]. Очевидно, данное обстоятельство обусловлено компактностью текстов данного жанра.

Особенностью композиционного построения З. является то, что в ней может отсутствовать заключительная часть. Это происходит потому, что изложение информационного материала в З. строится по принципу «перевернутой пирамиды», когда самая актуальная информация расположена «вверху». Такая структура, как правило, удобна для читателя, он может быстро уловить главное и прервать чтение, не упустив ключевых моментов.

З. имеет несколько жанровых разновидностей: **событийная З.** (наиболее распространённый тип), **анонс** (З. о предстоящих событиях, чаще – культурного характера), **аннотация**, **мини-рецензия** (оценочная З. о книге, фильме, театральной постановке и т.п.), **блиц-портрет**, **мини-обозрение**, **мини-история**, **мини-совет**. Жанровой разновидностью З. является также **сатирическая З.**, которую обычно относят к группе художественно-публицистических жанров. Иногда виды З. выделяют по проблемно-тематическому принципу. При этом подходе можно говорить о заметках экономических, политических, культурных, спортивных, социально-бытовых и т.д.

Лит.: Антонова В.И. Информационные жанры газетной публицистики. Саранск, 1996; Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Тертычный А.А.** Жанры периодической печати: учеб. пособие. М., 2002; **Чжао Вэньцзе.** Особенности организации текста газетной заметки: АКД. М., 2007.

А.В. Щербаков

ЗАМЫСЕЛ РЕЧИ. СМ. ИНВЕНЦИЯ

ЗАПОМИНАНИЕ РЕЧИ, или **МЕМОРИЯ**, – четвёртый этап Риторического канона (см.), заключающийся в выборе способов запоминания подготовленной речи, её «загрузке» в память с целью последующего воспроизведения.

Выбор способа запоминания зависит, прежде всего, от типа информации. Если нужно запомнить текстовую информацию, то более продуктивным является рациональный способ, который основан на установлении логических, смысловых связей внутри запоминаемого материала, а также между запоминаемым материалом и уже накопленными знаниями. Одной из разновидностей рационального способа запоминания является «метод ОВОД», который получил название по первым буквам наименования четырёх стадий работы с текстом: 1) **основные мысли:** текст читается с целью восприятия и выделения основных мыслей и их взаимосвязи (основные мысли можно выделять или выписывать, после чего попытаться воспроизвести); 2) **внимательное чтение:** текст читается повторно и медленно с целью обратить внимание на подробности и увязать их с основными мыслями (можно ассоциативным путём), после чего основные мысли и связанные с ними подробности повторяются по памяти; 3) **обзор:** текст бегло просматривается, задаются вопросы по существенным пунктам текста, проводятся

параллели с уже имеющимися знаниями, запоминается очерёдность главных мыслей; 4) доводка: текст повторяется по памяти, начиная с существенных моментов с постепенным вспоминанием подробностей, после чего он прочитывается ещё раз, отмечается упущенная информация; после анализа причин упущения и проработки деталей текст снова повторяется. Нужный материал повторяется также спустя несколько часов после запоминания. «...Для хорошей памяти самое важное – это упорядоченное изложение» [Йейтс 1997: 13].

При запоминании несмысловой информации (таблиц, номеров телефонов, схем, неупорядоченного перечня слов и т.д.) эффективен мнемотехнический способ (способ опосредованного запоминания), в соответствии с которым запоминаемый материал по определённым правилам переводится в иные образы, в этих образах выделяются ассоциативные и структурные связи, которые запоминаются легче. При запоминании мы находим ассоциативные связи с уже имеющимися у нас знаниями и знакомыми нам образами. Простейшие мнемотехнические приёмы используются в школе: определение биссектрисы (*биссектриса – это крыса, которая бежит по углам и делит угол пополам*); спектр цветов – *Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан* (по первым буквам легко восстанавливается: красный – оранжевый – желтый – зеленый и т.д.); падежи – *Иван Родил Девчонку, Велел Тащить Пелёнку* (именительный – родительный – дательный – винительный – творительный – предложный) и т.д. Чем меньше общего с действительностью в искусственно созданных ситуациях (картинах), тем информация запоминается легче (более подробно о мнемотехническом способе и его разновидностях см., напр., в [Иванов 1996]).

При З.р. не рекомендуется использовать механический способ, или «зубрёжку», т.к. он является самым неэффективным: забудете слово – можете потерять нить всей речи.

При запоминании информации важно опираться на преобладающий тип памяти: зрительный, слуховой или моторный. Если у вас хорошо развита моторная память, старайтесь текст записывать; если зрительная память – стройте наглядные схемы, графики, передающие содержание материала, используйте шрифтовые и цветовые выделения; если слуховая память – многократно произнесите тексты вслух.

Прочно запоминается та информация, которая значима для человека, более полно включена в его деятельность (отработка теории на материале упражнений, тренингов и т.д.), осмыслена, вызывает интерес, опирается на уже имеющиеся знания по определённой теме, воспринимается с установкой на запоминание, задействует разные каналы восприятия (зрительный, слуховой и т.д.) и повторяется (но не механически, а с использованием пересказа текста своими словами, воспроизведением его с любого места, а не только с начала). Всякое последующее запоминание тормозит (ухудшает) предыдущее, поэтому, когда что-л. учите, делайте перерывы на отдых.

В современной риторике проблема З.р. оборачивается другой стороной: «...актуально, насколько произнесённое или прочтённое слово запоминается слушателем или читателем. Однако система терминов, связанная с этим аспектом, ещё не разработана» [Хазагеров 2009: 399].

Лит.: Араева Л.А., Катышев П.А., Малахова Н.Е., Князькова Т.В., Оленёв С.В., Паули Ю.С., Стрыгина О.В. Риторика: учеб. пособие. Кемерово, 2006; Бэддели А. Ваша память. Руководство по тренировке и развитию. М., 2001; Зинченко Т.П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб., 2002; Иванов М.М. Техника эффективного запоминания в бизнесе, учёбе, деловом общении и повседневной жизни. М., 1996; Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997; Никитина Т. Самоучитель по развитию памяти. М., 1999; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009.

Г.А. Копнина

ЗАПРЕТ. См. ЗАПРЕЩЕНИЕ

ЗАПРЕЩЕНИЕ, или **ЗАПРЕТ**, – речевой жанр, представляющий собой отрицательный ответ на просьбу разрешить что-л., не позволение, возбранение. З. сродни Отказу (см.), но в отличие от отказа, где говорящий сам не будет исполнять что-л. (действие «отказаться» – «Я не буду это делать»), запрет направлен на другого, адресата (действие «отказать» – «Ты не будешь это делать»). Неблагоприятное для адресата речевое действие в асимметричной ситуации направляется старшим (по статусу, роли) младшему: начальником – подчинённому, учителем – ученику, родителем – ребёнку, поэтому нередко не снабжается показателем вежливости, напр.: – *Можно мне пойти погулять?* – *Нельзя, садись за уроки;* – *Николай Иванович, Вы не позволите мне воспользоваться вашим компьютером?* – *Нет, я вообще не разрешаю к нему подходить, там важные материалы.*

Основные выражения запрета:

Запрещаю (это делать); (Нет), не разрешаю (это делать); Не позволяю (это делать); Нельзя (это делать); Нет, нельзя, не разрешаю; Не могу разрешить (это); (Это) нельзя разрешить; Ни при каких обстоятельствах; Категорически (решиительно и т.д.) запрещаю; Нет, нет и (ещё раз) нет! Ни в коем случае!; Об этом не может быть и речи!; Это абсолютно исключено! – эмоционально-экспрессивное.

Речевой акт З. «здесь и сейчас» направлен на будущее действие адресата, поэтому как категорический запрет может выступать будущее время глагола: *Не позволю!*

Эмоционально-экспрессивные выражения возникают и в деловых спорах, когда общение из кооперативного переходит в конфликтное. В деловом общении партнёру направляется и некоторая доля вежливости как демонстрация уважения, несмотря на З.: *К сожалению, вынужден запретить (это); Я сожалею, но не могу разрешить (это); Я бы рад разрешить, но обстоятельства вынуждают к запрету; Надеюсь, что мой (наш) запрет будет вами правильно понят* и мн. др.

З. нередки в административных письменных объявлениях, где адресант выступает обобщённо-безлично, а адресат мыслится как законопослушный гражданин, не нарушающий правил общежития. Обычно это надписи в общественных местах, указатели, регламентирующие поведение.

Частотные прежде инфинитивные категорические запреты в последнее время смягчаются: вместо *Не курить; Не сорить; По газонам не ходить* и т.п. выступают *У нас не курят; Просьба по газонам не ходить* и др., а также побуждающие указания *Бросайте мусор в урны; Не ставьте машины в неположенных местах.*

З. с помощью обобщённо-безличных глагольных форм также смягчаются: вместо *Запрещается это делать; Не разрешается это делать; Возбраняется это делать; Запрещено это делать; Не разрешено это делать* часто используются конструкции типа *Просьба это не делать; Просим это не делать; Просим делать иначе; Просим соблюдать правила* и т.д. Запретительные надписи со словом «Нет» всё ещё частотны: *Нет входа (выхода, прохода, проезда* и т.д.), а также *Проход запрещён, Выход с другой стороны* и т.п.

Таким образом, регламентация поведения в общественных местах в русской культуре часто осуществляется с помощью З.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; **Акишина А.А., Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; **Балакай А.Г.** Словарь русского речевого этикета. М., 2001; **Балакай А.Г.** Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; **Гольдин В.Е.** Речь и этикет. М., 1983; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982, 1987; **Формановская Н.И.** Употребление русского речевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

ЗАЯВЛЕНИЕ – 1. Официальное сообщение в устной или письменной форме, напр.: *Заявление Центрального банка РФ по поводу ситуации в банковской группе «СБС-АГРО»* (РГ. 01.09.1998 г.); *Заявление официального представителя МИД России* (официальный сайт Министерства иностранных дел РФ). 2. Документ, содержащий просьбу или предложение лица (лиц) и адресованный учреждению или должностному лицу.

З. по кадровым вопросам (о приёме на работу, увольнении, о предоставлении отпуска и т.д.), как правило, пишутся от руки, в произвольной форме, на бумаге формата А4 (это формат листов личного дела, в которое подшивается З.) или на трафаретном бланке, разработанном на предприятии. Некоторые виды З. (напр., З. о предоставлении отпуска по беременности и родам) должны содержать в тексте указание на наличие необходимых документов. Соответствующие документы предоставляются на рассмотрение вместе с З.

З. содержит следующие основные элементы (реквизиты):

(1) адресат (должностное лицо, полномочия которого позволяют выполнить просьбу автора З.) – наименование должности, фамилия, инициалы лица, которому адресовано З., – в дательном падеже (пишется в правом верхнем углу);

(2) адресант – наименование должности, фамилия, имя, отчество заявителя (адресанта) – в родительном падеже с предлогом или без него (после слова *заявление* ставится точка, если нет предлога *от* [Культура устной и письменной речи... 1997: 108] (пишется ниже адресата);

(3) наименование документа (посредине строки);

(4) основной текст (формулировка просьбы, жалобы, предложения), в котором может быть изложена краткая аргументация существа дела: причина написания заявления, основания для положительного решения вопроса, конкретные сроки и условия желательного варианта решения, напр.: *В связи с необходимостью подготовки к защите диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук, которая назначена на 26 сентября 2011 года, прошу предоставить отпуск за свой счет с 15 по 27 сентября 2011 года;*

(5) дата, напр.: *30.06.98* или *30 июня 1998 г.* (по левому краю),

(6) подпись заявителя (на той же строке, что и дата, но по правому краю).

Если 3. личное (от частного лица в организацию), то после фамилии, имени и отчества заявителя указываются домашний адрес и телефон.

В служебном 3. (от должностного лица более высокому по рангу должностному лицу) принято иное расположение реквизитов: адресант указывается слева, адресат – справа (элементы адреса указываются в последовательности, установленной Почтовыми правилами); далее – слева наименование документа и ниже дата его составления, после чего идёт основной текст 3.; на отдельной строке – подпись заявителя.

Особый характер имеет исковое заявление в суд (см. [Образцы заявлений и жалоб по гражданским делам 1992]).

Ключевое слово этого документа – глагол *прошу* (+ инфинитив). Аргументация вводится при помощи конструкций: *учитывая (что?)*; *в связи с тем, что...*; *на основании того, что...*; *потому что...* и т.п.

В 3. не принято употреблять архаизмы; *сей* (= этот), *дабы* (= чтобы), *буде* (= если) и т.п. Устаревшие слова предпочтительнее заменять другими, если это не наносит ущерб содержанию. Не используются также слова *весьма*, *убедительно*, *заранее признателен* и т.п., что не характерно для канцелярских текстов официально-делового стиля (см. *Официально-деловой стиль*).

Лит.: **Андреева В.И.** Делопроизводство. Требования к документообороту фирмы (на основе ГОСТов РФ). М., 2001; **Кирсанова М.В., Аксёнов Ю.М.** Курс делопроизводства. Документационное обеспечение управления. М.; Новосибирск, 1998; **Культура русской речи:** учеб. пособие. М., 1998; **Культура устной и письменной речи делового человека.** М., 1997; **Образцы заявлений и жалоб по гражданским делам** / сост.: З.А. Кардакова, Т.Н. Малая, Н.П. Подольная, С.В. Родина. Саранск, 1992; **Организация общего и кадрового делопроизводства.** Часть 1. Организация делопроизводства. Киев, 1993; **Смелкова З.С.** Деловой человек: культура делового общения. М., 1997; **Стенюков М.В.** Документы. Делопроизводство. М., 2004; **Фельзер А.Б., Миссерман М.А.** Делопроизводство. Киев, 1988.

Г.А. Копнина

ЗВУКОВОЙ ПОВТОР – общее название фоностилистических приёмов, состоящих в повторении одинаковых или сходных звуков и звукосочетаний для усиления выразительности и образности речи (см. Фоностилика). К 3.п. традиционно относят Аллитерацию (см.) и Ассонанс (см.).

Повторяться могут не только звуки, но и морфемы (части слов), и этот повтор может обнажать, подчёркивать значение слова: *А о внутренностях героев сейчас говорят так: раздвоенность, разбросанность, расколотость, расщеплённость, раздавленность, разбитость* (Вен. Ерофеев); *Крутой круче крутого; Буйнов буйнее буйного* (СГ).

На 3.п. может строиться Языковая игра (см.), напр., Каламбуры (см.) и др. Есть авторы, активно использующие 3.п. именно для языковой игры. К таким авторам относится, напр., Вен. Ерофеев. Вот некоторые примеры игры со звуковым повтором из его записных книжек: *Я бесил их своим бессилием; Кремлевские обскуранты* (ср.: камера обскур); *Прежде у меня были в ходу глаголы: перебрать, поддать, а теперь – перекусить, подкрепиться и т.д.*; *Мне всё равно кем быть – барабаничком или баничком; Души прекрасные надрывы* (ср.: Души прекрасные порывы); *Мне не до сук* (ср.: мне недосуг); *Самые часто упоминаемые фамилии по заморским радиостанциям: Пиночет, Попандоулос, Померанц; Французские композиторы на М: Манто – Маникюр – Маникен – Медальон – Меню;*

Алиготе – это лучше, чем либерте, эгалите, фратерните; Прелюдия Глиэра в исполнении Я. Флиэра; От гавайских гитар до гаванских сигар, от сиамских близнецов до сионских мудрецов и мн. др.

З.п. нередко используется в текстах современных СМИ (особенно в заголовках статей) для привлечения внимания читателя: *Над сгущённой сгущаются тучи* (АиФ); *ЕГЭэзекуция России* (Санкт-Петербургские ведомости). В последнем случае мы имеем дело, кроме того, с образованием Окказионализма (см.), в основе которого лежит З.п. (ср.: экзекуция – егэзекуция).

З.п. является любая рифма. Кроме того, в зависимости от местоположения повторяющихся звуковых элементов в тех или иных отрезках речи выделяют звуковую анафору (см. Анафора), звуковую эпифору (см. Эпифора), звуковое кольцо (см. Кольцо), звуковой анадиплозис и т.д.

Лит.: **Воронин С.В.** Основы фоносемантики. Л., 1982; **Воронин С.В.** Синестезия и звуко-символизм // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б.** Звук и слово в поэзии // Русская речь. 1974. № 2; **Голуб И.Б.** Символика звуков // Русская речь. 1974. № 6; **Журавлёв А.П.** Фонетическое значение. Л., 1974; **Журавлёв А.П.** Звук и смысл. М., 1981; **Левицкий В.В.** Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // Филологические науки. 1975. № 4; **Леонтьев А.А.** Звукопись // Большая советская энциклопедия. Т.9. М., 1972; **Лотман Ю.М.** Анализ поэтического текста. Л., 1972.

О.Н. Емельянова

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ – фонетически мотивированная связь между формой языковой единицы и обозначаемым ею объектом. Как правило, говоря о З., имеют в виду прежде всего звукоизобразительные слова и словосочетания, т.е. лексические единицы языка. Все звукоизобразительные слова принято делить на звукоподражательные и звуко-символические.

Звуко-символические слова чаще всего обозначают разные виды движения, форму, величину, свойства объектов; физиологические и эмоциональные состояния человека, его походку, мимику.

Когда же речь идет о слуховой модальности, мы имеем дело со звукоподражательными словами: *ку-ку, мяу-мяу, гав-гав, хрю-хрю, тик-так* и т.д.

В совокупности звуко-символические и звукоподражательные единицы языка и образуют его звукоизобразительный потенциал. И конечно, мощными звукоизобразительными возможностями обладают специальные приёмы и способы Звукописи (см.), напр., Звуковой повтор (см.), Аллитерация (см.) и Ассонанс (см.).

Звукоизобразительные единицы языка обладают сильным экспрессивным, выразительно-образительным зарядом, что делает их незаменимыми в соответствующих текстах и контекстах.

Нередко авторы создают свои окказиональные звукоизобразительные слова, заключающие в себе в свёрнутом виде готовую, законченную мысль. Напр., в высказывании Вен. Ерофеева *«Давай побибиседуем»* содержится ассоциация с американской радиостанцией Би-Би-Си, вещание которой на СССР «глушилось» соответствующими органами и прослушивание которой запрещалось.

К звуко-символизму можно отнести и случаи авторского, окказионального закрепления за теми или иными звуками и звуко-сочетаниями определённых смыслов: *ВЧК – век человеческий короток; Карамзин изобрёл только букву «ё». Х, П и Ж изобрели Кирилл и Мефодий* (Вен. Ерофеев). Это своеобразный способ языковой игры. К языковой игре относятся и «вариации на тему» ассоциаций, возникающих при произнесении тех или иных (как правило, иностранного происхождения) слов. Очень любил такие ассоциации, напр., Вен. Ерофеев, в его записных книжках встречаем: *Умный, как канделябр, и глупая, как жардиньерка; Вот ещё красивое женское имя: Антанга; И ещё женское имя: Галлималя; И ещё женское имя: Агентура; Ещё женское имя: Прокуратура (просто Прошка); Хотел бы иметь какую-нибудь еврейскую фамилию типа Глинтвейн; И две коровы: одну назвали Догма, другую – Доктрина; Трёх котят назвать Седуксен, Демидрол и Люминал; Почти библейские милье аббревиатуры: УОВ, ИОВ – на дверях кабинетов врачей: Участник ОВ, Инвалид ОВ; Китайский поэт Люнь Тай и др.*

Лит.: **Воронин С.В.** Основы фоносемантики. Л., 1982; **Воронин С.В.** Синестезия и звуковой символизм // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983; **Газов-Гинзбург А.М.** Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965; **Журавлев А.Н.** Фонетическое значение. Л., 1974; **Журавлев А.Н.** Звук и смысл. Л., 1983; **Левицкий В.В.** Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // Филологические науки. 1975, № 4; **Поцелуевский Е.А.** Изобразительные слова // БСЭ. М., 1972. Т.10; **Скаличка В.** Исследование венгерских звукоподражательных выражений. Пер.

ЗВУКОПИСЬ – подбор звуков в речи (особенно и прежде всего поэтической) таким образом, чтобы их состав соответствовал изображаемой картине. Напр.: *Скучно нам слушать осеннюю выюгу* (Н. Некрасов). В этой строке Некрасов 6 раз повторяет звук [у] и 3 раза звук [с], что особенно ярко и убедительно передаёт вой и свист ветра, чувство одиночества и страха. Это достигается благодаря включению в языковую ткань стихотворения слов, содержащих звуки и звукосочетания, способствующие возникновению нужных зрительных, слуховых или иных ассоциаций.

3. осуществляется через систему Звуковых повторов (см.), к которым относятся Аллитерация (см.), Ассонанс (см.), Звукоподражание (см.) – особенно звукоподражание шороху, свисту, вою, грому, крикам птиц, животных и другим звукам живой и неживой природы. При этом чрезвычайно усиливается выразительность и изобразительность речи.

Вот, напр., как изображается гром, воплощаясь в отдельных звуках, в стихотворении Ф. Тютчева «Весенняя гроза»: *Люблю грозу в начале мая, / Когда весенний, первый гром, / Как бы резвяся и играя, / Грохочет в небе голубом.* Поэт не только передаёт своё отношение к первой весенней грозе, но и рисует её при помощи звуков так, что читатель слышит эту грозу. Или у В. Маяковского: *Били копыта, пели будто: Гриб. Грабь. Гроб. Груб.* В этих строчках отчётливо слышится стук конских копыт по городской мостовой. В стихотворении К. Бальмонта «Камыши» аллитерация озвучивает картину ночи: *Полночной порою в болотной глуши / Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши <...> И, вздох повторяя погибшей души, / Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.*

Нередко в результате семантизации звуков происходит обновление внутренней формы близких по звучанию, но разных по происхождению слов, которые начинают восприниматься как генетически родственные. Напр., у Л. Мартынова: *Попробуешь слова сличить – / И аж мороз идёт по коже! / Недаром «мучить» и «учить» / Звучит извечно столь похоже.*

При этом благодаря звуковому сходству отдельных слов между ними появляются и смысловые связи. Такой приём активно используется в Языковой игре (см.), особенно для создания комического эффекта: *Понятно, что ни главный санитарный враг..., то есть врач, ни министр науки и обрезания..., то есть образования, ни министры-бароны..., то есть обороны и МВД, не проходили специальной подготовки (АиФ).*

3. разнообразна. Она опирается на всевозможные типы звуковой Инструментовки (см.): скопление в тексте коротких или, напротив, длинных слогов, стечение согласных и гласных и намеренное исключение из речи каких-то звуков: *Вверху рычат германские моторы: / – Мы фюрера покорные рабы, / Мы превращаем горрода в гробы, / Мы – смерть... Тебя не будет скоро* (В. Инбер).

А.С. Пушкин в «Евгении Онегине», описывая лёгкость и полётность танца балерины, использует множество раз звук [л]:

*Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола.*

3. не должна идти вразрез со смыслом. Только органическая и гармоническая связь звукового облика и содержания текста, единство слова и образа придают особую, яркую изобразительность и выразительность тексту.

Лит.: см. лит. к ст. Аллитерация, Ассонанс, Звуковой повтор, Звукоподражание.

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, или **ОНОМАТОПЕЯ**, – фонетически мотивированная связь между звуками языка и лежащим в их основе значением, звуковым признаком обозначаемого предмета, явления, действия, события. Так, напр., раскаты грома напоминают звук [р], глухой шум – звук [ш], свист – звук [с] и т.п. Поэтому многие слова своим фонетическим составом имитируют «звучание» окружающего мира: *плюх, тик-так, мяу-мяу, гав-гав, ку-ку, шум, шелест, шёпот, свист, звон, рыча-*

ние, гром и т.д. Эти слова называют оноματοпеями (оноματοпами). Использование З. является простейшим случаем Звукоизобразительности (см.): *вьюга воет, зверь ревёт, гром гремит* и под.

Обязательным смысловым критерием звукоподражательного слова является образность, поскольку фонетический состав оноματοпов напоминает называемые в этих словах события и явления: звуки природы, крики животных, движения, сопровождаемые каким-либо шумом, речь, различные звучания. В ряде случаев экспрессивное значение может доминировать над предметно-логическим значением слова. Такие единицы получают конкретное предметно-логическое наполнение лишь в определенном контексте: *жахнуть, грохнуть, брякнуть* и т.д.

В художественных текстах (особенно в поэтических) звукоподражательные слова используются для создания более яркого, образного впечатления: *Катится эхо по горам // Как гром гремящий по громам* (В. Маяковский); *Вечно шелест легкий слышно* (А. Блок); *Затихла тише тишина* (Державин); *И когда, оцетинив в лицо усища – венники, // Толпа навалилась, огромная, злая, // Я стал на четвереньки и залаял: // Гав - гав - гав!* (В. Маяковский); *Трах - тах - тах! – И только эхо // Откликается в домах* (А. Блок);

*Винтовочка тук - тук,
А красные тут - тут,
Пулеметы тра - та - та,
А белые ла - та - та.*
(Народная частушка)

З. помогает озвучить и прозаический текст: *Раздражение на человечество на-кап-капливается по капле* (В. Шкловский); *И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше* (М. Зощенко); *Андрей бледнеет, кривит рот и хлоп Алёшу по голове* (А. Чехов).

Звукоподражательные единицы выступают конденсированными описаниями всей ситуации. В роли звукоподражательного слова в художественном тексте может быть использовано любое слово, даже не являющееся звукоподражательным в своей основе. В таком случае экспрессивный эффект создаётся на звукоподражательной основе отдельной фонемы (звука). Напр.: *Что вы там такое говорите... просто бред какой-то... – раздражённо начала она, и голос её заглушил грохот грома, в котором ей слышалось «бр-р-ред», «бр-р-ред», «бр-р-ред»* (Г. Честертон).

Нередко З. используются в разговорной речи, где они являются производящими основами для просторечных единиц с высоким экспрессивным потенциалом: *мямлить, хапать, бубнить, тарабанить, жахнуть* и под.

Звукоподражательные единицы характеризуются некоторыми постоянными структурными особенностями, напр., наличием у значительной части единиц редупликативной структуры типа *гав-гав, мяу-мяу, хрю-хрю, буль-буль* и под. и отсутствием у них грамматической формы.

З. может с успехом использоваться в языковой игре. Напр.: *Вор спросил чёрную кошку, которая перебежала ему дорогу, когда он шёл на дело: «На кого работаешь?» «Мур!» – ответила та* («Каламбур». 1995). В данном случае обыгрывается звуковое тождество «единицы кошачьего языка» (мур) и аббревиатуры МУР – московский уголовный розыск.

Лит.: Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. М., 2009; Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982; Воронин С.В. Основы универсальной классификации оноματοпов // Фонетика-83. М., 1983; Германович А.И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка: АДД. Симферополь, 1962; Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; Карпухин С.А. Звукоподражательные слова в русском языке: АКД. Саратов, 1979; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок. М., 1967; Тишина Е.В. Русская оноματοпея: диахронный и синхронный аспекты изучения: КД. Волгоград, 2010; Шляхова С.С. Типы и функции оноματοпов в русской речи: АКД. Л., 1991; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

ЗЕВГМА (от др.-греч. ζεύγμα – ‘соединённое вместе’) – 1. Разновидность Эллипсиса (см.), состоящая в том, что «слово, образующее однотипные сочетания с несколькими разными словами, фи-

гурирует в высказывании только один раз – в начале, в середине или в конце высказывания» [Русский язык... 1979: 369]. 2. Стилистическая фигура, близкая Силлепсису (См.), состоящая в том, что в перечислительный ряд однородных членов (норма) включаются логически неоднородные им слова (отклонение от нормы), но, в отличие от силлепсиса, в 3. все эти перечисляемые слова относятся к одному и тому же многозначному слову, которое, в результате грамматической и смысловой связи с неоднородными понятиями, реализует одновременно два разных значения (отклонение от нормы). Такое двойное отклонение от нормы создаёт сильную экспрессию эмоционально-оценочного типа.

3. часто используется как средство Языковой игры (см.) в художественной литературе и (реже) публицистике. Напр.: *Агафья Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот с жёлтенькими цветами* (Н. Гоголь); *А сколько шума вызвала эта фильма, сколько споров, сколько вопросов и ответов! Сколько машин и морд побили из-за неё!* (В. Сорокин); *Я пережил две войны, двух жён и Гитлера* (А. Эйнштейн); *Богатые не дурака валяют, а валенки!* (КП. 17.02.2001, заголовок).

Однако 3. может быть использована и как средство передачи трагической тональности, как, напр., в стихотворении А. Блока «На железной дороге»: *Не подходите к ней с вопросами. / Вам всё равно, а ей – довольно: / Любовью, грязью иль колёсами / Она раздавлена – всё больно*. Или тональности героической, как в стихотворении М. Цветаевой «Генералам двенадцатого года»: *Одним ожесточеньем воли / Вы брали сердце и скалу, – / Цари на каждом бранном поле / И на балу*.

Лит.: Береговская Э.М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. 1985. № 5; Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан, 2000; Приходько В.К. Зевгма как стилистический приём // Российский лингвистический ежегодник. Иркутск – Красноярск – Москва – Омск – Хабаровск – Чита, 2006. Вып. 1 (8); Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979; Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; Смолина А.Н. Лингвистические средства создания комического (на материале современных СМИ) // Риторика в свете современной лингвистики: тезисы докладов Второй межвуз. конф. (Смоленск, 14–15 мая 2001 г.). Смоленск, 2001; Смолина А.Н. Зевгматические конструкции в современном русском литературном языке: КД. Красноярск, 2004; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ЗНАКОМСТВО – речевой жанр установления отношений между людьми, не знающими друг друга. 3. может быть поверхностным, «шапочным», или близким, тесным; а также кратковременным или длительным; приятным или неприятным и т.д. По способу выражения этот жанр представляет собой набор стереотипов общения, составляющих коммуникативно-семантическую группу единиц речевого этикета со значением знакомства.

3. осуществляется через посредника или без него. В русской культуре возможны оба способа, однако чем официальнее обстановка общения, тем более необходим посредник. Посреднику должны быть известны правила представления одного другому: младшего представляют старшему, женщину – мужчине, гостя – хозяину, посетителя – должностному лицу, нового сотрудника – начальнику, т.е. «младшего» представляют «старшему». При рукопожатии «старший» первый протягивает руку «младшему».

Основные выражения, используемые для 3. через посредника: *Познакомьтесь, пожалуйста, с NN; Знакомьтесь! Будьте знакомы! Прошу любить и жаловать! Это NN (наш новый сотрудник) и т.п.*

В официальной обстановке общения типичны выражения: *Разрешите (позвольте) представить вам NN (кого); Разрешите (позвольте) представить вас NN; Позвольте (разрешите) познакомиться вас с NN (с кем).*

Менее официально: *Я хочу (хотел(-а) бы) познакомить вас с NN; Я хочу (хотел(-а) бы) представить вам NN; ...вас NN.*

При представлении младшего старшему посредник может попросить разрешения сделать это: *Можно вам представить NN? Я могу представить вам NN?*

После предваряющих выражений следуют имена, имена-отчества, фамилии, названия профессий, должностей, званий и т.д.: *Это Варвара Петровна Смирнова, наш новый педагог. А это директор школы, Илья Вадимович; Знакомься: это Аня, я тебе о ней говорил.*

Основные выражения, используемые для З. без посредника. При желании познакомиться: *Я хочу (хотел(-а)) бы с вами познакомиться; Мне хотелось бы с вами познакомиться; При просьбе о знакомстве: Можно с вами познакомиться? Можно узнать, как вас зовут (как ваше имя)? Нельзя ли с вами познакомиться? При побуждении к знакомству: Давайте познакомимся! Давайте знакомиться! Будем знакомы! Нам пора (надо, нужно) познакомиться.* Официальными являются выражения: *Разрешите (позвольте) представиться! Разрешите (позвольте) познакомиться!* Далее при знакомстве без посредника следует самоназывание.

Выбор той или иной формы имени, имени-отчества, фамилии зависит от обстановки общения, её официальности/неофициальности, намерений, возраста, степени воспитанности, образованности инициатора знакомства и т.д. После имени может быть назван статус, роль и т.д.: *Меня зовут Василий Сергеевич (Василием Сергеевичем, Васей); Анна Петровна, Анна, Аня (Анной Петровной, Анной, Аней); Моя фамилия Скворцов, Скворцова; (Я) Василий Сергеевич Скворцов; Василий; Вася; Я Анна Петровна; Анна; Аня; Моя фамилия Соловьёв, Иван Сергеевич. Я руководитель фирмы; Я Анна Петровна, секретарь директора.*

Основные выражения, используемые в качестве ответных реплик: *Очень приятно! Очень рад(-а)! Мне очень приятно с вами познакомиться! Приятно познакомиться; Давно хотел (мечтал) с вами познакомиться; Рад(-а), что мы познакомились.*

Напоминание о прежнем знакомстве: *Мы уже знакомы; Мы уже встречались; Вы меня узнаёте?; Вы меня не узнаёте? Я вас где-то видел(-а), (встречал(-а)); Ваше лицо мне знакомо.*

Констатация факта косвенного знакомства: *Мне о вас говорили; Мне о вас говорил NN; Я о вас (много) слышал(-а); Я знаю ваши работы (о вас по работам); Я знаком(-а) с вашими работами.*

Т.к. в знакомство вступают незнакомые люди, то оно происходит преимущественно в Вы-формах общения, однако дети и молодые люди предпочитают знакомиться на «ты».

Знакомство сопровождается невербальными знаками благожелательства: улыбками, рукопожатиями. Посредник определённым жестом приглашает одного и другого к знакомству.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001; Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; Кошелева Ю.П. Стратегии самопредъявления одиноких людей в ситуации знакомства: КД. М., 2002; Точилкина Т. Г. Концепт «Знакомство» как элемент картины мира в русскоязычном англоязычном лингвокультурологическом пространстве: КД. Челябинск, 2007; **Формановская Н.И.** Употребление русского речевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ – понятия универсального характера, которые исследуются «в контексте базовых взаимоотношений человека, языка и мира, “вторгаясь” во все сферы человеческой жизни» [Щирова 2010: 1], в философии, психологии, литературоведении, лингвистике, не получив, тем не менее, в силу их сложности, однозначного понимания и определения. Слово «смысл» иногда употребляется как синонимичное «значению». С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова: Смысл – 1. Содержание, сущность, суть, значение чего-н. *Деньги – смысл эпохи* (АиФ.2012. № 27). 2. Цель, разумное основание чего-н.: *Но, как ни странно, в этом тоже есть смысл* (АиФ.2012. № 27); 3. В некоторых сочетаниях: разум, разумность.

З. приписывается единицам и категориям языковой системы: морфемам, словам, грамматическим категориям, интонации. Согласно А.Н. Леонтьеву, З. – «это то, что открывается в предмете и явлении объективно: в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость» [Белянин 2008: 104]. З. слова – «это то содержание, та информация, которая закреплена за ним в данном языке» [Кобозева 2000: 314]. Это «устойчивая система обобщений, стоящая за словом, одинаковая для всех людей, причём эта система может иметь только разную глубину, разную обобщённость, разную широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное “ядро”, определённый набор связей» [Лурия 1998: 60]. З. слов представлены в толковых словарях. З. может быть разложено на совокупность дифференциальных признаков (семантических компонентов/сем): один родовой, относящийся

предмет к классу предметов, и один или более – видовых. *Отец* = *родитель* + *мужской пол*; *стол* = *предмет мебели* + *имеющий горизонтальную поверхность* + *имеющий опору, ножки*.

С., в отличие от З., – информация, не фиксированная в словарях; «это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации» [Лурия 1998: 60–61]. Таким образом, З. – категория языка, а С. всегда ситуативен, индивидуален, субъективен, проявляется в конкретных коммуникативных условиях. З. обязательно, а смысловые варианты характерны прежде всего для художественных текстов.

А на круче...голоногий Мартынов. < > Издали гудел: – Эй, вы! Интернационал чумазый! <...> Скорее! У меня чтоб – хны! Четверо мальчишек на разные голоса отозвались: – Хны!.. Хны!.. Хны!.. Сергей Михалыч, хны!.. Никто в колонии не знал, что это слово значит. А у Мартынова оно – всё. Хны – хорошо, хны – плохо. Хны – быстро и ловко. Что хочешь. <...> Это мартыновское здешнее слово. Для своих. <...> С вечера рубили. Гришка лихо и скоро колот. Мартынов увидал, рожу скроил и руки потёр. – Ага, Песков – хны! Весь вечер Гришка похвале радовался. <...> – Работники – барахло! Научатся. Песков, чего иноходцем с кипятком скачешь? Не видишь, из чайника льётся? Хны! <...> Мартынов два раза заприметил. Крякнул. «Растёт, мерзавец!» – подумал и «хны» сердито сказал. Но потом пригляделся. <...> И прояснился. – Григорий Песков, хны! <...> А ребята говорили: – Мартынов – это хны! (Л. Сейфуллина).

Варианты понимания выражения «смысл слова» [Кобозева 2000: 314–320]: 1. С. слова как содержание понятия при неполном соответствии набору признаков для идентификации принадлежности объекта к определённому классу. – *Все как один речь вели о самостоятельной организации. Слово-то одно: самостоятельность, а смысл в него оппоненты вкладывали диаметрально противоположный; – Университет получил самостоятельность. – В каком смысле?; 2. С. слова как его интерпретация, основанная на прямом значении корневой морфемы. – *Вы возвращаете словам их... смысл... К примеру, если Вы говорите «великолепно», то говорите о великой лепе (лепке, лепоте)...*; 3. Смысл слова как его коннотации, т.е. связанные с ним в сознании говорящих представления как фактического, так и оценочного характера. – *... В нём (языке. – А.Б.) как печальный знак времени появились ...слова «нутана», «рэкетиры», и прочие, несущие шлейф «заграничного шика», укрывающего ...истинный смысл понятий: проститутки, бандиты.* С. слова может быть прямым или переносным.*

З. устойчивых словосочетаний, включая пословицы, поговорки, крылатые выражения, также даны в словарях. Их смысловые приращения вариативны. По отношению же к свободным словосочетаниям, предложениям/высказываниям, тем более текстам, термин «З.», как правило, не применяется: передаваемая ими информация не фиксирована, она формируется в конкретном контексте и/или в конкретной ситуации. Говорят о содержании, семантике, С. таких единиц; разные контекстные варианты содержания – разные С. В Косвенных высказываниях (см.) прямой, или буквальный, С. менее важен, чем скрытый за намёком; сказанное – только средство, а домысливаемое – суть. Информационная недостаточность речевых единиц может стать причиной коммуникативных неудач (нарушен постулат количества информации): – *Как жить-то будешь? – В смысле работы, что ли? – Ну.*

С. текста понимается как «квинтэссенция» его содержания в изложении, реферате; как его тезис; основная мысль. Основная мысль, вложенная автором в художественное произведение (в теории литературы – идея произведения), в обыденном языке также называется С. <...> *Сергей Михайлович говорил, что долго не мог понять до конца смысла этой сказки Пушкина... Но в дальнейшем...Сергей Михайлович пришёл к выводу, что последняя сказка Пушкина – шутливая притча...В таком же духе говорят о С. спектакля. С. диалогического текста, напр., разговора, считается либо его общая тема, либо общая для всех участников интенция (намерение, замысел, цель): – Лариса Фёдоровна с трудом следила за содержанием разговора, смысл которого часто ускользал от неё.*

В центре внимания исследователей проблем текстового содержания и его интерпретации – триада **автор-текст-читатель**. Распространено мнение, согласно которому содержание текста – производное в большей мере от того, как его представляет субъект, автор, а декодирование содержания определяется ситуацией интерпретации и личностью интерпретатора: «сколько читателей, столько и смыслов текста»; «полный потенциал текста неисчерпаем: новое время – новое прочтение, пусть и не инициированное автором»; «произведение имеет своё, независимое от автора бытие». К концу XX в. в филологии выработалось особое направление – **интерпретационизм**, основным тезисом которого стала идея: «Значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» [Демьянков 2000: 309]. Однако нельзя понимать этот лозунг буквально, как содержание без формы. «У них есть своя сложная форма выявления – выявления не прямого, а опосредованного: имплицит-

ные (скрытые, читающиеся «между строк». – А.Б) значения производны от взаимодействия эксплицитного (явно выраженного. – А.Б) значения с совокупными условиями его реализации» [Никитин 1996: 628].

Лит.: **Белянин В.П.** Психолингвистика: учебник. М., 2008; **Валгина Н.С.** Теория текста: учеб. пособие. М., 2004; **Демьянков В.З.** Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // *Язык и культура: Факты и ценности. К 70-летию Ю.С. Степанова.* М., 2001; **Кобозева И.М.** Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // *Язык о языке.* М., 2000; **Лурия А.Р.** Язык и сознание. М., 1998; **Никитин М.В.** Курс лингвистической семантики. СПб., 1996; **Новиков А.И.** Смысл: семь дихотомических признаков // *Теория и практика речевых исследований.* М., 1999; **Щирова И.А.** Значение и смысл, понимание и интерпретация (к уточнению сложных понятий) // *Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: сб. ст. к юбилею д-ра филол. наук, проф. Н.А. Кобриной.* СПб., 2010.

А.А. Бернацкая

ИДЕОЛОГЕМА – языковая или речевая единица (слово, выражение, высказывание), имеющая отношение к выражению той или иной идеологии.

Вероятно, первые примеры использования этого термина встречаются в специальной литературе 1970-х гг. Ср.: «Говорящий человек в романе – всегда в той или иной степени идеолог, а его слово всегда идеологема. Особый язык в романе – всегда особая точка зрения на мир, претендующая на социальную значимость. Именно как идеологема слово и становится предметом изображения в романе, и потому роман не подвергается никакой опасности стать словесной игрой» [Бахтин 1975:145]; «идеологема — лингвистический инвариант с социальной релевантностью, т.е. один и тот же термин имеет разную идеологическую релевантность в языке представителей социальных общностей» [Neubert 1974]; идеологема – единица семантического описания социально-классового аспекта языка [Нойберт 1979] и т.д. Некоторая изначальная расплывчатость семантических границ термина не только не препятствовала, но, по-видимому, способствовала его широкому употреблению в ряде гуманитарных наук. Кроме того, в российской лингвистике это объясняется также его удобством в применении (однословность, терминообразие – ср. *лексема, морфема* и под.).

Некоторые лингвисты полагают, что «идеологема – это мировоззренческая установка (предписание), облечённая в языковую форму» [Купина 1995: 43], а потому «Тоталитарный язык» (см.) – это «сверхтекст идеологем»; он «располагает своим словарём, который можно представить в виде блоков идеологем», а они, в свою очередь, «поддерживаются прецедентными текстами из так называемых первоисточников» [Купина 1995: 138]. Считают также, что «тоталитарный язык» представлял собою своего рода систему И., средство отражения и формирования идеологизированного сознания «советского человека» [Земская 1996: 23] и что советская И. отсылает «участников коммуникации к сфере должного правильного мышления и безупречного поведения» и предостерегает их от недозволенных поступков и неверных мыслей [Гусейнов 2004].

Однако такой подход не является единственно возможным. Объективное рассмотрение и анализ публичных речекommunikативных актов постсоветского периода позволяет утверждать, что «словесный фетишизм отнюдь не является исключительной принадлежностью советской социалистической (иначе – «тоталитарной») системы» [Васильев 2000: 56] (см. также [Синельникова 2003]). Поскольку «нет строя, который мог бы обходиться без идеологии», то «идеологемы представляются константами, универсалиями публицистического подстиля» [Клушина 2003: 281].

Иногда различают два вида И.: к первому из них относят слова (словосочетания), смысл которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов; зачастую различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [Чудинов 2007: 92]; ко второму – наименования (в т.ч. – составные), которые «используются только сторонниками определённых политических взглядов», тогда как их политические противники для характеристики тех же реалий предпочитают использовать иные обозначения [Чудинов 2007: 93].

Нередко определение И. варьируется в текстах одного и того же автора, ср.: «идеологема – мировоззренчески насыщенное обобщающее, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой» [Клушина 2008: 38]; «идеологема... – единица коммуникативной стилистики», «основная авторская идея, имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создаётся текст» [Клушина 2008: 38–39].

Лит.: Бахтин М.М. Слово в романе. М., 1975; Васильев А.Д. Слово в телеэфире. Красноярск, 2000; Гусейнов Г.Ч. Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М., 2004; Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3; Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003; Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): АДД. М., 2008; Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995; Нойберт А. К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики // Актуальные проблемы языкознания в ГДР: Язык – идеология – общество. М., 1979; Ромашов Н.Н. Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет: АКД. Екатеринбург, 1995; Синельникова Л.Н. Языковые симулякры как материализованная энтропия, или В мире заблуждений // Структура представления знаний про світ, суспільство, людину: у пошуках нових змістів. Т. 1. Луганськ, 2003; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М., 2001; Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2007; Neubert A. Zu Gegenstand und grundbegriffen einer marksistisch-leninistischen Sociolinguistic. Halle, 1974.

А.Д. Васильев

ИДИОМА, или **ИДИОМАТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ**, – лексическая, морфологическая или синтаксическая единица языка, имеющая фразеологическую природу (см. Фразеологизмы) и характеризующаяся функциональной устойчивостью (целостной номинативной функцией) и семантической неразложимостью, возникающей вследствие переосмысления лексико-грамматического состава.

1. Лексическая идиома – функционально устойчивое эквивалентное слову словосочетание, которому свойственна максимальная степень семантической слитности, нерасчленённость, целостность значения. Напр.: *семи пядей во лбу*, *в ус не дуть*, *не солоно хлебавши*, *ни уха ни рыла* и т.д.

Лексические идиомы являются результатом культурно-исторического развития языка. Образование идиом вызывается: а) забвением исторического факта, с которым связано переносное употребление выражения (*Сарынь на кичку!*; *Турусы на колесах*; *Сапоги всмятку*); б) наличием утраченного для современного русского языка слова (*Попасть впросак*; *Разбить вдребезги*; *У черта на куличках*); в) наличием архаических грамматических форм слов и синтаксических связей (*Еле можшаху*; *Ни синь пороху*; *Притча во языцех*; *Погибоша аки обре*; *Ничтоже сумняшеся*).

2. Морфологическая идиома – слово, неразложимое с точки зрения современного языка на морфемы, но членимое на форманты: *вкус*, *подушка*, *подсолнух*, *петух* и под. Эти идиомы возникают из лексических идиом или в результате словообразовательного опрощения.

3. Синтаксическая идиома – синтаксическая конструкция, обладающая таким синтаксическим значением, которое неразложимо на значения отдельных форм: *Хоть плачь!*; *Ну и жара* и т.п.

Использование идиом характерно для художественной, публицистической и разговорной сфер общения.

Лит.: Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. Л., 2009; Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины; Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977; Москальская О.И. Грамматический идиоматизм и синтагматика // Иностранные языки в высшей школе. М., 1962; Телия В.Н. Идиома // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Тимошенко И.В. Формы-идиомы: семантика и употребление: КД. М., 2010; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

ИДИОМАТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ. См. ИДИОМА

ИДИОСТИЛЬ, или **ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ**, – 1. Многоаспектное многоуровневое проявление личности, «стоящей» за любым текстом: его лексикона, знаний о мире, мотивов, определяющих особенности содержания и структуры созданного ею текста; 2. Основная категория стилистики художественной литературы, отражающая своеобразие творческой деятельности художников

слова, включая использование выразительных средств и приёмов, специфику художественного метода, принципы отбора и организации материала, жанровые предпочтения и т.д.

Неповторимость личности, отражающаяся в её речевой деятельности, привлекает внимание специалистов разных областей знания: лингвистов, психологов, методистов, социологов и т.д. В сфере обучения, напр., изучают педагогический стиль учителя (В.А. Кан-Калик, Т.А. Ладыженская, В.И. Рахматшаева и др.); в научной сфере исследуется индивидуальный стиль учёных (ср., напр., труды Н.М. Разинкиной, М.П. Котюровой, Р.К. Терешкиной; серию работ, выполненных пермскими исследователями под руководством М.Н. Кожинной); в публицистике анализируется индивидуальный стиль журналистов (Л.М. Майданова, И.П. Лысакова, Л.Г. Кайда, Е.В. Какорина и др.) и телеведущих (О.А. Лаптева, С.В. Светлана, Г.Н. Беспмятнова и др.) и т.д. Объектом внимания становятся и индивидуальные особенности речевой деятельности обычных носителей языка (Г.И. Богин, Т.Г. Винокур и др.) и диалектоносителей (ср. работы Т.С. Коготковой, Е.В. Иванцовой, Л.Г. Гынгазовой, Т.Ф. Волковой и др.).

Особенно давно и плодотворно И. изучается в стилистике художественной литературы (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин и др.). Многообразие подходов к его изучению можно условно сгруппировать в три направления. В течение ряда лет интенсивно проводились исследования И. в стилистике художественной речи с ориентацией на отдельные элементы художественной системы писателя. Для данного направления в изучении И. характерно внимание: 1) к образной трансформации слов (Б.А. Ларин, М.Б. Борисова, М.Д. Поцепня и др.); 2) к динамике речевых форм (В.В. Виноградов, Е.А. Гончарова, А.И. Домашнев, И.П. Шишкина и др.); 3) к композиционным приёмам и структуре (В.В. Одинцов, К.А. Рогова и др.); 3) к словоупотреблению и словотворчеству (В.П. Григорьев, А.Д. Григорьева, Н.А. Кожевникова, О.Г. Ревзина и др.).

Второе направление в исследовании И. характеризуется интересом к различным структурным и смысловым формам организации языкового материала (прежде всего лексического) в замкнутом целом (А.Д. Григорьева, В.П. Григорьев, Н.К. Соколова, Ю.С. Язикова, Н.А. Кожевникова, Л.В. Зубова и др.).

Третье направление формируется на основе моделирования «возможных миров» разных авторов, их картины мира (В.Ю. Прокофьева, Т.С. Кусаинова, Е.Г. Малышева, М.Р. Проскураков, М.Л. Левченко, И.А. Тарасова, Н.Р. Суродина и др.). Второе и третье направления отражают разработку проблемы И. с ориентацией на деятельность автора.

В отличие от ранее рассмотренных подходов к анализу И., в рамках коммуникативной стилистики текста И. исследуется с точки зрения того, как автор организует диалог с читателем, направляя его речемыслительную деятельность по определённому пути в соответствии с коммуникативной стратегией текста и замыслом создателя [Болотнова 2009; и др.]. Новый коммуникативно-деятельностный подход к изучению И. основывается на определении текста как формы коммуникации, предполагающей особую организацию общения как совместной речемыслительной деятельности автора и адресата [Сидоров 1987]. Творческая индивидуальность автора проявляется не только в отборе материала, выборе тематики и проблематики, в предпочтении одних элементов поэтики другим, но и в выборе и организации многообразных средств, регулирующих диалог с читателем, стимулирующих ассоциативную деятельность адресата в определённом направлении, по-разному моделирующих смысловое развёртывание текста в сознании читателя. И. рассматривается как сложное, многомерное и многоуровневое проявление личности автора, «стоящей за текстом»: его лексикона, знаний о мире, мотивов, определяющих своеобразие текстовой организации, неповторимости и оригинальности ассоциаций, отражённых в лексической структуре текста.

И. формируется прежде всего в соответствии с интеллектом личности. Но интеллектуальные свойства человека отчётливо проявляются не на структурно-языковом уровне, отражающем степень владения обыденным языком, а лишь на уровнях организации языковой личности – лингвокогнитивном и мотивационном [Караулов 1987]. Соотношение именно со сложными уровнями может стать основанием для дифференциации близких, но не тождественных понятий «идиостиль» и «идиолект». Если **Идиолект** (см.) представляет собой совокупность собственно структурно-языковых особенностей (стабильных характеристик) речи отдельного носителя языка, то **идиостиль** – это совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности (индивидуальности писателя, учёного, конкретного говорящего человека). И. и идиолект формируются под воздействием всей экстралингвистической основы – как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой. И. имеет интегрированный характер уже потому, что является «посредником» между текстом и его создателем. Именно близость к человеку обуславливает особые трудности в процессе изу-

чения И.: слишком мало пространство для абстрагирования от конкретного текста и обобщения его особенностей. В то же время несомненно, что И. – это стиль языковой личности во всём многообразии проявления специфики её уровней (по Ю.Н. Караулову, вербально-семантического, когнитивного, мотивационного) в текстопорождающей деятельности и в структуре, семантике и прагматике текста в рамках того или иного функционального стиля речи.

Индивидуальный стиль мышления и речи можно изучать в пределах лишь одного функционального стиля (что установлено в отношении художественного, научного, публицистического стилей русского языка). Действительно, только в широком психологическом контексте творческого процесса, напр. художественного или научного, можно объяснить собственно лингвистические научные факты, полученные в результате анализа целого текста. Понятие И. традиционно используется в науке о стилях художественной литературы для описания стиля того или иного писателя, а также стиля отдельного художественного произведения. По мнению В.В. Виноградова, одной из центральных проблем стилистики художественной литературы является характер речевого воплощения в произведении образа автора. Эта проблема активно разрабатывается новым научным направлением – коммуникативной стилистикой художественного текста [Болотнова и др. 2001].

В функциональной стилистике И. понимается как совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц – как в качественном, так и в количественном отношении – в рамках того или иного функционального стиля, жанра, текстовой категории и т.п. И. соотносится поэтому не с языковой личностью вообще, а с языковой личностью в определённой социальной роли субъекта речи. В связи с этим основным методологическим принципом изучения И. учёного, писателя, публициста является установление воздействия экстралингвистических факторов на формирование И. данной языковой личности.

Для аргументации этого принципа имеют значение научные факты проявления речевой индивидуальности в произведениях не только писателя (чему посвящена обширная литература), но и учёного. Экстралингвистическими предпосылками проявления И. учёного являются сама личность (полиструктурное образование, включающее природные и социальные свойства человека), когнитивный стиль, творческий характер деятельности, активность в поиске языковых единиц для лучшего выражения мысли, т.е. весь комплекс социальных, психологических и языковых факторов.

В силу методической сложности полного анализа текстов и недостаточности описания лишь специфических, индивидуально-авторских языковых средств, необходимо «укрупнение» единицы лингвистического анализа – носителя речевой индивидуальности. Такой единицей можно признать текстовую категорию, понимаемую в качестве комплекса языковых единиц, объединённых на функционально-семантической основе.

Одно из ярких проявлений И. в научном тексте – использование иностилевых вкраплений. Напр.: *Всякий глагол в русском языке **обрастает** целой системой префиксов; Во французском языке «плохо» образуются относительные прилагательные... Дело в том, что, действительно, во французском языке «**туго**» создаются относительные прилагательные (Гак); ...Отрицательные предложения... интересовали исследователей издавна. – Однако **настоящая вспышка интереса** к таким предложениям произошла в последние 10-15 лет* (Богуславский). Появление подобных «инкрустаций» с определённой текстообразующей нагрузкой свидетельствует об индивидуальном их использовании.

В аспекте культуры письменной речи И. писателя, учёного, журналиста и т.д., несомненно, соотносится как с нормами РЛЯ (орфографическими, пунктуационными, общеречевыми), так и функционально-стилевыми и жанровыми нормами. Овладение этими нормами создаёт предпосылки для формирования собственного стиля, или И.

Изучение И. может быть объединено таким общим направлением, как идиостилика, проблематика которой – углубляемая и расширяемая в процессе «приближения» к языковой личности как автору того или иного текста – формируется в недрах функциональной стилистики.

Стиль автора отражается в стиле художественного произведения, т.е. системе значимых для писателя коммуникативно и эстетически обусловленных принципов организации текста, диктующих не только отбор и организацию языковых средств, но и использование стилистических приёмов и типов Выдвижения (см.), характер ассоциативно-смыслового развёртывания текста. Проблема И. имеет комплексный характер, требующий междисциплинарного подхода. Она столь же глубока и неисчерпаема, как неисчерпаема сама личность художника слова.

Лит.: Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001; Болотнова Н.С. Новые под-

ходы к изучению идиостиля в современной лингвистике // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: мат-лы Всеросс. науч. конф. (Екатеринбург, 14–16 апр., 2005 г.). Екатеринбург, 2005; **Болотнова Н.С.** Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009; **Виноградов В.В.** О языке художественной литературы. М., 1959; **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Винокур Т.Г.** Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М., 1989; **Григорьев В.П.** Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М., 1983; **Залевская А.А.** Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992; **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004; **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М., 1987; **Котюрова М.П.** Понятие о речевой индивидуальности учёного / Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001; **Мерлин В.С.** Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986; **Норман Б.Ю.** Грамматика говорящего. СПб., 1994; **Очерки истории языка русской поэзии XX в.:** Опыты описания идиостилей. М., 1995; **Сидоров Е.В.** Проблемы речевой системности. М., 1987; **Тарасова И.А.** Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003; **Терёшкина Р.К.** К вопросу об авторской речевой индивидуальности в научных текстах // Лингвостилистические особенности научного текста. М., 1982; **Хорошая речь:** сб. ст. Саратов, 2001.

Н.С. Болотнова, М.П. Котюрова

ИЕРЕМИАДА. См. ЖАЛОБА

ИЗВЕЩЕНИЕ – вторичный информативный речевой жанр официально-деловой сферы, содержит сообщение о фактах и событиях, имеющих прямое отношение к Адресату (см.). Соотносится с первичным речевым жанром «сообщение». Оформляется, как правило, в виде документа на специальном бланке, куда вносятся необходимые конкретные данные: фамилия адресата, дата и т.д. Автором извещения выступает социальный институт – официальная инстанция, а адресатом – конкретный человек.

И. имеют обращение в судебной, банковской, административной сферах. Примером последней может послужить почтовое И. о получении посылки или денежного перевода. Известны также И. о ДТП, о проведении конкурса, аукциона, об изменении руководства. Реквизиты судебных И. и их обращение регулируются Гражданским процессуальным кодексом РФ (Глава 10. Судебные извещения и повестки).

Информативный по происхождению, этот жанр стал по существу императивным: он предполагает осуществление адресатом определённых действий: почтовое извещение фактически является приглашением получить корреспонденцию, тогда как судебное – вызовом.

И. о смерти военнослужащих во время Великой Отечественной войны получили название «похоронки»: *Время было тяжелейшее – голод, непосильная работа, постоянные похоронки с фронта* (Ф. Абрамов).

Среди деловых информативных жанров И. соотносится с Объявлением (см.) и повесткой, «жанровая судьба» которой близка И.: она по существу императивна, т.е. является вызовом в суд, военкомат.

Названия жанров «И.» и «повестка» – однокоренные, входят в корневое гнездо *-вест-*: как и *весть, известие, повесть* и соотносятся с глаголами *извещать* и *оповещать*.

Лит.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 N 138-ФЗ. (принят ГД ФС РФ 23.10.2002) (действующая редакция).

Т.В. Шмелёва

ИЗВИНЕНИЕ – речевой акт (в иной трактовке речевой жанр), состоящий в просьбе о прощении и использующий следующие этикетные формулы в различных ситуациях:

1. В официальной ситуации (официально-учтливое И.). Самые распространённые варианты И.: *Извините, пожалуйста!, Позвольте извиниться (перед Вами), Приношу (приносим) (свои) извинения...* Напр., официальное извинение главного редактора «Телеканала Россия 2» Д. Медникова и ведущего Д. Губерниева: *Для какой бы аудитории ни предназначалась эта информация, **приносим извинения** футбольному клубу «Зенит» и лично Вячеславу Малафееву* (sportbox.ru, 31.08.2011).

И. также может быть оформлено в виде «извинительного письма». Благодаря возможностям Интернета, можно заказать письменное И. (к примеру, на сайте www.sorry-me.ru). В виртуальном пространстве существует даже служба извинений (www.holiday74.ru). Но, как правило, обычного вежливого письма по электронной почте с И. достаточно, чтобы возобновить отношения (напр., в ситуации разногласия с партнёром по бизнесу).

2. В ситуации незначительного проступка, неловкого поведения, доставленного беспокойства, неудобства, невольного или вынужденного нарушения норм этикета, И. происходит без объяснения самой вины, т.к. она самоочевидна (кого-то нечаянно толкнули, наступили на ногу, не успели пропустить вперёд и т.д.). В этом случае достаточно выразиться формулой: *Извините!* или *Простите!* Напр.: *Городничий (немного оправившись и протянув руки по швам): – Желаю здравствовать! Хлестаков (кланяется): – Моё почтение!.. Городничий: – Извините. Хлестаков: – Ничего...* (Н. Гоголь).

3. В ситуации необходимости попросить прощения за что-л. (произносится с просительной интонацией). В случае, когда необходимо объяснить, за что именно приносим И., возможны формулы: *Извините, пожалуйста, за поздний звонок!*, *Простите за то, что доставил вам столько хлопот!..* Напр.: *Граф (подходя к Дарье Ивановне): Дарья Ивановна, вы, пожалуйста, извините меня: я сегодня, к сожалению, не могу у вас остаться долее, но я надеюсь, что в другой раз...* (И. Тургенев).

Существуют и такие этикетные формулы, которые предполагают объяснение причины И.: *Извини/те (меня, пожалуйста) за (что-л.); Извини/те мне (что-л.); Извини/те (меня, пожалуйста) за то, что...; Извини/те, что...; Извини/те, если...; Извини/те за выражение; Извини/те за грубое слово; Извини/те за нескромный вопрос (за нескромность); Извини/те за откровенность (прямоту); Извини/те за сравнение и др.*

4. В ситуации учтвого И. за возможное нарушение субординации, строгих правил этикета при обращении к высшему по положению. В этом случае могут употребляться формулы: *Извините (простите) мою смелость; Извините за настойчивость...* Пример такой ситуации встречается в анекдоте: *Ночь. Не видно ни зги. Рядовой, стоящий на посту, видит маячащую у охраняемых складов фигуру. – Эй, мужик, подь сюда, дай закурить. Фигура медленно приближается к солдату. – Ой, товарищ генерал, извините – не узнал! – Да ничего, ничего, сынок. На вот, закуривай... Повезло тебе, что на ефрейтора не нарвался...* (babedra.ru).

5. В ситуации употребления в речи сниженных или откровенных, нелицеприятных для собеседника слов, напр.: *Твой батюшка покойный, извини уж, на что был вздорный, а хорошо сделал, что швейцара тебе нанял...* (И. Тургенев).

6. В ситуации выражения отказа, несогласия, возражения, протеста могут быть употреблены формулы: *(Вы меня) извини/те (но, нет, не могу...); Нет (уж) извини/те (Ну уж нет, извини/те)...* Напр.: *Ну уж извините, Василий Иванович, извините-с! Ни теперь, ни после я не изменю своим убеждениям, – горячится юнец с взбитым вихорком* (К. Станюкович).

7. В ситуации вежливого обращения к незнакомому с вопросом или просьбой (чаще в препозиции с «Вы»-формами) возможны формулы: *Извините, не подскажете, как...; Извините, вы выходите...?; Извините за беспокойство...; Извините, вас не затруднит...?*

Этикетные формулы И. широко употребительны и необходимы в различных ситуациях общения.

Лит.: Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2007; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Тарасенко Т.В.** Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: КД. Красноярск, 1999; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2012.

Н.Н. Акулова

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ. См. ОБРАЗНОСТЬ

ИЗОБРЕТЕНИЕ РЕЧИ. См. ИНВЕНЦИЯ

ИЗОКОЛОН (от др.-греч. ἰσόκωλον – ‘одинаковость колонов’, ‘равночленность’) – стилистическая фигура, представляющая собой полный синтаксический параллелизм, заключающаяся в симметричном расположении одинаковых форм частей речи в тождественных по составу синтаксических

конструкциях. Напр.: *Слишком самостоятелен, слишком неуправляем директор – сеет, что хочет, говорит, что думает* (Родина. 09.1989); *Словом, всё шло по известному принципу: государство делает вид, что оно платит, а трудящиеся делают вид, что они работают* (Изв. 21.07.1992).

В зависимости от места расположения конструкций И. в контексте различают 1) контактный И. (конструкции И. находятся в смежных частях текста): *Члены президиума отчитаются о проделанной работе: Ю. Лужков – о реформе системы органов госвласти, В. Ишаев – о стратегии развития страны, М. Шаймиев – о разграничении компетенции между центральными и местными властями* (АиФ. 05.06.2000); 2) дистантный И. (однотипные структуры И., связанные по смыслу, находятся в контексте на определённом расстоянии друг от друга): *Обращаемся к фирмам, производящим одноразовое медицинское оборудование, – просим вас продавать нам это оборудование на дружеских условиях. Вываем к организациям, которые могли бы стать спонсорами благотворительных выставок-продаж и аукционов картин в пользу счёта «АНТИСПИД»* (Родина. 1989. №10).

И. функционирует во всех стилях современного РЛЯ и выполняет экспрессивную функцию. При этом в художественных текстах главенствующее место занимает интонационно-ритмическая функция. Напр.: *Листьев не обожгло, / Веток не обломало... / День промыт, как стекло, / Только этого мало* (А. Тарковский).

В публицистических текстах определяющей является функция логико-эмоционального выделения: *И всё это – без меры: если танцы – то на столах, если шампанское – то бассейнами, если женщины – то пачками* (АиФ. 12.07.2000).

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1975; Krahl S., Kurz J. Kleines Wörterbuch der Stilkunde. Leipzig, 1975.

А.А. Кузнецова

ИЗОТОПИЯ. См. ТЕКСТ

ИЛЛЕЙЗМ. См. СИНТАКСИЧЕСКАЯ АНТИЦИПАЦИЯ

ИЛЛОКУЦИЯ – прагматический компонент смысла высказывания, отражающий коммуникативную установку говорящего. Термин теории речевых актов, соотносящийся с такими терминами, как иллокутивная цель, иллокутивная сила, иллокутивный акт. И. противопоставлена Локуции (см.) и дифференцирует такие речевые акты, как приказ, обещание, описание [Арутюнова 1976; Остин 1986; Серль 1986; Вендлер 1985]. И. выражается в иллокутивных глаголах, которые в речевом акте используются в форме первого лица ед. числа наст. времени: *приказываю, обещаю, описываю*. В рамках теории речевых актов выявлен ряд речевых актов, иллокуция которых должна быть скрытой – *похвалиться, сболтнуть, подбивать, подначивать, подстрекать, угрожать, льстить, лгать, искушать, соблазнять*. Раскрытие И. за счёт использования приведённых иллокутивных глаголов означает «иллокутивное самоубийство» [Вендлер 1985], т.е. коммуникативный провал, практически исключающий автора из числа коммуникантов, пользующихся доверием и придерживающихся принятых в обществе норм коммуникативного поведения.

В теории речевых жанров И. соответствует параметр **коммуникативное намерение** как один из жанрообразующих факторов, различающий информативные, императивные, оценочные и этикетные жанры [Шмелёва 1990].

В самом общем смысле И. соотносится с понятием Интенции (см.) и в медиалингвистике изучается как феномен полиинтенциональности медиатекста [Медиатекст... 2012].

Лит.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976; Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Шмелёва Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) // Russistik. Berlin, 1990. № 2; Матвеева Т.В. Полный словарь

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ЛЕКТОРСКИЙ. См. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ТЕМЫ

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. См. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ТЕМЫ

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ТЕМЫ, или **ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ЛЕКТОРСКИЙ**, – разновидность Сегментированного предложения (см.), в которой сегмент выражен формой именительного падежа существительного – одиночного или с зависимыми словами. Напр.: *Москва... Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось* (А. Пушкин); *Свобода от всего на свете – к чему она нам, если мы не знаем, для чего мы свободны?* (С. Франк); 3) *«Слово о полку Игореве»... С тех пор как я понял, что передо мной подлинная поэзия, отпала необходимость сомневаться в подлинности произведения* (В. Солоухин).

В конструкциях с И.т. логически выделены как сегмент, так и базовая часть.

При соответствующем лексическом наполнении конструкции с И.т. создают пафосную тональность текста, напр.: *Москва! На картах мира нет для нас подобного, наполненного таким содержанием слова* (Л. Леонов); *Сельский учитель! Сколько тепла, уважения, признательности вызывают эти слова* (Советская Россия. 06.09.1985).

Лит.: **Попов А.С.** Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; **Попов А.С.** Сегментация высказывания // Морфология и синтаксис современного русского языка. М., 1968; **Хаззагеров Г.Г.** Риторический словарь. М., 2009; **Хаззагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ИМИДЖ (от англ. image – ‘образ’, ‘изображение’) – образ, который человек представляет окружающим, т.е. образ, используемый им для самопрезентации; соответственно, это представление о человеке, возникающее в сознании других людей в процессе коммуникации, на основе всей совокупности его личностных качеств, черт внешнего облика, манеры поведения и общения.

Понятие И. достаточно широко, поскольку И. включает в себя много составляющих. Отправной точкой в определении понятия «И.» является его англ. значение – ‘образ’.

В И. каждого человека есть сугубо индивидуальные черты, достигающиеся ему по наследству от родителей: рост, тип телосложения, черты лица и др. Многие жесты и мимику человек также наследует, однако они поддаются коррекции. Некоторые врождённые физические особенности можно либо подчеркнуть, либо скрыть. К составляющим И., которые человек способен подвергать контролю и коррекции, относятся: осанка; походка; позы; улыбка; взгляд; одежда; выбор цветовой гаммы; аксессуары; украшения; духи; макияж; организация пространства общения (дистанция); голос; имя; характер; манера общения; манера поведения; круг общения; речь (устная и письменная); этикетные знания, умения и навыки; образ жизни; здоровье; гастрономические и кулинарные предпочтения; интeрьeрные предпочтения.

Определить границы категории «И.» весьма затруднительно, поскольку каждая его составляющая представляет собой некую сферу, включающую в себя ряд элементов, специфичных в своём воплощении. Однако можно констатировать, что И. – это индивидуальная социально-психологическая система, состоящая из взаимосвязанных элементов, направленных на определённую самопрезентацию в обществе. И. можно определить и как социальную роль, воплощающуюся в поведении, общении, речи, манере одеваться и т.п.

Базовая схема создания И., представляющая собой ориентацию на корректирование всех его составляющих, должна индивидуализироваться в каждом конкретном случае, поскольку И. соотносим с личностью. Сочетание внутреннего (личностного) и внешнего в формировании И. – необходимое условие. Только гармоничное сочетание внутренних характеристик и внешнего облика позволит создать положительный образ, который будет производить благоприятное впечатление на окружаю-

щих. По этой причине одна из первых рекомендаций желающим создать положительный И. – познать самого себя.

Помимо индивидуального И., т.е. И. конкретного лица, выделяется групповой. К групповым И., представляющим собой социальные характеристики, относятся И.: политического деятеля, бизнесмена, дипломата, руководителя, педагога, врача, художника, эстрадного певца, родителя и т.п. Наиболее разработана технология имиджирования бизнесменов. В той или иной мере разрабатываются (чаще в виде отдельных глав) вопросы имиджирования деловой женщины, дипломатов, педагогов, родителей. Слагаемые таких И. определяются спецификой того или иного социума. Существуют также И. возрастные и национальные.

В целом имиджелогия как наука и искусство создания образа и управления впечатлением представляет собой развивающуюся отрасль. Основные понятия и практики имиджелогии требуют уточнения и доработки. Базовое понятие «имидж» следует конкретизировать применительно к определённой социальной сфере: бизнес, дипломатия, управление, педагогика и т.д.

Лит.: Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник. М., 2000; Браун Л. Имидж – путь к успеху. СПб., 1996; Камычек Я. Вежливость на каждый день. М., 1988; Колесникова Л.Н. Обаяние личности как категория риторики. Орёл, 1998; Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. М., 1999; Кузин Ф.А. Имидж бизнесмена. М., 1996; Почепцов Г.Г. Имиджелогия. Киев, 2002; Шепель В.М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. М., 1997; Шепель В.М. Управленческая психология. М., 1984; Яндарова С.В. Имидж личности: содержание, функции и мотивации построения: КД. М., 2005.

А.Н. Смолина

ИМИДЖЕВОЕ ИНТЕРВЬЮ. СМ. ЖАНРЫ ПИАР-КОММУНИКАЦИИ

ИМПЕРАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ – тип Речевых жанров (см.), коммуникативная цель которых – вызвать осуществление именуемого в них события (побудить к нему).

Языковые факты, имеющие отношение к функционированию И.р.ж., изучаются в теории речевого этикета, в морфологии – при рассмотрении императива как наклонения глагола; в синтаксисе – при рассмотрении побудительных предложений; в лексикологии – в исследовании глаголов речи побудительной семантики; в теории речевых актов – при изучении директивов.

При широком понимании И.р.ж. к ним следует отнести не только классические побуждения, цель которых «назначить» адресата исполнителем обсуждаемого действия («ты»-жанры: *просьба, совет, рекомендация, предложение, приглашение, завет, наказ, инструкция, приказ, требование* и т.д.), но и такие, где исполнителем предполагается сам автор («я»-жанры: *обещание, клятва, угроза*), а также третье лицо («он»-жанры: *распоряжение, требование, приказ, указ*).

Помимо этих различий для И.р.ж. существенны заинтересованность автора в исполнении действия (ср. *просьба* и *совет*), сила побуждения (ср. *просьба* и *мольба*), характер отношений между автором и адресатом (ср. *приказ* и *совет, просьба* и *требование, завещание* и *наказ*).

В сфере **обыденного** общения И.р.ж. регулируются традицией, речевым этикетом, что не исключает коммуникативных конфликтов, в которых могут звучать реплики *Я не нуждаюсь в твоих советах; Кто ты такой, чтобы мне приказывать; Не учи меня жить*. В других сферах автором И.р.ж. можно стать при наличии определённых полномочий (*приказ, инструкция, Указ президента*).

Хотя запланированной реакцией на И.р.ж. должно быть действие, не исключены и речевые жанры позитивной и негативной реакции: *приглашение* предполагает *благодарность* или *отказ; просьба – согласие* или *отказ*.

И.р.ж. располагают широким кругом языковых средств, выбор из которых определяет этикетную сторону их функционирования, в частности, степень категоричности побуждения. В центре этого круга находится специализированная грамматическая форма глагола – императив (побудительное наклонение), с её помощью в принципе может быть выражен любой из И.р.ж. Они тем не менее используют и другие формы: инфинитив (*Молчать!*), неглагольные формы (*Тихо!, Воды!*), а также предложения без побудительных форм – вопросительные: *Вы не скажете, который час?(=Скажите)* и повествовательные: *Мне нужна почта (=Скажите, где почта)*. Эксплицитное воплощение И.р.ж. вводит в высказывание глаголы и имена жанровой семантики: *Замолчите! Прошу вас; У меня к вам просьба. Помогите ему*.

И.р.ж. занимают важнейшее место в речевой практике; владение ими – основа коммуникативного успеха в разных ситуациях – от семейных отношений до служебной карьеры.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1978; **Бирюлин Л.А.** Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: АДД. СПб, 1992; **Зотеева Т.С.** О некоторых компонентах жанра просьбы // Жанры речи: сб. ст. Вып. 3. Саратов, 2002; **Федосюк М.Ю.** Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1997; **Филатова Е.А.** Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: АКД. М., 1997; **Храковский В.С., Володин А.П.** Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986; **Ярмаркина Г.М.** Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждения, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи: АДД. Саратов, 2001; **Ярмаркина Г.М.** Жанр просьбы в неофициальном общении: риторический аспект // Жанры речи: сб. ст. Вып. 3. Саратов, 2002.

Т.В. Шмелёва

ИМПОССИБИЛЛИЯ (от лат. *impossibilis* – ‘невозможный’), или **АДИНАТОН** (от др.-греч. *ἀδύνατον* – ‘невозможность’), – разновидность стилистического приёма Абсурдизации (см.) при его широком понимании, состоящая в неправдоподобном, абсурдном изображении какого-л. положения дел, процессов, поступков и т.д., как, напр., в следующем анекдоте: *Психиатр говорит своему коллеге: – Представляешь, недавно ко мне пришёл пациент, который вообразил, что он автомобиль. – Ну и как ты его лечишь? – А я его не лечу, я на нём домой езжу* (Комок. 12–18.03.2001).

В художественной литературе И. может принимать форму более или менее развёрнутого повествования, «намеренного нагромождения небылиц» [Хазагеров, Ширина 1999: 229–230]: *Началось с того, что Волгу толчком замесили, потом телёнка в баню тащили <...>, потом рака с колокольным звоном встречали, потом щуку с яиц согнали, потом комара за восемь вёрст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, потом блинами острог конопатили, потом блоху на цепь приковали, небо кольями подпирали* (М. Салтыков-Щедрин); *Иван Торопыжкин пошёл на охоту, / С ним пудель вприпрыжку пошёл, как топор, / Иван провалился бревном на болото, / А пудель в реке перепрыгнул забор. / Иван Торопыжкин пошёл на охоту. / С ним пудель в реке провалился в забор. / Иван, как бревно, перепрыгнул болото, / А пудель вприпрыжку попал на топор* (Д. Хармс).

Таким образом, И. является стилистическим (речевым) приёмом, основанным на намеренном отклонении от той или иной частной онтологической нормы (или нескольких онтологических норм одновременно), что приводит к созданию комического эффекта с развлекательной или аксиологической (оценочной) функцией. Сфера использования И. – художественная речь и публицистика.

Лит.: **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ИНАНИМАЦИЯ. См. ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ

ИНВЕКТИВА (от лат. *investīva* [oratio] – букв. ‘бранная [речь], поношение’) – 1. Особый текст, написанный в стихах или прозе и направленный на обличение какого-л. лица. Мог быть самостоятельным или частью другого риторического текста или комедии. Как жанр красноречия разрабатывался в риторических школах, в т.ч. в виде учебных И. против мифологических персонажей. Классикой жанра считаются стихотворные И. Архилоха и Катулла, речи Саллюстия против Цицерона, «Ибис» Овидия. И. – жанр противоположный **дифирамбу**. Литературные формы И. многообразны: эпиграмма (Марциал), полемические статьи и речи («Филиппики» Цицерона); И. использовали Аристофан в комедиях «Всадники», «Облака», Катулл в лирике, Эразм Роттердамский в «Похвале Глупости», Дени Дидро в «Племяннике Рамо». И. соотносится с греческими словами **диатриба** – обличительная речь; **филиппика** – гневная, обличительная речь.

В русской литературе И. связана с сатирой и реализовалась в таких жанрах, как эпиграмма, полемические журнальные статьи. Пример И. – знаменитое стихотворение М. Лермонтова «Смерть поэта» (1837); прозаическими И. известен М. Салтыков-Щедрин. Литературные И. могли стать поводом для дуэли: оскорбление должно было быть смыто кровью [Лотман 1994]. И. как самостоятельный жанр культивируется в хип-хоп культуре, где есть рэп-жанр **дисс** (дисреспект) и **биф** как обмен диссами.

2. Словесное оскорбление, вид высказывания, содержащего обвинения, оскорбления, резкие выпады, а также сама грубая брань, бранные (нецензурные) слова и выражения. В современной речевой практике, в принципе не поощряющей речевую агрессию, И. не особый речевой жанр (ср. [Шарифуллин 2000]), а проявление агрессивного речевого поведения, задевающего честь и достоинство адресата. И. направлена всегда на минимизацию и даже деструкцию языковой личности адресата, на манипулирование им в интересах автора высказывания; используется автором (инвектором) для умышленного создания дискомфорта состояния адресата, нанесение ему морально-психологической травмы, для дискредитации личности адресата или третьего лица. И. связана не столько с оценкой каких-то свойств адресата или третьего лица (И. может не содержать оценочных высказываний), сколько с целью унижить собеседника, «наехать» на него, выключить его из нормального общения.

И. может быть частью негативно-оценочных жанров, информативных (обвинения), императивных (угроза): *Так не поступают приличные люди; Вы подлец; Больше я не подам вам руки*. В плане межличностных отношений это серьёзные И. Но в плане юридического сложилась практика считать оскорбительными только высказывания с обценной, непристойной, матерной лексикой [Жельвис 2000]. Словари сквернословия в этом смысле помогают решить вопрос, относится ли лексика к инвективной. При этом важно учитывать публичность/приватность общения.

В качестве средств выражения И. используется определённая лексика. Существуют две группы таких лексических средств, создающих инвективный прагматический эффект в тексте: 1) слова, характеризующиеся присутствием в них инвективных оттенков смысла изначально: грубо просторечная и нецензурная (обценная) лексика при её использовании в качестве характеристики лиц (*тварь, мерзавец, мразь, подонок* и под.); 2) слова, приобретающие инвективный смысл в соответствующем контексте или ситуации, т.е. литературные слова, обладающие явным инвективным потенциалом (*враньё, осёл, корова, антисемит, предатель, двурушничать, оскотиниться, своровать, украсть, хапнуть*). Наиболее вульгарную часть инвективной лексики составляет мат.

В настоящее время И. активно употребляются не только в бытовой сфере, но и в других сферах общения, в т.ч. в языке художественной литературы и в средствах массовой информации. Напр.: *Наум почуял в голосе зятя недоброе. На всякий случай зашагнул в сани. – Ну, что они там?.. – Поклон тебе передают. Шкура!.. – Чего ты? Лаешься-то?.. – Счас я тебя бить буду, а не лаяться. – Иван подходил к саням* (В. Шукшин); *Обкрадывая россиян, эти народные защитники отдают на откуп страну отечественным и забугорным олигархам. При этом с честными глазами малолетнего пако-стника повторяют: «Это не мы, это коммуняки проклятые...»* («За победу партии народа!» Информационный бюллетень (КПРФ) 26.11.03, выборы – 2003). Использование И. является нарушением нравственно-этических канонов общества. Наличие в языке И. свидетельствует о дисгармонии речевого общения.

И. оказывается в сфере внимания лингвистики, философии, психологии, социологии; её назначение трактуется как стремление дискредитировать адресата (или героя) высказывания, получив взамен эмоциональную разрядку, удовлетворение от этого. Значимость этого явления для современной культурной и языковой жизни отражается в формировании гуманитарной дисциплины «инвектология» [Кулаков 2011].

Лит.: **Антология речевых жанров:** повседневная коммуникация. М., 2007; **Голев Н.Д.** Обценная лексика в игровом аспекте (на материале русского лингвистического фольклора) // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005; **Жельвис В.И.** Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000; **Жельвис В.И.** Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001; **Коряковцев А.В.** Функционально-семантическая категория инвективности // Функционирование русского языка на современном этапе. Томск, 2006; **Кулаков А.Е.** Междометные инвективы и общие проблемы инвектологии // Известия Саратовского университета. Журналистика. 2011. Вып. 2; **Лотман Ю.М.** Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994; **Мокиенко В.М., Ники-**

тина Т.Г. Русское сквернословие: Краткий, но выразительный словарь. М., 2007; **Русская речевая культура**: учебный словарь-справочник. СПб., 2006; **Саржина О.В.** Функции инвективной лексики // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005; **Словарь античности**. М., 1994; **Шарифуллин Б.Я.** Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция // Вестник Красноярского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». Красноярск, 2000. № 2.

Т.В. Шмелёва, Н.Е. Булгакова

ИНВЕНЦИЯ (от лат. *invēntio* – ‘нахождение, изобретение’), или **ИЗОБРЕТЕНИЕ РЕЧИ**, – 1. Раздел теоретической риторики, в котором рассматриваются способы добывания и предварительной систематизации материала, в т.ч. нахождения и разработки Аргументов (см.) в соответствии с замыслом говорящего (пишущего). 2. Первый этап реализации Риторического канона (см.), состоящий в работе над содержанием речи (текста).

И. включает анализ ситуации (анализ аудитории; выбор темы, если она не была дана, обдумывание названия речи; проработку основных понятий темы речи с использованием специальной литературы; формулировку цели выступления с учётом состава аудитории и обстановки; выбор стратегии и тактик речевого общения) и развёртывание темы (нахождение, отбор и систематизацию материала по теме). На этапе И. необходимо ответить на вопросы: кому предназначается речь? что аудитория считает полезным, интересным, нравственным, прекрасным? каких убеждений и взглядов она придерживается? зачем (с какой целью) создаётся речь? что говорить? каков основной тезис речи и как он будет аргументирован? имеется ли резервный запас знаний по теме? Таким образом, изобретение речи диалогично.

Традиционно И. включает учение о Топосах (см.), знание которых помогает разработать тему речи.

При отборе материала необходимо учитывать: 1) интересы аудитории, т.е. важность для неё найденной вами информации, которая должна отличаться новизной, быть понятной и связанной с насущными проблемами слушателей/читателей: «Речь должна быть сшита по мерке слушателя, как платье по мерке заказчика...» [Михальская 1996: 80]; 2) ваши познания и интересы, то, насколько хорошо вы знаете предмет речи (стремитесь отбирать такую информацию, которая даст вам больше знаний и по которой у вас опыта больше, чем у предполагаемого адресата); 3) ситуацию общения (как говорится в пословице, в доме повешенного о верёвке не говорят); 4) целесообразность информации (необходимо исходить из замысла, а не из психологической реакции на обстоятельства; «последствия каждого высказывания должны быть обдуманы» [Волков 2001: 357]); 5) время, отведённое для восприятия информации (не стремитесь передать всю найденную вами информацию – отберите главное) и её непротиворечивость (исключение составляют случаи, когда ваша цель – показать разные точки зрения и аргументировать свою). Отобранный и систематизированный на этапе И. материал используется как основа будущей речи.

На этапе И. нужно думать и о том впечатлении, которое вы произведёте на аудиторию. Это значит, что необходимо выбирать такой предмет речи, формулировать такой тезис и отбирать такие аргументы, чтобы ваш индивидуальный образ в глазах аудитории максимально соответствовал её представлениям об идеальном образе ратора [Волков 2001: 76].

Лит.: **Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г.** Современная деловая риторика: учеб. пособие. М., Воронеж, 2002; **Аннушкин В.И.** История русской риторики. Хрестоматия: учеб. пособие. М., 1998; **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; **М.В. Ломоносов и современные стилистика и риторика**: сб. ст. / науч. ред. И.Б. Александрова, В.В. Славкин. М., 2008; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996; **Хазаргеров Т.Г., Лобанов И.Б.** Риторика. Ростов н/Д, 2004; **Эффективная коммуникация**: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

Г.А. Копнина

ИНВЕРСИЯ (от лат. *inversio* – ‘перестановка’, ‘переворачивание’) – стилистический приём, состоящий в такой перестановке членов предложения, которая нарушает их обычное (стилистически нейтральное) расположение. Различают две разновидности И.

Первая связана с Актуальным членением предложения (см.) и заключается в постановке ремы (нового) перед темой (известным) или между частями темы. Напр.: *Привёл сотник молодую жену в дом свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бела была молодая жена* (Н. Гоголь). В обоих выделенных нами предложениях ремы (*хороша была, румяна была*) занимают позиции перед темами (*молодая жена*). Основная функция такой И. – выделительная (эмфатическая).

Вторая разновидность И. связана не с актуальным членением предложения, а с необычным порядком слов в словосочетании. Такого рода И. мы наблюдаем в приведённом выше тексте, а именно в словосочетании *в дом свой*, где местоименное прилагательное *свой*, выполняющее роль определения, стоит после определяемого существительного *дом* (нейтральный порядок слов в таких словосочетаниях предполагает постановку определения перед определяемым словом – *свой дом*). И. такого рода, кроме выполнения эмфатической функции, способствует ритмико-мелодической организации речи, что более характерно для поэзии: *Над калиткой арка из рябины. / Барбарис разросся по бокам. / За оградой домик голубиный. / Дым из труб, подобный облакам* (И. Северянин).

Впрочем, в поэтической речи И. и первого, и второго типа может быть связана с требованиями размера и рифмы.

В прозаической речи И. может выполнять, кроме основной, и другие функции, напр., придавать речи оттенок эпического повествования: *Но не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая* (И. Тургенев).

И. может сочетаться с другими приёмами, напр. с повторами, что усиливает общий стилистический эффект (см. первый пример). И. широко используется в художественных и публицистических текстах, в публичных выступлениях.

Лит.: Гаспаров М.Л. Инверсия // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Ковтунова И.И. Инверсия // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Ковтунова И.И. Инверсия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 2002; Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980; Сиротинина О.Б. Порядок слов в русском языке. М., 2013; Тавасиева А.З. Инверсия подлежащего как синтаксическая фигура: на материале современной французской литературы: КД. М., 2002; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ. СМ. ИДИОСТИЛЬ

ИНОСКАЗАНИЕ – общее название приёмов, связанных с изображением какого-л. явления, события, свойства, признака и т.д. под видом другого явления, события, свойства, признака: Эзопов язык (см.), Аллегория (см.), Эвфемизм (см.), Аллюзия (см.), Антифразис (см.), Умолчание (см.), Перифраза (см.), Антономазия (см.).

Причины обращения авторов текстов к И. различны. Все их условно можно разделить на внешние по отношению к творческим задачам и обусловленные, мотивированные художественными (эстетическими, стилистическими) потребностями.

Одна из основных внешних причин – отсутствие свободы выражения в условиях цензуры. Так ещё в VI в. до н.э. возник Эзопов язык (см.) (или эзоповская речь) – особый вид тайнописи. Термин «эзопов язык» происходит от имени древнегреческого баснописца Эзопа, который был рабом и потому не мог открыто, свободно говорить правду. Выражение «эзопов язык» ввёл в широкий оборот М.Е. Салтыков-Щедрин, который назвал так особую «рабью» манеру иносказательного изложения. Большинство сказок самого Салтыкова-Щедрина было создано в 80-ые годы XIX в., в период жестокой политической реакции. К эзопову языку обращались художественная литература, критика и публицистика в периоды усиления репрессий. К жанрам, преимущественно используемым в этом виде И., относятся басня и сказка, им характерны сюжеты на античные, библейские, исторические темы, использование псевдонимов и др.

Другая внешняя по отношению к творческим задачам причина возникновения И. – запреты (табу) на использование тех или иных слов и выражений первоначально из-за суеверий и предрассудков

(см. Языковое табу), а впоследствии из-за требований речевого этикета. Так, напр., возникло такое средство иносказания, как **эвфемизмы** – слова и выражения, употребляемые вместо непристойных, резких, интимных и т.п. Напр., вместо «умер» говорят *приказал долго жить, отправился в мир иной, отправился к праотцам, отдал Богу душу, ушёл в мир иной, ушёл в лучший из миров, преставился* и др.; вместо «вор» – *нечистый на руку*; вместо «беременна» – *в интересном положении*; вместо «проститутка» – *ночная бабочка, путана, женщина лёгкого поведения* и т.п.

К приёмам И., возникшим не из-за внешних по отношению к творческим задачам причин, а вследствие собственно художественных, эстетических, стилистических потребностей, можно отнести **перифразу** – замену какого-л. слова или выражения описательным оборотом (напр., «чёрное золото» об угле и нефти, «белые воротнички» о конторских, офисных служащих) – и такую её разновидность, как **антономазия** – замена имени собственного описательным оборотом: «страна восходящего солнца» вместо «Япония» и др.

Но большинство приёмов И. авторы используют по соображениям как цензурным, так и художественным, стилистическим. Напр., **аллюзия** – намёк на широко известный исторический, политический, культурный факт – может быть вынужденной и в таком случае использоваться как элемент эзопова языка, но может быть и собственно художественным средством, в частности «может выполнять текстообразующую функцию, т.е. быть смысловым центром небольшого литературного произведения». Поскольку аллюзия намекает на общеизвестное, то зачастую прямая отсылка к этому общеизвестному с эстетической и логической точек зрения бывает излишней.

Как внешними, так и творческими обстоятельствами может быть обусловлено использование другой разновидности И. – **аллегории**. Аллегория – это выражение отвлечённой идеи, понятия в конкретном художественном образе. Напр., в изобразительном искусстве отвлечённое, абстрактное нельзя выразить иначе как через конкретное, поэтому возникновение аллегии в данном случае неизбежно (образ сердца, пронзённого стрелой – это аллегория любви, образ женщины с завязанными глазами и весами в руках – аллегория правосудия и т.д.). Аллегория существует в литературе с античных времён (Гомер, Гесиод, Архилох, Алкей и др.). Она была очень распространена в средневековом искусстве, характерна для художественных стилей эпохи Возрождения, маньеризма, барокко, классицизма.

С точки зрения структуры приёмы И. можно разделить на простые и сложные. К простым относят, напр. антифразис и эвфемизм, т.к. для их создания бывает достаточно заменить одно слово другим («Откуда, *умная*, бредёшь ты голова?» Вместо «глупая» – *умная* – антифразис; вместо «врать» – *дезинформировать* – эвфемизм). К самым сложным приёмам И. относят аллегию и эзопов язык. Не зря в название последнего включена лексема «язык». Это действительно особый язык, реализующийся часто в специальных иносказательных жанрах (басня, притча, моралите, сказка).

Как видно, И. неразрывно связано с таким понятием, как Подтекст (см.), поскольку в иносказательном тексте основной смысл, ради которого текст и создаётся, содержится именно в подтексте. Понимание иносказательного текста зависит от умения «читать между строк». Это всегда «два текста в одном».

Лит.: см. лит. к ст. Аллегория, Аллюзия, Антифразис, Эвфемизм, Эзопов язык, Умолчание, Перифраза, Антономазия, Подтекст.

О.Н. Емельянова

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА. СМ. ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ – полное или частичное включение слов, словосочетаний, предложений и отдельных фрагментов текста на чужом языке, а также вставки фрагментов «ломаной» речи иностранцев в семантико-стилистическое окружение принимающего языка. Термин «И.в.» в научный оборот ввёл А.А. Леонтьев, который рассматривал их как внесистемные по отношению к данному языку элементы [Леонтьев 1966]. И.в. подразделяются на окказиональные и узуальные. Употребление последних отличается относительной регулярностью в текстах принимающего языка (*top ati, happy end, хэппи-энд, се ля ви*). С формальной точки зрения в составе текстов на русском языке можно выделить следующие разновидности И.в.:

1. И.в. в иноязычном графическом оформлении: *Ничего нового не могу сообщить вам сегодня, милый друг мой. Я не могу сказать: «Les journees se suivent mais ne se ressemblent pas*. К несчастью, мои дни ужас до чего однообразны».* (А.П. Керн. Дневники, 1820, 15 июля; *Дни следуют друг за

другом, но не схожи между собой); *How are you?* – спросила Наташа, старательно выговаривая слова. – *I'm Natasha. And what is your name?* (В. Пелевин).

2. И.в. в русском графическом оформлении при сохранении фонетических, грамматических и семантических особенностей языка-источника: – *Гуд бай*, – неожиданно сказал старик (В. Аксёнов); *это не есть гут* (в разг. речи).

3. И.в. в форме передачи иностранного акцента средствами русской графики: *Умарит хатят репёнка!* (Д. Фонвизин). Особым видом И.в. является написание русского слова с помощью некириллического алфавита (обычно латиницы), а также вставка «чужих» букв в написание русского слова: магазин «ZIMA», кафе «ЖАРА».

Основными источниками И.в. в русском языке являются латынь, древнегреческий, французский, немецкий и английский языки. И.в. часто характеризуют речь билингвов. Употребление И.в. обусловлено степенью знакомства автора с тем или иным иностранным языком, жанровыми особенностями и стилистическими задачами. И.в. выполняют целый ряд функций: 1) отражения национально-культурного своеобразия содержания текста (см., напр., И.в. в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого); 2) демонстрации языковой эрудиции автора; 3) актуализации комического эффекта (напр.: *Ma chere Alexandrine, Prostituée, je vu pri, Za мой армейский чин. Всё, что je vous écris...* (М. Лермонтов); 4) привлечения внимания (в вывесках, рекламных текстах и т.п.) и др. От других видов иноязычных слов и выражений И.в. отличаются неосвоенностью в принимающем языке и функциональной спецификой.

Лит.: **Большакова Т.И.** Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В.П. Аксёнова: КД. Воронеж, 2008; **Леонтьев А.А.** Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. № 7; **Листрова-Правда Ю.Т.** Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986; **Норлусенян В.С.** Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2010. № 57.

О.В. Фельде

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА́, или **ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА́**, – слова другого языка, более или менее окказионально употребляемые [Ахманова 1966: 178]. И.с. – это одна из составляющих естественной жизни любого языка. Русский язык в Петровскую эпоху вобрал в себя целый словарь из голландского, немецкого, английского и др. языков, что было связано с изменениями в экономической, административной, культурной, нравственной и др. сферах жизни. В то время было заимствовано около 3000 иноязычных слов.

Языковое «чужесловие» в культурном сознании XVIII–XIX вв. вызывало самые негативные оценки. Против «языкового чужебесия» высказывались М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, И.А. Крылов, А.С. Грибоедов. В то же время Н.М. Карамзин и представители его школы считали, что заимствования не могут лишить язык его достоинств, но, напротив, являются естественным и неизбежным следствием «развития ума и нравов».

А.С. Пушкин выступал за ограничение заимствований, но, исходя из семантических возможностей русского языка его времени, считал И.с. необходимыми, если они являются обозначением явлений, предметов и понятий, которые не имеют эквивалентных выражений на родном языке: *Но панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет* (А. Пушкин).

В 50–60-е гг. XIX в. издание словарей И.с. становится важной составляющей культурной жизни России. В.И. Даль, занимавший, как известно, пуристическую позицию, включил в первое издание своего словаря (1863–1866 гг.) более 750 И.с., ассимилированных русским языком.

На рубеже XIX–XX вв. И.с. становятся предметом внимания лингвистов. Р.Ф. Брандт (1882), А.И. Соболевский (1891), Ф.Е. Корш (1907), Карский (1910), И.А. Бодуэн де Куртенэ (1914) – все они признавали, что при разумном отношении к И.с. язык делается более тонким орудием выражения мысли.

Процесс лексического заимствования в русском языке послеоктябрьского периода в XX в. представляется в виде кривой с вершинами, которые приходятся на рубеж 20–30-х и 50–60-х годов [Крысин 1968: 195]. И неизменно процесс заимствований вызывает протесты: М. Горький, В. Маяковский, А. Толстой высказывались за чистоту русского языка.

Крушение тоталитарной системы, смена политических и идеологических ориентиров российского общества, новый политический, экономический и культурный контекст русского языка снова создали благоприятные условия для экспансии И.с. По степени открытости иноязычию постсоветская

эпоха может быть сопоставлена с петровской. Однако создавшееся в первые годы постсоветского периода впечатление иноязычного лексического потопа [Костомаров 1993] в действительности оказалось не столь угрожающим. **Во-первых**, заимствования не только пополняют наш язык, но и покидают его. **Во-вторых**, происходит процесс вытеснения старого, утвердившегося в языке иноязычия новым: французские *жаргон, пресс-конференция, реклама, популярность, экран, макияж* активно конкурируют с английскими *сленг, бриффинг, паблисити, рейтинг, дисплей, мейкап* и др. Немецкие *бутерброд, шлягер* вытесняются английскими *сэндвич, хит* и др. **В-третьих**, многие на первый взгляд новые заимствования – результат процесса активизации заимствований, которые в советский период ограничивались сферой профессионального употребления [Крысин 2000: 155].

Как очевидно, определённая А.С. Пушкиным как существенная для русского языка «переимчивость и общежительность» сопровождает его на протяжении трёх столетий, и всегда малому или большому потоку заимствований сопутствует два противоположных к ним отношения: иноязычие – зло языка, от которого его нужно оградить; иноязычие – неизбежность и, при разумном к нему отношении, благо. При этом следует заметить, что «пурификаторские затеи, стремящиеся к очищению собственного языка от чужих слов и оборотов, сопряжены обычно с напрасной тратой времени» [Бодуэн де Куртенэ 1914: 159], потому что «гений языка» (В.Г. Белинский) сам совершает свой выбор и оставляет то, что отвечает требованиям системы языка и служит приоритетам общества. При этом непреходящей проблемой на всех этапах истории русского языка остается низкий уровень владения И.с.; по определению Г.О. Винокура – «лингвистический провинциализм». Избавлением от него может стать развитой Языковой вкус (см.), формированию которого призваны служить лингвисты.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Бицилли И.М. [1928] В защиту варваризмов в русском языке // Культура русской речи: учебник. М., 1998; Бодуэн де Куртенэ И.А. Заимствования // Русская энциклопедия / под ред. С.А. Адрианова и др. СПб., 1914; Костомаров В.Г. Русский язык в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. М., 1993. № 2; Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010.

Т.М. Григорьева

ИНСТРУКЦИЯ – речевой жанр руководства к исполнению какого-л. действия. Существует два типа И.

Первый тип И. (И.₁) является первичным устным жанром руководящих указаний, предписаний совершения определённых действий в целях говорящего, который обладает более высоким статусом и обычно не вмешивается в само действие. И.₁ при этом является обязательной для исполнения и включает только действия, которые адресат может выполнить. В отличие от Приказа (см.), И.₁ не только предписывает совершить какое-л. действие, но и поясняет, как именно его нужно исполнить. За неисполнение И.₁ обычно предусмотрены санкции, напр., выговор, штраф или увольнение сотрудника.

И. второго типа (И.₂) является вторичным письменным жанром, имеющим стандартизированную форму. И.₂ также содержит сведения о правилах и способах осуществления какого-л. действия, но, в отличие от И.₁, автор, чей высокий статус в данном случае обеспечивается его компетентностью, действует в интересах самого адресата. Автор И.₂, как правило, безличен. Неисполнение И.₂ или неточное следование ей может повлечь за собой неприятные для адресата последствия – от отсутствия нужного результата до угрозы жизни. Примером И.₂ может служить рекомендация по применению шампуня: *Нанесите на мокрые волосы, помассируйте, тщательно смойте.*

И. обоих типов в языковом плане характеризуются императивными, инфинитивными конструкциями и модальными предикатами долженствования при отсутствии показателей вежливости.

Лит.: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2008; Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистика официально-деловой речи: учеб. пособие. М., 2011; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Кушнерук С.П. Документная лингвистика. М., 2010; Рехтин Л.В. Речевой жанр инструкции: полевая организация: КД. Горно-Алтайск, 2005.

Е.Е. Ермакович

ИНСТРУМЕНТОВКА – звуковая организация речи, охватывающая Благозвучие речи (см.), Звукопись (см.), включая Аллитерацию (см.) и Ассонанс (см.), Звукоподражание (см.) – все виды Звукоизобразительности (см.).

Лит.: Векшин Г.Г. Фоностилистика текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования: ДД. М., 2006; Горшков А.И. Русская словесность. От слова к словесности. М., 1995; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009.

О.Н. Емельянова

ИНТЕНСИВНОСТЬ – одна из составляющих лингвопрагматической категории Экспрессивности (см.); содержанием И. является свойство языковой/речевой единицы служить средством выделения, подчёркивания субъективно-модальной информации в высказывании/тексте. Языковые средства, реализующие категорию И., носят название интенсификаторов (интенсивов). Ср.: *Я рад – Я очень рад – Как я рад!*

И. реализуется разными средствами: аффиксацией (*силуща, носище*), повторами (*Помогите! Помогите!*), компаративными формами прилагательных (*добрее, добрейший, наидобрейший*) и наречий (*лучше, быстрее, тише*), лексической синонимией градационного типа (*большой, огромный, гигантский*), переносными значениями некоторых слов (*умясть* – ‘съесть быстро и много’, *стрекотать* – ‘говорить быстро, без умолку’), специализированными словами-интенсификаторами (*очень, чрезвычайно* и т.п.), определёнными типами фразеологизированных структур (*Что за характер! Всем пирогам пирог!*) и др. И. может достигаться также использованием разного рода стилистических приёмов.

Выделяется также функциональная семантико-стилистическая **категория акцентности**, определяемая как «одна из текстовых категорий, представляющая собой систему акцентуаторов – разноразноуровневых языковых, собственно текстовых, графически оформленных средств, объединённых функционально-семантически на текстовой плоскости для смыслового выделения концептуально важных, по мнению автора, моментов содержания текста, привлечения к ним внимания, убеждения адресата в правильности авторской точки зрения и достижения таким образом взаимопонимания между отправителем и получателем сообщения; структурирована по принципу поля» [Иванова 2003: 120]. Согласно этой концепции, одним из микрополей категории акцентности является микрополе усиления, в рамках которого выделены актуализаторы-усилители. Последние могут рассматриваться, с нашей точки зрения, как синонимы терминов «интенсификаторы», «интенсивы».

Лит.: Бельская Е.В. Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья): АКД. Томск, 2001; Бородкина О.А. Категория интенсивности как средство выражения экспрессивности в художественной прозе И.А. Бунина и А.И. Куприна: АКД. Ростов н/Д, 2007; Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964; Иванова Т.Б. Категория акцентности (функциональная семантико-стилистическая) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Ревенко И.В. Языковая категория интенсивности и её экспликация в идиостиле В. Астафьева: АКД. Кемерово, 2004; Савичева Х.Н. Категория интенсивности и её отражение в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими фразеологическими единицами): АКД. Уфа, 2004; Туранский И.И. Средства интенсификации высказываний в английском языке: учеб. пособие. Куйбышев, 1987; Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ (от лат. *intēntio* – ‘намерение, замысел’) – способность текста отражать авторское коммуникативное намерение (интенцию). И. относится к важнейшим параметрам текстуальности, наряду с когезией (структурной связностью текста), когерентностью (содержательной цельностью и смысловой завершенностью текста), информативностью (выраженностью в тексте какой-л. информации), диалогичностью (восприятием текста как реплики в коммуникации), интер-

текстуальностью (связью текста с другими текстами, обусловленной фоновыми знаниями), декодируемостью (пониманием текста адресатом) и прагматикой (направленностью на адресата).

И. тесно связана с Интенцией (см.). Интенция – одно из основных понятий в современной философии, психологии, социологии и лингвистике. В каждой отрасли науки этот термин имеет особое содержание. В современную лингвистику понятие интенции было введено последователями Дж. Остина, одного из основоположников теории речевых актов. Каждый речевой акт имеет конкретную коммуникативную цель, для достижения которой он и предназначен. Речеактные интенции имеют грамматические маркеры, раскрывающие И. конкретного речевого акта. К лексическим и морфологическим маркерам И. относятся глаголы принятия решения, глаголы желания, глаголы попытки, перформативы и др.; к синтаксическим – придаточные предложения обстоятельства цели, общевпросительные предложения, инфинитивная конструкция со значением намерения и др. (см. интенциональные поля А.В. Бондарко). Отдельные речевые акты интегрируются в связный текст на основе глобальной, текстовой интенции. Именно глобальная интенция формирует И. текста.

В современной коммуникативной стилистике текст понимается не только как высший ярус языковой иерархии, но и как целенаправленное социальное действие. При таком подходе текст является основным звеном коммуникативной цепочки: адресант → интенция → текст + коммуникативная ситуация → адресат → декодирование → воздействие. Следуя этой схеме, можно увидеть, что порождение текста диктуется авторской глобальной интенцией, сам же текст отражает авторский замысел как на содержательном, так и на формальном уровне. И. текста прочитывается в выборе адресантом наиболее эффективных средств для выражения своего замысла. И. репрезентируется в парадигмах интенциональных категорий, характерных для различных типов текстов, объединяемых в дискурсы, в т.ч. и на базе ведущей интенции. Напр., И. публицистических текстов, реализующих интенцию убеждения, обнаруживается в таких интенциональных категориях, имеющих универсальный характер для публицистического дискурса, как Идеологема (см.), оценочность (см. Оценка), номинация, стилистическая тональность, интерпретация [Клушина 2008]. Особая И. у информационных типов текстов, образующих информационный дискурс и реализующих интенцию информирования. Она обусловлена стремлением адресанта дать максимально объективную картину мира. Этим объясняется невыраженность в информационном тексте авторской позиции, фактологичность, демонстрация достоверности [Чепкина 2009], подчеркнута объективная стилистическая тональность и т.п.

И. текста предопределяет его стилистические особенности, которые можно определить как «стилистику адресанта». «Стилистика адресанта» – это интенционально обусловленный выбор коммуникативных стратегий и тактик конструирования своего послания адресату. Напр., развлекательные тексты, формирующие дискурс развлечения, имеют следующие интенционально обусловленные характеристики: сенсационность, интригу, эмоциональность, рекламность.

Но помимо «стилистики адресанта» необходимо выделять и «стилистику адресата», раскрывающую прагматический потенциал коммуникации. И. текста не обязательно совпадает с его прагматикой: то, что закладывает в текст автор, читатель может воспринять неоднозначно. И тогда послание не является эффективным. Эффективное общение адресанта и адресата облегчается при совпадении их стилистик.

Лит.: Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т.1. М., 2001; Вострикова Е.В. Интенциональность в современной философии сознания: АКД. М., 2007; Дускаева Л.Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 2; Иванов Л. Интенция. URL: www.encyclopaedia.bigra.ru/enc/liberal_arts/INTENTSIYA.html; Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008; Кобозева И.М. Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике: учеб. пособие. URL: <http://rspu.edu.ru>; Ладов В.А. Интенциональность в языке: проблема выразимости // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977; Чепкина Э.В. Дискурсивные практики демонстрации достоверности в текстах СМИ // Журналистика в 2008 году: общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2009.

Н.И. Клушина

ИНТЕНЦИЯ – авторский замысел, коммуникативное намерение, целевая установка. И. имеет терминологические аналоги в ряде концепций. В самом общем значении – намерение, стремление, цель – широко используется в гуманитарных науках: праве, логике, философии, этике.

В теории речевых актов именуется **иллокутивной целью**, или Иллокуцией (см.) [Сёрль 1986; Вендлер 1985].

В теории Речевых жанров (см.) интенция именуется **коммуникативным намерением** и понимается как один из жанрообразующих факторов, различающих информативные, императивные, оценочные и этикетные жанры [Шмелёва 1990]. Коммуникативное намерение может быть выражено эксплицитно (*Прошу Вас подготовить доклад*), имплицитно (*Доклад к понедельнику. Хорошо?*) или косвенно (*Вы не сможете подготовить доклад к понедельнику?*). Способ выявления коммуникативного намерения относится к стилистике языкового воплощения РЖ и имеет различные стилистические последствия, в т.ч. социального характера.

В семантическом синтаксисе И. рассматривается как один из модусных метасмыслов, в обычных коммуникативных обстоятельствах не выражаемый. Если бы он получал выражение, то обычная просьба починить телефон могла выглядеть следующим образом: *Хочу сказать (1), хочу попросить, или сказать, избрав жанр просьбы (2), хочу говорить о телефоне (3), хочу, чтобы его починили (4)*. Таким образом оказываются выражены коммуникативные намерения относительно акта речи (1), его жанра (2), темы высказывания (3) и его ремы (4). Смысл коммуникативного намерения постоянно находится в центре внимания адресата, который при недостаточной ясности может задавать вопросы типа *Что вы этим хотите сказать? Так что же вы хотите, наконец? Ну и что?* В обязанности адресата входит и расшифровка скрытых коммуникативных намерений, выраженных косвенно, замаскированно (вопрос как просьба, намёки и др.). Экспликация коммуникативного намерения происходит чаще всего в ситуациях начала общения, при подозрениях автора на его неправильное толкование адресатом. Средства его выражения – глагол *хотеть* в сочетании с глаголами речи или глаголы жанровой семантики: *Хочу добавить несколько слов; Мне хочется обратить внимание на следующее; Но я предупреждаю вас, что я живу последний раз* (А. Ахматова). Способы выражения авторского намерения относятся к авторскому началу текста и характеризуют речевую культуру автора [Шмелёва 1988].

В Медиалингвистике (см.) понятие И. выдвигается в число ключевых, при этом медиатекст понимается как полиинтенциональное образование, его Интенциональность (см.) определяется рядом факторов, в т.ч. традициями профессии и индивидуальностью автора [Медиатекст... 2012]. Основные И. медиатекста – осведомлять о фактах; оценивая, диагностировать действительность, стимулировать социальную активность [Дускаева 2004]. Иерархия И. и способы их выражения изучаются на материале современных медиа.

Лит.: Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004; Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – Текст – Культура. Коллективная монография. Екатеринбург, 1994; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. ст. СПб., 2012; Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Шмелёва Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988; Шмелёва Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) // Russistik. Berlin, 1990. № 2.

Т.В. Шмелёва

ИНТЕРА́КЦИЯ – взаимодействие. В научной литературе нередко синонимично употребляются термины «коммуникация» и «И.». С одной стороны, для целей эмпирического исследования такое отождествление, отражающее всю палитру вербальных и невербальных взаимоотношений коммуникантов, может быть оправдано [Graumann 1972: 1179]. С другой стороны, как обоснованно отмечает ряд авторов, в большинстве своём понятийную корреляцию этих категорий следует рассматривать в системе соподчинения [Burkart 1998: 30; Bürger 1984: 7; Nicotera 1995: 58; Макаров 2003: 62]. При этом коммуникация определяется как частный случай, специфическая форма социальной И.

Понятие «И.», или «взаимодействие», имеет социологические корни и понимается, по М. Веберу, как определённая форма социального действия, «связанного с субъективным смыслом и ориенти-

рованного на действия других людей» [Weber 1980: 1]. Важным дефинирующим элементом И. является физическое присутствие общающихся, возможность взаимно воспринимать друг друга [Jäckel 1995: 463]. Таким образом, И. как более широкое понятие соотносится с социальным действием, а будучи опосредованной знаково-символическим кодом, представляет собой коммуникацию. По мнению Г. Малетцке, коммуникативный процесс подразумевает, прежде всего, взаимопонимание, содержание и смыслообразование в общении, тогда как в межличностном взаимодействии (И.) акцент делается на поведенческие аспекты, характер социальных отношений и действий [Maletzke 1998: 43]. Кроме того, коммуникация определяется как такая интеракция, где в фокусе координации оказываются коммуникативные интенции, т.к. именно они являются катализатором всего процесса общения, выражая внутренние состояния людей. Так, напр., случайное соприкосновение в автобусе, полном пассажиров, хотя и вызывает ответную реакцию в виде попытки отстраниться, может расцениваться как социальное взаимодействие, но не как коммуникация в силу отсутствия намерения передать какое-л. смысловое содержание.

Лит.: **Макаров М.Л.** Основы теории дискурса: монография. М., 2003; **Bürger H.** Sprache der Medien. Berlin; New York, 1984; **Burkart R., Hömberg W.** Kommunikationsstheorien. Wien, 1992; **Burkart R.** Kommunikationswissenschaft. Grundlagen und Problemfelder. Umriss einer interdisziplinären Sozialwissenschaft. 3. überarb. Aufl. Wien, 1998; **Graumann C.F.** Interaktion und Kommunikation // C.F. Graumann (Hg.): Handbuch der Psychologie, 7. Band: Sozialpsychologie, 2. Halbband: Forschungsgebiete. Göttingen, 1972; **Jäckel M.** Interaction. Soziologische Anmerkungen zu einem Begriff // Rundfunk und Fernsehen: 43, Heft 4, 1995; **Maletzke G.** Kommunikationswissenschaft im Überblick: Grundlagen, Probleme, Perspektiven. Opladen, 1998; **Nicotera A.M.** The constructivist theory of Delia, Clark and associates // Watershed Research Traditions in Human Communication Theory. Albany, 1995; **Weber M.** Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Verstehenden Soziologie. 5 Aufl. Tübingen, 1980.

Л.В. Куликова

ИНТЕРВЬЮ (от англ. interview – ‘встреча, беседа’) – один из самых популярных журналистских жанров, привлекательный сосредоточенностью его содержания на осведомлённости, мнениях, взглядах, вкусах конкретного человека. В речевой основе И. лежит спонтанный или заранее продуманный диалог журналиста (корреспондента) с информированным или заинтересованным в таком общении собеседником. Главная цель всех И. – изложение сведений о том или ином актуальном явлении, событии, факте, окрашенных личным опытом, субъективным отношением человека к обсуждаемому вопросу, теме разговора или беседы.

И. может быть как самостоятельным журналистским произведением, так и частью другого текста – репортажа, аналитической статьи, портретной зарисовки, событийного, проблемно-тематического или литературно-художественного очерка.

В зависимости от условий речевого взаимодействия И. подразделяются на **формальные** (стандартные) – чаще всего это новостные И., по ходу которых от осведомлённого респондента требуется краткое сообщение сведений, запрашиваемых журналистом в двух-трёх закрытых вопросах (*кто? что? когда? где?*), и **неформальные** (нестандартные), когда открытые вопросы (*– Как Вы считаете, отчего ...; – Каковы Ваши мнения/представления о...*) и ответы являются результатом непосредственного общения, по ходу которого журналист задаёт основные аспекты, в рамках которых респонденту предлагается осветить суть обсуждаемой проблемы, выделить причины и возможности её развития и решения, выразить свои взгляды и мнения, своё личное отношение к обсуждаемому вопросу. Такие И. реализуются преимущественно в аналитической и в портретной публицистике.

Тематически И. может быть связано с любой сферой жизни и деятельности респондента и регулируется только этическими нормами и корпоративными ценностями редакции, с которой связан журналист.

Обладая внешне простой структурой, в основе которой лежит привычная для естественной разговорной речи вопросно-ответная схема, И. является далеко не простым жанром, требующим от журналиста не только хорошей профессиональной подготовленности, но и обязательной подготовки к каждому И. Общий замысел любого И. исходит обычно от журналиста или редакции, на них же лежит вся ответственность за подготовку, проведение и текстовое оформление результатов состоявшегося диалога в рамках И.

В речевом поведении интервьюера могут присутствовать следующие типы коммуникативных ходов: запрос информации, уточнение, вывод, оценка, предположение, сообщение с последующим

запросом информации. Интервьюируемый реагирует на иницирующие реплики журналиста в формах прямого или косвенного ответа. Ответы могут содержать сообщение с большей или меньшей информацией, чем запрашивалось, а также обоснование ответа и формулируемый на его основе вывод. Прямые ответы интервьюента могут выполнять такие функции: сообщение информации в соответствии с запросом; подтверждение высказанного журналистом; выражение согласия; опровержение мыслей журналиста, выражение несогласия с его точкой зрения; коррекция, внесение поправок в суждения интервьюера; уточнение, объяснение содержащейся в запросе информации. К косвенному ответу интервьюируемый обычно прибегает в случае сложности или невозможности дать прямой однозначный ответ. В ходе И. реализуются две основные коммуникативные стратегии: информирования и выражения мнения. Цель стратегии информирования – сообщение информации о фактах, событиях, явлениях действительности. Цель стратегии выражения мнения – убеждение аудитории в правильности мнения интервьюируемого; реализация этой стратегии приводит к развёртыванию аргументации (тезис – доводы или тезис – доводы – вывод). В формулировании вывода из посылок-аргументов может принимать участие и интервьюер. Соотношение использования стратегии информирования и стратегии выражения мнения определяет тип И. по доминированию стратегии: информационное И., аналитическое И., информационно-аналитическое И. Для информационного И. характерно информирование в начальной и основной фазах, а выражение мнения в заключительной фазе, напр., при последнем обмене репликами. Если выражение мнения включено в основную фазу, то обычно им завершается информационный блок, посвящённый какой-то теме. Аналитическое И. представляет собой развёрнутый диалог по какой-л. проблеме, его показатель – реализация стратегии выражения мнения уже в первом обмене репликами журналиста и его собеседника. Для информационно-аналитического И. характерны смена либо чередование стратегий. Характеризуя жанр И. содержательно, обычно говорят о портретном И. и проблемном И. В И.-портрете фокус внимания удерживается на личности его героя, в тексте встречаются элементы биографии; для журналиста главное – с помощью вопросов раскрыть личность человека. Направленность И.-портрета на раскрытие ярких черт личности человека, его уникальности, образная характеристика деталей его облика, описание специфики его рода деятельности через диалог с ним, а также через монолог интервьюируемого позволяет характеризовать этот тип И. как художественно-публицистический субжанр. Для проблемного И. характерен поиск решений острых актуальных проблем, исследование путей урегулирования конфликтов. Сейчас во всех СМИ, по замечанию Л.М. Майдановой, становятся популярными И., «совмещающие характеристику лица и раскрытие проблемы (герой на фоне проблемы, проблема сквозь призму характера героя)» [Майданова 2003: 216].

Эффективность И. определяется разными факторами. Главный из них – личностные и профессиональные качества журналиста и его респондента. Журналист должен обладать теоретическими знаниями, необходимыми для подготовки И. по определённой тематике. Важным является умение находить границы темы, находить микротемы И., определять его стержневую мысль. Излишняя самоуверенность и высокомерие, как и излишняя застенчивость, скованность неуместны как в поведении самого журналиста, так и в поведении его собеседника. Они изначально должны отчётливо осознавать тему беседы, круг вопросов, которые должны быть значимыми и интересными не столько для них самих, сколько для целевой аудитории.

Журналист должен помнить, что главное действующее лицо в И. не он, а его собеседник, который имеет право как согласиться на И., так и отказаться, может уклониться от ответа, заранее назвать темы и вопросы, которых он вообще не хотел бы касаться. Поэтому всегда следует заранее выяснять возможности и интересы приглашаемого собеседника, запомнить точно его имя и отчество, должность. По ходу общения его следует всячески поддерживать, помогать в поисках подходящего ответа, внимательно выслушивать, при необходимости вовремя и корректно поправлять, чтобы не потерять тему беседы.

К стратегически необходимым для И. речевым средствам относятся конкретные, но не банальные вопросы. Поэтому журналисту необходимы знания и умения по технике задавания вопросов: важно формулировать их так, чтобы обеспечить реализацию замысла, располагать вопросы следует в логике, определяемой целеустановкой И. (см. Культура вопроса и ответа). Вопросы должны быть поставлены так, чтобы получить от интервьюируемого нужную информацию. Напр.: вместо – *Вам понравился фильм...?* ... более целесообразен – *Каково ваше отношение к этому новому фильму?...* Следует использовать также вопросы-приглашения к речевому сотрудничеству: – *Не могли бы Вы немного рассказать о...;* неоднократные обращения по имени, звук которого, как

известно, «сладок» для каждого человека, правдоподобные комплименты, выражение своего согласия, если не полного, то частичного (*– Вы, видимо, как и я, полагаете, что..., однако...; – Я в общем-то тоже так считаю, но...*), присоединение к опыту собеседника или фактам, о которых он говорит (*– Я тоже об этом слышал/думал*), различные речевые поддержки (*– Конечно, здесь Вы абсолютно правы...*), придержки (*– А не будет ли этот вопрос слишком далёким от нашей темы? – Да-да, уже понял; – Неужели это так необходимо?*). И. в радиальных и телевизионных СМИ представляет собой живой диалог или полилог, соответствующий принципам устной спонтанной публичной речи, для которой неизбежны неполные высказывания, оговорки, повторы, затянувшиеся паузы, поправки, сильная зависимость от экстралингвистических факторов общения (включённый диктофон и видеокамера, присутствие специалистов как «третьих лиц», не участвующих в беседе, различные шумовые помехи). При оценке И. с этим приходится считаться. Помимо этого, весьма значимы соблюдение журналистской этики, способность грамотно реагировать на нестандартные ситуации, возникающие в процессе И.

При подготовке текста И. к печати, с учётом его устной речевой природы, журналисту следует оставить в тексте И. некоторые приметы естественной устной речи: структурно неполные предложения, некоторую недосказанность выражаемого мнения, повторы, эмоционально выразительную лексику и др., т.е. при создании И. в печатных изданиях требуется работа по «переводу» И. из устно-разговорной в книжно-письменную форму. Это позволяет автору сделать текст И. более совершенным.

В современных российских условиях И. становится не только способом информирования о решении какой-л. проблемы и мнении об этом того или иного лица, но и открытым диалогом с аудиторией, способом привлечения внимания к злободневным темам, средством активного воздействия на поступки зрителя, слушателя, читателя, средством формирования имиджа и рекламы. Современное телевизионное И. всё более приобретает черты драматургии, особенно в различных ток-шоу.

Лит.: **Войникасис Е.А.** Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч. 2. М., 2004; **Голанова Е.И.** Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000; **Горохов В.М.** Основы журналистского мастерства. М., 1989; **Иванова И.В.** Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности: АКД. Астрахань, 2009; **Кодола Н.В.** Интервью как жанр публицистики: содержание и методика обучения: КД. М., 2007; **Краснопёрова Ю.С.** Дискурсивные стратегии участников интервью: АКД. Иркутск, 2005; **Кройчик Л.** Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2000; **Прохоров Е.П.** Журналистика в режиме диалога // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1995. № 1; **Тертычный А.А.** Жанры периодической печати: учеб. пособие. М., 2000.

О.П. Жданова, А.Н. Смолина

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ, или **ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА**, – сходные по значению и одинаковые или близкие по форме слова, используемые в нескольких неродственных языках (не менее чем в трёх). Они играют важную роль в создании интернационального языка науки, техники, экономики, общественно-политической жизни, искусства. И. составляют большую часть химической, электротехнической, медицинской, театральной и мн. др. терминологий. Существуют 2 продуктивных способа образования И.: 1) на базе греко-латинских корней и терминологических элементов (*эвтаназия, девальвация, парламент, президент* и т.п.); 2) на базе словообразовательных ресурсов какого-л. литературного языка (*вестерн, леди, спорт, хунта, спутник, колхоз, перестройка*). Значительная часть И., заимствованных современным русским языком из английского и др. языков, относится к разряду неполно освоенных заимствованных слов – Варваризмов (см.) и Экзотизмов (см.).

Лит.: **Бельчиков Ю.А.** Интернациональная терминология в русском языке. М., 1959; **Панькин В.М., Филиппов А.В.** Языковые контакты: Краткий словарь. М., 2011; **Сулименко Н.Е.** Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии. М., 2006; **Гринёв С.В.** Терминоведение. М., 2008.

О.В. Фельде

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА. См. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ПО ЛИНГВИСТИКЕ. См. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

ИНТЕРТЕ́КСТ – способ построения текста, который заключается в явных и скрытых отсылках к другим текстам. И. (в узком понимании) часто определяется как основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам. При этом имеются в виду не только вербальные тексты, но и тексты (в широком смысле слова) любых искусств (живописи, музыки, кино, театра, современных арт-практик).

Понятие И. связано с поэтикой «чужого слова», которая была проанализирована в работах М.М. Бахтина. «Термины “чужой голос”, “чужое слово” восходят к М.М. Бахтину и позволяют ему говорить о тексте как о диалоге всякого автора со всей предшествующей и современной ему культурой. Ю. Кристева, которая одна из первых разработала эту идею Бахтина, предложила термин “интертекстуальность”...» [Арнольд 2010: 350–351]. И.В. Арнольд под интертекстуальностью понимает «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд 2010: 351]; «самое общее определение интертекстуальности принадлежит школе Барта-Кристевоу, где интертекстуальность понимается как свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами» [Кузьмина 2011: 41].

«Термин “интертекстуальность” обычно поглощает термин “интертекст”, причём заметим, что нередко они употребляются кореферентно, свободно замещая один другой» [Кузьмина 2011: 42]. По мнению многих исследователей, И. – это объективно существующая информационная реальность, которая является результатом креативной деятельности человека. «В интертексте наиболее полно реализуется креативная функция языка, обеспечивающая его способность не только адекватно передавать готовые сообщения, но и создавать новые сообщения (тексты), непредсказуемые по автоматическим алгоритмам. <...> Разрабатывая общую теорию интертекста, исследователи обращаются прежде всего к корпусу художественных текстов, экстраполируя её впоследствии на другие фрагменты текстового универсума» [Кузьмина 2011: 43].

В качестве примера И. можно привести роман В. Сорокина «Роман». Это произведение построено как коллаж из русской литературы XIX века и расхожих представлений о жизни дворянина того времени. Описание содержимого чемодана главного героя: *«голландские носовые платки, натуральное бельё, галстуки, парусиновые брюки, карманные шахматы, расчёска, пара книг, дневник, бритвенный прибор, флакон французского одеколона...»* Последние строчки складываются в стихи: расческа, пара книг, дневник, бритвенный прибор, флакон французского одеколона. Для сравнения отрывок из «Графа Нулина» А.С. Пушкина, где также описывается содержимое чемоданов графа:

*С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, a jour,
С ужасной книжкой Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта...*

Приём И. имеет древнее происхождение. Он восходит к античности и средневековью, когда тексты (особенно сакрального содержания) рассматривались как результат жизни и деятельности всего общества. В то время другие тексты цитировались без кавычек и ссылок на источник. В периоды поздней античности в моде было создание центонов – текстов, полностью набранных из цитат других текстов.

Лит.: Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М., 2010; Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989; Лексикон **нонклассики**. Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003; Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М., 2011; **Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник** / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М., 2011; Ямпольский М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М., 1993; Kristeva I. Bachtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. Paris, 1967. № 23.

А.В. Щербаков

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ. См. ИНТЕРТЕКСТ

ИНТИМИЗАЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ – стилистический приём, включающий такое использование речевых средств, в результате которого создаётся эффект доверительного непосредственного общения автора с читателем или слушателем.

И.п. предполагает выражение субъективно-эмоционального восприятия и оценки действительности. Автор выступает как собеседник читателя или слушателя, доверительно делясь с ним своими сокровенными размышлениями, рассчитывая на взаимопонимание.

Речевые средства И.п. органически связаны с формами субъективной модальности и включают в себя лексико-семантические, фразеологические, грамматические явления, носящие, преимущественно, разговорный характер. Поэтому при использовании данного приёма, наряду с книжными словами и выражениями, в повествование включаются и разнообразные формы разговорной речи. В качестве основных средств создания И.п. можно отметить форму изложения «от первого лица», непосредственное обращение к читателю (см. Диалогизация монологической речи), употребление слов и оборотов разговорного характера, вставные конструкции, сбивчивость изложения, присущую неподготовленной разговорной речи. Указанные средства дают автору возможность открыто выразить своё отношение к обсуждаемым вопросам, вовлечь читателя в открытое обсуждение, влиять на его сознание и чувства, ведя с ним доверительный разговор. Создавая таким образом эффект непосредственной беседы с читателем (слушателем), автор подводит его к определённым выводам и формирует ответную реакцию реципиента. Основная функция И.п., сводится к тому, чтобы сформировать в основных чертах читательское восприятие и оценку, его ориентацию в этом вопросе и позицию. Напр.: *Нам оказали высокое доверие... Хранить ядерные отходы. Чем руководствовались проголосовавшие за ввоз в Россию ОЯТ депутаты – гадать не приходится: в головах большинства из них шелест долларовых купюр давно заглушил соображения здравого смысла. О нас, доверивших им представлять наши интересы, «слуги народа», похоже, забыли подумать. <...>Как ни крути, мы их выбрали, а они нас предали. Подведём итог нашему счастью. Привалило-то оно именно нам, ведь на территории нашего края и будут храниться 75% ввозимых из-за границы отходов...* (Новый гудок. 12.10.2001).

И.п. широко используется в художественных и в публицистических текстах.

Лит.: Бельчиков Ю.А. Об интимизации изложения в очерках 70–80-х годов XIX века // Исследования по славянской филологии. М., 1974; Бельчиков Ю.А. К вопросу об интимизации изложения в очерках последней трети XIX в. // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения I–VIII. М., 1978; Денисова С.П. Интимизация как одна из специфических черт художественного текста // Статус стилистики в современном языкознании: тезисы докладов. Пермь, 1990; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Стилистика русского языка.** Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987.

А.А. Кузнецова

ИНТОНАЦИЯ (от лат. *intonāre* – ‘громко произносить’) – ритмико-мелодическая сторона звучащей речи. У И. важная роль. Во-первых, она является грамматическим признаком предложения: именно ею предложение отличается от словосочетания. Произнесём предложение *Мы поехали в лес*, но не полностью, а только до слова *в лес* («захлопнем» рот после слова *поехали*, как посоветовал А.М. Пешковский) и запомним И. А теперь произнесём предложение *Мы поехали*. Есть разница? Есть. В первом случае *мы поехали* является частью предложения, во втором – законченным предложением, и показала нам это И. Именно она превращает одно слово и даже один звук в предложение:

Да. Да? Да! А? А?

Другая функция И. – выражать значения. Этому служит ряд средств: интонационная конструкция, место центра интонационной конструкции, синтагматическое членение.

1. **Интонационная конструкция (ИК)** – это интонационно оформленное предложение или его часть. В русском языке семь типов ИК.

ИК-1 – это И. повествовательного предложения. Она начинается со среднего тона, на центре ИК тон понижается и сохраняется на этом уровне до конца предложения:

— — — \ / — — —
Сего́дня хо́лодно́.

ИК-2 оформляет вопросительные предложения с вопросительным словом: *Что случилось?* Тон на гласном центра выше среднего, он может слегка понижаться в пределах ударного слога. Ударение усиленное. Эту И. часто называют восклицательной, т.к. она сопровождается восклицательными предложениями: *Ура! Мы ломим! Гнутя шведы!*

— — — — — — — — —
Что случило́сь? Автобу́с прише́л!

ИК-3 – это И. предложений без вопросительного слова: *Вы были в библиотеке? Это ваша машина?* Предударная часть ИК-3 начинается на среднем тоне. На ударном слоге тон резко взлетает и тут же начинает понижаться. На заударной части тон ниже среднего.

— / — — — — — — — — —
Вы были в библиоте́ке?

ИК-4 типична для неполных вопросительных предложений с сопоставительным союзом *а*: *А Наташа? А ты? А почитать?* Предцентровая часть произносится на среднем тоне, на центре тон резко понижается, но сразу же, в пределах ударного слога, начинает повышаться и сохраняется на этом уровне в заударной части:

— — — / — — — / — — — — — —
А Наташа? А сего́дня куда?

ИК-5 наиболее ярко выступает в предложениях со значением положительной оценки (‘восхищение’), содержащих местоименное слово:

— — — — — — — — — — — —
Ка́кая та́м шко́ла! ('хорошая')

У ИК-5 два центра: первый находится на местоимении, второй – на слове, с которым это местоимение связано. Предударная часть ИК-5 произносится на среднем тоне. На первом центре тон повышается выше среднего и сохраняется на этом уровне до второго центра. На втором центре тон падает, и заударная часть произносится на уровне ниже среднего. Гласные обоих центров произносятся с большей силой.

ИК-6 начинается на среднем тоне, на гласном центра тон повышается; высота тона сохраняется и на заударной части:

— — — — — — — — — — — —
Ка́кая та́м шко́ла? (вопрос с недоумением)

ИК-6 чаще всего употребляется как И. незавершённости, «живёт» в самых разных предложениях, но особенно любит сказки: *Царь с царицею прости́лся, / В путь-дорогу снаряди́лся, / А царица у окна́ / Села́ ждать его́ одна́.* (А. Пушкин)

ИК-7 ярче всего выступает в предложениях, выражающих отрицательную оценку. Предударная часть произносится на среднем тоне, на гласном центра тон резко повышается и заканчивается **смьчкой** голосовых связок (временное прекращение выдоха, обрыв тона, как, напр., в слове: *Не-а!*) В заударной части тон ниже среднего.

— / — — — — — — — — — — — —
Ка́кая та́м шко́ла! ('плохая')

Типы ИК различают смысл предложений, ср.: *Та¹м. Та³м? Та²м!* Ср. также примеры ИК 5/6/7.

2. **Центр** интонационной конструкции. Он находится на ударном гласном какого-л. слова. Именно движением тона в центре различаются 7 типов ИК. Центр ИК выделяет наиболее важное в сообщении или вопросе: *Ма³ша пошла за грибами? Ма¹ша пошла³ за грибами? Ма²ша пошла за гриба³ми?* Передвижение центра ИК может выражать и более сложные смыслы, напр.: *На международном конкурсе пианистов один музыкант спросил профессора Московской консерватории: «Что вы думаете о моей игре?» И профессор ответил: «У вас высокая техника. Но ваша игра говорит: Я² играю Шопена. А я учу студентов так: Я играю Шопе²на.* (пример Е.А. Брызгуновой).

3. **Синтагма.** Предложение может содержать в себе одну интонационную конструкцию: *Высохли цветы¹*. Две: *И глядят уны⁶ло / голые кусты¹*. (А. Плещеев). Более двух: *Но царица всех миле³е, / всех румя³ней / и беле¹е*. (А. Пушкин) Интонационно оформленные звучащие отрезки называются синтагмами. В предложении столько синтагм, сколько ИК. Синтагматическое членение также может различать смыслы, ср.: *Зде³сь / они жили ра¹ньше* – сообщение. *Зде³сь они жили раньше?* – вопрос; *Дайте мне другу²ю интересную книгу* – предыдущая книга была интересной. *Дайте мне другу²ю, / интере²сную книгу* – книга была неинтересной.

Определять смысл предложения могут центр ИК и синтагматическое членение одновременно: 1) *Казни¹ть, / нельзя¹ помиловать*; 2) *Казнить нельзя¹, / помиловать*.

Помимо ситуативных смыслов (примеры выше) И. может выражать стилистические различия, ср.: 1) *Закро²йте окно!* – требование. *Закро³йте окно!* – просьба; 2) *Здра⁴вствуйте./ Запишите тему уро¹ка* – нейтрально. *Здра⁴вствуйте./ Запишите тему уро⁴ка* – назидательно; 3) *На Красную пло³щадь / вступают та¹нки* – нейтрально. *На Красную пло⁶щадь / вступают та²нки!* – празднично-торжественно. Умелое использование стилистических возможностей И. является признаком хорошего владения языком.

Лит.: Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984; Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Том I. М., 1980; Румянцев М.К. Интонация: проблема нормативности // Филологические науки. 2010. № 2.

Л.Б. Парубченко

ИНФОРМАТИВНОСТЬ РЕЧИ – качество речи, состоящее в её соответствии постулату, который в формулировке Г.П. Грайса гласит: «Твоё высказывание должно содержать информации не больше и не меньше, чем требуется для выполнения текущих целей диалога» [Грайс 1985: 222].

В соответствии с этим качеством речь должна быть актуальной и давать новое знание о предмете с учётом интересов и запросов адресата. Её содержание, как и форма подачи информации, зависит от условий, в которых происходит речевое общение: «Напр., если вы спешите в магазин, чтобы купить молоко, вас не оставит равнодушным сообщение: *Молоко ещё не привезли*. Но вряд ли кого в этой ситуации заинтересует такое высказывание: *Потребление молока является хорошей традицией, молоком питаются не только дети, потребность в молоке, привычка к молоку сохраняется до глубокой старости. Плохая ли это привычка? Надо ли от неё отказываться?* – Нет! Подобная тирада, естественно, может вызвать лишь раздражение, так как никакой информации не несёт» [Голуб, Розенталь 1997: 5], точнее – в ней нет нужной информации. Кроме того, объём информации различен в текстах, рассчитанных на краткую форму её подачи и форму расширенную (ср.: текст протокола и выписки из протокола, текст диссертации и реферата на неё).

Некоторые исследователи разграничивают информационную насыщенность речи и И.р., считая, что «информационная насыщенность текста – абсолютный показатель качества текста, а информативность – относительный, поскольку степень информативности сообщения зависит от потенциального читателя» [Валгина 2004: 231]. Один из способов повышения И.р. – информационная компрессия, которая заключается в том, чтобы «добиться построения такого текста, в котором был бы максимально выражен необходимый смысл при минимальной затрате речевых средств» [Там же: 244]. Ущерб информационной насыщенности речи наносят лишние слова, слова-паразиты, неоправданные повторы слов, тавтологии и плеоназмы.

В теории текста И.р. рассматривается как текстовая категория (см. Текст), которая представляет собой обязательный признак текста и проявляется на фоне его тематического и композиционного развёртывания в системе координат «автор – текст – читатель (слушатель)» [Реброва 2011: 113] в разных формах – «...нулевой, когда в тексте не содержится ничего нового, а лишь повторяется уже известное, до концептуальной, для выявления которой необходим скрупулезный анализ текста. Между этими полюсами располагается информация различной степени насыщенности (меры новизны)» [Котюрова 2003: 110]. Информативность текста обусловлена его функционально-стилевой принадлежностью, жанровой спецификой и вхождением в определённое культурное пространство.

Лит.: Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М., 2009; Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М., 2004; Гальперин И.Р. Информативность единиц языка.

М., 1974; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Грайс Г.П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; **Елистратова И.В.** Характер взаимодействия категории информативности и категории модальности в тексте художественного произведения (жанр рассказа): АКД. М., 2001; **Иванов Л.Ю., Щербаков А.В.** Информативная насыщенность речи // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Котюрова М.П.** Информативность текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; **Нечепоренко Н.М.** Категория информативности в малоформатном научном тексте энциклопедического характера: когнитивный и дискурсивный аспекты (на материале английских и русских лингвистических энциклопедий): КД. Астрахань, 2011; **Реброва И.В.** Информативность // Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пособие. СПб., 2011.

Г.А. Копнина

ИНФОРМАТИВНЫЕ ЖАНРЫ РЕЧИ – тип Речевых жанров (см.), цель которых состоит в различных «операциях» с информацией: предъявление её адресату или запрос, подтверждение или опровержение, выражение сомнений в достоверности сведений или отведение таких сомнений. Самые распространённые И.ж.р. – Сообщение (см.) и Вопрос (см.). Важно различать И.ж.р., начинающие общение (вопрос, сообщение), и жанры-реакции, являющиеся ответной репликой (согласие с мнением, опровержение, возражение, ответ, отказ от ответа), а также жанры монологичные и диалогичные, т.е. многоактные и многоавторские (разговор, дискуссия, полемика).

И.ж.р. представлены во всех сферах речи.

В **обыденном** общении они свободны в отношении фактора автора: в принципе с сообщением и вопросом может выступить любой. Однако культурные ограничения зависят от возраста (*Дети не задают таких вопросов взрослым*), пола (*Женщин об этом не спрашивают*), социального положения и роли (*Не надо откровенничать со студентами*).

В **деловой** сфере общения такие И.ж.р., как отчёт, служебная записка, докладная записка (см. Жанры официально-делового стиля) закреплены за особым родом информации, строго регламентированы в своём языковом воплощении вплоть до расположения на листе отдельных фрагментов текста. Вместе с тем в этой сфере есть ситуации, когда **вопросы** задаются только людьми с особыми полномочиями, а **ответы** адресат формулировать обязан (допрос, дознание, судебное разбирательство). Сложные (многоактные, диалогичные) И.ж.р. со множеством авторов-адресатов: Семейная беседа (см.), Светская беседа (см.), флирт, ссора и скандал.

В **научной** сфере общения И.ж.р. преобладают – это Тезисы (см.), статьи (см. Научная статья), научные доклады (см. Доклад), учебные и публичные лекции (см. Лекция); в научной дискуссии важно владение жанрами вопроса, ответа оппоненту, возражения, выступления «в защиту». В учебном общении, напр., на экзамене, собеседовании автор вопросов запрашивает информацию, ему заведомо известную, что составляет специфику этого диалогического жанра.

В **политической** сфере общения с информацией определённого типа могут выступать только специально уполномоченные лица (заявление). В массовой коммуникации И.ж.р. культивируются согласно теории информационных и аналитических жанров журналистики.

Наиболее тщательно изучены и описаны И.ж.р. **художественной** литературы – от **эпоса** до **лирического стихотворения** [Тамарченко и др. 2011].

Языковое воплощение И.ж.р. определяется грамматическими и интонационными приметам, хорошо описанными в грамматиках как способы оформления повествовательных и вопросительных предложений. Для различения И.ж.р. существенны модальные показатели – частицы и вводные слова: *Он действительно приехал; Он вроде бы приехал; Разве он приехал?* «Большие» информативные жанры имеют сложную речевую организацию, см. напр. [Коньков 2004].

Лит.: **Галактионова И.В.** Средства выражения согласия // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988; **Дементьев В.В.** Беседа светская; Разговор по душам; Флирт // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007; **Кириллова И.А.** Речевое действие «делиться» и его жанровое поле // Жанры речи: сб. ст. Саратов, 1999; **Коньков В.И.** Речевая структура газетных жанров. СПб., 2004; **Митягина В.А.** Коммуникативные действия в академическом дискурсе: экзамен как жанр // Жанры речи: сб. ст. Саратов, 2009; **Панченко Н.Н.** Сплетни как жанр бытового общения // Жанры речи: сб. ст. Саратов, 2007; **Рытникова Я.Т.** Беседа семейная // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007; **Салимовский В.А.** Жанры речи в функционально-

стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002; Седов К.Ф. Разговор // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007; Тамарченко Н.Д., Магомедова Д.М., Тюпа В.И., Дарвин М.Н. Теория литературных жанров: Учеб. пособие для вузов. М., 2011.

Т.В. Шмелёва

ИНФОРМАЦИОННАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ИНФОРМАЦИОННО-РЕЧЕВАЯ НОРМА. См. РЕЧЕВАЯ НОРМА

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА (англ. – Information Warfare, IW – ‘информационное противоборство, информационная война’) – это намеренное открытое и/или скрытое информационное воздействие на какой-л. социум, коллектив или личность с целью его интеллектуального подавления, подчинения и извлечения из этого определённой выгоды, осуществляемое специальными техническими и языковыми средствами.

Термин «И.в.» появился в конце 70-х – начале 80-х годов XX века в работах американских военных теоретиков [Rona 1976]. С 90-х годов XX века данный термин стал использоваться отечественными исследователями. Изучение явления И.в. осуществляется по нескольким направлениям: военно-стратегическому [Шийко 2001; Левин 2004 и др.], политическому [Губарев 2005; Бедрицкий 2007 и др.], историко-социологическому [Меркулова 2005; Артамонова 2006 и др.], научно-техническому [Жигулин 2001; Кулаков 2005 и др.], философскому [Соколова 2007; Цымбал 2010 и др.], психологическому [Лисичкин, Шелепин 1999; Почепцов 2000 и др.], лингвистическому [Лобанова 2010, Ковалёва 2011 и др.].

И.в. различаются по масштабу, субъектно-объектным комбинациям, целеполаганию, характеру (степени открытости или скрытости операций). Так, в качестве субъекта И.в. может выступать государство, организация (коммерческая или некоммерческая), группа людей, отдельная личность. Круг возможных объектов-«мишеней» довольно широк (государство, народ, партия, личность, национальные символы, религия, отдельные события, духовные ценности, идеология, культура, язык и т.п.).

И.в. может носить межгосударственный и межнациональный характер (в таком случае её называют **внешней И.в.**) или вестись внутри какого-л. государства или социума, между корпорациями, партиями и даже между какими-л. личностями (это так называемая **внутренняя И.в.**).

Примером внешней И.в. может служить «развёрнутая глобальными масс-медиа информационная война против сочинской Олимпиады, на которой предрекались теракты и массовые беспорядки», призванные «легитимизировать» «уже подготовленные западными и арабскими спецслужбами операции, заодно продемонстрировав “безответственность” и “некомпетентность” российских властей в деле обеспечения безопасности спортсменов и болельщиков» (Завтра. 2014. № 5). Такая внешняя война, направленная на дискредитацию сочинской Олимпиады, а следовательно, и ее организатора – России, поддержана и некоторыми российскими СМИ – это является проявлением уже внутренней И.в. В качестве иллюстрации внутренней И.в. может служить памфлет обозревателя «Новой газеты» Дмитрия Быкова «Сочинское», в котором, в частности, читаем следующее: *Деньги тратятся? — это пустяк, непонятна мне ваша кручинка: нам же деньги бы эти и так не достались — чего ж мы кричим-то? <...> Наша матрица — вынь да положь, от людей её больше не скроешь. Для наглядности высушен «Дождь» и к столбу пригвожден Шендерович. Это тоже на экспорт, клянусь, как трамплины, катки и медали: это наша опричная Русь, о которой так много читали! Иностранцам же нравится так. Наши травли туризму во благо: в наших гонках, туризмах, катках тоже должен быть привкус ГУЛАГа. <...> Так что критики я не боюсь — не боится могилы горбатый: мы увидели русскую Русь, с авангардом, парадом, растратой; с чистым небом, с горой ледяной, с новым уровнем еврокомфорта, с кучей бабок, больною спиной и травой для пущега спорта. Я люблю эту звонкую жесть, мне другого расклада не надо. Потому что Россия и есть — сочетание Олимпа и ада* (Новая газета. 2014. 17 февраля).

И.в. бывает как **эксплицитной** (и тогда она соотносится с понятием Речевой агрессии (см.), проявляющейся в открыто выраженных оскорблениях, обвинениях, угрозах, призывах), так и **имплицитной**; последняя, как правило, реализуется посредством манипулятивных стратегий, соответствующих тактик и приёмов (см. Речевое манипулирование).

Примером проявления имплицитной И.в., использующей манипулятивные технологии, может послужить опрос, устроенный 26.01.2014 года телеканалом «Дождь» к 70-й годовщине снятия блокады Ленинграда, когда зрителям был задан вопрос *«Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?»*, в пресуппозиции содержащий мысль о том, что сдача фашистам Ленинграда спасла бы жизнь сотням тысяч его жителей; причём замалчивалась информация о катастрофических для страны последствиях такой сдачи. Такого рода провокации не остаются незамеченными опытными журналистами. Так, в статье Виталия Третьякова это расценивается не иначе, как *«мечтательная готовность наших самоназначенных европейцев задним числом сдать Ленинград Гитлеру»* (Культура. 2014. № 4).

Примером эксплицитной И.в. могут служить распространявшиеся в зарубежных СМИ слухи о том, что в олимпийском Сочи спортсмены, относящиеся к разным меньшинствам, «будут ошельмованы, арестованы российской властью, <...> слухи о появлении в Чёрном море кораблей 6-го американского флота с отрядом морских пехотинцев, которые якобы прибыли к берегам олимпийской страны, чтобы защитить американских спортсменов от гипотетических террористов» (Завтра. 2014. № 6), а также различные псевдокомпроматы, как, напр., видеоролик про волка, гуляющего якобы по коридору одной из олимпийских гостиниц (в реальности же видео смонтировано: «в павильоне телешоу отстраивают декорации, привозят дрессированного волка, снимают ролик и запускают в Сеть» (SOCHI.com, 25.02.2014) – результат: миллион просмотров, дискредитация страны-организатора Олимпийских игр).

В настоящее время языковые средства И.в. стали активно изучаться лингвистами [Лобанова 2010; Ковалёва 2011, Зверева 2013 и др.]. Усиление интереса к вопросам И.в., информационной безопасности связано с учащением в мире случаев, демонстрирующих то, что для геополитических игроков стала предпочтительнее победа без «горячей» войны (традиционно вооружённой) – лишь с помощью грамотно спланированной информационно-организационной войны, позволяющей, прежде всего, идеологически, морально разложить противника.

Для ведения И.в., особенно такой её разновидности, как «война текстов», используется широкий арсенал средств, среди которых особую важность имеют лингвистические, поскольку оружием и мишенью данной войны является информация, которая, как известно, существует в виде знаков, «объединенных в семиотические системы, и передаётся в знаковой форме. <...> Важнейшей из семиотических систем является язык, с помощью которого и на территории которого может осуществляться разрушение духовных оснований жизни народа» [Лобанова 2010]. К числу собственно лингвистических средств, активно используемых в И.в., относятся, напр., «навешивание» ярлыков, тропы, особенно такие, как гипербола, метафора, сравнение, а также стилистически окрашенная, эмоционально-экспрессивная лексика и др.

Приведённый ниже фрагмент текста, взятый из публикации одного активного блогера (И.в. не ограничивается только СМИ), иллюстрирует воздействующий потенциал гиперболизации: *Если смотреть на нацию не как на форму носа и разрез глаз, а именно как на совокупную систему взглядов и отношений, стереотипов поведения, то русская нация без всякого сомнения должна быть ликвидирована. Хуже только в Африке. <...> Удивительно, но почти все русские попав в цивилизованные страны очень быстро перестают быть русскими: начинают выбрасывать мусор в урну, соблюдать правила дорожного движения и даже иногда улыбаются. А вот многие иностранцы, попав в Россию очень быстро деградируют до русских* (Livejournal.com. User: maydyk. 1.02.2014. Орфография и пунктуация автора сохранены).

Примером, в котором метафора играет ключевую роль в создании воздействующих образов, является фрагмент текста, демонстрирующий ответную реакцию на слова и действия нападающей в И.в. стороны: *Русофобы и ненавистники, это они создали телекомпанию «Дождь». <...> Они вставляют палки в колёса русской истории, сыплют битое стекло в русские пироги, подпиливают кресты русской веры и святости. Этим предателям извергнет Россия. <...> Вы – люди дождя. А мы – люди вождя* (Завтра. 13.02. 2014).

В следующем примере целям субъекта И.в. служит образное сравнение, основанное на параллелизме («патриотизм» – «кинжал», «православие» – «кропило»): *Ныне президент хочет вернуть пошатнувшуюся поддержку общества при помощи патриотизма и православия, но этот новый союз кинжала – эмблемы КГБ – и кропила расстраивает прогрессивно-мыслящих россиян* (InoPressa: тема дня. 8.10.2012).

Среди несобственно лингвистических средств наиболее частотны противопоставления символам «антисимволов», культивирование мифов, распространение слухов и многое другое.

И.в. не ограничивается лингвистическим аспектом, который часто выступает лишь элементом более широкого явления, получившего название «организационно-психологическая война». Примером такой организационно-психологической войны могут служить события на Украине (конец 2013 – начало 2014 гг.), где, по сведениям итальянского политика Д. Кьезо, «34 раза руководители Евросоюза выступали на митингах в Киеве» (Завтра. 2014. № 5). Существующую тесную взаимосвязь информационной и организационно-психологической сторон рассматриваемой войны подтверждают публикации о ситуации в Сирии, в которых говорится о том, что: «официальный Дамаск уличал иностранные телеканалы и информагентства в том, что они “заглядывают в будущее”. Так, был случай, когда новость о теракте в Сирии передали раньше, чем он произошёл» (РГ. 23.04.2013).

Лит.: **Артамонова Я.С.** Информационная безопасность и социальный конфликт в современной России: КД. Волгоград, 2006; **Бедрицкий А.В.** Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе: КД. М., 2007; **Губарев А.Б.** Информационные войны как объект политологического исследования: КД. Уссурийск, 2005; **Жигулин Г.П.** Метод и модель ресурсов поля угроз системы защиты информации сетевых автоматизированных систем: КД. СПб., 2001; **Зверева М.И.** Понятие информационной войны и её виды // Записки Таврического национального университета. Сер. Филология. Социальные коммуникации. Том 26 (65). 2013. № 4; **Ковалёва Т.С.** Стратегия манипуляции в информационной войне (на материале текстов ИноСМИ, посвящённых Южноосетинскому/Грузинскому конфликту 2008 г.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling37/ling37_12.pdf; **Кулаков В.Г.** Региональная система информационной безопасности: угрозы, управление и обеспечение: КД. Воронеж, 2005; **Левин А.А.** Приоритетные направления деятельности государства по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации: политологический анализ: КД. М., 2004; **Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.** Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 2003; **Лобанова Л.П.** Информационная война в языковой картине мира. 2010. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43814.php>; **Меркулова Т.А.** Социально-информационное пространство современной России: специфика и тенденции развития: КД. М., 2005; **Панарин И.Н.** Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб., 2010; **Почепцов Г.Г.** Психологические войны. М., 2000; **Расторгуев С.П.** Информационная война. М., 1999; **Соколова А.М.** Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ: КД. Красноярск, 2007; **Ткаченко С.В.** Информационная война против России. СПб., 2011; **Цымбал Е.А.** Феномен социального манипулирования в социокультурном пространстве информационного общества: КД. Ростов н/Д, 2010; **Шийко А.С.** Политика борьбы с компьютерной преступностью как угрозой информационной безопасности России: КД. М., 2001; **Rona T.P.** Weapon Systems and Information War. Seattle, WA, 1976.

М.И. Зверева, А.П. Сковородников

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – 1. Комплекс дисциплин и областей деятельности, связанных с технологиями создания, хранения, обработки и передачи данных. 2. Совокупность методов и средств создания, хранения, обработки, передачи, отображения информации, ориентированных на удовлетворение информационных потребностей человека, повышение эффективности и производительности труда, снижение трудоёмкости процессов использования информационного ресурса. Роль И.т. в жизни общества возрастает в зависимости от уровня развития науки и техники: в настоящий момент И.т. ассоциируются с компьютерными технологиями, ранее они развивались на базе печатного дела и телевидения.

И.т. включают в себя теорию информации, моделирование и формализацию, информационные процессы, информационные системы, информационную безопасность и информационное управление. И.т. содержат ряд базовых технологических процессов, таких как извлечение, транспортировка, обработка, хранение, представление и использование информации.

Для внедрения И.т. в какую-л. область деятельности необходимо знание базовых информационных процессов, структуры, моделей, методов и средств И.т. (математических, технических, программных); умение применять И.т. при решении задач в различных сферах; представление о перспективах информатизации.

Выделяются различные виды И.т.: функционально-ориентированные И.т. (нацелены на реализацию определённых задач), предметно-ориентированные И.т. (нацелены на решение конкретных задач в определённой предметной области), проблемно-ориентированные И.т. (предназначены для

решения типовых прикладных задач). В зависимости от типа обрабатываемой информации И.т. подразделяются на технологии обработки текстовой информации, технологии обработки числовой информации, технологии обработки графической информации, технологии обработки звуковой информации, технологии работы в глобальных сетях, социальные информационные технологии [Шатунова 2007].

В современном мире становится невозможной высокопродуктивная деятельность без навыков использования компьютерных технологий, обеспечивающих функционирование И.т. Использование различных информационных ресурсов, в частности лингвистического характера (см. Лингвистические интернет-ресурсы), позволяет повысить уровень речевой культуры и эффективность коммуникации в целом и полезно не только специалистам-филологам, но и всем носителям языка.

Лит.: Воройский Ф.С. Информатика. Новый систематизированный толковый словарь-справочник (Введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах). М., 2003; Всеволодова А.В. Компьютерная обработка лингвистических данных. М., 2007; Информационные технологии. URL: <http://technologies.su>; Шатунова О.В. Информационные технологии. Елабуга, 2007. URL: www.egpu.ru/lib/elib/Data/Content/129029987397328396/Default.aspx.

М.Ю. Поташкова

ИНФОРМИРУЮЩАЯ РЕЧЬ – речь, целью которой является передача некой суммы знаний, сообщение аудитории определённых сведений, которые должны вызвать интерес, любознательность слушателей, расширить их познания о предмете речи. Это может быть академическая или научно-популярная лекция, сообщение, доклад, отчёт, советы, рекомендации, объявление, инструкция. И.р. выделяется по цели высказывания наряду с убеждающими, агитационными, воодушевляющими и развлекательными речами (В.И. Аннушкин, А.К. Михальская, И.А. Стернин, Поль Л. Сопер и др.).

При составлении И.р. прежде всего нужно следить за тем, чтобы тема была интересной, актуальной для слушателей. Причём интерес понимается не как внешняя занимательность и привлекательность, а как ответ на практические потребности аудитории. Что является важным, назревшим для слушателей, зависит от характеристики самих слушателей: гендерного состава, возрастных особенностей, уровня образованности, культуры, политических, религиозных взглядов, нужд, потребностей, мотивации и т.д. Именно поэтому важно хорошо представлять себе «портрет» будущей аудитории.

Отвлекаясь от конкретных сфер человеческой деятельности, можно утверждать, что в любой аудитории будут интересны так называемые «вечные темы»: здоровье, семья, политика, культура, дружба, предательство, отношения мужчины и женщины, «отцов и детей» и др. Очень важно найти новую, свежую информацию по этой теме. Возможно, это будут интересные факты, примеры, последние данные науки, исторические сведения, самостоятельные, оригинальные суждения самого ратора. Это всегда привлекает слушателей, поскольку расширяет их собственные познания о предмете речи.

Следующим требованием к И.р. является умение оратора гармонично сочетать общие положения речи с конкретной, наглядной, образной информацией. Напр., формулируя закон или правило, необходимо пояснять примерами их применение; рассказывая о личности человека, сопровождать общие высказывания фактами из жизни, раскрывая суть какого-то события, приводить конкретные иллюстрации.

Ещё одним необходимым условием эффективного информирования является требование развития содержания, динамики при развёртывании содержания темы, что означает, что каждая последующая мысль должна быть логическим продолжением предыдущей. Причём это может сопровождаться такими словами-маркерами, как *начну, продолжу, далее, следующее, подводя итог, завершая*, или счётными словами *во-первых, во-вторых, в-третьих* и т.д. Это необходимо для облегчения восприятия информации, а также для удержания внимания слушателей, ибо ничто так не осложняет восприятие речи, как непоследовательность, нелогичность при передаче информации.

Наконец, обязательным становится структурирование речи – наличие в ней трёх композиционных частей: вступления, главной части и заключения. Каждая из перечисленных частей в свою очередь может быть тоже структурированной. Напр., вступление может иметь зачин и собственно вступление, главная часть должна содержать в себе несколько композиционных фрагментов (желательно не более пяти), заключение тоже может делиться на фрагменты. Но очень важно при этом соблюдать пропорции объёмов: вступление и заключение не должно превышать 1/7 от объёма главной части.

К общим правилам информирующей речи нужно отнести следующее. Оратору необходимо помнить о таких пропорциях, как эмоциональное/рациональное, теоретическое/фактическое, позитивное/негативное. Последнее соотношение отражает требование риторического оптимизма: говоря о проблемной теме, оратор не должен нагнетать обстановку – нужно обязательно показывать выход, находить конструктивное решение сложных вопросов, вселяя надежду, оставляя аудиторию в «рабочем» состоянии.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2006; **Михальская А.К.** Основы риторики. Мысль и слово. М., 2002; **Сопер П.** Основы искусства речи. М., 2000; **Стернин И.А.** Практическая риторика. Воронеж, 2005.

С.В. Меньшенина

ИРОНИЯ (от др.-греч. εἰρωνεία – ‘притворство’) – вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния, в отличие от юмора, носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде. Как вид комического И. может быть выражена разными стилистическими приёмами. Так, Л.И. Ерёмина, анализируя язык художественной прозы Н.В. Гоголя, упоминает следующие приёмы иронического повествования: 1) «столкновение и объединение в одном ряду неоднородных предметов и явлений» (фигура, обозначаемая термином «силлепсис». – А.С.): [Пифагор Пифагорович Чертокруцкий] «носил усы под носом и шпоры на сапогах» («Коляска»); 2) «сближение человеческого мира с животным»: у цирюльника Ивана Яковлевича фрак «был пегий; то есть он был чёрный, но весь в коричнево-жёлтых и серых яблоках...» («Нос»); 3) «метонимическое соотношение части и целого»: на Невском проспекте, кроме щегольских сюртуков с лучшими бобрами, один несёт «греческий прекрасный нос, третий несёт превосходные бакенбарды, четвертая – пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый – перстень с талисманом на щёгольском мизинце, шестая – ножку в очаровательном башмачке, седьмой – галстук, возбуждающий удивление, осьмой – усы, повергающие в изумление» («Невский проспект»); 4) гиперболу: «Консул, долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку заезавшейся торговли» («Тарас Бульба»); 5) «логическое несоответствие»: в кабинете Манилова «всегда лежала какая-то книжка, заложённая закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года» («Мёртвые души»); 6) приём обманутого ожидания: среди «просвещённых людей» были такие, «кто читал Карамзина, кто “Московские ведомости”, кто даже и совсем ничего не читал» («Мёртвые души») и др. приёмы [Ерёмина 1987: 64–75].

В частности, в создании иронического эффекта участвуют такие семантические (в широком смысле) фигуры, как Антанаклаза (см.): *Мечтает свет в конце тоннеля / Весной увидеть наш народ. / Пока что видно еле-еле, / И то не этот свет, а тот* (АиФ. 2001. № 24); Реминесценция (см.), поставленная в не свойственный ей контекст: *Сижу за решёткой в темнице сырой / И пять депутатов на нарах со мной* (ЛГ. 2001. № 38); Парономазия (см.): *В году не счесть торжеств мемориальных – / Всё больше в честь божеств мнимореальных* (ЛГ. 1998. № 22); Перифраза (см.): *Мои стихи придут к читателям / Уже стопой макулатуры, / Зачем пещерным обитателям / Следы исчезнувшей культуры?* (ЛГ. 2001. № 12).

Эффект И. может достигаться использованием слова или сочетания слов в значении, противоположном буквальному (прямому) для выражения насмешки или сомнения. Хрестоматийный пример из басни И.А. Крылова: «Лисица и орёл»: *Отколе, умная, бредёшь ты, голова?* В этом обращении к ослу (символу глупости в русской традиции) определение «умная» приобретает противоположное значение. Такой приём имеет специальное название – Антифразис (см.).

Лит.: **Ерёмина Л.И.** О языке художественной прозы Н.В. Гоголя: искусство повествования. М., 1987; **Ермакова О.П.** Об иронии и метафоре // Облик слова: сб. ст. М., 1997; **Зарецкая Е.Н.** Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М., 1998; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Литературный энциклопедический словарь.** М., 1987; **Смолина А.Н.** Ирония в контексте современной языковой ситуации (на материале российских СМИ) // Scripta manent VII: сб. ст. Смоленск, 2001.

А.П. Сковородников

ИСПОВЕДЬ – жанр церковно-религиозного стиля; в христианстве – одно из семи Таинств, первая часть Таинства покаяния, в которой исповедующийся раскрывает свои грехи перед духовником. Вторая часть Таинства, произносимая священнослужителем, заключается в молитвенном прощении и разрешении грехов (чтение разрешительной молитвы). История христианской И. начинается с установления этого Таинства Иисусом Христом, говорившего Апостолам: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Евангелие от Матфея, гл. 18, стих 18). Апостолы передали право «разрешать» грехи епископам, которые при совершении Таинства рукоположения передают его священникам. Священник выступает как проситель за кающегося перед Богом.

Формально жанр И. представляет собой беседу кающегося христианина и духовника: покаянное исповедание грехов и разрешительная молитва священника, иногда с его вопросами и наставлениями. Однако основная духовная цель И. – это не облегчение душевного состояния через перечисление грехов и прочувствованное слушание пастыря. Первостепенные цели И. заключаются в удалении от раскаянных грехов, в «изменении образа жизни, приводящего ко греху» [архиепископ Иоанн Шаховской: <http://molitva.com.ua/node/4219>]. В этом смысле И. направлена в коммуникативное будущее – пересмотр жизненных ценностей, своего отношения к Богу и людям, коренное изменение себя, своих взглядов, поступков и др. Исповедь христианина – это примирение с Богом, Церковью, людьми.

В православном храме к И. допускаются принявшие Таинство Крещения православные христиане, принимающие Бога и Библию. И. требует особой подготовки. Перед И. нужно вспомнить все свои злые дела, признать вину в их совершении, простить людям все обиды. В подготовке к И. могут помочь Священное Писание и специальная литература. Однако самым главным остаётся личное осознание содеянного зла. В осмыслении своих грехов и последующем покаянии прежде всего нужно опираться на Заповеди, нарушение которых и влечёт за собой основные грехи. Нарушение первой Заповеди «Я Господь, Бог твой, да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Евангелие от Матфея, гл. 7, стих 21) – основа таких грехов, как безбожие, лжеучения, магия, гордыня, хвастовство, себялюбие и др. Нарушение Заповеди «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» (Второзаконие, гл. 5, стихи 8–9) приводит к идолопоклонству, вызыванию духов, гаданию, человекоугодию, сребролюбию. Нарушение Заповеди «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Второзаконие, гл. 5, стих 11) влечёт кощунство, издевательство над святыней и др. грехи. Оскорбление родителей, отсутствие почтения к старшим в основе имеют нарушение Заповеди «Почитай отца твоего и мать твою» (Второзаконие, гл. 5, стих 16). Нарушая Заповедь «Не убивай» (Второзаконие, гл. 5, стих 17), человек приходит к таким грехам, как убийство, аборты, гнев, ругань, драки, ненависть, злопамятство, раздражительность и др. Заповедь «Не прелюбодействуй» (Второзаконие, гл. 5, стих 18) призвана отвратить от блуда: измен, гомосексуализма, порнографии. Нарушение Заповеди «Не кради» (Второзаконие, гл. 5, стих 19) приводит к воровству, грабежу, мошенничеству, ростовщичеству, жадности. Заповедь «Не произноси ложного свидетельства» (Второзаконие, гл. 5, стих 20) отвращает человека от обмана, лжесвидетельства, клеветы, сплетен, предательства. На И. важно, прямо называя свой грех (напр., зависть, тщеславие, мстительность, блуд, гнев), искренне каяться, не оправдывая себя и не обвиняя в совершении греха кого-то другого, не перекладывая на других свою вину.

И. принимается в храме, тяжелобольного человека исповедуют на дому. Жанр церковной И. имеет свой ритуал (подробно см. в приведённой лит.).

А.Д. Степанов, характеризуя И. как речевой жанр, говорит о необходимых условиях откровенного высказывания; основные из них следующие: искренность не может быть принудительной: слово исповедующегося всегда добровольно; предполагает сознательное намерение человека рассказать правду; И. приносит говорящему освобождение и такие чувства, как облегчение и внутренняя чистота; автобиографизм, документальность определяют и свободу композиции И.: в ней не должно быть никакой выстроенности, её форма определяется самим течением жизни; оценочная (самоосуждающая) сторона И. может быть бесконечно многообразна по числу возможных моральных установок, но при этом она всегда сохраняет одну константу: И. есть открытость; И. как текст отличается свободой в изложении событий личной жизни; контакт между исповедующимся и слушателем оказывается наиболее близок к недостижимому идеалу непосредственности [Степанов].

И. становится основой таких литературных жанров, как автобиография, дневник, мемуары. И. в литературе представляет собой признание неблагоприятности совершённых автором действий, собственной вины, стремление рассказать об этом людям, облегчить душу. Одно из основных отличий религиозной И. от исповеди-автобиографии, исповеди-дневника, исповеди-мемуаров – аналитичность литературной формы исповеди, слабая выраженность или отсутствие покаяния – необходимого условия церковной И. В литературной сфере И. «становится формой самоанализа, а порой и исповедания собственного учения, как, напр., у Л. Н. Толстого» [Пригарина 2011]. Искренность, открытость, правдивость, раскрытие собственной души, стремление рассказать о совершённом – черты, сближающие церковную и литературную И.

Лит.: Артамонова Е.В. Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения: КД. Казань, 2008; *Детская исповедь*. М., 2006; *Лествичник Иоанн*, преподобный. Лествица. М., 2009; Митрополит Митрофан Бан. Руководство по исповеди для священников и мирян. М., 2006; Степанов А.Д. Сочувствие и искренность. Экспрессивные речевые жанры. URL: http://www.gumfak.ru/otech_html/chekhov/chekhov-kritics/problem/problem7-2.shtml; **Перечень наиболее распространённых грехов с объяснением их духовного смысла**. М., 2003; Пригарина А.С. Религиозная исповедь как прототип общелитературных жанров. URL: www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2011_5-2_38.pdf; Худякова Е.С. Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере: КД. Пермь, 2009; *Энциклопедия православной жизни* / авторы-сост. Г. Калинина, Г. Стромьинский. М., 2008.

А.Н. Смолина

ИСПОЛНЕНИЕ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ. СМ. ПРОИЗНЕСЕНИЕ РЕЧИ

ИСТОРИЗМЫ – слова, отдельные значения многозначных слов, словосочетания, вышедшие из активного употребления в современном языке в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначают: *коллежский асессор, лорнет, столоначальник, помещик, крепостной* и т.д.; разновидность устаревших слов (см. Устаревшие слова).

И. являются единственными названиями вышедших из употребления предметов и явлений действительности и выполняют главным образом номинативную функцию, являясь терминами старины. Наиболее важными отличительными признаками И. являются: отсутствие у них вариантов или синонимов, однозначность стилистической маркировки, принадлежность только к лексическому пласту языка.

Процесс историзации обусловлен внелингвистической причиной: неактуальностью называемых предметов и явлений действительности. Поскольку И. выполняют номинативную функцию и, как правило, терминологичны по своей природе, они в большинстве своём являются существительными (*жупан, забрало, вассал*), реже – прилагательными (*земский, губернский, уездный*), ещё реже – глаголами (*викжелять, колесовать*).

И. могут называть отечественные реалии (*коллежский асессор* – ‘гражданский чин восьмого класса по табели о рангах в дореволюционной России’; *глашатай* – в старину ‘лицо, всенародно объявлявшее что-то’) или относиться к прошлому других народов (*каган* – ‘1. Титул главы государства у тюркских народов в средние века, а также лицо, носившее этот титул’; ‘2. Наименование хазарского хана в 8–10 вв.’; *колон* – в древнем Риме ‘арендатор небольшого участка земли, принадлежащей крупному землевладельцу’).

Среди И. выделяют слова, называющие предметы и явления, устаревшие в отношении отечественной действительности, но по-прежнему актуальные в жизни других стран и народов (напр., слова *царь, принц, император* и под.). Ю.С. Маслов, напр., относит такие слова к историзмам, но подчеркивает их двойственную природу: «После Великой Октябрьской революции некоторые слова стали не только историзмами, но одновременно и экзотизмами – обозначениями явлений чужой действительности. Таковы, напр., слова *сословие, дворянин, помещик, поместье, лакей*: они используются в своих прямых значениях либо когда речь идёт о прошлом нашей страны, либо когда речь идёт о тех зарубежных странах, в которых ещё существует сословное деление общества» [Маслов 1975: 248–249]).

Терминологичность И. заключается в том, что они называют понятия, имеющие культурно-историческое значение, и выступают как специальные обозначения. Это приводит к тому, что, с одной стороны, И. являются пассивной лексикой современного языка (с точки зрения употребления широкой аудиторией носителей языка), а с другой – активной лексикой определённых научных дис-

циплин: истории, социологии, этнографии и др., – т.е. функционально ограниченной лексикой активного словаря.

Выделяют лексические И. (И.-слова) и семантические И. (И.-значения многозначных слов). Напр.: **фарисей** – ‘член религиозно-политической партии в Древней Иудее’ – И.; ср. с **фарисей** – ‘лицемер’ – современное употребление. Или: **ярлык** – ‘письменный указ хана’ –И.; ср. с **ярлык** – *этикетка* – современное употребление. Существуют особенности историзации многозначного слова:

1. Полисемантические слова, производные значения которых возникли в результате метонимических переносов, подвергаются историзации во всех значениях (см. Метонимия). Напр., **вече** – ‘в Древней Руси: собрание горожан для решения общественных дел, **а также** место для такого собрания’.

2. Производные значения многозначного слова, образовавшиеся путём метафорического переноса (см. Метафора), обычно сохраняются в активном словарном запасе, в то время как исходное значение переходит в состав И. Напр.: **фарисей** – 1. *Представитель общественно-религиозного течения в Иудее во 2 в. до н.э. – 2 в. н.э., отличавшийся фанатизмом и лицемерным исполнением правил благочестия.* 2. **перен.** *Лицемер, ханжа.* Некоторые И. сохраняются в активном словаре в составе идиом, устойчивых выражений: *точить лясы, бить баклуши* и под.

И. могут вернуться в активный словарный запас языка при актуализации обозначаемых ими реалий, понятий. Так произошло, напр., со словами *меценат, губернатор, мировой судья* и др.

Многие лингвисты считают, что И. в художественных текстах (напр., в исторических романах и повестях) выполняют стилистическую функцию – создают исторический колорит эпохи, однако другие утверждают, что в беллетристике, как и в научной литературе, И. **называют** предметы и явления исторического прошлого, следовательно, выполняют не стилистическую, а назывную, номинативную функцию. Напр.: *Иван Андреевич в исподнем белье выскочил из шатра, размахивая бердышом <...> На выжженных скамьях сидели бояре, одетые по военному времени в шлемах, в епанчах <...> Думный дьяк Шакловитый прочёл сказку о его «винах»* (А. Толстой). И всё же И. в художественных текстах не только передают колорит ушедших эпох, но и стилизуют семантику всего произведения (особенно поэтического). Этот эффект тонко использовали очень многие поэты. Так, напр., А. Белый в цикле стихов «Золото в лазури» с помощью И. (*камзол, букли, менуэт* и др.) воссоздал стилизованное прошлое, опозитивировав его. Широко использовал И. в своих стихотворных стилизациях под прошлое В. Брюсов: «Ассаргадон», «Халдейский пастух», «Рамсес», «Цирцея», «Кассандра», «Моисей», «Клеопатра», «Скифы» – уже сами заглавия этих поэтических текстов являются своего рода ключом к их стилизованной семантике. В них широко представлены И.: *фаланга, скрижали, скипетр, сатрапии, свитки* – вот далеко не полный перечень И., создающих неповторимый поэтический облик данных произведений. То же можно сказать и о многих других произведениях классической русской литературы.

В текстах современных СМИ И. могут использоваться для создания иронии, сарказма и других видов комического при осмеянии отрицательных явлений действительности: *Сейчас эти Иксомиллиардеры чувствуют себя временщиками – им бы быстрее оброк собрать да за границу его перегнать* (АиФ).

Лит.: Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975; **Словарь устаревших слов.** М., 1997; Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. См. также лит. к ст. Устаревшая лексика.

О.Н. Емельянова

КАКОЛО́ГИЯ. См. **НЕБЛАГОЗВУЧИЕ**

КАКОФЕМИ́ЗМ. См. **ДИСФЕМИЗМ**

КАКОФО́НИЯ. См. **НЕБЛАГОЗУЧИЕ**

КАКЭМФАТО́Н. См. **НЕБЛАГОЗВУЧИЕ**

КАЛАМБУ́Р (от фр. calembour – ‘игра слов’) – разновидность Языковой игры (см.) с установкой на остроумие и/или комический эффект. Основу К. составляет нестандартное (отступающее от

нормы) использование Полисемии (см.), Омонимии (см.), Паронимии (см.), Антонимии (см.). Соответственно можно выделить:

К. полисемические: *Если история повторяется, значит у неё склероз* (АиФ. 2000. № 45); К. омонимические: *Народ был, народ есть, народ будет есть* (КП. 06.12.1991); К. паронимические: *За убеждения приходится платить самому, за заблуждения – расплачиваются другие* (ЛГ. 2001. № 30); К. антонимические: *Поклон сужает кругозор, но расширяет перспективы* (ЛГ. 08.11.1995).

К. К. иногда относят приёмы словообразовательной и фразеологической трансформации (намеренного смещения, наложения): *стихоплут* (ср.: стихоплёт); *пучеглазые* (ср.: пучеглазые); *Перекуём мячи на орало* (ср.: Перекуём мечи на орала); *Кесарю кесарево, а слесарю слесарево* (ср.: Кесарево кесарю, а божие Богу).

Сфера использования К. – разговорная речь, публицистика, художественная литература.

Лит.: Михайкина С.Г. Технология каламбура: КД. М., 2008; Москвин В.П. Каламбур: приёмы создания и языковая основа // Русская речь. 2011. № 3; Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006; Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; Сквородников А.П., Дамм Т.И. О лингвистическом статусе каламбура (на материале русскоязычных газетных текстов) // Stylistika X. Opole, 2001; Ходакова Е.П. О каламбуре // Русский язык в школе. 1968. № 3; Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). Киев, 1958; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сквородникова. М., 2005.

А.П. Сквородников

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ – слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, закреплённые за официально-деловым (административно-канцелярским) стилем, иногда используемые за его пределами (см. Канцелярит).

К. К. относятся как отдельные слова и словосочетания с окраской функционально-делового стиля (*уведомление, ходатайствовать, именуемый, надлежит, при наличии, единовременное пособие, вышестоящие органы* и т.п.), так и синтаксические конструкции, построенные по определённым моделям (напр., «цепочка» форм родительного падежа существительных: *деятельностью, не преследующей цели получения прибыли; выяснение условий совершения преступления*; сочетание существительного с делексикализированным глаголом: *оказывать помощь* вместо *помогать, проводить контроль* вместо *контролировать*).

К. могут использоваться как Стилистический приём (см.), напр. в художественном произведении с целью речевой характеристики персонажа: *Давыдов вышел, развернул записку. Синим карандашом было размашисто написано: «Лиза! Категорически предлагаю незамедлительно и безоговорочно предоставить обед предьявителю этой записки. Г. Корчжинский».* – *«Нет, уж лучше без обеда, чем с таким мандатом»*, – *уныло решил проголодавшийся Давыдов, прочитав записку и направляясь в райполеводсоюз* (М. Шолохов); или для достижения юмористического эффекта: *Муза ему долго не давалась, а когда далась, то поэт удивился от того, что у него с ней получилось. Во всяком случае, по прочтении продукции ему стало ясно, что не может быть и речи о гонораре* (М. Зощенко).

Употребление К. за пределами неофициально-деловых текстов без стилистического задания является речевым недочётом и рассматривается исследователями как «болезнь речи», получившая название «Канцелярит» (см).

Лит.: Винокур Т.Г. Когда «канцеляризм» и «штампы» становятся опасной болезнью? // Наша речь. Как мы говорим и пишем. М., 1965; Головин Б.Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре русской речи. М., 1988; Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997; Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Книга о хорошей речи. М., 1997; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Левонтина И.Б. Русский со словарём. М., 2010; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; **Культура устной и письменной речи делового человека**: справочник. Практикум. М., 1997; Скворцов Л.И. О канцеляризмах и штампах // Русская речь. 1982. № 1; Скворцов Л.И. Экология слова, или поговорим о культуре русской речи. М., 1996; Шварцкопф Б.С. Канцеляризм // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997; Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. См. также лит. к ст. Канцелярит.

Г.А. Копнина

КАНЦЕЛЯРИТ, или **КАНЦЕЛЯРСКИЙ ШТАМП**, – стилистически не мотивированное использование Канцеляризмов (см.), т.е. употребление слов и оборотов, характерных для официально-деловых документов, в несвойственном им контексте без стилистического задания.

Термин «К.» введён в языковую практику К.И. Чуковским. В книге «Живой как жизнь» он называет К. «болезнью речи», «недугом» (по образцу слов *колит, дифтерит, менингит*), причина возникновения которого в низком уровне речевой культуры и в бюрократизме общественных отношений [Чуковский 1963: 119].

Приметы К.: «вытеснение глагола, то есть движения, действия, причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным!), а значит – застойность, неподвижность. Из всех глагольных форм пристрастие к инфинитиву»; «нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего – длинные цепи существительных в одном падеже – родительном»; «вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжелыми, громоздкими»; «несчётные придаточные предложения»; «обилие иностранных слов там, где их вполне можно заменить словами русскими» [Галь 1987: 14]. Напр.: *Политику кооперации краевая администрация считает самой приемлемой, но это не значит, что предприятиям региона таковая будет навязываться: сейчас у каждого свои соображения по поводу того, как выжить* (КК. 07.02.1998). Ср.: *Политику кооперации краевая администрация считает самой приемлемой, но это не значит, что предприятиям она будет навязываться: сейчас у каждого свои соображения, как выжить; На Красной площади приступили к заливанию катка* (КП. 25.11.2011). Ср.: *На Красной площади начали заливать каток; Один из поджогов был совершён с целью сокрытия другого преступления...* (СГ. 15.04.2010). Ср.: *Один из поджогов был совершен, чтобы скрыть другое преступление.*

Существование канцеляризмов «соответствует общим закономерностям эволюции современного общества, напр., всё большей автоматизации труда, внедрению компьютерных способов обработки, передачи и хранения информации» [Рахманин 1997: 14]. Однако использование канцеляризмов там, где они неуместны, – в публицистике, в художественной литературе, в обиходном общении – является речевым недочётом. С конца XX века «наблюдается вторжение К. в такие речевые сферы, где их меньше всего можно было бы ожидать, напр., в тексты школьных учебников по литературе, в надгробные надписи. Так традиционная проблема “канцелярита” из лингвостилистической перерастает в лингвоэтическую» [Сковородников 1993: 12].

Не является К. намеренное употребление канцеляризмов в качестве стилистического приёма.

Лит.: Галь Н.Я. Слово живое и мёртвое: из опыта переводчика и редактора. М., 1987; Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1997; Романенко А.П. Канцелярит: риторический аспект (О книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика: специализированный проблемный журнал. 1997. № 1 (4); Сковородников А.П. Вопросы экологии русского языка: учеб. пособие. Красноярск, 1993; Чуковский К.И. Живой как жизнь (О русском языке). М., 1963; Шмельёва Т.В. Канцелярит и другие речевые недуги // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000. См. также лит. к ст. Канцеляризм.

Г.А. Копнина

КАНЦЕЛЯРСКИЙ СТИЛЬ. См. ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ

КАНЦЕЛЯРСКИЙ ШТАМП. См. КАНЦЕЛЯРИТ

КАТАХРЁЗА (КАТАКРЁЗА) (от др.-греч. *κατάχρησις* – ‘злоупотребление’) – сочетание противоречивых, но не контрастных по природе слов, одно из которых – в переносном значении, представляющих своеобразное смысловое единство и создающих образ, напр.: *В варёную круто погоду, / В самый жареный час, / Сырая масса народу / В песке на пляже пеклась* (О. Григорьев).

В риторике и стилистике нет единой точки зрения на природу К. как стилистической фигуры. Термин «К.» берёт свои истоки из старой риторики, где он служил общим обозначением для всех тропов. Квинтилиан был одним из первых, кто заговорил о необходимости отличать К. от метафоры.

К., призванная восполнить пробел в словаре буквальных наименований, не является ни метафорой, ни метонимией, но имеет метафорическое либо метонимическое происхождение.

При изучении К. метафорического происхождения можно опереться на классификацию метафор и выделить К., в основе которых лежат основные виды метафоры: адъективная, генитивная и

глагольная: *всё равно почему-то верю со смирением желторотым* (Т. Бек); *как ты зрачками юркнул* (И. Елагин).

Тот же самый процесс наложения одного стилистического явления на другое, а именно на К., можно проследить и в случае с метонимией: *вислоухую псину из ласковой миски корми* (Т. Бек).

К отдельной группе относятся К.-парадоксы, обладающие всеми признаками катахрестического словосочетания и не имеющие связи ни с метафорой, ни с метонимией. К.-парадоксы образуют новые значения по принципу вложения структур. Т.е. на место управляемого признака в структуре одного члена катахрезного сочетания ставится вся структура другого члена. При этом противоречие сохраняется, напр.: *А ты, кто вгонял меня в плесень, / Отпрянешь от света и песен* (Т. Бек).

К. за счёт сильного тропеического аспекта многозначна. Однако структура К. ставит её в один ряд с фигурами. Ведь она никогда не бывает представлена одним словом, это бинарное сочетание, основанное на взаимодействии предметно-логического и эмоционального значения его составляющих.

Катахрезными отношениями могут быть затронуты почти все части речи в разных сочетаниях, самыми продуктивными из которых являются существительные и прилагательные: *в зелёной слепоте стоят леса* (В. Волков). Отношения, характерные для К., могут выходить за рамки бинарного словосочетания. Довольно частотны «цепные» К., где количество элементов может быть неограниченным и определяется оригинальностью авторского воображения и замысла: 2 элемента («классическая» катахреза): *Почётный доктор бушлатных прав* (И. Елагин); 3 элемента: *О, как больно сияют и крупно на полянах лепёшки навоза* (Т. Бек) и т.д.

В семантической структуре катахрезных сочетаний, имеющей несколько тематических групп лексем, наиболее полно и ярко представлены две группы: «оригинальные понятия» и «чувства и эмоции».

Таким образом, благодаря сильной семантической, морфологической и структурной обусловленности, К. выступает некой переходной формой от тропа к фигуре. С тропами К. роднит то, что она показывает образное употребление слов, словосочетаний, служит описанию. С фигурами её объединяет способность повышать выразительность речи и усиливать её эмоциональность при помощи особых синтаксических построений.

К. как эффективный стилистический приём наиболее характерна для поэтических текстов.

Лит.: **Береговская Э.М.** Материалы к словарю «Выразительные средства языка и речи» // Риторика ↔ Лингвистика. Вып. 5: сб. ст. Смоленск, 2004; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Павлович Н.В.** Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX вв.: в 2-х тт. М., 1999; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Л. Якутина

КАТЕГОРИЗАЦИЯ. См. **ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА**

КАТЕГО́РИЯ АВТОРИЗА́ЦИИ. См. **СУБЪЕКТНОСТЬ**

КАТЕГО́РИЯ СУБЪЕ́КТНОСТИ. См. **СУБЪЕКТНОСТЬ**

КАТЕГО́РИЯ ТЕ́КСТА. См. **ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ**

КА́ЧЕСТВА ХОРО́ШЕЙ РЕ́ЧИ. См. **КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ**

КВАЗИАНТИТЕ́ЗА. См. **АНТИТЕЗА**

КВАЗИПОСЛО́ВИЦА. См. **АНТИПОСЛОВИЦА**

КВАЗИПРОФЕССИОНАЛИ́ЗМЫ. См. **ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ**

КВАЗИТЕ́РМИНЫ. См. **ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА**

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК. Существует несколько К.р.о. Одна из них, получившая наибольшее распространение в практике обучения русскому языку, отражена в работах В.И. Капинос [Капинос 1986, 1994]. В основе этой классификации – попытка оценить именно **речевые** знания, умения и навыки обучаемых. «...С учётом ведущих признаков текста – смысловой и стилистической целостности и формальной связности» [Капинос 1994: 177] все речевые ошибки в рамках этой классификации подразделяются на 1) ошибки в словоупотреблении и 2) ошибки в строевании текста.

К наиболее типичным ошибкам в **словоупотреблении** относятся, во-первых, **семантические** (демонстрирующие нарушение требования точности словоупотребления): употребление слова в несвойственном ему значении (*его ободранная одежда. Ср. рваная*); смешение паронимов (*поступил в ЛДПР в 2007 г. Ср. вступил*); неразличение оттенков значения синонимов (*я разговариваю сейчас с нашим известным спортсменом, который рассказывает о выступлении на Олимпиаде. Ср. беседую*); нарушение лексической сочетаемости (*он увидел раскаты грома. Ср. услышал; на войне солдаты сделали много подвигов. Ср. совершили*); плеоназм (*пернатые птицы кружили над ними*); тавтология (*опасность приближалась все ближе и ближе. Ср. опасность приближалась*). Во-вторых, к ошибкам в словоупотреблении относятся так называемые **стилистические** ошибки (или недочёты). Чаще всего это употребление слова с несоответствующей речи в целом функционально-стилистической или экспрессивной окраской (*Азербайджанский народ скорбит по героически погибшим в грязной драке за власть; Меняет облик новый посёлок. Сейчас производится посадка деревьев у тридцатидвухквартирных домов. Ср. сейчас сажают деревья*); неуместное употребление эмоционально-экспрессивной лексики (*У этого автора находим и другие чудесные рассказы о жизни простых людей*); неоправданное использование просторечных или диалектных слов (*от рассказов Л. Толстого у меня аж сердце сжало*); смешение лексики разных исторических эпох (*в конце Анна Каренина совершает суицид; Чичиков – явный коррупционер*).

К **ошибкам в построении текста** относится использование однообразных синтаксических конструкций; неудачное использование лексического повтора (в частности, местоименного) как средства связи (*Художники создали много произведений, они написали много картин. В то время писатели много размышляли о судьбах России*); неудачный порядок слов (*Целый ряд можно проблем сформулировать по данному тексту*); нарушение видо-временной соотнесённости глагольных форм в предложениях (*У людей разных наций и религий существуют разные точки зрения на что-либо. Это приводило к непониманию, и возникали войны. Тем самым человечество все дальше и дальше отделилось друг от друга*).

Другая классификация построена на основе **уровневого** подхода к определению видов речевых ошибок. Ориентируясь на выделяемые в лингвистике уровни языковой системы (фонетический, морфологический и др.) и формы реализации языка в речи (устная и письменная), авторы учебно-методической литературы описывают нормы произношения и ударения, словоупотребления, морфологии, синтаксиса, орфографии и пунктуации, а также типичные нарушения этих норм, т.е. речевые ошибки, на профилактику которых и должно быть обращено внимание преподавателей и учащихся. Так, в работе И.Г. Проскуряковой и др. [Практикум 2004] к трудным случаям в системе норм словоупотребления относится: многозначность слова; употребление синонимов, антонимов, паронимов, омонимов; плеоназмы и тавтологии; сочетаемость слов; употребление заимствованных слов, фразеологизмов, стилистически и экспрессивно окрашенной лексики. Эта классификация, по сути, объединяет грамматические и речевые ошибки.

Ещё один вариант классификации ошибок представлен в работе Л.О. Бутаковой, которая предлагает объединить языковые и речевые ошибки и выстроить единую классификацию, используя в качестве критерия «единицу языкового яруса, нормы образования, написания, функционирования которой нарушаются» [Бутакова 1998: 72]. По мнению автора, можно выделить следующие речевые ошибки:

1. **На уровне слова:** а) орфографические (нарушение существующих в русском языке орфограмм); б) словообразовательные (нарушение норм русского литературного словообразования); в) грамматические (неправильное формообразование, нарушение системных свойств формообразовательной системы у разных частей речи); г) лексические (нарушение лексических норм, т.е. норм словоупотребления и лексико-семантической сочетаемости слова). 2. **На уровне словосочетания** (нарушение синтаксических связей): а) нарушение норм согласования; б) нарушение

норм управления; в) нарушение связи между подлежащим и сказуемым. 3. **На уровне предложения:** а) **синтаксические ошибки** (нарушение норм формального синтаксиса); б) **коммуникативные ошибки** (нарушение норм, регулирующих коммуникативную организацию высказывания), среди них собственно коммуникативные ошибки (нарушение порядка слов и логического ударения, приводящее к созданию ложных семантических связей), логико-коммуникативные ошибки (нарушение понятийно-логической стороны высказывания), конструктивно-коммуникативные ошибки (нарушение правил построения высказываний), информационно-коммуникативные ошибки (или семантико-коммуникативные); в) **стилистические ошибки** (нарушение требований единства функционального стиля, неоправданное употребление эмоционально-окрашенных, стилистически маркированных средств). 4. **На уровне текста:** а) логические нарушения с многочисленными подвидами, (в частности, нарушениями причинно-следственных и родо-видовых отношений); б) грамматические нарушения (в т.ч. нарушения видо-временной соотнесённости глагольных форм в разных предложениях текста и нарушения согласования в роде и числе субъекта и предиката в разных предложениях текста) в) информационно-коммуникативные нарушения, а именно: информационно-семантическая и конструктивная недостаточность (пропуск части высказывания в тексте), информационно-семантическая и конструктивная избыточность (нагромождение конструкций и избыток смысла), несоответствие семантики высказываний их конструктивной заданности, неудачное использование местоимений как средства связи в тексте: повторы, тавтологии, плеоназмы). См. также ст. Коммуникативная неудача, Этико-речевые ошибки, Ошибки в использовании формул речевого этикета.

Лит.: Бутакова Л.О. Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 2; Капинос В.И. О критериях оценки речи и об ошибках, грамматических и речевых // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку. М., 1986; Капинос В.И., Сергеева Н.Н., Соловейчик М.С. Развитие речи: теория и практика обучения. М., 1994; Методика преподавания русского языка в школе: учебник. М., 2001; Мучник Б.С. Культура письменной речи. М., 1996; Практикум по русскому языку и культуре речи: нормы современного русского литературного языка / под ред. И.Г. Проскуряковой. М., 2004; Фоменко Ю.В. Типы речевых ошибок. Новосибирск, 1994.

Л.Г. Кыркунова

КЛИМАКС. См. ГРАДАЦИЯ

КЛИШЕ́ (от фр. *cliché* – ‘общее место’), или **РЕЧЕВОЙ СТЕРЕОТИП**, – готовый, легко воспроизводимый в определённых ситуациях и сферах общения оборот, лаконично выражающий какую-л. мысль и потому не вызывающий, в отличие от Речевого штампа (см.), негативного отношения со стороны адресата речи.

Положительные стороны К.: соответствие психологическим стереотипам как отражению в сознании часто повторяющихся явлений действительности, лёгкость воспроизведения, экономия мыслительных усилий и облегчение процесса коммуникации [Розенталь, Теленкова 1976: 149].

К. в газетно-публицистическом стиле (*работники бюджетной сферы, как стало известно, культурное достояние* и др.) обеспечивают его стабильность, лёгкость восприятия и, чередуясь с экспрессивными элементами, устойчивость связи с адресатом. В электронных СМИ К. (*в продолжение выпуска; в завершение нашей программы; оставайтесь с нами; все подробности на канале...*) способствуют диалогичности речи, помогают адресату ориентироваться в информационном пространстве.

Канцелярские К. (*действие договорённости прекращается; справка прилагается; по истечении срока; согласно Вашей просьбе; настоящий договор составлен; вступает в законную силу; мы, нижеподписавшиеся* и др.) способствуют точности формулировок и позволяют использовать заранее напечатанные бланки документов.

В научной речи наиболее распространённые К. выполняют функцию связи: эти единицы организуют отдельные предложения в связный текст, представляющий собой конструкт, в котором все элементы соединены специальными «скрепами», по выражению М.В. Ломоносова, «подобно гвоздям или клею». Связность пронизывает все компоненты и стороны научного текста, поэтому представление о ней необходимо для овладения культурой письменной речи. Для связи самостоятельных предложений и абзацев сформировались различные языковые единицы, которые ярко, выпукло эксплици-

руют мыслительный процесс, включающий: 1) «трафаретный» зачин изложения (может быть выражен стереотипными, клишированными словосочетаниями и конструкциями, образованными по моделям: я (мы) намерен(ы) + глагол мысли или речи (*рассмотреть, показать, описать*); я хочу (*хотел бы*) + глагол мысли или речи и др.); 2) активизацию мысли (*рассмотрим; заметим, что; будем полагать; подчеркнём, что*); 3) логическое выделение мысли (*важно отметить, что; следует обратить внимание на то, что; необходимо подчеркнуть, что* и др.); 4) связь с вышесказанным (*как было показано; выше было рассмотрено; как было отмечено ранее* и др.); 5) связь с последующим изложением (*мы увидим ниже; как мы увидим далее; как будет видно из дальнейшего* и др.); 6) порядок изложения (*прежде всего, сначала, теперь, далее, затем, позднее, во-первых, первый, второй, следующий*); 7) указание на итог, обобщение (*таким образом, следовательно, так, стало быть; словом; мы пришли к заключению, что; подытоживая, можно сказать, что* и др.). Использование таких клишированных языковых единиц соотносится с обобщённым отражением в научном тексте (речи) одного из фундаментальных гносеологических представлений человека – представления о связи явлений действительности. Благодаря этим К. автор выстраивает свои мысли и организует мысль читателя, что способствует доступности научной речи.

Разновидностями К. считают также формулы речевого этикета, фразеологизмы, крылатые слова и выражения, некоторые лозунги, цитаты [Никитина, Васильева 1996: 86].

Лит.: Власова А.В. Речевые клише французской разговорной речи в коммуникативно-прагматическом аспекте: фреймы фрагмента входа в общение: АКД. Н. Новгород, 2008; Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005; Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М., 2008; Кохтев Н.Н. Клише и газетная речь // Вестник МГУ. Журналистика. 1986. № 3; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М., 1976; Стрибижев В.В. Речевые клише в современной английской речи: метакоммуникативная функция: АКД. Тула, 2005.

Г.А. Копнина, М.П. Котюрова

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА – 1. Применительно к художественным текстам (прозаическим и поэтическим) этим термином обозначают слова, словосочетания, иногда – целые фразы, которые выражают главную идею целого художественного текста или намекают на неё. К.с. иногда выносятся в названия художественных произведений («Обрыв» И.А. Гончарова, «Гроза» А.Н. Островского, «Хорошо» В.В. Маяковского и др.). «От них идут невидимые нити к портретам действующих лиц и пейзажам. Они создают внутреннее единство лексической системы произведений, становясь существенным элементом его композиционного построения. <...> Ключевые слова в литературных произведениях одной своей, предметно-вещной, стороной обращены к деталям быта, а другой – к социальным и нравственно-этическим проблемам. Они семантически многомерны, отсюда их образно-символическое значение» [Петровский 1977: 54–57]. Напр., в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант» велико значение слов «тихо», «тишина», и других однокоренных слов. С этими словами так или иначе связано всё содержание повести, психология, характеры героев, вся художественная ткань повествования, её своеобразная тональность. «Слово “тишина” и его производные у Короленко нагнетают соответствующие настроения и производят большое впечатление. Мальчик “тихо заплакал”, мать “тихо спросила”, “в усадьбе всё стихло”, слышен “тихий плеск реки”, и вновь всё “спокойно, тихо, невозмутимо”, “тихая жизнь”, “тихое настроение”. Иногда слово тишина употребляется по три-четыре раза на странице. Создают лирическое настроение и близкие к понятию “тишина” слова: за-тишье, молчаливый, смолк, молча, замирая, журчание, тайна, шелест, шепот, вздохи, шурша» [Гибет 1973: 21–24]. В стихотворении А. Вознесенского «Дозорный перед полем Куликовым» К.с. является слово «поле», которое, повторяясь и раскрывая свою многозначность в разных словосочетаниях и предложениях, составляет как бы смысловой стержень этого поэтического текста: *Один в поле воин; Волшебное поле; ...но если есть поле; ...в чистом поле; За мной останется поле великое; ...зову тебя, поле!; Поле придёт.*

К.с. увеличивают смысловую ёмкость художественного текста, расширяют его изобразительные возможности, позволяют читателю глубже проникнуть в идейно-художественную структуру произведения.

2. В стилистике деловой речи К.с. или словосочетаниями называют текстовую формулу делового документа, выражающую его главную функцию. Так, напр., в распоряжении – это слово *приказываю*; текстовой формулой акта является конструкция *Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что...* и т.п. Текстовая формула определяет выбор слов и, таким образом, обуславливает конкретную сочетаемость и даже грамматику словоформ в текстах деловых документов [Веселов 1988: 48–49].

3. Под «ключевыми словами текущего момента» (КСТМ) понимают слова и обороты, актуальные именно для данного, сравнительно короткого периода развития общества. Так, Т.В. Шмелёва, которая ввела в оборот данный термин, полагает, что, напр., для октября 1992 г. такими КСТМ «окажутся рынок, приватизация, ваучер, съезд, Грузия, Абхазия, Хасбулатов, Ельцин, Гайдар» [Шмелёва 1993: 33].

4. Если под менталитетом понимать «национальный способ видеть мир и действовать (когнитивно и прагматически) в определённых обстоятельствах» [Колесов 1991: 106], иначе говоря специфические особенности национального самосознания и мироощущения, обусловленные историей народа, его культурой, традициями и психическим складом (характером), то К.с. национального менталитета следует называть такие слова (и соответствующие концепты), которые занимают доминирующее положение в «мыслительном пространстве» национального самосознания.

Применительно к русскому национальному менталитету можно выделить, по крайней мере, три группы таких слов-концептов (на основе тематической или предметно-понятийной соположенности): 1) слова, обозначающие понятия и предметы традиционного народного (преимущественно крестьянского) быта: *дом, усадьба, земля, семья, хозяин* и др.; 2) слова, обозначающие основные понятия русской государственности и общественной жизни: *родина, Отечество, держава, народ, мир* и др.; 3) слова, обозначающие мир русской души и народной этики: *Бог, правда, совесть, справедливость, сострадание, милосердие, терпение, раскаяние* и др. [Сковородников 1993: 272].

В особенностях семантики этих слов, их соотношении со словами сходными или, наоборот, противоположными по значению (парадигматике), их сочетаемости (синтагматике) и употреблении (прагматике) отражается специфика национального русского менталитета – в его историческом прошлом и в современном состоянии.

Естественно, что такие слова-понятия, занимающие чрезвычайно важное место в системе ценностных представлений, в духовном мире как целого народа, так и отдельной личности, требуют особенно бережного, «экологического» отношения и пристального изучения.

Лит.: Айзерман Л.С. Ключевые слова // Русский язык в школе. 1973. № 4; Веселов П.В. Как составить служебный документ? // Русская речь. 1998. № 1; Гибет Е.И. Слово «тишина» у В.Г. Короленко // Русская речь. 1973. № 5; Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук: Труды методологического семинара «Человек». Л., 1991; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Петровский В.В. О ключевых словах в художественной прозе // Русская речь. 1977. № 5; Погребняк А.К. Ключевое слово «Бог» в семантике русских паремий: АКД. Красноярск, 2010; Сковородников А.П. О ключевых словах русского менталитета // Светлица. 1993. № 1; Соломатов С.И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: АКД. Екатеринбург, 2005; Шмелёва Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1.

А.П. Сковородников

КНИЖНАЯ РЕЧЬ. СМ. КНИЖНЫЙ СТИЛЬ

КНИЖНЫЙ СТИЛЬ, или **КНИЖНАЯ РЕЧЬ**, – стиль, свойственный книжно-письменной речи. В лингвистике, помимо выделения функциональных стилей, существует разграничение языковых средств и стилей на две основные сферы – книжную и разговорную. Это отражает историческое развитие РЛЯ, в котором приоритетным и хронологически первым был книжный тип – язык памятников письменности, в т.ч. на старославянской основе, а также на основе народно-разговорной речи, постепенно «олитературивающейся». Книжная речь была, таким образом, изначально связана с письменной формой выражения (а позже, с введением книгопечатания, – и с реализацией письменной речи в форме печатных текстов) и обслуживала сферу официальных отношений (в отличие от разговорной речи, функционирующей преимущественно в устной форме, непосредственном межличностном общении).

В рамках литературного языка как дихотомической системы, где книжная речь противопоставляется разговорной, постепенно формируются функциональные стили. Становление системы функциональных стилей происходит в конце XVIII – начале XIX в. Теория функциональных стилей складывается позже – лишь в XX в., и с её появлением в лингвистике начинают сосуществовать два разных подхода к стилям, две классификации – стилей в традиционном их понимании и в аспекте функциональной стилистики.

К.с. отличается строгостью норм, особой окраской – официальностью: «сухостью» либо возвышенностью. К.с. представлен прежде всего в так называемой специальной литературе – научных, официально-деловых текстах, информативно-хроникальных и официально-документальных жанрах публицистики, а кроме того, в известной мере в речи художественно-изобразительной (художественных текстах и текстах свободных жанров публицистики). Последняя, в отличие от специальной речи, допускает употребление всех разрядов языковых единиц, в т.ч. разговорных, и поэтому не является областью предельной концентрации книжно-письменных средств, но все же широко их использует. Таким образом, К.с. используется в текстах различных сфер общения.

Языковая характеристика К.с. касается прежде всего области лексики. Книжная лексика по экспрессивной окраске подразделяется на «высокую», торжественную, основную часть которой составляют славянизмы, напр.: *благословить, возрождение, провозгласить, таинство*; «поэтическую», которая встречается главным образом в стихотворной речи XIX – начала XX в. (*грёза, лазурный, очи, чары, чудный*); слова с публицистической экспрессией, наделённые, как правило, социальной оценкой, положительной или отрицательной (*борец, гражданственность, судьбоносный, вандализм, мракобесие* и др.); слова с экспрессией «книжности», используемые для беспристрастного, в деловом тоне, изложения мысли, обсуждения вопроса (*необходимо, осуществить, реализация, результат* и др.). Характерным признаком К.с. являются термины, как узкоспециальные (напр., из области лингвистики: *дефис, морфема, омонимия, сказуемое*), так и общеупотребительные (*анализ, парадигма, реакция, функция*). Окраску книжности придаёт речи использование отглагольных существительных на *-ние* (*влияние, возникновение, использование, обеспечение* и т.п.), предложно-падежных конструкций с производными предлогами (*вследствие чего, в зависимости от чего, в отличие от чего, по мере чего, по сравнению с чем*) и др. специфических книжно-письменных лексико-грамматических единиц.

Книжная речь отличается от разговорной более сложным синтаксисом, большей логичностью, последовательностью, связностью изложения.

Вместе с тем книжная речь не изолирована от разговорной речи. Для РЛЯ характерно глубокое и разнонаправленное их взаимодействие. Разговорная речь воспринимает слова терминологического характера – по мере технического прогресса, его проникновения в быт (*компьютер, интернет, кондиционер*), актуальную часть общественно-политической лексики (*выборы, теракт, президент*), слова и обороты книжной окраски (*фактически, действительно, в порядке вещей*). Книжная речь допускает в свои тексты экспрессивные средства разговорного характера: фразеологизмы, пословицы, особо выразительные слова. Взаимопроницаемость книжного и разговорного стилей интенсифицируется в периоды коренных социальных преобразований, в связи с развитием СМИ (ср., в частности, широкое проникновение средств разговорной речи в современные СМИ), расширением границ речевой свободы, особенно характерным для конца XX в. Используется и намеренное столкновение в узком контексте книжных и разговорных единиц как один из приёмов создания комического эффекта.

Представление о «книжности» речи не оставалось неизменным на протяжении истории русского языка. Во второй половине XVIII в. оно связывалось прежде всего с высоким стилем, в первой половине и середине XIX в. – с «художественностью», изысканностью, красотой. Затем «книжность» начинает ассоциироваться с публицистической и научной речью. В современном языке с К.с. связываются характерные черты письменной формы наиболее разработанных функциональных разновидностей языка: научного, публицистического, официально-делового стилей, в определённой степени языка художественной литературы. Стремление в неофициальном общении избежать разговорности и желание выразиться «книжно» приводит зачастую к использованию оборотов, типичных для официально-делового стиля, что нарушает естественность разговорной речи.

Книжная речь в её функциональном расслоении и разговорная речь совместно обеспечивают социально-культурное назначение литературного языка.

Лит.: Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М., 1988; Бельчиков Ю.А. Книжная лексика // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи. М., 2000; Горшков А.И. Книжная речь // Рус-

КОГЕ́ЗИЯ. См. **ТЕКСТ**

КОГЕРЭ́НТНОСТЬ. См. **ТЕКСТ**

КОЛЕБА́НИЕ ЯЗЫКОВО́Й НОРМЫ – проявление нестабильности в ходе реализации языковой системы; форма нестабильности плана выражения, которая может быть представлена как вариантностью, так и синонимией и представляет собой спонтанный поиск в плане разрешения внутри-системных противоречий [Граудина 1996: 178–179].

К.я.н. проявляется в сосуществовании вариантов, каждый из которых претендует на исключительность. Так, до 90-х гг. XX в. в слове *йогурт*, имеющем ограниченное употребление, нормативным считалось ударение на втором слоге *йогу́рт*, а начиная с 90-х гг., когда обозначаемый этим словом продукт питания получил широкое распространение, закрепилась норма *йо́гурт*. Соответственно, в начале 90-х гг. наблюдалось колебание нормы, которое «Большой орфографический словарь» 1999 года отразил как равноправие вариантов *йо́гурт*.

К.я.н. охватывает не только наличие вариантов, но и их диспозицию. Так, с начала 80-х годов XX в. сосуществовали две морфолого-синтаксические нормы (в первом значении): императивная, предписывающая употребление слова *кофе* только в мужском роде и диспозитивная норма, определяющая преимущественное употребление этого слова в мужском роде при допустимости его употребления в среднем роде. Другой пример сосуществования диспозиций – колебание нормы, регулирующей диспозицию акцентологических вариантов слова *фольга*: *фо́льга* и *фольга́*. Так, популярный толковый «Словарь русского языка» С.И. Ожегова в издании 1984 года предписывает ударение на корне (*фо́льга*), в то время как в «Орфоэпическом словаре русского языка» 1985 года предлагается диспозиция *фольга́* при допустимом *фо́льга*, а в издании «Орфографического словаря русского языка» 1989 года предлагается равноправная диспозиция *фо́льга* и *фольга́*, при этом вариант с ударением на корне помещается первым. В «Русском орфографическом словаре» 1999 года закрепляется диспозиция *фольга́* при допустимом *фо́льга*.

Примером колебания языковой нормы как сосуществования комплексов правил является период «противоборства» старомосковской и петербургской орфоэпической нормы РЛЯ, который охватил два века в истории России. Связано это сосуществование двух норм с противостоянием двух русских столиц: столицы допетровской России Москвы и новой столицы Российской империи Санкт-Петербурга, в которых сформировались разные типы произношения на основе региональных вариантов городского просторечия.

К.я.н. связано прежде всего с влиянием Узуса (см.) на норму (см. Литературная норма) и обусловлено вариативностью как сущностным свойством нормы. Как правило, колебания усиливаются в моменты смены поколений носителей языка и особенно в периоды социальной нестабильности. Сменяющие их периоды стабилизации либо возвращают прежнюю норму (реализации консервативной тенденции), либо закрепляют новую норму (реализация демократической тенденции).

К.я.н. отражает диалектическое единство нормы и узуса, пуризма и толерантности. В аспекте соотношения нормы и узуса диалектическое единство проявляется в динамическом равновесии стабильности и развития: норма призвана стабилизировать использование языковых средств, а стихия узуса изменчива. Закрепление в узусе новых языковых явлений приводит к сосуществованию нормативного и узуального вариантов. На короткое время узуальный вариант оформляется в новую норму, которая сосуществует со старой, впоследствии закрепляясь в качестве допустимого, а затем равноправного варианта и в дальнейшем сменяя старый нормативный вариант. В аспекте пуризма/толерантности диалектическое единство проявляется в динамическом равновесии принципов кодификации нормы. Нормативный пуризм, консерватизация нормы в конце концов приводит к расхождению кодифицированной нормы и узуса, вследствие чего происходит разрыв между живой разговорной речью и письменным языком, языковым опытом основной массы носителей языка и элитарной части нации, что в итоге формирует необходимость толерантности в теории нормы и в нормативной практике. Толерантность означает учёт реального употребления языковых средств при кодификации нормы. Во время смены принципов кодификации консервативная и демократическая норма некоторое время сосуществуют. Однако излишняя толерантность приводит к массовому проникнове-

нию в литературный язык чуждых элементов, большинство из которых не закрепляется в языке и в период последующей консерватизации нормы выводится за пределы нормативного употребления.

Лит.: Горбачевич К.С. Вариативность слова и языковая норма. Л., 1978; Граудина Л.К. Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Ицкович В.А. Языковая норма. М., 1970; Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980; Шварцкопф Б.С. Норма в письменном кодифицированном языке // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

И.Е. Ким

КОЛЛОКВИАЛИЗМ. См. РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА

КОЛЬЦЕВОЙ ПОВТОР. См. КОЛЬЦО

КОЛЬЦО, или **КОЛЬЦЕВОЙ ПОВТОР**, – 1. Стилистическая фигура, образуемая повторением одного и того же компонента в начале и в конце речевого отрезка (предложения, сложного синтаксического целого, стихотворной строки или строфы и т.д.).

Повторяться могут звуки (звуковое К.), слова, словосочетания и целые фразы (лексическое К.), напр.: *Звонков раздавались нестройные звуки* (М. Лермонтов); *Нет такого человека, понимаете, нет* (В. Маяковский); *Ну да что ж... пожил. Всё, что мог сделать в жизни, сделал... всё. Что мог* (А. Курчаткин).

Наиболее часто К. употребляется в художественных (особенно поэтических) текстах. Его основная функция – актуализация значимого компонента, создание «эффекта законченности утверждения» [Матвеева 2010: 148]. К. может выступать в качестве композиционного приёма построения текста, напр.:

*Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.*

<...>

*И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу* (А. Фет).

2. Композиционный принцип организации текста, заключающийся в том, что каждое последующее звено полностью повторяет предыдущее в сюжетно-смысловом и формальном отношении, напр.:

*У попа была собака,
Он её любил,
Она съела кусок мяса,
Он её убил.
В землю закопал
И надпись написал:
«У попа была собака...»*

Широко используется в русском фольклоре: по принципу кольцевого повтора строится композиция многих так называемых докучных сказок, городских стихов и диалогов, получивших широкое распространение, как отмечает И.Ф. Амроян, в конце XIX – первой трети XX в.

Лит.: Амроян И.Ф. Типология цепевидных структур. Тольятти, 2000; Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов): ДД. М., 2006; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика (Инвентарь. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

КОМИССИВЫ. См. РЕЧЕВОЙ АКТ

КОМИЧЕСКОЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ. **Комическое** – категория философии, эстетики, психологии, литературоведения и лингвистики, характеризующая объекты и явления действительности с большей или меньшей степенью осмеяния. К. изучается со времён Аристотеля. Существует множество исследований, посвящённых этой категории, теорий различной направленности, но практически все исследователи сходятся во мнении, что суть К. составляет некий «разлад», противоречие. С позиций эстетики К. рассматривается как «общественно значимое жизненное противоречие (цели – средствам, формы – содержанию, действия – обстоятельствам, сущности – её проявлению), которое является объектом особой, эмоционально насыщенной критики – осмеяния» [Борев 2003: 198]. В философии К. представлено как «категория, обозначающая культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное» [Сычёв 2003]. В XX в. К. начинает активно изучаться в психологии. В психологическом словаре А.В. Петровского К. определяется как «нарочитое несоответствие между сущим и должным (образом и оригиналом, исполнением и образцом, кажущимся и действительным и т.п.), а смех рассматривается как путь «символического преодоления, “снятия”, изживания таких переживаний, как гнев, недоумение, скука, страх» [Общая психология 1996].

В литературоведении и лингвистике ставятся вопросы о видах, формах, жанрах и приёмах К. Обычно в филологии к видам К. относят юмор, иронию, сатиру, сарказм, иногда – гротеск. **Юмор** определяется как «вид комического, добродушный смех с серьёзной подоплёкой» [Стеблин-Каменский 1978: 165]. **Ирония** рассматривается как «явно-притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путём доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток, который в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством» [Литературная энциклопедия 1930]. **Сати́ру** определяют как вид К., отличающийся от других видов резкостью обличения, звучанием негодования и возмущения. Вопрос о выделении **сарказма** как вида К. остаётся дискуссионным. При характеристике этого явления как вида К. отмечают выраженную злость, язвительность насмешки, издёвка, содержащая уничтожающую оценку лица, предмета или явления, крайняя степень эмоциональной открытости, пафос отрицания, переходящий в негодование.

В XX в. в исследованиях о К. возникла тенденция к объединению многообразных теорий комизма и смеха в единое целое [Белокурова 2006]. Различия в трактовке природы комизма и смеха объясняются тем, что К. рассматривается с разных точек зрения, а также тем, что исследуются разные виды комизма. Польский философ Б. Дземидок всё многообразие концепций К. свёл к шести типологическим моделям: 1. Теория негативного качества и превосходства субъекта познания К. над объектом; смех имеет непосредственное отношение к превосходству над окружающими (основные представители – Аристотель, К. Уберхорст, Т. Гоббс). 2. Теория деградации; источником К. чаще всего является деградация ценности, низвержение возвышенного или серьёзного до степени низкого и ничтожного (представители – А. Бейн, А. Стерн). 3. Теория контраста как основы К. (представители – Т. Липпс, Г. Гефдинг). 4. Теория противоречия; источник К. – несоответствие между реальным и мыслимым объектами (представители – А. Шопенгауэр, Г. Гегель, Н.Г. Чернышевский, Ю.Б. Борев). 5. Теория отклонения от нормы как основы К. (представители – К. Грос, К. Мильтон, Нейхем). 6. Теория пересекающихся мотивов; объединяет концепции исследователей, в чьих научных трудах пересекаются несколько мотивов, объясняющих сущность К. (представители – А. Бергсон, З. Фрейд и др.) [Дземидок 1974].

В качестве языкового средства выражения К. в условиях особого контекста может использоваться любое средство: Метафора (см.), Метонимия (см.), Градация (см.), Парцелляция (см.) и др. Однако существует круг стилистических приёмов, тяготеющих к выполнению функции К.: Каламбур (см.), Антанаклаза (см.), Парадокс (см.), Алогизм (см.), Говорящее имя (см.), Антифразис (см.), Зевгма (см.), Макаронизмы (см.), Буквализация метафоры (см.) и нек. др. Напр.: *Некогда я любил её, а теперь некогда* (А. Кнышев) – омонимический каламбур; *Тема была самая оригинальная: одна молодая девушка влюбилась в одного молодого человека и вышла за него замуж* (Тэффи) – антифразис; *Общее понижение спроса и падение курса не коснулись одних только статских советников, пряники же, самовары и невесты стали падать в цене и залёживаться* (А. Чехов) – зевгма.

Лит.: Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2006; Борев Ю.Б. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М., 2003; Дземидок Б. О комическом. М., 1974; Игра как приём текстопорождения: коллективная монография. Красноярск, 2010; Литературная энциклопедия. Т. 4, М., 1930; Любимова Т.П. Комическое, его виды и жанры. М., 1990; Общая психология: Словарь / под ред. А.В. Петровского. М., 1996; Плотникова С.Н. Онтологический статус комического в коммуникации // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011; Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. Л., 1978; Сычёв А.А. Природа смеха или Философия комического. М., 2003.

А.Н. Смолина

КОММЕМОРАТА. См. ФРАКТАТА

КОММЕНТАРИЙ (от лат. *commentārius* – ‘заметки, толкование’) – жанр журналистики как форма реакции средств массовой информации на то или иное событие общественной, культурной, политической или экономической жизни. Это оперативный и одновременно аналитический жанр. С его помощью журналист выражает своё отношение к актуальным событиям, анализируя происходящее и прогнозируя развитие ситуации. К. представляет собой публицистическое выступление, объясняющее факты и явления с позиций автора и потому не претендующее на исчерпывающую полноту анализа. В К. главенствует не быстрота передачи сообщения, а точка зрения на событие [Кройчик 2000: 171].

Создавая К., автор старается сконцентрировать внимание читателей на важных, как правило, новых фактах события, показать их причинно-следственные связи и найти возможные пути выхода из создавшейся ситуации. Иногда К. идёт вслед за событиями, но в ряде случаев может и предвосхищать их, готовить к ним общество. Качественный К. должен ответить на ряд обязательных вопросов: что происходит, почему, кому это выгодно, кто действует, при каких обстоятельствах, какова современная ситуация, что делать, как лучше поступить при том или ином развитии событий, какие существуют противоречия, можно ли их устранить, какова тенденция развития? В публикациях этого жанра применяются самые разные литературно-публицистические средства. Комментаторы прибегают к различным стилевым окраскам – от пропагандистской, критической, полемической до юмористической или сатирической. Выбор средств и тональности зависит от амплуа журналиста и от ситуации. Но в любом случае автор обязан чётко разработать взаимосвязи между исходными и комментирующими их фактами, детализировать комментируемые явления, найти аналогии, образы, сравнения, провести параллели и противопоставления и, по-своему интерпретируя используемые в качестве аргументации документы, разъяснить их смысл аудитории. Комментатор должен решить триединую задачу: представить проблему в широком социальном контексте, увидеть её глазами тех, кого она может заинтересовать и определить её место в ряду социальных приоритетов.

Основные требования к данному жанру – лаконичность и точность оценки происходящих событий. К. требует минимального размера и выстраивается, как правило, вокруг одного факта или цепи однозначных фактов, однако это не исключает развёрнутых К., в которых автор опирается на факты из самых разных источников, прослеживает более широко историю явления, стараясь раскрыть его глубинный смысл. Но сам факт – это отправная точка диалога с читателями; доминанта К. – рассуждение журналиста по тому или иному поводу. Подчёркнутая субъективность комментатора даёт возможность каждому из читателей, соглашаясь с публицистом или не принимая его позиции, сделать собственные выводы.

Лит.: Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М., 2005; Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики. СПб., 2008; Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Корконосенко. СПб., 2000; Тертычный А.А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. М., 1998; Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2002; Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: учебник. М., 2007.

Л.А. Винская

КОММУНИКАТИВНАЯ НЕУДАЧА – полное или частичное непонимание или неприятие высказывания партнёром по коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, несоответствие реакции слушающего коммуникативным ожиданиям говорящего.

Факторы (причины), вызывающие К.н., разделяют на экстралингвистические и лингвистические.

Экстралингвистическими причинами К.н. являются различия в картинах мира, сформированные разными национальными культурами участников коммуникации; несовпадение оценок явлений действительности; неудачный выбор места, времени и обстановки общения; нарушение или неверный выбор поведенческих стереотипов (в т.ч. этикетных); эмоциональная несдержанность говорящего; общение без учёта эмоционального состояния партнёра; неверно выбранная коммуникативная роль; неправильное понимание речевого намерения партнёра по общению; акустические недостатки в произнесении речи; отсутствие коммуникативной заинтересованности и др.

Лингвистическими причинами К.н. являются неверное или неточное словоупотребление (неточности и недосказанности при выражении мыслей); избыточная метафоричность; неустранённая многозначность или омонимия языковых единиц (двусмысленность высказывания); использование непонятных иноязычных слов и терминов; неверный порядок слов; использование очевидных манипулятивных речевых приёмов; неадекватная передача чужой речи; незнание или неучёт гендерных особенностей речи; неразличение паронимов; неуместные окказионализмы; неоправданное многословие; неоправданный эллипсис; ошибки в интонировании (постановке логического ударения, расстановке внутрифразовых и фразовых пауз); неправильное произношение; использование инвектив; неправильный выбор речевого жанра и стиля общения; невладение речевым этикетом и др.

Напр., в следующей речевой ситуации К.н. порождена неудачным манипулятивным речевым актом: Начальник: *Если хотите, можете взять материалы домой и ночью поработать*. Подчинённый: *Конечно, я этого не хочу*. Начальник: *Вы же умный человек и понимаете, что взять придётся*. Подчинённый: *Так бы прямо и сказали!*

Или в другой ситуации К.н. вызвана метасообщением (косвенным, подтекстовым сообщением) женщины, которое мужчина воспринимает как прямое: Женщина: *Мы никогда никуда не выходим*. Мужчина с нескрываемым раздражением: *Как же мы ещё живы! Спешу напомнить: на прошлой неделе мы ездили к твоей маме*.

Разновидностью К.н. является **коммуникативное самоубийство** – грубая ошибка, допущенная в общении, которая делает его заведомо неэффективным [Стернин 2002].

Лит.: Алексеева С.В. Коммуникативно-дефектное высказывание и его интерпретация // Вестник Пермского университета. 1996. Вып. 2. Лингвистика; Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Гойхман О.Я., Надина Т.М. Речевая коммуникация: учебник. М., 2001; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Орлова Н.В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1999; Стернин И.А. Речевое воздействие как интегральная наука. 2002. URL: www.sternin.adeptis.ru/articles_rus.html; **Формановская Н.И.** Речевое взаимодействие: коммуникация и практика. М., 2007; **Эффективная коммуникация:** история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

А.А. Кузнецова

КОММУНИКАТИВНАЯ НОРМА, или **КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НОРМА**, **ЛИНГВОЭТОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА**, – это совокупность принципов, постулатов и правил целесообразного и эффективного речевого поведения, т.е. речеповеденческая норма. Основным содержанием этой нормы являются лингвопрагматические постулаты, или максимы речевого общения (см. Коммуникативные постулаты), и Коммуникативные качества речи (см.). Поскольку в понятие речи входит как процесс речевой деятельности, так и его результат – текст, в К.н. логично включить правила текстообразования (см. Текст, Текстовая категория).

При широком понимании К.н. некоторые авторы включают в неё также Стилистическую норму (см.) и Этико-речевую норму (см.) [Виноградов 1996: 125]. В отличие от языковой нормы, которая «соотнесена с собственно языковыми фактами (языковыми единицами) – их составом, образованием,

сочетаемостью и употреблением», <...> К.н. «связаны с процессом коммуникации, включают не только вербальные, но и невербальные элементы, в значительной мере обуславливаются ситуацией общения» [Виноградов 1996: 125–126]. В основе языковой нормы лежит понятие правильности речи, тогда как в основе К.н. – понятия целесообразности и эффективности. «Коммуникативные нормы предполагают выбор коммуникантом речевой стратегии для своей речи и требуют уточнить рамки коммуникативной ситуации и согласовать их со сферой общения. Это помогает участникам общения определиться со своей речевой ролью и продумать конкретные шаги по её выполнению» [Ипполитова 2004: 167].

Согласно Г.П. Грайсу, основным принципом (исходным положением) коммуникации является принцип кооперации, который требует от общающихся совместного принятия цели диалога. Этот принцип конкретизируется рядом постулатов (аксиоматических положений), таких как: «Твоё высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)»; «Твоё высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется»; «Не говори того, что считаешь ложным»; «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований»; «Не отклоняйся от темы»; «Выражайся ясно»; «Избегай непонятных выражений»; «Избегай неоднозначности»; «Будь краток (избегай ненужного многословия)»; «Будь организован» [Грайс 1985: 222–223].

Другим принципом коммуникации является принцип вежливости, сформулированный Дж. Личем и требующий соблюдения следующих шести максим (основных правил): «1) максимы такта (Соблюдай интересы другого! Не нарушай границ его личной сферы!); 2) максимы великодушия (Не затрудняй других!); 3) максимы одобрения (Не хули других!); 4) максимы скромности (Отстраняй от себя похвалы!); 5) максимы согласия (Избегай возражений!); 6) максимы симпатии (Выказывай благожелательность!)» (цит. по [Арутюнова, Падучева 1985: 27]).

Ещё одним важным коммуникативным принципом является принцип гармонизации общения, который иногда называют законом: «... Первый и главный закон современной общей риторики – закон гармонизирующего диалога – говорит о том, что ваш собеседник или ваша аудитория – не пассивный объект, которому вы должны передать информацию, на который вы как говорящий призваны воздействовать. Ваша задача <...> “пробудить собственное внутреннее слово” слушателя, установить гармонические и двусторонние отношения с адресатом» [Михальская 1996: 86].

Этот перечень принципов и правил, составляющих К.н., не является исчерпывающим. Он продолжает пополняться (см. об этом, напр., в [Маслова 2007: 100–105; Копнина 2009: 38–62; Кормилицына 2010: 15]). Нетрудно заметить, что большая часть перечисленных принципов и постулатов носит этический характер: «Этические и коммуникативные нормы так тесно взаимосвязаны, что нарушение большинства коммуникативных норм общения одновременно приводит к нарушению и этических правил» [Ипполитова 2004: 166]. В известной степени такая связь коммуникативного и этического начал касается и коммуникативных качеств речи, соблюдение которых также входит в содержание К.н.; особенно это касается таких качеств речи, как Уместность (см.), Чистота (см.) и Доступность (см.).

Эти основные К.н. могут быть дополнены более частными правилами и рекомендациями, содержащимися в специальной литературе, а также в афористике и фольклоре. Напр., коммуникативное качество информативности, предполагающее основательное знание предмета речи, его актуальность и новизну, и соотносящееся с постулатом количества, который рекомендует сообщать не больше и не меньше информации, чем требуется для успешности общения, может быть конкретизировано пословицами (*Говорить, так договаривать, а не договаривать, так и не говорить; Лучшие не договорить, чем переговорить; Из песни слова не выкинешь*); афоризмами (Н. Винкельман: *В искусстве речи трудно не много сказать, а мало сказать*; Гораций: *Краткость нужна, чтобы не путалась мысль, а стремилась свободно*; Пифагор: *И в словах своих, и делах избегай всего банального и привычного*); рекомендациями (А.А. Волков: *Если обращённая речь бессодержательна или не вызывает ответной мысли у слушающего, диалог может быть прерван*; И.А. Стернин: *Совсем без негативной информации строить сообщение невозможно, но негативная информация должна быть минимальной по объёму, а форма её сообщения должна быть оптимальной*; Р. Бринкман и Р. Кершнер: *С помощью проясняющих вопросов можно собрать очень полезную информацию, которая откроет скрытый смысл беседы*).

Таким же образом можно представить и другие типы К.н.

Лит.: Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эф-

фективность общения. М., 1996; **Грайс Г.П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985; **Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р.** Русский язык и культура речи: учебник. М., 2004; **Копнина Г.А.** Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. М., 2009; **Кормилицина М.А.** Актуализация содержания публикаций в современной прессе как способ реализации собственно коммуникативной составляющей компетенции журналиста // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов, 2010; **Маслова А.Ю.** Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие. М., 2007; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996.

А.П. Сковородников

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ, или **РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ**, – одна из составляющих речевого общения, представляющая собой совокупность речевых и неречевых условий, необходимых для осуществления речевого действия. Основные параметры речевой ситуации: участники (адресант и адресат); предмет речи; цели, задачи речи; сфера речевого общения; обстоятельства (место, время, устная или письменная речь, присутствующие при общении люди и др.); жанр (урок, проповедь, доклад и др.); эффективность речи; код (язык, стиль и др.); социальные связи и личные отношения между говорящими; их социальные роли; канал связи (акустический/визуальный). Анализ речевой ситуации с учётом её основных параметров помогает понять смысл сообщения, его цель, выявить причинно-следственные отношения между данным высказыванием и другими событиями, в т.ч. речевыми, и избежать коммуникативных неудач. Тип речевой ситуации (официальное/неофициальное общение; бытовое/деловое и др.), цели и задачи речи диктуют соблюдение определённых правил ведения разговора и требуют особых форм выражения содержания. На выбор языковых средств также влияют социальный статус, социальные и психологические роли собеседников. Для достижения эффективного общения необходим быстрый и верный выбор языковых средств, соответствующих данной речевой ситуации.

Лит.: **Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г.** Современная деловая риторика: учеб. пособие. Воронеж, 2002; **Долинин К.А.** Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6; **Матвеева Т.М.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996; **Педагогическое речеведение.** Словарь-справочник. М., 1998; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: лингвистические и методические аспекты. М., 1987; **Шабес В.Я.** Событие и текст. М., 1989.

А.Н. Смолина

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ТЁКСТА – одно из направлений современной функциональной стилистики, формирующееся на стыке с другими науками, комплексно изучающее целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля. Развиваясь в рамках современной функциональной стилистики с начала 90-х годов XX вв., данное направление значительно вышло за её рамки, интегрируясь с комплексом других наук о тексте как форме коммуникации.

В задачи К.с.т. входит разноаспектное рассмотрение текста как формы коммуникации, в которой отражается как стилистический узус, так и идиостиль автора. То и другое определяется с новой, коммуникативно-деятельностной точки зрения, с учётом того, как текст устроен и ориентирован на адресата, как он действует, «работает» в процессе познавательной деятельности читателя, как разные авторы организуют эту деятельность средствами текста и его особой организацией. Конкретизация задач К.с.т. связана с тремя её основными направлениями, формирующимися на стыке с психолингвистикой, прагматикой и герменевтикой в соответствии с психолингвистическим, прагматическим, информативно-смысловым аспектами общения как текстовой деятельности. Речь идёт о теории регулятивности, теории текстовых ассоциаций, теории смыслового развёртывания текста [Болотнова 1998а, 1998б, 2000; Болотнова, Бабенко, Васильева и др. 2001; Болотнова, Бабенко, Бакланова и др. 2011; и др.]. Эти направления дополняют друг друга, поскольку, в соответствии с интенцией автора, использованные им в тексте лингвистические и экстралингвистические (логические, композиционные, графические) регулятивные средства и структуры многоканально стимулируют (регулируют, направляют) ассоциативную

деятельность читателя, формируя различные смыслы, образы, концепты, т.е. определяя смысловое развёртывание текста в его сознании.

К.с.т. интенсивно разрабатывается в последние годы в связи с новой лингвистической парадигмой, приобретая коммуникативно-когнитивный характер (см. подробнее в [Болотнова 1998б, 2003, 2006; Болотнова, Васильева 2009] и др.). За исходные в рамках данного направления были взяты положения о том, что в любом тексте (в художественном – в образной форме) отражаются не только фрагмент действительности и языковая система, «стоящая» за текстом (включая стилистический узус), но и языковая личность автора во всём многообразии её проявлений с учётом модели Ю.Н. Караулова (лексикон автора, информационный тезаурус, цели и мотивы, ассоциации). В тексте находит отражение и образ адресата, который «входит» в произведение, пронизывает его ввиду коммуникативной природы текста.

К.с.т. исследует системно-структурную организацию текста в деятельностном аспекте, в соотнесённости со смысловым развёртыванием, выявляет закономерности смыслового восприятия текстов разных типов, исходя из заложенных в них коммуникативных стратегий и смысловых программ с учётом стилистических параметров текста, рассматривает средства и способы достижения коммуникативного эффекта, определяет коммуникативные универсалии, имеющие лингвистическую основу, в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. Данное научное направление основано на системно-деятельностном подходе к структуре текста и его семантике, ориентировано на смысл целого текста и только через это – на особенности идиостиля автора. В работах по К.с.т. выявляются как общие, так и индивидуально-авторские закономерности лингвистической организации текста, обеспечивающие наибольшую эффективность совместной текстовой деятельности автора и адресата. В связи с этим в исследованиях по данному направлению проводятся различные эксперименты, основанные на показаниях языкового сознания информантов (ассоциативный свободный и направленный эксперименты, рецептивный эксперимент).

В последние годы в К.с.т. изучаются разные тексты (не только художественные) в коммуникативно-деятельностном аспекте с точки зрения диалога автора и адресата. От других наук (прагматики, психолингвистики, психопэтики, филологической герменевтики), опирающихся на теорию речевой деятельности, данное направление отличается особым вниманием к лингвистическим аспектам речевого общения в их текстовом воплощении. С другими областями знания коммуникативную стилистику текста сближает интерес к языковой личности, «стоящей за текстом» (Ю.Н. Караулов), внимание к процессам восприятия, интерпретации и понимания текста, а также общая направленность на эффективность речевого общения. В отличие от психолингвистики, психопэтики, филологической герменевтики, в рамках данного научного направления исследуются лингвистически обусловленные закономерности в текстовой деятельности автора и адресата с учётом языковой личности творца, отражённой в тексте; анализируются сфера общения; его цели и задачи; жанрово-стилевые и другие особенности текста. Особое внимание к лексическим основам оптимального творческого диалога автора и читателя обусловлено исключительно важной ролью слов в общении в целом и в эстетической сфере коммуникации в частности.

Прикладные аспекты К.с.т. связаны с использованием коммуникативной теории текста в обучении школьников и студентов текстообразующей и интерпретационной деятельности на основе теории текстовых ассоциаций и теории регулятивности. Первое связано с выявлением ассоциативных связей ключевых для текста слов и созданием текстов на основе выявленных опорных ассоциативных рядов. Второе обусловлено выявлением связи различных регулятивных средств и структур, соотносящихся с определённой микроцелью автора и стимулирующих в сознании читателя различные ассоциации и смыслы, формирующие как отдельные концепты, так и концептуальную структуру текста в целом.

Лит.: Болотнова Н.С. Краткая история стилистики художественной речи в России (к истокам коммуникативной стилистики текста). Томск, 1996; Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka-VII*. Opole, 1998a; Болотнова Н.С. О статусе коммуникативной стилистики текста и перспективах её развития // *Известия Алтайского государственного университета*. 1998б. № 3 (8); Болотнова Н.С. О трёх направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучении текстового слова // *Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте*. Томск, 2000; Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. *Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль: коллективная монография* / под ред. Н.С. Болотновой. Томск, 2001; Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и её изучение в коммуникативной стилистике текста // *Сибирский филологический журнал*. 2003. № 3–4; Болотнова Н.С. Методики анализа концептуальной структуры художественного текста // *Слово – сознание –*

культура: Сб. науч. тр. / Сост. Л.Г. Золотых. М., 2006; **Болотнова Н.С.** Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск, 2008; **Болотнова Н.С., Васильева А.А.** Коммуникативная стилистика текста: библиографический указатель по научному направлению. Томск, 2009; **Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Бакланова Е.А.** и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая речевая деятельность в текстовой деятельности: коллективная монография. Томск, 2011.

Н.С. Болотнова

КОММУНИКАТИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ. См. **ИЛЛОКУЦИЯ, ИНТЕНЦИЯ**

КОММУНИКАТИВНОЕ САМОУБИЙСТВО. См. **КОММУНИКАТИВНАЯ НЕУДАЧА**

КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ. См. **РЕЧЕВОЕ СОБЫТИЕ**

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НОРМА. См. **РЕЧЕВАЯ НОРМА**

КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ (от лат. *communicatio* – ‘сообщение’, *competere* – ‘соответствовать, подходить’) – одна из основных базовых компетенций в составе интегральной Культурно-речевой компетенции (см.). Её содержание непосредственно связано с прагматикой речевого общения, т.е. с обменом мыслями, передачей информации при помощи языка. Основным понятием и системообразующим принципом К.-р.к. является эффективность, которая проявляется в двух аспектах – речеведенческом и текстовом, поскольку в понятие речи входит как процесс речевой деятельности, так и её результат – текст (письменный и устный). Эти аспекты К.-р.к. имеют общую основу в виде Коммуникативных качеств речи (см.) и постулатов (максим) речевого общения (см. Коммуникативные постулаты), которые отчасти дублируют, а отчасти дополняют друг друга. Эти коммуникативные качества и постулаты конкретизируются в пословицах и поговорках, афоризмах, частных правилах и составляют содержание понятия «Коммуникативная норма» (см.).

К.-р.к. представляет собой совокупность следующих основных субкомпетенций.

Нормативно-прагматическая субкомпетенция предполагает владение такими общими понятиями коммуникативистики, как Коммуникативные нормы (см.), Коммуникативные постулаты (см.), Коммуникативные качества речи (см.), Жанровая норма (см.), Стилистическая норма (см.), Логическая норма (см. Логичность речи), Речевая норма (см.) и нек. др., а также умение строить и корректировать свою речь в соответствии с содержанием этих понятий.

Информационная субкомпетенция подразумевает хорошее знание предмета речи, фактологическую точность (см. Информативность речи), а также владение современными Информационными технологиями (см.).

Тактико-стратегическая субкомпетенция заключается в умении выбирать Коммуникативные стратегии и тактики (см.), соответствующие целеполаганию адресанта и характеру Коммуникативной ситуации (см.)

Жанрово-стилистическая субкомпетенция заключается в построении речи на основе понятия Уместности речи (см.), понимаемой как соответствие содержания и формы речи авторскому целеполаганию и коммуникативной ситуации (адресату – его социальному положению, уровню образования, профессии, национальным особенностям, психологическому состоянию, каналам передачи и восприятия информации), от которых зависит выбор стиля, жанра речи и соответствующих языковых средств (см. Жанровая норма, Стилистическая норма).

Логико-аргументативная субкомпетенция предполагает соблюдение качества логичности речи, т.е. законов и правил формальной логики, а также правил рациональной аргументации (см. Аргументация). Эта субкомпетенция эксплуатирует постулат релевантности (Не отклоняйся от темы!) и частично постулат манеры (Говори коротко, ясно и последовательно!).

Эристическая субкомпетенция (от др.-греч. *ἐριστική* – ‘искусство спора’) включает знание основ теории спора (см. Спор), умения и навыки его конструктивного ведения. Кроме того, эта субкомпетенция предполагает знание типичных Барьеров общения (см.) конфликтогенных ситуаций и умение их предупреждать, а в случае возникновения – оптимальным образом преодолевать (см. Лингвоконфликтология); знание приёмов речевой манипуляции сознанием и поведением людей (для обеспечения личной и коллективной информационной безопасности); умение противостоять манипулятивному воздействию в бытовой и идеологической сферах общения (см. Речевое манипулирование).

Ораторологическая субкомпетенция – совокупность знаний и, прежде всего, умений и навыков, необходимых для успешного публичного выступления. В основе этой субкомпетенции находятся понятия Риторический канон (см.) и Образ ратора (см.). Важным для ораторологической субкомпетенции являются знание невербальных средств общения (см. Паралингвистические средства общения) и практические навыки их использования.

Экспрессиологическая субкомпетенция – знание основных языковых/речевых средств, которые позволяют говорящему выразить своё субъективное отношение к содержанию или адресату речи, т.е. сделать речь экспрессивной (см. Экспрессивность языка/речи), а также умения и навыки эффективного использования этих средств, включая тропы, стилистические фигуры и другие средства речевого воздействия.

Перцептивно-рефлексивная субкомпетенция – умение слушать и слышать собеседника при толерантном отношении к нему, не переходящем в беспринципность, а также анализировать свою и чужую речь, оценивать её с точки зрения эффективности и этичности.

Эрратологическая субкомпетенция (от лат. *errāta* – ‘ошибки’) в составе К.-р.к. заключается в умении видеть, квалифицировать (определять тип) и исправлять разного рода коммуникативные ошибки и недочёты (см. «Тематический словарь»).

Перечень субкомпетенций, составляющих содержание К.-р.к., не является закрытым, здесь перечислены и кратко охарактеризованы лишь основные. В зависимости от понимания объёма понятия «коммуникация» состав компонентов коммуникативной компетенции меняется.

Лит.: **Барабанова Н.Р.** Междисциплинарная координация в формировании коммуникативно-речевой компетенции студентов // Актуальные проблемы теории коммуникации: сборник научных трудов. СПб., 2004; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Проблемы речевой коммуникации:** межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов, 2010 (см. статьи О.Б. Сиротининой, К.Ф. Седова); **Русская речевая культура.** Учебный словарь-справочник. СПб., 2006; **Сковородников А.П., Копнина Г.А.** Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. Спецвыпуск «Культура речевого общения». 2009. № 2; **Сковородников А.П., Копнина Г.А.** О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Филологические науки. 2009. № 3; **Сковородников А.П.** О понятии «коммуникативная компетенция» // Культура речевого общения в образовательных учреждениях разных уровней: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск, 2003.

А.П. Сковородников

КОММУНИКАТИВНО-СМЫСЛОВОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. СМ. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ, или **БАРЬЕРЫ ОБЩЕНИЯ**, – коммуникативные препятствия, снижающие эффективность речи или приводящие к коммуникативным неудачам (см.), а иногда к невозможности коммуникантов общаться между собой.

Традиционно выделяют следующие К.б.: **технические** (связаны с появлением шумов или созданием помех в коммуникационных каналах); **социально-культурные** (социальные, политические, религиозные и профессиональные барьеры, которые возникают между людьми, говорящими на одном и том же языке, но принадлежащими к разным культурным слоям); **психологические** (связаны, с одной стороны, с барьерами в отношениях между людьми, напр., с возникновением чувства неприязни, недоверия, и, с другой стороны, с барьерами в навыках общения, напр., манипулированием в общении); **барьеры понимания**, среди которых можно отметить фонетические барьеры (неправильная речь, речь-скороговорка, звуки-паразиты, дефекты речи), **семантические барьеры** (различия в тезаурусах слов и понимании значений слов, что зависит от возраста, профессии, образования участников коммуникативного акта); **стилистические** (несоответствие стиля речи ситуации общения); **логические** (логика передаваемой информации сложна или противоречива); **межъязыковые**.

Согласно классификации В.Т. Ганжина, выделяются **естественные** (вызваны физиологическими причинами: заиканием, шепелявостью, картавостью и т.д.) и **искусственные** барьеры в общении. Искусственные барьеры общения можно типологизировать «по разным основаниям, связанным с источником (личностные, организационные, помехи в каналах связи и средствах общения), с характером (оскорбления, обиды, страхи, предубеждения, стереотипы и др.), с типом реагирования (неадекватная оценка партнёра, нереальные цели, неверная самооценка, использование неподходящих спо-

собов обращения, плохое владение техникой общения, слабое развитие социально-перцептивных функций, переоценка или недооценка условностей, этикетных правил в общении и др.)», с нарушением системных качеств общения (дисбаланс целе-мотивационного, инструментально-знакового или поведенчески-волевого компонентов общения; различия образов мира и человека в разных возрастных группах коммуникантов; несогласованность ритмов эмоционально-волевой и интеллектуальной активности партнёров; рассогласованность служебно-профессионального и личностно-заинтересованного факторов общения и др.), с этнонациональными, социально-классовыми, этнокультурными различиями и конфликтами, социально-ролевыми столкновениями и т.д. [Ганжин 2005: 792].

Помимо указанных К.б., выделяют также барьеры, связанные с речевыми манипуляциями; **позиционно-дидактические** барьеры (связаны с установкой обучающего лишь на «императивное говорение» без учёта реакции слушателя); **контекстные** барьеры (неясные формулировки, неграмотно построенные вопросы); **апеллятивные** барьеры (неудачное использование форм обращения); **аксиологические** барьеры (боязнь отрицательной оценки, неуместные или немотивированные оценки); **фатические** барьеры (возникают при нарушении речевого этикета и/или неудачном выборе речевого жанра); **тезаурусные** барьеры (обнаруживают различия эрудиционной базы); **информативные** барьеры (возникают вследствие искажённой информации, недостаточной аргументированности, частого отвлечения от основной линии разговора) и др. (см. [Мурашов 1998]).

Преодоление барьеров общения предполагает выявление их причин и продумывание речевых действий, направленных на эффективную коммуникацию (см. Эффективность речи).

Лит.: **Волкова А.И.** Психология общения для студентов колледжей. Ростов н/Д, 2006; **Ганжин В.Т.** Барьеры в общении // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; **Крижановская Ю.С., Третьяков В.П.** Грамматика общения. Л., 1990; **Мурашов А.А.** Преодоление негативного коммуникативного сценария в педагогической риторике // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методический бюллетень. Вып. 4 (7). Красноярск; Ачинск, 1998; **Тищенко В.А.** Барьеры общения в электронной коммуникации // Educational Technology and Society. 2008. № 11 (2).

А.А. Кузнецова

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ, или **КАЧЕСТВА ХОРОШЕЙ РЕЧИ**, – одно из центральных понятий культуры речи как научной и учебной дисциплины. К.к.р. – это такие свойства речи, которые, взятые в совокупности, обеспечивают наибольшую эффективность общения применительно к конкретной коммуникативной ситуации. Разными исследователями выделяется разное количество К.к.р. Основными, более или менее регулярно упоминаемыми К.к.р. являются информативность речи (содержательность и наличие новизны), правильность (соответствие нормам литературного языка), точность (соответствие выражаемому понятию и обозначаемому предмету речи), логичность (соблюдение законов и правил формальной логики), уместность (соответствие коммуникативной ситуации, избранному стилю и жанру), чистота (незасорённость речи диалектными, жаргонными, просторечными словами, стилистически не оправданными иноязычными словами и выражениями, грубыми словами и высказываниями), доходчивость (ясность, доступность, незатруднительность для понимания), богатство (полнота владения средствами языка на всех его уровнях), этичность (соблюдение норм морали и вежливости, прежде всего – речевого этикета), прагматически оправданная экспрессивность (повышенная степень воздействия речи). К.к.р. соотносятся с так называемыми постулатами (максимами) речевого общения (см. Коммуникативные постулаты), определяющими, как и К.к.р., успешность коммуникации. Совокупность К.к.р. является основным компонентом Коммуникативной компетенции (см.) и условием реализации полнофункциональной речевой культуры (см. Типы речевой культуры).

Некоторые авторы среди критериев (качеств) хорошей речи выделяют такой обобщающий признак, как целесообразность: «Хорошая речь – целесообразная речь, успешная для адресанта и эффективная для адресата» [Хорошая речь 2001: 27].

Следует иметь в виду, что в зависимости от ситуации общения названные К.к.р. проявляются в разной степени и в различных соотношениях друг с другом. Так, «коммуникативные качества речи неодинаково отвечают на свойства и особенности различных стилей языка и индивидуальные качества стилей речи. Одними стилями языка и стилями речи определённое коммуникативное качество <...> поддерживается и усиливается, другими – ослабляется и размывается <...>. Напр., научный

стиль языка поощряет и поддерживает прежде всего такие коммуникативные качества речи, как логичность и точность, а также чистота, уместность, в меньшей мере – выразительность и богатство» [Головин 1988: 266]; зато в художественном стиле выразительность и богатство играют первостепенную роль. Другими словами, те или иные К.к.р. могут быть более или менее востребованными в зависимости от характера коммуникативной ситуации и соответствующего ей функционального стиля и жанра.

Лит.: Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Культура речи государственного служащего: учеб.-практ. пособие. Ростов н/Д, 2011; Головин Б.Н. Основы культуры речи: учебник. М., 1988; Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи: учебник. М., 2004; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Русская речевая культура.** Учебный словарь-справочник. СПб., 2006; **Хорошая речь:** сб. ст. Саратов, 2001; **Шкрабкова И.В.** Коммуникативные качества речи как составляющие русской православной речевой культуры: КД. Майкоп, 2009.

А.П. Сковородников

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ, или **ПОСТУЛАТЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ**, – принципы (основные положения) лингвопрагматики, обобщающие речевой опыт народа, отражающие закономерности речевого общения и имеющие предписывающий характер.

При описании К.п. исследователи обычно цитируют Г.П. Грайса, который с целью объяснения механизма имплицирования ввёл понятие «принципа Кооперации». Суть этого принципа объясняют следующие его высказывания: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс 1985: 222]; «...от всякого, кто стремится к достижению конечных целей речевого общения/коммуникации..., ожидается, что он заинтересован в этом общении...» [Там же: 226]. Общий «принцип Кооперации» (сотрудничества) конкретизируется в постулатах, которые Г.П. Грайс (вслед за Кантом) называет категориями: категория количества (твое высказывание должно содержать информации не больше и не меньше, чем требуется для текущих целей диалога), категория качества (старайся, чтобы твоё высказывание было истинным, т.е. не говори того, что считаешь ложным, и того, для чего у тебя нет достаточных оснований), категория отношения (не отклоняйся от темы, говори по существу) и категория способа (выражайся ясно, т.е. избегай непонятных выражений, неоднозначности, будь краток и организован). И хотя Г.П. Грайс отмечает, что «соблюдение одних постулатов более обязательно, чем соблюдение других...» [Там же: 223], выделенные им К.п. считают идеализированными, т.к. они оказываются эффективными лишь в неконфликтных ситуациях. Отсюда стремление исследователей дополнить принцип кооперации иными принципами: «принципом коммуникативности» (К.А. Долинин) «Принципом Разумного Эгоизма» (С.В. Шилова), принципом вежливости (Дж. Лич), «принципом Взаимодействия» (А.Г. Баранов) и т.д. При этом прослеживается ситуация неупорядоченности в терминологии и несогласованности выделения тех К.п., которые напрямую коррелируют между собой, частично или полностью дублируют друг друга. Ср., напр., первый постулат качества Г.П. Грайса (старайся, чтобы твоё высказывание было истинным, т.е. не говори того, что считаешь ложным [Грайс 1985: 222]), частично дублирующий его «принцип правдивости и доверия» В.З. Демьянкова (действия говорящего должны соответствовать условиям истинности, правдивости и уместности (по [Формановская 2002: 56])) и коррелирующий с ним «принцип правдоподобия» К.А. Долинина (содержание речи должно соответствовать присущему данной культуре представлению о том, что бывает и чего не бывает в мире [Долинин 1985: 42–43]). Таким образом, К.п. недостаточно изучены с точки зрения системного подхода.

К.п. имеют смысловые соответствия в пословицах и поговорках («народной риторике»), афоризмах. Ср., напр. постулат информативности (категорию количества Г.П. Грайса) с пословицами: *Говорить так договаривать, а не договаривать так и не говорить; Лучшие не договорить, чем переговорить; Из песни слова не выкинешь;* с афоризмами: *Краткость нужна, чтобы не путалась мысль, а стремилась свободно* (Гораций); *И в словах своих, и делах избегай всего банального и привычного* (Пифагор).

К.п. детализируются в правилах – конкретных рекомендациях по оптимизации речевого взаимодействия. Так, постулат информативности конкретизируют, напр., правила: *«говорящий должен тщательно отсеивать сообщаемую информацию...»; «сообщение должно содержать новую информацию», «сообщение не должно быть многословным»* [Волков 2001: 351].

Совокупность К.п. составляет «коммуникативный кодекс» [Арутюнова, Падучева 1985: 27].

Лит.: Азнабаева Л.А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении: АДД. Уфа, 1999; Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Долинин К.А. Интерпретация текста: учеб. пособие. М., 1985; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997; Сковородников А.П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методический бюллетень / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 5. Красноярск; Ачинск, 1997; Сперанская А.Н. Правила речевого поведения в русских поговорках: АКД. Красноярск, 1999; Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001; Тумина Л.Е. Постулаты речевого общения // Эффективная коммуникация: теория и практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002; Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Шилова С.В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации (на материале английского языка): АКД. СПб., 1998.

Г.А. Копнина

КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА СЛОВА. См. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ. Существует множество определений понятий «речевая (коммуникативная) стратегия» и «речевая (коммуникативная) тактика» (их обзор см., напр., в [Жданова 2010: 42–64]). Обобщая эти определения, можно предложить следующие дефиниции.

Речевая (коммуникативная) стратегия – это общий план, или общая линия речевого поведения, определяемые коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации, под которой понимается совокупность факторов, влияющих на ход коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы).

На данный момент выделено большое количество Р.с. Так, напр., О.С. Иссерс упоминает следующие Р.с.: Р.с. контроля взаимодействия, Р.с. речевого влияния на собеседника, Р.с. интенсификации, Р.с. «выпячивания» чужих недостатков и своих достоинств, Р.с. «затушёвывания» своих недостатков и чужих достоинств, Р.с. редукционизма (упрощения модели мира реципиента), Р.с. преуменьшения, Р.с. негативной оценки, Р.с. уклонения от прямого оскорбления, Р.с. положительной оценки, Р.с. самопрезентации, Р.с. критики, имиджевые Р.с., статусно-ролевые Р.с. [Иссерс 2009]. Т.В. Матвеева выделяет следующие генеральные стратегии: информационная, или диктальная Р.с. (замысел говорящего состоит в информировании речевого партнёра), модальная Р.с. (замысел говорящего предполагает выражение его личного мнения, оценок и эмоций), регулятивная Р.с. (замысел связан с желанием изменить поведение речевого партнёра, ход коммуникативного события), фатическая Р.с. (замысел связан с гармонизацией жизненных ритмов людей, гармоничным речевым общением), диалоговая Р.с. (с её помощью контролируется мера речевой активности партнёра и степень взаимопонимания коммуникантов) [Матвеева 2003: 285]. Анализируя устный политический дискурс, О.Н. Паршина выделяет следующие основные Р.с.: самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроения адресата, а также информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и манипулятивную Р.с. [Паршина 2005: 8]. Существуют более или менее подробные описания отдельных стратегий, в т.ч. с позиций одной или разных гуманитарных дисциплин, напр., манипулятивной стратегии (см., напр., [Доценко 2001; Шостром 2001; Кара-Мурза 2001]). Нетрудно заметить, что выделение всех перечисленных Р.с. основано на учёте целей (замыслов, интенций) говорящих/пишущих. В зависимости от целей говорящего и

коммуникативной ситуации, в которой протекает общение, можно выделить Р.с. открытого воздействия и Р.с. скрытого (манипулятивного) воздействия и др.

Речевая (коммуникативная) тактика – это речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации Р.с. и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование Р.т. или некоторой их совокупной последовательности призвано обеспечить осуществление Р.с. и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего/пишущего.

Иногда выделяются более мелкие конститuentы Р.т. – так называемые «речевые (коммуникативные) ходы», понимаемые как приёмы, выступающие «в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [Иссерс 2008: 117, 122–124] и по речевому воплощению совпадающие с Речевыми актами (см.) и Риторическими приёмами (см.)

Являясь более дробной единицей по сравнению с Р.с., Р.т. весьма многочисленны. Так, О.С. Иссерс выделяет тактики уговаривания (уговоры, просьба, убеждение); тактики дискредитации (оскорбление, издёвка, обвинение); эмоционально-настраивающие тактики (комплимент, похвала) и др. [Иссерс 2008]. С.Г. Кара-Мурза в рамках манипулятивной стратегии выделяет тактики мифологизации, размывания и подмены понятий, подмены имени и предмета, отключения памяти, разрушения символов, умолчания, искажения фактов, канализирования стереотипов и т.д. [Кара-Мурза 2001]; Е.В. Клюев подробно рассматривает прямые и косвенные тактики речевого воздействия [Клюев 2005] и др.

Р.с. и реализующие их Р.т. воплощаются при помощи конкретных языковых средств, к числу которых относятся и так называемые Выразительные средства языка (см.), и создаваемые на их основе риторические приёмы, в т.ч. фигуры и тропы. Элементарный пример находим в басне И.А. Крылова «Ворона и лисица»: стратегическую цель завладеть куском сыра, который ворона «во рту держала», лисица осуществляет, избрав тактики лести и провокационного побуждения к действию, которые в свою очередь реализуются с помощью речевых актов (жанров) комплимента и совета: *Голубушка, как хороша! / Ну что за шейка, что за глазки! / Рассказывать, так, право, сказки! / Какие пёрышки! какой носок! / И, верно, ангельский быть должен голосок! / Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица, / При красоте такой, и петь ты мастерица, / Введь ты б у нас была царь-птица!* (И. Крылов). В результате у Вороны *От радости в зобу дыханье сперло, – / И на приветливы Лисицыны слова / Ворона каркнула во всё воронье горло: / Сыр выпал – с ним была плутовка такова.* Речевыми средствами («индикаторами») этих Р.т. выступают в данном случае риторические обращения, восклицания, оценочная лексика и фразеология; императивная форма глагола (*спой!*) в сочетании с «просительной» интонацией. Таким образом, выстраивается речедействительностная причинно-следственная цепочка: речевая стратегия → речевая тактика (тактики) → речевые ходы и их языковое воплощение.

Следует иметь в виду, что законченных списков, как и общепринятых классификаций Р.с. и Р.т. не существует. Они открыты для пополнения.

Лит.: Арутюнова Н.А. Стратегия и тактика речевого поведения // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. Киев, 1983; Доценко Е.Л. Определение манипуляции // Межличностное общение. СПб., 2001; Жданова Е.В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. М., 2010; Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008; Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие. М., 2009; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 2005; Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М., 2007; Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. Красноярск, 2006; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Монография. Астрахань, 2004; Русская речевая культура. Учебный словарь-справочник. СПб., 2006; Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический приём», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика ↔ Лингвистика. Вып. 5. Сб. ст. Смоленск, 2004; Шостром Э. Манипулятивные системы // Межличностное общение. СПб., 2001.

А.П. Сковородников

КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ. СМ. РЕЧЕВОЙ АКТ

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНФЛИКТ – острое столкновение, разногласие, прямое открытое противодействие двух и более сторон в ситуации речевого общения.

В процессе К.к. происходит вербальное столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, намерений и взглядов, в результате которого одна из двух сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (прежде всего вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные речевые действия направлены против её интересов, предпринимает ответные речевые действия [Третьякова 2000].

К.к. возникает, в частности, при нарушении организации общения, отсутствии обратной связи. Причиной К.к. могут быть также излишне жёсткая позиция, отсутствие гибкости, тактичности, взаимопонимания. К.к. часто реализуется в полемике [Кашапов 2003].

Для предотвращения или снятия К.к. рекомендуется следовать правилам Речевой (риторической) этики (см.) и уметь преодолевать Коммуникативные барьеры (см.). К.к. изучаются в рамках новой дисциплины Лингвоконфликтологии (см.).

Лит.: **Богомолова М.Н.** Коммуникационный конфликт как явление действительности // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 9; **Кара-Мурза Е.С.** Лингвоконфликтология: варианты для экспертов-речеведов и для медиарботников // Коммуникация. Мышление. Личность: мат-лы междунар. науч. конф., посвящённой памяти проф. И.Н. Горелова и К.Ф. Седова. Саратов, 2012; **Кашапов М.** Теория и практика решения конфликтных ситуаций. Краткий словарь. Ярославль, 2003; **Комалова Л.Р.** Речевая коммуникация в ситуации конфликта // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. № 5. Мн., 2008; **Морева Н.А.** Тренинг педагогического общения: учеб. пособие. М., 2003; **Современный словарь по конфликтологии** / науч. ред. В.А. Светлов. М., 2013; **Третьякова В.С.** Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.

А.А. Кузнецова

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА – такие особенности слова, которые обуславливают его готовность участвовать в общении в качестве элемента высказывания – носителя определённого «кванта» знания и прагматического заряда.

К К.п.с. относятся основные лингвистические параметры слова, его связь с другими лексическими единицами, предметно-логическая соотнесённость, тематико-ситуативные и оценочно-прагматические связи, которые потенциально могут быть актуализированы в различных ситуациях общения.

Коммуникативная роль слов проявляется в **текстовой деятельности**, на основе которой происходит общение. При этом востребованными оказываются разные особенности слова: его значение, фонетический облик, грамматическая оформленность, словообразовательная структура, стилистическая и социальная окраска, сочетаемость с другими словами, соотнесённость с ситуацией и т.д. Все эти качества могут быть актуализированными в разных сферах общения и речевых ситуациях. «Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста» [Виноградов 1972: 21].

В языковой картине мира участников коммуникации лексикону отводится особая роль, обусловленная способностью слов по-разному отражать явления окружающего мира и сознания. Именно поэтому в интерпретации адресатом фрагмента концептуальной картины мира автора, воплощённой в тексте, велика роль лексических средств, а процесс понимания в целом становится возможным благодаря общности лексикона участников общения.

Существует определённая традиция употребления лексических единиц, следствием которой может быть выраженная в разной степени предметно-тематическая направленность слов, ассоциативная ориентация лексических элементов на определённую сферу общения и эмоционально-оценочный отклик у адресата. Всё это делает знаменательное слово в тексте универсальным элементом, способным выполнять сразу несколько информативных и прагматических функций: 1) сообщать о явлении, называя его и характеризуя определённым образом; 2) отражать элемент микротемы и микротему; 3) воплощать элемент ситуации или её фрагмент; 4) быть эмотемой (являясь сигналом определённых эмоций); 5) стимулировать микрообраз (в художественном тексте).

Слово «скрепляет, цементирует» не только все уровни языковой системы (М.И. Фомина), но и лингвистические и экстралингвистические уровни текста, внося свою «лепту» в создание его предметно-логической основы, отражение темы, формирование эмоциональной тональности и образного строя (если речь идёт о художественном тексте). Ключевая роль слов в общении очевидна (В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А.А. Леонтьев, И.И. Зимняя, Е.С. Кубрякова и др.).

Относительно **коммуникативных свойств слова** есть разные точки зрения. Исследователи связывают их с **явлениями системной организации лексики** [Степанова 1990], с особенностями **лексического значения** слова как «единицы общения» [Солганик 1987: 9], разрабатывают **коммуникативную модель значения** [Стернин 1987: 15]. По мнению М.Д. Степановой, коммуникативность лексических единиц объясняется их **грамматическими связями** [Степанова 1987: 93]. Полагая, что коммуникативная ориентация слов обусловлена **ассоциативно**. Ассоциативное поле слова фокусирует его коммуникативный потенциал: отражает прямо или косвенно его лингвистические особенности и предметно-логическую ориентацию, эксплицирует многообразие семантических, грамматических, тематико-ситуативных и оценочно-прагматических связей [Караулов 1987: 239; Болотнова 1992: 104–119; Бабенко 2001]. Ассоциативные связи слова определяют характер его использования в процессе коммуникации и сами определяются его особенностями, прежде всего семантикой и грамматическими свойствами.

При порождении текста автор ориентируется на известные носителям языка коммуникативные свойства лексических единиц. Их можно определить как закреплённую в сознании человека (благодаря ассоциативности мышления и имеющейся в обществе традиции употребления) потенциальную способность слов прямо или косвенно соотноситься с определёнными ситуациями общения, выступая носителем определённого кванта знания и прагматического заряда. В тексте в соответствии с коммуникативной установкой автора происходит целенаправленная реализация коммуникативных возможностей слова с учётом конкретной ситуации общения. Благодаря коммуникативным свойствам лексических единиц в сознании автора и адресата рождаются соответствующие (не идентичные из-за разного знания о мире) микросмыслы, значимые для последующего обобщения в процессе смыслового развёртывания текста и его понимания адресатом.

Существуют определённые типы реализации К.п.с.: соответствие языкового потенциала слова его текстовой реализации; «сужение» и «расширение» коммуникативного потенциала лексической единицы в тексте [Болотнова 1992], а также «семантические метаморфозы» как особый тип преобразований, представляющий «крайнюю степень изменения семантики слова» [Бабенко 2001: 17].

Лит.: **Бабенко И.И.** Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М.И. Цветаевой: АКД. Томск, 2001; **Болотнова Н.С.** Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992; **Болотнова Н.С.** Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009; **Виноградов В.В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972; **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М., 1987; **Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте:** науч. тр. кафедры современного русского языка и стилистики Томского гос. пед. ун-та. Томск, 2000; **Коммуникативные аспекты значения:** межвуз. сб. науч. работ. Волгоград, 1990; **Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации:** межвуз. сб. науч. тр. Томск, 1995; **Солганик Г.Я.** Значение слова и представление // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987; **Степанова М.Д.** Номинативно-коммуникативная функция словообразовательных конструкций (на материале немецкого языка) // Язык как коммуникативная деятельность человека: сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Горького. Вып. 284. М., 1987; **Степанова В.В.** Функциональные ориентиры в семантике слова и их текстовое воплощение // Проблемы исследования слова в художественном тексте. Л., 1990; **Стернин И.А.** Коммуникативная модель значения и её объяснительные возможности // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987; **Уфимцева А.А.** Роль лексики в познании человеком действительности и формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Н.С. Болотнова

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТА – качество текста, отражающее разную степень его готовности к эффективному диалогу автора с адресатом, предполагающее наличие определённых закономерностей в организации структуры текста и отборе его элементов.

Коммуникативный потенциал различных текстов обусловлен их системными качествами [Сидоров 1987]: информативностью, интегративностью, структурностью, регулятивностью, – а также замыслом автора, информационным тезаурусом адресата и другими факторами, определяющими гармонизацию общения (см. Гармонизация речевого общения). К.п.т. можно выявить благодаря про-

ведению различных экспериментов на основе показаний языкового сознания читателей и изучению структурно-семантической организации текста.

В связи с этим выделяются **коммуникативные универсалии** – законы и реализующие их принципы в структурировании текста, обусловленные его коммуникативной природой и ориентацией на гармоничный диалог с адресатом. Напр., для художественных текстов характерны особые законы словесно-художественного структурирования:

1) **закон эстетически обусловленной смысловой «избыточности»**, реализующийся в коммуникативных универсалиях «многократное усиление характерного признака художественной реалии» (ср.: *Солнце в небе, солнце светит ярко* (А. Ахматова)) и «одновременная лексическая экспликация нескольких признаков художественной реалии» (*Миг тишины, а затем густой, рокочущий голос трубно прогромыхал: – О-го-го-у!...В этом голосе не было ничего страшного, несмотря на силу его и густоту* (Ю. Нагибин);

2) **закон эстетически обусловленной «экономии» языковых средств**, с которым соотносятся коммуникативные универсалии «достаточность эксплицированного лексически смыслового признака художественной реалии», «актуализация художественной реалии на основе косвенных смысловых признаков, эксплицированных средствами контекста и тезаурусом адресата», «одновременная актуализация разных смысловых признаков художественной реалии, стимулированных одним словом» (ср. пример одновременной актуализации признаков «страстность» и «дух бродяжничества» в слове «цыганский»: *Цыганская страсть раздуки! / Чуть встретишь – уж рвёшься прочь* (М. Цветаева);

3) **закон гармонического соответствия текстовой синтагматики и парадигматики**, проявляющийся в коммуникативных универсалиях «эстетическая мотивированность необычной текстовой синтагматики текстовой парадигматикой», «перевод типовых синтагматических ассоциатов на уровень текстовой парадигматики (сопряжённости в перспективе текста)», «парадоксальная сопряжённость эксплицированных парадигматически и синтагматически смысловых признаков одной художественной реалии» (ср. сопряжённость типовых текстовых стимулов и ассоциатов «достать чернил» – «писать; «плакать» – «навзрыд» не «по горизонтали» (на уровне обычной текстовой синтагматики, а «по вертикали» (на уровне текстовой парадигматики): *Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд* (Б. Пастернак) и др.;

4) **закон гармонического соответствия уникальных и типовых текстовых ассоциаций**, реализующийся в коммуникативных универсалиях «уравновешенность типовых текстовых ассоциаций и уникальных», «обусловленность уникальных текстовых ассоциаций типовыми» (ср. пример, в котором необычный текстовый ассоциат «беды» к стимулу «отрастать» мотивируется типовым ассоциатом «как крылья»: *Как крылья, отрастали беды / И отделяли от земли* (Б. Пастернак) [Болотнова 1992, 1994].

Возможно выделение коммуникативных универсалий других типов, важных для общения автора и адресата. Выбор и характер лексического воплощения коммуникативных универсалий определяется субъективными и объективными факторами текстообразования.

Лит.: Болотнова Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // Филологические науки. 1992. № 4; Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994; Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. М., 2008; Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009; Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1987.

Н.С. Болотнова

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ – одно из ключевых понятий теории межкультурной коммуникации. Нормы и ценности каждой культуры находят отражение в коммуникативных действиях представителей культуры. Используемые при этом коммуникативно-языковые средства комбинируются особым, типичным для данной лингвокультуры способом, определяя генерализованные языковые паттерны (образцы), которые следует рассматривать как К.с. лингвокультуры [Helmold, Müller 1993: 527]; или «языковые предпочтения в рамках конкретного лингвокультурного сообщества “уплотняются” до специфичных коммуникативных стилей» [Knapp, Knapp-Potthoff 1990: 73]. В другой терминологии ту же мысль, как представляется, выражает А. Вежбицкая: «В различных обществах и социальных группах люди говорят по-разному, причём не только с точки зрения лексики и грамматики» [Вежбицкая 2001: 159]. И далее: «В каждой культуре существуют свои собственные правила ве-

дения разговора, тесно связанные с культурно-обусловленными способами думать и вести себя» [Вежбицкая 2001: 152].

Одно из первых определений К.с. как явления, детерминированного культурой, принадлежит Д. Барнленду: «Под коммуникативным стилем понимаются темы, которые люди выбирают для обсуждения; предпочитаемые ими формы взаимодействия – формальная, неформальная (остроумная, шутливая), конфронтационная, откровенная (самораскрывающая); и уровень вовлечённости, взаимно необходимой общающимся. К.с. отражает ту степень общности коммуникантов, которая обеспечивает выбор ими одинаковых средств (каналов) общения: акустический, вербальный, физический. Кроме того, К.с. демонстрирует, в какой мере коммуниканты настроены на один уровень понимания, воспринимая фактическое или эмоциональное содержание сообщения» [Barnlund 1979].

Оригинальную метафору о сути стиля коммуникации приводит Д. Таннен, анализирующая в своих работах гендерные, социальные и культурно обусловленные различия в стилях общения. Американская исследовательница рассматривает речевой стиль не как что-то дополнительно добавляемое в коммуникативный процесс (напр., как сахарный крем на торт). Стиль общения в её понимании представляет собой тесто, из которого лепится «коммуникативный пирог» [Tannen 1999: 54].

В другой дефиниции описываемое понятие раскрывается через следующий набор релевантных составляющих: «1) когда говорить, 2) что говорить, 3) просодические паттерны, 4) самый распространённый тип адресата 5) типичные речевые формулы, 6) правила вежливости, 7) общая организация дискурса, 8) эмфатические нормы (коммуникативный фокус), 9) особенности вербальной агрессии и допустимые средства иронии» [Scheu-Lottgen, Hernandez-Campoy 1998: 379].

Известна классификация норвежского исследователя Й. Гальтунга [Galtung 1985], характеризующая особенности К.с. научных дискурсов (см. ниже) в разных культурно-языковых ареалах (трёх западных – саксонский, тевтонский, галльский (французский) стили, – и одного восточного – ориентальный).

К репертуару культурно-маркированных стилей относят многословность или лаконичность, интенсивность или расслабленность речи, фактическую или аналитическую направленность высказывания, пессимистическую или оптимистическую тональность [Стернин 2003б: 13]; преобладание эмоционального или делового подхода в общении, стратегии открытого прямого или вежливо-косвенного стиля, этикетно-формального или свободного неформального, с обязательным зрительным контактом или избегая последнего [Flechsigt 2001: 10].

Предложена также концепция национального К.с., представляющего собой устойчивую совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макро-контекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка [Куликова 2006].

Национальный К.с. актуализируется в коммуникативном поведении носителей языка и культуры как осознанно, так и в режиме неосознанной стереотипизированной коммуникативной деятельности. В связи с этим стиль коммуникации выступает как источник имплицитной информации об участниках интерактивного процесса и как яркий экспликатор культурно-языковой чужеродности в контактах с представителями других лингвокультур.

Саксонский

- Благоприятствует дебатам и поддерживает развитие научного дискурса в целом.
- Соблюдает принцип Gentlemen`s Agreement, несмотря на возможные значительные расхождения научных подходов собеседников.
- Плюрализм определяется как генерализованная ценность дискурса
- Намерение высказать критику сопровождается положительным вступлением и завершением предложения, в форме «..., но...» – высказывания
- Общая интенция научного дискурса – стремление стимулировать оппонента, а не дискредитировать его; принцип конструктивной критики.
- Выход из коммуникативной ситуации полемики часто сопровождается вербальными и невербальными знаками дружелюбия: юмор, шутки, похлопывание по плечу.
- Приемлемым завершением дебатов считается достижение согласия или сближение позиций.
- Позитивно оценивается способность изменять своё мнение в процессе дискуссии

Тевтонский/Галльский

- Речевой дискурсивный сценарий характеризуется меньшей палитрой разнообразия мнений, чем в саксонском стиле.
- Дебаты воспринимаются как «социально-дарвинистская борьба за выживание».
- Меньше внимания уделяется проявлениям вежливого и конструктивного отношения к дискутирующим оппонентам; докладчик в роли «жертвы».
- Приоритет прямолинейности и сухой содержательности дискурсивных высказываний
- В фокусе критической полемики чаще всего «слабые места» в докладе, при этом отсутствует прагма-риторический ход «поддержки и одобрения дискутанта: «Je ne suis pas d'accord...», «Sie haben nicht erwähnt, dass...», «Ich bin nicht einverstanden...».
- Демонстрация критического отношения дополняется паралингвистическими средствами: холодным взглядом, высокомерной или насмешливой мимикой.
- Расхождения во мнениях интерпретируются часто в следующей парадигме: «Прав я, а не Вы»

Ниппонский

- Культура дебатов и научного дискурса не имеет длительной традиции.
- Первое правило коммуникации – гармонизация социального взаимодействия.
- Речевая демонстрация уважительного отношения к авторитетам (к мастеру), к вертикальной иерархии.
- Организация дискурса в соответствии с принципами коллективизма и органичной солидарности.
- Когнитивная специфика общения определяется в зависимости от участия в коммуникации только «своих» или присутствием «чужих».
- Тематической и прагматической доминантой диалога является принцип классификации: К какой школе Вы относитесь? Кто сказал это первым?
- Релевантность установления научных приоритетов (связей с научными школами) докладчика: «Каково Ваше мнение по поводу...? Как соотносится то, что Вы сказали по поводу X, с тем, что мистер В сказал о Y?»

Лит.: Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001; Куликова Л.В. Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: АДД. Волгоград, 2006; Стернин И.А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения. Волгоград, 2003; Barnlund D. Verbal self – disclosure. Topics, targets, depth // Elise C. Smith, Louise Fiber Luce (Hrsg.): Toward internationalism. Readings in crosscultural communication. Rowley, MA., 1979; Flechsig K.-H. Kommunikationsformen und Kommunikationsstile. Beiträge zum interkulturellen Training Göttingen, 2001; Helmolt K.V., Müller B.D. Zur Vermittlung interkultureller Kompetenzen // Müller, Bernd-Dietrich (Hg.): Interkulturelle Wirtschaftskommunikation. München, 1993; Galtung J. Struktur, Kultur und intellektueller Stil: Ein vergleichender Essay über saxonische, teutonische, gallische und nipponische Wissenschaft // Wierlacher A. (Hrsg.) Das Fremde und das Eigene. München, 1985; Knapp K., Knapp-Potthoff A. Interkulturelle Kommunikation // Zeitschrift für Fremdsprachenforschung 1. 1990; Scheu-Lottgen U.D., Hernandez-Campoy J.M. An analysis of sociocultural miscommunication: English, Spanish and German // International Journal of Intercultural Relations 22 (4), 1998; Tannen D. Das hab` ich nicht gesagt. Kommunikationsprobleme im Alltag. Ernst Kabel Verlag GmbH. Hamburg, 1992.

Л.В. Куликова

КОММУНИКАТИВНЫЙ УСПЕХ – успех, связанный с эффективной (действенной, продуктивной) речевой коммуникацией, предполагающей главным образом достижение целей её участниками (см. Эффективность речи).

Правила эффективной речевой коммуникации были сформулированы ещё Аристотелем (384–322 гг. до н.э.): «1. Говори то, что важно. 2. Говори правду. 3. Говори ясно». К.у. определяют и постулаты речевого общения (см. Коммуникативные постулаты). Термин «постулаты речевого общения» в науку ввёл Г.П. Грайс (70-е гг. XX столетия). Опираясь на общий принцип кооперации (сотрудничества), он выделяет частные постулаты речевого общения в соответствии с четырьмя категориями И.

Канта: количество, качество, отношение и способ. При этом к категории количества относятся следующие постулаты речевого общения: 1. «Твоё высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется для текущих целей диалога». 2. «Твоё высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется». Категория качества включает общий постулат: «Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным», а также два частных постулата: 1. «Не говори того, что считаешь ложным». 2. «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». Категории отношения соответствует постулат «Не отклоняйся от темы». К категории способа относится общий постулат «Выражайся ясно», который реализуется в четырёх постулатах: 1. «Избегай непонятных выражений». 2. «Избегай неоднозначности». 3. «Будь краток (избегай ненужного многословия)». 4. «Будь организован».

Перечислим наиболее известные правила эффективности речи, предлагаемые современными лингвистами.

Исходя из того, что для успеха речевого общения необходимо сотрудничество говорящего и адресата, Р. Лакофф сформулировала три принципа коммуникативного сотрудничества, по сути, раскрывающие этический аспект коммуникации: 1. «Не навязывайся». 2. «Выслушай собеседника». 3. «Будь дружелюбен» (цит. по [Михальская 1996]).

Е.М. Лазуткина называет следующие условия эффективного общения: коммуникативная заинтересованность, близость мировосприятия субъектов общения, умение слушающего проникнуть в коммуникативный замысел говорящего, способность говорящего варьировать способ языкового представления, учёт внешних обстоятельств (присутствия посторонних, канала общения и др.), знание норм этикетного речевого общения, соблюдение принципов эффективного общения [Культура русской речи 1998: 58–67].

Л.Е. Тумина считает, что принципы и правила эффективного общения складываются из следующих взаимосвязанных и взаимозависимых постулатов: 1. Ориентировка на собеседника (о его мире знаний, социальных и психологических ролях, его мнении, состоянии и т.д.). 2. Доверие к собеседнику (к его авторитету и статусу, к его коммуникативным намерениям). 3. Внимание к собеседнику. 4. Учёт резонанса в общении (на согласие, как правило, получаем согласие, и наоборот). 5. Соблюдение вежливости и исполнение правил речевого этикета. 6. Оптимальное воздействие на собеседника. 7. Обоснованность речевого поведения (с точки зрения составляющих коммуникативной ситуации). 8. Возможность выбора речевого поведения и смены стратегий и тактик по ходу общения. 9. Наличие в компетенции общающихся представлений о вариантах речевого поведения. 10. Наличие представления о гибкости моделей речевого поведения (переключения стиля, кода, темы, тактик и т.д.). 11. Владение вариативностью языковых/речевых средств. 12. Представление о стандартизации, стереотипизации речевого поведения и владение стереотипами стилей, жанров, речевых средств. 13. Представление о сценарности общения: схемы, сценарии, фреймы и владение их использованием [Тумина 2005: 512].

Лит.: Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: учебник. М., 2001; Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Иванов Л.Ю. Постулаты (импликатуры, максимы, принципы) речевого общения, коммуникативные постулаты // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Культура русской речи: учебник / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996; Тумина Л.Е. Постулаты речевого общения // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.

А.А. Кузнецова

КОММУНИКАЦИЯ (от лат. *communis* – ‘общая, вместе, совместно, в коллективе’) – общение, форма взаимодействия людей или социальных групп. В современном употреблении термин «К.» применяется в различных смыслах. Им обозначают целый спектр явлений социального мира, а имен-

но: 1) общение как специфическую форму взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющуюся главным образом при помощи языка; 2) путь сообщения (транспортные коммуникации); 3) процесс сообщения информации с помощью технических средств – средств массовой коммуникации [Большой энциклопедический словарь 1998: 233].

В исследованиях коммуникативной направленности традиционно различают широкое и узкое толкования понятия «К.». Под К. в широком смысле подразумеваются технические, биологические, психические, физические и социальные разновидности коммуникации. Соответственно, широкий подход применяется в разных сферах и научных направлениях (био- и анимальная коммуникация, техническая, машинная коммуникация, а также коммуникация между человеком и машиной). В узком значении К. соотносится с социальным взаимодействием, взятым в его знаковом аспекте. В зависимости от состава коммуникантов выделяют следующие виды К.: межличностная («индивид – индивид»), групповая (коммуникация внутри группы, между группами или коммуникация типа «индивид – группа»), интраперсональная (разговор с самим собой), массовая (ориентированная на большое количество людей, протекает в форме систематического распространения информации через печать, радио, телевидение, кино, звуко- и видеозапись). Иногда в качестве особого вида коммуникации выделяют слухи (англ. *rumor*) – К. с неустанавливаемым количеством и неопределяемой структурой коммуникаторов: здесь информация разной степени достоверности быстро передаётся людьми друг другу и становится достоянием широкой аудитории (см. Слухи).

Современный подход к К. как многофакторному мультимодальному феномену, принимаемый сегодня многими авторитетными лингвистами, отражает интеракционная модель [Schiffrin 1994: 398], согласно которой суть общения не в одностороннем воздействии говорящего на слушающего, а в сложном коммуникативном взаимодействии субъектов с учётом социально-культурных условий ситуации [Макаров 2003: 38–43]. При этом К. осознаётся и конституируется каждым его участником в качестве субъекта [Тарасов 1992: 37; Сергеева 1993: 5; Богушевич 1985: 40], что ведёт к достижению интересубъективности, трактуемой как психологическое или феноменологическое переживание общности интересов, действий и т.п. [Ninio, Snow 1996: 23; Макаров 2003: 39]. При подобном подходе термины «передача сообщения» и «восприятие сообщения» понимаются как метафоры, поскольку «сообщение, вернее, его содержание, не передаётся, а конструируется слушающим при восприятии тел языковых знаков, образующих текст» [Тарасов 1990: 10] (см. также [Залевская 2002: 20]). Интеракционная модель К. лишена того недостатка, о котором писал Е.Ф. Тарасов в отношении многих моделей, построенных лингвистами [Тарасов 1977: 70], поскольку в большинстве из них гипертрофирована роль языковых средств и в неоправданно редуцированном виде отображена экстралингвистическая реальность, на фоне которой протекает речь.

Сколько бы субъекты ни старались порой спланировать, проиграть в голове предстоящий с кем-л. разговор, реально он никогда не разворачивается точно так, как был запланирован. Действительная интеракция конструируется высказываниями, реакциями на высказывания и осмыслениями этих реакций одновременно каждым из участников общения. Реальное течение разговора всегда динамично и диалогично, поэтому динамичен и диалогичен и смысл, который создаётся интерактивно. «Активность или пассивность, слова или молчание – всё это передаёт информацию: влияет на других людей, которые, в свою очередь, не могут не ответить на эту коммуникацию, и, следовательно, сами в неё вступают. Необходимо ясно понимать, что если люди просто не разговаривают друг с другом или не обращают друг на друга внимания, это вовсе не опровергает утверждения, сделанные выше. Человек у стойки бара, который смотрит прямо вперёд, пассажир, сидящий в самолёте с закрытыми глазами, – оба они ясно сообщают, что не хотят ни с кем разговаривать, и окружающие обычно прекрасно понимают эти сообщения и оставляют их в покое. Очевидно, что это такая же коммуникация, как и оживлённая дискуссия» [Вацлавик 2000: 44].

Тем не менее, речь представляет собой наиболее успешный («производительный») инструмент в обеспечении взаимопонимания между людьми. Язык является самым эксплицитным из известных видов коммуникативного поведения [Сепир 2001: 211]. Как отмечает Г.Г. Почепцов, вербальная К. носит главенствующий характер в любой области человеческой деятельности [Почепцов 2003: 319]. В процессе К. (общения) люди осуществляют Речевую деятельность (см.), при этом её участники (коммуниканты) в ходе К. вырабатывают некоторый общий взгляд на вещи, согласовывают свои действия, т.е. взаимодействуют – совершают взаимосвязанные речевые действия, направленные на достижение общей цели. Эта цель достигается разными способами, разными видами речевой деятельности (письмо, чтение, говорение, слушание), но говоря о К., мы подчёркиваем участие людей в единой Коммуникативной ситуации (см), когда речевое взаимодействие направлено на некоторый общий

результат (договориться, понять, узнать, сделать что-л. и пр.), который является важным, актуальным для всех участников данной ситуации.

В концепциях К. современных авторов одну из ключевых позиций занимает идея о необходимом наличии у партнёров по взаимодействию некой общности как *minimum communale*, являющейся главной предпосылкой для осуществления общения как такового, во-первых, и его успешной реализации, во-вторых. Так, речь идёт о наличии общего социального опыта у коммуникантов [Тарасов 1977: 83], общности знаковых средств (ср. также *Symbolvorrat* или *shared code* [Graumann 1972: 1180]), апперцепционной базы как общих предварительных сведений и общего житейского опыта [Земская 1978: 201], общего когнитивного фонда или пресуппозиции как зоны пересечения когнитивных пространств коммуникантов [Гудков 2003: 23; Красных 2003: 104; Макаров 2003: 136], пресуппозиции в смысле предварительных знаний каждого коммуниканта как условий возможного производства высказывания [Формановская 2002: 44], контекстуальных условий [van Dijk 1981: 54].

В целях анализа и описания выделяют относительно законченные единицы К. – коммуникативные (речевые) акты (см. Речевой акт). В реальном общении К. состоит из производства и восприятия высказываний, сообщений. Сообщения в речевой К. могут осуществляться вербальными (словесными) и невербальными (жестами, мимикой) средствами. Отметим, что общение людей с нарушениями слуха и голоса осуществляется также вербально (с помощью единиц национального жестового языка) и невербально (мимически, через экспрессивные жесты). Это ещё раз показывает, что речевая К. осуществляется посредством естественного языка как исторически сложившегося феномена, в отличие от, напр., искусственных коммуникативных систем (так называемых вторичных языков): азбуки Морзе, системы дорожных знаков, нотных знаков и под.

К. как взаимодействие людей может рассматриваться не только в аспекте своей эффективности, но и в аспекте этических норм и эстетической оценки. Существуют культурные и национально специфические требования к участникам коммуникативных ситуаций, особенно в области деловой К.

Лит.: Богусевич Д.Г. Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. Мн., 1985; **Большой энциклопедический словарь.** Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; **Вацлавик П.** Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М., 2000; **Гудков Д.Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации: курс лекций. М., 2003; **Залевская А.А.** Корпоральная семантика и интегративный подход к языку // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: мат-лы VII-й междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 24–27 июня 2002 г.). Иркутск, 2002; **Кашкин В.Б.** Основы теории коммуникации: Краткий курс. М., 2007; **Красных В.В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003; **Леонтьев А.А.** Психология общения. М., 1997; **Макаров М.Л.** Основы теории дискурса. М., 2003; **Национально-культурная специфика речевого поведения:** монография / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1977; **Почепцов Г.Г.** Теория коммуникации. М.; Киев, 2003; **Сергеева В.И.** Предложение-высказывание в коммуникативно-языковом процессе. Тверь, 1993; **Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2001; **Тарасов Е.Ф.** Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977; **Тарасов Е.Ф.** Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990; **Тарасов Е.Ф.** Проблемы теории речевого общения. М., 1992; **Формановская Н.И.** Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007; **Dijk T.A. (van).** *Studies in the Pragmatics of Discourse.* The Hague; Berlin, 1981; **Graumann C.F.** *Interaktion und Kommunikation: Handbuch der Psychologie*, 7, 1972. Band: *Sozialpsychologie*, 2. Halbband: *Forschungsbereiche.* Göttingen; **Schiffrin D.** *Approaches to Discourse.* Oxford; Cambridge, MA, 1994.

Л.В. Куликова, В.В. Васильева

КОМПЛИМЕНТ – 1. Наименование этикетной ситуации общения, когда выражается высокая и даже завышенная оценка адресата: его качеств, поступков, лиц и предметов, входящих в его личную сферу; 2. Стереотипные выражения, с помощью которых осуществляется К.

В центре внимания произносящего К. – адресат, поэтому выражения содержат указание на адресата – Вы, ты – в разных формах, напр.: *Вы хорошо выглядите*; *У вас прекрасный вкус* и т.д. К. нередко преувеличивает достоинства адресата, поэтому выражения содержат экспрессивные элементы, определительные и обстоятельственные распространители – указатели высокой оценки: *прекрасно (-ный)*, *великолепно (-ный)*, *восхитительно (-ный)* и др. Экспрессивное представление высоких досто-

инств адресата подчёркивают актуализаторы *очень, так, такой; как, какой: Как Вы хорошо выглядите в последнее время!, Какой у Вас прекрасный костюм!, У тебя такой острый ум!* и др. К. касается как внешних качеств человека, так и внутренних его свойств, может указывать на время (*всегда, сегодня* и др.).

К. множественны и нередко выходят за пределы стереотипов общения.

Выражение желания, возможности говорящего сделать К., является фактическим речевым действием похвалы, нередко с последующим уточнением: *Хочу сделать Вам комплимент – Вы неотразимы* (скорее, женщине); *Ваши предложения исключительно интересны* (скорее, мужчине); *Хотел (-а) бы сделать комплимент; Могу выразить восхищение; Не могу не выразить восхищение; Примите мои комплименты* и т.д.

К. по поводу внешности (чаще женщинам): *Вы (всегда, как всегда, сегодня* и т.д.) *прекрасно выглядите!; У вас (тебя) прекрасный вид!; Вас (тебя) украшает эта причёска (эта одежда* и т.д.); *Вас (тебя) молодит (красит) короткая стрижка; Вы так красивы (прекрасны) сегодня!; Вы, как всегда, неотразимы!; У вас (тебя) прекрасный (-ая, -ые) цвет лица (фигура, походка, улыбка, волосы, глаза* и т.д.) и мн. др.

К. по поводу возраста: *Вы очень молодо выглядите; А Вы (ты) всё молодеете (-еешь); Время Вас (тебя) не берёт (не меняет); Вы (ты) не меняетесь (-еетесь); Вы (ты) всё такой (-ая) же; Время Вас (тебя) щадит (не берёт); Время не властно над Вами; Вы (ты) совсем не изменились (-лась) за эти годы; Вам не дашь (нельзя дать) Ваших лет; Трудно поверить, что у Вас уже внуки* и мн. др.

К. по поводу одежды (чаще женщинам): *Вам (очень) идёт этот костюм (эта блузка, этот цвет* и т.д.); *Как вам идёт голубое!; Вам (так) идёт улыбаться (коротко стричься* и т.д.); *Вам (тебе) к лицу эта блузка (этот цвет, эта шляпка); Какой прекрасный у Вас (у тебя) костюм!; Вы (ты) всегда модно одеты (-та); Как красиво (элегантно) Вы (ты) сегодня одеты (-та)!; Вы (ты) одеваетесь (-еетесь) с таким вкусом (так элегантно* и т.д.)! и мн. др.

К. по поводу внутренних и профессиональных качеств: *Вы так добры!; Как Вы умны!; Вы великодушны; Какой Вы (ты) умный (-ая)!; Вы (ты) такой добрый (-ая)!; У Вас (тебя) такой мягкий (покладистый) характер!; Какой Вы (ты) отзывчивый (чуткий) человек!; Вы такой прекрасный специалист!; Вы лучший переводчик с этого языка!; Вы исключительно знающий (талантливый* и т.д.) *специалист (врач, музыкант* и т.д.); *Вы (ты) гостеприимный (-ая) хозяин (хозяйка); Ты такая (-кой) хлебосольная (-ный) хозяйка (хозяин) –* и мн. др.; *Вы (ты) прекрасно играете (-еешь) на рояле (переводите, танцуете* и т.д.); *Вы (ты) превосходный переводчик (математик, лингвист, специалист* и т.д.); *С Вами (тобой) легко (приятно) общаться (иметь дело* и т.д.); *С Вашим (твоим) талантом (характером) можно добиться успехов* и мн. др.

К. лицам и предметам, входящим в личную сферу адресата: *У Вас (тебя) такая красивая жена!; У Вас (тебя) очень умный муж!; Какие у Вас (тебя) прелестные дети!; Какая у Вас (тебя) очаровательная дочка!; У Вас (тебя) такая молодая мать!; У Вас (тебя) прекрасный (гостеприимный) дом!; У Вас (тебя) такая красивая квартира!; У Вас (тебя) удивительно приятная семейная атмосфера; Ваша (твоя) собака очень умна; Ваша (твоя) кошка необыкновенно красива!* и мн. др.

Основные выражения, используемые в ответных репликах: *Спасибо (благодарю) за комплимент; Мне очень приятно (это слышать); Это мне приятно; Я рад (-а) это слышать; Рад (-а), что Вам понравилось.*

Если собеседник чувствует в К. некоторое преувеличение, он скромно отвергает его: *Ну что вы (ты)!; Вы мне делаете комплимент; Это только комплимент; Вы мне льстите; Это преувеличение; Вы преувеличиваете; Приятно слышать, но это Вам только кажется* и т.д.

Реплика-реакция может быть ответным К.: *Вы (ты) тоже прекрасно выглядите (-дишь); У Вас (тебя) тоже прекрасный вид; Я то же могу сказать о Вас (тебе); То же можно сказать и о Вас (тебе)* и мн. др.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; **Акишина А.А., Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; **Балакай А.Г.** Словарь русского речевого этикета. М., 2001; **Балакай А.Г.** Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; **Гольдин В.Е.** Речь и этикет. М., 1983; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982, 1987; **Формановская Н.И.** Употребление русского речевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

КОНКАТЕНАЦИЯ (от лат. *concatenatio* – ‘сцепление, связь, присоединение’) – амплифицированная структура (см. Амплификация), представляющая собой цепочку последовательно подчинённых друг другу стилистических конструкций, протяжённость которой (цепочки) превышает обычную (среднестатистическую). Напр.: *И мне вспомнился воскресный майский день, когда я увидел большую пушистую птицу, сидящую в проёме одного из высоких двустворчатых открытых окон, откуда доносился обычно запах фимиама, вызывающего у меня тошноту* [Общая риторика... 1986: 140]. Специально организованная и мотивированная стилистическим контекстом такая синтаксическая конструкция является фигурой речи, как, напр., текст стихотворения Бёрнса в переводе С. Маршака: *Вот дом, / Который построил Джек, / А это пшеница, / Которая в тёмном чулане хранится / В доме, / Который построил Джек. / А это весёлая птица-синица, / Которая часто ворует пшеницу, / Которая в тёмном чулане хранится / В доме, / Который построил Джек <...>*. Ср. пародирование этого текста в критической газетной заметке: *Фотографии, сделанные работниками Северо-Западного УВД на транспорте <...> нагляднее любых статистических выкладок рисуют обстановку, сложившуюся с сохранностью грузов в системе МПС и других ведомств. Попробуем представить эти снимки в виде небольшого комикса. А для комментария воспользуемся мотивами детского стихотворения о доме, который построил Джек. **Вот дверь, которую построило МПС. Вот запор двери, которую построило МПС. Вот палка, которая легко открывает запор двери, которую построило МПС. Вот лаз, который устроила палка, которая легко открывает запор двери, которую построило МПС (Чтобы лучше сохранить народное добро?)** ...* (ЛР. 18.01.1991).

К., не оправданная стилистическим заданием и контекстом, приводит к неясности речи и поэтому оценивается как недочёт [Москвин 2007: 329]. Такого рода речевые недочёты могут служить материалом для использования К. как приёма (в ироническом контексте). Напр.: *Г. Явлинский, лидер «Яблока»: «Ради чего они (несогласные. – Ред.) бросаются на баррикады? Какое будущее им построят люди, за которых они получают по голове от омоновцев?»*. Комментарий журналиста: *А какое будущее им построят те, которые стоят за спиной омоновцев, которые бьют по голове «несогласных», которые бросаются на баррикады?* (АиФ. 2007. №17).

Кроме вышеуказанного понимания К., есть другое, согласно которому К. «представляет собой добавление, обыкновенно в конце фразы или периода, слов, дополнительно характеризующих предмет речи или выражающих отношение к нему говорящего» [Волков 2001: 316–317]. С этой точки зрения К. является последнее предложение следующего текста, приведённого А.А. Волковым: *Никогда ни одна истина живая, а тем паче истина Божественная, не укладывается в границах логического постижения, которое есть только вид человеческого познавательного процесса; но в то же время никакая, ни человеческая, ни Божественная истина не может быть законам логики противна, иначе говоря, не может заключать в себе действительного противоречия. Христос также не есть и «да», и «нет»* (А. Хомяков).

Лит.: Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Ключев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Общая риторика**: пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж. [и др.]. М., 1986; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

КОННОТАЦИЯ (от лат. *connotatio* – ‘добавочное значение’) – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закреплённого в системе языка) или окказионального характера.

В семантике языковой единицы (слова) выделяют предметно-понятийный (денотативный) и коннотативный компоненты значения. Предметно-понятийный компонент значения выполняет номинативно-идентифицирующую функцию. К. (коннотативный компонент) дополняет предметно-понятийное (денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придаёт ей экспрессивную функцию. Оценочный и эмоциональный компоненты К. выражают отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам, а стилистический (функционально-стилистический) компонент регулирует выбор (употребление) языковых единиц в зависимости от ситуации речевого общения.

Основанием оценочной квалификации и стилистической маркированности выступает ассоциативно-образный компонент, связывающий денотативное и коннотативное содержание языковой единицы. К. придаёт общую окраску всему выражению, в котором может преобладать образное представление (*зубоскал*), оценочная квалификация (*негодяй*), эмоциональная (*дружочек*), качественная (*винегрет* в переносном значении), количественная (*ручища*) или какое-л. стилистическое значение (торжественное *возводить*, просторечное *шляться*).

Для оформления К. используются суффиксы субъективной оценки, актуализация внутренней формы слова, звукоподражание, аллитерация, экспрессивно окрашенные слова и фразеологизмы.

К. имеет субъективную речевую природу и противопоставлена объективному содержанию языковых единиц, ориентированному на когнитивную (познавательную, гносеологическую) функцию.

К. – важнейшая общезыковая категория, имеющая большое значение для развития и функционирования языка, формирования речи. К. связана со всеми эмотивно-прагматическими аспектами текста, создающими его экспрессивную окраску. Все языковые средства, содержащие К., реализуясь в речи, придают высказыванию (тексту) субъективную модальность. Особенно важна К. в плане исследования языка как средства воздействия. Будучи общезыковой категорией, К. своеобразно проявляется в каждом из функциональных стилей. Так, в языке художественной литературы эта категория выступает, как правило, в форме образов, в публицистике – нередко в форме прямых оценок. Здесь действие её приобретает интенсивный и всеохватывающий характер. Изучение К. имеет важное значение для стилистики и культуры речи.

К. пронизывают всю систему языка. Современная стилистика изучает К. на всех уровнях языка. Она исследует стилистические потенции частей речи, временных форм, числа, рода, синтаксических конструкций, текстовых отрезков.

Лит.: Баранов А.Г. Коннотации текста // Риторика и синтаксические структуры. тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; Граудина Л.К., Дмитриева О.Л., Новикова Н.В., Ширяев Е.Н. Мы сохраним тебя, русская речь! М., 1995; Киселёва Л.А. Язык как средство воздействия (на материале эмоционально-оценочной лексики русского языка). Л., 1971; Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969; Пахомова И.Н. Коннотация и лексическая семантика слова: КД. Тамбов, 2009; Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект). М., 1981; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986; Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3; Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1.

Г.Я. Солганик

КОНСИТУАЦИЯ (от лат. приставки *co(n)* со значением – ‘объединение, соединение’ и фр. *situation* – ‘положение, совокупность обстоятельств’; букв. – ‘вместе с ситуацией’) – экстралингвистическая ситуация общения, условия общения и его участники; тот ситуативный контекст, который позволяет принять во внимание неязыковую фон ситуации, однозначно и правильно трактовать смысл высказывания. При речевом контакте зачастую возникают различные «помехи», которые затрудняют общение. Так, фраза *Где мой плеер?* может быть воспринята в зависимости от условий общения, отношений между собеседниками и т.п. как прямой вопрос и как упрек за наведение порядка в комнате. Вопрос *Тебе не трудно съездить за продуктами?* может быть интерпретирован как вежливая просьба или буквально.

К. является частью Дискурса (см.): «Экстралингвистический план дискурса формируют конситуация, контекст в самом широком смысле, различные когнитивные аспекты, сознания коммуникантов и под.» [Красных 2008: 53].

Разговорная речь часто строится так, что К. и речь образуют одно целое, т.е. К. включает в себя собственно речевой контекст, а именно ту информацию, которая обусловлена ситуацией общения и его содержанием, и неязыковой контекст – общий опыт и намерения собеседников, условия общения. В этом отношении очень важна общность тезаурусов коммуникантов (представления о мире, совокупность информации, которой они обладают, духовный опыт). Общность тезаурусов определяет степень взаимопонимания общающихся, эффективность их взаимоотношений. Различие тезаурусов – причина непонимания между собеседниками. К неязыковым факторам, влияющим на понимание и верную трактовку содержания конкретной речи, относятся также: общность/различие картин мира,

сформированных разными национальными или религиозными культурами участников общения; общность/различие картин мира и несовпадение нравственных и других оценок у представителей одной национальности; восприятие собеседника как «не того» лица по социальному статусу и роли; «помехи», исходящие от третьих лиц; соблюдение/нарушение правил речевого поведения; соблюдение/нарушение социальных норм отношений; нечёткая, неясная речь; изменение эмоционального состояния собеседника в процессе общения; верно/неверное прочтение речевого намерения; хвостовство; навязчивость; многозначность языковых средств и др. Анализ К. и коррекция речевого поведения помогают избежать коммуникативных неудач и достичь взаимопонимания с собеседником. В разговорной речи К. существенно определяет содержание и форму диалога, в частности становится причиной эллиптичности: предмет речи зачастую либо не называется, либо его название заменяется местоимением. Напр.: Жена обращается к мужу: – *Какую мне надеть* (о блузке), *как думаешь? Может, эту?*; Ребёнок говорит, садясь за стол обедать: – *Я это не буду* (используются местоимения, т.к. нет необходимости называть предмет речи, он ясен из ситуации); Прохожий, обращаясь к встречному: – *На Ярославский* (вокзал) *как проехать?* (слово *вокзал* не используется, т.к. жителю города понятно, о чём идёт речь). Также особую роль в ситуациях непринуждённого общения играют мимика, жесты, интонация, взгляд. Напр., говорящий обращается к собеседнику: – *Так ты никуда не идёшь? Да?* В ответ – жест отрицания (повороты головы слева направо).

Ситуационный анализ используется также при изучении текстов художественной литературы и публицистики, в особенности, когда исследуется индивидуальный авторский стиль, игровое начало порождения текста, вариативность и импровизация в ораторской речи и устном исполнении художественного произведения; при этом прежде всего рассматривается синхронный аспект. Ситуация порождения художественного и публицистического текста во многом определяется социальными и психологическими условиями, особенностями адресата и адресанта, а выбор адресантом коммуникативной модели влияет на жанровую форму текста.

К. и конситуативные факторы активно исследуются в современной лингвистике с привлечением данных психологии и этнопсихологии, этносоциологии, этнографии, культурологии.

Лит.: Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998; Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980; Красных В.В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7; Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. М., 1999; Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998; Хованская З.И. Лексическая актуализация // Филологические науки. 1983. № 1; Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб., 2002.

А.Н. Смолина

КОНСПЕКТ (от лат. *conspēctus* – ‘обзор’) – вторичный речевой жанр научной сферы общения; представляет собой краткую запись другого – первичного – текста, устного (К. лекции, доклада) или письменного (К. книги, статьи).

К. не может быть точной записью текста (в отличие от стенограммы или расшифровки магнитофонной записи), он предполагает его обработку – выделение в нём текста и метатекста, главных положений и их доказательств, иллюстраций. Различение этих смысловых элементов текста автор К. отражает в его пространственной организации (поэтому, кстати, сам вид К. – показатель авторской культуры, компетентности).

Особенность К. – в совмещённости ролей: автор одновременно является адресатом конспектируемого текста и автором К. и – в будущем его же адресатом (читателем). Иначе говоря, К. пишется для самого себя, следовательно, в нём воплощается такой вид общения, как автокоммуникация.

Иногда К. публикуются – тогда их автокоммуникационная природа «зачёркивается», а известность автора конспектируемого текста делает К. документом, имеющим историческое значение. Так, напр., «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, во многом определивший пути развития языкознания в XX веке, подготовлен к изданию не автором, а слушателями его лекций на основе их К.

Современная множительная техника и доступность её для учащейся молодёжи, обилие текстов, выложенных в Интернете, делает жанр К. практически не востребованным в учебном процессе, что приводит к утрате навыков содержательного анализа изучаемых текстов. Возможно, в будущем К. окажется устаревшим жанром. Хотя К. может быть хорошим помощником в подготовке Рефератов (см.), курсовых и дипломных работ.

Иногда К. называют краткую запись содержания ещё не произнесённого текста, его программу в ходе подготовки к исполнению, напр., К. лекции, выступления. В этом значении конспект близок к такому жанру автокоммуникации, как наброски и Тезисы (см.).

Два жанра под одним названием, таким образом, различаются временной перспективой: в первом случае конспектируемый текст в прошлом, во втором – в будущем. Второй случай расширяет сферу употребления жанра, включая публичные выступления не только научного, но и политического содержания.

Лит.: Вежицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978; Выборнова В.Ю. Конспект; Конспектирование // Педагогическое речеведение: словарь-справочник. М., 1998; Равенский Ю.И. Тезисы и конспект // Развивайте дар слова: пособие для учащихся. М., 1982; Холодович А.А. О «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977; Холодович А.А. О типологии речи // А.А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.

Т.В. Шмелёва

КОНСТАТИВЫ. См. РЕЧЕВОЙ АКТ

КОНСУЛЬТАЦИЯ (от лат. *consultatio* – ‘совещание’) – 1. Совещание равноправных участников коммуникации, решающих какую-л. проблему совместными усилиями. Такая К. – жанр политической сферы, в его рамках происходит выявление позиций и выработка общей, согласованной позиции, напр.: *Премьер-министр проводит консультации с представителями различных фракций парламента*. Этот жанр близок к медицинскому **консилиуму**.

2. Сложный информативный устный жанр (речевое событие), предполагающий неравноправность участников: один из них – **консультант** – превосходит консультируемого осведомлённостью, поэтому последний задаёт вопросы, а консультант наряду с чисто информативными жанрами (ответы, сообщения) может использовать императивные (инструкция, поучение, совет). Такие К. характерны для научного и учебного общения: К. получает от преподавателя ученик, студент, менее опытный преподаватель и т.п. Описываются такие речевые действия глаголом *консультировать* или отглагольным существительным *консультирование/консультация* (ср.: *юридическая, женская К.*; *получить К., воспользоваться К.*).

В деловом общении гражданин может обратиться за К. к юристу (соответствующее учреждение так и именуется *юридическая консультация*), человек, имеющий проблемы со здоровьем, – к врачу (*медицинская консультация*).

Разумеется, такого рода ситуации возможны и в обыденном общении, однако для их описания предпочитают использовать глагол *посоветоваться* (возможны и выражения типа *вам надо посоветоваться с врачом, со специалистом*).

Лит.: Зиновьев С.И. Учебный процесс в советской высшей школе. М., 1975; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Современная русская научная речь.** Т.1. Красноярск, 1985.

Т.В. Шмелёва

КОНТАКТНЫЙ ПОВТОР. См. АНАДИПЛОЗИС

КОНТАКТОУСТАНАВЛИВАЮЩИЕ СРЕДСТВА – это языковые (речевые) средства, с помощью которых говорящий устанавливает контакт с собеседником (см. Адресация речи), привлекает его внимание к своей речи, постоянно заботится о восприятии и понимании сообщения адресатом. Говорящий не только устанавливает речевой контакт с адресатом, но и поддерживает его во время речевого взаимодействия и размыкает, завершая общение. В языке имеются многообразные К.с., предназначенные для осуществления этих целей. Их использует в процессе речевого общения не только говорящий, но и адресат, который тоже заинтересован в гармоничном, эффективном речевом взаимодействии. Но если говорящий использует К.с. для установления, поддержания и размыкания контакта, то его собеседник, как правило, лишь для поддержания контакта. Выбор тех или иных К.с.

определяется формой речи (устная или письменная, диалогическая или монологическая), её стилевой и жанровой принадлежностью.

В устной речи говорящий часто использует такие К.с., как, напр., Обращения (см.), которые выполняют не просто функцию установления контакта, но и функцию так называемого «социального поглаживания», позволяющего установить теплые, доверительные отношения с собеседником. Сходные функции выполняют риторические вопросы (см. Риторический вопрос, или эротема), с помощью которых говорящий предлагает адресату вместе с ним подумать над поставленной проблемой, а часто и выразить свою оценку положения вещей: *Где вы ещё видели такое?*; *Ну кому в голову придёт такое?*; *Разве можно этому не радоваться?* и т.п.

Ещё одним способом установления контакта с адресатом является имитация диалога с собеседником в монологической речи. Говорящий эксплицирует предполагаемую позицию адресата, возможные его комментарии и оценки, возражения и вопросы и даёт на них ответы (см. Диалогизация монологической речи).

Контактоустанавливающими являются императивные конструкции, обращённые к адресату, прямые призывы к солидарности с авторскими взглядами (*Дайте народу реальную власть над своей судьбой!*). В качестве К.с. выступают и конструкции, обнажающие логику мысли говорящего, помогающие адресату следить и соучаствовать в движении этой мысли, ориентирующие адресата в речевом потоке говорящего. Это может быть экспликация коммуникативных целей говорящего с помощью специального высказывания (*Сейчас я расскажу, как это всё происходило, чтобы вам стала ясна моя позиция*), использование различных слов, которые делят информацию на части, подытоживают и обобщают сообщаемое, облегчая его восприятие (*во-первых, во-вторых, с одной стороны, наконец, так* и др.).

Бесспорным является отнесение к К.с. многообразных формул речевого этикета: формул приветствия, прощания, извинения, благодарности и пр.

Адресат тоже пользуется для поддержания речевого взаимодействия такими К.с., которые сигнализируют об активном включении его в процесс общения, о заинтересованности в продолжении общения и развитии диалога. Это в основном различные показатели реакции адресата на сообщение и вокализации (*Угу, М-м-м, Ты подумай, Неужели?, Что ты говоришь!* и др.). Понятно, что К.с. адресата возможны только в устном общении и его стилизации в художественном тексте.

Лит.: Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002; **Кормилицына М.А.** Коммуникативно-прагматические функции средств речевой рефлексии в общении // Предложение и слово. Саратов, 2000; **Ляпон М.В.** Смысловая структура сложного предложения и текст. М., 1986; **Морова О.Л.** Средства речевого контакта в различных функциональных стилях: АКД. Саратов, 1997; **Формановская Н.И.** Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998; **Хорошая речь:** сб. ст. М., 2007.

М.А. Кормилицына

КОНТАМИНАЦИЯ (от лат. *contaminatio* – ‘соприкосновение’) – объединение, совмещение языковых/речевых единиц на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой речевой единицы.

Если совмещение единиц было допущено случайно и оно не оправдано контекстом и/или речевой ситуацией, К. является причиной **речевой ошибки**, напр.: *Мы должны **предпринять меры*** – К. сочетаний *принять меры + предпринять шаги*; *Она сказала ученикам, что это трудная тема и будьте внимательными* – К. прямой и косвенной речи (ср. правильный вариант: *Она сказала ученикам, что это тема трудная и чтобы они были внимательны*). Если же объединение единиц прагматически мотивированно (обусловлено намерением адресанта и/или речевой ситуацией), то К. является принципом построения **речевых (риторических) приёмов**, напр.: *Временами он стал жить затворником, и друзья-товарищи в шутку прозвали его **ШИЗАТВОРНИК*** (Н. Гайдук) – окказиональное слово в оценочной функции, образованное путём наложения двух слов: *шиза* (разг. *шиза*, усечение от *шизофреник*) и *затворник*; *Тяжелее всего нести крест, который на тебе поставили* (ЛГ. 27.02–05.03.2002) – совмещение фразеологизмов *нести свой крест* и *поставить крест на ком-н.*, используемое для выражения мысли в необычной и остроумной форме. К приёмам (фигурам речи), построенным на К., исследователи относят Анаколуп (см.), Апокойну (см.), Дилогию (см.), Центон (см.), Зевгму (см.), Смешение стилей (см.), смешение жанров как приём и др. речевые явления.

Единицы, образуемые способом К., могут со временем войти в систему литературного языка, став нормативными. Так, в русском глаголе *знать* объединили свои формы в контаминированной парадигме древнерусские глаголы *гънати* и *гонити* [Бельчиков 1998: 238].

В последние десятилетия К. является высокопродуктивным способом словотворчества, изучение которого считают перспективным с точки зрения когнитивной лингвистики.

Лит.: Бельчиков Ю.А. Контаминация // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001; Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1999; Ицкович В.А., Шварцкопф Б.С. О контаминации и смежных с нею явлениях // Памяти академика В.В. Виноградова. М., 1971; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Колобова Е.А. Фразеологическая контаминация: КД. Кострома, 2011; Николина Н.А. Новые тенденции в современном русском словотворчестве // Русский язык сегодня: сб. ст. Вып. 2. М., 2003; Пекарская И.В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка. Учебно-методическое пособие и Системный словарь-справочник. Абакан, 1999; Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан, 2000.

Г.А. Копнина

КОНТЕ́КСТ (от лат. *contēxtus* – ‘сплетённое, сотканное, связанное воедино’) – 1. Связанность элементов некоего фрагмента реальности, речи, текста. 2. Текстуальное окружение какой-л. языковой единицы, среда, фон. Это термин теории коммуникации, семантики, лингвистического анализа. Его значимость обусловлена явлениями вариативности, многозначности, потребностью создания окказиональных значений и смыслов, выразительных эффектов. Под К. понимается либо относительно законченная в смысловом отношении часть текста, не требующая дополнительных условий для понимания, интерпретации содержания всего фрагмента и значений входящих в его состав единиц (компоненты взаимообуславливают друг друга), либо – в лингвистике – компоненты текста, необходимые для однозначного восприятия той или иной единицы текста: грамматической формы, слова, словосочетания, фразы, – индикаторы тех или иных значений. К. может быть **узким**, – в пределах словосочетания, предложения. Максимально **широкий, макроконтэкст** – весь текст. По месту расположения относительно рассматриваемой единицы различают **левый** и **правый** К. Также различают **собственно лингвистический** (лексический, грамматический, синтаксический), **вербальный** и **невербальный** (сопровождающие речь мимика, жесты, телодвижения и пр.), **экстралингвистический** К., или **конситуацию** (обстановка, время, место, участники речевого общения, их личности, отношения, намерения, стиль общения, предмет общения и т.д.). По функциям вербальный К. может быть **разрешающим, поддерживающим, погашающим, компенсирующим, интенсифицирующим, диагностирующим, контрастирующим** [Горсуева 1990; Ревзина 2003].

В процессе порождения текста К. формируется в соответствии со смыслом целого и значениями отдельных элементов, а в процессе восприятия или анализа позволяет понять заданный смысл и значения составляющих. Лексический К. способен уточнять грамматическую семантику. Напр., слово с семантикой прошедшего времени переводит форму настоящего времени глагола-сказуемого в сферу прошедшего (так называемое историческое настоящее, используемое для экспрессивной актуализации прошлых событий): *Иду я вчера по набережной и вдруг слышу выстрел*. Правый К. газетного заголовка *Звезду обидели до слёз* (АиФ. 2011. № 12) однозначно свидетельствует о том, что речь пойдёт не об астрономии. Известно, что есть лексические значения, закреплённые за определённым контекстом, напр., при **семантической избирательности**: можно говорить о *карих глазах, глазах карего цвета*, но только о *коричневом платье*. Семантика слов, словосочетаний в К. рассматриваемой единицы, не соответствующая её типичному словарному значению, сигнализирует о **стилистическом** К.: нестереотипном, ненормативном употреблении. На этом строятся все приёмы переносного, окказионального, комического, языковой игры в шутках, каламбурах, анекдотах и т.д. Напр.: *Муж её в этот момент, отойдя в угол, деликатно материл штаб ПВО Москвы* (В. Аксёнов); *Наши чиновники – очень порядочные люди. С деньгами, машинами, жильём у них всё в большом порядке...* (АиФ. 2011. № 33). В устной речи этой цели служит и невербальный К. Классический пример: мама трусишке-сыну с соответствующей интонацией: *Да ты у меня герой!*

К. может быть и **«вертикальным»**, парадигматическим, т.е. объединять разные, нелинейно расположенные отрезки текста. На этом основано явление «рамочного» прочтения заголовка с тематизирующей функцией. Первоначальное восприятие может значительно, а то и вовсе не совпадать с

финальным по мере продвижения информации. Чеховская «Чайка» из мира пернатых в ходе пьесы ассоциируется с людским равнодушием, лишившим жизни прекрасное существо, а в финале раненая птица становится символом жизненной драмы героини («Я – чайка...»).

Умение выстраивать К., понимание его функций в соотнесённости с нормативной семантикой единиц языка – важная составляющая коммуникативной компетенции носителя языка.

Лит.: Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования): учеб. пособие. Л., 1981; Богданов К.А. Антропология контекста: к истории «общепонятных понятий» в филологии // НЛО. 2010. № 102; Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1986; Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. 1978. № 1; Ревзина О.Г. Контекст // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Торсуева И.Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

А.А. Бернацкая

КОНТРАПЕТРИЯ (от старофр. *contrepèter* – ‘заменять один звук другим’) – разновидность Метатезы (см.).

В основе К. лежит перестановка букв или слогов внутри синтагмы или предложения, создающая слова с новым значением. Иными словами, К. – это метатеза, реализуемая на более высоком уровне [Dupriez 1984].

Чаще всего К. выступает как разновидность игры слов, при которой два слова, входящие в малый контекст, как бы обмениваются звуками или слогами, производя новые слова [Береговская 2000]: *Утренний кофе – / океан блаженства. / Серебряным крылом над чашкой машет / чайная ложка – / ложная чайка* (М. Яснов)

Метатезу и К. определяют также как **акрофоническую перестановку**, т.е. перестановку букв или слогов на базе фонической смежности. В результате такой перестановки рождается симметричная форма (высказывание), имеющая совершенно новое значение.

К. рассматривают и как явление, родственное анаграмме. Но если анаграмма основывается на графическом изображении текста, то в случае К. более важна его произносительная сторона. В отличие от анаграммы, К. оперирует более ограниченным набором элементов (звуков, букв, звукосочетаний, слогов, лексических единиц), подвергающихся перестановке, достигая при этом эффекта двусмысленности. К. называют намеренным языковым ляпусом [Hesbois 1988].

Часто К. создаёт комический эффект: *Не «пузо Прошкина», а «проза Пушкина»!* (ходячая шутка).

Перестановка в К., трансформирующая слова, является специфическим источником языковой игры. К. может создавать и новые по форме единицы, лишённые всякого смысла, имеющие необычное, забавное звучание. Такую разновидность К. нередко называют **псевдоконтрапетрией**, или лексической путаницей [Dupriez 1984]. Псевдоконтрапетрия опирается на колоссальную надёжность системы языка. Подобные «потешки» часто создаются в школьной среде: *Императрица Екатерина заключила перетурье с мирками* [Чуковский 1963]. С помощью этого приёма переделываются известные тексты:

Очкишка и марты

Старишка в мартости глаза слабами стала,

А у слухей она людала <...> [Чуковский 1963].

К. может служить источником создания авторских окказионализмов: *Глубокоуважаемый / Вагоноуважаемый! / Вагоноуважаемый / Глубокоуважаемый!* (С. Маршак).

В современном языкознании принята следующая классификация К. [Hesbois 1988]:

1) «классическая» К., основанная на перестановке согласных в начале или в середине слова: *Ущучки чешуйки, у чушки щетинки* (скороговорка) [Береговская 2000]; 2) «декадентская» К., в которой перемещаются гласные: *Мы чаруемся и чураемся* (В. Хлебников); 3) К., в основе которой лежит перемещение слогов: *чайная ложка – ложная чайка* (М. Яснов).

К. находится и в определённом родстве со скороговоркой: *Шла Саша по шоссе и сосала сушку. Три по полтопора – полтора топора.*

Лит.: Береговская Э.М. Занятная риторика = *Rhétorique amusante*. М., 2000; Тихонова М.П. Метатеза и её разновидности в современной французской поэзии для детей // Риторика ↔ Лингвистика 3: сб. ст. Смоленск, 2001; Чуковский К.И. От двух до пяти. М., 1963; Dupriez B. *Gradus, les procédés littéraires*. Paris, 1984; Hesbois L. *Les jeux de langage*. Ottawa, 1988.

КОНЦЕПТ – единица ментального мира человека; один из самых популярных и наиболее неоднозначно толкуемых терминов современного языкознания, с ним связывают «весьма различающиеся теоретические построения» [Залевская 2001: 31].

В когнитивной лингвистике К. определяется как «оперативная, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90].

В лингвокультурологии К. понимается как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот “пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово <...> В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов 2001].

К., будучи многомерным ментальным образованием, содержит три составляющих: образную, понятийную и ценностную. В.И. Карасик относит к образной стороне К. «зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отражённых в нашей памяти»; к понятийной стороне – «языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно»; к ценностной стороне – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. «Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить» [Карасик 2001: 8].

В самом широком смысле К. – это «сложившаяся совокупность правил и оценок в организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [Прохоров 2006: 303].

Интерес лингвистов к К. отражает такие особенности современного языкознания, как антропоцентризм и междисциплинарность: взаимодействие с когнитологией, культурологией, психологией и философией.

Лит.: **Аскольдов С.А.** Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997; **Воркачёв С.Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1; **Залевская А.А.** Текст и его понимание. Тверь, 2001; **Карасик В.И.** О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001; **Колесов В.В.** Концепт культуры: «образ» – «понятие» – «символ» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. СПб., 1992. Вып. 3; **Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина П.Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996; **Лихачёв Д.С.** Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997; **Нерозник В.П.** От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и преподавания иностранных языков. Омск, 1998; **Прохоров Ю.Е.** Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: ДД. М., 2006; **Слышкин Г.Г.** Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000; **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.

И.В. Башкова

КОНЦЕПТОСФЕРА – совокупность концептов, некая «аура» языка, обладающая национально-культурной спецификой; одно из ключевых понятий современной когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, предложенное Д.С. Лихачёвым в 1993 г. по типу терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Единицей К. является Концепт (см.).

Исследователи отмечают, что К. носит достаточно упорядоченный характер. «Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами <...>».

Конкретный характер системных отношений концептов требует исследования, но общий принцип системности, несомненно, на национальную К. распространяется, поскольку само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация предполагает упорядочение её объектов. Таким образом, концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа» [Попова, Стернин 2002: 9].

Отдельных вариантов К. национального языка очень много, они по-разному группируются, по-разному себя проявляют. «Одна концептосфера может сочетаться с другой – скажем, концептосфера русского языка в целом, но в ней концептосфера инженера-практика, а в ней концептосфера семьи, а в ней индивидуальная концептосфера. Каждая из последующих концептосфер одновременно сужает предшествующую, но и расширяет её» [Лихачёв 1997: 282].

Особое значение в создании К. принадлежит писателям, особенно поэтам. В настоящее время в лингвистике сложилось целое направление, представители которого исследуют К. отдельных писателей и поэтов. В.А. Маслова, описавшая К. Марины Цветаевой (куда входят концепты «поэт», «любовь», «разлука», «судьба», «радость» и т.д. и концепты пространства: «простор», «Россия», «Москва», «дом» и др.), отмечает, что К. поэта «организована по принципу поля, включающего ядро, ядерную зону и периферию, причём их соотношение в разных произведениях уникально и самобытно» [Маслова 2004: 32].

«Концептосфера русского языка, созданная писателями и фольклором, исключительно богата. Концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры» [Лихачёв 1997: 284].

А.П. Сковородников пишет о необходимости определения К. национального риторического идеала с учётом культурно-исторической традиции и реальностей современного исторического периода. По его мнению, в структуру русского риторического идеала входит ряд этико-эстетических категорий (напр., выделенные А.К. Михальской категории кротости, смирения, хвалы, безмолвия, умиротворения, правды, ритмичности, мерности и умеренности), категорий традиционной русской ментальности (напр., категория соборности), а также некоторые категории нормативно-языкового, коммуникативно-прагматического и социально-культурного порядка, в частности, такие, как правильность (нормативность) речи, её стилистическая и ситуативная уместность, целесообразность, аргументированность, учёт языковых вкусов и предпочтений адресата и нек. др. [Сковородников 1999].

К., в которой живёт любой национальный язык, постоянно обогащается, изменяется со временем. Богатство языка «определяется не только богатством “словарного запаса” и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой является язык человека и его нации» [Лихачёв 1997: 286].

Лит.: Бабушкин А.П. Картина мира в концептосфере языка // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1999. Вып. 2; Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997; Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М., 2004; Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие концептосферы // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002; Прохоров Ю.Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: ДД. М., 2006; Сковородников А.П. К методологии разработки и представления русского риторического идеала // Филологические науки. 1999. № 5; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

И.В. Башкова

КОРЕФЕРЕНТНОСТЬ. См. ТЕКСТ

КОРНЕВОЙ ПОВТОР – разновидность Гомеологии (см.), стилистический приём, заключающийся в повторении однотипного корня.

В наибольшей степени К.п. характерен для художественных и публицистических текстов, где выполняет общую для стилистических приёмов экспрессивную функцию. Напр.: *Два на миру у меня врага. / Два близнеца, неразрывно слитых: / Голод голодных – и сытость сытых!* (М. Цветаева); *Новый «Толстяк» вкуснее и толще* (реклама пива); *Игорь Крутой после выхода в свет известного проекта со всемирно известным Хворостовским стал круче всех крутых* (из газ.); *Я никого здесь не оставил. / Я ничего здесь не забыл. / Я просто прибыл, убыл, был* (С. Юрский).

Лит.: Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и

КОРРЕКТУРА (от лат. *correctūra* – ‘исправление, улучшение’) – совокупность исправлений и сама процедура правки текста. Корректирование включает в себя собственно корректирование и вычитку — завершающее прочтение и проверку уже выправленного текста.

В редакционно-издательском деле К. – это «процесс исправления ошибок и недостатков в текстовом и графическом материалах, подготовленных для размножения типографским (или другим) способом» [Большой энциклопедический словарь 1997]. Главная цель этого процесса – обеспечить точное соответствие любой копии оригиналу, а также добиться орфографического, пунктуационного, грамматического, стилистического и технического совершенства подготовленного к печати текста. Корректурa – неотъемлемое звено редакционно-издательского процесса, а корректор – неперенный член коллектива любой издающей организации: книжного издательства, редакции журнала или газеты, полиграфического предприятия. Существуют различия между типографской и издательской корректурой.

Типографская корректурa ведётся на полиграфическом предприятии в отрыве от тех, кто создаёт литературное произведение или обрабатывает его текст. Главная задача корректора – обеспечить текстуальное соответствие печатной формы оригиналу.

Издательская корректурa ведётся в издательствах, в условиях тесного контакта корректора с редактором, а при необходимости и с автором. Содержание издательской корректуры заключается в следующем: а) обеспечение точного соответствия содержания печатного текста его оригиналу или предыдущей К.; б) обеспечение правильности языковой и графической формы текста – т.е. на этом этапе необходимо проследить за соответствием орфографии и пунктуации общепринятым нормам, за единообразием текстовой графики однотипных и одинаковых элементов текста (напр., одинаковых имён, наименований, сокращений и т.п.); в) дублирование части функций других специалистов – смысловой контроль; обнаружение ошибок, искажающих смысл высказывания, и ошибок в техническом оформлении издания (система графических и шрифтовых рубрик, единообразие оформления таблиц, рисунков и подписей к ним, колонтитулов, сносок, ссылок и т.д.). В издательской К. имеются свои специфические стадии: вычитка, чтение – сличение с оригиналом, ревизионная корректурa (чтение-сверка), сквозное смысловое чтение без оригинала.

Вычитка является продолжением и уточнением редакторской работы. В практике используют два способа сличения с источником – в одиночку и вподчитку. При чтении в одиночку корректор вначале читает в источнике часть текста, которую он способен на короткое время запомнить, а затем ту же часть проверяет в готовом тексте, или наоборот – запоминается часть корректуры, которая затем сверяется с источником. Чтение вподчитку может выполняться двояко: в одном случае текст источника вслух произносит подчитчик, корректор следит по оттиску; в другом случае вслух читает корректор, а подчитчик лишь следит по источнику и в случае необходимости поправляет корректора.

Чтение-сверка применяется при повторных корректурах – текст читается не полностью, а выборочно: прочитываются лишь те строки, в которых при предыдущей корректуре были исправлены ошибки.

Смысловое чтение – чтение без источника корректуры, хотя корректор и держит его при себе. Оно достаточно беглое, но с установкой на обнаружение и буквенных ошибок; в поле зрения должны попадать все объекты корректорского контроля.

Существует специфика корректуры различных видов литературы – детской, учебной, научной, справочной, публицистической, художественной; имеются особенности корректорской работы в журналах и газетах.

Для внесения правок в текст традиционно используются корректурные знаки. Корректурные знаки – это система графических знаков, служащих для указания места и характера исправления ошибок в тексте. Начертание корректурных знаков, их назначение и основные правила применения установлены отечественными стандартами: ГОСТ 16347–76 «Знаки корректурные»; ГОСТ 7.62–90 «Знаки для разметки оригиналов и исправления корректурных и пробных оттисков. Общие требования».

Большинство корректурных знаков размещают не только непосредственно в месте исправления, но и выносят на поля рядом со строкой, в которой допущена ошибка, предупреждая, таким обра-

зом, о необходимости внесения исправлений. Правила применения корректурных знаков определяют цвет чернил, место и порядок выноса знака, повторяемость одинаковых знаков, отдельные особые случаи использования.

Примеры использования основных корректурных знаков:

Знак	Назначение	Пример использования
	Заменить букву, слово, цифру	структура
	Вставить слово, строку	сорок рублей
	Поменять местами буквы, слова, строки	оловянный стойкий солдатик
	Переставить букву, слово, строку, в другое место	Экранизация романа "Война и мир"
	Соединить абзацы в один	Вечером была слышна гроза. Ночью пошел сильный дождь.
	Увеличить пробел между словами или строками	E-mail: RENOME@comlink.spb.ru
	Уменьшить пробел между словами или строками	www.
	Выделить слово, строчку курсивом	<i>Итого по счету</i>
	Выключить строку по центру	
	Начать строку с абзацного отступа	Он погасил свет и уснул. Рано утром в дверь позвонили.
.....	Отмена сделанного исправления	Неверно сделанное исправление

Лит.: Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М., 1997; **Корректурa** / под ред. Б.Г. Тяпкина. М., 1979; **Мильчин А.Э., Чельцова Л.К.** Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. М., 1998; **Рябинина Н.З.** Настольная книга редактора и корректора деловой литературы. М., 2004.

Л.А. Киселёва

СВЕННАЯ РЕЧЬ – это Чужая речь (см.), которую воспроизводит автор, сохраняя только содержание передаваемого им высказывания. Отвлекаясь от конкретной формы выражения чужой речи, К.р. акцентирует внимание на высказанной мысли. Степень обобщения смысла высказывания при этом может быть разной. В то же время выражения, содержащие К.р., характеризуются отсутствием субъективной экспрессии.

По структуре предложение с К.р. является сложноподчинённым. Главная часть в нём содержит вводящие слова автора, а придаточная – включает чужую речь, соединяясь с главной союзами или относительными словами: *что, чтобы, будто, где, куда, откуда, сколько* и т.п. Вводящие слова в та-

ком предложении выражены, как правило, глаголом в личной форме, но могут быть представлены и инфинитивом, деепричастием или причастием. Напр.: *Обобщая, можно сказать, что изменения в структуре и характере современного городского общения отражают действие следующих тенденций* <...> (Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М., 2010); *В письме говорится, что нужно принимать законы не во имя обнаглевших миллиардеров, а во имя несчастного обездоленного народа* (Завтра. 2011. № 44); *Удерживая Сергея на весу, он крикнул в раскрытую дверь, чтобы вызвали «Скорую» и срочно дали бы ему пластырь...* (Л. Улицкая); *Друзья ему говорили, мол, куда вы, там дожди непрерывные, море холодное, красивое, но холодное* (Е. Гришковец).

Связь К.р. с вводящим словом определяет расположение слов в составе главного предложения: обычно вводящее слово помещается в непосредственной близости к придаточной части высказывания. Глаголы, вводящие чужую речь, условно делят на несколько тематических групп: «глаголы речи, мысли, чувства, восприятия, жеста и мимики» [Милых 1975: 35]. Функция вводящих слов в предложениях с К.р. аналогична функции вводящих слов в предложениях с прямой речью: они фиксируют акт чужого высказывания, обозначая условия его протекания, определяют того, кому принадлежит К.р., комментируют ситуацию и т.п.

К.р. традиционно используют в научной, художественной литературе, журналистике. При этом в художественных произведениях передача К.р. имеет специфические особенности: воспроизводя содержание чужой речи, она частично воспроизводит и её форму, сохраняя некоторые лексические, фразеологические и синтаксические особенности (см. Несобственно-прямая речь).

Высказывания с К.р. отличаются от высказываний с прямой речью не только наличием союза, но и особой интонацией (в устной речи) и пунктуационным оформлением (в письменной).

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Бахтин М.М. К истории форм высказывания в конструкциях языка (опыт применения социологического метода к проблемам синтаксиса) // Михаил Михайлович Бахтин. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000; Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Л., 1957; Милых М.К. Конструкции с косвенной речью в современном русском языке. Ростов н/Д, 1975; Русская грамматика. Том II. Синтаксис. М., 1980.

С.В. Серова

КОСВЕННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ, или **КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ**, – термин Лингвистической прагматики (см.), один из ключевых терминов теории Речевых актов (см.). Это понятие появилось как следствие разграничения, с одной стороны, предложения как единицы языка, рассматриваемого вне контекста и вне коммуникативной ситуации и имеющего лишь потенциально коммуникативную функцию, а с другой – Высказывания (см.) как единицы речевого общения. В основе этого различия лежит возможное расхождение между буквальным содержанием предложения и его коммуникативным смыслом. Существуют грамматические типы предложений, служащие стандартной формой реализации определённых коммуникативно-прагматических функций, – речевых актов, или иллокуций. Вопросительные предложения формируют высказывания с коммуникативным заданием запроса информации, побудительные – побуждения к вербальному (словесному) или невербальному действию, повествовательные – сообщения информации. Такие высказывания можно назвать **прямыми**; в них нет противоречия между формой и содержанием. К.в. характеризуются именно несоответствием формы и коммуникативного намерения. Одно и то же предложение в разных коммуникативных контекстах может приобретать разный коммуникативный смысл. Так, предложение *Холодно!* может выполнять чисто информативную функцию (некто пришёл с улицы), но может быть воспринято и как косвенное побуждение присутствующих закрыть форточку или подложить дров в камин или как сигнал о недомогании говорящего (возможная реакция: *Не заболел/а ли ты?*). И, напротив, одна и та же коммуникативно-прагматическая функция (иллокуция), один и тот же речевой акт могут находить выражение в предложениях разных типов.

Прямые высказывания максимально стандартизованы. Степень стандартизации (конвенциональности) К.в. различна. Если оно употребляется часто, имеет индикаторы косвенности, т.е. лексико-грамматические средства, раскрывающие истинный коммуникативный смысл высказывания или сигнализирующие о нём, то оно обладает высокой степенью конвенциональности и не требует для правильного понимания адресатом дополнительных усилий, не затрудняет процесс общения. Наибо-

лее частотны вопросительные предложения как средство реализации косвенного побуждения в смягчённой форме, предписываемой речевым этикетом. Они часто сопровождаются отрицательной частью, модальным глаголом «мочь» в сослагательной форме, клише типа *Не могли бы Вы...?* и т.п. Нередко просьба, предостережение, совет завуалированы в тонком или грубовато-шутливом намёке (*У нас хватит хлеба на завтрак?; Ты не треснешь?; Идёшь на рекорд?*). Прикинуться не понимающим истинного смысла, напр., косвенно выраженной просьбы – способ пошутить. Из интервью с футболистом П. Погребняком: – *Ну, а вы бы не могли озвучить свою зарплату? – Могу, но не буду! (Смеётся.)* (АиФ. 2011. № 33). Радиослоган: – *Будешь барабанить по утрам? – Буду!* (Адресат делает вид, что не понял интенцию угрозы).

Окказиональные (контекстуально-ситуативные) К.в. служат лингвистической основой для шуток, розыгрышей, парадоксов, языковой игры, – средством придания диалогической речи нестандартности, живости, иронии, язвительности и т.п. Это хороший тест на чувство юмора и уровень интеллекта. Кроме того, это выражение речевой стратегии намёка, использование которой свидетельствует о наличии у говорящего развитого чувства языка – Языкового сознания (см.), филологического мышления и требует тех же свойств, той же повышенной коммуникативной компетенции и от партнёров по коммуникации, иначе произойдёт коммуникативный сбой.

Употребление К.в. в речи, с одной стороны, даёт возможность не обидеть собеседника. С другой стороны, оно может привести к реальному непониманию, обидам, ссорам, напр., в ситуации, когда собеседники недостаточно хорошо знают друг друга; в общении мужчины и женщины, т.к. мужчинам более свойственно использование прямых высказываний, а женщинам – косвенных. На этой почве возможны недоразумения, напр., женщина говорит: *Сегодня хорошая погода*. Мужчина отвечает, соглашаясь: *Да, хорошая* (женщина обижается, поскольку реальный смысл её высказывания: *давай выйдем погулять*, – остаётся неразгаданным). Напротив, женщина, используя К.в., активно ищет подтекст в прямом высказывании мужчины. Напр., мужчина говорит: *Сегодня хорошая погода*. Женщина (с обидой): *Опять на рыбалку собрался*. Поэтому полноценная культура речи предполагает различение прямых и К.в.

Лит.: Герасимова О.И. О типах значений косвенных высказываний // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: сб. науч. тр. Калинин, 1985; Герасимова О.И. Косвенные высказывания и проблема конвенционализации // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста: сб. науч. тр. Калинин, 1986; Дементьев В.В. «Капризы» и косвенные речевые акты // Риторика в современном образовании: тезисы докладов III междунар. конф. по риторике. М., 1999; Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2003; Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Маслова А.Ю. Специфика косвенного выражения побуждения // Филологические науки. 2007. № 6; Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М., 2010; Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Широких А.Ю. Косвенные высказывания в публицистическом стиле речи (на материале английского языка): АКД. М., 2007.

А.А. Бернацкая, А.А. Кузнецова

КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ. См. КОСВЕННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

КРАСНОРЕЧИЕ (калька с лат. eloquentia) – 1. Ораторский дар, талант, искусство слова, природная способность убедительно и красиво говорить и писать. 2. Искусство создания словесных произведений определённой сферы общения (К. политическое, судебное, торжественное, академическое, церковное, военное, дипломатическое, социально-бытовое).

Впервые слово «К.» встречается в сочинениях пророка Аввакума: «... не словес красных Бог слушает, ...но любви с прочими добродетельми хочет, того ради и я не бегу о красноречии» («Житие пророка Аввакума»). Инициатором ввода термина «К.» в русскую науку был М.В. Ломоносов, который в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) ясно различал риторiku и К.: «**Риторика есть наука** о всякой предложенной материи красно говорить и писать...» (1743), а «**красноречие есть искусство** о всякой данной материи красно говорить и тем других преклонять к своему об оной мнению» (1747). Таким образом, риторика – это «наука», «учение», правила, а К. – «искусство», уме-

ние говорить и писать. Вместе с тем, поскольку Ломоносов пишет о «правилах обоего красноречия: оратории и поэзии», то под К. понимается также совокупность текстов словесных произведений.

Это понимание К., восходящее к Цицерону, продолжается в риториках и теориях словесности конца XVIII – первой половины XIX веков – ср. у М.М. Сперанского: «...Обучать красноречию не можно, ибо не можно обучать иметь блистательное воображение и сильный ум. Но можно обучать, как пользоваться сим божественным даром... И вот то, что собственно называется риторикою». Риторика есть «средство усилить красноречие», даруемое природой (здесь и далее цитаты русских классиков риторики по книге [История русской риторики 2002]). Ср. у А.Ф. Мерзлякова: «**Риторика** включает в себе полную **теорию** красноречия. **Красноречие** ... есть **способность** выражать свои мысли и чувствования на письме или на словах правильно, ясно и сообразно с целию говорящего или пишущего. Древние под именем красноречия разумели единственно **искусство** оратора, а под именем риторики – **правила**, служащие к образованию оратора». Ёмко выражает сущность двух терминов Я.В. Толмачёв: «риторика есть та **наука**, которая содержит правила, руководствующие к красноречию и витийству», «наука красноречия».

Учитель Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанский называл К. и его разные области («гражданское К.», «политическое К.», «духовное К.») «ораторством». Поскольку «ораторство, витийство (ars oratoria) есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других», то «оратор действует на разум красноречием ума, силою доказательств, убеждений, движет страсти – красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души».

Для русской риторики характерно различие **истинного** и **ложного К.** Истинное К. состоит не в том, чтобы «блистать риторическими украшениями и выражать мысли необыкновенным образом, и чем темнее, тем, кажется им, глубокомысленнее...». Оно, по мысли Н.Ф. Кошанского, имеет три признака: «силу чувств, убедительность и желание общего блага. Первые два могут быть и в красноречии мнимом, последний существенно отличает истинное красноречие. Истинно красноречивым может назваться тот, кто соединил красноречие ума и сердца с красноречием добродетели».

Указанная выше семантическая разница между терминами «К.» и «риторика» как между природным дарованием и наукой, теорией ясно ощущалась ещё в начале XX в. Так, А.Ф. Кони писал: «Если под красноречием разуметь дар слова, волнующий и увлекающий слушателя красотой формы, яркостью образов и силою метких выражений, то для этого нужно иметь особую способность, частью прирождённую, частью же являющуюся результатом воспитательных влияний среды, примеров, чтения и собственных переживаний... Поэтому невозможно преподавать никаких советов, исполнение которых может сделать человека красноречивым. Иное дело уметь говорить публично, т.е. быть оратором. Это умение достигается выполнением ряда требований, лишь при наличии которых можно его достигнуть». Значит, К.– прирождённо, а стать оратором можно через изучение науки и выполнение некоторых риторических советов.

После критики риторики в середине XIX в. и выведения её из состава преподавания термин К. потерял свою определённую и в настоящее время употребляется в достаточно широком смысле, хотя и не выходит за рамки двух указанных выше значений. Чаще всего можно встретить обсуждение природы К. в книгах афоризмов, мудрых мыслей, крылатых выражений.

В современной научной литературе К. употребляется как термин для обозначения области ораторского искусства – ср. выделение Л.К. Граудиной до десяти родов и видов К. в русской риторике XIX в.: духовное (церковно-богословское), академическое, судебное, дискусивно-полемическое, дипломатическое, парламентское, митинговое, торговое (коммерческое), военное, социально-бытовое. Данная классификация обычно повторяется в современных пособиях, в сущности, являясь классификацией видов профессионального общения (см. [Русское красноречие 1997]), где собраны образцы публицистического, судебного, церковного и политического красноречия.

Тот факт, что термин К. продолжает оцениваться, в основном, как искусство речи, доказывается употреблением слова К. в классической научно-педагогической, философской и художественной литературе, причём более с оттенком научного популяризаторства, защиты искусства убедительного и яркого, выразительного и действенного слова. Ср.: *Красноречие, вероятно, наиболее редкий, равно как и самый изящный из всех талантов* (Л. Вовенарг); *Истинное красноречие – это умение сказать всё, что следует, и только то, что следует* (Ф. Ларошфуко); *Красноречие должно быть стремительно* (Н. Трюбле); *Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий* (М.М. Сперанский).

Лит.: Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002; Аннушкин В.И. Красноречие // Русская речь. 2005. № 4; Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. М.,

2003; **Античные риторики** / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978; **Граудина Л.К.** Русская риторика. М., 2001; **Граудина Л.К., Мисьякевич Г.И.** Теория и практика русского красноречия. М., 1989; **Ломоносов М.В.** Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений ППС. Т. VII, М., 1952; **Русское красноречие.** Хрестоматия и система заданий для учащихся старших классов общеобразовательных школ / сост. Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. Екатеринбург, 1997; **Цицерон Марк Фабий.** Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

В.И. Аннушкин

КРАТКОСТЬ РЕЧИ. СМ. ЛАКОНИЧНОСТЬ

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ (от исп. *criollo* < лат. *criare* – ‘порождать, выращивать’) – сложное текстовое целое, которое образовано вербальными (словесными) и невербальными (внесловными) элементами. Традиционный подход к тексту – как к продукту словесного творчества – рассматривает невербальные элементы (напр., изображение) как иллюстрации, добавления к основному содержанию. Креолизация текста происходит вследствие слияния разнородных средств выражения (передачи информации), выполняющих общую коммуникативную функцию. Говоря о двух таких средствах – вербальном и иконическом (от др.-греч. *εἰκόνη* – ‘образ, изображение’), – исследователи различают К.т. двух типов: с полной и частичной креолизацией [Анисимова 1996]. С этой точки зрения, реклама (плакат, карикатура, объявление и др.), научные и особенно научно-технические тексты, в которых само изображение (таблицы, формулы, схемы и пр.) выступает в качестве обязательного элемента текста, представляют собой первый тип. Ко второму типу относятся газетные, научно-популярные и художественные тексты: в них вербальная часть сравнительно автономна и образительные элементы текста оказываются факультативными [Валгина 2003]. Отметим, однако, что в современной прессе, с её полиграфическими возможностями и установкой на визуальную привлекательность, текстообразующая роль равно принадлежит вербальным и невербальным компонентам публикации: фотографии чаще всего выполняют не иллюстрирующую функцию, а выступают основной развёртывания самостоятельных смысловых блоков (иногда вступающих в противоречие с содержанием статьи).

В К.т. в синтезе выступают текстовая (вербальная) часть, которая, в свою очередь, благодаря письменной природе, всегда имеет определённую визуализацию (шрифт, размер, цвет), визуальная информация (фотографии, схемы, рисунки, видео различного характера и пр.), аудиоинформация (речь, музыка, шумы). Понятно, что в рамках одного текста могут быть реализованы не все компоненты: это зависит от конкретной коммуникативной задачи. Важно, однако, что такой текст выступает как единое визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, поскольку он нацелен на комплексное воздействие на адресата [Ворошилова 2006]. Разнообразие К.т. (полиграфические продукты любых типов и жанров, кинофильмы, видеоклипы, тексты теле- и радиовещания, рекламные сообщения всех видов) свидетельствует, что элементы, участвующие в их создании, гетерогенны – принадлежат к другим, нежели естественный язык, знаковым системам [Сорокин 1990], в силу чего понятия «креолизации текста» (т.е. своего рода добавления к словесной – ведущей – части) становится недостаточно. С развитием мультимедийной и интернет-коммуникации всё чаще стали использовать термин «**поликодовый текст**» (хотя само это понятие появилось ещё в середине 70-х гг. XX в.), акцентирующий внимание на равнозначности всех средств, способов выражения. Поликодовые тексты различаются по количеству взаимодействующих семиотических систем, использующих разнородный знаковый материал [Большакова 2008]. Так, напр., «в телевидении, кино, в рекламе возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков» [Барт 1989: 124]; в печатных СМИ воздействие формируется в т.ч. и за счёт размера шрифта и цветовой гаммы, за счёт различных приёмов вёрстки; в радиопередаче взаимодействуют, в частности, фоновые (напр., «отбивки» – музыкальные сигналы о смене рубрики) и содержательные (собственно речевые) аудиокомпоненты.

Лит.: **Анисимова Е.Е.** О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. 1996. № 5; **Барт Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989; **Бернацкая А.А.** К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000; **Большакова Л.С.** О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник СамГУ. 2008. № 4 (63); **Большакова Л.М.** Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержа-

тельный аспект языка. М., 1987; **Валгина Н.С.** Теория текста: учеб. пособие. М., 2003; **Ворошилова М.Б.** Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006; **Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.** Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

В.В. Васильева

КРИТЕРИИ НОРМАТИВНОСТИ. См. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

КРИТИКА ЯЗЫКА. См. ЯЗЫКОВАЯ КРИТИКА

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ – устойчивые сочетания слов, в которых мысль выражена в лаконичной, отточенной и выразительной форме. Напр.: *Человек создан для счастья, как птица для полёта* (В. Короленко).

В К.с. кристаллизуется многовековой опыт народа, посредством их накапливаются и передаются знания, фиксируются, взвешиваются и оцениваются исторические события и ситуации. Напр.: *Да, были люди в наше время* (М. Лермонтов).

К.с. или употребляются самостоятельно как речевой жанр, или используются в качестве вспомогательной фигуры речи в публицистических или художественных произведениях. Так, широко используются в публицистике и других стилях речи высказывания писателей, ставшие К.с., напр.: *Не хочу учиться, а хочу жениться* (Д. Фонвизин); *А впрочем, он дойдёт до степеней известных* (А. Грибоедов); *А счастье было так возможно, / Так близко!* (А. Пушкин). Из других жанров к К.с. ближе всего находятся поговорки, пословицы, басни и сказки: *А ларчик просто открывался* (И. Крылов); *Корень учения горек, а плоды его сладки* (Аристотель).

Народ отбирал из россыпей мыслей самое нужное, шлифовал их, запечатлевал в устной традиции и в книгах. Иные изречения прошлых времён и сегодня выразительны и актуальны. Напр.: *А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь* (И. Крылов); *Делу время – потехе час* (пословица); *А Васька слушает да ест* (И. Крылов).

Репертуар К.с. постоянно пополняется. Примером может служить всем известная фраза: *Хотели как лучше, а получилось как всегда* (В. Черномырдин).

К.с. глубоко входят в сознание, концентрируют мысль: мудрая человеческая мысль никогда не увядает.

Лит.: **Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.** Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1987; **Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В.** Учебный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2005; **Каменев К.В.** Крылатые единицы, восходящие к синтетическим жанрам искусства, в современном английском и русском языках: КД. Магнитогорск, 2012; **Михайлова С.Е.** Особенности понимания крылатых слов современными носителями языка: КД. Тверь, 2003; **Серов В.** Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003; **Шендцов В.В.** Словарь крылатых латинских выражений и слов. М., 2010.

Н.А. Сысоева

КУЛЬТУРА ВОПРОСА И ОТВЕТА. Наиболее типичной речевой структурой, где функционируют вопрос и ответ, является Диалог (см.). Владение механизмом В. и О. занимает существенное место в формировании и развитии речевой культуры языковой личности. Первичная функция В. направлена на получение и обмен информацией – актуальной, полной, достоверной. Умение так поставить В., чтобы на него был получен прямой и объективный ответ – настоящее искусство (ср. *Вы что-нибудь видели, слышали в момент кражи?* и *Что вы видели, слышали в момент кражи?*). Чтобы В. был понятен, следует учитывать языковую компетенцию собеседника. Задающему В. необходимо определить, какую содержательную информацию он хочет получить, но в любом случае следует избегать многословия, иноязычных слов и, уважая вопрошаемого, не использовать грубых, обидных выражений.

В современной лингвистике разработана общая концепция вопросительного предложения. Для выражения В. используются интонация, вопросительные частицы, местоименные вопросительные слова. Они оформляют вопросительное предложение в целом или выделяют слово, которое называет

предмет вопроса: *Вы командуете этим отрядом?*; *Этим ли отрядом вы командуете?* Задающий В. ожидает ответа, исключение составляет Риторический вопрос (см.), на который ответ не требуется: *Разве можно так поступать?*; *Это ли не решение всех проблем?*

В зависимости от желаемого О. существует несколько классификаций В. В первую очередь исследователи выделяют две основные группы В.: **открытые** и **закрытые**. В. первой группы (напр. *Чем Вам нравится Ваша работа?*) влекут за собой «свободные» О., не ограниченные формой и содержанием. В. второй группы (ср. *Вам нравится Ваша работа?*) – предполагают О.-подтверждение или О.-отрицание, не требуя объяснений и аргументации (о преимуществах и недостатках открытого В. см. подробнее [Аверьянов 1998]).

По своему семантическому наполнению В. может быть: уточняющим, развивающим, контрольным, переходным, косвенным, альтернативным, проективным и риторическим. Остановимся подробнее на некоторых типах В.

Уточняющий В. задаётся после неясного или двусмысленного ответа на основной В.: *Так ли я вас понял, что поезд уже ушёл?*; **Развивающий В.** стимулирует развитие диалога, в т.ч. за счёт выражения эмоциональных переживаний адресата, напр.: *Какие чувства вы испытали, встретившись после долгих лет разлуки?* **Контрольный В.** задаётся в случае неуверенной аргументации собеседника или если в О. есть противоречия: *Так всё-таки он придёт или нет?* **Переходный В.**, или «В-мост», «В.-переключатель» переводит разговор на другую тему, напр.: *В начале беседы вы упомянули, как сложно было найти средства для съемок этого фильма. Давайте подробнее, каков же бюджет картины?* Существуют также В., побуждающие собеседника к совершению действия: *Что же мы стоим?*; **«отвечающие» В.:** *Ты пойдёшь за водой?* – *Так кто же, если не я, пойдёт за водой?* и **подсказывающие (упреждающие) В.**, которые уже содержат ожидаемый ответ: *Что вы скажете об этом прекрасном фильме?* Социологи также выделяют **вспомогательные** и **подготовительные В.**, необходимые при составлении анкет.

По структуре В. может быть синтаксически самостоятельным предложением: *Показывал он вам новые материалы?*; предложением, входящим в состав сложного: *Наш порядок вам не нравится, это мы видим, чувствуем... а какой свой порядок вы придумали?*; бессоюзной вставной конструкцией: *А у нас подсолнух – видела? – два листочка раскрыл, а больше не может.*

О. должен строиться в соответствии с поставленным В., лишь в этом случае он расценивается как релевантный и выполняющий своё основное назначение – доставить либо уточнить информацию. Среди ответов принято различать: 1) истинные и ложные; 2) прямые и косвенные; 3) краткие и развёрнутые; 4) полные и неполные; 5) точные (определённые) и неточные (неопределённые). Прямым считается О., при конструировании которого не прибегают к дополнительным сведениям и рассуждениям, ср. ответы на В. *Является ли кит рыбой?* – *Нет, кит не является рыбой* и *Кит относится к млекопитающим животным*. Прямым и точным будет являться первый вариант ответа, второй – косвенным, т.к. из него получить нужную информацию можно только с помощью вывода. По грамматической форме О. могут быть краткими (односложные утвердительные или отрицательные: «да» или «нет») и развёрнутыми, в которых повторяются элементы В.

При вопрошании следует придерживаться речевого этикета. Для этого необходимо соблюсти главное условие – искренне уважать собеседника. Это уважение проявляется даже в манере задавать В., в использовании тех или иных слов и предложений. Не стоит бояться лишний раз повторить слово *пожалуйста*. *Скажите, пожалуйста, который час?* вместо *Сколько времени?* Вежливое обращение может выражаться в стиле вопроса, его формулировке, форме обращения: *Как, по Вашему мнению, можно оценить отношения руководителя к подчинённым в отделе, где Вы работаете?* Вариации вежливого обращения могут быть самыми разнообразными: *Как Вы считаете...?*, *Не можете ли Вы ответить на такой вопрос...?* и т.д.

Хорошие, полные О. зависят от удачного В., плохие же, т.е. несодержательные, – от слабого и непродуманного. Из всего многообразия ошибок, встречающихся в В., наиболее распространёнными являются логические и этические ошибки. К примеру, В. *Ты больше не пользуешься шпательками?* составлен с нарушением логики (закон достаточного основания) и неэтичен, т.к. подразумевает, при любом ответе, что адресат ранее пользовался ими. Таким софистическим приёмом пользовались ещё в древности. Нежелательны вопросы, ответы на которые могут быть двусмысленны: *Ты не хочешь пойти гулять?* Ответ «да» в данном случае может обозначать как «да, хочу», так и «да, не хочу». Следует избегать неэтичных В., затрагивающих личную сферу (возраст, семейное положение, уровень доходов и т.п.).

Лит.: Аверьянов Л.Я. Искусство задавать вопросы. М., 1998; Баева О.А. Ораторское искусство и деловое общение. Мн., 2001; Балаян А.Р. К проблеме функционально-стилистического изучения диалога // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1970. № 3; Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М., 1981; Войшвилло Е.К., Петрова Ю.А. Язык и логика вопросов: Логика и методология научного познания. М., 1974; Жабский М.И. Возможности, границы и техника опроса // Социологические исследования. 1984. № 3; Казаковская В.В. Выражение согласия/несогласия в диалоге взрослых – ребёнок (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005; Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник. М., 1999; Клигер С.А. Некоторые ошибки при опросах: Постановка вопросов в анкетах и опыт использования шкал // Социологические исследования. 1974. № 2; Мальханова И.А. Школа красноречия: интенсивный учебно-практический курс речевика-имиджмейкера. М., 2002; Моин В.Б. Форма вопроса, интерпретация ответа // Социологические исследования. 1987. № 5; Сергеев К.А., Соколов А.Н. О логике вопросов // Вопросы филологии и социологии. Вып. 1. Л., 1969.

Е.В. Кулик

КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТСКОЙ РЕЧИ – это один из основных разделов активно развивающегося с 20-х гг. XX в. направления отечественной филологии – культуры речи. В отличие от общей теории культуры речи, которая усилиями отечественных филологов смогла выйти на уровень научных обобщений, позволяющих поставить её наравне с традиционно выделяемыми разделами языкознания (лексикологией, грамматикой и др.), К.ж.р. пока находится в стадии накопления и осмысления практического материала. Её предпосылками были многочисленные обзоры языка и стиля центральных, региональных и местных средств массовой информации, активно проводившиеся в СССР в 60–80-е гг. XX в. профессиональными филологами. Кроме того, данная деятельность была важной частью постоянно действовавших по линии Союза журналистов семинаров и курсов повышения квалификации журналистских кадров.

К.ж.р. проявляется в трёх аспектах – **нормативном, коммуникативном и этическом.**

Нормативный аспект в первую очередь подразумевает соблюдение средствами массовой информации норм современного РЛЯ, одним из источников которых, в свою очередь, являются СМИ. Взаимодействие СМИ и языковой нормы опирается на сущностные качества текстов массовой коммуникации: а) **актуальность содержания**; б) **непрерывность влияния** на аудиторию (в отличие от литературно-художественного текста журналистский текст в полном смысле слова является гипертекстом, лишённым дискретности информационным потоком); в) **динамичность** в отражении окружающего мира (не случайно именно по отношению к текстам масс-медиа чаще всего употребляется термин «дискурс» как обозначение последовательности коммуникативных событий, отражающих взаимодействие разных субъектов в определённых социокультурных ситуациях посредством различного вида текстов); г) **диалогическая форма** общения.

Журналист должен не только квалифицированно владеть всей совокупностью норм современного РЛЯ, но и быть их вдумчивым проводником. Поэтому для творческих работников СМИ столь важным является умение ориентироваться в вариантах, определить границы допустимого, сознательно отказаться от часто встречающегося, но стилистически нежелательного речевого средства. Особую осторожность журналистам следует проявлять в употреблении сниженной, просторечной и жаргонной лексики.

Коммуникативный аспект К.ж.р. предполагает глубокое осознание автором общественной значимости своего творчества и умение применить разнообразные коммуникативные тактики (см. Коммуникативные стратегии и тактики) для эффективной реализации своего замысла. Творческому журналисту не следует забывать об общем принципе организации языка СМИ, в частности языка газеты, – принципе чередования экспрессии и стандарта, причём «постоянно меняется качественная и количественная характеристика чередований, варьируется набор самих средств, особенно привлекаемых экспрессией <...>»; «императивным становится непрерывное и интенсивное обновление средств выражения <...>» [Костомаров 1971: 250]. Особую опасность для журналиста представляют, с одной стороны, Речевые штампы (см.), с другой – чрезмерный субъективизм, отсутствие гармонии интересов участников коммуникации, когда автор сознательно отказывается говорить на том языке, который привычен аудитории. Нарушением К.ж.р. в коммуникативном аспекте является также неразличение жанровых стилей. Напр., неразличение словесного воплощения одного и того же содержания в печатных и электронных СМИ.

Этический аспект культуры речи в СМИ подразумевает следование одновременно как общечеловеческим нормам поведения, так и нормам профессиональным, т.е. имеет конвенциональный характер (см., напр., [Авраамов 1999]). Существует ряд нравственных императивов, нарушение которых свидетельствует о непрофессионализме журналиста. Это, напр., публикация непроверенных сведений, распространение информации о частной жизни человека без его согласия, подготовка заказных материалов и др. Сюда же относится нарушение лингвоэтических норм: вульгаризация речи, злоупотребление заимствованиями, жаргонизмами, инвективной и обценной лексикой [Сурикова 2007: 142], опошление высоких понятий. Без комментариев можно оставить заголовки: *Не сексом единым жив студент*, *Евангелие от лука* (о пользе лука), *Не думай о запоре свысока*, *Демократия – это не бордель*.

Таким образом, соблюдение языковых, коммуникативных и этических норм языка является проявлением К.ж.р.

Лит.: Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. М., 1999; **Актуальные проблемы культуры речи** / под ред. В.Г. Костомарова и Л.И. Скворцова. М., 1970; **Винокур Г.О.** Культура языка. М., 2010; **Головин Б.Н.** Основы культуры речи. М., 1988; **Граудина Л.К.** Вопросы нормализации языка. М., 1980; **Культура русской речи:** учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Культура русской речи и эффективность общения.** М., 1996; **Литературная норма и вариантность.** М., 1981; **Скворцов Л.И.** Теоретические основы культуры речи. М., 1980; **Солганик Г.Я.** Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3; **Сурикова Т.И.** Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007.

В.В. Славкин

КУЛЬТУРА РЕЧИ – 1. Область языкознания, занимающаяся проблемами нормализации речи, т.е. формулированием норм литературного языка и их фиксацией и описанием в специальной литературе: грамматиках, словарях, справочниках, учебниках и т.п. (см. Кодификация). 2. Владение нормами литературного языка в их соотносённости с его системой и структурой, т.е. собственно языковыми нормами (уровневыми, или формационными нормами). 3. Совокупное владение собственно языковыми, коммуникативными (лингво-прагматическими) и этико-речевыми нормами, что позволяет «в определённой ситуации и при соблюдении этики общения обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных задач коммуникации» [Ширяев 2003: 287]. Такое широкое понимание К.р. (см. [Культура русской речи... 1996; Культура русской речи 1998]) сближает понятие К.р. с более широким понятием культуры общения и учитывает идеи и рекомендации психологии общения и риторики. По мысли авторов данной концепции, владение языковыми нормами – орфоэпическими, словообразовательными, лексическими, морфологическими, синтаксическими – предполагает знание их вариантов, как признаваемых правильными, так и ошибочных. Коммуникативный аспект К.р. предполагает знание функционально-стилевой и жанровой дифференциации языка, учёт прагматических условий общения – коммуникативной ситуации, канала общения, специфики адресата и пр. Существенным элементом этого аспекта К.р. является соблюдение так называемых Коммуникативных качеств речи (см.) и лингвопрагматических постулатов (см. Коммуникативные постулаты). Этический компонент К.р. требует соблюдения правил речевого поведения, в частности, этико-речевых максим и правил речевого этикета (см. Этико-речевая компетенция).

Такое понимание К.р. в идеале содержательно должно быть ориентировано на полнофункциональный (элитарный) тип речевой культуры (см. Типы речевой культуры).

Лит.: **Винокур Г.О.** Культура языка. М., 2010; **Головин Б.Н.** Основы культуры речи: учебник. М., 1988; **Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р.** Русский язык и культура речи: учебник. М., 2004; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Культура русской речи:** учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Культура русской речи и эффективность общения.** М., 1996; **Русская речевая культура.** Учебный словарь-справочник. СПб., 2006; **Сковородников А.П.** Об элитарном (полнофункциональном) типе речевой культуры и культуре речи // Мир русского слова. 2008. № 2; **Хорошая речь:** сб. ст. Саратов, 2001.

А.П. Сковородников

КУЛЬТУРА СЛУШАНИЯ (АУДИРОВАНИЯ) предполагает умение слушать (физически воспринимать звучащее слово) и слышать собеседника (сосредоточиться на том, что говорится; осмыслить звучащий текст). Установка на смысловое восприятие определяется ситуацией общения, целями и задачами той деятельности, в рамках которой осуществляется слушание. К.с. служит взаимопониманию коммуникантов.

Слушание – рецептивный вид речевой деятельности, направленный на смысловое восприятие звучащих текстов. Результатом слушания, т.е. смысловой обработки воспринятого текста, является понимание услышанного [Тумина 2005]. К.с. предполагает стремление понимать истинное намерение говорящего, воспринимать новое, предупреждать конфликты и преодолевать барьеры общения, освободиться от привычки перебивать других; повышать эффективность своей речевой деятельности.

Умения активного, результативного слушания, как и умения выразительной устной речи (говoreния), грамотного письма, следует формировать и развивать. Так, каждый раз в процессе слушания желательно анализировать собственное психическое состояние и мыслительную деятельность; ставить перед собой цель: получить всю необходимую информацию от партнёра; использовать речевые поддержки (типа *да-да, конечно, хорошо, интересно* и др.); перефразировать и резюмировать основные идеи, высказанные собеседником (*Итак, если я верно Вас понял, Вы высказали предположение, что...*) и др.

Для успешного аудирования важна психологическая установка слушающего, исключаящую какую-л. предвзятость к говорящему или содержанию его речи.

Лит.: Алексеев А.А., Громова Л.А. Поймите меня правильно, или Книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми. СПб., 1993; Атватер И. Я вас слушаю... Советы руководителю, как правильно слушать собеседника. М., 1988; Беркли-Алне М. Забытое искусство слушать. СПб., 1997; Парыгин Б.Д. Анатомия общения: учеб. пособие. СПб., 1999; Тумина Л.Е. Слышать, слушать, понимать // Педагогическая риторика: учеб. пособие / под ред Н.А. Ипполитовой. М., 2001; Тумина Л.Е. Слушание (аудирование) // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; Тумина Л.Е. Эмпатическое слушание // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник. М., 2005; Эган Д. Слушание: неперемное условие поддерживающего поведения // Межличностное общение. СПб., 2001.

А.А. Кузнецова

КУЛЬТУРА ТЕРМИНА – соответствие общенаучного (общетехнического) или отраслевого термина критериям норм научно-технического стиля. Термин в современном понимании – это лексическая единица определённого языка для специальных целей – функционального языка, являющегося разновидностью какого-л. этнического языка, обозначающая общее – абстрактное или конкретное – понятие теории, описывающей ту или иную специальную область знаний и/или деятельности. Термин по своим лингвистическим признакам представляет собой лексическую единицу литературного языка, но может обладать некоторыми специфическими формальными (напр., форм числа: *сахара* – технический термин) или семантическими признаками (*звездочёт* как название вида рыб – научный термин; *совещание в верхах* – журналистский термин, политическая метафора). Высокий уровень качества термина достигается в результате сознательной лингвистической, логической и когнитивной деятельности.

К.т. зависит, прежде всего, от типа термина: общенаучные (общетехнические), отраслевые, включающие научные (физика, химия, лингвистика, логика и др.), экономические, общественно-политические, технические, технологические, научно-технологические (напр., термины компьютерные, в т.ч. Интернета, мобильной связи), термины рекламы, деловые термины, бытовые термины, термины СМИ, журналистские термины. Терминологическое редактирование включает, во-первых, **логические** операции – выявление сущности термина путём приписывания ему дефиниции, зависящей от выбранной теории; обеспечение языковой и логической системности термина, входящего в определённую терминологию (совокупность терминов определённой области, без чего лексическая единица не может существовать как термин), обеспечение максимума информативности (терминологичности) термина; полноту охвата совокупностью терминов системы специальных понятий, относящихся к данной отрасли, отсутствие пересечений значений терминов и включений одних в другие. Логическая точность термина, достигаемая в ходе этих логических операций, означает, что в его ло-

гической структуре содержится обозначение стольких признаков понятия (в рамках выбранной теории), сколько оптимально необходимо для отличия соответствующего термина от смежных, выше- и нижележащих (*сухарь щековой дробилки, мартеновская сталь*).

Во-вторых, терминологическое редактирование включает **языковые** операции над терминами: максимальное уменьшение многозначности терминов; при этом обеспечение полной однозначности («один термин – одно понятие») практически недостижимо, и так называемые требования к термину, сформулированные Д.С. Лотте в 30-е гг. XX в. и включающие данное требование, отвергнуты наукой; обеспечение оптимальной длины термина с учётом того, что требование «термин должен быть максимально кратким» устарело. Краткость (оптимальная длина) термина достигается путём исключения из первоначальной единицы (предтермина) обозначения малосущественных признаков понятия или путём создания аббревиатур. Термины могут быть полностью мотивированными, включающими максимум дифференциальных признаков обозначаемого понятия, немотивированными, частично мотивированными и даже ложномотивированными (напр. традиционно закрепившиеся термины *падеж* в лингвистике, *атом* в физике).

Термин как лексическая единица большей частью относится к литературной нормативной лексике. Отдельные новые неустоявшиеся единицы могут относиться к разговорной лексике и даже к профессиональным жаргонам. В одних случаях такие предтермины заменяются впоследствии литературными лексическими единицами (*падучая > эпилепсия*). В других случаях предтермины переходят в состав терминологии как полноценные термины (англ. *hacker > хакер*). Вопреки распространённому мнению, синонимия распространена в сфере терминов, причём здесь наблюдаются не только абсолютные синонимы-дубликаты, но и частичные синонимы, зависящие от неточного деления отрасли и от различия теорий, описывающих одну и ту же отрасль (*убежище* и *укрытие* в военном деле). Кроме того, синонимия (семантическая вариантность) постоянно возникает в сфере терминологии в связи с одновременным использованием национальных и заимствованных, в т.ч. интернациональных терминов. Лингвистическая К.т. в этом плане определяется действием противоположных друг другу тенденций глобализации и этнизации знания. В непрерывном потоке фиксации знания специальные понятия вначале получают единое языковое выражение, чаще всего английское, а затем находят национально-языковое воплощение, если в этом имеется социальная потребность.

В-третьих, обеспечение К.т. включает собственно **терминологические** операции. Прежде всего, термин должен стать полноценным членом совокупности (последовательно складывающейся терминологии или сознательно конструируемой терминологической системы, терминосистемы). Для этого термин должен приобрести признаки оптимальной языковой и логической структуры, состоять из необходимого для данной отрасли знания и/или деятельности количества терминосистемных элементов (морфем или даже слов в случае многословного термина: *три-нитро-толу-ол, ядерная энергия, глубина патентного фонда*). При полноте теории складывается или конструируется терминосистема; при неполноте или незавершённости теории формируется неполная терминология, каждым из элементов которой выступает предтермин или терминоид – лексическая единица, не отвечающая критериям термина и потому не обладающая в полной мере признаками К.т., напр.: *железо – хардвер – аппаратная часть компьютера* (область компьютерной техники). Терминологическая К.т. предполагает также уважительное, этически выдержанное отношение к потребителю информации, а именно: раскрытие значения термина при первом его употреблении в тексте.

Итак, признаками культуры отдельно взятого термина являются следующие: 1) главный признак – соответствие лингвистическим, логическим и собственно терминологическим нормам научно-технического стиля; 2) достижение структуры и длины, оптимальных для данного этнического языка и соответствующего языка для специальных целей [Лейчик 1981]; 3) соответствие термина общелитературным нормам данного этнического языка (неиспользование элементов разговорного стиля, просторечия, жаргонизмов, в т.ч. профессиональных, если эти элементы не перешли в категорию терминов: жаргонизм *термояд* – термин *термоядерная энергия*; жаргонизм *болталка* – термин Интернета *чат*); 4) соблюдение этических норм, в частности, разъяснение впервые упоминаемых терминов, в т.ч. аббревиатур.

Лит.: Гринёв С.В. Введение в терминоведение. М., 1993; Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии // Вопросы языкознания. 1981. № 1; Квитко И.С. Термин в научном документе. Львов, 1976; Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г. Терминоведческие проблемы редактирования. Львов, 1986; Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; Лейчик В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. 1981. № 2; Лейчик В.М. Обучение

КУЛЬТУРА УПОТРЕБЛЕНИЯ АББРЕВИАТУР – это умение «с чувством соразмерности и сообразности» (А.С. Пушкин) использовать аббревиатуры в своей речи.

Термин «А.» восходит к итал. *abbreviatura* ('сокращение') и называет слова, образованные сокращением словосочетания. Сокращением по начальным буквам образуются А. **инициального типа**, которые имеют разное прочтение: 1) в соответствии с алфавитным названием – алфавитный тип: *МГУ* (эм-гэ-у) – Московский государственный университет; 2) по начальным звукам – фонетический тип: *МКАД* (мкад) – Московская кольцевая автомобильная дорога; 3) комбинация того и другого – звуко-буквенный тип: *ЦСКА* (цэ-эс-ка) – Центральный спортивный клуб армии и др.

К А. относят также слова, образованные разными формами сложения и сокращения (сложносокращённые слова): 1) сложением начальных элементов наиболее значимых компонентов словосочетания *Минсельхоз* – Министерство сельского хозяйства; *Минфин* – министерство финансов; 2) сложением начальной части первого слова и целого слова: *Мосгорсовет* – Московский городской совет; *оргработа*, *Госдума*, *госстандарт*, *Роснефть*, *студгородок*; 3) сложением начальной части первого слова с началом и концом второго: *эсминец* – эскадренный миноносец; *военкомат* – военный комиссариат; 4) сложением начальной части слова и начальных букв: *КраЗ* – Красноярский алюминиевый завод; 5) сложением начальной части слова с существительным в форме косвенного падежа: *завкафедрой*; 6) сложением начальных частей слов с помощью соединительной гласной: *Центробанк*, *Сургутнефтегаз*;

Иногда в процессе создания А. (аббревиации) возникают не совсем корректные явления. К ним относятся: 1) омонимия А., которая может создавать коммуникативные помехи, не устраняемые иногда даже контекстом: *ОПК* [о-пэ-ка] – «Основы православной культуры» и «Оборонно-промышленный комплекс»; *КВЦ* [ка-вэ-цэ] – «Координационно-вычислительный центр» и «Корпус вспомогательных цехов»; 2) неблагозвучные А., вызывающие ассоциации с нецензурными словами русского или английского языка: *ФАКК* (Федеральное агентство по культуре и кинематографии); *МУДО* – Муниципальное учреждение дополнительного образования; *МУДК* – Муниципальное учреждение дома культуры. В их числе – *ЕБН* (Ельцин Борис Николаевич), которая не однажды представлена в материалах Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru): *Вот такая, как говорил ЕБН, загогулина получается; За ЕБН стояла группа олигархов, совершивших гигантский «хапок».*

Использование А. в постсоветский период обрело форму стихийного бедствия: внедряются не только собственно русские, но и малопонятные или не понятные даже в пределах контекста иноязычные А.: *CEO, CIO, CFO, COO, CISO* и др.

Следует отметить явление народной этимологии А., которая свидетельствует об их жизненности, несмотря на все отрицательные моменты их существования в языке: *ЖКХ* (Жилищно-коммунальный комплекс) – «Живи Как Хочешь»; *ГИБДД* (Государственная инспекция безопасности дорожного движения) – «Гони инспектору бабки и дуй дальше»; «*БИЧ*» (от англ. сущ. *beach* – 'берег') – моряк, который не получил работу на судне и остался на берегу без дела – интерпретируется как «Бывший интеллигентный человек».

Помимо этого следует отметить, что А. «бомж», называющая человека «без определенного места жительства», и «бич» (бывший интеллигентный человек) потеряли признаки А. и употребляются как обычные лексические единицы: имеют парадигму склонения, форму множественного числа. Национальный корпус русского языка приводит около 400 контекстов неаббревиатурного употребления слова *бомж* и несколько меньше слова *бич*: *По сравнению с её предыдущими «клиентами» он был просто уличный бомж; Оказалось, «Соловьёв» – обычный урус-мартановский пьяница, бич и бомжик Витёк Соколов* и др.

Одним из первых словарей А. стал «Словарь вошедших в обиход сокращённых названий» (Владивосток: Издатель Н.Н. Серокузов, 1924. 58 с.). Наиболее известным собранием А. является «Словарь сокращений русского языка» (Д.И. Алексеев, И.Г. Гозман, Г.В. Сахаров. М., 1963). Его 4-е издание включает 17 700 сокращений. Наиболее полным из всех словарей подобного типа в настоящее время считается «Новый словарь сокращений русского языка» под ред. Е.Г. Коваленко (М.,

1995), который включает толкование около 32 000 А. и других сокращений. Самый последний словарь сокращений под ред. И.В. Фаградянца (М., 2000), являющийся дополнением к словарю под ред. Е.Г. Коваленко, содержит около 10 000 новых сокращений.

Создание и использование А. – часть культуры, и следует помнить, что их эстетический облик и разумное употребление является немаловажным моментом успешной коммуникации.

Лит.: Бирюкова Е.А. Функционирование аббревиатур в современной речи: КД. М., 2007; **Виноградов С.И.** О социальном аспекте лексической нормы (общественная оценка аббревиации и аббревиатур в 20-х – начале 30-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983; **Национальный корпус русского языка.**

Т.М. Григорьева

КУЛЬТУ́РНО-РЕЧЕВА́Я КОМПЕТЕ́НЦИЯ – это совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективное речевое общение во всех основных сферах человеческой деятельности. В таком понимании К.-р.к. сближается с понятием коммуникативной компетенции в широком смысле – как с культурой общения. Так, К.Ф. Седов под коммуникативной компетенцией понимает «...способность личности осуществлять эффективную речевую деятельность и эффективное речевое поведение, которые соответствуют нормам социального взаимодействия, присущим конкретному этносу» [Седов 2010: 184]. Высокий уровень К.-р.к. характерен для носителей полнофункционального (элитарного) типа речевой культуры (см. Типы речевой культуры).

Основными базовыми для К.-р.к. являются Языковая компетенция (см.), Коммуникативно-речевая компетенция (см.) и Этико-речевая компетенция (см.), выделенные на основе концепции культуры речи, разработанной в Институте русского языка РАН им. В.В. Виноградова [Культура русской речи...1996; Культура русской речи 1998; Культура русской речи... 2003 и др.] и коррелирующие с соответствующими типами норм (см. Языковая норма, Коммуникативно-речевая норма и Этико-речевая норма). Т.е. **культурно-речевая норма** является обобщающим понятием применительно к указанным выше нормам. В составе К.-р.к. выделяем также Общелингвистическую компетенцию (см.), играющую важную, хотя и вспомогательную роль в овладении названными основными базовыми компетенциями. Каждая базовая компетенция состоит из набора субкомпетенций, отражающих её содержание.

Разработка теории культуры речи на компетентностной основе ведётся в рамках не только лингвистики, но и других гуманитарных дисциплин, в результате чего списки компетенций пополняются, в частности, такими компетенциями, как: лингвистическая (языковедческая), культуроведческая [Русская речевая культура 2006: 49–50; Обучение русскому языку... 2004: 22], риторическая [Качалова 2009] и др. Поэтому перечень компетенций нельзя считать закрытым.

Формирование К.-р.к. на всех этапах обучения имеет существенное значение для гармонизации отношений в обществе и государстве.

Лит.: Качалова Л.П. Педагогическая технология формирования риторической компетенции будущего учителя // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3 (67); **Культура русской речи и эффективность общения.** М., 1996; **Культура русской речи:** учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Русская речевая культура:** учебный словарь-справочник. СПб., 2006; **Обучение русскому языку в школе:** учеб. пособие / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос и др. М., 2004; **Седов К.Ф.** Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов, 2010; **Сковородников А.П., Копнина Г.А.** Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал СФУ. Сер. Гуманитарные науки. Спецвыпуск «Культура речевого общения». 2009. № 2; **Сковородников А.П., Копнина Г.А.** О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Филологические науки. 2009. № 3.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

КУЛЬТУ́РНО-РЕЧЕВА́Я НОРМА. См. **КУЛЬТУ́РНО-РЕЧЕВА́Я КОМПЕТЕ́НЦИЯ**

ЛАКОНИЧНОСТЬ РЕЧИ, или **КРАТКОСТЬ РЕЧИ**, – одно из коммуникативных качеств речи, состоящее в сжатости, немногословности изложения мыслей. Для того чтобы излагать кратко, необходимо отделять главное от второстепенного и убирать из текста лишние, с информационной точки зрения, слова. Однако надо помнить, что Л.р. не всегда является стилистическим благом. Ради точности выражения мысли (прежде всего в деловых текстах) и её экспрессивности (прежде всего в художественных текстах) приходится иногда жертвовать Л.р.

Корень слова произошёл от названия Лаконии – региона Древней Греции, в котором находится город Спарта. «Когда беседуешь со спартанцем, он может неожиданно поразить простотой суждений», предупреждал философ Сократ своих земляков. Существует легенда, что когда Филипп II Македонский (отец Александра) подошёл к стенам Спарты, он направил спартамцам послание, в котором говорилось: «Я покорил всю Грецию, у меня самое лучшее в мире войско. Сдавайтесь, потому что если я захвачу Спарту силой, если я сломаю её ворота, если я пробью таранами её стены, то беспощадно уничтожу всё население и сравню город с землёй!». На что спартамцы/лаконийцы отправили предельно короткий ответ: «Если». И Филипп II и впоследствии его сын Александр Македонский обходили Спарту стороной в своих походах.

Итак, Л.р. предполагает чёткость изложения и выражается в умении передать мысль наименьшим количеством слов, не потеряв ничего из её содержания. Нарушение Л.р. ведёт к неоправданному многословию (см. Плеоназм).

Лит.: Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008; Черемисина Н.А. Точность и лаконичность речи как важные коммуникативные качества речи младших школьников // Аспирантский вестник Рязанского гос. ун-та имени С.А. Есенина. 2006. № 7.

Н.А. Володько

ЛАМЕНТАЦИЯ. См. ЖАЛОБА

ЛАТИНИЗМЫ – заимствования из латинского языка. Представлены в лексике и фразеологии литературных языков многих стран, что объясняется территориальной распространённостью и высоким статусом латинского языка в Древнем мире, Средневековье и в Эпоху Возрождения, а также особой исторической ролью этого классического языка в культурной жизни европейских стран, в становлении терминологий наук, искусств, ремёсел и важнейших сфер социальной жизни. В систему русского языка Л. проникали главным образом напрямую, в результате переводческой деятельности отечественных авторов (*плюс, минус, аудитория* и мн. др.), а также через посредство других языков (прежде всего – западноевропейских и польского). Так, через немецкий были заимствованы лексемы латинского происхождения *декан, ректор, диалект, капитуляция* и мн. др., через французский – *калория, консервы, педаль, пенсия, фестиваль* и т.д., через итальянский – *квартет, дилетант, колонна* и т.д. Через польский были усвоены *календарь, колония, школа* и др. Среди Л. русского языка выделяются также словообразовательные, семантические и фразеологические кальки (*насекомое* < лат. *insectum, in (на) + sec (-сек-) + t (-ом-) + um (-ое)*), *образ жизни* < *'modus vivendi'*). Особые группы Л. составляют антропонимы латинского происхождения (*Валерий* – от лат. 'быть сильным, здоровым', *Виктор* – 'победитель', *Константин* – 'стойкий, постоянный', *Иоланта* – букв. 'фиалка'; *Наталия* – 'родная' и т.д.), космонимы, образованные от имён античных божеств (*Меркурий, Марс, Юпитер, Сатурн, Нептун*), а также заимствованные античные образы и устойчивые сочетания (*троянский конь, дамоклов меч* и т.п.).

Л. в настоящее время входят как в разряд общеупотребительной лексики (*градус, комната, металл, луна, пенсия, роза, январь, февраль, март, фигура* и мн. др.), так и в разряд книжной, отражающей особенности духовной и материальной культуры (*комментарий, эффект, орнамент, юстиция, композиция, квартет* и мн. др.). Они называют важнейшие понятия политической и экономической жизни (*республика, конституция, фирма, капитал, дивиденды* и мн. др.), составляют основу номенклатурных наименований растений, животных, болезней, многих горных пород. Большая часть Л. в русском языке относится к лексически освоенным словам и Интернационализмам (см.). Среди неосвоенных – иноязычные вкрапления типа *ab ovo* – 'с самого начала', *ergo* – 'следовательно', *vale* – 'будь здоров, прощай', *volens nolens* – 'волей-неволей' и т.п., а также устойчивые латинские выраже-

ния *Audi, vide, sile* – ‘слушай, смотри и молчи’; *cogito ergo sum* – ‘я мыслю, значит я существую’ и под.

От Л. следует отличать термины, образованные из латинских терминологических элементов в различных языках, в т.ч. и в современном русском. В современном терминологическом образовании активно участвуют такие словообразовательные форманты латинского языка, как *де-*, *контр-*, *транс-*, *ультра-*, *интер-*, *-изм*, *-ист*, *-ор*, *-тор* и др.

Лит.: Алексеева М.П. О терминологическом образовании латинизмов в русском научном языке XVIII века // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1971; Арапова Н.С. Кальки в русском языке постпетровского времени. Опыт словаря. М., 2000; Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 25000 единиц. М., 2003; Белов А.М. *Ars grammatica*: книга о латинском языке. М., 2007; Воробьев Ю.К. Латинский язык как феномен культуры в духовном образовании России XVIII века // Динамика состояний социума. Саранск, 1999. Ч. 1; Воронков А.И., Поняева Л.П., Попова Л.М. Латинское наследие в русском языке: словарь-справочник. М., 2002; Им Чынг Су. Становление терминологической лексики русского языка. М., 1995; История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М., 1981; Комарова З.И., Хасаншина Г.В. Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом языке. Екатеринбург, 2009; Леонтьева Г.Ю. Латинизмы в культуре русской речи // Речевое общение. Вып. 12 (20). Красноярск, 2011; Паныкин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: Краткий словарь. М., 2011.

О.В. Фельде

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ – знание словарей разных типов, понимание их роли в формировании и совершенствовании общей и речевой культуры, а также умение использовать словарные материалы в практической деятельности. Никакие другие жанры письменности не могут соперничать со словарями и справочниками по охвату, упорядоченности и практической пользе содержащейся в них информации. Словари помогают ориентироваться в пространстве культуры при решении проблем познавательного, мировоззренческого, жизненного характера.

В современном мире существует множество словарей. Их систематизацией и описанием в разные годы занимались такие известные учёные, как А.Н. Баранов, А.С. Герд, С.В. Гринёв-Гриневич, Л.П. Крысин, Н.А. Лукьянова, Л.В. Щерба и др. Научная типология словарей русского языка облегчает поиск нужной лексикографической информации (см. Словари современного русского языка).

1. **По объекту и способам лексикографического описания** все словари подразделяются на Лингвистические и энциклопедические (см.). Промежуточное положение между ними занимают Терминологические словари (см.), словари имён собственных (ономастиконы), словари эпонимов (слов, которые мотивированы именами собственными), а также словари, в которых лексика национального языка описывается в контексте культуры (культурологические словари, напр., «Словарь православной церковной культуры» Г.Н. Складневской, 2000). В ономастиконах и культурологических словарях, как правило, сочетаются приёмы энциклопедического и семантического описания лексических единиц, причём энциклопедический способ может преобладать.

2. **По назначению** словари подразделяются на справочные, Учебные (см.), а также на словари, отражающие функционирование языковых средств в письменных и устных текстах. Справочная функция словарей ярко выражена в таких лексикографических изданиях, как «Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник» под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева (М., 2003) и т.п. Важнейшей функцией справочных словарей является также фиксация определённых языковых норм (см. Словари правильности русской речи и трудностей русского языка, Словари ударений, Ортологические словари, Орфографические словари, Орфоэпические словари). Словари, отражающие функционирование языковых средств, В.В. Дубичинский подразделяет на «функционально-языковые» и «функционально-образные» [Дубичинский 2009: 71]. К группе функционально-языковых словарей исследователь относит словари сочетаемости слов, словари глагольного управления и т.п. Сюда же можно отнести и «Толковый словарь русского речевого этикета» А.Г. Балакая (М., 2004), который включает не только литературные этикетные слова и выражения, но и этикетные средства других пластов русского национального языка: народных говоров, городского просторечия, социолектов. К функционально-образным словарям относятся все разновидности фразеологических словарей, Словари крылатых слов и выражений (см.), словари эпитетов, метафор и других выразительных средств языка (см. Словари выразительных средств языка, Словари афоризмов, Словари пословиц и поговорок, Словари сравнений). Умелое использование содержащейся в

данных словарях информации может существенно повысить эффективность речи, усилить её воздействующий эффект.

3. **По количеству описываемых языков** словари (лингвистические) подразделяются на одноязычные, двуязычные и многоязычные (переводные). Переводные словари следует отличать от разговорников, в которых даны иноязычные слова и выражения повседневно-бытовой тематики с переводом на родной язык и указанием на особенности произношения.

4. **По количественному составу словника и объёму лексикографической информации** словари подразделяются на большие, малые и краткие. Напр., первое издание семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» (1950 – 1965) включает толкование 131257 слов. «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (СПб., 2001) фиксирует 25 000 ненормативных слов и 7000 устойчивых словосочетаний. «Малый толковый словарь русского языка» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной (М., 1990) включает около 35000 наиболее употребительных слов и 70 000 словосочетаний. По мнению Н.А. Лукьяновой, в отдельную группу следует выделять «средние» и «краткие» словари, напр.: «Краткий словарь эпитетов русского языка» Н.В. Ведерникова (Л., 1975), «Краткий словарь иностранных слов» (сост. Т.Г. Музрукова и И.В. Нечаева. М., 1995), «Краткий фразеологический словарь русского языка» (сост. Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. 2-е изд. СПб., 1994) и др. [Лукьянова 1996: 95].

5. **По порядку расположения объекта описания** выделяются такие словари, как: прямые (т.е. расположенные по алфавиту начальных букв в заголовочных словах) и обратные, или инверсионные (по алфавиту конечных букв), а также тематические и перекрёстные словари. Примером перекрёстного словаря является новая версия перекрёстного многоязычного словаря Антона Антонова, который позволяет получать переводы русских и иностранных слов в четырёх вариантах: 1. Перевод русского слова на другие языки. 2. Перевод иноязычного слова на русский с сортировкой по языкам. 3. Русско-иностранный словарь одного языка. 4. Иностранно-русский словарь одного языка (Многоязычный словарь Антона Антонова. URL: www.czudovo.ru). По способам расположения информации в словарной статье различают алфавитные (их большинство), алфавитно-гнездовые, гнездовые словари, корнесловы. В гнездовых словарях в одной словарной статье должны быть собраны все однокоренные слова.

6. **По принадлежности объекта описания к тому или иному уровню (ярусу) языка или к отдельным фрагментам системы языка** выделяют лексические словари, в которых объектом лексикографирования является слово или устойчивое словосочетание с номинативной функцией; словари морфем, фиксирующие единицы морфологического уровня языка; словообразовательные и грамматические словари, в которых объектом словарной фиксации являются производящие и производные слова, аббревиатуры, грамматические формы; Фразеологические словари (см.). Наибольшим разнообразием жанров отличаются лексические словари. Одна из функций таких словарей – описание различных сторон языковой системы (системные словари). Системные словари, к которым относятся многочисленные идеографические словари, а также Словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов (см.) и др., фиксируют единицы языка в их системных связях и отношениях. **По конкретизации объекта описания** лексические словари подразделяются на Словари новых слов (см.), Словари устаревших слов (см.), Словари иностранных слов (см.), словари эвфемизмов (включают эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными), топонимические словари (описывают географические наименования), антропонимические словари (фиксируют и объясняют имена, прозвища, фамилии людей) и мн. др.

7. **По наличию – отсутствию дефиниции** (толкования значения языковой единицы) различают Толковые (см.) – нетолковые словари. В толковых (объяснительных) словарях даётся описание не только семантики, но и акцентологических, грамматических, функциональных, прагматических, стилистических признаков языковой единицы или ряда единиц. Примерами словарей, сочетающих множество параметров, являются «Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики» И.А. Мельчука, А.К. Жолковского, Ю.Д. Апресяна и др. (Wien, 1984). «Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: Предлоги, союзы, частицы, междометия, глаголы: Около 1.2 тыс. единиц» под ред. В.В. Морковкина (М., 2002). Толковые словари по **источнику фактологической базы** подразделяются на толковые словари литературного языка (напр., «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), диалектные толковые («Словарь говоров Прибайкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой), промысловые толковые (напр., «Словарь золотого промысла Российской империи»

О.В. Борхвальдт), толковые словари живой современной речи («Словарь современного русского города» под ред. Б.И. Осипова), исторические толковые («Словарь русского языка XI–XVII вв.»). К особым разновидностям толковых исторических словарей относятся историко-этимологические словари, в которых совмещаются принципы исторического и этимологического словарей, напр., «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных (М., 1993). Во многих словарях толкования значения слова не приводятся. Так, напр., нет указания на лексическое значение в Орфоэпических, Орфографических, Ассоциативных словарях (см.), поскольку у них другие задачи.

8. **По хронологическому признаку** словари подразделяются на синхронные («Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия») и диахронные, или исторические («Словарь русского языка XI–XVII вв.»). Исторический словарь, описывающий языковые единицы определённого временного отрезка, является синхронным с точки зрения состояния языка данного времени. Напр., «Словарь русского языка XVIII века» является синхронным по отношению к языку XVIII столетия. Особую группу исторических словарей составляют этимологические словари и словари лексики одного письменного памятника. Примером последнего жанра является «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» (Т.1-4. Л., 1965–1973).

9. **В зависимости от отношения к норме литературного языка** все лингвистические словари подразделяются на нормативные и ненормативные (инвентаризационные). К последним относятся Диалектные словари (см.), словари живой народно-разговорной речи и просторечия (напр., «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика, 2004 и т.п.), а также Словари жаргонов (см.). Среди нормативных словарей, отражающих особенности литературного языка, преобладают Толковые словари (см.) и системные словари (напр., «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998-2007), а также некоторые идиолектные словари, в которых отражаются особенности индивидуального языка творческих личностей (см. Словари языка писателей).

В последние годы к традиционным печатным лексикографическим изданиям прибавились их электронные версии и онлайн-словари, которые размещены на специальных сайтах: «Словари Ру» (URL: slovari.ru), «Словари и энциклопедии на Академике» (URL: <http://books.academic.ru/>), «Яндекс. Словари» (URL: slovari.yandex.ru), «Онлайн-словари. Библиотека словарей» (URL: <http://onlineslovari.com/>), «Коллекция онлайн-словарей русского языка» (URL: <http://www.dict.tmm.ru>), «Сборник онлайн-словарей русского языка и энциклопедий» (URL: OnlineDics.Ru), «Мультилекс» (URL: online.multilex.ru). Интернет не только обеспечивает быстрый доступ к информации, но и позволяет создавать словари с неограниченным объемом словников (напр., словари компании АBBYY Lingvo, которые обеспечивают точный перевод любого слова прямо из текста документа, включают сотни тысяч слов и выражений на разных языках).

Работа со словарями не только помогает осваивать и углублять научные и общекультурные знания, но и самым непосредственным образом влияет на развитие Общелингвистической, Языковой, Коммуникативно-речевой, Этико-речевой компетенций (см.), формирование которых может продолжаться всю жизнь в процессе общения, обучения, самообразования, чтения художественной литературы и т.д. Наличие лексикографической субкомпетенции – неотъемлемая черта образованного человека.

Лит.: Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М., 2001; Герд А.С. Терминологический словарь среди других типов словарей // Современная русская лексикография 1980. Л., 1981; Гринев С.В. Введение в терминологическую лексикографию. М., 1986; Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М., 2008; Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: учеб. пособие. М., 2004; Лесников С.В. Словарь русских словарей: более 3500 источников. М., 2002; Лукьянова Н.А. Типология современных русских словарей // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1996. Вып. 1; Протченко И.Ф. Словари русского языка: Краткий очерк. М., 1996; Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974; Цывин А.М. К вопросу о классификации русских словарей // Вопросы языкознания. 1978. № 1.

О.В. Фельде

ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОРМА, или **НОРМА СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ**, – принятое в литературном языке использование слова. Л.н. предполагает правильный и уместный выбор и употребление слова в речи. Существуют правила и закономерности такого выбора, нарушение которых ведёт к неправильному словоупотреблению (см. Лексические ошибки).

Для следования Л.н. говорящий должен принимать во внимание: а) значение слова; б) форму слова; в) сочетаемость слова.

Значение слова особенно важно учитывать, если в языке существует ряд близких по смыслу слов: *дефект, изъян; трофей, приз; метель, вьюга, пурга, буран*. Знание точного значения слова является важным критерием при отборе слова для обозначения именно того предмета, свойства, действия или состояния, о котором идёт речь.

Близкие по смыслу слова (см. Синонимы), как правило, наделены разными дополнительными смыслами, напр., оценочностью, стилистической окраской и пр.: *сообщник, сподвижник; обманывать, дурачить, надувать, мошенничать, плутовать, перехитрить, провести, мистифицировать, водить за нос, вводить в заблуждение; замашка, хватка, манера, привычка; живо, бойко, бегло, проворно, поспешно, стремительно, торопливо, борзо, резво, оживлённо, лихо, шибко, мгновенно, опроретью*. Эти различия нужно учитывать при следовании Л.н. и выбирать то слово, которое наиболее выразительно в конкретной коммуникативной ситуации. Напр., в черновиках А.С. Пушкина к повести «Дубровский» находим такую правку: *Члены суда встретили его [Троекурова] с изъявлениями глубокого уважения/глубокой преданности/глубокого подобоострастия*. Последнее слово наиболее выразительно охарактеризовало поведение чиновников, и писатель оставил в тексте его. Требования к выбору слова из ряда похожих лексем в подготовленной устной или письменной речи повышаются. Причём необходима работа над правкой текста любого стиля – научного, делового, публицистического, художественного.

Л.н. также регулирует выбор слов, в том числе и однокоренных: глаголов (*верить – веровать; оплатить – заплатить; надеть – одеть*), имён существительных (*сыны – сыновья; годы – года*), который связан со смысловыми и стилистическими различиями.

С Л.н. связана способность слов сочетаться друг с другом. Сочетаемость проявляется в том, что слова в языке соединяются друг с другом не совсем свободно, некоторые из слов имеют ограниченную лексическую сочетаемость. Напр., при обозначении большого количества животных используются разные слова: *стадо коров, табун лошадей, отара овец, стая волков, прайд львов*. Слова с одинаковым значением могут иметь разную лексическую сочетаемость: *истинный друг* и *подлинный документ*. Ограничена лексическая сочетаемость у близких по смыслу слов: *длинный, длительный, долгий, долговременный, продолжительный*.

Нарушение принятой лексической сочетаемости может стать причиной ошибки: *безысходное положение* вместо *безвыходное*; *играть значение* вместо *иметь*; *повысить кругозор* вместо *расширить*; *уделить значение* вместо *придавать* (см. Лексические ошибки).

Широкое понимание Л.н. включает в себя **норму фразеологическую**, т.е. правильное употребление Фразеологизмов (см.).

Как всякая Литературная норма (см.), Л.н. складывается в общественно-языковой практике образованных людей. Л.н. формируется в результате социально-исторического отбора языковых элементов из числа существующих. С соблюдением Л.н. связаны такие качества речи как правильность (см. Правильность речи), точность (см. Точность речи), уместность (см. Уместность речи).

Лит.: Горбачевич К.С. Нормы современного литературного языка. М., 1989; Кротова А.Г. Лексическая норма и её отражение в языковом сознании носителей языка (опыт экспериментального исследования): АКД. Красноярск, 2011; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; Соловьёва Н.Н. Какое слово выбрать? Лексические и грамматические нормы современного русского языка. М., 2008.

А.Н. Сперанская

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – неверный (ошибочный) выбор слова с точки зрения соответствия норме или эффективности коммуникации.

Ошибочным может быть смешение похожих по звучанию слов (см. Ошибки в выборе паронимов): *логичный* и *логический*, *апеллировать* и *апробировать*, *косный* и *костный*, *искусный* и *искусственный*, *невежа* и *невежда*. Другой ошибкой является использование близких по значению слов, различающихся употреблением (см. Ошибки в выборе синонимов): *Его имя знакомо* (вместо *известно*) *во всех странах*; *Была поставлена (возведена) на престол Екатерина*; *Этот вид спорта давно культивируется (развивается) в нашей стране*. Специфической разновидностью ошибок данного типа

является использование слова с общим значением вместо конкретного: *педагог* (вместо *учитель*) *русского языка*.

Неоправданный перенос слова из одного функционального стиля в другой является ошибкой. Говорящий может не различать стилистическую принадлежность слов: *Завод был воздвигнут* вместо *построен* (*воздвигнут* – высокий стиль); *Я проживаю* вместо *живу в городе* (*проживаю* – канцеляризм); *Мы прибыли* вместо *пришли, приехали в гости вовремя* (*прибыли* – официальное); *зеленый массив* вместо *роща*; *осадки* вместо *дожди*. Для такого рода ошибок иногда создаются специальные термины. Так, К.И. Чуковский в книге «Живой как жизнь» предложил название для явления, когда слово официально-делового стиля попадает в нейтральную речь, – **Канцелярит** (см.). По модели, предложенной К.И. Чуковским, можно создать другие названия для обозначения иных нарушений стилистических границ: **науковит** (Т.В. Шмелёва) – использование книжных слов и выражений, свойственных научному стилю, в текстах других стилей; **жаргонит** – неуместное использование жаргона; **бытовит** – употребление бытовой лексики в научной или деловой сферах.

Ещё один вид Л.о. связан с неточным или неверным знанием значения слова. Это, как правило, либо устаревшие и редкие слова (*довлеть, алтын, аришин, кибитка, буланый*), либо заимствованные (*тривиальный, рентабельный, легитимный, альянс, джихад*). Подобных ошибок легко избежать, если узнать точное значение слова по словарю.

Л.о. могут быть вызваны нарушением лексической сочетаемости: *не сомкнуть взгляд* (вместо *глаз*), *страстно (отчаянно) сопротивляться, надвигались (приближались) радостные события, отъявленный (настоящий) специалист, безысходное (безвыходное) положение*. Также к Л.о. относится нарушение лексико-синтаксической сочетаемости, напр., *лингвист по русскому языку* (вместо *лингвист, специалист по русскому языку*).

Одной из разновидностей Л.о. является контаминация (объединение) похожих словосочетаний, напр., вместо двух правильных *играть роль* и *иметь значение* создают ошибочное *играть значение*; вместо *придавать значение* и *уделить внимание* – *уделить значение, оплатить проезд* и *заплатить за проезд* – *оплатить за проезд, надеть куртку* и *одеть ребёнка* – *одеть куртку*.

Л.о. возможны при искажении фразеологизма, напр., замене в нём одного слова другим, внешне похожим: *играть главную* (вместо *первую*) *скрипку; пока суть (суд) да дело, свежо приданое (предание), да вернется с трудом*.

О лексических ошибках см. также ст. Классификация речевых ошибок.

Лит.: Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М., 2003; **Справочно-информационный портал «Грамота.ру»**. URL: www.gramota.ru; Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2001; Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 2009.

А.Н. Сперанская

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАХРОНИЗМ – слово (или его значение), характерное для какой-л. эпохи, перенесённое в описание, изображение другой эпохи.

В результате нарушения хронологической точности при употреблении слов, связанных с определённой исторической эпохой, возникают искажающие смысл высказывания ошибки. Напр., в школьных сочинениях можно встретить следующие фразы: *В XVIII веке в Ленинграде было закрыто несколько типографий* (в XVIII веке этот город именовался Санкт-Петербургом, название Ленинград у него появилось в 1924 г. после смерти Ленина); *На экзамене он перепутал не только все мифы, но и фамилии античных героев и богов* (как известно, у мифологических героев есть только имена, но нет фамилий).

Вместе с тем Л.а. может использоваться как осознанный художественный приём, позволяющий совместить несколько временных пластов в одном пространстве текста. Так, напр., используются Л.а. для создания комического, языковой игры: *Ткацкая фабрика имени Пенелопы* (Вен. Ерофеев); *В Париже Ленин вёл обычную жизнь эмигранта – скучал, ходил по кофейням и кабаре, изредка переписывался с товарищами по революции, раз в два года выезжал на какие-то партийные съезды-тусовки* (Огонёк. 2005).

Иногда авторы оговаривают причины включения в один текст лексики разных эпох: *Личное моё мнение – купец и промышленник Павел Михайлович Третьяков был святой. Однажды он задумал создать галерею современного ему русского искусства. А это может только святой. Дело абсолютно безнадёжное, потому что все искусство, собственно, было создано до Третьякова. И русское на*

этот пир, как бы сказать, опоздало. Ведь как и всё у нас, судьба русских художников была особенной. Учились они в отечественных академиях или у самобытных мастеров, а потом ехали в Италию, как бы сегодня сказали, стажироваться (КП. 11.10.2011); *Взаимоотношения русских князей и ханов Золотой Орды более всего напоминали нынешний рэкет: хочешь жить – плати отступные бандитской крыше* (Огонёк. 2005).

Лит.: Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997; Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Занимательная стилистика. М., 1988; Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Книга о хорошей речи. М., 1997; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение: учеб. пособие. СПб., 1997; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ТРОП – разновидность Тропа (см.), которая определяется традиционно как употребление слова или словосочетания (предложения) в переносном значении с целью создания образа.

Исследователи по-разному понимают лексическое значение слова: как его денотативное (предметно-логическое) содержание или как денотативное содержание наряду с различными коннотациями, которые являются семами, репрезентирующими ассоциативные признаки, общие для всего языкового коллектива, или – при ином подходе – семами, отражающими не только коллективные, но и индивидуальные ассоциации. С этим связано и разное описание механизма семантического преобразования в Т.: устранение родовой и видовой семы и актуализация потенциальной семы (напр., в слове *лиса* в значении ‘хитрый человек’ устраняется родовая сема «животное» и видовая сема «животное с определёнными признаками», актуализируется потенциальная сема – присваиваемое лисе качество хитрости [Гак 1972: 151–152]); привнесение «чужой» для данного слова семы (напр., перенос значения в слове *чертополох* во фразе *устроили «чертополох» с письменностью* мотивирован его созвучием со словом *переполох* или ассоциацией с сочетанием *черт-те что* – ‘неразбериха, путаница’ [Норман 1994: 35–36]).

Не всякое вторичное производное значение квалифицируется как переносное и, следовательно, тропеическое. Таковым является лишь то значение, которое характеризуется образностью – одновременным видением двух явлений, т.е. семантической двуплановостью. В безобразном производном значении (вторичном номинативном, номинативно-производном) сема, связывающая исходное значение с производным, вычленяется логическим путём в качестве элемента сходства по форме, функции и т.п. и не вносит в слово добавочных экспрессивных, эмотивных или оценочных приращений: *колонна здания – колонна демонстрантов* (общая сема «вытянутый и узкий»), *клавиша рояля – клавиша пульта управления* (общий семантический элемент – сходство функций) [Скляревская 1993: 40].

Сочетание «перенос значения», по мнению многих учёных, не вполне точно обозначает механизм тропа, поэтому существуют другие концепции тропа. Л.т. определяют как перенос (транспозицию) названия с одного предмета на другой или как замену (замещение, т.е. субституцию) одного названия предмета на другое. При таком подходе и широком понимании Стилистической фигуры (см.) Л.т. называют также «фигурами замещения» [Брандес 1983: 138; Скребнев 1975: 121 и др.]. Слабость субституционного взгляда на троп, в частности на метафору, заключается в том, что он не может объяснить способы структурирования новых единиц языка: *тяжелое горе ≠ сильное горе; питать, лелеять надежду ≠ надеяться* [Телия 1977: 199].

Ещё одна концепция тропа получила отражение в формулировке П. Шофера и Д. Райса [Schofer, Rice 1977]: троп представляет собой «семантическую транспозицию от наличного знака (знака in praesentia) к знаку отсутствующему (in absentia), к-рая 1) основана на восприятии связи между одной и более семантическими чертами каждого из *означаемых*, 2) маркирована семантической несовместимостью микроконтекста и макроконтекста, 3) мотивирована референционной связью <...> подобия, или причинности, или включения, или противоположения (под семантической чертой понимается единица значения; микроконтекст – сегмент в цепи *означающего*, к-рый занимает Т.; в случае однословного Т. микроконтекст совпадает с самим наличным знаком; макроконтекст включает и те части цепи *означающего*, к-рые необходимы для определения отсутствующего знака)» [Топоров 1998: 520]. Таково «итоговое определение тропа, достигнутое неориторикой» [Лотман 1995: 96].

Благодаря исследованиям отдельных тропов уточняется и механизм образования Л.т. в целом. Так, известность получила концепция М. Блэка, основоположника интеракционистской теории, кото-

рая была направлена на выявление общего принципа метафоризации и легла в основу понимания метафоры как категориального сдвига и – как следствие – семантической транспозиции (Н.Д. Арутюнова, Е.О. Оспарина, Е.В. Падучева, В.Н. Телия). Идеи Р. Якобсона о взаимосвязи метафоры и метонимии с основными осями структуры языка – парадигматической и синтагматической – получили развитие в концепции метонимии как результате эллиптического сокращения текста (Н.Д. Арутюнова, Е. Курилович). Однако определение Л.т. и их состав (выделяют от 4–6 до свыше 20 разновидностей тропов) по-прежнему остаются дискуссионными вопросами в современной тропологии.

Существуют различные классификации Л.т. В соответствии с одной из них выделяются следующие группы Л.т.: компаративные тропы, или тропы сходства (метафора и её виды); контигуальные тропы, или тропы смежности (метонимия и её виды); контрастивные тропы, или тропы контраста (ирония и её виды); иногда к ним добавляют тавтологические тропы, или тропы тождества (перифраза и её виды).

Л.т. широко используются в художественной, публицистической и разговорной речи. Разные тропы могут взаимодействовать между собой и даже совмещаться в одной речевой единице, напр.: *Цветы глядят с тоской влюблённой, / Безгрешно чисты, как весна, / Роня с пылью благовонной / Плодов румяных семена* (А. Фет) – метафорическое олицетворение.

Функции тропеического переноса были описаны уже в античности. Так, в «Риторике к Геренину» читаем: «Применяется перенос либо ради того, чтобы предмет предстал перед нашими взорами (ради наглядности), либо в целях краткости речи, либо во избежание непристойности, либо для его приукрашения» [Античные теории... 1996: 229]. В современной лингвистике доказано, что Л.т. используются не только с целью украшения речи, её изобразительности и выразительности, но и как средство убеждения, суггестивного воздействия (особенно метафора).

Лит.: Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996; Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998; Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1983; Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972; Корольков В.И. К теории фигур // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 78. М., 1973 (1974); Лотман Ю.М. Риторика // Риторика: специализированный проблемный журнал. М., 1995. № 2; Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994; Опарина Е.О. Исследование метафоры в последней трети XX века // Лингвистические исследования в конце XX в.: сб. обзоров. М., 2000; Падучева Е.В. Метафора и её родственники // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004; Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975; Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977; Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988; Топоров В.Н. Тропы // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Schofer P., Rice D. Metaphor, metonymy and synecdoche // Semiotica, 1977. Vol. 21.

Г.А. Копнина

ЛЕКЦИЯ – устный информативный публичный жанр; его главная цель – сообщение слушателям (аудитории) информации по определённой теме. Автор Л. (лектор) отличается от адресатов более высоким социальным статусом – преподаватель по отношению к студентам; специалист – по отношению к интересующимся проблемой и т.п. В зависимости от соотношения ролей Л. бытует в таких разновидностях, как учебная и научно-популярная.

Учебная Л. обращена к студентам, аспирантам, слушателям курсов и уже поэтому предполагает обязательность для них роли адресата. Эта разновидность жанра сложилась в рамках академической риторики, «шлифовалась» в практике университетского преподавания, именуется **академической**, или вузовской Л.

Научно-популярная Л. предполагает необязательность для адресата этой его роли, она рассчитана на любителей, непрофессионалов в данной области. Научно-популярные Л. могут предъясняться циклами, но достаточно часты и единичны. Современная научно-популярная Л. выросла из публичной Л. (публичных чтений), традиция которых сложилась в России в середине XIX в.

Содержательно учебная и научно-популярная Л. могут быть очень близки, при этом последняя должна отличаться большей ориентированностью на бытовое общение, а не научное (язык, характер привлекаемых примеров). Оба типа Л. соотносятся с такими жанрами, как доклад и статья, последняя тоже может быть собственно научной и научно-популярной.

История жанра Л. в культурной жизни России определяется её «положением» по отношению к устной и письменной речи. Первоначально Л. мыслилась как воспроизведение письменного текста (выражение *читать лекцию* имело буквальный смысл, а *лектор* буквально означает 'чтец'). Так, параграф 8 устава университета 1755 г. требовал читать Л. по учебникам или руководствам, утверждённым советом или попечителем. К середине XIX в. такая практика была отвергнута как университетской аудиторией, так и профессурой. Лектор из чтеца становится автором, а Л. из оглашения утверждённого заранее текста превращается в акт научного творчества, предполагающий в аудитории не объект воздействия, а партнёра в совместной мыслительной деятельности. Такая Л. не может быть записана заранее, она в качестве письменного прототипа имела конспект, дающий лектору возможность осуществлять того или иного рода отступления в связи с реакцией слушателей, маневрировать в композиционном строении Л. и отборе иллюстративного материала. Язык Л. приблизился к реальной речевой практике аудитории: от узаконенной в XVIII в. латыни – к языку общенародному. Таким образом, эволюция жанра затронула практически все его параметры: коммуникативная цель, фактор автора и адресата, языковое воплощение.

Следует отметить особый тип Л. ритуального назначения, напр. **Нобелевская Л.**, которую провозносит лауреат при вручении ему Нобелевской премии. Содержание таких Л. – нравственное или политическое кредо автора, его оценки существенных моментов социальной, научной, эстетической жизни общества.

Близка к ней и так называемая **актовая Л.**, в которой учёный выступает с программными положениями и оценками актуальной ситуации в науке или политике.

В советской общественно-языковой практике, когда культивировалась лекционная пропаганда, бытовал жанр **пропагандистской Л.** Её содержание – проблемы внутривнутриполитической и международной жизни, причём важно было не столько информирование слушателей о событиях, сколько сообщение им официальных оценок. Прослушивание таких Л. было обязательным в системе политпросвещения (университет марксизма-ленинизма, курсы повышения квалификации, методологический семинар и т.п.). Устная лекционная пропаганда считалась более действенной, чем печатная, её осуществление предполагало подготовку армии лекторов-пропагандистов.

Современная Л. всех типов предполагает визуализацию, использование современных технических средств.

Лит.: **Архангельский С.И.** Лекции по теории обучения в высшей школе. М., 1974; **Бродский И.** Нобелевская лекция // Бродский И. Набережная неисцелимых. М., 1982; **Зиновьев С.И.** Учебный процесс в советской высшей школе. М., 1975; **Культура русской речи:** учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Михальская А.К.** Педагогическая риторика: история и теория. М., 1998; **Солженицын А.И.** Нобелевская лекция // Новый мир. 1989. № 7–11.

Т.В. Шмелёва

ЛИД – один из элементов Заголовочного комплекса (см.), находящийся в начале текста, обычно выделенный особым шрифтом и несущий краткую информацию об основном содержании текста. Его ещё называют «суммирующий», «объединяющий» Л. или «ёмкий абзац». Л. завершает заголовок или подзаголовок и служит информационным мостиком от заголовка к тексту.

Полноценный, информативный Л. должен содержать ответы на традиционные шесть вопросов: что произошло, кто, где, когда, как и по какой причине совершил действие. Все ответы, по возможности, объединяются в одной-двух фразах. Подсчитано, что грамотно написанный Л. обычно уместается в 35–40 словах.

Его задача выделить самый важный элемент сообщения или установить тон повествования.

Варианты Л. различаются в зависимости от того, «жесткая» или «мягкая» избрана форма подачи материала. В жестком варианте подчеркнута оперативность, кратко, без подробностей подаётся важное событие или сенсация: **Бельгийские власти спасут дом Ван Гога** (Заголовок)

Бельгийские власти объявили о намерении спасти от разрушения и полностью реставрировать дом в деревушке Васмес, в котором в декабре 1878 года поселился будущий великий художник Винсент Ван Гог. В дальнейшем в нём предполагается создать музей. Он будет открыт в 2015-м, когда близлежащий город Монс станет культурной столицей Европы (Изв. 17.01.2012); **Французы обнаружили кавказские корни Наполеона** (Заголовок) (Точку в генетической эпопее императора может поставить тщательное исследование его останков) (Подзаголовок) *Предки императора Наполеона были уроженцами Кавказа. К такому сенсационному заключению пришёл известный француз-*

ский генетик профессор Жерар Люкотт. Он подверг анализу на ДНК прядь волос императора, которая вместе с другими реликвиями хранится в Музее Бертрана в городе Шатору в центральной Франции. (Изв. 16.01.2012).

В мягком варианте акцент смещается не на событие, а на обстоятельства, при которых оно произошло. Здесь важен момент интриги, особый тон повествования; частотно переключение внимания с итога на деталь. Такой Л. может использоваться не только в новостях, но и служить подводкой к материалам, которые написаны в разных жанрах.

Да будет лучше Новый год...(Заголовок)

Праздник – это игра. Взрослый, солидный человек на короткое время узаконенно впадает в детство, условно освобождается от ответственности сразу перед всеми и всем. Нашим главным праздником, несмотря на любые нововведения, остаётся Новый год. Его любят, отмечают и считают главной национальной традицией 97% россиян. И никто не вспоминает, что самая весёлая ночь в году была «спущена сверху». (Изв. 28.12.2011).

Лит.: См. лит. к ст. Заголовочный комплекс.

Ю.Н. Пшеницина

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА – научное направление в современной лингвистике, изучающее творческое использование языковых средств в различных дискурсивных практиках, а также пути и способы формирования лингвокреативного мышления. В Л.к. большая роль отводится анализу художественного текста с точки зрения выражения в нём творческой индивидуальности автора.

Инициаторами и разработчиками этого направления стали учёные Екатеринбургской лингвистической школы во главе с профессором Т.А. Гридиной. Развиваемые ими лингвистические идеи восходят к работам В. фон Гумбольдта, М. Хайдеггера, А. Потемни, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона и др. исследователей, подчеркивающих творческую сущность языка. В публикациях по Л.к. характеризуется творческая природа детских инноваций; анализируются креативные практики языковой личности; описываются «креативные языковые техники» в повседневной речи, художественном творчестве, рекламе, в СМИ и др. сферах функционирования языка; обсуждаются экспериментальные техники обучения текстовой деятельности. Актуальными остаются вопросы о соотношении теории языковой игры и теории креатива, сущности креативной функции языка, определения критериев креативности языкового мышления и нек. др. В зарубежной лингвистике значима интерпретация творчества с позиций когнитивной лингвистики как «неотъемлемой части коммуникации и ключевого элемента в обретении культурной ценности» (из аннотации книги [Негус, Пикеринг 2011]).

В качестве самостоятельного раздела Л.к. выделяют креативную грамматику, задача которой состоит в описании креативного потенциала грамматических категорий (О.Л. Богатырёва, Е.Н. Ремчукова). Одним из стилистических направлений, имеющим отношение к Л.к., является стилистика креатива, в которой «характеризуются *креатемы* – единицы текста с установкой на творчество, а также подсистемы креатем в их взаимодействии», «речевое творчество рассматривается сквозь призму функциональных принципов стилистического анализа» [Купина, Матвеева 2013: 6–7].

В качестве примера лингвокреативного мышления в его языковом выражении приведём два отрывка из миниатюр М. Пришвина, в которых проводится необычное сопоставление природных явлений с артефактами и с той или иной стороной внутреннего мира человека:

1. *Монетки осени так промерзли или подсохли, что слышно, как в трепете друг о друга стучат.*

Трепещущие листики бьются друг о друга, стараясь оторваться и улечь. Но когда оторвутся, падают, обращаясь всей массой листьев в удобрение. Так листики, и много людей таких, но настоящий человек в чувстве свободы окрыляется и движется вперед и вперед («Чувство свободы»);

2. *Ранним утром на земле ещё оставался холстами мороз, но когда солнце разогрело землю, мороз обдался росой.*

Под горячим лучом пробудилась жизнь в одной бабочке. Серая, цветом в осиновый ствол, бабочка небольшим треугольником лежала на траве и билась червяком, а крылья не слушались. Я взял её на ладонь и рассмотрел: у бабочки голова была вроде как у совы с двумя длинными оранжевыми усиками — ночная бабочка. Она лежала на ладони, как мёртвая, но, когда я подбросил её, полетела, да ещё как!

Сколько у нас тоже, у людей, есть таких спящих, а толкнёшь — откуда что возьмётся! («Бабочка»).

Важнейшей составляющей Л.к. признаются намеренные аномалии – «явления, которые нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [Крылова и др. 2008], или – в терминологии других речеведческих дисциплин – риторические приёмы, стилистические приёмы, фигуры речи, выразительные средства. Тем самым Л.к. соприкасается с культурой речи, стилистикой и особенно с разделом элокуции в рамках риторики. Задача этико-эстетической оценки творческих новообразований сближает Л.к. с лингвоэкологией, в сферу интересов которой входит изучение факторов, не только негативно, но и позитивно влияющих на развитие языка и речевой культуры. Проблема формирования лингвокреативного мышления связывает Л.к. с теорией развития творческой личности.

Лит.: **Богатырёва О.Л.** Креативный потенциал категории рода в современной русском языке: КД. М., 2008; **Болдырева Э.Т.** Креативный аттрактор как структурный компонент текста: КД. Оренбург, 2007; **Гридина Т.А.** Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996; **Демьянков В.З.** Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: сб. докладов Международного научного семинара. М., 2009; **Присханова О.К.** О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М., 2004; **Кано И.А.** Креативные и рецептивные аспекты жанра ток-шоу на современном российском телевидении: КД. М., 2004; **Крылова О.А. и др.** Современные проблемы филологии: учеб. пособие / О.А. Крылова, Е.Н. Ремчукова, Г.Н. Трофимова, О.С. Иссерс. М., 2008; **Купина Н.А., Матвеева.** Стилистика современного русского языка. М., 2013; **Лингвистика креатива:** коллективная монография / отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2010; **Лингвистика креатива-1:** коллективная монография / под общ. ред. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2013; **Лингвистика креатива-2:** коллективная монография / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2012; **Наумова Е.О.** Прецедентные тексты как инструмент креативности в современной публицистике. М., 2007; **Негус К., Пикеринг М.** Креативность. Коммуникация и культурные ценности / пер. с англ. Харьков, 2011; **Погодин А.** Язык как творчество (психологические и социальные основы творчества речи): происхождение языка. М., 2011; **Ремчукова Е.Н.** Креативный потенциал русской грамматики. М., 2005; **Уральский филологический вестник.** Вып. 2, 3 / гл. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2012 (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»); **Фещенко В.В.** Семиотика творчества и лингвистика креативности // Общественные науки и современность. 2008. № 6; **Фещенко В.В.** Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/cs17_feshenko.pdf; **Харченко В.К.** Творческое начало в разговорном дискурсе 2010-2011 гг. // Держава та регіони. Наукововиробничий журнал. Серія: Гуманітарні науки, 2011 р., № 2. URL: <http://www.kharchenkovk.ru/trudi>; **Эпштейн М.** Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ep13.html>; **Carter R.** Language and Creativity. The Art of Common Talk. London, 2004; **Vanderslice S.** Creative Writing Studies: Rethinking Creative Writing: Programs and Practices that Work. Wicken, Cambridgeshire, GBR, 2011.

Г.А. Копнина

ЛИНГВИСТИКА РЕЧИ. СМ. РЕЧЕВЕДЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА – научная дисциплина, область языкознания. В её основе лежит признание Текста (см.) высшей единицей системы языка и основной единицей коммуникации. Её задача – всестороннее исследование текста в структурном, семантическом, коммуникативно-прагматическом, стилистическом аспектах, покрывая, таким образом, область теории текста. Для решения частных задач Л.т. включает в качестве составных частей грамматику, семантику, прагматику, стилистику и интерпретацию текста. Дисциплина активно развивается с 60-х гг. XX в. Первые монографии выходили как грамматики текста, т.к. основное внимание уделялось способам межфразовой связи, моделям актуального членения предложения, специфике функционирования частей речи и их категорий в составе смысловых, структурных и коммуникативных единств (их называли сверхфразовым единством, сложным синтаксическим целым, прозаической строфой, содружеством предложений). В настоящее время фокус внимания переместился на целостный текст, целостное речевое произведение, на организацию его семантики и коммуникативно-прагматические факторы. Л.т. тесно связана с теорией коммуникации, теорией Речевой деятельности (см.), Психолингвистикой (см.), поэтикой; спорным остаётся вопрос о характере её отношений с современной Риторикой (см.).

Лит.: Левицкий Ю.А. Лингвистика текста: учеб. пособие. М., 2006; Лингвостилистические проблемы текста: сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Горького. Вып. 158. М., 1980; Москвальская О.И. Грамматика текста. М., 1981; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978; Синтаксис текста. М., 1979; Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М., 2001; Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986; Филиппов К.А. Лингвистика текста и проблемы анализа устной речи: учеб. пособие. Л., 1989; Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста: учеб. пособие. М., 2003; Щирова И.А., Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы: учеб. пособие. СПб., 2005.

А.А. Бернацкая

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ. См. ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА, или **ЛИНГВОПРАГМАТИКА**, **ПРАГМАЛИНГВИСТИКА** (от др.-греч. πράγμα – ‘дело, действие’), – направление в языкознании, которое занимается изучением функционирования языковых знаков в реальных условиях речевой коммуникации. В зависимости от конкретных условий и целей речевого акта, от возраста, пола, общественного статуса общающихся (адресанта и адресата), степени их образованности, толерантности и т.п., говорящий выбирает слова и конструкции из некоторого запаса единиц, имеющегося в его памяти. Л.п. начинается там, где существует возможность выбора из числа нескольких вариантов, и говорящий использует эту возможность для того, чтобы определённым образом отрегулировать свои отношения с собеседником.

В частности, категорический (и возмущённый) отказ может быть выражен по-русски не только фразой *Нет, ни в коем случае!*, но и с помощью таких реплик, как: *Что-о?*; *Вот уж нет!*; *Ещё чего!*; *Как бы не так!*; *Сейчас!* («Щас!»); *Разбежался!*; *А этого не хочешь?* (в сопровождении жеста фига) и т.п. Но и это далеко не все возможности для выражения данной эмоции. В популярном российском фильме «Москва слезам не верит» героиня в ответ на совершенно неприемлемое для неё предложение восклицает: «А шнурки тебе не погладить?». В другом фильме, кинокомедии «Осенний марафон», герой, оказавшись в аналогичной ситуации, огрызается: «А полы помыть тебе не требуется? А то я вымою, ты только свисти!».

Прагматика как особый аспект содержания языкового знака была выделена американским семиотиком Чарльзом Моррисом в 30-е гг. XX в. Бурному развитию Л.п. способствовало появление теории речевых актов (Дж.Л. Остин, Дж.Р. Сёрль, Г.П. Грайс и др.). К достижениям этой теории можно отнести разграничение локуции и иллокуции, прямых и косвенных (непрямых) речевых актов, выделение в особую группу перформативных глаголов, выявление универсальных постулатов эффективного общения. Оказалось, что все реплики могут быть систематизированы в соответствии с теми интенциями, которые планирует реализовать адресант. Причём за внешней формой (локуцией) может скрываться совершенно иное содержание (иллокуция). Так, реплика *Сегодня на улице мороз* по форме представляет собой констатацию факта, а по сути это может быть совет: ‘оденься тепло’. *Ну, когда ты зайдёшь?* формально – запрос информации, а по сути это приглашение в гости. Слова учителя: *Я поговорю с твоими родителями!* внешне выглядят как обещание, но для ученика это скрытая угроза.

Значительный вклад в становление Л.п. внесли работы Ш. Балли, Р. Якобсона, А. Вежбицкой. Из российских учёных следует назвать имена Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, В.В. Дементьева, И.А. Стернина, И.П. Сусова. На сегодняшний день данное научное направление фактически вобрало в себя такие классические дисциплины, как риторика и функциональная стилистика, а практическая сторона Л.п. теснейшим образом связана с разработкой коммуникативных технологий.

Наиболее «чувствительными» и действенными в прагматическом отношении являются такие классы языковых единиц, как местоимения (особенно личные, притяжательные и указательные), имена собственные (антропонимы), модальные слова и выражения, междометия, формулы этикета и т.д.

В частности, с помощью личных местоимений говорящий организует вокруг себя коммуникативное пространство. Он может представить себя как непосредственного инициатора речевого акта (напр.: *Я прошу вас покинуть помещение*), но может «отстраниться», как бы посмотрев на себя со стороны (*Командир лучше знает, что нужно солдату* или *Президент держит ситуацию под контролем* – в устах самих этих должностных лиц). При необходимости говорящий может вообще «самоустраниться» из речевого акта, ср.: *Кому говорят?* (вместо *Кому я говорю?*); *Просьба садиться!*

(вместо *Прошу садиться!*); *Это всем известно* (вместо *Я это знаю*) и т.п. Наконец, в рамках одного и того же речевого акта говорящий может добиться своего рода стереоскопического эффекта, представив себя и «в центре» ситуации, и как бы за её пределами: *А вот он я!*

Ещё одна «чувствительная» в прагматическом отношении сфера русского языка – это выбор формы обращения на «ты» или на «вы». Причём в сочетании с вариантом имени собственного каждая форма даёт множество комбинаций с тонкими прагматическими оттенками. По отношению к одному и тому же лицу можно сказать: *ты* (*Миша, Мишаня, Михаил, Михаил Петрович, Петрович, Сидоров* и т.п.) и *вы* (плюс опять-таки *Миша, Мишаня, Михаил, Михаил Петрович, Сидоров* и т.п.). Использование антропонимов, в т.ч. уменьшительных и «домашних» имён, а также прозвищ, псевдонимов и т.д. позволяет говорящему существенно откорректировать свои отношения с адресатом. Тому же служат этикетные формулы (приветствия, благопожелания, извинения и т.п.).

На достижение прагматического эффекта нацелены и многообразные случаи языковой игры, в т.ч. такие, когда говорящий сознательно употребляет неточное название или нарушает известное ему грамматическое правило. В частности, реплика из популярной кинокомедии «Кавказская пленница»: – *Чей туфля?* и ответ – *Моё!* отражают определённые языковые закономерности: существование в русском языке родовых вариантов и колебания в выборе грамматического рода, но используются в данном случае с несомненным эстетическим и прагматическим заданием.

К сфере Л.п. относятся также случаи активизации словообразовательных моделей (напр., образование вторичных глаголов несовершенного вида, типа *задрёмывать, накормливать, разозлевать* и т.п.), регуляризация грамматических оппозиций (в частности, окказиональное образование форм мн. числа для существительных *singularia tantum*, вроде *воздухи, позоры* и т.п.), использование архаических форм (таких, как *снеги* вместо *снега, дома* вместо *дома*), распространение продуктивных окончаний на новый лексический материал (*срока* вместо *сроки, клея* вместо *клеи*), использование словообразовательных или синтаксических моделей с экспрессивной коннотацией и т.д.

В целом это перспективное направление лингвистических исследований, объединяющее под своей крышей изучение всевозможных особенностей поведения языкового знака в его отношении к говорящему и слушающему.

Лит.: Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006; Кронгауз М.А. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian Linguistics. Vol. 28. 2004; Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / сост. и ред. Ю.С. Степанов. М., 1983; Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). Курс лекций. Мн., 2009; Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Ратмайр Р. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003; Сёрль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989; Cummings L. Pragmatics. A Multidisciplinary Perspective. Edinburgh, 2005.

Б.Ю. Норман

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА. См. ЛИНГВОСТИЛИСТИКА

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА – в традиционном значении – процедура поиска на лингвистическом материале улик и доказательств при расследовании разных преступлений (см. [Культура русской речи 2003]). В новом и узком значении, в отличие от других видов экспертизы, Л.э. раскрывается как исследование письменного или устного текста в целях его **смыслового понимания**, когда совершаются **речевые преступления** против личности (клевета, оскорбление, диффамация), общества и государства (словесный экстремизм); когда нарушаются законы, регулирующие журналистику, рекламу и функционирование товарных знаков, предвыборную агитацию. Corpus delicti этих правонарушений заключён в самом тексте; других источников доказательства по делам этой категории не существует. Л.э. в узком значении выявляет в тексте объективные признаки судимого деяния, предусмотренные правовой нормой для конкретных нарушений, – словесные конструкции и смысловые единицы, инкриминируемые в исковом заявлении. Как любая экспертиза, она регулируется законодательно и выполняется в специальных экспертных центрах МВД и Минюста, в независимых организациях (напр., ГЛЭДИС, Москва; АЛЭП «Лексис», Барнаул – Кемерово), в академических

институтах и высших учебных заведениях. С 2006 г. Л.э. – в официальном Перечне родов (видов) экспертиз. Лингвистов-экспертов готовят отделения лингвокриминалистики филфаков и юридические вузы. Пропедевтической дисциплиной их специализации является Лингвоконфликтология (см.).

Л.э. воплощается в заключении экспертов, если выполнена по определению суда; заказанная одной из тяжущихся сторон – в заключении специалистов. Оформляется как развернутые ответы на вопросы судьи или стороны процесса и имеет определённую композицию, в которой отражены её научные основы, библиография, реквизиты экспертной организации и др. Лингвисты-эксперты предоставляют суду наблюдения и выводы в особой терминосистеме, тогда как судебное решение выносятся судьями в правовых понятиях. Гигантский (по сравнению с советской эпохой) рост исков по речевым преступлениям в журналистике и в политической коммуникации выявил нерешённые проблемы, поставив перед учёными задачу создания теоретических основ, понятийной системы и алгоритмов анализа. Фундаментом Л.э. стала когнитивно-коммуникативная парадигма. Пионерская работа – монография «Понятия чести, достоинства...» (1997). С тех пор разработаны такие направления, как юрислингвистика (её основатель и организатор АЛЭП «Лексис» – Н.Д. Голев) и судебное речеведение (Е.И. Галяшина – одна из основоположниц ГЛЭДИС, наряду с проф. М.В. Горбаневским), выпущены монографии (проф. А.Н. Барановым, М.А. Осадчим), подготовлена первая докторская диссертация (К.И. Бринёвым). Сложился аппарат описания **диффамации** – распространения порочащих сведений, чей результат – унижение чести, достоинства и деловой репутации (ст. 150-152 ГК РФ); здесь ключевой момент – различие фактологической и негативнооценочной информации, которое коррелирует с правовой дихотомией фактов и мнений. **Оскорбление** как негативная оценка личности в неприличной форме (ст. 130 и 319 УК РФ) рассмотрено в новой парадигме через понятие инвективы (сквернословия). Описаны призывы как основной показатель **словесного экстремизма** в его националистическом и политическом вариантах.

Л.э. диагностирует упадок речевой культуры в российском обществе; она может служить средством предупреждения речевой агрессии. К сожалению, Л.э. сама конфликтогенна: с одной стороны, недостаточно развита, с другой – политизирована (заказные экспертизы под административным давлением); некачественные экспертизы провоцируют неправосудные решения.

Лит.: **Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А.** Понятия чести, достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации. М., 1997; **Баранов А.Н.** Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007; **Бринёв К.И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009; **Галяшина Е.И.** Основы судебного речеведения. М., 2003; **Галяшина Е.И.** Лингвистика vs экстремизм. М., 2003; **ГЛЭДИС.** URL: www.rusexpert.ru; **Голев Н.Д.** Юрислингвистика: на стыке языка и права // Юрислингвистика – 1: Проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 1999; **Жельвис В.И.** Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика–2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2000; **Иванов Л.Ю.** Лингвистическая экспертиза // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Кара-Мурза Е.С.** Лингвистическая экспертиза как направление политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 27; **Осадчий М.А.** Правовой самоконтроль оратора. М., 2007.

Е.С. Кара-Мурза

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ. См. ЮРИСЛИНГВИСТИКА

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА. См. ЛИНГВОЭТИКА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ. Все словари делятся на энциклопедические и лингвистические. Чтобы понять различия между ними, надо сравнить эти два типа словарей. Первое, что бросается в глаза при таком сравнении, – различия в составе словников, т.е. в алфавитных списках слов, объясняемых в том и в другом словаре. В словнике энциклопедического словаря – существительные, как нарицательные, так и собственные (имена выдающихся людей, названия стран, городов, рек и т.п.); в словниках лингвистических словарей – слова разных частей речи: существительные (обычно только нарицательные), прилагательные, глаголы, наречия, предлоги, местоимения, союзы и т.п. Для того чтобы наглядно убедиться в подобном несходстве энциклопедического и лингвистического словарей, сравним два небольших фрагмента, взятые из словников

«Большого энциклопедического словаря» (М., 1991. Т. 2) и «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1997).

«Большой энциклопедический словарь»	«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой
ПА ПААСИКИВИ ПАБЛИК СКУЛЗ ПАБЛИСИТИ ПАБСТ ПАБЬЯНИЦЕ ПАВАНА ПАВЕЗЕ ПАВЕЛ ЮЛИЙ ПАВЕЛ (апостол) ПАВЕЛ I (росс. император) ПАВЕЛ I (король Греции) ПАВЕЛ IV (римский папа)) ПАВЕЛ ДИАКОН ПАВЕЛИЧ	ПА ПАВА ПАВИАН ПАВИЛЬОН ПАВЛИН ПАВЛИНИЙ ПАВОДОК ПАГИНАЦИЯ ПАГОДА ПАГОЛЕНКИ ПАГУБА ПАГУБНЫЙ ПАДАЛИЦА ПАДАЛЬ ПАДАНЕЦ

Несходство в составе словников объясняется как содержательными различиями энциклопедических и лингвистических словарей, так и целями, для которых они создаются. Энциклопедические словари составляются для того, чтобы сообщить сведения о мире вещей и явлений: они объясняют научные понятия, дают биографические справки о знаменитых людях: учёных, писателях, государственных и общественных деятелях, рассказывают о городах и странах, о выдающихся событиях (скажем, о войнах, революциях) и т.п. В лингвистических же словарях содержится информация о словах: об их значении, написании и произношении, их грамматических свойствах, об их происхождении, сочетаемости с другими словами и т.п. Даже одни и те же слова, входящие в словники энциклопедических и лингвистических словарей, как правило, имеют значительно различающиеся описания, скажем, в Большой российской энциклопедии и в толковом академическом «Словаре русского языка» (в 4 тт. М., 1981–1984). Ср.:

КАЗАЧОК, народный танец (украинский К., кубанский К., терский К. и др.). Муз. размер 2/4. Наибольшее распространение получил укр. К. – живой, веселый танец импровизационного характера. К. исполняется парами. Первая муз. обработка К. приписывается польскому лютнисту и композитору С. Дусяцкому (1-я четв. XVII в.). В рус. рукописных сб. мелодия К. встречается со 2-й пол. XVIII в. К. появляется во фр. балетах и особую популярность приобретает в 1820-х гг. (после пребывания рус. войск в Париже). В нач. XIX в. в России К. исполнялся как бальный танец. А.С. Даргомыжский написал для симфонич. оркестра «Малороссийский казачок» (1864) (Большая советская энциклопедия).

КАЗАЧОК, -чка, м.

1. Уменьш.-ласк. к казак.
2. В старинном дворянском быту: мальчик-слуга. *На звонок явился казачок в синей суконной поддёвке, таких же шароварах и красном кушаке.* Мамин-Сибиряк, Осенние листья.
3. Народный танец с постепенно ускоряющимся темпом, а также музыка к этому танцу (Словарь русского языка).

Многие слова не попадают в словники энциклопедических словарей: то, что обозначается этими словами, настолько хорошо известно всем и каждому, что не нуждается в разъяснениях. Возьмём, напр., названия таких частей тела человека, как голова, рука, нога и под. (но более специфические части и органы тела, напр. аппендикс, мениск, требуют энциклопедического описания). В лингвистическом же словаре мы встретим все эти названия, поскольку слова *голова*, *рука*, *нога* и др., являясь элементами лексики современного русского языка, должны быть описаны с точки зрения их значений, произношения и ударения (ср. мену места ударения в этих словах в зависимости от падежной и числовой формы слова и от его сочетаний с другими словами: *голова́*, но *го́лову*, *го́ловы* (мн. число), (схватиться) *за́ голову*; *рука́*, но *ру́ки* (мн. число), *на́ руку*, *под́ руку*; *нога́*, но (стать) *на ноги* и т.п.), эти слова должны получить грамматические характеристики рода, склонения, числа и т.п.

Лит.: Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М., 2008; Козырев В.А. Русская лексикография. М., 2004; Потиха З.А. Лингвистические словари и работа с ними в школе: пособие для учителя. М., 1987; Henri Bejoint. Modern Lexicography. An Introduction. Oxford, 2004.

Л.П. Крысин

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ – информационные порталы в сети Интернет, содержащие материалы по лингвистике (статьи, книги, специализированные журналы, учебники, корпуса текстов) и программы для обработки языковых фактов (программы-переводчики, морфологические, синтаксические анализаторы, генераторы текстов и др.).

Среди Л.и.-р. большой объём материалов находится в библиотеках (напр., Научная электронная библиотека eLIBRARY.ru; Научная электронная библиотека «Киберленинка»: www.cyberleninka.ru; Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» feb-web.ru; библиотеки памятников древнерусской письменности), корпусах текстов и речевых фактов (Национальный корпус русского языка: www.ruscorgo.ru, содержащий более 300 млн слов; Открытый корпус русского языка: www.opencorgo.org; Большой корпус русского языка: www.bokcorgo.narod.ru; Звуковой корпус русского языка: www.model.org.spbu.ru), в электронных словарях (Словарь русского языка (МАС): www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp; Ожегов.Ру: www.ozhegov.ru; порталы СЛОВАРИ.РУ: www.slovari.ru и Словари и энциклопедии на Академике: www.dic.academic.ru и др.).

Кроме специализированных порталов институтов РАН (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН: www.ruslang.ru; Институт лингвистических исследований РАН: www.iling.spb.ru; Институт языкознания РАН: www.iling-ran.ru/beta), сайтов научной тематики (Philology.ru – Русский филологический портал; Языкознание.ру – Теоретическая и прикладная лингвистика: www.yazykoznanie.ru и др.), существуют ресурсы, адресованные широкому кругу читателей (Язык Человека – HumLang: www.philol.msu.ru), предназначенные для повышения речевой компетенции носителей языка (Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: www.gramota.ru, содержащий не только большое количество словарей и пособий по русскому языку, но и предоставляющий услуги справочного бюро по вопросам языка и языкознания; Культура письменной речи: www.grammar.ru).

Л.и.-р. предоставляют всё необходимое для изучения иностранных языков: многоязычные словари (словарь Мультитран: www.multitrans.ru; словари и энциклопедии АБВУД Lingvo®), собрания обучающих материалов, книг, фильмов, песен на иностранном языке (LinguaLeo: www.lingualeo.ru – портал для изучения английского языка в форме игры), целые социальные сети, ориентированные на обучение языкам (Livemocha.com – сеть, объединяющая полиглотов из более чем 190 стран). Популярны «переводчики» (напр., переводчик Google: translate.google.ru; словари и переводчики от PROMT: www.translate.ru), анализаторы (ЛингвоАнализатор: www.rusf.ru/books/analysis – математический анализ структуры текста для определения авторской принадлежности).

В настоящее время существует большое количество не только полноценных сайтов (напр.: www.isadc.org/info/pubs-language.cfm; www.rvb.ru/soft/catalogue/catalogue.html), но и сообществ языковедческой тематики в социальных сетях, а также сайтов конференций (напр., междунар. конф. по компьютерной лингвистике: www.dialog-21.ru)

Пользование Л.и.-р. развивает речевую компетенцию человека, повышает уровень эрудиции, позволяет увеличить эффективность коммуникации и избежать ошибок во всех сферах деятельности, где необходима работа с языком в его функционировании.

Лит.: Всеволодова А.В. Компьютерная обработка лингвистических данных. М., 2007; Зубов А.В., Зубова И.И. Информационные технологии в лингвистике: учеб. пособие. М., 2004; Лингвистические ресурсы. URL: www.rukov-ling.narod.ru/resurs.html; Полезные лингвисту интернет-ресурсы. URL: www.russjaz.narod.ru/ssylki.html; Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика. М., 2005; Рукописные памятники Древней Руси. URL: www.lrc-lib.ru; Сысоев П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. 2010. № 1.

М.Ю. Поташкова

ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЯ, или **ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ**, – направление коммуникативной лингвистики, изучающее проблемы некооперативного, конфликтного общения. На данный момент её понятийная система и инструментарий анализа находятся в стадии формирования. В центре дисциплины находится понятие **речевого (языкового, коммуникативного** – в различной терминологии) **конфликта** – явления, маркирующего отрицательное поле коммуникативного взаимодействия. В различных исследованиях можно встретить разные термины, обозначающие результат неуспешной коммуникации: **коммуникативный сбой** (Е.В. Падучева), **коммуникативный провал** (Т.В. Шмелёва), **коммуникативная неудача** (Б.Ю. Городецкой, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова, Е.А. Земская, О.П. Ермакова), **коммуникативная помеха** (Т.А. Ладыженская) и др.

Под языковым (речевым, коммуникативным) конфликтом чаще всего понимается противоположенная интеракция, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в Речевой агрессии (см.). Подобные речевые действия адресанта определяют речевое поведение другой стороны – адресата, предпринимающего ответные речевые действия против своего собеседника, выражая отношение к предмету речи или собеседнику.

Лингвисты предлагают различные модели описания языковых конфликтов: модель коммуникативного конфликта с опорой на понятие агрессии, а также на психолингвистическую типологию конфликтных личностей (В.С. Третьякова), рассмотрение лингвоправового конфликта в рамках Л. в качестве одного из типов конфликта непонимания (Н.Д. Голев, Е.С. Кара-Мурза), рассмотрение языкового конфликта в рамках коммуникативной К., основная задача которой определяется как исследование механизмов возникновения коммуникативных конфликтов, их причин и способов их предотвращения/разрешения в текстовых потоках (Н.В. Муравьева). Целью рассмотрения конфликтного взаимодействия является понимание языковой технологии кооперативного, гармоничного, толерантного общения, которое противопоставляется общению конфликтному.

В основе Л. лежит тезис: область языковых (речевых) конфликтов является, с одной стороны, реализацией конфликтного потенциала самого языка и, с другой стороны, сферой социальной жизни. О потенциальной конфликтности языка в настоящее время пишут многие (К.И. Бринёв, Н.Д. Голев, Е.С. Кара-Мурза, Н.В. Муравьева, В.С. Третьякова, Б.Я. Шарифуллин и др.). Конфликтность лежит в самой природе языка, сотканного из противоречий. В конечном итоге они являются главным основанием его жизнеспособности. Множественность трактовок одних и тех же высказываний и даже их конфликт не являются недостатком или пороком, а естественным механизмом понимания, образующего суть интерпретации. Проблемы вариативно-интерпретационного функционирования текста рассматриваются в рамках лингвистической школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка» (Н.Д. Голев, Л.Г. Ким, Т.В. Чернышова и др.): речевой конфликт трактуется как естественное проявление противоречивой природы языка и речи, неизбежности множественной интерпретации речевых произведений и различия «интересов» коммуникантов. В сознании носителя языка речевой конфликт существует как типовая структура – фрейм, включающий обязательные компоненты, среди которых участники конфликта; противоречия (во взглядах, интересах, точках зрения, мнениях, оценках, ценностных представлениях, целях и т.п.) у коммуникантов, временная и пространственная протяжённость.

По мнению Е.С. Кара-Мурзы, появление Л. вызвано кризисными проявлениями русской речи в самых разных сферах: от повседневного до производственного общения, от педагогической до массовой коммуникации [Кара-Мурза 2009: 123]. Л. на данный момент исследует следующие аспекты функционирования языка:

1. Само понятие **языкового конфликта** в различных сферах общественной жизни (Е.С. Кара-Мурза, В.С. Третьякова).

2. Механизмы возникновения коммуникативных конфликтов, алгоритмы их предупреждения в конкретных речевых ситуациях в зависимости от типов речевого поведения, словесного творчества и от конфигурации коммуникантов (особенно – с контрастными психическими особенностями и социальными характеристиками).

3. Исследования конфликтного потенциала разных видов коммуникации – политической, агитационной, молодёжной, художественной, массово-коммуникационной (Е.В. Кишина, М.Г. Чабаненко, Л.А. Южанинова).

4. Исследования инвективной и манипулятивной функций языка (А.А. Коряковцев, А.В. Морозов).

5. Особенности и типология речевых конфликтов [Голев 2008; Кара-Мурза 2010].

6. Понятие ненормативности.

Л. активно развивается как теоретическая база лингвистической экспертизы и как вузовская дисциплина при подготовке экспертов-речеведов, профессиональных журналистов.

Л. пересекается с такими направлениями лингвистики, как **социолингвистика** (В.И. Беликов, Л.П. Крысин), **юрислингвистика** (Ю.А. Бельчиков, В.Н. Базылев, К.И. Бринёв, Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, Н.Б. Лебедева, О.Н. Матвеева, Т.В. Чернышова и др.), **лингвоэкология** (А.П. Сковородников), **лингвистическая экспертология** (К.И. Бринёв, Е.С. Кара-Мурза, С.В. Дорохина, Л.О. Бутакова), **судебное речеведение** (Е.И. Галяшина), исследования различных видов дискурса, в частности, конфликтного (Н.А. Белоус, Н.Н. Кошкарлова).

Лит.: **Голев Н.Д.** Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово; Барнаул, 2008; **Кара-Мурза Е.С.** Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово; Барнаул, 2010; **Кара-Мурза Е.С.** Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русской речи: научно-практ. журнал. М., 2011. № 2–4; **Муравьёва Н.В.** Язык конфликта. М., 2002; **Седов К.Ф.** Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003; **Седов К.Ф.** Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Вып. 26. Саратов, 1996; **Третьякова В.С.** Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000; **Третьякова В.С.** Конфликтное функционирование языка // Юрислингвистика-7: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2007; **Юрислингвистика-10:** Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово; Барнаул, 2010.

Н.Д. Голев, Н.В. Обелюнас

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ – область языкознания, исследующая взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры на основе принципа антропоцентризма. В особую научную дисциплину оформилась в 90-е гг. XX в. на стыке языкознания и культурологии. Ключевая идея – теснейшая связь языка с материальной и духовной культурой человечества, причём культурой национально-этнической. Язык «прорастает» в культуру (В.А. Маслова); язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры (К. Леви-Стросс). Язык не просто выражает полученные по чувственным и ментальным каналам представления о мире, но формирует у носителей каждого этноса особое видение мира, образуя, согласно В. фон Гумбольдту и его последователям, третий, промежуточный мир (между миром реальности и миром сознания индивида), – ту среду, в которой и протекает вся жизнедеятельность человека. В словарном запасе, в семантике грамматических форм зафиксированы и хранятся, передаются из поколения в поколение все знания о мире.

В Л. сформировалась идея, согласно которой язык представляет собой этнически специфический **культурный код нации**. Расшифровать этот код, исследовать и описать принципы его организации, вычленив основные понятия, правила, закономерности, условия и методику декодирования и составляет задачи Л. Сущность этого понятия в обобщённо-метафорической форме можно передать словами Г.Д. Гачева: «какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в произведениях искусства и теориях науки. Этот особый “поворот”, в котором предстаёт бытие данному народу, – и составляет национальный образ мира» [Гачев 1998: 14].

Основной единицей Л. называют **лингвокультурему**. «Обозначающим культуры является языковой знак <...>, а обозначаемым – именуемая реалья: номинируемый фрагмент действительности, предмет или ситуация <...>, всё то, что относится к культуре...» [Алефиренко 2010: 128], или

концепт – вербализованный (оязыковлённый) культурный смысл [Воркачѳв 2005: 76]. Важнейшая задача Л. – исследование Языковой картины мира (см.). Для решения своих задач Л. имеет специфический исследовательский инструментарий – методы и приѳемы [Хроленко 2005: 133-170].

Разрабатывается лингвокультурологическая концепция обучения родному и иностранным языкам. Лингвокультурологическая компетенция языковой личности включает «осознание языка как феномена культуры, знание исторической среды, национальной специфики языковой картины мира, национально-культурного компонента значения языковых единиц» [Замалетдинов 2004: 161].

Лит.: **Алефиренко Н.Ф.** Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М., 2010; **Воркачѳв С.Г.** Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4; **Воробѳѳв В.В.** Лингвокультурология: монография. М., 2008; **Гачев Г.Д.** Национальные образы мира. Курс лекций. М., 1998; **Замалетдинов Р.Р.** Лингвокультурология и проблемы преподавания лингвистических дисциплин (в условиях дву- и многоязычия // Вопросы филологии. 2004. № 2 (17); **Маслова В.А.** Лингвокультурология: учеб. пособие. М., 2001; **Тер-Минасова С.Г.** Война и мир языков и культур: учеб. пособие. М., 2008; **Тер-Минасова С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М., 2008; **Хроленко А.Т.** Основы лингвокультурологии: учеб. пособие. М., 2005.

А.А. Бернацкая

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ – научная дисциплина о языковой личности (ЯЛ).

Одной из первых работ программного характера для этой дисциплины стала статья В.П. Нерознака, в которой в качестве названия раздела лингвистики, развивающего теорию ЯЛ, был предложен термин «*лингвистическая персонология*» [Нерознак 1996: 113]. Эта наука призвана исследовать состояние языка как частночеловеческой (идиолектной), так и многочеловеческой (полилектной) ЯЛ [Там же].

В 2003 году в научный обиход был введен лаконичный вариант предложенного ранее наименования – «*Л.*» [Нерознак 2003]. Благодаря научной и издательской деятельности Н.Д. Голева новый термин утвердил свои позиции в лингвистике. Изданные в Барнауле и Кемерове сборники [Вопросы лингвоперсонологии 2007; Лингвоперсонология 2006; Лингвоперсонология 2009] объединили усилия учёных, работающих в разных городах России.

В изданном в 2010 году учебном пособии Е.В. Иванцовой «Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности» дано теоретическое осмысление Л. как новой области науки о языке.

Специфические методы Л. можно разделить на две группы: 1) *методики реконструкции ЯЛ* (метод структурного моделирования, лингвориторической реконструкции, биографический метод) предполагают воссоздание имплицитных компонентов облика ЯЛ; 2) *речевое портретирование* опирается на факты, доступные непосредственному наблюдению [Иванцова 2008: 39].

В настоящее время в России существует несколько лингвистических центров, в которых ведѳтся исследование языковой личности, – это Москва, Волгоград, Саратов, Тверь, Краснодар, Екатеринбург, Тюмень, Омск, Барнаул, Кемерово, Томск, Красноярск и др. Среди этих городов выделяются Томск, Барнаул и Кемерово, поскольку именно там лингвисты (прежде всего, профессора Н.Д. Голев и Е.В. Иванцова) наиболее активно разрабатывают теоретико-методологические основания Л.

Научная школа «Русская языковая личность» под руководством Ю.Н. Караулова стояла у истоков формирования теории ЯЛ, внесла большой вклад в разработку психолингвистических ассоциативных и тезаурусных методов исследования ЯЛ, предложила уровневую модель ЯЛ. Волгоградская лингвистическая школа отличается лингвокультурологическим подходом к исследованию ЯЛ. Саратовская школа уделяет большое внимание разным аспектам дискурса ЯЛ. Томские лингвисты на протяжении многих лет проводят уникальное в своём роде исследование одной конкретной ЯЛ. В Барнауле и Кемерове разрабатывается лингвоперсонологическая гипотеза функционирования языка.

В теории ЯЛ ярко проявились главные черты современной лингвистики: антропоцентризм, экспансионизм и экспланаторность. Количество работ, посвящённых данной проблеме, огромно. Они относятся к разным научным направлениям. Полипарадигмальный характер понятия «языковая личность» позволяет учёным, работающим практически в любом направлении лингвистики, внести свой вклад в теорию ЯЛ. Однако следует признать, что магистральные пути разработки этой теории складываются в рамках Л.

Лит.: Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. Красноярск, 2011; **Вопросы лингвоперсонологии:** межвуз. сб. науч. тр. Ч. 1 / науч. ред.: Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева. Барнаул, 2007; **Иванцова Е.В.** Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Филология. Томск, 2008. № 3 (4); **Иванцова Е.В.** Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск, 2010; **Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение** / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006; **Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку:** учеб. пособие / под ред. Н.В. Мельник. Кемерово, 2009; **Нерознак В.П.** Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. М., 1996. № 462; **Нерознак В.П.** Лингвокультурология и лингвоперсонология // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. 2: 2002-2003. М., 2003.

И.В. Башкова

ЛИНГВОПРАГМАТИКА. См. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА

ЛИНГВОСТИЛИСТИКА, или **ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА**, – раздел языкознания, изучающий: 1) различные стили (стили языка, стили речи, жанровые стили, индивидуальные стили писателей и т.д.); 2) экспрессивные, эмоциональные, оценочные свойства языковых единиц как в парадигматическом (в системе языка), так и в синтагматическом плане (использование их в различных сферах речевого общения), а также фигуры речи, тропы.

Термин «Л.» подчёркивает языковедческий характер этой дисциплины, её отличие от литературоведческой стилистики. К общим для обеих стилистик объектам изучения относятся проблемы образа автора, структуры текста, поэтики и некоторые другие. Однако за пределами этой общей части обе стилистики разграничиваются. В лингвистических работах обычно используется термин «стилистика», подразумевающий Л.

Представление о предмете стилистики менялось по мере развития лингвистики и самой стилистики.

Предшественниками современной стилистики были античные риторика и поэтика. Поэтика представляла собой науку о поэзии, а риторика – науку об ораторском искусстве. Центральную часть риторики составляло учение о словесном выражении, в котором рассматривался отбор слов и их сочетание, а также изучались фигуры речи. Риторика XVII – XVIII вв. главное внимание уделяют учению о стилях. В русской стилистике большую роль сыграла теория стилей М.В. Ломоносова и его «Риторика» (1748).

Л. в современном смысле начинается с работ французского лингвиста Ш. Балли («Трактат по французской стилистике», 1948). Согласно его концепции, среди многочисленных синонимических форм и их рядов одни составляют нейтральный фон, а другие отличаются той или иной дополнительной окраской – стилистической. Балли понимал эту окраску главным образом как экспрессивную – сниженную или высокую (ср. *лицо* – нейтр., *лик* – высокое, *рожа* – сниженное). Отсюда вытекает очень важная для последующего развития науки идея функционального выбора – выбора языковых средств в зависимости от их функции в речи. Ш. Балли разграничивал: 1) общую стилистику, исследующую общие стилистические проблемы речевой деятельности, касающиеся всех или большинства языков; 2) частную стилистику, изучающую стилистическую структуру конкретного национального языка, и 3) индивидуальную стилистику, рассматривающую экспрессивные особенности речи отдельных индивидов.

Учёными Пражской лингвистической школы (30–40-е гг.) было разработано учение о соотношении текста и подсистем языка – стилей. Текст в этой концепции предстаёт как результат выбора говорящим языковых средств из предоставляемых языком возможностей: фонетических, лексических, грамматических – в зависимости от цели (функции) речевого акта. Основу этого учения составило понятие «коммуникативного», или «функционального», стиля речи, получившее дальнейшее развитие в функциональной стилистике.

В концепции Г.О. Винокура стилистика стала рассматриваться как общее учение об употреблении языка: «Наряду с проблемой языкового строя существует ещё и проблема языкового употребления». Такое понимание предмета стилистики соответствует общему повороту лингвистики 50-х гг. XX в. к исследованию «языка в действии» (Э. Бенвенист), даёт стилистике новое широкое направле-

ние и позволяет объединить разрозненные её части (эмоционально-экспрессивные средства, функциональные стили, взаимодействие их с литературным языком) в рамках единой науки, представить их как результат функционирования языка.

Оформление стилистики в отечественной науке было завершено в концепции В.В. Виноградова, различающего стилистику языка, стилистику речи и стилистику художественной литературы. Стилистика языка изучает стилистическую структуру языка как «системы систем», функциональные языковые стили, стилистические свойства языковых средств. Стилистика речи анализирует особенности функционирования языковых средств в конкретных условиях их использования, связанных с теми или иными жанрами, формами, видами устной и письменной речи (выступление в дискуссии, лекция, доклад, беседа, пресс-конференция; очерк в газете, научная рецензия, юмористический рассказ, приветственный адрес и т.д.). Стилистика художественной литературы исследует все элементы стиля художественного произведения, стиля писателя, стиля литературного направления, т.е. способы индивидуального или канонизированного целой писательской школой применения разнообразных средств общего языка.

В качестве самостоятельной отрасли Л. оформилась **функциональная стилистика**, изучающая все аспекты функционирования языка: изменения, происходящие со словом в процессе воплощения языка в речь; проблемы коннотации, функционально-стилевого расслоения языка. Т.к. речь – результат функционирования языка, то функциональная стилистика изучает структуру и сущность коммуникативного акта, проблему адресанта и адресата, единицы текста, жанры речи и др. На основе функциональной стилистики развиваются имеющие тенденцию превратиться в самостоятельные отрасли изучения стилистика художественной речи, стилистика газетно-публицистической речи, стилистика научной речи, стилистика официально-деловой речи, стилистика разговорной речи.

Самостоятельную отраслью функциональной стилистики можно считать и стилистику текста.

В рамках Л. давно уже существует Практическая стилистика (см.), имеющая прикладной, нормативный характер и исследующая способы и формы использования языковых средств в зависимости от содержания речи, обстановки общения, цели высказывания. Практическая стилистика имеет целью обучить стилистическим нормам языка, научить оценивать потенциальные выразительные и эмоциональные возможности языковых средств, умело и целесообразно их использовать.

Кроме того, выделяют **теоретическую**, или общую, стилистику, изучающую весь круг проблем стилистики в теоретическом аспекте; **историческую** стилистику, исследующую историю развития системы стилей и стилистических ресурсов языка, и **сопоставительную** стилистику, имеющую предметом исследования сравнение стилистической организации одного языка со стилистической организацией другого или других языков.

Лит.: Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1996; Балли Ш. Французская стилистика. М., 2009; Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968; Культура парламентской речи. М., 1994; Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 2004; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М., 1991; Щерба Л.В. Опыт лингвистического толкования стихотворений // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Г.Я. Солганик

ЛИНГВОЦИНИЗМЫ – слова, обороты речи и целые высказывания, в которых нашёл отражение цинизм индивидуального или группового мышления (мировоззрения). Цинизм индивидуальный выражается в речи высказываниями, напр., такого рода: *В августе текущего года, как известно, исполняется аккурат 20 лет с того скорбного дня, как всех нас покинул 2-н Элвис Аарон Пресли (Как время-то бежит!...). По этому поводу его вечнозелёная вдова Присцилла дала добро на съёмки очередного радикально нового высокохудожественного фильма об её уже давно скушанном червячками супруге* (СГ. 22. 06. 1997); *«Склезились»* – такое впечатление возникло при виде целования Селезнёва и Ельцина (Завтра. 1997. № 45).

Некоторые слова и выражения, отражающие психологию технократизма, негуманность социального мышления, широко представлены в общем употреблении эпохи так называемого тоталитарного режима: *рабсила, человекоединица, человеческие ресурсы, принудительный ассортимент, накопитель* (помещение для ожидающих посадки в самолет) и нек. др.

Этическую ущербность подобного рода слов и оборотов хорошо чувствуют писатели. Так, А. Битов охарактеризовал выражения *покорение природы, отвоевать у природы, кладовая природы* как «свидетельства человеческого разбоя, оставленные им в языке, как отпечатки немых пальцев» (А. Битов. Птицы, или новые сведения о человеке); а писатель-юморист М. Задорнов в выступлении по ЦТ 10 марта 1991 г. сказал: *Только у нас в аэрофлоте людей могут загонять в накопитель, хорошо, что не в отстойник.*

Использование Л. нарушает этико-речевую норму РЛЯ (см. Речевая этика, Этико-речевая компетенция, Этико-речевые ошибки).

Лит.: **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Сковородников А.П.** Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. № 5–6; **Сковородников А.П.** Вопросы экологии русского языка: учеб. пособие. Красноярск, 1993; **Сковородников А.П.** О содержании понятия «этико-речевая компетенция» // Мир русского слова. 2012. № 4; **Сурикова Т.И.** Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007.

А.П. Сковородников

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ, или **ЭКОЛИНГВИСТИКА**, – отрасль (направление) языкознания, предметом изучения которой является состояние языка и языковой (речевой) среды; изучение факторов, влияющих (негативно или позитивно) на развитие языка и речевой культуры; путей и способов защиты языка от негативных влияний, в т.ч. от не мотивированных социальными и культурными потребностями внешних и внутренних Заимствований (см.), Вульгаризации речи (см.), лексической и фразеологической эрозии (обеднения) и т.д., а также определение условий, способствующих обогащению языка и его оптимальному развитию. Особенностью подхода к фактам языка и речи с позиций Л. является их социальная оценка с учётом исторических условий и тенденций развития данного языка, факторов системы и нормы, критериев социокультурного, политико-экономического, идеологического, этического и эстетического порядка.

Родоначальником понятия Л. (экологии языка) принято считать американского лингвиста Э. Хаугена, который впервые использовал его в 1970 г. в докладе «Экология языка». Э. Хауген определяет Л. как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением, иначе говоря, средой, что обуславливает её междисциплинарный характер.

Центральным понятием Л. является понятие языковой среды. Причем следует иметь в виду, что понятие среды применительно к языку двупланово. С одной стороны, это некое состояние языковой системы и общественно-речевой практики в данный исторический момент развития языка, оказывающее определенное влияние на формирование языкового сознания (в том числе – языковых предпочтений) членов социума. С другой стороны, это совокупность экстралингвистических факторов и условий (экономических, политических, идеологических, культурных, социально-психологических, этнопсихологических и т.д.), влияющих на состояние языка, направление его развития и характер функционирования.

О проблематике Л. даёт представление её терминологический аппарат, находящийся в процессе становления. В поле зрения лингвистов, ведущих исследования в этом направлении (часто без обращения к термину «Л.») находятся такие явления и понятия, как языковая ситуация, языковое сознание, языковая среда, языковая личность, загрязнение (засорение) языковой среды, чистота (очищение) языковой среды, охрана языка, оздоровление языка, болезни языка, языковые и речевые аномалии, динамика языковых норм, языковая эрозия (лакунизация), утрата антропонимических и топонимических традиций; нарушение стилистического баланса; проблема «языкового расширения» (языковой реабилитации), бюрократизация языка и речи («канцелярит»), «синдром заимствований», языковой пуризм, языковой нигилизм, языковой вкус, языковая мода, языковая аллергия, языковое табуирование, языковое насилие, языковая агрессия, языковое/речевое манипулирование, языковые яр-

лыки (языковые жупелы), эвфемизмы и дисфемизмы, вульгаризация, жаргонизация и криминализация языка и речи, взаимоотношение языка и идеологии; речевая этика и проблема «лингвоцинизмов», легализация сквернословия, этикетная недостаточность речи, языковая рефлексия, языковая политика, языковое прогнозирование и лингвоэкологический мониторинг; языковое законодательство, языковое (речевое) воспитание, общественная «служба языка» и др.

К сфере Л. следует отнести также проблему бережного отношения к территориальным диалектам; проблему преодоления разрыва преемственности русского литературного языка в отношении его церковнославянской составляющей; проблему пропаганды творческих механизмов языка (языкового креатива) и нек. др. проблемы (подробнее о предмете лингвоэкологии см. в [Сковородников 2013]).

Л. в своих выводах и рекомендациях долженствует стать основанием государственной языковой политики.

Лит.: **Иванова Е.В.** Цели, задачи и проблемы эколлингвистики // Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр. Челябинск, 2007; **Ильинова Е.Ю.** Эколлингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 2 (12); **Колесов В.В.** «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999; **Коровушкин В.П.** Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестник Череповецкого гос. ун-та. Научный журнал. 2011. № 1(28); **Костомаров В.Г.** Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999; **Кравцов С.М.** Обучение фразеологии в аспекте актуальных проблем экологии языка (на материале русского и французского языков) // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы II междунар. науч.-практ. конф / отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 2. Ростов н/Д, 2012; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Нечипоренко В.Ф.** Лингвофилософские основы эколлингвистики. Калуга, 1998; **Огдонова Ц.Ц.** Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. № 2. В 3-х ч. Ч. 3; **Полухин А.А.** Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты-2008: сб. науч. работ преподавателей и студентов факультета филологии: Научное издание. СПб., 2009; **Пылаева Е.М.** Эколлингвистика как новое направление в языкознании XXI века // Вестник ПНИПУ. 2011. № 5; **Савельева Л.В.** Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск, 1997; **Скворцов Л.И.** Культура языка и экология слова // Русская речь. 1988. № 4–5; **Сковородников А.П.** Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. № 5–6; **Сковородников А.П.** Лингвистическая экология: проблема становления // Филологические науки. 1996. № 2; **Сковородников А.П.** О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1; **Сущенко Е.А.** Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / под ред. проф. Л.Г. Татарниковой. СПб., 2011; **Хазагеров Г.Г.** Перспективы экологической лингвистики и исчерпанность стилистической парадигмы. URL: <http://www.hazager.ru/pragmatica/122-ecolinguistics.html>; **Шаховский В.И., Волкова Я.А.** Общероссийский научно-теоретический семинар «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2013. №1 (21); **Haugen E.** The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. Standford, 1972.

А.П. Сковородников

ЛИНГВОЭТИКА, или **ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА**, – направление комплексных исследований языка и речи на стыке лингвистики, практической, бытовой и профессиональной морали, философской этики и деонтологии. Основное отличие Л. от научной этики и практической морали (хотя оно достаточно условно) в том, что последние формулируют общепринятые представления об этической норме в своем понятийном аппарате: терминологии и правилах; Л. тоже изучает этически должное, но по данным естественного языка. Иначе говоря, предмет Л. – наивная этика этноса, зафиксированная в языке.

Она находит отражение во всех основных его единицах и почти на всех уровнях. На уровне структуры языка и его семантики – это лексика; словообразование (*молчалищица*); паремиология, в

которой зафиксированы и взгляд этноса на то, что считать этической нормой (*без правды жить – волком выть*), и напрямую предписания (*чти отца и мать свою*) и запреты этического характера (*не рой другому яму*); пресуппозиции слов и высказываний. В языковом сознании этноса, его менталитете и языковой картине мира как производной этого сознания – это концептуализация (см., напр., концепты *правда, истина, совесть*) и категоризация действительности, представлений о должном (напр., что мы считаем *справедливым*); особенности метафоризации (*обули – ‘обманули’, развесистая клюква*), прецедентная база, особенности формирования стереотипов и прототипов. Причём давно отмечено, что концепты других областей, в частности политики, легко втягиваются в концептосферу этики, вследствие чего они приобретают этическую составляющую (*демократия, социализм, капитализм*)

Коммуникация, дискурс, как «речь, погружённая в жизнь», эксплицируют этические представления в прямых и косвенных речевых актах с целью этической оценки (*Это бессердечно*); в речевых жанрах с этической составляющей (лести, клятве, инвективе и др.); в коммуникативных пресуппозициях в широком смысле (включая и информацию энциклопедического характера), которые мотивируют и любимые темы для обсуждения (типа *Есть ли совесть у политика?*), и анекдоты, афоризмы, частушки.

Вторым, не менее важным направлением исследований являются нарушения общей и профессиональной морали в коммуникации, в первую очередь массовой, и то, чем они мотивированы в дискурсе и языковом сознании (языковые и коммуникативные проявления *пошлости, цинизма, подлости* и под.).

К сфере интересов Л., безусловно, относятся и исследования речевого этикета как системы правил поведения в определённых коммуникативных ситуациях, которые облегчают и делают психологически комфортным речевое общение для всех его сторон.

Но сам термин «Л.», и его предмет пока являются дискуссионными, несмотря на тот факт, что, с одной стороны, Л. по сути во многом основывается на идеях философии языка – направления, сформировавшегося под влиянием идей о должном, а с другой – одной из целей ставит исследование системы представления и функционирования этических норм в языке. Кроме того, основные изыскания в сфере наивной этики этноса хотя и связаны с проявлением должного в языке и языковом сознании, но до сих пор по традиции шли в рамках языковой семантики и когнитивной лингвистики.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999; Балакай А.Г. Фразеологическое значение в аспекте аккумулятивной функции языка (На материале фразеосемантических полей с типовыми значениями «совесть», «стыд», «честь») // Исследования по общей и дагестанской фразеологии: межвуз. тематич. сб. науч. ст. Махачкала, 1989; Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. СПб., 1998; Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987; Гусейнов А.А. Этика. М., 2004; Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11; Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005; Логический анализ языка: языки этики. М., 2000; Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

Т.И. Сурикова

РМА. См. КОММУНИКАТИВНАЯ НОРМА

– совокупность общенародных слов, соответствующих литературной норме. Включает слова различной стилевой принадлежности: общеупотребительные, книжные и разговорные. Основу Л.л. составляют общеупотребительные слова (см. Общеупотребительная лексика). Многообразные культурные сферы обслуживает книжная лексика, в состав которой входят слова, противопоставленные разговорной лексике (*альтруизм, доктрина, осуществлять*), Термины (см.) и слова, служащие для выражения различных экспрессивных оттенков – для положительной или отрицательной оценки: книжные слова (*головокружительный, inferнальный*), торжественные и риторические (*всепобедный, вдохновенно, грядущий, нерушимый, смятение*), поэтические (*грёза, меркнуть, чары, чудный*), книжно-неодобрительные (*измыслить, пресловутый, интриган*). Для разговорного стиля литературного языка характерны народно-поэтические слова (*погожий, матушка, мурава*), архаически-шутливые (*кои, поелику, променад*), разговорные (*мор-*

ковка, печка, потихоньку), фамильно-ласкательные (бабуся, пташка), иронически-ласкательные (глупыш, несмышлёныш, трусишка), иронические (сокровище в значении 'человек, доставляющий неприятности', удружить), фамильно-грубоватые (здоровенный, шлёпнуться), неодобрительные с умеренным оттенком порицания (замусолить, жульничать, распинаться). Л.л. используется в устной и письменной формах национального литературного языка. Ограничения на употребление касаются экспрессивно-окрашенных слов, которые недопустимы в официально-деловом и научном стилях РЛЯ.

Лит.: Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 2005; Касаткин Л.Л. Книжная лексика // Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1991; Крысин Л.П. Книжная лексика // Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие. М., 2007; Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: учеб. пособие. Красноярск, 2011; Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2010; Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1990; Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. 1998. № 4; Шанский Д.Н. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

О.В. Фельде

ЛИТЕРАТУ́РНАЯ НОРМА. См. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

ЛИТЕРАТУ́РНОЕ РЕДАКТИ́РОВАНИЕ – 1. В книгоиздательском деле – анализ, оценка и исправление недостатков главным образом литературной формы произведения. Л.р. – часть процесса редактирования текста. В ходе последнего решаются более широкие задачи – оценки и улучшения не только литературной формы произведения, но и его содержания и определения его коммерческих перспектив. Занимается Л.р. литературный редактор – внештатный/штатный сотрудник издательства. Он может подключиться к работе над текстом не только когда рукопись уже сдана в издательство, но и на этапе её создания, если автор, являясь ценным специалистом в своей области, недостаточно владеет литературным слогом.

2. Вид профессиональной деятельности в области средств массовой информации при редакционной подготовке текста к опубликованию в СМИ, в ходе которой решаются задачи оценки и совершенствования не только его литературной формы, но и содержания. При Л.р. учитывается актуальность, общественная значимость текста и его соответствие: 1) закону о СМИ, смежным правовым актам и профессиональным этическим кодексам; 2) литературной норме; 3) типологическим особенностям средства массовой информации, направлению и стилю издания в целом, а также номера, в котором текст выйдет в свет. Иначе говоря, во время Л.р. осуществляется комплексная, всесторонняя подготовка материала к публикации. Осуществляет её, как правило, не штатный редактор, а журналист, в задачи которого входит и редакторская работа.

3. Прикладная комплексная учебно-практическая филологическая дисциплина в области обучения работников СМИ. В её задачи входит систематизированное описание общей методики Л.р., приёмов и аспектов работы журналиста с текстом с учётом: 1) опыта, наблюдений и рекомендаций русских литераторов и редакторов; 2) теоретических положений лингвистики и стилистики текста, нормативной и функциональной стилистики; 3) теории коммуникации, психологических основ трудовой и творческой деятельности.

Термин и понятие Л.р. во втором и третьем значении связаны с трудами К.И. Былинского и его последователей начиная с 1940-х гг. XX в., и само название предмета скорее историческое. Л.р., как следует из определения, предполагает многоаспектную работу с текстом. Но его улучшение не только со стороны стиля, но и со стороны любого из аспектов содержания осуществляется через литературную форму. С этой точки зрения название, которое чаще воспринимают более как историческое, чем точное, представляется оправданным.

Л.р. предполагает совершенствование содержательных, структурных и языковых качеств текста, как минимум, приведение его в соответствие с требованиями той сферы коммуникации, для которой он создаётся.

Л.р. включает два аспекта профессиональной деятельности – **редакторский анализ и правку** текста. Редакторский анализ должен выявить содержательные и языковые достоинства и недостатки рукописи, степень её соответствия авторскому замыслу и общим задачам данного текста; сформулировать замечания и вопросы к автору, а также определить аспекты и способы исправления рукописи. Редакторский анализ осуществляется с помощью различных видов профессионального чтения (ознакомительного, аналитического и шлифовочного), применение которых определяется технологическими этапами подготовки рукописи и его целями.

Редакторский анализ – обязательная процедура подготовки рукописи к публикации. Теоретически возможна ситуация, когда текст в неизменном виде (если в рукописи не выявлено недостатков) выходит в свет, но такое практически не встречается, и после редакторского анализа следует правка текста – процедура его улучшения. Л.р. включает несколько видов правки (вычитку, сокращение, обработку и переделку), которые применяются исходя из анализа недостатков текста, намеченных способов их устранения и этапа редакционно-издательской подготовки рукописи.

Лит.: Антонова С.Г., Соловьёв В.И., Ямчук К.Т. Редактирование: общий курс. М., 1999; Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. М., 1998; Мильчин А.Э. Методика редактирования текста. М., 2005; Накорякова К.М. Литературное редактирование: общая методика работы над текстом. М., 2011.

Т.И. Сурикова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖАНРЫ – исторически складывающиеся и развивающиеся типы литературного произведения (художественного, публицистического, научного и др.), напр., роман, монография, репортаж и т.д. Традиционно под Л.ж. понимаются главным образом типы художественных произведений, хотя каждая эпоха обладает своей системой жанров в каждой из сфер духовной деятельности и общения. О необходимости выработки единой методологии исследования разнородных типов высказываний (текстов) писал М.М. Бахтин, предложивший понятие речевого жанра (см. Речевые жанры). Вопрос о соотношении речевых и литературных жанров остается нерешённым. Наиболее аргументированной представляется точка зрения, согласно которой понятие речевого жанра является родовым по отношению к понятию Л.ж., обозначающему не все реально существующие жанры, а лишь жанры письменной литературной речи.

Л.ж. обладают комплексом устойчивых свойств, причём эти свойства могут характеризовать самые разные стороны произведения – его объём, пафос, тематику, систему рифм, активность вымысла и т.д. Среди Л.ж. есть такие, которые бытуют на протяжении всей истории духовной культуры (напр. басня); другие же существуют лишь в определённые эпохи. Признаки жанра эволюционируют: нередко одни и те же жанровые названия в разные периоды литературного развития выражают разные понятия, т.к. соотношены с различными типами текстов (ср., напр., понятие оды во времена Ломоносова и в первой трети XIX в.).

Л.ж. имеют как внешний, формальный, так и внутренний, содержательный, план. Жанровая форма теснейшим образом связана с жанровым содержанием – с тематикой произведений и с особенностями осмысления автором-художником (публицистом, учёным) определённых сторон мира.

Жанровые формы могут быть жёсткими или же гибкими, пластичными. Канонические жанры, регламентируемые нормативными поэтиками, особенно характерны для художественной литературы от античности до XVI–XVIII вв. В дальнейшем организация Л.ж. утрачивает каноническую строгость, и они предоставляют автору широкие возможности для проявления его индивидуальной творческой манеры. Л.ж. определяют стилевые особенности речи. Эта зависимость явно прослеживается в таких, напр., жанрах, как басня, фельетон, анекдот.

В системе Л.ж. каждой эпохи одни жанры становятся наиболее авторитетными (напр., социально-психологические романы и повести в русской литературе XIX в.), другие, напротив, утрачивают былое лидирующее положение, отходят на второй план или исчезают. Л.ж. обеспечивают преемственность культурной жизни. По словам М.М. Бахтина, жанр – «представитель творческой памяти в процессе литературного развития». На каждом новом этапе литературного процесса и в каждом индивидуальном произведении жанр возрождается и вместе с тем приобретает новые черты.

Лит.: Аверинцев С.С. Жанр как абстракция и жанр как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996; Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972; Бахтин М.М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эс-

тетика. М., 1975; **Лихачёв Д.С.** Поэтика древнерусской литературы. М., 1979; **Поспелов Г.Н.** Проблемы исторического развития литературы. М., 1972; **Хализев В.Е.** Теория литературы. М., 2000; **Чернец Л.В.** Литературные жанры. М., 1982.

В.А. Салимовский

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК – одна из форм национального языка, которая существует в устной и письменной разновидностях и обслуживает все сферы общественной и культурной жизни народа. Существует наряду с такими подсистемами, как территориальные диалекты, профессиональные и социальные жаргоны, просторечие.

Главные признаки Л.я. – это **нормированность, полифункциональность, стилистическая дифференцированность, престижность** в среде носителей национального языка. Л.я. является основным средством общения и культивируется в обществе. Признак нормативности присущ и другим подсистемам национального языка (социальным и функциональным: диалектам, жаргонам и т.д.), но эти нормы, в отличие от норм Л.я., не кодифицированы. Кроме того, в нелитературных подсистемах национального языка нет письменной формы, они не полифункциональны и стилистически не дифференцированы.

Норма Л.я. описана и представлена в грамматиках, словарях, учебниках, пособиях, справочниках, т.е. кодифицирована, в таком случае мы имеем дело с кодифицированным Л.я. (КЛЯ). Норма КЛЯ усваивается сознательно в процессе обучения. Нормы других подсистем усваиваются естественным путём в процессе общения.

Литературная норма едина и общеобязательна для всех говорящих на данном языке. Она консервативна, т.е. направлена на сохранение тех правил языкового употребления, которые сформировались в процессе развития языка в речи предшествующих поколений. При всём своём консерватизме и статичности, норма Л.я. изменяется во времени. Однако изменяется она медленно: для того чтобы в норме Л.я. на всех его уровнях произошло некоторое изменение, требуется эпоха в 100150 лет.

Будучи единой и общеобязательной, норма Л.я. не исключает наличия вариантов. В процессе эволюции языка может наступить равноправие нового и старого вариантов: старый вариант ещё правильный, а новый уже правильный. С течением времени новый вариант станет доминирующим, оттеснив старый вариант на периферию языка. Но возможен другой исход: произойдёт дифференциация вариантов, которые могут быть использованы в зависимости от целей и ситуации речевого общения: *дол[гъй]*, *бою[с]*, *ску[шн]о* в высоком регистре речи, а *дол[гий]*, *бою[с']*, *ску[ч'н]о* в нейтральной речи.

Изменяться может нормативный статус не только отдельных слов, форм и конструкций, но и определённым образом взаимосвязанных образцов речи. Так произошло, напр., с так называемой старомосковской произносительной нормой, которая ко второй половине XX в. была почти полностью вытеснена новым произношением, более близким к письменному облику слова: вместо *[шы]гй*, *[жы]ра́*, *ве[р']х*, *ти[хъ]и*, *стро[гъ]й*, *подда[къ]вать*, *сливо[ин]ое (масло)* подавляющее большинство носителей РЛЯ стало говорить *[ша]гй*, *[жа]ра́*, *ве[р]х*, *ти[х'и]й*, *стро[г'и]й*, *подда[к'и]вать*, *сливо[чн]ое (масло)* и т. д.

Питающими Л.я. источниками выступают живая речь (узус) и такие подсистемы языка, как местные говоры, городское просторечие и жаргоны. Без этих источников обновления Л.я. утратит свою жизненную силу. Новое явление языка обычно возникает в узусе, речевом обычае, и со временем может стать нормой либо уйти навсегда в прошлое.

Вопрос о том, кого можно считать носителем Л.я., решается неоднозначно, но наиболее распространена точка зрения, согласно которой её носитель должен соответствовать трём критериям: 1) данный язык является для него родным; 2) имеет высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на данном языке; 3) родился и/или большую часть жизни провёл в городе. Такое определение соответствует традиционному представлению о Л.я. как языке образованной, культурной части народа.

Для Л.я. характерна дихотомия книжно-письменного и разговорного языков. Это функционально-стилевые сферы, которые обеспечивают, по выражению Д.Н. Шмелёва, «различие между тем, “как можно сказать”, и тем, “как следует написать”». Л.я. – это полифункциональная система, включающая такие функциональные стили, как **научный, официально-деловой, публицистический, религиозно-проповеднический, разговорный**. Некоторые учёные к функциональным стилям относят и язык художественной литературы, хотя очевидно, что в художественном тексте (и прозаическом, и

поэтическом, где, по выражению М. Бахтина, «язык превосходит сам себя») могут быть использованы элементы не только всех стилей Л.я., но и некоторые единицы некодифицированных подсистем (диалектов, просторечия, жаргонов), которые выполняют определённое художественно-эстетическое задание.

Когда в человеке воспитано чувство нормы, в его речи возможно намеренное её нарушение, что обычно расценивается как элемент языковой игры: это является не ошибкой, а намеренным приёмом, который свидетельствует о свободном обращении человека с языком, сознательном использовании отклонения от нормативных установок.

Лит.: Ицкович В.А. Языковая норма. М., 1968; Крысин Л.П. Язык и социальная действительность // Русский язык в школе. 1967. № 3; Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959; Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. ст. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006; Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация языка. М., 2003; Современный русский язык: система – норма – узус. М., 2010.

Т.М. Григорьева

ЛИТОТА (от др.-греч. λιτότης – ‘простота, малость, умеренность’) – 1. Стилистический приём, основанный на отрицании противоположного (А. Квятковский); «отрицание обратного свойства» (Б. Томашевский); утверждение, построенное на двойном отрицании: *Верь: я внимал не без участия* (Н. Некрасов).

Наиболее характерны для разговорной речи так называемые **бытовые** Л.: *нелёгкий* вместо *трудный*; *неплохо* вместо *хорошо*; *неумно* вместо *глупо* и т.д. [Квятковский 1966: 145]. Если вместо *он глуп* сказать *он не блещет умом*, то Л. в данном случае позволяет выразить мнение более осторожно, избегая обиды собеседника, могущего иметь другую точку зрения. Таким способом выражается сдержанное утверждение: *не без участия => с участием* (некоторым), *не без причины => по причине* (отчасти) и т.п. Существуют слова-Л.: *небесполезный, небезосновательный, небезынтересно* и др., а также Л.-речевые обороты: – *Вы устали?* – **Не без этого**.

Иногда Л. служит средством выражения Иронии (см.). Напр.: *небезызвестный* вместо *пресловутый, печально известный*.

2. Стилистический приём, который считается либо противоположностью Гиперболы (см.) либо её разновидностью, имеющий значение преуменьшения и носящий иногда название «обратная гипербола»: *Какие крохотны коровки! / Есть право, менее булавочной головки!* (И. Крылов); *Коляска легка, как пёрышко* (Н. Гоголь).

При таком понимании Л. синонимична Мейозису (см.).

Лит.: Голуб И.Б. Гипербола и литота // Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986; Евсина М.В. Двойное отрицание в простом предложении: На материале английского языка: КД. Тула, 2006; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Скиба В.А. «И дольше века длится день». Гипербола и литота // Русская словесность. 2000. № 5; Шмелёва Т.В. Гипербола, мейозис, литота. Фрагмент обыденной риторики // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988.

О.Н. Емельянова

ЛОГИКО-АРГУМЕНТАТИВНАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА. См. ЛОГИЧНОСТЬ РЕЧИ

ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – это непреднамеренные нарушения норм формальной логики в речи.

Л.о, в отличие от Паралогических риторических приёмов (см.), не являются осознанно допускаемыми говорящим отклонениями от логических законов, не несут на себе дополнительной стили-

стической нагрузки и, как правило, приводят к коммуникативной неудаче автора высказывания, т.е. являются нарушением такого качества хорошей речи, как Логичность речи (см.).

Л.о. можно разделить в соответствии с четырьмя основными логическими законами: законом тождества, законом непротиворечия, законом достаточного основания, законом исключённого третьего.

Примером нарушения закона тождества может послужить следующая фраза из сочинения: *После гражданской войны страна стала **восстанавливать** разруху*. Здесь автор допускает ошибку в выборе слова, из-за чего глагол «восстанавливать», имеющий значение «привести в прежнее состояние, вернуть в прежнее положение», означает одновременно «ремонтировать, налаживать» (восстанавливать после гражданской войны) и «разрушать, уничтожать» (восстанавливать разруху). Примером нарушения закона тождества является также следующий диалог из рассказа А. Аверченко «Юмор для дураков»:

Мать послала маленького сына в трактир, куда удрал гуляка-отец. Сын вернулся один, без отца, и на вопрос матери: «Где же отец и что он там делает?» – отвечал: «Я его видел в трактире... Он сидит там с пеной у рта». – «Сердится, что ли?» – «Нет, ему подали новую кружку пива». Здесь неуместно употребленное ребёнком фразеологическое словосочетание «с пеной у рта», означающее «в сильном гневе», что приводит к тому, что мать неверно понимает смысл сказанного (коммуникативная неудача) и мальчику приходится пояснить, что он имел в виду.

Нарушение закона непротиворечия хорошо иллюстрирует такой отрывок из школьного сочинения: *В заповеднике **живут** звери, которые уже **вымерли***. Здесь автор одновременно утверждает, что «звери в настоящее время живут» и «[эти же] звери в настоящее время не живут», чего в действительности быть не может. По-видимому, автор подразумевал, что в заповеднике живут звери, которые в других местах больше не водятся, но из-за неудачного построения предложение получилось противоречивым.

Нарушение закона непротиворечия демонстрирует диалог из ещё одного рассказа А. Аверченко – «Фат»:

- *А я знаю кого-то, кто от вас просто без ума!*
- *А я даже **знать не хочу. Кто это?** Синицын!*
- *Нет, не Синицын!*
- *А **кто же? Ну, голубушка... Кто?***
- *Мухосеев.*

Здесь одна из собеседниц противоречит сама себе, сперва отрицая свою заинтересованность, и тут же проявляя её своими вопросами.

Л.о., основанные на нарушении закона исключённого третьего, встречаются значительно реже, нежели описанные выше типы. Рассмотрим их на таком примере: *На базаре мы купили красивую **ёлку**. Это была **сосна***. Автор сочинения делает два взаимоисключающих утверждения в отношении одного и того же дерева: «дерево было ёлкой» и «дерево было сосной». Согласно закону исключённого третьего, истинным является только одно из этих двух утверждений, однако автор не делает окончательного вывода по поводу вида дерева. Если бы второе предложение звучало «Вернее, это была сосна», то логика в суждении была бы соблюдена.

В художественной литературе нарушение этого закона обыгрывается, напр., так:

- *В **ХАМСКОЙ ОБИТЕЛИ? Простите, кто бессмертный?***
- *Ваще Бессмертный, что значит – кто? – не понял Летучий Нидерландец.*
- *Он – Кощей?*
- *Он – мой друг, – противопоставил понятия Летучий Нидерландец (Е. Клюев).*

Согласно законам логики истинным в данном случае будет лишь одно из двух высказываний: «Он <Бессмертный> является Кощеем» или «Он <Бессмертный> не является Кощеем», однако второй собеседник делает альтернативное – третье – утверждение: «Он <Бессмертный> является моим другом», что нарушает логичность высказывания в контексте данного разговора.

Логическую ошибку, связанную с нарушением закона достаточного основания, можно проследить в следующем отрывке из сочинения абитуриента: *Старуха-процентщица польстилась на табакерку, а Раскольников её убил. Этим он лишний раз показал, что курить вредно*.

В данном примере тезис «Раскольников показал, что курить вредно» обосновывается тем, что он убил старуху-процентщицу, которая польстилась на табакерку. Связь между табакеркой и курени-

ем хоть и имеется, но в контексте произведения Ф.М. Достоевского неактуальна, и, следовательно, не может служить аргументом, подтверждающим выдвинутый автором тезис.

В художественной литературе также можно встретить использование отклонения от указанного закона. Так, в «Русской истории» О.Л. Дорь попытка узнать, самозванец или нет очередной претендент на престол, описывается следующим образом: *Позовём ещё Марину Мнишек! – решил народ. Позвали Марину, показали Лжедмитрия II. – «Это мой муж – заявила гордая полька: – И брюки такого же цвета, и столько же рук, ног и глаз, как у того... Это мой муж».* Очевидно, что цвет брюк и количество рук, ног и глаз не могут быть основанием для признания человека Лжедмитрием вторым.

Однако при рассмотрении приведённых выше примеров следует учитывать, что некоторые из них взяты из художественной литературы и содержат ошибки, только если рассматривать их с точки зрения участников этих диалогов. Для читателей и писателей все отклонения от норм логики будут Паралогическими риторическими приёмами (см.), что указывает на двойственную природу Алогизмов (см.) и необходимость учитывать коммуникативную ситуацию и контекст, в котором эти отклонения фигурируют. Л.о., как и паралогические риторические приемы, могут быть комичными, вызывать смех, однако их отличает то, что создание комического эффекта не является целью говорящего, а, напротив, оказывается его коммуникативной неудачей, барьером к достижению настоящей коммуникативной цели.

Лит.: Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. М., 2010; Завьялова О.Н. Ошибки логические // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Ивин А.А. Логика. М., 2008; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Уёмов А.И. Логические ошибки и как они мешают правильно мыслить. М., 1958.

Е.Е. Ермакович

ЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ – словари-справочники, дающие информацию из области логики и смежных с ней наук: математики, информатики, философии, методологии и др. Л.с. больше всего соотносятся с философскими словарями, т.к. исторически логика изучалась как часть философии. В таких словарях, как правило, излагаются основные понятия, операции и законы логики.

Важнейшим энциклопедическим изданием, не утратившим актуальности в наши дни, признаётся «Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии», составленный российским историком философии, филологом и переводчиком Э.Л. Радловым (1911 г. здесь и далее в скобках указан год первого издания).

Известным логическим словарем является «Логический словарь-справочник» Н.И. Кондакова (1975 г.). Словарь содержит более трёх тысяч статей, в которых излагаются основные понятия и категории классической (традиционной) и математической (символической) логики, рассказывается о применении их в повседневной практике мышления, в процессе самообразования и учебных занятий, в спорах и дискуссиях, в научно-исследовательской деятельности, в электронно-вычислительной технике. Значительная часть словаря посвящена статьям об основных понятиях таких смежных с логикой научных дисциплин, как математика, кибернетика, языкознание, психология, информатика, методология, риторика. В статьях представлены история логики, биографические очерки об отечественных и зарубежных логиках.

Логический словарь «ДЕФОРТ» (аббревиатура выражения «Дедуктивная ФОРмализация Теорий») отражает понимание логики как «науки об общезначимых формах рационального мышления, о методах дедуктивной формализации содержательных теорий» [Ивин, Переверзева, Петрова 1994: 3]. Связи между статьями (курсивом выделены отсылки к другим статьям) дают возможность читателю получить достаточно полный объём сведений по интересующему его вопросу. Напр., «ПЕРЕСЕЧЕНИЕ МНОЖЕСТВ – см. *Множеств теория*» [Там же: 180].

Не менее распространённым является «Словарь по логике» А.А. Ивина, А.Л. Никифорова (1997 г.). Его задача – познакомить читателя с логикой как одной из теоретических основ информатики. Основное внимание уделено раскрытию фундаментальных понятий, операций и законов логики, описанию основных разделов современной логики. Статьи словаря позволяют читателю получить относительно полный объём сведений по интересующему его предмету. В состав словаря

включён ряд терминов, используемых как в логической литературе, так и в философии, педагогике, методологии научного познания. В сети Интернет представлен электронный вариант этого словаря (www.niv.ru).

В современном мире всё большую популярность приобретают электронные словари. Так, на сайте www.slovari-online.ru имеется среди прочих современных электронных словарей «Словарь логики». Он удобен, если необходим быстрый поиск термина из области логики. Все термины расположены в алфавитном порядке. Каждая словарная статья содержит не только толкование, но и смежные слова/понятия.

Кроме словарей, встречаются ещё справочники и справочные книги по логике. Существует «Краткий словарь по логике» под редакцией Д.П. Горского, А.А. Ивина, А.Л. Никифорова (1991 г.). Словарь представляет собой справочник, излагающий основные понятия, операции и законы логики. Его задача – «познакомить читателя с логикой как одной из теоретических основ информатики» [Горский, Ивин, Никифоров 1991: 2]. Цель издания – дать широкому кругу читателей «доходчивый, удобный в пользовании справочник, разъясняющий основные, наиболее употребительные понятия и термины современной логики». Т.к. это краткий словарь, то «главное внимание уделено раскрытию фундаментальных понятий, операций и законов логики, описанию основных разделов современной логики, совершенствованию практических навыков последовательного и доказательного мышления» [Там же: 3]. В состав словаря включён ряд терминов, используемых как в логической литературе, так и в философии, педагогике, методологии научного познания.

Справочная книга по логике «Логистика» В.Н. Переверзева (1995 г.) представляет собой концептуальный очерк логики. Под логикой автор книги понимает единую науку, которая имеет применение в самых разных областях знания, в т.ч. в философии и математике. С одной стороны, «Логистика» является развёрнутым справочником по теоретическим основам логики, с другой стороны, её можно использовать в качестве учебного пособия, рассчитанного на студентов гуманитарных и технических вузов. По степени сложности материала автор делит книгу на две части: «в главах 1–6 излагаются содержательные основы логики; в главах 7–12 рассматривается уже собственно логика в её современном понимании» [Переверзев 1995: 3].

Лит.: Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М., 1991; Ивин А.А., Переверзев В.Н., Петрова В.В. Логический словарь: ДЕФОРТ. М., 1994; Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975; Переверзев В.Н. Логистика: справочная книга по логике. М., 1995.

Н.Н. Акулова

ЛОГИЧЕСКОЕ УДАРЕ́НИЕ – обязательный атрибут высказывания, в устной речи главное средство Актуального членения предложения (см.), а именно, выделения нового – ремы. В фонетическом отношении это особое повышение тона, сопровождаемое интенсивностью звучания ударного слога. В публичной речи используются дополнительные интонационно-ритмические средства: усиление или ослабление голоса, замедленное или ускоренное произношение, изменение тембра, увеличение длительности слова (*Закон должен исполняться не-у-ко-с-ни-тель-но!*), психологическая пауза перед выделяемым словом. Предложение имеет фразовое ударение как признак относительной завершённости заключённой в нём мысли. Л.у. отличается от него тем, что всегда выполняет экспрессивно-выделительную функцию, может падать на любой формально-смысловой компонент высказывания, даже на слова служебных частей речи – предлоги, союзы, частицы, артикли и местоимения, служебные глаголы: *Я положил книгу на шкаф* (а не в шкаф). Место Л.у. обусловлено целевой установкой адресанта речи, контекстом и моделью тематической прогрессии конкретного фрагмента текста – его сверхфразового единства. Одно и то же предложение в разных коммуникативных условиях может представлять высказывания с разными смысловыми центрами – ремами, уместные в разных ситуационных контекстах, предполагающих разный Предтекст (см.). Ср.: *Я тебя об этом просила* (не говори, что не знала); *Я тебя об этом просила* (не кто-то посторонний); *Я тебя об этом просила* (не кого-то другого); *Я тебя об этом просила* (не о чём-то другом). При наличии логического противопоставления смысловым центром, ремой и носителем Л.у., очевидно, следует считать само это противительное-противопоставительное отношение: *Не я, а ты виновата во всём случившемся*. Зна-

чительную роль в определении носителя Л.у. играют выделительно-усилительные частицы: *именно, как раз, только, лишь, даже, даже не, именно, как раз, ведь, же, и*: **Как раз об этом я и просила тебя – Именно тебя я просила об этом.**

Особые случаи использования Л.у.: 1) в простом предложении с однородными членами носителем Л.у. может быть каждый член ряда, что подчёркивает их равную смысловую значимость; 2) в устной речи Л.у. выделяет слова, оформляющие зачины и концовки микротекстов (СФЕ/ССЦ): *во-первых..., во-вторых...; итак, таким образом, следовательно*. 3) оратор усиливает рематический смысловый центр фразы или целого смыслового фрагмента путём дополнительного Л.у. на словах, подчёркивающих авторское отношение к данным смыслам: *конечно, естественно, очень, совершенно, особенно, вновь, можно, нельзя, важно* и т.п.; 4) выделяются «опорные точки» текста: слова, именующие объекты речи (в научных устных текстах это термины и поясняющие их слова); из всех ритмико-интонационных средств именно Л.у. больше всего связано с передачей смысла высказывания.

В письменном тексте есть свои сигналы носителя Л.у. Прежде всего, это левый и правый Контекст (см.), особенно Предтекст (см.) (вербальный и событийный), а также история взаимоотношений коммуникантов, характеры и стереотипы их поведения, в т.ч. речевого, и другие составляющие коммуникативной ситуации. Графические средства маркирования Л.у. – разрядка, цвет, подчёркивание, особый шрифт.

Лит.: Кодзасов С.В. Интонация // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. М., 2008; **Современный русский язык:** Теория. Анализ языковых единиц: учебник: в 2 ч. Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / под ред. Е.И. Дибровой. М., 2002; **Старичёнок В.Д.** Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008.

А.А. Бернацкая

ЛОГИЧНОСТЬ РЕЧИ – одно из качеств хорошей речи, которое характеризуется её соответствием четырём законам формальной логики: закону тождества, закону непротиворечия, закону исключённого третьего и закону достаточного основания. Закон тождества подразумевает, что в высказывании предмет речи остается неизменен. Закон непротиворечия гласит, что два взаимоисключающих высказывания не могут быть одновременно истинными. Закон исключённого третьего связан с законом непротиворечия и заключается в том, что при наличии двух взаимоисключающих высказываний истинным не может быть какое-то третье. Закон достаточного основания предполагает, что любой утверждаемый тезис требует достаточной аргументированности. Эти четыре закона формальной логики могут рассматриваться как **логическая норма**, соблюдение которой в речи обеспечивает истинность высказывания.

Л.р. базируется на связи речи и мышления и обеспечивает правильное толкование высказывания адресатом. Если в структуре мысли говорящего или в его речи допущена логическая ошибка, то возможны ошибки в понимании высказывания.

Л.р. достигается умением облекать мысли в подходящие слова, правильно строить предложения, соблюдать композицию текста. Ср.: *Бедная Лиза рвала цветы и этим кормила свою мать* и *Бедная Лиза продавала цветы и на вырученные деньги кормила свою мать*.

Отклонение от законов логики приводит к возникновению Алогизмов (см.), которые могут являться Логическими ошибками (см.) или Паралогическими риторическими приёмами (см.).

Лит.: Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. М., 2010; Ивин А.А. Логика. М., 2008; Матвеева Т.В. Логичность речи // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Плещенко Т.П. Стилистика и культура речи. Мн., 2001; **Старичёнок В.Д.** Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008.

Е.Е. Ермакович

ЛОГОС – словесное воплощение замысла речи, состоящее как в осуществлении идейного содержания речи, так и в её словесном оформлении, одна из трёх центральных категорий риторики наряду с **Этосом** (см.) и **Пафосом** (см.). **Л.** – словесное воплощение пафоса на условиях этоса (Ю.В. Рождественский). **Л.** в риторике является заключительным этапом речи, хотя в его последовательности можно увидеть весь риторический канон: воплощение идей речи, поэтому в **Л.** просматривается система общих мест, расположение идей речи, словесное выражение в тропах и фигурах, а также исполнение речи в определённой фактуре речи и связанных с ним стилистических требованиях к речевыражению.

Л. предполагает «владение интеллектуальными ресурсами аргументации. Риторическая аргументация – совокупность словесно оформленных ходов мысли, содержащихся во взаимосвязанных высказываниях...» [Волков 1996: 17].

Такое понимание **Л.** вполне соответствует классическому пониманию этого термина в философско-филологической традиции, ибо главной идеей европейской культуры является идея Слова как воплощения Божественного замысла творения и создания мира. Слово воплощает как Божественный Разум, так и осуществлённое исполнение Божественного Словесного откровения, выраженное в текстах Священного Писания. Человек как словесное создание (образ Божий) наделяется «логосической» способностью творчества в единстве и последовательности мысли и речи. Именно человек (ритор) призван к культурной новизне, которая осуществляется в изобретении новых идей и их реализации в словесной деятельности на основе правил и прецедентов деятельности, составляющих содержание культуры.

Лит: Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2009; Иванова С.Ф. Говори!.. Уроки развивающей риторики. М., 1997; Львов М.Р. Риторика: учеб. пособие для учащихся 10–11 классов. М., 1995; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 2004; Романенко А.П. Образ ритора в советской словесной культуре. М., 2003.

В.И. Аннушкин

ЛОГОЭПИСТЕМОЇД. СМ. АНТИПОСЛОВИЦА

ЛОЖНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ. СМ. АРГУМЕНТАЦИЯ

ЛОЖНАЯ ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ (ЛОЖНОЕ ЭТИМОЛОГИЗИРОВАНИЕ) – 1. Ложная трактовка внутренней формы слова, вызванная ошибочным пониманием этимологического состава слова и приводящая к его искажению (иначе **народная этимология**), напр.: *полуклиника* вместо *поликлиника*, *скупелянт* вместо *спекулянт*, *гульвар* вместо *бульвар* и т.п. Факты народной этимологии в обычной речи являются ошибками; в художественной они используются как стилистический приём (мастером такого приёма был русский писатель Н.С. Лесков).

2. Стилистический приём нарочитой ложной этимологизации: *речушка* – ‘небольшой доклад’, *выкидыш* – ‘парашютист’, *жрец* – ‘клиент столовой’ и т.п. [Санников 1999: 456]. Используется Л.э. главным образом для создания комического эффекта. Напр.: *Я посланник. Каждое утро жена посылает меня на рынок за провизией* (А. Чехов); *Есть разных хитростей у человека много, / И жажда денег их влечёт к себе, как вол... / Кулак Пахом, чтоб не платить налога, / Наложницу себе завёл!* (О. Мандельштам).

В современной газете приём Л.э. используется как текстообразующая основа малых комических жанров. Напр., в жанре комического комментария: *Г. Зюганов, лидер КППФ: «В современной России даже Госстрах никому ничего не гарантирует»*. Комментарий журналиста: *Не клеветайте на современную Россию! Пусть ГОСударство не даёт народу никаких гарантий – зато сколько СТРАХа!* (АиФ. 2007. № 32); комического диалога: – *Кто такие загадочные женщины? – Это те, которые выходят замуж за гадов* (Шанс. 12.03.2007); комического «этимологического словаря»: *Купидон – продажа реки. Домовой – крикливая жена. Котлета – дачный кот. Парашют – два клоуна в воздухе* (АиФ. 2004. № 30) и т.п.

Лит.: Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Гаспаров М.Л. Этимологизация // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Квятковский А.П. Школьный поэтический сло-

варь. М., 1998; **Максимов Л.Ю.** Народная этимология и её стилистические функции // Русский язык в школе. 1982. № 3; **Санников В.З.** Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; **Сковородников А.П.** Этимологизация, или этимологическая фигура // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ЛОЗУНГ – призыв, выраженный в лаконичной форме, содержащий определённую идею, требование. Ю.И. Левин, анализируя советские Л., даёт такое определение: «Под лозунгом понимается краткий письменный текст (обычно – одно простое предложение), выражающий “руководящую идею, задачу, требование” (Большая советская энциклопедия, 3-е изд.), оформленный в достаточном для массового восприятия формате и расположенный в том или ином общественном месте (улица, площадь или шоссе, предприятие, клуб и т.д.)» [Левин 1998: 542].

Слово «Л.» пришло в русский язык из немецкого «die Losung». Изначальное его значение – ‘пароль’ или ‘опознавательный крик’. Немецкое слово происходит от глагола «losen» – ‘отличать, кидать жребий’ [Большой словарь иностранных слов 2003: 360]. Для Л. значима идея сплочённости во имя общего дела. Он представляет собой «тип социального красноречия, в котором ценится лаконичное оформление доходчивого и хлёсткого содержания» [Матвеева 2003: 142].

Л. используются в политической, религиозной и других сферах. Л. возможен как в устном, так и в письменном виде. Устный Л. характерен для митинговой речи ораторов. В письменном виде Л. чаще всего появляется в форме плакатов, транспарантов, листовок и других публицистических материалов. Л., как правило, хорошо запоминается и является краткой формой передачи мысли, поэтому его часто используют в целях пропаганды.

Содержание Л. определяет его форму. В напряжённые моменты борьбы, рассчитанный на агитацию, Л. должен быть ясным, общепонятным, броским, кратким и легко запоминаемым. Словесная форма Л. должна способствовать максимально быстрому его усвоению. В Л., как правило, не используются тропеические средства языка, восприятие которых субъективно. Язык Л. должен быть свободен от элементов, затрудняющих восприятие (омонимов, варваризмов и т.д.). Л. часто обходятся и без глагольных конструкций, что создаёт особую экспрессию энергии, категоричности. Напр., Л. *Мира, хлеба и власти*, с которым выступил одним из первых против самодержавия в 1917 г. волынский полк, или главный лозунг большевиков 1917 года – *Вся власть советам*. В письменных Л. глагол заменяется тире, напр.: *Пятилетку – в 4 года, Техника – массам, Война – войне*. Возможен Л., который состоит из одного слова. Напр., знаменитый контрреволюционный Л. французского политика-либерала Франсуа Гизо *Обогащайтесь!* (фр. Enrichissez-vous!) в речи, произнесённой 1 марта 1843 г. во французской палате депутатов.

В современном мире наиболее распространёнными являются Л., функционирующие на митингах, пикетах, забастовках и т.п. Эти Л. выполняют знаковую функцию протеста. Напр.: *Нет гражданской конфронтации!*, *Требуем снижения цен!*, *Мы против завода ферросплавов!* Акции протеста способны влиять на политический и экономический курс правительства. Л. в ситуации акции протеста имеют прагматическую цель: изменить действия, ценностные установки власти и её представителей, а также продемонстрировать ей недовольство, возмущение, несогласие или, наоборот, поддержку со стороны митингующих. Распространены Л., функционирующие во время избирательных кампаний. Функция этих Л. – привлечение голосов избирателей. Такие Л. чаще всего можно встретить в предвыборных листовках. Предвыборные Л. сближаются с рекламными текстами. В городе они чаще всего размещены на тех же местах, что и уличная реклама. Напр., *Я пришёл дать вам волю!* (и фото Г.А. Явлинского). Л. могут размещаться на уличных щитах. Их функция – декларирование культурных и социальных ценностей. Напр., *Сделаем наш город городом высокой культуры!*

Удачно созданный Л. служит средством воздействия: вдохновляет сторонников, привлекает клиентов, формирует корпоративный дух и сплачивает коллектив.

Лит.: **Большой словарь иностранных слов** / сост. А.Ю. Москвин. М., 2003; **Большая советская энциклопедия**. М., 1975; **Енина Л.В.** Современные российские лозунги как сверхтекст: АКД. Екатеринбург, 1999; **Левин Ю.И.** Семиотика советских лозунгов // Левин Ю.И. Поэтика. Семиотика: избранные труды. М., 1998; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стили-

стика, риторика. М., 2003; Попов С. Волшебная роль лозунга. URL: www.love-money.ru/lozung/index.htm.

Н.Н. Акулова

ЛОКУТИВНЫЙ АКТ (ЛОКУТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ). См. ЛОКУЦИЯ

ЛОКУЦИЯ, или **ЛОКУТИВНЫЙ АКТ (ЛОКУТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ)**, – термин теории речевых актов, обозначающий содержание высказывания (речевого акта) безотносительно к его иллокутивной силе, или Иллокуции (см.) [Кобозева 1986]. Л. держится на значениях входящих в высказывание лексико-грамматических средств и может значительно расходиться со смыслом реального речевого акта в конкретной ситуации: так, сообщение *У меня болит голова* может означать **жалобу** в кабинете врача (*На что жалуетесь?*), **побуждение** завершить визит, если произнесено хозяйкой; **извинение** за невнимательность в ситуации академического занятия.

Этому представлению в рамках ряда концепций соответствует пропозиция, в которой противопоставляются предикация и референция как особые акты [Арутюнова 1976; Сёрль 1986], или диктумное содержание речевого жанра [Шмелёва 1990]. В этом смысле можно сказать, что Л. в наибольшей степени изученный аспект речевого акта, поскольку в традиционной грамматике описывается именно эта составляющая содержания предложения.

В концепции Дж.Л. Остина Л. называется акт говорения безотносительно к его иллокутивной силе, т.е. смысл «я говорю», который включает акты фонетический (произнесение), фатический (использование лексем и их грамматического оформления по правилам конкретного языка) и ретический (соотнесение избранных лексем с реальными объектами – референция) [Остин 1986]. В реальной речи возможна реализация отдельных составляющих локутивного акта: *Он только хмыкнул; сказала «Ой!»* (фонетический акт); *Он сказал: «Надо подумать»* (фонетический и фатический, но соотнесения с реальностью нет – кто и когда будет думать, неясно). В научной речи определение терминов, которым обычно начинают текст, можно отнести к фатическим актам, предваряющим собственно научное сообщение.

В этом понимании Л. соотносится в семантическом синтаксисе со смыслами модуса, которые регулярно не получают выражения в высказывании, но существенны для его восприятия и понимания. К выражению этих смыслов автор высказывания прибегает чаще всего в формах прошедшего и будущего времени: *как я уже сказал; а теперь мы будем говорить о...* Их экспликация в наст. времени даёт эффекты экспрессивности и даже агрессии: *Где ты был, я тебя спрашиваю?; Замолчи, тебе говорят!* [Шмелёва 1986]. При передаче чужой речи в словах автора или ремарках драматурга в пьесах эти смыслы эксплицируются в формах 3-го лица.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976; Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов М., 1986; Сёрль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Шмелёва Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) // Russistik (Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка). Berlin, 1990. № 2; Шмелёва Т.В. «Невыражаемые» элементы смысловой организации предложения // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл: тезисы краевой науч.-практ. конф. Красноярск, 1986.

Т.В. Шмелёва

МАКАРОНИЗМ – 1. Иноязычное слово или выражение, включённое в речь в неосвоенном или искажённом виде (ср. Варваризм), напр.: *Я просто, моншер, хотел, сан-фасон, предложить руку, чтобы, компрене ву, соединить капиталы* (А. Островский).

2. В средние века и в Новое время в романской литературе и ораторском искусстве предложения, в которых случайным образом перемежаются слова и выражения живого народного языка с латинскими, а также сами слова и выражения народного языка, включённые в такой смешанный текст. М. знаменовали важный период в жизни западноевропейских государств, когда происходил переход

от использования в качестве книжного языка латыни к формированию литературных языков и расширение сферы их применения. Такая смесь латыни с народным языком называлась макаронической, или кухонной (*culinaria*) латынью.

Речь, изобилующая М., называется макаронической. Существует специфический вид художественной литературы – макароническая поэзия, построенная на широком использовании макаронизмов. В России к макаронической поэзии можно отнести поэму «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже»: *Говорю: мон капитен, / Он в ответ мне: «Нихт ферштейн!» / Немец на беду копчѣный, / По-французски не учёный. / Я не знаю л'алеман; / Ну, признаться, – се шарман!* (И. Мятлев).

Лит.: Гаспари А. История итальянской литературы. Т. II. М., 1897.; Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; Норлусеня В.С. Макаронизмы английского происхождения в современном русском языке: КД. Ростов н/Д, 2000; Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6.

И.Е. Ким

МАКРОСОЦИОЛИНГВИСТИКА. См. СОЦИОЛИНГВИСТИКА

МАКСИМА. См. АФОРИЗМ

МАКСИМЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ. См. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ – это общественно значимое послание наделённого социальным статусом адресанта (журналиста, политика и др.), направленное по каналам средств массовой информации (СМИ) массовому адресату с целью воздействия на массовое сознание.

В широком смысле слова коммуникация – это обмен информацией между адресантом и адресатом с помощью общего кода (общей системы символов, как вербальных, так и невербальных). М.к. имеет специфические особенности, по сравнению с другими типами коммуникации (межличностной, межкультурной и т.п.). Информация, распространяемая по каналам СМИ, должна быть новой, периодической, комплексной (т.е. одновременно транслируемой через газету, интернет-издания, документальное кино, по телевидению и радио), иметь массовый характер, т.е. «нести в себе сведения, которые в той или иной степени касаются всех» [Лазутина 2000: 30].

М.к. различается не только по типу послания, но и по типу Адресанта (см.). Адресант М.к. – журналист, наделённый правом передавать социально значимую информацию, т.е. играющий важную социальную роль и осознающий свою коммуникативную задачу. Поэтому адресант М.к. – это, с одной стороны, «коллективный ритор» (термин Ю.В. Рождественского), а с другой – это творческая индивидуальность, имеющая собственную авторскую позицию, морально-нравственные установки, эстетические идеалы. «Образ автора в журналистском тексте имеет свои особенности. С одной стороны, проявляются черты человека, занимающегося общественной деятельностью и выражающего коллективные оценки и пристрастия. С другой – в тексте можно найти и черты автора как частного человека: индивидуальный выбор языковых средств, характер оценочности и другие черты речевого поведения» [Солганик, Дроняева 2002: 21].

Специфичен и тип Адресата (см.). Это именно массовый адресат. Даже те жанры, которые имитируют межличностное общение (интервью, беседа, ток-шоу, круглый стол и т.п.), ориентированы на двойного адресата: прямого (непосредственного участника интервью) и косвенного (массового адресата). Послание адресанта предназначено в первую очередь массовому адресату и призвано повлиять на массовое сознание.

В пространстве М.к. циркулируют различные типы Дискурсов (см.): публицистический, информационный, развлекательный, рекламный, религиозный. Доминирующим является публицистический дискурс. Именно он выполняет основную функцию М.к. – формирование идеологической картины мира и консолидацию общества вокруг базовых Идеологем (см.). Публицистический дискурс – это действующий тип дискурса, реализующий интенцию убеждения, а следовательно, оказывающий мощный перлокутивный эффект на своего адресата. Публицистический текст как составная часть публици-

стического дискурса – это социальное действие адресанта, направленное на убеждение своего адресата не просто в правомерности, но в правильности авторской идеи. Публицистический текст – это текст любой тематики, но обязательно имеющий политико-идеологический модус формулирования текста.

М.к. сегодня – это основная составляющая цивилизации. Информация, которая не попадает в СМИ, практически недоступна массовому адресату и не способна оказать воздействия на массовое сознание, даже несмотря на её потенциальную значимость для социума. Общество интересуется только тем, что выносится потоком М.к. на всеобщее обсуждение. С этой точки зрения М.к. – своего рода идеологические фильтры, пропускающие и внедряющие в массовое сознание информацию, необходимую для создания идеологической модели мира, которая, в свою очередь, имеет определяющий характер для развития социума.

Лит.: Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008; Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: учебник. М., 2000; Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 1998; Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979; Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи. М., 2002; Язык средств массовой информации: учеб. пособие / под ред. М.Н. Володиной. М., 2008.

Н.И. Клушина

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА – литература для всех. В западном литературоведении для определения М.л. используются термины «тривиальная», «формульная», «паралитература», «популярная литература» (англ. popular). Термин «М.л.» в известной мере условен, обозначает не столько распространение того или иного произведения, сколько определённую систему жанров, в которую входят детектив, фантастика, фэнтези, тексты «розовой» (мелодрама, любовный роман, чиклит – «женская литература», «литература для цыпочек») и «чёрной» литературы («криминальное чтение»).

Интерес к массовой культуре обостряется в период Постмодернизма (см.), в этом отношении последний наследует авангарду с его заинтересованным отношением к М.л., моде, быту. Молодёжная субкультура 1960-х нивелирует границу между элитарным и массовым искусством, предугадывая эстетические новации постмодернизма. В современной культуре к М.л. отношение двоякое: она воспринимается как кичевая, профанная, тривиальная, ненормативная, отвечающая вкусам обывателей, однако в ироническом модусе М.л. эстетизируется как оригинальная, «другая» по отношению к классике. Неслучайно в словесности постмодернизма столь очевидны заимствования классических сюжетов, стилизация, игра с мотивами высокой литературы. Травестирование традиционных ценностей сочетается здесь с эстетизацией «мусора культуры», быта, повседневности. Если высокая культура, эстетика ассоциируются с мужским интеллектуальным началом, то пассивное потребление М.л. связывается с женским. Принципы удовольствия, слабости, соблазна, чувственности превозносятся над ценностями реальности, аналитическим подходом к действительности.

На уровне поэтики М.л. отличается тиражированностью приёмов, банальностью сюжета, примитивностью экспрессивных средств, языка. Средства массовой информации стали мощными каналами, через которые идёт глобальное вторжение разговорной стихии, в т.ч. ненормативной лексики, в лексикон современной языковой личности. Речевой портрет современника, восстановленный на страницах М.л., свидетельствует об обеднении речи, редукции определённых фрагментов словаря, о тенденциях развития языка вообще. Табуированная, жаргонная лексика, модные заимствования, стёб стали в М.л. заметны как в лексике персонажей, так и в авторском тексте: «Для низовой массовой литературы язык не является эстетическим объектом, материалом для обработки. Она стремится к натуралистическому, но образному воплощению языкового быта» (Л. Быков, Н. Купина). Художественная идея в М.л. стереотипизируется, оказывается доступной по своему содержанию. «Литература для всех», построенная на архетипах, социальных мифах, создаёт определённый тип эстетического восприятия – восприятия в банальном, упрощённом виде. Такая словесность является одним из действенных средств культурного мифотворчества, именно её читает большинство.

М.л. имеет свою традицию, однако вплоть до конца XIX в. сферы «высокого» и «низкого» практически не соприкасаются, только в период модерна становится очевидным, что М.л. обретает агрессивный характер. С ростом грамотности, демократизацией культуры литература получает широкую читательскую аудиторию. Родиной М.л. в её сегодняшнем понимании считают Америку. В конце

XIX в. здесь появляются так называемые **комиксы** (англ. comic – ‘смешной’), представляющие собой серию забавных рисунков, последовательно раскрывающих какой-л. юмористический сюжет и снабжённых краткими, однозначными по своему смыслу подписями. Единственной целью комиксов является развлечение публики, они и рассчитаны на детей и малограмотных. Постепенно с полос газет комиксы перемещаются на страницы книг, их первоначальная направленность сменяется эксплуатацией исторических, детективных или любовных сюжетов. Популярности комиксов в Америке ничто не в состоянии повредить: ни войны, ни социальные и экономические кризисы, ни сеть Интернет, по сей день школьники, домохозяйки активно обсуждают сюжеты комиксов, персонажи которых (Бэтман, Супермен и др.) давно обжили пространство не только литературы, но и рекламы, кино, Интернета. Следующей ступенью на пути развития паралитературы стали **дайджесты** (англ. digest – ‘краткое изложение’) – книги, содержащие краткое, адаптированное изложение мировых литературных шедевров и позволяющие профанам демонстрировать в нужный момент свою «образованность».

Активному развитию М.л. способствовали успехи радио, кинематографа, множество периодических изданий, которые и создали единое поле образов, идей, способов их внедрения в умы широкой публики. На сегодняшний день стоит фиксировать безусловные успехи М.л., умеющей преподнести себя аудитории, обладающей знаковой «упаковкой» (яркие обложки, кричащие названия, занимательные рисунки). Существование **бестселлеров** (англ. bestseller – ‘успешная, раскупаемая книга, издаваемая огромными тиражами’) определяется отнюдь не глубиной содержания и оригинальностью поэтики, но красочностью, провокационностью оформления. Причём создатели М.л. – люди, как правило, профессиональные, прекрасно разбирающиеся в психологии масс, во вкусах и ожиданиях большинства, которому и предстоит угодить. Достаточно назвать имена Б. Акунина, Л. Улицкой, В. Пелевина, М. Веллера, О. Зайончковского, Д. Быкова и др. Именно в XX в. производство массовой культуры превращается в целую индустрию, имеющую огромный рынок сбыта.

Жёсткой границы между **профессиональной, «высокой»** литературой, **беллетристикой** («срединное» поле литературы), **мидл-литературой** (интеллектуальное чтение) и М.л. не существует. Нередко произведения, которые создавались и относились к массовой литературе, воспринимаются как обладающие несомненными эстетическими достоинствами (такова судьба «Лолиты» В. Набокова). М.л. получает определение **формульной**, её произведения чётко соответствуют требованиям жанра, воспроизводят известные сюжетные схемы, устоявшийся набор персонажей и типов героев, ей свойственен **эскапизм** (от англ. escape – ‘бегство, уход от реальности’) вследствие установки на эффект удовольствия, комфорта. Во многих жанрах паралитературы открыто персонифицируются добро и зло, унифицируются типовые социальные конфликты, осуществляется перенос из реальности в мир сказки, где сюжет финализирует обязательный «happy end».

Лит.: **Быков Л., Купина Н.** Лингвистический натурализм текстов массовой литературы как проблема ортологии // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М., 2006; **Гройс Б.** Утопия и обмен. М., 1993; **Ильин И.** Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996; **Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.** Современная русская литература: 1950–1990-е гг.: В 2-х тт. М., 2003; **Маньковская Н.Б.** Эстетика постмодернизма. СПб., 2000; **Основы литературоведения.** М., 2003; **Скоропанова И.С.** Русская постмодернистская литература. М., 2001; **Циплаков Г.** Битва за гору Мидл // Знамя. 2006. № 8; **Черняк В.Д., Черняк М.А.** Базовые понятия массовой литературы: учеб. словарь-справочник. СПб., 2009; **Чупринин С.** Жизнь по понятиям. Русская литература сегодня. М., 2007.

Н.В. Ковтун

МАССОВЫЙ ЧЕЛОВЕК – своеобразный продукт массовизации, профанации человека, торжества безличности, банальности. Теории «М.ч.» сформированы на рубеже XIX–XX вв. Проблеме психологии масс посвящены фундаментальные философские, социологические, психологические, культурологические работы. Первым в ряду исследователей называют Г. Лебона, который в работе «Психология масс» (1896) стал рассматривать толпу, массу как самостоятельный феномен.

Изучением психологии масс занимались З. Фрейд и К. Юнг, основатель психоанализа считал массу чрезвычайно легковёрной, внушаемой, некритичной в отношении к высказыванию. Масса «думает образами, порождающими друг друга ассоциативно, – как это бывает у отдельного человека,

когда он свободно фантазирует, – не выверяющимся разумом на соответствие с действительностью. Чувства массы всегда весьма просты и весьма гиперболичны» [Фрейд 1926]. Массовая аудитория характеризуется снижением вкусовых критериев, критического настроения, что обусловлено срастанием сознания со средствами коммуникаций, обеспечивающим адаптацию к их трансформациям.

Появление «массовидного человека», как правило, приходится на переломные эпохи, к которым относятся, напр., времена модерна и постмодерна (см. Постмодернизм). И. Смирнов вводит и специальный термин – «психотип эпохи». Одним из ведущих исследователей феномена массы, «М.ч.» считают испанского философа Х. Ортегу-и-Гассета. В работе «Восстание масс» он исходит из понимания общества как состоящего из «избранного меньшинства» и «массы», под «массой» он понимает не социальный класс, а способ быть человеком. «Избранное меньшинство» служит высоким целям, берёт на себя ответственность, «масса» существует без определённого жизненного проекта. Для «человека массы» важна идентичность с другими людьми, он получает удовольствие от совпадения собственных решений, идей, высказываний с общепризнанными образцами. Современность, считает учёный, характеризуется выступлением «человека массы» на авансцену истории, массы желают править миром, не понимая законов развития цивилизации, заявляют свои вкусы, интересы, язык, диктуют ценностные приоритеты, которые и отражает массовая культура. С утверждением «человека массы» связаны, полагает Х. Ортега-и-Гассет, и тоталитарные режимы, фашизм, большевизм, особую роль в развитии «человека массы» сыграла прикладная наука, доступная скорее посредством посредственности. «Человек массы» – не обездоленный труженик или революционер, но средний индивид, который «как все».

Сегодняшнее господство «М.ч.» – суть рай обывателя, которого не замечали героические эпохи и который в переходные времена берет своеобразный реванш. Именно обыватель отстаивает своё право на то, что ранее ограничивалось в доступе – порнопродукцию, примитивные ужастики, розовые романы.

В круге чтения «М.ч.» Массовая литература (см.) занимает особое место. Она изначально ориентирована на вкусы большинства, на спрос, культурные стандарты, на изменившуюся, упрощённую систему ценностей, примитивный язык. Власть обывателя, захватившая в своё поле и литературу, угадана в текстах М. Булгакова, В. Набокова, М. Зощенко, Ю. Олеши, об этом же пишет К. Чуковский: «Существует изрядное количество признаков, что пришёл какой-то новый, миллионный читатель, и это, конечно, радость, но беда в том, что имя ему – обыватель, он с крошечной, булавочной, головкой. Читатель-микроцефал. И вот для такого микроцефала в огромном, гомерическом количестве стали печатать микроцефальные журналы и книги» [Чуковский 2003].

Лит.: Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996; Лебон Г. Психология масс // Психология масс: хрестоматия. Самара, 2001; Левада Ю. От мнений к пониманию: Ст. 1993–2000 гг. М., 2000; Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000; Москвичи С. Век толп: исторический трактат по психологии массы. М., 1996; Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 2000; Современная западная философия. Словарь. М., 1991. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1926. URL: www.krotov.info/library/21_f/re/freud_02.html; Черняк В.Д., Черняк М.А. Базовые понятия массовой литературы: учебный словарь-справочник. СПб., 2009; Чуковский К. Нат Пинкертон и современная литература // Собрание сочинений. Т.7. М., 2003.

Н.В. Ковтун

МЕДИАЛИНГВИСТИКА – лингвистическая дисциплина, изучающая язык медиасферы: газет и журналов, радио, телевидения, Интернета. В известном смысле это направление наследует отечественной ветви стилистики, именовавшей себя по объекту – язык газеты, язык радио, язык телевидения. С другой стороны, оно ориентируется на изучение языковой стороны медиа за рубежом, наиболее последовательно этот опыт вводится в отечественный оборот Т.Г. Добросклонской.

Разнообразные наблюдения лингвистов над медиа могут быть более плодотворными при наличии общей концепции М. В качестве таковой может быть предложена концепция М. как медийного речеведения. Это означает, что все языковые факты рассматриваются с учётом участников коммуникации, фактуры речи, сферы речи, жанров. В таком случае М. можно развивать как четыре взаимосвязанных направления: персонология, фактурология, сферология и жанрология.

Персонология «отвечает» за речевое и языковое поведение участников медийной коммуникации. Это значит, что её интересует проявление в медиатекстах автора и адресата, она выявляет круг языковых средств их проявления в зависимости от жанра, типа издания. Для современной медиасферы существенно различие изданий по адресату (целевой аудитории), тогда как автор часто «заслоняется» изданием, т.е. тексты подаются как произведения корпоративного автора. Авторское начало медиатекста определяет ряд факторов: от издательской политики до индивидуальных стилистических пристрастий и языковых возможностей. В связи с тем, что для медиакommunikации важны переводы текстов с одного языка на другой, значимы исследования принципов перевода и речевое поведение переводчика.

Фактурология исследует вовлечённые в медиасферу фактуры речи, их соотношение и взаимовлияние, а также отражение в языке. Для современной М. наиболее актуальны исследования интернет-изданий, их языка и организации медиатекстов. Традиционные фактуры испытывают влияние интернет-коммуникации, в т.ч. и в языке. Для звучащих медиа важны вопросы произносительной культуры, для графических (газета и Интернет) – вопросы орфографии и пунктуации. Визуальная, как и языковая, культура телевидения и Интернета связана с этическими проблемами.

Сферология должна изучить дифференциацию медиасферы на внутренние сферы – от политической до спортивной и развлекательной. Каждая из сфер располагает особыми жанрами и языковыми средствами.

Жанрология исследует медиажанры. Известно, что сейчас классическая система медиажанров меняется, интервью вторгается не только в другие информационные жанры, но и в аналитические. Переживает не лучшие времена очерк, фельетон. Репортаж усложняет отношение вербальной и визуальной составляющей. Изучение медиажанров невозможно без учёта внутренних сфер медиакommunikации: спортивный репортаж не похож на репортаж с места происшествия, хотя они представляют один жанр.

Главная идея М. – все различия любой из сторон медиакommunikации непременно проявляются в языке. Поэтому необходимы самые тщательные исследования каждого жанра, каждой сферы. Актуально для М. изучение региональных медиа, что даёт возможность составить общую картину функционирования русского языка в медиа.

Особо стоит отметить необходимость развития сопоставительной М., которая должна ответить на вопрос, как русский язык соотносится с другими языками, отвечая на вызовы медиакommunikации. Все направления М. имеют практическую направленность, в их результатах заинтересованы как лингвисты других направлений, так и журналисты.

Лит.: Бернштейн С.И. Язык радио. М., 1977; Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М., 2008; Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004; Зарва М.В. Слово в эфире: о языке и стиле радиопередач: произношение в радио- и телевизионной речи. М., 2011; Каминская Т.Л. Адресат в массовой коммуникации: монография. В. Новгород, 2009; Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008; Новгородские медиа: стилистический портрет: сб. мат-лов. URL: <http://www.novsu.ru/ppe/files/um/1588617/portrait/titul.html>; Солганик Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX веке // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2002. № 2; Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. М., 2008.

Т.В. Шмелёва

МЕДИАСТИЛИСТИКА – одно из активно развивающихся научных направлений, главным образом усилиями специалистов языковедческих кафедр факультетов журналистики России и других славянских стран – Белоруссии, Украины, Польши, Болгарии, Чехии, Словакии.

В многочисленных исследованиях, вышедших в последние два десятилетия, это направление представлено как ответвление функциональной стилистики, изучающее закономерности функционирования языка в речи СМК, в зависимости от типа содержания, целеустановок и ситуации общения. Как и медиалингвистика, М. полидисциплинарна и включает в себя множество научных направлений (об основных направлениях стилистики см. [Кожина, Дускаева, Салимовский 2012]).

Основания М. заложены трудами А.Н. Васильевой, М.Н. Кожинной, В.Г. Костомарова, И.П. Лысаковой, К.А. Роговой, Г.Я. Солганика и др. В центре медиастилистических исследований в

славянских странах сегодня медиатекст в самых разнообразных его аспектах (И.В. Анненкова, В.П. Барбашов, Б. Боголебска, М. Войтак, В.И. Ивченков, Т.С. Дроняева, Л.Р. Дускаева, О.В. Орлова, В.А. Салимовский, С.И. Сметанина, Г.Я. Солганик, Т.Б. Карпова, Н.И. Клушина, М.А. Кормилицына, В.Г. Костомаров, Т.И. Сурикова, Л.Н. Цонева, Э.В. Чепкина, Т.В. Чернышова, и др.). Основные проблемы медиастилистических исследований: соотношение лингвистического и экстралингвистического в организации медиатекстов (И.В. Анненкова, И.А. Вещикова, В.Г. Костомаров, Г.Н. Манаенко, Г.М.Соловьёв, А.Л. Факторович); социальная (И.П. Лысакова) и жанровая (С.В. Донсков, Л.Р.Дускаева, Л.М. Майданова) типологии; закономерности речевого развёртывания медиатекстов как взаимодействия смысловых позиций (Л.Р. Дускаева, С.И. Зеленко, Т.В. Чернышова): фатического (Л.Р. Дускаева, Н.А. Корнилова), полемического (М.А. Кормилицына) и враждебного (А.П. Сквородников, В.А. Мишланов, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский). Важные аспекты исследований стилистики медиатекста – связь смысловой структуры и внешней, речевой стороны (Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова, В.В. Васильева, В.А. Салимовский), его концептосфера (О.В. Орлова, Н.И. Клушина, Т.И. Краснова, Т.Г. Федотовских), архитектоника и композиция (Н.С. Болотнова, Л.Г. Кайда, Т.В. Матвеева), отдельные выразительные свойства (Н.С. Болотнова, М.А. Кормилицына, Т.И. Краснова, Е.В. Стоянова) или их система (А.П. Сквородников, Г.В. Бобровская, Г.А. Копнина) – все те речевые свойства медиатекста, которые способствуют эффективности воздействия.

Важным аспектом медиастилистических исследований стал во многом новаторский анализ русских рекламных текстов [Кара-Мурза 2011]. В последние годы интересные результаты даёт анализ функционирования медиатекста под воздействием культурологических факторов (И.В. Анненкова, Н.Д. Бессарабова, С.И. Сметанина, Т.И. Сурикова).

Таким образом, изучение стилистической эффективности медиатекста осуществляется многоаспектно, с учётом его разноплановых характеристик, обусловленных иерархией экстралингвистических факторов. Сегодня широко заявляет о себе тенденция к пересмотру традиционного для лингвистики подхода к тексту как к целостной структуре с графически и семантически обозначенными границами начала и конца (напр., Э.А. Лазарева, П.П. Жолнорович, Л.Р. Дускаева, М. Житарюк, В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик, М.Ю. Казак, Н.С. Цветова).

Предметом же исследования в М., как и в функциональной стилистике, была и остается речемыслительная деятельность, которая осуществляется языковыми средствами и протекает в важнейших сферах жизнедеятельности человека – науке, искусстве, политике, праве, религии, а также в сфере быта, поэтому в этих исследованиях всегда присутствовала когнитивная направленность. Но если прежде эта идея реализовалась и использовалась, как правило, применительно к научным текстам, то позже она стала рассматриваться в качестве методологической и в стилистических интерпретациях публицистического текста. При анализе речевых механизмов текстопорождения в условиях гипертекста и при анализе стилистического облика изданий различной тематической направленности показал свою продуктивность когнитивно-стилистический подход (см., напр., в работах Л.Р. Дускаевой, В.И. Конькова, Е.В. Стояновой). При изучении имплицатур и косвенности в речи (Л.Г. Кайда, Н.И. Клушина), а также гипертекста (Т.Б. Карпова, Е.В. Какорина) показал перспективность прагматилистический подход.

Углубление в медиаречь потребовало рассмотрения ее как полиинтенционального феномена, выражающегося в разнообразии речевых жанровых форм [Дускаева 2004]. Выход за пределы политического дискурса медийной сферы поставил вопрос о необходимости стилистико-типологического исследования [Медиатекст... 2012], предметом изучения в котором станут закономерности создания и функционирования медиатекстов разных типов, обусловленные «обновившимся» комплексом экстралингвистических факторов. В серии недавних публикаций был предложен интенционально-стилистический подход, в которых интенциональный стиль рассматривается как стилистико-речевое своеобразие того или иного класса текстов, предопределяемое смысловыми доминантами интенциональности субъекта речи (В.П. Барбашов, Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова).

Сегодня стало ясно, что смысловая структура, стиль медиатекста детерминируются, определяются не только вербальными, но и невербальными компонентами, не только внутритекстовыми, но межтекстовыми факторами. М. опирается на методологию функциональной стилистики, изучающей речь во взаимодействии с деятельностью человека и его сознания. В связи с этим направление развивается в тесной связи с гносеологическими, деонтологическими, политологическими, социологическими, психологическими, прагматологическими, культурологическими исследованиями деятельности

средств массовой информации, встраиваясь в общую систему этих научных дисциплин. Изменения условий в динамично развивающейся массовой коммуникации требует расширения и исследовательских горизонтов в стилистике: разработки новых методик, взаимодействия междисциплинарных подходов, что позволит анализировать медиатекст во всей его сложной интегративной природе.

Лит.: Дускаева Л.Р. Медиастилистика в России: традиции и перспективы // Журналистика и культура речи. 2011. № 3; Кара-Мурза Е.С. Рекламный дискурс и рекламный функциональный стиль как рабочие понятия лингвосомиотики рекламы // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. М., 2011; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М., 2012; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М., 1971; Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005; Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб., 2005; Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. ст. СПб., 2012; Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи. М., 2007; Язык современной публицистики: сб. ст. М., 2008; Duskaeva L. Media Stylistics: The New Concept or New Phenomenon // Russian Journal of Communication. 2011. № 4.

Л.Р. Дускаева

МЕДИТАТИВНЫЙ ВОПРОС (от лат. *meditatio* – ‘размышление, обдумывание’) – вопросительное предложение, используемое не для запроса и получения информации (что является функцией обычного, прямого вопроса), а для выражения значения эмоционального размышления, для создания той или иной эмоциональной тональности высказывания или определённого поэтического образа. Иногда М.в. отождествляется с Делиберативным вопросом (см.). Различие между ними можно усмотреть в том, что М.в. может быть обращён адресантом не только к самому себе (как делиберативный вопрос), но и к воображаемому адресату, который может быть даже неодушевлённым предметом, а также к адресату обобщённому: *Парки бабье лепетанье, / Жизни мышья беготня... / Что тревожишь ты меня? / Что ты значишь, скучный шёпот? / Укоризна или ропот / Мной утраченного дня? / От меня чего ты хочешь? / Ты зовёшь или пророчишь? / Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу...* (А. Пушкин).

В этом фрагменте стих. А.С. Пушкина не только представлена цепочка М.в., но и точно показана их функция: выражение поиска смысла, понимания сути явлений. Преимущественная сфера использования М.в. – лирические контексты поэзии и прозы, где они нередко взаимодействуют с риторическими вопросами и риторическими обращениями. Используются М.в. также в публицистике: *Но сколько ужасных испытаний было в истории людей, а вперёд не видно конца злодеяниям, бурлящим, как волны в океане. Жизнь в таком аду не хуже ли Страшного суда?* (Ч. Айтматов); *Кстати совсем недавно тот же господин Прохоров говорил о том, что надо всячески упростить процедуру увольнения с работы. Предприниматель должен иметь полное право делать это быстро и в любой момент по собственному усмотрению. Как тут на предмет повышения престижа рабочих профессий? Одно с другим монтируется?* (ЛГ. 2010. №35).

Лит.: Хасимова Г.Г. Медитативные вопросы в поэтической речи // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; Хасимова Г.Г. Медитативные вопросы в поэтической речи // Риторика и перспективы её изучения в школе и вузе. Ростов н/Д, 1990; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – терминосочетание, встречающееся в современном повседневном и научном дискурсах в основном в трёх значениях. 1. Сфера научно-теоретических изысканий (разработка теории дисциплины). 2. Дидактический аспект в контексте университетского и неакадемического обучения, прежде всего, иностранным языкам. 3. Непосредственный процесс межкультурного общения.

Культурная антропология, лингвокультурология, кросскультурная психология, психолингвистика, коммуникативистика (масс-медийная коммуникация), лингвистическая прагматика, теория перевода, лингводидактика, межкультурный менеджмент, межкультурная педагогика и т.д. – вот далеко не полный спектр направлений, в рамках которых реализуются исследования в области межкультурного взаимодействия. Это позволяет говорить о междисциплинарном статусе научно-прикладной дисциплины «М.к.», предметом которой является коммуникация, детерминированная лингвокультурной вариативностью. Предназначение разрабатываемой междисциплинарной теории М.к. – менеджмент межкультурных различий, оптимизация межкультурного общения.

При этом под межкультурным общением (коммуникацией) понимается межличностное общение между представителями различных культурных и субкультурных групп, в процессе которого имплицитно или эксплицитно проявляется чужеродность партнёров по коммуникации, влияющая на результат коммуникативного взаимодействия. Минимальной единицей М.к. является «дискурсивное (коммуникативное) событие, представляющее собой совокупность коммуникативно значимых прагматически когерентных речевых и неречевых действий участников общения, направленных на достижение общей коммуникативной цели» [Гришаева, Цурикова 2003].

Обращаясь к изучению феномена М.к. в зарубежной и отечественной научной традиции, необходимо выделить на фоне всего многообразия исследований, как минимум, три основных направления.

1. **Культурно-антропологический подход** в изучении процессов М.к., который в силу своей первоочерёдности (как в отношении разработки теории, так и её временной отнесённости) можно рассматривать прототипическим. Именно он подразумевается большинством учёных, по крайней мере в США и Европе, как основной в исследовании межкультурной проблематики. Область культурно-антропологического направления в интеркультуралистике покрывает в зависимости от национальных академических традиций: собственно культурную антропологию (М. Мид, Р. Бенедикт, Ф. Клакхон, Ф. Стродбек, Э. Орлова); коммуникативистику (Э. Холл, У. Гудикунст, П. Вацлавик, Д. Таннен, Г. Малетцке); антропологическую лингвистику и этнографию коммуникации (Э. Сепир, Б. Уорф, Д. Хаймс, Д. Гамперц); социологию, социальную психологию (Г. Хофстеде, А. Томас, В. Попков); культурологию и этнографию (Ю. Лотман, И. Кон, С. Токарев, Е. Весёлкин, В. Шаповалов, С. Иконникова, А. Кармин, К. Касьянова, Г. Гачев) и этнологию (К. Рот, Ю. Рот, Г. Баузингер, А. Моосмюллер).

2. Значительный вклад в развитие теоретических и практических основ М.к. внесла и вносит **кросс-культурная** (или сравнительно-культурная) **психология** как второй релевантный исследовательский подход. В русле американской и европейской традиций (R. Benedict, R. Brislin et al., H. Triandis, В. Вундт, И. Гердер) отечественная кросс-культурная психология уделяет особое внимание эмпирическим исследованиям в сфере психологии межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия (Н. Лебедева, Т. Стефаненко). Межкультурный (межэтнический и межконфессиональный) аспект психологических исследований затрагивает разработку проблем культурной обусловленности познавательных процессов (восприятия, мышления, памяти), личности в контексте культуры (понятие о национальном характере, процессах атрибуции и стереотипизации), этнической миграции и связанных с ней последствий, метод культурного ассимилятора, основанный на так называемых критических эпизодах.

3. **Лингвистический подход** к определению основ М.к. оперирует дефинициями, в которых подчёркивается первостепенное значение языка в процессах межкультурного общения. В отличие от научно-дидактических традиций США и Западной Европы данный аспект особенно культивируется в отечественной исследовательской парадигме и выделяется здесь как третье фундаментальное направление. Наиболее перспективными в русле лингвистической парадигмы межкультурных исследований являются коммуникативно-прагматическое и лингвокогнитивное направления отечественного языкознания (Е.Ф. Тарасов, С.Г. Тер-Минасова, О.А. Леонтович, И.А. Стернин, П.Н. Донец, Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова, В.В. Красных, М.Б. Бергельсон, Д.Б. Гудков, Л.В. Куликова, И.В. Привалова и др.), имеющие в т.ч. реальное прикладное значение и в значительной степени способствующие формированию и развитию межкультурной компетентности личности.

Лит.: Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Воронеж, 2003; Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме. М., 2007; Куликова Л.В. Коммуника-

тивный стиль в межкультурном общении: монография. М., 2009; Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.

Л.В. Куликова

МЕЖСТИЛЕВЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА. См. ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА

МЕЙО́ЗИС (от др.-греч. μειώσις – ‘уменьшение’) – приём, заключающийся в преуменьшении какого-л. качества, свойства предмета или процесса, явления (силы, значения, размера, веса и пр.): *сойдёт; ничего себе, приличный* (о хорошем) и под. Является синонимом Литоты (см.) в одном из её значений.

Усиливая выразительность и образность речи, М. часто выражает оценку: положительную или (чаще) отрицательную: *идейка, связушки, развратик* и т.д.

Во многих случаях М. создаётся при помощи грамматических средств, напр., уменьшительных суффиксов (см. выше).

М. имеет место лишь в том случае, если преуменьшено объективно значительное или нормальное свойство, качество. Преуменьшение же объективно малого является не ослаблением «интенсивности», а, наоборот, её усилением и, следовательно, гиперболизацией малого (см. Литота): *Мальчик-с-пальчик, Мужичок-с-ноготок*.

М. часто сочетается с гиперболой: *Кто сейчас / оплакал бы / мою смертишку / В трауре вот этой / безграничной смерти!* (В. Маяковский); *Я думал – ты всеильный божище, А ты недоучка, крохотный божище* (В. Маяковский); *Но от боязни необъятного пространства есть хороший рецепт: переключиться на зарубежное вещание российских каналов. И зияющий космос, имя которому русский мир, мгновенно сокращается до размеров Останкино* (ЛГ. 2008. № 8).

М. может выполнять функцию Эвфемизма (см.): *не очень умный* (вместо глупый), *не красавица* (вместо дурнушка) и т.п.

Лит.: Потехина А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990; Тахтарова С.С. Лингвопрагматическая категория мейозиса и средства её выражения в современном немецком языке: КД. Волгоград, 2004; Шмельёва Т.В. Гипербола, мейозис, литота: Фрагмент обыденной риторики // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988.

О.Н. Емельянова

МЕМО́РИЯ. См. ЗАПОМИНАНИЕ РЕЧИ

МЕТАБА́ЗИС. См. ПОДМЕНА ТЕЗИСА

МЕТА́БОЛА (от др.-греч. μεταβολή – ‘превращение, переход, изменение’) – понятие, которое является центральным в концепции общей риторики группы μ (представителей Льежской школы риторики) и обозначает прагматически мотивированные отклонения от «нулевой ступени» языка (нормы), т.е. трансформации языковой единицы, фиксируемые в процессе речевой деятельности и тем самым реализующие риторическую функцию.

Выделяют четыре класса М.: **метаплазмы** (преобразования звукового или графического облика слова или единицы более низкого уровня, чем слово), **метатаксис** (преобразования структуры предложения), **метасемемы** (семантические преобразования) и **металогизмы** (отклонения от «норм языка правдивого описания и зеркального отражения истины» [Общая риторика 1986: 241]), причём последние могут быть образованы без нарушения языкового кода. М. всех типов порождаются в результате применения одной или нескольких риторических операций с языковой единицей: её сокращения (полного или частичного), добавления к ней другой единицы, замены единицы или её компонента (сочетание сокращения с добавлением) и перестановки.

В центре теории общей риторики стоит проблема выявления и описания не только типов М. (в иной терминологии – фигур), но и соответствующих им механизмов «снятия» нарушений, обеспечивающих понимание текста. Понятие М., как отмечают представители группы μ, релевантно и в отношении других семиотических систем, оно применимо к искусству в целом.

Термин «М.» в риторической практике используется также в качестве наименования отдельных приёмов, напр.: повторения одной и той же мысли другими словами [Горте 2007: 90] – как синоним Плеоназма (см.); перемещения звуков / букв [Горте 2007: 90: 91] – как синоним Анаграммы (см.), Метатезы (см.); повторения двух разных слов одной части высказывания в другой его части в обратном порядке, с изменением их синтаксических функций и связей [Филиппов, Романова 2002: 125] – как синоним Антиметаболы (см.).

Лит.: Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; **Общая риторика:** пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях: справочник: учеб. пособие. М., 2002.

Г.А. Копнина

МЕТАГО́ГЕ. СМ. ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

МЕТАТЕ́ЗА (от др.-греч. μεταθεσις – ‘перестановка’) – искажение, изменение формы слова путём перестановки букв (фонем) или целых слогов внутри слова или словосочетания. Перестановка звуков или слогов в М., часто обусловленная ассимиляцией или диссимиляцией (*ведмедь – медведь*), может принимать характер языковой игры (*ралёк* вместо *ларёк*).

Лит.: См. лит. к ст. Контрапетрия

М.П. Тихонова

МЕТАТЕ́КСТ – часть текста, назначение которой выявлять его структуру и смысловую организацию. С позиций читателя М. – инструкция для понимания текста; с позиций автора – это авторский комментарий действий.

Средства выражения М. могут быть вербальные (словесные) и невербальные. Вербальные составляют вводные слова типа *во-первых, во-вторых...*; *наконец, например, кстати, впрочем, итак*; обороты типа *кстати говоря, забегая вперёд, подводя итог*; самостоятельные предложения типа *перейдём ко второму вопросу; в завершение следует отметить следующее*. При этом автор может обозначать себя через местоимения *я, мы*, разнообразные безличные обороты: *следует сделать оговорку; стоит привести ещё один пример; можно подчеркнуть одно обстоятельство*. Невербальные включают обозначение частей текста с помощью цифр, букв в алфавитном порядке, а также (такие средства называют параграфемными) деление текста на абзацы и главки, шрифтовое выделение. Параграфемные показатели М. могут быть «переведены» на вербальные: абзац = перехожу к новой теме; шрифтовое выделение = выделяю наиболее важное.

Характер вербального М. и его удельный вес определяется фактором жанра и индивидуальной манерой автора. Так, деловой документ допускает минимум М.; публицистический текст – максимум; информационные медийные тексты практически исключают М. – они невелики по объёму и стандартны по построению, их структура заранее известна и не требует особых комментариев. Научные тексты (статья, напр.) предполагают стандартизированный М., владение которым составляет одну из компетенций автора. М. – одно из проявлений авторского начала в тексте.

Понятие М. и термин введены в лингвистику А. Вежбицкой. Она обратила внимание на гетерогенность текста, увидела в нём «метатекстовые нити», которые сшивают текст, обеспечивая его связность; привела примеры метатекстовых показателей (операторов) разных языков. Термин образован из слова *текст* и греческой приставки *мета-*, значение которой связывают с абстрагированностью, переходом к другому состоянию.

Среди текстовых показателей, кроме метатекстовых, обнаруживаются и такие, которые не отражают структуру текста, но оказываются комментариями авторского поведения: *короче говоря, иначе говоря, якобы* и др. Их целесообразно считать метапоказателями высказывания, составляющими его модус. Таким образом, понятие М. в интерпретации А. Вежбицкой позднее было уточнено за счёт различения сигналов собственно текста и высказывания.

Лит.: Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск, 2006; Шаймиев В.А. Метатекст и адекватное восприятие текста // Аспекты речевой конфликтологии. СПб., 1996; Шаймиев В.А. Метадискурсивность научного текста (на материале лингвистических произведений): АДД. СПб., 1999; Шмелёва Т.В. Текст как объект грамматического анализа: учеб. пособие. Красноярск, 2006; Шмелёва Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: ДД в виде научного доклада. М., 1995.

Т.В. Шмелёва

МЕТАФОРА (от др.-греч. *μεταφορά* – ‘перенос’) – вид Тропа (см.), который имеет различные трактовки.

В соответствии со сравнительно-сопоставительной концепцией, М. основана на сходстве двух значений слов (понятий). Другими словами, она является скрытым сравнением: «воспринять метафору – значит открыть аналогию или сходство...» [Телия 1977: 200]. Напр., метафорическое выражение типа *Она – лиса* (о человеке) рассматривается как *Она хитрая, как лиса*.

Согласно субституционной концепции, М. основана на замещении, т.е. она «стоит вместо» некоторого «буквального» выражения: говорящий вместо одного наименования использует другое, сходное по значению. То же метафорическое выражение *Она – лиса* в этой концепции рассматривается как *Она хитра* или *Она хитрый, лстивый человек*.

Основоположником другой – интеракционистской – концепции М. (иначе – интерактивной теории, теории интеракции [Опарина 2000: 188–189]) считают американского логика М. Блэка. Он различает рамку М. и фокус: «Фокус метафоры <...> – это то слово или выражение, которое обнаруживает отклонение от обычного значения, а “остаток” предложения, в котором появляется это слово, – рамка». Метафору предлагается мыслить как «фильтр», улавливающий ассоциации [Телия 1977: 201]. Так, в высказывании *Man is a wolf*, по М. Блэку, эффект М. состоит в том, что слово *волк* вызывает всю систему обычных ассоциаций, связываемых с этим хищником. В результате ассоциаций человеческие черты, связанные со вспомогательным субъектом, становятся выпуклыми, а черты, неприложимые к человеку, погашаются, что организует представление о человеке, называемом *волком*. Таким образом, М. «...создает сходство за счет д в у п л а н о в о с т и – приложения к двум субъектам одновременно, так что свойства того, о ком идёт речь, просматриваются через свойства того, чьим именем он обозначается» [Там же: 202].

Развивая эту концепцию, сущность М. исследователи видят в «категориальном сдвиге» [Падучева 2004: 190] и – как следствие – в семантической транспозиции (переносе). «Признаки, обозначаемые словом, используемым в качестве имени, и признаки нового обозначаемого не должны быть “слишком” близкими – в этом случае метафора не будет иметь должного эффекта <...>. Иначе говоря, “реальные” свойства того, что обозначается метафорически, и того, посредством чего обозначается, должны быть для создания хорошей метафоры максимально разведены по разным сферам наличного бытия или структуры мышления» [Телия 1977: 204]. Способом преодоления этой несовместимости в структуре мира или мышления о мире и является обращение мысли к аналогии (выводу о наличии сходства через гипотетическое подобие). Другими словами, М. возникает «на границах различных семантических полей» [Чернец 2001: 11], и «чем дальше отстоят друг от друга противопоставляемые разряды объектов, тем ярче “метафорический сюрприз” от их контакта» [Арутюнова 1998: 383]. Однако у М. есть и ограничения: «...устанавливаемые ею отношения не выходят за пределы чувственно воспринимаемой реальности, иначе бы она утратила главное из своих свойств – образность» [Там же: 383]. Поскольку М. строится на допущении подобия (или сходства), смысл которого выра-

жается формулой «X как если бы Y» [Телия 1988: 186] и ориентации на способность адресата разгадать это сходство, она принадлежит скорее прагматике, чем семантике.

В терминах когнитивной лингвистики М. объясняется как взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели»: в процессе метафоризации области цели структурируются по образцу источника, т.е. происходит «метафорическая проекция» («когнитивное отображение»), «следы» которой обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий.

Таким образом, М. осмысливается не только как троп, но и как механизм речи, «...состоящий в употреблении слова, обозначающего нек-рый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в др. класс, либо наименования др. класса объектов, аналогичного данному в к.-л. отношении» [Арутюнова 1998: 296].

Традиционно разграничивают М. языковые и М. речевые (поэтические, художественные). Языковые М. отражают ассоциации, принятые коллективным языковым сознанием [Склярская 1987: 65], поэтому они обычно фиксируются в толковых словарях как воспроизводимые. Образование языковых М. обусловлено также наличием в языке тематических групп и смысловых полей слов и фразеологизмов. «Так, с вторичным значением слова *горячий* ассоциируются переносные употребления слов *пламя, жар, пылать, жечь, гореть* и т.д. <...>. Предметные ассоциации проходят, таким образом, своеобразный избирательный фильтр, создаваемый языком для переносного словоупотребления и семантических транспозиций» [Алефиренко 2005: 92]. Речевые (индивидуально авторские) М. отражают специфику образного мышления отдельного человека.

Деление М. на виды по другим основаниям «...практически не ограничено в силу того, что каждый исследователь предлагает свой набор» [Никитина, Васильева 1996: 94]. Множество классификаций М. породило и многочисленные её терминологические обозначения.

Трудно сформулировать правила, как «сделать» конкретную М. Однако можно сказать, что М. неудачна, если а) непонятно основание переноса, нет возможности сопоставления прямого и переносного значений слова; б) для переноса выбирается несущественный для создания семантической двуплановости признак; в) она не указывает в предмете на что-то новое, необычное, не способствует возникновению наглядного образа; г) нарушает этико-речевую норму: *Мы, пишущие, конкретно и образно передаём каждому новому поколению людей всю сумму накопленной мировой информации. Из рук в руки, из книг в книги. Из собственного ума в хранилища суммарного разума ноосферы* (КР. 15.06.2002) – выделенная М. представляет собой чрезмерное нанизывание отвлечённых понятий, затемняющих её семантическую мотивированность и не способствующих наглядности словесного образа; *Последняя клизма для сада* (АиФ. 2002. № 39) – название заметки, в которой речь идёт о необходимости обильно поливать осенью деревья в саду; перенос осуществляется по несущественному признаку (вливание жидкости), который приводит к нежелательным с точки зрения эстетического критерия ассоциациям; *Прочсть завещание Виктора Петровича Астафьева мы все теперь можем благодаря Геннадию Сапронову, издателю его новой книги «Пролетный гусь». Вышедшая в Иркутске, она собрала произведения, написанные в последний, на редкость урожайный, год жизни Виктора Петровича* (РГ. 20.06.02) – М. является проявлением неуместной оценочности, воспринимающейся как ирония, и приводит к нарушению этико-речевой нормы.

Со второй половины XX в. «центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии (риторики, стилистики, литературной критики), в которой преобладали анализ и оценка поэтической метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта» [Теория метафоры 1990: 5–6].

Лит.: Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М., 2005; Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998; Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф Джордж, Джонсон Марк. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М., 2004; Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007; Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Опарина Е.О. Исследование метафоры в последней трети XX века // Лингвистические исследования в конце XX в.: сб. обзоров. М., 2000; Падучева Е.В. Метафора и её родственники // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в

честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004; **Скляревская Г.Н.** Метафора в системе языка. СПб., 1993; **Солодуб Ю.П.** Структурная типология метафоры // Филологические науки. 1999. № 4; **Телия В.Н.** Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977; **Телия В.Н.** Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина. М., 1988; Теория метафоры: сб. ст. М., 1990; **Фёдоров А.И.** Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969; **Черкасова Е.Т.** Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора) // Вопросы языкознания. 1968. № 2; **Чернец Л.В.** К теории поэтических тропов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 2; **Шувалов В.И.** Метафора в поэтическом дискурсе // Филологические науки. 2006. № 1.

Г.А. Копнина

МЕТОНИ́МИЯ – разновидность Тропа (см.), основанная на переносе значения с одного понятия на другое по принципу смежности, т.е. причинной или иной объективной связи между ними. Поскольку «связей между явлениями, при помощи которых образуются метонимические выражения, чрезвычайно много» (Б.В. Томашевский), назовём лишь самые распространенные виды М.:

1) метонимическое выражение связи между содержимым и содержащим: *Я три тарелки съел* (И. Крылов), *Мы выпили весь самовар* (С. Есенин);

2) связь между автором и его произведением: *Люблю перечитывать Булгакова* = произведения Булгакова; *А ему больше нравится Суриков* = творчество Сурикова;

3) связь между действием и орудием этого действия: *Их съла и нивы за буйный набег / обрѣк он мечам и пожарам* (А. Пушкин);

4) связь между предметом и материалом, из которого он изготовлен: *Не то на серебре, – на золоте едал* (А. Грибоедов);

5) связь между местом и находящимися там людьми: *А Петербург неугомонный / уж барабаном пробуждѣн* (А. Пушкин); *Мы сейчас работаем в этом направлении, в том числе вместе с Москвой* (РГ);

6) признак – носители признака: *Если бы молодость знала – если бы старость могла; Утечка мозгов за границу.*

Метонимические выражения распространены в разговорной речи: *Недавно перечитал всего Довлатова; Ты всю тарелку съел?; У него всё золото украли; Из-за замыкания вся техника полетела и под.*

Иногда метонимическое значение слова из переносного становится его прямым языковым значением. Так, напр., *немец* первоначально означало *немой*, т.е. *не говорящий по-русски, иностранец*, и только потом приобрело значение ‘германец’. Или *Молодые* после свадьбы уехали в свадебное путешествие.

М. наряду с метафорой относится к числу важнейших и наиболее употребительных тропов, играющих огромную роль как в самом механизме того или иного национального языка, так и в конкретной речевой практике: в повседневном общении, в языке художественной литературы, во всех иных сферах функционирования языка.

В различных старинных трактатах по риторике делались попытки дать чисто таксономическое определение М. путём перечисления всех её разновидностей (см., напр., «Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоносова). Современная же лингвистика, структурная поэтика, неориторика пытаются построить такую обобщающую логическую модель М., в которой были бы предусмотрены любые её разновидности. Так, широкое распространение получила концепция Р. Якобсона, который в самой природе человеческого языка усмотрел наличие двух отчетливо противопоставленных полюсов: метафорического и метонимического. М., согласно Р. Якобсону, является воплощением связей, возникающих на синтагматической оси языка («оси комбинации»).

В концепции льежской школы неориторики М., как и метафора, относится к уровню метасистем. Образуется она благодаря тому, что исходное и результирующее понятия (напр., *сочинения Пушкина – Пушкин*) объединены в некотором промежуточном понятии (*жизнь и творчество Пушкина*), благодаря чему возникает смысловая смежность, становящаяся базой для метонимической заме-

ны. Н.Д. Арутюнова считает, что М., по существу, образуется путём эллиптирования (сокращения) фрагмента высказывания: *Читал охотно (сочинения) Апулея, а (сочинения) Цицерона не читал.*

Лит.: Зимин В.И., Модебадзе Э.А. Метафора и метонимия // Русский язык в национальной школе. 1977. № 2; Королёва О.Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления. Обнинск, 2002; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Некрасова Е.А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики // Слово в русской советской поэзии. М., 1975; Новиков А.Л. Метонимия в русском языке. Семантическая структура. Словообразовательный потенциал. Стилистические функции. М., 1996; **Общая риторика:** пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; Потемня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990; Сиротина В.А. Метонимия и метонимический эпитет в художественной речи // Русский язык в школе. 1980. № 6; Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 2001; Фёдоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969; Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры: сб. ст. М., 1990.

О.Н. Емельянова

МИКРОСОЦИОЛИНГВИСТИКА. См. СОЦИОЛИНГВИСТИКА

МИМЕЗИС (МИМЕСИС) (от др.-греч. μιμησις – ‘подражание’), – приём имитации чьей-л. речевой манеры, особенностей стиля (идиостиля); «намеренное воспроизведение характерных элементов чужой речи» [Хазагеров, Ширина 1999: 247]. М. используется в целях пародирования, передразнивания, высмеивания. Такая разновидность М. обозначается термином **гипокризис** (от др.-греч. ὑπόκρισις – ‘притворство’). Напр.: *В это время из дамских благовонных уст к нему устремилось множество намёков и вопросов, проникнутых насквозь тонкостью и любезностью. «Позволено ли нам, бедным жителям земли, быть так дерзкими, чтобы спросить вас, о чём мечтаете?» – «Где находятся те счастливые места, в которых порхает мысль ваша?» – «Можно ли знать имя той, которая погрузила вас в эту сладкую долину задумчивости?» (Н. Гоголь); *Бенигсен открыл совет вопросом: «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России или защищать её?» Последовало долгое и общее молчание. Все лица нахмурились, и в тишине слышалось сердитое кряхтение и покашливание Кутузова. «Священную и древнюю столицу России!» – вдруг заговорил он сердитым голосом, повторяя слова Бенигсена и этим указывая на фальшивую ноту этих слов (Л. Толстой); <...> *Москали обнаглели донельзя, желают песенки спивать на своем азиатском диалекте <...>. Я так полагаю, что це дило треба разжуваты (НезГ. 15.07.2000).***

М. часто составляет стилистическую основу анекдотов и других малоформатных комических жанров. Напр., анекдот: *Рассказывает «новый русский» сыну вечернюю сказку: – Ну, значит, сына, наступали дедке за «бабки» по репке... (КП. 20.10.2002); комическая заметка: Глава администрации Ненецкого автономного округа установил абсолютный, типа, рекорд по конкретным разборкам: прокуратура возбудила против него 7 (сдьмое) за последние годы уголовное дело – на сей раз за избивение гаишника. Нервишки чисто шалят.... Тяжело тянуть губернаторские, в натуре, срока! (АиФ. 2003. № 35).*

Средствами выражения М., кроме повтора фрагмента чужой речи, является особая интонация, находящая отражение в небуквенных графических средствах: кавычках, многоточии, восклицательном и вопросительном знаках, скобках, курсиве, разрядке, скандировании (разбиении слова на слоги через дефисы) и нек. др.

Лит.: **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2007; **Старичёнок В.Д.** Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Ширина Л.С.** Мимезис и средства его языкового выражения // Риторика и перспективы её изучения в школе и вузе. Ростов н/Д, 1990.

А.П. Сковородников

МИФОЛОГЕМА – первоэлемент сознания (индивидуального, коллективного или массового), с помощью которого человек познаёт, объясняет и структурирует окружающую его действительность. Это некая прототипическая формула, заключающая в себе универсальную идею-образ, которая затем может получить национальное наполнение. Напр., М. *недостигаемости высокого творчества* реализуется через мифотопонимы *Олимп, Парнас* или метафору *башня из слоновой кости*.

М. являются инструментом и способом упорядочивания мира: неизвестное знание с их помощью переводится в знание известное, обыденное, усвоенное и одобренное социумом. М. обычно противопоставлено научное знание, жаждающееся на рациональном, логическом восприятии мира.

М. вербально может выражаться через слово-имя, словесную формулу (словосочетание или предложение) и целый текст. Но в любом случае М. – это нарратив, история с определённым сюжетом и героями, действующими в архетипических ситуациях.

М. используются во многих сферах общественной жизни: в культуре, политике, массовой коммуникации, рекламе, т.е. М. бытуют в определённом социальном пространстве (контексте). Попадая в различные контексты, они получают различные измерения.

М. в контексте культуры. Культура – питательная среда, порождающая М. В контексте культуры (живопись, театр, литература и т.п.) М. – составная часть художественной картины мира.

Человек свои первые знания о мире «вложил» в мифы. Миф – это фрагмент коллективного знания о мире, облечённый в художественную форму.

Первоначально функция древнего мифа была когнитивной, с течением времени когнитивная функция вытеснилась поэтической функцией. Мифы сконструировали образ донаучного мира, в котором не противопоставлялись действительные события вымышленным.

Мифы имеют национальную специфику, но базируются на универсальных архетипических антиномиях: *добро/зло, герой/злодей, космос/хаос, память/забвение, любовь/ненависть* и других архетипах сознания (*подвиг, жертва, время, место* и т.п.). М. – общие структурные схемы, по которым строится конкретный миф (напр., *герой* – Геракл, Один, Илья Муромец – *совершает подвиг* или М. *возвращение на круги своя*, реализуется в нарративах о *блудном сыне* или в *одиссее Одиссея*), то есть М. – это «морфология» мифа (В.Я. Пропп).

М. – это первообраз искусства, давший толчок развитию науки (философии, истории, культурологии) и идеологии.

С помощью М. происходит канонизация реальных исторических событий, поэтизация и героизация повседневности. Миф – это не просто рассказанная история, а регламентация и санкционирование определённой модели поведения (напр., героизация самопожертвования в мифе о Прометее). Именно поэтому М. широко используются в идеологическом дискурсе.

М. в идеологическом контексте. М. в контексте идеологии используется и как собственно культурный феномен (как *прецедентное имя* и *прецедентная ситуация*) и как Идеологема (см.).

Сущность М. и идеологема одинакова: сложные явления, укладываясь в устойчивую словесную формулу, с помощью неё редуцируются до «общепонятных идей» (Э. Дюркгейм). Такие формулы легко укореняются в массовом сознании с помощью стереотипных номинаций и становятся «предметом веры, а не рассуждения» (Л. Леви-Брюль). Как М., так и идеологема включают в себя эмоциональную составляющую, воздействующую на чувства людей, т.е. обладают суггестивностью.

И миф, и идеологема базируются на некритическом восприятии действительности и служат для консолидации социума. Только миф аккумулирует исторический опыт человечества, а идеологема нацелена в будущее: она ориентирует массовое сознание в заданном направлении (Н. Клушина). Напр., лозунг «Украина – это Европа!», широко используемый во время оппозиционного протеста в Киеве в декабре-январе 2013-2014 гг., совмещает в себе буквальный (географический) смысл с идеологическими и мифологическими представлениями украинских масс. «Украина – это Европа» является, с одной стороны, идеологемой оппозиционной части украинских политиков и их электората, объявивших курс на евроинтеграцию, а с другой стороны, эта же словесная формула является в то же время М., т.к. упрощает сложный исторический путь развития украинского народа до эмоционально ёмкого прецедентного выражения, в котором не разграничиваются мечта, реальность и вымысел, а воспринимаются симультанно, как призыв. Таким образом, идеологема – это М., используемая в идеологических целях.

М. в медийном контексте. В медийном контексте М. можно рассматривать с точки зрения теории мемов. С развитием интернета в медиaprостранстве появились новые способы структурирования массового сознания – **мемы**. Мем в различных теориях трактуется по-разному: как идеологический код, как единица информации, которая содержится в сознании, как разновидность архетипов сознания, использующихся в массовой коммуникации и др. Особенностью мема является скорость распространения и массовость (связанные с особенностями интернет-коммуникации), обеспечивающие быстрое его внедрение в массовое сознание.

Мем можно считать медийным измерением М., поскольку он имеет общую с ней природу и общие функции: это образная, имплицитно эмоциональная идея, выраженная вербально или иконически, способная воздействовать на массовое сознание в заданном направлении, поскольку не предполагает критического восприятия, а усваивается как раcтиражированный стереотип помимовольно, подсознательно, за счёт частотности его использования. Новейшие исследования российской политической жизни вскрывают виртуальную борьбу идей как борьбу мемов (интернет-М.), которые оказывали вполне реальное воздействие на политическую жизнь общества. Напр., «раскрученным» через Интернет в 2012 году (год выборов президента России) «оппозиционным» мемам «*партия жуликов и воров*», «*белые ленточки*», «*честные выборы*» и т.п. противостояли «проправительственные» мемы «*революция норковых шуб*», «*политика реальных дел*», «*сетевые хомячки*» и т.п. (А. Столяров).

М. – необходимый элемент массового, коллективного и индивидуального сознания, поскольку рационализм человеческого мышления не исключает веры – как интуитивного, скрытого, ещё не достигнутого знания. Контекстные измерения М. позволяют увидеть в ней культурные, идеологические или медийные смыслы, которые составляют эмерджентность этого сложного феномена и его многофункциональность в жизни социума.

Лит.: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996; Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008; Леви-Брюль Ж. Первобытное мышление // Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтера и В.В. Петуховой. М., 1980; Столяров А.А. «Facebook-революция» в медиaprостранстве России // Развитие русскоязычного медиaprостранства: коммуникационные и этические проблемы. Мат-лы Международной научно-практической конференции (26-27 апреля 2013 г.). М., 2013; Шульга Н.В. Мифология в структуре массового политического сознания: КД. Омск, 2006; Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 2006.

Н.И. Клушина

МНОГОЗНАЧНОСТЬ. См. ПОЛИСЕМИЯ

МНОГОПРЕДЛОЖИЕ. См. ПОЛИСИНДЕТОН

МНОГОСЛОВИЕ. См. ПЛЕОНАЗМ

МНОГОСОЮЗИЕ. См. ПОЛИСИНДЕТОН

МОДАЛЬНОСТЬ – функционально-семантическая и прагматическая категория, а именно: выражение отношения говорящего к тем или иным компонентам коммуникации (содержанию сообщения, адресату, условиям общения, ситуации в целом) посредством особой организации высказывания и текста. Разновидность категории Субъектности (см.), в которой непосредственно проявляется антропоцентрическая сущность языка.

М. всегда интенциональна, является свойством целенаправленного высказывания и текста. По Ш. Балли, это **модус** – компонент содержания, дополняющий **диктум** – объективное сообщение. М. необходима для коммуникативной интерпретации диктума. С помощью М. мыслящий субъект вводит объективное (диктумное) сообщение в контекст коммуникации: устанавливает отношение собственного высказывания к действительности; проявляет целеустановку; выражает эмоциональное, оценочное и волевое отношение к предмету и/или адресату, ситуации речи; фиксирует собственные состояния и переживания; производит сортировку информации на утвердительную и отрицательную, более и менее важную.

В отечественном языкознании изучение М. начато А.М. Пешковским. В работе «Русский синтаксис в научном освещении» (1914) он использует понятие «речевое сознание» и обосновывает взаимосвязь глагольных категорий (прежде всего, наклонения) с волей говорящего. Теория М. обосновывается и развивается в трудах В.В. Виноградова. Проблемы М. интенсивно разрабатываются в современной функциональной грамматике и семантике, психолингвистике, лингвопрагматике, когнитивистике (труды А.В. Бондарко, Н.Ю. Шведовой, М.В. Ляпон, Г.А. Золотовой, Р.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Е.М. Вольф, Г.В. Колшанского, Т.В. Шмелёвой и др.).

В лингвистической традиции различают два основных типа М.

1. Объективная М. выражает устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности или ирреальности. Реальная М. означает, что говорящий считает сообщаемое фактом действительности. Это может не соответствовать реалиям (напр., в разговорном диалоге: А. – *Ваня пришёл.* – Б. (выглянув в коридор) – *Нет, тебе показалось.*), но в момент речи говорящий считает своё сообщение адекватным реальности. Ирреальная М. указывает на то, что сообщение – не факт действительности, а факт сознания говорящего, ср.: *Он пришёл* и *Он бы пришёл; Приходи.* Семантические подтипы ирреальной М. – это М. желательности (оптативная), долженствования и необходимости, возможности/невозможности, предположительности (гипотетическая), побудительности (императивная, директивная) и др. Всем им свойственна темпоральная неопределённость. Предпринятые классификации субкатегорий М. многочисленны и не тождественны друг другу.

Будучи обязательным содержательным компонентом любого высказывания, объективная М. грамматикализована. Прямое выражение она находит в морфологической категории глагольного наклонения, которая совместно с категорией времени и другими грамматическими категориями формирует предикативность – грамматическое значение предложения. Реальная М. выражается формами изъявительного наклонения, ирреальная М. – формами условного наклонения для выражения семантики возможного, желательного и формами повелительного наклонения для выражения побудительной семантики. К грамматическим средствам выражения М. подключаются интонационные, а также порядок слов. С их помощью различается М. утверждения, вопроса и побуждения (разновидности по коммуникативной установке). Возможны также переносные значения глагольных форм наклонения, выявляемые в контексте и конситуации, напр.: *Не отвлекаемся; Пересел бы поближе* (М. побуждения адресата). Они используются в разговорной и художественной речи. Общей системы грамматического воплощения объективной М. данные формы не разрушают, поскольку включаются в эту систему на правах не прямых средств выражения объективной М.

2. Субъективная М. выражает отношение говорящего к сообщаемому, речевому партнёру, ситуации; служит цели самовыражения. Сочетается с объективной М., превосходя её по значимости в акте коммуникации. Является факультативным компонентом высказывания, может иметь отношение и ко всему высказыванию, и к его фрагменту. Подтипы субъективной М. выделяются в зависимости от функционально-семантического основания личного мнения говорящего. Оценка и эмоции – важнейшие из этих оснований. Соответствующие им языковые поля оценочности и эмотивности имеют обширную зону наложения, так что разновидностями субъективной М. выступают рациональная оценка (хороший/плохой, свой/чужой, полезный/бесполезный и т.п.), эмоция (удивление, радость) и, наиболее часто, эмотивная оценка (одобрение, восхищение, пренебрежение, презрение и т.п.). Другие разновидности: волюнтаривная М. – выражение волевой интенции говорящего (М. желания, намерения, стремления, целесообразности vs невольности) – и М. усиления (акцентирования, важности). Приведённый список не исчерпывает всех разновидностей субъективной М., напр., особую семантику несёт в себе М. странного (фиксация отклонения от нормы, которое не поддаётся объяснению). Инвентаризация и классификация возможных характеристик со стороны говорящего продолжается.

Субъективно-модальная квалификация может выражаться специальными лексемами и лексикограмматическими средствами. Русский язык располагает целым рядом модально-предикативных слов (*кажется, можно, нужно, странно, нечаянно, хорошо бы* и др.), вводных слов с модальным значением (*вероятно, жаль, надо полагать, скорее всего* и др.), модальных глаголов (*хотеть, мочь, надеяться, намереваться, пытаться* и др.), модальных частиц (*неужели, же, ведь, вроде, благо, да уж, якобы* и др.). О субъективно-модальном компоненте высказывания свидетельствует также лексика с основной или коннотативной семантикой названных выше семантических разрядов М.: эмоциональные междометия и эмоционально-оценочные полнозначные слова, рациональные оценки и номина-

ции эмоций, лексика с семантикой воли и интенсивности. В реализации субъективной М. участвуют также интонационные средства (акцентное выделение модального содержания), порядок слов, средства экспрессивного синтаксиса (фигуры речи).

С учётом того, что говорящий не всегда является субъектом действий, о которых идёт речь, различается два типа отношения к действительности с точки зрения говорящего: **непосредственное** (точка зрения говорящего и, одновременно, субъекта действия) и **опосредованное** (точка зрения говорящего и точка зрения субъекта действия). Во втором случае эти точки зрения могут совпадать и не совпадать.

Объективная М. остаётся принадлежностью высказывания; субъективная также может проявляться в отдельном высказывании, но может приобретать и текстовой статус (см. Тональность текста). Нет ни одного функционального стиля, в котором субъективная М. не нашла бы своего выражения, хотя данная категория варьирует содержательно и формально в зависимости от конкретной стилистической и жанровой специфики. В научной речи она имеет фрагментарный логизированный характер и отодвинута на второй план; в официально-деловом стиле внедрена в жанровую спецификацию, причём имя жанра (приказ, указ, заявление, договор, соглашение) ещё в предтексте задаёт соответствующую модальную установку документа; в разговорной речи субъективная М. нередко отодвигает диктумное содержание, становясь подлинным смыслом речевого общения и его интегратором.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова: сб. ст. памяти Д.Н. Шмелёва. М., 1997; Балли Ш. Французская стилистика. М., 1955; Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды: исследования по русской грамматике. М., 1975; Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка: Избранное: 1988–1995. М., 2003; Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1979. № 6; Смирнова Е.Д. Основы модальной семантики. М., 1990; Стеклова Т.И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск, 2002; Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / под ред. А.В. Бондарко. Л., 1990; Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999; Трунова О.В. Природа и языковой статус категории модальности. Барнаул; Новосибирск, 1991; Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1988.

Т.В. Матвеева

МОДЕРНИЗМ (от фр. *moderne* – ‘новейший, современный’) – стилевое направление в европейском и американском искусстве рубежа XIX–XX вв., вбирающее в себя кубизм, дадаизм, сюрреализм, футуризм, экспрессионизм, метафизическую живопись, абстрактное искусство и т.д. **Эпоха М.** понимается как эпоха, пришедшая на смену эпохе Просвещения и романтизма, **искусство М.** так широко трактоваться не может и связано с распадом некогда единой художественной системы на множество самостоятельных школ и явлений. М. отразил кризис прежнего типа мировосприятия, кризис эстетики, которая по сравнению с новейшей стала именоваться **классической**. Определяя искусство М., петербургский искусствовед М. Герман настаивает – это система новых «художественных кодов», которые требуют своей дешифровки, данный процесс и определяет ценность художественного произведения. Означающее и означаемое, знак и смысл, текст и идея утрачивают непосредственную связь, знак начинает отсылать не к содержанию, но к другому знаку, культурному контексту.

Главными чертами культуры нового времени признаются отказ от власти традиции, отношения с которой приобретают всё большую сложность (эпатирующие заявления В. Маяковского, Б. Брехта об отказе от авторитета классиков соседствуют с признанием «видоизменённого прошлого» Дж. Элиота), предельная субъективность (как «свобода» и «рефлексия», по Гегелю), торжество рационализма во всех сферах жизни (теория М. Вебера). В статье 1928 года русский религиозный философ Г. Федотов к основным чертам современности отнесёт «примат воли, динамизм, активизм, энергетизм».

Русский М. занимает особое место в этой парадигме. Творчество отечественных авторов отмечено мотивами богоборчества, бунта против привычного, «скучного» мира, переосмыслением традиции. Начальные десятилетия 20 века рассматривают ближнее национальное прошлое в поле новых

духовных ориентиров, вне его собственного эстетического и нравственного контекста. Наиболее заметно это коснулось писателей-мыслителей XIX века: от Гоголя до Чехова. Формой адаптации классики к духовной конъюнктуре дня и стал **философско-демонический миф** (К. Исупов). Однако личности прошлого в художественном представлении своих «наследников» не просто инфернализируются, М. оспаривает и сам образ истины, сложившийся на страницах словесности XIX века. Вместо идеала единства истины, добра и красоты, провозглашённого русской классикой, модернисты увидели разверзшуюся бездну и подвергли сомнению самое мироустройство. Стало необходимым найти иные, лежащие за пределами реализма, способы постижения действительности, оказавшейся сложнее, ужаснее, чем её представляла классическая художественная парадигма. В этом мире «чужого бытия» личность лишена возможности реализовать свои права, что усиливает ощущение абсурда. Отринув поэтику реализма, модернисты осваивают иные языки, стратегии постижения действительности. Начинают развиваться новые литературные направления: **символизм**, **акмеизм**, **имажинизм**, ставшие основой отечественного модернизма.

Характерными чертами **символизма** в России принято считать близость к древней традиции сакрального мышления. С символизма начинается широкое открытие древнерусской иконописи, фрески; их художественный язык, метафизика повлияли на духовные поиски **авангарда**. В России к символистам относят союз Н. Минского, Д. Мережковского, З. Гиппиус и др., связавших искусство с богоискательством и богостроительством, с идеями «религиозной общественности». Критика тогда же назвала их **декадентами**. Второе течение (В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Соллогуб и др.) представляло символизм как исключительно литературное явление. Этим авторам свойственно стремление к чисто художественному обновлению русской поэзии. Литературоведы назвали их **«старшими» символистами**. Продолжатели их идей – **«младшие» символисты** – А. Блок, А. Белый, В. Иванов – при своём вхождении в литературу выступили как приверженцы философско-религиозного понимания мира в духе поздней философии Вл. Соловьёва.

На смену символизму в русской литературе пришёл **акмеизм** (от гр. акме высшая степень чего-л., пышное цветение). Его представители – поэты Н. Гумилёв, А. Ахматова, С. Городецкий, О. Мандельштам, М. Кузьмин. Творчеству акмеистов присущи стремление примириться с действительностью, уйти от нравственных противоречий. Поэзию С. Есенина рассматривают в контексте **имажинизма** (от фр. image – ‘образ’). Имажинизм – литературное направление, утверждавшее примат самоцельного образа, формотворчества над смыслом, идеей; первоначально оно соотносится с англо-американской поэзией 1912–1914 годов. Центральной фигурой был Э. Паунд, утвердивший принципы свободного стиха, системы образов и абстрактных понятий в поэзии. Паунду принадлежит идея выпустить стихи под псевдонимом Имажинист, в 1914 году он редактирует антологию «Имажинисты». Автор манифестов отечественного имажинизма – А. Мариенгоф.

Реалистическое направление в русской литературе рубежа веков продолжали Л. Толстой, И. Бунин, А. Куприн. Одновременно в реализме появляются новые художественные качества – опосредованное отражение действительности, символизм и мифологизм. Этим обусловлено распространение **неореализма**, виднейшими представителями которого стали: А. Ремизов, Ф. Сологуб, А. Белый с романом «Серебряный голубь», к этому направлению относят ряд произведений И. Шмелёва, Б. Зайцева, А. Толстого, М. Пришвина. Неореалистической тенденции не суждено было развиваться в самостоятельное направление, исторический слом 1917 года превратил хаос в самую очевидную реальность.

К такой же тенденции можно отнести **экспрессионизм**, представленный лирикой В. Маяковского, ранними романами И. Эренбурга, прозой Е. Замятина, Б. Пильняка. Н. Лейдерман считает, что влияние экспрессионизма испытали все художественные течения 1920-х годов: реализм, романтизм, авангард и постсимволизм. Особое влияние экспрессионизма сказалось на авангардных течениях 1920-х: **сюрреализме**, **творчестве обериутов** (Д. Хармс, А. Введенский, ранний Н. Заболоцкий), **абстракционизме**. Мистические прозрения символистов сочетаются в культуре начала XX века с энергичными призывами **авангардистов** к немедленной реорганизации «дряхлого» бытия. Возникают новые группы, которые выступают уже не только против реалистического искусства, но и против предшественников – модернистов. Среди группировок, активно сражающихся с символизмом, отличаются **кубофутуристы** и **эгофутуристы** (от лат. futurum – ‘будущее’). Знаменитым эгофутуристом стал И. Северянин, провозгласивший в качестве теоретических основ поэзии интуицию и эгоизм. Кубофутуристы не только отказываются от классики, но и выражают презрение всей литературе в це-

лом. Для поэзии представителей этого направления (А. Кручёных, В. Маяковского, Д. Бурлюка, В. Хлебникова) характерно подчёркнутое внимание к темам города, прогресса, некое анархическое бунтарство по отношению к современной действительности.

Произошедшая «дегуманизация» искусства, несмотря на отпугивающую жёсткость термина, явление исторически обусловленное. Разочарование в идеологии Просвещения, в человеке как «венце Творения» вели к «децентрализации», расширению представлений об окружающем. Вселенная, на периферию которой отесняется homo sapiens, на равных теперь вмещает насекомых, облака, фантастических чудовищ, геометрические фигуры... Реальность, привычно постигаемая в аспекте личностного, распыляется. Мир как стройная система ценностей уступает место миру иллюзорному, где сиюминутное сочетается с вечным. Личность постигается как «тёмное», загадочное существо, движимое тайными пружинами, инстинктами, а отнюдь не стремлением к мировой гармонии и выполнению долга, на чем настаивало Просвещение. Экзистенциальная трактовка свободы как метафизического бунта человека против собственного удела объединяет художественные направления модернизма. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет суть происходящих перемен определяет как ломку «прежней перспективы», когда из искусства вытесняется «слишком человеческое», чтобы выйти из рамок «реального» – к мистике, от мира чувств – к идее, от земного – к космическому, уже не постигаемому на языке реализма. Новый стиль эпохи отмечен повышенным интересом к процессам слома, чтобы обнажить сокровенные смыслы бытия.

Русским модернистам принадлежит и право своеобразного открытия темы **русского эроса** (Вл. Соловьёв, В. Розанов, Вяч. Иванов, А. Блок). Плотская любовь, секс, как и язык, – открытая система, предполагающая контакт с другими людьми, устремление к синтезу. Для классического искусства любовь воспринимается откровением высшей воли, таинством, со смертью Бога исчезает и аура сакрального, литература утрачивает целомудренность, в ней актуализируются откровенно языческие, «дионисийские» мотивы и образы. Одновременно с процессом десакрализации любовного чувства предпринимаются авторские попытки его нового откровения на уровне личного мистического опыта (софиология Вл. Соловьёва).

Чувство трагизма, хаоса настоящего рождает и потребность в обратном – в былой гармонии, синтезе, даруемых **мифом**. Это стремление к объединению, собиранию «лоскутного» универсума – одна из важнейших отличительных черт новой художественной парадигмы. В европейской живописи аналитический вариант художественного воссоединения мира представлен полотнами Сезанна. Художники прибегают к мифу, когда любые разумные, логические объяснения настоящего не действуют. Интерес к мифологической образности вытекает из особенностей самой сверхзадачи модернистского искусства: найти смысл в хаосе, красоту в безобразии, закон в абсурде... и только миф в силу своей внеказуальной природы может её решить. Разумеется, литература всегда прибегала к мифо-фольклорным формам, но в XX веке изменяется специфика самого процесса, он обретает устойчивый, интенсивный, художественно-разработанный характер.

Лит.: Герман М. Модернизм. СПб., 2003; Грякалова Н.Ю. Человек модерна. СПб., 2007; Едошина И.А. Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы: ДД. Кострома, 2002; Зверев А. XX век как литературная эпоха // Вопросы литературы. 1992. № 8; Пайман А. История русского символизма. М., 1998; Русское искусство: XX век. Исследования и публикации. М., 2007; Слободнюк С.Л. Русская литература начала XX в. и традиции древнего гностицизма. СПб.; Магнитогорск, 1994; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003; Черных Н.Д. Лексическая структура поэтического языка литераторов Серебряного века: опыт сопоставления: КД. Саранск, 2005; Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996.

Н.В. Ковтун

МОДНЫЕ СЛОВА – слова, получившие большую популярность в определённый период времени. В отличие от неологизмов, М.с. не всегда являются теми, которые появились в языке недавно и вошли в активный оборот. Стать модным может слово давно известное, но получившее необычайно широкое распространение.

Модным слово становится по экстралингвистическим (не языковым) причинам. Это явление, скорее, социальное, зависящее от психологических особенностей человека. Ю. Поляков в сатирическом романе «Козлёнок в молоке» изобразил, как можно стать знаменитым «писателем», используя

12 универсальных модных фраз. Как всякая мода, мода на слова объясняется двумя противоречивыми желаниями человека: с одной стороны – выделиться из толпы окружающих, с другой – быть в группе себе подобных, слиться с ними. В данном случае язык служит таким же маркером, как и одежда, увлечения, музыкальные пристрастия и прочие атрибуты существования человека. М.с., как считают некоторые психологи, необходимы для создания впечатления осведомлённости говорящего и для придания чему-л. образа важности, уникальности или новизны.

Для современных М.с. характерна дополнительная особенность – подражание языку людей, принадлежащих, по мнению говорящего, к более престижной социальной группе.

М.с. используются практически во всех сферах: политике, экономике, науке, культуре и пр.: *демократия, толерантность, формат, инновации, амбициозный, проект, нанотехнологии, тренд, актуальный, позиционировать, пиар, успешный* и пр., а также во всех стилях: *тусовка, трудоголик, в шоке* – разг., *прикольно, супер, пафосный* – сленг, *озвучить, рефлексия* – профессиональный жаргон.

М.с. как языковое явление нейтрально, однако оно может стать отрицательным, если становится семантически опустошённым, т.е. если у слова теряется не только его первичное значение, но размывается всякий смысл, напр.: *инновационные продукты питания, эксклюзивные товары, озвучить цифры*. Второй негативной стороной М.с. является то, что их частое использование ведёт к обеднению активного словаря, т.к. они заменяют собой несколько слов, причём не обязательно синонимичных, напр., «озвучить» вместо *сказать, прочесть, произнести, назвать, процитировать, рассказать, довести до сведения, высказать, упомянуть*. Или использование слова «проект» вместо *фильм, спектакль, выставка, книга, телепередача, концерт, запись песни, конференция* и мн. др. В разговорной речи «тусовка» заменяет слова: *вечер, дискотека, фуршет, торжественный ужин, презентация, фестиваль, конкурс, форум* и др. Этими двумя характеристиками М.с. отличается от Ключевых слов (см.).

М.с. могут выходить из активного словоупотребления, становиться востребованными лишь в необходимой коммуникативной ситуации. В таком случае значение М.с. возвращается к словарному. Мода на слова – это явление не последних лет. В речевой практике социума время от времени возникают «вспышки» популярности того или иного слова.

Лит.: Журавлёва Н.Г. Феномен «модного слова»: лингвопрагматический аспект: КД. Ставрополь, 2010; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб., 1999; Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007; Новиков В. Словарь модных слов. М., 2011; Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.

А.Н. Сперанская

МОЛОДЁЖНЫЙ ЖАРГОН – совокупность языковых особенностей общения (лексики и фразеологии, особого использования словообразовательных средств) относительно устойчивой социальной группы людей, объединённых по признаку возраста и общности интересов. Носители М.ж. – «учащаяся и рабочая молодёжь (студенты, школьники старших классов, молодые рабочие), молодая техническая и гуманитарная интеллигенция в возрасте примерно от 22–23 до 33–35 лет. Столь неоднородный состав носителей отражается в неоднородности самого жаргона; в нём существуют разновидности: студенческий, школьный, рабочий жаргоны, которые имеют большую общую часть в лексике и фразеологии и отличаются друг от друга некоторыми специфическими оборотами <...>. Лингвистическая сущность всех этих разновидностей одна и та же: игра со словом и в слово, метафоризация словесных значений с целью создания экспрессивных, эмоционально окрашенных средств языкового выражения» [Крысин 1989: 76].

Основным стимулом создания жаргонного слова является «стремление создать что-то более выразительное, яркое, озорное, более обращающее на себя внимание» [Серебренников 1970: 483]. Таким образом, М.ж. выполняет в языке прежде всего эмоционально-экспрессивную, а не собственно номинативную функции: он порождён не столько потребностью в назывании новых понятий, сколько стремлением дать общеизвестным понятиям своё обозначение, отличающееся новизной и экспрессивей, см., напр., прилагательные с положительной оценкой: *отпадный, улётный, уматный, цивильный, потрясный* – и с отрицательной: *стрёмный, беспонтовый, шизанутый, тормозной* и т.д. (примеры М.С. Ширшовой).

Для обозначения понятий, актуальных в молодёжном быту и сознании, жаргон вырабатывает наименования, детализирующие то, что не имеет обозначения в литературном языке. Это прежде всего наименования человека по отличительным признакам (внутренним и внешним), действия и состояния, характерные для быта и времяпровождения молодёжи, и т.д. В идеографическом словаре М.ж. в основном содержатся обозначения пейоративных действий со значениями типа 'возиться, медлить', 'потерять рассудок, одуреть', 'скандалить' и т.п., обозначения лиц, органов тела, еды, эмоциональные оценки предметов и действий [Копыленко 1986: 81]. Напр., *мутить* – 'собираться, готовиться к вечеринке' (*Пацаны / надо что-то мутить / а то вечер уже //*); *прикинуть* – 'понять, представить что-л.' (*Прикинь / я ни разу не запнулся / врал как последний лох //*); *метёлка* – 'девушка', *бухло* – 'спиртные напитки' и т.д. Наименования, связанные с учебным процессом, создаются в основном с помощью суффиксальной универбации и различных усечений производящей основы (*препод, академ, универ, ботан, лаба*), которые могут сопровождаться суффиксацией (*стипуха, курсак, дискач*) и т.д.

По мнению некоторых исследователей, М.ж. в настоящее время представляет универсальное явление: «на нём можно говорить обо всех областях жизни, описывать практически любые ситуации, кроме скучных, потому что сленговое слово рождается как результат языковой игры, эмоционального и творческого отношения к предмету разговора» [Комаров 2007: 65].

Лексика М.ж. создаётся на базе литературного языка путём переосмысления общеупотребительных слов (семантической деривации), метафоризации, усечений, а также активного освоения иноязычных слов и морфем (преимущественно англо-американского происхождения) [Зайковская 1993].

Основным способом образования слов в молодёжном жаргоне является метафора: *вафельница, грелка* ('девушка легкого поведения'), *мочалка, соска* ('малолетняя девушка-подросток'), *бобы, капуста* ('деньги'), *баян* ('шприц'), *колёса* ('таблетки'), *болт* ('перстень') и т.д. Метафорическому переосмыслению активно подвергаются глаголы и прилагательные: *мочить* ('бить, драться'), *тащить* ('получать удовольствие'), *реальный* ('качественный, настоящий, вызывающий одобрение'), *убитый* ('находящийся в состоянии сильного опьянения') и др.

В молодёжном словообразовании, наряду с характерными для кодифицированного литературного языка суффиксами *-ик, -чик, -щик* и т.д., используется ряд специфических: *-ак* (*видак, свежак*), *-ан* (*дружбан, духан*), *-он* (*выпивон, расслабон*), *-ух(а)* (*стипуха, видуха*), *-ёж* (*балдёж, выпендрёж*), *-лов(о)* (*махалово, бухалово*), *-р(а)* (*шмара, чмара*), *-в(а)* (*жратва, братва*), а также широко распространены модели безаффиксного словообразования: *напряг, загруз, улёт, задвиг, облом* и т.д. Большим разнообразием словообразовательных типов в М.ж. обладают наречия: *стрёмно, стопудово, нехило, ништяк, точняк, пожизняк* и др.

Для современного М.ж. характерно широкое распространение англоязычных заимствований, что обусловлено активностью общения молодёжи в сети Интернет. В «русско-английской схватке» наблюдается активная русификация англицизмов: *блогер, чатиться, юзер*, см. также *thank you* (спасибо) – *сенька*; *birthday* (день рождения) – *бёздник*, вместо «встретиться» молодые люди предпочитают говорить *сконнектиться* (от англ. *connect* – 'соединение'), проблемы называют *траблами* (от англ. *trouble*).

Массовая компьютеризация молодёжной среды, а также стремление молодёжи, неудовлетворенной смайлами и эмотиконом Интернета, к оригинальности выражения породили новую форму сленга в сетевой субкультуре – язык «падонкаф», где «намеренное искажение слов становится азартной языковой игрой, в которой участвует большинство молодых пользователей Интернета» [Александрова 2007: 25].

Одна из характерных черт М.ж. – постоянное обновление лексических средств, быстрая их сменяемость, подчинённость моде. Из всех современных социально-групповых разновидностей языка М.ж. наиболее значим социально: им пользуются достаточно многочисленные группы носителей, лексика молодёжного жаргона активно проникает в литературный язык через просторечие, язык художественной литературы, где используется как средство речевой характеристики, через средства массовой информации, в т.ч. в язык современной публицистики [Крысин 1989: 76].

Современному русскому М.ж. посвящён ряд социолингвистических исследований, библиография которых представлена в [Крысин 2004].

Лит.: Александрова А.А. Языковые особенности современной сетевой субкультуры // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. Филология. 2007. № 43; Зайковская Т.В. Пути пополнения лексического состава современного молодёжного жаргона: КД. М., 1993; Комаров А.А. Язык современного города: речь молодёжи и её характеристика // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат-лов II междунар. науч. конф. (Красноярск, 10–12 сентября 2007 г.). Красноярск, 2007; Копыленко М.М. О семантической природе молодёжного жаргона // Социально-лингвистические исследования. М., 1976; Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989; Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социоллингвистике. М., 2004; Серебренников Б.А. Социальная дифференциация языка // Общее языкознание. М., 1970.

Л.З. Подберёзкина

МОЛЧАНИЕ. Как феномен общения коммуникативно значимое М. (в отличие от тишины, безмолвия) передает определённую информацию от отправителя к получателю. Такое М. зачастую носит намеренный характер и определённым образом воздействует на собеседника, влияет на его дальнейшее поведение.

Обязательными условиями коммуникативно значимого М. как отсутствия ожидаемого речевого акта являются его осознанное и намеренное использование отправителем, осведомлённость получателя о намеренном характере М. собеседника, наличие у собеседников общего знания относительно значения М. [Крестинский 1989: 56; Почепцов 1986: 90].

Понять акт М. – значит раскрыть его содержание, т.е. выяснить, какое воздействие производит акт М. на адресата. Напр.:

Хомутов: Так вот я... Если деньги вам действительно необходимы, то...

Угаров: Что?

Анчугин: Может (усмехнулся), хочешь нам дать денег?

Хомутов: Да. Могу вам помочь.

Молчание (принадлежит адресатам).

Анчугин: А по шее ты получить не желаешь?

Хомутов: По шее? За что?

Анчугин: Ну так. Для смеха!

В данном случае М. обманутого слушателя выражает недоверие. Намерения молчащего собеседника: показать, что он не так прост, как думает говорящий; что он не позволит издеваться над собой. М. озадачивает и пугает собеседника (он перестаёт предлагать свою помощь) [Меликян 2000].

М. многозначно и многофункционально. Оно включает всё то многообразие значений и смыслов, которые могут быть выражены при помощи языка или невербальных кодов, как-то: оценка действиям собеседника, отношение к нему (выражение недоверия, одобрения, неодобрения, согласия, сомнения, презрения); нерешительность, безысходность, нежелание что-то делать, удивление, размышление; сокрытие информации, необходимой коммуниканту; наличие противоречий у собеседников. М. может выступать как маркер полного взаимопонимания людей или, наоборот, как символ отчуждённости друг от друга; М. может свидетельствовать о внезапном страхе одного из коммуникантов; может выражать нежелание сказать правду и др. Часто М. служит стратегическим средством, которое используется одним из коммуникантов для достижения своей коммуникативной цели при воздействии на собеседника, в то время как другие речевые акты оказываются менее эффективными в той или иной ситуации (напр., в ситуации конфликта, чтобы сохранить свои честь и достоинство). Функции М. определяются не только ситуацией общения (коммуникативной обстановкой), но и использованием одним из коммуникантов невербальных средств общения: жестов, мимики и др. (см. Паралингвистические средства общения), которые приобретают в такой ситуации особую значимость.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994; Богданов В.В. Молчание как нулевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986; Данилов С.Ю. Тактика молчания в речевом жанре проработки // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998;

Крестинский С.В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989; **Крестинский С.В.** Молчание в системе невербальных средств коммуникации // Тверской лингвистический меридиан: теоретический сборник. Вып. 1 Тверь, 1998; **Корнилова Н.Б.** Слово и молчание: аспекты взаимодействия // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 1; **Меликян С.В.** Речевой акт молчания в структуре общения: КД. Воронеж, 2000; **Остин Дж.Л.** Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; **Почепцов Г.Г.** Молчание как знак // Анализ знаковых систем. Киев, 1986; **Сёрль Дж.Р.** Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.

А.А. Кузнецова

МОНОГРАФИЯ – жанр научной речи, посвящённый многоаспектному рассмотрению актуальной проблемы, в результате которого автор получает новое научное – эмпирическое или теоретическое – знание, обладающее единством научного подхода, смысловой завершённостью и целостностью, сложной композиционной структурой. М. характеризуется многоаспектным содержанием, объединяющим формулировку проблемы и/или постановку задачи; определение/дефиницию и дифференциацию понятий с установлением между ними логико-семантических отношений; экспликацию идеи, гипотезы или основного тезиса научной концепции, «окрашенного» гипотетической модальностью; доказательство гипотезы с использованием разнообразных средств аргументации; характеристику изучаемого объекта; демонстрацию эмпирического материала, подтверждающего достоверность нового знания и др.

С учётом познавательно-коммуникативных установок автора периферийные тексты М. можно дифференцировать на 1) заголовки (заглавие и оглавление), 2) аннотации, 3) пред-/послетексты (предисловие, вступительная статья, введение; выводы, заключение, послесловие). В заголовках содержание обобщается и представляется в сжатой, лаконичной форме; в аннотациях фиксируется тематическая информация, причём в окружении эпистемической; в предтекстах читателю даётся общее представление о знании, излагаемом в основном тексте, осуществляется связь с общим фондом знания; в послетекстах ретроспективно представляется новое знание, прогнозируется его развитие, раскрываются возможности его использования, актуализируются его отдельные фрагменты и т.д.

Несмотря на типовое содержание (введение, основная часть, заключение), текстам М. свойственна вариативность, обусловленная воздействием различных экстралингвистических факторов: специфики предметной области; типа изучаемого объекта (последний может быть «субстратным», т.е. материальным, либо «ментальным», т.е. идеальным продуктом сознания); теоретического или эмпирического ракурса исследования; индивидуального стиля мышления учёного (дискретно-логического, континуально-психологического, метафорического, критического и др.), а также уровня владения автором нормами научного изложения.

Композиция М. определяется процессом коммуникативно-познавательной деятельности учёного и динамикой научного мышления, включающего этапы: проблемную ситуацию, проблему, идею, гипотезу, аргументацию, вывод (закон). Каждый из этапов получает оформление посредством функционально типизированных текстовых единиц – коммуникативных блоков. Реализация познавательных этапов в их закономерной последовательности является основным конструктивным принципом текстообразования во всех крупных академических жанрах научной литературы. В целом М. свойственны два типа композиции – моноцентрическая и полицентрическая. Первая характеризуется последовательным выражением познавательных форм (проблемной ситуации, проблемы, идеи и др.), отражающих решение одной проблемы. В произведениях с полицентрической композицией основная проблема расчленяется на ряд соподчинённых проблем, что приводит к разветвлённости научного содержания произведения. Стереотипная композиционная структура является коммуникативно целесообразной: она создаёт чёткую перспективу развёртывания и восприятия текста, способствует ясности изложения, программирует восприятие и понимание содержания адресатом.

Структурная и смысловая целостность М. обеспечивается не только за счёт тематического единства её содержания, но и благодаря прагматической рамке, которую образуют качественно определённые устойчивые и неделимые компоненты, обеспечивающие единство научного знания, – основной и ряд периферийных текстов. Основным является текст, смысл которого формируется науч-

ным знанием в развитии, раскрытым и выраженным в тексте в наиболее полной форме. Целостность этих текстов (основного и периферийного) объясняется тематическим единством, общей экстралингвистической основой их смысловой структуры, а также общей познавательно-коммуникативной функцией, варьирующейся от текста к тексту. Они представляют собой относительно самостоятельные тексты, обобщённо выражающие содержание основного текста, частично реализующие познавательно-коммуникативную функцию как в рамках конкретного научного произведения, так и в пределах научной коммуникации в целом. Так, познавательно-коммуникативная функция М. как единства текстов модифицируется (различается) как справочно-библиографическая функция заглавия, содержательно-ориентационная – оглавления, рекламно-познавательная и справочно-адресатная – аннотации и т.д. Такие взаимодополняющие коммуникативные установки предопределяют смысловую структуру и качественное своеобразие периферийных текстов. Несмотря на избыточность периферийных текстов для выражения собственно научного содержания, они необходимы в коммуникативном отношении в связи с познавательными потребностями адресата. Периферийные тексты призваны передать стратегию научного поиска в определённой области научного знания, стратегию, хотя бы частично реализованную в основном тексте.

Коммуникативная установка автора заключается в выражении научно-познавательной, или эпистемической, ситуации, т.е. процесса получения нового знания. Эта установка реализуется посредством номинаций подходов, методов, способов, приёмов анализа, номинаций эмпирической и теоретической форм познавательной деятельности, номинаций таких форм знания, как характеристика, определение, классификация, типология, концепция, теория, закон. Данные номинации выносятся в оглавление и аннотацию, что подчёркивает их актуальность и значимость.

Аннотация – структурная единица произведения, представляющая собой относительно самостоятельный периферийный в пределах М. текст, кратко информирует о содержании и структуре научного произведения, о главной проблеме, цели и задачах исследования, а также намечает перспективу развёртывания основного текста. Имея внешнюю форму линейно связанного текста, аннотация сближается с развёрнутым текстом; имея в качестве внутренней формы (смысла) эпистемическую ситуацию как единство различных характеристик познаваемого объекта, аннотация сближается с оглавлением. Значимость аннотации в пределах целостности текстов определяется её объединяющей и рекламно-эпистемической функциями.

Оглавление М. – структурная единица произведения, представляющая собой относительно самостоятельный периферийный в пределах М. текст, реализующий в свёрнутой форме коммуникативное намерение автора информировать читателя о композиции развёрнутого в основном тексте знания посредством актуализации тех или иных компонентов смысла. Выражение этих компонентов знания отражает то обстоятельство, что заголовки представляют собой «застывшие продукты» знания, полученные в определённые, актуальные для автора моменты процесса познавательной деятельности.

В отличие от основного, в периферийных текстах автор констатирует его результативность (в статике), отвлекаясь от его динамической природы. В периферийных текстах выражаются эпистемические ситуации – качество минимальных целостностей, включающих 1) предмет изучения; 2) подход, метод, способ, приём исследования, форму познавательной деятельности и соответствующую ей форму знания; 3) степень достоверности, дискуссионность, новизну полученного автором знания, в пределах произведения выполняющих глобализирующую (объединяющую) функцию, в более широком контексте познавательной деятельности – варьирующуюся коммуникативную функцию.

Лит.: Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001; Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1983; Ванников Ю.В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности: методическое пособие. Ч. 1. М., 1984; Васильева А.Н. Основы культуры речи. М., 1990; Демидова А.К. Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы. М., 1991; Жанры информационной литературы: обзор, реферат. М., 1983; Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988; Мальчевская Т.Н. Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов) // Особенности стиля научного изложения. М., 1976; Разинкина Н.М. Библиографические ссылки и их роль в организации научного текста // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986; Шурьгина И.Л. Жанры научной литературы. М., 1986.

МОНОЛОГ – форма речи, обращённая к самому себе или другим (речь от первого лица), не рассчитанная на активную непосредственную словесную реакцию другого лица. Обычно монологическая речь – это речь от первого лица: *Такая ли я была! Я жила, ни об чём не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много* (А. Островский).

М. является пространной формой речи с развёрнутой и чётко организованной композицией, построение которой подчинено общему замыслу (теме и идее), благодаря чему обретает М. смысловую цельность и относительную завершённость. В отличие от Диалога (см.), М. не поддерживается вопросами и ответами собеседника; это «продукт индивидуального творчества и требует тщательной литературной отделки» [Солганик 1997]. В разных сферах общения эта форма речи представлена разнообразными – устными и письменными – жанрами, в частности в деловой сфере – разными видами законодательных актов и докладов, отчётов, судебными выступлениями, в научной – статьёй, монографией, диссертацией, рецензией, выступлениями на защите диссертации, докладом на конференции, в художественной речи – исповедью, внутренним М., сказом.

Выделяются речевые типы М., ориентированные на разные функционально-смысловые типы речи: рассуждение, повествование, описание и их разновидности. Именно принадлежностью к тому или иному типу речи определяются логико-смысловые, лексико-грамматические, а также композиционные особенности М., напр.: *Чтобы понимать природу, надо быть очень близким к человеку, и тогда природа будет зеркалом, потому что человек содержит в себе всю природу. Природа – это материал для хозяйства человека и зеркало пути каждого из нас к истине. Стоит только хорошо задуматься о своём пути и потом из себя поглядеть на природу, как там непременно увидишь переживание своих собственных мыслей и чувств* (М. Пришвин). Этот фрагмент – завершающая часть М., в котором представлены результаты рассуждения, содержащего обоснование идеи о том, что природа – зеркало пути каждого из нас к истине. Смысловую и композиционно-структурную основу фрагмента составляет передача причинно-следственных отношений с помощью разноуровневых языковых средств: лексических (повторов ключевых слов *природа, человек, зеркало*, использования слов с семантикой мысли *понимать, задуматься, поглядеть, переживание мыслей и чувств*), морфологических (наречия *потом*, указывающего на проспективную связь, подчинительного союза *потому что* со значением причины, присоединительного *и тогда*), синтаксических (сложноподчинённых предложений *Чтобы понимать ..., надо ...; ...природа будет зеркалом, потому что ...*).

В речевой практике обнаруживается особый тип М. – **сказ** – изображение «слова» конкретного рассказчика. Характерный признак – ориентация на разговорность речи. М.М. Бахтин так писал о форме сказа: «Рассказчик, хотя бы пишущий свой рассказ и дающий ему известную литературную обработку, всё же не литератор-профессионал, он владеет не определённым стилем, а лишь социально и индивидуально определённой манерой рассказывать, тяготеющей к устному сказу» [Бахтин 1979]. Примером сказовой монологической речи могут послужить известные «Уральские сказы» Павла Бажова. Рассмотрим отрывок из сказа «Далевое глядельце»: *С той поры много годов прошло. Стал Троша Лёгонький знаменитым горщиком, и звали его уж по-другому – Тяжелой Котомкой. Работал честно, не хитничал, не барышничал. Терпеливых камешков целый мешок накопил, а далевого глядельца так увидеть ему и не пришлось. Бывало, жаловался на свою неудачу Донюшке, а та не привыкла унывать, говорит: «Ну, ты не увидел, – может, внуки наши увидят». Теперь Трофим Тяжелая Котомка – глубокий старик. Давно по своему делу не работает, глазами ослабел, а как услышит, что новое в наших горах открыли, всегда дивится: «Сколь ходко ныне горное дело пошло!»* (П. Бажов) Как видим, авторская речь сливается со словами героев в единое стилизованное повествование, которое характеризуется особой сказовой интонацией, формирующейся благодаря активному использованию диалектизмов, профессионализмов, просторечных слов, фразеологизмов и употреблению разговорных синтаксических конструкций. «Сказ даёт герою возможность наиболее полного самовыражения, свободного от “авторского контроля”» [Солганик 1997].

В монологической речи проявляется влияние диалогической речи, «отсутствие чётко выраженных границ между диалогом и монологом» [Винокур 1959], связанное с отражением в М. установки в устной речи на слушателя, в письменной – на читателя. В М. разных типов активно употребляются обращения, местоименно-глагольные формы второго лица, а также междометия, частицы, разговорно-экспрессивные конструкции, напр.: *Я говорю, отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь?* (А. Островский). Диалогичность, проявляющаяся в М. в форме обращённости или ответности, буквально пронизывает монологическую речь. Это и позволяет исследователям говорить о нечёткости различий М. и диалога, об отсутствии между ними строгих и абсолютных границ.

Лит.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Винокур Г.О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959; Гельгардт Р.Р. Рассуждение о диалогах и монологах (к общей теории высказывания) // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. Т. 2. Вып. 1. Калинин, 1971; Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2004; Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1997.

Л.Р. Дускаева

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА – языковая норма, регулирующая образование и употребление грамматических форм слова, а также выбор соответствующего значения морфологической категории; разновидность Грамматической нормы (см.). Часто два аспекта М.н. пересекаются, но могут быть и независимы друг от друга. Так, выбор значения рода склоняемого существительного определяет выбор падежного окончания, напр.: *туфлей* (тв. падеж сущ. ж. рода) и ненормативно **туфлем* (тв. падеж сущ. м. рода). Однако выбор значения рода несклоняемого существительного влияет на падежное окончание зависимого прилагательного, напр.: *посетил здешнюю ТЭЦ* (вин. падеж, ж. род) и ненормативно *посетил *здесьний ТЭЦ* (вин. падеж, м. род). Норма может распространяться и на образование морфологической формы без всякой связи с выбором значения категории, ср., напр., недопустимость стяжения форм 3-го лица глаголов *Он *думат*.

М.н. охватывает в числе прочих следующие факты:

1) склонение имён (см. Ошибки в склонении имён);
2) спряжение глаголов (см. Ошибки в спряжении глаголов);
3) выбор значения числа, рода, одушевлённости или неодушевлённости существительного. Так, напр., существительное с мягким согласным, *ж* или *ш* на конце слова могут относиться к муж. или жен. роду и, соответственно, склоняться по второму или третьему типу субстантивного склонения, напр.: *псалтырь, мышь, рысь*. Приведённые слова практически не вызывают проблем с определением рода, однако слова *шампунь* (м.р.), *тюль* (м.р.), *выухоль* (ж. и м.р.) и мн. др., род которых не связан с полом обозначаемого объекта или значение которых не вполне известно, могут вызывать затруднения, и часто норма не в состоянии регулировать реальное употребление слов;

4) образование формы сравнительной степени прилагательного. Так, у прилагательных с длительной историей существования используется непродуктивный способ образования сравн. степени с помощью суффикса *-е* с предшествующим чередованием: *выше, глубже, толще* и др.;

5) употребление форм совершенного и несовершенного вида глаголов (в частности, видовой пары). Так, в видовой паре *класть/положить* норма требует использования супплетивной основы: *Я положу, но я кладу*. Ненормативным является использование как глагола несовершенного вида **ложить*, так и глагола совершенного вида **накласть*.

М.н. своеобразно описана в словаре «Грамматическая правильность русской речи»: вместо указания на нормативность/ненормативность или допустимость выбора того или иного варианта морфологической формы авторы приводят обобщённую статистику употребления вариантов, напр., для обозначения реальной множественности может использоваться форма множественного и единственного числа существительных с конкретным значением в контекстах типа *читатель ждёт книг – читатели ждут книг*. Вместо указания на равноправность употребления этих форм авторы, отмечая

стилистические различия в их употреблении, показывают статистику: формы единственного числа употребляются в 60 % случаев, а формы множественного числа – в 40 % случаев.

Лит.: Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976; Воротников Ю.Л. Степени качества в современном русском языке. М., 1999; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 2004; Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1998; Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1977; **Правила русской орфографии и пунктуации.** Полный грамматический справочник. М., 2010; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997.

И.Е. Ким

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – Грамматические ошибки (см.), связанные с образованием и употреблением грамматических форм слова.

К наиболее распространённым М.о. относятся:

- 1) Ошибки в склонении имён (см.);
- 2) Ошибки в спряжении глаголов (см.);
- 3) ошибки в образовании и употреблении глаголов совершенного и несовершенного вида, напр.: *А другой брат ещё *акклиматизируется* (вместо *акклиматизируется*; Разг. речь. Красноярск. 1989);
- 4) ошибки в образовании причастий и деепричастий (см.): *Если будет 2-3 пользователя, *напишущие* (вместо *которые напишут*) *сочинение, выберу наилучший вариант!* (<http://znaniya.com>);
- 5) ошибки в образовании форм сравнительной степени прилагательного, напр., замена непродуктивного способа образования сравнительной степени продуктивным: **мельчее* вместо *мельче* (*Наша жизнь – это и есть одна огромная привычка, сотканная множеством более мелких привычек и ещё мельчее...* (anogex.ru; сохранена орфография источника)), **толстее* вместо *толще* (*Уже к завтрашнему дню я буду чуточку худее! Или хотя бы не толстее* (www.stroynost.com)); образование сравнительной степени относительных прилагательных: **каменнее*. В последнем случае, однако, такая форма оправдана, если прилагательное использовано в значении качественного, напр.: *А каменное лицо этого, ныне такого известного и любимого поэта ещё каменнее, на нем печать удивленного, доброго утомления* (З. Гиппиус).

На границе между М.о. и Синтаксическими ошибками (см.) находятся:

- 1) ошибки в употреблении служебных слов, напр.: **Срочно продаётся дом кирпичный в зоне сноса в виду с отъездом* (объявление на автобусной остановке. Красноярск. 1995) – контаминация предлогов *ввиду* (+ Род. падеж) и *в связи с* (+ Тв. падеж); **Вот уже долгое время я состою в регулярной переписке с детским врачом из Анапы Алексеем Александровичем Дубровским* (Учительская газета. 1988) – частица *вот уже* сочетается со словами и выражениями, обозначающими конкретные отрезки времени;
- 2) необоснованное употребление возвратного и взаимного местоимений: *Хвалиться можно только собой или предметами, событиями, связанными *с собой* (Разг. речь. Красноярск. 2011); *«Super BodyCleaner» является специально подобранным сбором растений, взаимно усиливающих активность друг друга* (Комок. 1997). Также в этой пограничной зоне находятся ошибки в употреблении числовых форм слов, зависимых от количественных слов и сочетаний, напр.: *Обе команды уже выполнили *главные задачи* (вместо *главную задачу*) – *попали в первую тройку* (Комок. 1997);
- 3) ошибки в образовании и употреблении форм пассивного залога глагола: *Уголовное дело Владимира Пазюка прекратилось* (вместо *было прекращено*) *только к 14 апреля 1997 года; Ей удалось выйти за ворота бетонного дворца в Пхеньяне под предлогом небольшой покупки, затем она обнаружилась* (вместо *её обнаружили*) *в одной из московских больниц* (Комок. 1998).

Лит.: Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 2001; Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1998; Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение.

М., 1977; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение: учеб. пособие. СПб., 1997.

И.Е. Ким

НАГРОМОЖДЕНИЕ. См. ПЛЕОНАЗМ

НАМЁК. См. УМОЛЧАНИЕ

НАНИЗЫВАНИЕ ПАДЕЖЕЙ – это использование в предложении ряда слов в одинаковой падежной форме. Такое явление характерно для текстов официально-делового стиля и отражает традицию, сложившуюся в сфере делового документооборота. Напр.: *Введение данного положения вызвано необходимостью осуществления государственного контроля для обеспечения защиты экономических интересов потребителей указанной продукции и услуг от повышения тарифов, создания недискриминационных и стабильных условий деятельности производителей этой продукции и услуг и тем самым согласования интересов производителей и потребителей, поскольку арендные платежи влияют на размер устанавливаемых тарифов, включая тарифы на электроэнергию и теплоэнергию* (из Постановления Семнадцатого арбитражного апелляционного суда г. Перми). Разумеется, Н.п., (иногда нагромождение одинаковых падежных форм) затрудняет восприятие текста и в устной, и в письменной форме, поэтому может трактоваться как речевая ошибка или, по крайней мере, как речевой недочёт. В любом ином (не деловом) тексте Н.п. недопустимо и расценивается как ошибка.

Чаще всего встречается нанизывание форм **родительного** падежа, употребляемых при имени существительном. Напр.: *В целях выполнения распоряжения ректората о снижении количества задолженностей принято решение о формировании предметной комиссии.* Нанизывание слов в одинаковой падежной форме затрудняет выделение главной (в смысловом отношении) части высказывания. Поэтому на этапе правки текста рекомендуется заменять отглагольные существительные глаголами в форме инфинитива с относящимися к ним словами, распространённые обороты заменять придаточными предложениями. Кроме того, необходимо с осторожностью использовать предлоги, характерные для официально-делового стиля и создающие «атмосферу» канцелярита: *в целях, по окончании, во избежание, во исполнение, во изменение.*

Возможно нанизывание существительных в форме **творительного** падежа, напр.: *Факультетский вечер будет подготовлен выбранными студентами представителями групп.* Отредактированный вариант может выглядеть следующим образом: *Факультетский вечер подготовят представители студенческих групп. Их кандидатуры были предложены на собраниях.*

Ещё реже встречается нанизывание существительных в форме **дательного** или **предложного** падежей: *Студенты-филологи приступили к подготовке к олимпиаде по русскому языку. На студенческой конференции обсуждался вопрос о специальном исследовании о вреде сквернословия.* Использование одинаковых предлогов зачастую усиливает негативное впечатление от высказывания, в котором встречается рассматриваемая нами ошибка. Предлоги указывают на отношение определённого слова к другим словам в предложении. Употребление подряд нескольких одинаковых предлогов (с существительными) затрудняет понимание фразы. Отредактированный вариант может быть таким: *Студенты-филологи начали подготовку к олимпиаде по русскому языку. На студенческой конференции обсуждался вопрос о необходимости специальных исследований, которые позволят изучить вред, наносимый сквернословием.*

Наконец, требуют повышенного внимания предложения, в которых встречается **нанизывание инфинитивов.** Напр.: *Хочу попросить Вас написать и разместить на сайте заметку о конкурсе. Могу посоветовать зайти спросить у методиста деканата, как правильно писать такое заявление.* Исправленный вариант: *Пожалуйста, напишите заметку о конкурсе и поместите её на сайте! Думаю, методист деканата поможет Вам правильно оформить заявление.*

Н.п. – явление, которое всегда было в поле зрения филологов. Хрестоматийными стали примеры последовательного подчинения нескольких одинаковых падежных форм, приведённые А.М. Пешковским: *Дом племянника жены кучера брата доктора* – и К.И. Чуковским: *Творческая обработка*

образа дворового идёт по линии усиления показа трагизма его судьбы. Однако эта ошибка, к сожалению, продолжает встречаться в школьных и студенческих работах, в публицистических и научных текстах, всё более прочно закрепляется в документах.

Лит.: Нанизывание падежей – Система дистанционного обучения «Веди». URL: www.vedi.aesc.msu.ru/russian/mistakes.php?...; **Практикум по русскому языку и культуре речи:** Нормы современного русского литературного языка / под ред. И.Г. Проскураковой. М., 2004; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997.

Л.Г. Кыркунова

НАРЕ́ЧИЕ. См. ДИАЛЕКТ

НАРО́ДНАЯ ЭТИМОЛО́ГИЯ. См. ЛОЖНАЯ ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ

НАРУШÉНИЕ ГРАНИ́Ц ПРЕДЛОЖÉНИЯ – синтаксическая ошибка, состоящая в 1) неоправданном расчленении структуры простого или сложного предложений или 2) объединении синтаксических структур, которые являются синтаксически и коммуникативно самостоятельными. Напр.:

1) неоправданное парцеллирование (деление предложения на части без стилистической мотивации): *Снег покрыл всю землю. Белым ковром* (нарушение границ простого предложения, т.к. семантический распространитель сказуемого оторван от него); *Когда герой опомнился. Было уже поздно* (здесь неоправданно разделены придаточное и главное предложения);

2) объединение нескольких предложений в одно без смысловых и грамматических оснований, напр.: *Наступила весна, однажды к старому ежу подошла собака.*

Н.г.п. происходит в результате несоблюдения семантических и грамматических условий членения текста и проявляется в выборе и постановке знака препинания. Выбор необходимого знака и место его употребления определяются грамматическими, семантическими и интонационными особенностями смыслового отрезка, в т.ч. синтаксическими элементами, осложняющими предложение.

Н.г.п. может возникать в результате желания автора передать особенности несобственно-прямой речи, напр.: *Стало быть – случай совершенно исключительный: не часто заезжают в «Китай» полковники: чину не соответствует: для чиновных специальные имеются «дома свиданий»: без огласки, на манер меблированных комнат, вполне прилично* (С. Мстиславский). Здесь имеет место избыточное употребление двоеточия, которое может быть заменено точкой, регламентирующей конец предложения.

Лит.: **Бутакова Л.О.** Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи // Вестник Омского ун-та. 1998. Вып. 2; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

М.В. Веккесер

НАРУШÉНИЕ ЛЕКСИ́ЧЕСКОЙ СОЧЕТА́ЕМОСТИ – тип лексической ошибки, состоящий в соединении слов в словосочетание без учёта их лексического значения и способности сочетаться с другими словами. Напр.: ... *Госминистр Зураб Жвания обратился к России за чрезвычайной энергетической помощью* (Труд. 02.12.2003) – ср.: *за срочной помощью* (чрезвычайной может быть ситуация, но не помощь). Как видим, исправление ошибки сводится к замене слов, употребление которых привело к Н.л.с.

Основная причина Н.л.с. – невнимательное отношение к слову. В случаях, когда трудно определить, можно ли сочетать те или иные слова, следует обращаться к словарям: «Словарю сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина (3-е изд., испр. М., 2002), словарь В.И. Красных «Русские глаголы и предикативы. Словарь сочетаемости» (М., 1993) и нек. др.

Н.л.с. как ошибку следует отличать от преднамеренного и стилистически оправданного нарушения привычных связей слов, которое придаёт им новые оттенки значения и лежит в основе многих стилистических приёмов: Метафоры (см.), Олицетворения (см.), Оксюморона (см.) и др.

Лит.: Голуб И.Б. *Стилистика русского языка: учеб. пособие.* М., 1997; Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. *Стилистика и культура речи.* Мн., 2001; Уздинская Е.В. *Типичные нарушения норм в газетном тексте и их предупреждение.* Саратов, 2010; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

Г.А. Копнина

НАСТОЯЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ. См. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТРОП

НАСТОЯЩЕЕ ПРЕДПИСАНИЯ. См. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТРОП

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ – жанр научной речи; научное произведение, посвящённое рассмотрению актуальной проблемы, в результате которого автор получает новое научное – эмпирическое или теоретическое – знание. Текст Н.с. характеризуется единством научного подхода, композиционной целостностью, а также логичностью, связностью речи. По сравнению с монографией Н.с. обладает менее разветвлённой смысловой структурой и в связи с этим более простой композицией и меньшим объёмом. Жанр Н.с. дифференцируется следующим образом: 1) проблемно-постановочная (академическая) статья; 2) краткое сообщение о результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; 3) собственно-научная (научно-техническая) статья, в которой достаточно подробно излагаются основные результаты исследования; 4) историко-научная обзорная статья; 5) дискуссионная/полемика статья; 6) научно-популярная статья; 7) рекламная статья.

Лит.: Баженова Е.А. *Научный текст в аспекте политекстуальности.* Пермь, 2001; Брандес М.П. *Стилистика текста.* М., 2004; Ванников Ю.В. *Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности: методическое пособие.* Ч. 1. М., 1984; Васильева А.Н. *Основы культуры речи.* М., 1990; Демидова А.К. *Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы.* М., 1991; Котюрова М.П. *Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста.* Красноярск, 1988; Мальчевская Т.Н. *Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов) // Особенности стиля научного изложения.* М., 1976; Разинкина Н.М. *Библиографические ссылки и их роль в организации научного текста // Общие и частные проблемы функциональных стилей.* М., 1986; Шурыгина И.Л. *Жанры научной литературы.* М., 1986.

М.П. Котюрова

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ПОДСТИЛЬ – одна из стилистико-речевых разновидностей научного стиля, обеспечивающая коммуникативную задачу популяризации научных знаний для широкой аудитории.

Н.-п.п. сохраняет основные специфические особенности научного стиля: в научно-популярной литературе излагаются научные знания; экстралингвистические факторы, которые определяют закономерности функционирования языковых средств в Н.п.п., те же, что и в собственно научном стиле. Отличия Н.-п.п. от собственно научного (академического) стиля обусловлены дополнительными, частными задачами коммуникации, связанными с донесением в доступной форме достоверных научных знаний до неспециалиста.

Как и в научном стиле, в научно-популярной речи широко используется общенаучная лексика и термины. В то же время приёмы подачи терминов имеют здесь свои особенности. Так, наряду с характерными для научного стиля строгими дефинициями терминированных понятий, в научно-популярном произведении обнаруживается ряд специальных приёмов введения терминов: 1) краткая расшифровка значения в скобках: *Катионы (атомы, несущие на себе положительный заряд) откладываются на катоде*; 2) в сноске; 3) при помощи образных средств: *Ген, который берет верх, назы-*

ваются доминантным, а **который уступает** – рецессивным и др. Рассказывая об исследовании, автор научно-популярного текста, как правило, показывает готовый результат поиска, в то время как большая часть логических доказательств и аргументации намеренно опускается, поскольку популяризатор старается сделать текст и доступным, и увлекательным.

Одним из существенных признаков Н.-п.п. является его экспрессивность, которая особенно ярко выражается в использовании вопросно-ответных комплексов, риторических вопросов, парцелированных конструкций, а также средств словесной образности. Вопросно-ответные комплексы, имитируя диалог между автором и читателем, активизируют внимание адресата и облегчают усвоение материала. Риторические вопросы обычно выполняют оценочную функцию (напр.: *А какой же он, если разобраться, новый?*). Парцелированные конструкции являются средством выражения точки зрения автора и детализируют сообщение, как бы упрощая структуру высказывания и в то же время делая его более ясным (напр.: *Термин «биосфера» включает в себя все части нашей планеты. И атмосферу, и океан, и все части земной поверхности; Впрочем, довольно эмоций. Нас просили написать. Мы написали. Мы написали бы сдержаннее, если бы не пробовали сам продукт. Но мы пробовали. А вы, уважаемый читатель, скорее всего, и не видали его*).

Средства словесной образности, прежде всего метафоры, стимулируют творческое восприятие читателем научно-популярного текста. В частности, метафора помогает автору ввести в текст известное знание (напр.: *...для охоты за бозонами специально переоборудован ускоритель. Ср.: охота за бозонами*), раскрыть сущность научного понятия, изложить новую концепцию или теорию и т.д.

Для композиции научно-популярных произведений характерно наличие особого предтекста, вводящего в тему и проблему исследования, использование так называемого Заголовочного комплекса (см.) и Эпиграфа (см.).

В целом специфика научно-популярного произведения обусловлена прежде всего ориентацией на особый тип читателя (неспециалиста) и необходимостью оптимального выполнения основной коммуникативной задачи – популяризации научного знания.

Лит.: Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Лазаревич Э.А. Функции и принципы популяризации науки. М., 1983; Одинцов В.В. Речевые формы популяризации. М., 1982; Полищук Г.Г. Приёмы научно-популярного изложения в лекции. М., 1983; Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. М., 2004; Славгородская Л.В. Научный диалог. Л., 1986.

Е.А. Баженова, Н.В. Кириченко

НАУЧНЫЙ СТИЛЬ – один из функциональных стилей литературного языка, обслуживающий научную сферу общения, реализующую науку как форму общественного сознания. Обусловлен особенностями коммуникативно-познавательной деятельности, понятийно-логическим типом мышления, природой знания как его внелингвистическими стилеобразующими факторами. Общая цель научной речи – сообщение нового знания о действительности и доказательство его истинности. Закономерности взаимодействия старого и нового знания, а также фазы (этапы) творческой деятельности учёного – от идеи, гипотезы до вывода/закона – во многом определяют развёртывание научного текста, его композицию и структуру, воплощая динамику и стилистику речемыслительного процесса.

Основные стилевые черты Н.с. – обобщённо-отвлечённость, подчёркнутая логичность, последовательность и тесная связность изложения, аргументированность, точность, терминованность, логизированная оценочность, именной характер речи, некатегоричность изложения, способствующая его объективности. В целом Н.с. свойствен книжный характер речи, нейтральная лексика, нежелательность разговорных и эмотивных средств (но не полное их отсутствие). Выразительность научной речи создаётся преимущественно за счёт полной реализации указанных стилевых черт Н.с.

Внелингвистические стилеобразующие факторы Н.с. определяют принципы отбора языковых средств и их организации, создавая специфическую речевую системность; немаловажную роль при этом имеет частота употребления тех или иных языковых единиц.

Обобщённо-отвлечённость Н.с. создаётся за счёт широкого использования языковых единиц абстрактного и обобщённого значения (в т.ч. терминов). Даже конкретные в общеязыковом употреблении слова в контексте научной речи нередко обозначают общие понятия, напр.: *Дуб – порода тен-*

лолюбивая. Глаголы также выступают в обобщённо-отвлечённом значении, напр., глаголы широкой семантики (*существовать, иметь, проявляться* и т.п.), глаголы в связующей функции (*быть, являться, служить*), в роли компонентов глагольно-именных сочетаний, в которых основная смысловая нагрузка выражается существительными (*подвергать анализу, оказывать влияние*). Некоторые словесные сочетания употребляются в Н.с. особенно часто и поэтому приобретают свойства оборотов-клише: *анализ данных показывает, рассмотреть проблему, на основании приведённых фактов, из сказанного следует* и т.п. В выражении и создании стилевой черты обобщённо-отвлечённости участвует не только лексика, но и морфология и синтаксис. Так, формы глагола используются преимущественно в значении настоящего вневременного (выражающего качественный, признаковый оттенок значения): *Хлорид медленно разлагается; Вода кипит при 100°*. Указанная стилевая черта проявляется и при употреблении лица глаголов и личных местоимений (*мы можем заключить; мы имеем несколько эпох* синонимичны случаям *можно заключить, имеется несколько эпох*, т.е. формы глагола выступают с ослабленным, неопределённым и обобщённым значением лица). Та же стилевая черта выражается и в формах числа существительного: форма ед. числа обозначает в контексте не отдельные считающиеся предметы, но служит для выражения общего понятия либо неделимой совокупности и целостности: *ухо – анализатор звуков*. То же касается рода существительного (ср. большую частотность абстрактных слов ср. рода: *изучение, свойство, значение, влияние*) и др. явлений морфологии.

На синтаксическом уровне отвлечённо-обобщённость (покрывающая, по мнению Н.М. Лариохиной, стилевые черты абстрактности, безличности, объективности) выражается в исключении из структуры предложения личного субъекта действия. Этому соответствуют обобщённо-личные предложения, безличные предложения, двучленный пассивный оборот с процессуальным значением, напр.: *В механике пользуются понятием материальной точки...* Кроме того, отвлечённо-обобщённость реализуется через широкую употребительность **номинализованных** структур: *В результате реакции происходит перераспределение массы.*

Подчёркнутая логичность выражается в преобладании союзных предложений над бессоюзными, т.к. союзы позволяют более чётко передавать смысловые и логические связи частей предложения. При общем высоком проценте сложных предложений преобладают сложноподчинённые, широко используются вводные слова и словосочетания, подчёркивающие логику мысли и последовательность изложения (*во-первых, во-вторых, следовательно, итак* и т.п.), так называемые конструкции и обороты связи (*в заключение отметим...; перейдём к рассмотрению...; подведём итоги*). По насыщенности связочными средствами научная речь занимает первое место среди функциональных стилей. В качестве связочных средств выступают не только союзы и союзные слова, но и ряд других слов (*Отсюда следует, что...; ...поэтому было бы логично заключить... и др.*).

Точность (а также ясность) Н.с., обусловленная, в частности, учётом адресата, достигается употреблением большого числа терминов, как правило, слов однозначных, строго определённых в своих значениях в пределах конкретной науки, выражающих существенные признаки называемых предметов и явлений (*генератор, гипотенуза, минерал, конус* и т.д.); нежелательностью и даже недопустимостью их замены на синонимы; необходимостью давать чёткие определения вновь вводимым понятиям; использованием оборотов в функции уточнения.

Пример Н.с.: *Аллергия – это изменённая реактивность организма, которая проявляется в нарушении обычного течения общих и местных реакций, чаще при повторном поступлении в организм веществ, называемых аллергенами. Реакции эти могут быть повышены по сравнению с нормой, т.е. усилены и ускорены – гиперергия, или понижены, т.е. ослаблены и замедлены – гипоергия, или могут совсем отсутствовать – анергия, как это наблюдается, напр., при абсолютном иммунитете* (Большая медицинская энциклопедия).

Н.с. обычно выступает в письменной форме, реже в устной (дискуссии). В Н.с. выделяются такие речевые жанры: статья, монография, диссертация, рецензия, обзор, аннотация, научный комментарий текста, доклад на специальную тему и др. Особо выделяются жанры учебного характера: учебник, учебное пособие, методические указания и нек. др., для текстов которых характерно наличие правил, рекомендаций, разъяснений и т.п., и жанры научно-популярной литературы (см. Научно-популярный подстиль), для текстов которых характерно сближение с некоторыми жанрами Публицистического стиля (см.): *В науке мы неизменно наблюдаем: чем фундаментальнее открытая закономерность, тем короче её можно сформулировать. Так, напр., для формулировки закона механики о*

равновесии инерционных сил с обычными силами Ньютону понадобилось всего четыре буквы. Для описания квантовой закономерности фотоэффекта Эйнштейну нужны были только три буквы (П.Л. Капица).

Лит.: Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль. М., 1976; Данилевская Н.В. Роль оценки в механизме развёртывания научного текста. Пермь, 2005; Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. М., 2008; Лаптева О.А. Внутрителивая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968; Лариохина Н.М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М., 1979; Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. М., 1976; Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II. Ч. 1. Пермь, 1996; Разинкина Н.М. О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы // Особенности языка научной литературы. М., 1965; Современная русская устная научная речь / под ред. О.А. Лаптевой. Т. 2. М., 1994; Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

М.Н. Кожина, Л.П. Крысин

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ В КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОМ АСПЕКТЕ*. В разных речеведческих направлениях текст изучается с различных точек зрения. Наиболее распространены три понимания термина «текст»: 1) как единица высшего уровня языковой системы (грамматический аспект); 2) как единица речи (что и позволяет нам использовать номинации *речь* и *текст* в качестве синонимов); 3) как единица общения, обладающая относительной смысловой завершённостью, предназначенная для передачи замысла в процессе общения.

Сложность грамматического подхода к определению границ текста была преодолена благодаря учёту коммуникативных параметров текста, связанных со смысловой стороной текста. Понимание целого текста на информативно-смысловой основе качественно отличается от понимания текстового уровня языковой системы. Информативно-смысловая основа – это экстралингвистическая сущность функционирования языка.

Научный текст как целое определяется в содержательно-коммуникативном отношении с учётом концепции, цели общения, фонда знаний, субъекта, адресата и т.д., а на поверхностном уровне – текстовой организации, композиции, принципов и приёмов развёртывания текста. Все эти параметры определяют качественное своеобразие целого научного текста как единицы коммуникации. Критериями определения целого текста как единицы общения являются следующие: семантический (трактовку семантики текста см. в: [Новиков 1983]), коммуникативно-информативный (в плане реализации замысла автора с целью достижения эффективности общения), функционально-стилистический, учитывающий целостность единства формы и содержания. Очевидно, что эти критерии опираются на системное единство собственно языковой стороны текста и его экстралингвистической основы, т.е. стороны неязыковой.

Применение критериев порождения целого текста помогает различать понятия «текст» и «целый текст»: для трактовки текста вполне достаточно лингвистической интерпретации; сущность же целого текста может быть определена и объяснена лишь на экстралингвистической основе. Для производства и понимания целого текста недостаточно знания системы языка, поскольку «знание значений языковых единиц еще не означает умений оперировать ими в тексте, подчиняясь коммуникативно-познавательным целям» [Дридзе 1980: 134].

Конструктивный принцип порождения научного текста – обобщённо-отвлечённость в сочетании с подчёркнутой логичностью и терминированностью речи. Отвлечённо-обобщённость научного стиля речи создается в тексте за счёт широкого использования языковых единиц с абстрактным и обобщённым значением или способных передавать его в контексте научной речи. Так, в научной ре-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 11-34-00228a1.

чи высокочастотна абстрактная лексика (в том числе терминологическая), а также слова, выражающие общие понятия – даже в тех случаях, когда в общезыковом употреблении (в других сферах общения) они обозначают конкретные явления (*Химия занимается однородными телами; физические и химические свойства воды; температура кипения воды;*

В культурно-речевом отношении важен этап совершенствования научного текста. Редактирование предполагает проникновение в замысел автора, реконструкцию и интерпретацию этого замысла и сопоставление реального текста с культурно-речевым эталоном формирования научного текста. Соответствие текста эталону осложняется тем, что в сознании автора предмет мысли может быть недостаточно ясным, а связи его с другими предметами – неопределёнными.

Стратегия редактирования соотносится с вниманием, доминирующим в процессе специального медленного чтения. Поскольку конкретный текст феноменологичен, эксклюзивен, неповторим, к нему нельзя относиться стереотипно, «по привычке», он всегда таит неожиданности – причём во всех отношениях, в том числе и в отношении погрешностей. Под речевыми погрешностями понимаются отступления от норм научного функционального стиля; эти отступления связаны с нарушением закона смыслового согласования (прежде всего на основе абстрактности/конкретности лексических значений), линейности речи, контактного либо дистантного расположения текстовых единиц, подчёркнутой логичности и связности научного изложения.

Автору необходимо обладать целостно-композиционным мышлением, чтобы «включать» оперативную и долговременную память, фокусировать внимание на определённом фрагменте текста, согласовывая данный фрагмент с другими и со всем текстом. Целостно-композиционное мышление опирается на целый ряд параметров конструкта «научный текст»: комплементарность (дополнительность) линейности и объёмности (квантованности) рече-мышления, дискретности и континуальности текстовых единиц. Кроме того, целостно-композиционное мышление включает равномерность и выдвигание (актуализацию), преодоление скачкообразности мысли посредством плавности речи, сопряжённость «жестких разрывов» мысли и «мягкой связи» текстовых единиц. Наконец, при этом действует закон, условно названный законом связи «начала и конца, конца и начала» текстовых единиц. Так, комплементарность линейности и объёмности (квантованности) рече-мышления проявляется в относительном единстве этих двух свойств речевого мышления. Линейность связывает «кванты» мысли в физическом, ментальном пространстве, а также во времени. Дискретность линейно-текстовых единиц позволяет концентрировать «вещи в себе», а затем манипулировать ими в когнитивно-прагматических целях. Линейно организованная речь дифференцируется на сверхфразовые единства, предложения (высказывания, в которых можно рассмотреть синтагмы), словосочетания, а также отдельные лексемы. Все эти и другие единицы выражают не только «каждая свое» содержание, но и целостное, не равное сумме содержания этих единиц. Континуальность речемыслительной деятельности рассматривается в отношении содержания текста, которое можно дифференцировать в разных ракурсах, на разных основаниях, выявляя средства выражения тех или иных компонентов, объединяя эти средства, в результате чего получая именно континуальные единицы текста. Такие единицы не имеют четких границ, поскольку эксплицируются полифункциональными языковыми единицами, «рассеянными» по текстовому пространству. В культурно-речевом плане важно овладеть синонимическим богатством языковой системы, «расцветивать» текст разнообразными речевыми единицами, а не обеднять его повторением выражений типа *указанный, вышеназванный; можно сказать, что; следует подчеркнуть, что; необходимо отметить, что* и др. Именно повторение таких единиц представляет собой речевой недочет. Сопряжённость прерывистости мысли и связности речи проявляется в логико-семантических отношениях таких законченных текстовых единиц, как предложения, сверхфразовые единства и другие более сложные единицы текста. Несмотря на определённую самостоятельность этих единиц в тексте, они должны быть соединены, связаны, причём средства связи должны точно выражать логико-семантические отношения (причины и следствия, основания и вывода, общего и частного и др.) этих единиц, что обеспечит монолитность, целостность и тем самым статичность содержания (в противном случае возникают речевые погрешности). Вместе с тем научному тексту присуща динамичность, которая достигается актуализацией, выдвиганием, усилением отдельных смыслов посредством акцентирования специальными лексическими средствами, инверсией, повторами и т.д. В этом плане текстовые погрешности также достаточно разнообразны: могут быть неточно употреблены акцентуаторы типа *не только..., но и; как..., так и*, допущена неоправданная инверсия, использованы избыточные уточняющие слова.

Действительно целостное композиционное мышление позволяет автору улучшать текст как форму, вместе с тем углубляя и гармонизируя содержание текста. Поэтому вполне правомерно мнение о том, что текст является формой не только выражения, но и развития знания.

Лит.: Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. М., 2008; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

М.П. Котюрова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК – исторически сложившаяся высшая форма существования и функционирования языка, которая обслуживает все сферы жизни народа, объединённого общностью психического склада, мировидения, истории и культуры. Н.я. по целому ряду функциональных и структурных признаков противопоставляется племенному языку и языку народности. Для Н.я. характерны строгая дифференциация функционально-семиотических подсистем и стилей, богатство словарного состава, относительное совершенство грамматического строя, наличие письменной традиции. Все Н.я. планеты закреплены во множестве текстов различной жанровой принадлежности.

В составе Н.я. выделяются такие функционально-семиотические подсистемы, как: 1) Литературный язык (см.); 2) обиходно-разговорный язык (язык домашнего обихода, семейного общения); 3) Языки для специальных целей (см.); 4) Просторечие (см.); 5) территориальные диалекты (см. Диалект); 6) региолекты (т.е. речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия; от территориального диалекта региолект отличается тем, что распространён на более обширной территории); 7) Социолекты (см.), разновидностями которых являются корпоративные Жаргоны (см.), Сленг (см.), профессиональные Арго (см.), воровское Арго; 8) маргинальные формы существования национального языка (напр., смешанный русско-украинский язык – суржик, смешанный русско-белорусский язык – трясняница и т.п.). Перечисленные выше формы существования Н.я. различаются сферами употребления, социальными характеристиками носителей, отношением к норме (языковой, стилистической, этической и др.), наличием/отсутствием письменной формы.

Н.я. выполняет максимальный объём функций, важнейшими из которых являются функция выражения национального самосознания, интегрирующая (объединения по этническому признаку), регуляционная (участия в выработке национальных норм поведения), социоцентрическая (общения в социальных группах), афирмативная (использования языка в целях упрочения престижа данной нации) функции.

Н.я. – это важнейшее средство приобщения к национальной культуре и среда её существования.

Н.я. тесным образом связан с нацией, но не является единственным признаком этой исторически сложившейся устойчивой общности людей. Различают *монолингвальные нации* (одна нация – один язык), напр. японцы; *билингвальные нации* (одна нация – два языка), напр. канадцы (используют в качестве национальных английский и французский языки), *мультилингвальные нации* (одна нация – несколько языков), напр. швейцарцы, которые в качестве национальных используют немецкий, итальянский, французский и ретороманский языки. Соответственно, различаются мононациональные, бинациональные и полинациональные языки. Ярким примером полинационального языка является английский, варианты которого обслуживают коммуникативные, когнитивные, эмотивные и т.д. потребности таких наций, как англичане, американцы, австралийцы и нек. др.

На становление Н.я. оказывают существенное влияние экстралингвистические факторы, а также внутренние законы и закономерности исторической изменчивости языков и диалектов. Различают несколько путей формирования национальных языков. Самым распространённым является эволюционный путь, когда Н.я. возникает в результате развития и совершенствования языка народности. Так, в XVII в. на базе языка великорусской народности сформировался русский национальный язык. Второй путь образования Н.я. – концентрация диалектов (таким образом появились, напр., монгольский и казахский национальные языки). Н.я. может образоваться также путём скрещивания языков и диалектов (креольские языки на английской основе). Исследование феномена «Н.я.» относится к числу актуальных задач макросоциолингвистики и этнолингвистики.

Лит.: Агаев А.Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968; Базиев А.Т., Асаев М.И. Язык и нация. М., 1973; Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995;

Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании: тезисы докладов междунар. конф. М., 1998; **Грузберг Л.** Региолект // Филолог: научно-методический, культурно-просветительский журнал Пермского университета. URL: www.philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208; **Гумилёв Л.Н.** Этнос: его свойства и особенности. URL: www.yandex.ru/yandmarkup?q=337872495&p=1&HndlDoc=13; **Джунусов М.С.** Нация как социально-этническая общность людей // Вопросы истории. М., 1966. Вып. 4; **Мечковская Н.Б.** Социоллингвистика. М., 2003; **Миронов С.А.** Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981; **Термины и понятия лингвистики:** Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник / сост. Т.В. Жеребило. Назрань, 2011.

О.В. Фельде

НЕБЛАГОЗВУЧИЕ, или **КАКОФОНИЯ** (от др.-греч. *κακός* – ‘дурной’ и *φωνή* – ‘звук’), – нарушение благозвучия, состоящее в неоправданном употреблении звуков (их беспорядочном, хаотическом нагромождении, скоплении, повторении одинаковых в звуковом отношении частей слов), связанное с утратой эстетического вкуса (вызывающее отрицательную эстетическую реакцию у читателя или слушателя). Напр.: *Без грамотного специалиста в этой области вам не обойтись*; аббревиатуры: *ПЖРЭТ* (производственный жилищный ремонтно-эксплуатационный трест), *ГИБДД* (ср. ГАИ) и т.п.

Н. имеет национальный характер; оно отталкивается от исторически сложившихся общенародных представлений о том, какой должна быть фоника данного языка. В русском языке неблагозвучными представляются сочетания шипящих согласных, а также слова с несколькими шипящими (*Как часто мы слышим ложь, чувствуем фальшь в замечательнейших шокирующих всех программах будущих губернаторов, мэров, депутатов*); сочетание двух согласных, первый из которых более звучен, чем второй (сочетания с нисходящей звучностью): *нд, мб, рп* и под.; сочетание двух-трёх гласных, так называемое зияние (*аудиовизуальный, термины и их свойства, А у Анны Карениной...*). Снижают благозвучие громоздкие стечения согласных на стыке слов (*жидкость стала испаряться; слово в фразе*), скопления одинаковых или подобных звуков на небольшом отрезке речи, если при этом не подразумевается специальная выразительная задача (*всё население села собралось у сельсовета; про проверку я ничего не знал; допрос рослого парня продолжался*).

Часто Н. вызывает нежелательные, грубые, непристойные ассоциации и в таком случае носит название **какологии**. Напр.: *просрочивать* вместо *просрочивать*; *ксерить* вместо *ксерокопировать*; *Утёк, подлец! Ужо постой*, / *Расправлюсь завтра я с тобой* (А. Блок).

Н. необходимо отличать от стилистического приёма **какэмфатона**, в котором Н. (в т.ч. какология), употребляется в качестве выразительного средства исключительно в юмористических и сатирических текстах. Напр. в анекдоте: *Утром муж выходит из спальни, подходит к зеркалу: «Пара - па - ба - бам - пара - па - ба - БАМ»* (т.е. «пора по бабам»). *Затем жена: «Та - та - рам - да - рам - дам, та - та - рам - да - рам - дам»* (т.е. «татарам даром дам»); – *Что сказали монголо-татары, когда напали на Русь? – А нас орда; – А что сказали им на это русские? – А нас рать* (ОРТ, 4.11.2001).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка: учебник. М., 1993; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Марузо Ж.** Словарь лингвистических терминов. М., 1960; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.Л.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

Н.Е. Булгакова, А.А. Кузнецова

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ. См. **ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ**

НЕВЕРБАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА. См. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ

НЕГРУБЫЕ ОШИБКИ. См. ГРУБЫЕ И НЕГРУБЫЕ ОШИБКИ

НЕЙТРАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА. См. ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА

НЕКОРРЕКТНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ. См. АРГУМЕНТАЦИЯ

НЕКРОЛОГ (от др.-греч. νεκρός – ‘мёртвый’, λόγος – ‘слово’) – один из жанров газетной журналистики, известный с давних времён, представляющий собой слово о покойном, сообщение о его заслугах, краткое описание и характеристику его жизненного пути; Н. может содержать также сообщение о причинах кончины. Исторически Н. возникли из кратких записей имён умерших в церковных книгах для поминовения. Со временем краткие, чисто фактические записи приняли форму хвалебного слова умершему.

Газетная форма Н. представляет собой краткую заметку, в которой содержится информация о смерти, соболезнование близким и родственникам усопшего. Напр.: *Заслуженный работник культуры РФ журналист и писатель Николай Корсунов скончался на 81-м году жизни в минувшее воскресенье. Биография Николая Фёдоровича была тесно связана с Казахстаном и Оренбургской областью. Он работал на радио, в Западно-Казахстанской областной и республиканской газетах. Романы Корсунова «Где вязель сплелась», «Без свидетелей», «Высшая мера» и «Лобное место», повести, сборники рассказов и очерков, а также пьесы принесли ему известность в стране и за рубежом. Корсунов четверть века возглавлял Уральскую межобластную и более десяти лет Оренбургскую областную писательские организации. До последних дней жизни Н.Ф. Корсунов был активным общественным деятелем, в частности, работал в Общественной палате Оренбургской области. «ЛГ» выражает соболезнование родным и близким покойного (ЛГ. 2009. № 2).*

В России Н. с 1831 г. печатались в «Месяцесловах» Академии Наук, откуда перешли в календари. Сейчас Н. обычно печатаются в газетах и журналах, в т.ч. в библиографических.

Лит.: Густав Шпет: Некролог как жанр письма. URL: www.requiem.ru/obituary/doc98/; Евдокимова О.Н. Языковые и стилистические особенности траурных речевых жанров: КД. Курск, 2010; **Литературная энциклопедия:** Словарь литературных терминов. В 2 тт. Т.1. М.; Л., 1925; **Некролог** // Памятники.ру. URL: www.pamiatniki.by/nekrolog-obituary/; **Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.** Т. ХХА. СПб., 1897.

А.С. Белозор

НЕМОТИВИРОВАННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ (жаргонных, диалектных, просторечных слов и профессионализмов) в книжных стилях литературного языка – это Стилистические ошибки (см.), относящиеся к нарушениям Стилистической нормы (см.) и предполагающие либо отсутствие у говорящего/пишущего знаний об этих нормах либо сознательное их нарушение. Напр., немотивированное (неуместное) использование Диалектизм (см.) в газетной речи: *Тут **надысь** [вместо литературного *недавно*] *пресса проводила блиц-опрос известных людей страны, интересуясь, не вегетарианцы ли они часом?* (СГ. 21.06.2001); *Мы выехали, когда уже **ободняло** [вместо литературного *светало*] (КП. 11.09.2000).* Примеры немотивированного использования просторечной лексики: *Не слишком ли высоко **планку задрали?** (ср. нормативный фразеологический оборот: «поднять планку»)) (Новости ОРТ. 17.04.1997); *Мы очень рады, что табачные заводы **накопец-то очухались**, и хотим их поддержать (МК. 28.11–04.11. 1999), ср.: *ожили, снова заработали.****

Весьма часто ошибки этого типа возникают вследствие немотивированного использования Жаргонизмов (см.). Напр.: *Поглязеть на Земфиру, подышать уфимским «свежим ветром» **притрюхалась** вся **крутая** знать из **хоть и покрытой тиной, но бездонной попс-заво**ди (МК. 13–20.04.2001); *Это бизнес, в котором вертятся ну о-очень серьезные **«бабки»** (СГ. 21.06.2001).**

К подобного рода нарушениям относят также немотивированное использование Профессионализмов (см.) и Жаргонизмов (см.): *А цена «серой растаможки» установилась на среднем уровне между беспошлинным импортом и полной оплатой всех таможенных платежей* (МК. 28.10–04.11.1999); ... *Все «нонкорформисты» могут удавиться, если не сумеют впарить свои работы тем, кто имеет деньги* (ЛГ. 2008. № 28).

Высокая частотность этого типа речевых ошибок связана с общей тенденцией к Вульгаризации речи (см.), наблюдаемой в современной общественно-речевой практике, что отмечается во многих исследованиях последних лет.

Лит.: **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; **Крысин Л.П.** Русский язык конца XX века. М., 1996; **Культура русской речи**: учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Культура русской речи и эффективность общения**. М., 1996; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Русский язык**. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи, М., 1997; **Сковородников А.П.** О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-методич. бюллетень. № 3. Красноярск, 1998.

А.В. Барина

НЕОЛОГИЗМЫ (от др.-греч. νέος – ‘новый’ и λόγος – ‘слово’) – слова, словосочетания, фразеологизмы, лексические значения, обладающие свойством новизны в конкретный исторический период развития языка или в одной из форм его существования.

В современной лингвистике существуют различные подходы к определению сущности Н. Многочисленные сторонники денотативной теории Н. полагают, что их суть заключается в обозначении нового денотата, явления, понятия [Русский язык... 1979 и др.]. Приверженцы стилистической теории отмечают «необычность» Н., их «стилистическую свежесть» и «маркированность временем» [Сенько 1994]; представители индивидуально-психологической точки зрения считают, что Н. – это такие единицы, которые не встречались ранее в лексиконе конкретного носителя языка [Тогоева 1999]. Ряд западноевропейских учёных важнейшим свойством Н. считают его отсутствие в толковых и фразеологических словарях предшествующего периода. Все исследователи сходятся во мнении, что существенным признаком Н. является то, что они возникают «на памяти применяющего их поколения» [Головин 1966: 91]. Таким образом, возможно выявление и изучение Н. любого хронологического отрезка развития языка (см. [Котелова 2001 и др.]).

В современной неологии выделяют несколько типов Н. По степени новизны языковой единицы Н. подразделяются на **абсолютные**, которые называют новые для данной культуры реалии (*грант, смартфон, медиалингвистика*), и **относительные** («возвращённые слова» и актуализированные слова: *гильдия, вексель, Государственная Дума* и т.п.). По виду языковой единицы Н. делятся на **неолексеммы**, или лексические неологизмы (*слоган, секьюрити* и т.п.), **неофраземы**, или фразеологические Н. (*рублёвая зона, популистские меры, рекламная пауза* и др.), и **неосемемы** (т.е. прежде известные слова и фразеологизмы, у которых появилось новое значение: *обвал* (курса рубля) и т.п.). По способу образования выделяют **словообразовательные** (*РУБОП, бюджетник, компьютеризация*), **семантические** (т.е. образованные в результате метафоризации, метонимизации, расширения или сужения лексического значения известного в языке слова: *вирус* (комп.), *роскошный* (о человеке) и т.п.); **заимствованные** Н. (*роуминг, шейкер* и мн. др.). Большинство Н. нейтральны по стилистической окраске и используются в разных стилях литературного языка. Стилистические ограничения касаются тех Н., которые возникли в просторечии и жаргонах (*качок* – ‘человек с развитой мускулатурой’, *зелёные* – ‘доллары’ и т.п.).

Н. как факты языка следует отличать от смежных явлений (напр., Окказионализмов (см.)). Последние являются фактами речи и лишены свойства воспроизводимости.

Лит.: **Брагина А.А.** Неологизмы в русском языке. М., 1973; **Головин Б.Н.** Общее языкознание. М., 1966; **Котелова Н.З.** Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М., 1971; **Лопатин В.В.** Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973; **Максимов В.И.** Типы неологизмов в современном русском языке // Русский язык за рубежом.

2001. № 3; **Новые слова и значения.** Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов. СПб., 2002; **Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунова Д.В.** Неология и неография современного русского языка. М., 2005; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979; **Сенько Е.В.** Инновации в современном русском языке. М., 1994; **Словарь новой России.** СПб., 1999; **Словарь новых слов русского языка** (середина 50-х – середина 90-х годов). СПб., 2001; **Тогоева С.И.** Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: коллективная монография. Тверь, 1999; **Тойтукова А.О.** Лексические инновации в русском языке начала XXI века (2000–2009 гг.): АКД. Абакан, 2010; **Толковый словарь русского языка конца XX в.** Языковые изменения. СПб., 1998.

О.В. Фельде

НЕОПРАВДААННЫЙ ЭЛЛИПСИС. См. ЭЛЛИПСИС

НЕОРИТОРИКА, или **НОВАЯ РИТОРИКА**, – современное междисциплинарное направление, которое изучает правила эффективного и убеждающего речевого общения, законы построения воздействующего текста и особенности его интерпретации; риторика нового времени, началом формирования которой считают вторую половину XX-го века, когда перед наукой и обществом остро встала проблема манипулирования сознанием в средствах массовой информации.

Наиболее общие теоретические принципы Н. сформулированы Р. Бартом, который сосредоточил своё внимание на проблемах структурно-риторического строения произведений. Большой вклад в развитие Н. внесли бельгийские учёные Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека, которые разрабатывали теорию аргументации.

Н. развивается не только на основе использования методов и подходов классической (античной) риторики, в которой разработаны механизмы речемыслительного процесса в создании текста, но и на основе достижений таких современных дисциплин, как социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, теория коммуникации, функциональная стилистика и др. На этом основании в некоторых справочных изданиях указывается, что термин «Н.» синонимичен термину «прагматика» [Матвеева 2003: 171; Педагогическое речеведение 1998: 119].

В отличие от традиционной риторики, Н. сместила акцент в теории аргументации: отдаёт предпочтение не изучению рационально-логического устройства убеждения, а перешла на исследование роли языковых средств в аргументации. Ранее в центре внимания риторики преобладали вопросы, касающиеся изобретения речи (инвенция), в Н. ведущее значение заняла проблематика восприятия (декодирования) текста. В контексте Н. прежде всего вызывают интерес не внешние условия создания литературного текста, а языковая организация самого текста (см. [Иванов 2003: 356–359]).

Значительно расширился спектр проблематики Н., имеющей в качестве своего основного предмета описание принципов построения любых словесных произведений (Ж. Деррида, Ж. Женетт, П. Сопер, Ц. Тодоров, С. С. Аверинцев, Н. А. Безменова, В.А. Радченко и др.).

Н. ставит проблему речевого существования человека и народа; изучает эффективность речи в контексте подготовки современного речедеятеля; даёт рекомендации пользования словарём речедеятелям, принадлежащим к разным профессиям. Задача Н. мыслится как управление общественным сознанием, формирование морали, нравственности и этики, формирование стиля, исследование психологии речетворчества [Рождественский 1997: 95].

Н. использует опыт, накопленный радио, телевидением, прессой, рекламой, а также изучает механизмы овладения языком и речью детьми и взрослыми, приёмы построения диалога и полилога, варианты обратной связи в общении. Неориторы проявляют интерес к функционально-смысловым типам речи, особенностям их построения, их стилистике.

В настоящее время с позиций Н. изучается «языковой вкус эпохи», новые тенденции развития языка с учётом его массового употребления; проблемы культуры речи, в т.ч. формирование новых этикетных речевых стандартов, вербальных и невербальных.

Таким образом, Н. особое внимание уделяет 1) теории и практике межличностного общения, опирающимся на идеи сотрудничества и принципы вежливости, и 2) риторике текста, что свидетельствует о практической направленности исследований в области Н., позволяющих оптимизировать

профессиональное и межличностное общение в их устной и письменной формах. Развитие Н. способствует риторизации учебного процесса во всех сферах образовательного пространства.

Лит.: **Аверинцев С.С.** Риторический принцип как фактор непрерывности на переходе от Античности к Средневековью и от Средневековья к Возрождению // Западноевропейская средневековая словесность. М., 1985; **Безменова Н.А.** Очерки по теории и истории риторики. М., 1991; **Иванов Л.Ю.** Новая риторика // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Неориторика:** генезис, проблемы, перспективы. М., 1987; **Панов М.И.** Неориторика // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; **Педагогическое речеведение:** словарь-справочник. М., 1998; **Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л.** Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987; **Рождественский Ю.В.** Теория риторики. М., 1997.

М.В. Веккесер

НЕПРАВИЛЬНОЕ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ. См. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКАЯ РЕЧЬ. См. НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ, или **НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКАЯ РЕЧЬ**, – стилистический приём художественной речи, состоящий в соединении особенностей прямой и косвенной речи и служащий созданию эффекта многоголосия, диалогизации отношений между повествователем и персонажем и между персонажами повествовательного художественного текста, а также для реализации целого ряда сопутствующих прагматических и изобразительных функций. Типизированной синтаксической формы Н.-п.р. не имеет.

Как правило, позиция наблюдателя – носителя субъективно-эмоционального плана – принадлежит персонажу. Значительно реже это «раздвоение сознания» самого автора, совмещающего и объективный план (сообщение факта внешнего мира), и субъективный (восприятие, переживание, осмысление факта): *Возникает вопрос, уж не в милицию ли спешил Максимилиан Андреевич жаловаться на разбойников, учинивших над ним дикое насилие среди бела дня? Нет, ни в коем случае, это можно сказать уверенно. Войти в милицию и сказать, что вот, мол, сейчас кот в очках читал мой паспорт, а потом человек в трико, с ножом... нет, граждане, Максимилиан Андреевич был действительно умным человеком!* (М. Булгаков).

Двуплановость речи может создаваться через передачу речи персонажа другим персонажем: – *Господин мой юнкер, значит – ещё не офицер. А звание-то имеет себе больше генерала – большого лица. Потому что не только наш полковник, а сам царь его знает, – гордо объяснил Ванюша. – Мы не такие, как другая армейская голь, а наш папенька сам сенатор; тысячу, больше душ мужицких себе имел и нам по тысяче присылают. Потому нас всегда и любят* (Л. Толстой).

Соотношение объёмов авторской и «чужой» речи может быть различно. При доминировании авторской речи реализуется **аукториальная** форма Н.-п.р.; крайний случай – когда называется только тема прошлого высказывания героя (**тематическая** Н.-п.р.); а при доминировании характеристик речи персонажа – Н.-п.р. **персональная**. Форма Н.-п.р., воссоздающая звучавшую и воспринятую субъектом/адресатом (им может быть и автор-повествователь, и другой персонаж произведения) речь, называется **внешней**; в противном случае это **внутренняя** Н.-п.р. Внутренняя Н.-п.р. многообразна, основные её разновидности: внутренняя рефлексия и внутренний монолог, который может перейти в «поток сознания», «внутренняя цитация». В первом случае передаются, «вербализуются» мысли, чувства, переживания, размышления героя. Это могут быть поиски причины коммуникативной неудачи, мысленный анализ ситуации в поисках плана действий, философское осмысление, обобщение ситуации: – *То есть как требуется? Как это понять – только и успел промолвить Саманчин и запнулся, жёстко поджав побелевшие губы. Конечно, он мог устроить дикий скандал, чтобы у этого мордатого Ошондоя глаза полезли на лоб, опрокинуть стол к чёртовой матери, двинуть в рыло, поднять хай <...>, но сейчас ему было не до этого* (Ч. Айтматов).

В самом общем виде средства выделения Н.-п.р. – это рассогласование формы и содержания: фактический автор высказывания не оформляется первым лицом; при устном воспроизведении текста Н.-п.р. обязательно выделяется интонационно.

1. Синтаксические средства выделения Н.-п.р.: характер контекстно обусловленных значений временных форм глаголов; виды наклонений и, в целом, модальности (побудительные предложения, семантика долженствования, желательности и пр.), конструкции экспрессивного синтаксиса (риторические вопросы, предложения восклицательные, инфинитивные, номинативные и т.д., междометия, разговорные частицы, синтаксические повторы, вводные конструкции бытовой речи и пр.): *Сено на лугу, под самым угором, было уже убрано, и ох же как впились в её голые ноги жёсткие, одеревеневшие стебли скошенной травы. Но разве она неженка? Разве она не дочь Пелагеи Амосовой? В общем, колючую луговинку перемахнула, не поморщившись, с ходу врезалась в девичий цветник* (Ф. Абрамов).

2. Лексические средства: стилистически окрашенная лексика, часто разговорная, сниженная, оценочно-характеризующие определения, указательное местоимение «это/этот» с положительным или отрицательным оценочным значением, усиленным повтором. Субъектная «многоголосость» произведения ведёт к многозначности слова, к многообразию его смыслов в зависимости от его «субъектных приспособлений».

3. Графические средства. В следующем примере Н.-п.р. начинается многоточием: *И Тихон Ильич не спеша пошёл среди деревьев и крестов, по аллее, ведущей к старой деревянной церкви. <...>. Он шёл и глядел по сторонам... Как коротка и бесполова жизнь! И какой мир и покой вокруг, в этом солнечном затишье, в ограде старого погоста! Горячий ветер проносился по верхушкам светлых деревьев* (И. Бунин).

По свидетельству исследователей, приём Н.-п.р. сформировался относительно недавно. Большинство исследователей видят сущность приёма во взаимопроникновении повествовательной речи автора и речи персонажа, т.е. в совмещении в одном текстовом фрагменте – микротексте или отдельном высказывании – разных субъектно-речевых планов. Один и тот же факт переживается разными субъектами. Происходит постоянное смещение сфер сознания. Точка зрения рассказчика то сливается с восприятием действующих лиц, то отдаляется от него. В результате повествовательный стиль превращается, по выражению В.В. Виноградова, в драматизированный полилог. Изображение пластично, объёмно и динамично. В соответствии с авторским замыслом разные формы Н.-п.р. представляют персонаж в комическом, ироническом или пародирующе-сатирическом свете. Понимание и анализ таких текстов требуют глубокого проникновения в смысл произведения, в творчество писателя в целом, в характер литературного направления и исторической эпохи [Ковтунова 2002: 70].

Лит.: Бахтин М.М. Несобственная прямая речь во французском, немецком и русском языках // Бахтин М.М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000; **Грамматика русского языка**. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. М., 1954; **Гулак А.Т., Никифорова С.Н.** Магическая сила булгаковского смеха // Русский язык в школе. 2010. № 2; **Ковтунова И.И.** Проблема несобственно прямой речи в трудах В.В. Виноградова // Вопросы языкознания. 2002. № 1; **Ковтунова И.И.** «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2010; **Коростова С.В.** Несобственно-прямая речь как объект лингво-прагматического анализа художественного текста // Русский язык в школе. 2010. № 7; **Соколова Л.А.** Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. М., 2006.

А.А. Бернацкая

НЕСОГЛАСИЕ. СМ. ОТКАЗ

НЕУДАЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ – речевой недочёт, который заключается в не мотивированном авторским контекстом и стилистическим заданием употреблении стилистических приёмов и является следствием непонимания особенностей их построения и/или функционального предназначения, отсутствия стилистического чутья.

Напр.: *Умение красиво излагать мысли – одна из песчинок в Ледовитом океане счастья* (СГ. 09.10.2003) – неудачный эпитет, поскольку слово *ледовитый* семантически связано со словами *холод*, *стужа*, а не со словом *счастье*, которое ассоциируется с теплотой и любовью; *В Лондоне на ниве*

вампиризма трудился некий Джан Джорси Хейг. Следствием было установлено, что мистер Хейг убивал свои жертвы, выпивал их кровь, а затем бросал тела в чан с серной кислотой (Сибирский календарь. 12.09.2001) – алогичная метафора на ниве вампиризма, вызывающая неуместную в данном контексте иронию; **Квартира её, соответственно, зеленела, как джунгли Амазонии, стол – ломился, как сайгак** (СГ. 24.09.2009) – неудачное сравнение, так как у объектов нельзя выделить (в том числе на основе субъективных ассоциаций) черты сходства; **Наталья ранее дважды судима (За грабеж и разбой. Одно из наказаний было условным)** (Сибирский календарь. 27.03.2001) – неудачная парентеза, которая затрудняет восприятие смысла текста, а выделенная информация не мыслится в качестве второстепенной, добавочной; **В который раз собирается объехать земной шарик и сэр Пол Маккартни. Новое турне легендарный битл запланировал на 2005-й год** (СГ. 02.10.2003) – литота, неоправданно снижающая значимость события.

Принцип соразмерности, чувство меры не соблюдаются при неоправданном нагромождении приёмов, напр.: *Когда поведали товарищи (для кого-то вариант – граждане), которым по долгу службы, родиной порученной, положено бдительно охранять покой и средства (в смысле – деньги там всякие, драгметаллы, недвижимость и дрррр.) своих менее вооруженных пистолетами и юридической смекалкой аборигенов, временами по Красноярску алчно катится просто-напросто волна-цунами какое-то – грязных обманов, печальными и несчастными жертвами которых оказывались исключительно одинокие престарелые старушки, дедушки, внучки и их еще более незащищенные портативными противопехотными минами домашние питомцы (идиотично щебечущие канарейки лимонного окраса, впавшие в маразм мопсы, кастрированные персидские олигофренствующие коты, издыхающие от ожирения, гиподинамии, и морские свинки, даунические хомячки с зубами большими, белые крысы с вечно красными буркалами и даже одна дрессированная чеушчатопалая игуана по кличке Примус)* (Сегодняшняя газета. 19.06.2002) – семантическая немотивированность ряда фигур (в частности, инверсий) и их неудачное расположение (вторая вставка), неоправданные отклонения от языковой нормы (*алчно катится ... волна-цунами, престарелые старушки*) делают текст не только трудным для восприятия, но и обесмысливают его.

Квинтилиан писал о фигурах речи: «Если пользоваться ими умеренно и когда этого требует существо дела, как бы посылая речь приправой, то последняя станет приятнее; но если злоупотреблять фигурами, то речь потеряет эту самую прелесть разнообразия» [Античные теории... 1996: 278]. Неумелое употребление фигур речи в риторике носит названия **асхематон (асхематистон)**, «малефигурализм» (см. Асхематон).

Умение удачно, т.е. стилистически мотивированно (уместно, целесообразно), использовать стилистические приёмы относится к особому уровню владения языком и составляет компонент того, что называют «креативностью речевого владения». Формирование этого умения – одна из задач педагога-филолога.

Лит.: **Античные теории языка и стиля** (Антология текстов). СПб., 1996; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка: учеб. пособие. М., 1997; **Горбунов А.П.** Язык и стиль газеты (Из творческой лаборатории публициста): учеб. пособие. М., 1974; **Дускаева Л.Р., Карпова Т.Б.** Речевой эпатаж современных российских СМИ: функциональное и дисфункциональное // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография. СПб., 2009; **Иванчук И.А.** Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: АДД. Саратов, 2005; **Копнина Г.А.** Неудачное использование стилистических приёмов в газетно-публицистических текстах // Журналистика и культура русской речи на переломе тысячелетий. М., 2002; **Кормилицына М.А.** Целесообразность использования выразительных средств как один из показателей коммуникативной компетентности журналиста // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Вып. 11. Саратов, 2011; **Суджин Е.М.** Некоторые явления в употреблении тропов в современных русских газетах (в культурологическом аспекте) // Пути и средства формирования языковой и речевой культуры: сб. науч. тр. Иваново, 1999; **Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б.** Риторика. Ростов н/Д, 2004; **Хазагеров Г.Г.** Риторический словарь. М., 2009; **Ягубова М.А.** Речь в средствах массовой информации // Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001.

Г.А. Копнина

НЕУДАЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА. СМ. ОШИБКИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

НИСХОДЯЩАЯ ГРАДАЦИЯ. См. **ГРАДАЦИЯ**

НОВАЯ РИТОРИКА. См. **НЕОРИТОРИКА**

НОМЭНЫ. См. **СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА**

НОНСЕЛЕКЦИЯ. См. **ЯЗЫК И СТИЛЬ РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

НОРМА КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВАЯ. См. **КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ**

НОРМА ПРАВОПИСАНИЯ. См. **ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА, ПУНКТУАЦИОННЫЕ НОРМЫ**

НОРМА РЕЧИ. См. **РЕЧЕВАЯ НОРМА**

НОРМА СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ. См. **ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОРМА**

НОРМА УДАРЕНИЯ. См. **АКЦЕНТНАЯ НОРМА**

НОРМАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. **КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ**

НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. **ЭТИКО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ**

НОРМАТИВНО-ЯЗЫКОВАЯ (ОРТОЛОГИЧЕСКАЯ) СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. **ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ**

ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫЙ (ОБИХОДНО-БЫТОВОЙ) СТИЛЬ. См. **РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ**

ОБМАНУТОЕ ОЖИДАНИЕ – 1. Приём речевой экспрессии. 2. Психологический и эстетический эффект, производимый этим приёмом. О.о. как приём речевой экспрессии заключается в намеренном нарушении вероятностного механизма порождения речи. На этом сходится, при всём различии в подходах и терминологии, большинство исследователей этого феномена (см., напр., [Николаева 1978; Умеренкова 2006; Лагута 2000; Культура русской речи... 2003; Арнольд 2002 и др.]; подробнее см. в [Сковородников, Бернацкая, Южанникова 2012]). И.В. Арнольд и её последователи рассматривают О.о. как один из типов **Выдвижения** (см.) – фокусирования внимания читателя или слушателя на определённых элементах сообщения [Арнольд 2002: 99; и др.]. Т.Г. Хазагеров и Л.С. Ширина, также рассматривая О.о. как разновидность выдвижения, квалифицируют его как средство усиления выразительности; нарушение предсказуемости, связанной с приёмом сцепления <...>, когда вместо ожидаемых единиц появляются неожиданные, противоположные им по смыслу [Хазагеров, Ширина 1999: 215]. Предельно широко как принцип организации любого приёма выразительности в поэтическом (художественном) тексте понимает О.о. Р. Якобсон, полагая, что «лёгкие неправильности», выделяющиеся на фоне регулярности, необходимы для создания художественного эффекта [Якобсон 1987: 80–98].

В иных терминах можно сказать, что приём О.о. и соответствующий психологический эффект достигаются рассогласованием ассертивной (информирующей, содержательно-утверждающей) части семантики высказывания и её пресуппозитивной части, которая является (должна являться) условием истинности этого высказывания. Этот факт можно толковать как отклонение от логического закона достаточного основания, согласно которому «всякая истинная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана» [Кондаков 1971: 143]. Следовательно, приём О.о. в общей

классификации риторических приёмов целесообразно отнести к паралогизмам (см. Паралогические риторические приёмы).

Инвариантную модель приёма О.о. можно представить в виде перечисления её релевантных признаков:

1. Бинарная оппозитивность структуры. Высказывание, в котором воплощается приём О.о., состоит из двух частей: первая, препозитивная, часть прогнозирует наиболее вероятное содержание второй, постпозитивной, части; а вторая, постпозитивная, часть со стороны содержания (семантически) оказывается немотивированной препозитивной частью (т.е. прогноз не оправдывается).

2. Бинарная оппозитивность порождаемых эффектов. Эффект, порождаемый приёмом О.о., реализуется в контрастных модальностях: либо комической (частотный вариант), либо трагической. В любом из этих случаев мы имеем дело также с «модальностью странного».

3. Множественность (разнообразие) речевых жанров и языковых средств воплощения приёма О.о. Напр.: 1) *Никому не поставит нас на колени! Мы лежали и будем лежать!* (ТЕВЕпрограмма. 10–16.03.2003) – жанр прикола; 2) *Девочка, ты чё плачешь? – Папа котят утопи-и-ил... – Жалко, да? – Конечно, он обещал, что я их утоплю-ю-ю-ю...* (Всё для дома! 2007. № 14) – жанр комического диалога; 3) *Труженик свистка останавливает машину. Подходит. Спрашивает сурово: – Вы знак видели? – Видел. Гаишник расплывается в доброй улыбке: – Сынок мой нарисовал* (КП. 08.02.1995) – жанр анекдота; 4) *По достоинству оценят женщины предназначенный для мужчин новый лекарственный препарат «Любижён». Приняв всего одну таблетку, супруг сразу же чувствует огромный прилив мужских сил и спешит на кухню чистить картошку или берётся за пылесос* (ЛГ. 2009. № 37) – жанр комического рекламного объявления; 5) *В степи, покрытой пылью брэнной, / Сидел и плакал человек. / А мимо шёл Творец Вселенной. / Остановившись, он изрек: / «Я друг униженных и бедных, / Я всех убогих берегу, / Я знаю много слов заветных. / Я есмь твой Бог. Я всё могу. / Меня печалит вид твой грустный, / Какой бедою ты тесним?» / И человек сказал: «Я – русский». / И Бог заплакал вместе с ним* (Н. Зиновьев) – стихотворная миниатюра; 6) *... Вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! Прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят! Матушка! пожалей о своем больном дитятке! ... а знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?..* (Н. Гоголь) – повесть; 7) *Полозов. Это я тоже помню (берёт её за руку). Пойдёмте в дом. Вам надо отдохнуть и прийти в себя.*

Знаменская (смотрит на мёртвую собаку). Странно всё-таки.

Полозов. Что?

Знаменская. Мёртвые собаки похожи на живых собак. А мёртвые люди вовсе не похожи на живых. Когда я хоронила своего отца, я знала, что это не он лежит в гробу, а совсем другой человек. Поэтому я до сих пор не верю, что мой отец умер. Он жив, да и вообще, то, что лежало в гробу, не было похоже на человека. Вы не согласны?

Полозов. Да-да. Вы правы. Хотя...

Знаменская. Что?

Полозов (кричит). *Вон отсюда! Вон! Сейчас же – вон!* (В. Сорокин) – роман.

На приёме и эффекте О.о. может быть построен сюжет целого произведения. Таковы, напр., рассказы: «Зигмунд в кафе» В. Пелевина, «Тополиный пух» В. Сорокина, «Месь» Л. Петрушевской.

Вероятностный механизм продуцирования приёма О.о. проявляется как отклонение от какой-л. нормы (стандарта): собственно-языковой, напр., фразеологической (илл. 1), психологической (илл. 2, 6), ролевой (илл. 3), жанровой (илл. 4), статусной (илл. 5), этико-поведенческой (илл. 7). В этом механизме могут быть задействованы разные языковые и речевые факторы, напр., омонимия (илл. 8), лексическая сочетаемость (илл. 9), стилистический штамп (илл. 10) и т.д.: 8) *Как начал, так и закончу анекдотом: Голубые ели... Штирлиц подошел поближе и увидел, что голубые не только ели, но и пили...* (ЛР. 22.03.1990); 9) *Московское метро обречено! На выживание* (КП. 04.04.1995); 10) *В этом белом воздушном платье в лучах заходящего солнца она казалась ещё безобразнее* (ЛГ. 2009. № 21).

Сила эффекта О.о. (его экспрессия, броскость, яркость) находится в зависимости от «семантического расстояния» между содержанием первой и второй частей высказывания, эксплицирующего приём О.о. Чем больше такое расстояние, тем неожиданнее и сильнее производимый приёмом эффект. Ср., напр.: 11) *В новом тысячелетии люди не будут лгать, воровать, убивать. Всё это за них будут делать компьютеры* (КП. 16.02.2001); 12) *Вокруг всё зашевелилось. «Вот оно, началось!» – весело подумал Борис, подпя-*

сываясь поданным Семеном парчовым кушаком и затыкая за него кривой ятаган. Вскоре вся охота выехала со скотного по направлению к Старому бору. Соня Соня Соня уברי молоток из из из шкапа (В. Сорокин).

Приём О.о. используется главным образом в художественной литературе и публицистике, преимущественно в жанрах, нацеленных на продуцирование комического эффекта.

Лит.: Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык: учебник*. М., 2002; Арутюнова Н.Д. *Понятие пресуппозиции в лингвистике* // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1973. Т. 32. Вып. 1; Кондаков Н.И. *Логический словарь*. М., 1971; **Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник** / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Лагута О.Н. *Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: учебный словарь терминов*. Учеб. пособие. Часть 2. Новосибирск, 2000; Николаева Т.М. *Краткий словарь терминов лингвистики текста* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып VIII. Лингвистика текста. М., 1978; Сковородников А.П., Бернацкая А.А., Южанникова М.А. *К понятию «обманутое ожидание»* // Риторика↔Лингвистика. Вып. 9: сб. статей. Смоленск, 2012; Умеренкова А.В. *Вероятностное прогнозирование и эффект обманутого ожидания* // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. тр. Курск, 2006; Умеренкова А.В. *Лингво-когнитивное моделирование эффекта обманутого ожидания*: КД. Курск, 2009; Урысон Е.В. *Союз НО, или что такое «обманутое ожидание»*. URL: www.auditorium.ru/books/1751/r3.pdf; Хазагеров Т.Г., Ширин Л.С. *Общая риторика и Словарь риторических приёмов*. Ростов н/Д, 1999; Якобсон Р.О. *Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноимённой книге* // Якобсон Р. *Работы по поэтике*. М., 1987; Якобсон Р.О. *Лингвистика и поэтика* // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. М., 1975.

А.П. Сковородников

ОБНОВЛЕНИЕ ПОСЛОВИЦЫ. См. АНТИПОСЛОВИЦА

ОБРАЗ АВТОРА – идейно-композиционный центр, стержень художественного произведения, вокруг которого объединяются все элементы его поэтики и речевые средства и благодаря которому они приобретают определённое эстетическое назначение и коммуникативную целесообразность. О.а. – центральная категория стилистики, литературоведения и поэтики, детально разработанная академиком В.В. Виноградовым.

Проблема О.а. может изучаться в двух аспектах: с точки зрения литературоведения и эстетики и с точки зрения стилистики художественной речи.

Для истории литературы структура О.а. связана с общественной идеологией, характерологией и психологией. В истории литературы О.а. писателя имеет разные лики, разные формы своего воплощения. Каждая литературная школа в своих манифестах и в своей писательской практике объединяется вокруг нового понимания структуры О.а. в произведении. Как носитель особой душевной настроенности, а следовательно, и мировоззрения, автор характеризуется своеобразными словесно-портретными формами своего художественного облика.

В плане науки о языке художественной литературы О.а. является основой внутреннего единства всех элементов художественного произведения (словесно-художественного стиля): идейных, содержательных, эстетических и языковых (лексико-фразеологических, грамматических, выразительных и изобразительных). «...Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного, нравственного отношения автора к предмету» (Л. Толстой).

Таким образом, в структуре О.а. можно выделить следующие черты (компоненты):

1. Отношение к действительности, которое является главным компонентом, главной чертой структуры О.а., напр., тяготение к «объективности».

2. Принципы отбора «предметов», способы изображения лиц, отражающие определённую авторскую индивидуальность.

3. Стержень композиции, вокруг которого объединяются все элементы художественного произведения.

4. Синтез речевых стилей. Диалогически развёртывающееся содержание раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых в О.а. и создающих его как сложную, но целостную систему экспрессивно-речевых средств. В своеобразии речевой структуры О.а. глубже и ярче всего выражается стилистическое единство композиционного целого.

5. Выбор языковых средств. В О.а. объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразия синтаксического движения. При таком изучении язык и стиль литературного произведения предстаёт как словесно-художественное единство. Исследование языка художественной литературы как словесного искусства неотделимо от анализа преобладающих в ту или иную эпоху принципов организации О.а.

В.В. Виноградов рассматривал категорию О.а. в художественной литературе, однако эта идея оказалась весьма плодотворной и в более широком плане – применительно к публицистике, теории жанров. Если в художественной литературе реальная личность писателя и лицо, от которого ведётся рассказ, не совпадают, то для публицистики характерно принципиальное совпадение автора и рассказчика. Это совпадение составляет главное отличие публицистической речи – её «открытость», документальность, эмоциональность. Публицист прямо и открыто обращается к читателю со своими мыслями, чувствами и оценками. О.а. в публицистике – это авторское «я» журналиста, характер его отношения к действительности (непосредственное отношение, анализ, оценка, сообщение и т.д.). Применительно к каждому жанру это авторское «я», О.а., имеет различную форму, характер, напр., в передовой статье журналист выступает как представитель коллектива, организации, союза и т.д. Здесь создаётся своеобразный коллективный О.а. Более индивидуализирован, конкретен О.а. в очерке. Весьма специфичен О.а. в фельетоне. Таким образом, главным, существенным признаком жанровой формы является О.а., т.к., в нём, прежде всего, воплощено отношение к действительности, составляющее специфику любого жанра.

Как и в художественной речи, в публицистике О.а., авторское отношение к предмету изложения, степень выраженности авторского «я» определяют не только форму речи, но и общую стилистическую тональность материалов, своеобразие и отбор лексико-грамматических средств. Композиция жанра определяется в целом О.а. Композиция представляет собой или последовательную смену образов рассказчиков (чаще в художественной литературе), или видоизменение О.а., изменение его точки зрения. В конечном счёте жанр можно рассматривать как относительно устойчивую композиционно-речевую схему, реализующую определённое абстрагированное отношение к действительности, т.е. форму О.а.

Проблема О.а. получает дальнейшее развитие и в категории языковой личности, интенсивное изучение которой начинается в лингвистике (Ю.Н. Караулов).

Лит.: Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978; Валгина Н.С. Теория текста. Учеб. пособие. М., 2003; Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении: учеб. пособие. М., 2008; Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.

Г.Я. Солганик

ОБРАЗ РИТОРА – совокупность внутренних и внешних характеристик речи, сознательно выстраиваемая оратором или писателем и характеризующая его намерение представить определённую позицию в содержании и стиле речи.

Первый толчок для размышления о том, как выстраивать О.р., даёт суждение Аристотеля: «Для того чтобы убедить кого-либо в чём-либо, надо показать себя человеком известного склада» [Аристотель 1978: 19]. Поскольку «показ себя» предполагает возможное расхождение между образом ратора и его личностью, создание определённой «маски», в риторике со времён Цицерона говорится о «правдоподобии» риторических доказательств, почему и требуются этико-философские основания риторики (быть прежде всего честным человеком). Толкование слова «образ» в христианской антропологии близко к риторическому, поскольку «образ человека как образ Божий» предполагает проявление и расцвет индивидуальной личности каждого человека, когда «всяк человек – своим ликом образом» (Владимир Мономах).

Термин «О.р.» введён в русскую науку, скорее всего, В.В. Виноградовым в работе «О языке художественной прозы» 1930 г. Анализируя историю русской риторики и поэтики, В.В. Виноградов проводит аналогию между **образом оратора** в публичной речи и **образом автора** в художественной литературе: «Проблема красноречия связывается с структурой образа оратора – автора как страстно

чувствующего и благородно мыслящего “субъекта”» [Виноградов 1980: 103]. В.В. Виноградов отмечает, что построение О.р. похоже на создание актёром определённой «маски», а подготовка речи и её исполнение, несмотря на всю страстность и вдохновение, с которыми выступают иные ораторы, – процесс **сознательный**, требующий искусства создания О.р.

Предполагается, что в речи ритор должен показать себя человеком, достойным доверия и уважения аудитории (то, что в античности называли *vir bonus* – ‘человек добродетельный’). В понятие О.р. входит весь комплекс речевых средств, воплощённых в содержании, композиции, выборе слов, стиле произношения (интонации, ритме и темпе, тембрах голоса) для устной речи и характере письма (напр., почерка или шрифтов, расположения текста и рисунков) для письменной или печатной речи. Установить, какой образ создаёт тот или иной речедеятель, трудно, поскольку воспринимающему речь подчас попросту не хватает искусства определить, какими приёмами, методами, способами, «уловками» пользуется опытный оратор для того, чтобы достичь своей цели. Тем не менее, риторические правила диалога рекомендуют всякому слушателю или читателю распознавать за речью – «человека» («человек скрыт за его словами»). Иначе говоря, за конкретным О.р. всегда кроется личность – та внутренняя основа, на которой зиждется речевое поведение. Всякий говорящий воспринимается в определённом образе и может быть рассмотрен как человек, производящий последовательную совокупность речей.

Личность ритора «многообразна», т.е. конкретных проявлений личности может быть множество в разных речевых поступках. Но к этой «многообразности» предъявляется требование целостности личности, которая остаётся единой во множестве проявлений. К совокупности речей ритора предъявляется требование непротиворечивости суждений – в ином случае делается отрицательный вывод о личности говорящего. Так, каждый человек меняет костюм, бывает в разном настроении, участвует в разных видах речи (в семье, в деловом диалоге, учебной лекции, политической, судебной речи), но совокупность его речей предполагает не только разносторонность и богатство содержания и стиля его высказываний, но и единство О.р. Общество или конкретные слушатели отрицательно оценивают человека или его личность в том случае, если его высказывания не соответствуют истине или сегодняшние высказывания противоречат предыдущим. Фольклор оценивает такую противоречивость множеством афоризмов: *Начал за здравие, кончил за упокой; Сегодня – одно, завтра – другое* и т.п.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2008; **Аристотель.** Риторика // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978; **Владимир Мономах.** Поучение детям моим // Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Н.К. Гудзий. М., 1973; **Волков А.А.** Основы русской риторики. М., 1996; **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2009; **Данилина В.В.** Образ оратора // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996; **Рождественский Ю.В.** Принципы современной риторики. М., 1999; **Рождественский Ю.В.** Теория риторики. М., 2004; **Романенко А.П.** Образ ритора в советской словесной культуре: учеб. пособие. М., 2012; **Цицерон Марк Туллий.** Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

В.И. Аннушкин

ОБРАЗНОСТЬ – такое эстетически значимое построение текста, которое посредством особого отбора и употребления языковых и речевых единиц порождает соответствующее авторскому заданию эстетическое переживание читателя/слушателя.

Выделяют О. тропеическую, основанную на употреблении слов и выражений в переносном значении (см. Троп), и О. нетропеическую, связанную с эстетически значимым использованием языковых средств в их прямых значениях. Ср., напр.: *Не то, чтоб дар моей свободы / Я жизни робко уступил, / И семя доброе природы / Страстями рано заглушил: / Сознание бодрое не дремлет, / Немолкаемо зовёт... / Но сердце слышит и не внемлет, / И жизнью прежнюю живёт!* (И. Аксаков) – тропеическая О., представленная собственно метафорой и метафорическим олицетворением; *Стоит только признать, что цель волнений европейских народов нам неизвестна, а известны только факты, состоящие в убийствах, сначала во Франции, потом в Италии, в Африке, в Пруссии, в Австрии, в Испании, в России, и что движения с запада на восток и с востока на запад составляют сущность и цель этих событий, и нам не только не нужно будет видеть исключительность и гениальность в характерах Наполеона и Александра, но нельзя будет представить себе эти лица иначе, как такими же людьми, как и все остальные; и не только не нужно будет объяснять случайности тех*

мелких событий, которые сделали этих людей тем, чем они были, но будет ясно, что все эти мелкие события были необходимы (Л. Толстой) – нетропеическая О., обусловленная лишь соответствием речевых единиц авторскому эстетическому заданию, их художественной мотивированностью, целенаправленностью в составе целого; такую нетропеическую О. принято называть «**общей образностью**» [Шмелёв 1964: 105].

И тропеическая О., и нетропеическая О. могут выступать как **изобразительность речи**, под которой понимается такая степень её предметной конкретности, благодаря которой содержание речи воспринимается преимущественно через чувственные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные) представления. Напр.: *Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне. Я лежал с закрытыми глазами, долго прислушивался и, наконец, понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина. Такую тишину называют «мёртвой». Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад. Было только слышно, как посапывает во сне кот* (К. Паустовский). Изобразительность этого текста представлена как тропеической О. (выделена в тексте), так и нетропеической О. (весь остальной текст, в особенности последнее предложение).

Изобразительность текста (чаще – его фрагмента) может иметь место и при отсутствии (или почти полном отсутствии) тропеической О. Такую нетропеическую изобразительность мы можем наблюдать, напр., в следующем отрывке из «Графа Нулина» А.С. Пушкина: *Наталья Павловна сначала / Его внимательно читала, / Но скоро как-то развлеклась / Перед окном возникшей дракой / Козла с дворовою собакой / И ею тихо занялась. / Кругом мальчишки хохотали. / Меж тем печально, под окном / Индейки с криком выступали / Вослед за мокрым петухом; / Три утки полоскались в луже; / Шла баба через грязный двор / Белье повесить на забор; / Погода становилась хуже; / Казалось, снег идти хотел ...*

Сказанное выше свидетельствует о том, что часто встречающееся в литературе отождествление понятий О. и изобразительности является нежелательным упрощением.

Следует иметь в виду, что в литературоведении широко используется понятие **художественного образа**, под которым понимается «категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. О. также называют любое явление, творчески воссозданное в худож. произв. <...>, напр., О. войны, О. народа, О. Наташи Ростовской в “Войне и мире” Л.Н. Толстого» [Эпштейн 1987: 252].

Лит.: Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрьина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск, 2001; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности. М., 1995; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Лосев А.Ф. Проблемы художественного стиля. Киев, 1994; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Новиков В.И., Шкловский Е.А. Энциклопедический словарь юного литературоведа. М., 1998; Фёдоров А.И. Образная речь. Новосибирск, 1985; Халикова Н.В. Категория образности художественного прозаического текста: КД. М., 2004; Шмелёв Д.Н. Слово и образ. М., 1964; Эпштейн М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Яхина Д.Н. Образные средства в современной русской разговорной речи (на материале метафор и сравнений): АКД. Саратов, 2007.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

ОБРАТНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. См. ПОРЯДОК СЛОВ

ОБРАЩЕНИЕ – речевой жанр, направленный на привлечение внимания незнакомого или знакомого адресата.

О. – «...самый яркий этикетный знак. Ведь слово этикет в первоначальном французском значении – “этикетка”, “ярлык”. Называя собеседника, мы как бы выбираем для него наиболее подходящий к случаю “ярлык”» [Формановская 1989: 86].

О. используются в разных ситуациях и сферах общения; обычно произносятся с восклицательной или вопросительной интонацией.

Наиболее частыми являются следующие случаи О., направленные на привлечение внимания **незнакомому адресату**:

1) *Простите!*; *Извините!*; *Простите, пожалуйста!*; *Простите (извините) за беспокойство!*.. – широко употребительные, вежливые О. Напр.: **Простите**, а вы не подскажете, что это за город – там, на горе?.. (песня группы ДДТ); **Вы извините за беспокойство**, а где находится ваш ЖКО?.. (Т. Полякова);

2) *Скажите, пожалуйста!*; *Вы не скажете?*; *Не могли бы вы сказать?*; *Можно вас спросить (задать вопрос, побеспокоить)?*.. – О. в форме вопроса. Напр.: **Вы не скажете**, где здесь туалет?

3) *Гражданин!*; *Гражданка!*; *Господин!*; *Госпожа!*; *Товарищ!*; *Товарищи!*.. – О. в официальной ситуации общения. В современной русской речевой культуре нет общепринятого О. к мужчине и женщине. Имеется вариант дореволюционных О.: *господин*, *госпожа*, *господа*, а также персональные О. *сударь* и *сударыня* (чаще в интеллигентской среде). Принятые в советское время О.: *товарищ*, *гражданин*, *гражданка* – сейчас употребляются реже. О. *мужчина* и *женщина* считаются просторечными и не рекомендуются к употреблению. Напр.: – **Гражданин**, ваши документы! Я поднял голову и застыл. Передо мной стоял человек, одетый в какую-то допотопную странную форму. Видя мою растерянность, повторил: – **Предъявите документы!** – Какие документы? – растерянно произнёс я. – **Вы вообще кто?** – **Гражданин**, пройдёте в отделение! – Да вы что себе, вообще, позволяете? – заорал я. – **Я сейчас милицию позову!** (А. Замковой);

4) *Коллега!*; *Коллеги!*; *Профессор!*; *Доктор!*; *Больной!*; *Больная!*.. – О. в профессиональной сфере (изредка в общении с человеком, не знакомым лично) – по названию должности или профессии. Напр.: **Профессор**, я не верю своим глазам, – сказал он. – Я не знал, что рыбы умеют летать, как птицы (Ю. Постников);

5) *Молодой человек!*; *Девушка!* – нормативное О. к молодым людям, напр.: – *Кто ещё не оплатил проезд? – загрел женский бас у самого уха. Философ суетливо запустил руку в карман, во второй, третий – ни копейки!* – **Молодой человек**, я к вам обращаюсь!.. (А. Ракута);

6) *Хозяин!*; *Хозяйка!*.. – О. к владельцу чего-л., напр.: – *Здорово, хозяин!* – Будь здоров, добрый человек, – отвечает мужик. – *Чего тебе надо?*.. (А. Афанасьев);

7) *Бабушка!*; *Дедушка!*; *Мать!*; *Отец!*; *Матушка!*; *Папаша!*; *Сынок!*; *Дочка!*.. – просторечные О. к людям пожилого, среднего и молодого возрастов. Напр.: *Молодой человек почистил перчатками свои брюки и деликатным голосом спросил: Скажите, дедушка, как тут пройти на небо?*.. (Д. Хармс).

Случаи О., направленные на привлечение внимания **знакомого адресата**:

1) *Господин* (фамилия!); *Госпожа* (фамилия)! – официальное обращение, напр.: **Господин Ивин!** Карантинная служба космопорта уведомляет вас, что ваше транспортное средство, ваш багаж и ваше тело будут стерилизованы... (А. Лебедев);

2) имя и отчество – вежливая форма О., напр.: – **Ирина Николаевна**, а вы правда лучше отойдите. А то она нас с Венеркой чуть не убила. Мы ей ничего не сделали, а она нас убить хотела, правда, Венерочка?.. (Н. Ивантер);

3) фамилия – нейтральное обращение, употребляемое преимущественно в учебной сфере (*Иванов!*; *Петров!*);

4) имя в полной форме (*Николай!*; *Александра!*) – строгая форма обращения;

5) имя в сокращенной форме (*Коля!*; *Саша!*) – обращение в непринуждённом общении с близкими, хорошо знакомыми людьми;

6) имя в сокращённой форме с положительным оттенком (*Коленька!*; *Сашенька!*) – ласковое обращение в семейной или дружеской обстановке;

7) имя в суффиксальной форме (*Колька!*; *Сашка!*) – обращение со сниженным оттенком.

Существуют фамильярно-грубые обращения, которых необходимо избегать. Такие как: *Эй* (чаще в сочетании с каким-л. словом). Напр.: – **Эй ты, леший!** – окликнул сторожа молодой человек в жёлтых перчатках. Сторож сразу же понял, что это обращаются к нему, но продолжал смотреть на муху... (Д. Хармс). Такое обращение является этикетно недопустимым. При обращении необходимо помнить: то, как вы обращаетесь к другим, может во многом охарактеризовать и вас самих.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1982; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2007; Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М., 1989; Гольдин В.Е. Обращение: Теоретические проблемы. 2009; Евстифеев

ва М.В. Как обратиться к полицейскому? // Русская речь. 2012. № 4; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989; Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М., 2009.

Н.Н. Акулова

ОБСЦЕНИЗМЫ, или **ОБСЦЕННАЯ ЛЕКСИКА** (от лат. *obscēnus* – ‘отвратительный, непристойный’), – неприличная, непристойная, нецензурная лексика (в т.ч. мат).

Под обценными выражениями понимаются «законченные – хотя бы относительно, т.е., может быть, требующие синтаксического или коммуникативного (напр., диалогического) “закрывания” – в смысловом и коммуникативном отношении речевые сегменты, содержащие хотя бы один обценный корень. Последние могут быть заданы списком. Ядро этого списка составляют три общеизвестных матерных корня, периферия же размыта, границы её условны <...>». «Не следует смешивать бранность и обценность. Брань может быть не обценной (пошёл ты к черту!), обценные выражения могут употребляться не в составе собственно ругательств <...>» [Левин 1998: 809].

В.М. Мокиенко подчёркивает, что «термины *бранная лексика* и *обценная лексика* понимаются как взаимно пересекающиеся, хотя и не полностью идентичные: не все бранное обценно и, наоборот, не всё обценное – бранно. *Брань* <...> по определению новейшего русского академического словаря – это ‘оскорбительные, бранные слова; ругань’ <...>, а *обценная лексика* <...> по дефиниции новейшей же языковедческой энциклопедии, – ‘грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий спонтанно реагирует на неожиданную и неприятную ситуацию’» [Мокиенко 1994: 57].

Многие исследователи отмечают, что с 90-х гг. XX в. сфера употребления О. расширяется, происходит в какой-то мере их частичная «легализация» в художественной литературе и средствах массовой информации, несмотря на то, что в русском языке существует запрет на использование О. в любых ситуациях. «Сквернословие представляет собой нарушение исторически сложившегося табу – матерная брань, имеющая культовую функцию в славянском язычестве и, тем самым, отчётливо выраженный антихристианский характер, обличалась в посланиях патриархов и митрополитов и запрещалась царскими указами <...> Сквернословие нарушает также современное социальное табу – в советском и российском законодательстве употребление нецензурной брани в общественных местах квалифицируется как хулиганство» [Шмелёва 2003: 627].

Лит.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990; Буй Василий. Русская заветная идиоматика: Весёлый словарь заветных выражений. М., 2005; Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000; Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 2001; Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998; Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2; Плуцер-Сарно А. Большой словарь мата. Т.1. СПб., 2001; Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья первая) // Studia Slavica Hungarica. XXIX, Budapest, 1983; Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья вторая) // Studia Slavica Hungarica. XXXIII/1-4, Budapest, 1987; Успенский Б.А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Semiotics and the History of Culture. Ohio, 1988; Шарифуллин Б.Я. Обценная лексика: терминологические заметки // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Красноярск, 2000. Вып. 1(9); Шмелёва Е.Я. Сквернословие // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.

И.В. Башкова

ОБСЦЕННАЯ ЛЕКСИКА. См. ОБСЦЕНИЗМЫ

ОБЩАЯ РИТОРИКА – учение об общих законах и правилах ведения и построения речи; часть риторического учения, состоящего из двух основных разделов, в которых а) предлагаются общие правила для всех родов, видов и жанров речи, составляющие риторический канон (общая риторика), и б) правила построения речи для отдельных родов, видов и жанров речи (частная риторика).

О.р. в традиции, восходящей к Цицерону и Квинтилиану, включает пять разделов, последовательно показывающих стадии в подготовке и реализации речи: 1) изобретение (лат. *inventio* – что сказать?), 2) расположение (лат. *dispositio* – где сказать?), 3) выражение (лат. *elocutio* – как сказать?), 4) память (лат. *memoria*), 5) произношение и телодвижение (лат. *pronuntiatio* или *actio*). О.р. в традиции, восходящей к Аристотелю, предполагает следующие разделы: 1) образ оратора, 2) изобретение – содержание речи, 3) композиция – расположение, 4) речевые эмоции, 5) стиль речи (слововыражение и произношение).

Деление на общую и частную риторики существует уже в ранних русских латиноязычных риториках, напр. у Феофана Прокоповича. Н.Ф. Кошанский написал два учебника: «Общая риторика» (1829) и «Частная риторика» (1832), – где определял О.р. как учение, содержащее «начальные, главные, общие правила всех прозаических сочинений». Выразительно определяет Н.Ф. Кошанский цель общей риторики, которая «состоит в том, чтобы, раскрывая источники изобретения, раскрыть все способности ума – чтобы, показывая здоровое расположение мыслей, дать рассудку и нравственному чувству надлежащее направление – чтобы, уча выражать изящное, возбудить и усилить в душе учащихся живую любовь ко всему благородному, великому и прекрасному» [Кошанский 1829: 5].

В современной науке деление на общие и прикладные (частные) исследования существует как в явной форме (ср. общее/прикладное языкознание), так и в имплицитной, когда рассматриваются и общетеоретические вопросы (в нашем случае правила и рекомендации к построению любой речи), и ведение речи в отдельных её видах (риторики политическая, дипломатическая, деловая, судебная, педагогическая, церковная, бытовая и т.д.).

Состав теоретических вопросов, которые рассматривает современная О.р., стал существенно богаче, поскольку усложнилась речевая структура общества, теперь она рассматривает не только вопросы риторики монологической речи, но и вопросы риторики общественного диалога, осложнённого речевыми формами массовой коммуникации. О.р. нового информационного общества разрабатывает законы и правила построения речи, которые выводятся из специфики новых видов аудитории и связаны с изменившимся объёмом аудитории, новым образом коллегиального или коллективного оратора, который свойственен усовершенствованным техническими средствами видам современной коммуникации (см. [Рождественский 2004; Волков 2009]).

Лит.: Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002; Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. М., 2008; Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2009; Граудина Л.К. Русская риторика. М., 2001; Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989; Квинтилиан Марк Фабий. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб., 1834; Кошанский Н.Ф. Общая риторика. СПб., 1829; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 2004; Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

В.И. Аннушкин

ОБЩЕЕ МЕСТО. См. ТОПОС

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ – одна из базовых компетенций в составе Культурно-речевой компетенции (см.), состоящая из двух субкомпетенций: общепонятийной и лексикографической. В общепонятийную субкомпетенцию входят наиболее общие, фундаментальные понятия лингвистики, необходимые для овладения другими базовыми компетенциями, напр.: язык, речь, высказывание, культура речи, литературный язык и др. (см. Тематический словарь). Сюда можно отнести и содержание понятий, раскрывающих сущность взаимодействия языка и культуры, национальные особенности общения на данном языке, специфику социальной дифференциации русского языка, напр.: Лингвокультурология (см.), Социолингвистика (см.), Лингвоэкология (см.), Межкультурная коммуникация (см.) и др.

Содержание Лексикографической субкомпетенции (см.) отражено, в частности, в словарных статьях, содержащих описание тех словарей русского языка, которые в наибольшей степени помогают овладению всеми базовыми культурно-речевыми компетенциями, напр.: Толковые словари (см.), Учебные словари (см.), Словари правильности русской речи и трудностей русского языка (см.), Словари выразительных средств русского языка (см.) и многие другие.

Таким образом, О.к. включает в себя те знания, которые в некоторых других концепциях обобщаются термином «лингвистическая компетенция» (см., напр., [Русская речевая культура 2006; Обучение русскому языку... 2004; Кудинова 2009]).

Лит.: Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (Теория и практика преподавания языков). СПб., 1999; Калинина Е.Ю. Понятие лингвистической компетенции в свете наблюдений, полученных в ходе полевой работы // Типология языка и теория грамматики: мат-лы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. СПб., 2007; Кудинова Т.А. Значимость лингвистической компетенции в дискурсивной деятельности коммуникантов // Слово. Предложение. Текст: коллективная монография. Орёл, 2009; Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос и др. М., 2004; Русская речевая культура: учебный словарь-справочник. СПб., 2006; Сковородников А.П., Копнина Г.А. О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Филологические науки. 2009. № 3; Янченко В.Д. Пути формирования лингвистической компетенции учащихся на уроках русского языка в средней школе: КД. М., 1999.

А.П. Сковородников

ОБЩЕНИЕ – присущая человеку социально-коммуникативная деятельность по обмену разного рода информацией, взаимодействию, воздействию на другого, регулированию речевого поведения. Взаимодействие, воздействие, регулирование происходят при учёте социального статуса, постоянных социальных признаков и переменных ролей коммуникантов. О. возникает тогда, когда у говорящего/пишущего появляется адресат как активный участник коммуникативного процесса. Активность адресата проявляется уже в том, что а) адресант ориентирует на адресата стиль, жанр, языковые средства, тематику и т.п. посылаемого дискурса/текста; б) принимает, понимает, интерпретирует информацию. Для приёма сообщения используются органы восприятия (чувств); понимание и интерпретация связаны со сложными когнитивными процессами распознавания как прямого, так и непрямого смысла сообщения с опорой на фоновые и текущие наивные и научные знания, а также социально- и национально-культурные значения (представления), образы, заложенные в языковых/речевых единицах. Интерпретация связана с вскрытием подтекста, предтекста, затекста, интертекста и т.п. Активность адресата и в том, что он в) меняет коммуникативную роль слушателя на роль говорящего и вступает в диалогическое взаимодействие, при этом важное значение приобретает ориентация и на предшествующий дискурс/текст.

Основными единицами О. являются адресованные высказывания и дискурсы/тексты. О. оперирует единицами речи, построенными из единиц и по законам языка и обмениваемыми в социально-коммуникативном взаимодействии.

Пользователь (носитель языка) совершает акты О., где синкретичный информационный блок в сознании говорящего не разделён на отдельные языковые уровни и единицы, а представляет собой единство звуков, слов и грамматических структур, автоматизированно извлекаемых из ментально-лингвальных комплексов памяти в соответствии с коммуникативной ситуацией, вызывающей к жизни интенциональные и пропозициональные смыслы высказываний, в необходимых случаях окрашенных национально специфичным колоритом.

Исследователь, в отличие от пользователя, ведёт анализ, стремясь к разграничению существенных признаков **языка** как системы знаков, структурированных в уровненом устройстве, с правилами изменения и сочетания; **речи** как динамического процесса реализации языка в виде дискурсивной деятельности и текстового результата; **О.** как речевого взаимодействия по крайней мере двух партнёров.

Толковые словари, посвящая языку и речи большие словарные статьи с выделением до 10 значений каждого слова, О. посвящают одну строчку: «связь, отношения». Между тем О. так же сложно и многоаспектно, как язык и речь. И здесь есть свои исследовательские ниши изучения коммуникативных категорий, в т.ч. адресатности, речевых интенций (в соотношении с эмоциями, оценками, от-

ношениями), прагматических ракурсов коммуникативных ситуаций, стратегий и тактик общения (в т.ч. «языковой» игры и манипуляций), зоны кооперативности и конфликтности общения, прагматических принципов и постулатов и мн. др.

Некоторым возмещением невнимания традиционной лингвистики к феномену О. можно считать выпуск в 2005 г. словаря-справочника «Эффективная коммуникация: история, теория, практика» под ред. проф. М.И. Панова, где раздел III посвящён лингвистическим основам общения.

Лит.: Баева О.А. Ораторское искусство и деловое общение: учеб. пособие. Мн., 2001; Гавра Д.П. Основы теории коммуникации: учеб. пособие. Стандарт третьего поколения. СПб., 2011; Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации: учеб. пособие. М., 2010; Гойхман О.Я., Надина Т.М. Речевая коммуникация: учебник. М., 2011; Тумина Л.Е. Общение // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; **Формановская Н.И.** Избранные статьи разных лет (Юбилейный сборник). М., 2007; **Формановская Н.И.** Культура общения и речевой этикет. М., 2002.

Н.И. Формановская

ОБЩЕПОНЯТИЙНАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА – совокупность нейтральных по стилистической окраске общенародных слов, не имеющих ограничений по сферам употребления. О.л. составляет основу словаря национального языка и используется во всех стилях языка и речи. Включает различные части речи, среди которых преобладают существительные, прилагательные и глаголы. К О.л. относятся также все числительные, большинство местоимений и наречий. Подразделяется на многочисленные тематические группы, среди которых наиболее частотны наименования родственников (*сын, брат, падчерица*), частей человеческого тела (*голова, рука, глаз*), природных явлений (*снег, ветер, ночь* и др.), предметов (*зеркало, ножницы, конверт*), понятий повседневной жизни (*сон, обед, смех*), действий (*работать, ехать, резать, солить*), состояний (*радоваться, скучать*) и др. О.л. противопоставлена лексическим единицам ограниченного употребления: диалектным, жаргонным, арготическим, специальным словам, а также книжным и разговорным словам литературного языка, обладающим эмоционально-стилистической окрашенностью.

С генетической точки зрения О.л. подразделяется на исконную (*идти, корень, мясо, хороший*) и лексически освоенную заимствованную (*интеллигент, сапог, тайга, школа*). Важным источником пополнения О.л. являются внутренние заимствования из различных форм национального языка. Так, в результате стилистических трансформаций разряд О.л. в XX веке дополнили диалектные в прошлом слова *неудачник, нудный, вспайка*; просторечные или жаргонные по происхождению *расчёска, учёба*. В настоящее время состав О.л. активно пополняется за счёт процесса детерминологизации (*ксерокс, монитор, инфляция*).

Отличительными чертами О.л. являются широкая сочетаемость с другими словами и способность к семантическим преобразованиям. Это важнейший ресурс для образования специальных наименований (*крыло самолета, подошва горы, скорый проезд*) и образных средств языка (*В саду горит костёр рябины красной, но никого не может он согреть* (С. Есенин)). Слова О.л. нередко выступают в качестве опорных слов устойчивых словосочетаний и фразеологических оборотов (*сгорать от стыда, бабье лето, скользить по поверхности, зарубить на носу, корень зла* и т.п.).

Лит.: Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения. М., 1988; **Бельчиков Ю.А.** Нейтральная лексика или Общеупотребительная лексика // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под общ. ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М., 2003; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Фомина М.И.** Современный русский язык. Лексикология. М., 1990; **Шмелёв Д.Н.** Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

О.В. Фельде

ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА, или **НЕЙТРАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА**, – единицы разных уровней языка, употребляемые во всех сферах общения, во всех функциональных разновидностях языка и обеспечивающие единство языка как системы. Это возможно в связи с тем, что данные языковые ресурсы являются нейтральными, т.е. не имеют специфической стилистической окраски (функционально-стилистической и/или экспрессивно-эмоциональной), которая ограничивала бы возможности употребления этих средств определёнными сферами и условиями общения. Напр., слова *земля, ночь, сестра, дом, дерево, зелёный, умный, счастливый, думающий, хорошо, плохо*; словосочетания *младший брат, хорошая погода, новый урожай, собственное мнение*; предложения *Пришла весна; Настроение изменилось; С утра шёл дождь* и т.д. являются общеупотребительными, не закреплёнными за какими-л. стилями.

О.с.я. составляют основу языка, характеризуются наибольшей устойчивостью и повторяемостью. Как отмечают исследователи, они являются своеобразной точкой отсчёта, по отношению к которой выделяются иные, стилистически окрашенные, языковые средства, составляющие стилистические ресурсы языка. Многие лингвисты считают, что специфика каждого функционального стиля определяется характером соотношения общеупотребительных и стилистически окрашенных средств языка.

Общеупотребительные единицы языка, описываемые в различных типах словарей, не сопровождаются стилистическими пометами, поэтому отсутствие таких помет и есть формальный показатель их «нейтральности» в системе языка. Однако в речи нейтральные слова могут приобретать самые разнообразные функционально- и экспрессивно-стилистические окраски, коннотации, т.е., превращаться в контекстуально окрашенные. По мнению учёных, «применительно к художественной речи термин “нейтральная лексика” оказывается условным. <...> Ведь эта лексика составляет подавляющее большинство слов в прозаических художественных произведениях (особенно в авторской речи). Причём, с помощью этих средств <...> истинный художник слова достигает необыкновенно яркой, впечатляющей образности» [Кожина 1983: 132].

Статус языковой единицы как нейтральной со временем может измениться. Так, напр., конструкции типа *касаться до вопроса* (сейчас *касаться вопроса*), *считать за бездельника* (сейчас *считаться бездельником*), *что касается до меня* (сейчас *что касается меня*) или некоторые морфологические черты слов (напр., род существительного *зала* или *зало* вместо современного *зал*) раньше были общеупотребительными, а в настоящее время они используются только для стилизации в исторических произведениях, создания особого «слога» в текстах высокого, торжественного, риторического стиля или комического эффекта при помещении в соответствующий (сниженный) контекст. Все эти задачи являются стилистическими, а данные конструкции – средством их реализации, т.е. стилистическим средством.

«Нейтральные единицы языка образуют синонимические ряды со стилистически окрашенными. Ср. синтаксические конструкции: *По возвращении на родину...* (книжн.) – *Когда я вернулся...* (нейтр.); морфологические формы: *в отпуске* (нейтр.) – *в отпуску* (разг.); словообразовательные варианты: *оштрафовать* (нейтр.) – *штрафануть* (разг.); фразеологизмы: *ни за какие блага* (книжн., высокое) – *ни за что на свете* (нейтр.) – *ни за какие коврижки* (разг.); лексические единицы: *изрекать, шествовать, вкушать, лик* (книжн., высок.) – *говорить, идти, есть, лицо* (нейтр.) – *болтать, плестись, лопать, рожь* (сниженное)» [Трошева 2003: 250].

Лит.: **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Гаузенблас К.** Существует ли «нейтральный стиль»? // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986; **Гвоздев А.Н.** Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1983; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Салимовский В.А.** К понятию стилистически нейтральной лексики // Функционально-стилистический аспект различных типов текста. Пермь, 1991; **Скребнев Ю.М.** Очерк теории стилистики. Горький, 1975; **Трошева Т.Б.** Нейтральный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003; **Фомина М.И.** Современный русский язык. Лексикология. М., 1990; **Шмелёв Д.Н.** Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

О.Н. Емельянова

ОБЪЯВЛЕНИЕ – информативный речевой жанр, диктум которого отражает, как правило, одно событие, факт. Его автором могут быть как государственные институты (О. на транспорте), так и частные лица (О. о пропаже собаки). Особенность О. – в потенциальности адресата (этим оно отличается от *извещения*), это, по существу, поиск адресата, поэтому текст О. часто начинается с обобщённого обозначения адресата: *Дорогие покупатели!*; *Внимание родителей!*; *Кто забыл сумку на этой скамейке...* Реально адресатом О. может быть огромное количество людей (*Дорогие избиратели!*, *Дорогой читатель!*) и единственный, но неизвестный автору человек (*Нашедшего рыжую кошку по кличке Маркиза...*).

О. бытует в разных сферах общения.

В повседневном общении это чаще всего рукописные тексты, их содержание сводится к ситуациям пропажи/находки, купли/продажи (существует их типовой набор). Автор таких О. – человек как частное лицо. Их охотно публикуют газеты и другие СМИ, особенно местные. Новым для русской коммуникативной культуры, но быстро освоенным жанром стало брачное О., или О. о знакомстве, которое изучается в разных аспектах, в т.ч. сопоставительном [Роголёва 2005; Акулова 2007].

В деловой сфере авторство О. принадлежит различным городским инстанциям от ЖКХ до мэрии: они оповещают о предстоящем отключении воды, изменении маршрутов городского транспорта и под. Чаще всего публикуются в средствах массовой информации или на специальных листовках, которые доставляются, напр., в почтовые ящики.

В научной сфере фигурируют О. о проведении научных конференций, защитах диссертаций, издании литературы. Публикуются в научных журналах, специальных интернет-сайтах.

В политической сфере эту жанровую нишу – информирование потенциально безграничного круга адресатов – занимает **заявление**; в дипломатической сфере – **коммюнике**. Распространяются через средства массовой информации (прессу, радио, телевидение). Так что в этой сфере термин «О.» оказывается не востребуемым.

Частные и официальные О. занимают большое место в жизни современного города, являясь одним из инструментов её регулирования. В последние годы О. в транспорте (который стал и частным) переживают процесс освобождения от официальности. На эту разновидность О. уже обратили внимание лингвисты [Норман 2007].

В средствах массовой информации О. – один из самых популярных видов текста: им отводится место едва ли не во всех газетах, сложился тип специальных изданий, публикующих только О., напр. «Из рук в руки», «Всем, всем, всем», «Шанс». В каждом городе и городке выходят такие газеты. Содержание газетных О. касается ситуаций торговли, страхования, трудоустройства. От рекламы О. отличаются отсутствием оценочного, «завлекающего» момента, стандартностью формы; можно считать, что О. – простейший вид рекламы.

Языковое воплощение О. может быть ориентировано на 2-е лицо (*Не приобретайте билеты с рук*), 1-ое (*Продам – на машине*). Официальные О. чаще безличны (*Курить запрещено; Распродажа*). В прессе они воплощаются в модульном тексте [Быкова 2007].

Среди информативных жанров О. соотносится с **извещением**, **повесткой**, отличаясь по параметру «образ адресата».

Лит.: Акулова Е.В. Русские и немецкие объявления о знакомстве: трёхкомпонентная фреймовая модель // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 5. Саратов, 2007; Быкова Е.В. Речевая структура модульного текста // Русская речь в средствах массовой информации: Стилистический аспект. СПб., 2007; Лихачёв С.В. Язык надписей в современном обществе. М., 2010; Норман Б.Ю. Жанр шуточных объявлений в маршрутных такси // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 5. Саратов, 2007; Роголёва О.С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): АКД. Омск, 2005; Формановская Н.И. Объявление – реклама – рекламное объявление // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003.

Т.В. Шмелёва

ОБЪЯСНЕНИЕ – функционально-смысловой тип речи, для которого смыслоформирующими являются отношения причинности; разновидность Рассуждения (см.).

О. включает в себя две обязательные части: ключевую, содержащую сообщение о каком-л. явлении, и комментирующую, раскрывающую его причины. Логическими маркерами О. являются причинные союзы *так как, потому что, поскольку* и др., конструкции типа *Причина состоит в...; Это объясняется тем, что...; Дело в том, что...* и т.п.

Наиболее типично О. для сферы науки. Его функционирование в научной речи отражает рационально-логический процесс познания, получения объективной информации о мире. Напр.: *При увеличении атомного номера Z весь рентгеновский спектр лишь смещается в коротковолновую часть, не меняя своей структуры... Это объясняется тем, что рентгеновские спектры возникают при переходах электронов во внутренних частях атомов, которые (части) имеют сходное строение* (И. Савельев. Курс общей физики).

О. в эстетической сфере, выступая одной из основных форм выражения авторского сознания, отражает процесс художественного познания мира. Выполняя характерологическую, психологическую, изобразительную функции в формах их эстетической реализации, О. играет важную роль в создании образа, в выяснении художественного смысла текста. Напр.: *Но Симеонов туда никогда не ездил. Край света, и нечего там ему было делать, но не в том даже дело: не видя, не зная дальней этой, почти не ленинградской уже речки, можно было вообразить себе все, что угодно: мутный зеленоватый поток, <...> серебристые ивы, тихо свесившие ветви с курчавого бережка, красные кирпичные двухэтажные домики <...> – тихий, замедленный как во сне мир; а ведь на самом деле там наверняка же склады, заборы, какая-нибудь гадкая фабричка выплёвывает перламутровоядовитые отходы, свалка дымится вонючим тлеющим дымом, или что-нибудь ещё, безнадёжное, окраинное, пошлое...* (Т. Толстая).

В приведённом тексте О. даётся в форме размышления, рефлексии героя на конкретно-чувственном уровне и тем самым реализуется психологическая функция О. Благодаря выраженному в тексте психологическому потоку, читатель открывает в герое способность поэтизировать действительность, предрасположенность к восприятию окружающего мира как мира добра и красоты, и в этом обнаруживается характерологическая функция О. Причём данное качество героя развивает и его аналитические возможности, помогает ему отделить природный прекрасный пейзаж от пейзажа урбанистического, разрушающего природный мир. В результате, благодаря приведённому автором О., его персонаж в целом характеризуется как человек с художественным воображением, романтически воспринимающий мир и способный в то же время предвидеть горечь разочарования. Индивидуальная особенность героя – художественное восприятие мира – актуализирует изобразительную функцию О. Герой представляет действительность в художественных красках, воспринимает её не в логико-рациональных категориях, а в образах – визуальных, цветовых.

В сфере публицистики О. реализует информирующую, воздействующую и интригующую стратегии текста, передавая размышления автора по поводу социально значимых явлений и событий, при этом обнаруживая в структурно-языковом отношении типичное для публицистического стиля сочетание экспрессии и стандарта (экспрессии – на уровне средств выражения, стандарта – на уровне логического каркаса О.): *Почему денег нет – давно известно. Потому что их нет. Ответ этот так же универсален, как стиральный порошок «Миф». А может, это и в самом деле миф?* (АиФ).

О. в сфере официально-делового общения отвечает задачам удостоверения того или иного факта и его причин и в силу этого имеет объяснительно-констатирующий характер. Напр.: *Я, Югрин Александр Владимирович, приехал на работу 11 октября на 50 минут позже по причине неисправности рабочей машины. В связи с тем, что лопнуло правое переднее колесо, пришлось его менять. Для этого потребовалось определённое время* (из объяснительной записки).

Таким образом, О. – общестилевое явление, речевой жанр, обладающий характеристиками инварианта в научной речи и модифицированно представленный в других функциональных разновидностях литературного языка.

Помимо каузального, существует и другой тип О., функция которого – раскрыть сущностные характеристики явления. Данное О. – разновидность не столько рассуждения, сколько описания. В отношении такого О. используют также созвучный термин «пояснение», обозначающий тип речи, соответствующий коммуникативному вопросу «Что это?» («Что представляет собой явление?»), на основании которого определяется именно описание, а не вопросу «Почему?» – признаку рассуждения. Напр.: *Электрон, протон и нейтрон – всё это называется физикой элементарными частицами. Что обозначает здесь «элементарность»? Элементарные частицы – это некие первичные, в даль-*

нейшем уже пространственно неразложимые частицы, из которых ... состоит вещество... (А. Сирис. Теоретические основы геометрической физики и физической геометрии); – *Объясните, пожалуйста, в чём суть аннуитетного способа погашения кредита? – Аннуитет – это равный платёж в течение всего срока кредита. То есть ... при его оформлении вы получаете ежемесячный график погашения займа...* (КП).

Лит.: **Одинцов В.В.** Стилистика текста. М., 1980; **Трошева Т.Б., Луковникова О.Ю.** Объяснительный дискурс в его сферной парадигме. Пермь, 2007.

Т.Б. Трошева

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА – 1. То же, что пояснительная записка, а именно документ, включающий пояснение содержания отдельных положений основного документа (отчёта, плана, проекта и т.д.) и сопровождающий его.

Оформляется на общем бланке учреждения. Основной текст состоит из двух частей: вводной части, в которой даётся общая характеристика объекта (плана, отчёта и т.д.) и история разработки, и заключительных выводов, в которых обосновывается целесообразность проведения тех или иных мероприятий, работ, рассматриваются варианты решения проблем и т.п. Подписи ставятся на титульном листе руководителем предприятия или главным инженером.

2. Документ, содержащий информацию должностного лица вышестоящему должностному лицу о причинах невыполнения какого-л. поручения, нарушения трудовой или технологической дисциплины.

Оформляется на чистом листе бумаги формата А4 с воспроизведением тех же реквизитов, что и во внутренней Докладной записке (см.). Основной текст О.з. должен быть убедительным и соответствовать официально-деловому стилю изложения.

Лит.: **Андреева В.И.** Делопроизводство. М., 2001; **Кирсанова М.В., Аксёнов Ю.М.** Курс делопроизводства: Документационное обеспечение управления: учеб. пособие. М., 2011; **Культура русской речи:** учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Меркулова Е.** Практическое делопроизводство. Составление и оформление документов. Пособие для секретаря и кадровика. М., 2011; **Энциклопедия делопроизводства.** URL: www.edou.ru/enc/vvedenie.php.

Г.А. Копнина

ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ – стилистический приём, заключающийся в перенесении свойств и признаков неживого, предметного на человека, природные явления, абстрактные понятия, животный и растительный мир. Напр.: *Потом чародей отворил окошко, повёл рукою по воздуху Невского проспекта и захватил полную горсть городских сплетен, слухов и рассказов...* (В. Одоевский); *Они (русские девки. – Г.К.) визжат, как визжали и встарь, дрожа всем своим естеством, конвульсируя, визжат в беспамятстве, с отлетевшим в канаву сознанием* (Виктор Ерофеев).

В узкой трактовке О. – «представление человека как неодушевлённый предмет; уподобление живого неживому» [Горте 2007: 33]; сопоставление человека, его качеств с чем-то неодушевлённым: *железный нарком, каменное сердце, золотая голова* [Хазагеров 2009: 261].

В художественной речи наиболее часто О. подвергаются абстрактные понятия. Это можно объяснить, во-первых, существованием в речевой практике стереотипа, восходящего, очевидно, к мифологическому сознанию, в котором «...любой концепт с абстрактным, отвлечённым содержанием представлен в качестве конкретно-чувственного представления»; во-вторых, тем, что многие абстрактные концепты в общезыковой системе имеют «потенциал образного, овеществленного осмысления» [Радбиль 2006: 113].

О. обычно рассматривают как разновидность метафоры, хотя способы его выражения различны. Ср., напр.: *Ксюша – это как закрытый занавес перед началом спектакля, когда пиликают нечто незаконченное скрипки, из-за кулис выглядывают актёры, но что сейчас произойдет на сцене – неизвестно* (Р. Солнцев) – О. в форме развёрнутого сравнения; *Мысль замерзает на лету / и отпадает в виде снега* (Д. Румянцев) – О. в форме катахрезы; – *А где твоя жена? – Она в ломбарде. – Да? И*

сколько же ты думаешь за неё получить? – вопрос, используемый в норме по отношению к вещи, а не к человеку.

О. свойственны изобразительная и эмоционально-оценочная стилистические функции, причём О. человека используется, как правило, с целью его отрицательной характеристики. О. в разговорной речи является, напр., именование мужчины *дубиной, лаптем, валенком* и т.п. Такие слова имеют пейоративную окраску.

О. – один из недостаточно изученных стилистических приёмов. В различных трактовках его называют также **антипрозопопеей, деперсонафикацией, антилицетворением** (термин И.В. Пекарской), **инанимацией** (термин Б.Т. Ганеева) и **опредмечиванием** (термин В.П. Москвина).

Лит.: Ганеев Б.Т. Противоречие в языке и речи: монография. Уфа, 2004; Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Переверзева Н.А. Метафорическая и метонимическая деперсонафикация в современном немецком языке: КД. Белгород, 2010; Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: монография. М., 2006; Романенко О.В. Олицетворения и овеществления в языке романа Э.М. Ремарка «Возлюби ближнего своего»: сопоставительный анализ подлинника и переводов: КД. Краснодар, 2002; Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009.

Г.А. Копнина

ОДНООБРА́ЗИЕ РЕ́ЧИ. См. БЕДНО́СТЬ РЕЧИ

ОДОБРЕ́НИЕ, ПОХВАЛА́ – 1. Наименование этикетной ситуации общения и соответствующего речевого жанра, когда выражается положительная оценка адресата: его качеств, поступков, лиц и предметов, входящих в его личную сферу. 2. Стандартные выражения, с помощью которых стереотипно осуществляется О., П.

О., П., как правило, исходят от старшего (по возрасту, статусу, роли) к младшему или к равному, поэтому соответствующие выражения нередко оформлены в ты-формах общения. В деловой сфере начальник одобряет подчинённого и в Вы-формах.

В центре внимания произносящего О., П. находится адресат, поэтому выражения содержат дейктические указания адресации: *Вы хорошо поступили; Ты молодец* (при перформативном «я»): *Я одобряю ваш поступок*).

О., П. относятся к положительно оценочным речевым интенциям и противопоставлены неодобрению, упрёку и т.п., выходящим за рамки речевого этикета.

Основные выражения О., П.: *Одобрю (ваше решение, твоё поведение и т.д.); Хвалю тебя (твою находчивость, твой энтузиазм, неординарность решения и т.д.)*.

Выражение желания говорящего похвалить адресата является фактическим речевым действием О., П., нередко с последующим уточнением: *Хочу тебя (Вас) похвалить; Хотел (-а) бы похвалить тебя (Вас) за это поступок; Могу похвалить тебя (Вас) за проявленное упорство; Не могу не похвалить тебя (Вас) за находчивость; Ты (Вы) хорошо (правильно, разумно, великодушно, справедливо и др.) поступил (-ла, -ли); Ты (Вы) всё сделал (-и) как нельзя лучше; Ты (Вы) поступил (-ла, -ли) правильно (хорошо, разумно и мн. др.); Твой (Ваши) поступок достоин одобрения/похвалы; Ты (Вы) молодец (умница), хороший человек (настоящий друг и др.); Ты (Вы) находчивый человек; Ты (Вы) поступил (-ла, -ли) находчиво; Молодец! Умница!* (к мужчине и женщине).

О., П. обстоятельств, ситуации в целом: *(Это) хорошо!; (Это) прекрасно (великолепно, чудесно, здорово и т.д.)!; Как это справедливо!; Это так правильно!; Лучшие не бывает (не придумаешь, трудно придумать)!; Всё сложилось (так) удачно!* и мн. др.

О., П. как поощрение к продолжению подобного поведения: *Всегда так поступай (-те); В подобных обстоятельствах (в сходной ситуации) веди (-те) себя так же (поступай (-те) так же правильно (хорошо, находчиво, разумно и т.д.); Каждый раз отвечай (-те) подобным образом и мн. др.*

О. как оправдание поступка: *В таких условиях ты (Вы) принял (-ла, -ли) единственно правильное решение; В этой ситуации ты (Вы) проявил (-ла, -ли) находчивость (смекалку, разумность и т.д.); В этом случае ты (Вы) вел (-а, -ли) себя разумно (взвешенно, достойно и т.д.); Тебе (Вам) не в чем себя винить, в этих обстоятельствах ты (Вы) нашли (-ила, -шёл) правильный выход.*

Основные выражения ответных реплик: *Спасибо за одобрение, похвалу; Спасибо, что одобряете мой поступок (моё поведение, решение) и т.д.; Постараюсь и дальше так поступать; Постараюсь оправдать ваше доверие; Постараюсь вас не подвести и др.*

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1986; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001; Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982, 1987; **Формановская Н.И.** Употребление русского речевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ (от лат. *occasionālis* – ‘случайный’) – речевые единицы, создаваемые под влиянием контекста или речевой ситуации для уточнения смысла, для выражения экспрессии, часто комического или иронического характера, и традиционно относимые за пределы литературной лексики.

О. активно исследуются отечественными лингвистами с середины XX в. (В.В. Виноградов, И.И. Смирницкий, Е.А. Земская, В.П. Изотов, Л.П. Крысин, В.В. Лопатин, А.Г. Лыков, И.С. Улуханов, Э.И. Ханпира, Н.М. Шанский, Н.А. Янко-Триницкая и др.). В лингвистике сложились две основополагающие концепции понимания О. С точки зрения первой концепции (В.В. Лопатин, А.Г. Лыков, Н.А. Янко-Триницкая), в состав О. включаются все одноразовые слова, создаваемые в речи в определённой ситуации и с определённой задачей, независимо от того, образованы они по имеющимся в языке моделям (как потенциальные слова, напр.: *отстрельный* – *Профессия адвоката становится отстрельной* (Аргументы Недели. 2009. № 4)) или с их нарушением (как индивидуально-авторские образования, напр.: *зооАД. Нужно ли жалеть зверей в зоопарке?* (АиФ. 2008. № 21)).

Согласно другой концепции (Е.А. Земская, Э.И. Ханпира, Р.Ю. Намитокова), О. признают индивидуально-авторские новообразования, противопоставляя окказиональные слова потенциальным словам. «Слова потенциальные создаются по наиболее продуктивным типам, заполняя пустые клетки словообразовательных парадигм, т.е. они реализуют действие законов словообразования. <...> Окказионализмы – нарушители законов (правил) общезыкового словообразования. Они используют бездействующие, мертвые аффиксы или «не те» основы (ср. обычные слова *пошлятина*, *серятина* и окказионализм *брошюрятина*)» [Земская 1992: 180]. Иными словами, О. создаются посредством намеренного, осознанного нарушения правил языка с целью привлечь внимание к игре с формой и смыслом речи. Эта игра, что очень важно, ориентирована на адресата и должна быть понятна ему. Именно вторая концепция считается в настоящее время наиболее распространённой. Приведём контексты, содержащие индивидуально-авторские О.: *АиФигенное шоу! «Аргументы и факты» отметили День города в центре Москвы* (АиФ. 2008. № 37); *Пока ВАНКУВЕРкаемся* (АиФ. 2010. № 7) и мн. др.

Л.Г. Лыковым была разработана система признаков О.: принадлежность к речи, ненормативность, творимость (невоспроизводимость), словообразовательная производность, функциональная одноразовость, зависимость от контекста, экспрессивность, номинативная факультативность, синхронно-диахронная диффузность, новизна, индивидуальная принадлежность.

Отечественными лингвистами (Е.А. Земской, В.П. Изотовым, Н.А. Николиной, И.С. Улухановым, В.В. Панюшкиным и др.) описаны специфичные для порождения О. способы и приёмы. Так, Е.А. Земская выделяет: междусловное наложение (*каламбурильщики* – каламбур + бурильщики), контаминацию (*компью-терроризация* – компьютер + терроризация), слияние («*Самсебяздат*»), образования по конкретному образцу (*крикаин*, ср. с *новокаин*), построение слов с вымышленными корнями (*пумплярдия*), использование начальных согласных (*гнеобычные гновости о гномах*), «словообразовательный куст» (*Злодислав Злодиевский, Злодеюга, Злодеюрка, Злодеёчек* и

др.), высвобождение аффиксов и других частей слова (*Ларингологи, невропатологи ... и прочие ологи*), использование аффиксов в качестве базовых основ (*Приём «измизации»*), каламбурные и паронимические игры со словом (*Что же вы сегодня не пивучий – мало чая пьёте*).

Список способов и приёмов создания О., выделенных в настоящее время, нельзя считать окончательным, сегодня практически в каждой газете имеют место О., выполняющие роль мощного средства художественной выразительности и языковой игры.

Намеренное использование О. в вышеозначенных целях есть риторический приём (приём речевой выразительности), т.к. является прагматически оправданным отклонением от лексической нормы. Такое отклонение от нормы может быть связано 1) с созданием нового, окказионального слова (О. словообразовательного типа) или 2) с созданием нового, окказионального значения слова, присутствующего в узусе (О. семантического типа). Напр.: <...> *Всеобщая погонофобия конца 80-х годов представляется мне неизбежной. В ней были заинтересованы слишком многие: и внутри страны, и за рубежом* (ЛГ. 2004. № 7); *«Отомстим за Пал Палыча» – с такими словами бросились вперёд футболисты клуба «Ильинка», президентом и главным бомбардиром которого является Павел Бородин.* <...> *Короче говоря, объединённая команда «Интерросса» и «Комсомольской правды» в этом бородинском сражении отбивалась практически одними «золотыми перьями» – силами журналистов нашей газеты* (КП. 29.01.2001).

В современной газетной публицистике О. выполняют прежде всего экспрессивно-оценочную функцию: *А ещё люди в погонах должны воевать в Чечне с сепаратистами, порождёнными не кем-нибудь, а тогдашними кремлевскими геопаралитиками* (ЛГ. 2004. № 7); *Берёза – дерево эпохи горючих люмпенов и оторвавшейся от родных корней образованной черни, которую можно назвать люмпеллигенцией* (ЛГ. 4.01.1991); функцию рекламно-номинативную: *ТелевЕдение* (ЛГ. 2005. № 25, название рубрики), а также функцию развлекательную: *Предсказамус 2001 г. Экономический прогноз «МК» на новый год* (МК. 22.02 – 01.03.2001, заголовок); • *Кандидат наук* • *Деятель халтуры* • *Мультикоалиционные фильмы* • *Достопримелькавшаяся личность* • *Сю-сюреализм* • *Болеешлименеетуляющее средство* • *Застёгнутые врасплох* • *Душевноблатной* • *Густобрех* • *Срамодовольство* • *Словопохотливый* • *Подмазанник божий* • *Кривотёлки* (ЛГ. 2002. №10).

В таком малоформатном жанре, как анекдот, комический эффект может достигаться намеренным использованием просторечий, выполняющих роль, аналогичную О.: *Стройбат. Прапорщик: – Сегодня мы будем носить люминёвые трубы. Рабинович из строя: – Не люминёвые, а алюминиевые! – А самый умный Рабинович будет носить чузунёвые трубы!* (ТД. 2001. № 16).

Лит.: **Бабенко Н.Г.** Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград, 1997; **Бельчиков Ю.А.** Окказионализмы // *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник* / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Винокур Г.О.** Маяковский – новатор языка // *Винокур Г.О. О языке художественной литературы*. М., 1991; **Земская Е.А.** Словообразование как деятельность. М., 1992; **Изотов В.В., Панюшкин В.В.** Неузальные способы словообразования. Орёл, 1997; *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник* / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Лыков А.Г.** Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Намитоква Р.Ю.** Авторские неологизмы: Словообразовательный аспект. Ростов н/Д, 1986; **Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В.** Неология и неография современного русского языка: учеб. пособие. М., 2005; **Хан-Пира Э.И.** Окказиональные элементы в современной речи // *Стилистические исследования*. М., 1972.

И.В. Евсева, А.П. Сковородников

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ.

Окказионализмы (или окказиональные слова) обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности на фоне канонических, нормативных образований. Как отмечает Е.А. Земская, производные слова, не зафиксированные словарями и грамматиками, часто могут оцениваться как средство выразительности, как стилистический приём. Этим признаётся право пишущего или говорящего на словотворчество [Земская 2000].

Под выразительными средствами языка принято понимать такие морфологические, синтаксические и словообразовательные формы языка, которые служат для эмоционального или логического

усиления речи, а под выразительностью – оригинальность, неповторимость, неожиданность, что раскрывает креативные способности человека, т.е. потребности в творчестве. К средствам языковой выразительности можно отнести окказионализмы, представляющие собой творческие новообразования, созданные по неузואальным языковым моделям и направленные на намеренное, осознанное нарушение правил языка с целью привлечь внимание к речи как игре с формой и смыслом.

В настоящее время публицистические тексты пестрят окказионализмами, привлекающими внимание читателей. Журналисты стремятся использовать всевозможные языковые и внеязыковые средства, обладающие ярко выраженной экспрессией. Экспрессивным считается то, что нарушает привычные нормы словопроизводства, стилистики, лексической сочетаемости, композиционного построения и поэтому обращает на себя внимание. Языковое творчество современных публицистов, артистов сатирического жанра, да и просто людей, тонко чувствующих язык, свидетельствует о том, что возможности языковой системы значительно шире литературной нормы.

Сознательное использование автором им самим придуманных слов должно быть содержательно, эстетически значимо и экспрессивно: «Ценность словотворчества, как и использование всякого формального приёма, определяется уместностью его применения, соответствием художественному заданию и целостности произведения» [Земская 1992: 184]. Напр.: *Про(и)зрачная комиссия* (АиФ-Черноземье. 2002. № 8); *ОБРУЧённая* на успех в художественной гимнастике! (АиФ. 2011. № 22) и др.

Несмотря на то что подобные образования не создают речевую базу, а находятся на её периферии, сама возможность их появления в речи отражает специфический характер лексико-словообразовательной системы. Создание новых ярких, запоминающихся слов, часто с намеренным нарушением языковой нормы, становится явлением достаточно широким и активным, поэтому желательно не только обращать внимание учащихся школ, студентов на окказиональное словотворчество, но и учить их созданию индивидуальных новообразований, что будет способствовать развитию коммуникативных навыков и повысит интерес к русскому языку как учебной дисциплине.

Лит.: Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М., 2001; Земская Е.А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000; Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992; Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи в вопросах и ответах. М., 2006; *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник* / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Мн., 1997; Намитокова Р.Ю. Авторские новообразования: словообразовательный аспект. Ростов н/Д, 1986; Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; Ханпира Э.И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. М., 1972; Штайн К.Э. Язык. Поэзия. Гармония: монография. Ставрополь, 1989.

И.В. Евсева

ОКСЮМОРОН (ОКСИМОРОН) (от др.-греч. ὀξύμωρον – ‘остроглупое’), – в традиционном понимании – стилистическая фигура, состоящая в соединении двух противоречащих друг другу по смыслу слов, связанных определительными отношениями. В О. в результате соединения несовместимых с логической точки зрения понятий рождается новое сложное понятие или представление, призванное передать противоречивость и/или сложную природу объекта изображения. Напр.: *Живой труп* (название пьесы Л.Н. Толстого); *Тишина стоит из века в век – синяя, громовая, густая* (Ю. Кузнецов); *Одно слово – Сибирь: богатая бедность, широкая узость, ликующая неприютность* (В. Распутин); *Худосочный богатырь подведёт под монастырь* (АиФ. 2000. № 41).

Основной грамматической конструкцией (моделью) О. является словосочетание из стержневого слова – имени существительного и зависимого от него имени прилагательного (примеры см. выше), но достаточно употребительны и другие модели, напр., стержневое имя существительное + управляемое имя существительное: *Я весь – исчадие добра, / В душе лишь радужные краски* (ЛГ. 2007. № 16); слово категории состояния + инфинитив: *Смотри, ей весело грустить такой нарядно обнажённой* (А. Ахматова) и др. (подробнее см. [Культура русской речи... 2003: 386–388]). Принцип оксюморонной сочетаемости распространяется, с одной стороны, на предикативные сочетания слов:

Воистину этот **мертвец более живой**, чем тысячи и тысячи людей, проходящих по земле, как тени, которые только кажутся живыми! (Д. Мережковский), с другой стороны, на сочетании корневых элементов сложносоставных слов: *Она – бесовско-ангельская рожца / Со мной всегда держалась недотрожисто <...>* (Е. Евтушенко).

В публицистике О. часто используется в эмоционально-оценочной функции (преимущественно иронического или сатирического содержания), напр.: *О ЕГЭ, как о покойнике, или ничего, или совсем ничего. Потому что сей неугомонный мертвец – всё ещё «как бы жив»* (ЛГ. 2007. № 29); *Он пригласил своего адвоката Клавдию Синицыну, женщину мужского рода* (ЛГ. 2003. № 26).

С точки зрения теории Риторического приёма (см.), О. можно определить как разновидность Паралогических риторических приёмов (см.), поскольку он представляет собой намеренное и прагматически (прежде всего – стилистически) значимое отклонение от логического закона непротиворечия.

Лит.: Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М., 2004; Егорченко О.Н. Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика: КД. Абакан, 2006; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Курегян Г.Г. Лингвопрагматический статус оксюморона: на материале русского языка: КД. Пятигорск, 2007; Павлович Н.В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М., 1979; Щербakov А.В. Оксюморон // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник российской риторической ассоциации / Краснояр. гос. ун-т. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.

А.П. Сковородников

ОКУЛЕСИКА. СМ. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ, или **ПЕРСНИФИКАЦИЯ** (от лат. *persōna* – ‘лицо, личность’ и *facere* – ‘делать’), или **ПРОЗОПОПЕЯ** (от др.-греч. *πρόσωποποιία* от *πρόσωπον* – ‘лицо’ и *ποιέω* – ‘делаю, творю’), – стилистический приём, состоящий в ассоциативном перенесении свойств и признаков человека на неодушевлённые предметы, природные явления, абстрактные понятия, животный и растительный мир. Напр.: *Ночью дождь на ёлку / Брызнул втихомолку, / Жаловался тучке: / «Здесь одни колючки!»* (А. Чутковская); *Как взмолится золотая рыбка! Голосом молвит человечим...* (А. Пушкин); *Страх, во тьме перебирая вещи, / Лунный луч наводит на топор* (А. Ахматова).

Близким к О. является приём **анимализации**, заключающийся в наделении неодушевлённых предметов, абстрактных понятий свойствами животных, напр.: *Когда из берёзовой почки выходит весна, / неслышно ступая на мягких невидимых лапах...* (А. Расторгуев).

В иной трактовке О. представляет собой приём, состоящий в приписывании чему-л. (явлениям природы, абстрактным понятиям или неодушевлённым предметам) свойств и признаков живых существ [Емельянова 2005: 198]. Такое понимание О. оказывается, с одной стороны, более узким, по сравнению с приведённым выше, поскольку в качестве предмета О. не называются животные, с другой стороны – более широким, т.к. предметы О. наделяются свойствами и признаками живых существ, а значит, не только человека.

Разновидностью О. называют **метагоге** (приписывание чувств неодушевлённым предметам [Хазагеров, Ширина 1999: 242]) и **персонификацию** («полное уподобление неодушевлённого предмета человеку», описание предмета в человеческом облике [Тумина 1998: 125]), хотя чаще О. и персонификацию используют как понятия синонимичные.

В словарях и справочниках О. трактуют как самостоятельный троп, как вид метафоры (в соответствии с античной традицией) или аллегии, как стилистическую фигуру. Это объясняется тем, что О. может выражаться различными способами, напр.: *...На краю лощины тесно селились березы, щекоча друг друга ветками* (А. Соболев) – метафорическое О.; *Дрался Гришка с Мишкой. / Замахнулся книжкой, / Дал разок по голове – / Вместо книжки стало две. / Горько жаловался Гоголь: / Был он в молодости щёголь, / А теперь, на склоне лет, / Он расстрёпан и раздет* (С. Маршак) – метонимическое О.; *И летели сани, / По снегу скользя, / Словно пели сами / Песню про себя* (Вс. Рождественский) – О. в форме сравнения.

Некоторые О. прочно закрепились в языке, напр.: *дождь идёт, солнце садится, смелый поступок, бегут ручьи*.

О. может быть реализовано не только в отдельном словосочетании или предложении, но и в большом фрагменте текста и даже в целом тексте. Примером может служить произведение А. Платонова «Неизвестный цветок».

Необходимо отличать О. как проявление мифологического сознания и религиозных верований древних и О. как приём, являющийся стилистическим преобразованием языка. О. как приём широко употребляется в художественной литературе, напр. при описании природы: (о деревьях) *Тут были и статные красавицы во цвете сил, и могучие старцы, украшенные, как медалями, зеленоватыми бляшками лишайников, и хилые болезненные инвалиды с заросшими следами от топора бездушного человека, который ради глотка березового сока не постыдился поранить дерево* (Н. Волков); *Начал идти редкий снег. Он падал медленно, неохотно. Отдельные снежинки останавливались в воздухе, иногда даже подымались вверх, будто раздумывали, как незаметнее лечь на землю* (К. Паустовский).

О. используется также в научных и публицистических текстах, напр.: *Кедр забирается к верхней границе лесов и спускается к подножию гор. На верхней границе кедровые леса редуют* (А. Гавеман. Лес. Беседы лесовода); *С матушкой-погодой не договоришься, у неё норы крутой: то солнцем одарит, то дождями зальёт да ещё снег вдогонку пошлёт* (СГ. 15.10.2009). Встречается в газетных заголовках: *Лукавые дни* (АиФ. 16.11.2011); *Добродушная эпоха* (ЛГ. 18–24.02.2009); *Что готовит весна?* (СГ. 04.03.2010).

Наиболее характерна для О. функция изобразительная. Реже оно употребляется как средство создания комического эффекта: *Мысль, явившаяся Люсе, застала её врасплох* (В. Распутин); *Дома ему были не рады ни жена, ни примкнувшая к ней сковородка* (Анекдоты от Михалыча. М., 2005).

Лит.: Болквядзе Б.И. Олицетворение как феномен речевого художественного мышления. Воронеж, 1995; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Ким Х.Р. Семантика средств олицетворения в идиостиле И. Бродского: КД. М., 2008; Константинова С.К. Семантика олицетворения. Курск, 1997; Копнина Г.А. О лингвистическом статусе приёма олицетворения // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат-лов междунар. науч. конф. (Красноярск, 21–23 сентября 2005 г.). Красноярск, 2005; Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006; Тумина Л.Е. Олицетворение // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник, М., 1998; Фам Нгок Лам. Олицетворение имён существительных с немотивированным родом в современном русском языке: АКД. М., 1999; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Чеботарёва И.М. Олицетворение в детской речи: КД. Белгород, 1996; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

Г.А. Копнина

ОМОГРАФЫ. См. ОМОНИМИЯ

ОМОНИМИЯ (от др.-греч. *ομόσ* – ‘одинаковый’ и *ὄνομα* – ‘имя’) – системное языковое явление формального совпадения (графической и/или звуковой формы) единиц языка, не связанных по смыслу. Традиционно О. называют совпадение в написании (произношении) двух или более слов. Такие одинаковые по звучанию и/или написанию слова, значения которых осознаются нами как совершенно не связанные между собой и одно из другого не выводимые, называются **омонимами**. Напр.: *рак* – ‘животное’ и *рак* – ‘болезнь’, *заставить* – ‘загородить’ и *заставить* – ‘принудить’.

В широком смысле О. – формальная идентичность не только слов, но и других языковых единиц: морфем (омоморфемы), синтаксических конструкций (синтаксическая омонимия). Напр., окончание *а* в русском языке может означать мн. число существительных второго склонения (*провод* – *провода*), родительный падеж существительных (*стул* – *стула*) и женский род глаголов прошедшего времени (*взял* – *взяла*). Синтаксическая О. заключается в смысловом различии внешне совпадающих словосочетаний/предложений: *Лучше травить тараканов вместе с соседями, т.е. я хотел сказать сообща с соседями, чтобы они не бегали из квартиры в квартиру, в смысле, тараканы...;* *Элис: блин,*

болит живот, вероятно, тому виною сожранная редиска и тугие колготки. Соммик: зря ты ела тугие колготки, зря (bashorg.ru).

Полные лексические омонимы, как правило, принадлежат к одной части речи и совпадают друг с другом как в звучании, так и на письме во всех своих грамматических формах. Ср. *брак* (брачный союз) – *брак* (дефектное изделие). При этом им свойственна различная синтаксическая сочетаемость (*вступить в брак – сделать брак; брак (какой?) крепкий – брак (в чём?) в изготовлении*) и разные способы образования производных слов (*брачный – бракованный*).

Неполные омонимы делятся на омофоны, омографы и омоформы.

Омофо́ны – это слова с одинаковым звучанием, но разным написанием. Напр.: *курица* и *курится*; *луг* – *лук*.

Омографы – это слова, имеющие одинаковое написание, но различающиеся в произношении. Напр.: *му́ка* – *мука́*. Иногда их отнесение к омонимам считают условным, т.к. омографы не совпадают в звучании.

Омофо́рмы, или **грамматические (функциональные) омонимы**, – это слова разных частей речи, совпадающие в произношении и/или в написании лишь в одной или нескольких грамматических формах: *стекло* (сущ.) и *стекло* (глагол прошедшего времени 3-го лица среднего рода).

Существуют две основные точки зрения на омонимы. Согласно первой из них лишь полные лексические омонимы можно называть собственно омонимами, а неполные – являются смежными с О. понятиями (И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь, В.В. Виноградов, А.Д. Шмелёв). Приверженцы второй точки зрения обе разновидности относят к омонимии (Л.А. Жданова, Л.И. Рахманова, Л.П. Крысин).

Существует несколько путей возникновения О.:

- 1) расщепление значений многозначного слова: *свет* – ‘вселенная’ и *свет* – ‘освещение’;
- 2) совпадение славянских слов в результате фонетических преобразований. Напр.: *мир* – ‘отсутствие войны’ (из «мир») и *мир* – ‘общественная среда’ (из «мир»);
- 3) совпадение слов заимствованных с уже имеющимися в языке: либо исконно русскими (*клуб* – ‘организация, помещение’ (из англ.) и *клуб* – ‘шарообразная масса’ (рус.)), либо заимствованными ранее из другого языка (*фокус* – ‘очаг, огонь’ (из лат.) и *фокус* – ‘трюк’ (из нем.));
- 4) заимствование омонимической пары, напр. из фр. языка: *мина* – ‘снаряд’ и *мина* – ‘выражение лица’.

Иногда О. устраняется в процессе развития языка, напр., *винный* от «вина» сменилось *виновным*, исчезло производное прилагательное *вечный* от «веко». Нередко носители языка пытаются самостоятельно «избавиться» от О., дифференцируя разные значения с помощью произношения. Напр., чрезвычайно частотно ошибочное мнение, что, говоря о временном отрезке, следует произносить *квартал*, а о части города – *квартал*, в то время как во всех значениях нормативно ударение лишь на втором слоге: *квартал*.

О. отличается от Полисемии (см.) отсутствием общего семантического признака, хотя проблема их разграничения до сих пор однозначно не решена, при этом «...контекстуальный анализ показывает, что речевые условия функционирования омонимов и полисемичных слов не отличаются друг от друга и, следовательно, в речи различия между лексической омонимией и полисемией не проявляются» [Цыпышева 1967: 65].

О. неизбежна в любом естественном языке, но оценивается неоднозначно: с одной стороны, она приводит к экономии языковых средств, т.е. содействует компактности языка, с другой – она может приводить к Коммуникативным неудачам (см.), создавая нежелательную двусмысленность. Бытует мнение, что О. не затрудняет общение, т.к. практически всегда нейтрализуется или речевой ситуацией, или контекстом (Н.М. Шанский, Р.А. Будагов, Ю.С. Маслов, Ж. Вандриес). Но т.к. подобная нейтрализация происходит не сразу и не всегда, О. всё-таки может приводить к двусмысленности (Л.В. Малаховский, О.А. Лаптева). Несмотря на то, что О., как правило, представляет затруднения лишь для слушателя (читателя), говорящий тоже испытывает временные затраты, тщательнее выбирая слова, чтобы избежать непонимания.

О. может выступать в художественной литературе, публицистике и разговорной речи как средство выразительности. На О. строится множество малоформатных комических жанров, каламбуров и текстов развлекательной направленности: *Если у вас часто перегорают пробки – проверьте, что налито в бутылки* (Комок. 2005. № 26); Реклама гастрольной программы артиста Д. Певцова: *Певцов много, Певцов один*.

О., наряду с полисемией, может функционировать в ряде стилистических приёмов, напр. таких, как Амфиболия (см.), Дилогия (см.), Антанаклаза (см.) и др. Прагматически не мотивированное использование О. приводит к ошибкам (см. Ошибки в использовании омонимов и многозначных слов).

Лит.: **Виноградов В.В.** Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1969. № 5; **Голев Н.Д.** Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 4. Функциональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. Филология. Философия и педагогика. 2002. № 4; **Головня А.И.** Омонимия как системная категория языка: монография. Мн., 2007; **Лаптева О.А.** Речевые возможности текстовой омонимии. М., 2009; **Логачёва И.С.** Языковая омонимия: многообразие подходов и оценок // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2009. № 2; **Малаховский Л.В.** Теория лексической и грамматической омонимии. М., 2009; **Современный русский язык:** Ч.1. Лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Словообразование. Морфология: учебник / под ред. Д.Э. Розенталя. М., 1979; **Цыпышева М.Е.** К вопросу о разграничении полисемии и омонимии // Вопросы романо-германской филологии. Ташкент, 1967; **Шкурко Е.В.** Синтаксическая омонимия в современном русском языке (на материале простого предложения): КД. Днепропетровск, 1996.

М.А. Южанникова

ОМОНИМЫ. См. **ОМОНИМИЯ**

ОМОФОНЫ. См. **ОМОНИМИЯ**

ОМОФОРМЫ. См. **ОМОНИМИЯ**

ОНОМАТОПЕЯ. См. **ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ**

ОПИСАНИЕ – функционально-смысловой тип речи, с помощью которого характеризуются предметы, их признаки в аспекте синхронного (одновременного) сосуществования.

О. служит для подробной передачи состояния действительности, изображения природы, местности, интерьера, внешности. Напр.: *Кочановская усадьба стоит на речке, против деревни. Дом крыт щепой, с обеих сторон ворота соединяют его с флигелями, в левом флигеле кухня... Окно кухни выходит на речку, но речки не видать, старый жёсткий малинник подпирает флигель...* (К. Федин); *Дорога, словно не желая быть назойливой, ушла куда-то вправо. Еле заметная тропка ответвилась от неё, попетляла меж сосен и умерла на полянке, около домика... Трава на полянке белела цветочками земляники. Она, эта ягода моего детства, особенно густо цвела позади домика...* (В. Белов).

В содержании описательных текстов главное – предметы, свойства, качества, а не действия. Поэтому основную смысловую нагрузку несут имена существительные и прилагательные. Существительные относятся к конкретной лексике (в приведённых текстах – *речка, дом, ворота, флигель, окно, ягода* и др.). Широко используются слова с пространственным значением – обстоятельства места (*на речке, с обеих сторон, меж сосен, на полянке, около домика* и т.п.). Глагольные сказуемые в смысловом отношении либо ослаблены, стёрты (*усадьба **стоит** на речке; окно **выходит** на речку; дорога **ушла вправо***), либо имеют качественно-образительное значение (*трава **белела** цветочками земляники; она **густо цвела***). Часто употребляется глагольная форма настоящего времени, выражающая длительное состояние предмета (*стоит, соединяют, подпирает*) или вневременное значение (ср. в научном стиле: *Вода **кипит** при 100 градусах*). Глаголы несовершенного вида прошедшего времени указывают на состояние описываемых явлений в момент наблюдения за ними (*белела, цвела*). Даже глаголы совершенного вида в описательных контекстах передают свойство, характеристику предмета, а не активное действие (*еле заметная тропка **ответвилась** от нее, **попетляла** меж сосен и **умерла** на полянке*).

Для О. характерна однотипность форм сказуемого, которая является показателем статичности изображаемого. Наиболее частотны О. с единым планом настоящего или прошедшего времени. Строю предложений в О. нередко присущ Синтаксический параллелизм (см.).

Лит.: Лосева Л.М. Как строится текст. М., 1980; Нечаева О.А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. Улан-Удэ, 1999; Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974; Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980.

Т.Б. Трошева

ОПІСКА – искажение графического облика слова, обусловленное невнимательностью, несобранностью пишущего, но не связанное с нарушением правил орфографии. Иногда О. определяют как «ошибку по рассеянности в письменном тексте» [Ожегов 1986: 389], т.е. неумышленную ошибку. Чаще всего О. предстаёт как замена, пропуск или перестановка букв в слове. Напр.: **точка хрения* (вместо *зрения*) *автора работы*, **сособ* (способ) *присоединения*, **контролирующие органы*. «Если человек сделал ошибку, то он может десятки раз спокойно перечитать текст, видеть свою ошибку – и все же не заметить и не исправить. Или исправить, лишь припомнив орфографическое правило, иногда с трудом. О. при внимательном чтении сам пишущий замечает без всяких правил» [Панов 1964: 73]. При проверке работ О. исправляются проверяющим, но не учитываются при выставлении оценки. Это породило традицию относиться к О. снисходительно, менее серьёзно, чем к орфографическим или иным ошибкам. Однако в последнее время такой подход к оценке вреда О. подвергается критике, т.к., по мнению некоторых лингвистов, О. является не меньшим помехообразующим фактором восприятия текста, чем ошибка любого вида [Голев 2000: 40–41]. Действительно, тексты, содержащие О., не так безобидны, как может показаться на первый взгляд. Особенный урон О. наносят деловому тексту в сферах так называемых «закрытых», «для служебного пользования». Более того, экспериментально доказано, что текст с О. читается сложнее, чем текст с орфографическими ошибками. Ср.: **Додь и мамеха вивели сосу* (с описками) и **Доч и мачиха видили саву* (с орфографическими ошибками) при исходной фразе *Дочь и мачеха видели сову* [Киселёва 2002: 126].

Существенным при определении влияния О. на читателя текста является и то, что текст, содержащий их, воспринимается адресатом речи не просто как «загрязнённый» или «неграмотно оформленный», но ещё и оформленный небрежно, без должного уважения к читателю. Поэтому в целях профилактики О. необходима вычитка текста. Её рационально проводить в несколько этапов, концентрируя внимание не только на поиске орфографических, пунктуационных, речевых ошибок, но и на анализе графического облика написанных слов.

О., не выявленная при работе над печатным текстом, называется опечаткой и свидетельствует о недостаточной внимательности автора текста, редактора и/или корректора.

Лит.: Голев Н.Д. Ошибка или описка – что хуже? (к основаниям теории функциональной орфографии русского языка) // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000; Голев Н.Д., Киселёва О.А. Коммуникативная орфография русского языка: задачи и методы экспериментального изучения орфографической деятельности читающего // Фонетика и письмо в диахронии: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2001; Киселёва О.А. Русская орфография в коммуникативном аспекте: экспериментальное исследование: КД. Барнаул, 2002; **Методика преподавания русского языка в школе:** учебник / под ред. М.Т. Баранова. М., 2001; **Ожегов С.И.** Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1986; **Панов М.В.** И всё-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, её достоинствах и недостатках. М., 1964; **Фрейд З.** Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.

Г.А. Копнина, Л.Г. Кыркунова

ОППОНЕ́НТ (от лат. *opponēntis* – ‘возражающий’) – тот, кто выражает несогласие с позицией Пропонента (см.).

В научной сфере роль О. выполняет лицо, которому поручена оценка диссертации или доклада. О. может присутствовать и лично участвовать в обсуждении вопроса, но может и не быть непосредственным участником аргументативного процесса. Для О. характерно использование Опровержения (см.). Говорящий/пишущий, выдвинув некоторое положение, может сам себе возражать от имени анонимного или «вымышленного» О. Напр.:

... Латинский язык, при всём его значении для Европы, был посредником между греческими авторами и новыми нациями, возникшими в плавильном котле раннего средневековья. Кто хочет добраться до корней, не минует греческого языка. Поэтому, очень естественным образом, начиная с эпохи Возрождения, все образованные люди начинали с изучения «древних языков» – латинского и греческого. **Предвижу возражение: а не надо ли ещё знать египетский, аккадский и шумерский, или по крайней мере язык Библии – древнееврейский?**

Ответ на этот вопрос несложен: без этих языков общее образование может обойтись, потому что наша европейская традиция их не знала. <...> Наша традиция воспринимала Библию в «канонических» переводах. И гораздо лучше было бы изучить древнерусский язык, близкий к языку Кирилла и Мефодия. В гимназиях ведь читали и понимали церковнославянскую Библию. Древнерусский язык желателен, но скорее как факультативный. А вот латинский и греческий, коренные языки всей европейской культуры и основа образования в течение столетий, должны быть восстановлены – именно по этим причинам. <...>

Настоящее гуманитарное образование – это просто общее образование в полном и серьёзном смысле этого слова, нужное любому образованному человеку, независимо от его будущей области интересов и занятий.

Можно предвидеть возражение, что в этом смысле не может быть образованных людей, вполне владеющих вдобавок огромной массой специальных знаний, требуемых современной жизнью. **Мне могут сказать**, что нынешние школы и университеты должны готовить не всесторонне развитых эрудитов и, тем более, не джентльменов, выбирающих себе образ жизни по собственному вкусу, а специалистов, способных выдержать конкуренцию в некоторой профессии. Допустим. Посмотрим теперь на самых замечательных профессионалов в самых трудных областях науки и проверим, так ли уж несовместимо серьёзное общее образование со специальными занятиями. <...>

Надо ли напоминать, что Пуанкаре и Планк тоже получили классическое образование? Планк был, кроме того, пианистом (Эйнштейн играл на скрипке; но Планк собирался даже стать профессиональным музыкантом). Надо ли говорить о том, что Эйнштейн, Пуанкаре и Планк глубоко знали философию, писали о ней, вдохновлялись ею в своей работе? Вряд ли теперь найдется столь широко образованный человек, каким был великий физик Лоренц – Гендрик Антон Лоренц. Когда ему задавали вопрос, он вежливо справлялся, на каком языке его собеседник предпочёл бы получить ответ, а затем читал совершенно построенную, исчерпывающую лекцию по нужному предмету на нужном языке. Широко образованным человеком был другой Лоренц, величайший биолог нашего века Конрад Лоренц. Достаточно сказать, что он был, по-видимому, и крупнейшим философом нашего времени. <...> он сам редактировал английские переводы своих книг, заменяя в них эпитафии из немецких поэтов подходящими стихами из английских.

Здесь я снова предвижу возражение. Мне скажут: всё это – люди исключительных способностей, а школа должна давать образование обыкновенным детям, со средними способностями, которым не под силу столько разных предметов; поэтому надо ограничиться тем, что им понадобится в их дальнейшей работе. <...> Прежде всего, эта точка зрения ориентируется на «среднего ученика», заранее отказываясь принять во внимание интересы талантливого и любознательного; тем самым она подсознательно или сознательно стремится сделать посредственность необходимым условием образования. <...> Не лучше ли сохранить гимназическое образование для более способных (не называя его вызывающим словом «элитарное»), а менее способных детей учить короче и проще, в начальной школе? <...>

Подлинный демократизм заключается в том, чтобы одинаково способные дети имели одинаковые возможности; даже этого добиться очень трудно; но нельзя надеяться обойти законы природы. **Вы скажете**, что предлагаемая система образования жестока, так как детям говорят, что они не равны. А если этого не говорить, думаете ли вы, что они этого не узнают? Каждый раз, когда в классе решают задачу или пишут сочинение, они это узнают. Точно так же, как узнают различия в росте, физической силе и красоте (А.И. Фет. Что такое образованный человек?).

Лит.: Виноградов С.И., Платонова О.В. и др. Культура русской речи. М., 1999; Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов. М., 1999; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Стернин И.А. Практическая риторика. Воронеж, 1996.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. См. ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ

ОПРОВЕРЖЕНИЕ – в широком понимании процесс рассуждения, с помощью которого обосновывается ложность выдвигаемого тезиса, отдельных посылок или умозаключения в целом. Часть ораторской речи, содержащую О., называют **антипарастизом**.

В риторике выделяют два вида (по сути две стратегии) О.: критику (её цель – показать несостоятельность или неприемлемость предложений оппонента и тем самым заставить его изменить мнение о предмете обсуждения, а аудиторию – принять иное решение) и разоблачение (его цель – показать несостоятельность оппонента как личности и побудить аудиторию отвергнуть его и его позицию). Использовать разоблачение как «переход на личность» не рекомендуется с точки зрения норм риторической этики.

Существуют три способа О.: О. доводов оппонента, выявление несостоятельности демонстрации (логической связи между доводами и тезисом) и О. самого тезиса (прямое и косвенное). Как правило, в споре одновременно используют разные способы О.

Поскольку тезис может оставаться истинным при ложных аргументах и несостоятельной демонстрации, наиболее сильным способом О. является О. тезиса. Оно осуществляется при помощи приведения фактов или наглядных примеров (прямое О.), установления ложности (или противоречивости) следствий, вытекающих из тезиса («сведение к абсурду»), или доказательства Антитезиса (см.) (косвенные способы О.). Напр.: *Не справляясь с фактами, мало того, – совершенно игнорируя их, пытались во что бы то ни стало идеализировать покойного Довнара, чтобы отстоять положение, что он явился жертвой, систематически затравленной Палем. <...> Выяснилось целым рядом свидетельских показаний, что покойный, скромный и приличный на людях, не стеснялся в присутствии бесхитростной прислуги проявлять довольно жёсткие черты своего характера. Иногда он избивал Палем до крови, до синяков, пуская при этом в ход швабру; однажды изломал на ней ножны своей старой шашки студента-медика (Н. Карабчевский. Речь адвоката по «Делу Ольги Палем») – О. тезиса (Довнар является жертвой Палем) при помощи приведения фактов, доказывающих насильственное поведение Довнара по отношению к Палем; *Но при этом он против введения рыболовных путёвок. «Я думаю, это не очень справедливое ограничение, поскольку получается: есть деньги – купил, нет денег – пошёл вон. Не нужно делить людей по уровню материального обеспечения». Мне нравится ход его мыслей. Может, тогда и удочки на базаре раздавать всем желающим бесплатно? А то что получается? Есть у тебя деньги – купил себе удочку. Нету денег – пошел вон? Так же можно и с бензином. Да и с путёвками в Турцию. Не у всех ведь деньги есть, чтобы купить? Если уж равноправие, то пусть оно будет всем, а не только в части рыбалки (Комок. 16.01.2012) – О. путём «сведения к абсурду».**

О. доводов оппонента осуществляется через доказательство их ложности или несостоятельности. Оппоненту указывают на неточное изложение фактов, неправдоподобность статистических данных, выражают сомнение в авторитетности эксперта, на которого он ссылается и т.д. Напр.: *Ещё ничтожнее улика по сходству почерков. В экспертизу сходства почерков я никогда не верил — ни в чистописательную, ни в фотографическую, потому что признание сходства почерков есть решительно дело вкуса. Мне кажется, что почерк похож, а другому что – нет, и мы оба правы. <...> Когда М-ва, не удовлетворённая помилованием сыскной полиции, пожелала сама вновь поднять это дело и явилась к адвокату, то, главным образом, она домогалась, чтобы он объяснил ей, может ли экспертиза безошибочно и научно определить на суде, её рукой или чужой написана записка в магазине Лутугина, или же этот вопрос и на суде останется в зависимости от случайного мнения слушающих, которые снова могут оставить хотя бы тень подозрения на ней, М-вой? Адвокат ответил (Брафман слепо верует в фотографическую экспертизу), что решение экспертов будет точное и бесспорное. Тогда М-ва с радостью взялась за дело восстановления своей чести. Было ли бы это возможно, если бы к лутугинской записке прикасалась её собственная рука? Нет! (С. Андреевский. Речь по делу о краже изумрудной брошки).*

Выявление несостоятельности аргументации осуществляется путём указания на логические ошибки, демонстрации несостоятельности посылок, на которых строится тезис оппонента, при этом не обязательно доказывают их ложность, иногда их просто подвергают сомнению. Напр.: *Господин*

товарищ прокурора опирается преимущественно на косвенные улики. Первой уликой он представляет народную молву. Господин товарищ прокурора говорит, что народный голос редко ошибается; я думаю наоборот. Народный голос есть воплощённое подозрение, которое нередко вредит крестьянину. Почему в настоящем случае народный голос является против подсудимой? Труп найден в погребке дома Волохова. Волохов жил несогласно со своей женой, после этого следует немедленное заключение – она виновна. Почему? Больше никому. Вот народная логика (А. Урусов. Речь по делу Волоховой) – указание на ложные причинно-следственные отношения.

Некоторые тактики, связанные с О. довода оппонента, получили в риторике терминологические наименования. К ним относятся, напр., **антистрэфон** (истолкование аргументов противника в свою пользу), **антирезис** (оценка доводов противника как смешных или нелепых), **экспедиция** (последовательное устранение ложных положений), **аподиоксис** (отклонение аргумента с негодованием как не относящегося к рассматриваемому вопросу).

На практике в процессе О. довольно часто применяется «возвратный удар», или «приём бумеранга», заключающийся в том, что довод или тезис поворачивается против того, кто его высказал. Напр.: «*Что он в самом деле, – подумал про себя Чичиков, – за дурака, что ли, принимает меня?*» – и прибавил потом вслух: – *Мне странно, право: кажется, между нами происходит какое-то театральное представление или комедия, иначе я не могу себе объяснить... Вы, кажется, человек довольно умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто фу-фу. Что ж он стоит? кому нужен? – Да вот вы же покупаете, стало быть нужен. Здесь Чичиков закусил губу и не нашёлся, что отвечать* (Н. Гоголь).

О. начинается с точного формулирования предмета разногласия, после чего показывается ложность тезиса, аргумента или демонстрации Оппонента (см.). Далее возможно предъявление своего тезиса и его обоснование. В процессе О. придерживайтесь следующих рекомендаций: 1) не отвергайте чужие доводы без доказательства их несостоятельности; 2) обобщённые доводы оппонента разделяйте на составляющие и разбивайте их по отдельности; 3) не оставляйте без возражения сильные доводы оппонента, но, опровергая эти доводы, не развивайте их и не повторяйте те соображения, которые использовал оппонент; не представляйте опровергаемую позицию в привлекательном виде; 4) каждый последующий полемический аргумент должен быть логическим продолжением предшествующего; 5) не доказывайте очевидное; 6) не спорьте против несомненных доказательств и верных мыслей оппонента; 7) максимально используйте факты, признанные оппонентом; 8) не опровергайте невероятного; 9) возражая, не показывайте особой старательности: слишком настойчивое возражение против того или иного довода, не сопряжённое с его безусловным опровержением, придаст ему новый вес в представлении оппонента или слушателей; 10) нежелательно отвечать на возражения словом «нет», лучше предлагать альтернативу и использовать позитивные формулировки. Эффективность О. зависит от того, как будут восприниматься ваши слова оппонентом, поэтому тщательно продумывайте и выбирайте выражения. Ср.: *Я считаю...* и *Вы не находите, что...;* *Вы поймите...* и *Согласны ли вы с тем, что...;* *Мы вам поможем...* и *Вы сможете добиться...*

Наряду с корректными приёмами О. существуют разного рода уловки (см. Речевые уловки), благодаря которым можно опровергнуть любой тезис. Однако они всегда узнаются грамотным оппонентом и с лёгкостью подвергаются разоблачению, поэтому губительны для того, кто их применяет.

Лит.: **Андреева И.В.** Опровержение в институциональном дискурсе: КД. Волгоград, 2008; **Аристотель.** О софистических опровержениях // *Логика и риторика: хрестоматия* / сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. Мн., 1997; **Гетманова А.Д.** Учебник по логике. М., 2000; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Москвин В.П.** Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов н/Д, 2008; **Пучкова Е.В.** Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения: КД. Калуга, 2006; **Рузавин Г.И.** Логика и аргументация: учеб. пособие. М., 1997; **Сергейч П.** Искусство речи на суде. Тула, 1998; **Стешов А.В.** Как победить в споре. О культуре полемики. Л., 1991; **Филиппов А.В., Романова Н.Н.** Публичная речь в понятиях и упражнениях: справочник: учеб. пособие. М., 2002; **Хазагеров Г.Г.** Риторический словарь. М., 2009; **Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б.** Риторика. Ростов н/Д, 2004; **Шейнов В.П.** Искусство убеждать. М., 2000.

Г.А. Копнина

ОРАТО́РИКА, или **ОРАТО́РИЯ** (от лат. *orator̄ia* – ‘ораторское искусство, красноречие’), – раздел риторики, в котором изучается теория и практика функционирования устной публичной монологической речи. В О. исследуются формы, законы и правила построения ораторских речей, поэтому выделяется прежде всего **теория** О. с научно-рекомендательной стороной, хотя чаще приходится говорить об ораторском **искусстве** как умении эффективно и выразительно создавать и исполнять ораторские речи, приводя аудиторию к поставленной цели.

Вариативность в назывании дисциплины (ораторика/оратория) связана с неустоявшейся до сих пор терминологией, но вариант **ораторика** представляется более предпочтительным вследствие аналогии с риторикой, грамматикой и т.д. и нежелательной ассоциацией варианта **оратория** с одноимённым музыкальным жанром.

О. включает следующие разделы: 1) история О.; 2) виды и жанры О.; 3) учение об образе оратора; 4) образцы ораторства; 5) обучение О.

Ораторское искусство рождено в Древней Греции и является культурно-речевой характеристикой греко-римского полиса как колыбели европейской цивилизации. Античное государство формировалось в условиях публичной ораторской речи, поэтому требование владеть ораторским искусством распространялось на основные государственные профессии политика и судьи. Правила ораторской речи описывались в риторике, а сам оратор в Древней Греции называется ритором. Параллельные именованья двух языков – греч. *ритор* и лат. *оратор* – способствовали синонимическому смешению этих слов, хотя в дальнейшем история науки чётко развела оба понятия. Поскольку предметом риторики стала «речь вообще» (К.П. Зеленецкий) в разных её видах, предметом О. является ораторская речь. Вот почему определение риторики как науки об ораторском искусстве (ср. у С.И. Ожегова, Ч.Б. Далецкого и мн. др.) неточно: О. – всего лишь раздел риторики, хотя ораторская речь была исторически первым «родом речи», описанным и исследованным у античных авторов (см. «Риторику» Аристотеля).

Теория О. берёт своё начало в трудах Платона, Аристотеля, Квинтилиана, Цицерона и других античных классиков. Их советы и рекомендации положены в основу всех дальнейших национальных преобразований О.

Слово «оратор» с однокоренными образованиями – достаточно позднего происхождения. На русской почве однокоренные слова впервые встречаются у А. Курбского: «Истину тщатся разорить ораторскими штуками», т.е. ораторскими приёмами, искусством (польск. *szuka* – ‘искусство’). У него же обнаруживается слово «орация»: «Посылаю те, вашей милости, подарок духовный: орацию едину Григория Богослова, а другое слово Великаго Василия».

Само слово «оратор» впервые отмечено в первой русской «Риторике» 1620 г., где говорится о некоем «ораторе или речиточнике», и в словарях XVII века: в «Лексиконе» Е. Славинецкого («*oratio* – молитва, слово, речь; *orator* – ритор, оратор, ветий, хитрословец, речеточец»), в «Алфавите» XVII века («оратор – краснословець, еже есть ритор и вития»). Слову «оратория» впервые даёт научное объяснение М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г., которым планировались «три учения», «три книги сего руководства»: риторика как общая наука – «учение о красноречии вообще» (и именно она была написана); затем должны были следовать «оба сии красноречия» – Оратория как учение о прозе и Поэзия как учение о стихотворстве. Однако М.В. Ломоносовым была написана только общая риторика в трёх разделах: изобретение, украшение, расположение.

Исполнить замысел М.В. Ломоносова – написать Ораторию как учение о прозе – было суждено Амвросию Серебрянникову, назвавшему своё сочинение «Краткое руководство к оратории российской» (1778). В русской традиции это единственное сочинение, имеющее название «оратории». В сущности А. Серебрянниковым написана частная риторика как учение о разных видах словесности, хотя по преимуществу он писал как раз о видах и жанрах ораторского красноречия.

Раздел **ораторство** присутствует у всех русских теоретиков риторики и словесности первой половины XIX века. А.Ф. Мерзляков в разделе «Речи ораторские» определяет речь как «рассуждение, составленное по правилам искусства и предназначенное к изустному произнесению». Им выделяются следующие виды ораторской речи: духовные, политические, судебные, похвальные, академические.

Н.Ф. Кошанский в «Частной реторике» определяет «ораторство, витийство (*ars oratoria*)» как «искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других». Как большинство авторов своего времени, Н.Ф. Кошанский обращает внимание на этическую составляющую действий

оратора: «Цель ораторства – благотворная для людей – состоит в том, чтоб согласить различные мнения в одну мысль, различные страсти в одно направление, различные желания в одну волю». Об ораторстве продолжают писать и другие русские теоретики-словесники: И.И. Давыдов, В.В. Плаксин, К.П. Зеленецкий и др.

С критикой риторики раздел ораторства существенно редуцируется в русских учебниках словесности второй половины XIX – начала XX столетия, тем не менее, выходят оригинальные труды по теории, практике, психологии красноречия и ораторства. К ним следует отнести многотомный учебник о развитии дара слова Н. Абрамова, книгу М.Н. Попова о политическом красноречии и мн. др. К сожалению, их роль во влиянии на образовательный процесс в России и на общественное мнение была невелика.

Теория ораторского искусства получила бурное развитие в первые годы после Октябрьской революции, когда ораторская практика включала организацию митингов и собраний, а большевистская агитация и пропаганда требовали теоретического обоснования новой речевой ситуации и языковой политики становящегося советского государства. Большевистская партия очень хорошо понимала значение публичного ораторского слова и его влияния на народные массы. Нет сомнения в том, что энергичная и увлечённая агитация со стороны большевиков как создателей нового стиля мысли и речи была гораздо эффективнее, нежели агитация их оппонентов.

Понимание роли слова и эффективной речи в организации новой жизни выразилось в создании Института живого слова в Санкт-Петербурге в 1918 г., целью которого было распространение риторических знаний и совершенствование народной речи. Требование «учить говорить весь народ» вообще явилось одним из самых популярных в это время. Хотя очевидна эристически-манипулятивная природа ораторского искусства большевиков, тем не менее, почти все мемуаристы пишут о «железной логике», честности, преданности делу, последовательности, страстности, увлечённости, яркости и выразительности языка ораторов ленинской школы.

Соответственно в двадцатые годы XX столетия выходят научно-популярные учебники по ораторскому искусству, написанные ярким и образным языком. Вдохновлённый идеями построения нового общества, А.В. Миртов писал: «В новых условиях нашей жизни всякому, не ушедшему целиком в свою скорлупу, придется время от времени быть и оратором» («Умение говорить публично», 1927, 3-е изд.). Оратором Миртов называл всякого человека, кому приходится обращаться с «живым словом – могучим орудием в умелых руках». «Убедить, разъяснить что-л., успокоить, ободрить, призвать – вот обязанности, постоянно налагаемые на нас жизнью. Особенно это относится к лицам, занятым общественной работой: сделать доклад, отчёт, отстаивать свой план, проект и т.д. – это их повседневная работа». Данное понимание оратора как ритора-мастера красноречия в разных видах речи вполне соответствовало объяснениям классических теоретиков риторики.

Последней книгой, которая говорила об ораторском искусстве, была книга Виктора Гофмана «Слово оратора» 1932 г., в которой замечательно утверждалась связь риторики и политики: «Риторические принципы – это переодетые политические принципы, а риторика – мистифицированная политика. Риторика как теория ораторской речи есть как бы суррогат политической теории, руководства политической борьбы».

Начиная с 30-х гг. всякие исследования ораторского искусства оказались фактически под запретом. Внимание филологов переходит в область нормативного учения культуры речи, а развитие теории О. (ораторского искусства) продолжается в основном в русле теории и практики партийной пропаганды, которая идеологически распространяется на все виды словесности. В сущности, советский человек призван был занимать (и, как правило, честно это делал) активную жизненную позицию, уметь выступать, действовать словом, к чему он призывался и многосторонне обучался. Единство идеологии предполагало разнообразие личностных проявлений (декларировалось именно так!), поэтому во многих произведениях искусства пропагандировался образ активно, творчески, импровизационно действующего и говорящего человека (в противовес какому-нибудь бюрократу), способного изобретательно мыслить, предлагать свежие решения и оригинально выражать их в слове. По крайней мере, таков риторический образ положительного героя в большинстве советских кинофильмов.

В 30-е годы О. продолжает присутствовать в речах политических деятелей, руководителей государства. В общественном настроении сложилась парадоксальная ситуация: на заводах и фабриках работники могли выступать с пламенными речами против империализма или «врагов народа», ис-

крenne веря в существование последних. Характерно доверие к «отцу народов» Сталину, сложившееся в результате активных речевых форм новой массовой информации. Именно в это время были созданы массовая пресса и радио, которые могли формировать «единую идею» и вкладывать её в сознание масс. Именно так, формами массовой речевой пропаганды, формировались культ личности и советский образ жизни.

Создание новых фактур речи с появлением новых форм массовой речи (напр., массовых митингов, собраний, пропагандистских компаний) влекло трудности в организации общественной жизни.

В Великую Отечественную войну 1941-45 гг. особенно велика была роль объединяющей идеи спасения Родины – и эта идея, конечно, находила выражение в слове. «Отступить некуда – позади Москва!» – разве это не военно-политическое красноречие? Такие афористические выражения становились общенародно известными. Риторическую работу по поддержанию народного духа вели не только агитаторы и пропагандисты воинских частей, но и газеты, радио, выступления артистов – всё было настроено на то, чтобы словом звать народ на борьбу с захватчиками.

Теоретические исследования ораторского искусства начались только с 60-х гг. XX столетия. Характерно, что именно в хрущёвскую оттепель появляется ряд трудов советских теоретиков Е.А. Адамова, Г.З. Апресяна, Н.И. Ерастова, Я.В. Толмачёва и др. Активная подготовка пропагандистов велась во Всесоюзном обществе «Знание» (см. ежемесячно выходившие брошюры по методике ведения партийной пропаганды, а в начавшуюся перестройку – брошюры серии «Риторика – наука убеждать»).

Виды О. впервые описаны в «Риторике» Аристотеля как «три рода речей»: совещательная, судебная, эпидейктическая. Цель совещательной речи – польза, судебной – истина, эпидейктической – похвала или хула. В совещательной речи необходимо говорить о будущем, в судебной – о прошлом, в эпидейктической – о настоящем, соединяя прошлое с будущим. Эти основные положения будут по-разному интерпретироваться вплоть до настоящего времени.

О. разовьётся в дальнейшем на русской почве в разные виды красноречия с последовательным их увеличением: политическое (гражданское), судебное, торжественное (показательное, эпидейктическое, хвалебное), академическое, церковное, а затем также военное, дипломатическое, социально-бытовое. Видимо, в будущем этот ряд может быть продолжен в соответствии с профессиональными интересами раторов.

В XX в. ораторское искусство не только не прекратило своего существования, но приобрело новые формы. Новые технологии речи диктуют и новые слова в назывании похожих явлений. Если коммунистическая Россия называла ораторские формы агитацией и пропагандой, то посткоммунистическая Россия включает описание ораторских форм речи как в пиар-коммуникации (презентация, выступления на собраниях и проч.), так и в имиджелогии и в иные речеведческие дисциплины (прагматика, психолингвистика). Во всяком случае, налицо стремление уйти от традиционных названий и создавать новые системы ценностей через новые именованья.

В XXI в. ораторское искусство принимает новые формы, связанные с развитием техники речи, электронных СМИ, технологии проведения политических и деловых собраний. Публичная монологическая речь необходима в каждой речевой профессии, и обучение ораторской речи принимает новые формы с опорой на классические традиции. В настоящее время популярными стали различные тренинги с преимущественно практическими задачами выработки навыков и умений современного политика, предпринимателя, журналиста и проч. Потребность в обучении О. велика – необходимо искать новое содержание и формы такого обучения с опорой на всё лучшее, что имеется в риторической классике.

Лит.: **Абрамов Н.** Дар слова. СПб., 1900–1912. Вып. 1–15; **Адамов Е.А.** Мысли об ораторском искусстве. М., 1966; **Аннушкин В.И.** История русской риторики: хрестоматия. М., 2002; **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2006; **Аннушкин В.И.** Риторика. Экспресс-курс. М., 2007; **Аннушкин В.И.** Русская риторика: исторический аспект. М., 2003; **Античные риторики** / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978; **Апресян Г.З.** Ораторское искусство. М., 1972; **Граудина Л.К.** Русская риторика. М., 2001; **Граудина Л.К., Миськевич Г.И.** Теория и практика русского красноречия. М., 1989; **Ерастов Н.И.** Культура публичного выступления: Беседы с начинающим оратором. Ярославль, 1972; **Ломоносов М.В.** Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1951; **Попов М.Н.** Политическое красноречие: Что нужно для оратора. СПб., 1906; **Цицерон Марк Фабий.** Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

ОРАТО́РИЯ. См. ОРАТОРИКА**ОРАТОРОЛОГИ́ЧЕСКАЯ СУБКОМПЕТЕ́НЦИЯ. См. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ**

ОРА́ТОРСКАЯ РЕЧЬ – разновидность устной формы литературного языка, которая находит выражение в различных типах публичных выступлений. В современной практике публичного общения в зависимости от сферы выделяют социально-политическое, академическое, судебное, социально-бытовое, духовное (церковно-богословское) красноречие, поэтому обычно О.р. рассматривается как устная форма реализации известных функциональных стилей: публицистического, научного, официально-делового, разговорно-бытового, религиозного. Результатом дальнейшей дифференциации О.р. на основании более конкретных признаков являются её жанры. Научный стиль представлен такими жанрами О.р., как вузовская лекция, научный доклад, научное сообщение, научно-популярная лекция. Публицистический стиль – такими жанрами, как выступления на социально-политические, политико-экономические, социально-культурные, этико-нравственные темы, отчётные доклады на съездах, собраниях, конференциях, политические, военно-патриотические, митинговые, агитаторские, парламентские речи. Официально-деловой стиль – судебными, дипломатическими речами, речами-представлениями. Разговорный стиль – жанрами приветственной речи; застольной речи (см. Тост); отчасти – надгробной речи, посвящённой ушедшему из жизни (см. Траурная речь) и юбилейной речи, посвящённой знаменательной дате или произнесённой в честь отдельной личности. Религиозный стиль представлен жанром Проповеди (см.). Такова в общих чертах жанрово-стилистическая картина О.р.

Стилистика этих жанров обусловлена их принадлежностью к соответствующему функциональному стилю. Так, напр., жанры, обслуживающие сферу науки, имеющие основной целью доказательство истинности выдвигаемой концепции, сообщение информации, актуализируют черты научного стиля речи, однако наделены и ораторскими приёмами и средствами. Поэтому помимо специфических черт, присущих жанрам О.р. и обусловленных принадлежностью разным сферам общения, жанры О.р. характеризуются рядом общих особенностей. В процессе подготовки и произнесения постоянно возникает внутреннее противоречие между книжной речью, поскольку выступление тщательно готовится, и устным воплощением, на которое влияет разговорная речь. Для создания эффекта непринуждённости в О.р. используются разговорная лексика и фразеология, средства разговорного синтаксиса: вопросительные, присоединительные конструкции, обращения, образные средства и др. Устная форма и слуховое восприятие обуславливают сравнительно небольшой объём и чёткую синтаксическую структуру предложений, деление фразы на интонационные части, достраивание фразы «на ходу», лексические и другие повторы, ассоциативные вставки, прямые обращения к адресату, использование паралингвистических средств (жестов, мимики и др.) [Матвеева 2003: 374–376].

Другая черта, отличающая стилистику О.р., – полемичность. Смысловой план в О.р. организуется как развёртывание сложной мысли, отталкивающееся от противоположного смысла. Если оратору приходится убеждать аудиторию в своей правоте, не называя возможных несогласных слушателей или оппонентов, которые могут быть в данной аудитории или вне её, то говорят об имплицитной (или скрытой, внутренней) полемичности. Эксплицитная полемичность связана с открытой защитой своих взглядов и опровержением оппонентов.

Полемика предполагает а) тщательный анализ исходного фактического материала, статистических данных, научных проблем, мнений различных людей и т.д., б) основанную на этом строгую аргументацию, а также в) эмоциональное воздействие на слушателя, необходимые в процессе убеждения. Ораторы пользуются средствами из богатого полемического арсенала: намёками, иронией, сарказмом, многозначительными умолчаниями, резкими оценочными суждениями, антитезой, сравнениями, ремарками, «картинностью» речи, пословицами, поговорками и другими приёмами. Убедительность полемического выступления во многом зависит от тех аргументов, с помощью которых обосновывается истинность основной идеи, а также от степени использования в качестве доказательства фактов и положений, не требующих обоснования, сделанных ранее обобщений, точных цитат и высказываний [Кохтев 1992а, 1992б].

Все части О.р. переплетены и взаимосвязаны. Связанность О.р. обеспечивается когезией, ретроспекцией и проспекцией, необходимыми в О.р. из-за отсутствия обозримой последовательности элементов, которую можно было бы охватить, как письменный текст, взглядом. Когезия, проспекция и ретроспекция в О.р. помогают аудитории ориентироваться в «маршруте» совместного с нею продвижения, дают возможность слушателю яснее представить себе связь и взаимообусловленность мыслей и идей, изложенных в речи.

Создать и передать атмосферу взаимопонимания между оратором и аудиторией позволяет субъективность речи и её контрастность, которые формируются целым рядом приёмов и языковых средств: использованием местоимений и глагольных форм 1 л. мн.ч., обозначающих совместное действие, вводными конструкциями, содержащими обращения к слушателям (*как вы понимаете, как вы догадываетесь, как видите, как вы знаете, как мы знаем, как вы убедились* и др.). Этикетные речевые формулы, вопросно-ответные единства, побудительные и др. конструкции, напр. с изъяснительными придаточными, имеющими императивную окраску: *ясно, что... известно, что... понятно, что...*, – все эти средства помогают оратору преодолеть дистанцию между собой и слушателями, выйти на своеобразный диалог с ними. Созданию атмосферы диалога способствует также использование Тропов (см.) и фигур речи (см. Стилистическая фигура), т.е. такой образности, которая придаёт речи эмоциональность, обеспечивает лёгкость запоминания содержания, большую доступность изложения.

Лит.: Апресян Г.З. Ораторское искусство. М., 1972; Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Ростов н/Д, 1995; Кохтев Н.Н. Ораторская речь: стиль и композиция. М., 1992а; Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи. М., 1992б; Кохтев Н.Н., Ножин Е.А. Мастерство устного выступления. М., 1989; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Розенталь Д.Э. Искусство публичного выступления. М., 1988; Сопер П.Л. Основы искусства речи. М., 1992.

Л.Р. Дускаева

ОРТОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ (от др.-греч. орθος – ‘правильный’ и λόγος – ‘учение, наука, мысль, изречение’) – нормативные словари, фиксирующие в той или иной форме правильную литературную речь. Содержание О.с. связано с лингвистической Ортологией (см.) – наукой о нормах литературного языка.

О.с. – обобщающее понятие для нормативных словарей и справочников, относящихся к разным аспектам языковой нормы. Поэтому по лингвистическому содержанию они делятся на **орфографические** (словари, отражающие нормы правописания слов), **орфоэпические** (словари, фиксирующие нормы произношения слов), **паронимические** (словари, в которых группируются слова, близкие по фонетическому и графическому виду), грамматические (словари, отражающие словоизменение), **словари сочетаемости слов, комплексные словари** (напр., «Словарь трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой).

Форма подачи языкового материала в конкретной разновидности О.с. во многом зависит от лингвистического содержания отражаемой нормы. Наиболее просты для использования орфографические и орфоэпические словари, отражающие внешний вид и звучание слова. Гораздо сложнее устроены словари грамматической нормы и нормы сочетаемости слов.

В наибольшей степени в обществе востребованы орфографические словари. Для элитарной части носителей русского языка большую ценность представляют орфоэпические словари. О.с. другого типа, как правило, регулярно используются только профессиональными филологами.

По отражаемому в словаре языковому материалу О.с. можно разделить на словари «неправильностей», фиксирующие типичные ошибки, словари «правильностей», отражающие нормативные употребления, и параллельные словари, в которых приводятся соответствующие правильные и неправильные употребления. Новаторским с точки зрения отношения к норме современного РЛЯ стал параллельный словарь-справочник «Грамматическая правильность русской речи» [Граудина, Ицкович, Катлинская 1976], в котором вместо указания на нормативность или ненормативность употребления той или иной грамматической формы приведена её частотность.

Существует большое разнообразие специализированных О.с., имеющих узкую направленность. К таким словарям относится, напр., «Слитно или раздельно» [Букчина, Калакуцкая 1982], «Прописная или строчная» [Розенталь 1984], «Слова с двойными согласными» [Колесников 1990] и др.

О.с. различаются по степени «строгости» отображаемой нормы. Так, «Словарь ударений», предназначенный для дикторов электронных СМИ, вообще не описывает вариантов орфоэпической нормы, в отличие от «Орфоэпического словаря русского языка», ориентированного на широкий круг носителей языка и поэтому отражающего диспозитивную норму (см. Норма языковая).

Наиболее удобны для использования О.с., построенные по алфавитному принципу расположения материала. Однако словари, отражающие грамматическую норму, часто строятся по тематическому принципу, требующему от читателя высокого уровня лингвистической подготовки.

О.с. являются важным средством кодификации русской литературной нормы.

С начала 90-х гг. XX в. и до последнего времени издание О.с. вышло из-под контроля общества, что привело к снижению их кодифицирующей роли (см. Языковая норма). В настоящее время происходит поиск новых путей апробации О.с. Так, Министерство образования и науки РФ в 2009 г. утвердило список из четырёх О.с. издательства «АСТ-ПРЕСС» как «содержащих нормы современного РЛЯ при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». В настоящее время систематическим выпуском О.с. занимаются Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, издательства «АСТ-ПРЕСС», «Астрель», «Флинта» и др.

Лит.: Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 2000; Букчина Б.И., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно?: Опыт словаря-справочника. М., 1982; Граудина Л.К. Типы ортологических словарей современного русского языка // Известия АН. Сер. лит. и языка. 1994. Т. 53. № 4; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976; Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1977; Иванова О.Е., Лопатин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов. М., 2004; Колесников Н.П. Слова с двойными согласными: словарь-справочник. М., 1990; Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? Опыт словаря-справочника. М., 1984; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М., 2009.

И.Е. Ким

ОРТОЛОГИЯ (от др.-греч. орθος – ‘правильный’ и лоγος – ‘учение, наука, мысль, изречение’) – совокупность лингвистических дисциплин, описывающих и формирующих Языковую норму (см.). О. является, с одной стороны, теоретической дисциплиной, с другой – прикладной: как практика закрепления нормы она сближается с юридической и законодательной практикой.

О. описывает и устанавливает норму правописания (орфография и пунктуация), произношения (орфоэпия), словоупотребления, морфемико-словообразовательную, морфологическую и синтаксическую нормы.

О. выделилась из теоретической лингвистики в XIX в., когда лингвистами было осознано различие между системой и нормой языка. За время существования эта дисциплина прошла сложный путь от представления о строгости правил употребления языковых средств и обязательности их соблюдения (прескриптивная норма) до свободы выбора языковых средств для решения конкретных коммуникативных задач в конкретной ситуации общения (диспозитивная норма).

С 90-х гг. XX века теоретическая О. решает проблемы оснований языковой нормы, связанные с изменением социальной и языковой ситуации в России, хотя вопросы о характере языковой нормы и её изменчивости ставились и ранее. Главной причиной переосмысления оснований нормы стала демократизация публичной и массовой коммуникации, массовое проникновение в эти сферы общения носителей просторечия и социальных диалектов, что очевидным образом изменило узус публичного и массового общения, а также широкое распространение интернет-коммуникации, в которой контроль за реализацией нормы со стороны государства и общества ослаблен. Одним из результатов пересмотра оснований языковой нормы стало формирование представления об уместности языкового средства, т.е. его соответствия коммуникативной цели и условиям общения вместо идеи правильности, т.е. соответствия нормативным образцам.

Практическая О. реализуется в создании справочников и словарей, нормативных грамматик, в разработке и применении нормативных помет в толковых словарях, в оформлении законодательной и правовой базы для формирования, изменения и реализации языковой нормы.

Лит.: Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971; **Культурно-речевая ситуация в современной России.** Екатеринбург, 2000; Матвеева Т.В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности // Юрислингвистика-2. Барнаул, 2000; **Федеральный закон Российской Федерации** от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ О государственном языке Российской Федерации // РГ. 7.06.2005; **Хорошая речь:** сб. ст. Саратов, 2001.

И.Е. Ким

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА. Нормативное русское письмо регулируется правилами алфавита, графики и орфографии. **Алфавит** – это набор буквенных знаков. **Графика** – общие правила письма, т.е. относящиеся ко всем словам языка, и притом к любой морфеме: корню, приставке, суффиксу, окончанию. Напр.: «жи-ши пишется с и», а «ча-ща пишется с а». **Орфография** (см.) – это правила употребления букв в отдельных, конкретных словах и формах слов. Напр., в корне слова в безударном положении пишется та же буква, что и под ударением. Или: в наречиях на шипящий пишется ь, кроме *уж, замуж, невтерпёж*. Именно так определил основные понятия русского письма И.А. Бодуэн де Куртене [Бодуэн де Куртене 1912: 41].

Наряду с этим в научной литературе принято и более широкое значение термина «орфография» – такое, при котором понятие «орфография» вмещает в себя понятие «графика». Это выражается в том, что многие канонические работы о русском письме, как правило, содержат термин «орфография», а не «графика», реформы также называются «орфографическими», хотя значительная часть их предложений относится к графике.

В основе русского письма лежит **фонемный принцип**, согласно которому буква обозначает фонему. **Фонема** – это минимальная единица языка, которая служит для различения слов и морфем, ср.: а) *мал – мол – мул*; б) *kozy – косы*: слова различаются фонемами а) <а–о–у>; б) <з–с>. Почему потребовалось понятие фонемы, почему нельзя опираться при создании теории русского письма на звук? Потому что фонема в разных позициях может звучать по-разному. Так, фонема <о> в корне слова *вода* может быть представлена звуками: [ó] – [вóды], [а] – [вада́], [ъ] – кратким звуком, по звучанию промежуточным между [а] и [ы] – [пáвъдьк] (*наводок*). Если обозначать звуки, то эти слова пришлось бы писать так: *вóды, вада, навыдык* (или *навадак*, или *навэдьк* – в зависимости от того, кто что слышит). Но русское письмо, к счастью, устроено по-другому: буквы отражают на письме не звуки, а фонемы. Ряд [ó]//[а]/[ъ] – это фонема <о>. Для обозначения гласного корня на письме выбирается написание *вода*, по сильной позиции гласного: *вóды*. Звуковые разновидности фонемы, которые возникают под воздействием позиции (в данном случае безударной), на письме не отражаются. Это и есть суть фонемного принципа письма.

Другой пример. Фонема <с> в глагольной приставке предстаёт в виде ряда звуков: [с]нос, [с']нёс, [з]бор, [з']делать, [ш]шить, [ж]жить, [ш']чистить. Если передавать звуки, нужно писать: *снос, сьнёс, збор, зьделать, шшить, жжить, шчистить*. Но в соответствии с фонемным принципом из всего ряда выбирается только один звук – тот, который обозначает фонему в сильной, независимой от контекста позиции: в данном случае – перед твердым сонорным: *снос*. Позиционные изменения фонемы <с>: замена мягким звуком перед последующим мягким согласным, звонким перед последующим звонким, совпадение с последующими [ш], [ж] и др. – на письме не отражаются. Фонемный принцип является ведущим в русской графике: ему соответствует около 95% всех буквенных обозначений в тексте [Обзор... 1965: 36].

Фонетический принцип – такой, при котором буква обозначает звук. Его действие ограничено: по фонетическому принципу пишутся буквы з, с на конце приставок: *рассказать, разнести*, но не последовательно, ср.: *бе[ж]жалостно, ра[ш']считать, бе[с]вкусный*.

Традиционный (= условный, исторический) принцип – такой, при котором буква обозначает не фонему и не звук, а является своего рода знаком исторического соглашения пишущих по-русски: *вокзал*, но не *вАГзал*; *заря* (ср. *зори*), *горит* (ср. *гарь*), *растёт* (ср. *рос*), также: *дочь, беречь, цыган, чёрный, его, конечно* и др. вместо фонематических написаний *зоря, гарит, растет, доч, береч, циган, чорный, ево, конешно* и др. В числе традиционных рассматривают обычно и дифференцировочные на-

писания, когда буквы различают то, что различается грамматически: *поджѣг дом* (глагол) – *поджоѣг дома* (существительное). Фонетический и традиционный принципы являются периферийными, им подчиняется незначительная часть употреблений букв. Когда проводится реформирование или упорядочение русской орфографии, предложения учёных относятся именно к фонетическим и традиционным написаниям.

О.н. русского языка не постоянное явление, она меняется вслед за развитием языка. Направление изменений задают, с одной стороны, сами тексты, отражающие орфографические предпочтения пишущих, с другой – сознательная деятельность учёных-кодификаторов. В истории русской орфографии было две крупнейших реформы: Орфографическая реформа XVIII в., когда главным реформатором выступил Петр I, и Орфографическая реформа 1917 г., подготовленная учёными-лингвистами под руководством академика Ф.Ф. Фортунатова.

Лит.: Бодуэн де Куртэнэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. С.-Петербург, 1912; Григорьева Т.М. Три века русской орфографии. М., 2004; Кузьмина С.М. Теория русской орфографии. М., 1984; **Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии.** М., 1965; Панов М.В. И всё-таки она хорошая! М., 1964; **Правила русской орфографии и пунктуации.** Полный академический справочник. М., 2006.

Л.Б. Парубченко

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОШИБКИ. Существование ошибок возможно только на фоне нормы – «совокупности стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом» [Семенюк 1990: 337]. Нормы русского письма содержат правила, которые относятся к 1) алфавиту, 2) графике, 3) орфографии. Ошибки нарушают правила всех трёх составляющих норму русского письма.

1. **Графические ошибки алфавитного типа** нарушают графическое правило закреплённости определённой буквы за определённой фонемой (см. Орфографическая норма). Это происходит, когда: 1) фонема имеет в нормативном письме более чем одно буквенное обозначение: *Щастье – чаСЧа, проЭкты – Ейнштейн, Йолка – проЪезд*; 2) фонема имеет в нормативном письме одно буквенное обозначение, но в звуке, отражаемом пишущим, могут совпадать в других словах другие фонемы – ошибка представляет собой «заимствованное» буквенное обозначение: *сверТчки, порудЧик, красавиТЬСЯ, абзаТц, возЖи*; 3) ошибочное написание нарушает принятые в нормативном письме графические способы обозначения отдельных фонологических признаков – твёрдости: *ушОл, цЫфры*; мягкости: *лЬУбит, речЬка, чЮство*.

2. **Графические ошибки фонологического типа** нарушают фонемное правило, по которому буква обозначает фонему по её звучанию в сильной позиции (*лоб – лба, вода – вóды, солнце – солнышко*) и передают с той или иной степенью точности субъективные акустические или артикуляционные ощущения пишущих: *лоП, вАда, вИсна, хвосЬтик, сонце, лаЕка, чаЕный* (буквой *e* передан звук [э≈] неслоговое на месте фонемы <j>); *октябЬрьский, психиатОр, киосОк* (отражён краткий гласный звук, сопровождающий слоговые согласные); *гУсударственный* (обозначено огубление согласного [г°] в позиции перед слогом с огубленными [с°у]).

3. **Собственно-орфографические ошибки.** Они нарушают орфографическое правило в той его части, в которой оно противоречит фонемному, т.е. восстанавливают «законное» для русского письма фонемное написание. Стихийно-фонемные написания отражают языковое чутьё пишущего: *безнощадный, рОсти* или его фонетический слух: *еВо, акуратно, детЬясли, батальЁн, раЁн, помоШник, чувство*.

4. **Ошибки гиперкоррекции** – это неудача в применении орфографического правила: «Опять ударил ты не в те, не в те колокола!» [Панов 1964: 25]. Ошибки гиперкоррекции субъективны и вследствие этого многообразны: пишущий применяет «не то» правило: *чАпец* – «ча-ща пишется с буквой *a*»; «не к тому» слову: *слоГо* как *большого*, *заЧтонай* как *что*; «не к тому» месту: *иССкуство* и др. Результатом гиперкоррекции являются буквы-фантомы, когда обозначается то, чего нет: отсутствующие фонемы: *сосТны, разДница, учаВствуют*; отсутствующие фонетические признаки: глухость – *сутьба*; звонкость – *свиРеБствуют*; мягкость – *шЮм, наружЬно*; долгота – *драмМа* и др.

5. **Ошибки, отражающие неадекватное грамматическое членение – на слова:** *Ятибя люблю* (2 кл.), *пошёл со Цом на рыбалку, Буря мглою не бокроет*; **на морфемы:** *нОсекомое – носится, ДИмьян – Дима, просвЯщение – святость*; также: *придОвал* как *рис-ова-л*, *опОдать* как *о-по-знать*, *филосоВский* как *отц-ов-ский* и др.

О.о. следует отличать от других видов ошибочных написаний: отражённого на письме неправильного словообразования и формообразования: *лазЯЮт, будуЮщего, пРоздравляю, приЙду*; ненормативного произношения: *в Етом доме, поШта, сУвала, нектрые, уляТели*; от написаний, обусловленных простым незнанием слова: *гИена огненная, гранЦиозный, ходатЕЛьство* и др. Не являются О.о. Описки (см.). В отличие от ошибок, которые имеют опору в языковой системе и свойствах письма, предсказуемы и могут быть объединены в типы, описки не обусловлены системными свойствами языка или письма, они «имеют опору» в психике и вследствие этого случайны, субъективны и разнообразны, среди них могут быть выделены лишь немногочисленные типы, наподобие описок «предвосхищения», «инерции письма» и др.

Множественность графических соответствий одному звуку, различия в произношении, субъективность акустических и артикуляционных ощущений пишущего, «собственная грамматика» – всё это, при отсутствии отождествления звука с фонемой, обуславливает неизбежную вариативность ненормативного письма: *тяжИло – тяжЬло – тяжАло – тяжОло; ПетЬр – ПетАр – ПетОр; джентЕльмен – джентЬльмен; зайцАв – немцОв; птиТСЯ – красиТЬСЯ – немеТСкий – абзаТЦ*, и это одно из главных его отличий от письма нормативного, как правило, безвариантного.

В научной литературе ошибки рассматриваются не как дефект письма, как это обычно бывает в школьной практике, а как полноценный лингвистический материал: ошибки – это свидетельства языковых процессов, происходивших и идущих в языке, важные для анализа языка и его кодификации.

Лит.: Булохов В.Я. Словарь ошибочных написаний школьников. Красноярск, 2000; Панов М.В. И всё-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, её достоинствах и недостатках. М., 1964; Парубченко Л.Б. Ненормативное русское письмо (лингвистический анализ ошибок в употреблении букв). Барнаул, 2003; Пешковский А.М. Навыки чтения, письма и устной речи в школах для малограмотных // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930; Семенов Н.Н. Норма // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Л.Б. Парубченко

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ – словари, представляющие орфографическую норму языка, т.е. правильное написание слов. Существуют следующие разновидности О.с.:

1) **школьные** – адресованы тем, кто обучается правильному написанию слов; они различаются по объёму в зависимости от адресата: для начальных классов или для средней школы;

2) **словари-справочники** для работников печати – включают трудные случаи написания нарицательных и собственных имён; часто включают дополнительный раздел – изложение орфографических правил и сведений, которые необходимы в работе корректора и редактора;

3) **общие** – адресованы всем пишущим и могут быть посвящены отдельным проблемам орфографии: прописные и строчные буквы; одна или две *н*; слитные, дефисные и раздельные написания и др.;

4) **отраслевые** – словари специальной терминологии.

Орфографическая практика XIX века не отличалась единством; её характерной особенностью были неупорядоченность и разноречивость, которые не устранялись грамматиками и словарями, поскольку не было авторитетного орфографического руководства. Устранению разноречивости способствовало издание первого официально утверждённого единого свода правил, который имел статус обязательного для всех пользующихся русским языком и был утверждён Академией наук, Министерством просвещения РСФСР и Министерством высшего образования в марте 1956 г. (Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956). На основе этого свода был создан «Орфографический словарь русского языка» (под ред. С.И. Ожегова и А.Б. Шапиро. М., 1956. 1260 с.) с приложением правил орфографии.

Среди множества О.с., включая электронные, наиболее авторитетным является Русский орфографический словарь: около 180 000 слов (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М.,

1999), который к настоящему времени выдержал 5 изданий. Этот словарь стал результатом многолетней работы коллектива Института русского языка РАН им. В. В. Виноградова. Он является самым полным из всех существующих О.с. русского языка, включает лексику русского языка в том орфографическом облике, который сложился к моменту его издания. Словарь имеет два приложения: «Основные общепринятые графические сокращения» и «Список личных имён». Словарные единицы даны с указанием ударений и необходимой грамматической информации. Он адресован широкому кругу пользователей, включая преподавателей русского языка, сотрудников редакций и издательств, всех изучающих русский язык.

Кроме О.с. общего типа, существуют словари-справочники, посвящённые каким-л. орфографическим сложностям. Словник такого словаря включает только слова, в которых есть конкретная орфографическая проблема. Напр.: Б.З. Букчина «Орфографический словарь: Слитно? Раздельно? Через дефис?» (М., 1999); Д.Э. Розенталь «Прописная или строчная?: Опыт словаря-справочника» (М., 1986). Существуют словари, посвящённые употреблению одной буквы: К.И. Былинский. «Употребление буквы Ё: Справочник» (М., 1945); Е.В. Пчёлков, В.Т. Чумаков. «Два века русской буквы Ё: История и словарь» (М., 2000). Особенное место среди О.с. занимает словарь-справочник «Этимологические тайны русской орфографии: «Современное правописание сквозь призму истории языка: О путешествии корней и слов по разным языкам»» (авт.-сост. Л.А. Глинкина. Оренбург, 2001).

В связи с необходимостью повышения эффективности обучения орфографии возникла проблема создания различных минимумов, в т.ч. орфографического и пунктуационного: А.В. Текучев «Об орфографическом и пунктуационном минимуме для средней школы» (М., 1976).

Лит.: Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. М., 2008; Григорьева Т.М. Русский язык: Орфоэпия. Графика. Орфография (история и современность). М., 2004; **Русский орфографический словарь: около 180 000 слов** / О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова. М., 1999; **Русский язык**. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Соловьёв Н.В. Словарь правильной русской речи. М., 2004.

Т.М. Григорьева

ОРФОГРА́ФИЯ – 1) система правил единообразного написания слов и грамматических форм; 2) раздел языкознания, разрабатывающий систему таких правил.

Это понятие относится к той области языкознания, которая изучает вопросы правильного, нормированного письма, существующего в двух ипостасях: графика и орфография.

Та часть письма, которая определяет, как передаются единицы языка во всех случаях, во всех словах и морфемах, независимо от положения в слове, – это **графика** (от др.-греч. γράφικος – ‘письменный’). Другая часть письма устанавливает правила использования графических средств языка для передачи звучащей речи, принимая во внимание значимые единицы языка (слова, морфемы, грамматические формы) – это **орфография** (от др.-греч. орθογραφία, от орθός – ‘правильный’ и γράφω – ‘пишу’).

Первая задача О. – передать буквами фонемный состав слова. При этом фонема представляется как кратчайшая единица языка, которая служит для 1) различения слов и морфем (выполняет смысловоразличительную функцию) и 2) отождествления слов и морфем (представлена всем рядом чередующихся звуков, различия которых обусловлены фонетической позицией). Помимо этого, О. устанавливает правила слитных и дефисных написаний слов и словосочетаний; правила правописания прописных букв; способы переноса слов со строки на строку; правила графических сокращений.

Современная О., в отличие от О. XVIII–XIX вв., отличается высокой степенью стандартности. Носителям русского языка предписывается соблюдение обязательных норм правописания, закреплённых кодификацией. Однако практическая О. не вмещается абсолютно в кодекс установившихся правил, поскольку они не дают возможности отразить в полном объёме всё многообразие мыслей и впечатлений, и в таком случае письмо может служить средством выражения дополнительных смыслов, использоваться как стилистический приём выразительного оформления текста. Хотя это в большей степени присуще пунктуации, но нельзя не отметить, что и О. включает в себе некоторые возможности выразительных отступлений от нормы.

При наличии орфографической кодификации письменный текст может включать в себя некоторые некодифицированные явления, вольности, которые выполняют определённое семантическое задание. Напр., в частном письме можно написать *моя тѣиша* и этим выразить ироническое отношение к матери своей жены. Можно написать *тыиша* и этим выразить свою иронию или радость (в зависимости от общего контекста) по поводу своих финансовых успехов.

В постсоветский период возникли предпосылки новой орфографической ситуации, непосредственным образом связанные с нормой. Безупречный в орфографическом отношении текст утратил свой обычный престиж, о чём свидетельствуют уже ставшие привычными ошибки в рекламных щитах, вывесках, материалах периодической печати. Даже орфографические словари рекомендуют разные варианты написания одного слова. Так, орфографическая вариантность представлена в словаре «Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения» (под ред. Г.Н. Складневской. Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 1998), который включает 65 словарных статей с орфографическими вариантами, с условными обозначениями 1) новое слово; его первая словарная фиксация и 2) относительно новое слово; словарные фиксации в пределах описываемого периода.

Кроме того, в русском письме постсоветского периода выявлено три новых тенденции, которые стали следствием свободы российского общества и «падением» орфографического режима: **возрождение элементов дореформенной орфографии** (телепередачи «Въди», «Русский мир», «Кинематограф», «Канонь»); название фильма «Империя под ударом» и производителя кофе – «Московская кофейня на паях» и мн. др.); **внедрение в русский текст графико-орфографического иноязычия** (*Jack Pot* – зал игровых автоматов; наряду с русским именем – его транслитерация (изд-во «Планета» – «Planeta»); рядом с русским – иноязычное («Обувь» – «Shoes»; «Currensy exchange» – «Обмен валюты»); иноязычное слово и его транслитерация (журнал «Fit for fun» – «Фит фор фан»; магазины «Лореаль» – «L'oreal», *Second hand* – *Секонд хэнд*); **использование параграфемного компонента текста**, когда буква-пиктограмма становится знаком слова или всего рекламного текста.

Все эти явления не включены в современную кодификацию, что говорит о необходимости определения их статуса в современной О.

Лит.: Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. М., 2007; Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; Иванова В.Ф. Русская орфография. М., 1998; Кузьмина С.М. Орфографическая комиссия 90-х годов и новая редакция свода правил русского правописания // Язык: изменчивость и постоянство: сб. ст. к 70-летию Л.Л. Касаткина. М., 1998; Кузьмина С.М. Об умягчении нравов русской орфографии (проблемы вариативности написаний) // Жизнь языка. М., 2001; Панов М.В. И всё-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, её достоинствах и недостатках. М., 1964; Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956; Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2007; Русский язык и культура речи: учебник / под ред. В.И. Максимова. М., 2000; Русский язык и культура речи: учебник / под ред. В.Д. Черняк. М., 2002; Сидорова М.Ю., Савельев В.С. Русский язык и культура речи: учебник. М., 2008; Текучев А.В. Об орфографическом и пунктуационном минимуме. М., 1976.

Т.М. Григорьева

ОРФОЭПИЧЕСКАЯ НОРМА – это норма правильного (литературного) произношения, которое является важной составляющей речевой культуры человека. Придавая приоритетное значение именно произношению, князь С.М. Волконский в статье «О русском языке» (Современные записки. Париж, 1923. Т. XV. С. 247) писал: «Произношение – культурный барометр, и ясность и точность его – первая культурная ступень».

Вопросами правильного произношения занимается **орфоэпия** (от др.-греч. *орθος* – ‘правильный’ и *ѐλος* – ‘речь’). Этот термин имеет два значения: 1) совокупность произносительных норм РЛЯ, которая обеспечивает единообразие его звукового оформления; 2) раздел языкознания, занимающийся изучением произносительных норм, выявлением тенденций их развития и созданием произносительных рекомендаций. Объём понятия «орфоэпия» в настоящее время не является абсолютно установившимся. Орфоэпия в узком понимании – это совокупность норм произношения в собственном смысле слова, т.е. норм, связанных со звуковым оформлением речевого потока. Орфо-

эпия в широком смысле предполагает изучение не только утвердившихся в языке норм произношения, но и норм ударения (акцентологических норм), интонации и правил образования некоторых грамматических форм (*колыхается/колышется; свечей/свеч* и др.). Кроме того, орфоэпия изучает варьирование нормы, возникающее в процессе жизни языка как результат взаимодействия интра- и экстралингвистических факторов, т.е. внутренних закономерностей и внешних условий бытования языка.

О.н. современного РЛЯ сформировалась в своём окончательном виде во II половине XIX столетия на основе московского говора, хотя истоками своими восходит к более раннему периоду. Процесс её формирования занял несколько столетий.

Сформировавшаяся в московской речи О.н. была закреплена сценой Малого театра, который считался непререкаемым речевым авторитетом. В течение нескольких десятилетий сцена служила образцом звучащей речи, сценическое произношение считалось эталоном. Причём старомосковская произносительная норма была обязательна для всех театров России.

В первые годы советского периода старомосковская О.н. оказалась под угрозой разрушения. Орфоэпическая ситуация была поставлена в зависимость от многих экстралингвистических обстоятельств: круг носителей О.н. значительно уменьшился (многие носители литературного произношения покинули Россию, а выходцы из диалектной и просторечной среды усваивали литературную О.н. на основе письменного облика слова, через книгу, и это 1) усилило диалектное и просторечное влияние на речь городской интеллигенции и 2) приблизило произношение к письму на основе орфографических ассоциаций). Установлению единообразия в произношении способствовало создание в 50-х гг. орфоэпических словарей и справочников (см. Орфоэпические словари).

Важным этапом кодификации русского произношения стал изданный в 1983 г. академический «Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы» под ред. Р.И. Аванесова, который к настоящему времени выдержал 8 изданий.

Основные требования О.н. сводятся к следующему:

1) редукция безударных гласных [а], [о], [э] (за исключением абсолютного начала слова): [*во-ды – влда – вьдлвос – павьдък*]; [*п'ат' – п'и'т'и – п'ьтлч'ок – на-п'ьт'*]; [*ч'ас – ч'и'сы, ч'ьслвой*]; [*шэс'т' – шы'с'т'и – шьс'т'и'р'онкь – на-шьс'т'*]; [*абр'икос*], [*аткрыват'*] (=открывать); правило редукции не распространяется на недостаточно обрусевшие отдельные слова иноязычного происхождения: *форпост* и под., однако обрусевшие слова следует произносить в соответствии с законами редукции: *аристократ, аромат, бокал, декорация, комиссия, концерт, контраст, корсет, костюм, конституция, кошмар, момент, мотив, портрет, программа, профессор, революция, навильон, параллель, саквояж* и т.п.;

2) слова *коли, хоть, да* (в знач. *и*) произносятся без ударения с редуцированным гласным;

3) начальная буква *и* в словах, которые следуют за согласным предшествующего слова или предлога, обозначает звук [ы]: *и[з-ы]збы* (=из избы), *сне[к-ы]дет* (=снег идет); после мягкого согласного или после гласного звук [и] сохраняется: *до[ч'и]дёт* (=дочь идёт), *вре[м'ь-и]дет* (= время идёт);

4) согласные [ж], [ш], [ц] всегда произносятся твердо (см. п. 8);

5) перед [э] все согласные (кроме [ж], [ш], [ц]) произносятся всегда мягко; твёрдое произношение возможно лишь в некоторых словах иноязычного происхождения: *нас[тэ]ль, [тэ]мп* и др.;

6) звук [г] всегда взрывной, исключение: [г] фрикативное в словах [*г*]осподи, Бо[*г*]а, а[*г*]а, бу[*г*]алтер;

7) в конце слова и перед глухими согласными произносятся глухие согласные звуки: *хле[п], про[пк]а, ро[ф], ло[тк]а* и под.;

8) буква *щ* и буквосочетание *сч* обозначает звук [ш] с признаком долготы – [ш:']: [*ш: 'и*] (=щи), [*ш: 'а*]стье (=счастье) и др.;

9) в словах *что* и *чтобы* произносится [шт];

10) в глаголах на *-тся, -ться* произносится [ц:]: *боя[ц:]а, бои[ц:]а*;

11) один из звуков (обычно срединный) при сочетании трёх согласных чаще всего не произносится: *по[з'н'ий]* (=поздний), *по[сн'ий]* (=постный) и др.

Лит.: Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984; Григорьева Т.М. Русский язык: Орфоэпия. Графика. Орфография (история и современность). М., 2004; Касаткин Л.Л. Орфоэпия // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – ошибки, связанные с нарушением норм литературного произношения и обусловленные воздействием, во-первых, диалектов, жаргонов, просторечия; во-вторых, письма (так называемого побуквенного произношения).

Различают Акцентные ошибки (см.) и собственно произносительные ошибки. Среди последних выделяются:

1) ошибки в произношении гласных:

а) произношение в безударных слогах на месте буквы *о* гласного [о] вместо редуцированного звука [а]: *вода* – *в[о]да*, *собака* – *с[о]бака*, *голова* – *г[о]л[о]ва* при норме: *в[а]да*, *с[а]бака*, *г[ъ]л[а]ва*;

б) произношение на месте букв *е, я* в первом предударном слоге звука [э] вместо [и³] (среднего между [и] и [э], но ближе к [и]): *погляди* – *пог[л'э]ди*, *пятак* – *[п'э]так*, *привязал* – *при[в'э]зал*, *несу* – *[н'э]су* при норме *пог[л'и³]ди*, *[п'и³]так*, *при[в'и³]зут*, *[н'и³]су*;

в) произношение на месте сочетаний букв *-ао* и *-оо* в предударных слогах (кроме первого) краткого [ъ]: *на одного* – *[нъ]дного*, *на операциях* – *[нъ]перациях* при норме: *н[аа]дного*; *н[аа]перациях*;

г) утрата гласного, находящегося между одинаковыми согласными: *папиросы* – *[пп]иросы*, *попадать* – *[пп]адать*, *благоговеть* – *бла[гг]оветь* и др.;

2) ошибки в произношении согласных:

а) произношение фрикативного «г» [γ]: *гора* – *[γ]ора*, *город* – *[γ]ород*; *год* – *[γ]од* при норме *[г]ора*, *[г]ород*, *[г]од*;

б) произношение фрикативного «г» [γ] вместо [к] на конце слова и в середине слова перед глухими согласными (кроме слова *бог*, где литературное произношение допускает [γ]): *пирог* – *пиро[γ]*, *друг* – *дру[γ]*; *остригся* – *остри[γ]ся*, *доктор* – *до[γ]тор* при норме *пиро[к]*, *дру[к]*; *остри[к]ся*, *до[к]тор*;

в) произношение [ў] вместо [ф]: *здоров* – *здоро[ў]*, *травка* – *тра[ў]ка*, *все* – *[ў]се*, *всего* – *[ў]сего*;

г) произношение сочетаний [дн], [дл], [тл] отдельно с двумя размыканиями, между которыми слышится слабый гласный элемент типа [ъ]: *дни* – *[дън]и*, *длинный* – *[дъл]инный*, *тлеет* – *[тъл]еет*;

д) произношение [чн] в словах *конечно* – *коне[чн]о*, *скучно* – *ску[чн]о*, *яичница* – *яи[чн]ица*, *пустячные* – *пустя[чн]ые*, *прачечная* – *праче[чн]ая* при норме: *коне[ш]но*, *ску[ш]но*, *яи[ш]ница*, *пустя[ш]ные*, *праче[ш]ная*;

е) буквенное произношение сочетаний с непроизносимыми согласными: *чувство* – *чу[вств]о*, *солнце* – *со[лнц]е* при норме *ч[ус]тво*, *с[он]це*;

3) ошибки в произношении отдельных грамматических форм:

а) произношение в именительном падеже мн. числа у существительных м. и ср. рода в безударных позициях на месте буквы *я* звуков [и] вместо [иь]: *крылья* – *кры[л'иу]*; *перья* – *пе[р'иу]*; *колося* – *коло[с'иу]*;

б) произношение у существительных им. п. мн. ч. с безударным окончанием [а] гласного [ы]: *ворота* – *ворот[ы]*, *окна* – *окн[ы]*;

в) произношение на месте буквы *г* в окончаниях род. пад. ед. числа м. и ср. рода *-ого, -его* звука [г] вместо [в]: *старого* – *старо[г]о*, *богатого* – *богато[г]о*, *синего* – *сине[г]о*;

г) произношение [с'а] на месте постфикса *-сь* после гласных: *взялась* – *взяла[с'а]*, *неслась* – *несла[с'а]*, *бралась* – *брала[с'а]*;

4) ошибки, связанные с произношением слов иноязычного происхождения:

а) произношение безударного [о] в словах, полностью освоенных русским языком: *бокал* – *б[о]кал*, *вокзал* – *в[о]кзал*, *аромат* – *ар[о]мат* при норме *б[а]кал*, *в[а]кзал*, *ар[а]мат*;

б) произношение твёрдого согласного перед [э] в словах, полностью освоенных русским языком: *тема* – *[тэ]ма*, *термин* – *[тэ]рмин*, *музей* – *му[зэ]й* при норме *[т'э]ма*, *[т'э]рмин*, *му[з'э]й*;

в) произношение мягких согласных перед [э] в таких словах, как *бизнес* – *биз[н'э]с*, *адепт* – *а[д'э]пт* при норме *биз[нэ]с*, *[сэ]рвис*, *а[дэ]пт*.

Лит.: Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1972. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1981. Розенталь Д.Э. Культура речи. М., 1960; Соловьёв Н.В. Словарь правильной русской речи. М., 2004.

А.А. Кузнецова

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ – это словари, отражающие нормы литературного произношения. В 1951 г. вышел справочник «В помощь диктору», составленный Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарвой. Первый наиболее полный опыт описания норм (кодификация) русского литературного произношения воплощён в словаре-справочнике «Русское литературное ударение и произношение» под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова (М., 1955), где в основном отражены нормы устной речи, не имеющие достаточного отражения на письме. В созданном на его основе словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова (М., 1959) увеличилось количество единиц, которые реализуются и в устной, и в письменной речи. Следующим важным этапом кодификации русского произношения стал изданный в 1983 г. под ред. Р.И. Аванесова академический «Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы» С.Н. Боруновой, В.Л. Воронцовой, Н.А. Еськовой, который к настоящему времени выдержал 8 изданий. Сейчас в распоряжении носителей русского языка и всех, к нему приобщающихся, имеются и другие О.с.

Лит.: Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. Ок. 63500 слов; / под ред. Аванесова Р.И.; АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1983 (1985–2000); Горбачевич К.С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. 12000 слов. СПб., 2000; Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1996; Педчак Е.П. Орфоэпический словарь. Ростов н/Д, 2001; Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. М., 2008; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999; Тихонов А.Н., Тихонова Е.Н., Тихонов С.А. Словарь-справочник по русскому языку: правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов. Ок. 26000 слов. М., 1995.

Т.М. Григорьева

ОРФОЭПИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ – допустимая в пределах современной орфоэпической системы вариантность звуковой реализации одних и тех же фонем в одних и тех же условиях произношения (*чтобы – штобы, твёрдый – т'вёрдый, дожди – дож'ж'и* и др.).

В зависимости от условий возникновения О.в. и от особенностей их использования в речи можно выделить исторически сложившиеся варианты орфоэпической системы в целом (старомосковское и старопетербургское произношение), стилистические О.в., социальные, профессиональные и территориальные О.в. Появление О.в. в пределах орфоэпической системы обусловлено также её высокой мобильностью. Если заметные изменения в своде орфоэпических и пунктуационных правил происходят не чаще двух раз в столетие, то смена отдельных Орфоэпических норм (см.) происходит почти параллельно со сменой поколений, т.е. через 10–20 лет. Поэтому в орфоэпии существует разграничение «старших», более традиционных, и «младших», более современных произносительных норм.

Социальные, профессиональные и территориальные О.в. находятся на периферии системы орфоэпических норм, поскольку их употребление ограничено либо определёнными социальными и профессиональными группами, либо отдельными территориями.

Стилистические О.в. тесно связаны со стилями литературного произношения. Стили произношения (см.) можно определить как исторически сложившиеся функциональные разновидности системы современного русского языка, обслуживающие разные социальные сферы общения и имеющие свои отличительные черты в предпочтительном употреблении тех или иных О.в.

В условиях публичного, официального или делового общения реализуется **полный стиль литературного произношения**. Для него характерно обязательное соблюдение всех основных совре-

менных орфоэпических норм, и поэтому главными отличительными признаками полного стиля являются обязательное «аканье» после твердых согласных (*с[А]да, д[А]ма*), «иканье» после мягких согласных (*з[И^е]мля, цв[И^е]ты*), оглушение звонких согласных перед глухими в середине слова (*труба – тру[п]ка*), оглушение звонких согласных в абсолютном конце слова, чёткая артикуляция всех звуков, спокойное интонационное оформление. **Высокий стиль** произношения – стилистическая разновидность литературного произношения, которая реализуется в основном в торжественных ситуациях, а также при публичном чтении поэтических и экспрессивно окрашенных текстов. Основными отличительными признаками этого стиля являются «ёканье» после мягких согласных (*з[Е^и]мля, цв[Е^и]ты*), четкая артикуляция звуков, тенденция к соблюдению традиционных орфоэпических норм, замедленный темп речи и эмоционально окрашенное интонационное оформление.

В условиях обиходно-бытового или неофициального общения используется, как правило, **низкий (разговорный) стиль литературного произношения**. Для этого стиля характерны такие черты, как ярко выраженное «аканье» после твёрдых согласных, «иканье» после мягких согласных, сильная редукция безударных гласных, нередко доходящая до полного выпадения звука, упрощение групп согласных в середине слова, отсутствие пауз между фразами и их частями, большая вариативность темпа речи, резкая смена интонационного и ритмического оформления речи. За пределами литературных О.в. остаются и должны оставаться просторечные и диалектные произношения, которые обычно не мешают устному общению, но могут оцениваться говорящими как сигналы невысокой речевой культуры собеседников.

О.в. не следует смешивать с орфоэпическими ошибками, поскольку ошибка не перестаёт быть ошибкой, даже если она широко распространена в речи. К таким ошибкам прежде всего можно отнести замену взрывного согласного «г» на фрикативный «г», сохранение гласного «о» в безударном положении, неоправданное смягчение согласных в новых заимствованиях (компьютер, бизнесмен и под.).

Хорошая устная литературная речь должна отличаться орфоэпической грамотностью, и поэтому в ней (с учётом стилистических особенностей) необходимо сохранять более традиционные О.в., с осторожностью использовать новые и практически ограничивать использование профессиональных и территориальных произносительных вариантов.

Лит.: Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984; Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. М., 1993; Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей литературного произношения. М., 1997; Панов М.В. О стилях произношения // Развитие современного русского языка. М., 1993; Орфоэпический словарь русского языка. М., 1997.

Н.И. Кузнецова

ОРФОЭПИЯ. См. ОРФОЭПИЧЕСКАЯ НОРМА

ОСТРАННЕНИЕ (ОСТРАНЕНИЕ) – феномен художественной речи, который может быть истолкован по-разному. 1. Приём художественного изображения предметного мира, служащий преодолению автоматизма восприятия знакомых вещей и явлений, представляемых как незнакомые и впервые увиденные. С точки зрения теории риторического приёма О., в таком понимании, может быть истолковано как стилистически мотивированное отклонение от нормативного (среднестатистического) восприятия и нейтрального описания той или иной реалии. О. в таком случае достигается отклонением от обычного, бытового предметного описания за счёт изменения ракурса изображения, чередования или совмещения различных точек зрения, замены прямого наименования предмета его косвенным описанием и т.д. Напр.: [О быке] *Осенних листьев ссохлось вещество / И землю всю устлало. В отдалении / На четырёх ногах большое существо / Идёт, мыча, в туманное селение...* (Н. Заболоцкий); [Изображение детского восприятия] *Наверху, на чердаке, посвистывало, подвывало протяжно. Вот – затянуло басом; «ууууууууу», – тянет, хмурится, надув губы. Потом завитком перешло на тонкий, жалобный голос и засвистело в одну ноздрю, мучится до того уже тонко, как ниточка. И снова спустилось в бас и надуло губы* (А. Толстой).

В.Б. Шкловский, введший в терминологический оборот понятие О. и полагавший, что О. позволяет «дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание» [Шкловский 1925: 12], приводит пример нарочито простодушно-примитивного описания оперы в «Войне и мире» Л.Н. Толстого: *На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картины, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках... В середине сцены сидели девицы... Все они пели что-то. Когда они кончили свою песнь, девица в белом подошла к будочке суфлера и к ней подошёл мужчина в шелковых в обтяжках панталонах на толстых ногах, с пером и стал петь и разводить руками <...>*.

На приёме О. в таком его понимании может быть построен целый небольшой текст, как, напр., трагическое стихотворение А. Блока «Из газет», «где всё описывается с точки зрения безмятежных маленьких детей, ничего не знающих о самоубийстве их матери» [Квятковский 1966: 188].

2. Более широкое понимание О. предполагает возможность разного рода девиаций в предмете художественного изображения, в т.ч. изменение пропорций и масштабов, внешнего облика и внутренней структуры, перемещения объекта описания из сферы неживой природы в сферу живой и наоборот и другие манипуляции. В таком случае говорят о «переносе изображаемого объекта в иной план реальности», о том, что «принципы остранный конструирования художественного предмета предполагают изменение законов эмпирического мира», и в качестве примеров О. приводят такие стилистические приёмы, как Гипербола (см.), Персонификация (см.), Диатеза (см.) и др. Такое понимание О. допускает деформацию реальности до степени фантазма: образ «головы», живущей без тела в поэме «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина; образ Носа в повести «Нос» Н.В. Гоголя (см. [Новикова 1999: 42; Новикова 2005: 10–15]), и в значительной степени совпадает с понятием Риторического приёма виртуального отклонения от онтологической нормы (см.).

3. Д.Д. Ивлев отмечает, что О. толковалось «как всеобщий и универсальный закон иск-ва, обнаруживающийся на всех уровнях художественной структуры, как-то: «переживаемость звуков» (Л.П. Якубинский), «ощутимость» языка футуристов (Р.О. Якобсон, Г.О. Винокур), осложнённая поэтической семантики (Ю.Н. Тынянов), «заторможенность» сюжетобразующих компонентов (Шкловский), «странность худож. описания» (Шкловский) <...>» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 262]. Обобщение и интерпретация суждений В.Б. Шкловского об О., содержащихся в его работах [Шкловский 1914, 1919, 1928, 1929, 1970], дали основание М.Л. Новиковой сказать, что «остраннение, провозглашённое русской формальной школой всеобщим и универсальным законом словесного искусства, к сожалению, осталось как конструктивный приём только в границах литературоведения, а в стилистике художественной речи не распространялось на тропы и фигуры, которые, тем не менее, представляют собой остранный, отрешённый, по Г.Г. Шпету, видение предмета. <...> Значение и роль остранный ещё недостаточно осознанны, особенно лингвистами. Оно является основой образной системы в эстетике слова, как самое широкое истолкование языковой образности» [Новикова 2005: 8].

Такое понимание О., по сути дела, совпадает с понятием отклонения (см. Отклонение от нормы), обоснованным группой μ (см. [Общая риторика 1986]) и служащим основным принципом продуцирования приёмов речевой выразительности, или Риторических приёмов (см.).

О. в любом его понимании является средством преодоления стереотипов обыденной речи и достижения эстетических эффектов. Кроме того, по мнению Н.Д. Арутюновой, «именно с остранный связаны многочисленные языковые эксперименты, проливающие свет не только на устройство языка и регулирующие его употребление правила, но и на некоторые стороны мира и общества» [Арутюнова 1988: 302].

Лит.: Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988; **Введение в литературоведение.** Литературное произведение: основные понятия и термины: учеб. пособие. М., 1999; **Гинзбург К.** Остранение. Предыстория одного литературного приёма / пер. с итал. // НЛО. 2006. № 80; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Краткая литературная энциклопедия.** Т.5. М., 1968; **Литературный энциклопедический словарь.** М., 1987; **Новикова М.Л.** Остранение как языковая структура текстового поля // Филологические науки. 1999. № 6; **Новикова М.Л.** Художественный предмет в аспекте остранный // Филологические науки. 2005. № 5; **Новикова М.Л.** Остранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста: КД. М., 2006; **Общая риторика:** пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; **Проективный философский словарь:** новые термины и понятия. СПб., 2003; **Руднев В.П.**

Словарь культуры XX века. М., 1997; **Шафрин Б.** Поэтика странного в русском модернизме: от Хармса к Хлебникову // Художественный текст как динамическая система: мат-лы междунар. науч. конф. М., 2006; **Шкловский В.Б.** Воскрешение слова. СПб., 1914; **Шкловский В.Б.** Искусство как приём // Школовский В.Б. Поэтика. Пг., 1919; **Шкловский В.Б.** Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М., 1928; **Шкловский В.Б.** О теории прозы. М., 1929; **Шкловский В.Б.** «За» и «против». Заметки о Достоевском. М., 1957; **Шкловский В.Б.** Тетива или о несходстве сходного. М., 1970; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ОТЗЫВ.СМ. РЕЦЕНЗИЯ

ОТКА́З, или **НЕСОГЛА́СИЕ**, – 1. Наименование ситуации общения, когда а) даётся отрицательный ответ на побуждение что-л. сделать, а также б) выражается разногласие с мнением собеседника; 2. Стереотипные выражения, с помощью которых осуществляется О., Н.

О. относится к неблагоприятным для адресата речевым действиям, поэтому этикетная составляющая речевого поведения здесь велика: выражения сожаления, извинения, ссылки на объективные трудности в выполнении просьбы и т.д., т.е. смягчение негативного впечатления от О.

О., Н. являются второй репликой диалога, так что выбор уместного выражения диктуется не только социальными признаками и ролями собеседников, но и характером первой реплики, напр.: – *Сходи за хлебом!* – *Мне некогда, извини;* – *Могу ли я пригласить вас в театр?* – *К сожалению, я вынуждена отказаться, я бы с радостью, но...*

Основные выражения **О.**: *Нет, я не могу; Никак не могу; Нет, никак не могу (это сделать); К сожалению, никак не могу; Мне очень жаль, но я никак не смогу (это сделать).*

Отсрочка выполнению просьбы и т.д.: *Не сейчас; Не сегодня; Не в ближайшее время; К сожалению, сейчас нет времени (очень занят(а), мне некогда и т.д.).*

Вежливость О. демонстрируется ссылкой на объективную невозможность при субъективном желании выполнить просьбу и т.д.: *Я бы с удовольствием, но никак не могу; Я бы с радостью, но вынужден отказаться; Я бы рад (-а) вам помочь, но (в ближайшее время слишком занят); Мне очень жаль, но я должен (-жна) отказаться(ся); К сожалению, не имею возможности (вам помочь); Очень сожалению, но вынужден (-на) отказаться(ся); Мне хотелось бы ответить согласием, но...; Я хотел (-а) бы это сделать, но не могу и др.*

Выражения бессилия оказать помощь: *Я не в силах (вам (тебе) помочь); Я бессилён (-льна); Не в моих силах (это сделать); Это выше моих сил.*

По отношению к вышестоящему, «чужому», в официальном общении на «Вы» прямой перформатив пригоден лишь для категорического О. на грани речевого конфликта: *Я отказываюсь (это сделать).*

Основные выражения **Н.** с мнением собеседника: *Вы (ты) неправы (-ав, -ава); Это, конечно (безусловно, несомненно, бесспорно и т.д.) не так; Я не согласен (-сна) с вами (тобой); Я не согласен (-сна) с вашим (твоим) мнением (оценкой, доводами и т.д.); Я не разделяю вашего мнения (позиции и т.д.); С вами (тобой) невозможно (нельзя) согласиться; Я возражаю (против этого, против такого мнения и т.д.); Позволю себе не согласиться с вами (возразить вам); Должен (-жна) возразить вам; Не могу не возразить вам.*

Смягчение Н.: *Может быть (возможно), я ошибаюсь, но...; Мне кажется, что (вы неправы и т.д.); Может быть (возможно), я не прав (-ва), но...; Хотелось бы согласиться с вами, но... и др.*

Большинство приведённых выражений носят стилистически повышенный характер и уместны в официальной обстановке общения.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001; Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982, 1987; **Формановская Н.И.** Употребление русского ре-

чевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ЯЗЫКОВОЙ/РЕЧЕВОЙ НОРМЫ – прагматически мотивированное или не мотивированное отступление от нормы языка/речи. Результатом прагматически мотивированного (намеренного и стилистически оправданного) отклонения является Риторический приём (см.); результатом же прагматически не мотивированного отклонения является Речевая ошибка (см.).

Лит.: **Антонов В.П.** Отклонение // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень. Вып. 1. Абакан, 2003; **Копнина Г.А.** Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М., 2009; **Мурзин Л.Н.** Норма, речевой приём и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приёмы и ошибки. Типология, деривация, функционирование: сб. науч. тр. М., 1989; **Общая риторика:** пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эдлин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986.

А.П. Сковородников

ОТЧЁТ — это административно-организационный документ, содержащий сведения о результатах деятельности за определённый период времени, о подготовке и проведении работ, об итогах выполнения планов, заданий, поручений, командировок и других мероприятий, представляемый руководителю структурного подразделения, организации или вышестоящему органу.

Виды О. по тематическому содержанию: научные, рекомендационные, годовые, аудиторские, рабочие, о поездках, о расследовании, бюджетные, полицейские, демографические, кредитные, оценочные, проверочные, военные и т.д.

В О. даётся описание выполненной работы и заключение, в котором анализируются её итоги и излагаются выводы и предложения. Если О. содержит описание результатов работы, которая ранее планировалась, последовательность изложения в О. должна соответствовать последовательности расположения заданий в плановом документе [Кирсанова, Аксёнов 1998].

Отчётность внутри учреждения, в отличие от государственной и ведомственной отчётности, составляющейся на основе унифицированных форм и в соответствии с утверждёнными нормативными актами, оформляется в относительно произвольной форме на общем бланке или стандартном листе бумаги.

Основные реквизиты (элементы) О.: 1) наименование организации; 2) наименование структурного подразделения; 3) наименование документа (О.); 4) дата (датой О. является дата его утверждения или вынесения резолюции); 5) номер документа; 6) место составления (город); 7) заголовок к тексту, в котором указывается наименование органа или должностного лица, о результатах деятельности которых сообщается в документе (напр., *о работе лаборатории... за период с сентября по декабрь 2011 г.*); 8) текст О.; 9) подпись (О. о работе структурного подразделения подписывает руководитель подразделения, ответственный за подготовку О., утверждается руководителем организации или вышестоящим органом; О. о работе сотрудника организации подписывает сам составитель этого документа); 10) гриф утверждения.

Текст О. может быть оформлен в табличной форме. Чаще в такой форме оформляют квартальные, полугодовые, годовые О., отражающие выполнение плана и внеплановых работ. Как правило, они составляются по приказу руководителя организации, предприятия, учреждения в установленный вышестоящим органом срок [Андреева 1997].

В О. сотрудника о проделанной работе возможно иное расположение реквизитов: 1) наименование документа; 2) заголовок; 3) текст, в котором может быть отметка о наличии приложений к О.; 4) дата составления; 5) подпись составителя.

К О. может прилагаться пояснительная записка и другие справочные материалы [Кудряев 1998].

Лит.: Андреева В.И. Делопроизводство. Требования к документообороту фирмы (на основе ГОСТов РФ). М., 1997; *Кирсанова М.В., Аксёнов Ю.М.* Курс делопроизводства. Документационное обеспечение управления. Новосибирск, 1998; *Кудряев В.А., Корнеев И.К.* Организация работы с документами: учебник. М., 1998; *Стенюков М.В.* Документы. Делопроизводство. М., 1997.

Е.С. Архипова

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ – один из функциональных стилей кодифицированного литературного языка. Используется в сфере деловых и официальных отношений между людьми и учреждениями, в области права, законотворчества и законодательства. Характерные черты: безличность и сухость изложения (*выносится на обсуждение, а не мы выносим на обсуждение; отмечаются случаи невыполнения договора* и т.п.), высокая степень стандартности выражений, отражающая определённый порядок и регламентированность деловых отношений, стремление к точности формулировок, которая исключала бы неоднозначность понимания сказанного. Используется преимущественно книжная и стилистически нейтральная лексика. Большую роль играют устойчивые, клишированные обороты: *в настоящее время, вменить в обязанность, ввиду отсутствия, принять меры, за неимением, по истечении срока* и т.п. Яркой приметой официально-делового стиля являются сочетания с отглагольными существительными: *установление контроля, устранение недостатков, осуществление программы, проверка исполнения, неоказание помощи* и т.п.

Число речевых жанров, принадлежащих О.-д.с., весьма велико: закон, указ, резолюция, коммюнике, дипломатическая нота, договор, инструкция, объявление, рапорт, объяснительная записка, жалоба, заявление, различные виды судебно-следственной документации: протокол, обвинительное заключение, акт экспертизы, приговор и др.

Образцы О.-д.с.:

1. *Каждому гарантируется свобода мысли и слова. Не допускаются пропаганда и агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного и языкового превосходства. Никто не может быть принужден к выражению мнений и убеждений или отказу от них. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом* (из статьи 29 Конституции Российской Федерации).

2. *Ввиду отсутствия на складе требуемой аппаратуры дирекция в настоящее время не имеет возможности удовлетворить заявку вашего предприятия* (из деловой переписки учреждений).

3. *Прошу предоставить мне отпуск на три дня без сохранения содержания* (из заявления).

Лит.: Винокур Г.О. Культура речи. М., 2006; *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; *Крылова О.А.* Основы функциональной стилистики русского языка. М., 1979; *Логина К.А.* Деловая речь и её стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка / под ред. Т.Г. Винокур и Д.Н. Шмелёва. М., 1968; *Рахманин Л.В.* Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1988; *Шмелёв Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Л.П. Крысин

ОЦЕНКА в лингвистике – это универсальная языковая категория, выражающая положительное или отрицательное отношение говорящего к объекту действительности. Понятие О. связано с философским понятием ценности как моментом значимости какого-л. явления, события, процесса для жизнедеятельности субъекта. О. является определяющим фактором, способствующим реализации важнейших функций языка: апеллятивной (функции языкового воздействия) и экспрессивной (эмотивной). Оценочный компонент значения можно рассматривать как часть коннотативной семантики слова, дополняющий его денотативную семантику.

Впервые О. как языковую стилистическую категорию стал изучать Ш. Балли, который писал, что «наша мысль <... > постоянно и непреднамеренно добавляет к малейшему восприятию элемент оценки» [Балли 2001: 183]. Категория О. изучалась в логическом (Н.Д. Арутюнова, А. Вежицка, А.А. Ивин), функционально-семантическом (Е.М. Вольф, Н.С. Ковалёв), субъективно-модальном

(Н.Ю. Шведова), коннотативном (Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Л.А. Новиков), грамматическом (Г.А. Золотова, А.Н. Шрамм) и др. аспектах.

О. является одним из типов прагматического значения, приобретаемого словом или высказыванием в ситуации речи в результате отражения коммуникативных намерений говорящего. Выражая отношение говорящего к предмету речи, О. представляет собой особый тип Модальности (см.), постоянно присутствующий в языковом сознании говорящего.

Компонентами акта О. являются субъект, приписывающий ценность или антиценность предмету, явлению, событию, а также объект, которому приписываются ценности/антиценности. На основании различия субъективной и объективной О. различают общеоценочную (*хороший, плохой, чудесный, отвратительный* и др.) и частнооценочную или коннотативную модальность, дифференцируемые по критерию преобладания объективного или субъективного фактора в оценке.

Общеоценочная модальность – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией адресанта и адресата речи и обозначаемым свойством реалии, оцениваемым положительно или отрицательно по какому-л. основанию в соответствии со «стандартом» бытия вещей в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки [Телия 1986: 23]. Субъект О. соотносит объект О. (предмет, ситуацию, факт действительности) с имеющимся у него в сознании эталоном. В результате этого процесса объект О. «размещается» на некоторой шкале между «плюсом и минусом», т.е. между «очень хорошо» и «очень плохо». Позицию в системе ценностей может занимать признак как таковой, который в самой своей семантике имеет О., напр.: *грязный – грязнуля*, или же многие поведенческие признаки человека: *распутный – распутница* и т.п.

Частнооценочные значения делят на следующие категории: сенсорно-вкусовые (*приятный – неприятный, вкусный – невкусный*), психологические оценки (*глубокий – банальный, захватывающий – скучный*), эстетические (*красивый – некрасивый, прекрасный – безобразный*), этические (*добродетельный – порочный*), утилитарные (*полезный – вредный*), нормативные (*правильный – неправильный, нормальный – аномальный*), телеологические оценки (*удачный – неудачный, эффективный – неэффективный*) [Арутюнова 1998: 198–199].

На основе учёта объективных свойств предметов О. выделяют вещественные (предметные) и невещественные (непредметные) объекты. К непредметным объектам относятся свойства, качества, поступки, действия, процессы, изменения, события, факты, проявляющие связи и отношения между объектами реального мира, представляющие окружающее как всеобщую систему, отдельные элементы которой также подвергаются изучению и оценке. Непредметные объекты (процессы и факты), представляющие собой событийную и ментальную стороны жизни, по количеству превосходят предметные, т.к. обладают большой вероятностью возникновения и высоким потенциалом трансформации и взаимодействия. Предметные объекты делятся на «живые» и «неживые». К «живым» принадлежит человек и одушевлённые представители природы. «Неживые» – это существующие независимо от человека («природные») и созданные человеком [Арутюнова 1985].

Оценочные слова и словосочетания занимают важное место в речевой деятельности, характеризуются большой употребительностью и структурным многообразием. О. может выражаться как на лексическом (*сладостный, красавица, ведьма*) и словообразовательном (*головушка, волчонок, дурашка*) уровнях языка, так и в семантике высказывания в целом (*Твоя жизнь – восход, моя жизнь – закат*). В выражении категории О. используются тропы и фигуры, напр., метафоры: *Мой письменный вьючный мул! / Спасибо, что ног не гнул / Под ношей, поклажу грёз – / Спасибо – что нёс и нёс* (М. Цветаева), сравнения: *А когда ночью светит месяц, / когда светит... чёрт знает как! / Я иду головою свесясь, / Переулком в знакомый кабак* (С. Есенин) и др., способствующие передаче наиболее точного и яркого эмоционально-оценочного отношения к объекту О., усилению экспрессивности.

Слова с аксиологической О. асимметричны: в разговорной речи лексики с отрицательным компонентом значения почти в четыре раза больше, чем лексики с положительной коннотацией [Скляревская 1997: 173].

Оценочная лексика (оценочное высказывание) – единица одновременно языка и культуры, фиксатор некоторой компрессивной текстовой информации, обладающей «прецедентностью», способной выполнять функцию символа, вызывающего некоторое фоновое знание, скрытое от восприятия инофона (напр., *хлеб всему голова; спортсменка, активистка, комсомолка, студентка, просто красавица*).

Лит.: Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3; Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988; Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998; Балли Ш. Французская стилистика. М., 2001; Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985, 2002; Ковалёв Н.С. Древнерусский литературный текст: Проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки. Волгоград, 1997; Никитина Л.Б. Семантика и прагматика оценочных высказываний об интеллекте (к проблеме образа человека в современном русском языке): АКД. Барнаул, 1996; Скляревская Г.Н. Категория оценки: основные понятия, термины, функции (на материале русского языка) // Оценка в современном русском языке: сб. науч. ст. Studia slavica Finlandensia, Т. XIV. Hirm; Helsinki, 1997; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

С.Ю. Камышева

ОЦЕНОЧНОСТЬ РЕЧИ. См. ОЦЕНКА

ОЦЕНОЧНЫЕ ЖАНРЫ РЕЧИ – тип жанров речи (см. Речевые жанры), цель которых выражать позитивное/негативное отношение автора высказывания к фактам действительности. Отсюда очевидна типология этих жанров – хвалебные (позитивно-оценочные) и хулительные (негативно-оценочные).

Для О.ж.р., может быть, более других важен **фактор автора**: не каждый может похвалить или поругать, для этого важна социальная и возрастная дистанция между автором и адресатом. Ценность оценочного жанра зависит от того, кто его автор, это сформулировано в двустишии А. Ахматовой: *От других мне хвала – что зола, / От тебя и хула – похвала.*

В **обыденном** общении позитивно-оценочные жанры представлены **похвалой, одобрением, комплиментом**; их антиподы – **упрёк, выговор, замечание**. Собственных грамматических примет О.ж.р., в отличие от императивных, не имеют; существуют клишированные реплики типа *Молодец!, Bravo!, Умница!* или *Нахал!, Как вам не стыдно!* и под. Особое место занимает жанр комплимента, в котором похвала рискует оказаться лезвием.

В **деловой** сфере О.ж.р., как и все прочие, стандартизированны: *благодарность, выговор (объявляется благодарность/выговор)*.

В **научной** сфере из О.ж.р. разработан жанр **отзыва (рецензии)**, позитивный или негативный исход которого определяется автором в каждом конкретном случае. Так же обстоит дело и в **критике** – литературной, театральной, кинокритике.

В **эстетической** сфере судьба О.ж.р. составляет особый сюжет истории литературы: для классицистической системы жанров характерна оценочная полярность: **ода** – полюс восхваления, а **эпиграмма** – хуления; в современной же литературе оценочность не реализуется в специальных жанрах, она может присутствовать как авторская позиция в любом жанре. Только сатирические жанры предполагают заведомо отрицательную оценку описываемых событий и персонажей.

Аналогично в политической сфере: оценочность может присутствовать в информативных и аналитических жанрах, однако для Фельетона (см.) и Памфлета (см.) – негативная оценка является жанрообразующим моментом.

Лит.: Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994; Елагина И.Г., Одинцова М.П. Похвала и порицание человеческого поступка (сопоставление высказываний антонимических жанров) // Высказывание как объект лингвистической семантики и теории коммуникации: тезисы докладов. Ч.1. Омск, 1992; Иссерс О.С. Коммуникативная тактика комплимента в русской разговорной речи // Городская разговорная речь и проблемы её изучения. Омск, 1997; Королёв А. Мы не умеем и не любим хвалить друг друга // НГ. 23–29.12.1996; Мильчина В., Немзер А. Качество прочтения // Литературное обозрение. 1982. № 4; Никитина Л.Б. Семантика и прагматика оценочных высказываний об интеллекте (К проблеме образа человека в современном русском языке): АКД. Барнаул, 1996; Санин М. Рецензия – любовь моя // Литературное обозрение. 1986. № 12; Федосюк М.Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5; Хорешко О.Н. Жанровый аспект положитель-

ной оценки лица: АКД. Саратов, 2005; Юнаковская А.А. Комплимент как часть общения обиходно-разговорной сферы (на материале г. Омска) // Жанры речи: сб. ст. Саратов, 2009.

Т.В. Шмелёва

ОЧЕРК – художественно-публицистический жанр, для которого характерно сочетание наглядно-образного и аналитического начал при отображении действительности. Соотношение художественной и аналитической составляющих зависит от предпочтений автора, цели и предмета исследования, стилистических заданий и др. В ходе применения художественного и исследовательского методов «создаётся или преимущественно-художественная, или преимущественно-теоретическая концепция отображаемого предмета» [Тертычный 2000]. Так, проблемная ситуация определяет выбор теоретического метода, а характеристика личности, описание психологических особенностей человека – выбор художественного метода. О. – наиболее трудоёмкий с точки зрения подготовки и весьма сложный в исполнении художественно-публицистический жанр, требующий от автора мастерского владения разными методами отображения реальности. На этапе подготовки текста для очеркиста важно суметь найти необходимый и подходящий предмет речи, собрать нужный эмпирический материал, из которого отобрать наиболее значимый и нужный, затем проанализировать его. Важно и то, каким образом переосмыслена информация, в какие формы воплощена.

О., как и любой другой жанр, обладает определёнными признаками, среди которых выступают на первый план и усиливаются то одни, то другие, что может зависеть от эпохи, направления, национальной составляющей и др. Тем не менее, есть определённые, наиболее постоянные признаки, из которых наиболее значимы такие: 1) актуальность поставленных автором проблем; 2) типизация: отображение наиболее типичных, ярких и показательных для настоящего момента случаев, описание по преимуществу единичных явлений действительности, осмысленных типически; 3) отбор наиболее характерных для описываемых явлений черт; 4) писание с натуры, непосредственное изучение автором предмета изображения, становящееся, как правило, основой О.; 5) высокая насыщенность текста фактическим материалом; 6) детальная проработка наиболее значимых эпизодов, подробное описание действий, предметов, явлений, прорисовка ярких и наглядных деталей при изображении героев; 7) более или менее выраженное противоречие, лежащее в основе повествования, конфликт добра и зла, справедливости и несправедливости и т.п.; 8) ослабленность сюжета, иногда – его отсутствие; 9) отсутствие вымысла; 10) эмоциональная авторская оценка; 11) повествование в форме первого лица, присутствие автора, его включённость в описательный и событийный ряд, сопричастность происходящему/повествование в форме третьего лица, при котором автор выступает как закадровый наблюдатель, комментирующий происходящее и дающий свою оценку; 12) публицистические рассуждения, научные обобщения, в некоторых случаях – статистический материал; 13) свободная группировка материала в тексте; 14) публицистические и научные языковые элементы; 15) яркая образность, достигающаяся с помощью эпитетов, метафор, сравнений, аллегорий, перечислительных рядов, повторов и других средств выразительности.

Наличие у произведения перечисленных признаков (возможно, что не всех) позволяет говорить о его очерковой форме.

Композиция О. зависит от выбора автора. **Событийная композиция:** О. строится как рассказ о событиях так, как это происходит в художественном рассказе, повествование прерывается авторскими рассуждениями, затем происходит возврат к сюжету. **Логическая композиция:** О. представляет собой цепочку рассуждений, при этом события включаются в изложение как отправная точка рассуждений. **Эссеистская композиция:** О. выглядит как цепочка ассоциаций, напр. пространственных, временных, ассоциаций по сходству, близости мыслей, образов. Единство такой веерной, хаотичной, на первый взгляд, композиции достигается за счёт интерпретации, «улавливания» ассоциативных связей. Целостность О. вне зависимости от типа композиции обеспечивается, прежде всего, событием, лежащим в его основе. При характеристике О. как жанра обычно подробнее говорят о таких его тематических разновидностях: проблемные, портретные, путевые. Предметом **портретного О.** становится личность конкретного человека – героя повествования. Основная задача автора – сформировать у адресата определённое представление об этом человеке, показать его жизненные взгляды, ценности. По справедливому замечанию А.А. Тертычного «настоящий портретный очерк возникает в ре-

зультате художественного анализа личности героя, опирающегося на исследование разных её сторон (нравственной, интеллектуальной, творческой и пр.)» [Тертычный 2000]. Предмет **проблемного О.** – актуальная проблемная ситуация, автор которого пытается выяснить причины проблемы, представить адресату развитие проблемной ситуации, сама же проблема в таком О. представлена как преграда, которую нужно преодолеть; автор воссоздаёт конфликт, сопровождаемый эмоциями, переживаниями героев и самого автора. Данный тематический тип О. также характеризует глубокая погружённость автора в освещаемую проблему. **Путевой О.** – наиболее древняя очерковая форма, один из основных жанров древнерусской литературы. Путевой О. (хождение/путник/странник) как жанр развивается на Руси с XII века и на протяжении многих веков остаётся востребованной формой повествования. В XII-XV вв. путевые очерки обычно писались паломниками, посетившими святые места: Вифлеем, Иерусалим, Константинополь и др. Самый ранний из известных образцов жанра – «Хождение Даниила, игумена земли Русской» (1104–1106). В дальнейшем (со второй половины XV в.) появляются записки русских путешественников не только религиозного характера, напр., «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Значимые признаки хождения: объединение путевых заметок образом главного героя – повествователя-христианина, лаконичность и образность языка. Современный путевой О. во многом сохраняет черты древнего: в нём даётся описание маршрута с комментариями географического и этнографического характера, описываются события, происшествия, встречи с разными людьми. Сюжет путевого О. отражает последовательность отобранных автором наиболее интересных эпизодов, встреч, которые становятся содержанием текста. Идейное содержание путевого О. определяется авторскими целями и задачами.

Яркими примерами очерковой литературы являются произведения А.Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»), А.С. Пушкина («Путешествие в Арзрум»), А.А. Бестужева («Поездка в Ревель»), Г.И. Успенского («Разорение»), В.Г. Короленко («В голодный год»), А.П. Чехова («Остров Сахалин»), В. Кожина («Ольга Киевская»), А.А. Проханова («Неопалимый цвет»).

Лит.: Алексеев В.А. Очерк. Л., 1973; Беневоленская Т.А. Композиция газетного очерка: пособие по спецкурсу. М., 1975; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Литературная энциклопедия.** URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le8/le8-3812.htm>; Рошкетая Т.Г. Жанрово-стилистические особенности современного путевого очерка: на материале русской публицистики 90-х годов XX в.: КД. М., 2007; Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000.

А.Н. Смолина

ОШИБКИ В ВЫБОРЕ АНТОНИМОВ – разновидность лексических ошибок, которая заключается в стилистически необоснованном употреблении в речи слов с противоположным значением – антонимов. Употребление антонимов оправданно в том случае, если оно отражает диалектическое единство противоположностей объективной действительности. Богатство и разнообразие антонимов, создавая неограниченные выразительные возможности языка, требует внимательного отношения к использованию контрастных слов в речи. Антонимические пары должны составляться логично. Недопустимо противопоставление несоотносимых понятий. Так, нелогичность такого противопоставления обыграна в драме А.П. Чехова «Три сестры»: *Ольга: – На вас зелёный пояс! Милая, это нехорошо! ... Наташа: – Да? Но ведь это не зелёный, а скорее матовый.*

Регулярность антонимичных отношений в языке не позволяет свободно изменять состав антонимической пары: *Опытный актёр сумел вызвать у зрителей не только смех, но и сострадание* (ВК. 25.02.1998). Слова «смех» и «сострадание» не составляют антонимической пары. Для слова «смех» антонимом является слово «слёзы», а для слова «сострадание» – «равнодушие»; *Меня интересуют тонкости, а не абстрактность* (Комок. 06.12.2000). Очевидно, что слова «тонкости» и «абстрактность» не являются антонимами и не могут быть противопоставлены друг другу.

При употреблении антонимов в речи возможны ошибки в построении антитезы: *В третьей части произведения не весёлый, но и не мажорный мотив заставляет слушателей задуматься* (ВК. 09.02.1997). Антитеза требует чёткости и точности в сопоставлении контрастных слов, а «не весёлый» и «мажорный» не являются даже контекстуальными антонимами, поскольку не выражают разнополярных проявлений одного и того же признака предмета (явления).

Неверный выбор антонимов может стать причиной неудачных или немотивированных оксюморонов: *Приятно видеть человека, который может объективно высказать своё мнение* (НТВ. «Сегодня». 27.11.2000); *Правительственная комиссия, изучив положение угольной отрасли Кузбасса, широко вскрыла узкие места и недоработки в управлении шахтами...* (НТВ. «Сегодня». 19.05.1998); *По мнению командования войсками НАТО требуется военное умиротворение конфликта в Косово* (НТВ. «Сегодня». 12.06.1998).

Смысл высказывания может быть искажён употреблением вместо нужного слова его антонима: *До сих пор основная трудность положения русскоязычного населения в странах Прибалтики состоит не в отсутствии гражданства, а в знании языка* (Изв. 17.10.1997). Очевидно, что вместо слова «знание» уместнее употребить слово «незнание».

Антонимам и антонимичным словам (т.е. словам с противоположными компонентами в структуре их значений, но принадлежащих разным частям речи) свойственна высокая степень одновременного употребления в тексте. Иногда их столкновение в речи становится причиной комизма: *В силу слабой разработки вопроса представители администрации края так и не смогли ответить на законные требования северян* (СГ. 14.04.1998).

Лит.: Голуб И.Б. *Стилистика русского языка*. М., 1997; *Культура русской речи*: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Львов М.Р. *Словарь антонимов русского языка*. М., 1997; Львов М.Р. *Словарь-справочник по методике русского языка*. М., 1997; Матвеева Т.В. *Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика*. М., 2003; Розенталь Д.Э. *Справочник по правописанию и литературной правке*. М., 1997; Цейтлин С.Н. *Речевые ошибки и их предупреждение: учеб. пособие*. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ В ВЫБОРЕ ПАРОНИМОВ – ошибки в выборе слов одной и той же части речи, частично совпадающих по звучанию или написанию, но различающихся по значению (см. Паронимы). Неразличение паронимов, употребление одного слова вместо другого приводит к появлению грубой лексической (по одной классификации) или семантической (по другой классификации) ошибки. Таковую ошибку часто называют паронимией (как и само явление).

Большая часть паронимов – это однокоренные слова, различающиеся суффиксами или префиксами и, как следствие, – оттенками значения, а также стилистической окраской. Употребление одного паронима вместо другого объясняется речевой некомпетентностью говорящего/пишущего в какой-л. профессиональной сфере деятельности, незнанием значений слов, оттенков смысла или особенностей стилистической окраски каждого из элементов паронимической пары (или ряда). Напр., в паре: *дефективный* (имеющий физические или психические недостатки, ненормальный) – *дефектный* (испорченный, с дефектом) – первый из паронимов используется в сфере медицины (реже – коррекционной педагогики), второй пароним употребляется в быту. Ошибочным будет выражение: **В наш магазин завезли целую партию дефективных столов*. Паронимы *одеть* – *надеть* управляют разными существительными в винительном падеже без предлога: *одеть брата, сестру, больного* (кого? одуш. сущ.) – *надеть платье, пальто, шапку, туфли* (что? неодуш. сущ.). Поэтому ошибочным будет выражение: **Мама, можно я одену сегодня твой шарф?*

Паронимы, совпадающие или близкие по значению, могут отличаться друг от друга способами управления, лексической сочетаемостью, а не только функционально-стилевой окраской, сферой употребления, синтаксической функцией. Напр., паронимы *уплатить* – *оплатить* различаются способом управления: *уплатить за работу, уплатить по счёту* (предложное управление) – *оплатить счёт, оплатить расходы* (беспредложное управление). Грубой ошибкой является фраза: **Оплатите за проезд!* Пароним *заплатить* реализует и предложное управление (*Заплатите мне за работу*), и беспредложное (*Деньги заплатите кондуктору*), однако в связи с частотностью употребления в речи слова *заплатить* ошибок при построении фраз с использованием этого слова практически не встречается.

В сфере делового речевого общения наибольшие затруднения вызывает выбор паронима из пары *представить* – *предоставить*. Оба эти слова являются литературными, используются в одной и той же сфере. Но за каждым из них закрепился определённый круг значений. Так, слово *предоста-*

вить употребляется в следующих значениях: 1) отдать (кого-что кому-л.) в распоряжение, пользование, напр.: *Суд обязал предоставить комнату несовершеннолетнему члену семьи.* 2) дать право кому-л. возможность что-н. сделать (иногда с неопределённой формой глагола), напр.: *Предоставьте мне право решать эту проблему самому.* 3) не вмешиваться в чьи-л. дела, напр.: *Дети были на какое-то время предоставлены сами себе.* Во всех остальных случаях используется пароним *предоставить*. Для того чтобы облегчить разграничение этих глаголов, следует учесть, что глагол *предоставить* близок по значению глаголу *дать*, а глагол *предоставить* – глаголу *предъявить*. Напр., в предложении **На Вашу просьбу предоставить в собственность земельный участок по ул. Крапивина сообщаем следующее...* нужно употребить глагол со значением ‘отдать в распоряжение, пользование’, т.е. глагол *предоставить*.

Нужно учесть, что довольно часто в качестве паронимов выступают разговорные, просторечные варианты слов, возникшие в результате замены «правильной», литературной формы слова её исковерканным вариантом: *улыбающий* вместо *улыбающийся*, *времяпровождение* вместо *времяпрепровождение*. Ошибку такого рода нельзя назвать в полном смысле паронимией, но исправлять её, разумеется, необходимо.

Итак, при выборе нужного слова из пары созвучных (как однокоренных, так и неоднокоренных) слов следует учитывать их смысловые различия, характер лексической сочетаемости, способы управления, функционально-стилевую окраску и особенности употребления. Во всех сомнительных случаях необходимо обращаться к словарям паронимов. Кроме того, эффективным способом профилактики ошибок и повышения речевой компетентности является ведение персонального словаря паронимов.

Лит.: Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. М., 1994; Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка. М., 1981; **Культура письменной речи.** Русский язык – паронимия. Паронимы в русском языке. URL: www.grammar.ru/RUS/?id=6.23; Лазарева О.А., Шушков А.А. Давайте говорить правильно! Паронимы современного русского языка: краткий словарь-справочник. СПб., 2008; Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М., 2002.

Л.Г. Кыркунова

ОШИБКИ В ВЫБОРЕ СИНОНИМОВ – это разновидность лексических ошибок, связанных с неудачным в данном контексте выбором слова из синонимического ряда.

О. в в.с. могут привести к неточности выражения, нарушению сочетаемости слов, речевой избыточности (см. Плеоназм, Тавтология). Подобные ошибки обычно вызваны неумением использовать лексические богатства языка, незнанием точного значения слова.

Неточность выражения может быть связана с употреблением многозначного слова, если при этом контекстом не разрешается неоднозначность выражения: *Папа Карло вырубил Буратино* (см. Ошибки в использовании омонимов и многозначных слов).

Неверный выбор синонима приводит к нарушению лексической сочетаемости. Особенно ярко это видно на примере устойчивых словосочетаний (напр., таких, как *играть роль*, *точка зрения*): **Большую роль в жизни человека имеет подсознание; *История знает много точек мировоззрения* (примеры О.С. Иссерс).

Речевая избыточность связана с желанием говорящего усилить эффект от сказанного, вследствие чего возникают ненужные смысловые повторы: *Во время сессии трудно приходится тем студентам, у которых много пропусков и прогулов, пробелов и недоработок; Нарушение правил пользования газом приводит к беде, к несчастью, к драматическим последствиям и трагическим случаям* (примеры И.Б. Голуб); *После прочтения романа я много думала и размышляла* (пример О.С. Иссерс).

Чтобы избежать таких ошибок в речи, необходимо различать оттенки смысла слов и выбирать единственное слово, которое будет наиболее уместно в данной ситуации.

Лит.: Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. М., 2010; Иссерс О.С., Кузьмина Н.А. Интенсивный курс русского языка. Почему так не говорят по-русски: пособие по культуре речи. М., 2007; Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи. Мн., 2001; Щерба-

ков А.В. Ошибки в употреблении синонимов // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Щербатов А.В.** Ошибки лексические // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2009.

Е.Е. Ермакович

ОШИБКИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОМОНИМОВ И МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ – разновидность Лексических ошибок (см.), связанная с неудачным, неуместным использованием омонимов и полисемантов.

К ошибкам приводят неснятая полисемия и омонимия, т.е. полисеманты и омонимы, не уточнённые лингвистическим и экстралингвистическим (ситуативным) контекстом. Возможность различной интерпретации омонимов и многозначных слов в одном и том же контексте приводит к Двусмысленности (см.). Это затрудняет восприятие фразы или вовсе делает его невозможным, поэтому автору любого высказывания всегда необходимо помнить о возможности множественной интерпретации многозначных слов и слов-омонимов. Следует быть очень внимательными и следить за тем, чтобы слушателю (читателю) было понятно, что понимается под тем или иным словом. Опасность подобного рода ошибок в том, что адресат может интерпретировать высказывание не так, как задумывал адресант (говорящий), как, напр., в басне Козьмы Пруткова «Помещик и садовник»: *Помещику однажды в воскресенье / Поднёс презент его сосед. / То было некое растение, / Какого, кажется, в Европе даже нет. / Помещик посадил его в оранжерею; / Но как он сам не занимался ею <...> То раз садовника к себе он призывает / И говорит ему: «Ефим! / Блюди особенно ты за растением сим; / Пусть хорошенько **прозябает**». / Зима настала между тем. / Помещик о своём растении вспоминает / И так Ефима вопрошает: / «Что? хорошо ль растение **прозябает**?» / «Изрядно, – тот в ответ, – **прозябло** уж совсем!» / Пусть всяк садовника такого нанимает, / Который понимает, / Что значит слово «прозябает» (К. Прутков).*

При употреблении омонимов и полисемантов очень важен контекст, т.к. именно он «проявляет» семантическую структуру слова, позволяя реализоваться нескольким, в т.ч. нежелательным, значениям. Нужно не только различать разные значения таких слов, но и помнить о том, что при восприятии речи первым актуализируется основное, первичное, значение полисеманта, наиболее частотное и слабо зависимое от контекста, а лишь затем – неосновное, вторичное, менее частотное и всегда обусловленное контекстом. Напр.: *Девиз деятельности методического объединения учителей иностранных языков: «Языки открывают двери».* Подобным образом воспринимается и грамматическая полисемия, возможность неверной интерпретации которой иллюстрируется анекдотом: *Муж пьяный пришёл домой. Жена взяла его за шиворот и спрашивает: – Будешь ещё пить? Муж молчит. Жена опять спрашивает: – Будешь ещё пить?! – Ну, налей маленько... (КК. 1991. № 2).*

Даже если второе значение полисеманта практически незаметно, оно может затруднять чтение: *Также в первую десятку вошли модель и супруга актёра Орlando Блума Миранда Керр, эпатажная певица Керри Минаж, актрисы Эмма Стоун и Скарлет Йоханссон, <...>.* В данном контексте слово «модель» может быть автоматически интерпретировано как связанное с существительным «актёра». Глагол *вошли*, будучи во мн. числе, также не облегчает восприятие этой фразы.

Желательно избегать употребления нескольких многозначных слов в одном контексте, если это не оправдано стилистическим заданием (см. Антанаклаза). Иногда слово, взятое в переносном значении, может быть осмыслено адресатом как употреблённое в прямом значении: – *Почему **внутренние органы не чеиутся**? – Это вопрос юридический или анатомический?* (bashorg.ru) (ср. Буквализация метафоры).

Часто к двусмысленности приводит употребление в речи омофонов, омографов и омоформ (см. Омонимия). Напр.: *Издали закон об упразднении транспортных судов* (суд, суды ‘орган судебной власти’ – судно, суда ‘транспортное средство’); *Розовощёкий гулящий младенец – лучшая награда за все перипетии остросюжетной беременности.* Невольные каламбуры можно обнаружить даже у классиков – М.Ю. Лермонтова (*С свинцом в груди лежал недвижим я*), В.Я. Брюсова (*И шаг твой*

землю тяготил). Подобного рода ошибки, приводящие к неуместным каламбурам (см. Каламбур), наиболее частотны в устной речи.

Иногда для снятия двусмысленности достаточно расширить контекст. Напр., двусмысленность девиза методического объединения учителей иностранных языков «**Языки открывают двери**» можно снять, добавив определение: **Иностранные языки открывают двери**. Или устранить двусмысленность путём изменения формы слова или его сочетания с другими словами: **Знание языков открывает двери**, т.к. слову язык в значении 'орган речи' несвойственна такая сочетаемость. В некоторых случаях необходима лексическая замена (подбор другого слова), напр.: *Розовощекий агукующий младенец* вместо *гуляющий*.

Ошибки, связанные с неудачным употреблением полисемии и омонимии, часто обусловлены незнанием лексических значений слов, бедностью словарного запаса говорящего, неудачным словоупотреблением и недостаточностью контекста.

Итак, при выборе нужного слова в речи следует учитывать имеющиеся у него значения или наличие омонимов, смысловые различия, характер лексической сочетаемости, способы управления, функционально-стилевую окраску и особенности употребления. Во всех сомнительных случаях необходимо обращаться к толковым словарям.

Лит.: Голуб И.Б. *Стилистика русского языка*. М., 2003; Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. *Книга о хорошей речи*. М., 1997; Лаптева О.А. *Речевые возможности текстовой омонимии*. М., 2009; Львов М.Р. *Словарь-справочник по методике русского языка*. М., 1988; Розенталь Д.Э. *Справочник по правописанию и литературной правке*. М., 1997; Скворцов Л.И. *Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи*. М., 1996; Цейтлин С.Н. *Речевые ошибки и их предупреждение: учеб. пособие*. СПб., 1997.

М.А. Южанникова

ОШИБКИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА – разновидность этико-речевых ошибок, связанная с нарушением правил и формул речевого этикета.

Существуют различные нарушения в использовании формул речевого этикета; основными являются следующие:

1) обращение на «ты» к незнакомому или малознакомому адресату, а также в условиях официальной обстановки;

2) отсутствие устоявшихся формул для привлечения внимания незнакомому человеку с просьбой о чём-л., таких как: *Простите; Извините; Пожалуйста; Будьте добры; Вы не могли бы* и т.п., грубые оклики: *Эй! Стой!* и т.п.;

3) отрицательные реплики при ответе на вопрос незнакомому человеку, которые могут вызвать непонимание или демонстрируют раздражение в связи с причинённым беспокойством (*Не знаю; Не скажу; Мне некогда; Что ещё?*), а также игнорирование вопроса;

4) грубые или фамильярные формы обращения к малознакомым, незнакомым и/или старшим по возрасту (*Эй, парень; Пацан, поди сюда; Эй, в красной кепке, слышь; Эй, братан, закурить не найдётся?; Мамаша, скажи...*);

5) сниженные обращения к малознакомому человеку (*Маринка; Петька; Ленк; Юляха; Натаха*), обращения по прозвищу (*Жбан; Батон; Петря; Очкарик; Жирдяй*), особенно если это не принято в конкретной среде; обращение по имени в официальной ситуации, когда следует обращаться по имени и отчеству;

6) в ситуации знакомства – категоричность, грубость, бестактность, навязчивость (*Ну всё-таки, как Вас зовут?; И куда это мы так торопимся?*);

7) сниженные, фамильярные формы приветствия, особенно если это не соответствует ситуации общения (*Здорово, бабуль; Hello; Добренького всем утречка*);

8) неиспользование этикетных формул, сопровождающих прощание, а также грубые, фамильярные, не соответствующие обстановке формулы при прощании с человеком более высокого социального статуса (*Ну, чао; Аривидерчи, бамбина; Прощевайте; Счастливо*);

9) при дарении подарков – преувеличение ценности подарка, рассказ о том, каких усилий стоило его приобрести, а также вручение подарка без необходимых формул, таких как: *Позвольте подарить Вам...; Примите от меня подарок; Это тебе мой подарок* и т.п.;

10) при принятии подарка – отсутствие благодарности или необходимых в данной ситуации формул: *Спасибо; Я очень тронут Вашим вниманием; Благодарю;*

11) отсутствие слов извинения, когда они необходимы; выражение извинения как одолжение, условное извинение (*Ну, извини; Извини, конечно, но...*); фамильярные, просторечные формы извинения (*Извиняйте; Извиняй*); грубый отказ принимать извинения (*Отстань; И слушать не хочу; Да ну тебя; Очень нужны твои извинения*);

12) грубый отказ: использование грубых просторечных слов при отказе (*Ещё чего; Обойдешься; Обрыбишься; Не получишь; Ага, щас, разбежался* и т.п.);

13) отсутствие необходимых формул в ситуации просьбы (*Пожалуйста; Если Вас не затруднит; Прошу Вас; Мне хотелось бы; Будьте так добры*); грубое выражение желания (*Дай; Принеси; Закрой дверь!; Воды!*);

14) комплимент должен представлять собой приятную речь, произносимую искренне; помимо этого важно, чтобы он соответствовал действительности и оформлялся соответствующими формулами (*Ты прекрасно выглядишь; Вы хороший специалист; У вас такой добрый характер* и т.п.). В ситуации комплимента ошибки может допускать не только адресант, но и адресат: оправдываться; продолжать хвалить себя самому. Правильнее всего в ответ на комплимент использовать формулы благодарности: *Благодарю, Спасибо, Мне очень приятно*;

15) неудачное паралингвистическое оформление речи: «проглатывание» этикетных формул, небрежный или нелюбезный тон речи, презрительное или угрюмое выражение лица, несоответствующие этикетной ситуации поза и жестикация – могут существенно помешать эффективности общения или даже привести к конфликту.

Лит.: Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк, 2002; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2007; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; Камычек Я. Вежливость на каждый день. М., 1975; Кронгауз М.А. Речевой этикет и мы // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 2; Кронгауз М.А. Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология // Мат-лы междунар. конф. «Диалог-2004». URL: www.dialog-21.ru; Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. М., 1984; Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. М., 2008; Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007; Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М., 2009.

А.Н. Смолина, Н.Н. Акулова

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ. В зависимости от характера нарушений, возникающих при построении синтаксических конструкций с однородными членами, выделяются следующие типы ошибок:

1) объединение в качестве однородных вещественно неоднородных (несопоставимых) понятий: *Он любил футбол и квашеную капусту; Он вернулся домой с ребёнком и с насморком.* Объединение в перечислительном ряде слов, семантически далёких друг от друга, делает конструкцию дефектной. Однако при определённом стилистическом задании конструкции подобного рода могут использоваться в качестве средства выразительности (См. Зевгма; Силлепсис);

2) объединение в качестве однородных членов видовых и родовых понятий: *Хозяин принёс плоскогубцы, инструменты, молоток и гвозди; В зоопарке мы видели птиц, страусов и слонов;*

3) объединение в рамках перечислительной конструкции частично пересекающихся понятий, таких как *женщины и врачи; трактористы и односельчане;*

4) ошибки, вызванные лексической несочетаемостью опорного слова (слова, к которому относятся все однородные члены) и одного из компонентов перечислительного ряда: *Проявления заботы и помощи порадовали всех.* Опорное слово *проявления* и один из компонентов сочетания управляемой цепочки (*помощи*) не сочетаются друг с другом. Ср.: *Проявление заботы и оказанная помощь порадовали всех;*

5) грамматическая несочетаемость одного из компонентов перечислительного ряда и стержневого слова: *чтобы понять и уметь воспользоваться наукой*. Слово *наука* в творительном падеже не сочетается с глаголом *понять* (глагол *понять* не управляет творительным падежом). Ср.: *чтобы понять науку и суметь воспользоваться знаниями*;

6) объединение в качестве однородных стилистически не сочетающихся слов: *человеку необходимо приложить все свои усилия, таланты и сноровку*. Стилистически неоднородный ряд и лексическая несочетаемость глагола *приложить* со словами *талант* и *сноровка* делают конструкцию дефектной. Ср.: *человеку необходимо приложить все усилия, развивать таланты*;

7) нарушение падежного согласования между опорным (обобщающим) словом и однородными членами: *На заседании присутствовали избиратели из следующих районов: Центральный, Железнодорожный, Советский и др.* Ср.: *<...> из следующих районов: Центрального, Железнодорожного, Советского и др.*;

8) неудачное использование в перечислительном ряду двойных сопоставительных союзов: *Деньги я могу как держать дома, так и отдать в банк*. Ср.: *Деньги я могу держать как дома, так и в банке*;

9) объединение в качестве однородных элементов причастных и деепричастных оборотов с придаточными предложениями: *Девушка, сидящая у окна и которая хорошо пела, запомнилась всем*. Ср.: *Всем запомнилась сидевшая у окна девушка, которая хорошо пела*;

10) объединение в качестве однородных членов слов, принадлежащих разным частям речи: *Он любил танцы и петь*.

К недостаткам построения предложений с однородными членами, затрудняющим понимание, следует также отнести перегруженность перечислительного ряда однородными членами: *В кратчайшие сроки требуется обеспечить увеличение объёма проектных работ, увеличение объёма изыскательных работ, улучшение качества всех видов работ, усовершенствование технических средств, повышение уровня квалификации работников, сокращение сроков работ, повышение уровня рентабельности*.

Лит.: Валгина Н.С. Современный русский язык: синтаксис. М., 2003. Мучник Б.С. Основы стилистики и редактирования. Ростов н/Д, 1997; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 2004.

А.Н. Смолина

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ – это прагматически не мотивированные нарушения нормативных моделей предложения, иногда приводящие к неправильному пониманию смысла предложения.

Выделяется несколько разновидностей О. в п.п. Из них наибольшие затруднения говорящих/пишущих вызывают:

1) Ошибки в построении простого предложения (см.), в т.ч. Ошибки порядка слов в предложении (см.), Неоправданный эллипсис (см.), Ошибки в построении предложений с однородными членами (см.), Ошибки в употреблении причастных и деепричастных оборотов (см.);

2) Ошибки в построении сложного предложения (см.);

3) Ошибки в употреблении параллельных синтаксических конструкций (см.);

4) Нарушение границ предложения (см.).

Лит.: Барина А.В. Ошибки в выборе порядка слов в предложении // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Донгак С.Б. Ошибки в построении простого предложения // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Донгак С.Б. Ошибки в построении сложного предложения // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Кузнецова А.А. Ошибки в употреблении параллельных синтаксических конструкций // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Смолина А.Н. Ошибки в построении предложения с однородными членами // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ – ошибки, связанные с нарушением синтаксических норм, в числе которых выделяются: ошибки в построении простых неосложнённых предложений; ошибки в построении простых предложений, осложнённых однородными членами; ошибки в построении предложений, осложнённых причастными и деепричастными оборотами.

В построении простого неосложнённого предложения наблюдаются следующие ошибки: расположение слов, не соответствующее грамматическим нормам русского языка; немотивированный пропуск слов; дублирование члена предложения (чаще подлежащего) местоимением; нарушение синтаксических связей между членами предложения (см. Ошибки в согласовании, Ошибки в управлении).

Ошибки, связанные с нарушением порядка слов в предложении, могут быть такими: нарушение традиционного (прямого) порядка слов; нарушение порядка слов в словосочетаниях, входящих в предложение; отрыв частицы, предлога или союза от компонентов предложения, к которым они относятся.

При нарушении традиционного порядка слов может происходить перемещение ремы на первое место в предложении, а темы на второе. Ошибки, связанные с порядком слов, также могут заключаться в нарушении правил расположения членов предложения. Основные правила таковы: сказуемое следует за подлежащим (*Студенты работали в библиотеке*); приглагольное дополнение следует за определяемым словом (*Ученики выполняли тренировочные упражнения*); согласованное определение ставится перед определяемым словом (*Студенты готовились к итоговому тестированию*); несогласованное определение обычно ставится после определяемого слова (*Татьяна Ивановна, в теплом пальто, меховой шапке и рукавицах, прогуливалась у входа в университет*); обстоятельства в зависимости от контекста могут занимать различные позиции в предложении (*Иван Петрович вернулся с заседания поздно. Они уезжают завтра на конференцию*). Д.Э. Розенталь, говоря о порядке слов в предложении, отмечал: «Существует устойчивое представление о том, что порядок слов в русском языке свободный. Если бы он был действительно свободным, не вставал бы вопрос ни об ошибках в порядке слов, ни о таком стилистическом приеме, как инверсия. Правильнее было бы сказать, что порядок слов в русском языке гибкий: не только грамматический, но и смысловой» [Розенталь 1998: 250]. Изменение порядка слов допустимо в некоторых случаях. Напр., считая необходимым особо выделить рему, автор перемещает её на первое место в предложении. Однако при этом нужно обращать внимание на то, чтобы такой порядок слов не затруднял понимание высказывания адресатом. Следует также учитывать, что в устной речи можно интонационно выделить отрезок текста, перемещённый в начало. В письменной речи нарушать традиционный порядок слов не всегда правильно. Это не касается тех случаев, когда автор использует нарушение обычного порядка слов сознательно – прибегает к инверсии с определённым стилистическим заданием (см. Инверсия). Возможность возникновения коммуникативного дефекта, связанного с нарушением обычного порядка слов, показана А.П. Чеховым в рассказе «Корреспондент»: *Желаю вам зла-погибели и бед всяческих... избежать*. В письменной речи нарушение прямого порядка слов в предложении обычно приводит к затруднению понимания смысла предложения, «сбою» в восприятии текста: **Имея своё мнение, убеждение, свой взгляд и ответ на определённый вопрос или проблему, от этого получаем уже мы удовлетворение и уважение среди общества* (из соч.). Следует: *уже от этого мы получаем удовлетворение...*

Нарушения порядка слов в словосочетаниях обнаруживают пробелы учащихся в знаниях синтаксиса словосочетания и предложения, а также недостатки в работе над развитием речи. Наиболее частотны нарушения правил, которые рассматриваются далее. Прилагательное обычно находится в препозиции к существительному: *перспективный студент; хороший сотрудник; курсовой проект*. При сочетании двух существительных зависимая словоформа обычно находится в постпозиции: *знания студента; статья преподавателя; кабинет директора*. При сочетании наречия и глагола обычно в препозиции находится наречие: *хорошо подготовился; блестяще выступил; доходчиво объяснил*. При сочетании глагола и существительного обычно в препозиции находится глагол: *выполнил работу; получил диплом; устранил замечания*. Словосочетание в предложении выполняет определённую коммуникативную функцию, нарушение в нём порядка слов приводит к утрате его смыслового и

грамматического единства, разрушению словосочетания, затруднению восприятия и понимания смысла высказывания в целом. Ошибки, связанные с нарушением порядка слов в словосочетании, чаще всего встречаются в школьных сочинениях: **Тот, который честно будет трудиться всё лето, соберёт урожай намного лучше, чем крестьянин, который стараний никаких к своей земле не приложил.* В этом фрагменте наблюдаются два нарушения в построении словосочетаний: существительное находится в препозиции к прилагательному; существительное находится в препозиции к глаголу. К нарушению норм построения словосочетаний также относится отрыв одной части словосочетания от другой: **Весьма я согласен с автором <...> (из соч.).* В данном примере прилагательное оторвано от наречия.

Отрыв предлога, союза или частицы от компонентов предложения, к которым они относятся, обычно свидетельствует о низком уровне культуры письменной речи автора. Такие ошибки наиболее распространены в школьных сочинениях: **У меня есть много примеров из жизни, когда мои знакомые по каким-то причинам не заканчивали своё образование, и уже более в старшем возрасте брались за ум и начинали учиться.* Следует: *в более старшем возрасте*; **Автор также и указывает на то, что даже пытаюсь выгадать какие-то материальные возможности из изучения наук мы, сами этого не зная и не замечая, получаем с этим отличное образование.* Следует: *указывает и на то, что....*

Ошибки, связанные с немотивированным пропуском того или иного члена предложения, так же, как и ошибки рассмотренные выше, приводят к нарушениям в структуре предложения, затруднению восприятия информации; иногда данные ошибки искажают смысл. Рассмотрим примеры. Пропуск подлежащего: **Автор говорит нам о любви к науке, (?) даст нам многое (из соч.).* Пропуск сказуемого или его части: **По мнению автора, (?) быть цельным, быть самостоятельным, единицей, иметь своё действительно своим (из соч.).* Пропуск дополнения: **Над природой размышляли и описывали (?) много великих известных и неизвестных писателей и поэтов (из соч.).* Пропуск определения: *Автор подразумевает счастливого человека, который своим трудом достиг (?) положения (из соч.).* Пропуск обстоятельства: *Эти трудности, муки обучения приводят нас (?) (из соч.).* Пропуск нескольких членов предложения, напр., сказуемого и дополнения: *Автор в своём рассуждении о сладком плоде учения (?) (?) (из соч.).*

Ошибки, связанные с дублированием члена предложения (чаще подлежащего) местоимением: *Эти люди они не испытали всех трудностей первых лет учения (из соч.).* Обычно такие ошибки встречаются в устной речи, что зачастую объясняется её неподготовленностью, спонтанностью, либо желанием сделать паузу, напр., чтобы сформулировать новую мысль. Однако в письменной речи подобных отклонений от нормы следует избегать (если это только не сознательно используемый приём).

К числу наиболее распространённых ошибок в осложнённом простом предложении относятся ошибки в построении предложений с однородными членами (см.). Ошибки в построении предложений, осложнённых причастным оборотом, возникают при несоблюдении определённых правил. Причастие должно быть согласовано с определяемым словом в роде, числе и падеже. Пример рассогласования в падеже: **Большинство людей, получившие высшее образование, работают не по специальности (из соч.).* Пример рассогласования в числе: **Я буду вспоминать своих друзей, уходящее в одно время со мной (из соч.).* По другому правилу определяемое слово не должно разрывать причастный оборот (оно может находиться либо до причастного оборота, либо после него). Нарушение данного правила существенно затрудняет понимание написанного: *Автор говорит об изучающих науку людях в молодости (из соч.).* Следует: *Автор говорит о людях, изучающих науку в молодости.* Причастный оборот не следует отделять от определяемого слова другими словами, как в примере, приведённом далее: *Многие не могут устроиться не получившие образования (из соч.).* Следует: *Многие люди, не получившие образования, не могут устроиться на работу.* Необходимо также верно соотносить определяемое слово и причастный оборот. Часто в письменной речи учащихся возникают ошибки, связанные с тем, что причастный оборот согласуется не с определяемым словом, а с другим существительным: *Автор говорит нам о пользе труда, дающей нам блага.* Следует: *Автор говорит нам о пользе труда, дающего нам блага.* Ошибки в построении предложений, осложнённых деепричастным оборотом, возникают при несоблюдении ряда основных правил. Одно из важных правил заключается в том, что основное действие, обозначаемое глаголом-сказуемым, и добавочное действие, обозначаемое деепричастием, должны выполняться одним лицом; субъект, названный в подлежащем, должен

выполнять оба действия. Напр.: **Выполняя домашнее задание, вы должны обращаться к правилам, которые мы изучили сегодня.** Ошибки чаще всего возникают, когда субъект действия, названный в подлежащем, не может выполнять оба действия: ***Имея свои убеждения, у человека появляются определенные отношения к окружающим людям, государству** (из соч.). Следует: *Имея свои убеждения, человек приобретает определённые отношения с окружающими людьми и государством.* Кроме того, ошибки возникают, когда субъект действия называется не в подлежащем, а в дополнении: ***Получив образование, у него появился шанс устроиться на работу** (из соч.). Следует: *Получив образование, он может устроиться на работу.* Важно помнить, что деепричастия не сочетаются в качестве однородных членов с другими обстоятельствами (не деепричастиями), со сказуемыми и определениями: ***Это загрязнение воздуха, дым от шин проезжающих машин, вырубка лесов и другие действия, влекущие за собой экологические проблемы, давно ставшие глобальными, не понимая, что природа оплатит человечеству сполна.** Следует: *Человек не понимает, что за действия, влекущие за собой экологические проблемы, давно ставшие глобальными, природа оплатит сполна.*

Работа по предупреждению ошибок в построении простых предложений должна основываться на понимании различий между устно-разговорной и книжно-письменной речью; на анализе образцов, включающих в себя нужные конструкции; на постоянной речевой практике.

Лит.: Алгазина Н.Н. Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997; Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Розенталь Д.Э. Культура речи. М., 1960; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1985; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.

А.Н. Смолина

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ – ошибки, связанные с нарушением синтаксических норм, в числе которых выделяются: ошибки, связанные с неточным употреблением союзов и союзных слов; с нарушением соотношения видо-временных форм глаголов-сказуемых; неправильным порядком слов в предложении. Различают ошибки в построении сложносочинённых и сложноподчинённых предложений.

К ошибкам в построении сложносочинённых предложений относят следующие:

1. Подмена одного союза другим: *Есть люди, которым просто не на что было учиться, а (вместо союза и) они просто стали всем не нужны.*

2. Использование лишних союзов: *Каждый человек – это индивид, однако зато (лишний союз) не каждый человек становится личностью.*

3. Тавтологическое использование союзов: *Наука позволяет человеку повисить материальные блага с помощью работы, в которой ты должен быть мастером. Но многие люди делают это незаконно, но человек, который все время учился, работал, добивался всего сам...* Следует: Многие люди делают это незаконно, но человек, который все время учился, работал, добивался всего сам...

4. Объединение сочинительной связью разнотипных синтаксических структур: *Недавно в одной статье я прочитала, как один человек был унижен в жизни и без своего «Я».* Следует: Недавно в одной статье я прочитала о человеке, который был унижен в жизни и не имел своего «Я».

5. Нарушение соотношения видо-временных форм глаголов-сказуемых: *Не только наука формирует в нас личность, человек может быть талантливым от природы и пользуется этим и духовно развиваться.* Следует: человек может быть талантливым от природы, пользоваться этим и духовно развиваться.

К ошибкам в построении сложноподчинённых предложений относят следующие:

1. Одновременное использование подчинительных и сочинительных союзов: **Насколько ты будешь добиваться своей цели, и получишь от своего терпеливого труда удовольствие и материальное благополучие.** Следует: Насколько ты будешь стараться добиться своей цели, настолько приблизишься к получению от своего терпеливого труда удовольствия и материального благополучия.

2. Пропуск соотносительных местоимений и наречий в главной части сложноподчинённого предложения (нежелательный в книжной речи): *Михаил Белят приходит к выводу, что красота ок-*

ружает нас повсюду, главное – захотеть её увидеть. Следует: Михаил Белят приходит к выводу о том, что...

3. Пропуск союза: *На своём примере я вижу, (пропуск союза) большинство молодёжи начинает серьёзно относиться к учебе, когда они заходят в безвыходное положение.* Следует: На своём примере я вижу, что многие молодые люди начинают серьёзно относиться к учебе, когда они попадают в безвыходное положение.

4. Употребление лишних союзов, постановка рядом однозначных союзов: *Утверждение, с которым я полностью согласна. Что (лишний союз) даже если человек не использует свои знания, то они служат для него источником наслаждения.*

5. Употребление одних союзов и союзных слов вместо других: *Тот, который (вместо союза кто) честно будет трудиться всё лето, соберёт урожай намного лучше...*

6. Тавтологическое употребление союзов и союзных слов: *Когда они поняли, что без знаний никуда, они стали пробовать познавать науку, когда не могут устроиться на работу.* Следует: Когда они поняли, что без знаний трудно устроиться на работу, они стали изучать науки.

7. Нагромождение придаточных предложений: *Очень сильно понравилось сравнение с урожаем крестьянина и выгодой образования, потому что, это на самом деле так и есть, если человек смолоду заложил какой-то фундамент под ногами, так он и будет по жизни идти по нему не боясь, так и крестьянин трудится летом, потому что знает, что ждёт его впереди отдых и достаток на круглый год.* Следует: Очень понравилось сравнение урожая крестьянина и выгоды образования. Потому что, действительно, если человек смолоду закладывает фундамент, то он будет по жизни идти уверенно, как крестьянин, который трудится летом и получает достаток на круглый год.

8. Употребление разнотипных придаточных предложений в качестве однородных: *Проблема, поставленная автором, актуальна, потому что в современное время большая часть молодёжи не понимают, в чём заключается цель знаний и когда нет знаний, нет материальных благ.* Следует: Проблема, поставленная автором, актуальна, потому что сегодня большая часть молодёжи не понимает истинной цели знаний и того, что без знаний нет материального благополучия.

9. Объединение сочинительной связью членов простого предложения и придаточных частей сложноподчинённого предложения: *Эта проблема, поставленная автором и которая очень актуальна, затронула меня.* Следует: Эта актуальная проблема, поставленная автором, затронула меня.

10. Смещение синтаксической конструкции (конец сложноподчинённого предложения синтаксически не соответствует началу): *В заключение я хочу сказать, что наука очень важна для каждого человека, нужно уделять внимание так это знаниям.* Следует: В заключение я хочу сказать, что наука очень важна для каждого человека, что нужно уделять внимание знаниям.

11. Нарушение порядка слов (отрыв придаточного определительного от определяемого слова, отрыв одной части сложного союза от другой и др.): *Я согласен с автором. Потому, во-первых, что память помогает вспомнить прошлое, познать его.* Следует: Потому что, во-первых, память помогает вспомнить прошлое, познать его.

12. Нарушение соотношения видо-временных форм глаголов-сказуемых: *Тот, кто учился, трудился, честно работал, он живёт совестливо.* Следует: Кто учится, трудится, честно работает, тот живёт совестливо.

Работа по предупреждению ошибок в построении сложного предложения связана, прежде всего, со всесторонним и глубоким изучением теории сложносочинённого и сложноподчинённого предложений. Значима также практическая работа, связанная с формированием умений и навыков построения сложных предложений, редактированием текстов (устранение ошибок в структуре сложносочинённого и сложноподчинённого предложений).

Лит.: Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 2007.

А.Н. Смолина

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО (ПРОЗАИЧЕСКОЙ СТРОФЫ) – ошибки в структуре текста, возникающие при нарушении требований к смысловой и грамматической связанности его частей, последовательности и целостности. Сложное

синтаксическое целое (ССЦ) представляет собой единицу текста, в которой предложения объединены грамматическими и смысловыми отношениями, микротемой, авторской позицией. То, что ССЦ является крупной синтаксической единицей, обуславливает наличие композиции. Обычно ССЦ состоит из зачина, средней части и концовки. В зачине – первом предложении ССЦ – оформляется начало мысли. В средней части развиваются основная мысль и тема текста. В концовке – обычно это последнее предложение ССЦ – завершается развитие мысли, подводится итог. Ошибки в построении ССЦ могут возникать как в отдельных частях ССЦ, так и в связи между ними. Здесь следует отметить, что не во всех случаях обязательно предельно строгое следование композиции ССЦ. Однако полностью игнорировать правила его построения не следует, так как могут возникнуть различного рода дефекты, которые затрудняют понимание текста адресатом.

Ошибки в построении ССЦ часто встречаются в школьных сочинениях. К числу наиболее распространённых из них относятся следующие:

1. Неиспользование возможностей ССЦ при построении текста.

2. Отсутствие абзацев: *В этом тексте А.Ф. Лосев поднимает проблему общества. А также и проблему, связанную с наукой. По мнению автора, мы получаем от науки внутреннее удовлетворение. Убедительность и эмоциональность речи учёного заставляют нас проникнуться в текст и дает возможность лучше его понять. **З** Нельзя не согласиться с автором, ведь наука на самом деле приносит нам сладкие плоды. С помощью науки люди научились понимать язык природы, а значит духовное развитие людей стало намного выше. Я считаю, что любая наука может повлиять на человека. Будь то русский язык или физика. Они развивают в человеке личность* (из соч.). В приведённом отрезке текста целесообразно сделать красную строку на месте знака «**З**», поскольку здесь автор сочинения заканчивает анализ проблематики текста и переходит к новому смысловому блоку – выражение согласия/несогласия с автором и формулирование собственной позиции.

3. Неверное выделение абзацев: *Одна из проблем автора, это какие выгоды мы получаем от науки.*

Во-первых мы рассмотрим сторону науки, которая доставляет нам внутреннее удовлетворение и служит главной причиной нашего духовного развития (из соч.). В приведённом фрагменте сочинения не следует делать абзацного членения, так как далее автор продолжает развитие мысли, помимо этого, первое предложение при выделении абзаца будет единственным в нём.

4. Неудачный зачин. Такие ошибки наблюдаются в случаях, когда автор начинает ССЦ с предложения, не связанного с предыдущим контекстом или недостаточно связанного с ним; с предложения, указывающего на предыдущий контекст, который в действительности в тексте отсутствует. Подобные ошибки обнаруживаются также в наличии указательных элементов, не соотнесённых с предыдущим контекстом: *Я согласна с автором в том, что любовь к Родине заключается в малом. Я также полагаю, что именно **такие** мелочи и составляют понятие Родины, которое для каждого свое* (из соч.). В приведённом примере указательное местоимение «**такие**» не имеет в компонента, с которым его можно было бы соотнести. Подобные ошибки касаются и тех случаев, когда предыдущий контекст отсутствует. Напр., первое предложение сочинения содержит указательный компонент-отсылку на элемент высказывания, которого в тексте нет из-за отсутствия предыдущего контекста в целом и др. Как неудачный зачин можно также расценивать первое предложение ССЦ, не связанное или недостаточно связанное с последним предложением предыдущего ССЦ: *Я думаю, что мало кто из нас не знает космонавта Юрия Гагарина, первого человека в космосе. Его подвиг неоценим. В то время мало кто отважился на такой рискованный шаг. Но действительно ли Гагарина ничто не волновало? Помимо рассказа о великом космонавте автор ставит перед читателем проблему героизма и принятия решения рисковать жизнью* (из соч.).

5. Ошибки в построении средней части, которые могут заключаться в отсутствии последовательности изложения мыслей; использовании разнотипных по структуре предложений; объединении отдалённых друг от друга мыслей в одном предложении или следующих друг за другом предложениях: *Автор поставил перед собой самую глобальную проблему человечества – «природы». «Нет ничего прекрасней кустов шиповника! Помните ли вы их, милый читатель?».* Автор ясно дал понять, что мы забыли не только о кустах шиповника, но и о всей природе (из соч.).

6. Игнорирование необходимости логических связей между зачином, средней частью и концовкой, а также между предложениями ССЦ: *Спеша на работу, мы не замечаем окружающий нас мир, родных и близких нам людей. Меняются ценности человека. «Материальное» преобладает над «ду-*

ховным». Проблема, поставленная автором текста, актуальна и в наше время. «Красота спасёт мир», – писал Л.Н. Толстой (из соч.).

7. Неудачная концовка. Такие ошибки могут заключаться в отсутствии завершения, подведения итогов; повторении выводов; полном дублировании уже высказанных мыслей; нарушении последовательности развития мысли и отсутствии причинно-следственных связей при подведении итогов: *Где-то я читала, что любовь можно купить! Но что же такое любовь? Видимо, просто это мимолётное влечение, которое заканчивается ничем. Нужно учиться, и всегда оставаться человеком!* (из соч.)

8. Неумение использовать порядок слов, лексический повтор, синонимы, местоимения, наречия, частицы, союзы и др. как средства связи между предложениями в ССЦ: *Основная проблема этого текста. Тема «Науки». Авторская позиция: Что от науки можно получить не только материальные выгоды, но и внутреннее удовлетворение, и духовное развитие.*

9. Нарушения единого временного плана: *Тот, кто в молодости ленится учиться, упрекают себя и начинали учиться уже в зрелых годах. Пока не получают образования они не могут рассчитывать на те выгоды и пользу, которые получают те люди, которые будут тратить много лет и труда ради собственной образованности.*

10. Смещение плана изложения, заключающееся в отступлении от темы, постоянном «перескакивании» с одного предмета речи на другой: *Что касается моего отношения к автору, то я полностью солидарна с его позицией по проблеме, поднятой в данном тексте. Я считаю, что автор полностью раскрыл суть проблемы этого текста. Этот текст может относиться к ряду философских.*

Избежать ошибок при построении ССЦ поможет освоение теоретического материала по стилистике текста, структуре текста и сложного синтаксического целого, выполнение упражнений по редактированию текстов, связанных с устранением выделенных типов ошибок в построении ССЦ. При создании текста и работе с ним важно помнить также о тематичности и связности как основных его характеристиках.

Лит.: Величко Л.И. Работа над тестом на уроках русского языка. М., 1983; Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ: ДД. Ростов н/Д, 2003; Папуша И.С. Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование: ДД. М., 2011; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1997; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 1997.

А.Н. Смолина

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ ТЕКСТА. В самом общем виде они могут быть представлены как следствие недостаточной сформированности Текстовой компетенции (см.). Безусловно, приступая к составлению текста, автор прежде всего должен чётко знать, **что** он хочет сказать, **кому** предназначена информация, на какой эффект он рассчитывает. Слабое владение материалом, наличие фактологических ошибок сведёт на нет все усилия по конструированию текста. Автор должен знать, что предмет, адресат, цель обуславливают сферу использования языка и, следовательно, текст должен получить лексическое, морфологическое, синтаксическое и стилистическое выражение, соответствующее конкретному жанру научных, публицистических, официально-деловых, разговорных или художественных текстов. Все языковые средства должны отбираться в соответствии с признаком уместности.

Следующий этап – продумать композицию текста, т.е. структурировать содержание. Умение ранжировать фрагменты содержания по их значимости, следовательно, вычленив главное и положить его в основу содержательной структуры текста, не растворить главное в массе второстепенного, сопутствующего – важный фактор успеха. Эффективное воздействие на потенциального получателя сообщения во многом зависит от умения сформулировать так называемое «сильные позиции» текста: заголовок (если он требуется), зачин и концовку в соответствии с их функциями и правилами оформления. Нечёткая формулировка темы в начале и выводов в заключительной части относятся к важнейшим показателям неумелого текстопроизводства.

Основные факторы неэффективного исполнения основной части текста: нечёткость, непоследовательность, бессистемность изложения материала как следствие некорректного членения на микро-тексты (ССЦ/СФЕ), отсутствия сигналов перехода к новой микротеме; неудачная разбивка на Абзацы (см.) в их соотносённости с тематическим членением; нарушение логики изложения и обоснования выводов; противоречивость суждений и классификаций (если таковые есть); неоправданный отход от темы; недостаточное акцентирование основной мысли текста; ослабление динамичности изложения за счёт неоправданного и невариативного повторения мыслей, формулировок, цитат. Грубейшая ошибка – смешение способов языкового оформления текстов разного типа: повествования, описания, рассуждения, определения (дефиниции).

Хорошее восприятие текста, его эффективность в большой мере зависят от реализации важнейшей категории текстуальности – связности. Именно она делает совокупность предложений целостным произведением, обеспечивает тематическое, коммуникативное и структурное единство микро- и макротекста. Поэтому недостаточное владение средствами связи компонентов предложения и межфразовой связи, незнание их функционально-жанровой специфики снижает степень нормативности и эффективности текста.

Лит.: Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе. М., 1998; Лосева Л.М. Как строится текст: пособие для учителей. М., 1980; Мещеряков В.Н. Учимся начинать и заканчивать текст: учеб. пособие. М., 2004; **Методическое письмо о проведении государственного выпускного экзамена по русскому языку и математике.** 2010-2011 уч. г. URL: fipi.ru/binaries/982/mp2009-2010.doc; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. М., 2008; Синцов Е.В. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. М., 2009; Соколова О.И., Федюнина С.М., Шабанова Н.А. Культура речевой коммуникации: учеб. пособие. М., 2009; Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М., 2001.

А.А. Бернацкая

ОШИБКИ В СКЛОНЕНИИ ИМЁН – Морфологические ошибки (см.) в словоизменении существительных, прилагательных, числительных и местоимений, связанные с несоответствием выбора падежных, числовых и родовых (у прилагательных и части местоимений) форм Морфологической норме (см.).

О. в с.и. могут охватывать одну словоформу или всю систему форм (тип склонения).

Ошибки в выборе типа склонения для конкретного сущ. во многом определяются тем, как выглядит слово в словарной форме им. падежа ед. числа. Во втором и третьем типе субстантивного склонения финаль (конечная фонема или слог) может совпадать, ср., напр., *конь* и *печь*. В этом случае для многих сущ. система языка допускает склонение по обоим типам, в то время как норма требует отнесения к одному из типов, ср., напр., *шампунь/шампуня* и т.д. Ошибкой будет склонение этого слова по третьему типу, напр.: **Я этой шампунью не пользуюсь.*

Другой регулярной ошибкой является отнесение к типу склонения слов «преимущественно *pluralia tantum*», которые, как правило, употребляются во мн. числе, напр., слова, обозначающие реалии, в жизни чаще всего встречающиеся в количестве двух (*ставни: ставень* или *ставня?*). Часто норма в склонении таких слов является диспозитивной (см. Языковая норма), разрешает склонение по двум типам, однако для части слов закрепление нормой одного из типов склонения приводит к возможности ошибки: **Посмотри на эту рельсу.*

В последнее время стали регулярными ошибки в выборе падежной формы существительного, напр.: **Если говорить о желтых карточек~~е~~, то их много получили футболисты* (телеканал «Россия-Спорт»). Чаще всего происходит замена:

1) косвенных падежей именительным, напр.: **Нужно иметь в виду и предвыборная компания* (пример М.Я. Гловинской);

2) род. падежа предложным и наоборот, напр.: **...в британских средств~~е~~ массовой информации* (телеканал «НТВ»); **...депутаты, по десять лет отсидевшие в Государственной думы* (телеканал «РТР»);

3) тв. и дат. падежа ед. числа родительным и наоборот, напр.: ...*с учетом зимней добавкой (телеканал «Афонтово»); ...*гимн матери, хрупкой женщины (телеканал «Культура»).

М.Я. Гловинская связывает такого рода ошибки с тенденцией к разрушению падежной системы русского существительного.

Ошибки в склонении числительных связаны с неправильным выбором формы падежа, особенно части сложного и составного числительного, напр.: с **восемьдесятю лошадьми* (с восьмьюдесятью ...), **двухста двадцати коровам (двумстам двадцати...)*. Такого рода ошибки являются регулярными на протяжении уже нескольких десятков лет, что говорит о тенденции к утрате склонения числительных. Отдельно следует отметить регулярную ошибку в склонении порядковых числительных, входящих в часто употребляемое в разных сферах общения наименование года от рождения Христова и включающих в себя сочетание *две тысячи*. В таких числительных склоняется только последний компонент: *две тысячи первый год* и т.п. Однако многие строят такие числительные по модели числительного *двухтысячный*: **двухтысяча первый год* или **двухтысячно первый год*.

Менее регулярными являются **ошибки в склонении прилагательных и причастий**. Как правило, они связаны с нарушением Синтаксической нормы (см.) согласования прилагательного или причастия с главным словом, напр.: **Вы можете... получить... нужную книгу по цене, значительно меньшую той, которая указана в интернет-магазинах*.

В склонении местоимений особое место занимают регулярные ошибки в употреблении родовых форм местоимения *оба* (**обоих лошадей* вместо *обеих*, **обеим коням* вместо *обоим* и т.п.), связанные с тем, что род в этом местоимении обозначается не окончанием, а суффиксами: *-о-* в косвенных падежах м. рода и *-е-* в косвенных падежах ж. рода.

Лит.: Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976; Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия. М., 1996; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976, 2001.

И.Е. Ким

ОШИБКИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ – неоправданное авторской задачей употребление в письменной или устной речи производных слов, образованных по не существующим в литературном языке моделям, представляющим своего рода синонимическую замену уже имеющихся структур, принятых обществом; разновидность Грамматических ошибок (см.)

Сегодня весьма актуальным считается вопрос, связанный с нарушением языковых норм, а именно с тем, правомерно ли трактовать эти нарушения как ошибки. Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим два текста: (1) *Вот потенциальные призывники и смекнули, что лучше сейчас «по-шустрому» сходить в армию, чем защищать родное Отечество без малого три года. В кругу работников военкоматов вошли в обиход термины «пошустризм» и «пошустристы»* (КП. 07.07.2008) и (2) *Воины проявляли упорность и отвагу*.

В первом тексте «нарушителями» нормы являются единицы *пошустризм* (ср. также разг. *пофигизм*) и *пошустристы*, каждое из которых мотивировано наречием *по-шустрому*, что прослеживается в тексте газеты. В русском языке модели образования существительных от наречий единичны, более того, отсутствуют дериваты, отнаречные субстантивы с формантами *-изм* и *-ист* (ср. примеры слов, приведённые в [Русская грамматика 1980: 219]). Во втором тексте используется единица *упорность*, которой нет в языке в силу наличия нормативного слова *упорство*.

Как видим, все рассмотренные единицы нарушают норму, т.е. не являются фактами литературного языка. Разница заключается в том, что первые две – *пошустризм* и *пошустристы* – не воспринимаются как ошибка, т.к. они в тексте раскрывают авторскую цель, неся на себе эмоциональную окраску, называют новое для общества явление: во-первых, состояние определённой группы людей (*пошустризм*), во-вторых, самих людей, охваченных этим состоянием (*пошустристы*). Это даёт основание рассматривать отмеченные единицы как Оказионализмы (см.). Иначе обстоит дело со словом *упорность*. Здесь налицо речевая ошибка, связанная с неправильным выбором суффиксального форманта *-ость* вместо *ств(о)*. Сравните в этой связи также *С детства у неё были приклонности к музыке*, где в *приклонности* ошибочно использована приставка *при-* вместо нормативной *с-*. В дан-

ном случае также имеет место словообразовательная ошибка, связанная с неправильным выбором словообразовательного средства.

Текстовые примеры дают нам право говорить, что далеко не каждое нарушение словообразовательной нормы может быть признано ошибкой. Речевая практика может способствовать не только проникновению в нормированный язык новых для литературного языка единиц, но и укреплению в нём новых моделей. Как отмечает Л.П. Крысин, «взаимоотношения языковой нормы и речевого узуса не всегда антиномичны, т.е. не всегда имеют форму конфликта, разрешаемого непременно в пользу какой-то одной из сторон. Вариативность, сосуществование, с одной стороны, языковых средств, освящённых традицией и закреплённых в норме путём её кодификации, и, с другой, языковых средств новых, идущих из речевой практики, также представляет собой форму взаимоотношений нормы и узуса» [Крысин 2008: 195]. Все факты речетворчества, когда налицо использование креативных наименований, вряд ли можно считать речевой ошибкой. Разные виды норм неодинаково влияют на успешность общения. Порой «этические и коммуникативные нормы, т.е. нормы, которые поддерживают конструктивное неконфронтационное общение, более значимы. Главное в конструктивном общении – гармония» [Ипполитова и др. 2006: 105]. Иногда человек идёт на намеренное, осознанное нарушение правил языка с целью привлечь внимание к своей речи. Такая языковая игра обладает ещё одним очень важным свойством: она ориентирована на адресата и должна быть понятна ему.

Часто в лингвистической литературе факты словотворчества детской речи (ср.: *Это обычное дело; Вон пошёл фотоаппаратчик* и др.) квалифицируются как словообразовательные ошибки. Считаем это нецелесообразным, т.к. детское словотворчество (словосочинительство) – это процесс познания ребёнком норм языка. Ребенок (как правило, дошкольник) так говорит, потому что именно так видит и понимает, именно так чувствует внутреннюю форму слова и его потенциал.

Творческое нарушение норм возможно только с «высоты» прекрасного владения речью и при условии, что эти отступления от нормы квалифицируются слушающими не только как намеренные, но и как оправданные. При восприятии устной или письменной речи человек, имеющий законченное среднее образование, вполне может определить, в каком случае использовано нормативное слово, а в каком – нет.

Лит.: Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2001; Евсева И.В. Детское словосочинительство и языковая игра // Игра как приём текстопорождения: коллективная монография. Красноярск, 2010; Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992; Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи в вопросах и ответах. М., 2006; Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Русский язык.** Говорим и пишем правильно: культура письменной речи. URL: www.grammar.ru.

И.В. Евсева

ОШИБКИ В СОГЛАСОВАНИИ – грамматико-синтаксические ошибки, заключающиеся в нарушении синтаксической координации между подлежащим и сказуемым, определением и определяемым словом.

В зависимости от характера нарушений, возникающих при построении синтаксических конструкций с согласованием, выделяются следующие наиболее частотные типы ошибок:

1) использование формы мн. числа глагола-сказуемого при подлежащем, выраженном собирательным существительным, напр.: **Вся беднота собрались и ждали на площади*. Норма: *Вся беднота собралась и ждала на площади*. Грамматическое согласование глагола-сказуемого с подлежащим, выраженным собирательным сущ., требует постановки сказуемого в ед. числе. Однако в некоторых случаях (по условиям контекста и при определённом стилистическом задании) допустимо использование мн. числа (согласование по смыслу). Сказуемое может ставиться во мн. числе, если: а) связка согласуется не с подлежащим, а с именной частью составного сказуемого (обратное согласование), напр.: *Большая часть из них были весьма образованные люди*; б) собирательное сущ. имеет при себе управляемое сущ. в род. падеже мн. числа, напр.: *Большинство увлечений были мимолётны*. О постановке сказуемого во мн. числе при подлежащем, имеющем в своём составе собирательное сущ. с количественным значением, см. подробнее в [Горбачевич 1989; Розенталь 1987; Розенталь 2004];

2) использование формы мн. числа глагола-сказуемого при подлежащем, выраженном сочетанием собирательного сущ., обозначающего считающиеся предметы (*стая, стадо, толпа, полк*), и сущ. в род. падеже мн. числа, напр.: **Толпа подростков или из кинотеатра*. Норма: *Толпа подростков или из кинотеатра*;

3) употребление сказуемого в форме третьего лица (или ср. рода) независимо от рода и числа подлежащего (обычно встречается в предложениях, где сказуемое стоит перед подлежащим), напр.: **Чтобы победить в конкурсе, нужно знания, умения, коммуникабельность, быстрота реакции и многое другое*. Норма: *Чтобы победить в конкурсе, нужны знания, умения, коммуникабельность, быстрота реакции и многое другое*;

4) использование формы мн. числа глагола-сказуемого при подлежащем, выраженном личным местоимением первого лица ед. числа, напр.: **Ты не против, если я с Димой домой приедем?*. Норма: *Ты не против, если я с Димой домой приеду?*;

5) ошибки в согласовании сказуемого с подлежащим, имеющим при себе приложение. По общему правилу сказуемое должно согласоваться с подлежащим, а приложение не должно влиять на согласование. Однако в речи могут встречаться случаи рассогласования в роде, напр.: **Дерево дуб был очень высоким и раскидистым*. Норма: *Дерево дуб было очень высоким и раскидистым*. Тем не менее, в отдельных случаях сказуемое может сочетаться не с подлежащим, а с приложением (не грамматически, а по смыслу). Обычно это происходит в случаях, когда приложение более конкретно по значению, чем подлежащее, и сопровождается обособлением, напр.: *Её любимый наставник, пожилая учительница русского языка, часто вспоминалась в эти дни*;

6) использование формы мн. числа глагола-сказуемого при подлежащем, выраженном вопросительным местоимением, напр.: **Кто из студентов уже сдали зачёт?* Норма: *Кто из студентов уже сдал зачёт?*;

7) использование формы мн. числа глагола-сказуемого при подлежащем, выраженном неопределённым или отрицательным местоимением, напр.: **Никто из них не могли выполнить это задание*. Норма: *Никто из них не мог выполнить это задание*;

8) ошибки в согласовании сказуемого с подлежащим, выраженным заимствованным несклоняемым сущ. По правилу сказуемое согласуется в соответствии с грамматическим родом несклоняемого слова, но в речи часто наблюдаются ошибки, напр.: **Кенгуру ускакала*; **Тюль гармонировала с обстановкой*; **Монпансье был очень вкусным*. Норма: *Кенгуру ускакал*; *Тюль гармонировал с обстановкой*; *Монпансье было очень вкусным*;

9) ошибки в согласовании сказуемого и несклоняемой аббревиатуры. Согласно правилу при несклоняемости аббревиатуры сказуемое согласуется с ведущим словом расшифрованного наименования. Примеры нарушений: **АООТ «Крокус» не выполнил требования*. Норма: *АООТ «Крокус» не выполнило требования* (правильным является выбор окончания среднего рода, т.к. ведущее слово аббревиатуры – *общество*);

10) ошибки в координации сказуемого с рядом однородных подлежащих, напр.: **В гостиной стоял диван, кресла и стол*. Норма: *В гостиной стояли диван, кресла и стол*;

11) ошибки в согласовании между определением и определяемым словом (обычно рассогласование в роде, числе, падеже), напр.: **Всем сотрудникам, закончивших работу, можно идти домой* (ошибочный выбор падежного окончания определения: определяемое слово диктует выбор окончания дат. падежа, а использовано окончание род. падежа; правильно: *всем сотрудникам, закончившим работу*);

Нарушения норм согласования отражают невысокий уровень речевой культуры, бедность знаний в области грамматики, недостаточный контроль над собственной речью. Исправление и предупреждение такого рода ошибок связано с работой над повышением уровня культуры речи, овладением грамматическими нормами русского языка.

Лит.: Алгазина Н.Н. Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учебник. М., 1987; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 2004; Фоменко Ю.В. Типы речевых ошибок. Новосибирск, 1994; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

ОШИБКИ В СПРЯЖЕНИИ ГЛАГОЛОВ – Морфологические ошибки (см.) в словоизменении личных форм глагола, связанные с несоответствием выбора личных форм Морфологической норме (см.).

Ошибки в спряжении могут охватывать одну словоформу или всю систему форм (тип спряжения). Такие ошибки встречаются гораздо реже, чем Ошибки в склонении имён (см.) и часто являются не грамматическими, а орфографическими.

Ошибки в выборе типа спряжения. В русском языке существуют два продуктивных (служачих моделями для спряжения вновь появляющихся в языке глаголов) типа спряжения глаголов в настоящем и простом будущем времени, различающиеся гласным в окончании: 1-ое спряжение: -у(-ю), -ешь, -ет; -ем, -ете, -ут(-ют); 2-ое спряжение: -у(-ю); -ишь, -ит; -им, -ите, -ат(-ят).

Как правило, в позиции под ударением ошибок в выборе гласного в окончании не возникает. В безударном окончании ошибка в употреблении окончания является, по сути, грамматической только в форме 3-его лица мн. числа: *дышут вместо дышат или *борятся вместо борются. В остальных формах такая ошибка носит характер Орфографической ошибки (см.) – написание *e* вместо *i* (или наоборот), не различающихся в звучании, напр., *дышет вместо дышит.

Грамматической является ошибка в выборе спряжения глаголов с приставкой *обез-* (*обес-*), напр., *обескровить*, *обессилеть*. Непереходные глаголы такого рода относятся к 1-ому спряжению и имеют в спряжении тематический гласный *e*, поэтому ошибкой будет *Через день я окончательно выздоровлю (*ты выздоровишь). Переходные глаголы с этой приставкой относятся ко 2-му спряжению и не имеют тематического гласного в настоящем времени, поэтому будет ошибкой такое употребление: *Борьба обескровеет обоих противников; *Своими действиями я его обескровею.

Ошибки в употреблении и написании окончаний и суффиксов отдельных форм глаголов.

По сути является орфографической ошибкой употребление *и* вместо *e* и наоборот в близких по звучанию безударных окончаниях второго лица мн. числа изъявительного и повелительного наклонения одного и того же глагола, напр.: *Скоро вы отсюда выйдите или *Выйдете отсюда!

Орфографической ошибкой также является употребление или отсутствие мягкого знака в следующих формах глагола (такие ошибки чрезвычайно распространены в интернет-коммуникации): а) пропуск мягкого знака в форме второго лица ед. числа настоящего или простого будущего времени: *спиши, *думаеши; б) отсутствие мягкого знака в неопределённой форме (инфинитиве) глаголов на шипящую согласную (*леч) и с постфиксом (частицей) *-ся*, напр.: *кататся или даже *катаца; в) постановка мягкого знака в формах третьего лица настоящего и простого будущего времени с постфиксом *-ся*: *катаётся, *катаются.

В отдельную группу следует выделить **ошибки, связанные с морфонологическим оформлением форм глагола**: чередованиями, использованием тематических гласных (суффиксов глагольной основы).

В форме первого лица ед. числа настоящего и простого будущего многих глаголов 2-го спряжения без тематического гласного наблюдается чередование (*в-вл, ф-фл, б-бл, п-пл, м-мл, ст-щ, т-ч, д/з-ж, с-ш*): *блестишь*, но *блещу* (*блестю); *висишь*, но *вищу* (*висю). Незнание этой закономерности может привести к грамматической ошибке. У некоторых глаголов, корень которых оканчивается на зубные согласные, эта форма вообще не употребляется. Поэтому к собственно грамматическим ошибкам относится их употребление в речи, напр.: *дудю или *дужу (*дудеть*); *победю или *побежу (*победить*). Грубой грамматической ошибкой является аналогическое выравнивание форм разноспрягаемого глагола *хотеть*: *хочут или, реже, *хотит. Чередования в корне *к-ч* и *г-ж* обычно не вызывают ошибок, однако часты ошибки в спряжении глагола *жечь*: *жгёшь вместо *жжёшь* и т.п.

Не всегда можно считать ошибкой употребление в настоящем времени вариантов глаголов *махать, сыпать, рыскать, капать* с тематической гласной *-а-*: *махает* вместо *машет* является допустимым, но не рекомендуется к использованию в письменной речи, вариант *сыпят* вместо *сыплют* также является допустимым, хотя недопустимо *сыпет (ср. *сыплет*).

Лит.: Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976; Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1977; Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1998; Правила русской орфографии и пунктуации. Полный грамматический справочник. М., 2010; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997.

И.Е. Ким

ОШИБКИ В УДАРЕНИИ. См. АКЦЕНТНЫЕ ОШИБКИ

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ – разновидность грамматико-стилистических ошибок, связанных с неправильным употреблением параллельных синтаксических конструкций. Так, ошибочными являются:

1) нанизывание причастных оборотов, делающее предложение громоздким: *Вдали виднелись горы, покрытые снегом, сверкавшим на солнце, играющем своими лучами* (лучше: *Вдали виднелись покрытые снегом горы, которые сверкали на солнце, играющем своими лучами*);

2) употребление конструкций с придаточной определительной частью в тех случаях, когда:

а) такого рода употребление приводит к повтору союзного слова *которые*: *В повестку дня встречи включены вопросы, которые связаны с развитием интеграционных процессов государств Содружества, которые касаются, в частности, формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы в рамках СНГ* (возможно: <...> вопросы, связанные с развитием интеграционных процессов в государствах Содружества, в частности, с формированием общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы в рамках СНГ);

б) возникает двусмысленность вследствие того, что союзное слово может быть соотнесено с предшествующими ему словами: *Депутаты, прежде всего аграрии, воздержались от резких вопросов президенту и премьеру, которые ограничились пожеланиями всё же почаще с ними советоваться* (неясно, *которые* – это депутаты или президент и премьер); возможен вариант: *Депутаты <...> президенту и премьеру, ограничившись пожеланиями <...>*;

3) употребление деепричастного оборота в тех случаях, когда:

а) при построении предложения деепричастие и глагол-сказуемое относятся к разным субъектам действия: **Почувствовав бесперспективность задуманного, у Бориса Надеждина возникло желание согласиться с коллегами* (следует: *Когда Борис Надеждин почувствовал бесперспективность задуманного, у него возникло желание согласиться с коллегами*);

б) деепричастный оборот употребляется в безличном или неопределённо-личном предложении, а также включается в пассивную конструкцию: **Прибыв в Хакасию, президенту были отведены лучшие апартаменты* (Прибыл – президент, а отвёл апартаменты кто-то. Возможно: *По прибытии президента в Хакасию ему были отведены лучшие апартаменты*); *И даже имея благоприятные условия, комбайнстроителям предложили большие деньги* (имеют благоприятные условия комбайнстроители, а предложил им деньги кто-то. Возможно: *Комбайнстроителям предложили большие деньги, несмотря на то, что они имеют благоприятные условия*).

Лит.: Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М., 1989; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1998; Сенкевич М.П. Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997.

А.А. Кузнецова

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЧАСТНЫХ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ – один из наиболее распространённых видов грамматико-стилистических ошибок. Их возникновение связано с недостаточным пониманием специфики причастия и деепричастия как частей речи. Так, причастие как именная форма глагола не имеет наклонения, поэтому при причастии не может употребляться частица «бы», а само причастие не имеет формы будущего времени. Деепричастие обозна-

чает действие, которое совершает производитель основного действия, т.е. у глагола-сказуемого и деепричастия должен быть один субъект действия.

Правила использования причастий.

1. При причастии не используется частица «бы». Напр.: **Власти решили не рисковать и не использовать такую меру, как отстранение губернатора от должности, вызвавшей бы непредсказуемую реакцию.* В данном случае причастный оборот необходимо преобразовать в придаточное предложение: *Власти решили не рисковать и не использовать такую меру, как отстранение губернатора от должности, поскольку это вызвало бы непредсказуемую реакцию.*

2. Действительные причастия обозначают признак того, кто (что) непосредственно производит действие. Страдательные причастия обозначают признак того, кто (что) испытывает на себе действие. В некоторых случаях значение страдательного залога может быть выражено действительными причастиями с постфиксом *-ся*. Однако они не всегда синонимичны, поскольку причастия, образованные от возвратных глаголов, прежде всего указывают на то, что субъект выполняет действие сам, а не испытывает действие со стороны (*сын, учащийся в первом классе*). Неверный вариант: **В мастерскую привезли табуретки, делавшиеся столярами,* правильный: *В мастерскую привезли табуретки, сделанные столярами.*

3. В причастный оборот не включаются союзы и союзные слова. Напр.: **Так как кот, удивлённый случившимся, он перестал красть.* В этих случаях происходит наложение структуры простого предложения на структуру сложноподчинённого. Правильный вариант: *Кот, удивлённый случившимся, перестал красть.*

4. Причастный оборот должен быть расположен непосредственно перед определяемым словом или после него. Чаще всего в речи допускается два типа ошибок и недочётов, связанных с нарушением порядка расположения причастного оборота и определяемого слова: а) причастный оборот, расположенный после определяемого слова, отделяется от главного слова другими словами. Напр.: **Школьники бегут к реке, приехавшие в лагерь,* правильный вариант: *Школьники, приехавшие в лагерь, бегут к реке;* б) определяемое слово включается в состав причастного оборота: **Дети играли на покрытом лугу свежей травой,* правильный вариант: *Дети играли на лугу, покрытом свежей травой.*

При использовании причастных оборотов необходимо учитывать присущие им категории вида и времени. Так, напр., причастия настоящего времени употребляются тогда, когда необходимо подчеркнуть, что причастие обозначает: а) признак, действие которого совпадает с моментом речи или с действием глагола-сказуемого: *Я узнал мальчика, несущегося мне навстречу на велосипеде;* б) постоянный признак: *Я знаю почтальона, носящего нам письма.* Иногда при указании на постоянный признак можно употреблять и причастие прошедшего времени: *Я уселся на скамью, стоящую в конце бульвара; Я уселся на скамью, стоявшую в конце бульвара.*

Если необходимо подчеркнуть совпадение по времени действий, выраженных причастием и глаголом-сказуемым, то обычно употребляют причастие прошедшего времени несовершенного вида и глагол-сказуемое несовершенного вида в форме прошедшего времени (хотя в этом случае возможна и форма настоящего времени причастия, поскольку выраженный им признак будет постоянным): *Приходивший поздно вечером сын обычно ужинал один, на кухне; Приходящий поздно вечером сын обычно ужинал один, на кухне.*

5. Причастия не имеют формы будущего времени.

Ошибки в употреблении деепричастных оборотов возникают в случае нарушения следующих синтаксических норм:

1) действие, выражаемое деепричастием, может относиться только к подлежащему. Напр.: **Поднимаясь по лестнице, послышался необычный шум на верхних этажах.* В данном случае следует сказать так: *Поднимаясь по лестнице, я услышал необычный шум на верхних этажах.* Или заменить деепричастный оборот придаточным предложением: *Когда я поднимался по лестнице, послышался необычный шум на верхних этажах;*

2) деепричастный оборот не может использоваться в безличных предложениях. Напр.: **Глядя на небо, мне стало грустно.* Правильный вариант: *Когда я посмотрел на небо, мне стало грустно;*

3) деепричастный оборот не используется в пассивных конструкциях. В таких конструкциях деепричастие относится к подлежащему, означаящему одновременно и субъект состояния, и объект действия. Сказуемое обычно выражается либо страдательным причастием, либо возвратным глаго-

лом с постфиксом *-ся*. Грамматически неправильным будет предложение типа: **Заглянув в квартиру, данный мужчина был мною задержан*. Правильный вариант: *Мужчина, заглянувший в квартиру, был мною задержан*. Неправильно: **Заводная пружина промывается в бензине, затем протирается тряпкой, вводя её внутрь* (буквально: пружина сама вводит внутрь тряпку). Правильный вариант: *Заводную пружину промывайте в бензине, затем протирайте тряпкой, вводя её внутрь*;

4) не рекомендуется употребление деепричастного оборота в предложении, где глагол-сказуемое стоит в форме будущего времени. Напр.: **Выбранная вами вещь окажется у вас в руках, оформив заказ в Fashion House* (из рекламной листовки). Правильный вариант: *Выбранная вами вещь окажется у вас в руках после того, как вы оформите заказ в Fashion House*.

При употреблении деепричастного оборота необходимо обратить внимание на вид деепричастия. Деепричастие несовершенного вида обычно используется в том случае, если дополнительное действие совпадает по времени с основным: *Загадочно улыбаясь, она подходила ко мне всё ближе*. Деепричастие совершенного вида указывает на действие, предшествующее основному действию: *Загадочно улыбнувшись, она подошла ко мне ближе*. Таким образом, не совсем корректно следующее предложение: **Подъезжая к реке, всадники остановили лошадей*. Правильный вариант: *Подъехав к реке, всадники остановили лошадей*.

Лит.: Балашова Л.В., Дементьев В.В. Курс русского языка: учеб. пособие. Саратов, 2005; Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка. М., 2008; **Русская грамматика:** науч. тр. в 2-х тт. Т. 2. М., 1980, 2005.

А.А. Трапезникова

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ могут наблюдаться на разных уровнях языка: 1) фонетическом, 2) морфемном, 3) лексическом, 4) морфологическом.

На фонетическом уровне данные ошибки могут проявляться в неправильном произношении отдельных звуков и в ошибочном ударении. Ошибки в произношении связаны с тем, что некоторые иноязычные слова не настолько вошли в русскую языковую систему, чтобы полностью избавиться от признаков заимствования. Напр., в русской литературной речи безударный звук [о] произносится как [а] по общему для русских слов правилу аканья. Так же произносится безударный *о* в большинстве заимствованных слов: *бокал, вокзал, концерт, поэт, программа, прогресс, профессия, роман*. Однако некоторые слова сохраняют «иноязычное» произношение: *боа, болеро, бомонд, ноктюрн, оазис, рококо, сомбреро, тореадор, фойе*. Второй фонетической особенностью иноязычных слов является непоследовательное смягчение согласного перед [э]. В русских словах согласный перед [э] всегда произносится мягко, следовательно, и вошедшее в литературную речь заимствование должно следовать этому правилу: *компетентный, кофе, музей, пионер, термин, шинель, фанера, эффект*. Однако иногда иноязычное слово сохраняет твердый согласный: *диад[э]ма, инт[э]рвью, каф[э], код[э]кс, от[э]ль, синт[э]з, т[э]мп, т[э]нд[э]нция, т[э]рмос, форт[э]пиано, шед[э]вр, шоос[э]*.

Ударение в иноязычных словах тоже может быть непоследовательным. Акцентологические, т.е. связанные с ударением, нормы русского языка предписывают изменять заимствование, согласуясь с тенденциями развития нашего языка: *докуме́нт* (из польск. *документ*), *кредит* (в англ. *credit*), *квартáл* (от лат. *quarta* – ‘четверть’). Ошибочно считать, что заимствования меняют своё значение в зависимости от ударения (см. Омонимия). В некоторых случаях сохраняется ударение, принятое в языке-источнике, напр., французские заимствования (галлицизмы) содержат ударение на последнем гласном: *жалюзи́, комплиме́нт, пломби́р, резон, шофё́р, экипа́ж*. В целом произношение иноязычных слов не определяется четкими правилами, поэтому за справками необходимо обращаться к орфоэпическому словарю.

На морфемном уровне такие ошибки могут проявляться в ошибочном членении слова на значимые части (морфемы). Обычно в заимствованиях *валет, бюллетень, брелок* выделяют суффикс, которого там нет, с ударной беглой гласной. При правильном словоизменении ударный звук в этих словах сохраняется. Правильное морфемное членение помогает заимствованию адаптироваться к русской языковой системе: при колебании в написании слова *блогер* (человек, ведущий блог в Интернете) побеждает форма, содержащая корень *блог-* и суффикс *-ер*, а не транслитерация с английского

blogger. Основные ошибки на лексическом уровне связаны с плохим знанием значения иноязычного слова. Этого легко избежать, если пользоваться словарём иностранных слов.

Морфологический уровень связан с грамматическими категориями, которые у заимствований проявляются по-особому. Напр., некоторые заимствования не склоняются (*пальто, метро*), и ошибки связаны с попытками изменить слово по падежам. Грамматический род многих иноязычных слов трудно определить из-за того, что внешняя форма иноязычного слова не традиционна для русского языка: *депо, такси, алоэ* – ср. род, *пенальти, сулугуни* (сыр), *хинди* (язык) – м. род, *авеню, кольраби* (капуста), *салями* (колбаса) – ж. род. Неустойчивость в родовой принадлежности присуща двуродовым словам *арго, виски, бренди, эсперанто* (язык) – ср. и м. род. Вопрос о родовой принадлежности заимствования решается под влиянием принципа аналогии: при наличии русского синонима или родového слова. При обозначении животных используется м. род: *кенгуру, пони, шимпанзе*, однако в контексте при указании на самку эти слова употребляются в ж. роде. Иноязычные фамилии, оканчивающиеся на согласный звук, склоняются, если относятся к мужчинам, и не склоняются, если относятся к женщинам: *к мистеру Рузвельту, к Элеоноре Рузвельт*. Если фамилия сопровождается мужским и женским именами, то она сохраняет форму ед. числа: *Франклин и Элеонора Рузвельт*.

Коммуникативная целесообразность в использовании заимствований заключается в том, что иноязычие – лексика с яркой стилистической окраской, поэтому уместна в определённых сферах: деловой, научной, профессиональной. В разговорной речи лучше использовать русскую лексику: *дефицит* (лучше – *нехватка*) *времени, не достигли консенсуса* (лучше – *согласия*), *в нашем кампусе* (лучше – *студенческом городке*). В последние десятилетия в молодёжном и неформальном общении появилась речевая мода использовать английские заимствования без их заметной адаптации к русской норме.

Лит.: Горбачевич К.С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке: 1200 слов. СПб., 2000; Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения: ок. 15000 слов. М., 1997; Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М., 2007; Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы: ок. 65 000 слов / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1989; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997.

А.Н. Сперанская

ОШИБКИ В УПРАВЛЕНИИ – один из видов Синтаксических ошибок (см.). При их совершении говорящий/пишущий употребляет зависимые слова не в той падежной форме, которая предусмотрена нормами литературного языка, или не с тем предлогом (без предлога). Всё разнообразие ошибок в управлении можно свести к нескольким типичным случаям в зависимости от характера затруднений, которые испытывает говорящий/пишущий в результате слабого знания норм РЛЯ.

1. Говорящий/пишущий может затрудняться в выборе предложного или беспредложного варианта управления. Во многих случаях оба варианта являются допустимыми (синонимичными), различия заключаются в смысловых оттенках каждого варианта: *интересный всем – интересный для всех; нужный многим – нужный для многих; собираться группами – собираться в группы; работать вечерами – работать по вечерам; видеть первый раз – видеть в первый раз*. В некоторых случаях одна из конструкций может быть а) устаревшей: *считать за бездельника – считать бездельником; что касается до меня – что касается меня*; б) разговорной *представлять из себя – представлять собой*. Однако не все варианты одинаково допустимы. В паре *оперировать фактами – *оперировать с фактами; равноправны друг с другом – *равноправны друг другу* второй вариант ошибочный.

2. Ещё одной причиной ошибок в управлении может стать затруднение в выборе предлога: **говорит за то* (ошибка – просторечие) – *говорит о том* (правильно); **идти по грибы* (просторечие) – *идти за грибами* (правильно). При выборе предлога в синонимичных конструкциях иногда также необходимо учитывать смысловые и стилистические оттенки: *наблюдения за звездами – наблюдения над подопытными животными* (предлог *над* используется в выражениях, передающих значение возможности вмешаться в наблюдаемое явление, изменить его); *гулять в лесу*

(действие ограничено частью территории леса) – гулять **по** лесу (действие совершается в пределах всего обозначенного пространства леса).

3. Затруднительным может стать выбор падежной формы управляемого слова, т.к. в некоторых случаях возможны двойные падежные формы, за каждой из которых закрепилась определённая стилистическая окраска. Так, равноправными являются варианты *веришить судьбами – веришить судьбы; бояться, слушаться, дожидаться сестры – бояться, слушаться, дожидаться сестру*. Предлоги *благодаря, согласно, вопреки, навстречу, наперекор* управляют дат. падежом (не род. падежом!). Предлог *сообразно* может управлять и дат. падежом (*сообразно чему*), и тв. падежом (*сообразно с чем*). Предлог *по* в значении *после* управляет пр. падежом (*по окончании, по возвращении*), но в значении *согласно* управляет дат. падежом (*по распоряжению, по расписанию*).

4. Многие близкие по значению или однокоренные слова в русском языке требуют разного управления. Этого говорящий (пишущий) может не знать. В результате возникают ошибки в **управлении при синонимических словах**. Наибольшие затруднения вызывают следующие пары: *обижаться* на кого/что – *обижен* кем-чем; *обрадоваться* кому/чему – *обрадован* чем; *обращать внимание* на кого/что – *уделять внимание* кому-чему; *превосходство* над кем/чем – *преимущество* перед кем/чем; *препятствовать* чему – *тормозить* что; *различать* что и что – *отличать* что от чего; *рассердиться* на кого/что – *рассержен* кем/чем; *уверенность* в ком/чём – *вера* в кого/что; *удивляться* кому/чему – *удивлён* кем/чем; *уплатить* за что – *оплатить* что.

5. Затруднение может вызвать выбор предложно-падежной формы при одном управляющем слове. Некоторые глаголы имеют при себе управляемое слово в различных предложно-падежных формах, что связано с разными смысловыми или стилистическими оттенками. Сюда относятся: *бросить* что (значение объекта: *бросить камень в воду*) – *бросить* чем (значение орудия: *бросить камнем в собаку*); *винить* в чём (значение объекта действия: *винить других в своих несчастьях*) – *винить* за что (значение причины действия: *винить за отсутствие внимания*); *говорить* что (в полном объёме: *говорить правду*) – *говорить* о чём (в общем виде: *говорить о разных вещах*); *жертвовать* что (приносить в дар материальные ценности: *жертвовать деньги на благотворительные цели*) – *жертвовать* чем (поступаться чем-л., отказываться от чего-л.: *жертвовать собственными интересами, жизнью ради высокой цели*); *завязать узел* (на вещах) – *завязать узлом* (напр., галстук); *заплатить* за что (отдать деньги за что-л.: *заплатить за покупки, заплатить за проезд в автобусе*) – *заплатить* что (возместить что-л.: *заплатить долги*); *наблюдать* что (проводить наблюдения; смотреть: *наблюдать солнечное затмение*) – *наблюдать* за чем (иметь надзор: *наблюдать за поведением детей*); *напомнить* что (в полном объёме: *напомнить сказанное*) – *напомнить* о чём (в общих чертах: *напомнить о случившемся*); *обеспечить* кого/что чем (снабдить чем-л. в необходимом количестве: *обеспечить учащихся учебниками, обеспечить предприятие новейшим оборудованием*) – *обеспечить* кому/чему что (гарантировать что-л., создать необходимые условия для осуществления чего-л.: *обеспечить гражданам социальную защиту*).

Повышенного внимания требуют не только управляющие глаголы, но и многие прилагательные. Напр.: *близкий* чему (непосредственно касающийся, отвечающий взглядам: *близкая моим взглядам позиция*) – *близкий* к чему (похожий, подобный: *близкие к разговорному стилю выражения*); *виноват* чем (причинное значение: *чем я виноват!*) – *виноват* в чём (объектное значение: *виноват во многом*); *тождественный* чему (такой же, одинаковый: *взгляды, тождественные моим*) – *тождественный* с чем (соответствующий чему-л.: *взгляды, тождественные с моими*); *чуждый* чему (далёкий по духу, несвойственный: *культура китча чужда интеллигенту*) – *чуждый* чего (не обладающий чем-л.: *чуждый мелкого самолюбия*) (Примеры приведены из книги Д.Э. Розенталя «Управление в русском языке»).

При возникновении любого рода сомнений в правильности построения фраз и словосочетаний необходимо обращаться к справочным пособиям и словарям. Хорошие результаты по профилактике ошибок в управлении даёт словарная работа и ведение индивидуального словаря ошибок.

Лит.: **Грамота.ру** – справочно-информационный интернет-портал. URL: www.gramota.ru/slovari/types/17_5; **Культура письменной речи**. URL: www.grammar.ru; **Розенталь Д.Э.** Управление в русском языке: словарь-справочник для работников печати. М., 1998; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997; **Розенталь Д.Э.** Справочник по русскому языку. Управление в русском языке. URL: www.slovari.ru/default.aspx?p=965.

ОШИБКИ ПОРЯДКА СЛОВ – это немотивированные нарушения обычного (стилистически нейтрального) расположения членов предложения, не соответствующие грамматическим нормам РЛЯ и, как правило, приводящие к неправильному пониманию смысла предложения, в т.ч. к Двусмысленности (см.).

Неправильный порядок слов – следствие ложного представления о его свободе в русском языке. Конечно, порядок слов в русском языке не так фиксирован, как в английском, но всё-таки далеко не свободен (см. Порядок слов).

Чаще всего ошибки в письменной речи возникают под влиянием устной, где порядок слов отличен из-за того, что в устной речи многое выражено интонацией (актуальное членение, устойчивость некоторых словосочетаний – см. Разговорная речь). Не зная о различиях устной и письменной речи, человек располагает слова так, как он бы это сказал – и делает ошибку. На вопрос «Когда приехал отец?» устно можно ответить *Вчера приехал отец*, в написанном ответе рема должна быть в конце: *Отец приехал вчера* или нужно употребить какое-л. выделяющее рему дополнительное слово: *Только вчера отец приехал*; *Как раз вчера приехал отец*. Особенно важно не нарушать нормы расположения ремы в конце предложения, а темы в его начале при построении связного текста, иначе он «рассыпается». Напр., в школьном сочинении читаем: *Я люблю книги о войне. Я узнаю о героях из них. Из них* – тема второго предложения, с неё и надо было начинать.

В устной речи паузы и изменения основного тона не позволяют слушающему объединить в своём сознании слова, следующие одно за другим, но говорящим не объединяемые в единое целое: **Обязать всех владельцев / собак держать на привязи*. В напечатанном виде получилось, что держать на привязи надо *владельцев собак*.

Не следует ставить рядом те слова, которые грамматически могут образовать ненужное словосочетание или, наоборот, разорвать нужное. См., напр., ошибочное расположение слов в газетах: **Она стала первым подобным в мире хирургическим вмешательством* (МК. 02.05.07). Надо: *Она стала первым в мире подобным хирургическим вмешательством*; **Вместе с министром во Владикавказ прибыла и лучшая группа в стране гляциологов, гидрологов и гидрографов* (РГ. 26.09.02). Надо: *лучшая в стране группа* и т.д.

Свои места имеют частицы *только, лишь, даже, ведь*. В письменной речи они всегда должны располагаться **перед** выделяемым словом, а в газетах нередко встречаем ошибки: **Они лишь стремятся к наибольшей прибыли при наименьших затратах* (РГ. 22.09.06). Надо: *стремятся лишь к наибольшей прибыли*. Ошибочным, но очень частотным является расположение присоединительного союза *также* в начале предложения: **Также на очищенной территории заменят бордюрный камень* (МК. 28.01.08); и т.д. В отличие от союза *а также* союз *также* присоединяет не предложение, а слово и ставится **после** него! Надо было: *заменят также*. Неправильное расположение союза *также* иногда приводит даже к **искажению смысла**: *Причастность Максимова к убийству также опровергает ...* – значит опровергает ещё и кто-то другой (акцент на том, **кто** опровергает), и *Причастность Максимова к убийству опровергает также ...* – значит опровергается и обвинение его в убийстве и даже причастность к нему (акцент на том, **что** опровергается). Смысл явно разный, зависит от порядка слов.

Нежелательно располагать в середине предложения обстоятельства времени и места. Поскольку, как правило, они не образуют словосочетаний со сказуемым, а относятся ко всему предложению в целом (исключения *ехать куда, жить где*), их нужно ставить в начале предложения или, если они рема, в конце. Иное расположение в письменной речи нежелательно, хотя и встречается: *Напомним: следствием перекрытия нашим банкам доступа к западным кредитам стало сворачивание рядом из них в России программ ипотечного и автокредитования* (МК. 02.02.08). Надо: *В России следствием ...* или *... программ ипотечного и автокредитования в России*.

Нежелательно и размещение вспомогательного глагола *быть* перед предикативными наречиями *можно, нельзя, надо, нужно*, как это иногда встречается: *Мы научились сотрудничать, понимать друг друга, чтобы было можно выполнять какие-то совместные задачи в других регионах* (МК. 26.08.08). Надо: *...можно было...* В русском языке существует устойчивая традиция постпозитивного расположения глагола *быть* при словах, обозначающих что-то независимое от воли человека (ср.

Он должен был много денег). Соотношение постпозитивного *быть* в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) при слове *можно* – 9355, а в препозиции – 87, из которых большинство при *можно* в роли ремы (*сделать это было можно*).

Таким образом, чтобы избежать ошибок, надо помнить, что в письменной речи порядок не такой, как в устной, и главное – не свободный. Следует учитывать коммуникативную роль слов (рема в конце), стараться не отрывать слово от того, которому оно подчинено, и не располагать рядом те слова, которые по смыслу объединяться не должны.

Чаще всего в учебной литературе выделяются следующие О.п.с.: 1) немотивированная перестановка подлежащего, выражающего данное (тему), и сказуемого, выражающего новое (рему). Напр.: **Встретившись, пошли в зоопарк ребята* (из соч.). Ср.: *Ребята, встретившись, пошли в зоопарк*; 2) немотивированная перестановка обстоятельства образа действия и сказуемого: **Он пошёл по пустой аллее медленно* (из соч.). Ср.: *Он медленно пошёл по пустой аллее*; 3) немотивированная перестановка обстоятельства меры и степени и сказуемого: *По обыкновению он мало спал* (из соч.). Ср.: *По обыкновению он спал мало*; 4) немотивированная перестановка согласованного определения и определяемого слова: **Мы прослушали рассказ интересный* (из речи воспитателя). Ср.: *Мы прослушали интересный рассказ*. Или: **Земля и море погрузились в мрак глубокий* (из соч.). Ср.: *Земля и море погрузились в глубокий мрак*; 5) немотивированная перестановка определяемого слова и несогласованного определения: *В красной шляпке девушка стояла у окна* (из соч.). Ср.: *Девушка в красной шляпке стояла у окна*; 6) перестановка двух согласованных определений, одно из которых выражено качественным прилагательным, а другое – относительным: *Повсюду стоял болотный ужасный запах* (из соч.). Ср.: *Повсюду стоял ужасный болотный запах*; 7) отрыв частицы от того компонента предложения, к которому она непосредственно относится: *Верёвка была длинная и только не достигала одного угла* (пример из [Цейтлин 1982]). Ср.: *Веревка была длинная и не достигала только одного угла*; 8) отрыв друг от друга однородных членов предложения: **Проверяйте деньги не отходя от кассы и правильность оформления билетов* (из объявления). Ср.: *Проверяйте деньги и правильность оформления билетов не отходя от кассы*.

Немотивированное нарушение порядка слов в предложении следует отличать от стилистического приёма Инверсии (см.) как прагматически целесообразного нарушения порядка слов.

Лит.: Алгазина Н.Н. Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учеб. пособие. М., 2002; **Русская грамматика**. Т. 2: Синтаксис. М., 1980, 2005; Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка: учеб. пособие. М., 2006; Сиротинина О.Б. Порядок слов в русском языке. М., 2006; Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения. М., 2010; **Чтобы Вас понимали. Культура русской речи и речевая культура человека**: учеб. пособие. М., 2009; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

О.Б. Сиротинина, А.А. Кузнецова

ОШИБКОВЕДЕНИЕ, или **ЭРРАТОЛОГИЯ** (от лат. *errāta* – ‘ошибки’), – прикладное направление лингвистики, изучающее различные случаи нарушений собственно Языковых норм (см.), Коммуникативных норм (см.) и Этико-речевых норм (см.).

О. выделяется в противовес Ортологии (см.), изучающей языковую норму, её функционирование и историческую изменчивость в соотношении с системой языка и узусом. В русле ортологии рассматривается типология всех видов норм, а в русле О. – типология немотивированных отклонений от них.

Высокоорганизованная речь предполагает отсутствие ошибок, поэтому работа по их предупреждению и устранению – важная составная часть культуры речевого общения.

Лит.: Апресян Д.Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica* – Филологические исследования. М.; Л., 1990; Баринова А.В. Коммуникативно-прагматические ошибки // *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник* / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Демиденко Л.П. Речевые ошибки: учеб. пособие. Мн., 1986; Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на ма-

териале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993; **Красиков Ю.В.** Теория речевых ошибок. М., 1980; **Норман Б.Ю.** К типологии речевых ошибок (на синтаксическом материале) // Речевые приёмы и ошибки: типология, деривация, функционирование: сб. науч. тр. М., 1989; **Сковородников А.П.** Ошибки этико-речевые // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Фоменко Ю.В.** Типы речевых ошибок: учеб. пособие. Новосибирск, 1999; **Шевнин А.Б.** Общая, или универсальная, эрратология // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2009. № 3 (41).

А.А. Кузнецова

ПАЛИЛО́ГИЯ. См. АНАДИПЛО́ЗИС

ПАЛИНДРО́М, или **ПЕ́РЕВЕРТЕНЬ**, – текст, одинаково читаемый в обоих направлениях – слева направо и справа налево: *Аргентина манит негра* (М. Булгаков); *А роза упала на лапу Азора* (А. Толстой); *Рембо обмер* (А. Вознесенский); *У тени или мафии фамилии нету* (Д. Авалиани). Считается, что первым П. использовал древнегреческий сатирик Согадес (III в. до н.э.).

В основе П. лежит механизм «зеркального отражения», которому приписывалось сакральное, магическое значение. «Текст при “нормальном” чтении отождествляется с “открытой”, а при обратном – с эзотерической сферой культуры. Показательно использование палиндрома в заклинаниях, магических формулах, надписях на воротах и могилах, т.е. в пограничных и магически активных местах культурного пространства – районах столкновения земных (нормальных) и inferнальных (обратных) сил» [Лотман 1992: 22–23].

П. – одна из самых сложных и поэтому очень редко встречающихся форм языковой игры. Однако есть авторы, увлекающиеся этой формой и создающие не только П.-отдельные фразы, одностишья, но и целые стихотворения и даже поэмы. Так, напр., у В. Хлебникова есть поэма-П. (перевертень) «Разин», в которой каждый стих – П.

Довольно длинные стихи-П. создали С. Кирсанов, И. Сельвинский и др. В качестве примера приведём стих. И. Кобзева «Осень»:

*На поле мело. Пан
Мороз взором
Нес осень.
И лоб одолело до боли
Ее
Гудение, и недуг
Зло полз.
Но слетел сон
И ладили, жили дали,
Или на мир озими зори манили?
Не сев ли жил весен?*

Многие считают П. слишком искусственной, бессодержательной формой: «Палиндромы обычно звучат искусственно и невразумительно» (М. Гаспаров). Другие говорят о П. как об «упражнении в текстуальной виртуозности», «лабораторных поэтических экспериментах», «поэзии для поэтов» (С. Калачёва). Третьи уверяют, что «это никак не распространяется на лучшие однофразовые палиндромы» (Э. Береговская), что «палиндром – потенциально самая афористичная форма», в которой авторы часто демонстрируют «абсолютный внутренний слух и зрение» (В. Григорьев). К таким П. относят, напр., одностишья О. Григорьева: *Нам боли мил обман; Город устал от судорог; Я и ты – боль злобытия* и др.

А. Вознесенский как-то сказал: «У нас к перевёртышам, к словам, которые читаются одинаково слева направо и справа налево, отношение как к курьёзу какому-то. Как будто на компьютере можно подсчитать количество букв и всё математически рассчитать. Я помню, как я шёл по дороге и вдруг мне как будто кто-то стал диктовать какие-то звуки, и вот возник некий магический крест в сознании, а потом визуально это превратилось в словосочетание «Аксиома самоиска». И справа, и слева читает-

ся одинаково. Сверху вниз и снизу вверх читается одинаково. Это магический крест, может быть, типа кабалистических знаков. Я, напр., по опыту своей жизни не знаю другого смысла бытия. Что такое жизнь? Это – аксиома самоиска. Это и поиск себя, и в то же время иск к себе. Сейчас мне кажется, что это самое главное, что мною было найдено в осмыслении жизни».

В. Хлебников называл П. «двояковыпуклой речью». П. нередко создаётся с использованием Тропов (см.) и Фигур речи (см.). Так, напр., Э. Береговская, анализируя стихотворение П. Фоянкова: *Не бубни, папин бубен,*

*Не бубни, мамин бубен,
Не бубни, тетин бубен,
Не бубни, дядин бубен,
Не бубни, бабин бубен,
Я юн – бубню я!*

пишет, что в нём сплетаются в единый экспрессивный сгусток, образуя яркую конвергенцию, метафора (*не бубни* = молчи), метафорическая персонификация (*папин бубен* = папин голос), и метонимия (*папин бубен*, т.е. голос папы = папа), многочисленная симплока, составленная из анафоры и эпифоры (*не бубни...бубен / не бубни...бубен*), и деривационный повтор (*бубни – бубен*), кольцо (*я юн – бубню я*), и полиптот (*бубни – бубню*), вертикальный гомеотелевт (*папин, мамин, тетин, дядин, бабин*), и архитектурная антитеза, охватывающая всё стихотворение (лишённое голоса поколение «предков» – обретающее самостоятельность поколение молодых). На это накладывается интенсивная звукопись, заложенная уже в самой природе П., который невозможен без звуковых повторов. Ономотопея, изображающая гудение и звонкие удары бубна, построена с помощью ассонанса на «у» и аллитерации на «б». Таким образом фонетическая организация стихотворной речи поддерживает и усиливает языковую ономотопею «бубен», которой поэт обозначил центральный образ стихотворения [Береговская 1999: 60].

Лит.: Береговская Э.М. Специфика палиндрома как формы языковой игры // Филологические науки. 1999. № 5; Бубнов А.В. Типология палиндрома. Курск, 1995; Бубнов А.В. Язык палиндрома. Курск, 1996; Гаспаров М.Л. Перевертень // Краткая литературная энциклопедия. М., 1968; Гаспаров М.Л. Русский стих 1890–1925 годов в комментариях. М., 1993; Калачёва С.В. Формализм // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; Кирсанов С.И. Поэзия и палиндром // Наука и жизнь. М., 1966. № 7; Лотман Ю.М. О семиосфере // Избранные статьи: В 3-х тт. Т.1. Таллин, 1992; Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

ПАМФЛЁТ (от др.-греч. *παμφλέγω* – ‘всё воспламеняю, всё испепеляю’) – сатирический художественно-публицистический жанр «с резко выраженной обличительной, часто полемической направленностью и определённым социально-политическим “адресом”» [Калашников 1987: 266].

П. ведёт своё происхождение от греческого жанра **диатрибы**. В античности его традиции складывались в произведениях Демосфена, Аристофана, киников и Лукиана. Как жанр П. оформился в эпоху Реформации (М. Лютер, Э. Роттердамский, У. фон Гуттен). Затем в XVII в. традиции злой сатиры продолжали Б. Паскаль, Дж. Мильтон, Д. Дефо, Дж. Свифт. В XVIII в. широкую известность получили П. энциклопедистов, Вольтера, Сьейеса, в XIX в. к этому обличительному жанру обращались В. Гюго и Э. Золя, а в XX в. – писатели-антифашисты Г. Манн, Э.Э. Киш и др. В России у истоков П. стоят П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, Д.И. Писарев и А.И. Герцен. Образцы жанра созданы М.Е. Салтыковым-Щедриным, Л.Н. Толстым, М. Горьким и др.

Цель П. – полная дискредитация какой-л. идеологии, негативного, с точки зрения автора, общественного явления или одиозного лица посредством осмеяния, содержащего иронию и сарказм. Воздействуя непосредственно на общественное мнение, П. вызывает в социуме гнев, негодование и отвращение по отношению к объекту сатиры. Отличительными признаками жанра являются: масштабность предмета разоблачения и его критики, гротеск, иногда переходящий в абсурд, повышенная экспрессивность, представленная категориями эмоциональности, оценочности, образности и интенсивности, а также пафос. Как правило, зло в П. персонифицировано и его носители названы поимённо. Основной способ создания отрицательного образа представлен механизмом сатирической типизации

с превалирующим художественным началом. В состав характерных для П. стилистических приёмов входят перифраза, эпитет, метафора, сравнение, гипербола, стилистический контраст, вопросно-ответный ход, стилистическая конвергенция и др. Жанру П. свойственна высокая степень насыщенности прецедентными текстами. Выделяется П. среди других жанровых единиц небольшим объёмом.

В настоящее время этот остросатирический жанр можно встретить на страницах печатных изданий, телевидении, радио, в пространстве Интернета (В.С. Бушин, В.М. Коклюшкин, В.И. Новодворская, А.А. Пионтковский, А.А. Проханов, Т.Н. Толстая, В.А. Шендерович, журналисты группы «Филантропия» (Алкей, Антигон, Тиртей, Фиест) и др.). Развитие П. осуществляется в процессе гибридизации, сопровождающем перестройку традиционной жанровой системы российских СМИ. Процесс размывания жанровых границ спровоцировал появление гибридных жанровых форм, среди которых можно выделить П.-панегирик, П.-политический комментарий, П.-фельетон, П.-авторская колонка, П.-пост и др. Возникшие гибриды обладают новыми жанровыми свойствами: усиление авторской субъективности, аналитичность, абсурдизация, увеличение объёма текста и др. (А.А. Пионтковский: www.grani.ru/opinion/piontkovsky/m.188644.html; А.А. Проханов: www.zavtra.ru/content/view/2010-09-2211/; Т.Н. Толстая: www.tanyant.livejournal.com/#entry_94852). А.Н. Тепляшина полагает, что признаком П. является толерантность. Считаем это утверждение неверным, поскольку оно несовместимо с основной целевой установкой П. Под толерантностью понимают «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [Большой энциклопедический словарь 2000: 1209].

Активно развивается и такое явление, как памфлетность. В широком смысле памфлетным может быть назван текст, обладающий типичными свойствами одноимённого жанра, перечисленными выше. В современной журналистике памфлетное начало присуще текстам разной жанровой принадлежности (В.М. Коклюшкин: www.aif.ru/society/article/50908; Тиртей: www.ng.ru/titus/2012-03-30/1_filantropia.html).

Существующая теория П. имеет большую литературу в журналистике и литературоведении, поэтому актуальной задачей является изучение жанра с лингвистических позиций.

Лит.: **Большой энциклопедический словарь** / под ред. А.М. Прохорова. М.; СПб., 2000; **Кайда Л.Г.** Стилистический облик современного памфлета // Поэтика публицистики. М., 1990; **Калашников В.А.** Памфлет // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Пастухов А.Г.** Политический памфлет: (не)умирающий жанр? // Жанры речи: сб. ст. Жанр и язык. Вып. 6. 2009; **Салимовский В.А.** Жанр (литературный) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006; **Салимовский В.А.** Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006; **Тепляшина А.Н.** Творческая природа комического: жанровая парадигма современной журналистики: АКД. СПб., 2007; **Тертычный А.А.** Жанры периодической печати. М., 2002; **Ткачёв П.И.** Сатиры злой звенящая строка: Природа смеха в памфлете. Мн., 1980; **Щербаков А.В.** О системном представлении жанрового поля языка/речи (на материале газетно-публицистических жанров) // Речевое общение. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 2006. Вып. 8–9 (16–17).

С.В. Серова

ПАРАГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ (от др.-греч. *παρά* – ‘около’ и *ἔρμηνευτική τέχνη* – ‘искусство истолкования’) – приёмы, демонстрирующие отклонения от правильного (нормативного) истолкования или понимания какого-л. высказывания или положения дел. Напр.: – *Не задерживай меня, тороплюсь – бегу к доктору. Моя жена что-то совсем мне не нравится.* – *Подожди-ка, и я с тобой: я свою тоже терпеть не могу* (ГД. 2001. № 23); – *Официант! Я хочу то, что ест вон тот господин за соседним столиком!* – *Хорошо, сэр, я сейчас скажу этому господину, что его вызывают к телефону, а вы действуйте!* (КП. 09.11.2002); – *Я слышал, мадам, Ваша дочь перебралась в Париж?* – *спрашивает продавец цветов в маленьком провинциальном городке.* – *Вас не пугают соблазны, которые ждут молодую девушку в этом городе?* – *Уже нет. Доченька написала, что находится под присмотром полиции* (СГ. 01.05. 2001); *Гордый отец звонит в редакцию газеты:* – *У меня жена родила тройню! Журналист, не расслышав, говорит:* – *А не могли бы вы повторить?* – *Повторить?! Вы обалдели: мне и троих хватит!* (КП. 26.02.2000); – *У меня*

жена – ну просто молодец! И постирает, и погладит, и поест приготовит... – А как у нее с ЭТИМ? – С этим? А-а-а... Ну, так она и этому постирает, погладит и поест приготовит... (Телевизор. 2005. № 23).

Как свидетельствуют примеры, П.р.п. специализированы на выполнении комической функции; преимущественной сферой их функционирования являются малые речевые жанры (анекдоты, комические диалоги). Парагерменевтический эффект создается в них благодаря таким факторам, как амфиболическое (двусмысленное) построение и, соответственно, неверное понимание реплики-стимула, в частности, незнание и, как следствие, неверное истолкование устойчивых оборотов речи.

Лит.: Копнина Г.А. Риторические приёмы современного литературного языка: опыт системного описания: монография. М., 2009; Сковородников А.П. О классификации риторических приёмов // Stylistyka-XIV. Opole, 2005.

А.П. Сковородников

ПАРАДИ́СТОЛА. См. АНТИТЕЗА

ПАРАДО́КС (от др.-греч. *παράδοξος* – ‘неожиданный, странный’) – стилистический приём, близкий к Оксюмору (см.), представляющий собой неожиданное, остроумное суждение, отрицающее общепринятое мнение и (часто только внешне) здравый смысл, но глубокое по значению.

Используя парадоксальные конструкции, автор демонстрирует необычный, нестандартный способ мышления и речи. Парадоксальные конструкции безусловно оригинальны, они привлекают внимание читателя/слушателя и способны вызывать сильный коммуникативный эффект. Иногда они передают некоторую мысль настолько глубоко (ярко, сильно), что, пожалуй, трудно найти не только более эффектную, но и более эффективную форму её выражения [Свинцов 1998].

П. основан на нарушении формально-логического закона противоречия (отклонении от логической нормы) и намеренной авторской недосказанности (отклонении от информационно-речевой нормы). Напр., парадоксы-афоризмы: *Кто хочет зарабатывать деньги, не должен о них думать* (Д. Рокфеллер); *Нет, не ты её – / Она тебя швыряет, игральная кость* (Б. Акунин).

В П. неафористического типа противоречие, как правило, снимается авторским контекстом: *Написать просто – это самое трудное. И вся повесть «Кавказский пленник» написана именно так, что она понятна даже тому, кто первый раз в жизни взял книжку в руки* (М. Чудакова); *Сербы называют встречу радостью, потому что всякая встреча от Бога, потому что всякая встреча – это мгновение, когда люди оказываются лицом к лицу иногда на очень короткое мгновение, а вместе с тем и навсегда, ибо, раз встретившись сердцем, верой, любовью, общей надеждой, под сенью общего креста, под сиянием общего грядущего победного воскресения, уже расстаться нельзя, расстояния земли людей не разлучают* (Митрополит Антоний Сурожский).

Парадоксальные высказывания реализуются исключительно на уровне предложения, в отличие от приёма оксюморона, формально представляющего собой словосочетание. Ср.: *Я – совершенство, потому что мания величия мне не присуща* (парадокс) и *несовершенное совершенство* (оксюморон).

Сфера использования П. достаточно широка: разговорная речь, ораторская речь, публицистика, художественная и нехудожественная литература (в т.ч. научная и научно-популярная), интернет-тексты.

Лит.: Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 2000; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие для вузов. М., 1999; Краткая литературная энциклопедия. М., 1968; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Свинцов В.И. Логика. Элементарный курс для гуманитарных специальностей. М., 1998; Семен Г.Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приёма парадокса: на материале английского языка: АКД. Одесса, 1985; Темяникова Э.Б. Когнитивная структура парадокса: на мат-ле англ. языка: АКД. М., 1998; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.,

ПАРАЛЕПСИС. См. ПАРАЛИПСИС

ПАРАЛИНГВИСТИКА. См. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ (от др.-греч. *παρά* – ‘около, возле, вне’) – это невербальные (неязыковые) средства, включённые в речевое сообщение и передающие вместе с вербальными средствами смысловую информацию. В узком значении к П.с.о. относят такие звуковые явления, как громкость (субъективное восприятие силы звука), мелодику (система понижений и повышений голосового тона речи), распределение пауз (разрывы произнесения), звуки-«заполнители» пауз (типа «ммм...»), Интонацию (см.), а также различного рода психофизиологические проявления (кашель, плач, смех, вздохи) и т.д. В более широком смысле, кроме вышперечисленных звуковых компонентов, под П.с.о. понимают разнообразные невербальные явления устного общения, такие как поза, жест, мимика, походка, взгляд, прикосновение, запах и др. При самом широком рассмотрении – любые явления, сопровождающие языковую деятельность: звуковую, графическую, кинетическую и т.п.

Существует две противоположные точки зрения на роль невербальных средств в процессе общения. Одни учёные считают их самостоятельными, значимыми элементами (Т.М. Николаева, Г.Е. Крейдлин), другие – вспомогательными компонентами по отношению к языковой системе, реализующейся в речи (Г. Колшанский). В настоящее время наиболее популярной является первая.

В соответствии с каналом общения невербальные средства традиционно делятся на визуальные, акустические и тактильные. Визуальные невербальные средства — это те, которые партнёры воспринимают с помощью зрения (жесты, мимика, позы, взаиморасположение партнёров в пространстве). Акустические – средства, которые воспринимаются на слух (голос и интонация). При этом голос определяют как звук, образуемый посредством голосовых связок и обладающий такими свойствами, как сила, высота (тон) и тембр (качество звука, его «окраска»). Тактильные – средства, воспринимающиеся посредством осязания (жесты-прикосновения, рукопожатия, объятия, поцелуи). В зависимости от назначения жесты подразделяются на ритмические, эмоциональные, указательные, изобразительные и символические.

Различают осознанные и неосознанные П.с.о. (ср. протягивание руки с целью рукопожатия и расширение зрачков, указывающее на состояние возбуждения). Выделяют П.с.о. обязательные (окраска голоса, темп речи, манера письма) и факультативные (звуки типа кашля, причмокиваний, а также жестовые сопровождения речи). П.с.о. могут быть исконными и заимствованными (так, современной молодёжной культурой заимствован жест «о кей», или кольцо), общеязыковыми и диалектными – социальными, профессиональными, религиозными и др. (напр., жестовый язык футбольных болельщиков – фанов). Отличают П.с.о. взрослых (развести руками, качать головой) и детей (показать нос, надуть щеки); мужские (стоять, широко расставив ноги) и женские (ходить, покачивая бёдрами). Существуют универсальные П.с.о. – характерные для всех людей независимо от их национального языка и культуры (отношение почтения в большинстве культур передаётся склонённой головой и корпусом); этнолингвистические, имеющие национальную или культурную специфику (показать язык или высунуть язык в России – детский жест-дразнилка, на юге Китая он обозначает «смущение», на Тибете – это жест ритуального почтительного приветствия); индивидуальные – свойственные отдельным личностям.

Невербальная речь по отношению к вербальной выполняет четыре основные функции: сообщает дополнительную информацию, передаёт тот же смысл, что и звучащая речь, помогает сохранить контакт между партнёрами и регулирует поток речи.

Для правильного понимания невербальной речи необходима комплексность, т.е. одновременное восприятие словесной и несловесной речи в их единстве, в совокупности всех использованных средств.

Автономное употребление П.с.о. связано с ситуациями, в которых присутствуют те или иные ограничения канала общения (напр., незнание национального языка партнёра, необходимость соблюдать тишину), особенности психологического состояния человека (большая радость или большое горе), а также ситуации, в которых жесты нельзя понять неправильно или по-разному (этикетный жест приветствия).

Важность изучения П.с.о. определяется практическими потребностями различных сфер человеческого общения. Напр., изучение и преподавание иностранного языка невозможно без знания паралингвистических явлений, обусловленных национальной или культурной спецификой (особенности выражения эмоций, жестикуляции). В сфере международного общения пренебрежение П.с.о. ведёт к недопониманию или конфликту (напр., кивок головой у разных народов может обозначать отказ или согласие). В области искусства результатом невнимательного отношения к паралингвистическим элементам становится неправильное изображение поведения людей других эпох и стран. Криминалистика использует паралингвистические элементы для определения личности преступника по особенностям (специфике) голоса, жестового сопровождения. В адекватной интерпретации паралингвистических явлений нуждается и медицина, поскольку соответствующие специфические признаки (дрожание голоса, замедленный или учащённый темп речи) служат симптомами определённых заболеваний.

В настоящее время П.с.о. изучается целым рядом наук: **паралингвистикой**, **кинесикой** (рассматривает жесты и мимику), **окулесикой** (исследует язык глаз), **гаптикой** (наука о языке прикосновений), **проксемикой** (изучает пространство как средство общения), **невербальной семиотикой** (специализируется на невербальном поведении, взаимодействии людей) и др.

Лит.: Биркенбил В. Язык интонации, мимики, жестов. СПб., 1997; Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. М., 1997; Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. Москва; Вена, 2001; Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи. М., 2009; Кибанов А.Я., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Этика деловых отношений. М., 2004; Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2004; Николаева Т.М., Успенский Б.А. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966; Николаева Т.М. Паралингвистика // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967; Савов Д.Г. Паралингвистический аспект профессиональной речи учителя: КД. М., 2012; Фаст Дж. Язык тела. Как понять иностранца без слов. М., 1997.

С.В. Серова

ПАРАЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ. СМ. ПАРАЭТОЛОГИЧЕСКИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ

ПАРАЛИПСИС, или **ПАРАЛЕПСИС** (от др.-греч. *παράλειψις* – ‘умолчание, пропуск’), – риторический приём, состоящий в том, что говорящий/пишущий сообщает именно то, о чём он обещал умолчать. Напр.: *Не стану описывать кушанье, какие были за столом! Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу, ни об индейке с сливами и изюмом, ни о том кушанье, которое очень походило видом на сапоги, намоченные в квасе, ни о том соусе, который есть лебединая песнь старинного повара, о том соусе, который подавался весь охваченный винным пламенем, что очень забавляло и пугало дам!* (Н. Гоголь). В этом примере П. «работает» на изобразительный эффект.

Я бы многое ещё мог процитировать из своего внутреннего монолога, выстроившегося во время спектакля, мог бы говорить, как грандиозно, возможно, даже гениально играет Юрий Горобец Железнова, говорить о том, что на сцене есть ансамбль, ансамбль прочувствованный, где не реплика цепляется за реплику, а характер за характер, где он подчиняется не указанию рема-рок, а внутреннему движению и ссылкам на обстоятельства. Но вот спектакль заканчивается. Он выстроен в двух неравных объёмах... (ЛГ. 2004. № 2). Здесь П. вводит дополнительные характеристики объекта, а в следующем примере – дополнительные аргументы: *Не будем останавливаться, чтобы попросить у Пивоварова разъяснений, должен ли был комиссар в обстоятельствах этого*

конкретного боя возглавить атаку; не станем интересоваться, каковы у Пивоварова источники информации. Просто приведём цитату из послевоенного письма Михаила Носова, участника защиты крепости, адресованного сыну комиссара – Юрию Фомину: «...Немцы начали штурмовать крепость со всех сторон. Комиссар лично ходил в итыковую атаку, своим примером воодушевлял воинов... Ежедневно нам приходилось отбивать несколько атак, и всегда он был с нами» (ЛГ. 2010. № 38).

П. часто связан с комическим эффектом, который может распространяться на значительную часть текста (см., напр., характеристику дам города N в поэме Н. Гоголя «Мёртвые души»)

Лит.: Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Старицёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ – такие риторические приёмы, которые основаны на намеренном нарушении в речи законов формальной логики (одного или нескольких одновременно): закона тождества, закона непротиворечия, закона исключённого третьего и закона достаточного основания – для достижения определённого стилистического эффекта.

В специальной литературе такие приёмы нередко называют Алогизмами (см.).

П.р.п. отличаются от Логической ошибки (см.) тем, что говорящий совершает нарушение нормы осознанно и целенаправленно, и адресат это понимает. В том случае, если адресат не воспринимает нарушение нормы как намеренное, он воспринимает его как ошибку. В отношении говорящего это расценивается как коммуникативная неудача.

К П.р.п., основанным на отклонении от закона тождества, можно отнести Антанаклазу (см.), Амфиболию (см.), Буквализацию метафоры (см.), Дилогию (см.), Зевгму (см.), Паралепсис (см.), Парономазию (см.), Перкурсию (см.), Силлепсис (см.), Фрактату (см.). Напр.: *По морде получили? Распишитесь.* (ЛГ. 2010. № 30) В данном случае мы видим дилогию, при которой слово «получили» можно понять неоднозначно: как ‘подвергнуться насилию’ (за счёт связи со словом «по морде») и как ‘взять, принять присланное’ (благодаря примыкающему предложению «Распишитесь»).

При нарушении закона непротиворечия возможны такие П.р.п., как Антифразис (см.), Оксюморон (см.), Парадокс (см.), Хиазм (см.). *Наконец воцарился император Диолектриан, двадцать лет подряд кротко сжигавший христиан* (Тэффи). В приведённом примере мы видим приём оксюморона, когда происходит сочетание противоположных характеристик одного и того же объекта.

Нарушение закона исключённого третьего может строиться на лексической несочетаемости, напр.: *С детства занимаюсь живописью и пишу стихи. Что у меня выходит хуже, трудно решить. Кажется, оба хуже* (Д'ор); *Сидеть между двух стульев удобнее в кресле* (ЛГ. 2010. № 32).

П.р.п., построенные на отклонении от закона достаточного основания, часто сопровождаются также нарушением закона тождества. Напр., парономазия может являться нарушением закона достаточного основания в случае так называемой ложной этимологии слова: *Если молодые люди объясняются в любви на плоту, то это плотская любовь* (А. Чехов).

Список возможных П.р.п. не ограничивается вышеозначенными. В зависимости от ситуации любое отклонение от норм логики может стать приёмом, если сообщает высказыванию дополнительный эффект: комический, трагический и др.

П.р.п. весьма востребованы в произведениях постмодернизма, а также являются основой для создания литературы абсурда.

Лит.: Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русская риторика. М., 2001; Квятковский А.П. Алогизм // Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Песков А.М. Алогизм // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Сковородников А.П. Алогизм; Паралогические риторические

приёмы // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.

Е.Е. Ермакович

ПАРАФРАЗ(А). См. ПЕРИФРАЗА

ПАРАЭТОЛОГИЧЕСКИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ, или **ПАРАЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ** (от др.-греч. *пара* – ‘около, возле’; *ήθος* – ‘нрав, натура, характер’), – приёмы, в основе которых лежат отклонения от норм поведения – речевого и/или неречевого. Напр.: *Помогите!* – кричит жена укротителя, выбежав на улицу. – *Лев вырвался из клетки и напал на моего мужа! Он его растерзает! Вход – полтора доллара!* (КП. 22.02.2002); – *Вань, ты бы мне хоть цветов купил. – Зачем, Мань, ты же вроде ещё живая?* (Комок. 2002. № 38); *Приговор. По причине недостаточности улики известный преступник Петров прямо из зала суда был отправлен на дозавершение преступления* (ТД. 2002. № 1); *Служба движения. Торопясь на «джипе» по своим делам, эстрадная певица М. Бусикова сбита гаишника И. Паклина. Несмотря на сотрясение мозга, он нашёл в себе силы попросить у неё автограф* (ЛГ. 2008. № 29); *Волобойчани давно возмущались за пределами ценами на места в местную Думу. И вот законодатели наконец-то пошли навстречу своим избирателям. Теперь для желающих побыть депутатом, но ограниченных в средствах, появились тарифы «Суточный» и даже «Часовой». Причём в последнем тарифе первая минута – бесплатно* (НГ. 2007. № 26).

Значительная часть П.р.п. связана с девиантным поведением людей в типичных социально значимых ситуациях и, как правило, служит для создания комического эффекта. П.р.п. в современной художественной литературе служат преимущественно для создания иронических контекстов. Напр.: *Есть три буддийских способа смотреть телевизор. <...> Сначала ты смотришь телевизор с включённым звуком. Примерно полчаса в день, свои любимые передачи <...> Потом ты начинаешь смотреть телевизор с включённым звуком, но отключённым изображением. И, наконец, начинаешь смотреть выключенный телевизор <...> Если так смотреть телевизор десять лет подряд хотя бы по часу в день, можно понять природу телевидения. Да и всего остального тоже* (В. Пелевин).

Лит.: **Копнина Г.А.** Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. М., 2009; **Сковородников А.П., Копнина Г.А.** Риторический приём // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Сковородников А.П.** Риторический приём // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; **Сковородников А.П.** О классификации риторических приёмов // *Stylistyka-XIV*. Opole, 2005.

А.П. Сковородников

ПАРЕМИЙНЫЕ (ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ) СЛОВАРИ. См. СЛОВАРИ ПАРЕМИЙ

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА. См. ПАРЕМИЯ

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ НЕОЛОГИЗМ. См. АНТИПОСЛОВИЦА

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ КЛИШЕ́. См. ПАРЕМИЯ

ПАРЕМИЯ, или **ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА**, или **ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ КЛИШЕ́** (от др.-греч. *παροιμία* – ‘притча’), – устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение, пригодное для употребления в дидактических целях [Савенкова 2002: 67], ср.: *Цыплят по осени считают; Жизнь прожить – не поле перейти; Смелость города берёт; Бог есть любовь* (Библия); *Большое горе врачует меньшее* (В. Шекспир) и т.д.

В дотерминологический период существования слово «П.» осознавалось как синоним слов «притча», «пословица», «поговорка» в их древнерусских значениях. Указание на это можно найти в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [Фасмер 1987]. Однако в церковном обиходе семантика слова изменилась: оно стало означать не любое изречение, а особый тип изречений, выбираемых из Священного Писания для чтения во время богослужения. В результате метонимического переосмысления возникло два других значения: 'избранные места из священного писания, читаемые на богослужении' и 'церковная книга, заключающая в себе паремии' [Срезневский 1989]. Подобную семантику фиксирует и «Полный церковно-славянский словарь» Г. Дьяченко. Однако последний источник в пояснении, заключённом в скобки, представляет П. и как синоним слова «пословица», ср.: «Паремия – (*греч.* пословица, притча) = чтения из свящ. писания ветхого (иногда нового) завета, которые содержат или пророчества о воспоминаемом в положенный день событии, или приточное, прикровенное указание на цель установления праздника» [Дьяченко 1993: 408]. Это указывает на то, что в светской речи семантика слова «П.» была шире. Недаром в словаре В.И. Даля П. определяется, в частности, как «нравоучительное слово» [Даль 1882], т.е. текст назидательного характера.

Иногда в работах современных отечественных лингвистов термин «П.» употребляется как синоним термина «пословица» [Селивёрстова 2004; Иванов, Мокиенко 2007 и др.]. В других случаях на пословицу указывают в качестве примера характерной П. [Басова 2004].

Объём понятия «П.» напрямую связан с набором признаков, составляющим его содержание. Так, Ф.И. Никоновойте относит к паремиям в собственном смысле только те устойчивые и воспроизводимые единицы со структурой предложения, которые несут в себе не любое назидательное, а исключительно духовно-нравственное, этическое содержание, ср.: *Не хлебом единым жив человек; Последние будут первыми; Муж и жена – единая плоть и кровь* и т.п. При этом источником П. считается Священное Писание [Никоновойте 1997: 580]. Однако более распространённой оказывается позиция, сформулированная Г.Л. Пермяковым, определяющим П., или паремиологические клише, как «особого рода языковые знаки, и прежде всего знаки типовых жизненных (и логических) ситуаций или типовых отношений между объектами» [Пермяков 1988: 145], без указания на обязательность их связи с текстами Библии. Г.Л. Пермяков расширяет круг П., включая в него пословицы, поговорки, приметы, поверья, суеверия, загадки, афоризмы, головоломки, общественно-политические клише и т.п. и подчёркивая, что каждая такая единица, «как правило, представляет собой нечто цельное, хотя и состоит из нескольких вроде бы самостоятельных слов-компонентов».

С позиций семиотики П. может быть охарактеризована как двуединая сущность, устойчивое материально-идеальное единство означаемого и означающего, соотносимое не с элементом, а с отдельным фрагментом внеязыковой реальности. П. сочетают в себе признаки языковых и речевых знаков при преобладании первых.

Значимость П. исследователи видят в том, что «в них хранится отражение глубинных мифологем и архетипов человеческого сознания... Паремии отражают совокупность мнений, выработанных народом как лингвокультурной общностью, и дают возможность обнаружить значимые ментальные ценности этноса» [Басова 2004: 3].

Лит.: Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке (На материале пословиц и поговорок): КД. Тюмень, 2004; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 3. М., 1882; Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993; Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь = Руска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Могилёв, 2007; Никоновойте Ф.И. О грамматическом содержании предиката евангельской паремии // Филологические науки. 1997. № 3; Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / сост. Г.Л. Капчиц. М., 1988; Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д, 2002; Селивёрстова Е.И. Вариативность пословиц как проявление законов жанра // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. Вып. 3 (№ 18); Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. Стб. 881; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III.

Л.Б. Савенкова

ПАРЕНТЭ́ЗА (ПАРЕНТЭ́ЗИС) (от др.-греч. *παρένθεσις* – ‘вставка’), – стилистическая фигура, состоящая в том, что в структуру предложения (высказывания) вставляются слова, словосочетания или предложения, не связанные с ним грамматически, но содержащие какую-л. добавочную информацию, в т.ч. экспрессивного (эмоционального, оценочного, образного) характера. Напр.: *Квартира тут, на Сергиевской, со двора, маленькие грязные комнаты. В одной – продавленный диван. Направо – комната, где заседает весь этот левозсеровский ЦК (попросту банда) (З. Гиппиус); Если так пойдёт и дальше (а с обещанными ранее квартирами офицеров уже кинули), то России не понадобится заключать новые Хасавюртовские соглашения (МК. 5-12.10.2000); И каждый вечер, в час назначенный / (Иль это только снится мне?), / Девичий стан, шелками схваченный, / В туманном движется окне (А. Блок).*

Главная функция П. в художественных и публицистических текстах – создание двух параллельных смысловых планов; причём второй смысловой план, создаваемый П., позволяет передать самые разнообразные оттенки экспрессии, связанные с субъективной точкой зрения или переживаниями автора текста.

Лит.: **Аникин А.И.** Соотношение вводных и вставных конструкций в современном русском языке // Русский язык: сб. тр. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1975; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Горбачёва Е.Н.** Вводные высказывания в структуре текста: АКД. М., 2003; **Иванова Е.Ю.** Вставная конструкция как экспрессивное синтаксическое построение (на мат-ле болгарского языка) // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; **Козырева Е.Н.** Когнитивные функции парентезы как отражение творческой индивидуальности писателя: КД. Тула, 2003; **Ляпон М.В.** Вставная конструкция // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Сковородников А.П.** Вставная конструкция // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; **Фадеева Л.А.** Парентеза в немецкой устной диалогической речи: на материале мангеймского корпуса: АКД. Астрахань, 2005; **Чижик-Полейко А.И.** Стилистика русского языка. Ч. III. Синтаксис. Воронеж, 1966.

А.П. Сковородников

ПАРО́ДИЯ (от др.-греч. *παροδία* – ‘перепев, пение наизнанку’) – способ, приём воспроизведения чужого стиля или чужого слова, предполагающий создание текста-«смехового двойника» [Бахтин 1979], развенчивающего пародируемый субъект или прототекст (его жанровые, стилевые особенности), демонстрирующего смысловую абсурдность, внутреннюю несостоятельность пародируемого или литературные, творческие возможности пародиста. Представление о П. как о самостоятельном литературном жанре было доказательно оспорено Ю. Тыняновым.

Классический пример литературной П. – «смеховой двойник» поучительно-философского стихотворения И.И. Дмитриева, написанного в жанре аполога:

Репейник и Фиалка

Между Репейником и Розовым кустом

Фиалочка себя от зависти скрывала;

Безвестною была, но горестей не знала.

Тот счастлив, кто своим доволен уголком.

Откликнулись на это произведение под влиянием первой (из обозначенных выше) коммуникативной установки в 1926 году А.С. Пушкин вместе с Н.М. Языковым:

Закон природы

Фиалка в воздухе свой аромат лила,

А волк злодействовал в пасущемся народе,

Он кровожаден был, фиалочка мила.

Всяк следует своей природе.

Этот пример доказывает, что пародирование, по справедливому замечанию великого поэта, определявшего П. как «искусство подделываться под слог известных писателей», «требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами...» (А. Пушкин. 1827). Литературные достоинства П. выходят на первый план в том случае, если автор её руководствуется прежде всего второй

(из выделенных нами) коммуникативной установкой, как, напр., А. Архангельский при создании прозаических П., Ю. Левитанский в состязательном поэтическом диалоге с Б. Ахмадуллиной, А. Иванов в откликах на стихи его современников. Их П. привлекают не столько актуальностью или оригинальностью авторской позиции, уничтожающей идейный смысл прототекста, сколько блистательной игрой поэтического воображения, языковой игрой.

При создании «смехового двойника» могут пародироваться различные объекты прототекстов: 1) самые характерные элементы стиля прототекста – стилистика в той или иной сфере общения, повторяющийся стилистический приём, предпочтительное использование тех или иных языковых единиц и пр.; 2) лингвостилистические и/или сюжетно-композиционные средства одного произведения для комического осмысления другого объекта – литературного или социально-исторического факта [Лушникова 2010]. Напр., в П. сатирика В. Ардова объектом становятся канцелярские штампы официально-деловой речи, которые, проникая в другие сферы общения, делают речь неуклюжей и тяжеловесной: *Лица, ходящие по траве, вырастающей за отделяющей решёткой, ломающейся и вырывающейся граблями, а также толкающиеся, пристающие к гуляющим, бросающиеся в пользуемых произрастающими растениями, подставляющие ноги посещающим, плюющие на проходящих и сидящих, пугающие имеющих детей, едущие на велосипедах, заводящие животных, загрязняющих и кусающихся, вырывающие цветы и засоряющие, являются штрафующимися.*

В пародии «Молитва моего соседа» И. Захватаева (1902) пародируются композиционно-стилистические свойства молитвы: *Прости, господи, грехи вольные и невольные рабу твоему Сидору! Прости, Господи, и помилуй! Спаси меня, Господи, от несчастий, болезней, а пуще всего от смерти! Спаси, Господи, детей моих и жену мою, и любовницу мою! Но если, Господи, захочешь наказать меня, накажи жену мою, даже детей моих, даже любовницу мою, а меня помилуй! Спаси, Господи, моих соседей, пока они не причиняют мне зла! Пошли, Господи, успеха в делах моих! Помоги, Господи, подешевле купить и подороже продать! Из прибыли пожертвую сто рублей на украшение храма. А может быть, пятьдесят, если прибыли будут не особенно велики. Помоги, Господи, сбыть партию загнившей рыбы! У подрядчика Севастьянова работает артель в двести человек, она могла бы съесть всю мою рыбу. Надоумь его, Господи, купить эту рыбу у меня, я ему сделаю уступку и пожертвую в церковь на новую ризу отцу Никанору. Господи, пошли мне хоть малую толику от щедрот твоих, ну хотя бы столько, сколько ты послал соседу моему Толстопузозу! Неужели он, обанкротившийся уже дважды, более, чем я, заслужил щедрот твоих, Господи? Выведи из сомнений грешную мою душу, спаси и помилуй меня, Господи! Аминь.* Как видим, в пародии воспроизводится основной речевой признак жанра молитвы – адресованность (см. Адресат) к Богу с просьбой. Однако в устах героя мольба вместо возвышенного обращения верующего к Всевышнему, которое должно стать «возношением ума и сердца к Богу, являемом благоговейным словом человека к Богу» [Библейская энциклопедия 1990], превращается в саморазоблачение. Пародийная форма позволяет сатирически представить алчность, эгоизм и завистливость молящегося купца.

Принципом отбора речевых средств при создании П. является взаимодействие двух тенденций – сходства с прототекстом и противопоставленности ему: сходство основывается на узнавании в П. речевых элементов пародируемого объекта, противопоставление основывается на зарождении в П. новых смыслов, противоположных тем, что заложены в прототексте. Новые смыслы рождаются благодаря гротесковости использования «чужого слова». Гипертрофированно представленная стилевая примета или совокупность примет, высвеченная остроумием пародиста, предстаёт намеренно сниженной, как бы разоблачённой. То, что хотели представить значительным, возвышенным, а порою и трагичным, предстаёт в комической форме. Комичность создаётся использованием множества стилистических средств, которые строятся на сходстве-различии, сближении-отталкивании. В предложении это окказионализмы, каламбур, оксюморон, ирония, на уровне высказываний – алогизм, парадокс, абсурд. Напр., каламбур основан на звуковом сходстве и семантическом различии, ирония – на сходстве денотативного значения и различии в оценочной коннотации, гипербола – на тематическом сходстве и количественном различии и т.д. [Лушникова 2010].

Лит.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского. М., 1979; Берков П.Н. Из истории русской пародии XVIII–XX вв. // Вопросы советской литературы. Т. 5, М.; Л., 1957; Библейская энциклопедия. Трудь и издание архимандрита Никифора. М., 1891 (Репринтное издание. М., 1990); Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2001; Лушникова Г.И. Когнитивные и лингвостилистиче-

ские особенности литературной пародии: ДД. Кемерово, 2010; **Преображенский С.Ю.** Языковые средства выражения пародии в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1983; **Пропп В.Я.** Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997; **Тынянов Ю.** Достоевский и Гоголь. К теории пародии. Пг., 1921; **Фрейденберг О.М.** Происхождение пародии // Труды по знаковым системам. Т. 6. Вып. 308, Тарту, 1973; **Хализев В.Е.** Пародия // Теория литературы. М., 1999.

Н.С. Цветова

ПАРОНИМЫ (от др.-греч. *παρα* – ‘возле, около’, *ὄνομα* – ‘имя’) – слова, образованные от одного корня с помощью разных аффиксов, принадлежащие к одной части речи, имеющие сходство в звучании, но различающиеся своими значениями, напр.: *горячка* – *горячность*, *индивидуальность* – *индивидуализм*, *сытый* – *сытный* и т.п. С точки зрения словообразования П. могут различаться приставками: *плата* – *выплата* – *оплата* (приставочные П.), суффиксами: *шумный* – *шумливый* – *шумовой* (суффиксальные П.), окончаниями: *метод* – *метода* (финальные П.).

П. обычно значительно различаются по значению и не способны заменить друг друга в высказывании. Ср.: *драматический театр*, но *драматичный случай*; *поехать в здравницу*, но *провозглашать здравницу* и т.д. Некоторые П. в определённых контекстах могут вступать в отношение синонимии (*далёкий* – *дальний*, *геройский* – *героический*, *травянистый* – *травяной* и др.). Чтобы не допустить неточности в выборе П. (особенно в последнем случае), рекомендуется обращаться к специализированным словарям. Ошибки в выборе П. (см.) (так называемое смешение П.) встречаются довольно часто, особенно в разговорной речи. Напр., можно услышать **оплатите за проезд* (вместо нормативных *оплатите проезд* или *заплатите за проезд*), **оденьте пальто* (вместо нормативного *наденьте пальто*) и т.п.

В лингвистической литературе встречается и широкое понимание П. как слов не обязательно однокоренных, но имеющих то или иное звуковое сходство, напр.: *контузить* и *конфузить*, *циклолотка* и *щеколда*, *хиатус* и *хиазм*. Для обозначения таких слов предпочтительно использование специального термина – **парономазы**. Парономазы, как и собственно П., при преднамеренном их сближении в специально организованном контексте составляют стилистическую фигуру Парономазию (см.).

Лит.: **Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С.** Словарь паронимов современного русского языка. М., 1994; **Веракса Т.В.** Лингвистическая природа паронимов русского языка: ДД. СПб., 2000; **Вишнякова О.В.** Паронимы современного русского языка. М., 1981; **Конева Е.А.** Специфика функционирования паронимов в ментальном лексиконе: КД. Курск, 2010; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Лазарева О.А., Шушков А.А.** Давайте говорить правильно! Паронимы современного русского языка. СПб., 2008; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007.

А.П. Сковородников

ПАРОНОМА́ЗИЯ (ПАРОНОМА́СИЯ) (от др.-греч. *παρονομασία*, *παρά* – ‘возле’ и *ὄνομαζω* – ‘называю’), – стилистический приём, состоящий в преднамеренном смысловом сближении, соположении, а иногда и противопоставлении однокоренных слов – Паронимов (см.), а также в установлении окказиональных смысловых связей между близкозвучными, но этимологически не родственными словами – **паронома́зами**. Напр.: *Верхнюю палату превратят в палатку* (Завтра. 2000. № 27; заголовок рубрики); *Пан или пропан* (Изв. 25.07.2000; заголовок статьи о газопроводе). В первом случае – П. на основе паронимов, во втором случае – П. на основе парономазов.

Общей функцией П. является Языковая игра (см.), в пределах которой, в зависимости от условий контекста, в частности лексического наполнения всего высказывания, создаётся некий набор стилистических эффектов.

П. служит средством нестандартного, остроумного выражения мысли: *Культура – это функция от исторического времени в условиях относительной общественной стабильности. Нужен не «от-*

стой» и не «застой» – но настой. <...> Нужны настойчивость в поступательном движении, работа культурных слоёв (Завтра. 2007. № 36); Редко встретишь семью, где ребёнку сызмальства внушают, что надевать следует одежду, а одевать – Надежду (ЛГ. 2007. № 16).

П. способствует оформлению броских, «рекламных» заголовков и подзаголовков: Голодомор: бред или бренд? (ЛГ. 2008. № 12–13; заголовок); Знаменитый режиссёр показал дороги к хаму и к Храму. Выбор за нами (НГ. 2004. № 6; подзаголовок).

П., основанная на противопоставлении или сопоставлении паронимов, подчёркивая их смысловое различие, способствует точности выражения мыслей, оценок, образов, характеристик: Иссякнувший пафос творчества подменяется пафосом распределения и «водительства», максимализмом власти, не только дерзновенной, но и дерзостной (Г. Фроловский); Меня тревожит встреч напрасность, / Что и ни сердцу, ни уму, / И та не праздничность, а праздность, / В моем гостящая дому (Е. Евтушенко).

Наиболее частотная функция П. – создание комического эффекта, обычно иронического или сатирического свойства: Сегодня классовая борьба превратилась в классовую борьбу. <...> От Декларации прав человека мы пришли к декорации прав человека (АиФ. 2012. № 7); Страна раскола на обывателей и обувателей, а глас народа в России – молчание ягнят (Завтра. 2011. № 5).

В этой функции П. может выступать стилиобразующим средством целого малоформатного жанра, напр., в сатирическом комментарии: А. Фурсенко, министр образования и науки: «Наука стала престижной. Вы, наверное, заметили, что в последние годы отношение к учёным изменилось. Сегодня учёных уже не считают лузерами».

Комментарий журналиста: Мы не заметили – главное, чтобы заметили учёные. Потому что лузеры лазеры не делают! (АиФ. 2010. № 37); в сатирической новостной заметке: По-современному! (заголовок). В связи с отсутствием средств на финансирование культуры в музее «Бутик Петра Первого» предлагается открыть «Бутик Петра Первого» (ЛГ. 2003. № 43); в публицистической эпиграмме: Да, разумом Россию не осилить, / В стандарт обычный не вместить, / Смешно голосовать в России, / В России надо голосить! (ЛГ. 2001. № 49).

Кроме художественных и публицистических текстов П. имеет место в фольклоре: в пословицах, поговорках, загадках, скороговорках (Суд не в осуд, а в рассуд), в некоторых устойчивых формулах сказок (в тридевятом царстве, в тридесятном государстве) [Бельчиков 1990: 368].

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Бельчиков Ю.А. Парономазия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979; Колесников Н.П. Парономазия как стилистическая фигура // Русский язык в школе. 1973. № 3; Колесников Н.П. Парономазия – бинарная фигура стилистики // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987; Лифшиц А.В. Парономазия в Ветхом Завете: КД. М., 2006; Ляпун С.В. Лексико-семантические и стилистические особенности современного газетного заголовка: На материале газеты «Комсомольская правда» за 1994–1998 годы: КД. Майкоп, 1999; Прокопчик О.Д. Семантические механизмы и прагматические функции паронимии: КД. СПб., 2005; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ (от итал. *parcella* – ‘частица’ < лат. *particula*) – стилистический приём (в иной интерпретации – стилистическая фигура), состоящий в расчленении единой синтаксической структуры предложения на два или несколько интонационно обособленных отрезка. Структурно господствующую часть предложения называют базовой (основной); структурно зависимую (отчленяемую) часть называют парцеллятом. Базовая часть и парцеллят (или парцелляты) образуют парцеллированную конструкцию. Напр.: *Уже не один – все вагоны. Завопили, закричали, заплакали* (А. Приставкин). В данной парцеллированной конструкции базовая часть – *Уже не один – все вагоны*, парцеллят – *Завопили, закричали, заплакали*.

В письменной речи между расчленяемыми частями ставится пунктуационный знак конца предложения (точка, восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие). Напр.: *Дело, конечно, бы-*

ло не в текстах ролей, плохих, хороших, в конце концов, это же ремесло, профессия – оплодотворять слова, ситуации, придуманные кем-то. Наполнять их содержанием. Смыслом. Действием. Событием. Своей сутью. Жизнью (С. Вишневецкая); Гуляй, студент! Если сессию сдал (КР. 13.01.98); Я? Вам? Дал телефон? Что за ерунда! – не понимая, сказал Никитин (Ю. Бондарев); – Они падают – ломаются, обгорают и встают... Чтобы снова падать и снова вставать (КП. 26.11.89).

Если парцеллят меняет смысл предложения, то такой тип П. называется **синтаксической аппликацией**. Напр.: *Прошка всем им пожал руки и ещё с лестницы, весело оборачиваясь, помахивал им. И уверенно спускался. К смерти* (А. Солженицын).

Основная функция П. – выделение, усиление наиболее важной информации, т.е. создание нового (дополнительного) речитического центра (или центров). П. встречается во всех стилях, допускающих экспрессию, но с наибольшей частотностью этот приём представлен в текстах художественных и публицистических, где он используется с целью усиления образности речи, создания комического эффекта, стилизации под разговорную речь и т.д.

Перенасыщенность текста парцеллятами, приводящая к тому, что адресату приходится тратить дополнительные усилия для восстановления структурно-смысловых связей между частями предложения, расценивается как речевой недочёт. Напр.: *Нас успокаивают. Мол, ничего страшного не происходит. Обычное сезонное явление. Когда на прилавки вываливается новый урожай, согласен. Но лишь при одном условии: если экономика производит только картошку, морковь и белокочанную капусту. На самом деле она выпускает ещё кое-что. Например, чёрные металлы. Здорово подешевели. Впрочем, как и цветные* (Изв. 07.10.2009).

Лит.: Библиографический указатель по вопросам присоединения, парцеллирования и сложного синтаксического целого. Самарканд, 1987; **Богоявленская Ю.В.** Парцелляция в русском и французском языках: структурные и семантико-синтаксические особенности: АКД. Екатеринбург, 2003; **Ванников Ю.В.** Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979; **Зеленский Р.О.** Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции: АКД. М., 2007; **Иванчикова Е.А.** Парцелляция, её коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1977; **Пинегина Я.Н.** Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиатекстах: АКД. Ростов н/Д, 2005; **Сковородников А.П.** Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; **Цумарев А.Э.** Парцелляция в современной газетной речи: АКД. М., 2003.

Г.А. Копнина

ПАСТІШ. См. ЯЗЫК И СТИЛЬ РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПА́УЗА (от др.-греч. *παύσις* – ‘остановка, прекращение’) – перерыв в звучащей речи, которому акустически обычно соответствует отсутствие звука, а физиологически (артикуляционно) – остановка в работе речевых органов.

Исследователи выделяют различные типы П.: логические П. (с их помощью речь делится на смысловые отрезки, напр.: *Казнить / нельзя помиловать* и *Казнить нельзя / помиловать*); психологические П. (с их помощью говорящий передаёт свои переживания, связанные с содержанием речи и эмоционально-творческим намерением); физиологические П. (связанные не с переживаниями говорящего, а с физическим состоянием его организма: одышкой, слабостью, возрастом; применение их в чтении возможно лишь в имитационных целях – чтобы показать, как говорил тот или иной персонаж в данном положении); ритмические П. (организующие ритм стихотворных текстов); ситуативные П. (необходимые в той или иной ситуации, напр., в случае приказа *Круу | гом!*); артикуляционные П. (необходимые при произнесении некоторых звуков, слогов в слове, между словами, напр.: *В танцах из | вращений / Не делай извращений*); индивидуальные П. (связанные с особой манерой говорить) и мн. др.

При подготовке текста к выразительному чтению важно знать правила расстановки П., которые описаны в специальной литературе. Речевым недостатком является заполнение П. звуками (т.н. «эканье», «меканье») и словами *это, вот, так, значит, понимаете* и др.

Исследование П., её видов и влияния на понимание высказывания и на эмоциональное состояние слушателей, её роли в организации текстов разных сфер функционирования языка – одно из активно разрабатываемых направлений лингвистики со второй половины XX в.

Лит.: Александрова О.А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: КД. Н. Новгород, 2004; Андреева С.А. Функции паузы в поэтике английской «новой драмы» (Дж. Б. Шоу и Дж. Голсуорси): КД. Красноярск, 2005; Артоболевский Г.В. Очерки по художественному чтению. М., 1959; Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Дмитриева Е.Д. Практикум по выразительному чтению. М., 1981; Иванова-Лукьянова Г.Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп речи, ритм. М., 1998; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Кузбасова О.В. Выразительное чтение. М., 1998; Никольская С.Т. Техника речи. М., 1978; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; Савкова З.В. Искусство оратора. СПб., 2000; Савостьянов А.И. Техника речи в профессиональной подготовке учителя. М., 1999; Шеховцов Б.П. Техника звучащей речи: методическое пособие. Красноярск, 1995.

Г.А. Копнина

ПА́ФОС (от др.-греч. πάθος – ‘страдание, страсть, возбуждение, воодушевление’) – одна из центральных категорий риторики, выражающая эмоциональную технику аргументации. Поскольку всякая речь вызывает эмоциональную реакцию, аргументация требует эмоциональной оценки предмета речи, как и создания его определённого эмоционального образа. Индивидуальность ратора проявляется в П. его высказываний, побуждающих аудиторию переживать предмет речи и предложение ратора. Предмет речи должен вызывать интерес у аудитории, и этот интерес формируется через эмоциональное воздействие. Кроме того, если ритор побуждает аудиторию к действию, для действий «нужна воля, а воля пробуждается эмоцией» [Волков 1996: 18–19].

Если М.Р. Львов определяет П. как «чувство, воодушевление, вложенное в речь» [Львов 1995], то справедлива также связь П. с замыслом и содержанием речи. Так, Ю.В. Рождественский пишет, что «пафосом принято называть намерение, замысел создателя речи, имеющего цель развить перед получателем определённую, интересующую его тему... Под словом пафос понимается замысел речи. Пафос ратора есть внесение новизны в тему и форму речи, он представляет собою детализацию темы и формы, т.е. индивидуального акта речи» [Рождественский 2004: 70].

Этос, логос и П. рассматриваются как базовые качества языковой личности, претендующей на ответственное право участвовать в убеждающей речи. Если этос – «нравственное, моральное право на речь», логос – «созидательная идея, творческая мысль», то П. – это «эмоциональная сила слова, способная повлиять на сердца, побудить людей к действию во имя утверждения добра, прояснения истины» [Иванова 1997: 6].

Таким образом, П. связан с эмоцией, воодушевлением и вдохновением, которые лежат в основании душевных движений человека, а эмоция непосредственно связана с замыслом и намерением речи, т.е. мысли и идеи рождаются в результате эмоционального напряжения, в «глубинах сердечных» (сердце в данном случае – орган чувств и эмоций), и П. является «источником создания смысла речи» [Рождественский 2004].

Виды общего или литературного П.: героический, сентиментальный, иронический, романтический, реалистический. Переход П. в логос есть словесное воплощение замысла (см. Логос).

Лит.: Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996; Иванова С.Ф. Говори!.. Уроки развивающей риторики. М., 1997; Львов М.Р. Риторика: учеб. пособие для учащихся 10–11 классов. М., 1995; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 2004; Романенко А.П. Образ ратора в советской словесной культуре. М., 2003.

В.И. Аннушкин

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РИТОРИКА – частная теоретическая и учебная риторическая дисциплина, возникшая на рубеже 80–90-х гг. XX в. в России в связи с насущными потребностями общества в становлении профессиональной педагогической речевой подготовки как необходимого условия возрождения, сохранения и развития отечественной речевой культуры в целом. Теоретическое обоснование решения проблемы такой подготовки с помощью конструирования особой частной риторики – педагогической – было предложено в 1993 г. [Михальская 1993]: на основе единого риторического подхода разработана концепция и категориальная система, предложено название дисциплины – «П.р.». Прежде элементы профессиональной речевой подготовки российских педагогов были представлены в ряде вузовских дисциплин: педагогике, психологии, специальных методиках, где рассматривались как второстепенные и, соответственно, не были ни систематизированы, ни операционализированы и базировались на неоднородных теоретических основаниях: педагогической психологии, психологии общения, теории речевой деятельности и коллоквиалистике, стилистике, лингвометодике, общих работах по культуре речи. В этот период за рубежом обучение педагогов профессиональному речевому мастерству осуществлялось как обязательный компонент их подготовки и основывалось прежде всего на методологии дискурс-анализа (особом направлении лингвопрагматики), в частности на теории и практике анализа педагогического дискурса (см., напр., [Sinclair, Coulthard 1975]). Однако для целей обучения профессиональной педагогической речи в России теория дискурс-анализа сама по себе была недостаточна, т.к. не могла служить для разработки адекватной целостной системы профессионально-речевых рекомендаций, а самое главное, её практические выходы ограничивались лишь техникой педагогического речевого общения, тогда как традиции национальной русской педагогики с её вниманием к этическим целям и нравственным задачам образования, со сложившимся в ней высоким образом Учителя и его Слова требовали иного обоснования педагогической речевой подготовки. Потому был избран именно риторический подход к решению поставленной проблемы, а из многообразных концепций возрождённой во второй половине XX в. риторики – её неоклассическая парадигма, связанная с высоким риторическим идеалом Сократа и Платона, отражённым в аристотелевской «Риторике» и воспринятым отечественной риторической традицией (в этом отношении особенно важен текст «Общей риторики» Н.В. Кошанского). При этом для разработки профессионально значимых рекомендаций используются и знания об устройстве и функционировании педагогического дискурса, полученные с помощью фиксации и анализа речевого поведения в различных типовых ситуациях педагогического общения. Таким образом, лингвопрагматика и особенно такая её область, как педагогическая лингвоэтология (анализ педагогического дискурса), обеспечивает онтологические основания для рекомендательной деятельности в области П.р. (см., напр., [Михальская, Комарова 2002]). В этой области анализируется и описывается структура педагогического дискурса: его уровни и единицы, стратегии, тактики, приёмы и средства, механизмы когерентности (согласованности, гармонизации) и пр.

Итак, предмет П.р. как частной риторической дисциплины есть оптимизация речевого общения в сфере профессиональной педагогической деятельности; её объект – педагогический дискурс, т.е. речевое поведение в том классе речевых ситуаций, для которых природа коммуникативного события определяется как «обучение и воспитание в профессиональной образовательной деятельности».

Риторический характер П.р. обуславливает специфику значения понятия «оптимизация речевого общения», эффективность которого понимается не в терминах субъект-объектного информационного подхода (по количеству переданной и полученной информации), а в терминах субъект-субъектного диалогического подхода, связанного с оценкой успешности понимания («формирования познавательного отношения субъекта к объективному содержанию познаваемого фрагмента действительности, порождения операционального смысла знания о нём», см. [Тихомиров, Знаков 1989]), а следовательно – со степенью гармонизации педагогического дискурса – мерой гармонизирующего взаимодействия между участниками педагогической речевой ситуации.

П.р., будучи частной риторикой, является дисциплиной деонтологической, посвящённой нахождению и реализации в речи не только и не столько нормативного, сколько этически значимого (должного) и эстетически значимого (прекрасного), что отличает её от стилистики, культуры речи, техники педагогического общения и делает в понятийной системе П.р. иерархически наиболее важными не лингвистические понятия «норма», «узус» и под., но специфические риторические категории, такие как «риторико-педагогический идеал» и «гармонизирующий педагогический диалог», «образ педагога-ритора». Последние в П.р. являются конкретизациями соответствующих категорий

общей риторики. В концептуальной структуре П.р. категория гармонизирующего педагогического диалога приобретает значение наиболее общего принципа организации эффективного педагогического речевого общения, условия реализации педагогики сотрудничества. Именно она объединяет этологический (дискурсивный, лингвопрагматический) аспект П.р. (ср. «принцип сотрудничества» – «co-operative principle» Х. Грайса [Grice 1975]) и её классические риторические основания в единую концепцию. Специфичны по отношению к законам общей риторики и основные законы П.р., наиболее общим из которых является закон гармонизирующего педагогического диалога, реализующийся с помощью трёх более частных: закона хронотопической локализации адресата (ср. категории диспозиции и движения в речи в классической общей риторике), закона эмоциональности речи (ср. категорию риторического пафоса в общей риторике и понятие «вовлечённости» – «involvement» в дискурс-анализе) и закона удовольствия (ср. категорию «приятного» в риторической концепции Аристотеля и категорию «радости» как психологического результата и мерила успешности речевого общения в дискурс-анализе).

Попытка представить особенности образа ратора-педагога (учителя, преподавателя) в русской культуре предпринята Ю.М. Рождественским [Рождественский 1999: 163–164]. Три ипостаси образа ратора в классической риторике: логос, этос и пафос – и, соответственно, три основные этапа риторического канона: инвенция, диспозиция и элокуция – могут и должны получить дальнейшую специфическую разработку в П.р. как частной риторической дисциплине.

Лит.: **Князьков А.А.** Методика формирования профессионального голоса в курсе культуры речи учителя: АКД. М., 1992; **Маров В.Н., Вагапова Д.Х., Зыбина Т.М., Виньков Ю.В.** Риторика – учителю. Пермь, 1993; **Михальская А.К.** Теоретические основы педагогической риторики: АДД. М., 1993; **Михальская А.К.** Педагогическая риторика: история и теория: учеб. пособие. М., 1998; **Михальская А.К., Комарова О.Г.** Речевые средства гармонизации педагогического дискурса урока // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Сочи, 2002; **Мурашов А.А.** Основы педагогической риторики. М., 1996; **Педагогическая риторика** / под ред. Н.А. Ипполитовой. М., 2001; **Педагогическое речеведение:** словарь-справочник. М., 1998; **Тихомиров О.К., Знаков В.В.** Мышление, знание и понимание. Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. М., 1989. № 2; **Тумина Л.Е.** Основы обучения студентов-филологов устным профессионально значимым речевым жанрам повествовательного характера: АДД. М., 1998; **Communicating in the Classroom.** Ed. by L. Cherry-Wilkinson. New York, 1982; **Dijk van T.** Discourse Studies and Education // Applied linguistics. 1981. № 2 (1); **Gilmore P.** Silence and Sulking: Emotional Displays in the Classroom // Perspectives of Silence. Norwood; New Jersey, 1985; **Goffman E.** The Lecture // Forms of Talk. Philadelphia, 1981; **Grice H.** Logic in conversation // Syntax and Semantics, 3: Speech Acts. New York, 1975; **Sinclair J., Coulthard R.** Towards an Analysis of Discourse: English used by Teachers and Pupils. London, 1975; **Stubbs M.** Educational Linguistics. London, 1988; **Widdowson H.** Poetry and Pedagogy // Linguistics in Context: Connecting observation and Understanding. Norwood; New Jersey, 1988.

А.К. Михальская

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ – профессионально значимые для речи учителя/преподавателя речевые жанры, используемые в процессе решения учебно-методических и воспитательных задач и обеспечивающие эффективность педагогической деятельности.

В педагогической деятельности учитель решает разные коммуникативные задачи: он объясняет, информирует, доказывает, комментирует, спрашивает, обобщает, побуждает, инструктирует. Для решения каждой учебной задачи необходимо выбрать наиболее адекватную речевую форму, что является одним из условий эффективности педагогического общения.

Одна из ответственных сфер профессионального педагогического общения – сфера обучения. Зачастую именно речевое наполнение этапов урока, способы перехода от одного этапа к другому свидетельствуют о профессиональной компетенции учителя. Ориентация на особенности мыслительно-речевого действия участников педагогического общения при решении учебных задач и обусловила выделение в качестве основной структурной единицы урока учебно-речевую ситуацию. Указанные задачи реализуются в определённых учебно-речевых ситуациях урока с помощью соответствующих жанров педагогического общения, таких как: объяснительный монолог, учебно-педагогический диалог (и его разновидности), оценочные высказывания, обобщение на этапе подведения итогов урока.

Можно выделить собственно учебные, специфические жанры, которые функционируют в речи учителя в соответствии с дидактическими задачами, так называемые первичные П.р.ж. (вступительное слово перед изучением какой-л. темы, объяснительный монолог, жанры педагогического диалога, учебная лекция, конспект урока и др.), и широко употребительные в педагогическом общении жанры, имеющие аналоги в других сферах деятельности, но приобретающие в условиях педагогического общения специфические признаки, так называемые вторичные П.р.ж. (жанр портретного очерка, сообщение и доклад, рецензия и реферат, автобиографический рассказ и др.).

Кроме того, педагогическое общение располагает набором речевых жанров, мало связанных или непосредственно не связанных с содержанием курса: обсуждение ответов, приветствие, порицание, похвала, рассказ учителя о себе, педагогический дневник и др.

В педагогическом общении можно выделить устные жанры (объяснительный монолог, опрос, оценочное высказывание учителя, экскурсионную речь, автобиографический рассказ и др.) и письменные жанры (деловая автобиография, аннотация, характеристика, конспект урока, отзыв и др.).

По способу коммуникации выделяют диалогические П.р.ж. (напр., жанровые разновидности педагогического диалога: беседы, спора) и монологические П.р.ж. (напр., жанровые разновидности педагогического монолога, в т.ч. объяснительный монолог учителя, оценочное высказывание учителя, экскурсионная речь и др.).

Среди П.р.ж. можно выделить также чистые и гибридные жанры; моно- и полиадресатные; неаргументативные (не содержат аргументации) и аргументативные (содержащие доказательства каких-л. положений); фатические жанры (имеющие отношение к установлению, поддержанию и прекращению контакта) и жанры информационного характера.

Каждый П.р.ж. отличается набором специфических признаков. Так, объяснительный монолог учителя как речевой жанр характеризуется следующими признаками: учебно-тематическим содержанием; целевой установкой на обеспечение усвоения информации, получения нового представления о предмете речи; полиадресатностью (адресат – группа учеников); индивидуальностью (адресант – учитель); монологичностью по способу коммуникации; официальностью обстановки; аргументативностью; стилистическим взаимодействием научных и разговорных элементов (стилистической гибридной). Можно также отметить определённую регламентированность, предсказуемость и некоторую эмоциональность объяснительного монолога учителя как жанра.

Дискуссионным является вопрос отнесения того или иного П.р.ж к разряду собственно речевых жанров или речевых событий (см. Речевое событие). Так, урок одними исследователями квалифицируется как жанр, а другими как речевое событие. К речевым событиям, скорее всего, можно отнести семинар, учебную конференцию, коллоквиум.

Некоторые П.р.ж. сближаются с жанрами делового общения, вбирая некоторые их черты. Напр., отчёт о педагогической практике, характеристика учащегося.

С учётом ориентации современной педагогики на субъект-субъектные отношения и личностно-ориентированный подход особую актуальность приобретают П.р.ж. диалогического характера.

Лит.: Антонова Л.Г. Обучение студентов-словесников профессионально-значимым письменным жанрам: АДД. Москва, 1998; Зотова Т.Ю. Формирование аргументативной речи учителя в процессе обучения профессионально значимому спору с учащимися: АКД. Ярославль, 2005; Казарцева О.М. Культура речевого общения: теория и практика обучения: учеб. пособие. М., 1998; Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении. М., 1987; Кузнецова А.А. Педагогические речевые жанры // Журнал СФУ. Сер. Гуманитарные науки. Спецвыпуск «Культура речевого общения». Красноярск, 2009. № 2; Ладыженская Т.А. Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения. М., 1998; Ладыженская Т.А., Зельманова Л.М. Практическая методика русского языка: 5 кл. М., 1995; Леонтьев А.А. Педагогическое общение. М.; Нальчик, 1996; Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Михальская А.К. Педагогическая риторика. Теория и история. М., 1998; Педагогическая риторика: учеб. пособие / под ред. Н.А. Ипполитовой. М., 2001; Смелкова З.С. Педагогическое общение. Теория и практика учебного диалога на уроках словесности. М., 1999; Сохор А.М. Объяснение в процессе обучения: элементы дидактической концепции. М., 1988.

А.А. Кузнецова, А.В. Щербаков

ПЕРВИЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ. См. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

ПЕРЕВЕРТЕНЬ. См. ПАЛИНДРОМ

ПЕРЕГОВОРЫ – Речевое событие (см.), состоящее в обсуждении проблемы с целью прийти к полному или относительному согласию сторон и соответственно перейти к практическим деловым действиям. П. – Речевое событие (см.), включающее такие жанры, как выступление, ответное выступление, вопрос, ответ, возражение, доказательство и др.

П. предназначены в основном для того, чтобы с помощью взаимного обмена мнениями (в форме различных предложений по решению поставленной на обсуждение проблемы) получить отвечающее интересам обеих сторон соглашение и достичь результатов, которые бы устроили всех участников.

По предмету обсуждения П. подразделяются на дипломатические, политические, торговые и др.; по конкретной цели – на П., направленные на заключение договора или корректировку существующих договорённостей, на координацию совместных действий, на нормализацию конфликтных или напряжённых отношений [Столяренко 2001].

Любые П. многофункциональны и предполагают одновременную реализацию нескольких функций, при этом функция поиска совместного решения должна оставаться приоритетной. Кроме того, П. различаются по числу и уровню участников, кругу обсуждаемых вопросов, механизму принятия решений, продолжительности, регулярности проведения, степени официальности и обязательности исполнения принимаемых решений.

Стадии П.:

1. Подготовка к П. До начала П. необходимо иметь их разработанную модель: чётко представлять себе предмет П. и обсуждаемую проблему, поскольку инициатива на П. будет у того, кто лучше знает и понимает проблему; обязательно составить примерную программу, сценарий хода П. (в зависимости от трудности П. может быть несколько проектов); наметить пределы своей неуступчивости, а также вопросы, где можно уступить, если неожиданно возникает тупик в П.; определить для себя верхний и нижний уровни компромиссов по вопросам, которые, на ваш взгляд, вызовут наиболее жаркую дискуссию.

2. Переговорный процесс. П. открываются вступительным словом о предмете П. Далее следует основное выступление в форме информационного сообщения, в котором описывается сущность П., или речи-предложения, где развёрнуто аргументируются ожидаемые действия собеседника. На стадии аргументации актуальны ответы на вопросы, мнения, возражения, объяснения, обоснования. Завершаются П. заключительным словом, в котором подводятся итоги, даётся положительная оценка, выражается надежда на сотрудничество [Гимпельсон 2006].

Важно оперировать простыми, ясными, точными и убедительными понятиями; темп и способы аргументирования стоит выбирать с учётом особенностей характера и привычек собеседника; аргументация должна быть корректной по отношению к собеседнику [Мицич 1987].

3. Завершение П., анализ их результатов и выполнение достигнутых договорённостей. Если ход П. был позитивным, то на завершающей их стадии необходимо резюмировать, кратко повторить основные положения, которые затрагивались в процессе П., и, что особенно важно, дать характеристику тех положительных моментов, по которым достигнуто согласие сторон. При негативном исходе П. необходимо сохранить контакт с партнёром по П. В данном случае внимание акцентируется не на предмете П., а на личностных аспектах, позволяющих сохранить деловые контакты в будущем, т.е. следует отказаться от подведения итогов по тем разделам, где не было достигнуто позитивных результатов. Желательно найти такую тему, которая представит интерес для обеих сторон, разрядит ситуацию и поможет созданию дружеской, непринуждённой атмосферы прощения.

П. можно считать завершёнными, если тщательно и ответственно проанализированы их результаты, приняты необходимые меры для их реализации; сделаны определённые выводы для подготовки следующих П. Анализ итогов П. преследует следующие цели: сравнение целей П. с их результатами; определение мер и действий, вытекающих из результатов П.; деловые, личные и организационные выводы для будущих П. или продолжения проводившихся [Кузин 1996].

Реализация данной модели возможна в том случае, если в процессе подготовки П. будут рассмотрены следующие пункты: 1) цель П.; 2) партнёр по П.; 3) предмет П.; 4) ситуация и условия П.; 5) участники П.; 6) организация П.

Немаловажно отметить такой фактор, как деловая репутация, поскольку она может сохраняться достаточно долго, даже несмотря на то, что факты могут ей противоречить. Нарушение выполнения договорённостей может негативно сказаться не только на дальнейшем взаимодействии с этим партнёром, но и с другими, поскольку информация о степени надёжности партнёров быстро распространяется.

Лит.: Гимпельсон Е.Г. Переговоры: проблема обучения // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сб. мат-лов X Междунар. конф. по риторике / науч. ред.-сост. В.И. Аннушкин, В.Э. Морозов. М., 2006; Кузин Ф.А. Культура делового общения: Практическое пособие для бизнесменов. М., 1996; Мицич П. Как проводить деловые беседы: сокр. пер. с серб.-хорв. М., 1987; Столяренко Л.Д. Психология делового общения и управления. Ростов н/Д, 2001.

Е.С. Архипова

ПЕРЕНОСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА. СМ. ПОЛИСЕМИЯ

ПЕРИОД (от др.-греч. περίοδος – ‘разбирать, осматривать’) – стилистическая фигура синтаксического параллелизма, представляющая собой семантико-структурное единство, образованное простым или сложным предложением, а также сложным синтаксическим целым, которые разделяются на две интонационно противопоставленные части: **протазис** (повышение, восходящее движение тона), построенный обычно из нескольких параллельных синтаксических конструкций, и **аподозис** (понижение, нисходящее движение тона), – отделяемые друг от друга длительной (явно выраженной) паузой. Со стороны содержания П. характеризуется смысловой законченностью. Графически П. часто совпадает с Абзацем (см.), но может быть и не тождественен ему. Напр.:

Когда в стране действует частная спецслужба, подконтрольная конкретно взятому олигарху...

Когда спецслужба эта оснащена не хуже государственной...

Когда эту спецслужбу боятся трогать компетентные органы...

Когда изъятые милицией шпионские материалы ложатся не на стол следователю, а передаются генералами МВД главе «ЛогоВАЗа» Дубову, человеку, который никакого отношения к «Атоллу» не имеет, но зато служит Березовскому...

О каком спокойствии и гражданском мире может идти речь (МК. 31.08.1999).

Наиболее распространённой в лингвистической литературе является следующая классификация П.: **временной П.** (в протазисе которого указывается время действий, событий, явлений, составляющих предмет речи в аподозисе), **причинно-следственный П.** (части которого связаны причинно-следственными отношениями), **определятельный П.** (в протазисе которого определяется лицо, явление, представляющее предмет речи в аподозисе), **предикативный П.** (когда в протазисе содержится подлежащее, а в аподозисе – сказуемое), **соединительный П.** (в аподозисе которого имеется дополнение, добавление к сказанному в протазисе), **сопоставительный П.** (части которого находятся в сопоставительных отношениях), **сравнительный П.** (содержащий сравнение), **условный П.** (в протазисе которого указывается на условия, при которых происходит то, что описано в аподозисе), **уступительный П.** (в протазисе П. данного типа описываются обстоятельства, препятствующие совершению того, о чём говорится в аподозисе).

Так, следующий пример показывает уступительный П., т.к. в протазисе указанного П. описываются обстоятельства, недостаточные для того, чтобы изменить описываемое в аподозисе: *Но ни в том, ни в другом случае, как бы мы ни изменяли нашу точку зрения, как бы ни уясняли себе ту связь, в которой находится человек с внешним миром, или как бы ни удлиняли или укорачивали период времени, как бы понятны или непостижимы ни были для нас причины – мы никогда не можем себе представить ни полной свободы, ни полной необходимости (Л. Толстой).*

Периодические построения располагают широкими стилистическими возможностями. Часто П. в художественных и публицистических текстах создают торжественность, взволнованность, приподнятость, т.е. приобретают патетическое звучание.

В последнее время П. в его классическом виде – сравнительно малочастотное явление, чаще он употребляется в трансформированном виде: включает в себя зачин, в котором задаётся тема, далее следуют протазис и аподозис, как в классическом П. Напр.: *О трудоспособности Ильи Глазунова ходят легенды. Мало ему писать свои знаменитые «Мистерии», писать портреты королей, принцев и премьеров. Мало ему практически в одиночку воссоздать Академию живописи, ваяния и зодчества. Мало устраивать выставки свои и своих студентов, вывозить студентов в Италию. Мало – бороться с авангардистами всего мира, собирать русские иконы, быть одним из инициаторов восстановления Храма Христа Спасителя... Илья Глазунов – самый известный художник России, и от этого факта никуда не денешься* (Завтра. 1997. № 28).

Лит.: Акишина А.А. Периодическая форма речи в современном русском языке: АКД. Львов, 1958; Акишина А.А. Структура текста. М., 1979; Байкова Л.И. Период – синтактико-стилистическое и текстообразующее явление русского языка: ДД. Краснодар, 2000; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан, 2000; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Сат К.А.** Синтаксическая категория периода в истории филологической науки // Филологические науки. 2010. № 2; **Сат К.А.** Синтаксическая категория периода в истории филологической науки: КД. Москва, 2010; **Солганик Г.Я.** Стилистика текста. М., 1997; **Тумина Л.Е.** Сложное синтаксическое целое // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. М., 1998; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Шевякова В.Е.** Сверхфразовое единство // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

А.А. Кузнецова

ПЕРИССОЛОГИЯ. См. ПЛЕОНАЗМ

ПЕРИФРАЗА (ПЕРИФРАЗ) (от др.-греч. περίφρασις – ‘описательное выражение, иносказание’) – стилистический приём, обозначающий описательное выражение предмета по какому-л. его свойству или признаку. Напр., *город белых ночей, Северная Пальмира* вместо *Санкт-Петербург, цветы жизни* вместо *дети, царь зверей* вместо *лев*. П. используется в художественной, публицистической, ораторской речи как стилистический приём, помогающий усилить выразительность текста. В этом смысле особое значение П. приобретают в поэтической речи, где они строятся обычно на базе тропов, напр. метафоры: *Осуждён я на каторге чувств / Вертеть жернова поэм* (С. Есенин), метонимии: *Все флаги в гости будут к нам* (А. Пушкин). Иногда П. используется при перечислении однородных предметов для того, чтобы избежать однообразия в наименованиях. Так, в «Сонете» А. Пушкина упоминаются пять прямых именованных поэтов сонета: Данте, Петрарка, Камюэнс, Вордсворт, Дельвиг, а также два описательных: *творец Макбета* вместо Шекспир, *певец Литвы* вместо Мицкевич. Однако явление П. не ограничивается речью художественной или публицистической. В официально-деловой речи П. могут употребляться в качестве эвфемизмов с целью избежать прямой номинации, отражающей действительную сущность обозначаемого: *человек без определённого места жительства* вместо *бездомный*. В разговорной речи использование П. обусловлено её спонтанностью и ситуативностью: *Дай мне то, чем пишут* – т.е. ручку. Выделяют П. общепринятые (фразеологизмы, крылатые слова: *кровь с молоком, вылететь в трубу, золотые руки* и т.д.) и П. ситуативные, индивидуально-авторские, смысл которых обусловлен конкретным контекстом: *Время – мельница с крылом* (С. Есенин). Для того чтобы эффективно пользоваться П., надо помнить, что они предполагают не прямое, косвенное именование через подчёркивание, выделение какой-л. стороны, качества, признака объекта, т.е. необходимо пристальное внимание к значению употребляемых слов. Полезно также иметь представление о грамматической структуре П. Чаще всего она предполагает именные сочетания типа *сущ. + прил. (первая перчатка)*, *сущ. + сущ. в род. падеже (знаменосец мира)* и ком-

бинации указанных структур (*рыцари пятого океана* – о лётчиках). Распространены также глагольные сочетания (*дурака валять*) и развёрнутые предикативные единицы (*Пришли мне, выражаясь языком Делиля, витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, т.е. штопор* – письмо А.С. Пушкина к брату). Небесполезным представляется также обращение к словарям. Один из последних словарей П. – это словарь А.Б. Новикова «Словарь перифраз русского языка» (на материале газетной публицистики).

Лит.: Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966; Кожин А.Н. Перифрастические построения в языке советской эпохи // Русский язык в школе. 1977. № 4; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М., 2004; Потебня А.А. Из записок по теории словесности // А.А. Потебня. Эстетика и поэтика. М., 1976; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1987; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; Русский язык. Энциклопедия [Электронный ресурс]. М., 2003; Синельникова Л.Н. К вопросу о сущности перифразы как функционально-семантической единицы. М., 1972; Сиривля М.А. Перифраз как экспрессивное средство языка газеты: семантико-прагматический аспект: КД. Костанай, 2007; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975; Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008.

Н.С. Цветова

ПЕРКУРСИЯ (от лат. *percursio* – ‘пробегание’) – риторический приём паралогического типа (см. Паралогические риторические приёмы), механизм которого строится на отклонении от закона достаточного основания; в результате чего в тексте нарушается логико-смысловая обусловленность последующего высказывания предшествующими. Напр.: *Какие глупые места! / А кстати: Ларина проста, / Но очень милая старушка; / Боюсь: брусничная вода / Мне не наделала б вреда. Скажи, которая Татьяна?* (А. Пушкин) – здесь П. создаёт эффект быстрого и хаотичного перехода от одного предмета речи к другому («поток сознания»); *Матушка, спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат они его! Прижми к груди своей бедного сиротку! <...> А знаете ли, что у алжирского бая под самым носом ишишка?* (Н. Гоголь) – П. является средством изображения психической неадекватности персонажа художественно-литературного произведения.

Хотя этот приём, используемый главным образом в художественных текстах, малочастотен, вышеприведённые примеры иллюстрируют его полифункциональность. Встречается П. и в газетных текстах: *А. Лукашенко, президент Белоруссии: «Суть контроля за конституционностью принимаемых в стране конституционно-правовых актов не должна сводиться к их критике».* Комментарий журналиста: *Разумеется, лучший вид обсуждения – это острое, нелицеприятное, порой беспощадное ... одобрение всего, что спущено свыше!* (АиФ. 2008. № 9).

Лит.: Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ АКТ. См. ПЕРЛОКУЦИЯ

ПЕРЛОКУЦИЯ, или **ПЕРЛОКУТИВНЫЙ АКТ**, – термин теории речевых актов, обозначающий эффект, производимый речевым актом, состоящий в воздействии на чувства, мысли и действия адресата [Остин 1986]. Экспликация П. возможна в тексте, следующем за речевым актом: *он убедил/уговорил/вынудил/растревожил её* или *она поверила ему, согласилась на его уговоры*. В таких описаниях используются перлокутивные глаголы, репертуар которых предусмотрен в языке (*убедить, разубедить, развлечь, поднять тревогу, ввести в заблуждение, вынудить, удивить, утратить*).

П. может быть явной и имплицитной; намеренной, запланированной автором и ненамеренной, в последнем случае автор стремится корректировать эффекты своего речевого акта: *Я не имел намерения обидеть/унизить/огорчить/удивить вас*. Перлокутивный эффект может быть отрицательным и выражаться в отказе сделать, согласиться и т.д. Кроме того, некоторые П. могут быть достигнуты нелокутивными актами (невербальными средствами) – испугать, оскорбить, удивить, предупредить, извиниться [Там же].

Перлокутивный акт может быть рассчитан на определённую реакцию, ответный акт (вопрос – ответ; комплимент – благодарность и т.д.), а может вызывать непредвиденную реакцию, что говорит о коммуникативной неудаче или даже провале.

Понятие П. соотносится с представлениями о воздействии на слушателя, издавна присутствующими в риторике [Кобозева 1986]. Так, в «Кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоносова глава шестая «О возбуждении, утолении и изображении страстей» посвящена способам, с помощью которых ритор может убедить; иначе говоря, в ней идёт речь о П., среди проявлений которой называются и «слезы слушателей – похвала раторов».

В теории речевых жанров П. соответствует параметр **коммуникативное будущее речевого жанра** как один из жанрообразующих факторов, различающий, напр., жанры императивные (П. – действие или отказ от него) и этикетные (П. – ответный этикетный жанр) [Шмелёва 1990; Тарасенко 1999].

Понятие П. как эффекта речевого действия существенно для культуры речи, в частности, оно должно быть учтено при установке говорящего на эффективность своих речевых действий и умение нейтрализовать их нежелательные последствия.

Лит.: Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: АКД. Красноярск, 1999; Шмелёва Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) // Russistik (Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка). Berlin, 1990. № 2.

Т.В. Шмелёва

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ. См. ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

ПЕРФОРМАТИВЫ. См. РЕЧЕВОЙ АКТ

ПЕРЦЕПТИВНО-РЕФЛЕКСИВНАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ – одна из форм существования языка (преимущественно литературного), целью которой является фиксация мысли, внутренней и звучащей речи с помощью графических средств (букв, иероглифов, слоговых знаков). Она обслуживает сферы официального и неофициального общения; в отличие от Разговорной речи (см.), функционирующей только в неформальной обстановке. В речевом общении письменная и разговорная формы речи взаимодействуют. Особенно тесно – в таких жанрах, как драматургический текст, телеинтервью, заранее подготовленная ораторская речь.

П.р. играет важную роль в процессе кодирования, хранения и передачи информации, именно она аккумулирует знания и человеческий опыт. Она преобладает в таких социально значимых сферах, как наука, образование, делопроизводство. Без неё невозможен научно-технический прогресс и развитие духовной культуры. П.р. способствует эффективности государственного и местного управления, содействует интеллектуальному и духовному росту личности, а также выполняет множество других функций. Основанная на зрительном восприятии, П.р. является средством преимущественно дистантного монологического общения (см. Монолог). В отличие от разговорной речи, которая спонтанно и линейно разворачивается во времени, П.р. рассчитана в основном на отсроченное восприятие. Для пишущих носителей литературного языка характерны сознательный подход к отбору язы-

ковых средств, соблюдение кодифицированных норм, ориентация на образцовые тексты. Достоинства П.р. считаются правильность (см. Правильность речи), логичность (см. Логичность речи), точность (см. Точность речи), смысловая законченность высказываний. Стремясь к достижению этих качеств, авторы П.р. могут предварительно обдумывать тексты, создавать их варианты, редактировать.

Лексический строй нормативной П.р. отличается богатством синонимических рядов и избирательностью в употреблении эмоционально-экспрессивной лексики. К числу ярких морфологических и синтаксических особенностей П.р. относятся обилие сложных синтаксических конструкций, преобладание прямого порядка слов, частотность употребления причастий, деепричастий, а также атрибутивных словосочетаний (*зачётная книжка, курительная комната* и т.п.), которые в разговорной речи подвергаются универбации (образованию слова из словосочетания, напр. *зачётная книжка > зачётка, курительная комната > курилка*). Для П.р. не характерны междометия, в ней мало указательных частиц, редки случаи морфологической транспозиции, т.е. употребления грамматических форм слов в переносном значении.

П.р. рубежа XX – XXI вв. испытывает влияние со стороны разговорной формы литературного языка, а также некоторых социолектов. Это особенно заметно в текстах современной художественной литературы, публицистики и рекламы, которые активно используют разговорный синтаксис, разговорную лексику и жаргоноиды. Распространение интернет-общения активизирует также диалогические формы письменной речи (см. Диалог).

Лит.: *Культура русской речи*: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Мучник Б.С.** *Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления: пособие для учащихся 10-11-х классов средних школ, гимназий.* М., 1996; **Русский язык и культура речи**: учебник / под ред. В.И. Максимова. М., 2000; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Трошева Т.Б.** *Письменная речь // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной.* М., 2003; **Шмелёв Д.Н.** *Русский язык в его функциональных разновидностях.* М., 1977.

О.В. Фельде

ПИСЬМО₁ – письменный (рукописный) текст, имеющий обращение в сфере межличностного общения; автор и адресат письма – конкретные лица, обозначенные в самом тексте в виде обращения (адресат) и подписи (автор). П. иногда называют устаревшим словом **эпистола** (от лат. *epistola* – ‘письмо’). П. бытуют преимущественно в бытовой и деловой сферах общения – **частной** и **деловой** переписке. Ответственность за успешность последней возложена на особый социальный институт – канцелярию.

Опубликованные П. становятся явлениями научной, политической, эстетической сфер общения, где письмо может использоваться как форма литературного произведения: «Избранные места из переписки с друзьями» Н. Гоголя, рассказ А. Чехова «Письмо учёному соседу» – это следует считать вторичными проявлениями П. как типа текста.

Первичное существование П. – **эпистолярная словесность** – хорошо известно со времён изобретения письменности в различных культурах. О русской эпистолярной культуре можно судить уже по берестяным грамотам (с XI в.). Достигшая расцвета в XIX в., она зафиксирована в огромном количестве текстов, многие из которых опубликованы, напр., П., принадлежащие перу А. Пушкина, Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Чехова. Множество П. хранится в архивах. Исследователи быта и культуры второй половины XX в. сетуют на упадок эпистолярной культуры в современном обществе, потеснённой техническими средствами информации, в первую очередь, телефоном и электронной почтой.

Разработан этикет П. как часть общего этикета. Его составляют требования к композиции П., наличию в нём обязательных содержательных и формальных моментов (формул, стереотипов). Современная эпистолярная практика не предусматривает чёткого следования эпистолярным канонам, скорее ценит свободное с ним обращение. В противоположность этому деловое П. не терпит отступления от стандарта, которые сообщаются в любом пособии по делопроизводству.

Содержание П. отражает практически всё разнообразие первичных речевых жанров, т.е. с помощью П. могут решаться любые коммуникативные задачи: отмечают более двух десятков смысловых типов текста – сообщение, благодарность, соболезнование, просьба, совет, приглашение и т.д.

Разновидности П. – **открытка, записка** (краткое письмо), **телеграмма** (наикратчайшее П., доставляемое адресату телеграфом). В средствах массовой информации используется **открытое П.**, адресатом которого наряду с обозначенным в обращении лицом становятся читатели издания, где оно публикуется.

Примета нашего времени – ностальгия по письму рукой, по предметному миру письма (чернильница, промокашка, прописи). Это говорит о том, что письмо как занятие – важный момент культуры [Генис 2009; Шмелёва 2011].

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1981; **Античная эпистолография.** М., 1967; **Генис А.** Частный случай. М., 2009; **Жажоян М.** Последняя семиотика // Звезда. 1998. № 1; **Зализняк А.А.** Текстовая структура древненовгородских писем на бересте // Исследования по структуре текста. М., 1987; **Ковалева Н.А.** Русское частное письмо XIX в.: коммуникация, жанр, речевая структура: КД. М., 2002; **Кузнецова А.Н.** Машинопись и делопроизводство. М., 1987; **Лунин М.С.** Письма из Сибири. М., 1987; **Переписка Бориса Пастернака.** М., 1990; **Переписка Н.В. Гоголя.** В 2-х тт. М., 1988; **Переписка А.С. Пушкина.** В 2-х тт. М., 1982; **Пушкин А.С.** Письма к жене. Л., 1986; **Ростова А.Н.** Записка школьная // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007; **Толстой Л.Н.** Переписка с русскими писателями. М., 1962; **Чудакова М.О.** Беседы об архивах. М., 1975, 1980; **Шмелёва Т.В.** Письмо как культурная утрата // Концепты культуры и концептосфера культурологии. СПб., 2011.

Т.В. Шмелёва

ПИСЬМО₂ – жанр аналитической журналистики, фиксирующий оценки событий социальной практики её рядовыми участниками – читателями, проявляющими в переписке со СМИ свою социально-творческую активность. Задача автора – разъяснить в П. свою позицию по поводу обсуждаемой проблемы и предложить её решение; возможно, обратить внимание контролирующих, административных органов и общественных организаций на эту проблему.

Разновидностями П. в печати выступают **сигнал, отклик и обзор писем.** Автор сигнала энергично предьявляет собственную оценку относительно конкретных крайне актуальных и злободневных для него моментов социальной практики, требующих административного вмешательства, тем самым привлекая к явлению общественное внимание. Поводом для отклика читательской аудитории выступает публично высказанное ранее мнение журналиста или других авторов издания по поводу какого-л. конкретного события. Читатель заявляет собственную позицию относительно известного мнения. Подобное сопоставление оценок в газете призвано повысить убедительность позиции, занятой редакцией. Обзор П., подготовленный журналистом издания, обобщает результаты реакции читателей, общественного мнения в целом на конкретные события, действия или документы, способствует прогнозированию будущего поведения больших групп людей. Типичную структуру обзора П. составляет фактологическая и логико-аналитическая основа. Обозреватель показывает панораму читательских мнений, параллельно с этим сам оценивает факты, определяя их логическую связь, и рассуждает над качеством оценок и позиций, изложенных в П. Обзоры П. важны для обобщения читательских позиций и выявления определённых тенденций в общественном мнении.

В современной медийной практике преобладают П. читателей по электронной почте; обзоры таких П., как правило, выносятся на газетную полосу.

Лит.: **Князев А.А.** Письмо как жанр // Князев. А.А. Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек, 2002; **Социальная практика и журналистский текст.** М., 1990; **Стрельцов Б.В.** Основы публицистики: Жанры. Мн., 1990; **Теория и практика советской периодической печати:** учеб. пособие. М., 1980; **Тертычный А.А.** Жанры периодической печати. М., 2011.

М.В. Сашенко

ПЛЕОНАЗМ (от др.-греч. πλεονασμός – ‘изобиливание, излишество’), или **ПЕРИССОЛЮГИЯ**, – 1. Речевой недочёт, состоящий в не обоснованном коммуникативной целью и стилем многословии, избыточности языковых средств для выражения какой-л. мысли. Напр.: *в апреле месяце* (ср.: в апреле); *свободная вакансия* (ср.: вакансия); *Зоя Михайловна со всей ответственностью подходит к исполнению своих обязанностей* (ср.: Зоя Михайловна ответственно исполняет свои обязанности); *Приглашённым для участия в конференции забронированы места в гостинице* (ср.: Участникам конференции забронированы места в гостинице).

П. встречается в средствах массовой информации, напр.: *На совещании шла речь о перспективах развития строительства малых гидроэлектростанций <...>* (Парламентская газета. 25.07.2000) (ср.: На совещании шла речь о перспективах строительства...); *Выражаю слова глубокой благодарности и искренней признательности за Вашу поддержку <...>* (Красноярская газета. 02.02.1996) (ср.: Выражаю глубокую благодарность/выражаю искреннюю признательность...) и т.п. П. чаще всего встречается в неподготовленной разговорной речи и в деловых текстах.

П. может сделать изложение мысли громоздким, трудным для восприятия, особенно, когда совмещается с большой протяженностью и синтаксической сложностью высказывания. Напр.: *Последние всплески поэзии, последние предупреждения о наступлении чудовищной эпохи дегуманизации и триумфа техники, смерть Европы и рождение отвратительной цивилизации, которая дала номера всем звёздам, напроць лишив их магической притягательности, и, в целом, пренебрегая предупреждениями, например, Макса Вебера, триумфально расколдовала мир, тем самым действительно превратив священное пространство (включающее в себя Богов, Бога, Ангелов, Духов, Звезды, и, что самое главное – Великую Тайну, которую в принципе нельзя разгадывать) в тлен* (Завтра. 2014. № 9).

2. Стилистический приём, основанный на избыточности (с информационно-логической точки зрения) словесного выражения. Эта избыточность проявляется в семантическом дублировании смысла высказывания путём повторения синонимов или близких по семантике слов, словосочетаний, предложений, изобразительных средств (эпитетов, сравнений, гипербол и т.д.). П. широко используется в художественной прозе и поэзии; он может быть конструктивно-стилистической основой целого текста, как, напр., в следующем стихотворении: *Моим стихам, написанным так рано, / Что и не знала я, что я – поэт, / Сорвавшимся, как брызги из фонтана, / Как искры из ракет, / Ворвавшимся, как маленькие черти, / В святилище, где сон и фимиам, / Моим стихам о юности и смерти / – Нечитанным стихам! – / Разбросанным в пыли по магазинам / (Где их никто не брал и не берёт!), / Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черёд* (М. Цветаева).

Основными стилистическими функциями П. в художественной речи являются а) конкретизация описаний, картин, характеристик; б) усиление каких-л. эмоций и/или оценок. П. встречается также в публицистике, ораторской речи и в речи разговорной. В последнем случае он часто функционирует в виде устойчивых оборотов, служащих задачам эмоционально-экспрессивного усиления (*видел это своими собственными глазами; ходить вокруг да около* и т.п.). В художественной литературе П. может использоваться как средство речевой характеристики персонажа. Напр.: *...Разгоняю я народ, а на берегу на песочке утопый труп мёртвого человека... Может, этот утопый покойник сам утон, а может, тут дело Сибирью пахнет. Может, тут уголовное смертоубийство* (А. Чехов).

Лит.: Бутакова Л.О. Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи // Вестник Омского университета. 1998. № 2; Горте М.А. Фигуры речи: Терминологический словарь, М., 2007; Зайц О.А. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов: КД. СПб., 2001; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Розенталь Д.Э., Жанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. М., 1997; Хазагерев Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ПОВЕДЕНИЕ ОРАТОРА В АУДИТОРИИ. Всем известно, что выступление оратора перед аудиторией связано с колоссальным интеллектуальным, эмоциональным, физическим напряжением. Чтобы общение со слушателями было эффективным, риторю необходимо учитывать особенности публичной ситуации и грамотно выстраивать своё речевое поведение.

Во-первых, чтобы чувствовать себя в аудитории уверенно, важно тщательно подготовиться к выступлению: изучить особенности слушателей, продумать содержание речи, её структуру и т.д. Как писал выдающийся адвокат и блестящий оратор XIX века А.Ф. Кони, «размер волнения обратно пропорционален затраченному на подготовку труду», т.е. чем больше готовишься, тем меньше волнуешься во время выступления.

Во-вторых, необходимо с самого начала установить контакт со слушателями. Ведь отсутствие связи с аудиторией приводит само выступление к нулевому результату. Рассмотрим различные виды контакта оратора со слушателями и те приёмы, которые помогут его поддержать. Важно открыто смотреть на свою аудиторию, тем самым демонстрировать искренний интерес, расположение к слушателям. Такой вид контакта называется зрительным, или контактом глаз. Его необходимо поддерживать на протяжении всего общения, внимательно отслеживая отношение аудитории к происходящему, развивая в себе такое важное качество, как ораторская проницательность.

Прежде чем начать речь, риторю нужно понять настроение, самочувствие слушателей, «подстроиться» под них. Техникой «подстройки» может стать какой-нибудь забавный пример, случай, факт, история, рассказанная оратором – это позволит собрать внимание аудитории, подготовить её к восприятию речи. Всегда хорошо реагируют слушатели на улыбку, юмор, шутку, добрый, непринуждённый тон оратора. Это приёмы психологического, или эмоционального, контакта, которые должен использовать выступающий. Оратору важно знать приёмы вербального контакта: использовать во время выступления обращения *Дорогие друзья! Уважаемая аудитория! Коллеги!*; местоимения *мы, наши*; вопросы и вопросно-ответный ход при раскрытии содержания речи; глаголы повелительного наклонения *посмотрите, представьте себе, вообразите, послушайте, давайте поразмышляем* и т.д. Мы постоянно применяем эти приёмы в нашей разговорной речи, привлекая тем самым внимание нашего собеседника, как бы объединяясь с ним.

Ещё один вид контакта – контакт паравербальный. Это способ удерживать связь со своими слушателями при помощи выразительного, точного, уместного жеста, живой, адекватной речи мимики, взгляда, а также путём изменения места оратора в аудитории. Известно, что связь слушателей с оратором ослабевает, когда выступающий находится на большом расстоянии от аудитории, не учитывает своё местоположение и размеры помещения, количество слушающих. Напротив, когда расстояние сокращается, контакт становится более тесным, а значит, слово более действенным.

Важно умение ритора держать контакт с помощью выразительной интонации, вовремя сделанной паузы (порой это действенней, чем сказанное слово), изменения темпа речи, тембровой окраски голоса. Всё это относится к просодическим приёмам ораторской речи.

Итак, оратор должен владеть приёмами всех видов контакта: зрительного, эмоционального, вербального, паравербального, просодического.

В-третьих, необходимо установление тёплых, добрых взаимоотношений оратора и аудитории. Недопустимо со стороны ритора пренебрежение или равнодушие к адресату, высокомерие или желание доминировать. Напротив, важно использовать комплиментарную тактику, когда аудитория внимательна, проявляет интерес к речи. Согласитесь, что слушание – это трудный физический, психологический, интеллектуальный процесс, в ходе которого адресат должен воспринимать, понимать, анализировать, запоминать, эмоционально переживать информацию.

В-четвёртых, воздействие словом зависит от эмоционального состояния ритора, его умения и способности зачесть аудиторию, захватить её внимание и поддерживать его на протяжении всего выступления. Речь идёт об энергетике, которая создаётся адекватной громкостью голоса, разнообразной интонацией, нужным тембром, темпом речи и т.д. Опытный оратор может управлять вниманием аудитории, меняя интонационный рисунок речи, внося разнообразие в тембровую окраску, темп, громкость голоса. Говоря о невербальном поведении, важно напомнить, что жесты выступающего должны быть открытыми, симметричными, движения рук начинаться от уровня груди, что подчёркивает от-

крытость, искренность оратора. При этом жестиковать нужно умеренно и уместно, не отвлекая внимания от слова.

В-пятых, как показывает практика публичных выступлений, аудитория очень ценит искренность, естественность, открытость в поведении оратора. Только эти качества могут вызывать расположение и доверие к нему.

Наконец, нельзя забывать и о том, что нас всё-таки «встречают по одежке...». Внешний вид – это то, что в первую очередь оценивают слушатели, причём оценивают очень строго. Одежда оратора, его стиль, манера держаться – всё это создаёт первое впечатление о нём: либо настраивает на позитивное восприятие, либо создаёт барьеры, которые необходимо будет преодолевать. Что предпочитает среднестатистический слушатель в отношении внешнего вида оратора? Вряд ли его убедят эпатажные детали в одежде или поведении, спортивный стиль или небрежность в причёске. Публичное выступление требует делового стиля. Хорошо воспринимается умение оратора подчеркнуть свою индивидуальность. Искусство состоит в умении заинтересовать своим внешним видом и в то же время не отвлекать от главного – речи.

Итак, к слагаемым грамотного поведения оратора в аудитории относятся самообладание, уверенность в себе, умение установить контакт со слушателями, уважение аудитории, энергетика, открытость, искренность, естественность в общении, продуманный внешний вид.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2006; **Введенская Л.А., Павлова Л.Г.** Деловая риторика: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2000; **Кони А.Ф.** Советы лекторам // Кони А.Ф. Избранные произведения. М., 1956; **Кохтев Н.Н.** Риторика. М., 1996; **Михальская А.К.** Основы риторики. Мысль и слово. М., 2002; **Полякова Е.К.** Риторический идеал в русском коммуникативном сознании: психолингвистическое исследование: КД. Воронеж, 2003; **Сопер П.** Основы искусства речи. М., 2000; **Хорошилова С.П.** Психологические средства повышения эффективности речевого воздействия на человека: КД. Новосибирск, 2006.

С.В. Меньшенина

ПОВЕСТВОВАНИЕ – функционально-смысловой тип речи, предназначенный для изображения последовательного ряда событий. Преимущественная сфера использования П. – художественная литература. Напр.: *Доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу, когда он был только что назначен земским врачом и поселился в Дялиже, <..> говорили, что ему, как интеллигентному человеку, необходимо познакомиться с Туркиными. Как-то зимой на улице его представили Ивану Петровичу; поговорили о погоде, о театре, о холере, последовало приглашение. Весной, в праздник <..>, после приёма больных, Старцев отправился в город <..>. В городе он пообедал, погулял в саду, потом <..> решил сходить к Туркиным <..>* (А. Чехов).

В повествовательных фрагментах текста каждое предложение обычно выражает какой-л. этап в развитии действия, в движении сюжета. Основную смысловую нагрузку, как правило, выполняют глаголы совершенного вида, приставочные и бесприставочные (в приведённом примере – *поселился, представили, отправился, погулял, решил* и т.д.), которые обозначают сменяющиеся действия. Для П. характерна конкретная лексика (*доктор, улица, город, сад*). Ход событий акцентируется посредством обстоятельств времени (*только что, как-то зимой, весной, в праздник, после приёма больных, потом*).

По использованию синтаксических построений и типов связи предложений П. противопоставлено Описанию (см.), что проявляется, в частности, в следующем: 1) в различии видо-временных форм глаголов: описание строится главным образом на использовании форм несовершенного вида, П. – совершенного; 2) в преобладании цепной (последовательной) связи предложений в П. – для описания более характерна параллельная связь; 3) в употреблении односоставных предложений: для П. нетипичны номинативные, безличные предложения, широко представленные в описании.

В художественно-изобразительной речи – художественных произведениях, некоторых жанрах публицистики (очерк, репортаж и др.), текстах-рассказах в разговорном стиле – органично сочетаются элементы описательности и повествовательности. Описание включается в П. для наглядно-образного представления героев, места действия.

Лит.: **Виноградов В.В.** О языке художественной прозы // Виноградов В.В. Избранные труды. М., 1980; **Корпусова Е.В.** Прагматический аспект роли говорящего в функционально-смысловых типах речи: «описание» и «повествование»: КД. Кемерово, 2003; **Лосева Л.М.** Как строится текст. М.,

1980; **Нечаева О.А.** Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. Улан-Удэ, 1999; **Нечаева О.А.** Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974.

Т.Б. Трошева

ПОВЁСТКА. См. ИЗВЕЩЕНИЕ

ПОВТОР – общее название ряда Стилистических приёмов (см.), основанных на повторении в речи языковых единиц (звуков, морфем, слов, синтаксических конструкций), а также принцип, лежащий в основе построения этих стилистических приёмов.

В зависимости от принадлежности повторяемой единицы к определённому языковому уровню выделяют П. звуковой (см. Аллитерация, Ассонанс), морфемный (см. Гомеология, Корневой повтор), лексический (см. Позиционно-лексический повтор) и синтаксический (см. Синтаксический параллелизм). В зависимости от расположения повторяемых единиц по отношению друг к другу выделяют П. контактный (единицы следуют друг за другом; см. Геминация, Редупликация) и П. дистантный (повторяющиеся единицы разделены другими элементами; см. Диакопа, Тмезис). В зависимости от позиции повторяющихся единиц в речевом отрезке различают П. упорядоченный, или симметричный (повторяющиеся единицы занимают одну и ту же позицию в слове или тексте; см., напр., Позиционно-лексический повтор), и П. неупорядоченный, или асимметричный (повторяющиеся единицы не объединены тождеством позиции). В зависимости от точности воспроизведения исходной единицы П. бывают полные и частичные (П. отдельных элементов исходной формы).

Некоторые исследователи выделяют семантический П. (см. Плеоназм).

П. – достаточно хорошо изученное явление на материале разных языков, в т.ч. в сопоставительном аспекте. Современные исследования П. характеризуются переходом от формального описания повторяющихся компонентов к изучению роли различного рода П. в организации внутренней композиции текста и устного диалога.

П. употребляются во всех функциональных стилях современного РЛЯ, выполняя разнообразные функции, которые в значительной степени зависят от значения повторяющихся элементов. Для всех П. характерна функция эмфатизации высказывания (см. Эмфаза).

Стилистически не оправданный П., делающий речь однообразной и невыразительной, является речевым недочётом. Напр.: *Мы всем классом пошли в лес. В лесу мы развели костёр, чтобы согреться. Деревья в лесу были в снегу* (из шк. соч.). Ср. с намеренным использованием П.: *В его послужном списке было отмечено много перемен, но, в сущности, он всю жизнь занимался одним делом – как умел, по-солдатски, служил революции. Служил в германскую войну, служил в гражданскую, служил, командуя полками и дивизиями, служил, учась и читая лекции в академиях, служил, даже когда судьба не по доброй воле забросила его на Колыму* (К. Симонов) – благодаря упорядоченному лексическому П. подчёркивается идея служения герою Родине, именно служения (а не службы), свидетельствующего о его безоглядной любви к ней.

Лит.: **Амроян И.Ф.** Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов): ДД. М., 2006; **Афанасенко Е.В.** Семантический повтор в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков): КД. Саратов, 2006; **Балашова С.Е.** Виды и функции повторов в творчестве М.А. Шолохова: КД. М., 2008; **Бочкарёва Ю.Е.** Вариативные лексические повторы как средство регулятивности в лирике М.И. Цветаевой: КД. Томск, 2007; **Векшин Г.В.** Фоностилистика текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования: ДД. М., 2006; **Куликова З.П.** Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р.М. Рильке: КД. Ростов н/Д, 2007; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; **Общая риторика:** пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; **Плотникова А.В.** Диалогический повтор как средство организации речевого взаимодействия: КД. Саратов, 2007; **Синтаксические фигуры как система:** коллективная монография. Смоленск, 2007; **Тархова Е.В.** Повторы и их функции в судебной речи: КД. Тамбов, 2007; **Хазагеров Г.Г.** Риторический словарь. М., 2009; **Хаз-**

геро́в Т.Г., Шири́на Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Чернышёва С.В. Функции повторов в прозе А.П. Чехова: КД. Иваново, 2007; Ширяева О.К. Семантика повтора и разноуровневые средства его выражения в идиостиле Д. Хармса: КД. Ростов н/Д, 2009.

Г.А. Копнина

ПОГОВО́РКА – термин, обладающий в современной филологии многозначностью. Как правило, его значение выявляется в сопоставлении с терминами «пословица» и «фразеологическая единица».

В отечественной фольклористике (В.П. Аникин и др.) и отчасти – в лингвистике [Ахманова 1966; Мокиенко 1975; и др.] распространена точка зрения, существовавшая уже в работах филологов XIX в.: И.М. Снегирёва, В.И. Даля, А.А. Потебни и др., – которая представляет П. как составную языковую единицу образного характера, логически соотносимую с понятием, ср.: «**Поговорки**, не заключая в себе полного смысла, выражают только намёк, применение, уподобление, сравнение, общепотребительный оборот речи, идиоматизм, напр.: *На помине лёгок, Благим матом*» [Снегирёв 1995: XXIX].

А.А. Потебня, указывая на семантическую близость П. пословице, подчёркивает, что они связаны отношениями деривации: *Старого воробья на мякине не проведёшь* (пословица) → *старый воробей* (поговорка). Однако он отмечает возможность не только стяжения пословиц до П., но и существования П. как единиц, «недоразвившихся» до пословиц [Потебня 1990: 105].

В современной отечественной лингвистике за экспрессивными составными языковыми знаками, логически соотносимыми с понятиями (*плыть по течению* – ‘не сопротивляться обстоятельствам’, *с глазу на глаз* – ‘наедине’, *старый воробей* – ‘опытный человек’), закрепился ряд терминов, указывающих на принадлежность этих единиц к фразеологии: «фразеологическая единица», «фразеологизм», «фразаема», «фразеологический оборот». Интенсивность их использования в языковедческих исследованиях снижает активность обращения к термину «П.» в рассмотренном выше значении. Правда, некоторые учёные стараются разграничить П. и фразеологизм, утверждая, что «фразеологизмы как знаки вещей принципиально отличаются от пословиц и поговорок, являющихся знаками ситуаций или отношений между вещами» [Пермяков 1970: 35]. На деле такое разграничение не всегда очевидно. Ср., по Г.Л. Пермякову, *положить зубы на полку, гусь лапчатый, кондрашка хватил кого* – фразеологизмы, *топтаться на одном месте, бык среди телят, мошка лягнула кого* – П.

Определяя П. как «образное, иносказательное выражение, отличающееся от пословицы своей синтаксической незаконченностью», О.С. Ахманова отмечает наличие и иных трактовок термина. Согласно одной из них П. выступает как синоним пословицы, а оба они в этом случае оказываются эквивалентны английскому термину «proverb» [Ахманова 1966: 328, 341, 421].

Другая точка зрения, представленная в [Широкова 1931; Жуков 1991; Савенкова 2002], объединяет П. с пословицей по логико-синтаксическому критерию (обе выражают законченную мысль и имеют структуру предложения), но разграничивает их по семантической структуре. В соответствии с этой позицией П. может быть определена как устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, лишённое переносности значения и пригодное для употребления в дидактических целях. В отличие от пословицы в П. каждое слово выступает в прямом значении. Её семантическое тождество в разных речевых ситуациях сохраняется, а целостность поговорочной семантики обеспечивается лишь за счёт передаваемого ею обобщения: П. утверждает общепринятость (или принятость значительным количеством носителей языка) характеристики, оценки и т.п. предмета речи, ср.: *Здоровье дороже богатства, Деньги – дело наживное*. В.И. Даль по отношению к таким единицам употребляет термин «пословичное изречение», ср.: «Пословичным изречением назовём такое, которое вошло, в виде пословицы, в беседу нашу, хотя и не заключает в себе никакой притчи, иносказания, обиняка; напр., ... *Твори бог волю свою*» [Даль 1984: 1, 14]; А.А. Потебня называет такие единицы «безобразными пословицами» [Потебня 1990: 102], Г.Л. Пермяков – «народными афоризмами» [Пермяков 1970: 12].

Лит.: Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учеб. пособие по спецкурсу. Тула, 1995; Даль В.И. Пословицы рус-

ского народа. В 2 тт. М., 1984; Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991; Мокиенко В.М. В глубь поговорки. М., 1975; Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970; Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. М., 1990; Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д, 2002; Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: КД. Краснодар, 1999; Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; Снегирёв И.М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1995. XLV; Широкова О. Жизнь пословицы // Русский язык в школе. 1931. № 6–7.

Л.Б. Савенкова

ПОДЗАГОЛОВОК. См. ЗАГОЛОВОК

ПОДМЕНА ТЁЗИСА – намеренное (уловка) или ненамеренное (ошибка) нарушение логического закона тождества, которое заключается в замещении исходного Тезиса (см.) другим положением. П.т. как уловка не всегда распознаётся адресатом благодаря сходству доказываемого положения с первоначальным тезисом, что создаёт иллюзию логичности речи.

Известен случай с древнегреческим философом Диогеном. Один философ доказывал, что в мире, как он представляется нашему мышлению, нет движения, нет многих вещей, а есть только одна единственная вещь, притом неподвижная и круглая. Другими словами, он доказывал (хотя это мнение и ошибочно), что для нашего ума мир неподвижен. В порядке возражения Диоген встал и начал не спеша ходить перед спорящими, тем самым пытаясь подтвердить другую мысль: в чувственно воспринимаемом мире есть движение. За такую подмену тезиса Диогена, если верить источникам, побили палкой [Ивин 2002: 174].

В приведённом выше примере происходит **подмена чужого тезиса**. В отличие от него, в следующем, хрестоматийном, примере осуществляется **подмена своего тезиса** (разграничение двух типов П.т. см. в [Москвин 2008: 182]):

Раздосадованный Рутилов сказал:

– Ты, Ардальон Борисыч... *форменная свинья.*

– *Врёшь!* – угрюмо сказал Передонов.

– *Нет, не вру, и могу доказать,* – злорадно сказал Рутилов.

– *Докажи,* – потребовал Передонов.

– *Погоди, докажу,* – с тем же злорадством в голосе ответил Рутилов.

Оба замолчали... Вдруг Рутилов сказал:

– *Ардальон Борисыч, а у тебя есть пяточок?*

– *Есть, да тебе не дам,* – злобно ответил Передонов.

Рутилов захохотал.

– *Коли у тебя есть пяточок, так как же ты не свинья!* – крикнул он радостно (Ф. Сологуб).

Разновидностью подмены своего тезиса является уловка, получившая название **апопланесис** и заключающаяся в том, что говорящий даёт обещание затронуть определённую тему, что-л. рассказать, привести факты, но затем переходит к другой теме [Москвин 2008].

П.т. может осуществляться не только как подмена предмета спора, но и как **подмена понятий**. Напр., на обёртке конфеты покупатель читает *Конфеты «Альпийские» с халвой*, однако, если прочитать написанный мелким шрифтом их состав (*«ароматизаторы – ваниль, халва (идентичные натуральным)»*), то становится очевидным, что никакой халвы в них нет. Таким образом, в названии конфет использована уловка «П.т.».

Разновидностью П.т. как уловки исследователи считают приём, получивший названия **тематическое переключение**, или **логическая диверсия**. Его суть состоит в том, что в диалоге «предыдущая реплика игнорируется, а в ответ вводится новое содержание, напр.:

– *Ну, как, ты поговорил с деканом?*

– *А почему у тебя такой тон?* (пример из [Доценко 2000: 142]).

Разновидностью П.т. считают его **расширение** или **сужение**. «Напр., – пишет С.И. Поварнин, – вначале спорщик поставил тезис: “все люди эгоисты”, но, увидев, что нельзя доказать и возражения противника сильны, начинает утверждать, что тезис был просто “люди эгоисты”. <...> Если же, наоборот, противник выставил тезис “люди эгоисты”, софист старается истолковать его в более выгодном для себя смысле: в том смысле, что “все люди эгоисты”, т.к. в таком виде тезис легче опровергнуть. Вообще *свой* тезис софист обыкновенно старается, если дело плохо, *сузить*: тогда его легче защищать. Тезис же противника он стремится *расширить*, потому что тогда его легче опровергнуть» [Логика и риторика 1997: 552]. На одном из сайтов под заголовком *Китай закрыл по доносам 1129 порносайтов* размещена информация о том, что *власти Китая провели очередную операцию по закрытию интернет-сайтов, распространяющих запрещённую в стране информацию – в основном это порносайты и сайты различных религиозных объединений*. Таким образом, заголовок по отношению к основному тексту представляет собой сужение тезиса, текст же иллюстрирует расширение тезиса, данного в заголовке.

П.т. как уловка часто встречается в политическом и рекламном дискурсах. Напр., в рекламном тексте читаем: *Подарки всем! Сделай покупку на 2007 рублей и более и участвуй в беспроигрышной лотерее!* (Теленеделя. 25.12.2006) – тезис «Подарки всем» подменяется на тезис «Подарки всем, кто осуществит покупку».

Сознательную П.т. называют также дигрессией, метабазисом и «софизмом соломенного чучела» [Москвин 2008: 181, 183].

Чтобы не допускать логической ошибки «П.т.», необходимо знать закон тождества и совершенствовать практические навыки его применения. Если в процессе доказательства возникла необходимость сменить тезис, нужно об этом заявить прямо, сформулировать новый тезис и его доказывать.

Лит.: Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 2000; Ивин А.А. Риторика: искусство убеждать: учеб. пособие. М., 2002; Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М., 1997; Логика и риторика. Хрестоматия / сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. Мн., 1997; Москвин В.П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов н/Д, 2008; Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996.

Г.А. Копнина

ПОДСТИЛЬ – разновидность функционального стиля, выделяемая по совокупности общих тематических, композиционных и лингвостилистических особенностей. В П. сохраняются основные черты того функционального стиля, в рамках которого он выделяется, однако ряд дифференциальных признаков тематического, жанрового и языкового характера требуют его выделения в отдельную подсистему.

На основе анализа группы текстов, объединяемых общими чертами стилистического оформления, композиции, содержательного наполнения, в научном стиле выделяются четыре основных П. **Собственно научный стиль** используется при написании первичных текстов (научной статьи, монографии, диссертации, курсовой и дипломной работы и т.п.) и вторичных текстов (конспекта, реферата, аннотации, рецензии). Цель первичных научных текстов – доказательство научной истины, вторичных – описание или изложение содержания первичных текстов. **Научно-учебный П.** представлен в учебниках, пособиях, учебных справочниках, публикуемых курсах лекций и другой учебной литературе. **Научно-справочный П.** используется при создании энциклопедических и терминологических словарей, справочников для специалистов и широкого круга читателей. **Научно-популярным П.** пишутся тексты на научные темы, адресованные неспециалистам. Это статьи, заметки, рецензии, интервью с учёными, обзоры научной жизни и т.п.

Внутри официально-делового стиля в зависимости от области применения деловой речи и стилистических особенностей текстов выделяют три П. **Дипломатический П.** обслуживает сферу дипломатических отношений и представлен в таких жанрах, как международные договоры, соглашения, конвенции, меморандумы, ноты, коммюнике и т.п. **Законодательный П.** используется при написании таких юридических текстов, как конституция, законы, указы, гражданские и уголовные акты и т.п. Это «язык законов». **Делопроизводственный П.** представлен в административных актах, цирку-

лярах, инструкциях, распоряжениях, приказах, договорах (трудовых, коллективных и т.п.), деловой переписке, канцелярской документации.

Относительно набора и характеристики П. публицистического стиля нет единого мнения. Основные П. публицистического стиля, по О. Я. Гойхману, – собственно публицистический, политико-агитационный, официальный политико-идеологический, газетный. **Собственно публицистический П.** используется при написании очерков, памфлетов, фельетонов и т.п. **Политико-агитационный П.** представлен в воззваниях, приказах, прокламациях. **Политико-идеологическим П.** пишутся партийные документы. **Газетный П.** выступает в газетных текстах различной направленности. П. публицистического стиля, по Г.А. Мартиновичу, – газетно-журнальный, тележурналистский (и радиожурналистский), ораторский (агитационный), рекламный. В некоторых учебных пособиях, таких как: «Стилистика и культура речи» Т.П. Плещенко, Н.В. Федотовой, Р.Г. Чечет, «Русский язык и культура речи» Н.И. Рябковой и др. – указывается на газетно-публицистический, радио-тележурналистский и ораторский П. **Газетно-публицистический П.** обслуживает сферу массового информирования по актуальным общественным вопросам в печати; применяется при написании текстов таких жанров, как заметка, зарисовка, репортаж, эссе, проблемная и аналитическая статья и др. **Радио-тележурналистский П.** представлен устными формами массовой информации. Его основные жанры: интервью, дискуссия, ток-шоу, радио- и телерепортаж и др. **Ораторский П.** представлен выступлениями на митингах и собраниях.

П. художественного стиля – **прозаический (эпический)**, реализующийся в сказке, рассказе, повести, романе, эссе, новелле, очерке, фельетоне; **драматургический**, представленный в трагедии, драме, комедии, фарсе, трагикомедии; **поэтический (лирика)**, выступающий в песне, оде, балладе, поэме, элегии, стихотворениях: сонете, триолете, четверостишии и др.

П. разговорного стиля: **разговорно-бытовой, разговорно-деловой, эпистолярный** (частная переписка). Реализуются в таких жанрах разговорного стиля, как повседневная непринуждённая беседа, частные письма, записки, объявления частного характера, личные дневники, интернет-форумы, SMS-сообщения и т.д. Темы этих жанров носят в основном бытовой, непрофессиональный, неслужебный характер.

Лит.: Гойхман О. Я. Русский язык и культура речи. М., 2008; Кожина М.Н., Салимовский В.А., Дускаева Л.Р. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Мартинович Г.А., Семёнов П.А. Терминологический словарь: Русский язык. Стилистика. Культура речи. СПб., 2006; Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи. Мн., 2001; Рябкова Н.И. Русский язык и культура речи. СПб., 2011; Стилистика и литературное редактирование / под ред. В.И. Максимова. М., 2004.

А.Н. Смолина

ПОДТЁКСТ – внутреннее содержание речи; скрытый, подспудный смысл высказывания/текста, выявляющий подоплёку изображаемых событий, раскрывающий действительное отношение говорящего/пишущего к изображаемой действительности без специального вербального оформления. Возникновение П. в тексте любого типа может порождать эстетический эффект, способствовать перераспределению статусно-ролевых и межличностных отношений персонажей, адресата и адресанта.

П. выявляется читателем/слушателем, в сознании которого сформирована определённая языковая картина мира. Воспринять имплицитно заключённую в высказывании информацию, внутреннее содержание речи, не совпадающее с её прямым смыслом, – значит декодировать высказывание на основании знания типического, обычного, «само собой разумеющегося для данной культурно-языковой общности» [Белокурова 2006: 125], понять мотивы, заставившие автора высказывания обратиться к тем или иным событиям. Напр., Н.В. Гоголь, создавая комедию «Ревизор», намеревался привести читателя/зрителя в ужас. Но первые театральные зрители не поняли подтекста одного из главных произведений великого сатирика, радовались и восклицали восторженно: «Эк, загнул!». Реже бывали случаи, когда адресат извлекал из П. больше информации, чем предполагал вложить автор. Так было со стих. В. Маяковского «Я люблю смотреть, как умирают дети...» в интерпрета-

ции Ю. Карабчиевского, представившего этот текст как своеобразный манифест поэта, психика которого сдвинута в «сторону садистского сладострастия» [Воскресение Маяковского 1990: 15].

В русской гуманистической мысли и культуре начали говорить о П. в связи с постановками пьес А.П. Чехова во МХАТе в начале XX в. Именно теоретиками театрального искусства П. впервые был описан как стилистическое явление.

Интерес языкознания к скрытым, имплицитным смыслам текста сформировался в последние десятилетия, когда осуществился поворот лингвистики к анализу смыслов, возникающих в речи, скрытых смысловых компонентов высказывания – имплицатур, пресуппозиций, эвфемизмов, коннотаций различных типов, косвенной коммуникации. Способы и речевые средства создания П. в художественной, публицистической и разговорной речи разнообразны. В классической литературе в значительной степени определяющий её ценность П. особенно легко обнаруживается в произведениях писателей, практикующих Эзопов язык (см.). Яркий пример – сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина. Наиболее частотные конкретные речевые средства передачи внутреннего смысла высказывания, передаваемого в письменной форме: лейтмотив, фигуры речи (прежде всего, умолчание, парцелляция, разные типы повторов), ирония и иные виды тропов, авторская пунктуация, разрушение привычного графического облика слова, окказиональное словообразование.

В разговорной речи создание П. – способ выражения «задней мысли», основным средством передачи которой становятся интонация, умолчание, ирония.

У П. большие выразительные возможности, огромный воздействующий потенциал. П. помогает сэкономить текстовое пространство, подчеркнуть наиболее важные мысли мягко, без назойливого прямого повтора, управлять процессом накопления информации. П. способствует успешному развёртыванию диалога, помогает направлять беседу в нужное русло. При игнорировании П. могут возникнуть смысловые, логические ошибки.

В то же время основная задача автора делового, научного текста, короткой газетной заметки, пресс-релиза – не допустить появления П., поскольку в этих стилях и жанрах требуется точность и однозначность.

Лит.: Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2006; Валгина Н.С. Теория текста. М., 2004; Ветошкин А.А. Подтекст как выразительное средство языка: на материале английского языка: КД. Саранск, 1999; Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы литературы. 1955. № 1; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1980; Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. М., 1994; Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006; Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6; Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. М., 1999; Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. М., 1990; Козьма М.П. Подтекст как вторичная моделирующая система (на материале художественных произведений английских и американских писателей): КД. Самара, 2009; Муравьёва Н.В. Об одной риторической неудаче // Журналистика и культура русской речи. Вып. 5. М., 1998; Падучева Е.В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации // Научно-техническая информация. 1981. Сер. 2. № 11; Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008; Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки. 1969. № 1; Ульман С. Стилистика и семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980; Шмид В. Проза как поэзия. СПб., 1991.

Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова

ПОДХВАТ. См. АНАДИПЛОЗИС

ПОЖЕЛАНИЕ – речевой жанр, закреплённый за этикетной ситуацией выражения мнения о желательности чего-л. П. – это полифункциональные этикетные высказывания, способные передавать не только значение П., но и совмещать собственное значение с другими, в частности с Прощанием (см.), Советом (см.), Приветствием (см.), Благодарностью (см.), Complimentом (см.).

П. представляет собой перформативное высказывание, которое может быть синонимично перформативному глаголу, выражающему одновременно акт речи и действие. Напр., *пожелание скорого выздоровления*.

Основной моделью П. является модель: *желать* + *род. падеж/инфинитив*. По этой модели создаются свободные поздравительные словосочетания. Напр.: *(Я) желаю (вам, тебе) + сущ. в род. падеже (счастья, здоровья, успехов и т.д.); (Я) желаю (вам, тебе) + инф. (сдать экзамен, поправиться, приятно провести время и т.д.)*.

Существуют различные варианты П., в зависимости от ситуации общения П. могут быть:

а) стилистически нейтральными (общеупотребительными): *(Я) желаю (вам, тебе) спокойствия, благополучия, всего хорошего*. В непринуждённом общении глагол обычно опускается: *Успехов вам (тебе)!, Побольше радости!, Счастья вам (тебе)!, Долгих лет жизни!*;

б) с эмоционально-экспрессивной окраской: *От всего сердца (от всей души) желаю вам...*;

в) с побудительным оттенком: *Будьте счастливы!, Будьте здоровы!, Не болейте, Берегите себя!*;

г) с оттенком желательности: *Я хочу..., Я хотел бы..., Мне хочется..., Мне хотелось бы... + инфинитив: Я хочу пожелать вам здоровья и успехов*.

П. могут выражаться в разных ситуациях, напр. при приёме пищи: *Приятного аппетита!, Кушайте на здоровье!*; по случаю, по поводу чего-л., в связи с чем-л.: *В день рождения желаю..., Примите мои сердечные пожелания..., В этот праздничный день желаю вам...;* П. отъезжающему, которое сочетается с прощанием: *Счастливого пути!, В добрый путь!, Успешной поездки*.

Возможен также вариант совета, наказа, напр.: *Прощай, Евсеюшка, прощай, мой ненаглядный! – говорила мать, обнимая его, – вот тебе образок; это мое благословение. Помни веру, Евсей, не уйди там у меня в бусурманы! А не то прокляну! Не пьянствуй, не воруй; служи барину верой и правдой. Прощай, прощай!.. (И. Гончаров); Ну, теперь прощай! – Он дал поцеловать сыну свою руку и обнял его. Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... – А коли узнаю, что ты повёл себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно! (Л. Толстой)*.

Понятие П. многообразно по лексическому наполнению, поэтому вариантов этого речевого жанра и средств их выражения также очень много.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1982; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2007; Вдовина Е.В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: КД. М., 2007; **Формановская Н.И.** Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевого этикет в нашем общении). М., 1989; **Формановская Н.И.** Речевого этикет в русском общении. Теория и практика. М., 2009.

Н.Н. Акулова

ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ – речь, создаваемая в ситуациях праздника или торжества, содержащая похвалу и благопожелания по поводу адресата или предмета данного торжества. П.р. – наиболее простой, но чрезвычайно важный для жизни любого общества и человека вид речи.

П.р. как вид торжественного красноречия появилась ещё в античные времена. Этот род речей назывался в античности **эпидейктическим** (от др.-греч. ἐπιδεικτικός – ‘похвала’ или ‘хула’). Его цель – показать прекрасное в предмете речи; торжественная, праздничная речь произносится по поводу настоящего праздника, она должна соединить прошлое и будущее, как бы оценив прекрасные деяния, совершённые в прошлом и прогностически пожелав прекрасного будущего, выразив эти поздравления и пожелания добрыми словами.

Исторически Аристотель был первым, кто исчислил систему «благ» (общих мест), о которых мы говорим, рассуждая о счастье. «Ведь в сущности, – пишет Аристотель, – всё, о чём говорят люди, касается счастья». Великий философ выделил и определил добродетели, или «общие места», характерные для П.р., актуальные и сегодня: *обилие друзей, хорошая семья, слава, почёт, богатство*; к добродетелям физическим относил *здоровье, силу, красоту, статность, ловкость*; к добродетелям духовным – *справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, бескорыстие, скромность, мудрость*. Аристотель советовал: «Если ты не находишь, что сказать о человеке самом по себе, сравни его с другими. Следует сравнивать человека с людьми знаменитыми, потому что если он окажется лучше людей, достойных уважения, его достоинства от этого выиграют».

История П.р. в России необыкновенно богата. Она начинается практикой торжественного красноречия в Древней Руси (написанием и произнесением различных «слов», проповедей), где фиксиро-

вались духовные и культурные ценности средневекового человека (см., напр., «Слово в новую неделю по пасхе» Кирилла Туровского). Теория построения П.р. изложена впервые в русских рукописных риториках XVII – начала XVIII вв. В «показательном (лат. demonstrativum) роде речей» излагалось учение о похвале «лиц, вещей, дел» («Риторика» Софрония Лихуда, сочинения Амвросия Серебренникова).

Теория П.р. развивается современными учёными (Н.И. Формановской, А.К. Михальской) и определяется как «наименование этикетной ситуации общения, когда в ответ на благоприятное событие (напр., праздник) говорящий посылает адресату благопожелания. Событие может быть как общенародным праздником, так и личным, включая достижения разного рода» [Формановская 2003: 481–482]. А.К. Михальская определяет главную функцию и общую цель эпидейктической речи как воодушевление и сплочение аудитории.

Современные П.р. можно классифицировать по следующим параметрам:

1. Ситуации, или обстоятельства речи, по поводу которых произносится речь: день рождения, юбилей, свадьба, рождение ребенка, крестины, проводы в армию, бракосочетание, государственные и исторические праздники (9 Мая, День России, День города и т.д.).

2. Официальность/неофициальность П.р. Именно на основании этого разделения мы отмечаем официальность, лаконичность и сдержанность государственных речей, произносимых преимущественно крупными политиками в дни всенародных праздников (Новый год, День Победы, День города и пр.); отсюда же оживлённость, эмоциональность, остроумие, шутливость семейно-бытовых поздравлений.

3. Фактурность речи (письменные/устные/электронные).

4. Форма речи (стихотворные/прозаические). Раньше стихотворные похвальные речи относились к высоким жанрам поэзии (напр., ода, послание), но в современном обществе, если это не стилизация высоких жанров, они зачастую проигрывают прозаическим речам в оригинальности построения, словесном наполнении и выразительности. Впрочем, пример яркого и выразительного стихотворного поздравления – «Послание 75-летнему К.И. Чуковскому от 70-летнего С. Маршака»: *Чуковскому Корнею / Послание к юбилею. / Я очень сожалею, / Что всё ещё болею / И нынче не сумею / Прибыть на ассамблею, / На улицу Воровского, / Где чествуют Чуковского.*

5. Жанровая принадлежность: речь-выступление, адрес (обычно зачитывается), тост (в застолье), открытка, хоровая песня и т.д.

Ключ к успеху в создании П.р. находится в своеобразии содержания и стиля, когда накопленные оратором идеи выражаются в оригинальной композиционно-стилистической форме. В частности, приёмами («топосами») создания П.р. могут быть: 1) афористичное высказывание – его произносят и развивают в тостах; 2) яркое воспоминание из жизни, связанное с адресатом речи; 3) введение какого-л. ключевого слова или словосочетания, обыгрываемого со всех сторон в поздравлении; 4) поздравление, основанное на презентации подарка и объяснении его метафорического смысла по отношению к адресату.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2007; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996; **Ораторы Греции** / сост. и науч. подготовка текстов М.Л. Гаспарова. М., 1985; **Правила светской жизни и этикета.** С.-Петербург, 1889; **Формановская Н.И.** Поздравление // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Шаталова С.В.** Эпидейктические жанры речи: АКД. Ярославль, 2009; **Шевырёв С.П.** История Московского университета (к столетию со дня основания в 1755 году). М., 1855.

Т.В. Аннушкина

ПОЗДРАВЛЕНИЕ – речевой жанр (в иной трактовке речевой акт), выражающий похвалу и/или добрые пожелания кому-л. в связи с каким-л. знаменательным, важным или просто приятным событием. Специфика П. как речевого акта состоит в том, что оно представляет собой перформативное высказывание, т.е. способно одновременно выражать акт речи и действие. П. называют «яркой этикетной ситуацией» [Формановская 1989: 67].

Поздравительные этикетные формулы нуждаются в соблюдении баланса шаблона и оригинальности. В П. могут быть использованы особые языковые средства, в т.ч. различные шутки и разнообразные Риторические приёмы (см.). П. постоянно расширяет сферу своего присутствия (современные рекламные тексты, поздравительные баннеры и т.д.). П. может быть только по определённому случаю, поводу или событию. Поздравляют обычно с праздником, с днём рождения, с успехом, с удачным началом или завершением какого-л. дела, с важными переменами в жизни. Характер П. зависит от события и ситуации.

Формулы П. могут быть различными. Повод, который служит основанием для поздравления, превращается в самостоятельную поздравительную формулу: поздравлять + с + сущ. в тв. падеже (*Поздравляю с Новым годом!, С Днём рождения!, С праздником!*). Далее выстраивается поздравительный текст. Традиционное официальное П., как правило, торжественно и эмоционально насыщено. Напр., поздравление президента России Д.А. Медведева с Новым 2011 годом: *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья! Совсем скоро под бой курантов уйдет в историю 2010 год. И вместе с ним первое десятилетие нынешнего века. Провожая старый год, мы вспоминаем его радостные и грустные моменты, и надеемся, что следующий будет хорошим и удачным для каждого из нас и для всей страны...».*

Возможны также поздравительные формулы такого рода:

а) стилистически нейтральные, с оттенком желательности: *Я хочу (мне хочется, я хотел (-а) бы, мне хотелось бы) поздравить вас (тебя)...*;

б) стилистически повышенные, отличающиеся эмоционально-экспрессивной окраской: *От всей души (от всего сердца, сердечно, горячо) поздравляю!*;

в) стилистически повышенные, употребляющиеся преимущественно с Вы-формами общения, типичные для официально-деловой сферы: *Разрешите поздравить Вас!; Позвольте поздравить Вас!*; Официальные выражения содержат указания на организацию и лица, от имени которых поздравляют, и указание повода: *От имени и по поручению Министерства культуры поздравляю вас с...;*

г) П. третьему лицу: *Передайте мои поздравления + сущ. в дат. падеже (вашей жене)!*;

д) П. в письменной форме: *Шлю (вам, тебе) поздравления; Я хочу поздравить вас (тебя); Мне хочется поздравить вас (тебя).*

С поздравлением нередко связано вручение подарка. В таких случаях могут быть употреблены формулы:

а) бытового характера: *Я хочу подарить тебе (вам) книгу; Вот мой подарок; Это вам (тебе) от меня;*

б) с оттенком официальности: *По случаю свадьбы разрешите вручить вам подарок;*

в) стилистически повышенное П., уместное в официально-деловом общении, преимущественно с Вы- формами: *Позвольте (разрешите) вручить Вам наш скромный подарок.*

Форма П. напрямую зависит от события и ситуации: «форма П. с общенародными праздниками стилистически нейтральна, с семейными и личными – как правило, стилистически сниженна, разговорна» [Формановская 2007: 482].

П. может выделяться и как отдельный жанр публицистики наряду с Репортажем (см.), Очерком (см.), Эссе (см.) и другими жанрами [Пронин 1981: 28].

Лит.: Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1982; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2007; Вдовина Е.В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: КД. М., 2007; Немчинова Н.В. Когнитивные и лингвокультурные особенности поздравления в массовой коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 1 (8); Пронин Е.И. Текстовые факторы эффективности журналистского воздействия. М., 1981; Сухотерина Т.П. Поздравление как гипержанр естественной письменной русской речи: АКД. Кемерово, 2007; Формановская Н.И. Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). М., 1989; Формановская Н.И. Поздравление // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2007.

Н.Н. Акулова

ПОЗИЦИОННО-ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР – разновидность Повтора (см.) и Плеоназма (см.), сущность которой состоит в том, что в синтаксической конструкции (предложении или сложном синтаксическом целом) несколько раз повторяется синтаксическая позиция (позиции) с одним и тем же лексическим наполнением. Конструкции с П.-л.п. избыточны с точки зрения предметно-логической информации, однако эта избыточность оправдана, т.к. связана с выражением дополнительной информации экспрессивного характера. Так, в приведённых ниже примерах П.-л.п. способствует актуализации таких эмоционально-экспрессивных значений, как раскаяние: *Я не хотел думать о Варе, я хотел помнить отца, ведь прошло так мало времени после его смерти. Так мало времени прошло, а я уже живу новыми чувствами, забывая о долге перед его памятью* (Н. Евдокимов); одобрение: *Правильно, правильно он делает, что любит!* (С. Залыгин), сожаление: *Молоды вы ещё, очень молоды!* – вздохнул Иван Игнатьевич (В. Тендряков). П.-л.п. может выполнять акцентировавшую функцию (см. Анадиплозис): *Когда смотрела на них, она улыбалась. Улыбалась совершенно незаметно* (КП. 10.08.1974).

Как видно из приведённых примеров, повторяться может и член предложения, и целая предикативная единица; повторяющиеся единицы располагаются как контактно, так и дистантно. В общем случае многократные повторы экспрессивнее парных повторов, что отражается на их стилевой прикреплённости: они по-преимуществу используются в художественных и публицистических текстах (парный повтор достаточно широко представлен также в текстах научно-популярных).

В аспекте актуального членения предложения П.-л.п. чаще всего служит средством выделения ремы: – *Значит обоз с оружием добрался... – Дошёл! – сказал Лёвушкин. – Дошёл!* (И. Болгарин, В. Смирнов); или её части: *Я вот это знаю, и очень сожалею, что знаю. Очень!*... (С. Залыгин).

П.-л.п. – явление полифункциональное. На основную, выделительно-усилительную функцию, реализующуюся в актуальном членении предложения, наслаиваются и часто приобретают в конкретном контексте первостепенное значение иные функции, которые могут быть выражением как синтагматических особенностей текста, так и его разнообразных эмоционально-экспрессивных характеристик. Так, наиболее типичными для художественно-прозаических текстов (в которых П.-л.п. обладает наибольшей частотностью и функциональным разнообразием) являются следующие типизированные функции П.-л.п. (с большим спектром контекстных реализаций): функция экспрессивной связки: *<...> как будто первый раз, но устало и неторопливо **начинает** рассматривать жилплощадь тетушки Марины <...>; **начинает** слушать, а иногда и считать удары входных дверей в подъезде – раз, два, три – **начинает** чувствовать, что в жизни тетушки Марины так и не случилось жизни <...>* (С. Залыгин); характерологическая функция: *Дак что же это, а?... **Что же это?.. Что же это?** <...> Как стоял в полусогнутой позе, так и остался стоять до этого растерянно бессмысленного вскрика <...>* (Ю. Бондарев); собственно-изобразительная (живописующая): *Груздей и рыжиков в лесу было ещё мало, но что они будут обязательно – это уже известно, уже **пахнет** ими хвоя на земле. С каждым часом **пахнет** всё явственнее* (С. Залыгин); функция создания эффекта несобственно-прямой речи: *Настойчиво, как дятел, долбит березину, и топор, видать, наточен – в полтора играет жало, **а не та, не та** сила у старика. **Тюкает, тюкает**, а зарубки настоящей сделать не может* (Ф. Абрамов); функция выделения ключевого слова: ***Чудо** в тепле, за печкой живёт. **Чудо** слушает сказки, вой в трубе. **Чудо** мохнатое, доброе, домовитое. **Чудо** – пуховый платок покойной матери на больных ногах. **Чудо** – руки бабушки, её ворчанье и шумная ругань. **Чудо** – встречный человек. **Чудо** – его голос, глаза, уши. **Чудо** – это жизнь!* (В. Астафьев).

П.-л.п. как регулярное явление принадлежит художественному и публицистическому стилям, а также научно-популярному подстилю научного стиля, причём его полифункциональность убывает в указанной последовательности стилей.

Лит.: Иванчикова Е.А. Лексический повтор как экспрессивный приём синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. М., 1969; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. М., 1972; Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; Сковородников А.П. Positionно-лексический повтор как стилистическое явление // Филологические науки. 1984. № 5.

А.П. Сковородников

ПОЛЁМИКА (от др.-греч. *πολέμικα* – ‘вражда’) – разновидность Спора (см.); состязательное (конкурентное) речевое взаимодействие; публичная словесная борьба, соперничество двух или большего числа участников за победу своих убеждений, своих позиций по обсуждаемому вопросу, отстаиваемых как более верные и перспективные с их точки зрения. По ходу П. между её непосредственными участниками как лидерами, за которыми стоят, реально или виртуально, последователи, развёртывается активный (а порой острый, бурный и страстный) обмен мнениями. Это способствует пополнению информационно-доказательной базы каждой из сторон, пониманию Оппонента (см.), формированию ориентации человека как личности на ценности-цели, которые объединяют или же способны объединять участников на более высоком уровне, чем те суждения, что исходно их разделяют.

В зависимости от спорного предмета и ценностно-смысловых ориентаций участников выделяется три типа П. как публичной коммуникативно-речевой конкуренции. **Научно-познавательная** П. (преимущественно в области гуманитарного знания) направлена на утверждение своей точки зрения как носительницы нового и обоснованного знания; жанрово оформляется обычно в виде статей и публичных выступлений. Сведения о наиболее важных и ярких коммуникативных событиях этого типа отражаются, как правило, не только в рецензиях, публикуемых в специализированных научных изданиях, но и в СМИ.

Деловая П. (в политической практике и в менеджменте, в экономике, в сфере PR-коммуникаций и др.) направлена на выявление ряда альтернативных конкурирующих между собой решений и признание одного из них более целесообразным и взаимовыгодным для данного сообщества. Принятие решения, как правило, достигается в результате деловых встреч, корпоративных переговоров и получает определённое документальное оформление в официальном соглашении сторон, в протоколе о намерениях, в утверждённой программе, заключённом договоре или ином совместно прорабатываемом и утверждаемом акте. Информация о такой П. может сообщаться в специализированной прессе.

Игровая П. условна, обеспечивается предварительно разработанными процедурами, правилами и методиками. Её цель – распространение и закрепление тех или иных образцов конкурентного коммуникативно-речевого поведения и полемического опыта. Востребован этот тип П. в сфере образования и в СМИ (как один из доступных и целесообразных методов демонстрации различных коммуникативно-ролевых стратегий поведения в конфликтных ситуациях и средство обучения).

Эффективности П. любого типа способствуют взаимные Коммуникативные поддержки (см.): присоединение к частному мнению, высказанному оппонентом, повышение значимости сказанного им. Полезны для П. как речевого процесса повторы и перефразирование слов оппонента (без искажения их общего смысла), мотивированные вопросы, ссылки на убедительные факты и примеры, приглашения к совместной мыслительной деятельности (*давайте теперь представим себе, что...*). В эмоционально напряжённых ситуациях уместны коммуникативные поглаживания: комплименты, шутки, этикетно-речевые формулы благодарности, одобрительные оценки; если же замечания – то косвенные, переведённые в формат заинтересованного вопроса.

Этически корректная П., как и любая честная конкуренция, не выходящая за пределы общих интересов, требует от участников некоторых уступок в частности и не допускает: а) обмана, явного субъективизма в оценке реализуемых позиций; б) неуважения к сопернику, неравенства участников перед регламентом, неподчинения установленным правилам и требованиям протокола, словесной брани, крика, размашистых и резких жестов, холодной и пренебрежительной мимики; в) пристрастности при подведении результатов.

Чтобы П. не перерастала в скандал или «диалог глухих», участникам рекомендуется придерживаться стратегии коммуникативного сотрудничества: ориентироваться на достижение поставленной цели, на понимание высказываемых Оппонентом (см.) суждений. При этом следует прояснять свои рассуждения, объективно анализировать и уточнять свои позиции и позиции других участников, но не самих участников; учитывать содержание опорных понятий, на которых выстраивается полемика; избегать Речевых уловок (см.), воздерживаться от критики оппонента, от соблазна опереться на мнение большинства, а также от полного отрицания и замалчивания высказанных оппонентом суждений по существу вопроса, от подтасованных ссылок на факты, цифры и цитаты. «Категорически недопустимы унижающие человеческое достоинство высказывания о внешности, деталях биографии или мо-

рального облика собеседника, т.е. любые утверждения, способные обидеть, унизить или оскорбить его» [Родос 1989: 17].

Изложенная точка зрения в значительной степени сближает понятия дискуссии и П. Однако выборочные наблюдения над такими телевизионными ток-шоу, как «К барьеру», «Культурная революция», «Школа злословия», «Поединок» и др., или материалами сетевой П. в Рунете, убеждают в том, что функция П. часто сводится к целеустановке не просто убедить оппонента, а навязать ему и аудитории свою точку зрения любыми средствами. Таким образом, П., в отличие от дискуссии, цель которой – сотрудничество в совместном поиске истины, предстает как агональное речевое событие, т.е. предполагает борьбу и победу одной из сторон. С точки зрения культуры речи П., в силу эмоциональной жёсткости, страстности и категоричности, в отличие от дискуссии, требует от непосредственных участников как лидеров мнения большего опыта и мастерства, умения и готовности держать себя в руках, не горячиться.

В соответствии с таким пониманием П. представляет собой разновидность спора, в котором участники ради победы используют любые приемы, в том числе некорректные (см. Речевые уловки).

Лит.: Андреев В.И. Конфликтология (Искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов). М., 1995; Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспект культуры речи // Культура речи и эффективность общения. М., 1996; Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М., 1993; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Кузнецов И.Н. Риторика, или ораторское искусство: учеб. пособие. М., 2004; Мысль и искусство аргументации. М., 2003; Певнева В.И. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогических дискурсов русской и американской лингвокультур: АКД. Кемерово, 2008; Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996; Родос В.Б. Теория и практика полемики. Томск, 1989; Русское и финское коммуникативное поведение: сб. ст. Воронеж, 2006; Шестерина А.М. Полемический текст в современной прессе: АДД. Тамбов, 2004.

О.П. Жданова

ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ. СМ. КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ

ПОЛИЛОГ – обмен репликами между тремя и более говорящими, форма непринуждённой разговорной речи. Термин возник наряду с термином «диалог» и в определённых случаях совпадает с ним по значению. Как и для диалога, для П. характерна смысловая и композиционная связанность реплик. Но эта связанность, по верному замечанию Т.Г. Винокур, имеет «большую амплитуду колебаний», т.е. более сложна и свободна, чем в диалоге, поскольку в П. различна степень вовлечения собеседников в разговор (от инициации общения до немого соучастия).

П. встречается в разных сферах общения, широко используется в художественной речи, особенно в драматургии и кино.

Лит.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Иванова Е.М. Полилог как трансформация диалога в современном обществе: КД. Томск, 2009; Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. М., 1997.

Л.Р. Дускаева

ПОЛИПТОТ (ПОЛИПТОТОН) (от др.-греч. πολίπτωτον – ‘многопадежие’) – стилистическая фигура, имеющая два определения: узкое и широкое. Согласно первому определению П. есть повтор одного и того же слова (имени) в разных падежах в пределах узкого контекста (обычно одного предложения). Напр.: *Лицом к лицу / Лица не увидеть. / Большое видится на расстояньи* (С. Есенин). Согласно второму определению П. – это повтор разных форм слова, принадлежащего к любой изменяемой части речи, а не только имени существительного. Напр.: *Мы молчим / Чтобы не нарушить / Молчание / Вы молчите / Потому что уже / Всё сказали / Они молчат / Потому что им нечего / Возразить / Давайте поговорим / О чём мы так долго / Молчали* (В. Куприянов).

Основная функция П. – концентрация внимания на том или ином понятийном содержании повторяемой формы. П. может участвовать в создании комического эффекта: *Люблю любить любимых и т.д. / Любить же нелюбимых не люблю, Поскольку мой высокий КПД / От нелюбимых клонится к нулю* (С. Нохрин); П. может быть стилистической основой малоформатного жанра, в т.ч. комического: *Недавно Огробеевская городская Дума приняла в первом чтении Закон о борьбе с откатами. Для окончательного принятия закона требуется согласовать сумму отката, который получит Дума от тех, кто даёт откаты на борьбу с откатами* (ЛГ. 2009. № 30); *Е. Панфилова, директор российского отделения Центра антикоррупционных исследований и инициатив: «Борьба с борьбой с коррупцией будет самой страшной борьбой, которую видела наша страна».* Комментарий журналиста: *А после того, как начнётся ответная борьба против борьбы с борьбой, в стране и вовсе камня на камне не останется* (АиФ. 2009. № 30) – здесь в жанре сатирического комментария посредством П. высмеивается П. как стилистическая неудача.

Используется П. преимущественно в поэтической речи; часто встречается в пословицах: *Рыбак рыбака видит издалека; Ворон ворону глаз не выклюнет.*

Лит.: Береговская Э.М., Верже Ж.-М. Занятная риторика = Rhétorique amusante. М., 2000; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ПОЛИСЕМА́НТЫ. См. ПОЛИСЕМИЯ

ПОЛИСЕМИЯ, или **МНОГОЗНАЧНОСТЬ** (от др.-греч. πολυσημεία – ‘многозначный’), – наличие у единицы языка более одного значения. Выделяют грамматическую и лексическую П. Грамматическая П. – наличие двух значений у грамматической формы слова. Так, форма 2 лица ед. числа русских глаголов может быть употреблена не только в собственно-личном, но и в обобщённо-личном значении. Ср.: *Долго же ты спишь!* и *Спишь иногда, видишь сон, а кажется, будто всё настоящему.*

В основном же, говоря о П., имеют в виду лексическую её разновидность – наличие у слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова. Напр., у слова *столбняк* два значения: 1. ‘Острое инфекционное заболевание, вызываемое особым, находящимся в почве микробом, попадающим в организм через рану, царапину и т. п., и характеризующееся резкими судорожными сокращениями всех мышц’; 2. ‘Состояние полной неподвижности, оцепенения от сильного душевного потрясения; остолбенение’ (здесь и далее толкования по [МАС 1999]). Больше всего П. развита у глаголов, затем следуют существительные и прилагательные, наречия, междометия, числительные, союзы и частицы.

Между всеми значениями многозначного слова имеется семантическая связь, т.е. все значения многозначного слова имеют хотя бы одну общую сему (минимальный компонент семантического значения). Все значения слова, а также их оттенки составляют так называемую семантическую структуру слова и служат ярким примером проявления системных внутрисловных связей. Со временем связь между значениями многозначного слова может ослабнуть, и тогда П. утрачивается, уступая место Омонимии (см.). Для выяснения, чем является то или иное языковое явление, полисемантом, т.е. многозначным словом, или омонимом, обращаются к семантическому и этимологическому анализу.

Лексический состав языка исторически изменчив: слово в процессе своего исторического развития может в дополнение к исходному (основному) значению приобретать новые, производные. Напр., слово *диафрагма* (‘То же, что *грудобрюшная преграда*’) относительно недавно стало обозначать и ‘Устройство для ограничения ширины пучка световых лучей в оптической системе’. Значения бывают **прямыми** (непосредственно связанными с явлениями или предметами, обозначаемыми словом) и **переносными** (связанными с предметами или явлениями опосредованно, через перенос пря-

мого значения на другие предметы или явления). Таким образом мы переносим на нематериальные явления те представления, которые имеем о предметах материальных. Напр., прямое значение слова *зуд* – ‘Ощущение болезненно-щекочущего раздражения кожи, вызывающее потребность чесать раздражённое место’, а переносное – ‘Беспокойство, нестерпимое стремление к чему-л.’. Связи слов в прямом значении менее контекстуально обусловлены и входят в предметно-логические отношения, характеризующиеся широтой и относительной свободой. Слова с переносным значением более зависимы от контекста, обладают живой или частично потухшей образностью. Чем чаще слово встречается в литературном языке, тем больше значений оно имеет.

Развитие новых значений идёт по тому же пути, что и познание человеком реального мира – через ассоциации. Новые значения многозначного слова могут возникать двумя путями: через ассоциации по сходству, т.е. метафорически (*сосновая игла, каменное сердце*) и через ассоциации по смежности, т.е. метонимически (*в серванте стоял хрусталь, скрепки для бумаг*). Благодаря подвижности плана содержания количество смыслов, передаваемых посредством языка, по сути, безгранично. Развитие новых значений слова может приводить к появлению внутрисловной антонимии, или Энантиосемии (см.). Напр.: 1. *Прослушать лекцию* = воспринять, услышать её; 2. *Прослушать лекцию* = пропустить, не услышать лекцию (Общая сема – ‘восприятие органами слуха’).

Многие учёные отмечают отсутствие общего значения слова (Р. Якобсон, Анна А. Зализняк, G. Lakoff, M.B. Smith). Напр., говоря о *сне*, мы имеем в виду не некое общее понятие сна, а совокупность его значений: ‘1. Наступающее через определённые промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражения’ и ‘2. То, что снится, грезится спящему, сновидение’.

Одни исследователи считают, что в речи слово всегда имеет лишь одно значение, которое определяется контекстом (Л. Витгенштейн, Л. Ельмслев, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, А.Ф. Ефремов, У. Эко). Другие же придерживаются мнения, что потенциальные значения слова всегда присутствуют в сознании человека независимо от его данного употребления (В.В. Виноградов, А.Д. Шмелёв, Ю.В. Фоменко, С.Д. Кацнельсон).

П. является результатом такого механизма, как **дистаксия** – отсутствия взаимнооднозначного соответствия между означаемым (содержанием) и означающим (выражением) в знаках языка, или, другими словами, асимметрии языкового знака, выражающего стремление языка к экономии.

Существует два основных критерия определения П.: парадигматический – у разных значений слова разные синонимы (принцип Куриловича – Смирницкого), напр., *истребитель: самолёт, уничтожитель*, синтагматический – у разных значений слова разная сочетаемость, напр.: *Кот – неутомимый истребитель грызунов; Истребитель взлетел для выполнения боевого задания*.

П. демонстрирует неограниченные возможности языка, даёт простор для творческого использования лексики, т.к. богатство языка заключается не только в количестве слов, но и в вариативности их значений, в разнообразии их семантических оттенков. П. является важным стилистическим средством создания образности. Переносы значений придают словам свежесть, оригинальность, живость, поэтому потенциал П. так широко используют писатели, часто для создания юмористического эффекта. П. может являться основой для создания таких стилистических приёмов, как Диалогия (см.), Зевгма (см.), Антанаклаза (см.), Буквализация метафоры (см.), Каламбур (см.) и др.

Лит.: Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. М., 1971; Будагов Р.А. Закон многозначности слова // Человек и его язык. М., 1976; Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2; Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999; Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка: опыт разработки интегральной теории полисемии: ДД. М., 1999; Шмелёв Д.Н. Лексика современного литературного русского языка // Русский язык и советское общество. М., 1968; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

М.А. Южанникова

ПОЛИСИНДЕТОН (от др.-греч. πολυσύνδετον – ‘многосвязное’) – стилистическая фигура, которая по своей структурной организации противопоставлена Асиндетону (см.); грамматически избыточный, преднамеренный повтор сочинительных или подчинительных союзов при перечислении однородных членов, частей многочленного предложения или предложений в составе сложного синтаксического целого. Напр.: <...> *всё кругом было хорошо: **и** полдень раннего лета, **и** пустынная, неутомительная Сергиевская, **и** серые в яблоках лошади перед каретой, **и** два невероятных племянника, **и**, наконец, сама Наталья, о которой он всегда почему-то думал дурно и уничтожительно* (Б. Окуджава); *Всем известный скандальный депутат ещё когда молчит (хотя очень редко), то ни мимикой, ни позой, ни жестами может и не выдать своих намерений, **но** поступками, **но** поведением, **но** словами выдаёт своё подлинное «я»* (АиФ. 2004. № 5); *Вчера рано по утрам разбудила её бабушка, **и** они пошли в лес по мокрой траве, **и** девочка ёжилась со сна от утренней, пронзающей росы, **и** ноги её, охлёстанные травой, покрылись пупырышками* (В. Астафьев); 4) *Ему придётся отвечать, **потому что** они живы, эти люди, **потому что** они нашли его довоенную фотографию, **потому что** они свидетельствовали перед нами и заявили, что готовы подтвердить свои слова в любом, самом высоком суде* (КП. 1995); ***И** вот однажды наши родители ушли в театр, мы с Лёлей остались в комнате. **И** мы с ней стали играть на маленьком настольном бильярде. **И** вот во время игры Лёля, охнув, сказала <...> **И** я испугался, что Лёля проглотила такой тяжёлый шарик. **И** заплакал, потому что подумал, что у неё в животе будет взрыв* (М. Зощенко).

В некоторых справочных изданиях П. понимается в узком значении как преднамеренное увеличение количества союзов только между однородными членами предложения (см. [Розенталь, Теленкова 1985: 130]). В основном в справочной литературе указывается многократный повтор сочинительного соединительного союза *и*. Наряду с термином «П.» используется термин «многосоюзи», они иногда подаются как полные синонимы [Квятковский 2000: 188; Александров 2002: 575; Елисеев, Полякова 2002: 112]. Однако термин «многосоюзи» тоже трактуется неоднозначно. Так, И.Н. Кручинина многосоюзи определяет двояко – широко и более узко: как «принцип построения текста, при котором последующие повествовательные единицы (или их части) присоединяются к предыдущим одним и тем же союзом», и как стилистический приём «в художественно организованном тексте» [Кручинина 1998: 302].

А.П. Сквородников отмечает, что фигуру П. не следует смешивать с конструкциями экспрессивного многосоюзия, в которых наличие союзов обусловлено грамматически и носит обязательный характер (в таких конструкциях союзы нельзя опустить, не разрушив саму конструкцию или не исказив её смысл) [Сквородников 2005: 241].

В отечественной лингвистике имеются работы, в которых П. определяется широко – как стилистическая фигура, основанная на избыточном повторе служебных частей речи (союза, предлога, частицы) [Хазагеров, Ширина 1999: 261]. Т.Г. Хазагеров и Л.С. Ширина повтор предлогов называют «многопредложением». Ср.: *Я его, как песок золотой, намывала, собирала любовно, неутомимо, **по** крупнице, **по** капле, **по** искре, **по** блёстке* (В. Тушнова) и ***Сколько** воздуха, **сколько** разных лиц, **сколько** звуков, **сколько** огней* (В. Солоухин).

К числу постоянной функции П. можно отнести усилительно-выделительную, поскольку многократный повтор союза, а также предлога и частицы, актуализирует внимание на определённом отрезке текста. К частным функциям П. относятся следующие:

1) создание особого, торжественного, ритма: *Сложившие головы в бою достойны **и** посмертных наград, **и** мраморных обелисков, **и**, конечно же, памяти. Это нужно не мёртвым, это нужно живым* (МК. 1999. № 9);

2) передача замедленного движения речи, отражающего замедленность протекания событий: *Было послезавтра. Это было очень много времени – послезавтра. **И** было завтра. **И** времени, казалось, оставалось ещё больше, потому что оно и действительно было очень коротко. **И** была ночь. Был ответ на потолке. **И** это было астрономически сегодня, хотя вообще-то ещё можно было говорить себе: завтра* (А. Битов);

3) подчёркивание динамичности событий (в зависимости от лексического наполнения конструкции П.): *В пору великого разлива и буйства, когда всё куда-то с шумом **и** плыло, **и** спешило, **и** металось, **и** мело, **и** бурлило* (В. Астафьев);

4) усиление ощущения одновременности действий: *И Зинаида Фёдоровна улыбнулась, и Иван Ефремович хмыкнул, и даже дед Мартын запустил пятерню в бородёнку и беззубо ощерился* (Б. Рошин);

5) подчёркивание множественности и отдельности перечисляемого: *Бабушка застелила стол праздничной скатертью и понаставилаа-а-а... И варенье, и брусница, и сушки, и лампасейки, и пряники, и молоко в нарядном сливочнике* (В. Астафьев).

В собственно научных и научно-популярных текстах П. выступает в своей основной неосложнённой усилительно-выделительной функции: *Вместе с тем и стандартность, и обобщённость, и безличностность делового языка не исключают его выразительности* (Н. Боженков).

П. часто вступает в конвергенцию (взаимодействие) с различными стилистическими фигурами, основанными на повторе: *Жуище примчался, / И сед, / И качался, / И всё восхищался, / И всем восхищался* (Э. Мошковская). П. сочетается с Ассонансом (см.), Аллитерацией (см.), Гомеологией (см.), Редупликацией (см.); *И корь, и дифтерит у них, / И оспа, и бронхит у них, / И голова болит у них, / И горлышко болит* (К. Чуковский). П. взаимодействует с Эпифорой (см.), Позиционно- лексическим повтором (см.) и частичным Синтаксическим параллелизмом (см.).

Лит.: Александров Д.Н. Риторика: учеб. пособие. М., 2000; **Античные теории языка и стиля** (антология текстов). М.; Л., 1936; **Веккесер М.В.** Полисиндетон как стилистическая фигура (на материале современного русского языка): АКД. Красноярск, 2007; **Елисеев И.А., Полякова Л.Г.** Словарь литературоведческих терминов. Ростов н/Д, 2002; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 2000; **Кручинина И.Н.** Многосоюзиe // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. Н.В. Ярцевой. М., 1998; **Панов М.И.** Многосоюзиe // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. М., 1998; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М., 1985; **Сковородников А.П.** Полисиндетон // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; **Тимофеев Л.И., Тураев С.В.** Словарь литературоведческих терминов. М., 1974; **Хаззагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

М.В. Веккесер

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ. СМ. ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА – лингвистическая дисциплина, исследующая языковую и речевую специфику политического дискурса, использование средств языка и речи в политических процессах, в т.ч. в политической борьбе за власть. Содержание П.л. удачно охарактеризовано А.П. Чудиновым: «Предмет исследования политической лингвистики – политическая коммуникация, т.е. речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям <...>. Современная политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации (анализирует её отличия от коммуникации в других сферах), изучает проблемы жанров политической речи (лозунг, листовка, программа, газетная статья, выступление на митинге, парламентская полемика и др.) и особенности функционирования политических текстов. Наша наука активно обращается к проблемам идиостиля отдельных политиков, политических партий и направлений, рассматривает стратегии, тактики и приёмы политической коммуникации, изучает композицию, лексику и и фразеологию политических текстов, использование в них самых разных образных средств. К числу важнейших направлений политической лингвистики относятся также рассмотрение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий того или иного государства гражданами других государств, сопоставительное исследование политической коммуникации в различных странах и на разных этапах развития общества» [Чудинов 2006: 6–7]. При определении предмета П.л. некоторые авторы делают акцент на исследовании дискурсивных практик, «идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации. <...> В этом смысле можно говорить (и говорится) о таких предметах политической лингвистики, как “дискурс Рейгана”, “дискурс Горбачёва”, “тоталитарный дискурс”, “дискурс о безопасности”, “дискурс свободы и спра-

ведливости”, “парламентский дискурс”. Иными словами, дискурс Рейгана – это совокупность дискурсивных практик Рейгана, проявляющихся в его политических выступлениях, интервью и т.д. Тоталитарный дискурс – это совокупность дискурсивных практик, характерных для политического языка тоталитарного общества, а дискурс о безопасности – совокупность дискурсивных практик, встречающихся в дискуссиях о безопасности государства и формирующих эти дискуссии как часть политического дискурса в целом» [Баранов 2001: 245–246].

Исследование политического дискурса носит междисциплинарный характер, поэтому П.л. тесно взаимодействует с многими лингвистическими и – шире – гуманитарными дисциплинами: лингвистической прагматикой, социолингвистикой, когнитивной лингвистикой, стилистикой, психологией, политологией и др. Что касается Политической риторики (см.), то по отношению к ней П.л. играет роль лингвистического фундамента – во всех основных звеньях риторического канона.

Основными понятиями-терминами П.л. являются «политическая коммуникация», «политический дискурс», «политический язык», «политическая речь», «жанры политической речи», «политический концепт», «идеологема», «мифологема», «политический стереотип» и нек. др.

Практическая значимость П.л. велика: вместе с политической риторикой она непосредственно участвует в изменении политической реальности, преобразовании существующей в сознании социума политической картины мира. Актуальность этой новой лингвистической дисциплины подтверждается наличием специального научного журнала «Политическая лингвистика», издаваемого в Уральском государственном педагогическом университете (гл. редактор – проф. А.П. Чудинов).

Лит.: **Амиров В.М.** Агитационный предвыборный сверхтекст: организация содержания и стратегии реализации: АКД. Екатеринбург, 2002; **Баранов А.Н.** Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М., 2001; **Будаев Э.В., Чудинов А.П.** Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. М., 2008; **Будаев Э.В., Чудинов А.П.** Метафора в политической коммуникации. М., 2008; **Вольфсон И.В.** Язык политики. Политика языка. Саратов, 2003; **Воробьёва О.И.** Политическая лексика, её функции в современной устной и письменной речи: монография. Архангельск, 2000; **Кашина Е.В.** Категория «свойственность – чуждость» в политическом дискурсе: АКД. Кемерово, 2006; **Михалёва О.Л.** Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: АКД. Кемерово, 2004; **Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М.** Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука. М., 2002. № 3; **Паршина О.Н.** Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: ДД. Саратов, 2005; **Почепцов Г.Г.** Психологические войны. М., 2000; **Современный русский язык:** Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003; **Соколовская Т.Б.** Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени): АКД. СПб., 2002; **Федотовских Т.Г.** Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ: АКД. Екатеринбург, 2005; **Чудинов А.П.** Политическая лингвистика: учеб. пособие. М., 2006; **Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса. М., 2004; **Язык средств массовой информации:** учеб. пособие / под ред. М.Н. Володиной. М., 2008.

А.П. Сковородников

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА – одна из частных риторик (см. Риторика), содержанием которой является теория и практика эффективной речи (эффективной речевой коммуникации) в сфере политики; политическое красноречие в широком смысле. П.р. обладает определённой спецификой во всех основных частях Риторического канона (см.).

В области инвенции (изобретения) она использует специфические «общие места», напр., ключевые концепты эпохи или доминирующей идеологии (такие, как «цивилизованные страны», «открытое общество», «права человека» и т.п.); специфическую фактологию (широко известные факты и события политической истории, соответствующие статистические данные, документы, авторитетные свидетельства), а также Демагогию (см.) и Речевое манипулирование (см.).

В области диспозиции (расположения) П.р. разрабатывает систему речевых жанров, приспособленных к изложению и пропаганде политических идей (манифест, декларация, политический доклад, листовка, политическая биография, политическая реклама, лозунг) и к политической борьбе в сфере речевой коммуникации, прежде всего – защите своих политических позиций и опровержению

и дискредитации позиций политических противников (проблемная политическая статья, политический комментарий, панегирик, памфлет, фельетон, анекдот и т.д.).

В области элокуции П.р. пользуется всем спектром выразительных средств языка, свойственных прежде всего Публицистическому стилю (см.), она обладает также характерной терминологией, фразеологией и метафорикой, которые в последние годы стали предметом изучения Политической лингвистики (см.). П.р., как и риторика в целом, является комплексной гуманитарной дисциплиной; кроме политической лингвистики, она опирается на политологию, политическую философию, психологию и все речеведческие дисциплины (в первую очередь – на стилистику и жанроведение).

Лит.: Гофман В.А. Слово оратора: Риторика и политика. М., 2010; Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М., 2007; Логинова И.Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест // Интерпретация – Понимание – Перевод. СПб., 2005; Лузина Л.Г. Язык как средство идеологического воздействия: лингвопрагматический аспект // Язык как средство идеологического воздействия. М., 1983; Михальская А.К. Русский Соократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996; Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М., 2007; Политическое поведение и политические коммуникации: Психологические, социологические и филологические аспекты. Красноярск, 1994; Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь, 1998; Сальникова Н.В. Национально-культурная риторика политического дискурса: КД. Ставрополь, 2011; Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М., 2002; Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М., 2006; Язык и власть: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003.

А.П. Сковородников

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ, или **ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ**, – термин, возникший в США и в последние годы распространившийся довольно широко в странах западной культуры. В России употребляется сравнительно редко, его синонимом отчасти можно считать более распространённый термин Толерантность (см.). Однако по сравнению с толерантностью П. имеет свою специфику, поскольку связана прежде всего с языком и предполагает запрет слов и выражений, которые могут показаться обидными для представителей разного рода меньшинств: этнических, религиозных, возрастных, сексуальных и т.д. Так, Л.П. Лобанова отмечает, что «к оскорбительным словам политическая корректность относит, наряду, напр., со словами *негр, цветные, индейцы, цыгане* и т.п., также и те слова, которые ещё совсем недавно никому не казались оскорбительными – напр., *бедный, немущий, больной, инвалид, парализованный, красивый, умный, здоровый, иностранец, эмигрант* и т.п., – и находит им замену <...>. Так, под защиту политической корректности “на словах” попадают, напр., старики – их нельзя называть стариками; слепые – их следует называть инакозрячими, толстые – это теперь люди других размеров; глупые – это люди, другие по способностям; сумасшедшие – корректно: люди с психиатрическим опытом и мн. др.. <...> Арифметические соображения политическую корректность не интересуют. Женщин, напр., она относит к дискриминированному меньшинству и, защищая их права, стремится – в идеальном варианте – к искоренению всякого напоминания в языке о мужчинах» [Лобанова 2004: 6–8].

Очевидно, что такого рода П. представляет собой идею толерантности, доведённую до крайности. Неудивительно, что подобного рода П. вызывает у некоторых авторов негативное отношение. Так, Л.И. Слуцкий характеризует П. как «одно из самых ужасных изобретений XX века. Она заключается в том, что изобретён новый эзопов язык, чтобы не называть вещи своими именами. Цель, вроде бы, та же, что у Эзопа: не дай Бог обидеть кого-то, а говорить как бы намёками. Но из инструмента индивидуального пользования этот язык в наше время превратился в некое официальное средство коммуникации. <...> Интересно, что принцип политкорректности полностью противоречит другому основополагающему принципу западной демократии, а именно принципу свободы слова. Многие признают этот факт, но ничего пока не сделано, чтобы разрешить это противоречие» [Слуцкий 2008].

Владимир Буковский, известный в прошлом диссидент и писатель, живущий в Лондоне, пишет: «... Появились законы о “hate speech” – “языке ненависти”, нечто вроде 70 статьи советского Уголовного кодекса, по которой меня судили. “Языком ненависти” объявили любое упоминание о расовых

различиях или сексуальных наклонностях. Вы не имеете права признавать очевидные факты. Если вы упоминаете их публично – это преступление. <...> Это привело к такой цензуре, что в наши дни Шекспир бы жить не мог. Да половину его пьес уже и не ставят. “Венецианский купец” – антисемитизм, “Отелло” – расизм, “Укрощение строптивой” – сексизм. <...> Массовая цензура подкрепляется уголовным законодательством. За шутку о гомосексуалистах можно угодить в тюрьму» [Буковский 2009].

В позитивном ключе П. определяется как компонент толерантного коммуникативного поведения, соблюдение языкового такта [Гончарова 2012: 222], как стремление «найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова 2005: 216]. Р. Кочесоков даже полагает, что для утверждения принципов толерантности в нашем обществе их целесообразно внедрять в образовательных учреждениях путём принятия различных уставов и положений [Кочесоков 2001]. По-видимому, реализация подобного рода предложений может обернуться посягательством на свободу слова.

Следует иметь в виду, что есть и другие трактовки П. Так, Глеб Павловский в статье «Новая политкорректность – против языка вражды» понимает П. как «минимизацию насилия» в политической публичной речи [Павловский 2010]. Т.А. Ушакова обращает внимание на то, что П. может пониматься узко и широко. «В узком смысле слова “политкорректность” – это правило, предписывающее в официальной речи заменять слова, указывающие на социальные особенности, на нейтральные. Однако в широком смысле слова политкорректность, разумеется, этим не исчерпывается, и под этим термином понимается практика такой замены слов в политических суждениях, которая бы моделировала восприятие политической ситуации в том ключе, в котором выгодно говорящему. Так, политкорректные стандарты настаивают в т.ч. на употреблении “эвфемизмов, отвлекающих внимание от негативных явлений действительности”: война > конфликт; бомбардировка > воздушная поддержка <...> Подобная эвфемизация – характерный приём выступлений, напр., Дж. Буша-младшего. Его выражение “защита демократии”, под которым подразумевались военные действия, стало знаменитым» [Ушакова 2011]. В такой трактовке П. получает статус одной из манипулятивных речевых стратегий.

Полагаем, что в любом случае П. не следует отождествлять с коммуникативной толерантностью, поскольку основой последней является принцип «кооперативного речевого взаимодействия коммуникантов», воплощающийся в соответствующих коммуникативных стратегиях и тактиках [Соловьёва 2011: 206].

Лит.: Адлер Дж. Борьба вокруг «политической корректности» // Америка. 1993. № 442; Аннушкин В.И. Русский концепт *терпение*, новая *толерантность* и речевая культура педагога // Толерантность и коммуникативная культура педагога: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск, 2005; Буковский В. Политкорректность хуже ленинизма. URL: www.regions.ru/news/2242306/; Гончарова Т.В. Речевая культура личности: практикум. М., 2012; Кочесоков Р. Политическая корректность как средство формирования религиозной толерантности // Век толерантности. Вып. № 3-4. М., 2001; Лобанова Л.П. Новый стиль речи и культура поколения: политическая корректность: монография. М., 2004; Майба В.В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40); Павловский Г. Новая политкорректность – против языка вражды // Русский журнал. 19.11.2010. URL: www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Novaya-politkorrektnost-protiv-yazyka-vrazhdy; Слуцкий Л.И. Политкорректность – тяжёлое заболевание Запада. URL: www.world.lib.ru/s/sluckij_1_i/politkorrektnost.shtml; Соловьёва Н.В. Толерантность: понятие, концепт, категория // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 15. Пермь, 2011; Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2005; Ушакова Т.А. Политкорректность: игра во что или кем? URL: www.listos.biz/главная/библиотека/ушакова-т-а-политкорректность-игра-во-что-или-кем/.

А.П. Сковородников

ПОЛОНІЗМЫ – заимствования из польского языка. Они составляют значительную часть лексики дворянского быта, а также научных, юридических, административных терминов, которыеполнили состав русского языка в конце XVI – начале XVIII вв. Основной причиной притока П. в рус-

ский язык стала большая популярность польского языка и шляхетской культуры в среде русской дворянской аристократии, мода – особенно в Юго-западной части Руси – на «политес с манеру польского».

П. подразделяются на слова собственно польского происхождения (*вензель, мазурка, особа, шкатулка* и т.д.) и иноязычные слова, заимствованные через польский. Напр., польский язык послужил посредником при перемещении и усвоении германских слов типа *кухня, кофта, крахмал, бляха*, а также польских калек немецких слов *духовенство* (*Geistlichkeit*), *обыватель* (*Bewohner*) и мн. др. В XIX в. польское влияние распространялось главным образом на общественно-политическую лексику русского языка (*маёвка, шпик* и нек. др.). Лексические заимствования из польского в XX–XXI вв. единичны.

Лит.: **Виноградов В.В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982; **Крысин Л.П.** Русское слово, своё и чужое: исследование по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004; **Крысин Л.П.** Большой словарь иноязычных слов. М., 2005; **Панькин В.М., Филипов А.В.** Языковые контакты: Краткий словарь. М., 2011; **Тамань В.М.** О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII вв.: АКД. Л., 1953.

О.В. Фельде

ПОРИЦАНИЕ – речевой жанр (в иной трактовке речевой акт), который возникает в ситуации осуждения, выговора или выражения неодобрения. Антонимичным речевым жанром (противопоставленным по интенции) является Похвала (см.). Существует немало известных цитат, связанных с темой П. и похвалы: *Похвала без ног, а порицание с крыльями* (В. Гюго); *И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицания или только похвалы* (Будда); *Пусть тебя не слишком огорчает незаслуженное порицание; зато ведь и хвалят тебя иной раз ни за что* (Георг Лихтенберг); *Упрекай (друга) наедине, хвали – публично* (Солон); *Часть друзей твоих порицает тебя, и часть хвалит; приближайся к порицающим и удаляйся от восхваляющих* (Талмуд) и т.д.

Структура и характер П. во многом зависят от того, в каком направлении статусных отношений оно используется. П. «может выражаться при статусных отношениях сверху вниз, снизу вверх или в общении равностатусных партнёров» [Трофимова 2010: 27].

Статусные отношения «сверху вниз». Целью такого П. является чёткое разделение *Я* и *ты/Вы*. В этой связи можно назвать несколько ситуаций:

1. Родитель – ребенок. Напр.: *Это невозможно! – сердито говорила мама. – Что бы я ни попросила тебя сделать – ты всё делаешь наоборот! Ну что за несносный мальчишка* (А. Алексеева).

2. Старший по возрасту – младший по возрасту. Напр.: *Мисс Накада, вам следует иметь в виду, – сказала я, может быть, с оттенком порицания в голосе, – что у меня есть официальное разрешение на работу детективом* (Л. Уотт-Эванс).

3. Руководитель – подчинённый. Напр.: *Это ваш отчёт, товарищ Новосельцев? – сухо спросила она, показывая на папку. – Мой, – ответил Новосельцев упавшим голосом. – К делу надо относиться серьёзно или не заниматься им совсем, – не глядя на Новосельцева, поучала Калугина* (Цитата из к/фильма «Служебный роман. Наше время»).

П. при статусных отношениях «снизу вверх» строится по другим законам. Примером такого П. может служить следующий фрагмент: *Захар даже сквозь зубы плюнул, рассуждая о таком скаредном житье. – Нечего разговаривать! – возразил Илья Ильич. – Ты лучше убирай. – Иной раз и убрал бы, да вы же сами не даёте, – сказал Захар. – Пошел своё! Всё, видишь, я мешаю. – Конечно, вы; всё дома сидите: как при вас станешь убирать? Уйдите на целый день, так и уберу* (И. Гончаров). Слуга здесь в качестве объяснения пытается переложить вину на хозяина. П. «снизу вверх» очень индивидуализированно. В некоторых случаях эмотивно-оценочное отношение в П. «снизу вверх» можно определить как «этическое презрение», в котором социальный статус коммуникантов не является релевантным, т.к. говорящий оценивает адресата как личность с моральных, а не статусных позиций. Презрительное отношение может выражаться младшими по возрасту или положению – старшим, слугой – хозяину. Если же рассматривать соответствующие взаимоотношения на уровне социальных ролей (без учёта личностного фактора), то в норме дети должны относиться к родителям с почтением,

слуги – служить своему господину, а не выносить суждения о его поступках, по крайней мере открыто и демонстративно.

При П. равноправного партнёра возможно выражение всех видов эмотивно-оценочного отношения. Как правило, при П. одного из равных партнёров на передний план выходит интенция упрёка, в т.ч. имеют место и нарушения этической нормы. Напр.: *Старика старуха забрала: Дурачина ты, простофиля! Не умел ты взять выкупа с рыбки! Хоть бы взял ты с неё корыто, наше-то совсем расколосось* (А. Пушкин).

Таким образом, П. возможно в различных ситуациях речевого общения и напрямую зависит от социальных ролей партнёров, от наличия в их распоряжении статусных прав, привилегий и полномочий.

Лит.: Дьячкова И.Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: КД. Омск, 2000; Евтушенко О.А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: КД. Волгоград, 2006; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2007; **Миронова М.В.** Статусные отношения коммуникантов при неодобрении и порицании // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. 1; **Трофимова Н.А.** Порицание и статус // Актуальные проблемы лингвистики и методики обучения иностранным языкам: мат-лы I междунар. научно-практ. конф. Чебоксары, 2010.

Н.Н. Акулова

ПОРЯДОК СЛОВ. Порядок слов, вопреки сложившемуся мнению, не является в русском языке свободным, хотя и не столь фиксирован, как, напр., в английском. В русском языке у П.с. в письменной и устной речи разные функции и разные нормы. В монологической и диалогической речи они также различны.

В письменной и устной монологической речи основная функция П.с.– выражение актуального членения предложения, позволяющее осуществлению когезии (связности) текста. Предложения в тексте строятся по принципу **тема–рема**, т.е. от данного (названного в предыдущем предложении), известного адресату, исходного для адресанта, к новому, информативно значимому. См., напр., в тексте директора Гидрометцентра России о погоде: *В погоде*, как и в жизни, **часто происходят революционные сдвиги**. *Другое дело – климат, он меняется медленно и постепенно*, несмотря на фантастические сценарии катастроф. *Август 2004 г. по значению средних температур в Северном полушарии был теплее средних многолетних значений на 0,7 градуса* (Изв.) (курсивом обозначена тема, полужирным – рема, подчеркнута собственно рема).

Возможны два типа построения текста: к одной и той же теме присоединяются разные ремы (**параллельная связь**) или (чаще) рема одного предложения становится темой следующего (**последовательная связь**), но в любом случае текст в каждой своей составляющей (предложении) развивается от темы к реме, и порядок размещения слов во фразе следует этому принципу. Это отвечает логике развития мыслей, а потому такой же порядок слов нередко наблюдается в монологической устной речи. См., напр., в интервью В. Машкова: Не боитесь подорвать свой имидж? – *Самое страшное в нашей жизни – создать себе образ, которому ты не соответствуешь. Я из сибирского городка, и самая близкая из тех ролей, которые я исполнял, была в картине «Вор»*. *Близкую по моему существованию, потому что я знал этих людей, простых людей*. Толян из «Вора» – **он простой человек** (Изв.).

Однако функция выражения актуального членения для П.с. в устной речи не основная, поскольку рема информационно может быть обозначена независимо от места её расположения во фразе.

Внутри тематического или рематического комплекса действует вторая по значимости в письменной речи функция П.с. – грамматическая. В русском языке – это прежде всего функция организации (сохранения или расчленения) словосочетаний. Сохранению словосочетания на основе согласования способствует нормативный порядок: зависимый член перед существительным (иной порядок может даже грамматически разрушить словосочетание, превратив определение в сказуемое: *солнечный день* и *День солнечный*), а на основе управления – управляемый член после управляющего (*сценарии катастроф, позвать сестру, сказать сестре*). Иное расположение слов расчленяет словосоче-

тание, делая один из его компонентов темой или ремой (ср.: *быть холоднее* – единое словосочетание, а *В США август холоднее был только в 1927 г.* – расчленённое на тему и рему). Примыкающие компоненты словосочетаний располагаются перед главным, если это наречия на *-о/-е*, а если это застывшие формы творительного падежа – после главного компонента (*быстро идти*, но *ехать верхом*). Иной порядок расчленяет словосочетание.

Члены предложения, не образующие словосочетаний ни с подлежащим, ни со сказуемым (детерминанты и ситуанты), начинают собой предложение (В США и Канаде *это лето оказалось самым холодным*).

Обычное расположение при наличии нескольких свободных словоформ: время–место–субъект (*Вчера в магазине сестре стало плохо и ей вызвали «Скорую»*).

В художественной речи и публицистике (реже) работает и стилистическая функция П.с.: стилизация под диалогическую устную речь (в таких случаях типично расположение дополнения перед глаголом) и фольклорную (сказовую) монологическую (сказуемое перед подлежащим: *Жили-были старик со старухой*).

В стихотворной речи главенствует расположение слова не в предложении, а в строке, обычные нормы П.с. письменной речи нарушаются ради придания каждому слову особой значимости (ср. прозаическое *Я воздвиг себе нерукотворный памятник* и стихотворное *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*).

Пользуясь письменной речью, следует помнить, что в русском языке П.с. не разграничивает **подлежащее** и **сказуемое**, **подлежащее** и **дополнение**, поэтому при любом их расположении при одинаковых формах возникает двусмысленность: *Выстрел опередил прыжок зверя ~ Прыжок зверя опередил выстрел*. Если контекст не даёт однозначного понимания, таких предложений следует избегать (можно: *Зверь прыжком опередил выстрел / Выстрел не дал зверю прыгнуть*).

Необходимо также учитывать, что в сложных словосочетаниях на основе управления контактно к глаголу располагается косвенное дополнение, т.к. его связь с глаголом слабее, чем у прямого (*дать кому что*).

В устной речи и актуальное членение предложения, и единство или членение словосочетаний, оформляются интонационно, поэтому П.с. в ней гораздо свободнее. Как тема, так и рема могут занимать в предложении любое место, но частотнее рема в начале или середине предложения, т.к. концы фраз обычно «проглатываются». Рема часто просто отсутствует. Словосочетания также связаны просодически, отсюда в устной речи не возникает ненужных сочетаний слов в предложениях типа: *Обязать всех владельцев / собак держать на привязи* (перепад частот основного тона разделяет *владельцев* и *собак* при просодическом объединении *собак* и *держат*) – двусмысленности не возникает.

В этих условиях основной функцией П.с. в устной (особенно в разговорной) речи становится функция выражения степени коммуникативной значимости, в соответствии с которой всё коммуникативно значимое выдвигается вперёд (и получает просодически ударное место), а всё незначимое располагается позади, в просодическом (интонационном) провале, т.е. почти не слышно. Именно поэтому рема как самое значимое слово в предложении выдвигается вперёд (остальное могут и не дослушать, прервав говорящего), поэтому определение оказывается перед существительным (даже субстантивное: *сестры сын*), тогда как малозначимое – после, дополнение располагается впереди глагола и т.д.

В результате различия функций различны и нормы П.с. В письменной речи рема в конце, тогда как в устной, особенно диалогической, – ближе к началу, в письменной речи – тенденция к последовательности реализации всех связей: *Он помог (кому?) ей (в чем?) сделать (что?) доброе дело* (так называемый проективный П.с.), а в устной диалогической господствует непроективный П.с. (*Я очень его люблю; Он доброе дело ей сделать помог*).

И в письменной, и в устной речи изменение типичного для каждой из них П.с. либо имеет значение для передачи смысла (выделение ремы, стилизация устной речи на письме, выражение степени коммуникативной значимости – в устной), либо являются ошибкой в письменной речи: **Он помог сделать ей доброе дело*. Под влиянием разговорной речи с её относительной свободой в расположении слов нередко встречаются ошибки в размещении в письменной речи частицы *даже* и наречной частицы *ещё* (надо: перед тем словом, которое они выделяют), союза *также* (должен быть после того слова, которое присоединяет: *Приехал отец, даже мама приехала* или *Мама приехала также*). Оши-

бочно: *Мама даже приехала*, если *даже* выделяет слово *мама*, а не *приехала*; *также* в начале предложения.

Следует учесть, что и в письменной, и в устной речи рема может быть выражена лексически (словами с эмоциональной семантикой, при помощи специальных частиц) – в таких случаях её место в предложении более свободно. Кроме того, возможны в П.с. проявления авторского идиостиля (*Сухое стояло лето* у М.А. Шолохова), но они возможны именно как отступления от нормы или её нейтрального варианта.

Лит.: Ковтунова И.И. Современный русский язык и актуальное членение предложения. М., 2002; Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Крылова О.А., Хаврошина С.А. Порядок слов в русском языке. М., 1984; Мучник Б.С. Культура письменной речи. М., 1996; Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000; Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М., 1983; *Русская разговорная речь* / под ред. Е.А. Земской. М., 1973; Садыкова Г.В. Порядок слов: функциональный аспект: на материале текстов электронных газет на русском и английском языках: КД. Казань, 2005; Сеницина Т.А. Функция порядка слов в коммуникативном членении предложения: сравнительно-сопоставительный анализ на материале немецкого и русского языков: КД. М., 2006; Сиротинина О.Б. Порядок слов в русском языке. М., 2003; Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

О.Б. Сиротинина

ПОСЛОВИЦА – устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях.

Термин «П.» имеет богатую дотерминологическую историю. Слово «П.» имело в древнерусском языке ряд значений, семантическим стержнем которых оказывается признак ‘произнесённость’. В то же время в её терминологической сущности, благодаря этимологическому сопоставлению с другими близкими по значению словами, употреблявшимися в разных языках, можно выделить такие составляющие, как 1) способность выразить завершённую мысль; 2) широкая известность, т.е. воспроизводимость; 3) признание значительным количеством носителей языка истинности выражаемого в пословице суждения; 4) использование в ходе речи, «к слову», в соответствии с необходимостью аргументировать мысль, сформулированную в непословичной форме; 5) употребление в качестве средства повышения изобразительности и выразительности речи.

Одним из главных признаков П. считают наличие у неё переносного смысла. Это отличает П. от чисто дидактических изречений, создаваемых для прямого назидания, поучения, ср.: «<...> пословица изображает мысль, мнение общеупотребительное, по большей части скрытое в фигурном облачении, а нравственное изречение представляет в выражении своём истину и наставление без сего облечения, столь сродного первой» [Снегирёв 1996: 203]. Тем не менее в широком плане учёные [Потебня 1990] признают и существование безобразных пословиц – изречений, у которых обобщающий характер семантики не соединяется с переосмыслением деривационной базы, ср.: *Злой не верит, что есть добрые люди*. Другие исследователи [Широкова 1931; Жуков 1991; Савенкова 2002] квалифицируют такие единицы как Поговорки (см.).

П. характеризуют как результат мышления по аналогии, ибо в речи она маркирует подобие, сходство двух конкретных ситуаций (А и В), одна из которых входит в означаемое, а другая является референтом пословичного знака. Так, образная основа П. *Гусь свинье не товарищ* указывает на маловероятность комфортного сосуществования двух представителей фауны, обусловленную их биологическим различием (ситуация А). Сама по себе П. может быть применена как маркер множества других конкретных ситуаций (В₁, В₂ ..., В_n), ср.: *Ты пойми то, что нам, казакам, нужна своя власть, а не иная. ... с мужиками нам не по дороге, – гусь свинье не товарищ. Мужики землю норовят оттягать, рабочий жалованье себе желает прибавить, – а нам чего дадут? Земли у нас – ого! А кроме чего надо?* (М. Шолохов); *В настоящее время руководство МУП «ЖКХ» носит с идеей создания ТСЖ – так называемых «Товариществ собственников жилья». ... Но ..., прежде чем создать товарищество, необходимо привести дом в полный порядок... А сегодня – ну какие мы товарищи? И кому это мы стали товарищами? Районной администрации? Сельскому совету или комхозу? Так и просится на*

язык пословица: «Гусь свинье не товарищ...» (<http://www.listock.ru/pages/node/1890>). Эти ситуации роднит одна мысль: «У сущностно разных субъектов нет оснований для единения».

С точки зрения семантической структуры П. можно разделить на синтетичные, обладающие целостным переносным значением (*На волка только слава, а овец таскает Савва* – ‘Обвиняют в чём-л. одного, а в действительности виноват другой’), и аналитичные, в составе которых переосмыслению подвергаются не все элементы (*У кого что болит, тот о том и говорит* – ‘Когда кого-л. волнует какая-то проблема, он беспрестанно вспоминает о ней в разговорах с другими’; переосмыслено лишь слово *болит*).

П. сохраняет способность сигнализировать о типовой ситуации или отношении между вещами [Пермяков 1970], т.е. указывать на модель ситуации до тех пор, пока носители языка в состоянии уловить аналогию между значением предложения – деривационной базы и набором признаков собственно пословичного означаемого. Забвение внутренней формы затемняет семантику П., выводит единицу из активного употребления, а затем лишает статуса языкового знака. Сегодняшним носителям русского языка неизвестны П. *Грунью лета не избегаешь*; *По бороде быть бы тебе в воде* и т.п., существовавшие в XIX в. Напротив, ощущение мотивированности значения позволяет использовать П. в речи как яркое средство привлечения внимания адресата, психологического воздействия, аргументации позиции, побуждения к активной реакции. Сам по себе набор П., известных отдельному языку, отражает систему мировых и этнообусловленных ценностей.

Лит.: Воркачѳв С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград, 1996; Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2-х тт. М., 1984; Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991; Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь = Руска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Могилѳв, 2007; Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970; Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990; Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д, 2002; Селивѳрстова Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: КД. СПб., 2010; Снегирѳв И.М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996; Широкова О. Жизнь пословицы // Русский язык в школе. 1931. № 6–7.

Л.Б. Савенкова

ПОСЛОВИЧНЫЙ(-АЯ) ТРАНСФОРМ(-А). См. АНТИПОСЛОВИЦА

ПОСТМОДЕРНИЗМ – производное от слова «постмодерн», обозначающего культурную эпоху, завершающую XX в. В самом широком контексте под постмодерном понимается состояние современной цивилизации, сумма культурных и философских тенденций, связанных с осознанием завершѳнности предшествующей культурной парадигмы, вступления в полосу глобального кризиса. Буквально «постмодерн» означает ‘то, что после «модерна», после современности’. В 1980-е постмодерн получает статус термина, чему способствуют работы Лиотара.

Понятие П. связано с обозначением нового художественного стиля, пришедшего на смену модернизму. Термин «П.» появляется в период первой мировой войны в работе Р. Паннвица «Кризис европейской культуры», где обозначает нигилизм в культуре XX в. В 1934 г. термин использует испанский критик Ф. де Онис в книге «Антология испанской и испано-американской поэзии, 1882-1932», чтобы определить растущую реакцию против модернизма начала века. А. Тойнби в книге «Исследование истории» применяет понятие П. в культурологическом смысле как символ конца западного господства в религии и культуре. Популярность термину придаѳт работа Ч. Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма». Западные философы рассматривают П. либо как противостояние модернизму (Ф. де Онис), либо как его продолжение (Ю. Хабермас, З. Бауман, Д. Белл). Статус П. – художественного явления – связан с развитием визуальных видов искусства США. Теоретической основой эстетики выступают учения французских постструктуралистов и постфрейдистов. Предтечами литературного постмодернизма считают Д. Джойса, У. Фолкнера, Г. Гессе, Г.

Миллера. Концепция последнего о творчестве как инстинктивном, самоценном, открытом процессе соответствует новым представлениям о незавершённости, хаотичности современного мира.

В становлении культуры П. с определённой долей условности выделяют несколько этапов. Первый этап – **предпостмодернизм 1950-х годов** – отличает интерес к нетрадиционным материалам: пластику, стеклу, алюминию. Это время подчёркнутого внимания к языку повседневности, индустриальному стилю, дизайну. Символом времени считают творчество П. Пикассо.

Второй этап – **«авангардный П.» 1960-х годов** – характеризуется отказом от деления искусства на элитарное и массовое, движением хиппи, рок и поп-искусством, популярностью феминизма, ироническим синтезом прошлого и настоящего, высокого и низкого. Данные тенденции в литературе выражает Д. Сэлинджер, Д. Керуак, в архитектуре – Г. Кролл, стремящийся расширить границы чтения, монтирующий пронумерованные короткие текстовые блоки с элементами рекламы, графики, порнопродукции. 1960-е годы отличает технократический оптимизм, искусство будущего связывают с компьютерными технологиями. На этот период приходится стихийный протест против истеблишмента, облачённый в игровые, иронические формы.

Третий период – **«неоконсервативный П.» 1970-х годов** – отличают плюрализм и эклектика. Лидер времени – У. Эко с его ироническим прочтением прошлого, дешифровкой сакрального статуса средневековья в романе «Имя розы». Приобретает популярность неомифологическое творчество Г. Маркеса (роман «Сто лет одиночества»), С. Беккет лидирует в драматургии. Эстетическая ценность произведения соотносится теперь с мастерством автора, новой фигуральностью, орнаментализмом, эстетической направленностью. В сфере идеологии на смену протесту «новых левых» приходит самоутверждение «новых правых» на почве консервации культурных традиций прошлого через их эклектическое сочетание. Начинает складываться искусство, поэтика П., растёт эротизация и феминизация культуры.

Четвёртый период – **зрелый П. 1970-1990-х годов** – связан с утверждением посткультуры в Европе и, в 1990-е, в России – Русский постмодернизм (см.). Возникает политизированная версия П. – **соц-арт**, обыгрывающий язык советской эпохи, акцентируется интерес к миноритарным культурам: феминистской, экологической, культуре сексуальных меньшинств. Теоретический лидер времени – Ж. Деррида. В философии подчёркнут интерес к культуре Античности, метафизике космоса, гармонии сфер, но в новом контексте гармоническое мыслится как дисгармоническое, пропорция как диспропорция. Художественный фристайл – основной признак искусства данного периода, когда традиция, память смешиваются с неологизмом.

Намеченные особенности новой художественной парадигмы (замкнутость, самодостаточность произведения, акцент на выразительности художественного языка, мифологизм) присущи искусству XX столетия в целом, вне зависимости от специфики методов, направлений, антиномичность которых ранее абсолютизировалась: соцреализм в России вбирает магистральные идеи авангарда об искусстве жизнестроения, художнике-рабочем; соц-арт рассматривает произведения соцреализма как единый метатекст, формализуя, мистифицируя канон, пытаясь оторваться от него идеологизированными же, но сугубо антитоталитарными методами. Нивелировка границы между русским авангардом и П. (варианты **соц-арта, концептуализма**) позволяет говорить об утрате самобытности, вторичности и, одновременно, сложности последнего.

К ведущим чертам постмодернистского дискурса относят смену европейского центризма глобальным полицентризмом, утверждение приоритета свобод человека над интересами государства, стремление к религиозному экуменизму, конформизму, эстетическому эклектизму. Переходный характер, вторичность культуры под знаком «пост-» подтверждают и отсутствие в ней оригинальных эстетических ценностей. Её художественные стратегии: деконструкция, травестия, профанация, симуляционность – направлены на обыгрывание уже состоявшихся художественных моделей, языковых норм.

Постмодернистское искусство характеризуется переориентацией с художественного произведения на процесс его создания; с автора – на Массового человека (см.), публику; с вербальности – на телесность, жест (невербальность); утверждением компьютерных методов производства артефактов, когда искусство не подражает жизни, но заменяет её; формирование игрового типа личности, ориентированной на сон, воображение, бессознательное, соответствующее абсурдистской картине мира. Избранный герой времени постсовременности: «антилидер», юрод-«шизо», которому нет места в героических эпохах (над филистером иронизировало Просвещение, им пренебрегал модернизм, его не

замечало советское искусство). Юрод – обладатель некоего кода ушедшей культуры, а «шизо», «дурачок» – безучастный наблюдатель-скептик, хроникёр. Глупость, сдвинутость юродивого, уже лишённого ауры сакрального, приобретает непосредственное значение – просто глупость (образы пристукнутых Е. Попова, сумасшедших старух Л. Петрушевской).

Герой постмодернистской словесности, лишённый защиты мифа и прежних «рукотворных» богов (от НТР до Культуры вообще), остаётся один на один с необратимостью своего конца, смерти. Он заперт в пределах быта, из реалий которого и выстраивает свою личную ойкумену, заранее опять же зная, что цена ей грош, что вот-вот и она превратится в ничто, рассыплется в прах. Стало быть, только эти останки, осколки и есть реальность, а манипуляция с ними есть смысл истории. Этот «новый мир» в искусстве конца XX столетия, реконструируемый из обломков и загадок, обязательно мир частный, непостижимый вне сознания писателя. Художник-постмодернист волен и в приоритетах: воссоздавая образ Вселенной из обрывков прежних культур, он по-своему оценивает их значимость и важность. Смысл мозаистического целого не превосходит значения части.

Эстетика постмодернистского стиля характеризуется идеей непрозрачности, замкнутости артефакта, стремлением к слиянию с массовой аудиторией, антииерархичностью, антиаристократизмом (в духовном плане), новым типом утопизма (неудовлетворяющая реальность заменяется гиперреальностью искусственных знаков – утопией сознания), интересом к ценностям «периферии» – низкому, уродливому, злему – «другому» по отношению к традиции, всепоглощающим эклектизмом, смешением доброго и злого, красивого и безобразного, комичного и трагичного... Классикой европейского литературного постмодернизма стали новеллы Х. Борхеса, «Лолита» В. Набокова, романы Дж. Фаулза, Х. Кортасара, Г. Маркеса, И. Кальвино.

Лит.: **Бабенко Н.Г.** Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: ДД. СПб., 2008; **Богданова О.В.** Постмодернизм в контексте современной русской литературы (1960-е–1990-е гг. XX века – начало XXI в.). СПб., 2004; **Бодрийяр Ж.** Система вещей. М., 1995; **Горичева Т.** Православие и постмодернизм. Л., 1991; **Гройс Б.** Утопия и обмен. М., 1993; **Делез Ж.** Ницше и философия. М., 2003; **Делез Ж., Гваттари Ф.** Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М., 1990; **Деррида Ж.** Московские лекции. 1990. Свердловск, 1991; **Ильин И.** Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998; **Курицын В.** Русский литературный постмодернизм. М., 2000; **Липовецкий М.** Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997; **Липовецкий М.** Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008; **Маньковская Н.Б.** Эстетика постмодернизма. СПб., 2000; **Постмодернисты о посткультуре.** Интервью с современными писателями и критиками. М.; 1996; **Рыков А.В.** Постмодернизм как радикальный консерватизм. СПб., 2007; **Скоропанова И.С.** Русская постмодернистская литература. М., 2001; **Тулицын В.** Коммунальный (пост)модернизм: русское искусство второй половины XX в. М., 1999; **Черняк В.Д., Черняк М.А.** Базовые понятия массовой литературы: учебный словарь-справочник. СПб., 2009; **Чупринин С.** Жизнь по понятиям. Русская литература сегодня. М., 2007; **Эпштейн М.** Постмодерн в русской литературе. М., 2005.

Н.В. Ковтун

ПОСТОЯННЫЙ ЭПИТЕТ. См. ЭПИТЕТ

ПОСТПОСТМОДЕРНИЗМ. См. **ЯЗЫК И СТИЛЬ РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ПОСТУЛАТЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ. См. **КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ**

ПОХВАЛА. См. **ОДОБРЕНИЕ**

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ. См. **ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ФИГУРА**

ПРАВИЛЬНОСТЬ РЕЧИ – соответствие речи Языковой норме (см.). П.р. является одним из основных требований к речи практически во всех сферах общения, исключая в ограниченных преде-

лах сферу художественной литературы (в другой терминологии – эстетическую сферу), и является непреложным атрибутом речевого этикета. Особенно высоки требования к П.р. в официальном, публичном и массовом общении, сама организация которых обуславливает строгое соблюдение правил речевого этикета и языковой нормы.

Различается орфографическая, пунктуационная, орфоэпическая, акцентологическая, грамматическая (морфологическая и синтаксическая), лексическая, словообразовательная, стилистическая П.р. (ср. соответствующие типы норм и ошибок).

Высшей ступенью правильной устной речи является образцовая речь выдающихся ораторов, дикторов радио и телевидения, театральных актёров. Образцовая речь может служить своеобразным эталоном, к которому должен стремиться всякий добивающийся совершенства речеделец. В отношении произношения образцовой считалась в советское время речь артистов МХАТа и Малого театра. Некоторые особенности образцовой речи выходят за пределы нормы и связаны с риторическими умениями и индивидуальными особенностями речи, в частности тембральными характеристиками устной речи и выразительностью почерка в письме. О роли образцовой в тембральном отношении речи диктора в обществе может свидетельствовать влияние, которое оказал на жизнь советского народа в годы Великой отечественной войны диктор Всесоюзного радио Юрий Борисович Левитан, передававший на всю страну сводки Советского информбюро о положении на фронте.

П.р. не тождественна эффективности речи, а составляет вместе с ней основные критерии выбора и использования языковых средств. Чрезвычайную сложность представляет совмещение этих двух критериев, поскольку наиболее выразительные средства языка находятся на границе или даже за границей языковой нормы, а её соблюдение ограничивает использование этих средств. Поэтому можно считать наиболее сложными в устном словесном искусстве роли лектора и диктора, ограниченные в первом случае кодифицированной нормой языка и сложностью сообщаемой информации, а во втором – готовым текстом и предельно жёсткими требованиями императивной орфоэпической нормы.

Лит.: Жукова А.Г. Ортология в теоретическом и прикладном рассмотрении: КД. Новосибирск, 2002; Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Розенталь Д.Э. Говорите и пишите по-русски правильно. М., 2007; Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980; Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001.

И.Е. Ким

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА. См. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА

ПРАКТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА – прикладная учебно-научная дисциплина, изучающая функционирование языковых и речевых средств, использование их с точки зрения нормы, эффективности, целесообразности, выразительности в зависимости от цели и обстоятельств высказывания.

Изучение функционирования лексических, фразеологических, грамматических средств – главная цель стилистики. Именно в процессе употребления язык выступает как действующая и развивающаяся система, раскрывает все свои возможности и выразительные ресурсы. Это составляет сущность и специфику стилистического изучения языка сравнительно с другими лингвистическими дисциплинами.

П.с. – одна из отраслей стилистики. Теоретическую основу П.с. составляет учение о качествах речи, функциональная стилистика, риторика (систематизация тропов и фигур речи). Особенность же П.с. заключается в её прикладном характере, в углублённом изучении нормы.

Любая речь: газетная, научная, официальная, художественная, публичная – должна быть литературной, т.е. стилистически грамотной (орфографическая, пунктуационная, грамматическая правильность сама собой разумеется). Не может быть выразительной речь, изобилующая ошибками, неряшливая, небрежная. Нормативность – первое и естественное элементарное требование, предъявляемое к любой литературной речи.

Но не менее важно изучать язык как средство воздействия, добиваться активного, творческого владения языком, раскрывать богатство его выразительных возможностей, воспитывать осознанное эстетическое отношение к слову, учить языковому и стилистическому мастерству. Именно так следует понимать определение «практическая» в названии этой дисциплины.

Конечно, П.с. не учит писать, творить. Такая задача невыполнима. Но П.с. может научить оценивать литературные качества текста, развить стилистическое чутьё, сформировать стилистическую грамотность. «Одно дело творчество, – писал великий немецкий писатель Т. Манн, – а другое – умение и навык излагать мысли на родном языке так, как это требуется, т.е. гладко, вразумительно, с известной непринуждённостью и не без некоторого изящества, без этого немислима культура даже самая современная, самая реалистическая и демократическая...» [Манн 1960].

Таким образом, предмет П.с. русского языка составляют: 1) изучение функциональных стилей, 2) изучение всех языковых и речевых средств в стилистическом аспекте. Стилистический аспект предполагает анализ языковых и речевых средств с точки зрения синонимии, нормы, выразительности и коммуникативной целесообразности.

Задачи П.с. – воспитание осознанного отношения к выбору языковых и речевых средств, профессиональная подготовка в области языка и стиля журналистов, литературных сотрудников, работников рекламы, педагогов; формирование стилистической грамотности (умение оценить уместность, правильность и выразительность того или иного средства, текста).

Лит.: Голуб И.Б. Русский язык и культура речи: учеб. пособие М., 2004; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2010; Манн Т. Воспитание чувства словом // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 тт. Т. 9. М., 1960; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие. М., 1977; Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие. М., 2008; Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи: учеб. пособие. М. 2010.

Г.Я. Солганик

ПРЕДЛОЖЕНИЕ – 1. Наименование ситуации общения, когда говорящий побуждает адресата к совершению действия, которое, с точки зрения адресанта, полезно для адресата, либо объективно необходимо для исполнения. 2. Стандартные выражения, с помощью которых осуществляется П.

Многозначное слово «П.» в данном случае актуализирует семантику: а) побуждения к такому действию, в осуществлении которого адресатом принимает некоторое участие и адресант. Этим П. отличается от **совета**. Ср.: *Советую тебе сходить на выставку* и *Предлагаю сходить на выставку* – в последнем случае адресант может быть участником совместного действия (см. ниже); б) в официальном общении вышестоящий адресант предписывает адресату исполнение действия: *Предлагаю вам в двухнедельный срок представить подробный план*. Заметим, что словари толкуют П. через слово «просьба»; предпочитаем истолкование через слово «побуждение». Отметим грамматический способ выражения совместности для случая а), когда глагол-побуждение принимает форму 1 лица мн. числа «мы»: *Сходим на выставку; Прогуляемся в парке*. В случае а) адресату предоставляется право выбора из наличного, в случае б) такое право нередко сводится к минимуму.

Основные выражения П.: (Я) предлагаю вам (тебе) (+ инфинитив): *Предлагаю сыграть партию в шахматы; Предлагаю обсудить этот вопрос*; Предлагаю (+ что-л.): *Предлагаю чашечку кофе; Предлагаю регламент собрания* – где опускается известный из ситуации глагол (*выпить, принять*); *Сходим, пойдём, сделаем, обсудим* и мн. др. – глагольная форма первого лица мн. числа свидетельствует о совместности исполнения предлагаемого. Этот способ П. типичен для обиходно-бытовых ситуаций. *Давай(те) разберёмся в этом, поговорим, прогуляемся в парке* – побудительная частица – типичный способ предложить совместное действие.

Косвенные речевые акты П. более вежливы, ненавязчивы, т.к. снижают в побудительности долю принуждения: *Ты (Вы) (не) хочешь (-тите) пойти со мной...?*; *Не хотел (-ла, -ли) бы ты (вы) сходить со мной на выставку?* и мн. др.

Такие выражения сближают акты этикетного П. с советом, просьбой, приглашением. В этом случае всё определяет ситуация общения, употребительны выражения с модальными оттенками желательности, необходимости: *Хорошо бы нам сходить на выставку; Неплохо бы пообедать вместе; Надо (бы) обсудить положение; Нужно (бы) проверить данные; Хорошо (неплохо, надо, нужно) было бы сделать это*.

Косвенный акт П. может оформляться вопросительной структурой с частицей *ли*, предусматривающей возможность выбора и потому делающей П. особо ненавязчивым: *Не сходить ли нам в театр? Не пообедать ли вместе?* Такое П. сближается с приглашением.

Предположение согласия с П. вызывает к жизни следующие выражения: Вы не возражаете (+ инфинитив)? Вы не откажетесь...? Вы не против того, чтобы (если)...?: *Вы не возражаете пойти со мной в ресторан?*; *Вы не откажетесь выслушать меня?*; *Вы не против того, чтобы пообедать со мной?*; *Вы не возражаете, если я приглашу вас в театр?* (см. Приглашение).

Подобные выражения употребляются преимущественно с Вы-формами общения, хотя возможны и ты-формы.

В официально-деловом общении употребительны следующие перформативные формы глагола «предлагать»: *Предлагаю / Предлагаем / Вам предлагают / Вам предлагается* (+ инфинитив). Эти выражения равнозначны приказу, требованию и на них, как правило, не бывает ответных реплик. Они нередко в письменной форме: *Вам предлагается в месячный срок погасить задолженность*; *Вам предлагают явиться в управление* и мн. др.

Ответные реплики на П. представляют собой согласие или отказ. В обиходно-бытовой сфере типизированными ответами, выражающими согласие на П., являются повтор глагола из реплики предложения, а также выражения: *Сходим, Пойдём; Посмотрим; Навестим; Хорошо; Ладно; Надо бы; Хорошо бы; Не возражаю; Я не против; (А) Почему бы и нет?*; *Какие могут быть возражения?*; *Возражений нет* и т.д.

Если партнёр считает, что П. лестно для него, он может ответить в приподнято-торжественном стиле: *Почту (сочту) за честь!* (свойственно интеллигентам среднего и старшего поколения).

Неблагоприятное для партнёра речевое действие отказа на П. вуалируется разного рода ссылками на невозможность согласиться, сожалениями и т.п.: *К сожалению, вынужден (-на) отказаться; Я бы рад(-да), но никак не могу; Я бы с удовольствием, но... (слишком занят и т.п.); Охотно бы, но...*

Категорический отказ – за границами вежливости: *И не подумаю (согласиться)!*

В ответ на официально-деловое П. возможен категорический отказ: *(Я) отказываюсь (выполнить ваше распоряжение, просьбу и т.д.)*.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; **Акишина А.А., Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; **Балакай А.Г.** Словарь русского речевого этикета. М., 2001; **Балакай А.Г.** Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; **Гольдин В.Е.** Речь и этикет. М., 1983; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982, 1987; **Формановская Н.И.** Употребление русского речевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

ПРЕДПИСАНИЕ – функционально-смысловой тип речи, используемый для выражения директив, рекомендаций. Функционирует главным образом в официально-деловых и научно-технических текстах (законах, постановлениях, указах, приказах, инструкциях) – текстах, коммуникативной задачей которых является передача обязательных для исполнения указаний или вооружение читателя способом действия при соблюдении определённых условий, знанием технологических процессов.

В официально-деловой речи, основной стилиевой чертой которой является императивность, обусловленная регулировочной функцией права, П. является ведущим типом речи. Оно реализуется в следующих подтипах: долженствовании, Разрешении (см.) и Запрещении (см.). Напр.: *Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры; Каждый задержанный, заключённый под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката...; Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию* (из Конституции).

П. в документах часто оформляется в виде пунктов: *Постановили: 1. Диссертацию ... **принять** к защите как соответствующую специальности 10.02.01 – русский язык. 2. Степень отражения материалов диссертации в опубликованных трудах **считать** достаточной... 3. В качестве официальных оппонентов ... **назначить**...* (из протокола).

В научно-технических текстах П. также относится к основным типам речи (наряду с описанием). Технические науки представляют собой специфическую систему знаний, отражающую процесс целенаправленного преобразования природных материальных объектов в технологические процессы и искусственные устройства. В научно-технической деятельности происходит накопление репродуктивных операций, которые исследователь группирует, а затем вырабатывает П. для выполнения стереотипных процедур. Тип речи П. и служит цели выражения рецептурного знания, используется в инструкциях, предназначенных для изложения технологических рецептов, которые предписывают определённые действия адресатам. Напр.: *При разработке тампонажного раствора выбор оптимальной рецептуры необходимо осуществлять в строгом соответствии с конкретными горными и гидрогеологическими условиями. Необходимо учитывать химический состав подземных вод...* (Э.Я. Кипко и др. Комплексный метод тампонажа при строительстве шахт).

П. имели большое распространение в научной речи XVII и первой пол. XVIII вв. (так называемый рецептурный стиль) – в текстах-руководствах, что связано с общим дидактическим характером научной литературы того времени. Среди оригинальных научных сочинений преобладали произведения, сочетающие в себе черты учебных и научно-деловых произведений. В наше время П. также характерны для учебно-дидактической литературы (см. образовательные программы, учебники, методические рекомендации).

Выполняя функции регулятива деятельности, П. может выступать в различных модификациях – с оттенками жёсткой директивы, рекомендации, руководства, пожелания. В связи с этим степень выражения императивности может быть различной.

Для вполне определённого выражения императивности используются следующие языковые средства: 1) побудительные предложения с глагольными формами повелительного наклонения или инфинитива, часто – цепь этих форм: *Первые тренировки на льду сочетайте с привычными «сухопутными». Кроме того, 5–10-минутное катание на коньках в спокойном темпе чередуйте с коротким отдыхом в помещении. Катайтесь на слегка согнутых ногах... Корпус при беге наклоните вперед. Голову и плечи не опускайте...* (из рекомендации начинающим конькобежцам); 2) модальные слова со значением долженствования (*должен сообщить, обязаны выплатить, необходимо учитывать*); 3) наречия, усиливающие категоричность П. (*незамедлительно решить вопрос*).

Встречается и несколько завуалированная форма П. – обычно с использованием глаголов в настоящем времени (так называемом **настоящем предписания**) в составе неопределённо-личных предложений (такие конструкции типичны, напр., для кулинарных рецептов: *Из перца удаляют семена, творог протирают, перемешивают с брынзой, манной крупой и сметаной, затем добавляют белый соус, взбитые яйца, соль и всё перемешивают...*), двусоставных конструкций (*наниматель отвечает за вред, причинённый нанятому имуществу...* – т.е. *должен отвечать*), и в этом случае весь контекст имеет предписующий характер.

Лит.: Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Протопопова О.В., Трошева Т.Б. Функционально-смысловые типы речи как критерий стилевой дифференциации научных и технических текстов // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2. Ч. 2. Пермь, 1998.

Т.Б. Трошева

ПРЕДТЕ́КСТ (ПРЕД-ТЕКСТ) – в традиционном смысле обозначает сегмент речевой цепочки, непосредственно предшествующий анализируемому элементу (грамматической форме, слову, словосочетанию, предложению, стилистической фигуре) и способствующий правильной интерпретации его функции, значения, его вклада в содержание и смысл целого. В этом случае П. связан с понятиями Контекста (см.), Пресуппозиции (см.), в плане декодирования – с «ожиданием», «предвосхищением», «прогнозированием» следующего фрагмента или всей речевой единицы. В динамическом плане текст и производителя, и получателя, согласно А.Е. Кибрику, может быть разбит на три зоны: П., текущий текст и план-текст. П. включает информацию вербального и экстралингвистического характера (осмысление вербальной части текста с учётом ситуации). Всякий раз возможно переосмысление П. под влиянием информации текущего текста [Кибрик 1992: 296–297]. И.Р. Гальперин П. условно называет предисловие, вступление, пролог, введение, «от автора», преамбулу. Они факультативны.

тивные части цельного текста, «характеризуются прежде всего некоторой независимостью от целого текста, но одновременно тесно связаны с ним», выполняют функцию проспективной (правонаправленной, катафорической) связи, направляя мысль получателя текста изначально по определённому руслу, в какой-то степени ограничивая «возможности индивидуально-творческого осмысления содержательно-концептуальной информации» [Гальперин 1981: 58–61]. Иногда в качестве синонима П. встречается термин «затекст» как обозначение «фрагмента действительности, описанного в тексте» [Белянин 2008: 112].

В современной русской речи журналистов, литературных критиков наблюдается интенсивное расширение контекстов употребления лексемы «П.», очевидно, под влиянием постмодернизма с его предельно широким пониманием текста как любой связанной последовательности знаков, содержащей некую информацию. В качестве одного из аргументов актуальности категории П. указывается на характерную для современной художественной прозы черту: начинать повествование не с начала, а с середины или даже конца событийной канвы, что ставит перед исследователями задачу поисков способов реконструкции (восстановления) пропущенной в начальной позиции информации. Авторы таких исследований, напр. Т.В. Шилина, указывают также на необходимость пересмотра традиционно понятия инициальности текста (начала, зачина) с теоретических позиций современного языкознания, прежде всего, когнитивной и коммуникативно-прагматической лингвистики [Шилина 2004: 2–3]. По материалам Интернета выделился ряд следующих нетрадиционных толкований П.:

1. Все элементы заголовочного комплекса: сам заголовок, подзаголовок, эпиграф, посвящение; в научном тексте – введение или предисловие.

2. Первичные тексты по отношению к вторичным текстам – аннотациям, рефератам, переложениям, пересказу.

3. Все те предшествующие завершённые и не завершённые тексты, следы которых могут быть найдены в конкретном тексте как прямые и опосредованные цитации, включая дневники, автобиографии, черновые варианты текстов; текст оригинала по отношению к тексту перевода; анализируемые и упоминаемые прямо или косвенно тексты в полемических статьях.

4. Все тексты, так или иначе оказавшие влияние на создание, стиль, жанр, композицию, текстовое и смысловое наполнение данного текста. Это реализация ключевого принципа литературного постмодернизма – интертекстуальности (см. Интертекст).

5. Все события, нашедшие отражение в тексте как мотив к его созданию; в такой трактовке вся культура становится П.

6. Широко понимаемая категория причины создания конкретного текста.

7. Язык как «предсуществующая» данность, из которой автор путём личностного отбора вариантов выражения строит свой текст.

8. «Я» автора текста как микрокосмос с его картиной мира.

9. Вся природа как вместилище и многочисленных творящих «я», и событий, и реальных текстов.

Такая беспредельно широкая трактовка лишает лексему «П.» какой бы то ни было терминологической значимости и должна квалифицироваться как явление негативное в области наук о языке/речи, более того – в области культуры современной русской речи.

Лит.: **Белянин В.П.** Психоллингвистика: учебник. М., 2008; **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; **Долгирева А.Э.** Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: АКД. Таганрог, 2001; **Ильин И.П.** Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм М., 1996; **Кибрик А.Е.** Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992; **Михеев М.Ю.** Фактографическая проза, или предтекст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. № 2–3; **Шилина Т.В.** Реконструкция предтекста при инициальной ретардации художественного дискурса: АКД. СПб., 2004.

А.А. Бернацкая

ПРЕЗЕНТАЦИЯ – разновидность публичного представления информации, обычно сопровождаемое различными иллюстративными материалами. П. широко используются в деловой и научно-

образовательной сферах, поскольку позволяют наглядно представлять сложную для восприятия информацию. В процессе создания и предъявления П. выделяется несколько этапов.

На этапе планирования П. необходимо определить и составить список ключевых вопросов и изучить материал по теме. Для этого целесообразно собрать первичную информацию, выяснить целевую группу, на которую будет ориентирована П. Содержание П. должно зависеть от целей докладчика, интереса и уровня знаний аудитории. Кроме того, рекомендуется разработать максимально подробную схему П. в виде последовательности кадров – «раскадровку». Это позволит оценить логичность изложения материала и выявить пробелы в схеме. Подобная схема – основа для П., в которой каждому кадру соответствует отобранный и проверенный материал. После формулировки цели и задач П. необходимо также чётко определить её содержание, степень детализации и длительность.

Второй этап заключается в создании материалов П. Он связан с подбором специальных программных и вспомогательных средств для реализации сценария, а также представлением сценария в виде последовательности слайдов. Существует множество программ для создания и проведения мультимедийных П., напр., PowerPoint, Animation Works Interactive, Multimedia ToolBook, Media Object, SuperCard. При создании П. рекомендуется сбалансированное сочетание текстовой и визуальной информации. Последняя, представленная в виде фотографий, графиков, схем, рисунков, видеоряда и т.п., как правило, составляет основу П., т.к. собственно текстовая часть может быть произнесена в момент выступления. В виде текста рекомендуется размещать в П. лишь ключевые моменты, определения, имена и фамилии, названия и т.д.

Третий этап – проведение П., для которой требуется подготовка, аналогичная подготовке к публичному выступлению. Особое внимание при этом необходимо обратить на технические средства, которые будут использоваться в П. (проектор, компьютер, звуковые колонки и т.д.). От работы технических устройств в немалой степени зависит успех П.

Существует несколько видов мультимедийных П.

Управляемая П. – наиболее распространённый вид мультимедийной П., когда слайды сопровождаются комментариями человека, проводящего П. Часто они используются в процессе обучения. Обучающие П. позволяют в удобной и наглядной форме представить учебный материал. Они предназначены для помощи преподавателю в широком смысле этого слова: это может быть учитель школы, высшего учебного заведения, мастер, обучающий новой методике работы с новым станком, инструментом, машиной и т.п.

Электронный каталог. Распространённый и очень удобный вариант П. Его преимущества в том, что имеется возможность представить весь ассортимент товаров и услуг, оперативно вносить изменения цен, информацию о новой продукции. «Оживляют» такую П. фотографии с описанием товаров. Электронные каталоги часто используются для представления продукции на выставках, ярмарках, мероприятиях по продвижению. Данный вид П. не обязательно сопровождается публичным выступлением.

Интерактивная П. рассчитана на включение в коммуникацию целевой аудитории. Наиболее часто данная разновидность П. используется в процессе обучения. В зависимости от того, какие ответы дают слушатели на вопросы, как они реагируют на те или иные суждения, можно использовать различные анимации, выезжающие картинки, вращающиеся фотографии, объекты навигации, разветвления П. и т.п. элементы. В такой П. может не быть единого для всех слайдов шаблона оформления.

Интерактивные П. могут осуществляться и без управления. Тогда они целиком построены на диалоге между компьютером и адресатом с предоставлением последнему возможностей самому определять, какая информация важна, как её лучше найти и т.д.

Интерактивные П., выполняемые под управлением пользователя, предполагают возможность разной степени детализации в зависимости от уровня подготовленности аудитории.

Ещё одной разновидностью П. является **непрерывная П.**, т.е. такая, которая по своём завершении начинается снова, непрерывно повторяясь много раз. Это материал, отчуждённый от исполнителя, ролик должен презентироваться самостоятельно, автоматически возвращаясь на начало. В такой П. должны быть достаточно крупные тексты, наглядные материалы, рассчитанные на быстрое восприятие. Может быть много (но не чрезмерно) анимационных эффектов. Очень хорошо, если такая П. сопровождается дикторским поясняющим текстом, звучащим из колонок. Непрерывные П. широко используются на различных экспозициях, выставках и т.п. мероприятиях.

Разновидностью П. является **самопрезентация**, т.е. предъявление себя другому человеку или группе людей, напр. во время собеседования при трудоустройстве.

Лит.: Джей Э. Эффективная презентация / пер. с англ. Т.А. Сиваковой. Мн., 1997; Мэндел С. Навыки эффективной презентации / пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. СПб., 2003; Нгуен Тхи Занг. Бизнес-презентация как жанр делового общения: КД. М., 2012.

А.В. Щербаков

ПРЕРВАННО-ВОЗОБНОВЛЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. См. ПРЕРВАННО-ПРОДОЛЖЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПРЕРВАННО-ПРОДОЛЖЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, или **ПРЕРВАННО-ВОЗОБНОВЛЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ**, – стилистический приём, состоящий в интонационном прерывании предложения, обозначаемом на письме знаком многоточия, с последующим его продолжением и актуализацией компонента, продолжающего высказывание. Напр.: *Театр... закрытых дверей* (КП. 01.06.1984, заголовок); *Театральный роман... без любви?* (ЛГ. 21.09.1983).

Основная функция П.-п.п. – эмфатическое выделение присоединяемого компонента: *Бокалы пеним дружно мы, / И девы-розы пьём дыханье – / Быть может... полное чумы* (А. Пушкин). На неё могут наслаиваться другие – уточняющая функция: *Наши отношения (с А. Блоком. – А.С.) можно было бы назвать дружбой... лунной дружбой* (З. Гиппиус); функция актуализации эмоции: *Ты предствавь, снег разгребая на дворе: / Созревают апельсины... в январе! / Здесь мимоза с розой запросто цветут, / Так и кажется – немые запоют!* (И. Северянин).

П.-п.п. может использоваться для смягчения резкой оценки с помощью полунамёка, напр.: *Тяг-нибок будто из тёмного леса вышел и хочет всех увести туда. А законно выбранный преда... то есть президент долго думал. И такое впечатление, что животом, а не головой. Но ужасно живот ему не подсказал, что надо спасать свою ж... жизнь политическую?* (АиФ. 2014. № 9). Такого рода приём можно назвать намеренной оговоркой.

Основная сфера использования П.-п.п. как стилистического приёма – тексты художественной литературы (прозы и поэзии), реже он встречается в публицистике.

Лит.: **Артюшков И.В.** Экспрессивные возможности прерванных высказываний // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; **Власова Л.Д.** Прерванные структуры в стихотворном синтаксисе А.С. Пушкина // Очерки по стилистике русского языка. Вып. 2. Курск, 1975; **Хмелевский А.Э.** Прерванные речевые конструкции и неполные предложения // Лингвистические дисциплины на факультете русского языка и литературы. М., 1973; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ – 1. Одна из форм организации коллективного интервью (наряду с такими, как брифинг, подход к прессе и др.), устраиваемого в связи с определённым информационным поводом для распространения, разъяснения или опровержения какой-л. информации. В отличие от подхода к прессе, который является интервью «по горячим следам» в связи с проведением иного мероприятия (совещания, конференции, выставки, открытия чего-л. и т.п.), П.-к. – это самостоятельное событие, которое может длиться от получаса до нескольких часов. В отличие от **брифинга** – планового коллективного интервью, проходящего регулярно и посвящённого преимущественно распространению текущей информации об организации или некоем развивающемся событии (пример: кризисная ситуация), – П.-к. не носит регулярный характер.

2. Разновидность **медиасобытия** – события, формирующегося по принципам медиалогии, медиажанров, медиамифологии с учётом требований медиарынка. Как и иные специально организованные события, или эвенты (от англ. event – ‘событие’), они не являются случайными, а планируются

заранее в соответствии с определённым сценарием. Однако в отличие от иных специальных мероприятий (ярмарок, митингов, форумов, месячников и т.д.), адресованных широкому кругу участников, медиасобытия ориентированы исключительно на освещение в средствах массовой коммуникации. Поэтому обязательным качеством медиасобытия является его способность трансформироваться в новость или иное медийное сообщение, а временные параметры в таком событии весьма условны. Хотя о медиасобытии журналистов оповещают заранее, оно режиссируется с учётом будущего распространения информации и некоторые эпизоды конструируются так, чтобы у телезрителя, радиослушателя или читателя возникло ощущение, будто событие развивается у него перед глазами. К медиасобытиям наряду с П.-к. можно отнести пресс-презентацию (презентацию чего-л. исключительно для представителей прессы), пресс-показ (специальный показ спектакля или фильма накануне премьеры), пресс-тур (экскурсия куда-л., организованная исключительно для журналистов). Особенностью П.-к. как медиасобытия является универсальность: она легко комбинируется как с другими медиасобытиями, так и со специальными событиями. Успех П.-к. как медиасобытия часто зависит не только от вербальной информации, сообщаемой журналистам, но и от визуализации основного послания, соответствующей ему атмосферы, привлечения внимания к П.-к. за счёт интриги, скандальности, сенсационности, либо специальных утечек информации о теме, выступающих и т.д.

Лит.: Дейнега О.И. Простые ошибки серьёзного мероприятия: типовые ошибки при проведении пресс-конференций // Рекламное измерение. 1996. №12(26); Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций. М., 1999; Королько В.Г. Основы публик рилейшнз. М., 2000; Лукина М. Технология интервью. М., 2008; От книги до Интернета: сб. ст. М., 2000.

К.А. Зорин

ПРЕСС-РЕЛИЗ – информационный документ о предстоящем или прошедшем событии, написанный в жанре заметки (новости) для распространения в СМИ и последующей публикации. В России П.-р. (дословно с английского – ‘выпуск для прессы’) появился в 1990-е гг. вместе с развитием деятельности по организации связей с общественностью. С точки зрения жанра П.-р. близок информационной заметке и пишется по тем же правилам: а) заголовок; б) так называемый лид (вводка), где кратко излагается суть освещаемого события, далее 1-2 абзаца с подробностями, убывающими по мере важности; в) цитата ньюсмейкера, комментирующего происходящее (необязательный элемент). Отличительная черта П.-р. – блок, содержащий контактную информацию о том, где, у кого и как можно получить более подробные сведения; иногда в П.-р. сообщаются данные служебного характера, объясняющие журналистам план мероприятия, место проезда и т.п.

Существует устоявшаяся точка зрения, что П.-р. только анонсирует события, однако на практике выделяется несколько его видов. Анонсирующий П.-р. побуждает посетить мероприятие и/или запросить дополнительную информацию. Так называемый «пост-релиз» (post-release) описывает прошедшее мероприятие, итоги заседания, совещания и т.д.

Несмотря на рекомендации многих авторов писать П.-р. в определённом официальном стиле, на практике существуют различные варианты документов. Так, в П.-р. органов власти, организаций, адресованных деловому сообществу, действительно используется официально-деловой стиль, отражается фактографическая информация. Однако в ряде случаев (особенно когда конечный адресат сообщения – потребители продуктов массового спроса) стиль П.-р. коммерческих организаций и учреждений культуры допускает языковую игру, эмоциональность, образность.

Лит.: Аги У., Кэмерон Г., Олт Ф. и др. Самое главное о PR / пер. с англ. СПб., 2004; Бусыгина М.В. Жанровые и функциональные характеристики пресс-релиза в современном медиадискурсе: КД. Волгоград, 2010; Горкина М.Б. Пять шагов от менеджера до PR-директора. М., 2007; Зверинцев А.Б. Коммуникационный менеджмент. СПб., 1997.

К.А. Зорин

ПРЕСУППОЗИЦИЯ – это фоновое знание, вычитываемое из текста или находящееся вне текста (в конситуации), которое должно быть общим для адресанта и адресата. В.В. Красных определяет

П. как «зону пересечения индивидуальных когнитивных пространств (фондов знаний) коммуникантов, включая и представления коммуникантов о конситуации» [Красных 1998: 181]. Н.С. Валгина считает, что П. – это «компонент смысла текста, который не выражен словесно, это предварительное знание. П. может возникнуть при чтении предшествующего текста или оказаться за пределами текста как результат знания и опыта автора» [Валгина 2003: 13].

П. могут быть авторскими, а могут носить универсальный характер. Авторская П. всегда интенциональна, она всегда несёт в себе авторский замысел, это скрытый смысл, вычитываемый между строк. Авторская П. усложняет текст, делает его интеллектуально нагруженным, поскольку читатель не просто «считывает» информацию, но декодирует её, т.е. включается в интеллектуальную игру, предложенную автором. П. – мощный рычаг воздействия на сознание адресата, т.к. затушёвывает агрессивность коммуникативного намерения автора изменить представления о мире читателя, напр. в статье «Где вы, реформаторы?», опубликованной в «Аргументах и фактах» (АиФ. 2008. № 1–2), в самом заголовке уже заложена пресуппозиция: настоящих реформаторов в современной России нет.

Авторская П. часто используется как эффективный приём манипуляции сознанием. П. работает на подсознательном уровне, не требует ни доказательств, ни опровержения, а потому «блокирует» аналитическое мышление читателя, воспринимается как аксиома. Авторская текстовая П. маскируется под утверждение, которое следует считать само собой разумеющимся для того, чтобы коммуникация состоялась, т.е. текст был понят и усвоен читателем. Именно естественность подачи и то, что сами П. остаются «за кадром», и придают им такую силу воздействия.

Помимо авторских П., присущих конкретному тексту, можно выделить дискурсные П., носящие универсальный характер в пространстве определённого дискурса. Напр., в публицистическом дискурсе сформирован достаточно устойчивый фонд публицистических П., отражающих политико-идеологический характер данного дискурса: *холодная война*; *Берлинская стена*; *перестройка* и т.п. Публицистические дискурсные П. вбирают в своё содержание прецедентную ситуацию, обрастают историко-культурными и оценочными коннотациями. Знание публицистических П. необходимо для адекватного понимания любого медиатекста, посвящённого политической проблематике: *империя зла* (США о Советском Союзе); *точка зла* (американская номинация Ирака); *ось зла* (страны мусульманского мира, с точки зрения американской политики) и т.п. Публицистические П. имеют сильный воздействующий потенциал, т.к. помогают закладывать в массовое сознание идеологические стереотипы.

П., как авторские, так и дискурсные, обеспечивают формальную компрессию текста при усложнении его глубинного смысла. Имея имплицитный характер, они воздействуют не только на сознание, интеллект адресата, но и на его подсознательную сферу. В зависимости от интенциональности текста П. могут оказывать эстетический перлокутивный эффект на адресата (при адекватном декодировании) либо стать одним из приёмов манипуляции сознанием.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 32., 1973, 1; Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М., 2003; Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. М., 2008; Кифер Ф. О пресуппозициях, в кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8, М., 1978; Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008; Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. М., 2008; Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): монография. М., 1998; Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003; Красных В.В. Основы психолингвистики и теория коммуникации. М., 2001; Keenan. E.L. Two kinds of presupposition in natural language. In C. Fillmore and D.T. Langendoen (eds). Studies in linguistic semantics. New York, 1971.

Н.И. Клушина

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ – общеизвестный в конкретной речевой культуре текст или его фрагмент, используемый в другом тексте как точная или видоизменённая цитата.

Прецедентными обычно становятся такие тексты, которые значимы в познавательном и эмоциональном отношениях. К П.т. относятся не только отрывки из художественных произведений (ки-

но, литература), но и фольклорные тексты, реклама. Некоторые исследователи относят к П.т. также имена собственные, напр. имена известных исторических личностей, персонажей литературных произведений или киногероев.

П.т. играют важную роль в культуре общества. Одним из основных источников прецедентности в европейской литературе является текст Библии. За каждым П.т. стоит система ассоциаций, вызываемых в сознании носителей языка. Таковыми могут быть личность автора, принадлежность к исторической эпохе, сюжет, наиболее впечатляющие отрывки, величина текста, особенности авторской стилистики, история написания и т.д.

У представителей каждой культуры, носителей каждого языка, жителей каждой страны имеется свой корпус П.т., известных внутри данной культурной группы и незнакомых членам других культурных групп. Это необходимо учитывать в ситуациях межкультурного общения, чтобы избежать недопонимания или полного непонимания.

Свой корпус П.т. может иметь отдельная группа людей: представители одного поколения, группа друзей или коллег, семья. Обращение к П.т. указывает на принадлежность отправителя речи к той же группе (социальной, политической, возрастной и т.д.), что и адресат. Наличие своего корпуса П.т. является признаком групповой идентичности.

Некоторые исследователи (см., напр., [Галиева, Зиннатова 2011]) отмечают, что современной общественно-речевой практике свойственно частотное употребление в текстах пословиц, поговорок, афоризмов, крылатых слов, «говорящих» имён, цитат и т.п. Особенно активно П.т. используются в языке газеты, в частности, в заголовках и подзаголовках. Причём П.т. может использоваться и как прямое цитирование (*А воз и ныне там* – басня И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука»), и как трансформированная цитата: *Не думай о «Газелях» свысока* (ср.: *Не думай о секундах свысока* – строка из стихотворения и песни «Мгновения» Р.И. Рождественского).

П.т. обычно используются во всех разновидностях стилистической функции выразительности: для выражения эмоций, оценок, иронии, юмора и т.д. Перефразированные П.т. часто привлекают внимание адресата своей оригинальностью, двойным смыслом. Напр., *Человечек – это звучит гордёнко* вместо *Человек – это звучит гордо* (М. Горький. На дне).

Э.Ю. Галиева и Р.Р. Зиннатова делят П.т. по сфере бытования на: 1) социумно-прецедентные (феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума), 2) национально-прецедентные (феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества) и 3) универсально-прецедентные («феномены, которые известны среднему современному человеку и, следовательно, входят в “универсальное” когнитивное пространство») [Галиева, Зиннатова 2011].

Источниками П.т. чаще всего являются такие сферы, как религия, фольклор, литература, политика, реклама. Так, прецедентными можно считать некоторые советские лозунги (*Болтун – находка для шпиона* или *Ты записался добровольцем?!),* литературные цитаты (*Великий и могучий* – И.С. Тургенев. «Русский язык»), фразы из художественных фильмов (*Заметьте, не я это предложил* – «Покровские ворота»; *Наши люди в булочную на такси не ездят* – «Бриллиантовая рука»; *Я требую продолжения банкета!* – «Иван Васильевич меняет профессию») и песен (*Важней всего погода в доме; Собака бывает кусачей; Первый шаг – он трудный самый; Зачем вы, девушки, парней ругаете?*). В последних двух примерах цитата трансформирована.

Ю.Н. Караулов предлагает отнести к числу прецедентных явлений не только словесные тексты, но и названия музыкальных произведений, произведений архитектуры и живописи, исторические события и имена политических лидеров, что в свою очередь увеличивает и количество возможных сфер-источников прецедентности.

Лит.: Галиева Э.Ю., Зиннатова Р.Р. Прецедентные тексты в публицистике // Современная филология: мат-лы междунар. заоч. науч. конф. (Уфа, апрель 2011 г.). Уфа, 2011; Гудков Д.Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе. М., 1999; Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии. Екатеринбург, 1995; Журавлёва Е.А., Капарова Ж.Д. Прецедентные тексты начала XXI века. М., 2007; Земская Е.А. Язык и культура. М., 1996; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1970; Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. М., 1997. Вып. 2; Петрова Н.В. Эволюция понятия прецедентный текст // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 2; Рагимова Ф.С. Способы актуализации

прецедентного высказывания в рекламном тексте: КД. Кемерово, 2006; Семенец О.П. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50–90-х годов: КД. СПб., 2004; Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

А.В. Щербаков

ПРИВЕТСТВИЕ – речевой жанр (в иной трактовке – речевой акт), представляющий собой устное или письменное обращение к кому-л. с выражением дружелюбия, доброжелательности. П. порой задаёт тон всему разговору. В зависимости от социальной роли собеседников, степени их близости выбирается ты-общение или вы-общение и соответственно приветствия: *здравствуй*, применяемое в общении с близкими, знакомыми в неофициальной обстановке, или *здравствуйте*, используемое для общения с малознакомыми, в официальной обстановке, при подчёркнуто вежливом отношении к адресату.

С помощью П. говорящий демонстрирует своё отношение к собеседнику. Формы П. зависят от культуры, времени и моды. Так, в современном информационном мире, когда скорость передачи увеличилась, а часовые пояса остались прежними, стало уместно выражение *Доброго времени суток!* Это приветствие употребляется при переписке, когда неизвестно заранее, в какое время сообщение будет прочитано.

Важную роль при П. играет ситуация общения. П. в основном служит для выражения определённого (уважительного или дружеского) отношения к адресату с целью, с одной стороны, установить тон общения, необходимый для адекватного восприятия речи, а с другой – стимулировать выгодное для говорящего отношение адресата к сообщаемому. П. может быть эмоционально насыщенным, особенно если говорящий долго не видел адресата. Такое П. свидетельствует о значимости адресата и направлено на то, чтобы вызвать с его стороны ответное чувство: *Привет, сто лет тебя не видел!* (при встрече с другом после долгой разлуки). Пример встречи двух приятелей: *Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет! — Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?* (А. Чехов).

В некоторых случаях ситуацию установления контакта открывает речевой стереотип, выражающий положительную оценку ситуации: *Приятно увидеть тебя! Слышал, что ты теперь телезвезда?* В бытовой ситуации общения с хорошо знакомыми людьми иногда одна стандартная формула сопровождается другой, напр., сразу за приветствием следует комплимент: *Добрый вечер! Прекрасно выглядите!* Вместе с П., для усиления знаков доброжелательности, принято задавать вопросы о жизни, делах, здоровье: *Как вы живёте?, Как ваши дела?, Как ваше здоровье?* Вопрос о здоровье (делах, новостях и т.п.), требующий лишь самого общего ответа, также носит ритуальный характер в ситуации П. между хорошо знакомыми людьми. Напр.: – *Привет! Ну, как жизнь?* – *Да ничего вроде. А у тебя?* – *Лучше всех!*

Разговорная формула П. *Кто к нам пожаловал?* может использоваться как с выражением почтения, так и шуточно. Это радостное восклицание при появлении неожиданного, но приятного (или якобы приятного) гостя. Напр.: – *Ох, ох, кто пришёл к нам, кто пожаловал. Садись, садись, Григорий Иванович... где любо там и садись. — Раиса заливалась соловьём, новенькой метлой бегала вокруг Григория, и она не притворялась* (Ф. Абрамов).

Использование метафоры в качестве П. нередко может быть связано с иронией. Напр.: *Греков протянул руку. — Привет надежде русского вокала* (М. Чулаки). Словосочетание *надежда русского вокала*, употреблённое даже относительно талантливого певца, имеет явно ироничный оттенок так же, как и стереотипное выражение *инженер человеческих душ*.

Официальные П. могут произноситься как в адрес вышестоящего, равного по положению, так и в адрес нижестоящего. Стандартные формулы приветствия говорящий выбирает в зависимости от ситуации. Напр.: *Господин председатель, прошу слова...Дорогой Иван Иванович! Рад приветствовать вас с сорокалетием вашего славного служения русскому слову...Мы рады сегодня приветствовать нашего дорогого юбиляра!* (В. Вересаев). Данный пример иллюстрирует торжественную, официальную обстановку, где говорящий от лица общественности приветствует виновника торжества. Существует группа стилистически повышенных приветствий: *Приветствую вас!, Рад вас приветствовать!, Разрешите (позвольте) вас поприветствовать!*

Таким образом, П. используется в основном в ситуациях встречи и знакомства. П. служит для вхождения в речевой контакт, задаёт тональность общения, поэтому необходимо выбрать верный вариант и быть внимательным к собеседникам.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1982; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2007; Ивашкина О.В. Новое в русском речевом этикете // Русская словесность. 2003. № 5; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2007; **Формановская Н.И.** Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). М., 1989; **Шемарова В.А.** Концептосфера «Встреча/приветствие – прощание/расставание» в русском языке: системно-структурный и функционально-когнитивный аспекты: АКД. Уфа, 2004.

Н.Н. Акулова

ПРИГЛАШЕНИЕ – 1. Наименование этикетной ситуации общения, когда говорящий побуждает адресата к совершению действия, которое, с точки зрения адресанта, приятно и полезно для адресата. 2. Стереотипные выражения – речевые акты, с помощью которых осуществляется П.

В коммуникативном поведении стереотипно закрепились ситуации П. в гости, на увеселительные мероприятия, в учреждения культуры и в такие, где человек получает удовольствие. В официальном общении ситуация П. «на ковёр», напр., равна ситуации предложения «явиться», что, естественно, неприятно для адресата.

В русской культуре П. занимает значительное место, поэтому среди этикетных выражений немало фразеологизмов, пословиц и поговорок: *Добро пожаловать; Милости прошу к нашему шалашу; Заходите, гостем будете* и др.

Во многих случаях П. сближается с Предложением (см.), поэтому употребляются сходные стереотипы общения. Основные выражения П.: *(Я) приглашаю Вас (тебя) в театр, на концерт, в гости* и т.д.; *(Я) хочу, хотел (-ла) бы, мне хочется, хотелось бы пригласить Вас (тебя) ко мне в субботу; Приглашаю (Вас на танец); Позвольте (Разрешите) пригласить Вас (на вальс); Можно пригласить Вас в кино (на танец и т.д.)?; Нельзя ли пригласить Вас...?; Могу ли я пригласить Вас в ресторан?; Не могу ли я пригласить Вас в гости (в мой дом)?*

Стилистически нейтральными являются П., выраженные повелительным наклоном глаголов (как и во всяком побуждении): *Приходи(-те) ...; Приезжай(-те) ...; Приходите к нам вечером на чашку чая; Приезжайте в гости на дачу* и мн. др.

Приставка *за-* подчёркивает попутность действия, недлительность пребывания где-л. и в какой-то мере необязательность П.: *Заходи(-те) как-нибудь (когда будет время и т.д.); Забегай (забеги); Заглядывай (загляни)* – стилистически сниженные выражения необязательного П.

П. войти в помещение, переступить порог: *Входи(-те); Проходи(-те); Заходи(-те); а также Прошу!* (с пропуском соответствующих глаголов: *входить, проходить, заходить*). П. гостю на пороге: *Заходи(-те), гостем будешь(-дете).*

Фразеологизированным выражением П., более свойственным среднему и старшему поколению, является выражение: *Милости прошу (-сим), Милости прошу к нашему шалашу.*

Пригласившие в гости хозяева дома проявляют радушие разного рода предложениями: *Садитесь, располагайтесь, будьте как дома; Прошу к столу; Берите (салат, пирожки и т.д.); Возьмите (ветчину, сыр и т.д.); Какое вино предпочитаете?; Можно вам налить шампанского?; Кофе или чай?; Ещё чашечку?* и мн. др.

Стилистически сниженным, сочетаемым с ты-формами общения, является вопросительный речевой акт – глагол в форме второго лица ед. числа: *Пойдешь (в кино)?; Придешь (вечером)?; Зайдешь (на чашку чая)?*

Как видим, в ситуации П. активно употребляются глаголы движения в функции предикатов высказываний. В официальном общении П. может совпадать с предложением: *Приглашаем Вас...; Вас приглашают (в деканат); Вы приглашаетесь (в качестве свидетеля в товарищеский суд)* и т.п.

Как и в ситуации предложения, ответным является выражение благодарности: *Спасибо за приглашение. Согласие и удовлетворение в ответ на П.: Принимаю ваше приглашение; Охотно (с радостью, с удовольствием) (принимаю ваше приглашение); С большим удовольствием (пойду в театр и*

т.д.). Стилистически сниженное согласие на П.: *Ладно, (приду, пойдём* и т.д.); *Хорошо, (приду, пойдём* и т.д.). Отсутствие несогласия: *(Я) не возражаю; Не против; Ничего не имею против; Я не прочь; Согласен (-сна)*. Согласие после некоторых колебаний: *А почему бы и нет?; Пожалуй, (можно и сходить* и т.д.); *Возможно (наверное, вероятно) приду (согласюсь* и т.д.).

Отказ в ответ на П.: *К сожалению, вынужден (-а) отказаться; В это время никак не смогу; Спасибо, но я уже был (-а) (на этой выставке и т.д.); На это время я уже приглашён (-на); В субботу мне неудобно, давайте встретимся в другое время; К вам на дачу я приехать не смогу* и мн. др.

См. также ответные реплики на предложение.

Лит.: Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; Алекберова И.Э. Функционально-семантические характеристики приглашения в английском языке: КД. Тверь, 2006; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001; Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; Ивашкина О.В. Новое в русском речевом этикете // Русская словесность. 2003. № 5; Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982, 1987; Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. М., 1982, 1984; Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

ПРИЁМ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА. См. ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО

ПРИЁМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ. См. РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ

ПРИЁМ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ. См. РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ

ПРИЗНАНИЕ – имя нескольких жанров речи, первичных и вторичных, соотносимых с речевыми глаголами *признать что* и *признаться в чём*. В них сочетается информативный (верификативный) и перформативный моменты.

В **обыденном** общении бытуют оба вида П. Первое П. – жанр верификативный: его коммуникативная цель – подтвердить уже известный факт или согласиться с мнением, до того не вызывавшим согласия. При этом событие относится к личной сфере автора и оценивается негативно (в этом отличие от *согласия* и *подтверждения*). Такое П. всегда бывает вынужденным – либо обстоятельствами и/или собеседниками, либо особыми свойствами личности автора. Языковое воплощение – глагол *признать* в форме первого лица ед. числа; утвердительная частица *да*, вводное слово *действительно*. Антиподом оказывается непризнание (ср. подобные пары согласие/несогласие, подтверждение/опровержение).

Второе П. (*признаваться*) – информативный речевой жанр, предполагающий изложение информации автобиографического характера, принадлежащей личной сфере автора и характеризующейся либо заведомо негативной оценочностью (проступки, преступления, прегрешения, нарушения правил, условий, обещаний, заповедей и заветов), либо табуированностью в виду интимности и согласно кодексу речевого поведения. Это обстоятельство сближает жанр с разоблачением. Такое П. может быть охарактеризовано как **саморазоблачение**. Это П. предполагает откровенность автора и может быть инициативным, вынужденным и случайным, когда автор *проговаривается* о каких-то компрометирующих его фактах. Если П. не публично, то к адресату предъявляются определённые требования, его коммуникативная роль получила специальные именованья: *поверенный, доверенное лицо, конфидент*, от него ожидается доверие к автору, понимание и неразглашение тайны в дальнейшем. Такого рода ситуациям соответствует речевой жанр Исповеди (см.), который можно считать частным случаем П.

Разновидность этого жанра – П., или **объяснение в любви**. В нём обязательно присутствует глагол *люблю*, что составляет перформативный момент: признание есть поступок, изменяющий отношения между автором и адресатом. Поэтому авторы относятся к поэтике жанра с большой заинтересованностью; см. письмо в газету молодого читателя: *Моя любимая девочка очень скромная, и когда я*

признаюсь ей в любви, она делает вид, что не расслышала, или переводит разговор на другое. Помогите мне, научите, как правильно признаться ей в любви.

В юридической сфере (деловой и политической) П. – перформатив: признать независимость государства – важный юридический акт. В судопроизводстве обязательным считается акт признания подсудимым своей вины, он осуществляется произнесением фразы *Признаю*.

В эстетической сфере информативное П. служит основой жанра лирической поэзии, см. напр., знаменитое «Признание» Е. Боратынского.

Лит.: Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1986. № 3; Ползунова М.В. «Объяснение в любви» как сложный речевой жанр: лексика, грамматика, прагматика: КД. Екатеринбург, 2008; Орлова Н.В. Актуальные смыслы слова и высказывания в разных речевых жанрах (на материале пропозитивных структур «Х любит У-а»): АКД. Томск, 1993.

Т.В. Шмелёва

ПРИЗЫВ – особый речевой акт (речевой жанр), «коммуникативное назначение которого описывается формулой – “Я хочу, чтобы ты сделал Р”» [Вежбицкая 1985: 252]. П. определяется и как «императивный речевой жанр» [Чабан 2007: 510], т.е. его целью является осуществление действия. Так, П. представляет собой часть общественно-политической коммуникации. Особенностью данного вида публичного выступления является то, что такая речь должна заставить аудиторию испытать потребность в тех действиях, о которых говорит оратор. Это может быть не только призыв к действию, но и к прекращению какого-л. действия. П. может быть прямым или косвенным. Действие может быть немедленным или отсроченным по времени. П. к действию — распространённый способ речевого поведения, направленный на убеждение личности, группы людей совершить то или иное действие.

Способы языкового оформления П. могут быть различными. Перечислим наиболее распространённые.

1. Широко употребительна конструкция: *Я призываю вас* (к чему-л.). Напр.: **Я призываю вас в страну, / Где нет печали, ни заката, / Я посвящу вас в тишину, / Откуда к бурям нет возврата...** (К. Бальмонт).

2. Возможна конструкция: глагол *призывать* + инфинитив. Напр.: *Представитель МЧС призвал население не паниковать во время подземных толчков.*

3. Конструкция: обращение + глагол *давайте* + инфинитив. Напр., знаменитая фраза из мультфильма о коте Леопольде, ставшая девизом: **Ребята, давайте жить дружно!**

4. Употребительны и безглагольные категоричные конструкции. Напр., призыв большевиков на демонстрации 21 апреля (4 мая) 1917 г.: **Долой Временное правительство!**, означавший призыв к вооружённому свержению правительства. Контрдемонстрация прошла под лозунгом: **Доверие Временному правительству!** Рассказ классика фантастического жанра Роберта Шекли имеет название **Долой паразитов!** (1956 г.).

5. Призывающие глагольные конструкции могут быть оформлены в виде Лозунгов (см). Напр., лозунги советских времён: **Храните деньги в сберегательной кассе!**; **Летайте самолётами «Аэрофлота»!**

П., как и вопрос, – инструмент, помогающий разнообразить коммуникацию. П. может умиротворить собеседника или спровоцировать; выявить факты или скрыть факты; разубедить в чём-то или внушить что-то; побудить к чему-л. или демотивировать; заострить внимание на предмете обсуждения или на личности собеседника; просить поделиться впечатлениями или допрашивать; выявить оценку или признать оценку ошибочной; попросить объяснения или потребовать оправдания; призвать к более детальному описанию или перекрыть источник красноречия и т.д. И всё это благодаря многофункциональности П.

Лит.: Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2009; Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Кашпур В.В. Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса: КД. Томск, 2011; Чабан Т.Ю. Призыв // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2007.

ПРИТЧА – короткий аллегорический рассказ с назидательной ориентацией. Это один из самых древних и самых живучих литературных жанров. Образчики П. встречаются и на шумерских и вавилонских глиняных табличках с клинописью, которые появились за несколько тысячелетий до нашей эры, и в античной литературе (напр., притчи Эзопа, которые относятся к VI в. до н.э.), и в Евангелиях (конец I – начало VI вв.). Анонимные и авторские П. бытуют и сегодня – в публицистике, в ораторской и художественной речи, в речи церковных проповедников. Их можно найти и в Интернете. По характеру и стилистической окраске комментариев (напр., «Прикольно») видно, что сайт «Притча» активно посещают молодые пользователи сети.

Тематика П. связана с важными философскими проблемами бытия, но их принципиальной чертой является примитивизм, потому что они ориентируются на любого слушателя или читателя. В П. обязательно есть какая-то фабула, которая почти всегда связана с повседневной жизнью, обыгрывает хорошо всем знакомые бытовые ситуации. Поскольку П. рассчитана на включение в другой более широкий контекст (ораторское выступление, проповедь, роман или рассказ), она лаконична (лаконична): её объём колеблется от 2–3 фраз до 1,5–2 страниц.

Прямая речь – единственная для П. форма передачи чужой речи. Вот характерный пример: *Царь призвал мудреца, который жил в его государстве и был известен по всему свету, и сказал ему: «Чтобы лучше управлять страной, я должен как можно больше знать. Научи меня всему, что ты знаешь». «Постараюсь, – ответил мудрец. – По каким дням будем заниматься?». «Ты меня не понял, – сказал царь. – Я царь. И учиться я должен по-царски. У меня много важных дел, мне некогда выслушивать твои уроки. Научи меня всему, что ты знаешь, прямо здесь и сейчас». «В науке нет царских путей», – ответил мудрец.*

П. почти всегда обходится без антропонимов. Персонажей в ней мало, и они обозначены как «юноша», «один человек», «царь», «мудрец», «дровосек», «монахи» и т.п. Столь же редки в П. топонимы и вообще какие-то детали, конкретизирующие пространственные и темпоральные параметры текста. Такой редкий случай представляет собой французская П. о Шартрском соборе: *Один путник повстречал на дороге человека с тачкой, тяжело гружённой камнями, и спросил его: «Что это ты делаешь?» «Не видишь, что ли, камни везу!» Через некоторое время повстречался ему ещё один человек с такой же тачкой. «Что это ты делаешь?» – спросил его путник. «Зарабатываю на хлеб своей семье», – услышал он в ответ. А третий встречный с тачкой на этот же вопрос ответил ему с гордостью: «Я строю Шартрский собор!».*

В таких случаях топонимическая конкретизация носит условный характер. Если бы вместо топонима «Шартрский собор» был какой-нибудь другой, более или менее адекватный по известности и совершенству архитектурных форм, смысл П. не изменился бы.

Говоря о древнерусской П., Д.С. Лихачёв отмечал, что в ней «события не определены ни хронологически, ни территориально, по большей части нет прикрепления к конкретным историческим именам действующих лиц. П. повествует о действительности в обобщённо-трансформированной форме» [Лихачёв 1968: 45]. Эти особенности свойственны и П. нового времени. Но в современной П. регулярно попадают какие-то приметы времени. П. физика Бернара д'Эспанья построена, напр., на приметах XX века: *Один марсианин высадился на нашу планету и нашёл долгоиграющую пластинку. Он осмотрел её и сразу заметил: «На этой штуке много бороздок и выпуклостей». Продолжая обследовать найденный предмет, он сказал себе: «Эти выпуклости и бороздки чередуются с определённой регулярностью!» Но это никак не помогло ему обнаружить концерт, который записан на пластинке, и тем более не дало ему никакого представления о том, кто такой дирижёр.*

П. – сильное аргументативное средство. Их считают существенным элементом эффективной речи, поскольку с их помощью оратор привлекает слушателей на свою сторону.

Лит.: Агранович С.З., Саморукова И.В. Гармония – цель – гармония. Художественное сознание в зеркале притчи. М., 1997; Краснов А.Г. Притча в русской и западноевропейской литературе XX века (Соотношение сакрального и профанного): КД. Самара, 2005; **Краткая литературная энциклопедия** т. 6. М., 1971; Лихачёв Д.С. Славянские литературы как система // Славянские литературы: VI Междунар. съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады сов. делегации. М., 1968; Мель-

никова С.В. Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова: КД. М., 2002; **Шабловская И.В.** Притча как способ художественного мышления // *Studia bohemika*: К 70-летию С.В. Николукина. М., 1992; **Эффективная коммуникация**: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

Э.М. Береговская

ПРОЗИОПЕ́ЗА. См. ПРОСИОПЕЗИС

ПРОЗАИ́ЧЕСКАЯ СТРОФА́ – группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающая более полное, по сравнению с отдельным предложением, развитие мысли; одна из основных единиц речи. В лингвистической литературе для обозначения этой единицы используются и другие термины, чаще других – «сложное синтаксическое целое», а также «сверхфразовое единство», «абзац», «компонент». Однако термин «сложное синтаксическое целое» подчёркивает синтаксическую природу этой единицы, оставляя в стороне её смысловое единство. Кроме того, термином «сложное целое» некоторые учёные (напр., А.М. Пешковский) обозначают сложное предложение. Термин же «П.с.» совмещает признаки смыслового и синтаксического единства.

Со стороны интонационной П.с. характеризуется ритмико-интонационным единством и удлинёнными паузами на границах. Со стороны смысловой П.с. характеризуется единством мысли, высказывания, темы, что особенно остро ощущается в художественной литературе. Отдельное предложение, как правило, неполно, не закончено по смыслу. Подлинную жизнь предложение обретает в контексте, т.е. в П.с.

Тесному смысловому единству П.с. соответствует единство синтаксическое. Важнейшей синтаксической характеристикой П.с. как синтаксической единицы является наличие специфических синтаксических связей между составляющими её предложениями (цепные, параллельные, присоединительные связи). Важная черта грамматической организации П.с. – согласование (в широком смысле) форм времени, обуславливающее создание общей временной перспективы повествования или общения. Сказуемые в рамках П.с. имеют единый видовременной план, что способствует тесной связи предложений.

Представляя собой тесное семантико-синтаксическое единство, П.с. является в то же время и модальным единством. Предложения П.с. имеют, как правило, единую субъективно-модальную окраску, и любое изменение модального «тона» сказывается на её структуре. В качестве средств выражения субъективной модальности (для оформления переходов, начала, конца мысли и т.д.) используются личные местоимения (*я, мы*), личные глагольные формы, модальные слова, частицы и др.

Будучи одной из крупных структурно-семантических единиц, на которые членится речь, П.с. имеет определённую композицию. Входящие в неё предложения играют неодинаковую роль. Наибольшей самостоятельностью, относительно большей свободой своего строения характеризуется первое предложение П.с. – зачин, для которого используются специальные синтаксические средства, оформляющие момент начала мысли. Другие предложения П.с. менее самостоятельны в структурном и смысловом отношении и зависят синтаксически от зачина, который является организующим центром строфы. Помимо зачина и средней части П.с. часто имеет концовку, для оформления которой также используются специальные синтаксические средства. Таким образом, П.с. имеет, как правило, следующую композицию: зачин, содержащий начало мысли, формирующий её тему; средняя часть – развитие мысли, темы; концовка – своеобразная синтаксическая (композиционная) точка, подводящая итог микротеме П.с. и подчёркивающая это не только в смысловом, но и в синтаксическом отношении.

Описанная композиция П.с. – характерная, типовая, но не обязательная. В зависимости от структуры целого произведения или его фрагмента возможны П.с. без зачина, без концовки; П.с., состоящие из одного предложения. Композиционно-тематическое многообразие П.с. определяется задачами, содержанием текста. Однако это многообразие основывается на типовом, идеальном виде П.с., состоящей из зачина, средней части и концовки.

Следует различать два плана членения П.с.: **композиционно-тематический**, дающий как бы внешний контур П.с., её абрис, и **синтаксический**, представляющий способы связи между предло-

жениями, составляющими П.с. Синтаксическое членение – это внутренний план строения П.с. Полная характеристика П.с. складывается из её анализа в этих двух планах. В зависимости от синтаксического строения П.с. подразделяются на цепные, классифицируемые по типу зачинов, параллельные (повествовательные, описательные, анафорические), а также особые структурные типы (П.с. с единым субъектом; П.с., строящиеся по модели зачина; кольцевые).

В отличие от предложения П.с. имеет гибкую структуру. П.с. не является воспроизводимой единицей жёсткого строения (воспроизводимы лишь грамматические образцы, модели соединения предложений). П.с. задаёт программу, характер, схему развёртывания мысли, способ изложения. Конкретные же варианты воплощения этих схем отличаются как в синтаксическом, так и в композиционном отношении. Строя предложение, говорящий (пишущий) выбирает одну из моделей, наиболее подходящую для выражения мысли, но он не может изменить модель предложения (структурную схему), жёстко заданную языком. При построении П.с. степень свободы возрастает, но она также не беспредельна. Она достаточно велика при выборе первого предложения (выбор определяется общим замыслом, предполагаемым характером движения мысли) и постепенно сужается к концу П.с., т.к. предшествующие предложения с большой силой принудительности диктуют то или иное продолжение или завершение мысли.

Большое значение имеет П.с. для стилистики, для характеристики художественной манеры писателя. Своеобразие слога проявляется не столько в строении предложения, сколько в строении П.с., в связях между её элементами-предложениями. В художественной литературе, в публицистике не предложение, а П.с. является, как правило, наименьшим художественным целым, единицей слога. У каждого большого писателя существует более или менее постоянный (хотя бы для отдельного периода или произведения) тип П.с., тип организации большого контекста, тесно связанный с его художественным методом, способом познания и видения действительности. Велика роль П.с. и в других стилях.

Лит.: **Алексеева О.В.** Функционально-смысловые типы прозаических строф: на материале произведений малого жанра Л.Н. Толстого для детей: КД. Саратов, 2001; **Булаховский Л.А.** Курс русского литературного языка. Т.1. Киев, 1952; **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; **Одинцов В.В.** Стилистика текста. М., 1980; **Поспелов Н.С.** Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. М.; Л., 1948; **Рогожина Т.А.** Диалогическое единство и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный аспект: КД. Ростов н/Д, 2011; **Сильман Т.И.** Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). Л., 1967; **Солганик Г.Я.** Синтаксическая стилистика. М., 2008.

Г.Я. Солганик

ПРОЗОПОПЕЯ. СМ. ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

ПРОИЗНЕСЕНИЕ РЕЧИ – последний этап Риторического канона (см.), состоящий в публичном исполнении хорошо подготовленного и продуманного речевого произведения, а также раздел риторики, изучающий искусство исполнения речи.

Прежде чем начать речь, оратор должен 5–10 секунд помолчать, чтобы дать возможность слушателям сосредоточиться на предстоящей речи, привлечь их внимание, а самому снять излишнее волнение. Затем спокойным, доброжелательным взглядом окинуть аудиторию, понять, соответствует ли она той, которая предполагалась во время подготовки выступления. Если нет, то, сохраняя концепцию и замысел, нужно изменить тактические средства реализации цели (см. Коммуникативные стратегии и тактики) и добиться запланированного воздействия.

Оратор должен следить за осанкой и правильным дыханием, обладать профессионально поставленным голосом, чёткой дикцией (см. Техника речи), правильно выбирать Стиль произношения (см.), целесообразно использовать невербальные средства общения (см. Паралингвистические средства общения). Если оратор знает приёмы борьбы со страхом, волнением и умеет их в совершенстве применять, то его поза и жесты будут естественными, он не станет «прятаться» за трибуну, переступать с ноги на ногу, переминаясь, раскачиваться из стороны в сторону, держать руки в карманах,

вертеть мелкие предметы, смотреть «в пространство» или рассматривать посторонние объекты (пол, потолок, окно, ноги и т.д.). Если он будет доброжелателен к аудитории, то не станет сжимать кулаки, хмурить брови и т.п. и произведёт благоприятное впечатление, которое поможет ему достичь желаемого.

Эффективность П.р. зависит также от умения оратора поддерживать внимание аудитории при помощи Диалогизации монолога (см.), специальных лексических средств типа «прошу обратить внимание», «важно отметить» и т.п., усиления эмоциональности речи, целесообразного передвижения в аудитории, использования аудио-визуальных средств и др. приёмов. Важное значение имеет внешний вид: аккуратная причёска, чистые одежда и обувь; не рекомендуется надевать костюмы, платья, которые стесняют движение, складывать в карманы какие-л. предметы; одежда должна соответствовать речевой ситуации.

Эффективность исполнения речи зависит не только от техники звучащей речи и целесообразного использования невербальных средств общения, но и от нравственного облика оратора (см. Образ ратора). Квинтилиан говорил: «Хочешь быть хорошим оратором – стань сначала хорошим человеком». Это означает, что во внутренней мотивации, в постановке цели, в выражении мыслей обязательно должна быть установка на добрые чувства, которые вы хотите донести до слушателей. Доброжелательность предполагает отказ таких форм речевого поведения, как агрессивность (см. Речевая агрессия) в её различных проявлениях (упрёки, угрозы, оскорбления) и Демагогия (см.). Однако отношение оратора к аудитории должно быть не только доброжелательным, но и профессиональным, что предполагает умение работать с любой аудиторией (позитивно настроенной, негативно настроенной или безразличной к оратору).

После П.р. не следует сразу «убегать». Оратор должен уметь эффективно не только произнести речь, но и ответить на вопросы слушателей (см. Культура вопроса и ответа).

В теории риторики, помимо П.р., используются также термины «акцио» и «пронунциация»: первый из них связывают в основном с техникой звучащей речи, второй – с мимикой и жестами [Хазагеров 2009: 401].

Лит.: Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. М.; Воронеж, 2002; Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов н/Д, 1995; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997; Сопер П.Л. Основы искусства речи. Ростов н/Д, 1998; Стернин И.А. Практическая риторика. Воронеж, 1996; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009; Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

Г.А. Копнина

ПРОКСЕ́МИКА. См. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ

ПРО́ЛЕПСИС. См. СИНТАКСИЧЕСКАЯ АНТИЦИПАЦИЯ

ПРОНОМИНА́ЦИЯ. См. АНТОНОМАЗИЯ

ПРОНУНЦИА́ЦИЯ. См. ПРОИЗНЕСЕНИЕ РЕЧИ

ПРО́ПОВЕДЬ – первичный жанр религиозного дискурса; в христианстве – церковное наставление, произносимое в храме за литургией (или мессой), в котором повествуется о библейских событиях и разъясняется учение Иисуса Христа. П. составляет предмет особой богословской науки – Гомилетики (См.). У иудеев П. (как и в христианстве) служит средством духовного руководства народом и его ознакомления с основами вероучения. Как правило, христианская П. строится на тексте Евангелия (как иудейская П. – на тексте Торы). Для мусульманской П. не характерно толкование Корана в мечети; обычно П., называемая «хутба», совершается имамом по праздникам и во время пят-

ничного полуденного богослужения. Такая П. начинается с прославления Аллаха и его пророка. Иногда читается в форме рифмованной прозы.

История христианской П. насчитывает более двух тысяч лет. В первые века христианства П. существовала в виде «церковного собеседования»: в храме собирались верующие и обсуждали вопросы веры с наставником. П. в современном виде – монологическая речь проповедника-оратора. Цели, задачи и содержательные параметры П. за всё время существования этого жанра не менялись. Христианская П. – продолжение дела Иисуса Христа: раскрытие евангельского учения людям. Опираясь на Евангелие, можно говорить о Христе как о первом проповеднике, давшем будущей церкви первый образец – Нагорную проповедь. На Русь П. пришла с принятием христианства и формировалась на основе традиции Византии, где создавались богословские основы православия и основные черты византийского стиля П. Знаменитые проповедники XI–XVI вв.: митрополит Киевский Иларион, Кирилл Туровский, Феодосий Печерский, епископ Владимирский Серапион и др. В период латино-польского влияния (XVI – XVII вв.) П. приобретает черты католической схоластики, что объясняется появлением на Руси в XVI веке иезуитских коллегий, получением многими проповедниками образования за рубежом (в католических семинариях), влиянием латинского языка (как языка всей европейской науки и культуры того времени). Известные проповедники этого времени: митрополит Киевский Пётр Могила, архимандрит Иоанникий Голятовский, иеромонах Симеон Полоцкий и др. Относительно самостоятельный период развития П. (XVIII–XIX вв) связан с деятельностью Петра I и его соратника архиепископа Феофана (Прокоповича). П. способствует продвижению реформ, становится глашатаем преобразований, объясняет их смысл и значимость. Расширение тематики П., внесение в неё нерелигиозного, общественного и государственного компонентов способствовали изменению её формы. П. Прокоповича отличались простотой и ясностью и носили публицистический характер. Знаменитые проповедники этого периода: митрополит Филарет, протоиерей Родион Путятин, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Иоанн Кронштадтский и др. В период с 1917 года до наших дней Русская Православная Церковь попадает в новые условия атеистического государства. В годы гонения на Церковь проповедничество, тем не менее, продолжало существовать. Во время Великой Отечественной Войны для духовной поддержки населения, поднятия боевого духа и укрепления веры в победу правительство обращается за помощью к Церкви. С середины 80-х годов Церковь обретает свободу, что способствует развитию проповедничества. Проповедники этого времени: митрополит Антоний Сурожский, протоиерей Александр Шаргунов, архиепископ Викентий (Морарь), диакон протоиерей Геннадий Фаст и мн. др. Выдающимся религиозным оратором является нынешний патриарх Русской Православной Церкви Кирилл.

Единой точки зрения на внутрижанровое деление П. нет. Основными видами П. можно считать: катехизическое поучение (основные уроки веры и жизни христианской); экзегетическую П. (изложение Священного Писания, житий святых и др.); апологетическую П. (излагает основные истины христианства); миссионерскую П. (цель – обращение людей к вере); публицистическую П. (тематически обращена к современным проблемам).

Лит.: **Ветелев А.** Святоотеческая проповедь как образец для подражания // Журнал Московской Патриархии. 1955. № 4, 6; **Ветелев А.** Учебный курс по истории проповедничества русской православной церкви для 4-го класса: учеб. пособие. Загорск, 1990; **Захаренкова О.С.** Жанровые особенности современной проповеди (на материале текстов красноярских и железногорских священнослужителей) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. Красноярск, 2004; **Истомина И.А.** Современная православная проповедь: стилистическая и прагматическая специфика: КД. Екатеринбург, 2013; **Крылова О.А., Савин Г.А.** Коммуникативная стратегия автора православной проповеди в современном церковно-религиозном дискурсе // Филологические науки. 2008. № 6; **Крысин Л.П.** Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996; **Расторгуева М.Б.** Речевой жанр церковно-религиозной проповеди: КД. Воронеж, 2005; **Таушев А.** Руководство по гомилетике. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/head/874>.

А.Н. Смолина

ПРОПОНЕНТ (от лат. *proponēntis* – ‘предлагающий’) – тот, кто выдвигает и отстаивает некоторый тезис (см.).

Основная задача П. зависит от отношения Оппонента (см.) к выдвинутому тезису. Если оппонент склонен поддержать тезис и, возможно, принять его, П. рекомендуется ещё более настойчиво и активно поддерживать тезис. Если оппонент нейтрален в отношении предлагаемого тезиса, т.е. не имеет доводов ни за, ни против него, задача П. – склонить его на свою сторону, рассеяв те возражения, которые могут возникнуть. Если же оппонент отвергает предложенный тезис, П. должен попытаться переубедить собеседника, выдвигая свой тезис и аргументируя его.

П. может выражать свою личную позицию либо представлять коллективное мнение – научной школы, трудового коллектива и т.п.

Лит.: **Ивин А.А.** Основы теории аргументации: учебник. М., 1997; **Кириллов В.И., Старченко А.А.** Логика: учебник для юридических вузов. М., 1999; **Старичёнок В.Д.** Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008.

Г.А. Копнина

ПРОСИОПЕ́ЗИС (ПРОСИОПЕ́ЗА), или **ПРОЗИОПЕ́ЗА** (от др.-греч. *προ* – ‘впереди’ и *σιωπή* – ‘молчание’), – стилистический приём, состоящий в намеренном опущении начальной части высказывания (предложения), напр.: *...да не греет* (КП. 19.03.1966, заголовок). Ср.: Светит, да не греет; *...и я скажу, кто вы* (ЛГ. 09.12.1970, заголовок). Ср.: Скажи мне, кто твой друг и я скажу, кто ты; *...и сам не плошай* (СК. 20.11.1984, заголовок). Ср.: На Бога надейся, да сам не плошай.

Для создания П. обычно используются пословицы, поговорки, крылатые слова, фразеологизмы, строчки из широко известных литературных произведений. Для П. характерна функция интригующего (рекламного) заголовка. На основе свободных сочетаний слов П. создаётся достаточно редко. Напр.: *...и тишина* (КР. 04.11.1988, заголовок); *...И Пушкин падает в голубоватый, / Колючий снег...* (Э. Багрицкий).

Лит.: см. лит. к ст. Апозиопезис.

А.П. Сковородников

ПРОСТОРЕ́ЧИЕ – речь лиц, недостаточно овладевших нормами литературного языка.

П. образовалось на базе городских койне при влиянии диалектной среды. В XIX в. это был «язык народных масс, находившийся во взаимодействии с крестьянским языком» [Виноградов 1982]. В настоящее время П. – одна из форм национального языка наряду с литературным языком, диалектами и жаргоном.

Характерные особенности современного П.: несоответствие нормам литературного языка; отсутствие собственных норм – это в принципе ненормированная языковая сфера; отсутствие функциональных стилей (носитель просторечия, не владея разнообразием стилевых регистров и не осознавая неправильности своей речи, использует одни и те же языковые ресурсы и в обиходно-бытовой сфере, и в официальном общении); бытование преимущественно в устной форме, хотя может обнаруживаться и в письменной (письма, объявления); отсутствие, в отличие от диалектов, существенных территориальных особенностей.

П. необходимо отграничивать от разговорной речи – они различаются и по составу носителей, и по языковым особенностям, и по отношению к литературному языку.

Выделяются «два круга носителей современного просторечия: горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом и полудиалектом (просторечие-1), и горожане среднего и молодого возраста, ... не владеющие нормами литературного языка; их речь лишена диалектной окраски и в значительной мере жаргонизирована (просторечие-2)» [Современный... 2003: 56].

Рассмотрим некоторые явления П.-1.

Фонетические особенности: *радиво, пенсанер, эксплатировать, гастробайтер, ризетка, комбинат, транвай, порфель, центер, жинсы, промблема, эскорт, дермантин*. Морфологические особенности. *Как твоё фамилие?; Курей всех украл; местов свободных много; В польтах не пустят, на-*

до раздеться; Они у ейной матери живут; Все для их старалась; Энтот опять тебя спрашивал; Тогда летом он два лета подряд бетон ложил; Целую кастрюлю сготовил / ну нисколько не едено не отъедено прям / прям под самые края. Лексические особенности: *катанки* (валенки), *срамота*, *вертаться*, *склизкий*, *нонче*, *вчерасть*, *надысь*, *завсегда*, *опосля*. Синтаксические особенности: *Оно любить надо / с детьми-то работать; А мне душа радуется / ребятки в люди выходят; Уделите на меня внимание; Да вот сижу за Олечкой посмотреть / вон на качельках; Заместо что ругаться / разберись сначала.*

П.-2 «представляет собой систему менее яркую и менее определённую по набору типичных для нее языковых черт. В значительной мере это объясняется тем, что просторечие-2 как своеобразная разновидность городской речи относительно молодо. При этом оно занимает промежуточное положение не столько между литературным языком и территориальными диалектами (это характерно для просторечия-1), сколько между групповыми и профессиональными жаргонами, с одной стороны, и литературным языком – с другой» [Современный... 2003: 64].

В области фонетики это смещение ударения: *дóговор, катáлог, квáртиал, звóнит, хозяйевá*. Морфологические особенности «имеют спорадический, случайный характер и нередко локализованы в отдельных словах и словоформах» [Современный... 2003: 66]: *стояли в очереди за тюлю, покрыли крышу тюлю, замучился с этим мозолем, две недели в отпуску был.*

Многие лексические явления, относимые часто к П., допустимо интерпретировать как пограничные между П. и разговорной речью: диминутивы: *ротик открой, чёлочку длинную будем делать, колбаска свежая, оладушки вкусные, съездить надо на недельку*; «мещанские эвфемизмы» [Капанадзе 1984: 127]: *отдыхать* (спать), *кушать* (есть), *выражаться* (ругаться матом), *выпивать* (злоупотреблять спиртным); жаргон: *выступать, тусовка, разборка, ловить кайф, всё ништяк, всё путём, штука* (тысяча денежных единиц); обращения: *мужик, братан, шеф, начальник, командир* (в речи мужчин); экспрессивная лексика: *лопать, дрыхнуть, оборзеть, обляять, опунеть, облапошить, зашититься, рехнуться, звездануться, втемяшиться, раздрызанный, обалденный, репа* (голова).

П. употребляется безотчётно людьми, не овладевшими литературной нормой; возможны и другие случаи, когда говорящий намеренно использует П. («просторечные слова «возводят разговорность в квадрат» [Капанадзе 1984: 128] – шутит, подражает кому-то, стилизует чужую речь: *кина не будет, опять поддамши, вас тут не стояло, местов нет*; девушка (не подозревая о нарушении литературной нормы): *У вас отсюдава ничего не забирали?* – мужчина (иронизируя или передразнивая): *Оттудава никто ничего не брал* //.

Таким образом, современное городское П. неоднородно и по составу носителей, и по языковым характеристикам.

Лит.: **Виноградов В.В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982; **Гнусина Е.В.** Сравнительный анализ современного французского просторечия и современного русского просторечия: на материале современной художественной литературы и других источников: КД. М., 2006; **Городское просторечие:** Проблемы изучения. М., 1984; **Капанадзе Л.А.** Современная просторечная лексика (московское просторечие) // *Городское просторечие: Проблемы изучения.* М., 1984; **Капранова Н.А.** Функционально-семантическая специфика ненормативных форм языка: просторечие и молодежный жаргон: КД. Краснодар, 2009; **Китайгородская М.В.** Наблюдения над построением устного просторечного текста // *Разновидности городской устной речи.* М., 1988; **Купина Н.А., Шалина И.В.** Современное просторечие: взгляд изнутри // *Русский язык в научном освещении.* 2004. № 1 (7); **Современный русский язык.** Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003; **Филин Ф.П.** О структуре современного русского литературного языка // *Вопросы языкознания.* 1973. № 2; **Шалина И.В.** Уральское городское просторечие: культурные сценарии. Екатеринбург, 2009.

Л.А. Киселёва

ПРОСЬБА – 1. Наименование побудительной ситуации общения, когда говорящий склоняет или понуждает адресата к выполнению того, что нужно, полезно просящему. 2. Сумма выражений, составляющих тематическую группу со значением П. 3. Каждое из выражений, с помощью которых осуществляется речевое действие (акт) П.

Грамматической формой побуждения является императив глагола. Без специального знака вежливости такое употребление содержит лишь требование и в некоторых ситуациях выглядит грубоватым: *Сделай(-те)!*; *Принеси(-те)!*; *Напиши(-те)!*

Основные выражения П. (сопровожаемые словом *пожалуйста*): *Передай(-те) мне ...*; *Сделай(-те) ...*; *Принеси(-те) ...*; *Напиши(-те) ...*. Напр.: *Пожалуйста, передайте мне словарь.*

Вежливость П. связана именно с тем, что выполнять действие будет адресат, а результат призовет говорящий, поэтому он должен компенсировать усилия адресата вежливостью, т.е. демонстрацией уважительного отношения к нему. Если собеседники находятся в официальных, деловых отношениях, необходимым является употребление актуализатора вежливости: *Если вам не трудно ...*; *Если вас не затруднит, дайте (пожалуйста) ...*; *Будь(-те) добры, передайте мне ...*; *Будьте любезны, скажите ...*

Возможность выразить П. более вежливым образом связана с рядом стереотипов, свойственных интеллигентам старшего поколения: *Сделайте одолжение ...*; *Не откажите в любезности ...*; *Окажите любезность ...*; *Не сочтите за труд ...*

В том случае, когда говорящий выражает настоятельную П., используется перформативный глагол *просить*, а также интенсификаторы *очень*, *убедительно*, *настоятельно*: *Я прошу вас (тебя) ...*; *Очень прошу вас (тебя) ...*; *Убедительно прошу вас (тебя) ...*; *Настоятельно прошу вас (тебя) ...*; Возможна удвоенная П.: *Прошу вас (тебя), сделай(-те) ...* П. с оттенком желательности: *Я хочу попросить вас (тебя) ...*; *Я хотел(-а) бы попросить вас (тебя) ...*; *Мне хотелось бы попросить вас (тебя) ...*; *Я хочу попросить вас (тебя), чтобы вы (ты) ...*; *Мне хочется попросить вас (тебя), чтобы вы (ты) ...*

П. дать что-л. являются выражения: *Дайте мне, пожалуйста ...*; *Я хочу попросить у вас (тебя) ...*; *Я хотел(-а) бы попросить у вас (у тебя) ...*; *Мне хочется попросить у вас (тебя) ...*; *Мне хотелось бы попросить у вас (у тебя) ...*

Вежливость П. выражается в «вопросе о возможностях» адресата: *Вы можете ...*; *Вы не можете ...*; *Вы не могли бы ...*; *Можете ли вы ...*; *Не можете ли вы ...*; *Не могли бы вы ...*; *Вам не трудно ...*; *Вас не затруднит ...*; *Не трудно ли вам ...*; *Не затруднит ли вас ...* Такие выражения употребительны в официально-деловом общении.

Повышенная официальная вежливость содержится в выражениях, когда говорящий как будто осведомляется о своей возможности обратиться с П.: *Я могу*; *Могу я*; *Могу ли я*; *Не могу ли я*; *Можно ли*; *Нельзя ли*. Напр.: *Могу ли я попросить вас дополнить материал новыми данными?*; *Нельзя ли попросить у вас текст доклада?*

Менее вежлива, обиходна просьба-вопрос, выраженная глаголом конкретного действия: *Вы (ты) сделаете(-ешь) это?*; *Вы (ты) не сделаете(-ешь) это?* Напр.: *Вы не переведёте мне этот текст?*; *Ты сходишь в магазин?*

В непринуждённой обстановке к близким людям возможны следующие выражения П.: *Сделаешь (это)?*; *Поможешь?*; *Починишь мой видик?* (разг.) Обиходная П. может выражаться вопросом о наличии/отсутствии предмета, в котором нуждается говорящий. Такая П. уместна в непринуждённой обстановке: *У тебя (вас) есть ... (это)?*; *У тебя (вас) нет ... (этого)?* *У тебя (вас) не найдётся ... (этого)?* *У тебя (вас) не будет ... (этого)?* Напр.: *У тебя нет красной ручки?*; *У тебя есть лишняя кружка?*; *У вас не найдётся карандаша?* Как видно из примеров, так просят о чём-то незначительном, но важном для говорящего в данный момент.

П. разрешить что-л. сделать, как правило, направляется вышестоящему или равному и реализуется в следующих выражениях: *Можно мне ...*; *Нельзя ли мне ...*; *Можно ли мне ...*; *Я могу ...*; *Могу ли я ...*. Напр.: *Могу ли я воспользоваться вашим компьютером?*; *Можно мне взять твой учебник?*

В официальной обстановке высказывают П. следующим образом: *Разрешите (позвольте), я ... (сделаю замечание по проекту)*; *Разрешите (позвольте) мне ... (использовать ваши материалы)*. При этом собеседники в деловом общении могут быть равны по статусу и роли. Ответом на П. является согласие, Разрешение (см.) что-л. сделать или Отказ, запрещение (см.).

Лит.: Дунев А.И. Самая вежливая просьба в русском языке // Русский язык в школе и дома. 2011. № 9; Зализняк А.А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Формановская Н.И.** Речевой этикет в русском

общении. Теория и практика. М., 2009; **Ярмаркина Г.М.** Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в в русской разговорной речи: КД. Саратов, 2001.

Н.И. Формановская

ПРОТАГОНИСТ (др.-греч. *πρωταγωνιστής*, от *πρώτα* – ‘первый’ и *γωνιστής* – ‘состязаться’) – главный герой литературного произведения, фильма или компьютерной игры, который находится в центре действия и конфликтов. Противопоставляется антагонисту, герою, вступающему в спор, ведущему борьбу с протагонистом и противоположному ему по жизненной позиции, нравственным ценностям, программе поведения. Первоначально П. – актёр, исполнявший главную роль (героя или героини) в древнегреческом театре; был впервые введён в действие трагедии в 534 г. до н.э. древнегреческим поэтом Фесписом, основателем архаической, доэсхилловской греческой трагедии. Второго актёра (девторагониста) ввёл в древнегреческий театр Эсхил; третьего (триагониста) – Софокл. Сначала автор сам был П. или выбирал его из соискателей. С середины V в. до н.э. двух других актёров подбирал для труппы архонт, должностное лицо, занимавшееся организацией театральных представлений, проходивших в форме состязаний. П. в Древней Греции участвовали в конкурсах.

Классические примеры протагонистов в литературе: Одиссей в поэме Гомера, Прометей в трагедии Эсхила, Эдип в трагедии Софокла, Дон Кихот в романе М. Сервантеса, Гамлет в трагедии В. Шекспира, Чайльд-Гарольд в поэме Байрона, Тарас Бульба в одноимённой повести Н.В. Гоголя, Илья Ильич Обломов в романе И.А. Гончарова «Обломов», Алёша Карамазов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». П. далеко не всегда являются положительными и созидательными героями. Зачастую это сложные образы, которые наделяются различными интеллектуальными и этическими качествами, воплощают и добродетель, и порок, и человеческое заблуждение. Таковым, напр., является Фауст Гёте. В некоторых случаях П. – разрушающий герой, несущий в мир зло и гибель. Характерный пример – Медея в трагедии Еврипида, убивающая из ревности и мщения соперницу и своих детей. Объединяет П. различных литературных произведений то, что они всегда являются воплощением определённой идеи. П. преобладают в таких жанрах литературы, как комедия, драма, трагедия, роман, повесть, рассказ, поэма, былина, баллада.

В гейм-культуре термины «П.» и «антагонист» включены в словарь геймера. П. в компьютерной игре – один из главных героев, которым управляет игрок. Примеры П. в компьютерных играх: Принц Персии («Prince of Persia»), Лара Крофт («Tomb Raider»), Скволл Леонхарт («Final Fantasy VII»). П. преобладают в таких жанрах компьютерных игр, как приключения, ролевые игры, стратегии.

Термин «П.» в XX в. начинает использоваться и в психотерапии, в частности в психодраме, групповой импровизации, проводящейся для развития творческого потенциала человека и расширения возможностей адекватного поведения и взаимодействия с людьми. П. в психодраме – участник импровизации, который драматически проигрывает волнующую его ситуацию с помощью группы.

Термин «П.» используется как синоним «героя» для обозначения главного персонажа произведения.

Лит.: Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000; **Комлев Н.Г.** Словарь иностранных слов. М., 2006; **Лейтц Г.** Психодрама. Теория и практика. Классическая психодрама Я.Л. Морено. М., 1994; **Морено Дж.** Театр спонтанности. Красноярск, 1993; **Морено Я.Л.** Психодрама. М., 2001; **Радциг С.И.** История древнегреческой литературы. М., 1982; **Рудестам К.** Групповая психотерапия. СПб., 1998.

А.Н. Смолина

ПРОТА́ЗИС. См. ПЕРИОД

ПРОТОТЭ́РМИНЫ. См. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ – стилистически маркированные слова, реже – словосочетания, называющие представления и формирующиеся понятия какой-л. области профессиональной деятельности, используемые в устной речи специалистов в условиях полуофициального или неофициального общения на профессиональные темы. Основной сферой функционирования П. является разговорная форма Языка для специальных целей (см.). Отличительной чертой П. является некодифицированность, а также наличие у многих из них стилистической окрашенности, которая выявляется путём сопоставления со стилистически нейтральным специальным наименованием. В большинстве случаев экспрессивность П. находит своё материальное выражение в словообразовательных аффиксах, подтверждается условиями микро- и макроконтекста: *приходник* – ‘приходный ордер’; *распашонка* – ‘распашная шлюпка’ (мор.); *вертушка* – ‘вагон для перевозки шихтовых материалов на территории металлургического завода’; *венец* – ‘венцовая шестерня’ и др.

Продуктивным способом образования П. является метафоризация и специализация значения общенародного слова: *гармошка* – ‘гофрированный шланг’ (техн.); *убогий* (син.: *сомнительный*) *пласт* – ‘осадочные горные породы, содержащие незначительное количество золота’, *холостая жила* – ‘жила золотоносного месторождения, не содержащая золота’ (горн.), *зародыши* – ‘кристаллы гидроксида алюминия’ (глиноземн.) и др. Стилистически нейтральные П., получившие широкое употребление в речи специалистов, могут обрести дефиницию и перейти в разряд терминов. Вероятность терминологизации П. повышается, если у него нет однословного синонима в сфере терминологии отрасли. К профессиональной лексике восходят такие термины, как *горный хребет*, *дробилка щековая*, *отпрыск жилы*, *щёки россыпи*, *колесо трубы* и мн. др.

Если П. используется в двух и более специальных подязыках, он переходит в разряд **интер-профессионализмов**. Напр., *чёрная суббота* (*воскресенье*) – ‘сверхурочная работа в выходной день’; *балда* – ‘кувалда’; *мука* – ‘пылеобразное вещество’; *киртич* – ‘объёмная рукопись или книга’. Лексические единицы, которые называют объекты непрофессиональной сферы с использованием материальной основы профессиональных подязыков (см. Языки для специальных целей) называют **депрофессионализмами** (*пристройка*, *животрепециций*). В словарном составе русского языка зафиксированы также специальные наименования, у которых отсутствуют синонимы в терминологии отрасли, но их денотативное значение соотносимо с профессиональными реалиями. Такие специальные наименования называются **квазипрофессионализмами**: *принять боевое крещение* – ‘участвовать в первом бою’.

Частотность использования стилистически окрашенных некодифицированных наименований в речи специалистов различных отраслей очень велика. В.А. Татаринов отмечает, что в настоящее время «налицо тенденция замены стандартизированной терминологии профессионализмами, и это говорит о том, что ряд стандартизированных терминов, созданных учёными с ортологическим подходом к терминологии, не соответствует условиям речевого обихода» [Татаринов 2006: 236]. Краткие по форме, обладающие высокой степенью мотивированности П. незаменимы в тех случаях, когда необходимо быстро обменяться информацией, передать отношение к происходящему.

Использование П. в языке науки и делопроизводства, а также в условиях официального профессионального общения недопустимо.

Лит.: Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение. М., 2008; Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2006; Татаринов В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М., 2006; Тихонова И.Б. Когнитивное моделирование профессиональной терминосистемы: КД. Омск, 2010; Фельде О.В. Профессиональное просторечие как лингвистический феномен // Терминология и знание: мат-лы II Междунар. симпозиума (Москва, 21–22 мая 2010 г). М., 2010; Фельде О.В. Русское профессиональное просторечие в свете теории LSP // Вестник Читинского ГУ. № 9 (66) 2010; Чернышова Л.А. Антропологические аспекты современной межотраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): КД. М., 2011; Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания. 1984. № 5.

О.В. Фельде

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА. См. ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ

ПРОЩАНИЕ – речевой жанр, соответствующий ситуации окончания беседы (размыкания речевого контакта), когда разговор считается завершённым. Формулы П. в русском языке разнообразны. Само по себе П. – привычное, автоматическое речевое действие. Для одних ситуаций мы применяем одни формы, для других – другие. Следовательно, в разных ситуациях, с разными собеседниками формы П. – разные. Много зависит от того, в какое время суток произносится прощальная фраза, кто её произносит и в какой форме (ты- и Вы-общение).

Универсальной этикетной формулой П. является фраза *До свидания!* Если общающиеся расстаются ненадолго, обычно говорят *До новой встречи!* Эта фраза может быть произнесена кем угодно и в любое время и может варьироваться: *До скорого свидания!*; *До встречи в кинотеатре!*; *До лета!*; *До завтра!*; *До вечера!*; *До воскресенья!* и т.п.

П. может выражаться и другими способами (формулами). Так, широко распространены фразы: *Всего хорошего!*; *Всего доброго!* Они отличаются наличием оттенка пожелания. Расставаясь на длительный срок или навсегда, обычно употребляют слово *Прощайте!* Это широкоупотребительная форма П., которая происходит «от старинного обычая просить прощения друг у друга при расставании» [Балакай 2007: 450]. Формула *Прощайте!* имеет формы ед. и мн. числа, причём последняя употребляется и при обращении к группе людей, и при прощании с человеком, с которым говорящий общается на «Вы».

В виде П. может прозвучать пожелание здоровья: *Будьте здоровы!*; *Бывайте здоровы!* Друзья могут прощаться непринуждённо: *Счастливо!* Среди хорошо знакомых, близких людей, особенно среди молодёжи, часто употребляются дружеские формулы П., носящие оттенок фамильярности: *Всего!*; *Привет!*; *Пока!*; *Салют!* Иногда прощаются, используя слова с грубовато-сниженной окраской: *Бывай!*; *Будь!* Ложась спать, люди желают друг другу *Спокойной ночи!*; *Доброй ночи!*

В официальной обстановке повседневного делового общения принято выбирать универсальные этикетные формулы П.: *До свидания!*; *Всего доброго!*; *Всего хорошего!*; *До встречи!* (если назначена встреча); *Счастливого пути!* (отъезжающему). К официальным формулам также относятся: *Разрешите попрощаться!*; *Позвольте попрощаться!*

Перед тем как произнести прощальную фразу, обычно благодарят за общение, извиняются за время, отнятое у собеседника. Как правило, уходящему гостю желают всего самого доброго, приглашают заходить ещё, выражают своё дружеское отношение, передавая привет его близким.

Практически не бывает ситуаций, когда формула П. звучит неожиданно для собеседника. Это случается лишь в тех случаях, когда один из собеседников сильно огорчил или обидел другого. Обычно, перед тем как попрощаться, люди ссылаются на необходимость уйти. В этом случае обычно говорят: *Мне надо уходить*; *Очень жаль, но мне пора*; *Надо идти*.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1982; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2007; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Лежнева И.И.** Социолингвистическое развитие английского и русского речевого этикета: на материале форм обращения, формул приветствия и прощания: КД. Воронеж, 2001; **Меснянкина Н.П.** Формы приветствия-прощания в английском языке: КД. М., 1993; **Формановская Н.И.** Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). М., 1989; **Шемарова В.А.** Концептосфера «встреча/приветствие – прощание/расставание» в русском языке: системно-структурный и функционально-когнитивный аспекты: КД. Уфа, 2004.

Н.Н. Акулова

ПРЯМАЯ РЕЧЬ – разновидность чужой речи, соединённая с речью автора, который передает её, сохраняя точное содержание, особенности лексики, грамматики и стиля. По структуре предложения с П.р. могут быть простыми и сложными, одно- и двусоставными, полными и неполными.

П.р. соединяется с авторским повествованием по смыслу и интонационно при помощи группы слов, называемых вводными словами автора. В роли вводных слов, как правило, выступают глаголы, обозначающие речь или мысль. Среди них традиционно выделяют следующие разновидности: «а) глаголы, обозначающие речь или мысль нерасчленённо, в наиболее общем виде: *сказать*, *расска-*

зать, говорить, заметить, обратиться (в значении “сказать,,), подумать и др.; б) глаголы, обозначающие речь и одновременно характеризующие манеру речи, способ её произнесения: крикнуть, закричать, воскликнуть, промямлить, прошептать и др.; в) глаголы, обозначающие характер протекания речи, её связь с предыдущим изложением: заговорить, прервать, вставить, ответить; <...> начать, продолжать и т.п. <...>; г) глаголы, обозначающие вопрос: спросить, спрашивать и нек. др.» [Грамматика русского языка 1960: 408–409]. Роль вводящих слов могут играть и сочетания глагола с именем существительным, которые по значению или образованию близки к глаголам речи или мысли: д) слова, вопрос, восклицание, голос, шёпот, звук и т.п. К вводящим словам относятся и глаголы, характеризующие содержание речи, её целевую установку: е) согласиться, упрекнуть, пояснить, решить, посоветовать и т.п. Напр.:

а) «Я это уже в пятый раз слушаю», – **сказал** Сергей, сердито укрываясь одеялом (Т. Толстая); «Переложу её в сундучок», – **подумала** Медя и открыла малозаметное боковое отделение (Л. Улицкая);

б) «Змей Горыныч!» – **кричали** мальчишки. – «Змей Горыныч идёт!» (Т. Толстая); – Мам, мне должны звонить! – **рявкнула** Аня за дверью (Н. Рязанцева);

в) А сейчас о спорте заговорит, – **продолжал загадывать** вперёд доктор, – о рысаках, или скетинг рингах, или о французской борьбе (Б. Пастернак); А это, – **ответил** воспитатель, – злые демоны, которые губят людей (М. Цветаева);

г) Я громко **спросил**: «В чём дело, товарищи?» (С. Довлатов);

д) Естественно, у инопланетян **возникает вопрос**: «А остальные 140 с лишним миллионов – чужие?» (В. Коклюшкин);

е) «Это вчерашняя цена, – **пояснили** мне. – Сегодня уже 4600» (Т. Толстая); «Самые крепкие остались. Наверное, прозаики?» – **пошутил** милиционер (З. Прилепин).

Существуют конструкции, в которых во вводящем предложении вместо глаголов речи или мысли используются глаголы, обозначающие эмоции, чувства, ощущения, внутренние состояния говорящего, сопровождающие высказывание, а также мимику, жесты, движения: улыбнуться, восхититься, нахмуриться и пр. Напр.: «Приехал, и не звонит», – **огорчилась** Маша (Л. Улицкая); Мы разговорились, речь зашла о Николае II, и старушка, которая, как выяснилось, в своё время была чем-то вроде фрейлины при дворе, **вздыхнула**: «Вот все говорят: тиран, тиран!... А собственно почему? У них за столом всегда такие свежие сливки подавали!...» (Т. Толстая).

Функция вводящих слов состоит в указании на факт чужого высказывания, оценке ситуации, обозначении связанных с чужой речью обстоятельств: характера речи, того, к кому обращена речь и т.п.

Расположение вводящих слов по отношению к П.р. различно. Они могут предшествовать П.р., следовать за ней, включаться в неё, включать в себя П.р. Это обуславливает степень интонационного единства авторской и П.р. Наибольшее интонационное единство достигается при включении вводящих слов в П.р. и при включении П.р. в авторскую. Слабой интонационная связь становится в тех случаях, когда вводящие слова предшествуют П.р.

П.р. наглядна, производит впечатление достоверности сообщаемого, подлинности и точности.

П.р. встречается как в устной, так и в письменной речи. Наиболее широкое распространение она получила в художественной литературе и публицистике. Писатель использует П.р. для создания художественного образа персонажа. Своеобразие речи позволяет ему указать на социальный слой, к которому принадлежит герой, род его профессиональной деятельности, уровень образования и культуры, а также раскрыть характер, определить индивидуальность действующего лица. В тоже время П.р. помогает избежать подробного описания внешности и поведения героя, что делает повествование сжатым и динамичным. Текст, содержащий П.р., экспрессивен и выразителен.

Лит.: Ахметова Г.Д. Прямая речь как словесный приём субъективации // Русский язык в школе. 2004. № 2; Бахтин М.М. К истории форм высказывания в конструкциях языка (опыт применения социологического метода к проблемам синтаксиса) // М.М. Бахтин. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000; **Большой энциклопедический словарь**. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. М., 2006; **Грамматика русского языка**. Том II. Ч. 2. М., 1960; Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Л., 1957; **Коньков В.И.** Прямая речь и цитата в тексте // Русская речь. 1980. № 4; Кузнецова С.В. Структурно-семантическая

характеристика прямой речи английского и русского языков: на материале художественных текстов: КД. М., 2007; Милых М.К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков, 1956; Скоморох М.М. Нестандартные способы включения чужой речи как проявление деиерархизации современной прозы // Rossica Petropolitana Juniora. Вып. 1. СПб., 2007; Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М., 2001.

С.В. Серова

ПРЯМОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. См. КОСВЕННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

ПРЯМОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА. См. ПОЛИСЕМИЯ

ПСЕВДОКОНТРАПЕТРИЯ. См. КОНТРАПЕТРИЯ

ПСЕВДОТЕРМИНЫ. См. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

ПСЕВДОЭВФЕМИЗМ. Обычно под эвфемизмом подразумевают «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-л. предмета или явления. *Он в почтенном возрасте* вм. *Он стар*; *Он пороха не выдумает* вм. *Он неумён* [Ахманова 1966: 521] (подробнее см. Эвфемизм). Эвфемизация как один из компонентов культуры речи может сделать её и гиперкорректной: *Дамы города N отличались, подобно дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством носового платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намёк на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведёт себя»* (Н. Гоголь).

Однако не только возможны, но и широко распространены замены номинаций одних и тех же реалий в манипулятивных целях, очевидно предназначенные для эффективного управления общественным сознанием с помощью выстраивания необходимой манипуляторам языковой картины мира. Эти приёмы, принципиально не новые, в послесоветском российском официозном дискурсе стали использоваться чрезвычайно интенсивно, начиная уже с самого названия наступившего в России времени – переходный период: «Переход должен быть процессом от чего-то к чему-то. От чего? От реального социализма? Но такого в реальности не было, как и не было его дефиниции. Что требуется менять, кроме передела государственной собственности, не выяснено... Переход к чему? Говорят, к демократическому государству. Но понимание его не соответствует не только общепринятому в развитых государствах, но и историческим реалиям российской государственности ... Поэтому “переходный период” из ничего в ничто просто обозначает ситуацию нестабильности и является неологизмом, закрывающим обсуждение неприятного вопроса о том, что же происходит» [Артамонова, Кузнецов 2003: 45]. Т.е. на практике П. заранее радикально устраняет саму возможность понимания обществом сути событий, их вектора и наиболее вероятных результатов.

Подобные примеры весьма многочисленны и в своей совокупности охватывают, по-видимому, все сферы деятельности государства, обычно – не самые привлекательные. Ср.: *административный ресурс* – вместо «злоупотребление представителями исполнительной ветви власти своими полномочиями во время проведения избирательной кампании»; *адресная помощь* – вм. «резкое сокращение материальной поддержки малообеспеченных граждан»; *высвобождение* – вм. «увольнение»; *восстановление конституционного порядка* (позднее – *контртеррористическая операция*) – вм. «война в Чечне»; *социальный* (рынок, магазин, маршрут, ресторан и т.п.) – вм. «предназначенный для малоимущих»; *человеческий фактор* – вм. «недисциплинированность», «халатность», «нарушение правил техники безопасности», «пренебрежение должностными инструкциями» и др. (употребляется также, когда виновных в так называемых техногенных катастрофах или в неудовлетворительной ликвидации последствий стихийных бедствий по каким-то причинам не могут или не хотят персонифицировать).

Особое место среди таких номинаций принадлежит именованию наиболее крупномасштабных социальных, политических и экономических трансформаций: перестройка – реформы – модернизация – оптимизация (вроде: *Оптимизация расходов в медицинских учреждениях* – «сокращение количества

больничных коек» (Прима ТВ. Новости. 17.12.04); *По мнению чиновников мэрии, то, что придётся платить гораздо больше, количество автобусов и маршрутов будет сокращено, а ездить придётся с пересадками и длинными интервалами, – и есть оптимизация работы городского транспорта* (7 канал. Новости. 28.08.08) и др.).

Впрочем, многие носители русского языка уже научились распознавать сущность и цели этих вербально-манипулятивных операций, ср.: *Почему всюду говорят, что это «реформа ЖКХ», а на самом деле – поднятие тарифов?!* (Вопрос телезрителя. – ТВК. 04.03.03); поэтому – по мере привыкания общественного сознания к таким П. – их состав постоянно меняется, образуя послесоветский новояз.

«Не близостью значений слов, а именно существенными различиями в их семантическом содержании и обусловлены эвфемистические замены» [Шмелёв 2003: 145]. Они родственны тем, которые определяют как «окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [Арапова 1990: 590] – однако элементы официозного публичного дискурса вроде вышеуказанных отнюдь не окказиональны: их использование имеет систематический, массивированный и целенаправленный характер, поэтому такие феномены допустимо квалифицировать как П.

Лит.: Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Артамонова Ю.Д., Кузнецов В.Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003; Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972; Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 2003.

А.Д. Васильев

ПСИХОЛИНГВИСТИКА – направление в современном языкознании, которое изучает речевую деятельность – процессы, протекающие в сознании человека в то время, когда он производит или воспринимает текст. Иначе говоря, предметом П. являются умственные механизмы воплощения смысла в текст и преобразования текста в смысл. В глубине данного направления лежит понимание языка как деятельности (*energeia*, по Гумбольдту).

Зарождение П. восходит к середине XX в. В 1953 г. в городе Блумингтон (США) состоялся Межуниверситетский научный семинар, результатом которого стала коллективная монография «*Psycholinguistics. A Survey of Theory and Research Problems*». Особую роль в организации семинара сыграл американский учёный Чарльз Осгуд; он же был автором и первой теории, объясняющей процессы «кодирования» (порождения) и «декодирования» (восприятия и понимания) текста.

С тех пор П. выработала собственные методики исследования; в основе своей это экспериментальная наука. Одной из наиболее распространённых методик является свободный ассоциативный эксперимент, суть которого сводится к следующему. Испытуемых просят ответить на заданное словостимул первой приходящей в голову словесной реакцией. Затем реакции упорядочиваются по частоте, и в результате статья Ассоциативного словаря (см.) имеет примерно следующий вид (после реакции приводится количество одинаковых ответов):

ДРУГ – товарищ 39, враг 30, верный 29, хороший 16, мой 10, недруг 9, близкий 5, настоящий, старый 4, брат, дорогой, надёжный, преданный, приятель 3, закадычный, лучший, любимый, он, собака 2, большой, вечный, в нужде, волк, давний, далекий, девушка, детства, добрый, дорога, друга, единственный, желанный, женщина, любовь, мальчик, милый, Мишка, муж, навсегда, не верится, нет, общий, откровенный, парта, первый, плохой, подлость, подруга, предатель, приходит, противник, сердечный, сестра, синий, собака – друг человека, честный, чудеса 1. N = 209 [Словарь ассоциативных норм русского языка 1977: 94].

Связи между стимулом и реакциями, а также реакций между собой позволяют моделировать структуру отношений между словами в сознании. При этом выявляются наиболее типичные, стандартные пути ассоциирования. Выделяются группы ассоциаций тематических, словообразовательных, синтагматических (сочетательных), парадигматических, цитатных, фонетических и др.; нередко они переплетаются между собой. Превалируют в сознании при этом смысловые, семантические связи (вспомним знаменитый рассказ А.П. Чехова «Лошадиная фамилия», давший основание для соответ-

ствующего фразеологизма в русском языке). Вместе с тем, экспериментальная методика помогает прояснить семантическую структуру слова-стимула, чем немало способствует совершенствованию лексикографической работы. В частности, в значении слова *друг* хорошо проявляется положительная коннотация (ср. определения типа *верный, хороший, настоящий, дорогой* и т.п.). Существуют опубликованные словари ассоциативных норм английского, немецкого, русского, польского, украинского, латышского и мн. др. языков.

В рамках П. намечается отпочкование отдельных «дочерних» дисциплин: нейролингвистики, изучающей участие мозга и в целом нервной системы в процессах речевой деятельности, онтолингвистики, занимающейся речью ребёнка, психопэтики, имеющей дело с художественными текстами, патологии речи, стремящейся понять природу многообразных отклонений от нормальной речевой деятельности, и т.д.

В Советском Союзе П. опиралась на труды выдающегося психолога и педагога Л.С. Выготского (первое издание его книги «Мышление и речь» вышло в 1934 г.). Долгое время здесь это научное направление именовалось теорией речевой деятельности, у его истоков стоял А.А. Леонтьев. Другими известными российскими психолингвистами были Н.И. Жинкин, А.Н. Соколов, И.Н. Горелов, Р.М. Фрумкина, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный, К.Ф. Седов. Институт языкознания РАН регулярно проводит конференции по П.

Особое внимание П. уделяет «отрицательному языковому материалу» (Л.В. Щерба) – допускаемым в спонтанной речи обмолвкам, опускам, ослышкам, очиткам. «Совершенно случайные обмолвки открывают иной раз глубокие просветы в области физиологии и психологии речи» [Пешковский 1959: 52].

Познание закономерностей производства и восприятия текста позволяет оптимизировать речевое общение и способствует достижению коммуникативного эффекта. Фактически, когда человек задаёт себе вопрос: «Можно ли так сказать?» или «Как лучше сказать?», то он ставит над собой психолингвистический эксперимент. Те же вопросы, предъявленные группе лиц, позволяют объективизировать картину выбора языковой единицы.

Одним из результатов психолингвистических исследований стало понимание того, как взаимодействуют между собой в процессах речевой деятельности левое и правое полушария головного мозга. Первое из них отвечает за анализ, за расчленение, за структурирование языковых единиц, второе – за их синтез, за целостную «картинку» ситуации. Последнее, в частности, обуславливает использование клишированных высказываний, воспроизводимых в речи в готовом виде, вроде русских: *Да ну?; Легко сказать; Бог его знает; Как бы не так!; С какой стати?; Ерунда на постном масле; По рукам!* и т.п.

Психолингвистическую трактовку могут получать также случаи отклонения от нормы, обусловленные дополнительным – эстетическим или фатическим – заданием. В частности, заложенная в языке возможность кооперации разных видов информации проявляется в феномене изосемии (Г.А. Золотова), т.е. соответствия друг другу лексических и грамматических значений. Скажем, нож, с точки зрения лексики, – типичный инструмент. А тв. падеж существительного, с точки зрения грамматики, – типичная форма, выражающая инструментальное значение. Поэтому *Тупым ножом трудно резать* – нормальная русская фраза. Но в выражении *Тупому ножу трудно резать* (В. Хлебников) это соответствие намеренно нарушается с целью достижения дополнительного эффекта. Следовательно, модель речевой деятельности должна включать в себя не только описание стандартных механизмов, обеспечивающих переход от языковой компетенции к речевому употреблению и обратно, но и природу «сбоев», или смущений, в этом процессе.

Лит.: Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М., 2003; Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.; СПб., 2003; Мазирка И.О. Психолингвистические основы вербальной характеристики личности и языковой картины мира героев художественной литературы: КД. М., 2008; Норман Б.Ю. Основы психолингвистики. Курс лекций. Мн., 2011; Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959; Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л., 1989; Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976; Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977; Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. Мн., 1996; Ушакова Т.Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. М., 1974; Prideaux G.D. Psycholinguistics. The Experimental Study of Language. New

York / London, 1985; **Psycholinguistics**. A Survey of Theory and Research Problems. Bloomington-London, 1965.

Б.Ю. Норман

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ — аналитический жанр публицистики. В статье обычно в развёрнутом виде представлены результаты исследования какой-л. актуальной общественной проблемы или события. П.с. в целом свойственны подчёркнутая логичность изложения, её текст строится как рассуждение от основного тезиса к его обоснованию и выводам.

П.с. является одним из самых популярных жанров современной публицистики. «Не случайно также, что, пожалуй, за исключением коротких сообщений, статьями называют огромное число публикаций различных жанров. Но когда речь заходит о вполне определённом жанре «статья» (в узком смысле этого слова), то под ней понимают публикации, анализирующие некие ситуации, процессы, явления, лежащие в их основе закономерные связи с целью определения их политической, экономической или иной значимости и выяснения того, какие позиции следует занять, как себя вести, чтобы поддержать или устранить такую ситуацию, такой процесс, такое явление» [Тертычный 2002: 150].

В П.с. «в языковом плане на уровне синтаксиса выделяется обилие средств, выражающих логические связи высказываний: союзы, вводные слова логического характера, слова и предложения, обозначающие вид логической связи, типа «приведём пример», «рассмотрим причины» и др. На уровне морфологии жанр характеризуется грамматическими средствами, позволяющими выразить формулировки закономерностей: настоящее абстрактное, ед. число с собирательным значением, абстрактные существительные. На уровне лексики наблюдается употребление терминов, в т.ч. и узкоспециальных с пояснениями, а также слов, называющих отвлечённые понятия. Используются, таким образом, средства языка, позволяющие оформить результат аналитической деятельности автора, который вскрывает закономерности развития явления, его причины и следствия, его значение для жизни общества» [Культура русской речи... 2003: 673].

Статья, будучи одним из основных и самых распространённых публицистических жанров, может содержать в себе признаки научного стиля в его популярной разновидности или элементы разговорной речи, в частности имитирующие устное общение с читателем по серьёзному вопросу. Как отмечает Л.М. Майданова, «в синтаксисе появляются конструкции, имитирующие разговорную речь: бессоюзные предложения, передающие причинно-следственные связи, разговорного типа присоединение. Уменьшается длина предложений. Текст насыщается разговорной лексикой, выражающей эмоциональную оценку предмета речи» [Там же: 674].

Основная функция статьи как публицистического жанра состоит, прежде всего, в том, чтобы объяснить читателям «как общественную, так и личную значимость актуальных процессов, ситуаций, явлений, их причинно-следственные связи» [Тертычный 2002: 150], способствовать размышлениям о проблемах, их обсуждению и выработке стратегии поведения как отдельного человека, так и больших общественных групп.

Одним из существенных жанровых признаков П.с. является масштабность излагаемых фактов, их разнообразие, всеобщая значимость обсуждаемых проблем. По этому признаку П.с. отличается от другого аналитического жанра – **корреспонденции**. «В отличие от корреспонденции, которая рассматривает ситуацию, ограниченную местом и временем, в статье отдельные ситуации представлены как часть более широкого явления. Статье присущи масштабность авторского взгляда, глубина обобщения. Её задача – проследить связь ситуации с социальными проблемами» [Мельник, Тепляшина 2004: 135].

Как и многие современные публицистические жанры, П.с. может вбирать в себя «элементы других жанров – репортажа, очерка, корреспонденции, интервью. Она становится более эмоциональной по тону, более личностной, хотя, разумеется, развитие мысли остаётся основой её структуры» [Основы творческой деятельности... 2000: 157].

Исследователи публицистических жанров и журналисты-практики говорят о таких разновидностях П.с., как **передовая** (по месту расположения в газете), **редакционная** (обозначающая позицию редакции издания по ключевому, наиболее актуальному вопросу номера), **теоретико-популяризаторская** (в популярной форме излагающая интересные научные факты и проблемы),

проблемно-постановочная (обозначающая суть проблемы и необходимость её решения), **критическая** (содержащая анализ проблемы, критику определённой позиции и формулирующая возможные подходы к решению вопроса), **публицистический комментарий**. «Также статьи можно классифицировать и по тематическому признаку – об экономике, политике, этике, международных событиях, искусстве» [Мельник, Тепляшина 2004: 135].

Существует и такая точка зрения, согласно которой вопрос о жанровых модификациях статьи не носит первоочередного характера. «С нашей точки зрения, вопрос о том, какие существуют разновидности статей, второстепенный и не носит принципиального характера» [Русская речь в средствах... 2011: 253–254].

Лит.: Антонова В.И. Аналитические жанры газетной публицистики: учеб. пособие. Саранск, 2002; **Культура русской речи**: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993; Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества: учеб. пособие. М., 2011; Майданова Л.М. Стилистические особенности газетных жанров: Лекции по спецкурсу. Свердловск, 1987; Мельник Г.С., Тепляшина А.Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2004; Основы творческой деятельности журналиста: учебник / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2000; Русская речь в средствах массовой информации: Речевые системы и речевые структуры. СПб., 2011; Смелкова З.С. и др. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты: учеб. пособие. М., 2002; Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М., 2002.

А.В. Щербаков

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ, или **ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ**, или **СТИЛЬ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ** (от лат. *publicus* – ‘общественный’), – один из функциональных стилей, обслуживающий широкую область общественных отношений – политических, экономических, идеологических и др. П.с. используется в политической литературе, в средствах массовой информации (СМИ): газетах, журналах, на радио, телевидении, в документальном кино. Публицистика стремится воздействовать на современное общественное мнение, нравы и политические институты. П.с. отличается тенденциозность (часто открытая), полемичность, эмоциональность, образность; ему близки интонации, строй и функции ораторской речи. Тематически диапазон П.с. практически неограничен: политика, идеология, философия, экономика, культура, спорт, повседневный быт, текущие события (неслучайно публицистику называют «летописью современности»).

Главная задача П.с. – комментирование, оценка фактов, событий. П.с. реализует прежде всего воздействующую, а также информативную функцию. Взаимодействие этих функций составляет языковую специфику П.с. Информативная функция ведёт к формированию нейтрального слоя словаря, речевых стандартов, строевой лексики, необходимой для словесного оформления сообщений. Воздействующая функция обуславливает наличие и формирование оценочной лексики – прежде всего концептуальной, т.е. идеологической, общественно-политической (концептуальные слова, как правило, оценочны). Это наиболее важный лексический разряд П.с. – ключевые слова, характеризующие социально-политическую направленность текста. Воздействующая функция формирует большой разряд оценочной (неконцептуальной) лексики (см. Язык средств массовой информации). Концептуальной публицистической лексике принадлежит ведущая роль в формировании общественных стереотипов или идеологем. Словарь П.с. включает также прецедентные имена: *Кремль*, *Сколково*, *Селигер* и высказывания (*Россия – вперёд!*), которые становятся прецедентными за счёт их массового тиражирования.

На базе основных функций – информационной и воздействующей – в данном стиле выделяются два подстиля: информационный и собственно публицистический. Каждый подстиль обладает развитой системой жанров. Традиционно различают информационные жанры (новость, репортаж, интервью, анонс и др.), аналитические жанры (статья, рецензия, комментарий и др.), художественно-публицистические жанры (очерк, эссе, фельетон, памфлет и др.). Информационные жанры лежат в основе бытования информационного подстиля, аналитические и художественно-публицистические – в основе собственно публицистического подстиля. В постсоветской журналистике устоявшаяся сис-

тема жанров трансформировалась. Исследователи говорят о смешении жанров, явлении гибридации, разрушении жанровых границ, транспонировании жанровых форм, появлении новых жанров в СМИ (Г.Я. Солганик, В.И. Коньков, Л.Г. Кайда и др.). Но, тем не менее, активное перераспределение жанровых форм происходит всё же в границах данного стиля.

Материалом для формирования словаря публицистики выступает вся общелитературная лексика. В результате публицистической специализации разнородная по составу, тематике, языковым качествам общелитературная лексика трансформируется в единые, функционально и стилистически однородные разряды публицистической лексики. Напр., основной путь формирования публицистической лексики из специальной – переносное её использование, сопровождаемое развитием в ней социально-оценочной окраски (*сцена, арена, агония, артерия, раковая опухоль*).

Социальная оценочность – одна из главных особенностей языка публицистики, нуждающейся не только в номинации явлений, фактов, событий, но и в их социальной оценке, интерпретации. Социальная оценочность определяет главные процессы, происходящие в языке П.с. Так, для периода 50–80 гг. XX в. характерно обусловленное идеологическими причинами резкое разграничение языковых средств на позитивно- и негативнооценочные (ср. *веха, форум, свершение и злодеяния, клика, клеймить*). В 90-е гг. действие социальной оценочности сохраняется, но она принимает более тонкие формы: исчезает резкое разделение языковых средств на положительные и отрицательные, многие слова меняют знак оценки на противоположный (*бизнес, бизнесмен*) или нейтрализуются (*элита*). Широкое распространение получает ирония как средство не прямой оценки, позволяющая в условиях отсутствия в обществе чётких идеологических ориентиров избегать выражения собственных позиций.

Действие социальной оценочности проявляется и на уровне речи, прежде всего в характере публицистического субъекта – автора. Если в художественной литературе лицо, от которого ведётся повествование, и личность писателя принципиально неотожествимы, то в публицистике автор, каким он предстаёт в произведении, это подлинная, конкретная личность. Между ним и текстом нет посредствующих звеньев. Производитель речи и её субъект – одно и то же лицо. Отсюда проистекают главные особенности публицистической речи – её открытость, субъективность, эмоциональность, тенденциозность.

В категории автора публицистического произведения можно выделить две составляющие, две черты, имеющие определяющее значение для П.с.: автор – человек социальный и автор – человек частный. О чём бы ни писал публицист, он всегда выступает как человек социальный, выражающий те или иные групповые, партийные интересы, но в то же время говорящий от своего собственного имени, проявляющий свою авторскую личность.

Совместное действие названных составляющих (в чистом виде они встречаются крайне редко) в сочетании с другими факторами формирует многообразные специализации (типы) автора: пропагандист/агитатор, полемист, репортёр, летописец, художник, аналитик, исследователь и др.

Понятие образа автора тесно связано с понятием интенции. **Интенция** – это основное коммуникативное намерение автора, инициирующее создание текста. Коммуникативное намерение автора-публициста – убедить читателя не просто в правомерности, а именно в правильности авторской трактовки действительности. И весь публицистический текст (включая не только его идею, но и формальные речевые средства её воплощения) организуется под контролем этой глобальной авторской интенции.

Важнейшее базовое понятие П.с. – **идеологема**, предполагающая целенаправленное воздействие со стороны адресанта на сознание адресата с помощью заранее заданной идеи (напр., *социальное государство*). Идеологема закрепляют в общественном сознании определённую идеологическую и аксиологическую социумную модель. Не менее важна для публицистики и такая структурно-стилевая доминанта, как **социальная оценочность** [Солганик 2000]. Оценка в СМИ – это не только оценка индивидуальная, отражающая точку зрения конкретного журналиста. Оценка в СМИ – это оценка определённых идеологических групп общества, отражённая автором в своих текстах. Особую роль в П.с. играет категория **стилистической тональности**. Она зависит от авторской интенции, от идеологической позиции автора, его мировоззренческих, этических и эстетических установок. В современной публицистике выявляются три типа стилистической тональности – позитивная (одобрительная), негативная (нередко выливающаяся в речевую агрессию) и намеренно объективная (нейтральная). Специфичен образ адресата в П.с. Журналистская практика рассчитана на самые широкие слои населения, на массового адресата. Тем не менее массовость не означает однородность аудитории. адре-

санта создаёт свои произведения с чёткой ориентацией на «своего» адресата – вдумчивого, анализирующего или, наоборот, «лёгкого» читателя.

Естественная форма бытования П.с. – письменная речь. Но он реализуется и в устной форме: в докладах, речах, выступлениях на собраниях, митингах, в государственных и общественных организациях.

П.с. занимает ведущее место в стилистической структуре РЛЯ. По силе и масштабу влияния на развитие литературного языка, формирование языковых вкусов, речевых норм он превосходит художественную речь. Особенно в этих процессах велика роль СМИ. Многие новые средства литературного выражения рождаются и проходят апробацию сначала в П.с. Однако следует иметь в виду и возможность отрицательного влияния СМИ на литературный язык (злоупотребление заимствованиями, жаргонизмами, вульгаризмами, нарушение языковых норм и т.д.).

Лит.: Аргументация в публицистическом тексте. Свердловск, 1992; Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978; Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994; Лазарева Э.А. Системно-стилистическая характеристика газеты. Екатеринбург, 1993; Лысакова И.П. Язык газеты: социолингвистический аспект. Л., 1981; Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. Екатеринбург, 1987; Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. Л., 1975; Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978; Солганик Г.Я. Лексика газеты. Функциональный аспект. М., 1981; Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000; Солганик Г.Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; Цао Юэхуа. Эволюция газетно-публицистического стиля на рубеже XX – XXI в.: лексический аспект: КД. М., 2004; Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / под ред. Д.Э. Розенталя. М., 1980; Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. М., 2008.

Г.Я. Солганик, Н.И. Клушина

ПУБЛИЧНЫЙ МОНОЛОГ. Человеку любой профессии, будь он политик или педагог, журналист или юрист, врач или менеджер, важно уметь грамотно и эффективно общаться, быть ясным и точным, уместным и выразительным в суждениях, а главное – убедительным. Часто возникают ситуации, в которых приходится выступать в роли оратора с П.м.

Как показывает практика, не всегда выступающему удается побороть «ораторский страх» и чувствовать себя в аудитории уверенно, когда он предстает перед слушателями с деловой презентацией, докладом, сообщением или небольшим объявлением. Не всегда удаётся воздействовать словом и аргументированно отстаивать свою позицию или ярко и эмоционально выступить с поздравительной речью в кругу родных, друзей, коллег. Всё это требует определенных знаний и практических навыков. Всему этому учит ораторика – раздел общей риторики о теории и практике П.м. (см. Ораторика).

Ритор во время подготовки выступления проходит путь от мысли, от идеи текста к её словесному воплощению. Этот путь называется риторическим каноном и складывается из пяти этапов: это изобретение (инвенция), расположение (диспозиция), речеоформление (элокуция), запоминание (мемория) и представление речи (акция).

Первый этап, создание речи, является одним из сложных видов ораторской деятельности. Вначале оратор должен продумать *тему* – это то, о чем будет говорить, и сформулировать её ясно, лаконично и доходчиво. Кроме того, им должна быть осознана *цель* выступления, или риторское намерение. Хочет он что-то сообщить аудитории, в чем-то её убедить или произнести речь так, чтобы поднять дух, настроение слушателей? В зависимости от цели речи делятся на информационные, убеждающие, агитационные, воодушевляющие, развлекательные. Исходя из замысла, оратор выбирает определённую тактику при составлении речи.

На втором этапе, этапе расположения, или композиции, ритор продумывает вступление, основную часть и заключение П.м.

Вступление преследует несколько целей: сообщить тему, расположить к себе аудиторию, уловить психологическое состояние слушателей, эмоционально настроиться на неё и настроить слушателей на восприятие речи. Оратор может прибегнуть к юмору, рассказать какой-то случай, задать вопрос слушателям. Эти приемы помогут установить контакт с аудиторией, создать благоприятную обстановку для работы. Как писал А.Ф. Кони, известный русский адвокат XIX-го века и блестящий оратор, первые слова должны быть просты, понятны, доступны и интересны. Вступление не должно быть аморфным, затянутым, многословным или слишком пафосным.

Есть разные типы вступления, причем выбор его зависит от характера темы, типа аудитории, особенностей речевой ситуации. Как можно начать свою речь? С вопроса или цепочки вопросов – такое начало речи всегда удачно. С интересом воспринимается вступление, начатое с яркой цитаты, афоризма, поговорки, пословицы, меткого высказывания. Слушателей привлекает неожиданное начало, спорный вопрос или частный случай, факт, пример, которые бы ярко отражали суть предложенной темы или проблемы.

Переходя к основной части речи, важно продумать «композиционную модель», или «композиционный ход», то есть способ развёртывания содержания темы. Существуют *хронологический, композиционный, сопоставительный, ступенчатый* или *логический* методы изложения материала. На разных этапах текста используется наиболее уместная композиционная модель. Это позволяет повысить информативность речи, внести разнообразие в её содержание, сделать построение материала оригинальным, следовательно, усилить его воздействие на слушателей.

Чтобы аудитория воспринимала речь как целое, необходимо пользоваться словами-связками, или логическими разводками, которые бы указали на связи композиционных частей и фрагментов, связали их между собой. Это могут быть глаголы *начнем, продолжим, завершим*; наречия *итак, далее, следовательно, таким образом, во-первых, во-вторых, в-третьих* и т.д. Кроме того, помогут слушателям ориентироваться в предлагаемой информации слова-маркеры: *особо хочу подчеркнуть, прежде всего, обратите внимание, что особенно важно, приведу пример* и т.д.

Таким образом, композиция речи является важным этапом в процессе создания публичного выступления и требует продуманности и творческого подхода.

Важным на пути от мысли к слову является этап речеоформления, превращения замысла речи, ее изобретенного и в определенном порядке расположенного текста в реальный, то есть вербальный текст. Выступление оратора предполагает устную форму, следовательно, следует избегать излишней «закниженности», не увлекаться конструкциями и лексикой типично письменной речи: причастными и деепричастными оборотами, многочленными словосочетаниями, любыми осложненными конструкциями, отглагольными существительными и т.д. Так, одним из условий эффективности П.м. является правильное соотношение качеств устной и письменной речи, или требование «естественности», «разговорности» речи. Другим важным качеством грамотной публичной речи становится диалогизация, то есть использование в ней вербальных приемов установления и поддержания контакта со слушателями, намеренное включение в речь элементов диалога: местоимения *мы, наши*; глаголы повелительного наклонения *посмотрите, представьте себе*; обращения; вопросы и вопросно-ответное единство. Наконец, эффективность речи зависит от ее выразительности. Оратору важно заботиться о собственном стиле говорения – умении говорить оригинально, нестандартно, самостоятельно, умело используя в речи яркие сравнения, эпитеты, метафоры и другие образные средства. Штампы, канцеляризм, речевые шаблоны, напротив, портят речь, лишают ее живости, действенности. Итак, в речевом оформлении важно учитывать требование «устности», диалогизации и выразительности.

На четвертом этапе оратор осуществляет запоминание уже подготовленного текста речи, которое проходит по-разному в зависимости от способности говорящего: внимания, воображения, умения сосредоточиться, от его лексического запаса и т.д. (см. Запоминание речи).

Пятый этап – представление речи, во время которого очень важны технические параметры речи, а именно: чёткость дикции, интонационная точность и выразительность, разнообразный темп и т.д. Кроме того, эффективность выступления зависит от умения оратора управлять вниманием аудитории.

Сведения из теории риторики о законах и правилах создания речи позволяют человеку повысить свою речевую образованность, развить навыки ораторства: работать с информацией, грамотно выстраивать выступление, формировать выразительную речь через яркое слово и благозвучное произношение, умело общаться со слушателями во время представления речи.

Лит.: Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996; Кохтев Н.Н. Риторика. М., 1996; Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. М., 2002; Сопер П. Основы искусства речи. М., 2000; Стернин И.А. Практическая риторика. Воронеж, 2005; Марченко О.И. Риторика в контексте культуры // Введение в культурологию / под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. СПб., 2003.

С.В. Меньшенина

ПУНКТУАЦИОННЫЕ НОРМЫ – совокупность правил пунктуации, которые регламентируют на письме употребление или неупотребление определённых знаков препинания в предложении и тексте. Так, в предложении *Пушкин – поэт* постановка тире является П.н., а её отсутствие считается Пунктуационной ошибкой (см.). Пунктуационное правило представляет собой особую инструкцию, определяющую перечень условий для выбора необходимого знака пунктуации и места его постановки. В одном и том же пунктуационном правиле могут быть и разрешающие, и запрещающие условия. Напр., между однородными членами предложения необходима постановка запятой (запятых), однако если последний однородный член присоединён союзом *и*, то запятая не ставится (ср.: *На столе лежат книги, тетради, карандаши* и *На столе лежат книги, тетради и карандаши*).

Среди знаков препинания выделяют: 1) разделительные конечные (точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие «обрыва»); 2) разделительные середины предложения (запятая, точка с запятой, тире, двоеточие, многоточие «разрыва»); 3) выделительные середины предложения (многоточие, парные скобки, тире, запятые, кавычки). Знаки препинания способствуют ясности в изложении мыслей. Знаки восклицательный и вопросительный, а также многоточие и тире выражают намерения говорящего и его отношение к слушающему.

Правила пунктуации определяются действием трёх принципов: грамматического, смыслового, интонационного. Грамматический принцип является ведущим с точки зрения основ пунктуации, поскольку большинство правил пунктуации опирается именно на него. Эти правила отражают синтаксический строй речи. Смысловый принцип является ведущим с точки зрения назначения пунктуации. Синтаксические структуры существуют для того, чтобы передавать мысли и эмоции, поэтому структура, смысл и интонация совмещаются. Напр., в предложениях *Ходить долго – не мог* и *Ходить – долго не мог* имеет место так называемое интонационное тире, не связанное с грамматическими (синтаксическими) правилами. Различаясь по своему удельному весу, принципы сложно взаимодействуют между собой: стабильность русской пунктуации опирается на грамматический принцип, а возможности передавать разнообразие семантико-смысловых оттенков и эмоций определяются смысловым и интонационным принципами [Валгина 1972; 2001: 239–276].

Наряду с нормативным или ненормативным употреблением знака препинания имеет место колебание нормы, т.е. варианты П.н. Напр., пунктуационно-смысловой отрезок в разных позициях может выделяться разными знаками препинания, нормативно закреплёнными в соответствующем правиле: в предложениях *Маша, сходи в магазин за молоком* и *Маша! Сходи в магазин за молоком* один и тот же смысловой отрезок выделен разными знаками препинания. В обоих случаях реализована П.н. (о вариантности в современной русской пунктуации см. [Шварцкопф 1988: 150–186; 1995: 46–52]). Пунктуационные варианты допускаются в бессоюзном сложном предложении. Так, в «Справочнике по правописанию, произношению, литературному редактированию» указывается, что если в первой части бессоюзного сложного предложения возможна вставка слов «и увидел, что», «и услышал, что» и т.п., то предпочтительнее ставить двоеточие, однако допускается постановка тире [Розенталь и др. 1998: 147], ср.: *Я прислушался: в лесу работала пила <...>* (Вовремя. 2010. № 3) и *Посмотрел на небо – закат полыхал* (Вовремя. 2010. № 3). Также есть пунктуационные варианты, связанные с обособлением или необособлением оборотов со словами *кроме, вместо, помимо, вследствие, ввиду, благодаря* и др. В этом случае употребление знака препинания зависит от смысловой нагрузки оборота [Там же: 112–113]. Варианты в сфере пунктуации обусловлены избыточностью пунктуационной системы, синонимическими рядами знаков препинания [Шварцкопф 1995: 48]. Использование альтернативных знаков допустимо тогда, когда взаимозамена этих знаков не препятствует правильному восприятию структурных, семантических и интонационных особенностей синтаксической единицы.

П.н. русского языка утверждены в 1956 году Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Они содержатся в книге «Правила рус-

ской орфографии и пунктуации» (М., 1956), где в 76-ти параграфах изложены правила пунктуации. В 2007 г. издана новая редакция этих Правил (167 параграфов). Они ориентированы на современный языковой материал и учитывают существующую практику письма: «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (М., 2007). Справочник предназначен для самого широкого круга читателей. Этот справочник, в отличие от предыдущего, включает в себя раздел «Знаки препинания при оформлении перечней и правила рубрицирования» (§ 164–167). Здесь предписывается соблюдение некоторых технико-пунктуационных требований при оформлении рубрик (разделов, подразделов, глав, подглавок и т.д.), что связано с требованием логической чёткости текста. Этот справочник является базовым источником для составителей многочисленных словарей и справочников, учебников и учебных пособий по пунктуации для школьников и абитуриентов.

Лит.: Валгина Н.С. Принципы русской пунктуации. М., 1972; Валгина Н.С. Трудные вопросы пунктуации. М., 1983; Валгина Н.С. Некоторые тенденции в современной русской пунктуации // Активные процессы в современном русском языке. М., 2001; Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Орфография и пунктуация: Справочник. М., 1996; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Пеньковский А.Б., Шварцкопф Б.С. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация. М., 1979; Правила орфографии и пунктуации. М., 1956; Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации. М., 1997; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; Шварцкопф Б.С. Опыт интерпретации современной русской пунктуации в аспекте «система – норма» // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. ст. М., 1995; Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и её функционирование. М., 1988; Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка. М., 2006.

Т.М. Григорьева, М.В. Веккесер

ПУНКТУАЦИОННЫЕ ОШИБКИ – нарушения норм пунктуации, которые происходят в результате неиспользования или неправильного использования пишущим необходимого знака препинания. П.о. противопоставляются Пунктуационной норме (см.), отражённой в пунктуационном правиле.

1. Отсутствие нужного знака: *Лес, расположенный за рекой – самое грибное место в округе.* В этом случае ошибка связана с отсутствием второй запятой, которая ставится после обособленного определения, выраженного причастным оборотом.

2. Лишний знак препинания: *Николай рассказал, как началось его знакомство с учителем в школе(,) во время собрания.* Между обстоятельствами не должно быть запятой, т.к. они не являются однородными (обстоятельства места и времени); не следует ставить запятую между однородными придаточными, соединёнными союзом *и*: *Такое впечатление, что гуляют во всемирном кабаке богатые купцы или старатели(,) и каждый норовит переплюнуть соседа* (Вовремя. № 5. 2010).

3. Употребление не того знака: *Легко строить – покупая под заказ.* Вместо тире следует ставить запятую, которая обособляет обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом; *Я – средне-статистический старшеклассник, немного увлекаюсь спортом, читаю классическую литературу* (Вовремя. 2010. № 3.). Если рассматривать в этом высказывании «среднестатистический старшеклассник» как приложение к местоимению «я», то следует поставить запятую; если же рассматривать его как предикат(сказуемое), то следует оставить тире.

4. Постановка запятой не на том месте, где она требуется: *У меня есть подруга отец, которой работает агрономом.* Вместо *У меня есть подруга, отец которой работает агрономом.*

В настоящее время часто встречаются следующие П.о.:

1) Нарушения норм пунктуации, связанные с употреблением запятой на стыке двух союзов: *Темнота быстро сгустилась, и хотя лошадь спокойно тащила телегу, начало казаться, что каждый шаг становится всё опаснее.* Между сочинительным *и* и подчинительным союзом *хотя* следует ставить запятую, потому что выделяется придаточная часть *хотя лошадь спокойно тащила* (придаточная часть может быть переставлена в другое место); *После выступления юной солистки зрители по-*

чувствовали, **что**(,) **если** даже исполнительнице и не удалось в полной мере воплотить на сцене замысел режиссёра, **то** всё равно они присутствовали при рождении большого таланта. В этом предложении наоборот не должны разделяться запятой два подчинительных союза *что* и *если* (невозможно изъятие или перестановка придаточной части *если даже исполнительнице и не удалось в полной мере воплотить на сцене замысел режиссёра*) (см. [Розенталь и др. 1998: 136–137]);

2) Слова типа *наконец*, *вообще*, *по крайней мере*, *прежде всего*, *скорее всего* не выделяются запятыми в случае, если они не являются вводными: **В первую очередь**(,) человек должен работать над собой, а затем критиковать других. Сочетание *в первую очередь* не может быть квалифицировано как вводное сочетание слов, т.к. это обстоятельство, о чём свидетельствует возможность его замены наречиями *сначала*, *прежде* (см. [Там же: 117–124]);

3) Ошибочная постановка запятой в оборотах с союзом *как*: *Берёзки в осеннем лесу*(,) **как** золотые статуэтки. Перед союзом *как* запятая не ставится, поскольку он входит в состав сказуемого; *Мы знаем Грецию*(,) **как** страну древней античной культуры. В этом случае *как* употреблено в значении «в качестве», поэтому запятая не нужна (см. [Там же: 141–145]);

Характер П.о. определяется принципом русской пунктуации. Нарушение грамматического (структурного) принципа ведёт к грубым ошибкам. К такого рода ошибкам относится пропуск тире между подлежащим и сказуемым: *Жизнь генерала служение Родине*; постановка запятой перед частицей в составе сказуемого: *Наш дом, как сад* и пр. Смысловый принцип допускает субъективную оценку пишущим пунктуационного случая, поэтому его нарушение имеет следствием негрубые ошибки, напр. в случае с правилом постановки знаков препинания при однородных членах предложения, т.к. однородность определяется скорее семантически, чем грамматически: *Событие глубоко потрясло героиню рассказа: домой вернулась уже **слабая, некрасивая** хозяйка*. В разряд негрубых ошибок можно отнести выделение запятой деепричастий в оборотах типа: *Через дорогу, не спеша, шли ребята из соседнего двора*. Возможность обособления связана с контекстом (см. [Там же: 110–111]). Негрубыми П.о. считаются постановка запятой вместо точки с запятой в сложном предложении.

К П.о. приводят следующие причины: незнание пунктуационной нормы; коммуникативно-речевая основа постановки знаков препинания, связанная с выделением смыслов, которые необходимо обозначить средствами графики; достаточно сложная грамматика; наличие ограничений в употреблении знаков препинания в одной и той же синтаксической позиции; возможность семантически по-разному членить коммуникативную единицу; незнание опознавательных признаков смысловых отрезков, подлежащих выделению знаками препинания; смешение условий выбора знаков препинания, приводящее к созданию пишущим ложных правил и нек. др.

Лит.: Бутакова Л.О. Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 2; Валгина Н.С. Некоторые тенденции в современной русской пунктуации // Активные процессы в современном русском языке. М., 2001; Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Орфография и пунктуация: Справочник. М., 1996; Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Правила орфографии и пунктуации. М., 1956; Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации. М., 1997; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

М.В. Веккесер

ПУРИЗМ (от лат. *pūrus* – ‘чистый’) – в широком смысле движение за строгое соблюдение существующих в данный исторический период норм литературного языка, против заимствований из иных языков, диалектов, вообще против всяческих нововведений в лексике и грамматике языка: неологизмов, новых словообразовательных моделей и стилистических конструкций, стилистических новшеств. Чаще термин используется в узком смысле как борьба за «очищение» национального языка от иноязычных слов. В обоих значениях различают умеренный П. как явление положительное и радикальный (неумеренный, реакционный, ультрапуризм) как проявление излишнего консерватизма,

непонимания неизбежности развития языка и закономерности взаимовлияния языков, игнорирования роли интернационализмов, прежде всего в терминологических системах.

Наиболее остро П. проявляется в исторические эпохи становления литературных языков, периоды коренных изменений в общественно-политической и экономической жизни общества, подъёма демократического движения, войн, революций, поэтому он нередко оказывается связанным с различными политическими и культурными течениями конкретного общества. В периоды интенсивного пуристического движения возрождаются архаизмы, в т.ч. устаревшие имена собственные, активно используются коренные лексемы в словообразовании, кальки вместо собственно заимствований.

Движущая сила П. – стремление к сохранению самобытности родного языка, национальной культуры, использованию всего арсенала заложенных в его системе выразительных средств. Поэтому умеренный П. воспринимается как синоним борьбы за культуру родной речи. Ультрапуризм смыкается с ксенофобией. Так, воинствующие немецкие пуристы, апеллируя к национальному сознанию, национальной гордости немецкого народа, приравнивали «иностранщину» к государственной измене в вопросах языка.

В истории РЛЯ наиболее яркими представителями П. в XIX в. были А.С. Шишков, глава организованного им литературного общества «Беседа любителей русского слова», а также Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, М.П. Погодин; тяготел к ним и В.И. Даль. «Шишковистам» противостояли «карамзинисты», демократические критики во главе с В.Г. Белинским.

Выражением критического отношения к неоправданному использованию в русской речи иноязычных слов, сочетающемуся с их неправильным употреблением и плохим произношением, стало крылатое выражение А.С. Грибоедова о смешении «французского с нижегородским». Альтернативы иноземным словам, предлагавшиеся «шишковистами», часто оказывались неубедительными, неточными, комичными и подвергались осмеянию: *фортельно – тихогром, карниз – прилепа, зеркало – сверкальцо, галоши – мокроступы, горизонт – небозём, адрес – насылка, пенсне – носохватка, эгоист – самотник, консерватор – боронитель, эгоизм – ячество* и мн. др. Однако были и удачные предложения. Так, поэт и филолог В.К. Тредиаковский ввёл в обиход русские варианты западноевропейских слов, передающих философские понятия, напр.: *existential – ‘бытность, бытие’, substantia – ‘существо’, essential – ‘сущность’, intelligentia – ‘разумность’, sensation – ‘чувственность’*.

В России в 90-е гг. XX века в русской речи, устной и письменной, – в рекламе, названиях иностранных и совместных с иностранными предприятий, в профессиональном сленге – появилось такое количество англо-американизмов, что говорят о формировании «американо-нижегородского», шире, «германо-романо-русского сленга», «русангла», «интеррусского». В этом смысле можно приветствовать П. в его положительном значении.

Лит.: *Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Володарская Э.Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление // Вопросы филологии. 2001. № 1; Геерс М.Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии: КД. Тверь, 2002; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. М., 1997; Старичёнок В.Д. Большой энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 2008; Шаматовская З.Э. В. И. Даль и языковой пуризм // Проблемы диахронического анализа грамматического строя русского языка (сб. трудов). Вып. 10. М., 1977.*

А.А. Бернацкая

РАЗГОВОРНАЯ БЕСЕДА – диалогический жанр разговорной речи, образец Фатического общения (см.), а именно – непосредственный неофициальный устный разговор двух и более лиц, содержанием которого является взаимный обмен мыслями и чувствами, а основной целью – само общение, неторопливое, продолжительное, интеллектуально полезное и психологически насыщенное. «Блаженнейший беседы зной» (А. Ахматова) эмоционально обогащает собеседников, позволяет им прочувствовать радость общения. Данный жанр представляет собой национально-культурную ценность в духовной сфере, искусство собеседника – показатель совершенного владения языком.

Факторы формирования разговорных жанров – это, прежде всего, тип ситуации и мотивировка общения. Р.б. реализуется только в условиях свободного, в т.ч. специально для этого выделенного времени, её предпосылкой выступает расположенность собеседников к содержательному дружелюб-

ному общению. Участники Р.б. имеют равные права на речевую активность, сближенные психологические позиции (даже люди с большой возрастной или социальной разницей в беседе стараются вести себя как равные), настрой на уважительность и общение как взаимно приятное и полезное занятие.

Лингвотекстовые особенности Р.б. заключаются в следующем. Композиционно-стилистическим жанрообразующим признаком Р.б. является чередование развёрнутых высказываний, микромонологов, с короткими репликами или сериями таких реплик. Данный прозаический ритм отражает сочетание речевого лидирования одного из собеседников с речевым поддержанием лидера со стороны другого (других). В роли лидера могут попеременно выступать разные собеседники, но возможен и другой вариант, при котором лидерство по преимуществу принадлежит одному из собеседников на всём протяжении Р.б. (последнее обычно при участии в беседе доминирующей над остальными личности – общепризнанного авторитета в профессии, нравственного лидера и т.п.). Риторический идеал Р.б. заключается в ритмичном взаимообмене коммуникативным лидерством, что подчёркивает психологическое равенство собеседников. Чрезмерное речевое доминирование снимает такое равенство и может привести к разрушению жанра. Микромонологи Р.б. могут соответствовать различным Функционально-смысловым типам речи (см.), некоторые из них строятся по жанровым законам монологической речи (разговорный рассказ, анекдот, тост, притча, байка), т.е. представляют собой текстовые включения в достаточно свободную диалогическую структуру Р.б.

В непринуждённых беседах, как правило, отсутствует заранее известная тема, тематика очень широка (реалии быта, события науки и культуры, персоналии и т.д.) и может меняться по ходу разговора. В то же время Р.б. отнюдь не бессодержательна, напротив, это интеллектуально насыщенный жанр, часто обращённый не к бытовым, а к духовным вопросам. Беседы расширяют кругозор личности, учат, воспитывают. Характерный содержательный признак Р.б. – завершение темы аналитическим обобщением интеллектуального или нравственного характера. В пределах жанра уравновешено соотношение предметных тем и Я-тематике. Глубина проработки той или иной темы зависит от разновидности Р.б. (см. ниже). Табуирование (запрет на определённую тематику) для Р.б. не характерно, хотя выраженная гедонистическая ориентация влияет на отказ от целого ряда тем. В целом категория темы существенна, но подчинена принципам общения, характерным для беседы.

Тональность – ведущая текстовая категория Р.б., представляющей собой обмен не столько сведениями, сколько мнениями, впечатлениями, оценочными характеристиками. Доминирует в Р.б., при всём многообразии конкретных чувственных проявлений, спокойная душевная интонация. От каждого из собеседников в идеале требуется искренность и внимательность, готовность доброжелательно откликаться на речевые поступки партнёра, такт и чувство меры. Участник беседы должен выражать заинтересованность в общении: заботиться о позе внимания и внимательном взгляде, использовать словесные и жестовые речевые поддержки (см. Речевое поддержание), обращаться к собеседнику по имени, задавать развивающие тему вопросы, при желании высказать несогласие – делать это кратко, сдержанно и тактично.

Р.б. реализуется в ряде разновидностей: светская (этикетная) беседа (см. Светская беседа) – поверхностное обсуждение ряда нейтральных тем (погода, последние новости, искусство, спорт и т.д.), обычно происходящее между малознакомыми или знакомыми в разной степени людьми в ситуации публичного общения; Семейная беседа (см.), объединяющая членов семьи и её ближайший круг; душевный разговор – беседа «один на один» с обсуждением глубоко личных, сокровенных тем; застольная беседа – как правило, полилог во время праздничного угощения.

Р.б., развившаяся на базе разговорного жанра болтовни как более сложный в содержательном и формальном отношении композиционный тип речи на стыке диалогической и монологической традиции, в свою очередь, является генетически первичной для аналогичного жанра официально-деловой речи – Деловой беседы (см.), публицистического Интервью (см.), беседы как учебно-научного и просветительского жанра – интеллектуально насыщенного монолога, в котором применяются диалогические речевые структуры и предполагается реальный или мыслимый обмен мнениями с адресатом текста.

Лит.: **Абрамов Н.** Дар слова. СПб., 1902; **Борисова И.Н.** Русский разговорный диалог: проблема интегративности: ДД. Екатеринбург, 2001; **Гаврилова Е.В.** Реализация разговорных жанровых прототипов в художественном тексте: на материале современной франкоязычной литературы: КД. Н. Новгород, 2008; **Кошанский Н.** Частная риторика. СПб., 1836; **Левонтина И.Б.** Время для частных бесед // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994; **Матвеева Т.В.** К вопросу о

ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // *Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов, 1997*; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996; **Топф К.** Искусство непринуждённой беседы. М., 2008.

Т.В. Матвеева

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА – один из основных разрядов словарного состава литературного языка, наряду с книжной и общеупотребительной лексикой. Преимущественной сферой функционирования Р.л. является неформальное общение в условиях межличностной коммуникации. Подразделяется на 2 больших разряда: **литературно-разговорную** (*заочник, раздевалка, задумка, залежалый* и т.п.) и **разговорно-обиходную** (*бутуз, бедлам, крепьши, лебезить, помаленьку, хохмач* и тому подобные слова и выражения, которые используются преимущественно в повседневном обиходе). М.И. Фомина и некоторые другие авторы относят к Р.л. также разговорные слова с ограничением сферы употребления: обиходно-бытовое просторечие (*хворь, племяш* и т.п.), разговорно-терминологические (*касторка, диабетик*), разговорно-профессиональные (*баранка, горючка*), разговорно-жаргонные (*крутая машина*), узкодиалектные, арготические и грубо-просторечные (*башка, замызганный* и т.п.) слова и выражения [Фомина 1990: 247–254]. Для Р.л. характерны уменьшительно-ласкательные и увеличительные суффиксы (*мамочка, бородища, скворушка, юбчонка* и др.), частотны приставочные образования (*заслушаться, прехорошенькая, разболтать, попридержать*), междометия и звукоподражательные слова (*ох, бах, тресь* и др.). В составе Р.л. выделяется большая группа эмоционально-экспрессивных и образных слов, куда относятся: 1) наименования, лексическое значение которых включает дополнительный компонент оценки чего-/кого-л. (*разгильдяй, допотопный* и т.п.); 2) слова с суффиксами субъективной оценки (*бабуля, симпатия, солнышко, казёнщина* и т.п.) 3) образные слова и выражения (*орёл, шляпа, как огурчик* – о человеке). В нормативных толковых словарях современного русского языка Р.л. дана со стилистической пометой «разг.», а также с эмоционально-экспрессивными пометами «шутл.», «ирон.», «фамильярн.», «неодобр.» и др. Использование Р.л. в официально-деловом и научном стиле РЛЯ недопустимо.

Разговорное слово или выражение называют **коллоквиализмом** (от англ. colloquialism).

Лит.: **Аникина А.Б.** Лексика устной речи в современной публицистике. М., 2000; **Земская Е.А.** Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие. М., 2011; **Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А.** Современный русский язык. М., 2002; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. М., 1997; **Сиротинина О.Б.** Всё, что нужно знать о русской речи: пособие для эффективного общения. М., 2010; **Сиротинина О.Б.** Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи // *Stylistika-IV. Opole, 1995*; **Фомина М.И.** Современный русский язык. Лексикология. М., 1990; **Шайдорова Ю.А.** Лексика разговорного употребления в языке газеты: КД. Белгород, 2009.

О.В. Фельде

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ – разновидность РЛЯ. Это его особая коммуникативная подсистема со своими нормами и единицами (разговорные слова, разговорные конструкции), поэтому некоторые учёные (Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев) даже называют её разговорным языком.

В отличие от функционально неограниченного кодифицированного литературного языка Р.р. имеет ограничения в своём использовании: она органична для устной непринуждённой коммуникации в неофициальной обстановке, но её использование в любой письменной речи, даже в неофициальной переписке, затрудняет общение, а в официальной обстановке она просто непригодна. В художественной литературе и частично в публицистике в качестве средства стилизации возможны лишь её отдельные проявления как своеобразные сигналы Разговорности (см.) (термин В.В. Виноградова).

Это устная речь, в которой очень многое выражается интонационно, поэтому произносимые рядом слова разделены, если это нужно по смыслу, интонацией, паузой, а потому не образуют, как при зрительном восприятии, нелепых словосочетаний (*На строительстве молодёжи принадлежит решающая роль*). Логическое ударение выделяет нужное слово (рему) при любом его расположении.

Поэтому в Р.р. порядок слов гораздо свободней, чем в письменной, и не имеет функции выражения актуального членения – оно выражается интонацией.

Непринуждённость и неофициальность общения порождают постоянную смену ролей говорящий/слушающий, а лёгкость переспроса в значительной мере освобождает говорящего от заботы о форме выражения. Р.р. характеризуется минимумом этой заботы. А отсюда и значительная лексическая свобода: окказионализмы, слова-эрзацы (*Всем раздали ... как их ... скафандры. – Противогазы что ли? – Ну да*), слова-губки или диффузы (*штуковина, бандура* – и о чём-то громоздком, напр. о кислородной подушке большого размера, и о портативном магнитофоне; *Это что за пупсик?* – о микрофоне и т.д.), экспрессивные синонимы с повышенной эмоциональностью, слова сленгового характера (*кошмар, ну и жаршца, прикольно, круто* и т.д.). Все приводимые примеры взяты из магнитофонных записей Р.р., расшифровки которых хранятся на кафедре русского языка и речевых коммуникаций Саратовского государственного университета.

Поскольку чаще всего это речь диалогическая и персонально адресованная (межличностное общение), общающиеся на Р.р., как правило, хорошо друг друга знают, поэтому опираются не только на конкретную ситуацию, но и на общность апперцепционной базы (*Ну как? = Что получил на экзамене?, в другом случае = Как прошло свидание?, а в третьем – в определённой ситуации = Идёт ли мне это платье?*). В результате в Р.р. люди не столько понимают то, что слышат, сколько слышат то, что понимают. Поэтому нередко случаются ослышки (*У меня фартук. – У тебя инфаркт?*).

В Р.р. своё соотношение частей речи и форм слов: много местоимений и глаголов, но нет причастий и деепричастий, очень частотен именительный падеж, и намного меньше, чем в письменной и официальной устной речи, родительного падежа.

На синтаксическом уровне в Р.р. типичны неполные предложения (люди понимают друг друга с полуслова). В добавление к законченным предложениям присоединяются слова (*Дай мне воды // Похолоднее*), предложения (*Они уже тут // На самолете прилетели*). Поэтому при расшифровке диктофонной записи Р.р. очень трудно из потока речи вычленяются отдельные предложения (возможны как длительные паузы между словами, так и отсутствие пауз между предложениями).

Текст строится с трудом. Из-за ограниченного объёма оперативной памяти (7±2 элемента) к концу предложения забывается его начало, поэтому слова повторяются (бесконечные *говорит* при передаче чьей-то речи), происходит перестройка фраз на ходу (*У него не было никакого отношения к лингвистике Багрин не имел*), большое количество заполнений пауз колебания так называемыми хезитативами (*Он а-а ну как бы мой знакомый*) и т.д.

Очень типична ситуация, когда посторонний наблюдатель слышит разговор, но ничего в нём не понимает. Именно поэтому:

1) то, что допустимо в Р.р., неприемлемо за пределами непринуждённого межличностного общения в определённой ситуации, хотя это и разновидность литературного языка;

2) не следует путать Р.р. с сигналами разговорности, в качестве которых не все её характерные черты могут использоваться, но часто применяются нелитературные элементы (жаргонизмы, грубая лексика, просторечные слова и формы слов).

Лит.: Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие. М., 2011; Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы. М., 2010; Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Крылова О.А., Хавронина С.А. Порядок слов в русском языке: учеб. пособие. М., 1984; Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976; **Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка.** Грамматика. М., 2009; **Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка.** Лексика. М., 2009; Русская разговорная речь. М., 1973; Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981; Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983; Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978; Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения. М., 2010; Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи: пособие для эффективного общения. М., 2010; Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985; Хорошая речь: сб. ст. М., 2009.

О.Б. Сиротинина

РАЗГОВОРНОСТЬ – категория, обычно противопоставляемая книжности и свойственная разговорному функциональному стилю [Стилистический... 2003: 319–321]. Р. широко употребляется и по отношению к другим функциональным стилям («устная» речь в литературе характеризуется сигналами, своеобразными знаками» [Виноградов 1981: 34–35], «сигнальные элементы разговорной речи» [Левин 1971: 40–41]), эти сигналы, по их мнению, являются не только лексическими.

Таким образом, Р. как особое понятие не тождественна ни разговорному стилю, ни разговорной речи, в которых она органична, составляет «сплошную материю говорения» [В.В. Виноградов]; в тех случаях, когда слова, значения, порядок слов, построение фраз и т.д. используются как сигналы, Р. представляется особой текстовой категорией: в художественной речи – эстетической, в публицистике и ораторской речи – риторической.

В качестве реализующих категорию Р. элементов речи – сигналов Р. – могут использоваться любые средства языка для намеренного создания впечатления говорения (эстетическая категория) или сниженной не книжной речи (риторическая категория) [Сиротинина 1998: 350–351].

В отличие от разговорной речи и обиходного типа речевой культуры, в которых все явления разговорной речи используются спонтанно, Р. всегда намеренна, но далеко не всегда её создают явления, свойственные разговорной речи. Категорию Р. могут создавать и орфоэпически правильные, но орфографически неграмотные написания (*што, конешно*), любые нелитературные слова (*надысь, шибко, промеж* и т.д., не встречающиеся в литературной разговорной речи), «качественные конструкции» (*Доброта – она всегда нужна; Дети – они правду чувствуют; Москва – она всем городам мать*), достаточно широко встречающиеся и в авторской речи истинно образцовых текстов художественной и публицистической литературы.

Если разговорные явления мало индивидуализированы, то сигналы Р. в художественной литературе всегда создают речевую характеристику персонажа, и в художественной литературе, и в публицистике являются элементами идиостиля (выбор средств в качестве такого сигнала).

Лит.: Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981; Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М., 2005; Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971; Сиротинина О.Б. Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи // Stylistika-IV. Opole, 1995; Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи: пособие для эффективного общения. М., 2010; Сиротинина О.Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка. М., 1998; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.

О.Б. Сиротинина

РАЗГОВОРНЫЙ РАССКАЗ – монологический жанр Разговорной речи (см.) и Разговорного стиля (см.). Соответствует жанру рассказа в художественной речи, т.е. представляет собой малую повествовательную форму: сравнительно небольшое произведение, посвящённое отдельному событию в жизни человека. В Р.р. характеризуется это событие и одновременно раскрывается образ автора: его отношение к данному событию, характер, до некоторой степени духовный мир в целом.

Содержательная специфика Р.р. состоит прежде всего в том, что его событие – это чаще всего событие из жизни самого рассказчика (либо произошедшее с ним, либо то, чему он был свидетелем). Этим обусловлена тональность личного переживания, свойственного большинству Р.р. По характеру отражаемых событий выделяются такие разновидности Р.р., как рассказ-событие о недавнем происшествии, рассказ-воспоминание, рассказ-пересказ – переложение чужого Р.р. или другого текста. Структурная особенность Р.р. состоит в том, что в нём сохраняются черты реального диалога. Хотя рассказчик и ведёт монолог, слушатель не пассивен, он реально, короткими репликами и невербальными реакциями, ведёт свою партию, вклинивая её в монолог коммуникативного лидера. Такая структура Р.р. – не исключение, а правило: монолог рассказчика в разговорной речи рассчитан на непосредственные невербальные и вербальные реакции слушателя. Как и в художественном рассказе, в Р.р. используется чужая речь (речь персонажей), воспроизводимая в прямой и косвенной форме. Как правило, рассказчик является персонажем или одним из персонажей Р.р. Особая структурная разно-

видность Р.р. – это «пластинка» (выражение А. Ахматовой) – рассказ, который неоднократно повторялся и в результате приобрёл завершенность и отточенность формы (см. рассказы И. Андроникова, М. Ромма).

Р.р. может быть нацелен на формирование определённого отношения слушателя к событию и рассказчику, на развлечение слушателя. Обязательное условие при этом – занимательность события, его увлекательность для слушателя, именно этим определяется выбор темы Р.р. Важна также подача события в развитии, со всеми основными элементами повествовательного ряда (см. Повествование).

В композиционном отношении Р.р. характеризуется наличием композиционной рамки, с помощью которой он выделяется как жанр из состава разговорного диалога, и собственно рассказа. В зачине Р.р. обычно используется вводная реплика, в которой оговаривается применение жанра рассказа, коммуникативные роли рассказчика и слушателя и тема рассказа. Такой ввод может принадлежать рассказчику (*слушай, что расскажу; хочешь, про [кого, что] расскажу?*; *я тебе ещё должна про вчерашнее рассказать; давай о бабушке расскажу*) или слушателю, побуждающему собеседника к рассказу (*расскажи про своих; ты мне ещё про поездку ничего не рассказывала; рассказывай давай всё по порядку*). Концовка Р.р. также обозначается стереотипами (*вот так вот; вот и всё; вот такая история; тем всё и закончилось*). Таким образом, композиционная рамка Р.р. очень мала по объёму. «Тело текста» Р.р. обычно строится как следование за хронологией события, причём рассказчик строит текст, создавая эффект присутствия при этом событии. Параллельно он выстраивает оценочный ряд повествования, заново переживая событие и открывая свои переживания слушателю. Ещё одна забота рассказчика – следить за реакциями слушателя и подогревать в нём интерес к рассказу.

Роль слушателя в Р.р. – поддерживающая, партнёрская. Обычны и очень эффективны эмоциональные поддержки, поддакивания, подхваты, повторы, попутные замечания, уточняющие вопросы, побуждение к продолжению речи (*ну-ну, дальше-то что?*), советы. В результате Р.р. представляет собой связанное целое как в содержательном отношении, так и в области общения.

Осмысление закономерностей создания Р.р. и обучение этому важному и сложному жанру непринуждённого общения входят в задачи риторики повседневной речи.

Лит.: Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика: КД. Екатеринбург, 2001; Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Занадворова А.В. Функционирование русского языка в малых социальных группах: речевое общение в семье: КД. М., 2001; Седов К.Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Саратов, 1998.

Т.В. Матвеева

РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ, или **ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫЙ (ОБИХОДНО-БЫТОВОЙ) СТИЛЬ**, – один из функциональных стилей литературного языка, используется только в неофициальном общении или как его стилизация – в художественных текстах. Р.с. наиболее специфичен в своей устной форме и терминологически иногда обозначается как «разговорная речь».

Термин «разговорная речь» (Р.р.) чаще применяется к устной неофициальной речи, а Р.с. к письменной (бытовые письма, дневники).

Второе значение Р.с. противопоставляет его книжному стилю. В этом употреблении он синонимичен низкому и антонимичен высокому стилю, для которого характерна особая торжественность, приподнятость речи. При таком понимании Р.с. в него иногда включается жаргонная, просторечная и диалектная лексика (см., напр., [Химик 2004]).

И в первом, и во втором значении Р.с. не терпит торжественности, сложных построений фразы, причастных и деепричастных оборотов, конкретная лексика предпочитается в нём абстрактной, бытовые названия официальным (не *картофель*, а *картошка*, *говорить*, а не *сообщать* или *информировать* и т.д.). См., напр., тексты в разговорном стиле: *Сбежать бы за закусоном!* и в нейтральном: *Желательно купить что-нибудь из еды*.

Для Р.р. характерно почти полное отсутствие заботы о том, **как** сказать, а для Р.с. – именно сниженность речи, его противопоставленность высокому стилю и книжным функциональным стилям.

Лит.: Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М., 2005; Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. М., 2006; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Сали-

мовский В.А. Стилистика русского языка. М., 2008; Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. М., 2013; Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили: учеб. пособие; словарь. М., 2006; Русская разговорная речь / под ред. Е.А. Земской. М., 1973, 1983; Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи: пособие для эффективного общения. М., 2010; Функциональные стили и формы речи / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов, 1993; Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

О.Б. Сиротинина

РАЗЛОЖЕНИЕ ИДИОМЫ. См. АВТОРСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

РАЗНООБРАЗИЕ РЕЧИ. См. БОГАТСТВО РЕЧИ

РАЗРЕШЕНИЕ – 1. Наименование ситуации общения, когда даётся положительный ответ на испрашивание позволения что-л. сделать. 2. Стереотипные выражения, с помощью которых осуществляется Р.

В отличие от согласия, когда сам говорящий готов выполнить что-л. (*Я это сделаю*), Р. направлено на другого, адресата, просьба которого удовлетворяется (*Можете это сделать*). Благоприятное для адресата речевое действие совершается в асимметричной ситуации и направляется от старшего (по статусу, роли) младшему: от начальника подчинённому, от учителя ученику, от родителя ребёнку. Напр.: – *Можно мне пойти погулять?* – *Конечно, можно, пожалуйста*; – *Разрешите мне завтра не приходить на заседание?* – *Пожалуйста, можете не приходить, там не будет ничего важного*.

Основные выражения: *Пожалуйста; Можно; Можете (сделать); Да; Да, конечно; Конечно; Конечно, можно*.

Р. служит высказывание в форме глагола в императиве: *Сделай(те), Прочитай(те)* и др.

В официальном общении возможен прямой перформатив: *Разрешаю* (от себя лично) и *Разрешаем* (от имени администрации); *Позволяю* (не частое); *Могу вам разрешить; Не могу не разрешить; Не могу запретить* (с оттенком уступки); *Могу позволить вам; Не могу не позволить вам* и др.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; **Акишина А.А., Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; **Балакай А.Г.** Словарь русского речевого этикета. М., 2001; **Балакай А.Г.** Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; **Гольдин В.Е.** Речь и этикет. М., 1983; **Формановская Н.И.** Употребление русского речевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

РАСПИСКА – документ, подтверждающий получение денег или каких-л. иных материальных ценностей.

Содержит следующие обязательные элементы (реквизиты): (1) наименование вида документа (пишется по левому краю); (2) дату и место её составления (обозначаются под наименованием вида документа); (3) основной текст, включающий полные анкетные данные лица, который даёт Р., и лица, который получает Р.; перечень полученного с указанием количества и стоимости (цифрами и в скобках прописью с большой буквы), в случае получения денежных средств – дату возврата денег или срок (срок следует писать цифрами и прописью), в течение которого должник обязуется возратить взятые средства, напр.: *Я, Иванов Иван Иванович, родившийся 12.05.1974 г. в г. Минусинске, зарегистрированный и проживающий по адресу _____, имеющий паспорт (серия, номер), выданный (кем и когда выдан, код подразделения), получил в долг от Петрова Ивана Сергеевича, родившегося 01.06.1973 г. в г. Абакане, зарегистрированного и проживающего по адресу _____, имеющего паспорт (серия, номер), выданный (кем и когда выдан, код подразделения), 50000 (пятьдесят тысяч) рублей на срок до 30.12.2011 (тридцатого декабря две тысячи одиннадцатого года); (4) подпись лица, давшего Р. (на отдельной строке с правой стороны).*

Расписка в получении денег в долг должна быть написана от руки, чтобы можно было доказать её подлинность. В Р. не допускается никаких исправлений. Все свободные места, прежде всего между основным текстом и подписью, необходимо прочеркнуть. Составляют Р. в одном экземпляре и хранят наравне с денежными и ценными документами.

Иногда в Р. (как правило, в получении денег) указывают свидетелей, в присутствии которых она была написана. Свидетели после всех названных выше реквизитов пишут свои паспортные данные, место регистрации и ставят подписи.

Лит.: **Расписка в получении.** URL: www.raspiska-v-poluchanii.ru/; **Стенюков М.В.** Документы. Делопроизводство. М., 2004.

Г.А. Копнина

РАСПОЛОЖЕНИЕ. См. ДИСПОЗИЦИЯ

РАССУЖДЕНИЕ – функционально-смысловой тип речи, соответствующий форме абстрактного мышления – умозаключению, выполняющий особое коммуникативное задание – придать речи аргументированный характер (прийти логическим путём к новому суждению или аргументировать высказанное ранее) и оформляемый с помощью лексико-грамматических средств причинной, условной, следственной семантики. Основной сферой употребления Р. является научная речь, актуализирующая логический, рациональный тип мышления. Р. функционирует в текстах в виде нескольких коммуникативно-композиционных вариантов.

Центральной разновидностью Р. является собственно рассуждение (Р. в узком смысле слова). Именно данный тип речи оформляет выведение нового знания, демонстрирует ход авторской мысли, путь решения проблемы. В структурном плане собственно Р. представляет собой цепь предложений, связанных отношениями логического следования. Напр.: *Если парамагнетик находится в тепловом равновесии, атомы распределяются по подуровням в соответствии с законом Больцмана... Следовательно, число атомов, находящихся в состоянии с меньшей энергией, превышает число атомов, находящихся в состоянии с большей энергией. Поэтому переходы, происходящие с увеличением энергии атомов, будут преобладать над переходами, происходящими с уменьшением энергии. В итоге интенсивность волны будет уменьшаться – парамагнетик поглощает электромагнитное излучение, в результате чего он нагревается. Из сказанного вытекает, что электронный парамагнитный резонанс представляет собой избирательное поглощение энергии радиочастотного поля в парамагнитных веществах, находящихся в постоянном магнитном поле* (И.В. Савельев. Курс общей физики).

Типичные средства оформления Р. – союзы *если, так как, так что, вследствие чего, в результате чего*; наречия *поэтому, потому, отсюда*; вводные слова *следовательно, итак, таким образом, значит*; синтаксические конструкции, подчёркивающие отношения следования: *Из этого следует, что...; Это позволяет предположить, что...; Отсюда вытекает...* и т.п.

Помимо собственно Р., выделяются типы, соответствующие схеме: тезис + аргументы. К данной группе относятся доказательство (коммуникативно-познавательная функция – установление истинности тезиса), опровержение (функция – установление ложности тезиса), подтверждение, или эмпирическое доказательство (функция – установление достоверности высказанного положения посредством подкрепления его фактами), и нек. др. Аргументация вводится обычно специальной фразой типа: *Это подтверждается тем, что...; Об этом свидетельствует...; Доказательством служит...; Приведём аргументы.*

Особое место в системе разновидностей Р. занимает объяснение. В отличие от аргументативных типов речи, объяснение служит не столько подтверждению тезиса, сколько раскрытию причин реальных явлений. Напр.: *...Ремонт системного блока до настоящего времени не осуществляется. Причина состоит в том, что ремонт не может проводиться без соответствующего заявления...* (из объяснительной записки).

Р. вариативно представлено в различных функциональных стилях. Так, в художественных текстах, где Р. может присутствовать и в авторской речи, и в речи персонажей (в т.ч. внутренних монологах), оно выполняет психологическую, характерологическую, изобразительную и другие функции в их эстетической реализации и имеет форму свободного размышления: *Пробегаю в памяти всё моё*

прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения... (М. Лермонтов).

Структура, функции, средства выражения Р. отражают своеобразие задач коммуникации в разных её сферах.

Лит.: Ерёмин И.А. Рассуждение как переходный тип речи между диалогом и монологом: на материале английского языка: КД. М., 2004; Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974; Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980; Салтанова Н.Ю. Специфика рассуждения в художественном тексте: в сравнении с рассуждением в научном тексте: КД. М., 2008; Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями). Пермь, 1999; Трошева Т.Б., Пузикова З.Г. Функционально-стилевые варианты доказательства в современном русском языке. Пермь, 2008.

Т.Б. Трошева

РАСШИРЕНИЕ ТЕЗИСА. См. ПОДМЕНА ТЕЗИСА

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ. См. БУКВАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ

РЕГУЛЯТИВНОСТЬ ТЕКСТА – системное качество текста, выделенное Е.В. Сидоровым [Сидоров 1987], отражающее способность текста «управлять» интерпретационной деятельностью адресата в соответствии с целевыми установками автора. Р.т. связана с такими системными качествами текста, как информативность, структурность, интегративность [Сидоров 1987; Болотнова 2009]. Р.т. определяет меру и способ подачи информации. Связь со структурностью и интегративностью выражается в том, что регулятивность охватывает все элементы текстовой структуры, коррелируя с его общей целевой программой.

Р.т. имеет прагматическую основу и соотносится с модальностью, эмотивностью, экспрессивностью, прагматичностью текста [Болотнова 1992; 1998; 2003; 2006; 2007]. Текстовая модальность определяется С.Г. Ильенко «как оценочное отношение автора к изображаемому», которое «распространяется только на те текстовые фрагменты, в которых обнаруживается присутствие автора» [Ильенко 1988: 14]. Под эмотивностью текста понимают текстовую категорию, служащую «для внешней трансляции эмоционального состояния языковой личности» [Шаховский 1998: 41]. Экспрессивность трактуется исследователями как категория, «которая совершается именно при создании текста путём выбора говорящим (или пишущим) определённых языковых средств, в которых “запрограммирован” эффект экспрессивности» [Телия 1987: 15–16]. Все эти качества текста взаимосвязаны: «...Эмотивность – то, что выражено, экспрессивность – то, как это выражено, оценочность – то, как говорящий к этому “что” относится: одобрительно или неодобрительно» [Шаховский 1998: 57]. Что же касается прагматичности текста, её можно трактовать с точки зрения деятельности автора и адресата как способность вызывать коммуникативный эффект, отражающий замысел автора, его коммуникативную стратегию и мировидение. Р.т. определяет его прагматичность и сама формируется на основе модальности, экспрессивности, эмотивности текста.

В коммуникативной стилистике разработана теория Р.т., включающая особый понятийно-терминологический аппарат: регулятивные средства; регулятивные структуры (регулятивы); доминанта регулятивности; способ регулятивности; регулятивная стратегия [Болотнова 2009]. Поскольку «за каждым высказыванием стоит волевая задача» [Выготский 1996: 357], которая соотносится с одним из этапов текстового развёртывания и общей целевой программой текста, в основу выделения **регулятивных средств и их структур** (регулятивов) в рамках коммуникативной стилистики текста положено осознание читателем мотива (микроцели) в рамках общей коммуникативной стратегии текста. Под **доминантой регулятивности** понимаются доминирующие регулятивные средства одного типа. **Способ регулятивности** отражает ключевой принцип его организации и соотносится с типами выдвижения (контрастом, повтором, обманутым ожиданием и др.). **Регулятивная стратегия** отражает этапы процесса регулирования познавательной деятельности адресата средствами текста в целях

эффективного общения. Регулятивная стратегия текста связана с его коммуникативной стратегией, являясь её составляющей, средством, дающим ключ к осознанию авторского замысла, его целей и мотивов. Регулятивная стратегия текста определяется условиями гармонизации общения: в зависимости от канала связи выбирается речевой жанр и арсенал соответствующих ему регулятивных средств.

Р.т. разных типов имеет свою специфику. Напр., регулятивность художественного текста имеет нежёсткий, вариативный характер, отличается подвижностью, образной ориентацией, ассоциативной направленностью. Регулятивность связана с особыми функциональными качествами художественного текста: предсказуемостью/непредсказуемостью текстового развёртывания, вариативностью интерпретации и образностью [Болотнова 1992]. На уровне текста можно говорить о регулятивной эпифункции как коммуникативном проявлении эстетической функции художественного текста. Средства и способы регулятивности художественного текста определяются как спецификой сферы общения, так и своеобразием творческого метода автора, традициями литературных школ, направлений, к которым он принадлежит, индивидуально-авторским мировидением. Наряду с языковыми средствами регулятивности (лексическими, фоносемантическими, грамматическими, стилистическими) выделяются неязыковые (логические, композиционные, графические). Напр., тире в лирике М.И. Цветаевой, видеомы в поэзии А. Вознесенского и т.д.

Лит.: **Болотнова Н.С.** Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992; **Болотнова Н.С.** О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka-VII*. Opole, 1998; **Болотнова Н.С.** Регулятивность // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; **Болотнова Н.С.** Филологический анализ текста: учеб. пособие. Томск, 2006; **Болотнова Н.С.** Филологический анализ текста. М., 2007; **Болотнова Н.С.** Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009; **Выготский Л.С.** Мышление и речь. М., 1996; **Громова А.В.** Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой: КД. Томск, 2010; **Ильенко С.Г.** Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц // *Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц: межвуз. сб. науч. тр.* Л., 1988; **Петрова Н.Г.** Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К.Д. Бальмонта: КД. Томск, 2000; **Сидоров Е.В.** Проблемы речевой системности. М., 1987; **Телия В.Н.** Лексические модусы экспрессивности // *Язык как коммуникативная деятельность человека: сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 284.* М., 1987; **Шаховский В.И.** Проблема эмотивного текста // *Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология)*. Волгоград, 1998.

Н.С. Болотнова

РЕДАКТИРОВАНИЕ (от лат. *redāctus* – ‘приведённый в порядок’) – 1. Проверка, исправление и окончательная литературная и техническая обработка какого-л. текста, предназначенного к тиражированию. 2. Руководство выпуском книги, периодического издания, а также теле- и радиопередачи, кинофильма.

Над текстом печатного произведения работают в основном три категории издательских работников: редактор, оформители и корректор (см. *Корректурa*).

Редактор оценивает пригодность произведения к печати, упорядочивает элементы его содержания, правит текст, делает заказ на иллюстрирование и оформление издания. Редактирование рукописи – сложный и многогранный процесс, он охватывает весь комплекс вопросов, связанных с содержанием и формой произведения. При первом чтении рукописи обычно текст не правится, делаются лишь некоторые карандашные пометы, касающиеся наиболее грубых лексических, грамматических, стилистических, логических и других ошибок; определяется вид правки, которая будет применяться при работе над рукописью. При втором чтении редактор вносит исправления в композицию, устраняет логические ошибки и непоследовательность в изложении, затем он производит литературную обработку текста.

В зависимости от того, какие изменения вносятся в текст при редактировании, различается несколько видов правки.

Правка-вычитка применяется при подготовке к выпуску переизданий; редактор сличает текст с отредактированным, всесторонне выверенным вариантом и исправляет технические погрешности.

Этому виду правки подвергаются официальные материалы, произведения писателей-классиков, издания исторических документов. При подготовке переизданий необходимо внимательно перечитать текст и исправить все опечатки; сверить рубрики текста с оглавлением, проверить нумерацию глав, разделов, параграфов и правильность ссылок на них и др. Особое внимание требуется обратить на написание имён собственных: фамилий, географических наименований и проч.

Правка-сокращение имеет своей задачей достичь необходимой краткости изложения без ущерба для содержания. Сокращение может быть вызвано такими недостатками произведения, как растянutosть, ненужные повторы, однотипные факты, мелкие подробности; в других случаях перед редактором стоит задача уложить материал в строго установленное число листов, строк, знаков.

Правка-обработка – комплексный вид правки – включает уточнение фактических данных, исправление композиционных недочётов, устранение логических нарушений, языковую правку текста, проверку правильности внешнего оформления рукописи. Смысл такой правки в том, чтобы придать тексту большую чёткость, ясность, сохраняя всё лучшее, что есть у автора.

Правка-переделка применяется при подготовке к печати рукописей авторов, которые слабо владеют литературными навыками. Такая правка распространена в практике газетной работы, в частности при подготовке к публикации читательских писем.

Методика обработки текстов обусловлена их принадлежностью к различным функциональным стилям, поэтому можно говорить о специфике редактирования публицистических произведений, художественного текста, научных работ, официально-деловых документов.

Технический или художественный редактор определяет формат издания, шрифт, расположение печатных элементов; занимается вопросами декоративного оформления полос, переплёта, обложки; обеспечивает иллюстративный материал.

Лит.: Колесников Н.П. Стилистика и литературное редактирование. М.; Ростов н/Д, 2003; Мильчин А.Э. Методика редактирования текста. М., 2005; Накорякова К.М. Литературное редактирование. Общая методика работы над текстом. М., 2002; Редакторская подготовка издания / под ред. С.Г. Антоновой. М., 2004; Сикорский Н.М. Теория и практика редактирования. М., 1980; Сметанина С.И. Литературное редактирование для журналистов и специалистов по связям с общественностью. СПб., 2003.

Л.А. Киселёва

РЕДУПЛИКАЦИЯ (от лат. reduplicatio – ‘удвоение’) – 1. Способ образования слов, фразеологических единиц и описательных оборотов путём полного или частичного воспроизведения исходного слова (*еле-еле, рука об руку, мало-помалу, шиворот-навыворот* и др.). Слова, образованные Р., обладают прагматической значимостью: они имеют значение усиления (интенсификации) или уменьшения признака или действия, ограниченности действия во времени, напр.: *Бабка на них из окна смотрит. Старая-старая. Бледная-бледная* (Б. Рахманин) (= ‘очень старая’, ‘очень бледная’); *И вот он <...>, купил хлеба, потом подумал-подумал и решил ещё водки взять – всё равно потом бы пришлось «догоняться»* (СГ. 12.09.2001).

Р. может сопровождаться заменой начального звука/звуков (*гоголь-моголь, фокус-покус, шурум-бурум, хали-гали* и др.) – так называемый «приём рифмованного эха», «эхо-конструкции», «повторы-отзвучия». В большинстве случаев такие «повторы-отзвучия» имеют шутивно-пренебрежительную окраску, хотя могут использоваться в звукоподражательной или «музыкальной» функции. Некоторые рифмованные единицы (*страсти-мордасти, шуры-муры, шалый-валяй* и др.) широко распространены в устной разговорной речи, в этом смысле они узואально нормативны, однако использование таких единиц, напр., в художественных текстах можно считать стилистическим приёмом, напр.: – *Так не бывает, – сказал толстяк. – Небось расчёт она оформила. В наше время без отдела кадров не похитишь. Всякие бумажки-шмажки* (Д. Гранин).

Вопрос о классификации слов, образованных способом Р., один из дискуссионных в современной лингвистике.

2. Стилистическая фигура, состоящая в двухкратном контактном повторении слова, словосочетания или предложения.

Р. отображает длительность действия: *Но когда приходила весна и старик, оживая, распускал коричневые соски клейких почек, первым встречал южную теплинку, и корни его, проникшие в глубь земли, несли в мощный ствол живительные соки, – он как-то сразу весь наряжался в пахучую зелень. И – шумел, шумел!* (А. Черкасов, П. Москвитина); множественность предметов: *Торосы. Торосы. Снег. Сугробы. Снова торосы. Дороги нет* (В. Астафьев); служит средством подчёркивания уверенности в чём-л.: *Отметим, что бедные машинистки, на головы которых была обрушена речь Андрея, своим намёком на Соню пытались дать понять Андрею, что существует, существует что-то ещё другое...* (Л. Петрушевская); используется для передачи эмоционального состояния персонажа: *Умело и делово, он быстро проходил глазами по заголовкам, по материалам сессии и вдруг, вдруг... Как? Как?...* (А. Солженицын).

Функциональное сходство разных в количественном отношении контактных повторов даёт исследователям основание рассматривать Р. как разновидность Геминации (см.) (см., напр., [Москвин 2006: 257]).

Р. может вступать во взаимодействие с другими стилистическими фигурами. Так, в следующем примере Р. усиливает Антитезу (см.) (противопоставление всемогущества природы и ничтожности человека перед ней): *А мы – мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмёмся – за двадцать минут целый мир перепашем.*

Но никогда! – никогда, со всем нашим атомным могуществом мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать – не смонтируем вот этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка... (А. Солженицын).

3. То же, что Анадиплозис (см.) [Хазагеров 2009: 159; Хазагеров, Ширина 1999].

4. То же, что Повтор (см.) [Ахманова 1966: 327; Розенталь, Теленкова 1976: 363; Общая риторика 1986: 103]. В современных отечественных работах по стилистике и риторике повтор рассматривается как принцип организации стилистических фигур, в т.ч. Р.

Лит.: Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык: учебник*. М., 2002; Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1966; *Большой энциклопедический словарь*. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Зарипова А.М. *Лингвокультурологический анализ редупликации в традиционных детских стихах*: КД. Челябинск, 2008; Иванов В.В. *Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему*. М., 2004; Крючкова О.Ю. *Редупликация как явление русского словообразования*. Саратов, 2000; Минлос Ф.Р. *Редупликация и парные слова в восточнославянских языках*: КД. М., 2004; Москвин В.П. *Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь*. М., 2006; *Общая риторика*: пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клиненберг Ж. [и др.]. М., 1986; Рожанский Ф.И. *Редупликация: Опыт типологического исследования*. М., 2011; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. М., 1976; Санников В.З. *Русский язык в зеркале языковой игры*. М., 1999; Хазагеров Г.Г. *Риторический словарь*. М., 2009; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. *Общая риторика и Словарь риторических приёмов*. Ростов н/Д, 1999; Юдаева О.В. *Глагольная редупликация на базе номинативного повтора: лингвистическая природа и поэтическая функция (на материале русского языка)*: КД. М., 2005.

Г.А. Копнина

РЕЗЮМЕ – документ, содержащий сведения об образовании, опыте работы и другую информацию, требуемую при рассмотрении работодателем кандидатуры человека для найма на работу.

Р. обычно состоит из нескольких разделов, структурирующих эту информацию. В Р., как правило, не включаются сведения, не имеющие отношения к предполагаемой работе. Цель Р. – наилучшим способом охарактеризовать знания, опыт и личные качества кандидата таким образом и в такой форме, чтобы работодатель обратил на них внимание и пригласил кандидата на собеседование.

На прочтение Р. в среднем тратят две-три минуты, поэтому оно должно состоять из 1–2 страниц и освещать следующие аспекты:

1. **Фамилия, имя и отчество.**

2. **Контактная информация.** Здесь указываются телефоны (с пометками «домашний», «сотовый»), адрес электронной почты (e-mail), номер ICQ. Можно указать домашнюю страницу (URL) в Интернете, если она имеется.

3. **Цель.** В этом разделе указывается название конкретной позиции, на которую претендует кандидат (или код открытой вакансии), или сфера деятельности, или отдел компании, которые интересуют соискателя. Цель должна уместиться в одно или два предложения.

Сведения в разделах 4, 5 и 6 следует перечислять в обратном хронологическом порядке, т.е. информация должна следовать от свежих к более старым данным.

4. **Образование.** Здесь указывается название учебного заведения (заведений), в котором кандидат получал образование, специализация и дата окончания, или на каком курсе учится кандидат в настоящий момент.

5. **Сведения о дополнительном образовании:** названия курсов и их продолжительность, даты посещения данных курсов и полученная квалификация; награды различных конкурсов, олимпиад, конференций, курсов, тренингов, в которых кандидат принимал участие.

6. **Опыт работы.** В данном разделе необходимо указать сведения о предыдущих местах работы кандидата: месяц и год поступления на работу, месяц и год увольнения, название организации, сферу её деятельности, должность и обязанности; информацию о своих успехах.

7. **Профессиональные навыки и знания.** Здесь стоит перечислить все те навыки, умения и компетенции, которыми обладает кандидат и которые значимы для данной работы.

8. **Профессиональные сертификаты.** Указываются все сертификаты, дипломы и грамоты, подтверждающие квалификацию кандидата (курсы иностранных языков, курсы по компьютерным технологиям, курсы повышения квалификации и т.д.).

9. **Личные данные.** Сюда входят: дата рождения, возможность командировок, наличие необходимых документов (загранпаспорта, визы, водительских прав), семейное положение, наличие детей, водительских прав, знание языков (указываются языки и уровень владения каждым из них: начальный/продвинутый/свободное владение). Можно указать также национальность и иммиграционный статус.

10. **Рекомендательные письма** с предыдущего места работы не обязательны, и зачастую не требуются работодателем. Однако кандидат может предоставить письменную характеристику или, предварительно договорившись с предыдущими работодателями, оставить их контактные телефоны последним пунктом своего Р. Письменные рекомендации прилагаются к Р. на отдельных листах.

11. **Дата составления Р.** также не обязательна.

Важно, чтобы Р. было оформлено единообразно, напр.: основной текст – простым шрифтом (размер 12–14), даты, названия компаний и учебных заведений – жирным шрифтом; должности – с подчёркиванием и т.п.

Наличие в Р. орфографических и стилистических ошибок недопустимо, поэтому после составления нужно внимательно проверить текст на наличие ошибок и опечаток.

Поскольку на одну должность, как правило, претендуют несколько кандидатов, стоит указать в названии файла Р. фамилию кандидата и должность, на которую он претендует. Напр.: *Резюме_директора_Никитин.doc*.

Фотография в Р. должна соответствовать следующим требованиям: предпочтительнее портрет, чем фото в полный рост, при этом на изображении лицо и голова человека должны уместиться полностью, желательно, чтобы были видны плечи. На фотографии должен присутствовать только кандидат.

Лит.: Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. Ростов н/Д., 2008; Кеннеди Дж.Л. Как составить резюме для «чайников». М., 2008; **Как правильно составить (написать) резюме?** URL: www.jobfair.ru/articles/73.

Е.С. Архипова

РЕЛИГИОЗНО-ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ. См. ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ

РЕМА. СМ. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ (от лат. *geminiscētia* – ‘воспоминание’) – Стилистический приём (см.), состоящий во включении в речь (текст) хорошо узнаваемого (иногда – частично видоизменённого) прецедентного текста или его фрагмента – без графического выделения и упоминания его автора и названия. Отсутствием маркеров Чужой речи (см.) Р. отличается от Цитаты (см.). Напр.: 1) *Американцы захватили все иракские города, а Хусейна так и не нашли. Хорошо иметь домик в деревне!* (ЛГ. 2003. № 30) – выделенная строчка взята из рекламы; 2) Газетный заголовок *Путешествие из Путинбурга в Москву* (Завтра. 2000. № 22) является трансформированной реминисценцией названия книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»; 3) Газетный заголовок *Этот стон у нас пенсией зовётся* (НГ. 2000. № 33) – представляет собой трансформированную строку из стих. Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: «Выдь на Волгу: чей стон раздаётся / Над великою русской рекой? / Этот стон у нас песней зовётся – / То бурлаки идут с бечевою!..»; 4) Заголовок же *Умом Фурсенко не понять* (ЛГ. 2009. № 2) в видоизменённом виде повторяет строку из стихотворной миниатюры Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать – / В Россию можно только верить»; 5) *Накануне журналисты, политологи и прочие эксперты в России и других странах Содружества, где есть свободные СМИ, дружно хоронили организацию. Однако по окончании встречи президенты, лучезарно улыбаясь в камеры, сообщили всем интересующимся приятную новость, что СНГ живее всех живых* (ЛГ. 2001. № 31–32). Ср. в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»: «Время, снова ленинские лозунги развихрь. / Нам ли растекаться слёзной лужею, – / Ленин и теперь живее всех живых. / Наше знание – сила и оружие».

Приведённые примеры показывают, что Р. в газете часто используются как средство Языковой игры (см.) для реализации категорий остроумного и комического в разных модальностях: сатирической (илл. 3), иронической (илл. 4–5), шутливой (илл. 1–2). В комической ипостаси Р. становится композиционно-смысловым центром некоторых малых газетных жанров, напр. жанра комментированной цитаты: 6) *ВАСИЛИЙ ШАНДЫБИН. Архичванливое заявление депутата-коммуниста: «В советское время была очередь в Мавзолей. Сейчас такая очередь ко мне. Идут и бедные, и нищие, и больные...» вызвало болезненную реакцию на Красной площади. Ужас из железа выжал стон: «За что боролись?!». По большевикам <...> прошло рыданье...* (КП. 30.03.2001). В этом тексте использована реминисценция фрагмента поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»: «День векам войдёт в тоскливое преданье. / Ужас из железа выжал стон. / По большевикам прошло рыданье».

Функции оценки (илл. 7) и выражения эмоции (илл. 8) могут осуществляться и за пределами категории комического: 7) *С точки зрения политической целесообразности проще вернуться к мониторинговой практике тотального компостирования мозгов. В принципе от этого удерживает только культура – стыдно врать, страшно, что схватят за руку. Есть всё-таки совесть и Божий суд, наперсники разврата!* (ЛГ. 2007. № 37). Ср.: в стих. М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта»: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный суд: он ждёт...». 8) *Куда, куда вы удалились, стражны моей златые дни? Мы в ожиданье утомились: придут ли к нам ещё они?* (Завтра. 2010. № 7). Ср. в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина: «Стихи на случай сохранились; / Я их имею; вот они: / «Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни? / Что день грядущий мне готовит?...»

Р., в т.ч. и такие, которые распространяются на значительную часть текста или даже на весь текст, могут выполнять и другие функции, что можно наблюдать в следующих примерах: 9) *С кем вы, мастера оппозиции?* (Завтра. 2007. № 2, заголовок). Ср.: «С кем вы, мастера культуры?» – заголовок статьи М. Горького. Р. формулирует тезис для дискуссии; 10) *Во дни сомнений, во дня тягостных раздумий <...> я бы хотел сказать, что всё-таки в беседах о героике, о таком тяжком положении нашем всеобщем, всё-таки мы не должны забывать, что мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв* (Завтра. 2000. № 5). Ср.: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» (И. Тургенев); «... Не для житейского волнения, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновения, / Для звуков сладких и молитв» (А. Пушкин). Р. здесь – средство усиления эмоционального пафоса и модальности долженствования. В следующем стих. И. Северянина «Классические розы» – сквозная (повторяющаяся) Р. (строка из одноимённого стих. И. Мятлева) усиливает

лирико-элегическую тональность целого текста: 11) «*В те времена, когда роились грёзы / В сердцах людей, прозрачны и ясны, / Как хороши, как свежи были розы / Моей любви, и славы, и весны. // Прошли лета, и всюду льются слёзы... / Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране... / Как хороши, как свежи ныне розы / Воспоминаний о минувшем дне! // Но дни идут – уже стихают грозы. / Вернуться в дом Россия ищет троп... / Как хороши, как свежи будут розы, / Моей страной мне брошенные в гроб!*».

Следует заметить, что Р. могут осуществляться не только на уровне лексики и фразеологии, но и в сфере строфики и размера, напр.:

12) <i>Густая крапива</i>	Ср.: <i>Зелёная пена</i>
<i>Шумит под окном,</i>	<i>Кипит под винтом,</i>
<i>Зелёная ива</i>	<i>И мы по заливу</i>
<i>Повисла шатром</i> (А. Фет)	<i>Неспешно плывём</i> (В. Саянов).

Комбинированную Р., с привлечением лексики и строфики, можно наблюдать в пародийном стих. Е. Венского «Элегия» (приводим начало стиха): 13) *Брожу ль среди банковских атлантов, / Вхожу ль в кафе по вечерам, / Сижусь меж тёмных спекулянтов, – / Я предаюсь своим мечтам.* Ср. начало стих. А.С. Пушкина: «*Брожу ли я вдоль улиц шумных, / Вхожу ль во многолюдный храм, / Сижусь меж юношей безумных, / Я предаюсь моим мечтам.*».

Лит.: **Алексеев М.А.** Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. ИЯ РАН. М., 2003; **Бойко С.С.** Реминисценции в поэзии Булата Окуджавы и проблема пушкинской традиции // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1998. № 2; **Воронцова Ю.А.** Реминисценции в текстах современных средств массовой информации: КД. Белгород, 2004; **Гончарова Н.Г.** Гоголевские реминисценции в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Русская словесность. 1988. № 4; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Литературный энциклопедический словарь.** М., 1987; **Миц З.Г.** Функции реминисценций в поэтике А. Блока // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973; **Саблина М.В.** Цитата и смежные с ней понятия: к проблеме разграничения и описания // Диалог культур в аспекте языка и текста: мат-лы науч. конф. (Красноярск, 17–18 апреля 2008 г.). Красноярск, 2010. Вып. 1; **Старичёнок В.Д.** Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008; **Супрун А.Е.** Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6; **Хазан В.И.** Библиейские цитаты и реминисценции в поэзии С.А. Есенина // Филологические науки. 1990. № 6; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

РЕ́ПЛИКА (от лат. *replico* > фр. *replique* > *repliquer* – ‘отвечать, возражать’) – минимальная единица коммуникативной деятельности в диалоге, полилоге. Это высказывание одного из участников речевого общения от момента очередного вступления в разговор до смены говорящего. В драматическом произведении под Р. понимается ответственная фраза персонажа, в более широком смысле – всякое высказывание драматического героя.

Коммуникативно-прагматические функции Р. выполняет в составе диалогического единства/комплекса. Поэтому она всегда в той или иной мере синсемантична (несамостоятельна, зависима): инициальная в меньшей степени, ответная – в большей. В вопросно-ответном единстве это находит выражение в актуальном членении: в вопросе присутствует тема, а рема лишь намечена вопросительным словом; в эллиптической ответной Р. содержится только рема: *Ты когда уезжаешь? – Завтра.* В структурном плане диапазон Р. – от междометия, частицы до предложения и группы предложений. В функциональном отношении в обоих компонентах может содержаться кроме основной иллокуции (цели речевого действия) дополнительные коммуникативно-прагматические функции. Вопросительное высказывание признаётся ведущим компонентом диалогического единства. Оно связывает предшествующее речевое или неречевое действие партнёра или сложившуюся коммуникативную ситуацию со следующим репликовым ходом, задавая его схему, частично и лексическое наполнение. В этом состоит **организующая функция** вопроса.

В теории вопросно-ответного диалога иногда разграничивают два вида реактивных высказываний. Прямая, положительная реакция на запрос об информации (предоставление информации) называется **ответом**, а непрямая, отрицательная, комментарий к вопросительному, интеррогативному высказыванию, – **Р**. **Р** может отражать непонимание или неуверенность адресата в правильной интерпретации иллокуции высказывания. Это уточняющие вопросы типа: *Это вопрос?/ Вы задали мне вопрос?*. Предлагается различать также **ответные Р**. (самостоятельные речевые акты) и **респонсивные** («метакоммуникативные сигналы-поддакивания: *Не иначе; Ага; Да уж; Ну и что?; Неужели?*). Последние называют также **релятивами**.

Среди вопросительных **Р** выделяют собственно вопросительные высказывания с иллокуцией запроса информации и несобственно вопросительные: констатирующие данное или противоположное положение дел, побуждающие к речевому действию и устанавливающие, поддерживающие и размыкающие речевой контакт (*Не есть ли это пустая отговорка?/ Можно ли так превратно истолковать мои слова?/ Нельзя ли покороче?/ Не объяснишь ли...?/ Не прекратит ли нам эти пустопорожние прения?*). По типу высказывания это Косвенные высказывания (см.), которые содержат лишь намёк на истинное намерение субъекта утверждать, опровергать, побуждать и пр. Они выполняют **регулятивную функцию** вопросительных высказываний в диалогическом единстве.

Лит.: Вилкова Л.В., Сергеева М.А. Классификация реплик на вопросительный иллокутивный акт. URL: www.frgf.utmn.ru/last/No18text03.htm; Колокольцева Т.Н. Культура диалогического общения (реплики-реакции в диалоге) // Грани познания. 2009. № 1 (2); **Краткая литературная энциклопедия**. М., 1971; Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. М., 1994; Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения: АДД. М., 1990; Рыжов С.А. Функционально-семантические свойства интеррогативных реплик в динамической модели диалога: АКД. Тверь, 2003; Чхетиани Т.Д. Метакоммуникативные сигналы слушающего в фазе поддержания речевого контакта // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1987.

А.А. Бернацкая

РЕПОРТАЖ (фр. reportage < англ. to report – ‘сообщать’) – жанр журналистики, основанный на оперативных сообщениях о событиях, участниками или очевидцами которых является автор. **Р** даёт «оперативное наглядное представление о событии через призму мировоззрения автора, его участника или очевидца» [Кройчик 2000: 142]. Журналист при подготовке **Р** следит за поэтапным развитием события, фиксирует его ключевые моменты, описывает поведение участников события.

Основные признаки **Р** как жанра: оперативность, динамичность в описании события, информативность, позволяющая аудитории ощутить всю полноту события. **Р** должен вызывать у читателя эффект присутствия, словно он сам находится в центре события. Причём эффект присутствия – не имитационный приём, а реальное доказательство того, что публицист описывает событие, лично им наблюдавшееся [Шостак 1998: 40]. Время в **Р** дискретно: автор концентрирует внимание на тех моментах, которые помогают максимально полно воссоздать объективную картину события. Работа репортёра предполагает также – при необходимости – использование метода включённого наблюдения.

Виды **Р**: **событийный** – оперативное отражение события в хронологической последовательности, когда от репортёров требуется способность быстро ориентироваться в обстановке и мгновенно оценивать важность или второстепенность деталей; **проблемный** – анализ события, где задача репортёра обрисовать проблему, которая стала причиной того или иного события (напр., дорожный коллапс, массовые нарушения при сдаче ЕГЭ), и сделать выводы; отличительный признак проблемного **Р** – привлечение эксклюзивных сведений, документов, свидетельств участников процесса, подтверждающих выводы корреспондента; **познавательный** – упор делается на познавательных моментах, а оперативность отходит на второй план; поводом для такого репортажа может стать как событие, так и любая актуальная тема (напр., рассказ о том, как проходит эксперимент в НИИ, какие новые методы применяют при спасательных работах сотрудники МЧС); **экспериментальный** – репортёр моделирует ситуацию, которая позволит ему глубже проникнуть в суть события или исследуемого явления, причём участники эксперимента не должны знать, что стали объектами изучения. В данном случае репортёр чаще всего применяет метод включённого наблюдения, «нелегально» внедряясь в изучаемую среду. Один из классиков жанра, в арсенале которого метод «включённого наблюдения», – не-

мецкий журналист Гюнтер Вальраф. Для сбора информации репортёр перевоплощался в студента-бунтаря, преуспевающего бизнесмена, турка-гастарбайтера, чернокожего выходца из Сомали. Авторитет и мастерство этого репортёра настолько высоки, что журналистское сообщество придумало глагол wallrafen – работать, как Вальраф.

Лит.: Вальраф Г. Нежелательные репортажи. М., 1982; Вальраф Г. Репортёр обвиняет. М., 1988; Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 2001; Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Корконосенко. СПб., 2000; Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998; Пром Н.А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект: КД. Волгоград, 2011; Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е.С. Зенович. М., 2000; Шостак М.И. Журналист и его произведение. М., 1998.

Л.А. Винская

РЕТАРДАЦИЯ (от лат. retardatio – ‘замедление’) – риторический приём, заключающийся в намеренном создании и поддержании напряжённости в тексте, оттягивании кульминационного момента и, соответственно, развязки. Сущность Р. «заключается в особой композиции простых и сложноподчинённых предложений. Эта композиция построена на психологическом механизме намеренно созданной напряжённости в развёртывании изложения, посредством внесения задержки и оттягивания завершающего содержания конца» [Прангишвили 1982: 8].

Иногда под Р. понимается «приём замедления прямого фабульного повествования в литературном произведении путём введения описаний природы, обращений к прошлому героя, философских рассуждений, лирических отступлений и т.п.» [Квятковский 1966: 241]. При Р. в текст «могут вводиться фрагменты из жизни персонажей, описания природы, лирические отступления, философские рассуждения и т.п.» [Старичёнок 2008: 518].

При построении Р. часто используются градационные союзы типа *не только, но и, не столько, сколько* и т.п., а также конструкции типа *дальше – больше, более того..., вдобавок ко всему..., но и это ещё не всё* и т.д. Если данный приём реализуется на уровне предложения, абзаца или сложного синтаксического целого, то возможно его совмещение с восходящей градацией, поскольку в Р. компоненты располагаются в порядке возрастания их семантической и/или эмоциональной значимости. Ретардационный эффект может возникать и при помощи синонимических повторов (см.), Аккумуляции (см.) и т.п. приёмов. Чаще всего Р. реализуется на уровне всего текста и служит его архитектурной основой, средством когезии, что сближает Р. и композиционную градацию:

Доведение до самоубийства!

Вдумайтесь в страшный смысл этого тяжкого обвинения, товарищи судьи! Что должно было скрываться за этой краткой, но достаточно выразительной юридической формулировкой? Какие отношения? Какие люди?

Горькая картина должна была бы развернуться перед вами, не картина смерти, так красноречиво здесь обрисованная обвинителем, а изображение предшествующих этой смерти страданий, унижений, боли, безысходности.

Вы должны были бы здесь увидеть сильного, сурового, нет, не сурового, а жестокого, своеговольного человека и мысленно представить себе его слабую, глубоко несчастную, мятущуюся жертву.

И этого мало! Вам должны были продемонстрировать, как эта жертва безуспешно бьётся в тисках материальной, служебной или иной зависимости, как безрезультатно пытается освободиться от пут подчинённости, как ищет и не находит путей к спокойной и свободной жизни.

Вас должны были, наконец, убедить в том, что между самоубийством девушки и поведением любимого ею человека имеется причинная связь, что казавшееся ей единственным выходом решение умереть естественно и логично вытекало из тех условий, в которых оказалась она по злой воле другого человека (Г. Падва). Данный пример свидетельствует о возможном сочетании Р. и градации. Каждый новый абзац начинается градацией, выраженной словосочетанием, при этом развязка как бы оттягивается, что характерно именно для Р.

Приём Р. используется не только в публичных выступлениях, но и в художественных и публицистических текстах, в музыке, как кинематографический приём (часто – в детективных фильмах).

Лит.: **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Культура русской речи**: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Прангишвили Н.Н.** Психолингвистическая природа стилистического приёма ретардации: КД. Тбилиси, 1982; **Старичёнок В.Д.** Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008; **Щербаков А.В.** Градация в современном русском литературном языке (очерк экспрессивной стилистики). Красноярск, 2006.

А.В. Щербаков

РЕФЕРАТ – жанр письменной формы делового и научного стилей, предназначенный для краткого и точного изложения содержания документа. Включает в себя основные фактические сведения и выводы, как правило, без их интерпретации и критических замечаний. Даёт возможность ознакомиться с основным содержанием документа, определить его значимость и необходимость обращения к полному тексту документа. Обычный Р. содержит следующие разделы, освещающие аспекты содержания исходного документа: 1) тема и предмет; 2) цель документа; 3) основные положения и их обоснование; 4) выводы и предложения (рекомендации); 5) комментарий автора Р. (факультативно).

Текст Р. должен быть лаконичным, чётким и убедительным. В тексте Р. следует использовать, в зависимости от стиля исходного документа, языковые средства делового или научного функциональных стилей, в частности соответствующие языковые клише и терминологию, в то же время не злоупотребляя ими: не перегружать текст клишированными оборотами и избегать малораспространённых терминов. Таблицы, формулы, чертежи, рисунки, схемы, диаграммы включаются только в случае крайней необходимости, если без них затруднительно раскрыть основное содержание реферируемого документа.

Выделяются два типа Р.: информативные и аналитические. Выше дана характеристика информативного Р., цель которого только кратко изложить содержание исходного документа. В аналитическом Р. характеристика содержания исходного документа увязывается с проблемой (проблемами), интересующей автора Р. Такой Р. может содержать оценку (оценки) тех методик, положений и выводов, которые содержатся в реферируемом документе; в нём могут присутствовать суждения и рассуждения автора Р., аналитический комментарий содержания и формулировок исходного документа. К аналитическому типу Р. относится Автореферат диссертации (см.).

Лит.: **Вейзе А.А.** Реферирование текста. Мн., 1978; **Кузнецов И.Н.** Подготовка и оформление рефератов, курсовых и дипломных работ. Мн., 2000; **Культура русской речи**: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Леонов В.П.** Реферирование и аннотирование научно-технической литературы. Новосибирск, 1986; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Русский язык и культура речи** / под ред. В.И. Максимова. М., 2000; **Соловьёва Н.Н.** Основы подготовки к научной деятельности и оформление её результатов (для студентов и аспирантов). М., 2001.

А.П. Сковородников

РЕЦЕНЗИЯ, или **ОТЗЫВ**, – письменный текст, содержащий в себе интерпретацию (чаще всего критический разбор) научного, художественного произведения или другого информационного явления: спектакля, кинофильма, концерта, телевизионной программы, рекламного блока. Р. – это оперативный жанр, текстовой отклик на новое информационное явление (пишут Р. на новую книгу или фильм, а, к примеру, на роман «Война и мир» сейчас написать рецензию нельзя). Р. – оценочный жанр научного и публицистического стилей речи.

Р. обычно посвящается разбору одного первичного текста или другого информационного явления, обоснованное оценочное мнение о нём составляет главную задачу рецензента. При этом уже сам выбор объекта, то что он избирается для рецензирования, как правило свидетельствует о его значимости для широкого адресата. Р., как развёрнутое в текст авторитетное мнение, призвана служить продвижению какого-л. информационного явления к более широкому адресату. В то же время Р. пишется и для автора рецензируемого произведения; для него Р., даже сам факт её публикации, является

ся свидетельством значимости проделанной работы. В научной сфере двойная адресованность Р. не осложняет положения рецензента, поскольку и тот, и другой адресат, как и рецензент, – люди науки. Иное положение в публицистике. Здесь даже авторы первичного произведения могут быть представителями разных специальностей (напр., сценарист, режиссёр, оператор и композитор фильма), и все они как адресат Р. существенно отличаются от широкой публики, которой адресуется и этот фильм, и рецензия о нём. Многоадресность Р. при наличии широкого адресата повышает необходимость демонстрации первичного текста, переложения его содержания.

Как всякий вторичный текст, Р. требует осмысления содержательной структуры первичного текста. В результате этого рецензент вырабатывает своё понимание концепции первичного текста – модель интерпретации, которая и отражается в Р. наряду с частичной демонстрацией первичного текста.

Р. – это аналитический текст, который основывается не только на хорошем знании первичного текста, но и на владении языком анализа, принятым в той сфере, к которой относится рецензируемый текст. Научная Р. требует от рецензента владения языком науковедения, публицистическая – специальных знаний в той конкретной области, к которой относится первичный текст (напр., театральной или рекламной деятельности), а также обширной общей эрудиции. Эти знания соединяются с личным мнением рецензента: в хорошей публицистической Р. высоко ценится личностный характер изложения, эмоциональное изложение впечатлений (если они не идут в ущерб анализу). Смысловые акценты, которые наиболее важны в Р., – это актуальность и новизна рецензируемого произведения, его вклад в науку или культуру, влияние на текущую ситуацию в своей среде и в обществе. Эти акценты нередко делаются по ходу сопоставления рецензируемого произведения с другим или другими, причём обязательно учитываются или вовлекаются в анализ время его создания, личность автора и др. историко-культурные обстоятельства. Если рецензируется два или несколько произведений, что тоже возможно, их сопоставление выдвигается на заметное место, автор Р. неизбежно занимается сопоставительным анализом.

По типу речи Р. – это текст-рассуждение, основной логический тезис которого – мысль рецензента о новизне (или другом важном для автора качестве, возможно, отрицательном) данного произведения – аргументируется и иллюстрируется на основе этого произведения. В аргументации используются материалы первичного текста, специальные знания и личный опыт рецензента, мнения других лиц, аксиомы общения и т.д. В публицистических Р. обычен факт в роли аргумента, а также поворот к анализу культурных следствий данного произведения. Оценочное содержание в Р. обязательно. В научных Р. оно выражается в строгих логических оценках (*убедительно, обоснованно, интересно решено, достоверно, спорно, сомнительно, оставляет желать лучшего*), в публицистических – как на логической, так и на эмоционально-оценочной основе, конкретизированно (*с восхищением, ничего подобного за свою жизнь я не видел, производит огромное впечатление; самое лучшее, вызвало вздох разочарования*). Композиционное решение текста Р. чаще всего отражает ход рассуждения прямым (от основного логического тезиса к аргументам и фактам) или обратным – индукционным способом (от конкретных фактов к аргументам и основному логическому тезису).

В практике обучения связной речи для текстов данного жанра обычно используется терминологическая параллель «отзыв». Это вид сочинения, в котором отражается личное мнение о каком-л. информационном явлении: книге, кинофильме, спектакле, телепередаче. Автор отзыва обычно выделяет и описывает особенности первичного текста, которые вызвали сопереживание читателя (слушателя, зрителя), а затем развёрнуто высказывает свои оценки и чувства по каждому такому поводу. Допускается пересказ отдельных фрагментов или сюжетных поворотов, поступков героя первичного текста, хотя он не должен стать самоцелью: это важно как основание личной оценки. Информационная и оценочная составляющая отзыва равнозначны, важно и то и другое. Главное в оценочном мнении – это его личностный характер, а также индивидуальность стилового оформления.

Иногда в школьной практике отзыв противопоставляется Р. по аналитичности и степени детальности анализа (в отзыве упор делается на выражении личного мнения, а в рецензии – на детальном анализе как основании личного мнения). Однако в научной практике текст, посвященный детальному профессиональному анализу другого научного текста и предъявляемый как в устной, так и в письменной форме во время квалификационных процедур защиты (дипломной работы, диссертации), называется именно О.: *отзыв о дипломной работе, отзыв официального оппонента* (возможно, играет роль именно традиция устного преподнесения такого текста; публикуемые в научной перио-

дике аналитические разборы называют Р.). Напротив, в газетной и журнальной публицистике принят термин «Р.». Таким образом, выбор термина более всего зависит от традиции, сложившейся в той или иной сфере речевого общения.

Лит.: Гришечкина Г.Ю. Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии: КД. Орёл, 2002; Ерохина Е.Л. Рецензия как профессиональный жанр письменной речи учителя: КД. М., 2003; Майданова Л.М., Лазарева Э.А. Практическая стилистика жанров СМИ: репортаж, корреспонденция, рецензия, радиообзор печати, реклама. Екатеринбург, 1996; Набиева Е.А. Оценочность в жанре рецензии: лингвистический и прагматический аспекты: КД. Тюмень, 2010; **Развивайте дар слова:** Факультативный курс «Теория и практика сочинений разных жанров (5-7 кл.)» / сост. Ладыженская Т.А., Зепалова Т.С. М., 1986.

Т.В. Матвеева

РЕЧЕВАЯ (КОММУНИКАТИВНАЯ) СТРАТЕГИЯ. См. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

РЕЧЕВАЯ (КОММУНИКАТИВНАЯ) ТАКТИКА. См. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ – такое речевое поведение, которое нацелено на причинение вреда (психологического, эмоционального) человеку, группе людей или обществу в целом. Проблема агрессии давно и активно исследуется в социологии, политологии и особенно в психологии. В лингвистике изучение агрессии как явления речевой коммуникации началось сравнительно недавно.

Ю.В. Щербинина определяет Р.а. как «однозначно негативное (хотя и в различной степени), имеющее отрицательные последствия коммуникативное воздействие и взаимодействие, а агрессивная речь оценивается в таких пейоративных определениях, как грубая, бранная, ругательная, обидная, оскорбительная, неприязненная, невежливая, унижающая, подавляющая и т.п.» [Щербинина 2008: 15–16].

В основе Р.а. лежит установка на негативное воздействие на адресата. Р.а. может проявляться в рамках любого типа общения (межличностного, группового, массового) и любого дискурса, независимо от его временных и национальных факторов [Глебов, Родионова].

В межличностной коммуникации «право на речь» каждого из коммуникантов определяется характером дискурса и конкретной речевой ситуацией. Если приоритетное «право на речь» одного из коммуникантов не предусмотрено условиями речевой ситуации и не признаётся другими участниками коммуникации, то речь идёт о вторжении в речевое пространство адресата, т.е. о Р.а. Нарушение речевого паритета может проявляться и как намеренный захват вербальной инициативы, и как пренебрежительное отношение к содержательной стороне высказываний речевого партнёра [Воронцова 2006].

Партнёр по коммуникации не имеет «права на речь», если он профессионально некомпетентен, не обладает достаточной коммуникативной компетентностью, сообщает неистинную информацию, не обладает должным авторитетом.

В научной литературе обычно говорят о следующих видах Р.а.: 1) активная прямая (оскорбления, унижения, угрозы, призывы к насилию), 2) активная непрямая (распространение клеветы и сплетен), 3) пассивная прямая (отказ от общения), 4) пассивная непрямая (отказ дать объяснение, демонстративное молчание) (см., напр., [Завьялова 2003: 562]).

Между тем, приведённая классификация видов Р.а. не является исчерпывающей. Ю.В. Щербинина предлагает несколько принципов классификации. Во-первых, можно классифицировать виды Р.а. по интенсивности. Так, брань или грубое требование явно более выраженные способы агрессии нежели невежливый отказ или скрытый упрёк. По степени рефлексированности говорящим целенаправленности речевого воздействия можно выделить Р.а. осознанную/неосознанную, целенаправленную/нецеленаправленную, инициативную/реактивную [Щербинина 2008: 134]. По степени выраженности можно говорить о явной или скрытой агрессии, по отношению к объекту агрессии – о переходной или непереходной («переходная агрессия направлена на реального и конкретно

представленного в данной речевой ситуации адресата, тогда как непереходная агрессия имеет место в случаях, когда говорящий абстрактно ругает “жизнь вообще”, выражая в целом негативную позицию по отношению к обществу, окружающим людям» [Там же: 144]). По числу участников Р.а. может быть массовой или социально замкнутой (групповой, межличностной).

К формам Р.а. обычно относят оскорбление, враждебное замечание, угрозу, грубое требование, грубый отказ, порицание (упрёк, обвинение), насмешку, донос, клевету, ссору, жалобу и нек. др.

Лит.: **Виноградов С.И.** Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Воронцова Т.А.** Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск, 2006; **Глебов В.В., Родионова О.М.** Особенности речевой агрессии. URL: www.rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html; **Диагностика толерантности в средствах массовой информации** / под ред. В.К. Мальковой. М., 2002; **Завьялова О.Н.** Речевая агрессия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Кокорина Е.В.** Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996; **Паремюзашвили Э.Э.** Речевая агрессия в непрямой коммуникации: КД. М., 2013; **Петрова Н.Е., Рацбургская Л.В.** Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М., 2011; **Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации.** Екатеринбург, 1997; **Солдатова Г., Шайгерова Л.** Комплекс превосходства и формы интолерантности // Век толерантности. 2001. № 2; **Щербаков А.В.** Роль СМИ в формировании норм языка // Региональная пресса: классика и современность: сб. науч. ст. / ред. О.А. Карлова. Красноярск, 2006; **Щербинина Ю.В.** Вербальная агрессия. М., 2008.

А.В. Щербаков

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – исходное понятие для понимания сущности и исследования динамического аспекта языка, т.е. языка в действии, речи. Р.д. включает процесс порождения (говoreние/написание) и восприятия (слушание/чтение, понимание) высказывания/текста и результат этой деятельности с явными и скрытыми следами завершившейся деятельности. Именно в Р.д. проявляется глубинная сущность языка, его функций, его безграничных выразительных возможностей. Р.д. – один из способов социального взаимодействия людей наряду с познавательной, учебной, трудовой, игровой и т.д. деятельностью. Обучаясь речи на языке своего окружения, ребёнок реализует генетически заложенную в представителе рода *Homo sapiens* языковую способность, одновременно познаёт стоящий за словами и выражениями мир, ценностные ориентиры, поведенческие нормы данного общества, таким образом проходя этап первичной социализации, т.е. вступая в человеческое общество данной языковой, материальной и духовной культуры.

Р.д. органично вплетена в другие формы социального взаимодействия и характеризуется всеми признаками деятельности вообще. В первую очередь это категории мотива, цели, стратегии и тактики как средств достижения планируемого результата, его эффективности в определенных ситуативных условиях. Как любая другая деятельность, она может оказаться уместной и неуместной в данных обстоятельствах, успешной, эффективной или ошибочной, нерезультативной.

Операциональной единицей Р.д. является Речевой акт (см.). Создавая речевые акты, творец речи использует в качестве инструмента единицы и правила системы языка, но не просто воспроизводя их, а «творя», проявляя свой уровень владения этим универсальным даром, демонстрируя себя как Языковую личность (см.). Р.д. – сложное речемыслительное явление, обладающее разными аспектами: коммуникативным (общение), семиотическим (использование языка как знаковой системы), информационным (создание, передача и обмен информацией) и орудийным, исполнительским [Кубрякова 1986: 12].

Употребляясь в речи, язык не только описывает мир, выражает содержание знания, но способен быть и самим реальным действием, элементом самого мира. Наиболее ярко эту мысль иллюстрируют перформативы в сочинениях английского философа Дж. Остина («Слово как действие») и американского учёного Дж.Р. Сёрля («Классификация иллокутивных актов»).

Высказывание *Он обещал не опаздывать* описывает ситуацию прошлого, а *Я обещаю не опаздывать* есть сам акт обещания. Это так называемое перформативное высказывание с глаголом в 1-м

лице. Точно так же в ситуации бракосочетания *Объявляю вас мужем и женой*. Или: *прошу, благодарю, поздравляю, сомневаюсь, рекомендую, советую, клянусь, проклинаю, завещаю, гарантирую* и др.

Лит.: Абелева И.Ю. Речь о речи. Коммуникативная система человека. М., 2004; Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986; **Наука глазами гуманитария**. М., 2005; **Основы речевой деятельности**. М., 1974; Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXVII. Теория речевых актов. М., 1986; Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXVII. Теория речевых актов. М., 1986.

А.А. Бернацкая

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА. См. ТИПЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

РЕЧЕВАЯ МОДЕЛЬ. См. ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ

РЕЧЕВАЯ НОРМА, или **НОРМА РЕЧИ**, – понятие, определяемое по-разному в зависимости от аспекта его рассмотрения – с точки зрения речевой деятельности и с точки зрения её продукта, однако и в том, и в другом случае имеется в виду язык в его функционировании.

1. То же, что **коммуникативно-прагматическая норма** (норма речевого общения/поведения), которую называют также речеповеденческой, лингвопрагматической, лингвоэтологической, конверсационной и определяют как принципы/постулаты/максимы и правила речевого поведения (см. Коммуникативная норма, Коммуникативные постулаты).

В качестве одного из компонентов коммуникативной нормы называют **этикетные нормы** (правила речевого этикета) и – шире – **этические**. Однако, поскольку прагматические постулаты речевого общения в значительной части имеют этический характер, существует противоположная точка зрения: не этические нормы входят в коммуникативные и подчиняются им, а «коммуникативные нормы “подчиняются” этическим: если эти нормы вступают в противоречие, то приоритет должен принадлежать этическим нормам...» [Ипполитова и др. 2004: 165]. В итоге признаётся взаимосвязь этических и коммуникативных норм и тот факт, что разделить их можно лишь условно.

2. То же, что **текстовая норма** (норма текста) – правила построения письменного или устного текста, обеспечивающие его связность, цельность, адекватность авторской интенции, а также средне-статистические языковые характеристики текстов определённой стилевой и жанровой принадлежности. Это определение характеризует общие закономерности построения текста. Такая **общая текстовая норма** не совпадает с **индивидуально-авторской нормой** – нормой индивидуального стиля, по которой возможна идентификация текстов того или иного автора, особенно если речь идёт о художественном тексте.

Разновидностями текстовой нормы являются **Стилистическая норма** (см.) и **Жанровая норма** (см.). В рамках текстовой нормы могут быть также рассмотрены **нормы композиционно-речевые** (мотивированная последовательность частей, их логичность и пропорциональность, оправданный выбор композиционно-речевых приёмов); **нормы, связанные с техническим оформлением текста** (правила оформления сносок, библиографии, правила цитирования, деление текста на абзацы и т.д.); **нормы нерегулярной встречаемости однородных в каком-л. отношении языковых единиц** (система статистических показателей, характеризующих «принцип нерегулярности текстовой структуры»: отсутствие закономерностей в чередовании языковых единиц, их повторяемости, совместной встречаемости единиц одного парадигматического класса) как нейтральный вариант Р.н.

Нормы речевого общения и нормы текста имеют общую основу в виде Коммуникативных постулатов (см.) и Коммуникативных качеств речи (см.).

3. Родовое понятие для обозначенных выше норм, т.е. совокупность постулатов, правил ведения разговора (коммуникативно-прагматическая норма) и правил построения текста того или иного типа (текстовая норма). При таком понимании Р.н. в её составе можно выделить, помимо обозначенных выше, нормы: **ситуационно-речевую** (соответствие речи социальной роли, коммуникативному намерению, условию и обстановке, в которой происходит общение), **информационно-речевую** (смысловая полнота и завершённость, отсутствие превышения оптимального количества информации, используемой для передачи сообщения), **логико-речевую** (формально-логическую как соблю-

дение законов формальной логики; предметно-логическую как соответствие содержания речи общепринятой картине мира), **этико-речевую** (система нравственных предписаний к речи говорящего) и **эстетико-речевую** (эстетическая выдержанность речи как её максимальная приближённость к идеалу прекрасного).

Существуют работы, в которых нормы языка (собственно языковые нормы) и нормы речи не разграничиваются или нормы речи приравниваются к узусу.

Лит.: Анисимова Е.Е. Коммуникативно-прагматические нормы // Филологические науки. 1988. № 6; Анисимова Е.Е. Об императивности и изменчивости текстовых норм // Функционирование системы языка в речи / под ред. Н.К. Грабовского. М., 1989; Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск, 2008; Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993; Зиновьева А. Стилистическое значение, коммуникативно-прагматическая норма и контекст // Семантика языковых единиц и её нейтрализация в тексте. Курск, 1988; Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи: учебник. М., 2004; Колтунова М.В. Нормы конвенционального речевого поведения и практика их соблюдения в официальной деловой речи // Вопросы культуры речи / отв. ред. А.Д. Шмелёв. М., 2007. Вып. 9; Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. М., 2009; Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Медникова Э.М. Сочетаемость слов и соотношение «норма языка – норма речи» (на материале русского и английского языков) // Сб. науч. тр. ГГПИИЯ. Вып. 145. Проблемы сочетаемости слов. М., 1979; Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994; Нормы человеческого общения: тезисы докладов межвуз. науч. конф. Горький, 1990; Самгар В.Н. Сферы регуляции и нормы речевого поведения // Филологические науки. 2003. № 3; Скороходова Е.Ю. Динамика речевых норм в современных текстах массовой информации: КД. М., 2008; Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001.

Г.А. Копнина

РЕЧЕВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – одно из основных этических качеств, которым должен обладать говорящий; составляющая коммуникативной культуры; регулятор взаимоотношений между людьми и социумами; социально значимое качество личности. Р.о. подразумевает связь слова и дела, предугадывание возможных последствий своих речевых действий, уважительное отношение к людям. В любой коммуникации говорящему необходимо осознавать, что он несёт личную ответственность за содержание и форму речи. Это предполагает развитие способности прогнозировать результаты воздействия своей речи на собеседника, предварительное обдумывание речи. В следовании обязанности отвечать за свои речевые действия, а также за их последствия помогает Эмпатия (см.). Понимание действий, поступков, эмоций другого человека способствует осознанию того, как речь может повлиять на собеседника. При эмпатическом слушании, как отмечают Ю.С. Крижанская и В.П. Третьяков, открыты все каналы воздействия, отключены все психологические защиты, ослаблены все барьеры, партнёры понимают не только слова друг друга, но и чувства, состояния, возникают активные реакции, обеспечивающие рефлексивное слушание: выяснение, перефразирование, отражение чувств, резюмирование [Крижанская, Третьяков 1999].

А.К. Михальская, вслед за американским лингвистом Р. Лакофф, полагает, что для успешной речевой коммуникации необходимо сотрудничество говорящего и слушающего: именно это речевое сотрудничество выражает этический аспект процесса коммуникации. А главное проявление этики речевого общения состоит в учёте говорящим воздействия своей речи на слушающего и соблюдении трёх принципов: 1) Не навязывайся; 2) Выслушай собеседника; 3) Будь дружелюбен [Михальская 1996: 95–96]. Соблюдать постулат ответственности современного человека учит весь опыт истории литературы, философии, риторики, религии. Апостол Павел говорит: *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим* (Послание к Ефесеянам, гл. 4, 29). Иоанн Дамаскин пишет: *Умный способен понимать даже мысли ближнего, наблюдая за его поведением и обликом. Душе израненной доброе слово – лекарство*, – отмечает Григорий Богослов. Если начинаете говорить, то будьте готовы к ответственности. Этому учат нас и русские народные пословицы: *Лучше оступиться, чем оговориться; Проврался, что про-*

крался; От одного слова да навек ссора; Скажешь с ноготок, а перескажут с локоток; Сначала подумай, потом говори.

Этическая ответственность автора речи определяется его стремлением сделать благо собеседнику, пониманием того, что конструктивными, целесообразными и эффективными могут стать те добрые намерения, которые совместимы с интересами другого, его взглядами, мировосприятием. Ответственности в отношении к людям учит Евангелие: *И так во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки* (Матф. 7: 12).

Безответственное отношение к своим речевым действиям наносит вред не только окружающим, но и самому человеку: разрушая его отношения, провоцируя коммуникативные неудачи, конфликты: *Каков привет – таков ответ; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить* (Мф. 7, 2). В ряде случаев отсутствие Р.о. имеет последствия уголовного и административного характера: наложение штрафа, преследование в судебном порядке и т.п. По сути дела, критерием ответственности или безответственности говорящего является соблюдение или несоблюдение им Коммуникативных постулатов (см.).

Р.о. должна быть необходимым параметром характеристики таких профессий, как журналист, педагог, врач, дипломат, менеджер, продавец и мн. др. В профессиях, где определяющую роль играет работа со словом, Р.о. становится фактором, определяющим профессиональную пригодность. Р.о. – одно из основных требований, которое предъявляется к человеку, чья деятельность связана с практикой публичных выступлений – к ритору. А.А. Волков пишет: «Ритор не должен: создавать заведомо ложные высказывания и вводить аудиторию в заблуждение относительно содержания и целей речи; <...> относительно своих личных интересов, связанных с предметом речи и предложениями и т.п.; ритор принимает на себя личную ответственность за последствия решений, которые предлагает; ритор несёт ответственность за свою речевую компетентность – ясность, определённую, последовательность, доказательность аргументации. Ритор обязан уважать нравственные принципы, убеждения и верования аудитории, к которой он обращается» [Волков 2001: 74–76]. В настоящее время в некоторые курсы, напр., риторики, включаются материалы, помогающие формировать Р.о. Осознать связь между словом и делом, необходимость выполнять свои обязанности по отношению к людям помогает в т.ч. изучение в курсах культуры речи и риторике таких речевых жанров, как «утешение», «совет», «обещание» и т.д.

Лит.: Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Гришина И.А. Педагогические условия формирования речевой культуры студентов гуманитарного вуза: КД. Казань, 2001; Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. М., 1999; Ладыженская Н.В. Будь своему слову господин: о речевой ответственности. URL: www.distedu.ru/mirror/rus/rus.1september.ru/2004/03/5.htm; Михальская А.К. Основы риторики: мысль и слово. М., 1996; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997; Смелкова З.С., Ассуирова Л.В., Савова М.Р., Сальникова О.А. Риторические основы журналистики. М., 2003.

А.Н. Смолина

РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ. СМ. КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ

РЕЧЕВАЯ СРЕДА обычно понимается достаточно узко – как окружающая человека среда бытования иностранного языка, способствующая его более быстрому и глубокому освоению. Но это, скорее, языковая среда, хотя окружает человека именно речь: в надписях, объявлениях и говорении других людей.

Вне Р.с., в её широком понимании, человек оказывается только в одиночной камере тюрьмы. Р.с. окружает человека с самого его рождения, она формирует его языковые навыки, от неё зависит, какой язык станет для него родным, она же формирует его речевую культуру, её тип (см. Типы речевой культуры). Если ребенок растёт в диалектной и просторечной среде, овладение литературным языком потребует от него специальных усилий (через чтение книг, специальные занятия). Если ребёнок окружает Р.с. литературного языка, овладение им пройдёт естественно, причём в первые же годы жизни. Так, напр., с первых же лет жизни ребёнок усвоит правильное произношение безудар-

ных гласных: не *сяло*, а *сило* (село), не *пятно*, а *питно*, будет говорить *кладут*, а не *ложат* и т.д. Если ребенок никогда не слышит дома матерных слов, он понимает, что их не следует употреблять, и будет по крайней мере осторожен в их использовании.

Р.с. формирует не только языковые, но и речевые навыки человека (речевой этикет, характер лексикона, правильную или неправильную речь). Кроме того, Р.с. оказывает большое влияние на формирование языкового вкуса человека (отношение к высокому и низкому стилю речи, к допустимости, недопустимости или осознанному самоограничению употребления табуированной лексики, т.е. мата), его манеры общения. По мере взросления человека меняется Р.с. – это уже не только семья. Характерна народная мудрость, выраженная в пословице: с кем поведёшься, от того и наберёшься. Однако то, что было заложено в человеке с раннего детства, – своеобразная «прививка от заразы».

От Р.с. зависит и речевое поведение человека в конкретной ситуации общения: более свободное, раскованное в семье, среди друзей, среди равных по возрасту, социальному статусу и более контролируемое в среде посторонних, тем более среди старших по возрасту и социальному положению. Именно от Р.с. (не только от партнёра общения, но и от его наблюдателей) зависит прежде всего официальность или неофициальность, непринуждённость общения. При посторонних в общении даже очень близких людей недопустима фамильярность. От партнёра и от окружения зависит, как обратиться к нему (по имени или имени и отчеству, *Сергей*, *Серёжа* или *Серёга*, на *ты* или на *Вы*, сказать *Здравствуй*, *Здравствуйте*, *Привет*, а может быть, *Приветик* и т.д.) Человек всегда должен понимать, что можно и чего нельзя произносить не только **где и кому**, но и **при ком** (см. Фактор третьего лица).

Лит.: Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010.

О.Б. Сиротинина

РЕЧЕВАЯ ФИГУРА. СМ. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА

РЕЧЕВАЯ ЭТИКА – 1. Один из базовых компонентов культуры речи, обеспечивающий гармонизацию общения коммуникантов в духе взаимной уважительности и соблюдения интересов общающихся. 2. Раздел речеведения, рассматривающий этические принципы и правила, по которым должны строиться высказывания и тексты, соответствующие требованиям элитарной (полнофункциональной) речевой культуры. Р.э. представляет собой совокупность этических и лингвопрагматических норм и постулатов, имеющих преимущественно этический характер, а также моральных суждений, содержащихся в афористике, фольклоре и национальной фразеологии.

Р.э. базируется на общечеловеческих и национальных нравственных ценностях и является средством поддержания гармонии общения в любой коммуникативной ситуации. Она входит в содержание понятия коммуникативной компетенции личности. Р.э. включает в себя два аспекта: собственно этический и этикетный, и представляет собой, с одной стороны, следование этикетным нормам, а с другой – подразумевает речевую реализацию ценностных установок говорящего (этических концептов): толерантности, эмпатии, правдивости, справедливости, скромности, сдержанности, миролюбия и нек. др.

Собственно этическая часть Р.э. предполагает изучение того, в каких ситуациях и формах воплощаются в процессе речевого общения указанные выше этические концепты. Эти базовые основания Р.э. можно рассматривать как основные этические нормы речи, предполагающие, что основной целеустановкой создателя речевого произведения должны быть, прежде всего, концепты «добро» и «истина».

Этикетная часть Р.э. воплощает категорию вежливости, понимаемую как уважение к достоинству собеседника или адресата. Она требует знания и применения в речевой практике правил и формул Речевого этикета (см.) в разных ситуациях речевого общения, в т.ч. фатического (см. Фатическое общение), учёта социального статуса и роли участников коммуникативного события.

Тексты, положительно маркированные с точки зрения Р.э., не должны содержать категоричных, грубых высказываний, так или иначе унижающих личность и человеческое достоинство собеседника, а также приёмов введения собеседника в заблуждение.

Нарушение обозначенных выше правил (норм) ведёт к Этико-речевым ошибкам (см.). Несколько примеров нарушений Р.э.:

1) *В отличие от поверхностно образованного Владимира Вольфовича, я специалист-криминолог, и я эту проблему изучал долгие годы* (Телеканал «Россия-1». Поединок. 18.11.2010). Говорящий (юрист Генри Резник) указывает на поверхностность образования собеседника, чем унижает его достоинство;

2) Ника Стрижак: *Александр Глебович, ваше отношение к Русской православной церкви? Александр Невзоров: Ну, я, во-первых, удивлён относительной здравостью двух последних реплик. Во-вторых, как я уже говорил, мы абсолютно не обязаны знать те особенности внутренних игр некой костюмированной корпорации, которые эта корпорация для себя установила* (5 канал. Открытая студия. 14.02.2011) – в высказывании журналиста А. Невзорова можно увидеть отклонение от этического концепта «толерантность», поскольку в пресуппозиции первого предложения содержится следующий смысл: «Обычно речь деятелей русской православной церкви не отличается здравым смыслом». Во втором предложении церковь названа «костюмированной корпорацией» – номинацией, несущей уничижительный смысл, что, по сути, является оскорбительным.

Кроме того, нормы Р.э. нарушаются вследствие использования стратегий дискредитации, нападения, а также манипуляции и демагогии:

3) *Если бы даже против меня был не такой собеседник, как наш самый блистательный полемист-популист Владимир Вольфович Жириновский, а какой-нибудь косноязычный негр преклонных лет, у меня не было бы шансов* (Телеканал «Россия-1». Поединок. 18.11.2010) – говорящий пытается дискредитировать оппонента, «наклеивая» на него «ярлык» популиста, действие которого усиливает определение «блистательный»;

4) *Я поступаю абсолютно правильно, поскольку я занимаю один из важнейших постов в России* (Первый канал. Судите сами. 14.10.2010) – стратегия манипуляции реализуется за счёт несостоятельного аргумента (псевдоаргумента), поскольку тот факт, что говорящий занимает высокий пост, не может являться гарантией его верных решений и поступков. Кроме того, такое заявление свидетельствует о беспочвенном самомнении говорящего.

Лит.: Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; **Культура русской речи:** учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1999; **Культура русской речи и эффективность общения.** М., 1996; **Ларина Т.В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009; **Михальская А.К.** Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996; **Сковородников А.П.** О содержании понятия «Этико-речевая компетенция» // Мир русского слова. 2012. № 4; **Сковородников А.П., Копнина Г.А.** Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал СФУ. Сер. Гуманитарные науки. Спецвыпуск «Культура речевого общения». 2009. № 2; **Сурикова Т.И.** Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007; **Формановская Н.И.** Культура общения и речевого поведения. М., 2010; **Leech G.N.** Principles of Pragmatics. New York, 1983.

Н.А. Володько, Э.А. Королькова

РЕЧЕВÉДЕНИЕ – новая, ещё окончательно не оформившаяся область знания, иначе – **лингвистика речи** (в отличие от собственно лингвистики языка, языковедения). Термин «Р.» употребляется по отношению к комплексу научных дисциплин, объектом изучения которых является речь, речевая деятельность, т.е. речеведческих дисциплин. В лингвистике две сферы исследований, в одной изучаются языковые системы (строй языка), в другой – речь. Лингвистика речи имеет своим объектом конкретное говорение, употребление языка, его динамику и результат этого процесса (речевые произведения, тексты).

Целесообразно различать названные сферы исследования, поскольку язык – это орудие общения, а речь – это вид общения, реализация через действующую систему языка основной коммуникативной функции последнего, которая у языка (строя) лишь потенциальна.

Хотя обоснование различения понятий языка и речи было осуществлено ещё в начале XX в., но почти до конца столетия языковеды изучали именно систему (строй) языка и в меньшей степени речь, главным объектом лингвистики считали систему языка. Поэтому если можно говорить о сложившейся теории языка и почти исчерпывающем описании его системы (и систем конкретных языков), то этого нельзя сказать о речи. Создание теории речи, Р. ещё предстоит. Но такая науковедческая ситуация в лингвистике не означает, что в ней не накоплен материал по проблемам Р. и конкретному анализу речи. Он достаточно обширен, т.к. с 60-х гг. и особенно в 70–80-е гг. XX в. активизируются исследования лингвистики речи. Сам термин «Р.» в русистике зафиксирован в некоторых работах 60–70-х гг. (М.Н. Кожина, Т.А. Ладыженская, А.А. Холодович).

Более распространено понимание Р. в области лингводидактической практики, а именно как «педагогическое Р.». Это речеведческие знания о разновидностях речи, в т.ч. педагогической, и способах её совершенствования, особенностях педагогического диалога и т.д. Однако Р. не ограничивается указанной отраслью. Теоретики языкознания пришли к необходимости изучения не только строя языка, его системы, но и его использования в речевой деятельности, употребления человеком, функционирования в разных сферах общения. Появляются новые научные дисциплины и направления (психолингвистика, функциональная стилистика, теория речевых актов, прагматика, неориторика, персонология и др.), исследующие живую коммуникацию. При этом важным признаком речи называется речевая системность [Кожина 1972; Гальперин 1981]. Характерно, что все речеведческие дисциплины взаимосвязаны: объединяющим их началом является **динамика речи, употребление языка человеком (речедееателем)** – главнейший признак, обуславливающий все другие её признаки. Именно употребление (функции) языка в действии изучает каждая из указанных выше дисциплин [Лингвистический... 1990: 389–390].

Имеется и другой подход, опирающийся на более конкретные признаки речи. Так, Т.В. Шмелёва называет такие параметры речи: **роль, фактура, сферы, жанр, правило** [Шмелёва 1997: 304]. В связи с этим речеведение включает пять разделов. Первый, учитывающий роли участников речи, речедееателей. Это исследование авторской речи и роли адресата, отсюда – диалогичности. Необходимо создать «список коммуникативных ролей – переводчик, интерпретатор, комментатор, диктор, декламатор, актёр, импровизатор» и т.д. Второй раздел – учение о фактуре речи, которое должно исследовать дифференциацию речи по признаку устная – письменная, печатная, телеграфная, телефонная, радио-, телеречь, компьютерная. Третий – учение о сферах речи, которое «должно занять центральное место», поскольку этот фактор является «важнейшим в дифференциации языка, определяющим его систему функциональных стилей» [Шмелёва 1997: 306]. Четвёртый – учение о жанрах речи, намеченное ещё в работах М.М. Бахтина. Наконец, учение о правилах речи, менее других разработанное в отечественном языкознании.

Лит.: **Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества. М., 1979; **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; **Дементьев В.В.** Теория речевых жанров. М., 2010; **Кожина М.Н.** О речеведческом аспекте лингвистического исследования // Исследования по стилистике: сб. науч. тр. Пермь, 1970; **Кожина М.Н.** О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966; **Крысин Л.П.** Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976; **Лингвистический энциклопедический словарь.** М., 1990; **Мещеряков В.Н.** Предисловие к словарю-справочнику «Педагогическое речеведение». М., 1998; **Рождественский Ю.В.** Введение в общую филологию. М., 1979; **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003; **Холодович А.А.** О типологии речи (1977) // Проблемы грамматической теории: сб. ст. Л., 1979; **Хорошая речь:** сб. ст. Саратов, 2001; **Шмелёва Т.В.** Речеведение. Теоретические и прикладные аспекты. В. Новгород, 1996; **Шмелёва Т.В.** Речеведение: в поисках теории // Stylistyka-VI. Opole, 1997; **Шмелёва Т.В.** О термине «речеведение» // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 1. Красноярск, 1999.

М.Н. Кожина

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ – это влияние, оказываемое на кого-л., что-л. посредством речи (речевого действия). Можно сказать, что Р.в. – это функциональный вариант речевого поведения, основная цель которого – оказать влияние на собеседника (одиночного или коллективного), скорректировать его отношение к тем или иным явлениям, событиям, фактам, персонам и т.д. И.А. Стернин даёт такое определение рассматриваемому феномену: «Речевое воздействие – это воздействие на человека при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин 2003: 5]. А.А. Леонтьев, рассматривая Р.в. с психолингвистической точки зрения, квалифицирует его как социально ориентированное общение, которое «предполагает изменение в социально-психологической или социальной структуре общества или стимуляцию прямых социальных действий через воздействие на психику членов данной социальной группы или общества в целом» [Леонтьев 1997: 256]. Естественно, Р.в. может осуществляться и по отношению к отдельной личности. Это и даёт основание цитируемому автору заключить, что «речевое воздействие есть преднамеренная перестройка смысловой <...> сферы личности» [Леонтьев 1997: 259]. Регулирующий характер Р.в. подчёркнут в определении, предложенном А.Н. Щукиным: «Речевое воздействие. Регуляция поведения *реципиента* с помощью обращённой к нему речи (устной, письменной, через средства массовой информации)» [Щукин 2007: 276].

В цитируемой выше работе И.А. Стернин отмечает, что способы и приёмы Р.в. «изучает новая наука – наука о речевом воздействии, об эффективном общении» [Стернин 2003: 5]. Если не сводить риторике только к науке и искусству публичной речи (оратории), а понимать её как науку об эффективном речевом общении во всех его проявлениях, как речеведческую науку универсального характера [Клюев 2005: 242], задача которой «состоит в понимании и пользовании всеми видами слова, а не только публичной устной речью» [Рождественский 1997: 10], то науку о Р.в. можно рассматривать как один из аспектов риторики (как теоретической, так и прикладной).

С инструментальной точки зрения (со стороны способов) Р.в., как и речевое общение в целом, может быть разделено на вербальное и невербальное. При вербальном воздействии происходит выбор и использование языковых средств воздействия (слов, грамматических форм, синтаксических конструкций, стилистических фигур и т.д.). Невербальное Р.в. – это воздействие посредством паралингвистических средств: интонации, жестов, мимики, позы, дистанции общения, внешнего вида говорящего (см. Паралингвистические средства общения).

С точки зрения целенаправленности (интенции) Р.в. может быть убеждающим, внушающим, манипулятивным, агрессивным (см. Аргументация, Речевое манипулирование, Речевая агрессия) и др.

Основными факторами Р.в., по И.А. Стернину, являются «1. фактор внешности; 2. фактор соблюдения коммуникативной нормы; 3. фактор установления контакта с собеседником; 4. фактор взгляда; 5. фактор физического поведения во время речи (движение, жесты, позы); 6. фактор стиля общения (дружелюбный, искренний, эмоциональный, монотонный, доминантный, паритетный, воодушевляющий и др.); 7. фактор размещения в пространстве; 8. фактор содержания; 9. фактор языкового оформления; 10. фактор объёма сообщения; 11. фактор расположения элементов содержания; 12. фактор времени; 13. фактор количества участников; 14. фактор адресата» <...> «Иногда, – отмечает И.А. Стернин, – говорят ещё о факторе жанра (учёт правил эффективности определённого жанра речи – митинговое выступление, критика, спор, замечание, приказ, просьба и т.д.), однако, по видимому, фактор жанра – это грамотное использование всех факторов речевого воздействия в конкретной ситуации общения» [Стернин 2001: 55–56].

Фактор жанра не стоит исключать из приведённого перечня хотя бы потому, что выбор жанра, не адекватный ситуации, неизбежно приводит к коммуникативной неудаче, как и неадекватный выбор речевой стратегии и речевых тактик. Поэтому фактор стратегии и тактики также следует включить в вышеозначенный перечень.

Лит.: **Блакар Р.М.** Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987; **Иссерс О.С.** Речевое воздействие: учеб. пособие. М., 2011; **Киселёва Л.А.** Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 2005; **Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б.** Язык СМИ: учеб. пособие. Саратов, 2011; **Котов А.А.** Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: АКД. М., 2003; **Леонтьев А.А.** Основы психолингвистики. М., 1997; **Риторика в системе гуманитарного знания:** тезисы VII Междунар. конф. по риторике (Москва, 29–31 января 2003 г.). М.,

2003; **Рождественский Ю.В.** Теория риторики. М., 1997; **Стернин И.А.** Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001; **Стернин И.А.** Практическая риторика: учеб. пособие. М., 2003; **Черепанова И.** Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. СПб., 1996; **Шелестюк Е.В.** Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Челябинск, 2008; **Шмелёв А.Д.** Ещё раз о средствах воздействия на читателя // Журналистика и культура русской речи. 2005. № 1; **Щукин А.Н.** Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. М., 2007.

А.П. Сковородников

РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ, или **ЯЗЫКОВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ**, – речевое воздействие, осуществляемое путём искусного использования определённых ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата в интересах манипулятора. Ср. замену обязательной надписи на рекламе сигарет *Курение опасно для вашего здоровья* на *Курение может навредить вашему здоровью*, содержащую семантическую пресуппозицию *а может и не навредить*. В психологии манипулирование понимается как вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому внедрению в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у него в данный момент [Доценко 2000: 59–60]. Скрытым, или незаметным, для адресата является не только факт воздействия, основанного на внушении (у адресата обязательно сохраняется иллюзия самостоятельности принятия решений и осуществления действий), но и намерение манипулятора. Такое скрытое воздействие может осуществляться при помощи различных знаковых систем, напр. чисел, зрительного ряда, музыкального сопровождения, а также языка (см. [Кара-Мурза 2001; Шейнов 2002; Блакар 1987; Денисюк 2004; Язык как средство... 1983]).

Примерами речевой манипуляции могут служить также вопросы *Почему Ваша фирма столь популярна в нашем городе?* (если факты, свидетельствующие о популярности фирмы, до этого не приводились), *Вы будете оплачивать покупку по карте или наличными?* (в ситуации, когда покупатель сомневается в необходимости совершения покупки), *Из-за чего у Вас тут все увольняются?* (при увольнении одного сотрудника) или использование слова в несвойственном ему контексте для привлечения внимания потребителя *Эксклюзивные продукты!* (вывеска на двери магазина).

Несмотря на то, что приёмы речевого манипулирования хорошо изучены (см., напр., [Булыгина, Шмелёв 1997; Михальская 1996; Сковородников 1997; Сурикова 2007; Копнина 2008]), общепринятой их классификации не существует.

Манипуляция имеет место в том случае, если в результате воздействия адресант (инициатор общения) получает односторонние преимущества или выгоду, поэтому она нарушает нормы риторической этики. Не считают манипуляцией «скрытое управление», преследующее «вполне благородные цели», напр., «когда родитель вместо приказов незаметно и безболезненно управляет ребёнком, ненавязчиво подвигая его к действиям в правильном направлении» или когда «женщина с помощью женских хитростей скрыто управляет мужчиной, дабы он избавился от вредных привычек <...>» [Шейнов 2002: 4].

Эффективность общения зависит не только от умения грамотно строить и произносить речь, воздействуя на адресата в нужном направлении, но и в значительной степени от умения адекватно реагировать на манипулятивное поведение, что затруднительно без знаний механизмов манипуляции, в т.ч. речевой, и способов противостояния ей.

Лит.: **Беляева И.В.** Феномен речевой манипуляции: лингвоюридический аспект: КД. Ростов н/Д, 2009; **Блакар Р.М.** Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987; **Булыгина Т.В., Шмелёва А.Д.** Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997; **Двойнина Е.В.** Речевая манипуляция в Интернет-дискурсе: КД. Саратов, 2010; **Денисюк Е.В.** Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: АКД. Екатеринбург, 2004; **Доценко Е.Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 2000; **Кара-Мурза С.Г.** Манипуляция сознанием. М., 2001; **Копнина Г.А.** Речевое манипулирование: учеб. пособие. М., 2008; **Михальская А.К.** Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике: учеб. пособие. М., 1996; **Реклама:** внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход: учеб. пособие. Самара, 2001; **Родченко А.М.** Языковое ма-

нипулирование общественным сознанием в тоталитарном государстве: КД. Кемерово, 2006; **Сквородников А.П.** Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюллетень. Красноярск, Ачинск, 1997. Вып. 2; **Сурикова Т.И.** Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007; **Шейнов В.П.** Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). М.; Мн., 2002; **Язык как средство идеологического воздействия**: сб. обзоров. М., 1983.

Г.А. Копнина

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ – взаимная связь, коммуникация между людьми посредством речи. Аналогично определяется речевое общение в специализированных словарях: «Общение с помощью речи для достижения целей коммуникантов» [Культура русской речи... 2003: 570]. Иногда такие определения даются в более конкретизированном виде, напр.: «форма взаимодействия двух или более людей посредством языка, включающая обмен информацией познавательного или аффективно-оценочного характера» [Азимов, Щукин 1999: 293]; «Речевое общение – это обмен информацией (текстами), в таком обмене действуют по крайней мере двое – передающий и воспринимающий. Поэтому, изучая общение, мы оцениваем речевые взаимодействия коммуникантов – адресанта и адресата: достижение ими поставленных целей, удачи и неудачи коммуникации, применяемые партнёрами языковые средства и тактику речевых ходов. В сущности, в любой речевой деятельности так или иначе происходит общение: читая научную статью или рассказ, я “общаюсь” с автором в том или ином жанре и стиле» [Формановская 2010: 9]. Р.о. – сложное явление, требующее междисциплинарного подхода и изучаемое целым рядом наук: психологией, социологией, лингвистикой, этнолингвистикой, риторикой и др. Можно сказать вслед за А.А. Леонтьевым, что «нет ни малейшего сомнения в той огромной роли, которую играет общение (как бы мы его ни определяли), в жизни и деятельности общества. Уже сам процесс социализации человеческой личности, процесс становления отдельного человека как “общественного человека” (К. Маркс), невозможен без общения...» [Леонтьев 1997: 10].

Р.о. возможно только при наличии у коммуникантов общего социального опыта, при понимании ими собственной социальной роли и роли партнёра в конкретном социальном взаимодействии, ориентировке коммуникантов в ситуации общения [Тарасов 2007: 86]. Для эффективного Р.о. необходимо соблюдение языковых, этических и коммуникативных норм (см. Коммуникативная норма, Языковая норма), коммуникативных качеств речи и, прежде всего, постулатов, максим речевого общения (см. Коммуникативные постулаты, а также [Клюев 1998: 78–126]). Надо иметь в виду, что эффективность Р.о. во многом зависит от умелого использования так называемых невербальных средств общения: зрительного контакта, мимики, жестов, позы, коммуникативного пространства, интонации (см. Невербальные средства общения, а также [Крейдлин 2004; Рогов 2007: 80–138; Матвеева 2003: 168]). Для успешности Р.о. большое значение имеет выбор стратегии и тактики общения, а также речевого жанра (см. Речевая стратегия, Речевая тактика, Речевой жанр, а также [Иссерс 2008: 109–110; Шмелёва 2007: 81–89]).

Эффективность Р.о. обеспечивается также заинтересованностью в общении, личностными особенностями коммуникантов, в частности, толерантностью общающихся, их взаимной Эмпатией (см.), способностью слушать и слышать партнёра и учитывать его интересы, прогнозировать его речевые реакции, критически оценивать своё речевое поведение.

Речевое поведение, отвечающее вышеозначенным критериям, сближается с современным представлением об элитарной речевой культуре (см. Культура речи, а также [Гольдин, Сиротинина 1997: 413–415; Сквородников 2008: 51–59]).

Лит.: **Азимов Э.Г., Щукин А.Н.** Словарь методических терминов (Теория и практика преподавания языков). СПб., 1999; **Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.** Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Головин Б.Н.** Основы культуры речи: учебник. М., 1998; **Иссерс О.С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008; **Клюев Е.В.** Речевая коммуникация. М., 1998; **Крейдлин Г.Е.** Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2004; **Кравченко Я.Ю.** Лексико-стилистические и социально-прагматические особенности неформального речевого общения: КД. Краснодар, 2008; **Культура русской речи**: Энциклопедиче-

ский словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Леонтьев А.А.** Психология общения. М., 1997; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Рогов Е.И.** Психология общения. М., 2007; **Сковородников А.П.** Об элитарном (полнофункциональном) типе речевой культуры и культуре речи // Мир русского слова. 2008. № 2; **Тарасов Е.Ф.** Место речевого общения в коммуникативном акте // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. Учеб. пособие. М., 2007; **Формановская Н.И.** Культура общения и речевого поведения. М., 2010; **Шмелёва Т.В.** Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.

А.П. Сковородников

РЕЧЕВОЕ ПОДДЕРЖИВАНИЕ – модальная стратегия диалогической речи, а именно: речевое поведение коммуниканта, направленное на сохранение его собеседником ведущего положения в диалоге. Средством осуществления данной стратегии выступают **речевые поддержки** – краткие позитивные реакции на развернутые реплики-стимулы коммуникативного лидера на данном участке диалога. Р.п. вместе с Речевым придерживанием (см.) составляют комплексную модальную стратегию влияния на собеседника. Р.п. – это та её ветвь, которая направлена на сближение интенций и обеспечение гармонического речевого взаимодействия речевых партнёров при разработке различных тем.

В кооперативном диалоге партнёры меняются речевым лидерством, поочерёдно переходя с позиции лидирующего коммуниканта на вспомогательную позицию, так что стратегия Р.п. оказывается актуальной для всех участников диалогического общения. Данная стратегия важна для соблюдения общекультурного баланса прав и обязанностей участников диалога, она является нормой общения, оберегает достоинство личности и свидетельствует о личном равноправии собеседников.

Обобщённый смысл Р.п. связан с поощрением речевой активности собеседника, он примерно таков: «продолжайте говорить, я внимателен к вашей речи, мне нужно (интересно, полезно, важно, приятно и т.п.) ваше мнение и общение с вами».

Обычно речевые поддержки стереотипны и реализуются в типовых интеракциях диалога (диалогических единствах). Стандартизуется либо сама реплика-реакция, либо логическая модель реагирования на реплику-акцию. Каждая семантическая разновидность Р.п. характеризуется развитой вариативностью, что даёт говорящему возможность учитывать нюансы взаимоотношений и точно отбирать нужный в конкретном случае стереотип. К стереотипным речевым поддержкам участник диалога волен добавлять групповые или индивидуализированные.

Основные типы речевых поддержек.

Поддакивания – предельно краткие подтверждения обратной связи в речевом общении: *да, так, ну*, а также *угу, м-м-м*, произносимые без раствора губ, и кивок согласия. Могут удваиваться или умножаться (*да-да, ну-ну-ну*), подвергаться интонационному растягиванию (*да-а-а*), окрашиваться тембрально, за счёт чего приобретают дополнительные смыслы эмоциональной расположенности, понимания, согласия или иные. В плане употребления универсальны. Являются коммуникативной обязанностью собеседника.

Поддержки понимания – семантический разряд сигналов Р.п., реализуемый на основе соответствующей лексики: *понимаю, понятно, ясно*. Нередко нагружаются дополнительной семой удивления, внезапного узнавания: *вот как, так вот что, вон оно как*. При нейтральности тона являются признаком безупречной и ни к чему не обязывающей вежливости; интонация задушевности переводит такие поддержки в область знаков психологического сближения с собеседником. Данный тип Р.п. имеет ограничения, связанные с асимметрией социальных ролей и социально-культурным неравенством собеседников. Уместны без оговорок при интеллектуальном, социальном, ситуативном равенстве.

Поддержки согласия – прямое подтверждение мысли речевого лидера: *согласен, верно, правда, это так, не возражаю, точно*. Возможна различная степень уверенности говорящего (*это очевидно, совершенно точно* – подчёркнутое согласие; *возможно, трудно возразить, в общих чертах* – неполное или неохотное согласие). Используются, когда говорящий хочет или вынужден открыто заявить о себе как о единомышленнике речевого лидера. Такой тип Р.п. характерен для социально

равного речевого партнёра или социально-культурного лидера (старшего по возрасту, превосходящего по опыту, с более значимым социальным статусом).

Положительные или унисонные эмоциональные реакции – выражают эмоциональный отклик на содержание речи собеседника: *Здорово!; Колоссально!; Ой-ой-ой; В самом деле?; Не может быть!; Кошмар!; Ишь чего захотел* и т.п. Сильное средство психологического сближения с собеседником. Демографически неоднородны: распространены в женском и подростково-молодёжном общении, широко применяются женщинами в общении с мужчинами; для мужского общения менее характерны и избирательны по составу. Русский разговорный репертуар таких поддержек очень велик, причём помимо разговорных употребительны жаргонные и просторечные коммуникативы: *клёво, суперски, прикольно, стрёмно, фигня, хрень, хреновень, ужаси, страсти-мордасти*. Избыток эмоциональных поддержек формирует беспокойный, взвинченный рисунок диалогической модальности, создаёт впечатление экзальтации.

Реакции заинтересованности (*Интересно; Ну-ну, что же дальше-то?; Рассказывай, рассказывай*) являются прямым побуждением к продолжению коммуникативного лидерства собеседника, особенно если содержат дополнительную эмоциональную окраску: *Да что ты!; Что ты говоришь!; Не может быть!*

Уточняющие содержательные вопросы являются конструктивным приёмом информационного выстраивания диалога и, в то же время, играют роль речевых поддержек. Здесь стандартизованы логические взаимосвязи вопроса с предшествующим высказыванием (-ями) собеседника: вопрос направляется на общую активизацию собеседника в связи с темой, детализацию темы, тематическую ретроспекцию и проспекцию, выявление подтекста предыдущего высказывания (*Что ты хочешь этим сказать?; Ты это о чём?*), модальные аспекты темы (*Думаешь?; Ты уверен?*). Вопросительные реакции являются общей нормой диалогического общения.

Подхват, или договаривание, – активное действие поддерживающего собеседника на информационном поле коммуникативного лидера (*А. В этом есть что-то очень американское, что-то... – Б. Техасское, техасское!*). Данный тип Р.п. удаётся при условии душевной близости собеседников, в иных случаях может отторгаться как бесцеремонное речевое действие.

Различные типы Р.п. могут совмещаться в одной реплике. В целом набор средств Р.п. демонстрирует универсальность модального сопровождения речевой партии собеседника, широту эмоционально-оценочного спектра речевых поддержек и наличие социокультурной регламентации их применения.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990; Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992; Добрушина Е.Р. О видах поддакивания // Вестник МГУ. Сер 9. Филология. 1995. № 2; Матвеева Т.В. Как поддержать разговор. Пермь, 1995; Матвеева Т.В. Коммуникативная стратегия влияния на собеседника в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи / отв. ред. А.Д. Шмелёв. Вып. 9. М., 2007; Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: АДД. Краснодар, 1998; Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2.

Т.В. Матвеева

РЕЧЕВОЕ ПРИДЕРЖИВАНИЕ – модальная стратегия диалогической речи, а именно: речевое поведение коммуниканта, направленное на утрату собеседником ведущего положения в диалоге. Средством осуществления данной стратегии выступают речевые придержки – демонстрация равнодушия и/или краткие критические речевые реакции на развёрнутые реплики-стимулы коммуникативного лидера. Р.п. вместе с Речевым поддерживанием (см.) составляют комплексную модальную стратегию влияния на собеседника. Р.п. – та её ветвь, которая направлена на разграничение интенций, что идёт в ущерб речевому партнёру при разработке темы. Это частное проявление конфронтации, свидетельствующее о каких-л. осложнениях речевого взаимодействия.

Обобщённый смысл Р.п. связан с индифферентным или критическим отношением к речевой активности собеседника, он имеет направленность на тему (а) или, через тему, на личность собесед-

ника (б). Он примерно таков: «я невнимателен к вашей речи, поскольку мне не нужна (неважна, бесполезна, неинтересна, неприятна и т.п.) данная тема (а); ваше мнение и общение с вами мне также не нужны» (б). Фактически Р.п. – это технология речевого противодействия, которая подтачивает и разрушает гармонию речевого взаимодействия.

Последовательное Р.п. тяготеет к области напряжённого и конфликтного общения. В конечном счёте, оно указывает на несовпадение мотивов и целей участников диалога, нежелательность или неприемлемость темы или тональности общения, предложенных коммуникативным лидером, т.е. на отсутствие гармонии общения. Сохранение психологического баланса при таких обстоятельствах общения требует от речевых партнёров взаимной чуткости и правильного оперирования сложной речекультурной техникой Р.п.

Основные типы речевых придержек.

«Нулевое поддерживание» заключается в том, что высказывания лидирующего собеседника лишаются речевых поддержек. Корректный способ Р.п. – когда при правильном переходе от активно-поддерживания к менее активному и, наконец, к прекращению поддерживания речевой лидер имеет возможность не только заметить отказ от гармоничного общения, но и проанализировать его причины, а затем скорректировать собственное речевое поведение (изменить тему, передать речевое лидерство собеседнику и др.).

Тематическое придерживание осуществляется за счёт реплики-реакции, выражающей равнодушное или отрицательное отношение к предложенной теме. Возможна критика темы (*не о чем тут говорить; нашёл о чём говорить!; здесь нечего обсуждать*) или отстранение от темы (*меня это не интересует; я в этом ничего не понимаю; не будем об этом*), в т.ч. на эмоциональном основании (*терпеть не могу такие разговоры!; Что за глупости!; Что ты несёшь!*). Возможно также вытеснение предложенной темы за счёт собственной тематической инициативы или волеизъявления. При отсутствии тональных смягчений или игрового поведения (напр., флирта), является заметным способом актуализации психологического неприятия собеседника.

Отвлекающий вопрос, или вопрос не по теме, заданный в процессе её разработки коммуникативным лидером, является демонстрацией невнимания или наличия собственных целей у второго участника диалога. Типичные коммуникативные модели таких придержек – это ситуативный вопрос (*Это телефон?; Что это за шум такой?*), вопрос о самом собеседнике (*У тебя что, свой стилист?; Ты-то что волнуешься?; У тебя других забот нет?*), переброс на другую тему (*Кстати, а как там с ребёнком-то?; А про наш уговор ты совсем забыла?*). Применение отвлекающих вопросов – явственное свидетельство того, что дальнейшее развитие темы речевым лидером бесполезно.

Критическое замечание о собеседнике – наиболее острый способ Р.п., широко применяемый в общении на близкой дистанции (родственном, приятельском). Служит средством раззадорить собеседника (во время спора, флирта, вынуждения к принятию решения), но и тогда может быть обидным психологическим выпадом, болезненным для речевого партнёра. Стандартизация здесь проявляется в меньшей степени, хотя в общем наборе стереотипных упреков немало: *Ты это уже говорил; Сколько можно повторять?; Ну и медведь!; Хоть кол на голове теши!; Вас заносит; Ты не спешишь с выводами?; Это твоя мнительность* и др.

Прямое сдерживание заключается в краткой открытой формулировке мнения о необходимости свернуть высказывание речевого лидера, лояльной (*Ну, поговорили и будет; Довольно (полно, хватит) об этом* – в мягкой тональности) и резкой (*Перестаньте!; Помолчи, пожалуйста; Уймись же, наконец!*), вплоть до оскорбительной (*Кончай базар! Рот захлопни! Заткнись!*).

Будучи этически спорным явлением, Р.п. требует большой осторожности, если использующий его собеседник хочет сохранить гармонию общения. Речекультурную норму Р.п. составляют нулевое поддерживание, тональное и количественное видоизменение поддерживания (неохотное, как бы вынужденное, и редкое поддерживание); осторожные единичные попытки тематического придерживания и отвлечения собеседника от темы, вежливые формы отказа от развития данной темы. Ненормативное Р.п. способно привести к разрушению психологического баланса и даже общения в целом.

Лит.: Матвеева Т.В. Корректность речевого противодействия // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004; Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М., 2001. См. также лит. в ст. Речевое поддерживание.

Т.В. Матвеева

РЕЧЕВОЕ СОБЫТИЕ – ограниченный в пространстве и времени целостный социально осмысленный и принявший определённую форму процесс речевого взаимодействия коммуникантов, напр.: урок, защита реферата, пресс-конференция, митинг и т.д. [Матвеева 2010: 390–391].

«Речевыми событиями принято считать такие коммуникативные события, совершение которых невозможно без использования в них совершенно конкретных для каждого из таких событий речевых действий и соответствующих им речевых жанров. Речевые события имеют внутреннюю структуру (ситуацию), организованную вокруг речевых процессов и действий» [Гольдин, Дубровская 2002: 5–8].

В.Е. Гольдин говорит о том, что сложное Р.с. состоит из нескольких простых Р.с., а само понятие «простое речевое событие» учёный отождествляет с понятием «жанр». Таким образом, Р.с. состоит из нескольких речевых жанров, связанных между собой в соответствии с некой структурой [Гольдин 1997]. Понятие «Р.с.» является видовым по отношению к понятию «коммуникативное событие».

Коммуникативные события делятся на речевые, которые могут быть простыми и сложными, и неречевые (напр., парад, спортивное состязание, демонстрация мод, танцевальный вечер). Лежащая в основе сложных Р.с. ситуация складывается из более частных Р.с. Существуют сложные Р.с., регулярно повторяемые в связи с теми или иными сезонами или датами (деревенские посиделки, святочные гадания, Татьянин день).

Р.с. имеют внутреннюю структуру (ситуацию), организующую речевые действия. Р.с. также свойственна комплексность: одно лишь действие или процесс, напр. информирование, не составляют события [Гольдин 1997]. Выделяют следующие компоненты Р.с.: 1) словесная речь (то, что говорится, сообщается) и то, что её сопровождает (жесты, мимика, движения, действия и др.); 2) условия, обстановка (пространство, время), в которых происходит общение; 3) социально-ролевые отношения коммуникантов (учитель – ученик, хозяйка – гости) [Педагогическое речеведение 1998].

Р.с. ещё называют **Гипержанром** (см.).

Лит.: Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов, 2002; Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов, 1997; Дубровская О.Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках: КД. Саратов, 2001; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Педагогическое речеведение: словарь-справочник. М., 1998.

Е.С. Архипова

РЕЧЕВОЙ (КОММУНИКАТИВНЫЙ) ИДЕАЛ. См. РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

РЕЧЕВОЙ АКТ – понятие философии обыденного языка (Англия, Оксфорд, конец 1950-х – начало 1960-х гг.), появившееся в отечественном научном обороте после выхода работ Н.Д. Арутюновой. В дальнейшем понятие Р.а. вошло в понятийный аппарат прагматических и семантических исследований.

В философии обыденного языка, в первую очередь в работах Дж. Остина, Дж. Сёрля, Дж. Росса под Р.а. понимается элементарное речевое действие, предполагающее произнесение высказывания с соблюдением правил данного языка, придание ему определённого смысла (номинативного и референциального), программирование последствий. Эти составляющие Р.а.: **локуция, иллокуция, перлокуция**, были соотнесены с понятиями классической риторики, что красноречиво свидетельствовало о близости теории Р.а. к риторике, не востребованной структуралистской филологией XX в.

Введение понятия Р.а. позволило кардинально изменить представление о высказывании и не сводить его к «выражению относительно законченной мысли». Разработана номенклатура Р.а., в которой наряду с выражающими мысль **констативами** наличествуют **вердиктивы** (судейские акты), **комиссивы** (взятие на себя обязательств). Самым замечательным открытием в теории речевых актов стали **перформативы** – высказывания, представляющие собой речевые поступки: приветствие, извинение, благодарность... вплоть до объявления войны.

С помощью Р.а. можно детализировать понятие речевого жанра, противопоставив **одноактные** и **многоактные** речевые жанры – как просьба и уговоры; а также рассматривая особо многоактные воплощения одноактных жанров – ср.: *Помолчите!* и *Помолчите! Я же прошу.*

Ценным для изучения речи оказалось противопоставление **прямых** и **косвенных** Р.а., последние складываются в речи в соответствии с принципами вежливости: просьба в виде вопроса менее категорична. Знание о косвенных Р.а. составляет основу владения речевым этикетом, зависящим не столько от языка, сколько от социальных условий и обычаев.

Понятие Р.а. обнаружило значительную эвристическую ценность за рамками философии быденного языка: оно выявляет деятельностную сторону языкового общения, представляя его как серию Р.а. – словесных поступков; связывает лингвистическую прагматику с проблемами речевого этикета и культуры речи. Для последней важно понятие успешности/неуспешности Р.а., разработка условий неуспешности, или коммуникативных неудач (провалов) и даже речевых самоубийств (З. Вендлер).

Предприняты исследования русского языка с позиций теории Р.а. (М.Я. Гловинская, Е.А. Филатова, Н.А. Ранних).

Теория Р.а. обнаруживает ряд соответствий с понятиями русской филологии: традиционное деление предложений на повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные; функционально-смысловой тип речи и речевой жанр.

Лит.: **Арутюнова Н.Д.** Предложение и его смысл. М., 1976 (раздел «Логико-философские теории речевого акта»); **Вежицка А.** Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; **Гловинская М.Я.** Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993; **Гловинская М.Я.** Убеждения, уверения и доказательства в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000; **Жучков Д.О.** Речевой акт угрозы как объект лингвистического анализа: КД. Воронеж, 2010; **Кожина М.Н.** Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1999; **Лингвистический энциклопедический словарь.** М., 1990; **Москвин В.П.** К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 2005. Вып. 4; **Новое в зарубежной лингвистике.** Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; **Плотникова С.Н.** Риторика и теория речевых актов // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; **Ранних Н.А.** Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: АКД. М., 1994; **Филатова Е.А.** Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: АКД. М., 1997.

Т.В. Шмелёва

РЕЧЕВОЙ ИМИДЖ – публичный речевой облик (образ) человека, внешняя сторона его речевого общения, которая создаётся и культивируется с целью воздействия на адресата. Этот образ может быть реальным, если он соответствует действительной языковой личности, с которой «списан», либо искусственным, если его создание ведётся профессионалами (политтехнологами, режиссёрами, филологами) с помощью рекламы, пропаганды, СМИ, Интернета и проч. средств.

Понятие Р.и. введено в научный контекст довольно давно [Михальская 1996; Шмелёва 1998; Осетрова 1999, 2004], а его проблематика лежит в русле социолингвистики, может быть обозначена как частное направление исследований языковой личности [Караулов 2007] и расположена в ряду понятий «человек говорящий» – «речевая личность» – «речевой портрет» [Крысин 2004: 510–525].

Интерес к Р.и. произрастает из практики общественных взаимоотношений, которая в последние десятилетия связывает социальный успех с публичным имиджем личности: внешностью, поведением, окружением, «легендой», наконец, речью [Спиллейн 1996, 1996а; Кузин 1997; Почепцов 2001; Сергеева 2005]. Как пишет Т.В. Шмелёва, «слово и то, как мы с ним обходимся (выбираем из ряда близких, произносим, соединяем с другими), – характеризует нас в не меньшей степени, чем покроей пиджака или, скажем, серьга в носу» [Шмелёва 1999]. Вместе с тем, речевой составляющей имиджа специалисты уделяют небольшое внимание: всё сводится к общим рекомендациям («держитесь темы», «предполагайте возражения», «вовремя остановитесь»), описанию публичных ситуаций общения

(выступления по радио и телевидению) и механизму написания речей. Диалог фактически исключён из рассмотрения.

Р.и. чрезвычайно важен для целостного образа личности и формируется двумя компонентами: **жанрово-текстовым** и собственно **речевым**.

Публичные тексты, которые субъект направляет аудитории, имеют для его Р.и. принципиальное значение. Оно распределяется по нескольким узлам: ключевые слова («Что для меня является главным?»), лозунги («Что я собираюсь делать?»), а также модели прошлого, настоящего и будущего («Каким я вижу мир во временной перспективе?»). Текстовая составляющая имиджа, если учитывать оперативность и распространённость электронных носителей, с лёгкостью отчуждается от субъекта, распространяется независимо от его воли и составляет относительно автономный информационный фон личности, связанный с нею, однако, прочными ассоциациями. Текстовая составляющая особенно актуальна в моменты перехода субъекта из одного качества в другое: смена социальной роли (переход в «начальники»), внедрение в новую социальную группу (рабочий коллектив, неформальная группа), «переломное» событие (выборы, посвящение, серьёзный проступок/достижение), «переломный» этап (юбилей). Такие пограничные ситуации характеризуются определёнными текстами, порождают их.

Речевая манера как ещё одна важнейшая составляющая имиджа, в отличие от текстовой, неотделима от человека и фактически присвоена им; она включает:

1) языковую компетенцию, т.е. знание языковой системы: орфоэпических, лексических и грамматических норм;

2) речевую культуру, т.е. владение общими коммуникативными и уже – речевыми установками, выработанными в коллективе. Они состоят в освоении правил речевого поведения («не будь категоричен», «не говори неприятностей собеседнику», «будь точен»), в знании норм этикета, в умении «исполнять» типичные коммуникативные роли. Овладеть этими навыками помогают курсы по риторике и культуре речи [Григорьева 1997; Григорьева, Усольцева 1997; Чудинов, Нахимов 2002], а также «кодекс речевого поведения» [Шмелёва 1983];

3) коммуникативную мобильность как способность точно определять возникшие коммуникативные обстоятельства (сферу, ситуацию и пространство общения, тип адресата), а отсюда – правильно выбрать речевой жанр, стратегию и тактику взаимодействия. Без всего этого велик риск потерпеть коммуникативную неудачу, не добившись поставленной цели общения [Иссерс 2006; Антология... 2007; Седов 2011].

4) речевую самостоятельность как умение порождать оригинальные тексты, будучи свободным от затверженных штампов, от необходимости «озвучивания» чужих речей [Гандапас 2010].

Относительная автономность текстового и речевого компонентов порождает проблему асимметрии Р.и., когда наблюдается противоречие между прекрасной идейной/текстовой обеспеченностью и – речевой ущербностью субъекта (косноязычный руководитель, отличник-«затворник») либо, напротив, между коммуникативной свободой и – содержательной пустотой (болтун, словоблуд, сплетница, «пустышка»).

Умения и навыки в перечисленных областях повышают эффективность общения и положительно сказываются на имидже личности в целом. С учётом вышесказанного эффективна следующая последовательность формирования Р.и.: определение коммуникативной сферы, в которой предстоит действовать (бизнес, парламентская или благотворительная деятельность и т.д.) → изобретение основных идей на уровне ключевых слов, лозунгов-императивов, временных моделей → вычленение важнейших ситуаций внутри самой сферы (переговоры, деловые встречи, приёмы, рабочие совещания) → тренинг по овладению речевыми навыками, актуальными в каждой ситуации и в зависимости от распределения коммуникативных ролей. Небесполезен в этой связи метод самоанализа по результатам аудио- и видеозаписей, а также изучение речевых портретов известных коммуникантов: политиков, деятелей шоу-бизнеса, персонажей светской жизни.

Лит.: Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007; Гандапас Р. К выступлению готов!: Презентационный конструктор. М., 2010; Григорьева Т.Г. Основы конструктивного общения: Практикум. М.; Новосибирск, 1997; Григорьева Т.Г., Усольцева Т.П. Основы конструктивного общения: Хрестоматия. М.; Новосибирск, 1997; Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007; Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Крысин Л.П. Русское

слово, своё и чужое. М., 2004; Кузин Ф.А. Имидж бизнесмена: Практическое пособие. М., 1997; Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996; Орешкин В.Г. Формирование речевого имиджа в системе профессиональной подготовки специалиста: на примере профессий типа «человек-человек»: КД. СПб., 2006; Осетрова Е.В. Речевой имидж: учеб. пособие. Красноярск, 2004; Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.; Киев, 2001; Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М., 2011; Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2005; Спиллейн М. Создайте свой имидж: Руководство для мужчин. М., 1996; Спиллейн М. Создайте свой имидж: Руководство для женщин. М., 1996а; Чудинов А.П., Нахимова Е.А. Риторика и культура речи: учеб. пособие. Екатеринбург, 2002; Шмелёва Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1; Шмелёва Т.В. Культурная память слова // Университетская жизнь. 10.02.1999; Шмелёва Т.В. Культура речи: сб. ст. и мат-лов. В. Новгород, 1998.

Е.В. Осетрова

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ – комплексная характеристика речи отдельной (индивидуальной) или коллективной Языковой личности (см.), включающая в себя детальное описание речевых особенностей на всех уровнях реализации языковой компетенции, с учётом специфики речевого поведения, особенностей личных (психологических) и профессиональных (социальных) параметров, условий усвоения русского языка, степени владения им и т.п.

Наиболее глубоко изучены и широко представлены в лингвистической литературе Р.п. писателей (традиционно – «язык писателя»). Это вызвано прежде всего тем, что именно художники слова вносят существенный вклад в развитие национального литературного языка и им «свойственно не речемыслительное производство, а речемыслительное творчество» [Кузнецова 2000: 164]. Немаловажно и то обстоятельство, что для создания Р.п. писателей в распоряжении исследователей имеется самый богатый материал: тексты художественных произведений, письма, интервью, записи устной речи.

В последние десятилетия в отечественном языкознании сформировалось особое направление, изучающее языковую личность в различных её аспектах – лингвистическая персонология, или лингвоперсонология (см. [Лингвоперсонология... 2006]). Одно из её основных понятий наряду с «языковой личностью» – «Р.п.». Перспективность создания Р.п. отдельной или коллективной личности состоит в том, что он с большей или меньшей степенью позволил бы судить о речевых характеристиках возрастной или социальной группы, к которой принадлежит данный человек. «В рамках общей персонологии может быть выделена в самостоятельное направление науки о языке лингвистическая персонология, исследующая состояние языка (индивидуацию) как частночеловеческой языковой личности (идиолектной личности), так и многочеловеческой (полилектной) языковой личности – народа» [Нерознак 1996: 116].

Попытки создать Р.п. личности правомерны в отношении к любой из известных сфер общения. Однако принципы создания и описания Р.п. в лингвистике до сих пор подробно не описаны. Для разных исследователей важными оказываются различные аспекты Р.п. Так, М.В. Панов исследовал в первую очередь фонетические особенности речи разных людей (собственно речевой аспект) [Панов 1990]; Е.А. Земская создаёт Р.п. эмигрантов (социолингвистический аспект) [Земская 2001] и Р.п. ребенка 2–6 лет (социальный и возрастной аспекты) [Земская 1990]; И.В. Голубева восстанавливает Р.п. личности на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы (языковой аспект) [Голубева 2001]; Т.И. Ерофеева описывает Р.п. говорящего (коммуникативный и социальный аспекты) [Ерофеева 1991]; К.Ф. Седов представил Р.п. конкретных языковых личностей с учётом следующих критериев: социально-психологических параметров, профессии, речевых жанров, информативного общения, речевой фатики и др. [Седов 1999].

В задачи создания и анализа Р.п. любой языковой личности входит выявление социальных и психологических характеристик личности, отражающихся в её речи и речевом поведении; установление присущих данной языковой личности речевых особенностей и параметров на фонетическом, словообразовательном, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях (создание собственно Р.п.); описание условий речевой коммуникации, воздействующих на языковую личность в момент

речи, определение характера ситуации общения, ролевых отношений между партнёрами коммуникации, наличия воздействия их друг на друга и пр.

Последовательное выполнение всех этих задач должно привести к созданию Р.п., отражающего уникальную картину речи и речевого поведения языковой личности в разных коммуникативных условиях.

Основным предметом подобного исследования становится Дискурс (см.), анализ которого позволяет создать Р.п. индивидуальной или коллективной языковой личности.

Лит.: Белоусова А.Е. Речевой портрет как структурный компонент макроуровня нарратива: КД. М., 2012; Голубева И.В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы). Таганрог, 2001; Ерофеева Т.И. Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1991; Журавлёва И.В. Творческий портрет персоналии как профессионально значимый жанр речи учителя русского языка и литературы: АКД. Ярославль, 2003; Земская Е.А. Речевой портрет ребёнка // Язык: система и подсистемы: сб. в честь 70-летия М.В. Панова. М., 1990; Земская Е.А. Язык русского зарубежья: общие вопросы и речевые портреты. М.; Вена, 2001; Кузнецова Л.К. Объём концепта «сильная языковая личность» // Язык образования и образование языка: мат-лы междунар. науч. конф. В. Новгород, 2000; Куроедова М.А. Речевой портрет публициста: на примере очерков В.М. Пескова: КД. СПб., 2001; Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография. Барнаул; Кемерово, 2006; Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. лингв. ун-та. М., 1996; Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990; Свистельникова С.А. Речевой портрет оппозиционной газеты: концептосфера, жанры, образные средства: КД. Белгород, 2010; Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999.

С.В. Мамаева

РЕЧЕВОЙ СТАНДАРТ – типовой образец, типовая форма организации речи. Вслед за В.Г. Костомаровым, Е.С. Троянской и др. целесообразно разграничивать «стереотип», «стандарт» и «шаблон» (штамп), считая стандартом лишь такое использование автоматически воспроизводимых языковых средств, которое связано с достижением определённого положительного стилистического эффекта, в отличие от шаблона, или штампа, где этот эффект негативен [Троянская 1982: 252]. В.Г. Костомаров (1971) понимает под стандартом «любое интеллектуализованное средство выражения – независимо от характера и природы – в его противопоставленности средствам с так или иначе выраженной экспрессией <...>. Отличительными чертами стандарта выступают воспроизводимость, однозначная семантика и, прежде всего, нейтрально-нормативная окраска» [Костомаров 1971: 180]. Прагматическая роль Р.с. в газетном языке значительно сложнее и противоречивее, чем в научной и деловой речи, где целью является достижение точности, недвусмысленности изложения. Сменяющие друг друга факты, ситуации жизни и изменяющиеся социально-политические оценки вызывают и быструю смену обозначений, и высокую степень интенсивности их стандартизации. Отличительной чертой Р.с. в газетном языке выступает его непосредственная обусловленность контекстом: с одной стороны, узким контекстом, который здесь подчинён конструктивному принципу контраста, с другой – широким контекстом, который здесь имеет характер синхронно общекультурный.

Очевидной и яркой выступает зависимость интенсивно формирующихся и часто сменяющихся Р.с. газетного языка от узкого контекста, связанного с конструктивной потребностью. В данном случае Р.с. играют роль костяка, обеспечивая надёжность и преемственность словоупотребления при постоянном изменении общего состава средств выражения. Контекст оказывается и не «творческим» (как в художественном произведении), и не «нетворческим» (как в научном и деловом общении), а именно принципиально-конструктивным. Основанный на сталкивании стандарта и экспрессии, он строг, прямолинеен и упорядочен в сочетании слов, но одновременно и терпим к характеру этого сочетания, подвижен в нём, пока соблюдается контрастное противопоставление средств выражения. Вообще газетно-языковые стандарты прямолинейно отражают социально-

политические идеалы, вкусовые устремления, «языковую моду», играющие в газетном языке при отборе средств выражения основополагающую роль в целом [Костомаров 1971: 190–191].

Применительно к газетно-языковому контрасту В.Г. Костомаров определяет Р.с. как антиэкспрессию, а экспрессию – как антистандарт. Смысл этого разграничения в указании на регулярное и последовательное конструктивное противоположение маркированного и немаркированного компонентов. Р.с., по природе предназначенный для воспроизведения, при утрате основного свойства нейтральности воспринимается как штамп. «Шапты – слова и выражения, лишённые образности, часто и однообразно повторяемые без учёта контекста» [Розенталь 1989: 151]. Условием штампа, таким образом, выступает слепой автоматизм, механический характер воспроизводства, что недопустимо в сфере эмоционально-экспрессивной, образной, метафорической. Нанизанные цепочки стандартов – естественное качество газетного языка, но их целесообразное применение – условие сохранения их в качестве положительно-конструктивного средства.

Лит.: Дмитриева Н.Л. Стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания: АКД. Барнаул, 1996; Коровкин М.М. Роль когнитивных моделей в познании и речемыслительной деятельности // Лингвистические маргиналии: сб. науч. тр. Вып. 432. М., 1996; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971; Котюрова М.П. Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998; Лузина Л.Г. Введение: Категории стиля и проблемы стилистики в современном языкознании // Проблемы современной стилистики: сб. науч.-аналитич. обзоров. М., 1989; Матевосян Л.Б. Стационарное высказывание как структурная основа речевого общения: на материале русского языка: КД. М., 2005; Разинкина Н.М. О понятии стереотипа в языке научной литературы (к постановке вопроса) // Научная литература: язык, стиль, жанры. М., 1985; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1989; Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982.

М.П. Котюрова

РЕЧЕВОЙ СТЕРЕОТИП. СМ. КЛИШЕ

РЕЧЕВОЙ ШТАМП (от лат. *stāmpa* – ‘печать’) – некогда образные слова и выражения, потерявшие свою яркость и выразительность в силу большой частотности употребления.

Р.ш. лишают речь конкретности, индивидуальности, простоты и оцениваются негативно. Напр.: *Хронические заболевания суставов – остеохондрозы и артрозы – настоящий бич человечества* (КП. 18.10.2002); ...*Крем, получивший название «СОФЬЯ», <...> начал победное шествие по стране, потом перешагнул и её границы* (АиФ. 2002. № 37).

Редко встречается прагматически мотивированное (оправданное намерением и речевым контекстом) употребление Р.ш., напр.: *Слова «алчное чиновничество», «социальная справедливость», «взять власть» красной нитью проходили через все выступления делегатов четвёртого партийного съезда. Красным были задрапированы сцена, трибуна и стол, за которым сидел президиум <...>. Супруга партийного лидера Татьяна, сидевшая в первом ряду, тоже предпочла надеть костюм алого цвета* (АиФ. 2004. № 28) – происходит актуализация первоначального смысла сочетания *красной нитью*, в результате чего Р.ш. «оживает», выполняя изобразительную и экспрессивно-оценочную функции.

Со временем Р.ш. устаревают и перестают употребляться. Примерами «старых» Р.ш. могут служить сочетания слов *зелёное золото* (о чае), *белое золото* (о хлопке), *ожерелье из бетона и асфальта* (кольцевая дорога). Уменьшение воздействующей силы часто употребляемых слов и выражений объясняется явлением адаптации (привыкания). Адаптация, с одной стороны, увеличивает число Р.ш., с другой – создаёт стимулы для поиска говорящими более действенных выразительных средств, приводящих к обогащению прагматической системы языка [Киселёва 1978: 131–133].

Р.ш. необходимо отличать от Клише (см.) – готовых, воспроизводимых в речи средств выражения, которые лаконично выражают какую-л. мысль и положительно оцениваются говорящими.

Лит.: Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Гринкевич Е.В. Речевые штампы: динамика их экспрессивности: КД. Ростов н/Д, 2007; Казан-

цев А.И. Сопоставительное исследование эквивалентности клише и штампов официально-делового языка: На материале стереотипных единиц французского и русского языков: КД. Челябинск, 2001; **Киселёва Л.А.** Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Писаренкова С.Е.** Публицистические штампы как отражение ментально-языковых установок социума: КД. Краснодар, 2006; **Сорокин Ю.А.** Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. М., 1978.

Г.А. Копнина

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ – социально заданная и национально специфичная система коммуникативных стереотипов, устойчивых выражений, служащих для установления, поддержания и размыкания контакта общающихся в соответствии с их статусом, психологическими и социальными ролями, ролевыми и личными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения.

Этикет возник и развивался как обозначение иерархических отношений для упорядочения общественной жизни в рамках позиций: равный, выше- и нижестоящий (вертикаль), а также свой – чужой (горизонталь).

Пересечение этих координат предопределяет выбор множества этикетных знаков, ты-/Вы-форм общения, помечая близость или далёкость людей, официальность или неофициальность отношений, статус выше- или нижестоящего, разнообразие ролевых и личных связей в общении.

Р.э. словесно (вербально) отражает вежливость, однако есть существенные различия в этих двух этических социально-культурных проявлениях общения, поскольку различно их предназначение: Р.э. – это языковое/речевое средство установления и поддержания контакта в общении, а вежливость – демонстрация отношения уважения к другому. В Р.э. есть, напр., множество грубовато-фамильярных обращений: *Бабулька!*, *Дедок!*, *Мамаша!*, *Папаша!*, *Парень!* и мн. др. Так, обращение – *Мужик!* как единица речевого этикета, грубовато-просторечная, не отличается свойством вежливости, однако в ситуации приглашения распить спиртное: – *Мужик, третьим будешь?* – указывает на равенство «своего» человека, простоту отношений. В этой ситуации сугубо вежливое приглашение: – *Не окажете ли вы любезность согласиться быть приглашённым третьим для распития бутылки водки?* – окажется столь неуместным, что может быть воспринято как издевательство и явно укажет на «чужого», который, надо думать, получит отпор.

Можно сделать вывод, что в общении этикет обязателен, а вежливость факультативна, т.к. в зоне «равный, свой» проявляются особые отношения с партнёром: дружеские, семейные, фамильярные, интимные, грубоватые и т.п., а они не требуют специальной демонстрации уважения, хотя оформлены этикетно.

Коммуникативная ситуация включает учёт того, *кто – кому – о чём – почему – зачем – где – когда – в каких условиях – с помощью каких средств – в какой сфере и среде* говорит, и речевой этикет как нельзя лучше помечает эти параметры в общении.

Одним из важнейших показателей ситуации являются условия официальности/неофициальности обстановки, организующие деловое и бытовое общение. В последнее время в сферу деловых отношений вливается поток бизнесменов, для которых изучение делового Р.э. представляет важную задачу, т.к. серьёзные партнёры не будут иметь дело с человеком, демонстрирующим в своей речи и в поведении анекдотические черты «новых русских». Поэтому важно обратить внимание на те единицы Р.э., которые имеют пометы «официальное», «деловое».

Р.э. в своём прямом назначении – это речевое действие (акт) в ситуации непосредственного общения «я – ты – здесь – сейчас»: *Благодарю вас!*; *Извините меня!*; *Поздравляю!* и мн. др., иначе говоря, реализуется в коммуникативном режиме. Однако Р.э. описательно представлен и в рассказе, повествовании (нарративный режим): *Он горячо благодарил её; Она извинилась перед ним* – и мн. др. Р.э. зафиксирован также в словарях как слово и фразеологизм: *Спасибо; Покорно благодарю* – и мн. др.

Р.э. явно адресован, и выбор уместного выражения определяется во многом ориентацией на социальные признаки адресата в соответствии с собственными признаками адресанта в той или иной ситуации, официальной/неофициальной обстановке: одному можно сказать: – *Дай мне ручку!*, а дру-

гому: – *Не могли бы вы дать мне ручку ненадолго?* Обязательная адресация стереотипов Р.э. выражается в их структуре: *Благодарю вас! Извини(те) меня! Поздравляю вас ... и желаю вам ...* и мн. др.

Р.э. предопределяет выбор говорящим ты-форм общения в зоне «равный и нижестоящий, свой» и Вы-форм в зоне «равный и вышестоящий, чужой». На выбор влияет ряд обстоятельств:

а) степень знакомства общающихся – незнакомому, малознакомому направляют Вы-формы; близкому, давно знакомому – ты-формы;

б) официальность/неофициальность обстановки общения: официальность требует Вы-форм, неофициальность – ты-форм;

в) равенство/неравенство статусно-ролевых позиций общающихся: Вы-формы направляются вышестоящему и равному, «чужому» (офиц.), ты-формы – нижестоящему и равному, «своему» (неофиц.);

г) характер личных отношений: Вы-формы применяют при отчуждённых, холодных отношениях, ты-формы при тёплых отношениях, сближающих людей.

Эти условия взаимодействуют, и нередко выбор оказывается сложным.

Употребление Р.э. в общении обязательно, т.к. он связан с обычаями, традициями, ритуалами в культуре данного народа, данной страны. Отказываться же от выработанных веками обычаев и традиций культуры и опасно, и нецелесообразно. Поэтому мы должны, общаясь с людьми, здороваться и прощаться, благодарить и извиняться, правильно обращаться – и т.п., иначе прослывим невоспитанными грубиянами, неспособными поддерживать коммуникативный контакт.

Несмотря на то, что Р.э. представляет собой социально-культурную универсалию, т.е. свойствен всем народам, языкам и культурам, обычаи употребления Р.э. национально специфичны.

Р.э. изменяется во времени: какие-то выражения устаревают, какие-то возникают. Так, ушли из употребления формулы самоуничижения: *Припадаю к Вашим стопам; Нижайше кланяюсь; Покорнейше благодарю* и др. *Ваш нижайший раб и покорный слуга Александр Пушкин* – так подписал поэт своё письмо Бенкендорфу.

Электронные средства связи и новые технологии общения вызывают к жизни новые стереотипы Р.э. Так, начальная фраза в разговоре по мобильному телефону: *Ты где?* звучит нелепо, когда звонят по стационарному аппарату домой или на работу. Интернет-коммуникации наполнены новыми выражениями Р.э., в т.ч. молодёжно-жаргонными. В связи с появлением электронной почты некоторые изменения претерпел эпистолярный жанр.

Тем не менее, сама суть Р.э., основной массив его формул и выражений остаётся неизменным, т.к. входит в круг обычаев, традиций и ритуалов, составляющих специфику концептов национальной языковой картины мира. Это обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, одобрение, комплимент, сочувствие, соболезнование, утешение, просьба, совет, предложение, приглашение, побуждение, согласие и разрешение, согласие с мнением, отказ и запрещение, несогласие с мнением. Каждая из перечисленных тематических групп обеспечена большим количеством выражений, дающих возможность уместного выбора, напр.: *Благодарю Вас; Спасибо; Большое (огромное, сердечное) спасибо; Я Вам (так, очень, безмерно) благодарен (признателен); Я хочу (хотел(-а) бы) поблагодарить Вас (от всего сердца, от всей души); Моя благодарность не знает границ; Я должен(-жна) поблагодарить Вас; Не могу не поблагодарить Вас; Примите мою благодарность; Приношу свою благодарность* и т.д. (см. Словарь русского речевого этикета А.Г. Балакай). За пределами перечисленных тематических групп, составляющих центр системы, находится большое число периферийных, в т.ч. имплицитных средств реализации сложных отношений этикета. Р.э. действует в зоне согласия и противостоит речевой агрессии, нередко смягчая или снимая недоброжелательную тональность общения. Р.э. «живёт» в контактном непосредственном общении, которое насыщено невербальными компонентами и средствами: жестами, мимикой, выражением глаз, интонацией. Типичными этикетными проявлениями являются рукопожатия, улыбки, поцелуи, поклоны, кивки, доброжелательное выражение глаз и мн. др. Р.э. – важнейший элемент культуры общения и поведения для эффективной коммуникации.

Лит.: Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк, 2002; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001; Бирюлина А.И. Эволюция русского речевого этикета: КД. Тамбов, 2009; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; Львова С.И. «Позвольте пригласить вас...», или Речевого этикет. М., 2007; Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987; Формановская Н.И. Вы

сказали: «Здравствуйте!». Речевой этикет в нашем общении. М., 1989; **Формановская Н.И.** Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М., 2009.

Н.И. Формановская

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ – типы высказываний или текстов, с помощью которых осуществляется общение. Понимание жанров и их создание основаны на том, что национальная речевая культура включает номенклатуру Р.ж. и модели каждого из них.

Понятие, предложенное М.М. Бахтиным в 1920-е гг., стало известным в конце 1970-х и популярным в 1990-х. По Бахтину, Р.ж. – это форма существования языка, возникающая в определённой ситуации общения; жанр обязательно адресован, имеет собственную нормативную экспрессию; каждая речевая сфера вырабатывает собственный репертуар жанров; при этом **первичны** жанры повседневного общения, на основе которых вырабатываются системы **вторичных**, в т.ч. литературных жанров. Этим понятием (или его аналогами) пользовались в своей исследовательской практике В.В. Виноградов, Б.М. Эйхенбаум, Г.О. Винокур, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский.

С 1990-х гг. понятие Р.ж. начинает интенсивно разрабатываться в русистике: появляются теоретические статьи, описания отдельных Р.ж. и их групп, обзоры, сборник «Жанры речи», где заявлено о формировании Жанроведения (см.), или генристики, как особой филологической дисциплины. Развитие теории Р.ж. стимулировано прагматикой, в частности теорией Речевых актов (см.), а также общим поворотом филологии к реальностям речи. В стремлении к созданию энциклопедии русских Р.ж. намечена их типология, подготовлены описания массы конкретных жанров различных сфер, изучено отражение жанровой системы русской речи в русском словаре и возможности описания слов жанровой семантики в словарях.

В основе типологии Р.ж. – признак «коммуникативная цель/намерение», который противопоставляет жанры **информативные** (цель – действия с информацией), **императивные** (цель – вызвать осуществление события); **оценочные** (цель – соотнести событие с миром ценностей, организуемых полюсами «хорошо» = «плохо») и **этикетные** (цель – осуществить социальный поступок, предусмотренный этикетом).

Наряду с этим фундаментальным признаком для характеристики и описания Р.ж. важны такие их параметры, как «фактор автора», который различает, напр., Просьбу (см.) и приказ (см. Императивные речевые жанры): для второго обязательно наличие у автора полномочий; «фактор адресата», различающий, напр., две разновидности Жалобы (см.): одна предполагает адресата-утешителя (*жаловаться на здоровье*), а другая – адресата с полномочиями для исправления ситуации (*жаловаться губернатору*).

Для понимания жанра существенно различать и «тип события», обозначенного в высказывании, в частности, его оценочность, включённость/невключённость в личную сферу автора или адресата, осуществлённость/неосуществлённость; по этому параметру различаются поздравление/соболезнование, извинение/сожаление/соболезнование, извинение/предостережение.

Параметры «коммуникативное прошлое» и «коммуникативное будущее», которое автор прогнозирует или планирует, противопоставляют жанры с коммуникативным прошлым как реакции на предшествующие речевые события (*ответ – на вопрос; разрешение – на просьбу*) и императивные жанры как высказывания с запланированным будущим – осуществлением обозначенного события (*Напиши!*).

Чрезвычайно важна для описания Р.ж. характеристика их языкового воплощения, которое у разных жанров может иметь разные возможности, что определяется, в частности, сферой речи: минимум таких возможностей предоставляет повседневная и деловая речь, максимум – художественная. Этот параметр предполагает не только исчисление всех лексических и грамматических примет жанра, но и возможностей его косвенной реализации – «маски жанра». Так, просьба может быть оформлена как императивный жанр и как вопрос (ср.: *Откройте окно!* и *Вы не могли бы открыть окно?*).

Небезразлично для функционирования Р.ж. и их наименование – в языке и научном обиходе, ср.: *жалоба* и *иеремиада*; *вопрос* и *запрос*.

Понимание перечисленных свойств Р.ж., творческое владение приёмами их создания способствуют успешному общению в различных сферах речи, а значит, составляют неотъемлемую часть рече-

вой культуры современного человека. Конкретно она проявляется в том, что можно назвать чувством жанра и жанровой рефлексией. Так, в монографии «Хорошая речь» как один из параметров хорошей речи описано «соответствие жанру», при этом имеются в виду прежде всего жанры повседневной речи, в т.ч. Светская беседа (см.) и Семейная беседа (см.).

Лит.: Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007; Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010; Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: ДД. Пермь, 2004; Жанры речи: сб. науч. тр. Саратов, 1997–2009; Кантурова М.А. Деривационные процессы в системе речевых жанров: КД. Новосибирск, 2012; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Седов К.Ф. Жанры повседневного общения и хорошая речь // Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001; Федосюк М.Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5; Шмелёва Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik (Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка). Berlin. 1990. № 2; Шмелёва Т.В. Речевой жанр: Опыт общепилологического осмысления // Collegium. Киев, 1995. № 1–2.

Т.В. Шмелёва

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ – в традиционном понимании – спонтанные, не мотивированные конституацией и/или намерением говорящего/пишущего отклонения от собственно языковых (уровневых) норм и норм стилистических, т.е. их необоснованные нарушения. Нарушения правил правописания (ошибки орфографические и пунктуационные) также обычно включаются в понятие Р.о., но иногда рассматриваются отдельно, как «ошибки в области практической грамотности» [Матвеева 2010: 395].

В той концепции культуры речи, которая легла в основу данного словаря [Сковородников, Копнина 2009а, 2009б], Р.о. понимаются более широко – как родовое понятие и термин для обозначения необоснованных отклонений не только от собственно языковых, стилистических и правописных норм, но и вообще от всех коммуникативных (=прагматических) и этико-речевых норм, включая нормы речевого этикета.

В качестве примеров возьмём наиболее частотные виды нарушений перечисленных норм.

Нарушением языковой нормы являются, напр., ошибки акцентологические: *квартал, красивее* (норма: квартал, красивее) – фонетический уровень; ошибки лексические и фразеологические: *одень шляпу, пень преткновения* (норма: надень шляпу, камень преткновения) – лексический уровень; ошибки грамматические: ошибки в управлении: *приехал с Москвы, предсказал о необходимости* (норма: приехал из Москвы, предсказал необходимость) – грамматический уровень.

Примером нарушения коммуникативной (прагматической) нормы может служить употребление иноязычных слов, имеющих точный русский эквивалент, и поэтому не облегчающее, а затрудняющее общение (*Надо акцентировать всё новое*. Ср. Надо принять всё новое; *Это означает особый респект к её создателям*. Ср. Это означает особое уважение...); неиспользование речевых поддержек при дистантном общении (напр., во время разговора по телефону); перебивание собеседника, неумение выслушать его до конца, т.е. подавление его речевой инициативы; необоснованные отклонения от темы беседы; чрезмерная и беспорядочная жестикulyция и т.д. Безусловной коммуникативной ошибкой является несоблюдение лингвопрагматического принципа кооперации и соответствующих Постулатов речевого общения (см.).

Так называемые стилистические ошибки занимают промежуточное место между языковыми и коммуникативными (прагматическими), поскольку коннотации стилистически окрашенных слов могут быть как закреплёнными в системе языка (напр., торжественное *воздвигать*), так и возникающими у слова в речи под влиянием контекста, в т.ч. и социального (напр., положительное *партнёр*). Поэтому одинаково стилистически ошибочно сказать вне иронического контекста (!): *Я воздвиг на своём дачном участке беседку* (норма: построил, соорудил) и *Все его партнёры по преступлению уже арестованы* (норма: сообщники, подельники). И в том, и в другом случае стилистические ошибки усложняют адекватное восприятие высказывания и, вследствие этого, могут квалифицироваться как разновидность коммуникативных ошибок.

Нарушения этико-речевой нормы, или этико-речевые ошибки, возникают, главным образом, при несоблюдении принципа вежливости и вытекающих из него лингвопрагматических постулатов и правил Речевого этикета (см.). Так, этико-речевой ошибкой является неуместное замечание собеседнику по поводу его действий, личных качеств или речевых особенностей, поскольку это может быть расценено как недоброжелательное отношение говорящего и приведёт к осложнению или нарушению контакта. Такая ошибка возникает в результате нарушения максимы такта и максимы симпатии (см., напр., [Новое... 1985: 27]).

Любые Р.о.: собственно языковые, коммуникативные (прагматические), этико-речевые – могут быть причиной Коммуникативной неудачи (см.), под которой понимают недостижение или неполное достижение коммуникативной цели, коммуникативного эффекта. Следовательно, для того чтобы избегать коммуникативных неудач, следует знать условия их порождения (см. об этом, напр., [Культура русской речи 1998: 68–72; Маслова 2007: 112–124; Захарова 1993: 36–44; Эффективная коммуникация... 2005: 564–570]).

Лит.: Былкова С.В., Махницкая Е.Ю. Культура речи. Стилистика: учеб. пособие для подготовки к ЕГЭ. М., 2007; Григорьева А.К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции: КД. Пенза, 2004; Захарова Е.П. Коммуникативные нормы речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1993; Крайков Ю.В. Теория речевых ошибок. М., 1980; Культура русской речи: учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие. М., 2007; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Четвет Р.Г. Стилистика и культура речи: учеб. пособие. Мн., 2001; Русецкий В.Ф. Культура речи учителя. Практикум: учеб. пособие. Мн., 1999; Северская О.И. Не спешите ошибаться за компанию // Русский язык в школе. 2006. № 4; Сковородников А.П., Копнина Г.А. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. Спецвыпуск «Культура речевого общения». 2009а. № 2; Сковородников А.П., Копнина Г.А. О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Филологические науки. 2009б. № 3; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение: учеб. пособие. СПб., 1997; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

А.П. Сковородников

РЕЧЕВЫЕ СФЕРЫ – условные, имеющие открытые границы и выделенные по функциональному принципу пространства общения, в которых протекает языковая жизнь любого национального коллектива.

Так, в японской коммуникации важнейшее место занимают Р.с. «дома», «бизнеса» и «чайной церемонии». В русской языковой действительности корректно выделять такие сферы речи: бытовую (обеспечивает жизнь человека как частного лица), деловую (обеспечивает потребности человека как члена социума, а также управление обществом в целом), научную (используется с целью накопления, хранения и распространения знаний), политическую (формирует общественное мнение путём анализа и оценки актуальных событий, кардинальных проблем социальной жизни), церковную (предназначена для сакрального общения), светскую (обеспечивает публичный досуг человека, понимаемый как особо выделенный, значимый фрагмент его существования) и эстетическую (культивируется для переживания особого рода чувств, наслаждений, связанных со специфическим художественным восприятием и осмыслением действительности). Выделение в качестве специфических коммуникативных пространств СМИ и Интернета и придание им статуса целостных Р.с. обосновывается их революционным развитием в последние десятилетия, поддерживается большим лингвистическим интересом к природе и механизмам их существования (см., напр., [Добросклонская 2008; Сидорова 2006]), однако до сих пор носит дискуссионный характер.

Подобные типологии являются результатом культурной обработки обществом собственной речевой жизни и исторически изменчивы, что ощутимо в современной социальной ситуации [Речеведение 1996: 10].

Каждая Р.с. описывается по семи параметрам, составляющим своего рода анкету: предназначение в социальной жизни; состав участников и их роли; речевые жанры; фактура текстов; разновидность языка (стиль); способы регламентации; наконец, филологические науки, описывающие Р.с.

Проблема Р.с. – центральный фрагмент речеведения, объясняющего принципы использования языка как орудия общения и законы создания текстов [Речеведение 1996: 6]. Кроме того, она тесно связана с функциональной стилистикой [Кожин и др. 1982; Шмелёв 1977], общей филологией и риторикой [Рождественский 1996, 2004], культурой речи [Культура русской речи... 2003]. Как пишет Т.В. Шмелёва, целостное учение о Р.с. ещё не разработано, однако в наши дни «не только необходимо, но и более возможно, чем совсем недавно: сегодня нехудожественные сферы речи всё более настойчиво завоевывают внимание филологов» [Речеведение 1996: 10], о чём говорят публикации, напр., об устной научной речи [Современная русская научная речь 1985; 1994; 1995], политической [Гаврилова 2004; Чудинов 2006], наконец, повседневной коммуникации [Китайгородская, Розанова 2010].

Лит.: Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина. СПб., 2004; Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008; Китайгородская М.В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М., 2010; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Речеведение: Теоретические и прикладные аспекты / НовГУ им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 1996; Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996; Рождественский Ю.В. Теория риторики: учеб. пособие. М., 2004; Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика. Русский язык: межличностное общение. М., 2006; Современная русская устная научная речь. Т.1. Красноярск, 1985. Т. 2. М., 1994. Т. 3. М., 1995; Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М., 2006; Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (К постановке проблемы). М., 1977; Шмелёва Т.В. Культура речи: сб. ст. и мат-лов. В. Новгород, 1998.

Е.В. Осетрова

РЕЧЕВЫЕ УЛОБКИ – умышленные нарушения одного или нескольких принципов полемики, используемые в речевых коммуникациях как заведомо некорректные средства воздействия на оппонента и/или на его целевую аудиторию. Репертуар таких средств неисчислен, хотя известны они со времён античности. Не сложилось до настоящего времени и единой номинации и типологии Р.у. Перспективным в их познании и использовании может быть междисциплинарный подход, в рамках которого выделяется три типа Р.у.

1. **Организационно-деятельностные Р.у.**, заключающиеся в выгодном использовании разного рода ресурсов: времени и места конкурентной речевой коммуникации, состава участников и приглашённых «третьих лиц», необходимых материально-технологических средств (микрофоны, мультимедиапроекторы и др., предоставляемые в распоряжение оппонентов), регламента, критериев оценки. В нарушение принципа демократизма разным участникам деловой полемики умышленно предоставляются критически разные организационно-деятельностные условия: удобное для одного и неудобное для другого время и место проведения встречи, комплектность предварительно предоставленной информации для одного и некомплектность для другого, умышленно несвоевременные телефонные звонки и другие помехи.

2. **Логические Р.у.** – нарушения в речи логических законов. Такие Р.у. были хорошо известны древнегреческим философам-софистам, отчего и терминологически маркированы сегодня их именем – Софизмы (см.) К ним проявляют интерес теоретики и практики разных познавательных областей (логики, философии, риторики, психологии, теории PR-коммуникаций, культуры речи, лингвистики);

3. **Психологические Р.у.**, эксплуатирующие внушаемость человека, его эмоциональные пристрастия и вкусы, повышенную возбудимость, слабость воли, стереотипы мышления и поведения. Основная цель – вывести оппонента из состояния психологического и эмоционального равновесия и ослабить таким образом его конкурентную позицию. Репертуар таких Р.у. неисчерпаем, как и сама психика человека.

С точки зрения этики все Р.у. делятся на коммуникативно **позволительные**, которые, в свою очередь, подразделяются на **неосознаваемые** (поскольку реализуются в силу инстинктивных побуждений человека защищать себя и свою точку зрения) и **осознаваемые** (необходимые для предотвращения перехода из этически корректного русла в силовое), и коммуникативно **непозволительные** (когда умышленно наносится ущерб оппоненту, нарушаются этические принципы общения).

Среди непозволительных Р.у. особым разнообразием отличаются психологические Р.у. (оскорбление и лесть, расчётливый комплимент, демонстрация обиды, слёзы (обычно женские), ссылки на авторитет и свой богатый опыт, на свой значительный возраст или повышенную занятость, а также домыслы, целенаправленная ставка на доверительность и откровенность, мнимая невнимательность, шантаж, наклеивание ярлыков, деморализация оппонента).

Основные способы нейтрализации и противодействия Р.у.: не обращать внимания на Р.у. или тут же выразительно повторить её в своём высказывании; взаимный обмен Р.у. (возможно неоднократно); первичное согласие условно принять Р.у. как допустимую, чтобы, выиграв время, позднее вернуться к ней; неожиданный вопрос, предложение вместе подумать над допущенной Р.у.

Лит.: **Андреев В.И.** Конфликтология (искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов). М., 1995; **Виноградов С.И.** Нормативный и коммуникативно-прагматический аспект культуры речи // Культура речи и эффективность общения. М., 1996; **Винокур В.А.** Уловки в споре (психологический тренинг). М., 2005; **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Кузнецов И.Н.** Риторика, или ораторское искусство: учеб. пособие. М., 2004; **Мысль и искусство аргументации** / под ред. И.А. Герасимовой. М., 2003; **Певнева В.И.** Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогических дискурсов русской и американской лингвокультур: АКД. Кемерово, 2008; **Поварнин С.И.** Спор: О теории и практике спора. СПб., 1996; **Родос В.Б.** Теория и практика полемики. Томск, 1989; **Русское и финское коммуникативное поведение:** сб. ст. Воронеж, 2006.

О.П. Жданова

РЕЧЬ. См. ЯЗЫК И РЕЧЬ

РИТМ (от др.-греч. ρυθμός – ‘соразмерность, стройность’) – в широком понимании – временная структура любых воспринимаемых процессов; чередование соизмеримых повторяющихся явлений. О Р. говорят как об основном принципе формообразования таких искусств, как поэзия, музыка, танец и др., причём в поэзии и музыке Р. чаще всего связывают не с правильной повторяемостью (метром), а с эмоциональной и динамической природой Р., которая может проявляться, напр., в ритмизованной прозе и свободном стихе (т.е. без метра) и отсутствовать в метрически правильных стихах. Ритмическую организацию часто рассматривают как намеренную урегулированность элементов текста, которая усиливает эстетический эффект произведения словесного творчества. Между тем ритмически организованной – в широком смысле слова – является любая речь, в т.ч. и разговорная [Матвеева 1997].

Речевой Р. базируется, с одной стороны, на таких физиологических периодичностях, как дыхание и пульс (естественный, природный ритм), с другой стороны, Р. выступает одним из способов организации высказывания, а значит – подчиняется определённым коммуникативным задачам.

Естественный речевой Р. называют «свободным, несимметричным ритмом», хотя в его основе лежит исключительно регулярное явление – частота сердечных сокращений: вдох/выдох занимает примерно четыре удара пульса. Хотя эта норма легко нарушается в речи и музыке, именно дыханием организуется фразировка во время говорения и пения: определяется величина фразы, естественное понижение голоса к концу выдоха и появление паузы.

Функция Р. как **способа организации высказывания** проявляется в том, что в ходе спонтанного говорения или чтения вслух написанного текста человек структурирует свою речь, выделяя в ней важное с точки зрения логического и эмоционально-экспрессивного содержания. Обрабатываемые в ходе такого структурирования фрагменты, конечно, соотнесены (скоординированы) с естественным Р., но связаны они, в первую очередь, с содержательной стороной высказывания. Речевой Р. складывается непосредственно в речевом процессе: говорящий отграничивает фраг-

менты высказывания (текста) паузами разной длительности, выделяет (акцентирует, произносит с большей интенсивностью) в этих фрагментах определённые участки, объединяет фрагменты текста мелодически и пр. Число вариантов таких объединений (акцентных структур) в русском языке ограничено. Так, подсчитано, что всё многообразие фраз с точки зрения их просодической организации (по числу тактов и месту акцентного такта во фразе) сводится к 18-ти типам [Васильева 1992: 66–68]. Такие системные ограничения приводят к тому, что акцентные структуры повторяются с разной периодичностью в процессе спонтанного производства речи или воспроизводства текста. При определённой регулярности появления акцентных структур возникает ощущение ритмической организованности речи. Намеренное урегулирование (закономерная повторяемость) тех или иных ритмических единиц становится особым выразительным приёмом. Так, при выразительном, актёрском, чтении художественной прозы (декламации) можно говорить о **ритмизации** как способе специальной обработки текста, продуманной и подготовленной в соответствии с художественными (эстетическими) задачами. Предельная урегулированность ритмических единиц встречается в поэтическом тексте, где закономерная повторяемость может наблюдаться уже на уровне самых мелких единиц – слогов и их сочетаний, в то время как в прозаическом художественном тексте ритмические структуры образуются на более высоком, чем слог, уровне: здесь урегулированными оказываются в первую очередь типы фраз [Васильева 1992].

Всеми исследователями русского речевого Р. признаётся его многоуровневый иерархический характер [Прохватилова], что напрямую связано и с многоуровневой природой всякого высказывания. Ритмическая организация речи служит ярким средством выразительности, позволяя выстраивать иерархию акцентов, соответствующую коммуникативному замыслу говорящего.

Лит.: **Брызгунова Е.А.** Звуки и интонация русской речи. М., 1983; **Васильева В.В.** Русский прозаический ритм. Динамический аспект. Пермь, 1992; **Гиршман М.М.** Ритм художественной прозы. М., 1982; **Златоустова Л.В.** Фонетические единицы русской речи. М., 1981; **Макаров М.Л.** Ритмическая организация синтаксических структур и экспрессивность // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; **Матвеева Т.В.** К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997; **Прохватилова О.А.** Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи // СЛОВО – Православный образовательный портал. URL: www.portal-slovo.ru/philology/37453.php?ELEMENT_ID=37453&PAGEN_2=9; **Ритм, пространство и время в литературе и искусстве.** Л., 1974; **Черемисина Н.В.** Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1989; **Чернышёва Н.Ю.** Ритм художественного текста как смыслообразующий фактор его понимания: КД. Барнаул, 2002.

В.В. Васильева

РИТМИЗАЦИЯ. См. РИТМ

РИТОР – 1. Всякий участник речи, стремящийся убедить кого-л. в чём-л. 2. Мастер риторики, образцово говорящий человек. 3. Учитель риторики.

Классические значения слова «Р.» восходят к античной традиции, где под ним понимался, прежде всего, мастер красноречия, человек, действующий словом и владеющий искусством убедительной и эффективной речи. Р. называли как самих ораторов, так и учителей риторики в риторических школах Древней Греции и Рима, где шло обучение ораторскому красноречию.

В древнерусских сочинениях слова «Р.», «ветий (ветия)» встречаются с XI века. На древнерусский язык греческое слово *ῥήτορ* переводилось чаще как «вѣтия» (корень *вѣт-* означал ‘говорение’ – ср. совр. *ответ, совет, привет, завет* и нек. др.). Слова «Р.» и «вѣтия» имели в Древней Руси следующие значения: 1) человек, искусно действующий словом, говорящий и пишущий; 2) знаток, мудрец; 3) писатель. В «Пчеле», сборнике афоризмов XIII в., сказано, чем занимаются Р.: «Риторы учатся законней речи глаголати». В древнерусских Азбуковниках и Алфавитах XVII в. имеется множество толкований словам «Р.», «ветий», «оратор»: «**Вития** – хитрословец. **Оратор** – краснословец, еже есть ритор и вития. **Ритор** – речеточец, ведый добре и писати и глаголати» (Алфавит, XVII в.) «**Оратор** – вития, ритор, иже знает хорошо говорить» (Лексикон вокабулам новым по алфавиту, нач. XVIII в.).

В самостоятельном добавлении древнерусского учителя, которое он сделал при создании перевода первой русской «Риторике» 1620 года, сказано: «Что есть ритор? Ритор есть его же речиточником (источником речи. – В.А.) нареши возможно есть, который бо человек зело в науце речения хитр был, а существо его таково есть, чтобы ему о таких вещех говорити мощно, которые в делах и на градских судах по обычею и по закону господарства того, где родился, бывают пригодные и похвальные. Таковые же суть человецы сицевы бывают, ... был бы чтоб умел разсужати и ко всякому делу подобающие слова прилагати» [Аннушкин 2002: 22]. М.В. Ломоносов замечает: «речение **retor (ритор)**, которое хотя на греческом языке значит витию или красноречивого человека и в российский язык в том же знаменовании принято, однако от новейших авторов почитается за именование писателя правил риторических» [Ломоносов 1952: 91].

В толкованиях слов «Р.» и «оратор» всегда присутствует дух и стиль времени, когда данные слова либо одобряются, либо не одобряются авторами, диктующими стиль времени. Подобно тому, как сами слова «язык» и «речь» испытывают двойственное толкование, подобной критике подвергаются и слова, обозначающие Р. – лицо, занимающееся практической речью. Часто это зависело от отношения к риторике и красноречию вообще. Так, «ругателем» Р. и всякого красноречия следует назвать страстного писателя и оратора протопопы Аввакума, который осуждал «внешнюю мудрость» и ратовал за «просторечие», призывая «в простоте Богу угождати». Однако старообрядцы Андрей и Семён Денисовы, создатели Выговской словесной школы на севере России в конце XVII в., назывались их учениками не иначе как «златоустные отцы наши риторы».

Разграничение, сделанное в критических статьях В.Г. Белинского между словами «Р.» (сухой учитель-педант, резонёр) и «оратор» (подлинный мастер публичного выступления), следует признать не научным, а журнально-публицистическим заострением. Современное слово-термин «Р.», восстановленное в его классическом значении, распространяется и на говорящего и на пишущего, при этом создателя устной публичной речи обыкновенно называют оратором, а создателя письменной речи – автором. Итак, Р. – это речедеятель (человек, действующий в речи), или человек «общающийся».

Классический термин «Р.» соединяет нас с предшествовавшей традицией речевой культуры, обогащая современную речь многообразием культурных ассоциаций. Ведь Р. – это и мастер речевого искусства, и теоретик науки риторики, и учитель хорошей речи. Для современной речевой жизни Р. – это человек, умеющий строить публичные высказывания с целью доказательства своей точки зрения. От Р. требуется соответствие нравственным нормам жизни, которые являются основой речевого искусства.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2008; **Аннушкин В.И.** История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002; **Античные риторики** / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978; **Белинский В.Г.** «Общая риторика» Н.Ф. Кошанского // В.Г. Белинский. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1981; **Волков А.А.** Основы русской риторики. М., 1996; **Волков А.А.** Курс русской риторики, М., 2009; **Граудина Л.К.** Русская риторика. Хрестоматия. М., 1996; **Иванова С.Ф.** Говори!.. Уроки развивающей риторики. М., 1997; **Ломоносов М.В.** Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений. Т. VII, М., 1952; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996; **Рождественский Ю.В.** Теория риторики. М., 2004; **Цицерон Марк Фабий.** Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972; **Шарафутдинова О.И.** Речевые средства создания образа ритора в политическом дискурсе: динамический аспект: КД. Челябинск, 2008.

В.И. Аннушкин

РИТОРИКА – теория и искусство убедительной и эффективной речи; фундаментальная наука, изучающая объективные законы и правила речевого творчества. Поскольку речь – инструмент управления и организации социальных и производственных процессов, Р. формирует норму и стиль общественной жизни.

Античная традиция рассматривала Р. как «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель), «искусство хорошо и украшенно говорить» (Квинтилиан). В русской традиции Р. определяется как «учение о красноречии» (М.В. Ломоносов), «наука изобретать, располагать и выражать мысли» (Н.Ф. Кошанский), предметом которой является «речь» (К.П. Зеленецкий).

Определения современной Р. включают следующие идеи.

1. Р. – научная **теория речи**: в теории исследуются законы и правила построения всех видов речи современного информационного общества.

2. Р. – **искусство мыслить и выражать философско-профессиональную позицию в слове**. Владение искусством предполагает определённые умения, техническую «выучку», практическую «ловкость» извлекать нужные мысли и выражать их в уместных словах в разных ситуациях общения.

Обучение искусству речи в Р. есть не только обучение говорению (напр., в публичной речи), оно всегда предполагало одновременное обучение **мыслить** (и мыслить **нравственно**), формировать мировоззрение, получать знания и выражать свою жизненную позицию в слове. Отсюда особая серьёзность Р. как реального мыслеречевого творчества, выражающего позицию каждого человека в жизни. В сущности, цель профессиональной деятельности конкретного ратора – защита своей философско-нравственной и профессиональной позиции, организация людей и общества с помощью речи. Основой Р. всегда были философия, этика, образованность – вне духовно-нравственной и интеллектуальной основы невозможно представить современные методики преподавания Р. или иных многочисленных речевых технологий. Без философско-этической базы обучение Р. и её использование превращается либо в манипуляцию сознанием, либо в «праздноговорение».

3. Р. – **теория и практика совершенной речи**: убедительной и эффективной, целесообразной и уместной, подлинно украшенной и т.д. В определениях Р. обычно ищут точные эпитеты для образцовых качеств речи, поэтому Р. называют наукой об убедительной, украшенной (в классических трудах), целесообразной, эффективной, действенной, гармонизирующей речи (в современных теориях риторики). Качества речи исследуются также в учении о стиле, где в русской традиции обычно называются ясность, правильность, точность, чистота, логичность, образность, краткость, и нек. др. Ни одно из указанных качеств не исчерпывает представлений о Риторическом идеале (см.), но их совокупность позволяет назвать Р. учением о **совершенной** речи. Совершенство речи связано с имеющимися в общественном и личном сознании речевыми идеалами, образцами речи, культурно-стилевыми предпочтениями.

4. Р. – **учение о воспитании личности через слово**. Личностью человек как индивидуальное воплощение его телесно-духовного единства становится только тогда, когда сформируется его нравственное и интеллектуальное мировоззрение, которое находит воплощение в характере речи. Поскольку в речи выражен весь человек, Р. способствует формированию личности человека, его жизненной позиции и способности защищать эту позицию словом. Примеры политико-речевой деятельности не только многих классических ораторов прошлого, но и наших современников свидетельствуют, что развитие личности ратора осуществляется постепенно с накоплением риторического опыта, проявляющегося в утверждении философско-профессиональной платформы, формировании навыков и умений. Для риторического воспитания небезразлично, какими речами, текстами (содержанием учебного предмета) и методами (риторическая педагогика) будет осуществлено преподавание Р.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2008; **Аннушкин В.И.** Риторика. Экспресс-курс. М., 2008; **Аннушкин В.И.** История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002; **Античные риторики** / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978; **Варзони Ю.Н.** Когнитивно-коммуникативная модель риторики: КД. Тверь, 2001; **Волков А.А.** Основы русской риторики. М., 1996; **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2009; **Граудина Л.К.** Русская риторика. Хрестоматия. М., 1996; **Граудина Л.К., Кочеткова Г.И.** Русская риторика. М., 2001; **Иванова С.Ф.** Говори!.. Уроки развивающей риторики. М., 1997; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996; **Риторика.** Специализированный проблемный журнал. 1995–1997. № 1–4; **Рождественский Ю.В.** Принципы современной риторики. М., 1999; **Рождественский Ю.В.** Теория риторики. М., 2004; **Цицерон Марк Фабий.** Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

В.И. Аннушкин

РИТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА – родовое понятие для фигур, в названии которых закрепилось слово «риторический»: риторического вопроса, риторического восклицания и риторического обращения. Иногда используется как синоним терминов «Стилистическая фигура» (см.) или «фигура речи»; реже – «Риторический приём» (см.).

Лит.: Василькова Н.Н. Типология стилистических фигур в риториках и курсах словесности II пол. XVIII – начала XIX вв.: КД. М., 1990; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Маркасова Е.В. Теория фигур речи в русских риториках XVII – начала XVIII вв.: ДД. СПб., 2002; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008.

Г.А. Копнина

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ВИРТУАЛЬНОГО ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ НОРМЫ – это высказывания или завершённые в смысловом отношении фрагменты текстов, реже – целые тексты, в которых сообщается о выдуманной, фантастической, лишённой онтологических оснований псевдореальности. Объект такого сообщения (повествования, описания) – некий факт, не имеющий референта (соответствия) в реальной действительности. Объектами таких сообщений могут быть фантомные персонажи (их телесность, психическое состояние, поведение), ситуации, события, артефакты, натурфакты и т.д. Напр.: *Меня похоронили на Ваганьковском кладбище. И теперь я тщетно пытаюсь припомнить мелодию похоронного марша, которая проводила меня в землю. Иногда мне кажется, будто марша и не было, и сопровождающие гроб двигались неохотно, поминутно оборачивались, словно ожидали, что откуда-то сзади с минуты на минуту раздадутся рыдающие оркестровые звуки.... И не дожавшись, отступали, расходились...* (Вен. Ерофеев).

Риторические приёмы виртуального отклонения от онтологической нормы при выполнении функции создания фантазмов могут быть представлены значительными по объёму отрезками текста и содержать подтекст, адекватная интерпретация которого требует обращения к контексту целого произведения, напр.: – *Партия старых денег с Гознака? – переспросил я недоверчиво. – Подумай сам. Люди постоянно теребят деньги в руках, пересчитывают, прячут, надписывают, хранят. Это для них самый важный материальный объект. В результате банкноты пропитываются их жизненной силой. Чем дольше бумажка находится в обращении, тем сильнее она заряжается. А когда она становится совсем ветхой и буквально сочится человеческой энергией, её изымают из обращения. И вампиры готовят из неё свой дринок.*

Я задумался. Звучало это, конечно, странно и не особо аппетитно – но правдоподобнее, чем моя версия про счета на Каймановых островах (В. Пелевин); Муть, прилетевшая к луне, прибывала. Это было облако несметных тварей, летучих насекомых, гонимых ветром через моря и горы из песков африканской пустыни. Мириады существ с прозрачными крыльцами окутали луну, помещая её в туманное облако. Каждая невесомая тварь действовала как кристаллик стекла, преломляла свет в прозрачных крыльцах и стекловидных чешуйках. Жёлтую луну окружили зеленые и алые кольца, голубые и оранжевые оболочки. Лунный круг превратился в чёрный квадрат, по углам которого полыхали изумрудные и багровые вспышки. Рядом с квадратной луной образовались лазурный полумесяц, треугольное фиолетовое светило, шестиконечный спектральный крест. На заливе в багровом отражении струились чёрные змеи, словно плыли в кровавой реке. Чёрный квадрат набряк кровью. В его рубиновой глубине стали появляться силуэты, как в театре теней. Вместо привычной библейской сцены, в которой Каин убивает Авеля, возник Грозный царь, убивающий сына Ивана. Его сменил царь Пётр Первый, убивающий сына Алексея. Была явлена сцена, где Иосиф Сталин убивает сына Якова.

Люди на пристани с ужасом взирали на зловещее светило, являвшее сцены детоубийства, сулившие беды и пролитие крови (А. Проханов).

Функция создания комического эффекта обычно осуществляется в контекстах меньшего объёма, напр.: **комическая реклама:** *В нашей клинике при вставке двух силиконовых имплантатов груди третий вам вставят совершенно бесплатно (АиФ. 2007. № 20); комический диалог:* – *Наконец-то я получила замшевое пальто, о котором давно мечтала! – Муж на 8 Марта подарил? – Нет, я побирила свою норковую шубку! (КП. 15.03.2002); анекдот:* *Мужик вызывает ветеринара к своему питону – и ветеринар слышит, что питон лает! Ветеринар в восторге: – Это же беспрецедентный*

случай – лающий титон! За такое открытие я, пожалуй, получу Нобелевскую премию!!! Мужик: – Доктор, может быть, сначала извлечёте таксу, которую он проглотил?!! (Телевидение. 06.03.2002). Как показывают приведённые примеры, приёмы ирреального отклонения от онтологической нормы органичны для жанров, в которых существенную роль играют элементы фантастики.

Лит.: Белокурова С.П. Фэнтези // Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2007; **Копнина Г.А.** Отклонение от онтологической нормы как риторический приём на страницах современных российских газет // Язык современной публицистики / сост. Г.Я. Солганик. М., 2005; **Копнина Г.А.** Мотивированное отклонение от принципа правдоподобия как риторический приём: опыт описания // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по мат-лам докладов и сообщ. конф. (Смоленск, 3–4 октября 2006 г.). Смоленск, 2006; **Лексикон нонклассики.** Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003; **Сковородников А.П.** О классификации риторических приёмов // *Stylistika XIV*. Opole, 2005.

А.П. Сковородников

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС, или **ЭРОТЭМА**, – стилистический приём, представляющий собой вопросительное по форме предложение, но имеющее значение эмоционально усиленного утверждения или отрицания. Некоторые исследователи относят Р.в. к грамматическим тропам, поскольку вопросительное предложение употребляется не в собственном своём (прямом) значении запроса информации: Р.в. не предполагает ответа, его вопросительная структура и специфическая интонация используются для того, чтобы привлечь внимание, сделать более убедительной выражаемую мысль, повысить эмоциональное воздействие на слушателя/читателя.

Р.в. широко используются в художественной и публицистической речи, а также в речи публичных ораторов, напр.: *И скучно, и грустно, и некому руку подать / В минуту душевной невзгоды... / Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать? / А годы проходят – все лучшие годы!* (М. Лермонтов); *Пусть она (Татьяна Ларина. – А.С.) вышла за него с отчаянья, но теперь он её муж, измена её покроет его позором, стыдом и убьёт его. А разве может человек основать своё счастье на несчастье другого?* (Ф. Достоевский). Как средство экспрессивного самовыражения и/или воздействия Р.в. употребляются в разговорной речи: – *Евпатория – это разве имя? Это – город такой, – пробасила старуха* (С. Сергеев-Ценский).

В формировании Р.в. определённую роль играет лексическое наполнение вопросительного предложения: частицы (*разве, неужели, ли* и др.), вопросительные местоимения и местоименно-наречные слова (*как, какой, где, когда, что, зачем* и др.), особые зачины (*Может ли не... + инфинитив; что пользы... + инфинитив* и др.), эмоционально-оценочная лексика и, особенно, интонация. В письменной речи после Р.в. ставится вопросительный знак, восклицательный знак, иногда – сочетание обоих этих знаков. В газетных текстах встречаются случаи постановки в конце Р.в. точки.

От собственно Р.в. следует отличать Делиберативный вопрос (см.) и Медитативный вопрос (см.).

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Белоколоцкая С.А.** Риторический вопрос в английском языке: КД. Тула, 2005; **Бердник Л.Ф.** Риторический вопрос как экспрессивное средство // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; **Гвоздев А.Н.** Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; **Голубева-Монаткина Н.И.** Проблема классификации вопросов и ответов диалогической речи: ДД. М., 1990; **Калинина А.А.** Риторический вопрос среди различных типов предложений // Русский язык в школе. 1986. № 4; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. М., 1997; **Скородумова Е.А.** Коммуникативно-прагматические особенности риторических вопросов-реакций: КД. Челябинск, 2010; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ, или **РЕЧЕВОЙ (КОММУНИКАТИВНЫЙ) ИДЕАЛ**, – фундаментальное понятие риторики, определяемое как «система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему её ценностей» [Михальская 1996а: 379].

Русский Р.и. основывается на отечественной духовной (православной) традиции. Как отмечает А.К. Михальская, «традиционный русский речевой образец (идеал) можно назвать идеалом гармонизирующего положительно-онтологического диалога. Структура русского Логоса предполагает реализацию этого идеала в совокупности (системе) следующего набора частных этических и эстетических категорий: кротость в противопоставлении самодемонстрации; смирение в противопоставлении гневливости; хвала в противопоставлении хуле; безмолвие (понимаемое как речевая сдержанность, немногословие. – А.С.) в противопоставлении многословию <...>; умиротворение в противопоставлении соревновательности и борьбе; правда в противопоставлении лжи, а особенно клевете; ритмичность, мерность и умеренность (последняя понимается как исполнение долга перед ближним и справедливость в отношении к нему), вообще ровность и сдержанность – проявление порядка и упорядоченности в речи – в противопоставлении всякому беспорядку и хаосу» [Михальская 1996б: 186].

Обобщая положения и выводы А.К. Михальской, Т.Е. Тихонова выделяет «3 группы параметров идеального с позиций русской христианской традиции речевого поведения <...>: 1) Этико-эстетические категории: гармония, кротость, смирение, миролюбие, негневливость, уравновешенность, радость. 2) Риторические принципы: немногословие, правдивость, искренность, спокойствие, благожелательность; отказ от крика, повышенный эмоциональности речи; отказ от клеветы, сплетни, осуждения ближнего. 3) Требования к речевому поведению: 1. беседуй только с достойным; 2. выслушай собеседника; 3. сохраняй кротость в беседе; 4. избегай грехов многословия, пустословия, несдержанности языка, грубости; 5. избегай хулы – за глаза и в глаза, недоброжелательного осуждения, пустой, злобной брани; 6. чаще изрекай доброе слово, но избегай похвалы чрезмерной и льстивой; 7. стремись к подражанию лучшим речевым образцам, запечатлённым в книгах» [Тихонова 2005: 179–180].

Детализируя понятие Р.и., Т.Е. Тихонова, вслед за А.А. Ворожбитовой, выделяет **культуру диалога**, которая «включает в себя умения участвовать в беседе: а) соблюдая правила речевого поведения; б) уместно используя этикетные формулы; в) выслушивать собеседника; г) при необходимости прервать – извиниться; д) высказывать и доказывать собственное мнение по предложенному проблемному вопросу» <...>; и **культуру монолога** (ораторское мастерство), которое «включает в себя: умение выступать перед аудиторией: а) с декламацией, б) пересказом, в) рассказом (повествованием, описанием, рассуждением), соблюдая требования: а) вербального поведения (следование нормам литературного языка); б) акустического поведения (владение техникой речи <...>); в) жестово-мимического и пространственного поведения (уместность движений, мимики, положения тела относительно аудитории в процессе публичного говорения); г) степень проявления личностных качеств оратора: чувство уверенности в себе, непринуждённое поведение перед публикой, артистизм; умение установить голосовой и зрительный контакт со слушателями; умение наблюдать за их реакцией, поведением и реагировать по ходу выступления; умение корректировать своё высказывание, изменяя первоначальный замысел; умение отвечать на вопросы; умение кстати пошутить, рассказать забавный случай, юмореску, относящиеся к теме выступления и т.п.» [Тихонова 2005: 181].

В.В. Смолененкова замечает: «... Главное, что отличает идею риторического идеала Михальской от понятия идеальной речи, которым оперирует американская риторическая критика, – это учёт специфики национальной языковой культуры и языковых традиций, а также особенностей социополитического фона» [Смолененкова 2005]. Можно сказать, что Р.и. «культуроспецифичен и исторически изменчив» [Гринько 2004]. Последнее подтверждается тем, что в языковом сознании и коммуникативной практике российского социума последних десятилетий доминирующую роль стали играть такие прагматические понятия, как успешность (эффективность) речевого общения (см., напр., [Виноградов 1996; Сковородников 1997; Стернин 2001; Харченко 2003]). С этим обстоятельством связано наметившееся чисто прагматическое (в смысле – практическое, технологическое) понимание Р.и. Так, И.А. Стернин определяет Р.и. как «совокупность *реальных* (выделено автором цитаты. – А.С.) характеристик оратора и выступления, позитивно оцениваемых носителями русской коммуникативной культуры, а не некоторые теоретически постулируемые признаки идеального выступления или идеальные требования к оратору». На основании анкетного опроса студентов он приходит к выводу о

том, что «идеальный оратор для студентов – это прежде всего опрятно одетый, умный, обаятельный мужчина лет 40, который говорит громко, коротко, эмоционально и с юмором». Идеальное выступление, с его точки зрения, – это, краткое, доступное аудитории, интересное, с жизненными примерами, эмоциональное и правильно построенное. «Представляется, – пишет автор, – что именно эти качества оратора и выступления должны формироваться и тренироваться в процессе практического обучения риторике» [Стернин 2002: 104–105]. Понимаемый таким образом Р.и. выдвигает на первый план технологический аспект эффективного речевого общения, оставляя в стороне проблему культурно-речевой традиции. Представляется, что сбалансированное соединение этих двух сторон речевого общения, в конечном итоге, обеспечит большую действенность Р.и. в применении не только к индивидууму, но и к социуму в целом.

Для полноты характеристики современного русского Р.и. следует также иметь в виду ориентацию его содержания на полнофункциональную (элитарную) речевую культуру (см. Типы речевой культуры), предполагающую владение полным набором базовых культурно-речевых компетенций (см. Культурно-речевая компетенция).

Лит.: **Аверинцев С.С.** Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996; **Виноградов С.И.** Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Ворожбитова А.А.** Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: монография. Сочи, 2000; **Гринько Е.Н.** Риторика и риторическая культура: история и теория: учеб. пособие. Владивосток, 2004; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996а; **Михальская А.К.** Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. учеб. пособие. М., 1996б; **Полякова Е.К.** Риторический идеал в русском коммуникативном сознании: психолингвистическое исследование: КД. Воронеж, 2003; **Сковородников А.П.** О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюллетень. Вып. 5. Красноярск–Ачинск, 1997; **Сковородников А.П.** Об элитарном (полнофункциональном) типе речевой культуры и культуре речи // Мир русского слова. 2008. № 2; **Смолененкова В.В.** Понятие риторической критики // Современные вопросы общественно-речевой практики. М., 2005; **Стернин И.А.** Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001; **Стернин И.А.** Опыт экспериментального выявления риторического идеала носителя русской коммуникативной культуры // Риторические дисциплины в новых государственных образовательных стандартах. М., 2002; **Тихонова Т.Е.** Риторический идеал как системообразующий фактор в процессе формирования коммуникативной культуры младших школьников // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: мат-лы 8-й Междунар. науч.-метод. конф. (Сочи, 22–24 сентября 2005 г.). В 2 ч. Ч. 2. Сочи, 2005; **Тихонова Т.Е.** Формирование коммуникативной культуры младших школьников в условиях полиязыкового образования: АКД. Сочи, 2011; **Харченко Е.В.** Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003; **Хлебникова М.С.** Риторический идеал как предмет изучения и средство совершенствования общей коммуникативной культуры студентов-филологов в процессе анализа современного драматургического дискурса: АКД. Ярославль, 2009.

А.П. Сковородников

РИТОРИЧЕСКИЙ КАНОН (от др.-греч. κανων – ‘правило’) – идеоречевой технологический цикл создания речевого произведения и центральный раздел Риторике (см.), изучающий «путь от мысли к слову» (процесс создания и произнесения речевого произведения).

Классический Р.к. включает в себя пять этапов (подразделов): 1) Инвенцию (см.), или изобретение содержания речи; 2) Диспозицию (см.) – расположение изобретённого речевого материала; 3) Элокуцию (см.) – стилистическое оформление речи, её словесное выражение; 4) меморио, или Запоминание речи (см.); 5) Произнесение речи (акцио гипокризис) (см.).

Техника запоминания и правила произнесения речи рассматриваются также в другом разделе риторики – в «Оратории», или «Теории ораторского искусства».

Согласно правилам Р.к. изобретение речи, риторическое расположение, выбор средств выражения и произнесение речи должны соответствовать Коммуникативной ситуации (см.) и коммуникативному намерению оратора (см. Интенция).

Лит.: Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991; Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997.

Г.А. Копнина

РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ, или **ПРИЁМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**, – такой способ построения речевой единицы, который основан на мотивированном целеустановкой говорящего/пишущего и условиями общения (контекстом и/или ситуацией) отклонении от нормы в широком смысле (нормы языковой или речевой) или её нейтрального варианта с целью оказания воздействия на адресата. В основе построения Р.п. лежит общий принцип отклонения, который в свою очередь реализуется при помощи частных принципов (прибавления, убавления, замещения, перестановки). Эти принципы были выделены ещё в античности и получили детализацию в современных риторических исследованиях (см., напр., [Общая риторика 1986; Сковородников 2005а, 2005б; Копнина 2009]).

В рамках отклонений от языковой нормы или её нейтрального варианта традиционно выделяют отклонения от норм фонетических, словообразовательных, лексических, грамматических (морфологических и синтаксических). Напр.: 1) ...*Кому творчество этих кренделей* (имеется в виду эстрадная труппа. – А.С и Г.К.) *нДравится?* (СГ. 8–14.07.2000) – намеренное отклонение от орфоэпической, а также от орфографической нормы, подчёркнутое графически; 2) *В силу такого шараханья в нас парадоксально уживается легковерие с нивочтоневерием* (АиФ. 2011. № 18) – отклонение от Словообразовательной нормы (см.), т.е. словообразовательный Окказионализм (см.); 3) – *Попробуйте только меня тронуть, – кротко возразил я распорядителю. – Сами покойником будете* (А. Аверченко) – Антифразис (см.) как отклонение от лексико-семантической нормы; 4) *Даже <...> ештушенки и рождественские не смогли с 1985 года воспеть ни одного «прораба»* (День. 1993. № 16) – употребление собственных имён в значении нарицательных, употребление форм мн. числа вместо ед. (см. Грамматический троп); 5) *Спасибо Вам, и сердцем и рукой, / За то, что Вы меня – не зная сами! – / Так любите <...>* (М. Цветаева) – ненормативное управление как отклонение от грамматической нормы.

Среди отклонений от речевых норм выделяем отклонения от норм структурно-текстовых (илл. 6), формально-логических (илл. 7), предметно-логических (илл. 8), информационно-речевых (илл. 9), функционально-стилистических (илл. 10), ситуативно-ролевых (илл. 11), этико-речевых (илл. 12). Напр.: 6) *Шесть парадоксов советской системы: Нет безработицы, но никто не работает. / Никто не работает, но растёт производительность труда. / Растёт производительность труда, но в магазинах пусто. / В магазинах пусто, но в домах кое-что есть. / В домах кое-что есть, но все недовольны. / Все недовольны, но единогласно голосуют «за»* (КО. 1991. № 48) – представленные здесь плеонастичность и синтаксическая упорядоченность являются отклонением от обычной (среднестатистической) структуры прозаического текста; 7) *Мне, конечно, всё равно, но я хочу знать!* (ТВЕнеделя. 25.01.2006) – отклонение от закона непротиворечия, поскольку не могут быть одновременно истинными противоположные утверждения «Мне всё равно» и «Я хочу знать»; 8) *В Африке до сих пор есть племя, которое не умеет оципывать кур. Поэтому они набивают их в подушку целиком* (ЛГ. 2002. № 16) – описание несуществующего артефакта; 9) *После новогодней ёлки в детском саду отец говорит сыну: – Сынок, ты уже большой, должен понимать, что никакого Деда Мороза нет. Это был я. – Да, я знаю. Ведь аист – это тоже ты* (КП. 03.10.2003) – отклонение от постулата количества информации; 10) *Россия обширная страна, и разрушение крестьянской общины привело к тому, что источником народной морали стала община уголовная. Распонятки заняли место, где жил Бог – или, правильнее сказать, Бог стал одним из «понятиев»...* (В. Пелевин) – использование в книжной речи жаргонного слова «распонятки» и просторечной формы «понятиев»; 11) *Мужик возвращается домой раньше времени, заходит в квартиру и вдруг слышит из спальни голос своего шефа и жены. Он сразу так тихо-тихо к двери: – Не-е-е, ещё спросит, что я делаю дома в рабочее время*

(КП в Красноярске. 04.08.2010) – поведение, не свойственное роли мужа в описанной ситуации; 12) *При встрече раз сказал Бетховен Баху, / Что дал он непростительного маху / В какой-то, не припомню, из кантат. / На это Бах ему: – Послушай, брат, / Ведь я пишу, как всем известно, фуги, / Не всякие там буги-вуги, / И в этом деле съел собаку я, / А ты не согласишься в фугах ни фуга* <...> (Б. Кузин) – отклонение от этико-речевой нормы, заключающееся в использовании плохо прикрытой табуированной лексемы.

Следует иметь в виду, что существуют Р.п. синкретичного типа, которые представляют собой отклонения одновременно от нескольких норм. Напр.: *Я пришел к вам с миром. С уголовным* (МК. 18.03.1999) – так называемая «синтаксическая аппликация»: происходит совмещение отклонения от нейтрального порядка слов (инверсия) и отклонения от синтаксической связности членов предложения (парцелляция), в результате чего образуется Дилогия (см.) и возникает эффект Обманутого ожидания (см.) (мир как «отсутствие враждебных намерений» оборачивается семантикой уголовной среды).

Синкретизм Р.п. нужно отличать от контекстуального взаимодействия Р.п. (см. Стилистическая конвергенция). Такое взаимодействие нескольких Р.п. мы можем наблюдать, напр., в следующем тексте:

Когда Альберт Эйнштейн умер, в очереди у райских ворот он встретил трёх новозеландцев. Чтобы убить как-то время, он спросил, какой у них интеллектуальный коэффициент.

– 190, – ответил первый.

– Прекрасно, сказал Эйнштейн. – Мы сможем поговорить с Вами о вкладе Резерфорда в атомную физику и в общую теорию относительности.

– 150, – ответил второй.

– Хорошо, – сказал Эйнштейн. – Мы обсудим с Вами роль Новой Зеландии в борьбе за нераспространение ядерного оружия.

– 50, – ответил третий.

Эйнштейн задумался, а потом спросил:

– Ладно, тогда поделитесь своим прогнозом относительно дефицита бюджета на следующий год (СГ. 12.04.2001).

В тексте этого анекдота взаимодействуют отклонения от норм: предметно-логической (изображение нереальной, фантастической ситуации), структурно-текстовой (стилистическая фигура нисходящей градации: 190...150...50; *Прекрасно...Хорошо...Ладно...*), информационно-речевой (намёк на низкие умственные способности третьего новозеландца).

Р.п. является наиболее общим (родовым) понятием по отношению к Тропу (см.) и Стилистической фигуре (см.). Р.п., используемый в художественном тексте, называют **художественным приёмом** (см. также: Паралогические риторические приёмы; Параэтологические риторические приёмы; Парагерменевтические риторические приёмы; Риторические приёмы виртуального отклонения от онтологической нормы).

Лит.: Болотов В.И. Проблемы теории эмоционального воздействия текста: ДД. Ташкент, 1985; Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Кемеров В.Е. Норма // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. Лондон; <...> Мн., 1998; Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М., 2009; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Общая риторика:** пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; Сковородников А.П. Риторические приёмы в аспекте речевой системности // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Пермь, 2005а; Сковородников А.П. О классификации риторических приёмов // Stylistyka-XIV. Opole, 2005б; Сковородников А.П., Копнина Г.А. Об определении понятия «риторический приём» // Филологические науки. 2002. № 2; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

РИТОРИЧЕСКОЕ ВОСКЛИЦАНИЕ – стилистическая фигура, представляющая собой такое предложение, в котором эмоциональность выражена не только восклицательной интонацией (что характерно для обычных восклицательных предложений), но и некоторыми формальными (структурными) показателями эмоциональности: междометиями; риторическим обращением в сочетании с междометием; местоимениями и местоименными наречиями: *как, какой (какая, какое, какие), сколько*; глагольными конструкциями с частицами *да, пусть*, придающими высказыванию побудительную модальность; конструкциями с инфинитивом побудительной модальности; лексико-синтаксическими повторами, особыми зачинами и др. Напр.: *Боже! Как ты хороша подчас, далёкая, далёкая дорога!* (Н. Гоголь); *Какую власть имеет человек, / Который даже нежности не просит!* (А. Ахматова); *До чего же драматична почти поголовная социально-психологическая безграмотность старших во всём, что касается поколения переходного возраста!* (СК. 25.06.1987). Такие высказывания представляют собой отклонения от структур нейтрального повествования (наррации).

Главная функция Р.в. состоит в том, чтобы «отметить высшую точку накала чувства, выделить тем самым важнейшие в смысловом отношении фрагменты речи» [Михальская 1996: 239]. Используются Р.в. главным образом в художественной, публицистической и ораторской речи.

Лит.: **Горшков А.И.** Русская словесность: От слова к словесности: учеб. пособие для учащихся 10-11 классов школ, гимназий и лицеев гуманитарной направленности. М., 1995; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Маклакова Т.Б.** Роль тропов и фигур в целом тексте: КД. Иркутск, 2010; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996; **Нечаева О.А.** Экспрессивность восклицательных предложений (в монологическом типе речи) // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; **Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.** Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

РИТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ, или **АПОСТРОФА** (от др.-греч. αποστροφή – ‘обращение, отклонение’), – стилистический приём, отличающийся от обычного обращения тем, что используется не столько для называния адресата, сколько для привлечения внимания к этому адресату и/или его оценочной характеристики. Наиболее частотны Р.о. с фиктивными по существу адресатами (воображаемыми или умершими, с персонифицированными существами, предметами и даже абстрактными понятиями). Такие Р.о. обозначаются термином «аверсия». Р.о. чаще всего используются для выражения торжественности, лирического пафоса и поэтому характерны для поэтических текстов. Напр.: *Пока свободу горим, / Пока сердца для чести живы, / Мой друг, отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!* (А. Пушкин); *О, память сердца! Ты сильней / Рассудка памяти печальной...* (К. Батюшков); *Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать у бойкого народа ты могла только родиться <...>* (Н. Гоголь).

Р.о. часто совмещается с олицетворением: *Послушай, небо: человек поёт, / Поёт, как собирается в полёт <...>* (Е. Исаев).

Р.о. используются также в публицистике и ораторской прозе: *Где ты есть, деревня Колясино? Откликнись, напиши нам подробнее о несчастной Лере: где и кем похоронена, о чём успела ещё рассказать, говорила ли что о родных и близких, где их теперь искать?* (Завтра. 1994. № 47); *К юбилею телевидение просто оплевало Есенина. И самое нелепое в этой истории, что Безруковы болеют за него душой, что хотели как лучше. А получилось... Эх! Простите нас, дураков, Сергей Александрович!* (ЛГ. 2005. № 51).

Реже Р.о. используется в иронических контекстах: *Здравствуй, юмор российский, / Суррогат под английский! Галёрка хлопает, Улица слопаёт...* (С. Чёрный).

Лит.: **Вялкина Л.В.** Обращение // **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Ковтунова И.И.** Поэтический синтаксис. М., 1986; **Михальская А.К.** Основы риторики:

Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Щербинина И.В.** Коммуникативная сущность обращений как средства общения в языкознании: КД. Краснодар, 2007; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

РО́ДЫ КРАСНОРЕ́ЧИЯ – типы речей, классифицируемых по целям, содержанию и стилю и соответствующие, с одной стороны, жанрам общения, с другой, областям профессиональной коммуникации. Происхождение термина восходит к первому в истории риторике делению на «три рода речей» в «Риторике» Аристотеля: совещательный, судебный, эпидейктический. Цель (как и содержание) совещательного рода – польза, судебного – истина, эпидейктического – прекрасное; что касается времени, то в совещательной речи говорят о будущем, в судебной – о прошлом, в эпидейктической – о настоящем. Нарушение содержательных норм ведёт к риторическим неудачам.

Термин «род» (греч. γένος, лат. genus, фр. genre) в последующей традиции преобразовался в «роды и виды словесности», но ещё в русских рукописных риториках встречается именно термин «роды речи». Так, первая русская «Риторика» 1620 г. говорит о четырёх родах речей: к вышеперечисленным «советовательный, судительный, показательный» добавляется «учебный» род. У М.В. Ломоносова в первой неопубликованной рукописи «Краткого руководства к риторике» встречаются те же традиционные три рода, но уже Н.Ф. Кошанский, учитель российской и латинской словесности в Царскосельском лицее, давал в курсе риторики сведения о классическом торжественном, политическом, судебном красноречии, а современное ему ораторство подразделял на духовное и светское, мирское, в котором разбирал также академические речи.

Современные классификации развивают традиционные деления речей в свете развития информационного общества и большего разнообразия различных видов текстов. Так, Л.К. Граудина выделяет десять типов красноречия: духовное (церковно-богословское), академическое, судебное, дискусивно-полемиическое, дипломатическое, парламентское, митинговое, торговое (коммерческое), военное, социально-бытовое. Безусловно, подобные классификации могут быть продолжены по видам профессионального общения: делового, педагогического (оно различается с академическим) и т.д. В сущности, всякий вид интеллектуальной деятельности имеет отношение к эффективной речи, исторически восходящей к красноречию как искусству говорить убедительно и выразительно. Все основные профессии в обществе – «речевые», поэтому и основные виды (роды) красноречия называют либо основные профессии (политическое, судебное, академическое, церковное, военное), либо основные сферы общения (социально-бытовое, публицистическое). В настоящее время термин «Р.к.» отчасти устарел – чаще мы говорим о видах и жанрах речи, но и осознание последних невозможно вне классической традиции, ясно показывающей, как эволюционировало общество в развитии и пополнении видов прозы, которая первоначально рассматривалась как одна из разновидностей словесности. Красноречие, первоначально рассматривавшееся как ораторство, затем в русской традиции могло распространяться на все виды прозы (история, научные сочинения, романы и повести, разговоры, письма).

В настоящее время название того или иного рода (вида, типа) красноречия не имеет строгого научного определения, тем не менее, учёные и профессионалы-практики в различных областях речевого творчества постоянно используют этот термин, понимая под «красноречием» эффективную и убедительную, совершенную речь, а под его «родами» – тип профессионального общения, в котором действует ритор-коммуникатор.

Лит.: **Аннушкин В.И.** История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002; **Аннушкин В.И.** Русская риторика: исторический аспект. М., 2003; **Аннушкин В.И.** Красноречие // Русская речь. 2005. № 4; **Античные риторика** / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978; **Граудина Л.К.** Русская риторика. М., 2001; **Граудина Л.К., Миськевич Г.И.** Теория и практика русского красноречия. М., 1989; **Ломоносов М.В.** Полное собрание сочинений. Т. VII. М., 1952; **Русское красноречие.** Хрестоматия и система заданий для учащихся старших классов общеобразовательных школ / Авторы-сост.: Купи-

на Н.А., Матвеева Т.В. Екатеринбург, 1997; Цицерон Марк Фабий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

В.И. Аннушкин

РОНДО. См. КОЛЬЦО

РУССКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА – имена, в разное время входившие в русский обиход. Р.л.и. формировали русский ономастикон (от др.-греч. ονομα – ‘имя, название’), или именник, – совокупность собственных имён. Наука о личных именах – антропонимика, которая является частью ономастики – раздела языкознания, изучающего имена собственные: названия людей, животных, мифических существ, стран, рек, гор и проч. Знать особенности Р.л.и. важно, т.к. имена связаны с системой форм и формул принятых обращений, т.е. необходимо ясно представлять способы употребления Р.л.и. в процессе общения людей. Антропонимическая модель русских (восточнославянских) имён представляет собой трёхчастную структуру: личное имя, отчество (отцовское имя), фамилия (наследственное, или фамильное, имя).

Система Р.л.и. формировалась в конкретных социально-экономических и культурных условиях. Древнерусский период развития Р.л.и. характеризовался тем, что именование человека осуществлялось только по имени. Причём существовала тенденция именованию в зависимости от социального статуса человека. Имена, присущие социально значимому классу людей, так называемые княжеские имена, родом из скандинавских, финно-угорских, тюркских языков: *Олег, Игорь*. Также при образовании социально значимых Р.л.и. было характерно сложение двух основ: *Святослав, Ярослав, Владимир, Остромир*. Входящие в их состав слова были старославянского или древнерусского происхождения. Вторая группа имён, характерная для остального социального большинства, состояла из «повтора» нарицательного слова: *Волк, Ждан, Добрыня*. Дошедшие женские имена отражают ту же тенденцию: княжеское имя *Ольга*, не княжеское *Красава*. Однако основным способом создания системы женских имён было именование женщины по имени отца (*Ярославна*) или мужа (*Завишая, Полюжая* – жены *Завида, Полюда*).

С принятием христианства система Р.л.и. претерпела изменения. Христианин мог получать только канонизированное имя, т.е. имена святых первых веков христианства. Поэтому новое наполнение именника произошло за счёт древнегреческих имен (*Елена, Ирина, Андрей, Василий, Александр*), латинских (*Татьяна, Сергей, Константин*), еврейских (*Мария, Анна, Иван*). Важно отметить, что происходила языковая адаптация данных имён древнерусским языком, поэтому в иноязычных именах упрощались несвойственные русским звуковые сочетания: *Николай* вместо Николаос, *Павел* вместо Паулос, *Аким* вместо Иоаким, *Устинья* вместо Иустиния. Адаптация многих церковных имён к повседневной речи привела к появлению «просторечных», не канонических параллельных форм имён, которые в современном русском именовании представляют собой разные имена: *Ксения* и *Аксинья, Ирина* и *Арина, Георгий, Юрий* и *Егор, Иосиф* и *Осип*. С X в. и примерно до XVII в. христианская традиция именованию боролась с языческой. Это выразилось в том, что ребёнок получал в церкви при крещении имя по святым и зачастую ему же родители давали «домашнее» имя, следуя языческому обычаю. Имя давали по внешнему признаку новорождённого либо по другим особенностям появления ребёнка на свет (*Первак, Второй, Ждан, Неждан, Богдан, Любим* и пр.). Особенностью мирского раннего славянского именованья было наличие в нём необычно звучащих для современного слуха «поносных» имён: *Кисель, Износок, Нелюб, Неудача, Поп, Чёрт* и пр. (см. подробнее [Успенский 2008]). Эти «языческие» имена интересны тем, что они стали базой для образования русских фамилий. Период распространения нецерковных имён закончился в эпоху правления Петра I.

Особенностью русского (восточнославянского) именника является раннее возникновение отчеств. Модель «имя в форме краткого притяжательного прилагательного с суффиксом -ь (-ль)» известна с первых письменных памятников: *Володимерь сын* (Владимиров сын), *сын Ярославль* (Ярославов сын). С XII в. получает распространение и остаётся практически единственно возможной моделью с суффиксами *-ов (-ев)* или *-ин*: *сын Иванов, сын Ильин* и пр. Таким образом сложился следующий основной способ образования и русских фамилий: основа, содержащая указание на имя (каноническое или нецерковное, либо прозвище), с присоединением суффиксов. В качестве источника могли

выступать как имя отца (патронимические фамилии – *Жданов, Прокопьев, Дмитриев*), так и имя матери (метронимические фамилии – *Аннушкин, Катюшин, Семинихин*). Важно, что образование фамилий происходило гораздо чаще не от полного имени, а от различных его производных форм, так называемых уменьшительных. Так, Б.-О. Унбегаун приводит 32 (!) формы имени *Михаил*, каждая из которых способна производить фамилию [Унбегаун 1995: 57].

Современное использование имени в русском речевом этикете в достаточной мере изучено и подробно рассмотрено, напр., в [Формановская 1989]. Коротко можно сказать, что в русском обиходе реализуются все исторически накопленные возможности именования: только по личному имени (от полного до различных его «домашних», или «семейных» вариантов); по имени и отчеству (что является восточнославянской особенностью); с использованием всех трёх компонентов. Выбор зависит от степени близости (социальной, родственной и пр.) между людьми. Интересной особенностью последних лет стала дискуссия об «европеизации» русского этикета, что выражается в намеренном отказе от отчеств. И хотя использование имени без отчества имело место и в русской традиции, напр., именование русских царей, однако современное именование различных «публичных» людей – политиков, спортсменов, писателей, актеров, теле- и радиоведущих – по форме «имя + фамилия» является чуждой для русского этикета.

Р.л.и., являясь частью лексикона, не избежали влияния моды на те или иные имена, причём можно утверждать, что именно антропонимика наиболее чутко реагирует на различные модные тенденции в речи. Напр., в 20-гг. XX в. русская антропонимия испытала мощное «вливание» новых имён. Одни продержались недолго (*Авангард, Гений, Гранит, Коммунар, Октябрь, Артиллерия, Пятак, Идея, Эра, Заря, Поэма, Владлен, Вилор, Ким, Рем, Ревмира*). Другие остались, напр., народно-канонические имена (*Алёна, Лена* от Елена, *Катерина* от Екатерина) и «иноязычные» имена, т.е. имена, взятые из именника других народов (*Альберт, Тимур, Спартак, Эдуард, Алла, Жанна, Клара, Инесса, Снежана* и пр.) или имена, взятые из литературных произведений (*Ассоль, Аэлита, Нора, Лолита*).

Р.л.и. отличаются разнообразием, что объясняется свободой граждан в выборе имён. Право выбирать личное (индивидуальное) имя новорождённому ребенку принадлежит родителям и это закреплено законодательно. Благодаря этому современный русский именовослов продолжает (хотя не с той же силой, что в 20-е гг. в.) пополняться новыми именами и в него прочно вошли, напр., имена *Алиса, Алина*. Однако, как компетентно отмечают составители монографии «Системы личных имён у народов мира», постепенно сложился именник Р.л.и. из 40–50 мужских и 50–55 женских имен. Этого количества достаточно, чтобы удовлетворить потребность в выборе имени, хотя частотность выбора имени в разные периоды была разной. Лингвисты отмечают высокую концентрацию имён: иногда почти 80% новорождённых охвачены 10-ю самыми частотными именами. В разные периоды эта «десятка самых популярных» имён разная. Выбор имени связан с социальной жизнью общества. Родители очень часто осуществляют свой выбор, исходя из немногих причин (назовем главнейшие из них в порядке уменьшения частотности): в честь родственников, знакомых или известных людей; из-за «красоты» имени (критерий красоты – очень субъективный, сюда могут входить как самые популярные имена, так и наоборот – самые редкие); по святкам и, наконец, по иным соображениям.

Особенностью именования последних лет стоит назвать поиск родителями редких (вплоть до редчайших) имён. Зачастую такими оказываются старинные русские имена – *Фока, Фома, Савва, Макар, Арсений, Таисия*. Вторая тенденция последних лет – стремление к заимствованию из чужой культуры двойных имен. Причём иногда родители наряду с существующими в католической традиции именами (*Марк-Андре, Жан-Морис, Анна-Мария, Мария-Луиза*) дают детям «русифицированные» имена: *Иван-Елисей, Василина-Маргарита, Евдокия-Стефания, Агата-Валентина*. Такие именованья чужды системе Р.л.и.

Лит.: Андреева К.А. Русское личное имя в коммуникативно-прагматическом аспекте: КД. М., 2011; Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974; Системы личных имён у народов мира. М., 1989; Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. М., 2006; Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1995; Успенский Л.В. Ты и твоё имя. М., 2008; Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.

А.Н. Сперанская

РУССКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ. Р.п. получает массовое признание не ранее 1990-х гг., когда его западные образцы прививаются на русскую почву, становятся составной частью культурной ситуации, связанной с освоением наследия трёх волн эмиграции, искусства андеграунда, «другой» живописи, переоценкой творчества соцреализма. Атмосфера «стихийного постмодернизма» – открытой, поливалентной, эклектичной культуры – соединяется с духом академизма, присущим западным образцам, зачастую иронически оценивающимся в отечественной культуре. Интерес к постмодернистскому творчеству как «киному», «другому» соседствует в современной русской культуре с разочарованием, чувством потерянности, рождающими тоску по идеалу, гармонии, связывающимися с искусством постпостмодернизма.

Элементы постмодернистской поэтики актуализируются в отечественной литературе 1960-1970-х гг.: «новая проза» В. Катаева, роман «Ожог» В. Аксёнова. Происходит критика эстетики «шестидесятников» с её романтизмом и утопизмом. Литературное «подполье» становится способом существования. Своеобразным предчувствием постмодернизма считают и прозу «сорокалетних»: «никакой» герой (тексты В. Маканина), «равнодушие» автора к персонажу, игровое начало, стиливая изысканность.

В критической литературе существуют несколько версий периодизации Р.п., в самом общем виде развитие этой культуры можно разделить на несколько этапов: первый – конец 1950-х – середина 1960-х гг., когда происходит формирование опорных тем, образов, принципов эстетики, складывается переходное искусство соц-арта. Второй этап – конец 1960-х – середина 1980-х гг. как время становления и утверждения эстетики Р.п., оформления ведущих направлений в постмодернистской словесности. Третий этап – 1980-е – 1990-е гг. – характеризуется распространением постмодернистских тенденций во всех областях отечественной культуры и, в целом, в жизни общества: в быту, моде, рекламе.

В критической литературе открытие новой эстетики, литературы получает самые разные названия: «другая проза» (С. Чупринин), «калейдоскоп» (И. Дедков), «андеграунд» (В. Потапов), «проза новой волны» (Н. Иванова), «младшие семидесятники», «артистическая проза» (М. Липовецкий), «литература эпохи гласности» (П. Вайль, А. Генис), «актуальная литература» (М. Берг), «типичный сюр» (Д. Урнов), «бесприютная литература» (Е. Шкловский), «плохая проза» (Д. Урнов), «рипарография» (Г. Гусейнов), к концу 1980-х гг. термин «Р.п.» утверждается как в европейской исследовательской традиции, так и в отечественной. Работы, посвящённые специфике Р.п., зачастую строятся с использованием терминологии, концептологии, разработанной западными аналитиками и художественными критиками. Иной подход к изучению постмодернизма в России предлагает М. Эпштейн («Постмодерн в русской литературе»), претендуя на формирование теории из самой практики, продуцирование оригинальной терминологии. Основная идея книги – утверждение непосредственной связи между культурой советского времени, соцреализмом и постмодернизмом, равными для них гипертекстуальности, антимодерности, эклектизме, критике метафизики, цитатности, своеобразном утопизме.

К особенностям русской посткультуры относят литературоцентризм и политизированность. На отечественной почве новый стиль утверждается не «после модернизма», но «после соцреализма», что определяет его художественные особенности. Отечественный постмодернизм стремится оторваться от идеологизированной почвы идеологизированными, но сугубо антитоталитарными методами (творчество Э. Лимонова, В. Курицына, В. Сорокина, И. Кабакова, В. Пелевина и др.). Неким переходом от соцреалистической культуры к постмодернистской является **соц-арт**. Движение от соцреализма к соц-арту осуществляется с середины 1950-х до середины 1970-х гг., от творчества «Лианозовской группы» – неформального союза поэтов и художников, существовавшего в конце 1950-х – начале 1960-х гг. (И. Холин, Г. Сапгир, Вс. Некрасов) – до программных соц-артовых работ В. Комара, А. Меламида, И. Кабакова, Э. Булатова, Д. Пригова. Термин «соц-арт» введён Комаром и Меламидом в 1972 г. и мыслится, в интерпретации М. Эпштейна, как советская параллель американскому **поп-арту**: на Западе в массовом сознании утвердились рыночные атрибуты вещей, в советской России – идеологические атрибуты общих понятий. Искусство и в том и другом случае «опрощается», лишается аристократизма: пластиковые бутылки, консервные банки, сушилки для бутылок – материал поп-арта, уличные призывы и лозунги – соц-арта. Противовесом соц-арта считают творчество авторов, сосредоточившихся на чистой игре, стилизации, превративших пародию в чистый абсурд, прослав-

ляющих «пиршество текста». Наиболее яркие представители этого направления: С. Соколов, Вен. Ерофеев.

К принципиальным отличиям Р.п. относят мистицизм, эзотеризм (позднее творчество В. Сорокина, А. Монастырского), интерес к национальным мифам, традициям, склонность к предельным категориям («Жизнь с идиотом», «Страшный суд» Вик. Ерофеева, «Норма» В. Сорокина, «Змеесос» Е. Радова, «Непорочное зачатие» М. Волохова). Писатели вскрывают состояние национального бессознательного, его парадоксальное воздействие на жизнь общества. Р.п. испытывает особый интерес к примитивистской составляющей творческого наследия авангарда, но движется в сторону окостенения и консервации форм повседневной жизни. Отечественную версию посткультуры отличают исторический пессимизм, связанный с жёстким разочарованием в перспективах «светлого будущего». И.С. Скоропанова отмечает – если в период становления Р.п. акцент ставится на проблемах массового сознания, то с его развитием авторское внимание смещается на тему воздействия коллективного бессознательного на жизнь общества (роман «Оно» А. Слаповского). М. Липовецкий специфику Р.п. видит и в отсутствии деконструкции либеральных ценностей, что характерно для западной версии. Н.Б. Маньковская отмечает создание в русской посткультуре специфической культурной атмосферы, компенсирующей ряд традиционных национальных «комплексов»: вторичности, отставания, пропущенных эпох (ностальгия по «русскому Возрождению»). Связанность Р.п. с русской духовной традицией, эзотерикой авангарда позволяет утверждать, что постмодерн в России больше, чем постмодерн, он отсылает не только к эстетике и поэтике, но и к философии, социологии, науке, политике (**парламент-арт** – приключения политиков), к эмблематике телеимиджей, самой атмосфере спонтанного постмодернизма в жизни нации с её непредсказуемостью, перевёртышами, разрывами, эклектизмом.

Для отечественной традиции период постмодернизма – время освоения достижений мировой культуры и, одновременно, опасений за недооценённость собственной. **Глобализм**, чьи идеи и репрезентирует искусство постмодернизма, конкурирует в общественном сознании со стремлением к **самоидентичности**, чувством уникальности национальной культуры. Признание неизбежности процессов единения мира, его сращения в клубке виртуальной информации, опротестовывается представлением о глобализации как «бесовском искушении» России дьявольскими силами прогресса – Запада (монография А. Панарина «Искушение глобализмом»).

Лит.: **Бабенко Н.Г.** Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: ДД. СПб., 2008; **Богданова О.В.** Постмодернизм в контексте современной русской литературы (1960-е – 1990-е годы XX века – начало XXI века). СПб., 2004; **Горичева Т.М.** Православие и постмодернизм. Л., 1991; **Гройс Б.Е.** Утопия и обмен. М., 1993; **Ильин И.П.** Постмодернизм: от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа. М., 1998; **Ковалёв П.А.** Поэтический дискурс русского постмодернизма: КД. Орёл, 2010; **Курицын В.Н.** Русский литературный постмодернизм. М., 2000; **Липовецкий М.Н.** Паралогии. Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. М., 2008; **Липовецкий М.Н.** Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997; **Маньковская Н.Б.** Эстетика постмодернизма. СПб., 2000; **Скоропанова И.С.** Русская постмодернистская литература. М., 2001; **Тупицын В.** Коммунальный (пост)модернизм: русское искусство второй половины XX века. М., 1999; **Чупринин С.И.** Жизнь по понятиям. Русская литература сегодня. М., 2007; **Эпштейн М.Н.** Постмодерн в русской литературе. М., 2005.

Н.В. Ковтун

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ. Государственный язык (ГЯ) – это официально принятый язык, обязательный для употребления в сферах, подлежащих правовому урегулированию. Юридический статус ГЯ устанавливается специальными законами и закрепляется в Конституции. Русский язык имеет статус ГЯ в двух странах: Российской Федерации, а также в Республике Беларусь, где он используется как государственный наравне с языком титульной нации.

К числу важнейших функций Р.я. как государственного относятся консолидирующая, регулирующая и символическая. Он обеспечивает единство политического, экономического и культурного пространства страны, обеспечивает работу органов государственной власти и обслуживает деятельность политических партий, банков, предприятий, учреждений образования, науки и культуры, играет

важную роль в развитии хозяйственных и межкультурных связей в пределах РФ и Белоруссии. Русский язык регулирует деловое и социальное взаимодействие власти и граждан, является одним из символов российского государства (наряду с гимном и флагом).

Юридический статус государственного русского языка впервые получил лишь в конце XX в., первоначально – на территории Белоруссии (Закон от 26 января 1990 г. № 3094-ХІ «О языках в республике Беларусь»). В России объявлен государственным в Законе «О языках народов РСФСР» (№ 1807-1 от 25.10.1991). После распада СССР правовой статус русского языка на территории России был закреплён в 68 статье Конституции РФ (1993 г.), а позднее – в Федеральном законе РФ № 53 «О государственном языке Российской Федерации», вступившем в силу 1 июня 2005 г., в котором чётко регламентированы сферы употребления Р.я. как государственного, обозначен репертуар его социальных функций. Он используется в деятельности федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления; в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве; в сфере науки и образования, СМИ и рекламы. Это язык российской армии и флота, всех видов коммуникации, включая деятельность всех диспетчерских служб. Русский является обязательным в делопроизводстве, он законодательно используется при написании дорожных указателей и названий географических объектов, при оформлении адресов отправителей и получателей почтовых отправлений, пересылаемых в пределах Российской Федерации и т.п.

Русский язык изучается во всех имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях РФ. Его изучение регулируется государственными образовательными стандартами. Достаточно широк спектр общественно значимых функций у русского языка также и в Республике Беларусь.

Неукоснительное выполнение Закона о русском как государственном имеет важное значение для консолидации общества, укрепления основ российской государственности, экономической и культурной интеграции с другими странами. Забота о русском языке – одна из стратегических задач языковой политики России и долг каждого гражданина, которому не безразличны целостность, экономическая стабильность и культурное развитие страны.

Лит.: Березин Ф.М. Место и роль русского языка в постсоветской России. URL: www.inion.ru/product/berezin13.htm; **Государственные языки Российской Федерации:** Энциклопедический словарь-справочник. М., 1995; Ермошин Г.Т. От закона о языках народов РСФСР к закону о государственном языке Российской Федерации // Российская юстиция. 1999. № 4; Ляшенко Н.В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: КД. М., 2004; Чельшев Е.П. Русский язык как государственный язык Российской Федерации // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. М.; СПб., 2003; **Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках.** Мат-лы Всерос. науч. конф. (Москва, 1–3 ноября 1994). М., 1994.

О.В. Фельде

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ. См. **ПРЕЗЕНТАЦИЯ**

САРКАЗМ. См. **КОМИЧЕСКОЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ**

САТИРА. См. **КОМИЧЕСКОЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ**

СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО. См. **ПРОЗАИЧЕСКАЯ СТРОФА**

СВЁТСКАЯ БЕСЕДА – приятное речевое общение в неповседневной обстановке, демонстрирующее утончённость воспитания и умение проводить время в обществе за лёгкими изящными разговорами. Прямой практической цели не имеет.

Понятие связано с культурными реалиями XIX в. – наличием «света» как высшего слоя привилегированных классов буржуазно-дворянского общества (ср. также *светские манеры, светский круг, светские приличия*) – и сформировано в оппозициях светское – духовное (религиозное) и светское –

иносословное, низкосословное: купеческое, мещанское, крестьянское). С.б. являлась неотъемлемой и главной составляющей в культурном сценарии дворянского раута – вечернего собрания без танцев.

В постсоветской России при отсутствии как дворянства, так и обеих названных оппозиций, жанр, безусловно, трансформировался, но основные свои черты сохранил. С позиций современной коммуникативной лингвистики и лингвокультурологии это жанровая разновидность Разговорной беседы (см.), диалог-дискурс в рамках речевого этикета, т.е. протекающий по строгим неписанным правилам учтивости и транслирующий нормы общения путём их демонстрации. С.б. исторически сложилась в ситуациях неформального публичного общения достаточно большой группы приглашённых на встречу людей, знакомых в различной степени или не знакомых между собой, её цель – собственно общение: установление и поддержание личных контактов, интеллектуальный и энергетический взаимообмен. Характеризуется свойством публичности, включая в себя полилоги и открытые для внешнего наблюдения диалоги. Особый стилистический параметр данного праздноречевого жанра – эстетизм, риторический идеал – непринуждённая отточенность речи и невербального поведения.

Композиция С.б. отвечает всем родовым признакам жанра беседы. Специфику составляет регламентированность речевой активности, зависящей от возраста, известности, репутации и др. социально значимых характеристик говорящего. В дискурсе отдельного собеседника могут использоваться включённые монологические микротексты: рассказ, анекдот и др. В качестве композиционных частей относительно самостоятельной дискурсивной партии в составе С.б. выделяются вступление в общий разговор (реализация речевой инициативы или подхвата обсуждаемой темы), тело высказывания (микромоналог или их группа) и завершение партии (путём передачи речевого лидерства или по умолчанию).

Тематика С.б. прежде всего ориентирована на общность интересов говорящих. Распространены нейтральные общие темы, небезразличные для множества самых разных людей и вошедшие в тематический код речевого этикета (погода, спорт, музыка, значимые культурные прецеденты, домашние животные и др.). Другой информационный ориентир – это новизна сообщения. Свежая, особенно сенсационная, информация значительно расширяет круг тем С.б., делает возможными практически любые темы (новости политики, экономики, науки), в т.ч. персоналии. В рамках данного жанра специфичен выбор тем в соответствии с полом, возрастом, статусом, настроением непосредственного собеседника и участников-наблюдателей, а также характер раскрытия темы. С.б. не допускает глубокой проработки каких бы то ни было тем, они подаются вскользь либо фрагментарно и ставятся в тематический ряд. Переход с темы на тему в С.б. обязателен, полное же аналитическое представление отдельной темы неуместно. В идеале участники С.б. должны избегать негативных в эмоциональном плане и наиболее острых социальных тем (болезнь и смерть, физическое уродство и бедность, катастрофы и природные катаклизмы), обсуждения негативных сторон личности. При обращении к сенсационной негативной тематике (по сути, сплетням, пустословию и злословью), что реально было и есть в С.б., действует запрет на открытость и грубость: тема подаётся иносказательно, с применением умолчаний, намёков, эвфемизмов.

Базовая для беседы тональность доброжелательности трансформируется в любезность, для которой желательна, но не обязательна искренность. За счёт этого в С.б. нивелируется разница воспитания и образования, несовпадение политических платформ и нравственных воззрений собеседников, в рамках жанра подчёркивается общечеловеческое духовное родство, предъявляются образцы уважительного общения, исключающего любые проявления агрессии и маскирующего неприязнь. Ситуация публичности придаёт данным действиям ритуальный характер, формирует речевую традицию. В С.б. не приветствуется аффектация, это холодноватая, сглаженная эмотивная сфера, что также помогает обеспечить психологическое равенство говорящих, свойственное жанру беседы в целом. Стилистически С.б. настроена на речевое мастерство, артистизм, изощрённость. Возможна соревновательность. Способным на такое самовыражение собеседникам их речевые партнёры охотно уступают речевое лидерство, обеспечивая поддержку в полилогах и диалогах.

Специфику коммуникативного аспекта С.б. составляет мастерство диалога. Противоречат законам жанра перебивы, включения в чужое высказывание, форсирование Я-темы; требует строгой фильтрации репертуар речевого поддерживания и придерживания. Приветствуются навыки принятия и передачи речевого лидерства, владения паузами, мимикой и другими средствами «внешней речи», тактичное регулирование собственной и чужой речевой активности, избегание острых углов разгово-

ра с помощью техники косвенных средств речевого выражения, деликатность реагирования на чужую оплошность или другой недостаток.

С.б. представляет собой гибкую жанровую форму, речекommункативное качество которой зависит от уровня духовной культуры собеседников и степени их этикетной подготовленности. Владение ролевыми навыками участника С.б. свидетельствует о высоком уровне речевой компетенции. Русской ментальности ближе жанр не светской, а разговорной беседы в силу непринуждённости, искренности и задушевности последней.

Лит.: Белоус А.С. Эволюция жанра светской беседы: КД. Н. Новгород, 2010; Дементьев В.В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов, 1990; Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1; Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры. Саратов, 2000; Матвеева Т.В. Текст-риторика и риторическое образование // Путь в риторику. Вып. 1. Пермь, 1994; Милёхина Т.А. Светская беседа // Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001; Стернин И.А. Светское общение. Воронеж, 1996; Фенина В.В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культуре: КД. Саратов, 2005; **Правила свѣтской жизни и этикета.** Хороший тонъ. Сост. Юрьевъ и Владимірскій. С.-Петербург, 1889.

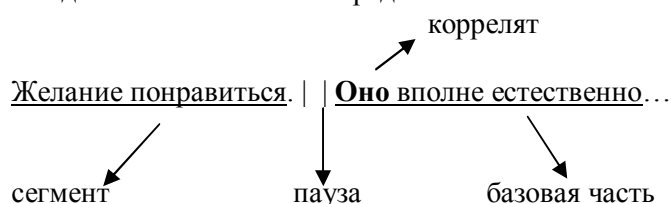
Т.В. Матвеева

СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА. См. ТЕКСТ

СЕГМЕНТИРОВАННАЯ КОНСТРУКЦИЯ. См. СЕГМЕНТИРОВАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

СЕГМЕНТИРОВАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, или **СЕГМЕНТИРОВАННАЯ КОНСТРУКЦИЯ**, – стилистическая фигура, представляющая собою расчленённое на две части простое или сложное предложение, в котором первая часть, называемая сегментом и выраженная именем существительным в им. падеже (иногда с зависимыми словами) или инфинитивом (тоже иногда с зависимыми словами), обозначает актуальное для говорящего (пишущего) понятие, а вторая часть, называемая базовой, содержит какое-л. высказывание по поводу понятия, выраженного сегментом. Причём эта вторая часть, отделяемая от первой паузой, содержит в своей структуре так называемый коррелят (местоимение или существительное), выполняющий роль формального представителя сегмента. Напр.: 1) *Сельский учитель! Сколько тепла, уважения, признательности вызывают эти слова* (СР. 06.09.1985); 2) *Жить с любимым человеком... Да что может быть желаннее?* (Ф. Абрамов).

С точки зрения актуального членения предложения, сегмент является темой, а базовая часть – ремой (см. Актуальное членение предложения); одновременная актуализация (выделение) темы и ремы высказывания – основная функция С.п. На письме между сегментом (темой) и базовой частью (ремой) ставится чаще всего тире, реже – многоточие, точка, вопросительный или восклицательный знаки. Модель С.п. может быть представлена такой схемой:

С.п. используются в публицистике (илл. 1), художественной речи (илл. 2, 4), научной речи, особенно в полемической и популярной (илл. 3), в речи публичных ораторов (илл. 5), а также в разговорной речи (илл. 6). Напр.: 3) *Методология науки, философия науки... Зачем они нужны учёному – специалисту в конкретной области знаний?* (Знание-сила. 1986. № 1); 4) *Гражданственность... Это великое и бесценное понятие мы мало-помалу низвели до демагогической приставки, произносимой тренированным голосом* (В. Распутин); 5) *Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие... Но о нём ничего не было слышно* (П. Александров); 6) *Гречневая каша / она быстро варится* (Русская разговорная речь, 1973. С. 243).

С.п. часто используется в сочетании с другими стилистическими приёмами, напр., с амплификацией (илл. 7), гиперболой (илл. 8), риторическим вопросом (илл. 9) и др. Напр.: 7) *Обыватель – он явно не воин, потому что он лежащий камень, под который и вода не течёт* (Ф. Степун); 8) *Чудеса современной Карелии – нет им конца!* (СР. 17.07.1983); 9) *В новой бане да дождевой водой омываться – что может быть радостнее?* (Ф. Абрамов).

Сегментированная конструкция может быть положена в основу небольшого по объёму текста, как, напр., стихотворение А. Блока «Грешить бесстыдно, беспробудно...».

В разговорной речи С.п., обладая некоторой спецификой, являются одним из её строевых элементов.

Лит.: Андриянова С.В. Сегментированные конструкции в составе текста: КД. СПб., 1993; Ишмекеева Т.Н. Сегментированные конструкции в современном русском языке: на материале газетных заголовков: КД. Волгоград, 2006; Коновалова Т.Р. Сегментированные конструкции в газетно-публицистическом стиле // Вопросы стилистики. Вып. 4. Саратов, 1972; Майорова Л.Е. Именительный представительный и именительный темы как явления экспрессивного синтаксиса: АКД. М., 1976; Мышелова Е.А. Сегментированные конструкции в поэтическом тексте (в связи с категорией образа автора) // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; Попов А.С. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; Попов А.С. Сегментация высказывания // Морфология и синтаксис современного русского языка. М., 1968; Сковородников А.П. Сегментированная синтаксическая конструкция // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М., 1978; Шильникова Л.Ф. Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке: АКД. Л., 1984.

А.П. Сковородников

СЕМЕЙНАЯ БЕСЕДА – жанровая разновидность Разговорной беседы (см.), а именно разговорная беседа в семейном кругу, направленная на поддержание тёплой домашней атмосферы общения, передачу социально-культурного опыта от старших к младшим, корректировку миропонимания, выработку взаимопонимания. Реализуется в ситуации совместного времяпрепровождения родителей и детей или более широкого круга родственников. Состав участников С.б. может включать в себя от одного до четырёх поколений, количественно вариативен. Характеризуется нивелировкой социальной роли собеседников, в С.б. люди представлены в своих демографических ролях отца, деда, сестры, дочери, племянника, внучки и т.п. В идеале строится на национально-культурных принципах общения (искренности, ответственности, взаимодействия). Кроме разговоров в различных внутрисемейных группах, выделяются семейный полилог в ситуации «вся семья в сборе» – общая, или открытая семейная беседа (в ней могут участвовать не только родственники, но и друзья семьи) и душевный разговор один на один – интимная семейная беседа.

Композиционные отличия С.б. от других видов разговорной беседы несущественны. Тематическая специфика состоит в том, что помимо общеинтересных значительное место занимают закрытые для чужих темы личной жизни, бытовых и нравственных семейных проблем, темы воспитательного характера. Кроме того, в С.б. более значимы **Я-темы**, которые часто развёртываются в микромонологах. Табуирование отдельных тем по-разному осуществляется в открытых С.б. (запретны темы, раскрывающие уязвимые стороны отдельных членов семьи, публично принижающие личность), и в частных С.б., где в исповедальном ключе может обсуждаться любая болезненная для собеседника тема. С.б. характеризуется сочетанием базового для любой беседы доброжелательного настроя с разнообразными проявлениями эмоциональности. В общении старших с младшими – процессе социализации нового поколения – распространён наставительный тон. Глубина проработки темы значительна, хотя употребительна и смена тем по ходу С.б.

В коммуникативном аспекте С.б. ведущей является стратегия гармонизации, воплощённая в коммуникативных тактиках благодарности, извинения, приглашения, похвалы, заботы и участия, совета и предложения, семейного единения и т.п. (см. Коммуникативные стратегии и тактики). С

помощью соответствующих реплик выражается доминирующая фатическая целеустановка С.б. и налаживается доброжелательное общение в случаях дисгармоничных речевых акций отдельных собеседников. На стратегию гармонизации работает также группа тактик Речевого поддержания (см.), направленных на реализацию принципа коммуникативного сотрудничества и стимулирующих речевую активность собеседника. Дисгармоничные тактики, обусловленные внешними обстоятельствами, отрицательными эмоциями или индивидуализмом кого-л. из собеседников, нередки в С.б. (это тактики поучения и осуждения, прямого приказа, манипулирования, самоуничтожения, демонстрации равнодушия или раздражения и др.). В рамках жанра отработаны способы преодоления таких проявлений, прежде всего с помощью тактик увещевания и переключения внимания.

Лит.: Байкулова А.Н. Семейный этикет (результаты наблюдений) // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008; Бондаренко Е.В. Межкультурная семейная коммуникация как особый тип общения: КД. Волгоград, 2010; Занадворова А.В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003; Погожев Е.Н. Задушевные беседы. Пг., 1915; Рытникова Я.Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра: КД. Екатеринбург, 1996; Рытникова Я.Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997.

Т.В. Матвеева

СЕМЕЙНАЯ РИТОРИКА – одна из частных риторик, ведающая искусством эффективного речевого взаимодействия в семье. Предметом С.р. являются культура взаимоотношений, способы оптимизации эффективного общения и пути предотвращения конфликтов в семье (см. напр., [Рытникова 1996]). Близки по содержанию к С.р. исследования психологов [Морозова 2009; Гиппенрейтер 2007] и литература для желающих создать крепкую семью на христианских основах: «Учение святителя Иоанна Златоуста о браке» М. Григорьевского, «Один раз и на всю жизнь» И. Шугаева, «О православном браке» В. Васильева, «Последняя крепость» М. Козлова, «Супружеские отношения и грань греха» П.В. Добросельского и др.

Основная категория С.р. – любовь: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (Апостол Павел цит. по [О православном браке 2001: 85]). Любовь как добродетель, заключающаяся в желании блага ближнему, заботе о нём, самопожертвовании, чутком и нежном отношении, в семье должна обнаруживать себя в речи и поступках. Ласковые слова, искренние объятия, поцелуи, являющиеся проявлениями любви, относятся к тем самым социальным «поглаживаниям» (термин Э. Берна), значимость которых подчёркивается психологами и лингвистами. Любовь обнаруживает себя и в одобрении, выражающемся, напр., в словах: *У тебя всё очень хорошо получилось; Ты справился; Ты молодец!; Почти всё сделано правильно. В следующий раз будет ещё лучше; У тебя обязательно всё получится; Ты справишься, я верю; Мне нравится, как ты...; Очень хорошо, что ты так поступил* и др. Любовь проявляется и в заинтересованности жизнью близких людей, которую можно выразить, напр., такими фразами: *Всё в порядке?; Сегодня в школе всё хорошо? Ты сегодня устал?; Ты справляешься? Тебе помочь?; На улице очень холодно. Ты не замёрз? и др.*, сопровождаемыми благожелательными интонациями и обращениями: *Как твоё (Ваше) здоровье, бабушка?; Как у тебя (Вас) идут дела, папа?* и т.п.

Благополучие семьи, помимо любви, зависит ещё от ряда факторов: доверия, искренности, верности, духовной общности, нравственной связи, терпения, взаимопомощи, доброты, заботы, понимания, откровенности, уважения, Эмпатии (см.). Как и любовь, они должны обнаруживаться в речи: в обращении по имени, внимательном и активном слушании, речевой поддержке собеседника. Важную роль играет и пассивное слушание – короткие фразы и слова, междометия, мимика, жесты, свидетельствующие о том, что вы слушаете и отзываясь на то, что говорит собеседник: *Да-да; Неужели?; Правда?; Как интересно!; Интересно; Вот-вот; И что же?; А что было дальше?; Замечательно!; Как хорошо!* Умение слушать и понимать другого – одна из важнейших основ построения крепких отношений и сохранения мира и взаимопонимания в семье.

Ориентация на собеседника, его чувства, эмоции, желание понять и принять другого могут помочь научиться слушать других, привести к гармоничным взаимоотношениям. Эмпатия как способ-

ность встать на место другого помогает взаимопониманию и гармонизации отношений. Средствами гармонизации общения являются лексика положительной оценки, обращения с уменьшительно-ласкательными суффиксами, ласковые обращения по имени, вопросительные конструкции, вежливые просьбы, подхватывание слов собеседника, досказывание, Речевое поддерживание (см.). Семейное единение чаще всего проявляется в использовании местоимений *мы, все, весь*, наречия *вместе*, избегании частого употребления эгоистического *я*. При речевом выражении единства используются и такие фразы: *Ты и я; Мы с тобой; Мы вместе; Давай вместе; Давай с тобой поиграем; Как хорошо, когда мы все вместе; Как хорошо, что мы все собрались; Мы всей семьёй; Мы с детьми* и т.п.

Важно говорить близким, как они нам дороги, как мы их любим, чтобы в обычном семейном общении звучали фразы: *Я тебя люблю, Как я рада тебя видеть!; Я люблю, когда ты дома; Мне хорошо, когда мы вместе; Как хорошо, что ты пришёл, я тебя ждала; Мы с папой счастливы, что ты у нас родился; Ты наша радость; Мы по тебе соскучились; Ты такой хороший; Ты такая добрая; Ты такой чуткий; Как хорошо, что ты рядом* и т.п. В общении с близкими важна и заслуженная похвала, которая может осуществляться при помощи особых слов: *Молодец!; Умница!; Вот так!; Вот это да!; Правильно!; Хорошо!; Отлично!; Вкусно; Мило; Прекрасно!* и т.п.

Важно избегать деструктивного речевого поведения, избегать приказов и команд, императивных форм (*Сейчас же прекрати!; Убери!; Заканчивай!; Успокойся!; Перестань немедленно!; Сию минуту угомнись!; Замолчи!; Быстро спать!* и т.п.). Неэффективными могут быть нотации, обычно начинающиеся штампами: *Пора бы тебе знать; Сколько раз тебе говорили...; Ты снова отвлекаешься. Слушай внимательно, когда тебе говорят.* Следует избегать фраз: *Ты опять всё сделал не так!; Ты во всём виноват!; Всё из-за тебя!; На тебя нельзя надеяться!; У тебя опять не получилось!; Это ты мне назло сделал!* Все замечания должны делаться на фоне общего приятия и одобрения другого. Разрушительны догадки и домыслы, особенно сопровождающиеся недоверием, уверенностью в собственной правоте: *Я знаю, как всё было...; Знаю, из-за чего всё произошло...; Уверена, что всё случилось по твоей вине; Знаю, где ты опять был...; Я проверю то, что ты сказал; Я узнаю, как всё было на самом деле!* Не способствует гармонии навязчивое преследование с разговорами и расспросами. Фразы, использующиеся при расспросах, обычно приводят к коммуникативным неудачам: *Лучше расскажи мне всё как есть; Я всё равно всё узнаю, лучше сразу скажи...; Почему ты молчишь? Я настаиваю, чтобы мы поговорили об этом; Я всё равно заставлю тебя говорить со мной!; Ты будешь отвечать или нет?* Губительны для отношений обобщения: *Ты опять...; Ты как всегда; Ты снова...*

В С.р. существует ряд правил, соблюдение которых помогает создать благополучную семью: уважайте всех членов семьи, их взгляды, чувства и вкусы; внимательно выслушивайте своего супруга/супругу и детей, не отвлекаясь при этом ни на что другое; выражайте (словами и поступками) восхищение достоинствами, успехами супруга/супруги и детей; не отводите взгляд при разговоре с близкими; не кричите друг на друга; если нужно высказать порицание, то сделайте это с любовью; когда вы сделали что-л. неправильно, поспешите признать свою ошибку и попросить прощения; старайтесь не иронизировать над близкими; перед уходом на работу целуйте супруга/супругу, детей, говорите им добрые слова; если супруг/супруга чем-то расстроены, коснитесь руки, обнимите, проявите сочувствие, но если видите, что близкий вам человек уходит в себя, не обижайтесь, не приставайте с расспросами; поддерживайте духовную и эмоциональную связь друг с другом и с детьми; предотвращайте конфликтные ситуации в семье.

Лит.: Байкулова А.Н. Речевое общение в семье: КД. Саратов, 2006; Григоревский М. Учение святителя Иоанна Златоуста о браке. М., 2007; Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? М., 2007; Добросельский П.В. Супружеские отношения и грань греха. М., 2009; Камычек Я. Вежливость на каждый день (пер. с польского). М., 1988; Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. М., 1999; Морозова Е. Гармония в семье и браке: семья глазами православного психолога. М., 2009; О православном браке. СПб., 2001; Рытникова Я.Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра: КД. Екатеринбург, 1996; Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998; Шугаев И. Один раз и на всю жизнь. Беседы со старшеклассниками о браке, семье и детях. М., 2007.

А.Н. Смолина

СЕНТЕНЦИЯ. См. АФОРИЗМ

СЕТЕЛИТЕРАТУРА – литература, создаваемая и распространяемая в Интернете. Во многом схожая с традиционной, печатной, она, в то же время, породила специфические взаимоотношения между пишущим и читающим, пишущим и профессиональной критикой. Творчество стало явлением массовым, процесс порождения произведений зачастую связан с обыгрыванием, «дописыванием», стилизацией уже имеющихся текстов (речь идёт о фильмах, книгах, сериалах, песнях, как правило, имеющих признание широкой публики).

В литературной среде Интернета существуют свои библиотеки, книжные магазины, журналы, конкурсы, гостевые книги, программы общения в реальном времени и др. Нельзя относить к С. произведения, размещённые в электронной библиотеке. В среде профессионалов-филологов нет единого мнения о статусе С., её критериях и границах. И. Каспэ и В. Смурова изначально трактуют блогинг как «около-литературность», сферу, помогающую «наблюдать за буднями текстуальности». Одно-временно С. сравнивают с самиздатом советской эпохи. Интернет сыграл огромную роль в распространении альтернативной культуры, явился стартовой площадкой для молодых писателей (Д. Горчев, А. Экслер, М. Фрай, К. Букша), экспериментальной – для уже состоявшихся. В пространстве Интернета профессионал может отказаться от формальных, стилевых, функциональных требований литературности, свободно высказываться, рекламировать собственную продукцию (блоги Т. Толстой, Е. Гришковца, Д. Веденникова). В 2008 г. вышел отдельным изданием сетевой дневник «Год жжизни» Е. Гришковца. Сам драматург признаётся: «Перед вами книга, которую я как книгу не писал». Стоит особенно подчеркнуть, что литературное поле Интернета – приют графоманства. В итоге Руттен предлагает не пользоваться категорией «литература», но определять собственное текстовое производство термином **«креатифф»**, означающим «любой текст, опубликованный онлайн». Однако исторически термин связан в сети с ненормативной лексикой, «литературой отбросов», что характерно не для всех блогов.

Первый полностью самостоятельный и обособленный сайт – «Стихия» – со свободной публикацией произведений появился в 1999 году, активное развитие С. обычно относят к 2001 г. В 2000 г. в журнале «Новый мир» открылась новая рубрика, посвящённая С., которую ведёт критик С. Костырко. Возможностями Интернета пользуются и профессиональные литературоведы: О. Лекманов обратился к Живому Журналу для коллективного составления филологического комментария к поэме Т. Кибирова «Сквозь прощальные слёзы». Г. Гусейнов и его коллеги с филологического факультета МГУ используют блоги как дополнительный ресурс для преподавания ряда дисциплин.

К популярным жанрам С. относят **фанфикшн** (англ. fan – ‘поклонник’ и fiction – ‘выдумка, вымысел’), на русском языке – фанфики (фэнфики) или просто фики. Это разновидность творчества фэнов – поклонников популярных произведений искусства. Фанаты пишут продолжения оригинальных текстов, вводят новые мотивы и сюжеты. Такую продукцию читают, обсуждают другие фанаты, дают отзывы, советы, делают замечания и пишут свои фанфик-версии, наибольшей популярностью пользуются истории о любви. Впервые фэнфик возник в 30-е годы XX века в Англии, когда появилось «Литературное общество Шерлока Холмса», созданное, чтобы продолжать дело Артура Конан Дойла. В критике существует мнение о близости фанфика традиционным деривативным кинематографическим и литературным жанрам – пародии, римейку, сиквелу и т.п. Создание фанфиков – свидетельство успеха массового продукта, поэтому крупные издатели, корпорации заинтересованы в их существовании, поддерживают материально фанатские сайты, журналы, устраивая специальные конкурсы и т.д.

К жанрам С. относят и **слэш** (англ. slash – ‘косая черта’) – произведение, главными героями которого являются персонажи, заимствованные из популярных книг, фильмов, сериалов, иногда здесь фигурируют известные реальные личности. Слэш обязательно содержит описание сексуальных отношений между персонажами одного пола, причём в первоисточнике такого рода взаимоотношения не должны упоминаться. Слэш о реальных людях – **RPS** (real person slash) – один из наиболее спорных с точки зрения морали и законности видов фанфикшена. На сегодняшний день слэштексты – явление в сети настолько распространённое, что его поклонники выработали свою систему поджанров, отсылающих к популярным жанрам: фэнтези, детективу, мистике, триллеру и пр. Фанаты воспринимают слэш как культуру, оппозиционную массовой, построенной на банальных схемах и ценностях, как площадку, связанную с ироническим восприятием доминантной модели сексуальности, маскулинности, а соответственно, и феминности.

Лит.: Бочарова О. Формула женского счастья: Заметки о женском любовном романе // НЛО. 1997. № 22; Вайнштейн О. Розовый роман как машина желаний // НЛО. 1997. № 22; Горалик Л. Как размножается Малфи. Жанр «фэнфик»: потребитель масскультуры в диалоге с медиа-контентом // Новый мир. 2003. № 12; Кабанова И. Сладостный плен: переводная массовая литература в России в 1997–1998 гг. // Волга. 1999. № 10; Парфей А. Порнография романтики // Культура времён Апокалипсиса. Екатеринбург, 2005; Черняк В.Д., Черняк М.А. Базовые понятия массовой литературы. Учебный словарь-справочник. СПб., 2009; Шмидт Х. Блогинг как объект и метод преподавания русской литературы // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья. СПб., 2011.

Н.В. Ковтун

СИЛЛЕПСИС (СИЛЛЕПС) (от др.-греч. σύλληψις – ‘сочетание, соединение’), – стилистический приём, близкий Зевгме (см.), состоящий в том, что в синтаксической конструкции в качестве однородных объединяются логически, а иногда и грамматически неоднородные члены предложения, что является отклонением от синтаксической и логической нормы (закона тождества). Высказывания с С. чаще всего выражают разные значения категории комического. Напр.: *Лиджак в майонезе, остальное в правовом пространстве* (Комок. 2003. № 36); *Американцы ищут корень своих бед в количестве калорий, жиров и углеводов. Французы едят с удовольствием, а американцы с калькулятором в руках* (Комок. 17.04.2001); *По-прежнему в России – плохие дороги, Аяцков, туберкулёз, скользкая, как костный клей, либеральная интеллигенция* (Завтра. 2000. № 14); – *Друзья! Я тибетский жрец из Лхассы, ученик Далай-Ламы... – Друзья, – снова заговорил я, – вы меня не поняли. Я приехал в Петроград без всяких политических намерений. Мне нужно купить свиную кожу для переплёттов...*

Меня перебили: – Да здравствует товарищ Тибет!

– Да здравствует свиная кожа и да погибнет проклятая буржуазия!

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться с этими прекрасными восторженными людьми. Я улынулся и тоже закричал:

– Да здравствует свиная кожа и Далай-Лама! (Б. Мирский).

Существуют и другие трактовки этого понятия (см., напр., [Баевский 2006; Москвин 2007]).

С. используется преимущественно в художественных и публицистических жанрах.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Баевский В.С. Иннокентий Анненский: поэтика силлепса // Речевое общение: специализированный вестник. 2006. №16–17; Баскакова Л.В. Изобразительно-выразительные средства создания комического в портретной живописи А.П. Чехова // Проблемы экспрессивной стилистики: сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов н/Д, 1996; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Нонака С. Силлепсис в «Котловане» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. СПб., 2004; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

СИЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ ТЕКСТА – наиболее значимые для восприятия и понимания адресатом композиционные элементы речевого произведения.

Постановка языковой единицы в С.п.т. является одним из приёмов так называемого Выдвижения (см.), назначение которого – фокусировать внимание слушателя и читателя на наиболее значимых в смысловом отношении элементах текста. Задерживая внимание адресата на определённых участках текста, С.п.т. тем самым обеспечивают понимание произведения как целостной системы со своеобразной иерархией образов, идей, чувств и передают отношение говорящего (автора) к предмету речи.

К С.п.т. относятся Заголовочный комплекс (см.), включая Лид (см.) и Заголовок (см.), Эпиграф (см.), начало и конец текста, а также его формально выделенные части (главы, строфы, врезки и т.д.).

Начало (зачин) – это элемент текста, который привлекает внимание читателя к теме, раскрываемой в произведении. Начало прозаического текста настраивает читателя на восприятие произведения, мобилизует воображение и позволяет прогнозировать дальнейший ход развития сюжета. Напр.: *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* (Л. Толстой.). Кроме того, начало обычно содержит необходимые сведения о времени и месте действия, о героях или участниках, а в некоторых случаях оно включает в себя и информацию о предшествующих событиях. При таком подходе начало текста приравнивается к понятию «экспозиция» (И.В. Арнольд). В.А. Кухаренко, напротив, предлагает считать началом только первый абзац текста, поскольку он, даже в произведениях крупной прозы, даёт представление о способе организации всего текста [Кухаренко 1988: 121].

Начало поэтического произведения сконцентрировано в одной строке. Именно первая строка стихотворения задаёт размер, ритм, тему и нередко выражает отношение автора ко всему произведению. В большинстве случаев первая стихотворная строка совмещает в себе функции заглавия и начала.

*Два солнца стынут, о Господи, пощади! – / Одно – на небе, другое – в моей груди. /
Как эти солнца, – прощу ли себе сама? – / Как эти солнца сводили меня с ума! /
И оба стынут – не больно от их лучей! / И то остынет первым, что горячей* (М. Цветаева).

Конец (концовка) – элемент текста, актуализирующий категорию завершённости, т.е. подводный итог сказанному. Конец текста позволяет адресату осмыслить речевое произведение как целое. В.А. Кухаренко отмечает, что «чем больше самостоятельности разрешает автор читателю, реализуя свою прагматическую установку на него, тем выше вероятность, что читатель воспримет конец текста как завершение произведения. Отсюда, с читательской позиции, текстовые концовки делятся на “открытые” и “закрытые”» [Кухаренко 1988: 131].

В произведениях с открытой концовкой автор предлагает адресату на выбор два варианта возможных концов, показывая неоднозначность той или иной интерпретации и приглашая его к сотворчеству. Классическим примером произведения с «открытой» текстовой концовкой является роман в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

Под закрытой концовкой понимается такой конец текста, который завершает максимум сюжетных линий: автор доводит своих героев до логического конца, в связи с чем у адресата не возникает вопросов о дальнейшей судьбе персонажей. Произведения с закрытыми концовками характерны для дидактической, детской, фольклорной и массовой литературы.

К сильным позициям относится также врезка – формально выделенная часть основного текста (как правило, включённая в рамку), передающая существенную мысль высказывания (текста) или резюмирующая его тему. В отличие от других С.п.т., врезка не имеет строго закреплённого места в тексте и привлекает внимание адресата путём графических выделений, напр. рамкой, шрифтом, цветом и пр.

Все С.п.т. взаимодействуют между собой, образуя единый смысловой комплекс. Используя их воздействующий потенциал, автор управляет вниманием адресата в процессе восприятия речевого произведения.

Лит.: Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М., 2010; Копнина Г.А. Выдвижение // **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988; Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. М., 2006; Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003; Стилистика текста и литературное редактирование. М., 2005.

М.А. Филатова

СИМПЛОКА (от др.-греч. *σμπλοκε* – ‘переплетение, сплетение’) – повтор в смежных стихах, у которых 1) одинаковые начало и конец при разной середине (внешняя С.): *Привычные к степям – глаза / Привычные к слезам – глаза, / Зелёные – солёные – / Крестьянские глаза!* (М. Цветаева) или 2) разные начало и конец при одинаковой середине (внутренняя С.): *Умный ближе мудрого / добрый ближе святого* (И. Ахметьев). Вторая разновидность С. (внутренняя) почти никогда не отмечается исследователями, хотя является более частотной [Квятковский 1966].

В античных и современных риторических классификациях фигур С. входит в состав фигур речи, а именно в группу синтаксических повторов. В классификации, предложенной Э.М. Береговской, С. принадлежит к группе повторов, производных от анафоры и эпифоры, – каркасных фигур, общность которых обусловлена следующими факторами: сильной архитектурной функцией в любом контексте, симметричностью структуры, синтаксической и дополнительной семантической обусловленностью, жёсткой фиксацией в пределах фразы или всего контекста [Синтаксические... 2007].

С. близка контактному повтору и реализуется в микроконтексте. В семантическом отношении С. интересна тем, что способствует актуализации значения окружающих лексем, подчёркивает различное и сходное: *Война – жестоке нету слова. / Война – печальней нету слова. / Война – святее нету слова / В тоске и славе этих лет. / И на устах у нас иного / Ещѣ не может быть и нет* (А. Твардовский).

Любая разновидность внешней С. индивидуализирована, заключает в себе авторскую интенцию — и поэтому единична.

Морфо-синтаксические структуры С., как правило, имеют контактное взаиморасположение. Повторяющиеся компоненты С. могут входить в состав одного, двух и более простых односоставных предложений; гипотактических с придаточными разных типов; бессоюзных сложных, а чаще других включаются в состав паратактических предложений, что объясняется определённым параллелизмом повторяющихся элементов. Появление С. возможно также в эллиптических фразах. Для внутренней С. границей, внутри которой располагаются повторяющиеся компоненты, часто является группа сказуемого [Власова 2002].

С., как и родственные ей анэпифора, эпанафора и цепной повтор, вступает в конвергентные отношения с фигурами своей группы и другими разновидностями повтора. В частности, внутренняя С. часто срастается с синтаксическим параллелизмом, и речевые единицы, поставленные в параллельный ряд, приобретают сходные или, наоборот, антитетические характеристики. *В счастье есть порой такая глупость./ Счастье **смотрит** пусто и легко. / Горе **смотрит**, горестно потупясь, / Потому и видит глубоко.* (Е. Евтушенко).

Стилистические свойства С. (как и других каркасных фигур) отражаются в двух группах стилистических функций. Помимо функций общеэстетического характера (архитектурной, образительно-характерологической, интонационной) в поэтических микроконтекстах реализуются частные функции С.: выделительная, сравнительно-сопоставительная, усиления признака или степени качества, суггестивная, приёмоактуализирующая, ретардации или акселерации и др.

С. является стилистической универсалией, т.к. входит в различные речевые сферы и свободно пересекает границы функциональных стилей.

Лит.: Античные теории языка и стиля. СПб., 1996; Власова Ю.Н. Анафоро-эпифорические производные во французской поэзии XIX–XX вв.: КД. М., 2002; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Новиков В.И. Энциклопедический словарь юного литературоведа. М., 1988; Панов М.И. Симплова // Педагогическое речеведение. Терминологический словарь-справочник. М., 1998; Синтаксические фигуры как система: Коллективная монография. Смоленск, 2007; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

Ю.Н. Власова

СИМУЛЯКР. См. ЯЗЫК И СТИЛЬ РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СИНЕКДОХА (от др.-греч. συνεκδοχή – ‘сопознание’) – троп (разновидность метонимии), в основе которого лежит обозначение целого (вообще большего) через свою часть. Напр.: *Девочкой она ничем не выделялась в толпе **коричневых гимназических платьиц**; И назовёт меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян и финн, и ныне дикой / Тунгус и друг степей **калмык*** (А. Пушкин). Вопрос о лингвистическом статусе С. является дискуссионным. В филологических источниках С. рассматривается как самостоятельный троп (М.А. Петровский, льежская школа риторики (группа μ)) или как количественная разновидность метонимии (Э.М. Береговская, В.П. Москвин). Э.М. Береговская определяет С. как «разновидность метонимии, которая как-то связана с количест-

вом», при этом метонимия характеризуется как «троп, который состоит в том, что понятие называется словом, обозначающим другое понятие, связанное с первым какой-то ассоциативной связью» [Береговская, Верже 2000: 135, 89]. В.П. Москвин определяет С. как метонимический перенос, представляющий собой «употребление названия целого для обозначения части и наоборот» [Москвин 2000: 147]. М.А. Петровский замечает, что, хотя С. зачастую и определяют как разновидность метонимии, «синекдохический процесс мысли существенно отличается от метонимического». «Метонимия, – по утверждению М.А. Петровского, – представляет собой как бы сжатое описание, состоящее в том, что из содержания мысли выделяется существенный для данного случая, для данного воззрения элемент. С., напротив, выражает один из признаков предмета, именуется часть предмета вместо его целого, причём называется часть, а целое лишь соподразумевается; мысль сосредоточивается на том из признаков предмета, на той из частей целого, которая или бросается в глаза, или почему-л. важна, характерна <...>» [Петровский 1925: 786]. Однако чаще, как отмечает Г.А. Копнина, термин «С.» современными исследователями используется в узком значении (перенос с целого на часть и наоборот), а сам приём рассматривается как разновидность метонимии [Копнина 2009: 317]. В риторике группы «ц» представлены обобщающая и сужающая С. К обобщающей разновидности относятся С., в которых «осуществляется переход от частного к общему, от части к целому, от меньшего к большему, от вида к роду», в сужающей – наоборот. При этом указывается на то, что как разновидность С. следует рассматривать Антономазию (См.) [Общая риторика 1986: 188–194].

В лингвистике выделяются типы С.: название части вместо целого: <...> *белое платье пело в луче* (А. Блок); употребление ед. числа в собирательном значении: *Ходит немец по тропе, / Слёзы так и капают* (Красноармейские частушки); употребление общего вместо частного: *Даже начальство изъяснилось, что это был чёрт, а не человек* (Н. Гоголь); употребление родового названия вместо видового: [в обращении к солнцу] *Ну что ж, садись, светило* (В. Маяковский); употребление мн. числа вместо ед., собственного имени в значении нарицательного: *Осмеём и к охотнорядским Шопенгауэрам в науку отдадим* (А. Чехов).

Частотно использование С. как средства усиления изобразительности в поэзии и прозе XIX в.: *Мы все глядим в Наполеоны* (А. Пушкин); *Скажи-ка, дядя, ведь не даром / Москва, спалённая пожаром, / Французу отдана...* (М. Лермонтов); *Эй, борода! А как проехать отсюда к Плюшкину?* (Н. Гоголь). С. используется и как средство создания комического эффекта в произведениях, создаваемых с установкой на иронию, сатиру или юмор. Напр.: <...> *Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком, приехавшим в телеге. Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик* <...> (Н. Гоголь). Высокий изобразительный и характерологический потенциал С. связан с тем, что с её помощью может выдвигаться на передний план какая-то черта объекта, на которой заостряется внимание адресата. Напр.: *Вечер. По улице идёт пёстрая толпа, состоящая из пьяных тулупов и кацавеек* (А. Чехов); *Ресницы синие. Ноздри сиреневые. Губы оранжевые. <...> И весь этот хаос и игра красок озаряются мудрым выражением тусклых серых глаз. Глазам пятьдесят четыре года* (Тэффи).

Индивидуально-авторские С. характерны для художественной речи (прозы и поэзии). В быденной речи С. иногда приобретает узуальный характер, становясь фактом языковой системы: *пара стволов* (вм. полного названия оружия), *беречь копейку* (вм. деньги), *здоровенный лоб* (вм. подросток), *остаться без крыши над головой* (вм. без жилья).

Лит.: Береговская Э.М., Верже Ж.-М. Занятная риторика= Rhetorique amusante. М., 2000; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М., 2009; Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. В 2-х тт. М.; Л., 1925. Т. 2; Москвин В.П. Стилистика русского языка: Приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): пособие для студентов. Волгоград, 2000; Общая риторика: пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.Н. Смолина

СИНЕСТЕЗИЯ (от др.-греч. συναίσθησις – ‘одновременное ощущение, совместное чувство’) – в лингвистике – троп, в основе которого лежит межчувственный перенос. Напр.: *Она рассказывала тоненьким, <...> розовым голосом о всех кинокартинах, какие видела в городе <...>* (К. Паустовский).

В психологии С. рассматривается как «явление, состоящее в том, что какой-л. раздражитель, действуя на соответствующий орган чувств, помимо воли субъекта вызывает не только ощущение, специфическое для данного органа чувств, но одновременно ещё и добавочное ощущение или представление, характерное для другого органа чувств» [Психология 1990: 363]. Аналогично характеризуется С. в философских и искусствоведческих исследованиях [Философский... 1999: 414; Словарь искусств 1996: 395]. Отображение связи чувств и ощущений в слове носит характер переноса и, следовательно, представляет собой троп. Однако именование межчувственного переноса С. в ряде лингвистических работ (Е.В. Ключева, Б.М. Галеева, И.Р. Абдуллина и др.) и его устойчивое употребление в лингвистической теории и практике позволяют использовать термин «С.» также в лингвистическом аспекте.

В зависимости от того, какой межчувственный перенос лежит в основе С., выделяют различные типы С. – вкусовой: *Из лугов тянуло холодной вялой травой, сладковатым запахом новых листьев* (К. Паустовский); зрительный: *Мерзлотка видела этот запах, он был похож на маленького весёлого воздушного змея* (Е. Тимченко); осязательный: *Огонёк озарял все вокруг мягким ласковым светом* (Туве Янссен); слуховой <...> *испытывали ли вы сложное, редкое ощущение, когда в каждой капле морской воды, в каждом обрывке морского каната вы слышите запах океанов, чувствуете солёный осадок Атлантики и Адриатического моря* (К. Паустовский).

С. широко используется в художественной литературе. Будучи тропом, С. выполняет функции, характерные для метафорических тропов – изобразительную и характерологическую. Синестетические обороты особенно востребованы в произведениях психологического характера. Межчувственная метафоризация помогает авторам передать различные оттенки ощущений и переживаний персонажа, эмоции, восприятие окружающего мира, специфику взаимоотношений с людьми, осознание своего места в мире. Поэтому С. чаще всего используется в психологических характеристиках: *Тоска на душе была такая же жёлтая и липкая, как стены моей комнаты, и такая же ненужная, как портрет Вензелоса* (К. Паустовский).

С. участвует в создании образов природы: *Вечернее электричество уже было зажжено на построенных лесах, но полевой свет тишины и вянущий запах сна приблизились сюда из общего пространства <...>* (К. Паустовский).

С. достаточно часто используется писателями в характеризующей функции: *«Я не люблю иронии твоей», – сказал актёр нарочитым жирным голосом плохого чтеца и рассмеялся* (К. Паустовский).

В комической функции С. часто используется в детской литературе: *Он снова взял мешок в руки и принялся пристально нюхать* (Ю. Коваль).

С. может становиться средством имитации речи персонажа, не обладающего достаточной языковой компетентностью: *Я собственноручно видел, как он стрелять в генеральную грудь, после – голову, прямиком в ухо загнать патрон дважды* (А. Левицкий).

Экспрессивные возможности С. требуют детального комплексного анализа и описания.

Лит.: Абдуллин И.Р. Синестезия у акмеистов (аспекты изучения творчества Мандельштама и Ахматовой) // Синестезия: содружество чувств и синтез искусств: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2008; Галеев Б.М. Человек, искусство, техника (проблемы синестезии в искусстве). Казань, 1987; Галеев Б.М. Содружество чувств и синтез искусств. М., 1982; Ключев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Психология. Словарь / под общей ред. А.В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990; Секачева С.Б. Синестезия как средство поэтики в прозе А.П. Чехова: КД. Таганрог, 2007; Свистова А.К. Синестезийная метафоризация как способ развития полисемии: КД. Воронеж, 2012; Словарь искусств: The Hutchinson Dictionary of the arts. М., 1996; Советский энциклопедический словарь. М., 1985; Эстетика: Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева и др. М., 1989.

А.Н. Смолина

СИНКРЕТИЗМ (от др.-греч. συνκρητισμός – ‘объединение, соединение’) – 1. Синтез, объединение разных сущностей, совмещение свойств; 2. Совпадение различных языковых категорий, их нейтрализация в одной форме. С. был свойствен ранним стадиям развития языка, культуры, искусства и объясняется физиологическими причинами: человек исторически связывал разнородные явления между собой и отождествлял информацию, полученную, напр., разными органами чувств, в едином чувственном образе (ср. *слышать запах*).

Иногда С. трактуется относительно широко: как «функциональное объединение разных форм выражения, нейтрализация противопоставлений (оппозиций); совпадение означающих при различении означаемых, сокращение в процессе развития языка числа категориальных форм, реализующих данную грамматическую категорию, сопровождаемое изменением (расширением) функций сохраняющихся категориальных форм и приводящее к грамматической омонимии» [Ахманова 1969: 406].

Чаще всего С. делят на несколько подвидов: семантический, морфологический и т.д. Морфологический синкретизм толкуется как «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме» [Большой энциклопедический словарь 1998: 446], напр., совмещение падежей в одной словоформе. Ср. род. и вин. падежи одушевлённых существительных мужского рода: *слышу отца, шагу отца*. Семантический синкретизм – это «семантическая нерасчлённость лексической единицы – слова (сочетания слов)» [Черепанова 2007: 692], или, по-другому, изначальная диффузность значения, свойственная языкам на ранней стадии развития, которая, как правило, создаёт трудности для выделения отдельных значений. Единицы с диффузным значением называются **синкретами**.

В отличие от Полисемии (см.), оперирующей отдельными значениями языковой единицы, семантический С. способен «недискретно выражать более одного значения в одном речевом употреблении» [Пименова 2010: 83]. Он проявляется чаще всего на уровне слов и не ставит реципиента перед выбором одной из разных самостоятельных интерпретаций, напр. слово *ребёнок* подразумевает детей обоих полов, а *заря* сопровождает как восход, так и заход солнца. В разных языках слова-синкреты могут различаться. Напр., в ряде европейских языков одно слово обозначает и прилив и отлив (фр. marée, ит. и исп. marea и т.д.) или и голубой и синий цвета (англ. blue, нем. blau, фр. bleu, исп. azul и т.д.).

Семантический С. является одним из инструментов для создания Двусмысленности (см.), напр.: – *Эксперимент доказал, что борода отпугивает противоположный пол. – Точно! я боюсь девок с бородой, отпугиваюсь!* (bash.org.ru). В исходной фразе под противоположным полом имеется в виду женский, но понятие «противоположный пол» включает как женский, так и мужской, что используется интерпретатором для создания шутки.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969; **Большой энциклопедический словарь**. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; **Высоцкая И.В.** Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: ДД. М., 2006; **Гуреева И.Л.** Специфика синкретичности эмоционально-оценочных прилагательных // Известия Российского гос. пед. ун-та имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 17(43). Ч.1; **Колесникова Т.В.** О понятии синкретизма в языкознании // Университетские чтения / Пятигорский гос. лингвистический ун-т. Пятигорск, 2008. URL: www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/IV/uch_2008_IV_00025.pdf; **Мартине А.** О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева // Новое в лингвистике / сост., ред. и автор вступ. статьи В.А. Звегинцева. М., 1960. Вып. 1; **Павлюковец М.А.** Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект: КД. Ростов н/Д, 2009; **Пименова М.В.** Семантический синкретизм в истории русского языка // Мат-лы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2010 г.). М., 2010; **Черепанова О.А.** О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007.

М.А. Южанникова

СИНКРИЗИС (от др.-греч. σύγκρισις – ‘сопоставление, сравнение’) – разновидность антитезы, стилистический приём, который состоит из двух симметрично построенных словосочетаний или предложений, в каждом из которых имеются антонимичные компоненты. Таким образом, С. строится как по принципу контраста, так и по принципу параллелизма: *На плече моём на правом / Примостился голубь-утро, / На плече моём на левом / Примостился филин-ночь* (М. Цветаева); *У него – твой профиль / выколот снаружи, / А у меня – душа / исколота внутри* (В. Высоцкий). В виде С. нередко оформляются газетные заголовки: *Бразилия ликует, Италия рыдает; Музыка одна – исполнители разные*.

Очень часто С. встречается в пословицах: *Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет* (в примере три пары антонимичных слов: *богатый – бедный, будни – праздник, пировать – горевать*); *Ученье – свет, а неученье – тьма* (антонимы: *ученье – неученье, свет – тьма*); *Кто говорит, тот сеет, кто слушает – пожинает*.

В некоторых источниках под С. понимается серия сравнений без установления отношений контраста, оформленная параллельными синтаксическими конструкциями: *И каждый из них будет как защита от ветра и покров от непогоды, как источники вод в степи, как тень от высокой скалы в земле жаждущей* (Ис., 32, 2).

Лит.: Введенская Л.А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Краткие очерки по русскому языку. Вып. 2. Курск, 1966; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. М., 1997; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Старичёнок В.Д.** Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008; **Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В.** О речевых приёмах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1992; **Щербаков А.В.** Виды контраста в текстах современных российских СМИ // Журналистика в 2003 году: Обретения и потери, стратегии развития: мат-лы науч.-практ. конф. Ч. 2. М., 2004; **Bullinger E.W.** Figures of Speech (Appendix 6 of Companion Bible). URL: www.therain.org/appendixes/app6.html; **Burton G.O.** Silva Rhetoricae. Brigham Young University, 1996–2000. URL: www.humanities.byu.edu/rhetoric/silva.htm; **Rhetorical Figures.** Brown University English Dept. URL: www.brown.edu/Departments/English/curriculum/el31/rhetfig/alph.html.

А.В. Щербаков

СИНОНИМИЧЕСКИЙ ПОВТОР – 1. Одна из стилистических фигур «прибавления», когда в тексте одно и то же явление, событие, лицо, признак или целая мысль могут быть названы несколько раз по-разному. Напр.: *Его хорошо бритые щёчки всегда горели румянцем смущения, стыдливости, застенчивости, конфуза* (И. Ильф и Е. Петров); *Что ж ты скис, захандрил и поник* (В. Высоцкий); *Нежность серьёзная, без сюсюканья, без слащавости, без причитаний, даже без излишней ласковости; Он из числа людей уклоняющихся, сторонящихся, соблюдающих дистанцию; Если и придут мысли, то щуплые, неказистые и плюгавые* (Вен. Ерофеев).

С.п. представлен многочисленными, как правило, межстилевыми синонимическими рядами (см.) и является очень эффективным и потому очень распространённым стилистическим средством, отражающим богатство, силу и гибкость языка. С.п. полифункционален. Он позволяет глубоко и многосторонне развить тот или иной образ, раскрыть содержание, выразить оттенки значения, показать отношение, дать оценку, усилить экспрессию, активизировать внимание читателя/слушателя. С.п. является не только средством дифференциации модальных значений (точек зрения, позиций), но и средством их идентификации. Напр., понятие «Бог» в текстах может быть передано большим количеством лексических вариантов: *Кто из нас больше всего накоротке с Богом?; Когда Господь прибирает нас к рукам – против него нечего возразить; Это я сделал, и вседержитель это видит; Здесь слышатся короткие резкие удары, как звон пощёчин по лицу Спасителя; Тебя на пользу мне дал царь Небесный; Я с каждым днём всё больше нахожу аргументов и всё больше верю в Христа; У Него бездна ответов, и Он удивляется: почему так мало вопрошаем? Почему ленивы и нелюбопытны и суетны?* (Вен. Ерофеев).

Компоненты С.п. могут соотноситься с разными предметами и явлениями (референтами), обладающими одним свойством. Напр., в «Евгении Онегине» А. Пушкин использует С.п. для названия лиц с общим признаком поэт: *пиит армейский* – о военном, сочиняющем стихи; *то-то был поэт* – Пушкин о себе словами потомков; *Певец нашёл безвременный конец* – о поэте Ленском; «*пламенный творец*» – синонимическая перифраза – о поэте-романтике; *мученье модных рифмачей* – о пишущих стихи для альбомов; *он свят для внуков Аполлона* – поэтическая перифраза с обобщённым значением «поэты».

Очень выразителен С.п., в котором компоненты Синонимических рядов (см.) расположены по степени возрастания или убывания признака. Такой вид С.п. называется Градацией (см.): *Я несправимый идеалист, я ищу святынь, я люблю их, моё сердце их жаждет* (Ф. Достоевский).

С.п. является одновременно и композиционным средством связи (ретроспективной и перспективной) отдельных частей текста. Напр., повтор синонимов с доминантой *свет*, связующей строфы «Евгения Онегина»: *Гордый свет* (вступительная строфа); *свет решил* (1, 4); *И даже глупости смешной / В тебе не встретишь, Свет пустой, В мертвящем упоенье света. / В сём омуте, где с вами я / Купаюсь, милые друзья* (6, 46) и т.д.

2. Повтор синонимов, настолько тесно связанных между собой по смыслу, что в тексте они пишутся через дефис (особенно характерен такой повтор для произведений устного народного творчества). Напр.: *Царь с царицею простился, / В путь-дорогу снарядился; Ждёт-пождёт с утра до ночи* (А. Пушкин); *Отпади, тоска-печаль-кручина; Тоска-грусть встает, / Боль извечная* (М. Цветаева).

Лит.: см. лит. к ст. Синонимический ряд.

О.Н. Емельянова

СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД – ряд слов одной и той же части речи и/или устойчивых словосочетаний (выражений), имеющих полностью или частично совпадающие значения: *Лицо, лик, рожка, харя, морда, рыло; Надеяться, уповать, чаять, питать надежды; Всего ничего, капля в море, кот наплакал, раз-два и обчёлся*.

С.р. обязательно содержит в себе **доминанту** – слово, семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и менее других слов этого ряда зависимое от контекста. Напр., в синонимическом ряду *глаза, очи, зенки, буркалы* доминантой является слово *глаза*.

В качестве носителя объединяющего значения может выступать не только слово, но и отдельное значение многозначного слова, его лексико-семантический вариант. Поэтому многозначное слово часто входит в несколько С.р. (или парадигм). Напр.: *Высокий* (о человеке) – *рослый, длинный, долговязый*; *Высокий* (о звуке, голосе) – *тонкий, писклявый*; *Высокий* (о языке, стиле, слоге) – *возвышенный, приподнятый, торжественный, патетический*.

Наличие С.р. позволяет гораздо точнее охарактеризовать, наименовать тот или иной предмет, объект, явление, событие, факт, передать вызываемые ими чувства или эмоции, избежать тавтологии, заменить грубое выражение более мягким, деликатным или просто нейтральным и, наоборот, при необходимости выразиться более остро, жёстко, резко, сочно. Поэтому, как правило, слова одного С.р. охватывают все функциональные стили и эмоционально-экспрессивные оттенки значения.

Кроме языковых С.р. авторами могут создаваться своеобразные контекстуальные С.р.: *Мне не нужна стена, на которую я мог бы опереться. У меня есть своя опора, и я силён. Но дайте мне забор, о который я мог бы почесать свою усталую спину* (Вен. Ерофеев). В данном случае перед нами С.р. *стена – опора – забор*, состоящий из слов, которые в языке (не в пределах данного текста) синонимами не являются, хотя имеют общий компонент значения, позволяющий образовать такой ряд в данном конкретном тексте для выражения данной конкретной мысли (подробнее см. Синонимический повтор).

Члены одного С.р. могут выступать в роли антонимов, конечно, контекстуальных: *Я на мир не смотрю, я на него глазею; Не попутно, а мимоходом; У меня нет адресов, у меня только явки; Это ещё не обездоленность, это просто обделённость; Не «пока живу», а «дондеже есмь»* (Вен. Ерофеев).

С.р. описываются в специальных лингвистических словарях – словарях синонимов, которых в отечественной лексикографии создано уже немало.

Лит.: Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1986; Александрова Л.П., Зимин В.Н., Ким О.Н., Колесников Н.М., Шанский В.Н. Учебный словарь синонимов русского языка. М., 1994; Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: проспект. М., 1995; Винокур Т.Г. Синонимы // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979; Гарсия Резза Е.М. Глагольные синонимические ряды русского языка в плане выражения: КД. М., 2011; Крысин Л.П. Синонимы // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984; Лексическая синонимия / отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1967; Новиков Л.А. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Раков Т.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск, 1988; Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970; Синонимы русского языка и их особенности / под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1972; Черняк В.Д. Проблема синонимии и лексикографических классификаций слов. Л., 1989; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

СИНОНИМЫ – тождественные или близкие по значению (но разные по звучанию и написанию) единицы языка одного уровня: морфемы, слова и словосочетания, словообразовательные и синтаксические конструкции. Когда речь идёт о близких по значению морфемах или словообразовательных и синтаксических конструкциях, т.е. грамматических единицах языка, то имеются в виду С. грамматические.

Но чаще всего С. называют слова и устойчивые словосочетания тождественные (т.е. абсолютные синонимы: *лингвистика – языкознание*) или близкие по значению. Это так называемые **лексические и фразеологические синонимы**: *смелый – храбрый – мужественный – бесстрашный – стойкий – отважный*; *повесить голову – понурить голову*; *капля в море – кот заплакал*; *пальчики оближешь – язык проглотишь* и т.п. Если значения разных по написанию слов совпадают полностью, то мы имеем дело с абсолютными С.: *бегемот – гиппопотам*. Абсолютные С. – это, как правило, взятые из разных языков-источников слова с одним и тем же значением.

Среди лексических С. выделяют: 1. Семантические С. – их ещё называют идеографическими или понятийными – слова и словосочетания, различающиеся оттенками значений: *робкий – застенчивый – стеснительный*. 2. Стилистические С. – слова, имеющие одинаковое значение, но разную стилистическую окраску (функционально-стилистическую или эмоционально-экспрессивную). Стилистическая синонимия бывает: а) межстилевой – когда речь идёт о словах, принадлежащих к разным функциональным стилям (см.), напр.: *новобрачные* (офиц.), *молодые* (разг.), *молодожёны* (нейтр.); *жить* (нейтр.), *проживать* (офиц.); б) внутрителиевой – когда речь идёт о словах, принадлежащих одному функциональному стилю, но имеющих разные эмоционально-экспрессивные оттенки значения: *толковый* (с положительной окраской), *баиковитый* (грубов.-фамильярн.). Этот вид синонимии особенно развит в разговорной речи. 3. Семантико-стилистические С. – слова, отличающиеся и значением, и стилистической окраской: *бродить* (ходить без определённой цели; нейтр.) – *шататься* (ходить без всякого дела, от нечего делать; простореч.).

Среди **грамматических С.** обычно выделяют: 1) функционально-тождественные грамматические формы: *ложка сахара – ложка сахару*; *мудрейший – самый мудрый*; 2) словообразовательные С.: а) слова с одной основой и разными аффиксами, имеющие тождественные или близкие значения (*заснуть – уснуть, затухнуть – потухнуть, лимонный – лимоновый*); б) слова с разными аффиксами, соединяющимися с разными основами, и имеющие одно значение (напр., *-н-*; *-ов-* со значением принадлежности – *сестрин, материн, отцов*); 3) синтаксические С.: а) разные модели предложений, передающие одно и то же значение (*Я купил книгу – Книга куплена мной*); б) модели, составляющие вариативный ряд по отношению к основной модели, выражающей общее значение минимальными языковыми средствами. Ср.: *Словари синонимов* – типовое значение «признак предмета», основная модель. Синонимические варианты: *Словари, описывающие синонимы*; *Словари, фиксирующие синонимы* и др.; в) словоформы разных типов в сходных конструкциях и в одинаковой синтаксической функции (напр., *пошли по ягоды – пошли за ягодами*).

Функции синонимии разнообразны: она служит более точному выражению мысли, всех её оттенков и нюансов: *Мутный поток угодливых, сервильных, верноподданнических пьес того времени*; позволяет избежать тавтологии, ненужного повторения: *Как ему до сих пор не пришло в голову, что это обман зрения, галлюцинация, мираж?*; передаёт экспрессивные оттенки значения, всю палитру стилистических окрасок единиц языка, а значит, и текста в целом: *я никак не могу вспомнить один редко употребляемый и более крепкий синоним к словам «мракобес», «ретроград», «реакционер», «рутинёр» – который уже день не могу вспомнить*; *Для чего нам говорить «самолюбие», «тщеславие» и все т.п., когда у нас есть «гордыня», термин точный и освящённый новозаветной традицией* (Вен. Ерофеев). Синонимия широко используется в Эзоповом языке (см.) для создания подтекста. Об этом очень остроумно и едко написал Д. Быков: *Довольно ты, поэт, народ пужал. И так-то позитива кот наплакал. Ведь можно, например, сказать «пожар», а можно, например, «бенгальский факел». Когда-то, пару сотен лет назад, ты исходил смятением и злобой – а водною феерией назвать не хочешь наводнение? Попробуй! Пусть кто-то это кризисом зовёт, а я сегодня выражусь жеманней: нас накрывает дивный орган тот, что для мужчины есть предел желаний. Друзья - поэты! Это шанс блеснуть. Я верю, мы его не провороним: ведь как волшебно изменилась суть, едва нашёл правильный синоним! Отвергнем же наследие отцов и заново начнём, без промедленья. Подумаешь! Ведь смерть, в конце концов, – всего лишь прекращенье потребления.*

С. могут быть контекстуальными, т.е. являться С. именно в данном контексте, что особенно часто встречается в образной художественной и публицистической речи: *Нередко используются схемы ведения ненормального бизнеса – экономия, урезание, отщипывание, подпиливание...* (АиФ). Контекст может даже «превращать» С. в своеобразные контекстуальные антонимы, как, напр., в стихах А. Ханмагомедова: *Такое ощущение порой, что родина с отечеством в разводе, / А я меж ними рыщу сам не свой, как верный сын, чья вера на исходе.*

Авторы иногда создают свои, окказиональные С.: *Не инакомыслие, а супротивословие; Рукотворный, т.е. мануфактурный* (Вен. Ерофеев).

Художественным, или эвфемистичным, развёрнутым С. слова или словосочетания, по существу, является Перифраза (см.): *Не умер, а «ушёл за грань земного кругозора»* (Вен. Ерофеев); *ушёл в мир иной, отправился к праотцам, упокоился с миром, покинул этот мир, оставил нас, ушёл в лучший из миров и т.д.; проститутка – женщина лёгкого поведения, путана, ночная бабочка и др.*

Существуют специальные словари – словари С., описывающие эту часть лексики языка. В настоящее время их довольно много. Вместе с Антонимами (см.), омонимами (см. Омонимия), Паронимами (см.) С. составляют парадигматику семантических отношений в языке.

Лит.: см. лит. к ст. Синонимический ряд.

О.Н. Емельянова

СИ́НТАКСИС ГАЗЕ́ТНО-ПУБЛИЦИСТИ́ЧЕСКОГО ТЕ́КСТА. Современная периодическая печать отличается огромным многообразием прежде всего газетных изданий разного формата как в собственно техническом, так и содержательном плане. Газеты делового характера, таблоиды и качественная пресса имеют разного читателя, что находит непосредственное отражение в их языковом облике. Однако при всех различиях таких изданий они представляют в своей основе книжно-письменную речь, что позволяет на её фоне обращаться к разговорной речи в качестве средства экспрессии и характеристики как персонажа, так и автора, устанавливающего контакт со своим читателем. Как пишет В.Г. Костомаров, «с самого начала изучения языка массовой газеты – прародительницы всех масс-медиа – стал актуальным вопрос об отнесении его к письменному или разговорному». И отвечает на этот вопрос следующим образом: «В продолжающейся полемике сегодня общее мнение всё очевиднее склоняется к признанию правомерности стилевой специфики масс- и мультимедийности, по крайней мере органичности слияния книжности и разговорности как её свойстве» [Костомаров 2005: 182–183].

Черты книжного синтаксиса проявляются прежде всего в использовании конструкций, «экономно» передающих информацию в форме сложных предложений, иерархически организующих событийный план сообщений и полипропозитивных по своей семантике. Напр.: *Во время недавней конференции в Киеве по вопросам российско-украинских отношений в сфере энергетики, которую*

проводил Институт стран СНГ, общаясь с ведущими украинскими политологами, я заметил, что они не осознали принципиальных изменений в отношениях России с окружающим миром (Изв. 30.10.07).

Среди сложных предложений традиционно самыми употребительными оказываются предложения с изъяснительными и определительными придаточными, ориентированными на непосредственное выражение модусных отношений или вносящих комментирующую информацию: *Трудно сказать, почему Том Стоппард захотел писать именно о том периоде нашей истории, который мы сами стараемся не вспоминать: о годах николаевской реакции, последовавшей за восстанием декабристов, о русской интеллигенции, спасавшейся в изгнании, призывавшей к свободе и не подозревавшей, чем обернётся для России воплощение её утопических идей* (Коммерсантъ. 06.10.07) (см. также первый пример).

Столь же распространёнными оказываются и местоименно-соотнесительные предложения, реализующие приём «подачи», т.е. актуализации, вследствие двойного представления информации, содержащейся в придаточном предложении: *Главная претензия Москвы заключается в том, что «наблюдатели зачастую дают не технические оценки, а выносят политические приговоры, которые негативно сказываются на внутривнутриполитической стабильности в тех государствах, где проводится наблюдение»* (Коммерсантъ. 27.10.07).

Характерные для письменной речи причастные и деепричастные обороты являются в ней своего рода средствами актуализации содержащейся в них информации: будучи правосторонними распространителями, они выступают в качестве рем, хотя и второй, третьей и т.д. степени: *Маленький человек любит «Большую Историю», представленную «великими личностями»... В свою очередь, Большая История пренебрегает «маленьким человеком», уделяя всё внимание «элитам»* (Дело. 22.10.07).

Правостороннее распространение вообще оказывается характерным для газетной речи, продвигая информацию, следуя движению мысли от тезиса к его конкретизации: *Архитекторы хвалят за гуманную реставрацию Новую Голландию, но и там снесли всё, что формально не считалось памятниками, в том числе лабораторию Дмитрия Менделеева и опытный бассейн, где испытывались модели первых российских судов* (Совершенно секретно. 2007). К этому же ряду относятся предложения с однородными членами, тяготеющими к концу предложения: *В сообщении Нобелевского комитета говорится, что открытия, сделанные учёными, позволят медикам в будущем восстанавливать разрушенные болезнями органы пациентов, центральную нервную систему, укреплять противоопухолевый иммунитет, а также лечить сахарный диабет, лейкемию, рассеянный склероз, болезнь Альцгеймера и многие другие болезни* (Коммерсантъ. 09.10.07).

Однако все эти сложные конструкции преобладают в аналитических жанрах газетных сообщений. Тексты нарративного характера обнаруживают тенденцию к использованию простых предложений типа «субъект и его действие», при поступательном развитии действий: *В 1974 году дельфин Геркулес впервые в отечественной истории обнаружил и обозначил затонувшую торпеду. Главный штаб ВМФ принял решение о создании дельфиньего спецназа для поиска затонувших образцов военной техники. Черноморцы пошли ещё дальше. Дельфин по кличке Титан научился нырять к мине...* (Совершенно секретно. 2007).

Разговорные конструкции проявляют себя в двух направлениях. Они служат средством экспрессии, часто выступая в связке «стандарт-экспрессия», обеспечивая надёжность передачи информации и устанавливая контакт с читателем. Другим их назначением становится базовое повествование, имитирующее устную речь, где функцию экспрессии (скорее – переключения на иной характер сообщаемой информации) выполняют конструкции, характерные для письменной речи. Напр.: *Причиной пожара следствие определило неосторожное обращение с огнём. Главный «виновник» происшествия – непогашенный окурок. Но, допустим, так всё и было: кто-то покурив на площадке, бросил сигарету мимо урны. Рядом оказался «горючий материал» (бумага). Тело себе, тлело... (КП. 30.10.07); Представьте себе ситуацию. Взяли вы кредит в банке, ночей не спите, всё думаете, как долг отдать. А тут приходит письмо из другого банка, название которого вы раньше только в телерекламе слышали. Мол, теперь вы наш должник, добро пожаловать, заведите счёт и денежки – нам. И это не сон. За последний год российские банки стали продавать долги* (КП. 30.10.07).

Особенности синтаксиса газетной речи чётко проявляются и на уровне микротекста. Именно газетной речи присуще представление ССЦ в форме абзаца, при этом выдерживается «сюжетное раз-

витие» сообщения, содержащегося в тексте, в последовательности первых абзацных фраз. Пример из статьи «С Ефремова начался отсчёт нового театрального времени»: *Олег Ефремов, которому 1 октября исполнилось бы 80 лет, был первым среди нас не по должности, а по любви. Всегда. / Я был влюблён в Олега, ведь он – один из трёх моих учителей в профессии. / Он был не просто вершителем судеб – сказать так было бы неверно, скорее, он был вершителем распорядка моей жизни на протяжении довольно долгого времени. / По сути, влюблённость в педагога есть защитная прививка против пошлости, глупости, против дурной заразы в профессии. / А нежная признательность Олегу за моё становление существует во мне на протяжении всей жизни* (ЛГ. 03–09.10.07). Возможна и более сложная организация текста, при которой происходит «ветвление» вспомогательных тем, так что сюжет не складывается из последовательного прочтения первых абзацных фраз. От приведённого порядка существуют отклонения, но в статьях, как правило, более сложного аналитического характера, где возможно развитие подтем с прерывистым выходом на магистральную тему, или в статьях и очерках, композиционная организация которых основывается на ассоциативном принципе, прослеживается достаточно строгая сюжетная линия, обозначенная первыми абзацными фразами. Но и в этих случаях обнаруживается, часто при их дистантном расположении, связь смысловых компонентов параллельно развивающихся тем.

Тенденция к открытому выражению смысловой целостности газетных текстов, реализуемая средствами синтаксиса, составляет одну из ведущих черт газетно-публицистического текста.

Лит.: Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. *Стилистика газетных жанров*. М., 1978; Васильева А.Н. *Газетно-публицистический стиль*. М., 1982; Зильберт Б.А. *Социопсихологическое исследование текстов радио, телевидения, газеты*. Саратов, 1986; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. М., 2004; Какорина Е.В. *Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилистика. Язык и культура*. М., 1996; Коньков В.И. *Речевая структура газетного текста*. СПб., 1995; Костомаров В.Г. *Русский язык на газетной полосе*. М., 1971; Костомаров В.Г. *Наш язык в действии*. М., 2005; Лаптева О.А. *Теория современного русского литературного языка*. М., 2003; Морозова И. *Слагая слоганы*. М., 2001; Рогова К.А. *Синтаксические особенности публицистической речи*. Л., 1975; Солганик Г.Я. *Синтаксическая стилистика*. М., 1973.

К.А. Рогова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ АНТИЦИПАЦИЯ (от лат. *anticipatio* – ‘предвосхищение’), или **ПРОЛЕПСИС** (от др.-греч. *πρόληψις* – ‘предположение, предчувствие, предвидение’), – стилистическая фигура, состоящая в отклонении от обычной линейной последовательности элементов предложения или текста, в результате которого предвосхищающий (антиципирующий) элемент, обычно местоимение, употребляется до предвосхищаемого (антиципируемого) элемента, т.е. до его прямого обозначения (называния) именем существительным. Напр.: *После обеда вышли из ярко и горячо освещённой столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку к щеке, засмеялась простым прелестным смехом, – всё было прелестно в этой маленькой женщине <...>* (И. Бунин); *О ней сходят с ума миллионы мужчин, по ней сохнут прыщавые юноши, ей тихо завидуют красавицы и дурнушки. О ней без умолку говорят восторженные поклонники, ей предательски поют дифирамбы журналисты, на неё с вожделием поглядывают богемные ловеласы. Она пленила молодых кутюрье и обеспечила себе безбедное существование. Имя этой счастливой – Летиция Коста* (МК в Красноярске. 18–25.11.1999).

Разновидностью А. является **иллеизм** – стилистическая фигура, состоящая в избыточном употреблении в предложении местоимения третьего лица, расположенного до наименования того предмета, к которому оно относится: *Боже, как же они очерствели душой, эти богачи!* (КР. 02.04.1999).

С.а. может быть текстообразующим приёмом (приёмом, на котором построен целый текст). Напр., рассказ Виктора Пелевина «Зигмунд в кафе» начинается так: *На его памяти в Вене ни разу не было такой холодной зимы. Каждый раз, когда открывалась дверь и в кафе влетало облако холодного воздуха, он слегка ёжился. Долгое время никого не появлялось, и Зигмунд успел впасть в легкую старческую дрему, но вот дверь снова хлопнула, и он поднял голову.* В этом рассказе к интригующему

эффекту С.а. прибавляется ещё и эффект обманутого ожидания, т.к. только в конце рассказа читатель узнаёт, что Зигмунд не человек, а попугай.

Сферой использования С.а. являются художественные и публицистические тексты. Основная функция С.а. – интригующе-актуализирующая: эта фигура нацелена на актуализацию внимания и возбуждение интереса адресата, а также на выделение, акцентирование антиципируемого элемента высказывания.

Лит.: **Вшивкова Т.В.** Закономерности антиципации при понимании текста // Тезисы IX всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». М., 1988; **Гохлернер М.М.** Зависимость смыслового восприятия от синтаксической структуры высказывания // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976; **Ишмеева Т.Н.** Сегментированные конструкции в современном русском языке: на материале газетных заголовков: КД. Волгоград, 2006; **Лингвистический энциклопедический словарь.** М., 1990; **Никитина А.Х.** Конструкции с антиципацией в риторическом синтаксисе // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; **Никитина А.Х.** Синтаксические конструкции с антиципацией как экспрессивное средство современного русского литературного языка: АКД. Саратов, 1990; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

СИНТАКСИЧЕСКАЯ АППЛИКАЦИЯ. См. ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ

СИНТАКСИЧЕСКАЯ НОРМА – грамматическая норма, регулирующая употребление синтаксических конструкций: словосочетаний, синтаксических оборотов (уточняющих, сравнительных, причастных, деепричастных), обособленных членов предложения, вводных слов и предложений, простого и сложного предложений.

С.н. тесно связана с теорией синтаксиса и для её соблюдения требует хорошего знания синтаксиса и морфологии русского языка. Кроме того, часто она диспозитивна, т.е. различна в разных функциональных стилях современного РЛЯ. Так, уместное в официально-деловом и научном стилях «нанизывание» существительных в родительном падеже неуместно в публицистическом стиле. Ср., напр.: *Важное значение имеет для нас **выполнение** поставленной главами наших государств **задачи превращения Каспийского региона в регион мира, дружбы и добрососедства*** (Дипломатический вестник. 2004); *Предложена новая **методика решения конечной системы уравнений, не требующая малости значений скачков фазы на всех ячейках вихря, что позволяет применять её при любых значениях параметра пиннинга I вплоть до нуля*** (Журнал технической физики. 2005). В публицистическом стиле первое предложение могло бы выглядеть, напр., так: *Важно выполнить поручение глав наших государств превратить Каспийский регион в регион мира, дружбы и добрососедства.* В научно-популярном тексте начало второго предложения могло бы выглядеть следующим образом: *Математики научились решать конечную систему уравнений...*

С.н. во многих случаях пересекается с Морфологической нормой (см.), поскольку во многих синтаксических конструкциях используются формы слов, употребление которых регулируется морфологической нормой.

С.н. распространяется, в частности, на:

– **порядок слов в предложении**, напр., предпочтительно положение согласованного определения перед определяемым словом: *зелёная карета*, но *тоска зелёная* (устойчивое выражение);

– **согласование и управление в словосочетании и сочетании главных членов** простого предложения, напр., разное управление у глаголов со значением эмоции: *удивляться красоте природы* и *восхищаться красотой природы* (ср. распространённое в наше время выравнивание падежа при таких глаголах: **Восхищаюсь твоей добротой*);

– **употребление активной и пассивной конструкций простого предложения**, напр., преимущественное использование в страдательном значении возвратных форм глаголов несовершенного

вида для обозначения процесса или повторяющегося действия и кратких страдательных причастий прошедшего времени для обозначения законченного события: *Руки моются (*моемы) с мылом* и *Руки вымыты (*вымылись) с мылом*;

– **употребление причастных и деепричастных оборотов**, напр., согласование причастия с определяемым, а не с зависимым существительным: *По дороге улыбнулся односельчанину, давно ждущему (*ждущего) автобуса до райцентра*;

– **употребление сложноподчинённых предложений** с разными типами придаточной части или **предложений с соподчинением** зависимой словоформы и придаточной части, напр.: *Думаю, куда мне пойти и зачем я вообще живу на этом свете* и **Думаю, куда мне пойти и что я напрасно живу на этом свете*; **На улице стояла пальма, чахлая и которая давно перестала вызывать положительные эмоции* (ср. *На улице стояла пальма, чахлая и давно переставшая вызывать положительные эмоции*).

Нарушение С.н. может вызвать Синтаксические ошибки (см.) или использоваться в качестве выразительного средства – Стилистического приёма (см.). Напр., Инверсия (см.) представляет собой сознательное нарушение порядка слов.

Лит.: Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия. М., 2000; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976, 2001; Ицкович В.А. Языковая норма. М., 1968; Калинина Е.Э. Формирование синтаксической нормы: структурный и социолингвистический аспекты: КД. Глазов, 2006; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997; Шитов В.А. Необходимые «нарушения» нормы. Заметки о синтаксисе поэтической речи // Русская речь. 1972. № 4.

И.Е. Ким

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА. СМ. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФИГУРА. СМ. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – непреднамеренные или неоправданные нарушения Синтаксической нормы (см.), т.е. неправомерное употребление синтаксических конструкций и их элементов. Некоторые такие ошибки можно квалифицировать и как Морфологические ошибки (см.).

Наиболее часто встречаются С.о.:

1) в порядке расположения частей синтаксической конструкции: *Указанные действия имеют производный характер от основополагающего направления борьбы с преступностью государственных органов* (вместо *борьбы государственных органов с преступностью*);

2) в согласовании (относятся также и к морфологическим ошибкам), особенно в согласовании сказуемого с количественными сочетаниями, напр.: **Осталось* (вместо *осталась*) *ровно половина всего запаса знаменитой «умной» ивабры* (Комок. 1997);

3) в управлении (относятся также и к морфологическим ошибкам): *Лес запел *весенней песней* (вместо *запел весеннюю песню*); *Риск исчезновения навис над пятью тысячами *видами* (вместо *видов*) *животных* (РТР. 1996). К таким ошибкам примыкают и ошибки в употреблении управляемого инфинитива: *<Дети> смотрят, глядят во все глаза, лупятся в экран не отрываясь и требуют *посмотреть* (вместо *дать посмотреть*) *этот фильм ещё и ещё раз* (Комок. 1999);

4) в употреблении причастных и деепричастных оборотов: *Многие называли его Прометеем, *давшего* (вместо *давшим*) *огонь людям*; *А вот всё-таки *вспоминая* (вместо *когда вспоминаете*) *те далёкие совковые времена, / не возникает ли у Вас чувства ностальгии / Михаил?* (Беседа на радио с М. Задорновым // Интернет, 2001: guscorgo.ru);

5) в соединении разнотипных зависимых синтаксических элементов в одной конструкции: *На производственном совещании обсуждались вопросы дальнейшего улучшения качества выпускаемой фабрикой продукции и нет ли возможности снизить себестоимость* (дополнение и придаточное); *Задачи (исследования) – анализ концептов «власть» и «языковая картина мира»; установить систему использования концепта «власть» в речи политиков* (существительное и инфинитив);

б) в соотношении состава частей сложного предложения: *Для того, чтобы этот институт развивался, в прошлом году в стране *появились* (вместо *организованы, введены*) *первые аналоги американских взаимных фондов – паевые инвестиционные фонды* (Комок. 1997). Целевое придаточное требует, чтобы в главной части сложного предложения был использован глагол, обозначающий активное действие.

С.о. чаще, чем другие Грамматические ошибки (см.), связаны с искажением смысла высказывания, и для их выявления во многих случаях необходим анализ значения предложения. Кроме того, многие С.о. относят также к Стилистическим ошибкам (см.), поскольку синтаксическая норма часто существенно различается применительно к разным функциональным стилям современного РЛЯ.

Лит.: Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия. М., 2000; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976, 2001; **Культура устной и письменной речи делового человека:** Справочник. Практикум. М., 1997; Петрякова А.Г. Культура речи. Практикум для 10–11 классов. М., 1996; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997.

И.Е. Ким

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ. См. СИНОНИМЫ

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ – тождественное строение (полное или частичное) синтаксических конструкций. Напр.: *Его фигура выражает незримые качества души, потаённые качества духа* (Огонёк. 1989. № 39).

При соблюдении всех условий параллельности (полном отождествлении одной конструкции другой) можно говорить о полном С.п.: *Коль хочешь веры – забудь про знание, а хочешь знания – забудь про веру* (Наука и жизнь. 1990. № 6). Частичное уподобление одной конструкции другой приводит к неполному С.п.: *Он был сыном мужика и стал властителем в царстве духа. Он был крепостным и стал исполином в царстве человеческой культуры* (Огонёк. 1989. № 39).

На принципе С.п. строится целый ряд стилистических фигур, достаточно распространённых в художественных и публицистических текстах: Изоколон (см.), Хиазм (см.), Антиметабола (см.), Период (см.).

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Новикова Т.В. Синтаксический параллелизм как фигура экспрессивного синтаксиса (на материале современной французской литературы): АКД. Смоленск, 1992; Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка Ч. 1. Абакан, 2000; Пуленко И.А. Экспрессивность синтаксиса публичных речей (синтаксический параллелизм и порядок слов в подготовительных выступлениях деятелей ФКП): АКД. Мн., 1988; Разинкина Н.М. Об одном из способов синтаксической организации научной прозы (стилистический приём параллелизма) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: сб. ст. М., 1976; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

А.А. Кузнецова

СКАНДИРОВАНИЕ – подчёркивание, выделение ритмической структуры слова путём деления его на слоги, звуки или выделения ударного слога, звука; деление слова на составные графические элементы. Напр.: – *Проща-а-ай!* – крикнул Самойленко (А. Чехов); *Да как же, как же, как же вы не передали, о пр-р-ро-клят...* (Ф. Достоевский).

Функции С. разнообразны. Оно выражает концентрированную экспрессию, передаёт особо сильное волнение (*Весь стадион скандировал: Шай-бу! Шай-бу!*), выделяет ключевое слово в тексте, кос-

венно выполняя роль логического фразового ударения, и одновременно является средством Звукописи (см.): *Вы такая аппетитная дамочка, такая соблазнительная, дозвольте у вас п-нульс пощупать* (Вен. Ерофеев), – в т.ч. Звукоподражания (см.): *Браво! Бра-аво! Бра-а-аво! / Бра-а-а-аво! Б-р-а-а-а-во!* (В. Маяковский); *Но спокойно звенит за окном, / То погаснув, то вспыхнув снова, / Железное слово: «Прре-эс-пу-у-ублика!»* (С. Есенин).

В публичной речи С. – декламационный приём, заключающийся в подчёркнутом выделении в произношении всех ритмических признаков текста: сильных слогов, пауз и др. На письме С. может передавать соответствующие особенности устной разговорной речи, напр.: *Наверное, главное последствие перестройки, последствие гласности – это развенчанные мифы. И один из этих рухнувших мифов – люди верхних эшелонов власти. Мы вдруг увидели, что это обычные люди. О-быч-ны-е!* (Из беседы с народным депутатом СССР Николаем Травкиным); *Одёрнул китель, загоня складки под ремень, похлопал по кобуре и бодренько прикрикнул: – Па-а-а-прошу документику!* (А. Бушков).

С. может быть композиционным приёмом (лежать в основе построения текста. Так, напр., в статье «И как их теперь называть?» Сергея Бурлаку, посвящённой особенностям американского интеллекта, обыгрывается произношение «фирменной» фразы Михаила Задорнова: *Ну, тупы-ые!* (Комок).

Лит.: **Винокур Г.О.** О языке художественной литературы. М., 1991; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Краткая литературная энциклопедия:** В 9 тт., Т. 6. М., 1971; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.

О.Н. Емельянова

СКВЕРНОСЛОВИЕ – это речь, наполненная неприличными выражениями, непристойными словами, выходящими далеко за пределы литературного языка. К С. обычно относят нецензурную брань, так называемые непечатные (нецензурные) выражения, матерщину, лексику «телесного низа» и т.д. С. можно считать разновидностью этико-речевых ошибок. В словаре В.И. Даля дано следующее определение слова «скверна». «**СКВЕРНА** ж. *сквер* м. *вост.* мерзость, гадость, пакость, касть, всё гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно; нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, извержения, кал; смрад, вонь; непотребство, разврат, нравственное растление; всё богопротивное. *Не признающие брака пребывают в скверне. Очистим себе от всякия скверны плоти и духа.* Коринф. *Скверну природную очищают вода и огонь, скверну духовную – покаяние. Скверный,* мерзкий или гадкий, гнусный, поганый, кастной, пакостный и пр. *~ность,* скверна, как свойство, качество. *Скверно* нареч. говор. вообще вм. дурно, плохо, негодно. *Сквернить* что, осквернять, гадить, пакостить, поганить, кастить; || *поругать, бесчестить, кощунствовать. *Не сквернит в уста, а сквернит из уст. <...> Сквернословить,* вести непристойные, зазорные, постыдные речи; срамно, похабно ругаться. *-ся,* страдат. *-словие,* срамословие; *~словный,* к сему относящ. *Сквернослов,* *~вец,* *~вка,* срамослов, или буслов, поругатель, кощун. *Акающие русаки (ряз. тул. орл. кур. тамб. и пр.) первые сквернословы; в окающем говоре (сев.-вост.) такого сквернословия не услышишь».*

Корни этого явления уходят в язычество. Люди дохристианской эпохи, чтобы оградить себя от демонического мира, либо ублажали демона, превознося его и принося ему жертвы, либо пугали его. Второе производилось при помощи С. В современном речевом общении к С. обычно прибегают для повышения эмоциональности речи и эмоциональной разрядки, для оскорбления, унижения адресата речи, для демонстрации агрессии или отсутствия страха, раскованности, пренебрежения к запретам, принадлежности к определённому сообществу и др.

Для преодоления этого порока необходимо придерживаться нормативной лексики; стараться ни при каких обстоятельствах не опускаться до С.; терпеливо и настойчиво помогать другим избавляться от бранных, ругательных слов при выражении мыслей и переживаний; усваивать образцы вежливого, культурного выражения мыслей и чувств в типичных ситуациях; формировать непривлекательный образ человека, употребляющего бранные слова, нецензурные выражения.

Лит.: **Воронцова Т.А.** Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск, 2006; **Глебов В.В., Родионова О.М.** Особенности речевой агрессии. URL: www.rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html; **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка

ка. URL: <http://slovari.yandex.ru>; **Заворотничева Н.С.** Инвективы в современной разговорной речи: КД. М., 2010; **Культура русской речи**: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003 (см. ст. Вульгаризация речи, Инвектива, Речевая (языковая, вербальная) агрессия, Сквернословие); **Петрова Н.Е., Рацбургская Л.В.** Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М., 2011; **Сиротинина О.Б.** Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Саратов, 2008; **Сковородников А.П.** Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. Красноярск; Ачинск, 1997. Вып. 2; **Щербаков А.В.** Роль СМИ в формировании норм языка // Региональная пресса: классика и современность: сб. науч. ст. Красноярск, 2006; **Щербинина Ю.В.** Вербальная агрессия. М., 2008.

А.В. Щербаков

СЛАВЯНИЗМЫ, или **ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ**, или **СТАРОСЛАВЯНИЗМЫ**, – слова или обороты, заимствованные русским языком из старославянского, в основном через церковные книги, появившиеся на Руси после принятия христианства.

Многие С. содержат фонетические и словообразовательные признаки принадлежности к старославянскому языку. Ср.: *брег, храм* (неполногласие) – *пророк, святой* (без особых фонетических и морфемных примет). Главные фонетические признаки С.: 1) неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* между согласными, соответствующие русским полногласным сочетаниям *оро, оло, ере, еле/ело/оло* (*град – город, злато – золото, древо – дерево, млеко – молоко*); 2) сочетания *ра, ла* в начале слова перед согласными, соотносительные с русскими *ро, ло* (*равный – ровный, ладья – лодка*); 3) сочетание *жд* и звук *щ* вместо *ж* и *ч* (*чуждый – чужой, ночь – ночь*); 4) *е* в начале слова, соответствующее русскому начальному *о* (*единый – один*).

К словообразовательным признакам С. относятся некоторые приставки: *из-* выделительного значения, соотносительная с русской *вы-* (*избрать – выбрать*); *низ-/нис-* в соответствии с русской *с-* (*нисходить – сходить*); *воз-*, синонимичная русскому префиксу *за-* (*возгореться – загореться*) и др.; суффиксы: *-ствие* (*бедствие*), *-знь* (*жизнь*), *-ыня* (*святыня*) и др. В аффиксах нередко отражаются характерные для С. фонетические явления: неполногласие в префиксах *пре-, пред-, чрез-*; звук *щ* в суффиксах причастий *-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-*. К словообразовательным элементам, типичным для С., относятся и первые части сложных слов *благо-, добро-, зло-* и т.п.: *благоразумие, добродетель, злословие, суеверие*.

В XVIII–XIX вв. С. использовались как стилистическое средство, главным образом для создания высокого стиля – одного из «трёх штилей», система которых была описана М.В. Ломоносовым. Высокий стиль (см.), закреплённый за литературными жанрами, предназначенными для «речей о важных материях», характеризовался ориентацией на языковые единицы соответствующей стилистической окраски.

Среди С. с окраской возвышенности особую группу составляют так называемые поэтизмы: *десница, ланиты, лобзать, очи, перси* и др. К этой группе С. относятся и многие слова с неполногласием и другими фонетическими приметами старославянского языка: *власы, врата, младость, хлад, елени, могутц* и т.п.

Велика роль А.С. Пушкина в решении проблемы использования С. в РЛЯ. В произведениях Пушкина за С., не вышедшими к тому времени из литературного языка, окончательно закрепляются разнообразные стилистические функции, сохранившиеся за ними до сих пор: 1) традиционная функция придания тексту торжественности, возвышенности; напр.: *Перстами лёгкими как сон моих зениц коснулся он. Отверзлись вещи зеницы...* («Пророк»); 2) выражение гражданской патетики, обличительного пафоса: *Тираны мира! Трепещите! А вы, мужайтесь и внемлите, восстаньте, падшие рабы!* («Вольность»); 3) пародирование, создание комического эффекта: *Пошли нам, господи, греховным, поменьше пастырей таких, – полублагих, полусвятых* («На Фотия»); 4) историческая стилизация: *И он промчался пред полками, могутц и радостен, как бой* («Полтава»).

Новаторское явление в литературной практике Пушкина – нейтрализация С. Они гармонично соединяются с русскими словами и перестают восприниматься как элементы церковно-книжного

языка: *Зима!.. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...* («Евгений Онегин»). С. приобретают «светские» переносные значения: *Там скука, там обман и бред; в том совести, в том смысла нет. На всех различные вериги* («Евгений Онегин»). Процесс нейтрализации С. был очень важен для развития РЛЯ: С. органично входили в ткань русской речи, обогащая запас нейтральной лексики.

В русском языке, помимо лексических, имеются фразеологические С.: *бразды правления, во время оно, глас вопиющего в пустыне, исчадие ада, кладёшь премудрости, притча во языцех, святая святых, хранить как зеницу ока* и др. Напр.: *Притчей во языцех были состоятельность его купечества и фантастическое плодородие его почвы* (Б. Пастернак). Фразеологические С., как правило, сохраняют оттенок книжности, хотя некоторые из них нейтрализуются (*ради бога, всей душой* и др.).

С. как отдельный стилистический пласт, как особая стилистическая категория в современном русском языке уже не существуют. Особую стилистическую роль играют лишь те С., которые являются архаизмами. Однако архаизмами могут быть не только С., но и исконно русские слова, и заимствования из самых разных языков. И все же значение С. как стилистических средств РЛЯ чрезвычайно велико, прежде всего потому, что именно они традиционно составляют ядро книжной лексики и фразеологии с окраской возвышенности, риторичности.

Лит.: **Виноградов В.В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982; **Горшков А.И.** Теория и история русского литературного языка. М., 1984; **Замкова В.В.** Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975; **Матвеева О.А.** Церковнославянская лексика как терминосистема: КД. М., 2013; **Копорская Е.С.** Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988.

Т.Б. Трошева

СЛЕНГ (от англ. *slang*) – разновидность социолектов, вторичная по отношению к другим социально маркированным формам устной речи, не имеющая отчётливо выраженной социальной групповой закреплённости.

С. или его отдельные элементы в неофициальном общении ситуативно могут использовать люди любого возраста, пола, образования, профессии. Основу лексико-фразеологического состава С. составляют заимствования из различных групповых и профессиональных жаргонов, воровского аргю, реже – из просторечия и территориальных диалектов. Сленговые слова и выражения не являются общепотребительными, однако понятны широкому кругу говорящих на русском языке (*наркота, раскрутка, тусоваться, заказать/взять тачку* и т.п.). Это обстоятельство даёт основание многим учёным использовать термин «С.» как синоним терминов «общий жаргон», «интержаргон» [Быков 1994; Кудрявцева 2005; Матюшенко 2007; Хорошева 2002; Юганов, Юганова 1997; и др.]). Термин С. появился в середине XVIII столетия в Англии в значении «*language of a low or vulgar type*» «язык низкого или вульгарного типа» [Большой Оксфордский словарь]. С начала XIX в. в зарубежной лингвистике используется также в значениях «профессиональный жаргон», «особая речь носителей различных субкультур общества», «нелитературная устная речь, состоящая из неологизмов и слов, употреблённых в специальном значении», «лексика широкого употребления для неформального общения» [The Encyclopedia of Language and Linguistics]. В русской лингвистической традиции термином С. первоначально обозначали особое социально-лингвистическое явление англоязычной речи, позднее данный термин стал применяться и по отношению к нелитературным социально маркированным формам русского языка. При этом взгляды языковедов на сущность и природу С. заметно разошлись. Это привело к семантической размытости самого термина, который стал использоваться то как синоним терминов «жаргон», «молодёжный жаргон», «социальный диалект», «профессиональный диалект», то как «стилистическая разновидность разговорно-просторечного языка» (см. [Береговская 1996; Гальперин 1956; Никитина 2003; Химик 2000: 16] и др.). Одной из первых на «совершенно особое положение» С. среди социальных диалектов указала О.С. Ахманова [Ахманова 1966: 131–148]. Попытки выявить специфические особенности С. предпринимали многие учёные. Так, в 70-е г. XX в. В.А. Хомяков установил, что С. представляет собою «особый периферийный лексический пласт, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргю преступного мира. С другой – слой широко распространённой и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» [Хомяков

1970: 76]. Близкой точки зрения придерживается А.Т. Липатов, который подчёркивает, что С. «формирует свой вокабуляр на базе окказиональной, профессионально-жаргонной и диалектной лексики» и отмечает, что его единицы лишены, в отличие от жаргонов, «обнаженно прямой, а порой и неприкрытой пейоративности» [Липатов 1991: 144].

Возникновение и функционирование С. обусловлено историческими, социальными, культурными, психофизиологическими факторами. Он отражает образ жизни, взгляды и ценности людей, свидетельствует о «языковых вкусах эпохи». Основными функциями С. являются коммуникативно-эмотивная, репрезентирующая и контактоустанавливающая (фатическая). Для лексико-фразеологической системы С. характерны открытость, быстрые темпы исторической изменчивости, экспрессивность и образность единиц, большое число рифмованных выражений и отзвучий (*ясен красен* – ‘всё ясно’; *улюлюйт-трулюлюйт* – ‘всё отлично’), а также отсутствие этикетной скованности. Одна из самых ярких особенностей С. – «игра со словом и в слово». Это проявляется, напр., в названиях автомобильных марок: *айзюсю* – ‘Isuzu’; *Безнадёга* – ‘ВАЗ 2120’ «Надежда»; *вжик* – ‘Toyota Vitz’; *мамка* – ‘Toyota Cruiser-80’ (за объёмные выпуклости по бокам), а также в названиях алкогольных напитков: *слёзы Мичурина* – ‘любое плодово-ягодное вино’; *слеза комсомолки* – ‘коктейль из смеси огуречного и лавандового лосьонов и зубного элексира’ и т.п.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1964; **Бабина А.К.** Терминологическое поле в исследованиях социолекта. URL: www.sleng.info/books/12/; **Береговская Э.М.** Молодёжный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3; **Бурдин Л.С.** Словарная помета *slang* и её толкование в современной англистике // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1968; **Быков В.** Русская фея. Словарь современного интержаргона. Смоленск, 1994; **Гальперин И.Р.** О термине «сленг» // Вопросы языкознания. 1956. № 6; **Кудрявцева Л.А.** Язык города: общий сленг // Русская община. 2005. URL: www.russian.kiev.ua/archives/2005/0512/051220ct01.shtml; **Липатов А.Т.** Русский сленг и его соотношение с жаргоном и аргю // Семантика и уровни её реализации. Краснодар, 1994; **Липатов А.Т.** Сленг как проблема русского социолекта // Проблемы русской лексикологии. Самара, 1991; **Липатов А.Т.** Сленг как проблема социолектики: монография. М., 2010; **Маковский М.М.** Языковая сущность современного английского «слэнга» // Иностранные языки в школе. 1962. № 4; **Матюшенко Е.Е.** Современный молодёжный сленг: формирование и функционирование: АКД. Волгоград, 2007; **Никитина Т.Г.** Молодёжный сленг: Толковый словарь. М., 2003; **Хан Пира Э.И.** Сленг, в азбучном порядке расположенный // Знамя. 1998. № 7; **Химик В.В.** Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000; **Хомяков В.А.** Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. М., 2009; **Хорошева Н.В.** Русский общий жаргон: к определению понятия // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002; **Юганов И., Юганова Ф.** Словарь русского сленга: сленговые слова 60-х – 90-х гг. М., 1997; **Britannica'97** / Encyclopedia Britannica and Merriam Webster's Collegiate Dictionary; **The Encyclopedia of Language and Linguistics.** UK, 1994.

О.В. Фельде

СЛЕНГИЗМЫ – единицы лексико-фразеологической системы Сленга (см.), используемые в общенародной устной и письменной речи.

В зависимости от источников заимствования С. подразделяются на несколько групп: 1) С., восходящие к уголовному аргю (как с сохранением исходного значения, так и подвергшиеся в сленге семантическим изменениям): *ксива* – ‘документ’, *стучать* – ‘доносить’; *атас* – ‘нечно необычное, потрясающее’ (*ну ты вырядилась, прям атас!*). Ср. в уголовном аргю: *атас* – ‘сигнал опасности’; *лох* 1. ‘наивный доверчивый человек’ (*Этому лоху можно что угодно впарить*). 2. ‘Немодно и безвкусно одетый человек’ (*Я не лох такое старье носить!*). Ср. в уголовном жаргоне: *лох* – 1. ‘потенциальная жертва воровства, мошенничества или другого противоправного действия’. 2. ‘вторая снизу каста в воровской иерархии’; 2) С., восходящие к различным профессиональным и групповым жаргонам: *затулить* – ‘заехать или зайти по пути, случайно или намеренно отклонившись от основного направления’; *навар* – ‘прибыль’; *плоскодонка* – ‘девушка с маленькой грудью’; *наркоша* – ‘наркоман’; *ботаник*, *баклан* – ‘умный начитанный человек’ и т.п.; 3) С., восходящие к просторечной и диалектно-просторечной лексике: *с бодуна* – ‘с похмелья’; *заначка* – ‘деньги, спрятанные от кого-л. обычно на

выпивку»; *шибздик* – ‘тщедушный человек’ и т.д.; 4) С., восходящие к иностранному языку (чаще английскому): *мен* – ‘мужчина, молодой человек’ (англ. man); *френд* – ‘друг’ (англ. friend); *фэйс* – ‘лицо’ (англ. face) и мн. др.

С. представляют собою подвижный и достаточно большой по объёму пласт русского национального языка. Среди них преобладают оценочные наименования людей по половой принадлежности, физическим, интеллектуальным и психическим свойствам (*тёлка* – ‘девушка’, *мажор* – ‘беспечный молодой человек, живущий на средства богатых родителей’, *лузер* – ‘неудачник’ и мн. др.), а также наименования действий и состояний человека. Подавляющее большинство таких слов и выражений понятно любому носителю русского языка (*ты меня достал, кончай прикалываться, отмазаться от армии, я над тобой угораю, не наезжай на него* и т.п.). Многие С. используются для выражения отрицательной или положительной оценки какой-л. ситуации, явления, объекта (*капец* – ‘возглас сильного удивления’, *фигово* – ‘очень плохо’, *непруха* – ‘чёрная полоса в жизни’, *всё пучком* – ‘всё хорошо’ и др.).

В процессе активного функционирования в устной неофициальной речи различных слоёв населения, особенно молодёжи, а также частотного употребления в художественной литературе и СМИ некоторые С. утрачивают свой запредельно сниженный стилистический характер и переходят в разряд разговорной лексики литературного языка (такова судьба слов *нетленка, расслабуха, психушка* и т.п.). Немотивированное использование С. в разговорной и книжной речи свидетельствует о невысокой речевой культуре говорящего.

Лит.: см. лит. к ст. Сленг.

О.В. Фельде

СЛОВА-ПАРАЗИТЫ – разновидность лексико-стилистических ошибок, которая заключается в употреблении слов и словосочетаний, не несущих в конкретном тексте смысловой нагрузки, а поэтому засоряющих речь [Культура русской речи... 2003: 628; см. также: Розенталь, Теленкова 1985: 288; Томсон 2002: 167]. Они знакомы каждому со школьных лет и без труда выделяются в любых контекстах: *Пришёл, понимаешь, в магазин, хотел купить, понимаешь, того-сего, глядь, понимаешь, а кошелек-то забыл*; или: *Они, так сказать, собрались посоветоваться, но договориться, так сказать, не смогли.*

Большинство С.-п. имеют в языке своё значение, но, употреблённые в неудачно сконструированной фразе, становятся преградой для её точного понимания. Иногда С.-п. может стать причиной комизма или полностью изменить смысл сказанного: *Мы как бы умные люди...* (слово *как бы* имеет значение «подобно», «словно»); *Находясь в заключении, он, типа, раскаялся.*

Специалисты в области культуры речи и стилистики, пользуются этим понятием достаточно широко. По В.Е. Гольдину и О.Б. Сиротининой, одним из признаков фамильярно-разговорной речевой культуры является «включение в речь большого количества слов-паразитов, при этом нередко грубых и даже нецензурных» [Русский язык 1997: 415].

Суть обсуждаемого явления понятна всем, но сам термин, используемый для его обозначения, вызывает сомнения по двум причинам. Во-первых, у абсолютного большинства слов и словосочетаний, записанных в разряд «паразитов», имеются свои конкретные значения. Правда, у многих из них семантика служебная (союзы, частицы, междометия), модальная (вводные конструкции), незначимая (местоимения), т.е. составляющая периферию смыслового поля языка. И тем не менее слова эти настолько важны в устройстве текста, что им посвящены серьёзные лингвистические работы: с различных позиций изучались лексемы *ведь* [Бонно, Кодзасов 1998], *в общем, вообще* [Арутюнова 1998: 825–829], *в принципе, в целом, просто, прямо* [Путеводитель 1993: 105–137; 160–179], *правда, скажем, нет* [Дискурсивные слова 2003: 27–49, 80–102, 146–193], *на самом деле* [Руднев 1997: 123–125], *так сказать* и *как говорится* [Шмелёва 1987: 125–132], *как бы* [Арутюнова 1998: 837–846, 851–862; Руднев 1997: 123–125]. Во-вторых, именно по причине своей смысловой «облегчённости» эти слова оказываются иногда удобными для того, чтобы в спонтанной речи выполнить функцию некой «передышки» – дать человеку время найти нужное выражение [Культура русской речи... 2003: 628–629; Розенталь, Теленкова 1985: 288; Энциклопедический... 2005: 470; Осетрова 2006; Культура русской

речи... 1998: 144]. Подобные слова в данной функции не являются «лишними», поскольку для говорящего они удобны, однако для слушающего, безусловно, являются помехами восприятия.

Список наиболее распространённых С.-п.: *блин; буквально; ведь; видишь/видите (ли); в натуре; в некотором роде; в общем(-то); вообще(-то); вот; в принципе; в самом деле; всё такое; в целом; дело в том, что...; знаешь /знаете (ли); значит; итак; и так далее; как бы; как говорится; как его; как сказать; короче; можешь/ете вообразить; можешь/ете представить; на самом деле; нет; ну; ну вот; ну это; правда; понимаешь; послушай; прикинь; просто; прямо; скажем; собственно говоря; так; так вот; так сказать; там; типа; типа того; того; только; то есть; уже; это; это самое; я имею в виду; (я) скажу.* В речи некультурных людей встречаются С.-п., табуированные для литературного употребления: *бля; на фиг; ёшкин кот; на хрен; сука* и под.

Список традиционно расширяют звуковые сопровождения речи – *э-э-э, м-м-м, хм*, – которые словами не являются, но раздражают слушателей отнюдь не меньше; напр.: – *Правительство, э-э-э, решило начать подготовку к, э-э-э, проведению очередного, ну-у, в общем, повышения размера минимальной заработной платы* [Культура русской речи... 2003: 629].

Поможет избавиться от привычки к С.-п. умение держать паузу, которая и есть альтернативная замена слов, употреблённых не к месту в разговорной речи.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998; Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998; **Дискурсивные слова русского языка:** контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселёва и Д. Пайар. М., 2003; **Культура русской речи:** учебник / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Осетрова Е.В.** О языковых привычках и «словах-паразитах» // Филология–Журналистика 2006: сб. науч. ст. Красноярск, 2006; **Путеводитель по дискурсивным словам русского языка** / Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. М., 1993; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М., 1985; **Руднев В.П.** Словарь культуры XX в.: ключевые понятия и тексты. М., 1997; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Томсон П.** Самоучитель общения. СПб., 2002; **Шмелёва Т.В.** «Так сказать» и «как говорится» // Служебные слова: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1987; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

Е.В. Осетрова, А.В. Щербаков

СЛОВАРИ «СЛИТНО-РАЗДЕЛЬНО» – нормативные словари, посвящённые одной из самых сложных проблем современной орфографии – слитному, раздельному и дефисному написанию сложных слов разных частей речи.

Одним из самых авторитетных изданий является словарь из серии «Словари XXI века» РАН «Слитно? Раздельно? Через дефис?» (2011 г.), автор которого – член Орфографической комиссии при Историко-филологическом отделении РАН, к.ф.н. Б.З. Букчина, – в течение многих лет изучала эту сложную орфографическую проблему. Рекомендации написаний в словаре соответствуют действующим правилам русской орфографии. Словарь содержит свыше 45 000 слов всех частей речи. При каждом из них даются грамматические пометы, в трудных случаях – пояснения и сопоставления одинаково звучащих, но по-разному пишущихся слов, примеры их употребления.

Словари помогают найти верный вариант написания и закрепить правило. Так, структура словаря «Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник» Б.З. Букчиной, Л.П. Калакуцкой (1998 г.), как пишут авторы словаря в предисловии, «даёт возможность правильно писать и слова, отсутствующие в словаре – в некоторых необходимых случаях отдельно даётся первая часть сложных слов с пояснением её написания с другой (или другими) частью слова» [Букчина, Калакуцкая 1998: 7]. Напр., «пишутся слитно сложные прилагательные с первыми частями: *верхне..., задне..., нижне..., передне..., ранне..., средне..., поздне..., древне...,* напр.: *верхнегортанный, задненёбный, нижнемеловой, переднеазиатский, раннефеодальный, среднеевропейский, позднеспелый, древнеиранский*» [Букчина, Калакуцкая 1998: 12]. Кроме того, когда в словах с одинаковой первой частью неко-

торые слова пишутся по-разному, при них указывается параграф правил, положенных в основу данного словаря. Таким образом, из словаря можно узнать не только как пишется то или иное слово, но и почему оно так пишется. Словарь Б.З. Букчиной, Л.П. Калакуцкой содержит свыше 107 000 слов. Он включает различную лексику: общеупотребительные слова, термины, сочетания слов, которые помещены в алфавитном порядке. Слова и формы слов снабжены ударением. В сложных словах, пишущихся слитно, даётся одно ударение. В словах, пишущихся через дефис, ударение ставится на каждой части, кроме слов с односложной первой частью, ударение на которой не нужно. Некоторые первые части слов, содержащие орфографические трудности, выносятся в отдельную статью с пояснением их написания, напр.: *военно-* – первая часть сложных прилагательных, пишется через дефис; *теле...* – первая часть сложных слов, пишется слитно. Примечательно то, что при заимствованных первых частях слов даётся информация о происхождении слова и его толкование в языке-источнике, напр.: *тах...*, *тахо...* (греч. 'спорый, быстрый'). В конце словаря приводятся «Правила русской орфографии и пунктуации».

Среди современных словарей этого типа можно также назвать орфографический словарь «Слитно, раздельно или через дефис?» В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной (2011 г.), содержащий более 20 000 слов и устойчивых словосочетаний. Среди слов, включённых в словарь, много новых и новейших, напр., сложные слова с первыми частями *бизнес-*, *интернет-*, *онлайн-*, *пиар-*, *мини-* и многие слова с приставками *сверх...*, *супер...*, *гипер...* и др.

Существуют также школьные словари, посвящённые проблеме слитного, раздельного и дефисного написаний. Напр., «Школьный словарь. Слитно – раздельно» (2009 г. сост. И.А. Мудрова). Словарь учитывает все последние изменения в нормативной лексике. В него включены имена нарицательные, произошедшие от имён литературных и других персонажей (*конёк-горбунок*). В словаре имеется большая группа собственных имён (*Царь-девица*). Составители также включили в словарь сочетания типа *Альфа-банк*, руководствуясь материалами центральной прессы и государственных документов. Примечательно, что если слово имеет два варианта написания, то они помещены в одной словарной статье (*азотсодержащий* и *азотсодержащий*).

Лит.: Букчина Б.З. Слитно? Раздельно? Через дефис? М., 2011; Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник. М., 1998; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Слитно, раздельно или через дефис? Орфографический словарь. М., 2011; Школьный словарь. Слитно-раздельно / сост. И.А. Мудрова. М., 2009.

Н.Н. Акулова

СЛОВАРИ АНТОНИМОВ объясняют соотношение слов с противоположными значениями. Это соотношение может быть различным по типу противоположных связей между антонимами: признак/отсутствие признака (*влажный – сухой*), большая/меньшая интенсивность признака (*горячий – холодный*), противоположная направленность действия (*войти – выйти*) и др.

В словарной статье С.а. значения слов, противопоставляемых по какому-л. из этих типов, показывают толкования, наглядно показывающие, в чём состоит смысловое различие данных антонимов. Напр.: **Все – никто.** *О людях: каждый в совокупности с другими, без исключения. – Ни один человек, без исключения. Где все виноваты, там никто не виноват* (пословица). *Исследовать – значит видеть то, что видели все, и думать так, как не думал никто* (Г. Гор).

Горячий – холодный. 1. *Имеющий высокую температуру, сильно нагретый. – Имеющий низкую температуру, охлаждённый.* <...> 2. *Пылкий, страстный, отличающийся глубиной чувств, выражающий глубокие чувства. – Хладнокровный, лишённый пылкости, сдержанный в проявлении чувств.* <...>. *Гнездо антонимов: горячо – холодно, горячность – хладнокровие, разгорячить – охладить. Синонимические пары (по первому значению): горячий – холодный, горячий – студёный (разг.); (по второму значению): вспльчивый – хладнокровный, вспльчивый – холодный, горячий – хладнокровный, горячий – сдержанный, горячий – уравновешенный, вспльчивый – сдержанный* [Львов 1981].

В современной русской лексикографии имеется несколько С.а.: «Словарь антонимов русского языка» Л.А. Введенской (Ростов н/Д, 1982, описано более 1 тысячи антонимических пар); «Словарь антонимов русского языка» Н.П. Колесникова (Тбилиси, 1978 – более 1300 антонимических пар);

«Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова (Изд. 9. М., 2008) – наиболее обстоятельный и полный из имеющихся словарей (около 3000 тысяч антонимов) – и нек. др.

Лит.: **Козырев В.А., Черняк В.Д.** Вселенная в алфавитном порядке. Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000; **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. Сер. Словари XXI века. М., 2008; **Львов М.Р.** Школьный словарь антонимов русского языка. М., 1981; **Новиков Л.А.** Русская антонимия и её лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1985; **Шнирельман А.И.** Синонимы и антонимы в научной и технической литературе. М., 1989.

Л.П. Крысин

СЛОВАРИ АФОРИЗМОВ – словари, содержащие подборку кратких изречений, в отточенной форме метко выражающих какую-л. глубокую законченную мысль (см. Афоризм). А. интересны заключённой в них мыслью и способом её выражения, поэтому некоторые учёные говорят о неразрывности формы (словесное оформление) и содержания (смысл сообщения) А. По форме к А. близки **крылатые слова и выражения** (см. Словари крылатых слов и выражений).

Умение лаконично и эстетически значимо оформить мысль подвластно не всем. Как правило, афористикон (собрание А.) пополняется изречениями известных литераторов, философов, учёных, общественных и политических деятелей и других выдающихся людей. А. содержат в себе опыт осмысления многих проблем. Очень часто С.а. называют сокровищницей человеческой мудрости, мудростью тысячелетий, энциклопедией мировой мудрости. Причём, как и в случае с народными А., т.е. пословицами и поговорками, авторские изречения могут противоречить друг другу и содержать чуть ли не прямо противоположные по сути высказывания. Это свидетельствует о сложности человеческой природы и неоднозначности её оценок.

Возможность оставить потомкам афористически выраженную мысль появилась у человечества с возникновением письменности. Первые А. можно найти в древнейших памятниках восточных литератур, относящихся к III тысячелетию до н.э. Самый известный древнерусский сборник мудрых изречений – «Пчела» (полное его заглавие «Пчела – речи мудрости от Евангелия и от апостол и от святых муж и разум внешних философ») представляет собой соединение сборников Максима Исповедника и монаха Антония. В XX в. стали популярны комические афоризмы: безобидные юмористические или едкие саркастические, создаваемые юмористами и сатириками (Ежи Лец, Г. Горин, М. Жванецкий, С. Альтов, И. Губерман, М. Мамчич и др.).

Чаще всего С.а. строятся по тематическому принципу: А. о любви, о характере человека, о воспитании, о возрасте, о жизни и пр. С.а. очень многообразны по содержанию. Однако в С.а. возможны и другие способы расположения: по авторам высказывания; по странам; по эпохам и нек. др.

С.а. пользуются большой популярностью у читателей. Это можно объяснить желанием говорящего сослаться на значимый источник своих знаний. Существенным для речевой культуры человека становится и знакомство с большим количеством мудрых суждений.

В речи важно уместно использовать А., для чего необходимо точно понимать его значение, желательно знать автора изречения и условия его возникновения.

Лит.: **Душенко К.В.** Афористикон, или Самый толковый словарь: Афоризмы обо всех понятиях и предметах от А до Я. М., 1999; **Душенко К.В., Манчха Г.П.** Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин. М., 2002; **Жванецкий М.** Не продолжай короткое: Высказывания. М., 2010; **Ларош-фуко Ф. и др.** Суждения и афоризмы. М., 1990; **Лец С.Е.** Непричёсанные мысли / пер. с польского. СПб., 1999; **Малкин Г.** Максимумы и минимумы. М., 1990; **Мудрость тысячелетий** / авт.-сост. В. Балязин. М., 2011; **Перекличка веков: Размышления, суждения, высказывания** / сост. В.Г. Носков. М., 1990.

А.Н. Сперанская

СЛОВАРИ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ РУССКОГО ЯЗЫКА – актуализировавшийся в современных условиях пласт информационно-справочных изданий, что объясняется, с одной стороны, мощным развитием процессов компьютеризации печатного и словарного дела, с другой, – возросшими интересами и потребностями читателя в специальной литературе, изучение и освоение которой способствует повышению эффективности речи. Знание выразительных ресурсов и возможностей

русского языка, их уместное и грамотное использование повышает эффективность речи, обеспечивая экономию усилий, затрачиваемых коммуникантами в общении, приближая их к более точному выражению и пониманию сообщаемых сведений.

Богатство и разнообразие выразительных средств русского языка обусловлено их внутренней дифференцированной ориентацией на разные сферы и ситуации общения, разные функциональные стили и типы речи, на разные интересы, потребности и возможности коммуникантов. Эта дифференциация улавливается и отражается различными словарями русского языка и речи.

Учитывая то, что «выразительности способно служить всё, чем располагает язык и речь, поскольку любая единица текста может стать выразительной под влиянием её окружения и положения» [Матвеева: 64], поиск сведений о выразительных возможностях отдельного слова можно начать с любого толкового словаря, где информация о потенциальной выразительности слова и его формы передаётся в словарной статье путём разного рода уточняющих помет (стилистических, эмоционально-оценочных, локальных, временных и др.): см. *пилить* 2. перен., кого (что). *Беспрерывно попрекать, придираиться* (разг.); *мзда* (устар. и ирон.); *векиша* (обл.). *То же, что белка* [Ожегов, Шведова 1992: 533, 364, 71]. На фоне нейтральных слов такие единицы языка при своём употреблении становятся выразительными, обращающими на себя внимание. При более широком и глубоком интересе к выразительным возможностям языка следует обращаться к различным специальным словарям.

В целях экономии места сведения о названных словарях сообщаются в прилагаемом списке только для наиболее значимых или новых и малоизвестных изданий:

– **терминологические словари выразительных средств** [Горте 2007; Квятковский 1966; Никитина, Васильева 1996; Энциклопедический... 2005; Москвин 2007; Хазагеров 2009, Хазагеров, Ширинина 1999 и др.];

– **словари отдельных выразительных средств** [Большой фразеологический словарь... 2006; Горбачевич 2002; Ведерников 1975; Сеничкина 2008; Серов 2005; Шендецов 2010 и др.], в т.ч. **тематических** [Лебедева 2003; Ковшова 2007];

– **словари выразительных средств той или иной сферы литературного языка** [Баранов, Караулов 1994; Иванова Н.Н., Иванова О.Е. 2004; Новиков 2000; Павлович 1999 и др.];

– **словари выразительных средств народной речи** [Блинова и др. 2001; Мокиенко, Никитина 2007 и др.];

– **словари выразительных средств одного автора** [Колесников 1991; Перцова 1995; Самотик 2002 и др.].

Материал по выразительным средствам русского языка достаточно широко представлен в литературоведческих словарях, напр., в [Белокурова 2007; Боров 2003; Литературный энциклопедический словарь 1987; Русова 2004].

Лит.: Абдурахимов М. Узбекско-русский словарь афоризмов. Ташкент, 1976; Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994; Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2001; Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006; Ведерников Н.В. Краткий словарь эпитетов русского языка. Л., 1975; Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб., 2002; Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов, М., 2010; Зеленецкий А. Эпитеты литературной русской речи. М., 1913; Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии. Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. М., 2004; Иванюк Б.П. Поэтическая речь: словарь терминов. М., 2008; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М., 2007; Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. М., 2000; Колесников Н.П. Словарь неологизмов В.В. Маяковского / под ред. Н.М. Шанского. Тбилиси, 1991; Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. Краснодар, 2003; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М., 2001; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2007; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Никитина С.Е., Васильева С.В. Экспе-

риментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Новиков А.Б.** Словарь перифраз русского языка: на материале газетной публицистики. М., 2000; **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. М., 1992; **Павлович Н.В.** Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX вв.: В 2-х тт. М., 1999; **Перцова Н.Н.** Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Вена; М., 1995; **Полухина В., Пярли Ю.** Словарь тропов И. Бродского (на материале сб. «Части речи»). Тарту, 1995; **Русова Н.Ю.** От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М., 2004; **Самовитое слово:** Словарь русской поэзии XX в. Т. 1. М., 1988; **Самотик Л.Г.** Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А.И. Лебеда). Красноярск, 2002; **Сеничкина Е.П.** Словарь эвфемизмов русского языка. М., 2008; **Серов В.В.** Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005; **Словарь образных выражений русского языка** / сост. Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др. М., 1995; **Словарь поэтического языка Марины Цветаевой:** Комплект из 6 кн. Сост.: И. Белякова, И. Оловянной, О. Ревзина. М., 2008; **Хазагеров Г.Г.** Риторический словарь. М., 2009; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Шендецов В.В.** Словарь крылатых латинских выражений и слов. М., 2010; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.П. Жданова

СЛОВАРИ ЖАРГОННЫХ СЛОВ – словари, фиксирующие и объясняющие лексико-фразеологические единицы таких социальных диалектов русского языка как Жаргон (см.), Сленг (см.) и Арго (см.). В истории российской научной лексикографии первые словари такого типа появились только в конце XX в., хотя словарные фиксации элементов жаргона и арго были представлены И.А. Бодуэном де Куртенэ ещё в 3-м издании «Толкового словаря живой великорусской речи» В.И. Даля, вышедшего под его редакцией в 1903-1909 гг. Ещё ранее был опубликован «Словарь карманников, т.е. столичных воров» [Музыка ... 1871]. В 1908 г. появилась работа В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка («жаргон тюрьмы»)» [Трахтенберг 1908]. После революции составлялись и печатались «словарики» жаргонной и арготической лексики («воровского жаргона»), но только для «внутреннего служебного пользования» и незначительным тиражом (напр., [Блатная музыка 1923; Потапов 1927]). Были и научные исследования русского жаргона и арго, связанные с разработкой социолингвистической проблематики в советской лингвистике 20-30-х гг. (напр., [Лихачёв 1964 (ст. 1927 и 1938 гг.); Язык и литература 1931]), но к концу 30-х гг. эта проблема стала закрытой. Публикации «жаргонных словарей» остались только для «внутреннего пользования» [Бронников 1978; Словарь воровского жаргона 1964; Словарь воровского жаргона 1965; Третьяков 1978]. За рубежом были изданы «Собрание русских воровских словарей. В 4-х тт.» В. Козловского [Козловский 1983], «Словарь блатного жаргона в СССР» А. Скачинского [Скачинский 1992].

В конце 80-х – начале 90-х гг. на волне «демократизации» языка и речевого общения интерес к маргинальным вариантам русской речи привёл к появлению многочисленных публикаций словарей и энциклопедий русского жаргона, воровского арго и молодёжного сленга, мало имеющих общего с научной лексикографией и преследующих, скорее, коммерческие и пропагандистские цели (напр., [Словарь воровского языка. Слова, выражения, жесты, татуировки 1991; Жаргон и татуировки наркоманов 1996; Мильяненко 1992; Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992; Быков 1994; Балдаев 1997] и др.). Появились и первые переводные словари жаргонов [Дубягин, Теплицкий 1993], тоже конъюнктурного характера.

Одновременно с начала 90-х гг. прошлого века стали появляться и вполне научные, т.е. лексикографически выверенные словари, хотя и разного качества. Кроме небольшого словарика «Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь уголовных жаргонов» [Ермакова, Земская, Розина 1991], это, во-первых, словари, изданные в Нижнем Новгороде М.А. Грачёвым [Грачёв 1994 и др.], который позже вместе с В.М. Мокиенко опубликовал «Историко-этимологический словарь воровского жаргона» [Грачёв, Мокиенко 2000]. В этом же году вышел «Большой словарь русского жаргона»

[Мокиенко, Никитина 2000]. Опубликованы также работы В.С. Елистратова [Елистратов 2000, 2007], содержащие большое количество фактического материала.

Продолжаются публикации словарей отдельных вариантов русского жаргона [Коровушкин 2000]. Однако, в основном, это словари, представленные в электронном виде и часто, опять же, не соответствующие лексикографическим правилам (напр., <http://teneta.rinet.ru/rus/aa/argotrava.htm>).

С.ж.с. – один из источников пополнения не только наших знаний о текущем лексическом составе общенационального русского языка, но и Экспрессивного фонда русского языка (см.), который и отражает состояние русской речевой культуры, и влияет на неё. Знакомство с основными С.ж.с., понимание их состава и предназначения может помочь в овладении определёнными знаниями и умениями в области речевой коммуникации.

Лит.: Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона. В 2-х тт. М., 1997; **Блатная музыка.** Словарь жаргона преступников. Издание Управления Уголовного розыска Республики. М., 1923; **Бронников А.Г.** Словарь жаргонных слов и выражений. Пермь, 1978; **Быков В.** Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994; **Грачёв М.А.** Язык из мрака – блатная музыка и феня: Словарь. Н. Новгород, 1994; **Грачёв М.А., Мокиенко В.М.** Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб., 2000; **Дубягин Ю.П., Теплицкий Е.А.** Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона. М., 1993; **Елистратов В.С.** Словарь русского арга: мат-лы 1980–1990 гг.: Ок. 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. М., 2000; **Елистратов В.С.** Толковый словарь русского сленга. М., 2007; **Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.** Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991; **Жаргон и татуировки наркоманов:** Краткий словарь-справочник. Н. Новгород, 1996; **Козловский В.** Собрание русских воровских словарей. В 4-х тт. New York, 1983; **Коровушкин В.П.** Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооружённых сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2000; **Лихачёв Д.С.** Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; **Миляненок Л.** По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. Л., 1991; **Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.** Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000; **Музыка, или словарь карманников,** т.е. столичных воров / сост. в 1842, доп. Максимовым С.В. в 1869 // Сибирь и каторга. СПб., 1871; **Потапов С.М.** Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927; **Похилько В.А.** Блатной жаргон. Словарь. Н. Новгород, 1992; **Скачинский А.** Словарь блатного жаргона в СССР. New York, 1982; **Словарь воровского жаргона:** Пособие для оперативного состава милиции, мест заключения и следователей МООП. Вильнюс, 1965; **Словарь воровского жаргона:** Пособие для оперативных и следственных работников милиции. Киев, 1964; **Словарь воровского языка.** Слова, выражения, жесты, татуировки. Тюмень, 1991; **Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона /** авт.-сост. Д.С. Балдаев и др. М., 1992; **Толковый словарь уголовных жаргонов /** под общ. ред. Ю.Л. Дубягина, А.Г. Бронникова. М., 1991; **Трахтенберг В.Ф.** Блатная музыка («жаргон тюрьмы»). СПб., 1908; **Третьяков Л.И.** Слова и выражения, употребляемые в преступном мире. Тбилиси, 1978; **Язык и литература.** Т. VII. Л., 1931.

Б.Я. Шарифуллин

СЛОВАРИ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ – лингвистические толковые словари, в которых объясняется значение слов и терминов иноязычного происхождения, а также даются этимологические сведения. С.и.с., которые рассматривают только часть лексической системы русского языка (заимствованную лексику), относятся к специальным словарям, в отличие от общих словарей, отражающих с большей или меньшей степенью полноты лексическую систему языка в целом. Значительная часть включаемых в состав словарей слов входит в фонд международной лексики и представляет собой так называемые Интернационализмы (см.).

Первые толкования иноязычных слов встречаются в самых ранних русских словарных трудах (напр., объяснение древнееврейских, греческих слов в словарице, приложенном к Кормчей книге 1282 г.). Появление собственно С.и.с. в России относится к началу XVIII в. Им является рукописный

«Лексикон вокабулам новым по алфавиту», включавший в основном заимствования из новых европейских языков.

На современном этапе развития лексикографии работа по созданию С.и.с., как больших, так и малых, кратких, продолжается. В 1937 г. под ред. Ф.Н. Петрова был составлен большой «Словарь иностранных слов», который неоднократно переиздавался. В 1990 г. вышло 19-е перераб. и доп. издание «Словаря иностранных слов» под ред. И.В. Лёхина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова, И.Л. Шаумяна, в котором содержится около 23 тысяч иностранных слов. При каждом слове даны справка о его происхождении, толкование, а также терминологические сочетания, в которых данное слово употребляется.

Особый тип С.и.с. представляет «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» А.М. Бабкина и В.В. Шендцова (ч. 1-2, 1966), в котором объясняются функционирующие в русском языке иностранные выражения, словотермины и ходовые цитаты, сохранившие свой иноязычный облик.

С.и.с. служат справочными пособиями для широких масс читателей, а также представляют собой обширные своды материалов по иноязычной лексике и истории её освоения русским языком.

Лит.: Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3 кн. СПб., 1994; **Большой словарь иностранных слов** / Сост. А.Ю. Москвин. М., 2003; Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 000 слов и словосочетаний. М., 2006; Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М., 2003; Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 1999; Крысин Л.П. Учебный словарь иностранных слов. Более 12 000 слов и терминов. М., 2009; Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. Сер. Словари XXI века. М., 2012; **Новейший словарь иностранных слов и выражений**. М.; Мн., 2002; **Новый словарь иностранных слов**. Мн., 2005; **Словарь иностранных слов** / отв. редакторы В.В. Бурцева, Н.М. Семёнова. М., 2003; **Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка**. Мат-лы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / под ред. А.Н. Чудинова. М., 1910; **Толковый словарь иноязычных слов** / сост. Л.П. Крысин. М., 2005.

Л.П. Крысин

СЛОВАРИ КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ – словари, представляющие собой собрание широко употребительных метких речений, кратких цитат и образных выражений, авторство и источник которых установлены. Крылатые слова и выражения (см.) разнородны по своей форме: от словосочетания (*блудный сын; ахиллесова пята; огнём и мечом*) до одного или нескольких коротких предложений (*Чины людьми даются, а люди могут обмануться; О времена! О нравы!*). Крылатые слова и выражения многообразны по своему происхождению. Чаще всего их источник литературный: художественное или публицистическое произведение, критическая статья, эпистолярное наследие, запись в личном дневнике. Изречения известных исторических лиц также могут стать крылатыми выражениями. Главное, что отличает крылатые слова и выражения от афоризмов, – ссылка на источник или конкретную историческую ситуацию. Поэтому в С.к.с. и в. представлено не только толкование выражения, но и обязательно указывается источник. Многие учёные к крылатым словам и выражениям относят и латинские фразы, т.к. они имеют авторство или хорошо известен их исторический контекст: *Поэтами рождаются, ораторами становятся* (Цицерон); *Пришёл. Увидел. Победил* (Юлий Цезарь). Само сочетание «крылатые слова», ставшее стилистическим термином, восходит к Гомеру, в поэмах которого оно встречается неоднократно.

Для культуры речи С.к.с. и в. необходимы, во-первых, чтобы говорящий точно знал значение используемого крылатого слова или выражения, а во-вторых, имел представление об историческом или литературном контексте, в котором возникла данная цитата. Крылатые слова и выражения могут принадлежать не автору произведения, а его героям. Напр., слова *Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей* произносит главный герой романа «Евгений Онегин»; слова *Никогда ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут* произнесены Воландом, персонажем романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и полемизируют с известным библейским утверждением *И Я скажу вам: просите, и дано будет вам;*

ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят (Библия. Новый Завет. Евангелие от Луки).

Лит.: Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М., 1986; Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1982; Петрова М.В. Словарь крылатых выражений. М., 2011; Сомов В. По-латыни между прочим. М., 1992; Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М., 2003.

А.Н. Сперанская

СЛОВАРИ НОВЫХ СЛОВ – словари, которые фиксируют не вообще лексику языка, а слова новые, только что появившиеся, иногда «сиюминутные». Такие лексикографические издания помогают видеть словарный состав языка в динамике, в развитии, делать определённые выводы относительно тех разрядов слов, которые обогащаются неологизмами особенно активно, и тех, где процесс обновления не столь заметен.

В С.н.с. обычно фиксируются несколько типов неологизмов:

1) словообразовательные (напр., для 60-х гг. прошлого века это были такие слова, как *прилуниться* – по аналогии с *приземлиться*, для 80-х – такие слова, как *перестройщик* – от весьма популярного в эти годы слова *перестройка*; в связи с внедрением в быт новых технических средств, в частности, компьютеров, ксероксов и т.п., появились такие неологизмы, как *распечатка*, *отксерить*, *сканировать*), в т.ч. аббревиатуры (напр., *ОМОН*, *бомж*, *СПИД*);

2) заимствованные из других языков (напр., из англ.: *бренд*, *имидж*, *компьютер*, *шоу* и мн. др.);

3) входящие в общий оборот из специальных сфер общения, из научной или технической терминологии, из жаргонов и просторечия (напр., *кислотный*, *радиофобия*, *этажность*, *шунтирование*, *беспредел*);

4) семантические – т.е. новые значения уже существующих в языке слов (напр., *крутой* в значении ‘решительный, производящий сильное впечатление на окружающих своими манерами и поступками’, *афганец* в значении ‘военнослужащий, участвовавший в военных действиях советских войск в Афганистане’, *челнок* в значении ‘мелкий торговец, ввозящий товар из-за границы (или вывозящий его за границу) с последующей реализацией его на местных рынках с целью получения прибыли’);

5) фразеологические, т.е. новые для литературного языка устойчивые выражения (типа *знать волну*, *вешать лапшу на уши*, *выпасть в осадок* и под.);

6) новые словообразовательные морфемы (типа *бизнес-...* – ср. *бизнес-класс* и под.; *видео...* – ср. *видеомагнитофон* и под.; *-гейт* – ср. наряду с заимствованным *Уотергейт* такие образования, как *ирангейт*, *кремльгейт*; *-мейкер* – ср. наряду с заимствованными *имиджмейкер*, *нюсмейкер* шуточное *слухмейкер* – ‘тот, кто распускает слухи’).

Словарная статья в С.н.с. содержит несколько типов лексикографической информации. Во-первых, это заголовочное слово в его правильном написании, снабжённое ударением; во-вторых, грамматические характеристики слова: окончание род. падежа для сущ., указание их рода, родовые окончания – для изменяемых прилагательных и помета *неизм.* для прилагательных типа *мини*, *супер* (ср.: *юбка мини*; *ну и дача! супер!*), личные окончания, вид и указание на переходность – для глаголов; в-третьих, толкование значения слова; в-четвертых, помета о его стилистической характеристике: *разг.*, *прост.*, *спец.*, *техн.* и под.; в-пятых, документированные текстовые примеры, иллюстрирующие употребление данного неологизма. В конце словарной статьи могут также приводиться сведения о происхождении данного слова или о способе его образования, а также о времени его первой словарной фиксации.

Приведём примеры словарных статей в словаре-справочнике «Новые слова и значения» под ред. Е.А. Левашова (СПб., 1997): «**ОВЕРТАЙМ**, а, м. Дополнительное игровое время (в футбольном матче) (*в проф. речи*). *Какая-то лошадиная выносливость у этих игроков. Откуда они берут силы играть сплошь и рядом дополнительные «овертаймы» в ещё более высоком темпе – это трудно понять.* Ф[утбол]-Х[оккей], 1985, 28. *Первый о. вообще самым красивым в серии получился. Играли до гола.* ФХ, 1986, 6. – Изв.[естия]. 20.09.90 (*оставаться на о.*); ФХ, 1988, 7. – Англ. overtime»;

«ОДНОМАНДАТНЫЙ, ая, ое. О. округ. Избирательный округ, в котором в представительный орган государственной власти избирается один депутат. Были выделены районы, где выборы в соответствующие советы проводились в отличие от прежнего порядка не по одномандатным, а по многомандатным избирательным округам. К[оммунист], 1988, 9. В одномандатном округе депутат ближе к избирателю, нежели в округе многомандатном. Соб. 1988, 9. – С[оветская] Р[оссия], 5.12.87. – Одно... (один) + мандат + -н(ый)»;

«ЗАТОРЧАТЬ, чу́, чи́шь, сов., *неперех.* Прийти в состояние крайнего удивления, обалдеть (*жарг.*). На вечере, после торжественной части, показали мы с девчонками танец – я солировала, разумеется, — всё выдала, на что была способна, все в зале заторчали, даже старички. В. Попов. Новая Шехерезада. За- + торчать + *перен.*».

В отечественной лексикографии наиболее известна серия С.н.с., издававшаяся под редакцией Н.З. Котеловой: «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы 60-х годов». М., 1971; «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы 70-х годов». М., 1984; «Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов)». СПб., 1995. Цитированный выше словарь, составленный учениками и сотрудниками Н.З. Котеловой, продолжил эту серию. В «Толковом словаре русского языка конца XX в.» под ред. Г.Н. Складчиковой (СПб., 1998) зарегистрированы изменения в лексике русского языка, произошедшие в 80-90-е гг. Здесь отмечены не только неологизмы, но и слова, становящиеся менее употребительными или совсем вышедшие из употребления.

«Словарь перестройки» (СПб., 1992), составленный коллективом авторов под ред. В.И. Максимова, ориентирован на описание политической и экономической лексики, актуальной для второй половины 80-х гг. XX в. Много новых – для своего времени – слов и значений, появившихся в годы советской власти, содержится в «Толковом словаре языка Совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (СПб., 1998).

Кроме того, петербургскими лексикографами в 1980–1996 гг. было издано несколько сборников под названием «Новое в русской лексике», в которых также зафиксированы и описаны новые слова и значения, появившиеся в русском языке во второй половине XX в.

Лит.: Герд А.С., Ивашко Л.А., Лутовинова И.С. и др. Основные типы словарей в отечественной русистике // Лексикография русского языка: учебник. СПб., 2009; Гришина Е.А., Ляшевская О.Н. Грамматический словарь новых слов русского языка. URL: www.dict.ruslang.ru/gram.php?act; Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: учеб. пособие. М., 2004; Потиха З.А., Розенталь Д.Э. Лингвистические словари и работа с ними в школе. М., 1987; Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М., 2003.

Л.П. Крысин

СЛОВАРИ ОМОНИМОВ – словари, содержащие слова, у которых есть лексические и грамматические омонимы. Назначение С.о. – указать и охарактеризовать с семантической и грамматической точек зрения слова и словоформы, внешне совпадающие, но не имеющие ничего общего в значениях (напр., *лук* ‘растение’ – *лук* ‘оружие для метания стрел’; *печь* – глагол и *печь* – сущ. и т.п.).

Наиболее известен «Словарь омонимов русского языка», составленный О.С. Ахмановой при участии Т.А. Ганиевой (М., 1974; 3-е изд., М., 1986). Словарь содержит свыше 2 000 словарных статей. В словарной статье этого словаря указываются соответствия каждому омониму в других языках, словообразовательные производные омонимов, их сочетаемость с другими словами. Недостатком словаря О.С. Ахмановой является отсутствие толкования у многих из помещённых в словаре омонимов. Вот примеры из этого словаря:

Бор I. *Англ.* pine forest, *фр.* forêt (de pins), *нем.* Nadelwald. Боровой, боровик. *Сосновый, дремучий, вековой* ~ (знак ~ (тильда) ставится вместо заглавного слова, т.е. в данном случае вместо слова **Бор I**).

Бор II. (От *нем.* Bohrer - бурав). Стальное сверло, употребляемое в зубоорудном деле. *Англ.* steel drill, *фр.* fraise (d'un dentiste), *нем.* Bohrer. Бормашина.

Бор III. (От *лат.* borax - бора). Химический элемент, входящий в состав минералов. *Англ.* boron, *фр.* Bore, *нем.* Bor. Борный.

Топить I. Англ. Heat, fire; фр. chauffer (un four), нем. Heizen. Топка, топливо. ~ печь, камин; ~ дом.

Топить II. Англ. melt, фр. faire fondre, нем. schmelzen, dämpfen. Топлёный. ~ сало, масло, жир, воск; ~ молоко.

Топить III. Англ. drown, sink, фр. noyer, couler, нем. ertränken, versenken. Топкий, топь, утопленник. ~ человека, судно, сети, грузила.

Известен также составленный Н.П. Колесниковым «Словарь омонимов русского языка» (Тбилиси, 1976; 2-е изд. Тбилиси, 1978) и «Словарь омонимов современного русского языка», составленный А.П. Окуневой (М., 2002).

Лит.: Введенская Л.А., Колесников Н.П. Учебный словарь омонимов русского языка. М.; Ростов-н/Д, 2005; Ким О.М. Словарь грамматических омонимов русского языка: ок. 11 000 слов: ок. 5 000 омонимических рядов. М., 2004; Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. М., 2004; Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Учеб. пособие. М., 2007; Русский язык: учебник / под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2004; Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М., 2003.

Л.П. Крысин

СЛОВАРИ ПАРЕМИЙ, или **ПАРЕМИЙНЫЕ (ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ) СЛОВАРИ**, – то же, что и Словари пословиц и поговорок (см.). В научной литературе термин «паремия» используется как родовое, выражающее более общее понятие для таких видов малых фольклорных форм, как пословица, поговорка, примета, поверье, загадка, гадание, пожелание, прибаутка, присловье и пр. Употребляется также слово «паремия» как синоним пословицы и поговорки.

Этимологически «паремия» восходит к др.-греч. слову *παροιμία*, что значит 'притча', а также 'поговорка', 'пословица'. Исторически первая сфера использования этого слова – богослужбная практика православной церкви: паремиями называют церковные чтения избранных мест из Святого Писания, Ветхого или Нового Завета, произносимые на вечернем богослужении (главным образом накануне праздников). По содержанию паремии имеют отношение к смыслу праздника: пророчество о празднуемом событии, или похвала прославляемому святому, или объяснение смысла праздника. Во многих паремиях заключён нравоучительный смысл. Книга, содержащая данные тексты, называется паремийник.

В филологических работах термин «паремия» определяется как народный речевой жанр малой формы, характеризующийся устойчивостью, клишированностью (т.е. воспроизводимый целиком). В большинстве случаев «паремия» заменяет собой сочетание «пословицы и поговорки». Это объясняется как близостью значений обоих понятий, так и большим словообразовательным потенциалом данного слова, т.к. оно легко образует новые слова и термины: паремиология (наука, изучающая паремии), паремиолог (собиратель или учёный, исследующий паремии), паремиологический (относящийся к изучению паремий), паремийный (относящийся к паремиям), паремикон (собрание паремий, как правило, тематически ограниченное).

Сочетание «С.п.» не встречается в названиях словарей, вместо него используется «Словари пословиц и поговорок».

Лит.: Паремиологический сборник. М., 1978; Паремиологические исследования. М., 1984; Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные статьи. М., 1996.

А.Н. Сперанская

СЛОВАРИ ПАРОНИМОВ – словари, в которых помещаются и описываются слова, имеющие сходство в своей морфологической структуре и в звучании. Обычно в качестве паронимов рассматриваются слова, имеющие общий корень: *одеть – надеть, представить – предоставить, экономный – экономичный – экономический, ныне – нынче* и т.д. В употреблении подобных слов говорящие нередко допускают ошибки. Говорят: *одел пальто* вместо *надел пальто*; *Прошу представить мне от-*

пуск – вместо *предоставить*; искажают строку из известной басни И.А. Крылова: *А воз и ныне там* – вместо *ныне* и т.п. Поэтому С.п. особенно важны для повышения культуры речи.

Чтобы различить слова типа *советник – советчик; экономный – экономичный – экономический* и под., в С.п. даются толкования каждого из членов паронимической пары (или паронимического ряда) и приводятся примеры употребления каждого из паронимов в составе словосочетания или предложения. Напр.: **Советник**, -а, муж. Название некоторых должностей, а также лиц, занимающих эти должности. *Советник посольства. Государственный советник юстиции. Советник налоговой службы. Военный советник; Советчик, -а, муж. Тот, кто советует, даёт советы (по просьбе заинтересованного лица или без просьбы). *Хороший, плохой советчик. Умный, мудрый, хитрый советчик. Он мой постоянный советчик. Мне не нужны никакие советчики* (примеры из «Толкового словаря паронимов русского языка» В.И. Красных (М., 2003, с. 400).*

Из-за того, что паронимы близки по форме и звучанию, в речи часто возникает путаница, когда один из паронимов неоправданно употребляется вместо другого. Поэтому паронимы нередко описываются и в словарях трудностей и «неправильностей». В этих словарях объяснение значений каждого из паронимов иногда сопровождается примерами неправильного их употребления. Напр., описание глаголов *утерять* и *потерять* в словаре-справочнике «Правильность русской речи» (М., 1965) дополняется примерами неоправданного употребления глагола *утерять* вместо *потерять*: *Если вы утерjali* (вместо: потеряли) *родственников или знакомых, встречайтесь с ними у справочного бюро; Во время войны он утерjal* (вместо: потерял) *всех родственников*.

Существует несколько С.п. русского языка: указанный выше словарь В.И. Красных, а также «Словарь паронимов русского языка» О.В. Вишняковой (М., 1984), словарь с тем же названием, составленный Н.П. Колесниковым (Тбилиси, 1971), «Словарь паронимов современного русского языка» Ю.А. Бельчикова и М.С. Панюшевой (М., 1994; 2-е изд. М., 2002 г.), «Различай слова: трудные случаи современного русского словоупотребления» – словарь, составленный Э.Д. Головиной (Киров, 1997).

В этих словарях даётся толкование паронимов, подчёркиваются их семантические различия – в частности, с помощью синонимических соответствий, которые у каждого из паронимов разные: *экономный (хозяин) – рачительный; экономичный (способ литья) – выгодный; экономическая (жизнь страны) – хозяйственная* и т.п. Приводятся также типичные словосочетания с каждым из созвучных, но разных по значению слов, показаны особенности их синтаксического управления в составе предложения.

Лит.: Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка. М., 1984; Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. М., 2004; Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. учеб. пособие. М., 2007; Русский язык: учебник / под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2004; Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М., 2003.

Л.П. Крысин

СЛОВАРИ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК – собрание коротких устойчивых народных изречений. Пословицы и поговорки – это афоризмы, имеющие фольклорное происхождение и ставшие достоянием узуса. Они являются знаками ситуаций или отношений между вещами и по своему значению и грамматической форме равны предложению, в отличие от фразеологизмов, которые равны слову. Ценность пословиц и поговорок заключается, прежде всего, в их дидактической и эстетической значимости, отсюда следует важность С.п. и п. для культуры речи. На вопрос, сколько в русском языке существует пословиц и поговорок, исследователь первой половины XX века М. Шахнович предположил, что свыше трёхсот тысяч.

Все С.п. и п. содержат перечень данных текстов, но принцип их расположения может быть разным. Чаще всего составители используют **тематический** принцип, при котором пословицы и поговорки объединяются в смысловые группы в зависимости от значения пословицы или поговорки. Классическим примером такого словаря является сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа». Сам автор в предисловии, названном «Напутное», так объясняет достоинства такого способа: «Расположение пословиц по смыслу их, по значению внутреннему, переносному <...> кажется самое верное и толковое... Не сомневаюсь, что это лучший из всех порядков, в каком бы можно было представить

все народные изречения для обзора, сравнения, оценки и уразумения их и для общего из них вывода». Объединение материала в предметно-образные группы позволяет читателю видеть не единственный текст, а целую серию народных афоризмов во всем многообразии суждений о той или иной теме. К пословицам и поговоркам применимы понятия синонимии (см. Синонимы) и антонимии (см. Антонимы), поэтому противоречивые суждения об одном предмете не редки для этих текстов. Это следует отнести к положительным качествам «народной мудрости», как часто называют пословицы и поговорки, а В.И. Даль в «Напутном» поясняет: «В том-то и достоинство сборника пословиц, что он даёт не однобокое, а полное и круглое понятие о вещи, собрав все, что об ней по разным случаям было высказано. Если одна пословица говорит, что дело мастера боится, а другая добавляет, что иной мастер дела боится, то, очевидно, обе правы: не равно дело, и не ровен мастер». Несловарное тематическое предьявление пословиц и поговорок можно найти в «Толковом словаре великорусского языка» В.И. Даля. Автор в конце каждой словарной статьи помещает пословицы и поговорки, в которых упоминается заголовочное слово. Напр., толковая статья «беседа» заканчивается текстами: *Жить в соседях, быть в беседах. Беседа не без красного словца, т.е. хвастливого. Беседовать не устать: было бы что сказать* и др. Реже в С.п. и п. используется **алфавитный** принцип, в основном в учебных С.п. и п. Цель данных словарей – толкование и комментирование пословиц и поговорок. Комментарии могут содержать различные сведения: объяснение происхождения афоризма; пояснение непонятных слов, входящих в состав изречения; обрисовку типичной ситуации, в которой используется данный текст; примеры употребления в художественной литературе и др. Среди учебных С.п. и п. выделяются дву- и более язычные, в которых приводятся эквиваленты пословиц и поговорок в различных языках. Как правило, кроме толкования, в таких словарях приводятся синонимичные и антонимичные изречения.

Уникальным является словарь «Пословицы и поговорки народов Востока», в котором автор-составитель Г.Л. Пермяков объединяет материал по **логическому** принципу, т.е. за основу взят формальный признак изречения – его логическая структура. Напр., подгруппа «В меру или не в меру?» содержит тексты: *Не знающий меры будет горевать и в богатстве; Лишняя соль портит пищу, лишнее слово – речь; Будешь чересчур долго думать, дело погубишь; Слишком высокое падает, слишком длинное рвётся* и др.

В специальной литературе пословицы и поговорки объединены обобщающим термином «паремия», поэтому С.п. и п. могут называться паремийными или паремиологическими (см. Словари паремий).

Лит.: Буковская М.В., Дубянская З.И. и др. Словарь употребительных английских пословиц. М., 1988; Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2008; Жигулёв А.М. Русские народные пословицы и поговорки. М., 1965; Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000; Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Ростов н/Д; М., 2005; Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. СПб., 1915; Пермяков Г.Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок (для говорящих на немецком языке). М., 1985; Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 2001; Русско-английский словарь пословиц и поговорок / Кузьмин С.С., Шадрин Н.Л. М., 1996; Русские пословицы и поговорки: учебный словарь / В.И. Зимин, С.Д. Ашурова и др. М., 1994; Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М., 1980; Шахнович М. Краткая история собирания и изучения пословиц и поговорок // Советский фольклор. 1936. № 4–5.

А.Н. Сперанская

СЛОВАРИ ПРАВИЛЬНОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ И ТРУДНОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

– словари, основная задача которых помочь говорящему и пишущему в правильном выборе слова, словоформы или словосочетания, типа произношения и ударения, предостеречь от наиболее распространённых ошибок.

Словари «неправильностей» издавались и в XIX – начале XX вв.: таковы, напр., «Справочное место русского слова» А.Н. Греча (1839 г.), «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи» В. Долопчева (Одесса, 1886 г.), «Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» И.И. Огиенко (1911–1915 гг.), «Правильность и чистота русской

речи. Опыт русской стилистической грамматики» В.И. Чернышёва (1911 г.) и др. Для большинства этих словарей характерен слишком прямолинейный, чисто «запретительский» подход к оценке отклонений от литературной нормы. В словарях, изданных во второй половине XX – начале XXI вв., нарушения языковой нормы получают определённую квалификацию – напр., как результат влияния на литературную речь просторечия или диалектов, как неоправданное расширение лексического значения, как стилистически неуместное использование слова, а также как следствие естественного для любого литературного языка варьирования языковых средств (напр., в области произношения и ударения, в словоизменительных формах) и т.п.

В современной русской лексикографии есть несколько словарей этого типа: словарь-справочник «Правильность русской речи», составленный Л.П. Крысиным и Л.И. Скворцовым под ред. С.И. Ожегова (М., 1962; М., 1965); «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К.С. Горбачевича (Л., 1973); «Трудности русского языка» под ред. Л.И. Рахмановой (М., 1974); «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» Л.К. Граудиной, В.А. Ицковича и Л.П. Катлинской (М., 1976; 2-е изд. – М., 2001); «Словарь трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (М., 1976; 6-е изд. – М., 2005); «Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение» Н.А. Еськовой (М., 1994; 3-е изд. – М., 2000); «Словарь трудностей русского произношения» М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткиной (М., 1997); «Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке» К.С. Горбачевича (СПб., 2000), «Словарь грамматических трудностей русского языка» Т.Ф. Ефремовой и В.Г. Костомарова (3-е изд. – М., 2001) и нек. др.

Примеры словарных статей в словарях рассматриваемого типа:

Роспись. Это слово образовано от глагола *расписать* и в литературном языке известно в двух значениях: 1. 'Письменный перечень чего-н.', напр.: *роспись доходов и расходов*, и 2. 'Живопись на стенах, потолках', напр.: *роспись потолка*. Иногда неправильно употребляется ещё и как обозначение действия по глаголу *расписаться* – 'поставить подпись' [приводятся текстовые примеры]. Такое употребление противоречит литературной норме: именным образованием от глагола *расписаться* является слово *расписка*, а не *роспись*. Кроме того, в литературном языке в значении 'собственноручно написанная фамилия' принято употреблять слово *подпись* (Правильность русской речи. М., 1965);

ТУРИСТИЧЕСКИЙ – ТУРИСТСКИЙ. Различаются значением. **Туристический** – относящийся к туризму. *Туристическое бюро. Туристический справочник. Туристический журнал. Туристский* – относящийся к туристу, туристам. *Туристский лагерь. Туристская база. Туристская палатка.* (Д.Э. Розенталя, М.А. Теленкова. Словарь трудностей русского языка. М., 1976).

Лит.: Горбачевич К.С. Словарь трудностей современного русского языка. СПб., 2003; Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: учеб. пособие. М., 2004; Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие. М., 2007; Макаров В.И., Матвеева Н.П. Словарь лексических трудностей художественной литературы. Киев, 1989; Скворцов Л.И. Культура русской речи: Словарь-справочник. М., 1995; Цейтлин Р.М. О словарях неправильностей XIX – начала XX в. // Вопросы культуры речи. 1961. Вып. 3; Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М., 2003.

Л.П. Крысин

СЛОВАРИ СИНОНИМОВ – словари, предназначенные для того, чтобы дать систематическое описание словарного состава русского языка в его синонимическом богатстве. В С.с. указываются смысловые, стилистические и сочетаемостные различия между словами, составляющими тот или иной синонимический ряд, условия их взаимозамены в различных контекстах. Одна словарная статья С.с. содержит характеристику ряда близких по значению слов. Обычно сначала даётся их общее толкование, а затем каждое слово синонимического ряда описывается с точки зрения тех смысловых, стилистических и сочетаемостных различий, которые ему присущи. Напр., в двухтомном «Словаре синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (М.; Л., 1970. Т. 1) различия между словами *воин*, *боец*, *войка* описываются следующим образом: «**Воин, боец, войка** (разг.) – участник боёв, сражений, военный человек. Слово **воин** употребляется преимущественно в приподнятой речи; слово

боец подчёркивает непосредственное участие человека в битвах, в боях; **войка** – опытный, лихой воин, слово употребляется в шутивно-ироническом тоне».

Первый русский С.с. был составлен Д.И. Фонвизиним. Он назывался «Опыт Российского словника», был издан в 1783 г., содержал 32 синонимические группы слов. В XIX – начале XX вв. выходят словари П.Ф. Калайдовича, Н.А. Абрамова (последний переиздан в 1994 г. с предисловием академика Ю.Д. Апресяна) и др.

Современная лексикография располагает несколькими С.с. Это, напр., упомянутый двухтомный «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (М.; Л., 1970–1971). «Словарь синонимов русского языка», составленный З.Е. Александровой (М., 1969; 2-е изд., перераб. и доп. в 1998 г.), является словарём-указателем: в нём даются лишь перечни слов-синонимов (всего более 9 тыс. синонимических рядов) со стилистическими пометами, но без детальной характеристики их различий по значению и употреблению. Вот пример словарной статьи из этого словаря: «**Замолкнуть**, умолкнуть, смолкнуть, затихнуть, утихнуть, стихнуть, притихнуть; примолкнуть, приумолкнуть (*разг.*) / о человеке: замолчать, заткнуться (*груб., прост.*) / о звуке, шуме: замереть, заглухнуть ♦ [за этим знаком помещаются фразеологические обороты с тем же или близким значением] придержать (*или* прикусить) язык; застегнуть роток на все пуговицы (*прост.*)».

В 1996 г. издан «Русский синонимический словарь» К.С. Горбачевича, содержащий 4000 слов. Качественно иной этап в разработке С.с. знаменует собой «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна (М., 1997–2002 гг., выпуски 1-3), который представляет собой скорее словарь-исследование, чем практический словарь-справочник. Здесь не только даны синонимические ряды слов и толкование каждого слова – члена ряда, но и подробнейшим образом анализируются семантические, сочетаемостные, узуальные, стилистические различия между синонимами, приводятся их антонимы, конверсивы, аналоги (слова того же тематического круга). Каждая статья словаря разделена на зоны – в соответствии с типом лексикографических сведений, помещаемых в данной зоне, напр.: зона значения, в которой описываются все различия между синонимами, составляющими данный синонимический ряд, зона грамматических форм, зона синтаксических конструкций, типичных для употребления каждого из слов-синонимов, и др. Словарные статьи содержат богатый иллюстративный материал, почерпнутый из современной художественной и публицистической литературы.

Имеются в современной русской лексикографии **учебные** С.с, которые адресованы школьникам и студентам; отбор синонимических рядов в них произведён с учётом особенностей процесса обучения. Это, напр., «Учебный словарь синонимов русского языка» коллектива авторов (Л.П. Алекторова, В.И. Зимин и др.; М., 1994), «Учебный словарь синонимов русского языка», также составленный коллективом авторов и изданный в Ростове-на-Дону (1997), небольшой по объёму «Словарь синонимов и антонимов» О.А. Михайловой (Екатеринбург, 2002) и др.

С.с. – важное подспорье при работе над культурой речи как в процессе школьного и вузовского обучения, так и при самообразовании. Они обогащают словарный запас человека, делают речь более гибкой, разнообразной и выразительной.

Лит.: Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М., 2005; Апресян Ю.Д. Типы информации для Словаря синонимов // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. М., 1995; Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.М. Мокиенко. Ростов н/Д, 1996; Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: учеб. пособие. М., 2004; Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие. М., 2007; Русский язык: учебник / под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2004; Словарь синонимов: Справочное пособие / под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1975; Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М., 2003.

Л.П. Крысин

СЛОВАРИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА. Современная лексикография располагает разными типами лингвистических словарей. Большинству людей хорошо известны словари двуязычные. Среди двуязычных много словарей отраслевых – по той или иной отрасли знания, техники, напр.: англо-русский словарь по космонавтике, французско-русский биологический словарь и т.п.

Особой разновидностью двуязычных словарей являются разговорники, в которых даются переводы с одного языка на другой не столько отдельных слов (как в обычном двуязычном словаре), сколько наиболее расхожих, употребительных оборотов и конструкций.

Одноязычные словари ещё более разнообразны. Их можно разделить на несколько групп в зависимости от следующих признаков: 1) какая лексика описывается в словаре; 2) какого рода информация о слове в нём содержится; 3) кому словарь предназначен; 4) каковы информационные носители, на которых находятся сведения о слове.

По первому признаку словари делятся на словари литературного языка (иначе они называются нормативными), словари диалектные, жаргонные, специальные (в них содержится лексика и терминология какой-л. отрасли науки или техники), словари языка писателей и нек. др.

По второму признаку словари делятся на комплексные, или универсальные, и аспектные. В комплексных даётся максимальный объём информации о слове: содержится не только толкование его значения, сведения о его грамматических и стилистических характеристиках, правила произношения и написания, но и описываются его смысловые связи с другими словами (синонимами, антонимами, словами близких тематических групп), модели его синтаксического управления, его словообразовательные производные, особенности его употребления в разных стилях речи и т.п. Иногда в такие комплексные словари включают и энциклопедические сведения о вещи, которую называет слово.

В аспектных словарях содержится информация только одного вида: напр., только о написании слова, или только о его происхождении, или только о сочетаемости слова с другими словами, о его словообразовательных производных и т.д. Так, сведения о правильном написании слова содержатся в орфографических словарях, о правильном произношении и ударении – в словарях орфоэпических. Происхождение слова, его путь в языке, все изменения, которые с ним происходят на этом пути, описываются в этимологических и исторических словарях; словообразовательные возможности слов, с указанием всех возможных производных, фиксируются в словообразовательных словарях. Специально описанию иноязычной лексики посвящены словари иностранных слов. Употребительность языковых единиц, их частоту в тексте регистрируют частотные словари, устойчивые фразеологические обороты – словари фразеологические. Есть словари грамматические, содержащие информацию о морфологических и синтаксических свойствах слов; обратные, в которых слова расположены по алфавиту их конечных букв (а это необходимо для различных специальных целей, в частности для лингвистических исследований); терминологические, словари речевых неправильностей и трудностей. Есть словари, в которых описываются отдельные группы лексики: таковы, напр., словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов.

Этот перечень был бы неполным без двух типов словарей, имеющих наиболее давнюю лексикографическую традицию. Это словари толковые и идеографические. Главное назначение и тех и других – описать значения слов, истолковать их. В толковом словаре слова располагаются по алфавиту, в идеографическом – по группам, которые выделяются на основании некоторых общих смыслов (напр., таких: *Человек, Животное, Действие, Физические свойства, Чувство* и т.п.).

3) По третьему признаку – кому словарь предназначен – словари делятся на словари для широкого пользования, академические, учебные и специализированные.

Словари для широкого пользования, как правило, однотомные: таковы, напр., «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (подробнее о них см. ниже). Словники этих словарей отражают наиболее употребительную лексику русского языка и не содержат (за некоторыми исключениями) слов устаревших, редких, а также узкоспециальных терминов. Составители академических словарей стремятся максимально полно отразить словарный состав языка (и поэтому словники академических словарей насчитывают многие десятки тысяч слов, включая устаревшие, малоупотребительные слова, специальные термины) и дать полную информацию о слове. Учебные словари преследуют цель научить человека, овладевающего языком, правильно употреблять слово; словники их, как правило, невелики, а информация о слове избирательна: составители учитывают наиболее частые ошибки в употреблении того или иного слова, трудности, связанные с его грамматическими или семантическими характеристиками.

Особый тип словарей представляют собой словари-справочники, адресованные представителям определённых профессий: они содержат лексику и терминологию, относящуюся к данной отрасли науки, техники, производства, каких-л. промыслов. Напр., существуют словари экономические, фи-

нансовые, словари терминов вычислительной техники, спортивной терминологии, терминов рыболовства и рыбообрабатывающей промышленности, словари охотничьих терминов и т.п.

4) Наконец, четвёртый признак, по которому различаются лингвистические словари, – каковы информационные носители, на которых находятся сведения о слове, – подразделяет словари на «бумажные», имеющие вид полиграфически оформленных книг, и электронные. О «бумажных», т.е. обычных словарях-книгах, шла речь до сих пор. А электронные словари представляют собой новый вид лексикографической продукции; они заслуживают особого разговора.

Электронные словари иначе называются компьютерными, поскольку их создание стало возможным только с появлением компьютеров. В электронном виде можно представить любой словарь из тех, которые ранее существовали в бумажном виде. Однако гораздо большую ценность имеют такие электронные словари, которые не повторяют свойств словарей бумажных, а имеют свои собственные. Наиболее существенны из них такие: (а) практически неограниченный объём словников этих словарей и возможность постоянного и оперативного их изменения (пополнения, сокращения, перестройки и т.п.); (б) быстрый доступ пользователя к любому элементу словаря (поиск по ключевому слову, по тем или иным характеристикам, извлечение какого-нибудь одного вида информации о слове, напр., типа склонения сущ. или модели управления глагола и т.д.); (в) возможность получать сведения об определённых группировках слов, напр., о словах того или иного грамматического класса, о словах, содержащих в своих толкованиях общий семантический компонент, о словах, имеющих одну и ту же стилистическую помету; (г) возможность оперативно создавать на базе одного словаря какие-л. его разновидности, удовлетворяющие определённым целям (напр., на основе комплексного словаря, в котором содержится максимум информации о слове, можно создавать аспектные словари, каждый из которых описывал бы только один тип его лингвистических свойств). Поскольку все эти операции осуществляются с помощью компьютера и соответствующего программного обеспечения (которое, как правило, сопровождает любой электронный словарь), они занимают время, не сопоставимое с теми годами и даже десятилетиями, которые потратил бы на эту работу человек без применения современной вычислительной техники.

Есть и такие электронные словари, которые имеют только электронную форму. Это, напр., словари, используемые для разного рода прикладных целей, осуществляемых с помощью компьютеров, – для автоматической обработки текстов, для машинного перевода и др. В эпоху компьютеров электронные словари имеют большое и всё возрастающее значение.

Таким образом, система современных словарей призвана удовлетворить потребность в самых разнообразных видах информации о слове.

Лит.: Герд А.С., Ивашко Л.А., Лутовинова И.С. и др. Основные типы словарей в отечественной русистике // Лексикография русского языка: учебник. СПб., 2009; История русской лексикографии. СПб., 1998; Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. СПб., 2004; Потиха З.А., Розенталь Д.Э. Лингвистические словари и работа с ними в школе. М., 1987; Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М., 2003; Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Л.П. Крысин

СЛОВАРИ СОКРАЩЕНИЙ – словари, содержащие сложносокращённые слова (в т.ч. аббревиатуры инициального типа), образованные от составных наименований. Появление большого количества сложносокращённых слов различного типа сделало необходимым создание специальных словарей сокращений. Начало издания таких словарей относится к 20-м гг. XX в. Одним из первых словарей сокращений русского языка был «Словарь вошедших в обиход сокращённых названий Коротаева Андрея», вышедший в 1924 году.

Наиболее известным является «Словарь сокращений русского языка», составленный Д.И. Алексеевым, И.Г. Гозманом, Г.В. Сахаровым. В первом издании 1963 г. (под ред. Б.Ф. Корицкого) насчитывалось 12 500 сокращений, в третьем (1983 г.) и четвёртом (1984 г.) (оба под редакцией Д.И. Алексеева) количество сокращений значительно пополнилось и составило 17 700. В словаре расшифровываются сокращённые наименования государств, партий, организаций, учреждений, учебных заведений, производственных предприятий, марки машин, приборов, обозначения единиц измерений. В словаре даны сведения о типах аббревиатур, о произношении, ударении в сокращённых словах и их

написании. В словарь включены разнообразные типы сокращений: «буквенные (инициальные) сокращения всех структурных разновидностей: СССР, ЦК; вуз, ГУМ; Цека, Чека и т.д.; сложносокращённые слова слогового типа: колхоз, комсомол; Главиздат, Ростсельмаш и др.; слова зав, зам и под.; сложносокращённые слова смешанного образования: ВНИИгидроуголь, НКфин; районо, самбо и др.; отдельные частично сокращённые слова, состоящие из части основы и полного слова, напр.: *начштаба, завкадрами; Главазот, Моссовет*. Словарь содержит заимствованные из других языков сложносокращённые слова: *Би-би-си, радар* и т.д. Все сокращения расположены в едином списке в алфавитном порядке. После заглавного слова в квадратных скобках даётся указание на его произношение (чтение), включая ударение, напр.: ЭКОСО [эко́со] [Алексеев 1983: 7–11].

По данным справочно-информационного портала Грамота.ру, наиболее полным словарём сокращений русского языка на сегодняшний день считается «Новый словарь сокращений русского языка» под редакцией Е.Г. Коваленко (1995 г.). В нём приводится расшифровка около 32 000 аббревиатур и других сокращений. В словаре представлены сокращения разного типа: инициальные сокращения (аббревиатуры), графические сокращения и сложносокращённые слова. Словарь имеет практическую направленность, поэтому система помет и пояснений в нём сведена к минимуму: нет грамматических помет и указаний произношения.

Известен также словарь сокращений русского языка – «Новые сокращения в русском языке» под ред. И.В. Фаградянца (2000 г.) – дополнение к «Новому словарю сокращений русского языка» под ред. Е.Г. Коваленко. Издание содержит около 10 000 новых сокращений и состоит из двух частей. Первая часть включает сокращения, не вошедшие в словарь 1995 г., а также появившиеся в русском языке в период 1996–1999 гг. Во второй части приведены сокращённые и полные названия федеральных органов исполнительной власти и органов при Правительстве Российской Федерации по состоянию на 01.04.1999 г. и правила их написания. С 2002 по 2004 года изданы два словаря меньшего объёма: «Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб» (сост. А.А. Щелоков. М., 2003. 318 с. (7000 слов)) и «Словарь сокращений современного русского языка» Г. Скляревской (М., 2004. 448 с.).

В современном информационном мире всё большую популярность приобретают онлайн-словари. На сегодняшний день в Интернете существует множество словарей сокращений на разных языках. На русском языке более полным является Sokr.Ru. Количество записей в словаре – 111 552, количество посещений – 13 630 453 (на осень 2011 г.). Данный онлайн-словарь включает в себя не только выше перечисленные печатные словари, но и нек. др. Существуют наряду с этим онлайн-словари сокращений на других языках: англо-русские словари сокращений (на английском: www.acronymfinder.com, www.abbreviations.com, www.all-acronyms.com), немецко-русский (на немецком: www.abkuerzungen.de), украинско-русский (на украинском: www.proza.ru/texts/2007/12/10/213.html) и др.

Сокращения нередко подвергаются критике за их непонятность, особенно когда речь идёт о специальных терминах. Излишнее увлечение, злоупотребление сокращениями может затруднить понимание. С другой стороны, аббревиатуры и сокращения помогают избежать длинных, многословных конструкций, экономить речевые усилия и добиваться краткости в общении.

Лит.: Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка / под ред. Б.Ф. Корицкого. М., 1963; 2-е изд. М., 1977; 3-е изд. / под ред. Д.И. Алексеева. М., 1983; 4-е изд., стереотип. М., 1984; **Грамота.ру** – справочно-информационный портал «Русский язык». URL: www.gramota.ru/slovari/types/17_20; **Новые сокращения в русском языке**. 1996–1999 / под ред. И.В. Фаградянца. М., 2000; **Новый словарь сокращений русского языка**: около 32 000 сокращений / под общ. ред. Е.Г. Коваленко. М., 1995; **Фадеев С.В.** Тематический словарь сокращений современного русского языка: около 20 000 сокращений. М., 1998.

Н.Н. Акулова

СЛОВАРИ СРАВНЕНИЙ – специализированные словари, в которых собраны наиболее яркие Сравнения (см.), встречающиеся как у классиков, так и у современных авторов. По словам К.С. Горбачевича: «Сравнения – недостаточно изученное явление образной речи. Нет разработанной теории сравнений, пока нет ещё достаточно полного словаря сравнений, который опирался бы на богатейший материал русской художественной литературы» [Горбачевич 2004: 5].

Действительно, С.с. – относительно новый жанр в русской лексикографии. Пожалуй, наиболее полным собранием русских народных устойчивых сравнений является «Большой словарь русских народных сравнений» В. Мокиенко, Т. Никитиной (2008 г.). В словарь включено около 45 000 русских сравнительных оборотов разного типа из самых разных источников: русской классической и современной литературы, публицистики и средств массовой информации, толковых и диалектных словарей, сборников пословиц и поговорок XVIII–XXI вв. Широко отражены здесь разговорные, просторечные и жаргонные сравнения, а также яркие образные выражения, принадлежащие писателям и публицистам.

Среди известных современных С.с. можно назвать «Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический)» (2001 г.) профессора В.М. Огольцева. В предисловии к словарю сказано, что он «составлен на основе специальной картотеки, насчитывающей более 60000 цитат, извлечённых из художественных произведений, а также мемуарных, эпистолярных и публицистических источников периода от А.С. Пушкина до наших дней, и включает около 2000 устойчивых сравнений» [Огольцев 2001: 6]. В соответствии с профилем словаря в него включены преимущественно сравнения, имеющие синонимы и/или антонимы. Большею частью в словаре представлены исконные сравнения устно-речевого народного происхождения, в т.ч. фольклорного (*как медведь, как петух*). Кроме этого в словарь включён и разряд сравнений книжного происхождения (*как Аполлон, как на Голгофу*). Словарь является нормативным и включает лишь единицы общенародного литературного употребления.

Не менее популярным является «Словарь сравнений русского языка» В.М. Мокиенко (2003 г.). В этом словаре представлено около 11 000 сравнительных оборотов разного типа. В словарь вошли как сравнения, встречающиеся у классиков русской, советской и современной литературы, так и обороты из современной публицистики и живой русской речи. Отражены сферы употребления сравнений, их стилистическая окраска и весь спектр значений.

«Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке» К.С. Горбачевича (2004 г.) содержит общеизвестные, употребляемые в повседневной речи традиционные сравнения и сравнительные обороты, а также уникальные, неповторимые сравнения, созданные русскими писателями. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке. Заголовками словарных статей являются объекты сравнения – слова, называющие предметы или явления действительности, которые в русской языковой практике особенно часто подвергаются сравнению. Далее следует перечень средств сравнения – слов, обозначающих предметы, с которыми сравниваются эти объекты, и цитаты из произведений классиков русской литературы. В необходимых случаях даются толкования и историко-этимологические комментарии. Напр., словарная статья *Скользить* представлена следующим образом: «**СКОЛЬЗИТЬ** как (точно, словно, будто) **по льду**, как **по паркету** – двигаться по гладкой поверхности. *На полянах Гуськов скользил по насту, как по льду*. В. Распутин, Живи и помни. *Местами коралл обтёрся совсем, и нога скользит по нём, как по паркету*. И. Гончаров, Фрегат «Паллада». Как **вода между пальцами** – быстро, незаметно проходить (о времени). *Как вода меж пальцев, скользят дни, опомниться не успел – пятьдесят стукнуло*. И. Бунин. Деревня» [Горбачевич 2004: 208]. С.с. не является толковым словарём. Краткие толкования даются лишь при разных лексических значениях оборотов, а также при полузабытых или устарелых сравнениях. Важная роль в словаре К.С. Горбачевича отведена историко-этимологическим комментариям, позволяющим расширить и углубить смысл многих сравнений.

В предисловии к словарю К.С. Горбачевич пишет о сравнении следующее: «Сравнение – это не только первый шаг в познании мира. В литературоведении и лингвистике сравнение – это образное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-л. общему признаку. Ценность сравнения как акта художественного познания заключается в том, что сближение разных предметов (свойств, явлений и т.д.) помогает раскрыть в объекте сравнения, кроме основного признака, ряд дополнительных, а это, естественно, обогащает художественное впечатление» [Горбачевич 2004: 4].

Лит.: Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М., 2004; Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008; Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М., 2001.

Н.Н. Акулова

СЛОВАРИ УДАРЕНИЙ. См. АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

СЛОВАРИ УСТАРЕВШИХ СЛОВ – одноязычные толковые лингвистические словари, объясняющие значения Устаревших слов (см.) – Историзмов (см.) и Архаизмов (см.).

Со временем некоторая часть лексики устаревает и либо совсем выпадает из лексической системы современного языка, либо приобретает несвойственные ей ранее стилистические функции. Так, устаревшая лексика помогает создавать тексты высокого стиля с торжественной, возвышенной окраской и интонацией или используется как средство стилизации в исторических произведениях (повестях, романах); помещённая в нейтральный или (особенно) сниженный контекст, является средством создания иронии, сарказма и иных видов комического (что особенно распространено в текстах СМИ).

Поскольку устаревшие слова не являются частью активного словарного запаса языка, находятся на его периферии, их понимание, а следовательно, и правильное употребление могут быть (и часто являются) затруднительными, особенно для носителей языка, не принадлежащих к старшему поколению. Нередко современный читатель (напр., школьник) сталкивается при чтении произведений русской классической литературы с лексикой, ему не знакомой, о значении которой он вынужден догадываться, исходя из контекста, что нередко приводит к искажённому пониманию высказывания. В письменной речи результатом неумелого использования архаизмов и историзмов являются неудачные, курьёзные тексты. Устранить эти затруднения призваны специальные лексикографические издания, называемые С.у.с., словарями редких слов, словарями редких и забытых слов и т.п.

Одним из первых С.у.с. стал «Словарь устаревших слов» Н.Г. Ткаченко, И.В. Андреевой, Н.В. Баско (1997). В отечественной лексикографии последних лет наиболее известны такие словари, как «Словарь редких и забытых слов» В.П. Сомова (1995, 2002) и его же «Словарь редких и забытых слов русского языка» (2009); «Школьный словарь устаревших слов русского языка по произведениям русских писателей XVIII–XX вв.» Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской (1996) и «Словарь устаревших слов русского языка» этих же авторов (2010).

Лит.: Васильев К.Б. Словарь устаревших слов. СПб., 2010; Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке. Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000; Потиха З.А. Лингвистические словари и работа с ними в школе: пособие для учителя. М., 1987; Словарь русских историзмов: учеб. пособие / Т.Г. Аркадьева, М.И. Васильева, В.П. Проничев и др. М., 2005.

О.Н. Емельянова

СЛОВАРИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ. См. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

СЛОВАРИ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЕЙ – словари, содержащие лексику произведений того или иного автора/авторов.

Основные формы этих словарей: конкордансы, индексы, глоссарии и толковые словари. «В конкордансах (от лат. *concordāre* – ‘находиться в соответствии’) каждому слову ставятся в соответствие все случаи употребления этого слова в текстах писателя. Индексы представляют собой списки слов с указанием частоты, с которой то или иное слово употреблено в произведениях данного автора. В глоссариях (от др.-греч. *glossa* – ‘язык’) помещаются не все слова, которые встречаются в текстах писателя, а лишь те, что, с точки зрения составителя словаря, непонятны читателю и поэтому требуют толкований. Наконец, толковые словари содержат всестороннее филологическое описание лексики, встречающейся у того или иного автора» [Крысин 2007: 229]. Частные формы этих словарей: авторский словарь неологизмов, словарь фразеологизмов, словарь региональной лексики, нашедшей отражение в произведениях писателя/писателей, ономастический авторский словарь, синонимический авторский словарь и т.д.

Первые С.я.п. появились в Англии в середине XVI в., затем составление словарей к произведениям выдающихся писателей приобрело систематический характер. Истоки русской писательской лексикографии связаны со второй половиной XIX в. – временем, значимым для отечественной лексикографии в целом. «Ранние авторские словари представляли собой словари языка отдельного писателя-классика, созданные на материале разных родов и жанров. К ним относятся: «Словарь к стихотво-

рениям Державина» Я.К. Грота (1883), Словоуказатель к комедии Грибоедова «Горе от ума», включённый в книгу В.Н. Куницкого «Язык и стиль комедии “Горе от ума”» (1894), «Словарь к сочинениям и переводам Д.И. Фонвизина», составленный К. Петровым (1904), «Материалы для словаря пушкинского прозаического языка» В.А. Водарского (1901–1905)» [Шестакова 2012: 25]. Первым фундаментальным толковым словарём языка писателя в русской лексикографии стал четырёхтомный «Словарь языка Пушкина», созданный по замыслу Г.О. Винокура и опубликованный под редакцией академика В.В. Виноградова в 1956–1961 годах. В словаре содержится 21 290 слов, употреблённых А.С. Пушкиным в художественных произведениях, очерках, письмах.

Отличительной чертой современной писательской лексикографии является принцип «серийности», в соответствии с которым, с одной стороны, язык отдельного автора описывается в разных словарных формах и, с другой стороны, по одной форме строится описание языка разных авторов.

Лит.: Алёшина Л.В. Словарь авторских новообразований Н.С. Лескова. Вып. I. А–Б. Орёл, 2002; Байрамова Т.Ф., Никишаева В.П. Словарь языка рассказов В.М. Шукшина. Вып. 1–3. Бийск, 2002–2005; Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Тютчев и Фет: опыт контрастивного словаря. Курск, 2005; Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск, 2001; Воробьёва И.А. Словарь диалектизм в произведениях В.М. Шукшина. Барнаул, 2002; Гик Л.В. Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина. Т. I: А–Й. М., 2005; Гребенников А.О. Частотный словарь рассказов А.П. Чехова. СПб., 1999; Гребенников А.О. Частотный словарь рассказов Л.Н. Андреева. СПб., 2003; Грибоедов А.С. Горе от ума: Комедия в четырёх действиях в стихах / А.С. Грибоедов. Словарь языка комедии «Горе от ума» / Л.М. Баш, Н.С. Зацепина, Л.А. Илюшина, Р.С. Кимягарова. М., 2007; Грот Я. Словарь к стихотворениям Державина // Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. IX. СПб., 1883; Елистратов В.С. Словарь языка Василия Шукшина. М., 2001; Карпова О.М. Словари языка писателей. М., 1989; Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М., 2007; Куницкий В.Н. Язык и слог комедии «Горе от ума». К 100-летию со дня рождения А.С. Грибоедова. 4 января 1795 – 4 января 1895. (С приложением словаря комедии). Киев, 1894; Ларин Б.А. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962; «Материалы для словаря пушкинского прозаического языка» В.А. Водарского // Филологические записки. Воронеж, 1901–1905; Русская авторская лексикография XIX–XX веков: антология / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2003; Самотик Л.Г. Словарь исторической прозы А.И. Чмыхало. Красноярск, 1999; Самотик Л.Г. Язык «Турецкого гамбита» Б. Акунина: Очерк и словарь. Красноярск, 2005; Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1–6. Л., 1974–1986; Словарь к сочинениям и переводам Д.И. Фонвизина / сост. К.П. Петров. СПб., 1904; Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4-х тт. / под ред. О.Г. Ревзиной. М., 1996–2004; Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2001; Словарь языка Михаила Шолохова / отв. ред. Е.И. Диброва. М., 2005; Словарь языка К.Г. Паустовского / сост. Л.В. Судавичене. Т. 1: А–В. М., 1998. Т. 2: Г–Д–Е–Ё. М., 2000; Словарь языка Пушкина / под ред. В.В. Виноградова. Т. 1–4. М., 1956–1961; Словарь языка русской поэзии XX века / отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. Т. I: А–В. М., 2001. Т. II: Г–Ж. М., 2003; Трофимкина О.И. О разных типах словарей писателя // Вопросы стилистики. Вып. 5. Саратов, 1972; Фонякова О.И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке: межвуз. сб. памяти проф. Ю.С. Маслова. СПб., 1993; Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М., 2011.

И.В. Башкова

СЛОВА́РНАЯ ПОМЕ́ТА – единица метаязыка лексикографии; средство краткой характеристики слова (грамматической, стилистической, этимологической, семантической и др.) в словарях. С.п. выражается общепринятым сокращением соответствующего (грамматического, стилистического и т.д.) термина: *м.р.* – ‘мужской род’; *разг.* – ‘разговорное’; *англ.* – ‘английское’; *перен.* – ‘переносное значение’ и под.

Система С.п. и их характер зависят от типа словаря и отражают уровень развития разных областей языкознания. Впервые подробно разработанная система помет была использована в «Словаре

русского языка, составленном 2-м отделением Императорской Академии Наук» под ред. Я.К. Грота (1895 г.). С тех пор некоторые пометы вышли из употребления (*общерусское, простонародно-ироническое* и др.), некоторые, наоборот, появились: *Лаз. жарг.* – ‘лагерный жаргон’. В целом система С.п. (напр., грамматических) стала более чёткой, хотя по-прежнему далека от совершенства. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что практически в каждом толковом словаре используется своя система Стилистических помет (см.), нередко существенно отличающаяся от системы стилистических помет других толковых словарей.

Существуют С.п., общие для всех словарей (напр., пометы, указывающие на грамматический род лексем: *жс.*; *м.*; *сп.*), а также пометы, используемые лишь в словарях определённого типа (напр., только в диалектных словарях указывается место (край, область, населённый пункт), где описываемое слово зафиксировано: *смол.* – ‘смоленское’; *ряз.* – ‘рязанское’; *вят.* – ‘вятское’ и т.п.).

В толковых словарях современного русского языка очень распространены С.п., уточняющие стилистическую принадлежность слова, его эмоционально-экспрессивную окраску: *прост.* – ‘просторечное’; *книж.* – ‘книжное’; *устар.* – ‘устаревшее’; *ирон.* – ‘ироническое’; *неодобр.* – ‘неодобрительное’ и т.д.). Наиболее частотны в данных словарях С.п., указывающие на конкретную область использования слова: *мат.* – ‘математика’; *ист.* – ‘история’; *астр.* – ‘астрономия’; *мед.* – ‘медицина’ и т.д.

С.п. могут быть простыми и составными. К составным С.п. относятся, напр.: *устар. ирон.*; *устар. и высок.* и т.п. Как правило, каждое слово имеет в словаре сразу несколько С.п., характеризующих его и с грамматической, и с семантической, и со стилистической точек зрения. Напр.: 1. **Великодушничать, несов. (разг. неодобр.).** Быть неуместно великодушным. 2. **Вегетация, ж. (спец.).** Рост и развитие растений. 3. **Забияка, м. и ж. (разг.).** Тот, кто любит затевать драки, ссоры.

При заимствованных словах, как правило, используются С.п., указывающие на происхождение слова: *англ.* – ‘английское’; *нем.* – ‘немецкое’; *тюрк.* – ‘тюркское’ и т.д.

Лит.: Бабкин А.М. Словарь языка и язык словаря (совершенствование замысла и исполнения нового академического словаря русского языка) // Современная русская лексикография. Л., 1975; Вялкина Л.В. Помета // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. М., 1980; Инструкция для составления «Словаря русского литературного языка» (в пятнадцати томах). М.; Л., 1958; Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в 3-х тт.)». М., 1953; Караулов Ю.Н. О некоторых лексикографических закономерностях (семиотические аспекты словаря) // Вопросы языкознания. 1974. № 4; Резниченко И.Л. Стилистический узус русского языка советской эпохи и его отражение в лексикографии: КД. М., 1984; Склярёвская Г.Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л., 1978; Советская лексикография. М., 1988; Филин Ф.П. Заметки по лексикологии и лексикографии // Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957; Чернышёв В.И. Принципы построения академического словаря русского литературного языка // В.И. Чернышёв. Избранные труды. В 2-х тт. Т.1. М., 1970; Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. М., 1988.

О.Н. Емельянова

СЛОВЕ́СНОСТЬ – 1. Совокупность словесных произведений (текстов) речевой культуры. 2. Дар слова, способность человека выражать мысли и чувства в слове. 3. Наука о Слове, или совокупность «словесных наук», аналог филологии. 4. Искусство слова, словесное творчество.

Впервые научно обоснованное употребление термина «С.» обнаруживается в Словаре Академии Российской 1789–1793 гг., где оно означает «знание, касающееся до словесных наук» и «способность говорить, выражать» (Т. V, с. 536). В дальнейшем авторы первой половины XIX века осмысливают С. не только как «способность выражать мысли словами» (А.С. Никольский), но прежде всего как совокупность «словесных наук». Термин был столь удачно найден, что очень скоро стал обобщающим термином для всех существовавших теорий и самого словесного творчества.

Научное формирование предмета С. связано с реорганизацией филологического знания в России начала XIX столетия, когда русская С. приобрела черты последовательной теории в учебниках словесности и риторики Я.В. Толмачёва, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давы-

дова, В.В. Плаксина, К.П. Зеленецкого и мн. др. С. понимается не только как «природная способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом» (Я.В. Толмачёв, 1815 г.), или как «дар слова, которым Творец наградил своё любимое создание – человека» (Н.Ф. Кошанский, 1829 г.), но понимание С. расширяется до совокупности всех текстов речевой культуры, поэтому в русских учебниках описывались все существующие роды, виды и жанры текстов.

Во второй половине XIX в. после удаления из системы преподавания риторики С. стала пониматься только как «“изящная” словесность», т.е. по преимуществу только произведения художественной литературы, и её корифеи объявлялись «классиками» С. и изучались в школе. Однако до Октябрьской революции С. оставалась главным предметом изучения в школе, с 20-х годов XX столетия С. исключается из состава преподавания.

Современной публицистической и научно-популярной литературе свойственно скорее ненаучное употребление слова С., когда под ним подразумеваются либо совокупность школьных курсов русского языка и литературы, либо писательство как художественное творчество. В современной филологической литературе термин «С.» только начинает восстанавливаться и получать чёткое научное описание. Наиболее обстоятельно и обоснованно использует его Ю.В. Рождественский, не только возрождая его из исторического небытия, но и придавая ему научно-терминологический смысл: «Отдельное высказывание в филологии называется *произведением словесности* (выделено автором – В.А.), а вся совокупность произведений словесности – словесностью. *Словесность*, или языковые тексты, – *предмет филологии*. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений С., имеющих культурное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путём классификации этих произведений» [Рождественский 1990: 112].

Классификация произведений С. современного информационного общества включает следующие её роды и виды: 1) устная словесность: а) дописьменная (диалог, молва, фольклор); б) литературная (ораторика, гомилетика, сценическая речь); 2) письменная словесность (при возможности писать чем угодно на чём угодно выделяется наиболее удобный вид – палеография, включающая: письма, документы, сочинения); 3) печатная словесность, или литература (научная, художественная, журнальная); 4) массовая коммуникация (массовая информация в виде радио, телевидения, прессы, кино; реклама и информатика).

Восстанавливаемый термин С. не вступает в противоречие с традиционной филологической терминологией. При всей близости С. к таким наукам о речи, как риторика и стилистика, С. относится более к изучению текстов словесных произведений, их классификации и отбору, а риторика – к построению оптимальной, эффективной речи.

Лит.: Альбеткова Р.И. Русская словесность: от слова к словесности. Учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. М., 2000; Аннушкин В.И., Костомаров В.Г. Русская словесность как наука и школьная дисциплина // История русской словесности. Теория словесности. М., 2009; Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. М., 2008; Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2000; Граудина Л.К. Русская риторика. М., 2001; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990; Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.

В.И. Аннушкин

СЛОВЕСНЫЙ ЯРЛЫК – это регулярно употребляемое слово или словосочетание (в т.ч. фразеологическое) преимущественно социального или политического содержания с ослабленным, иногда почти утраченным, денотатом и гипертрофированной пейоративной коннотацией. С.я. – чаще выражается именем сущ. или словосочетанием «сущ. + прил.» и «сущ. + сущ.». Для С.я. характерна стереотипность, клишированность.

Ядром семантики С.я. является значение враждебности, враждебной деятельности, основанное на стереотипах социального восприятия тех или иных явлений, событий, политических персонажей и т.д. С.я. – это стереотипная номинация отрицательного характера, используемая без опоры на коммуникативный постулат истинности высказывания.

Употребление С.я. санкционировано определённой идеологией: противоборствующих партий, политических деятелей, «навешивающих ярлыки» своим оппонентам (врагам) с целью их дискредитации и манипулирования сознанием слушателей/читателей, т.е. для формирования у них определённого восприятия и оценки называемых референтов. Для реализации С.я. необходим соответствующий контекст или ситуация высказывания. Напр.: *Да вас убить мало! Вы – ренегат! Агент международного империализма!* (Е. Гинзбург); *На повестке дня один вопрос. Об антипартийной, раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение вывести его из состава Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду. Кто «за»? (ЛГ. 1988. №8); *Сегодня на разрушение села в равной степени работают Земельный, Лесной и Водный кодексы. Это антинародные законы (ЗА ПОБЕДУ коммунистов и патриотов! Информационный бюллетень, 21.02.2007); И пока киселевы выполняют заказ антинародного режима, они будут вести чудовищную дезинформацию, несмотря на протесты, возмущения и требования (Советская Россия, 28.09.1996).**

С.я. – феномен, характерный не только для советского, но и для современного политического дискурса, в силу своей агрессивной и манипулятивной сущности представляющий собой отклонение от этико-речевой нормы.

Лит.: Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. 2012. № 2; Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как средство языкового насилия (на материале российского политического дискурса XX– начала XXI века): КД. Красноярск, 2013; Дмитриева О.Л. Ярлык в парламентской речи // Культура парламентской речи / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1994; Дмитриева О.Л. Штамп и ярлык – языковой тормоз // Граудина Л.К., Дмитриева О.Л., Новикова Н.В., Ширяев Е.Н. Мы сохраним тебя, русская речь! М., 1995; Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М., 2007; Сковородников А.П. Вопросы экологии русского языка: учеб. пособие. Красноярск, 1993; Словарь перестройки / под ред. В.И. Максимова. СПб., 1992.

Н.Е. Булгакова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НОРМА – это реализация принятых обществом в качестве предпочтительных правил образования производных слов.

Производное слово, являясь центральной единицей словообразования, строится при помощи разных средств – словообразовательных формантов. Словообразовательные форманты по числу входящих в них компонентов могут быть простыми и сложными. К простым формантам относится каждый аффикс (как материально-выраженный, так и нулевой) в отдельности, без смешения, ср. напр.: слово *желт-изн-а* образовано от *жёлтый* при помощи форманта *-изн(а)*, *чернь-Ø* – от *чёрный* при помощи нулевого суффикса, а слово *без-рук-Ø-ий*, восходя к сочетанию *без рук*, образовано посредством присоединения к производящей основе одновременно двух аффиксов – приставки *без-* и нулевого суффикса, которые образуют уже сложный формант. В образовании слов безаффиксными способами (сложение, сращение и др. [Современный русский язык 2000: 215–217]) также участвует сложный формант, в состав которого могут входить: 1) интерфикс (соединительный элемент в слове), указывающий на связь компонентов сложного слова, 2) закреплённый порядок следования компонентов, 3) единое основное ударение (преимущественно на опорном компоненте), напр.: *износостойкий* (о– интерфикс, соединяющий основу слова *износ-* с целым словом *стойкий*, наблюдается единое ударение), *царь-пушка* (интерфикс отсутствует, в состав сложного форманта входят закреплённый порядок следования компонентов и единое основное ударение).

Выбор того или иного словообразовательного средства при нормативном словопроизводстве должен быть оправдан с точки зрения как формы, так и семантики. Напр., для наименований лиц, производящих действие, названное мотивирующим словом, в литературном языке есть целый ряд суффиксов: *-тель*, *-ник*, *-щик/-чик*, *-атор* и др. Но эти суффиксы могут соединяться не со всеми основами. Напр., к основе слова *испыта(ть)* может присоединиться из названных только формант *-тель* (*испытатель*), к основе *клевета(ть)* – *-ник* (*клеветник*), к основе *компилирова(ть)* – *-атор* (*компилятор*, в производящей основе усекается часть *-ирова*) и под. Присоединение того или иного форманта к конкретной основе связано с частотностью таких соединений, с определённой традицией. Следо-

вательно, при создании производного слова необходимы условия сочетания словообразовательного средства с производящей основой (или несколькими основами).

Для того чтобы получить полное представление о сочетании морфем, следует выявить те ограничения, которые могут препятствовать соединению деривационных морфем с производящей основой. Е.А. Земская выделяет системные и несистемные ограничения. К системным она относит ограничения: 1) семантические – вызываются семантической несовместимостью морфем. Так, суффикс *-ш(а)*, участвующий в образовании сущ., обозначающих лиц женского пола по профессии (*кондукторша, билетёрша*) или жён по мужу (*генеральша, адмиральша*), сочетается лишь с основами сущ. – наименований лиц мужского пола по профессии, но не по иному признаку; 2) словообразовательные, которые учитывают несостоятельность тех или иных видов основ выступать в качестве производящих. Так, от прилагательных с суффиксами субъективной оценки *-еньк(ий)*, *-охоньк(ий)/-ошеньк(ий)*, *-ущ(ий)*, *-енн(ый)* (*жёлтенький, желтёхонький, большущий, высоченный*) производные не образуются, т.к. словообразовательный потенциал таких основ исчерпан, они замыкают словообразовательную цепь; 3) формальные ограничения приводят к невозможности соединения морфем (суффикс прил. *-н* не сочетается с сущ. типа *парк, воск*, имеющими в исходе группу согласных). Ряд формальных ограничений решается посредством морфонологических процессов: чередования фонем, усечения, интерфиксации и др.

Среди несистемных ограничений Е.А. Земская выделяет: 1) стилистические ограничения – вызваны стилистической несовместимостью морфем. Суффикс прил. *-ущ(ий)*, обозначающий большую степень проявления признака (*жирнущий, здоровущий*), сочетается с нейтральными и сниженными основами (просторечными и разговорными), поэтому вряд ли возможны прилагательные типа «культурнущий»; 2) лексические ограничения – несоответствие между возможностями словообразовательной системы и лексическими нормами (нет пар *пилот – «пилотка», штурман – «штурманка»*, т.к. соответствующие слова на *-к(а)* имеют другие значения; для образования названий детёнышей наряду с *слон – слонёнок, заяц – зайчонок* в русском языке есть соотношения *собака – щенок, свинья – поросёнок*) [Земская 1999: 379].

Немаловажным является и порядок соединения словообразовательного форманта с производящим словом или основой. Так, префиксальные форманты всегда стоят в начале слова перед корнем (*придержать*) или другим префиксом (*попридержать*), суффиксальные следуют за корнем (*желтоватый*) или другим суффиксом (*желтоватость*), постфикс – в абсолютном конце слова после окончания (*строятся*) или формообразующего суффикса инфинитива (*строиться*). Для производных слов, образованных способом сращения, важна препозиция подчинённого компонента, напр.: *долгоиграющий* (в словосочетании *играющий долго* главным словом будет причастие *играющий*, а зависимым – наречие *долго*, поэтому зависимый компонент вынесен в начало слова). При аббревиации, когда наблюдается безразличное к морфемному членению усечение основ, входящих в мотивирующее словосочетание слов, также важен порядок следования сокращённых компонентов, ср.: *министерство иностранных дел – МИД* (а не ИДМ).

Таким образом, С.н. литературного языка опирается на частные правила, которыми руководствуются люди при создании и/или употреблении производного слова. К таким правилам относим: 1) выбор словообразовательного средства, оправданного с точки зрения формы и семантики; 2) наличие условий сочетания словообразовательного средства с производящей основой (или несколькими основами), 3) порядок соединения словообразовательного средства с производящим словом или основой в соответствии с имеющейся в языке моделью, одобренной обществом и закреплённой в процессе коммуникации.

В стилистически нейтральных контекстах литературного языка С.н. не допускает употребления слов, структура которых нарушает правила создания производных единиц. Однако, как известно, языковая норма в целом, и словообразовательная, в частности, подвержена изменениям. Произошедшие в конце XX в. радикальные общественно-политические преобразования затронули, прежде всего, область экономики. Становление новой модели экономики повлекло за собой изменения в экономической терминологии, в способах номинации, актуальных в этой сфере. Сегодня в экономической терминологии продуктивными оказываются, по наблюдениям М.В. Китайгородской, составные наименования и разные типы сложных слов с прозрачной внутренней формой, с одной стороны, и заимствования, с другой.

Лит.: Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980; Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. М., 1999; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Миськевич Г.И. К вопросу о норме в словообразовании // Грамматика и норма. М., 1977; **Русский язык конца XX столетия** (1985–1995) / под ред. Е.А. Земской. М., 2000; **Современный русский язык** / под ред. П.А. Леканта. М., 2000; **Хромова С.А.** Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к словообразовательному стандарту: на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина: КД. Тверь, 2007.

И.В. Евсева

СЛЮГАН – термин рекламного дела, означающий часть, обычно конечную, рекламного текста и используемую часто для рекламы товаров одной фирмы. Один из первых переводов этого английского термина – ‘рекламный девиз’. В советских работах по рекламе он именовался **рекламным лозунгом** или **призывом**. Это указывает на связь С. с названными афористическими жанрами. Наряду с Заголовком (см.) относится к константам рекламного текста.

Самыми известными С. советской рекламы были *Храните деньги в сберегательной кассе!* и *Летайте самолётами Аэрофлота!* Сегодняшнее неизмеримо выросшее коммуникативное пространство рекламы включает сотни С., часть из которых входит в повседневную речь: *Изменим жизнь к лучшему; Ваша киска купила бы Вискас*. Они же становятся объектами насмешек пародистов и юмористов.

С. называют и лозунги партий и кандидатов во время избирательных кампаний, таким образом, этот жанр завоёвывает пространство в политической сфере общения.

Лит.: Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М., 1995; Прохорова С.Н. Рекламный текст как уникальная жанровая разновидность языка // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии. Ярославль, 2002; Сэндиж Ч.Г., Фрайбургер В., Ротполл К. Реклама: теория и практика. М., 1989; Шидо К.В. Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: КД. Саратов, 2007.

Т.В. Шмелёва

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ. СМ. ПРОЗАИЧЕСКАЯ СТРОФА

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА – 1. Общее наименование для информационно-справочных документов, создаваемых для решения оперативных вопросов в сфере управленческой деятельности: Докладной записки (см.), Объяснительной записки (см.), а также пояснительной и аналитической записки [Орлова 2011: 82].

2. Документ, который содержит сведения о материально-техническом, информационном, организационном или хозяйственном обеспечении и используется как форма деловой переписки между подразделениями организации или должностными лицами, не находящимися в прямом подчинении (в противном случае это будет докладная записка) [Доронина 2006; Басаков 2010: 157]. Расположение реквизитов в С.з. рекомендуется такое же, как и во внутренней Докладной записке (см.).

3. Разновидность докладной записки (наряду с представлением), применяемая с той же целью, что и сама докладная записка [Быкова и др. 2012: 168].

Лит.: Басаков М.И. Делопроизводство (документационное обеспечение управления на основе ГОСТ Р 6.30-2003): учеб. пособие. М., 2010; Быкова Т.А., Вялова Л.М., Санкина Л.В. Делопроизводство: учебник. М., 2012; Доронина Л.А. Докладные, служебные записки и справки: в чём разница? // Делопроизводство и документооборот на предприятии. Март 2006. URL: www.delopress.ru/articles.php?n=5137; Кирсанова М.В., Аксёнов Ю.М. Курс делопроизводства: Документационное обеспечение управления: учеб. пособие. М., 2011; Кузнецов С.А. Современные технологии документационного обеспечения управления: учеб. пособие. М., 2010; Орлова Е.В. Служебные записки: как составлять и как оформлять // Справочник кадровика. 2011. № 4.

СЛУЖЕБНОЕ ПИСЬМО. СМ. ДЕЛОВОЕ ПИСЬМО

СЛУХИ – один из наиболее традиционных речевых жанров; цель его состоит в массовом, изначально устном распространении оперативной актуальной новости, авторство и достоверность которой не установлены и ответственность за которую никто не несёт.

В современной науке нет устоявшегося определения С. Исследователи данного феномена склонны видеть в нём то «кусочек» текста, сознательно утерянного официальной культурой [Почепцов 2001], то один из видов устной словесности [Рождественский 1996], то речевой жанр [Прозоров 1998], то разновидность неподтверждённых сведений [Горбатов 2011], то способ (форму) коммуникации [Назаретян 2003]. В результате выделяются, по крайней мере, три его основных значения: 1) С. как тексты определённого качества; 2) С. как речевой жанр; 3) С. как один из каналов массовой коммуникации.

1. Содержание С.-текстов представляет информацию социального характера, необходимую каждому для ориентации в повседневной жизни, либо сведения, удовлетворяющие неискоренимый человеческий интерес к «выделенным» в коллективе личностям, так называемым «звёздам»; ср.: – *Слышала, что в одной гимназии Красноярска открылась психологическая служба для школьников (Марина. 12 лет)* (Комок. № 44. 2005) и *Говорят, звёзды отечественного кино и большие друзья Константин Хабенский и Михаил Пореченков разругались вусмерть. Теперь друзья, живущие в соседних подъездах, не здороваются* (Спид-Инфо. 2006. № 15). События, чаще всего описываемые в данных текстах: разводы, ссоры, самоубийства; пожары, наводнения; обвалы рубля или доллара, правительственные или коммунальные кризисы. Речь идёт о катаклизмах бытовой, социальной, природной сферы, выходящих за границы нормы существования и человека, и общества.

Структуру этих текстов формируют три компонента: 1) квалифицирующий маркер, позволяющий отнести текст к С. (*по слухам, прошёл слух, ходят сплетни, слышно, поговаривают, рассказывают*); 2) сюжет С. – его содержание; 3) маркер достоверности – в зависимости от того, как оценивается данная информация в этом плане (ср.: *Слух оказался чушью и Эти слухи несколько не преувеличены*).

Один из важнейших отличительных признаков С.-текстов – их устная фактура [Рождественский 1996] – сегодня в значительной степени размыт использованием С. в СМИ и Интернете. Адаптируясь к данной среде обитания, С. превращаются в текстовые «кусочки» и «файлы», которые циркулируют по каналам массовой коммуникации и могут наполнить своим содержанием любой информационный носитель. Присутствие С. в этом новом для них коммуникативном пространстве может быть не только локальным, когда С., напр., выполняет функцию частного аргумента в статье, но и тотальным, когда соответствующий модусный ключ задаётся в заголовке («*Одна баба сказала: теория и практика слуховедения*», «*Слухам можно верить*»), а также определяет название целых рубрик («*Говорят, что...*» (Коммерсантъ – Деньги), «*Карта слухов*» (Огонек), «*О чём говорят*» (Городские новости; Красноярск), «*Слухи*» (Томь; Кемерово), «*По слухам и авторитетно*» (Заполярная правда; Норильск)) и сайтов в Интернете (www.sluchy.net; www.sluhisaratova.ru; www.spletnichkaet.narod.ru).

2. Давать С. определение речевого жанра возможно, переместившись на речеведческую платформу. При этом С. рассматриваются не факультативно, а в совокупности их разновидностей и родственных жанров, одни из которых находятся на оси классификации ближе (пересуды, толки, сплетни), а другие дальше (байки, анекдоты, легенды) от С., но характеризуются общей с ними анонимностью и неофициальностью высказываний.

3. Как канал массовой коммуникации С. стоят в ряду с печатными, электронными СМИ и Интернетом. Суть работы канала С. состоит в цепочечном и/или веерообразном распространении информации от человека к человеку, когда одно лицо, выступившее в роли адресата, в следующий момент становится посредником в её передаче другому лицу [Прозоров 1998]. Текст в границах данного канала самотранслируется [Почепцов 2001], не требуя никаких специальных усилий для передачи. Этому способствует анонимность источника, т.е. фактически снятая ответственность за распространение информации любого толка. В результате С. – «свой», наиболее традиционный, простой, доступный для населения канал коммуникации, и, что самое важное, единственный, в работе которого

рядовой человек участвует активно. Он является здесь не просто адресатом, но деятельным субъектом общения. Именно поэтому С. доверяет большая часть населения [Осетрова 2008].

Современная языковая действительность говорит об очевидной разомкнутости границ между коммуникативным пространством СМИ и бытовой сферой общения. Следствие этого – поддержка С. масс-медиа в форме постоянных отсылок и цитат, а по сути, активное взаимодействие каналов массовой коммуникации. Локальный слух, возникший на родной устной почве, часто подхватывается телекомпаниями, разлетаясь по всей стране, а затем возвращается к первоначальной среде бытования, но уже на более широкой территории (типичный пример – слухи о дефиците соли, распространившиеся по России зимой 2006 г.).

4. Отдавая должное социальной практике, некоторые авторы [Крейдлин, Самохин 2003; Осетрова 2009] выделяют ещё одно значение С.: С. как высокоэффективная технология в практике рекламы, пропаганды и политической борьбы [Назаретян 2003]. Использование С. в данном качестве влечёт за собой преобразование их естественной схемы обращения и ряда исходных свойств; тогда следует говорить об искусственном варианте С. В частности, выделяются специальные коммуникативные роли, обеспечивающие успешное продвижение нужной информации. Исследователи называют роль **конфабулятора** – специалиста по фальсифицированному мнению. У С., анонимного по своей сути, по заказу появляется автор, не известный массовому адресату сфабрикованного текста, однако персонально значимый для начала его «движения». Важна здесь и другая роль – лидера мнения. На его поддержку с необходимостью опираются структуры, заинтересованные в придании информации дополнительного качества авторитетности и достоверности. Кроме того, технологически существенным оказывается правильный выбор начальной локации, или «места запуска», искусственных С. Опыт войны в Афганистане доказал надёжность их запуска в местах всеобщего бытового общения: на базаре, в чайхане, в кабине попутной машины [Пиков 1995]. Пропаганда и практика предвыборных технологий активно развивают этот опыт: нужный С. распространяется в городе средних размеров за 3–4 дня, если правильно определены потоки движения целевой аудитории. Локациями становятся средства городского транспорта, в которых работают «лидеры мнения»: пожилая женщина, мужчина военного вида и т.п. [Гурова, Медовников 1998]. Дополнительную достоверность информации придают ссылки на СМИ, поскольку взаимопроникновение официального и бытового потоков коммуникации является признаком их современного существования.

Лит.: Горбатов Д.С. Психология трансформации слухов: микрогрупповой подход. М., 2011; Гурова Т., Медовников Д. Жёсткий ценз на рынке демократии // Эксперт. 1998. № 48; Крейдлин Г.Е., Самохин М.В. Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок // Логический анализ языка: Космос и хаос. М., 2003; Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии. СПб., 2003; Осетрова Е.В. Слухи в современной языковой практике: парадокс доверия // Мир русского слова. 2008. № 4; Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в обстоятельствах живого диалога // Мир русского слова. 2009. № 3; Пиков Н. Наше оружие – слухи // Солдат удачи (Soldier of Fortune). 1995. № 4; Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.; Киев, 2001; Прозоров В.В. Молва как филологическая проблема // Филологические науки. 1998. № 3; Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.

Е.В. Осетрова

СМЕШЕНИЕ СТИЛЕЙ, или **СТОЛКНОВЕНИЕ СТИЛЕЙ**, – стилистический приём, состоящий в намеренном соединении стилистически разнородных (часто противоположных по стилистической окраске) языковых средств в составе единого высказывания или текста. Напр.: *Дамы тут же обступили его блистающею гирляндю и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья насквозь была продушена резедой* <...> (Н. Гоголь); – *Слушайте, задыхаясь шепнул он. – Обратили внимание на другую девушку? Она хоть и немолодая, но замечательная – ручаюсь вам. Человек изумительного сердца! Нет ли у вас для нее какого-нибудь подходящего приятеля? Она сделает счастье любому человеку, да и мы бы заодно избавились от этой старой ведьмы, прах её поberi!* (А. Аверченко);

О милая, как ты не понимаешь?!

Рука дрожит – и пусть её дрожит.

*При чем же здесь водяра? Дрожь в руках
Бывает от бездомности души <...>,
От вдохновенности, недоедания, гнева,
От утомленья сердца, от предчувствий,
От гибельных страстей, алканной встречи... (Вен. Ерофеев).*

Обычно приём С.с. используется в художественной литературе для достижения комического эффекта. Будучи реализованным в пространстве целого текста, сближается с бурлеском.

Смещение разностилевых элементов, не обусловленное авторской интенцией (прагматической заданностью) и/или стилистическим контекстом, является недочётом, который иногда терминологически обозначается как «стилистический разнобой». Напр.: *Говорил он о том, что волнует сегодня многих хозяйственников, простых сельских механизаторов, доярочек, опять оказавшихся среди низкооплачиваемых* (Красноярская газета. 17.05.1992) – стилистически не оправданный диминутив (уменьшительно-ласкательная форма); *Если старые журналюги с гордостью и говорят о том, что раньше их можно было по пальцам пересчитать и корреспондент «Красноярского рабочего» или «Красноярского комсомольца» значило ничуть не меньше, чем депутат городского совета, то теперь <...>* (Красноярск. 24.11.2000) – неуместная в данном контексте разговорно-просторечная и фамильярная форма «журналюги».

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2007; Романова Н.Н., Филиппов А.В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология, М., 2010; Русская грамматика. Т. 1. М., 1980; Хазагеров Т.Г., Ширинина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

СМЫСЛ. СМ. ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

СНИЖЕННЫЙ СТИЛЬ – разновидность речи, которая функционирует в рамках разговорного, художественного или публицистического стиля и характеризуется некоторыми отступлениями от лексических, фонетических, морфологических и синтаксических норм языка. Коммуникативные задачи, которые он реализует, таковы: создание колорита непринуждённого общения, порой окрашенного в грубовато-фамильярные тона; выражение негативного отношения к излагаемой или полученной информации; характерологическая функция (средство создания образа в художественном или публицистическом произведении); «оформление» иронической интенции. С.с. не тождествен низкому, который находится за пределами литературного языка и служит для создания языковой картины мира, основанной на грубости, агрессии, отсутствии культуры у носителя этого типа речи.

Противопоставление «высокий – низкий стиль» сложилось ещё в античности, когда были созданы первые теории, основанные на принципе трихотомичности: выделении высокого, среднего и низкого уровней в речи. Терминологически теория трёх стилей окончательно оформилась в филологических работах М.В. Ломоносова (см. Высокий стиль).

В современной стилистике для создания сниженной тональности речи используются ресурсы лексики, фразеологии, словообразования, морфологии, синтаксиса.

На уровне лексики С.с. оформляется прежде всего при помощи соответствующих лексических групп. Это слова **разговорного стиля**, характерные для устной речи и необходимые для выполнения функции общения. Основу разговорного стиля составляет межстилевая лексика, но разговорно-литературная и просторечная лексика помогает создать речь непринуждённую, неофициальную, в то же время лишённую грубости. Исследователи разговорной речи (в частности, Е.А. Земская) подразделяют используемую в разговорном стиле лексику на слова, общие для разговорной речи и книжных стилей, и слова, характерные только для разговорной речи. Общие для разговорного стиля и книжных стилей – **семантические стяжения**, т.е. слова, образованные на основе словосочетаний: «Вечерняя Москва» – «Вечёрка», *подсобное помещение* – *подсобка*, *тушёное мясо* – *тушенка*, *сгущённое молоко* – *сгущёнка*. Для собственно разговорной речи характерны **слова-губки** – семантические стяжения с

очень широким лексическим применением: *временка* (временные кухня, сарай, печка, электростанция, дом), **слова-дублеты** (ситуативные окказиональные наименования – так, вместо нейтрального *прищепки* используются *зажимки, держалки, цеплялки, скрепки*), **слова-указатели** (местоимения различных типов): *Ботинки-то так и не купили? – Ну... в тех пока пойду*; **слова с общим, широким значением**: *вещь, штука*; **оценочные слова**: *растяпа, дрыхнуть, драпать*.

Разговорная лексика эмоциональна и оценочна (*заинька, лапочка*). Здесь нередко употребляются **тропы** (напр., *как холодной водой окатили* – сравнение, *ты своей тыковкой подумай хорошенько* – метафора и пр.), **диминутивы** (слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *корзиночка, газетка, тетрадочка*). Помимо лексики разговорного стиля в речевой ситуации сниженного характера используются **жаргонизмы** (*мельница* – ‘фотоаппарат’; *шапка* – ‘заголовок статьи’; *общага* – ‘общезитие’, *препод* – ‘преподаватель’, *тусоваться* – ‘собираться для неформального общения’ и др.).

Интенция, заложенная в основу текста, определяет отбор и других, фонетических, словообразовательных, фразеологических, синтаксических единиц, а также средств креолизации. Для характерологических целей и языковой игры используются сниженные **фонетические** варианты таких морфологических форм, как *ходят, гладят*, а также слова с неправильным ударением, в частности *звОнит, намерЕние, возбУждено* (именно так произносится эта словоформа некоторыми работниками юстиции). **Лексически и морфологически** значимыми оказываются такие морфемы, как суффиксы существительных -лк: *каталка, курилка*; -ак, -як: *дубак* (холод), *видак* (видеомагнитофон), *медляк* (медленная музыка), *голяк* (отсутствие чего-л.); -ач: *строгач* (строгий выговор), *сухач* (сухое вино), *косач* (кожаная куртка), *фирмач* (руководитель фирмы); -арь: *кепарь* (кепка), *бухарь* (пьяница); -ага, -яга: *телага* (телогрейка), *путяга* (ПТУ) и др.

Богатыми ресурсами для создания С.с. обладает **фразеология**. Разговорно-просторечные идиомы широко распространены в обиходном общении: *как корова языком слизала; ни дна тебе ни покрышки* и др.).

Не менее интересны **синтаксические** средства создания С.с. – это прежде всего осложнённые глагольные сказуемые (*гулять так гулять; читать не читал, но могу сказать...; а он возьми да и напиши; пойду открою* и др.). В определённых случаях средствами снижения могут быть неполные предложения или компрессированные конструкции, свойственные разговорному стилю (*Бросок – и шайба в воротах!*). Но такое употребление данных типов синтаксических единиц не имеет регулярного характера. Разговорный, сниженный характер могут приобретать **Креолизованные тексты** (см.) , в частности те, которые включают в себя смайлы: *Снова мороз!* ☺

Таким образом, С.с. – это совокупность языковых единиц разного уровня (лексического, словообразовательного, синтаксического, фонетического, графического), которые помогают реализовать коммуникативную ситуацию неформального общения, отличаются экспрессивностью и оценочностью, существуют как в устной форме (в разговорном стиле), так и в письменных текстах в художественном, публицистическом стиле, а также в записанных текстах, принадлежащих к разговорному стилю.

Лит.: Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003; Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения // Прагматические аспекты изучения предложения и текста: сб. науч. тр. Киев, 1983; Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи. М., 2000; Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1978; Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трёх стилей. М., 1970; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; Граудина Л.К. Русская риторика. М., 2001; Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Разговорная речь. М., 1981; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993; Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005; Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VII, М.; Л., 1952; Словарь русского арго / сост. В.С. Елистратов. М., 2000; Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 2009; Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1958; Яковлева М.А. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста: КД. М., 2008.

И.Б. Александрова

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ – 1. Наименование этикетной ситуации сочувствия в большом несчастье, горе. 2. Стереотипные выражения, с помощью которых осуществляется С.

В церемонии прощания с умершим произносятся ритуальные стереотипные С. родным и близким покойного, окрашенные оттенком официальности, торжественности. В ситуации С. выражается солидарность с потерпевшим, равнодушие к его горю, поэтому нередко этикетные выражения направляются от адресанта «мы» (коллективное, а также совместное).

Основные выражения С.: *Я (мы) вам глубоко (искренне, от всей души) соболезную (-уем); Я (мы) приношу (-сим) свои искренние (глубокие) соболезнования; Примите мои (наши) глубокие соболезнования; Прошу (-сим) принять мои (наши) глубокие соболезнования; Разрешите/Позвольте выразить вам мои (наши) глубокие соболезнования; Я (мы) скорблю (-бим) вместе с вами; Я (мы) разделяю (-ем) вашу скорбь (горе).*

Констатирующие высказывания свидетельствуют о понимании и солидарности говорящего: *Вас постигла тяжёлая утрата; Вы потеряли близкого человека; Смерть вырвала из наших рядов NN.*

Нередки выражения с оттенками модальности: *Я (мы) хочу (-тим) выразить вам свои глубокие соболезнования; Я (мы) должен (-жны) высказать вам слова самого искреннего соболезнования; Не могу (-жем) не выразить вам самого искреннего соболезнования* и др.

Возможны эмоционально-экспрессивные выражения соболезнования: *Какое (такое, ужасное, непоправимое) горе постигло вас!; Какое горе (несчастье)!; На вас обрушилось такое горе (несчастье)!; Какое несчастье случилось с вами!* и др.

Как правило, выражения С. входят в церемониальный траурный дискурс.

Близкие люди, как правило, выражают С. самым присутствием, реальной помощью, участием, что выражается в невербальных компонентах коммуникации (прикосновениях, объятиях, рукопожатиях, скорбном выражении лица, нередко плаче и т.п.) и т.д. При этом официальные слова С., как правило, не произносятся, акт молчания расценивается как знак солидарности «мы(я) с тобой». После С. в условиях бытового ущерба (сгорел дом и т.д.) могут идти выражения Утешения (см.). В условиях потери близкого человека чаще всего утешения неуместны.

Ответом на С. является, как правило, Благодарность (см.).

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001; Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; Казачкова Ю.В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении: жанровый аспект. КД. Саратов, 2006; **Формановская Н.И.** Употребление русского речевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

СОВЕТ. См. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

СОГЛАСИЕ – 1. Наименование ситуаций общения, когда а) даётся положительный ответ на побуждение что-л. сделать, б) выражается солидарность с мнением собеседника. 2. Стереотипные выражения, с помощью которых осуществляется согласие.

С. является второй, ответной репликой диалога, поэтому выбор уместного выражения диктуется не только социальными признаками и ролями собеседников, но и характером первой реплики, напр.: – *Сходи за хлебом!* – *Ладно; Не могу ли я пригласить вас в театр?* – *Спасибо, соглашусь с удовольствием.* С. нечто сделать содержит некоторую долю обещания.

С. на реплику, выраженную в вопросительной форме: *Да (конечно).*

Основные выражения С. на побуждение: *(Я) согласен (-сна); Хорошо (сделаю); Ладно (сделаю).*

В обиходно-бытовом общении глагол в форме будущего времени служит выражением С.: *Сделаю (принесу, куплю, скажу, подумаю* и т.д.).

С. на просьбу что-л. сделать: *Пожалуйста* (обычно с протягиванием предмета), в обиходно-бытовом общении: *На (-те)*; *Возьми (-те)* (с протягиванием предмета), а также сочетание: *На, возьми (Наге, возьмите)*.

С. выполнить просьбу быстро: *Сейчас, Сию минуту*.

С. с оттенком уступки, нежелательности: *Так и быть, (сделаю)* (со стороны равного и старшего); *Что же делать (что ж поделаешь), придётся сделать*; *Хочешь не хочешь, а надо*.

С. непременно сделать то, о чём просят: *Конечно, (сделаю)*; *Разумеется*; *Не сомневайтесь (Не беспокойтесь)*; *Что за вопрос!*; *Какие могут быть сомнения!*; *Можешь (-жете) быть спокоен (-йна, -йны)*; *Можешь (-ете) на меня рассчитывать* и др.

Основные выражения С. с мнением собеседника: *Вы (ты) правы (прав)*; *Это так*; *Конечно, это так*; *Это безусловно (бесспорно, несомненно и т.д.) так*; *Я согласен (-сна) с Вами (тобой)*; *Я согласен (-сна) с Вашим (твоим) мнением (утверждением, доказательством и т.д.)*; *Я разделяю Ваше мнение (позицию, точку зрения и т.д.)*; *Нельзя не согласиться с Вами*; *Не могу не согласиться с Вами*; *Должен согласиться с Вами (с Вашими доводами и т.д.)*; *Ваше мнение (позиция, точка зрения) мне близко (-а)* и др.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001; Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; Свиридова Т.М. Категория согласия/несогласия в русском языке: КД. Елец, 2008; **Формановская Н.И.** Употребление русского речевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

СОЛЕЦИЗМ (от др-греч. *σολοικισμός*, от названия г. Сола (Σόλοι), греческой колонии в Малой Азии, жители которой нечисто говорили по-аттически). С. рядом исследователей определяется как синтаксическая ошибка, «неправильный выбор форм для данного синтаксического построения» [Ахманова 1976: 440; Розенталь, Теленкова 1985: 445 и др.]. Другими исследователями С. трактуется как «нарушение морфологических или грамматических норм литературного языка без ущерба для значения данного слова или выражения» [Квятковский 1966: 274].

С. может возникать под влиянием диалектной речи, при нарушении правил согласования членов предложения, правил согласования главных и придаточных предложений и т.д. Напр.: **один или два моих товарищей* (ср. двое моих товарищей), **если бы вы захотели бы* (ср. если бы вы захотели), **сколько время?* (ср. сколько времени?), **Не мысля гордый свет забавить, Вниманье дружбы возлюбя...* (А. Пушкин) (ср. возлюбив). С. понимается также как элемент стиля, стилистическая фигура, обычно служащая созданию «низкого» стиля.

Обобщая трактовки С., можно характеризовать его как грамматическое (синтаксическое или морфолого-синтаксическое) явление, отклоняющееся от языковой нормы и воспринимаемое как незначительный речевой недочёт или как стилистический приём.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1976; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: морфологические ресурсы языка: ДД. М., 2005; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

Е.С. Архипова

СООБЩЕНИЕ – имя ряда информативных речевых жанров разных сфер; простейшая из «речевых форм, представляющих в тексте мир информации» [Коньков, Неупокоева 2011: 148]. «С.» – отглагольное сущ. от глагола *сообщить*, называет как само речевое действие по доставлению сведений о фактах и событиях, информировании, так и речевой жанр в некоторых сферах, коммуникатив-

ная цель которого заключается в этом действии. В теории речевых актов соотносится с констативом [Остин 1962].

В кругу информативных жанров речи С. противопоставляется вопросу как предъявление информации, а не её поиск; мнению, суждению, оценке – как объективное изложение информации, а не выражение авторского отношения к ней и отражённым в ней фактам. С. чаще всего представлено одним высказыванием, отражающим существо факта/события; при детализации С. возникает другой жанр речи – **рассказ**. К С. применяется оценочный критерий достоверности/недостоверности; недостоверные С. опровергаются: *Он не приехал; Неправда, что он приехал; С чего ты взял?* как реакция на С. *Он приехал*.

В обыденном общении С. как имя жанра не используется, но информативные жанры такого рода бытуют, напр., в ответах на вопрос *Какие новости?; Что у вас новенького?* или в качестве инициативных высказываний с зачинами типа *Вы слышали?* Обмен С. превращается в разговор или беседу, построенную, напр., по типу *А у нас...*

Одна из форм бытования С. в повседневном общении – **молва**. Особый вид сообщений, не одобряемый обществом, но имеющий широкое хождение – **слухи, сплетни** (см. Слухи).

В деловой сфере С. можно считать тексты, поступающие по служебной вертикали «снизу вверх»: **донесение, данные, рапорт, справка, отчёты**; а также от социальной институции к гражданину – **извещение, повестка**. С. об одном событии или факте неопределённому кругу адресатов составляют жанр **объявления**, из которого выросла реклама как особый дискурс современных средств массовой информации со своей собственной поэтикой.

В научной сфере С. называют устный текст, содержащий информацию, меньшую по объёму, чем **доклад**; на научных конференциях на сообщение отводится не более 10 минут (тогда как на доклад не менее 20).

В массовой коммуникации жанры, цель которых «сообщить актуально значимую информацию читателю» [Коньков 2004: 30], – это **заметка, новость, корреспонденция**. Они содержат информацию об одном факте или событии, их автором может выступать конкретный журналист или информационное агентство: *Совет Безопасности проголосовал за ужесточение санкций против Ирана*.

Лит.: **Коньков В.И.** Речевая структура газетных жанров: учеб. пособие. СПб., 2004; **Коньков В.И., Неупокоева О.В.** Функциональные типы речи: учеб. пособие. М., 2011; **Остин Дж.Л.** Слово как действие (1962) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; **Пономаренко Е.Б.** Структурные и семантико-стилистические особенности текстов русских и английских информационных сообщений: сопоставительный аспект: КД. М., 2011; **Почепцов Г.Г.** (мл.) Слухи как семиотический феномен // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия. Киев, 1990; **Прозоров В.В.** Молва как филологическая проблема // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997; **Рождественский Ю.В.** Общая филология. М., 1996.

Т.В. Шмелёва

СОФИЗМ (от др.-греч. σοφισμα – ‘измышление’) – умозаключение, при помощи которого обосновывают мысль, не соответствующую истине, или противоречащее общепринятым представлениям утверждение.

Появление С. связывают с деятельностью софистов – преподавателей в Древней Греции, дающих платные уроки ораторского искусства, хотя С. существовали задолго до философов-софистов [Ивин 2005: 21]. Софисты считали, что объективной истины не существует, а есть только субъективное суждение о ней (человек есть мера всех вещей). Аристотель, который ввёл термин «С.», охарактеризовал софистику как мнимую, а не действительную мудрость. Эта характеристика была поддержана его последователями. Вместе с тем «именно с софизмов началось осмысление и изучение доказательства и опровержения. И в этом плане софизмы непосредственно содействовали возникновению особой науки о правильном, доказательном мышлении», т.е. логики [Ивин 1997: 304], выработали «концепцию терапевтической роли риторической игры и эстетического удовольствия» [Краснопольская 2005: 134].

С. строятся на сознательном нарушении правил логики [Ивин 1997: 300], а также на несоблюдении законов и правил той конкретной науки, к которой С. применяются [Рузавин 1997: 265]. Напр.:

Что ты не терял, то имеешь; рога ты не терял; значит, у тебя рога (использована ложная посылка «что ты не терял, то имеешь», т.к. это выражение может обозначать «то, что имел и не терял» и «то, что не терял, независимо от того, имел или нет»); *Чтобы «доказать», что $5 = 1$ используем следующее рассуждение: вычитая из чисел 5 и 1 число 3, получаем числа 2 и -2; возведение 2 и -2 в квадрат даст 4 и 4; из этого следует, что исходные числа должны быть равными* (не соблюдаются правила математики: из равенства квадратов чисел не следует равенство самих этих чисел).

Основанием для С. может быть использование особенностей языка (омонимии, полисемии и др.), напр.: *Лекарство полезно и является благом. Чем больше блага, тем лучше. Значит, чем больше лекарства, тем лучше* (происходит «смещение значений слов»: слово «благо» в случае лекарства может пониматься двояко – как ‘средство против болезни’ и ‘лекарство как товар’ [Рождественский 1997: 268]).

При более широком понимании С. называют любое преднамеренное отклонение от законов формальной логики, т.е. приравнивают их к Паралогическим риторическим приёмам (см.) (хотя нужно иметь в виду, что в работах по логике паралогизм понимается иначе: как непреднамеренное логическое нарушение в рассуждении).

С. могут использоваться с целью языковой/речевой игры, тогда они этически допустимы. Однако этически не приемлемо их употребление в качестве эристической уловки (см. Речевые уловки) в аргументации и споре для придания ложному утверждению кажущейся истинности.

Лит.: Арно А., Николь П. О различных видах неверных умозаключений, называемых софизмами // Логика и риторика. Хрестоматия / сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. Мн., 1997; Гетманова А.Д. Учебник по логике. М., 2000; Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник. М., 1997; Ивин А.А. Софизм. Софизмы как проблемы // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; Корнилова Е.Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистической античной эпохи: учеб. пособие. М., 1998; Краснопольская А.П. Эпистемологический анализ софистики: КД. М., 2005; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997; Рузавин Г.И. Логика и аргументация. М., 1997; Фролова В.В. Уловка как речевой приём достижения цели в бытовом и публичном общении: КД. М., 2009; Шейнов В.П. Искусство убеждать. М., 2000.

Г.А. Копнина

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛЭКТ. См. СОЦИОЛЕКТ

СОЦИОЛЭКТ, или **СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛЭКТ**, – набор языковых кодов (средств), которые обслуживают субкультуру и коммуникативные потребности изолированных социальных общностей или групп, объединённых по возрасту, полу, роду деятельности, интересам и т.п.

С. представляют собою низший уровень социальной дифференциации языка. Некоторые учёные по сложившейся традиции используют термин «С.» как синоним терминов «жаргон», «сленг», напр., [Анищенко 2010; Беликов, Крысин 2001: 47]. Другие – аргументированно настаивают на необходимости их дифференцированного употребления [Бондалетов 1987: 66–74; Стойков 1957: 80 и др.]. Авторы «Словаря социолингвистических терминов» подчёркивают, что термин «социолект» «употребляется как **общее название** для разнообразных языковых образований, основанных на социальном обособлении людей» [Словарь... 2006: 205]. Сторонники широкого понимания термина С. к его разновидностям относят жаргоны, сленг (интержаргон, общий жаргон), арг (условные языки, тайные языки) и воровской язык (воровское арг, арг криминального мира).

Все типы С., как правило, служат дополнительным средством общения к общенародному языку или территориальному говору. В зависимости от условий общения говорящий переключается с одного языкового кода на другой. Основными функциями С. являются коммуникативная (служит средством общения членов той или иной социальной общности, группы), аксиологическая и эмотивная (служит средством оценки окружающей действительности и выражения эмоций), идентифицирующая/опознавательная (служит средством распознавания «своих») и конспиративная (функция засекречивания). Различные виды С. различаются набором доминирующих функций, характерными семантическими и стилистическими особенностями словаря, а также сферами употребления и кругом носителей. Лексико-фразеологический состав С. резко противопоставлен кодифицированным средст-

вам литературного языка. Социолектизмы имеют сниженную эмоционально-стилистическую окрашенность. Для современной коммуникативной ситуации характерны активизация словообразовательных процессов в различных С., увеличение числа их носителей (за исключением арго), утрата строгой замкнутости употребления. Использование социолектизмов, особенно элементов воровского арго, за пределами их социальных границ снижает уровень речевой культуры общества, а также в некоторых случаях свидетельствует о неблагополучии морально-нравственного климата.

Лит.: Анищенко О.А. Генезис и функционирование молодёжного социолекта. М., 2010; Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: учебник. М., 2001; Бойко Б.Л. Основы теории социально-групповых диалектов: АДД. М., 2009; Бондалетов В.Д. Социоллингвистика: учеб. пособие. М., 1987; Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936; Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: АДД. СПб., 1995; Ерофеева Т.И. Понятие «социолект» в истории лингвистики // Изменяющийся мир. Пермь, 2002. URL: www.philology.ru/linguistics2/erofeeva-02.htm; Кёстер-Тома З. Сферы бытования русского социолекта (Социоллингвистический аспект) // Russistik (Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка). Berlin, 1994. № 1–2; Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989; Словарь социоллингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006; Стойков Ст. Социальные диалекты (на материале болгарского языка) // Вопросы языкознания. 1957. № 1.

О.В. Фельде

СОЦИОЛИНГВИСТИКА – междисциплинарная отрасль языкознания, изучающая различные аспекты взаимодействия языка и общества, а также особенности функционирования языков или форм одного языка в социально-коммуникативных системах, обслуживающих общество. Как автономная отрасль сложилась лишь к середине XX в., хотя идея социальной обусловленности языка высказывалась намного раньше учёными России, Испании, Франции, Чехии и др. Большой вклад в формирование теоретико-методологических основ социологического направления в языкознании, послужившего базовой площадкой для новой науки, внесли такие учёные XIX – первой половины XX вв., как И.А. Бодуэн де Куртене, А. Мейе, Ш. Балли, Е.Д. Поливанов, В.М. Жирмунский, А.М. Селищев, Б. Гавранек и нек. др. С. на всех этапах своего развития характеризуется глубоким проникновением в предметные области других наук: социологии, демографии, социальной психологии, этнографии, культурной антропологии, истории, политологии, юриспруденции. Из лингвистических дисциплин С. наиболее близки диалектология, лексикология, лингвистическая эмотиология (лингвистика эмоций), лингвистическая (функциональная) типология, психоллингвистика и различные направления коммуникативной лингвистики. Исследование языка в С. осуществляется чаще всего с помощью методов, заимствованных у социологии (приёмы массовых обследований: анкетирования, устных опросов и интервью). Предмет исследования С. изменчив, задачи многообразны. С. отвечает на вопросы: каков механизм взаимодействия внутренних и внешних законов развития языка, как отражаются в языке изменения в политической, социальной-экономической, культурной жизни общества, может ли человек влиять на языковые процессы, как функционирует язык (языки) в полиэтничном обществе и в малых социальных группах и др. Данная наука рассматривает весь комплекс внешних обстоятельств, в которых функционирует язык: языковую политику страны, различия между носителями языка в возрасте, социальном статусе, месте проживания, уровне образования и культуры, в социальных установках и ценностях, а также в речевом поведении людей в зависимости от ситуации общения и социальной роли. В составе современной С. выделяются более 10 направлений, в числе которых: 1) **макросоциоллингвистика**, которая исследует функционирование языка в больших социальных общностях, языковую ситуацию в стране или регионе, взаимодействие различных языков, проблемы нормализации и кодификации языка и др.; 2) **микросоциоллингвистика**, в задачи которой входит анализ функционирования языка в малых социальных группах (напр., жаргона программистов, байкеров и т.п.), а также речевое поведение человека в зависимости от его социальной роли (директор завода – отец – сосед – автомобилист-любитель и т.п.); 3) **диахроническая С.**, которая исследует языковую ситуацию прошлых веков, а также внешние факторы исторической изменчивости языка; 3) **экспериментальная С.**, которая занимается сбором социально обусловленных языковых данных пу-

тём включённого наблюдения, анкетирования, тестирования, интервьюирования большого количества людей (напр., при выяснении числа носителей конкретного языка в многоязычной стране, мотива использования того или иного языка в качестве основного средства общения и др.); 4) **практическая С.**, основной задачей которой является сбор и обработка данных для субъектов языковой политики, а также языковое прогнозирование; 3) **теоретическая**, или **общая, С.**, которая разрабатывает теоретико-методологическую базу для всех направлений С., исследует её понятийный аппарат, методы, определяет статус и место в системе других наук, а также изучает наиболее общие социально обусловленные закономерности функционирования языка.

Социолингвистические знания имеют большую общественную значимость. Они помогают осознать объективные факторы и реальные границы функционирования конкретного языка и адекватно соотнести их с культурными особенностями народа, предотвратить языковые конфликты в многоязычном социуме; способствуют эффективному решению таких общественных и личных задач, как выбор государственного языка, выбор языка общения, воспитания и творчества, сохранение языков национальных меньшинств, повышение престижа языка за рубежом, в родной стране или регионе.

Лит.: Бондалетов В.А. Социальная лингвистика. М., 2011; Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004; Кручкова Г.Б., Нарумов Б.П. Зарубежная социолингвистика. М., 1991; Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989; Методы социолингвистических исследований. М., 1995; Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 2007; Словарь социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006; Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.

О.В. Фельде

СПЕКУЛЯТИВНЫЙ ВОПРОС. СМ. ДЕЛИБЕРАТИВНЫЙ ВОПРОС

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА – совокупность слов и словосочетаний, обозначающих специфические понятия и представления профессионального сообщества. Основной сферой употребления С.л. являются подязыки наук, производств, промыслов, ремёсел и особых сфер общественной жизни (спорт, мода, дипломатия, военная служба и др.). В развитых языках мира пласт С.л. насчитывает миллионы единиц, которые различаются степенью терминологичности, наличием или отсутствием экспрессивной окрашенности, а также закреплённостью за одной из форм существования LSP (Language for Specific Purposes – языка для специальных целей, или профессионального подязыка), а именно: а) за терминосистемой, т.е. сознательно упорядоченной терминологией; б) за стихийно формирующейся терминологией; в) за разговорной формой профессионального языка; г) за профессиональным жаргоном. С.л. отличается от общеупотребительной тем, что предназначена для отражения, фиксации и передачи профессиональных знаний, для общения на профессиональные темы.

С.л. подразделяется на стилистически нейтральную и стилистически маркированную. В составе С.л. выделяются следующие стратификационные разряды: Термины (См.), прототермины, предтермины, терминыды, квазитермины, детермины, псевдотермины, номены, терминымы (см. Терминологическая лексика), профессионализмы, интерпрофессионализмы, квазипрофессионализмы, депрофессионализмы (см. Профессионализмы), а также профессиональные жаргонизмы, которые отличаются от других разрядов С.л. стилистической сниженностью и наличием коннотативного компонента в лексическом значении. Обычно это коннотация насмешки, реже – неодобрения и уничижения: *морячила, мореман, иванмор, жоржик* – ‘моряк’ (морск.); *дать петуха* – ‘совершить экстренное торможение поезда в метро’; *лыжник* – ‘пожилой пациент с тростью’ (мед.), *дурка* – ‘офицерское общежитие’ (воен. авиац.). Многие профессиональные жаргонизмы образованы в результате языковой игры с фонетическим обликом породившего их наименования или в результате ассоциативной метафоризации: *федя* – ‘паровоз серии ФД’, *страшный мастер* – ‘старший мастер’; *фашист* – ‘насос 6 ФШ-7 А’ (глинозём.); *Шире-мать-его* – ‘Шереметьево’ (авиа); *вазелин* – ‘рельсосмазочный локомотив’ (ж/д); *наточить сабли* – ‘подготовиться к оперативному вмешательству’ (мед.). Среди профессиональных жаргонизмов немало локально ограниченных: *камасутра* – ‘инструкция по оказанию первой медицинской помощи (Ачинский глинозёмный комбинат)’; *канадцы* – ‘работники на линии

по раскрою пиломатериала, которые работают на канадском оборудовании (Красноярский ДОК) и т.п.

Самый многочисленный разряд С.л. составляют **номены** – наименования отдельных объектов, представляющих собою продукты человеческой деятельности, воспроизводимые по одному образцу заданное число раз (напр., названия производственных станков, моделей машин, марок стали, продукции селекционеров и мн. др.). Большинство номенов характеризуются условностью содержания, независимостью от контекста и способностью образовывать линейные ряды (номенклатуры, перечни). Многие номены современного русского языка включают в свой состав цифры, символы, аббревиатуры: *NiВеб* (лигатура никель-бериллиевая), *БТР-50ПК*, *БТР-50П*, *БТР-М2*, *БТР-М3* (виды бронетранспортёров) и т.п. Источниками пополнения С.л. русского языка являются: 1) иноязычные терминосистемы, откуда в результате прямого лексического заимствования или калькирования проникают термины для обозначения новых понятий (*абсорбция*, *агломерат*, *каустицер*); общенародная и диалектная лексика родного языка, которая подвергается семантическому переосмыслению и специализации значения (*калач* – ‘трубка, соединяющая элементы теплообменника’ (глинозём.); *партизанишь* – ‘летать, не пользуясь радиосвязью, на высоте ниже 300 м.’ (авиа); *устроить баню* – ‘сбросить воду после перегрева двигателя’ (ж/д), а также собственные словообразовательные ресурсы, при которых используются инвентарь морфем национального языка и международные терминологические элементы: *инструменталка*, *доохладитель*, *гидросепаратор*, *аэролифт*. Особой частотностью в сфере С.л. отличается синтаксический способ словообразования по модели прил. + сущ.: *дренажная смесь*; *донный клапан*; *сложное предложение*, *заударная позиция* и т.п.

Эффективность профессионального общения во многом зависит от уместности использования того или иного специального наименования в официальной или неофициальной обстановке, а также от соблюдения точности в его употреблении.

Лит.: **Гринёв-Гриневиц С.В.** Терминоведение. М., 2008; **Лейчик В.М.** Терминоведение: Предмет, методы, структура. М., 2006; **Мотро Ю.Б.** Когнитивно-прагматические факторы реализации специальных лексических значений в дискурсе: КД. М., 2010; **Татаринов В.А.** Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М., 2006; **Шелов С.Д.** Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания. 1984. № 5.

О.В. Фельде

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЗЫК (LSP). См. ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

СПОР (от др.-рус. *переть* ср.: *напор*, *прения*, *припереть*) – словесное противоборство, в котором каждая из сторон отстаивает свою правоту.

Признаки С.: 1) столкновение мнений или позиций, т.е. на тезис Пропонента (см.) Оппонент (см.) отвечает противоположным утверждением; 2) и пропонент, и оппонент приводят аргументы в поддержку своих убеждений; 3) каждый из спорящих критикует позицию противной стороны. С. нет, если какой-л. из этих признаков отсутствует.

Существуют различные классификации С. Традиционно разграничение С. на **диалектический** (основная задача – найти истину, соблюдая при этом этические нормы), **эристический** (спор ради победы любой ценой) и **софистический** (видимое следование диалектике с целью добиться выигрыша). В риториках XVIII–XIX вв. выделяли С. **гражданские** (в местах государственного правления), **учёные** (между учёными для познания истины) и **училищные** (для упражнений учащихся, поиска ими истины, взятой из известных им знаний). В современных работах С. подразделяют также на **сосредоточенные** (когда спорят о чём-то одном) и **бесформенные** (перескакивают с предмета на предмет, иногда даже забывают, с чего начался спор); С. **устные** и **письменные** (печатные); С. **при слушателях** и С. **без слушателей**; С. **организованные** и **неорганизованные** (стихийные); С.-**монолог** (С. с самим собой), С.-**диалог** (его разновидностью является сократический диалог, когда один из собеседников предлагает вопросы, способствующие размышлению и ставящие отвечающего в необходимость мыслить правильно) и С.-**полилог** (С. нескольких или многих лиц, который может быть массовым, когда участвуют все присутствующие, и групповым, когда спорный вопрос решает группа).

лиц в присутствии всех участников). Приведённые классификации С. характеризуют ситуацию словесного противоборства в разных аспектах, которые служат параметрами для описания любого С.

Понятия Полемика (см.), Дискуссия (см.), Диспут (см.) и Дебаты (см.) в обыденной речи нередко используются в качестве синонимов к понятию С., в специальной же литературе служат для наименования различных форм С.

В отечественной литературе, посвящённой умению вести С., развивается теория и практика диалектического С. Основные правила ведения такого спора: не вступайте в С., не определив чётко предмет С. и не обладая компетенцией в соответствующей области знания; используйте слова, значения которых были бы понятны вашему собеседнику; не перебивайте его, дайте ему возможность высказать спорные суждения; не переносите своё личное отношение к сопернику на предмет С.; не будьте излишне доверчивыми; не давайте противнику опровергнуть ваше мнение прежде, чем он не поймёт вашу мысль; не опровергайте мнение противника прежде, чем не поймёте его основной мысли; не принуждайте противника признаться в его неправоте, а приведите его логически к этой мысли (ср.: *Ваши доводы мне кажутся сомнительными и Попробуем вместе разобраться, почему мои доводы кажутся вам сомнительными; Сознайтесь, что вы были не правы и Надеюсь, что мои доводы кажутся вам убедительными*); если в С. участвует больше двух человек, не допускайте, чтобы другие перешли на сторону вашего соперника (всегда ищите единомышленников); не подменяйте аргумент шуткой; не используйте Софизмы (см.) и Речевые уловки (см.); не ликуйте, если выиграли С. Образцом диалектического С. является дискуссия двух знаменитых физиков, Бора и Эйнштейна, в течение которой исследователи уточняли свои позиции и формулировки (Фок В.А., Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н., Бор Н. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? // УФН. 16 (4). (1936)). Эта дискуссия определила развитие физики на многие десятилетия.

С. – важное средство разрешения вопросов, вызывающих разногласия, проверки собственной позиции и уточнения взглядов собеседника. Однако не нужно спорить без особой необходимости.

Лит.: Горбачёва Е.Н. Спор как лингвокультурный концепт: КД. Астрахань, 2006; Казаков А.Н., Якушев А.О. Логика-1: парадоксология: пособие для учащихся ст. классов лицеев, колледжей и гимназий. М., 1994; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Муратова К.В. Диалектический метод ведения спора (анализ диалога Платона «Горгий») // Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1995. № 2; Муратова К.В. «Диалог-спор» в русской риторической традиции // Предмет риторики и проблемы её преподавания: мат-лы Первой Всерос. конф. по риторике (Москва, 28–30 января 1997 г.). М., 1998; Панасюк А.Ю. Как победить в споре, или искусство убеждать. М., 1998; Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора // Логика и риторика. Хрестоматия. Мн., 1997; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997; Шейнов В.П. Искусство убеждать. М., 2000.

Г.А. Копнина

СРАВНЕНИЕ – 1. Важнейший интеллектуальный процесс и способ мышления, направленный на познание мира. Человеку свойственно сравнивать всё и со всем, см. общеизвестное суждение «всё познаётся в сравнении» и авторское «Нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» (О. Манделштам). Учитывая глубинные связи языка, речи, мышления и культуры, следует признать закономерным семантическое, формальное и функциональное разнообразие С., неоднозначность его терминологической трактовки и квалификации, вырабатываемой на основе разных научных интересов и точек зрения на данное явление.

2. Традиционно С. рассматривается в стилистике и поэтике, где определяется как стилистическое средство, как изобразительный и выразительный речевой ресурс (троп, фигура речи), как стилистический приём, «закрывающийся в сопоставлении одного предмета или явления (субъекта сравнения) с другим предметом или явлением (объектом сравнения) на основании каких-л. признаков (основа сравнения) с целью более точного и одновременно образного описания первого...» [Культура русской речи... 2007: 669], напр.: *А уж речь-то говорит – словно реченька журчит...* (А. Пушкин).

Потребность в С. возникает тогда, когда человек обнаруживает дефицит языковых средств для прямого выражения своих субъективных представлений о предмете речи. Такая недостаточность мо-

жет быть как объективной (отсутствие в языке подходящего языкового средства), так и субъективной (незнание такого средства или же неготовность к его ментальному поиску, а также стремление к новизне, выразительности и поэтичности своей речи).

Основанием для С. является сходство и различие между субъектом и объектом С. При этом признаки, по которым происходит С., проступают лишь при условии предварительного образного (не прямого) сближения и переосмысления субъекта и объекта С.

Русская лексика и грамматика располагают широким репертуаром языковых средств для выражения идеи С. Напр., **лексических**: *подобно* (чему? кому?), *похожий* (на что? кого?) *напоминает* (что? кого?), *вроде* (чего? кого?), *почти* (что? кто? какой?), *наподобие* (чего? кого?); **морфологических**: формы сравнительной степени качественных прилагательных и наречий (*читать больше*, *слушать внимательнее*); предложно-падежные формы существительных (*первый блин комом*); **синтаксических и композиционных** структур: сравнительные (*как с гуся вода* – о человеке), предикативные (*дорога как стиральная доска*; *студент как собака*, *всё понимает*, *а сказать не может*); отрицательные (*человек – не остров в океане*, *человек не может без друзей* (И. Ургант); *работа не волк, в лес не убежит*) и другие конструкции, выражающие отношения подобия.

В современных условиях прагматизации жизни и науки С. рассматривается как средство экономии речевых усилий. При этом возможности и типы С. связываются с различными коммуникативными потребностями адресанта речи. Во-первых, С. соотносятся с ситуациями, когда прямое описание предмета речи не соответствует задачам, мнению и коммуникативным интересам говорящего. Так, если он считает, что сказать просто *Иван красив*, а *Петя упрям* – значит сказать мало или же ничего не сказать, то может прибегнуть к сравнению с эталоном, напр., *Иван красив, как Аполлон*, а *Петя упрям, как осёл*, что будет выразительно.

Во-вторых, возможности и типы С. связываются с ситуациями, когда углублённые, сугубо специализированные суждения говорящего о предмете речи могут стать, по его мнению, коммуникативным барьером для менее подготовленного или неподготовленного слушателя (аудитории), напр.: *Слово постепенно стирается, подобно старой монете, побывавшей во многих руках, и уходит из языка. Слова даже в словаре не лежат грудой, подобно ягодам в корзине* (В. Колесов). В таких случаях С. становится удобным и экономным средством популяризации, основой для перевода исходно сложного содержания на доступный для адресата язык.

В-третьих, С. активно используется сегодня как инструмент манипулятивного речевого воздействия на массовую аудиторию в журналистике и рекламе, в сфере PR-деятельности: *Вы получите наш ответ быстрее, чем остынет Ваш кофе* или *Наш ассортимент больше, чем жителей в Ватикане*.

От адресанта и адресата С. требует общих фоновых знаний и творческого сотрудничества. С. способно прояснить коммуникативную позицию адресанта, его убеждения и мнения о предмете речи. Адресат же должен интуитивно почувствовать условность С., понять, на каком основании оно делается, доверяя при этом коммуникативной состоятельности адресанта, вовремя вспомнить и сообразить, что предлагаемое С. требует не логического, а образного осмысления: *Весна, пасмурная и неприветливая, как старухина дочка из русской сказки* (А. Эфрон, цит. по [Маслова 2001]), где эффективным С. будет только тогда, когда адресат, зная и помня сказку, сможет мысленно сопоставить пасмурную весну и старухину дочку. В условиях же эмоционально или интеллектуально затруднённого взаимопонимания, при конфликтном общении и общении с носителями другого языка и иной культуры возможности С. ограничены, поскольку в таких условиях С. может стать источником коммуникативных неудач.

Тянь-Шань похож на спящего верблюда.

А среди хребтов в горбато их кольце

Сверкает Иссык-Куль – живое чудо –

Как родинка на девичьем лице (Дж. Бокомбаев, киргизский поэт).

Сравнение *Тянь-Шаня с верблюдом* коммуникативно успешно, поскольку кто же сегодня не сможет представить себе спящего верблюда, тогда как уподобление Иссык-Куля родинке интересно как факт иной национальной культуры, но малопонятно для русской культуры, поскольку *родинка* не имеет для нас того условно-символического значения, что зафиксировано киргизским поэтом.

Лит.: Камышова А.Е. Сравнение и его функции в структуре прозаического текста (на материале прозы В. Брюсова): АКД. СПб., 2006; Ковалевская Е.В. Метафора и сравнение в публицистическом тексте: КД. М., 2011; Колесов В.В. История русского языка в рассказах. СПб., 2007; Кузне-

цова Т.Н., Стрельникова Н.И. Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976; **Культура русской речи**: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2007; **Лебедева Л.А.** Человек в зеркале сравнений: Внешность человека. Краткий русско-английский словарь. Краснодар, 2009; **Маслова В.А.** Человек в зеркале сравнения // Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М., 2001; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Мокиенко В.М.** Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003; **Огольцев В.М.** Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978; **Панкова И.М.** Сравнение как смыслообразующая доминанта рекламного текста: АКД. Ставрополь, 2006.

О.П. Жданова

СРЕДСТВА МЕЖФРАЗОВОЙ СВЯЗИ. См. ПРОЗАИЧЕСКАЯ СТРОФА

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ. См. СЛАВЯНИЗМЫ

СТЕРЕОТИПНОСТЬ РЕЧИ – результат проявления в тексте процесса стереотипизации, или специализации языковых единиц в соответствии с функциональными стилями речи.

Языковая стереотипизация представляется как постепенное «заполнение» компонентов моделей смыслов комплексами (преимущественно словосочетаниями) языковых единиц, наиболее пригодными для этой цели. Стереотипизация заключается в формировании парадигмы, описывающей случаи, которые уже были, и способной образовывать устойчивые контексты (аналог лексикализации). Напр., стереотипный комплекс (парадигма), объединяющий ряд минимальных стереотипных компонентов-словосочетаний, которые заполняют когнитивную модель ‘модальность возможности/необходимости + ментальное действие + познаваемый объект’. Эта модель включает компоненты двух типов: *надо изучить* и *изучить вопрос*. Каждый компонент может быть выражен одним из членов открытой парадигмы стереотипных словосочетаний: *надо* (*нужно, необходимо, следует, важно, легко, можно, нет возможности, нельзя* и др.) + *изучить* (*исследовать, установить, вскрыть, обнаружить, выявить, определить, доказать, аргументировать, найти* и др.) + *вопрос* (*проблему, принцип, сущность, закономерность, положение, утверждение* и др.). Вслед за В.Г. Костомаровым, Е.С. Троянской и др. целесообразно разграничивать «стереотип», «стандарт» и «шаблон» (штамп), считая стандартом лишь такое использование автоматически воспроизводимых языковых средств, которое связано с достижением определённого положительного стилистического эффекта, в отличие от шаблона, или штампа, сопровождаемого негативным эффектом [Троянская 1982: 252]. Стереотип – это либо «текст, вписанный в контекст коммуникативного акта и отражающий определённую микроситуацию» [Русский язык 1996: 352], либо «психолингвистическая динамическая функциональная система, призванная стабилизировать любую социально значимую деятельность субъекта» [Дмитриева 1996: 9], либо «условная часть, неточная идея, минимальный пучок свойств объекта того или иного класса» [Базылев 1997: 52].

Психолингвистический аспект стереотипа соотносится с личным опытом человека, ориентацией на «другого» (в более широком плане – на традицию), со способностью к усвоению (точнее, присвоению) образца в когнитивном, оценочном и поведенческом отношениях. В функциональной стилистике стереотип – применительно к функциональному стилю – служит критерием комплексной оценки правильности речи, т.е. представляет собой ядро стилевого узуса, которое соотносится с понятием коммуникативно-стилистической целесообразности речи (высказывания). С.р. (и мышления), проявляющаяся в разной степени, имеет большое значение и для формирования единого логико-семантического, а также интеллектуально- и эмоционально-оценочного контекста, присущего прежде всего научному, деловому, публицистическому стилям. Минимальные стереотипные компоненты – словосочетания, – объединяясь, составляют стереотипные комплексы, даже целые высказывания, которые включаются в стереотип стиля в целом.

Каждый стиль отбирает из общелитературного языка те языковые средства, которые в наибольшей степени соответствуют коммуникативному назначению. Другие же языковые единицы подвергаются изменению, трансформации, специализации для выполнения особой функции того или иного стиля. Каждый стиль производит своеобразное перераспределение и трансформацию языковых единиц, в чём заключается важнейшая роль стилей в развитии языка, которое совершается именно в

рамках функциональных стилей. «Заимствуя» из литературного языка и специализируя языковые единицы, стили «производят» свои стереотипные единицы. Так, в научных текстах формируются такие языковые единицы, которые наиболее точно могут выражать многократно повторяющийся процесс научной познавательной коммуникативной деятельности и также многократно зафиксированный в текстах и потому ставший стереотипным в отношении как содержания, так и средств его оформления. Именно стереотипные текстовые единицы, обусловленные не только высокой частотностью языковых единиц, но и принципами смысловой структуры текста, делают возможным развёртывание текста целого произведения с присущими ему жанровыми и функционально-стилевыми особенностями.

Функционально-стилевая С.р. соотносится с системным отбором типичных или предпочтительных единиц языковой системы и формированием фонда средств, предназначенных для выражения когнитивных моделей. В частности, в научном стиле – моделей познавательной деятельности, её этапов, методов, познавательных действий. Поскольку ментальные (познавательные) действия играют важную роль в познавательной деятельности в целом, то и слова, их обозначающие, выполняют текстообразующую функцию. Функционально-стилевая С.р. представляет собой соответствие речи функциональному стилю как инвариантному свойству текста, понимаемому в качестве динамического стереотипа, который служит для применения стилеобразующих принципов сравнения и выбора языковых единиц в процессе реализации коммуникативной стратегии автора текста.

Стереотипность научного изложения оценивается как позитивная характеристика научного функционального стиля, благодаря которой повышается «информационно-пропускная» способность научного текста, т.е. активизируется понимание читателем авторской концепции. В то же время стереотипность речевых единиц, структурно-композиционных компонентов и типизированных смыслов не исключает возможности широкого варьирования и тем самым не мешает проявлению авторской индивидуальности. Стереотипность научного изложения (а следовательно, и научного мышления, опосредованного текстом) проявляется в разных отношениях: 1) на текстовой плоскости; 2) в организации содержательной структуры целого произведения; 3) глубинной организации смысла текста целого произведения [Крижановская 1998: 136–151].

Лит.: **Базылев В.Н.** Имя человека как событие и как текст // Актуальные проблемы теории референции: сб. науч. тр. Вып. 435. М., 1997; **Ведякова Н.А.** Стереотипность и вариативность речи в научном тексте: на материале авторефератов кандидатских диссертаций по языкознанию и педагогике: КД. Челябинск, 2006; **Дмитриева Н.Л.** Стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания: АКД. Барнаул, 1996; **Коровкин М.М.** Роль когнитивных моделей в познании и речемыслительной деятельности // Лингвистические маргиналии: сб. науч. тр. Вып. 432. М., 1996; **Костомаров В.Г.** Русский язык на газетной полосе. М., 1971; **Котюрова М.П.** Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998; **Крижановская Е.М.** О стереотипности компонентов коммуникативно-прагматической структуры научного текста // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998; **Разинкина Н.М.** О понятии стереотипа в языке научной литературы (к постановке вопроса) // Научная литература: язык, стиль, жанры. М., 1985; **Русский язык конца XX столетия** (1985 – 1995) / под ред. Е.А. Земской. М., 1996; **Троянская Е.С.** Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982.

М.П. Котюрова

СТИЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ РЕЧЕВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ. Среди многочисленных Ф. языка обычно выделяют базовые, первичные, и частные, производные. К базовым, фундаментальным Ф. относятся: **коммуникативная** – осуществление процесса общения между людьми и **когнитивная** (или, в иных терминологиях, логическая, познавательная) – выражение деятельности сознания. Кроме того, общими для языка, существенными Ф. являются **номинативная** (или эпистемическая, репрезентативная, референциальная) – обозначение предметов и явлений внеязыковой действительности, **эмотивная** (или эмоциональная) – выражение отношения автора речи к сообщаемому, **конативная** (от лат. conatus - ‘попытка’) – ориентация на собеседника, т.е. учёт автором речи особенностей усвоения информации адресатом. Базовые Ф. относятся к общезыковым и проявляют себя в любых высказываниях/текстах, т.е. независимо от их стилистической принадлежности.

Проявление частных Ф. зависит от ситуации, условий, целей, задач коммуникации, или, в целом, от сферы, в которой происходит общение. Так, коммуникативная Ф. в конкретных речевых ситуациях реализуется либо как волюнтаристическая (воздействия), либо как фатическая (контактоустанавливающая) и др.; когнитивная Ф. – в таких её конкретных проявлениях, как информативная, Ф. описания, рассуждения, строгой логичности, оценки, овладения социально-историческим опытом и др.; номинативная – как способ денотации, референции, предикации и др.; эмотивная – как выразительность, образность, образность высказывания и др.; конативная – как выражение субъективной модальности, пропозициональных установок, восклицательности, эмфазы и др. [Слюсарева 1990: 564–565; Арутюнова 1998: 609–611].

В конкретных речевых разновидностях (функциональных стилях) на базе общеязыковых Ф. развиваются стилевые Ф., среди которых также выделяются основные (или конструктивные) и частные (неконструктивные). При этом само понятие «стилевая Ф.» определяется назначением конкретной речевой разновидности в коммуникации. Поэтому одна и та же Ф. в разных стилях может носить неодинаковый статус, напр., выступать в одних стилях как центральная, а в других как частная или вообще отсутствовать.

Обычно выделяют следующие стилевые функции: Ф. выразительности, образности, образности, эстетическую Ф., информативную (сообщения), Ф. воздействия (экспрессивную), агитационно-пропагандистскую, Ф. ценностной ориентации, популяризаторскую, рекламную, социальной оценки, Ф. предписания (долженствования, или императивную), констатации, фатическую и нек. др. Реализация стилевых Ф. в тексте создаёт соответствующие Стилиевые черты (см.).

В сфере научного общения, обслуживающей нужды познавательной деятельности, основной Ф. является когнитивная. Популяризации добываемых научных знаний способствуют такие Ф., как информативная (сообщения), популяризаторская, Ф. констатации и ценностной ориентации (аксиологическая). В качестве частных выступают Ф. социальной оценки, выразительности изложения (экспрессивности и образности).

В официально-деловом стиле, регулирующем отношения в обществе и между государствами, в качестве основных выступают Ф. предписания (долженствования), констатации. Роль частных Ф. выполняют информативная и популяризаторская (особенно во вторичных документах, жанрах подзаконных актов), Ф. воздействия и выразительности.

Для публицистической речи, обслуживающей нужды массовой коммуникации, основными являются информативная Ф., Ф. ценностной ориентации и социальной оценки, экспрессивная Ф., Ф. воздействия, а также Ф. констатации и агитационно-пропагандистская.

В художественном стиле, направленном на удовлетворение эстетических потребностей общества, основными оказываются такие Ф., как эстетическая (поэтическая), реализующаяся как образность, образность, и эмотивная (экспрессивная).

В разговорно-обиходной речи, обслуживающей сферу повседневного непосредственного межличностного неофициального общения, основными являются Ф.: эмотивная, воздействия, фатическая, ценностной ориентации и информативная.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Функции языка // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1998; **Виноградов В.В.** О языке художественной прозы: избранные труды. М., 1980; **Винокур Г.О.** Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990; **Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.** Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; **Одинцов В.В.** Речевые формы популяризации. М., 1982; **Слюсарева Н.А.** Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Н.В. Данилевская

СТИЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ – признаки текста, выражающие особенности какого-л. функционального стиля. С.ч. обусловлены функциями, которые свойственны стилю, и факторами, влияющими на функционирование стилей: сферой общественной деятельности, формой речи (письменной или устной), видом речи (монологом, диалогом, полилогом), способом коммуникации (общественной или личной), целью общения, автором (адресантом), адресатом, жанром. Каждый функциональный стиль обладает несколькими С.ч. Выявление набора этих черт даёт возможность составить общее представ-

ление о функциональном стиле. Отвлечённо-обобщённость (абстрагизация), подчёркнутая логичность изложения, смысловая точность (однозначность), безобразность, объективность изложения, сухость, строгость, некатегоричность – основные С.ч. научного стиля. Императивность, или предписующе-долженствующий характер; категоричность, логичность; точность, не допускающая инотолкования; неличный характер речи, стандартизованность (шаблонная форма); особый тип изложения, предполагающий минимизацию таких видов речи, как повествование, описание и рассуждение; подчёркнутая, акцентированная констатация – основные С.ч. официально-деловых текстов. Сочетание экспрессии и стандарта, оценочность, образность, призывность, простота и доступность, рекламность, стремление к новизне, документализм, обобщённость – основные С.ч. публицистических текстов. Набор С.ч., характерный для художественного стиля – художественно-образная речевая конкретизация, выражающаяся «такой системной организацией художественной речи, которая способна “переводить” слово-понятие в слово-образ» [Кожина 1977: 204]; эмоциональность, динамизм, образительно-выразительные средства. С.ч. разговорного стиля – непринуждённый (иногда фамильярный) характер речи, эллиптичность, чувственно-конкретизированный характер речи, прерывистость, непоследовательность речи, эмоционально-оценочная информативность, аффективность, употребление внелитературных элементов.

Набор С.ч. обуславливается не только функциональным стилем, но и жанром, хотя доминантные черты характерны преимущественно для всех текстов определённого стиля. Степень проявления основных черт также варьируется в зависимости от темы, авторских целей и задач и других факторов.

Многие из С.ч. представлены в разных функциональных стилях. Так, логичность присуща научному и официально-деловому стилям. Точность присуща научному, официально-деловому, публицистическому, художественному и разговорному стилям, однако это разная точность. Официально-деловым текстам свойственна точность, не допускающая инотолкования. Смысловая точность научной речи предполагает однозначность понимания, терминологичность. В публицистическом стиле важна фактографическая точность. В художественной речи точность – это верность образу, конкретность. Для разговорной речи точность характерна в меньшей степени, чем для других стилей.

Существуют различные классификации С.ч. Э.Г. Ризель предложила классификацию С.ч. с учётом их полярности, несовместимости в одной речевой разновидности: образность – безобразность, рациональность – эмоциональность, стандартность – уникальность, категоричность – некатегоричность и др. М.Н. Кожина и М.П. Котюрова выделяют С.ч. онтологической основы (экстралингвистическое основание: форма сознания и вид деятельности, а значит, цели и задачи общения) и коммуникативной. К онтологическим С.ч. относятся отвлечённо-обобщённость (в научной речи), предписующе-долженствующий характер речи (в официально-деловом стиле), социальная оценочность (в газетно-публицистическом стиле), художественно-образная конкретизация (в художественном стиле). С.ч. собственно коммуникативного назначения – точность, логичность, выразительность, образность, стандартизованность выражения, категоричность/некатегоричность и др.

При описании функциональных стилей важно учитывать экстралингвистические факторы, определяющие наличие его С.ч., а также специфичные, доминантные, и дополнительные, периферийные черты.

Лит.: Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010; Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977, 2008; Кожина М.Н., Котюрова М.П. Стилиевые черты // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; Кульгав М.П. Основные стилиевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-технической речи: АКД. М., 1964; Ризель Э.Г. Полярные стилиевые черты и их языковое воплощение // Иностраный язык в школе. 1961. № 3.

А.Н. Смолина

СТИЛИ ПРОИЗНОШЕНИЯ – разновидности произношения, связанные со стилистической дифференциацией языка в целом, в частности со стилистическими разграничениями в лексике.

Стилистика русского произношения изучена недостаточно, но всё-таки в современной лингвистике сложилось определённое представление о ней. Прежде всего – для С.п. характерно наличие или

отсутствие разной степени экспрессивной окрашенности. Стилистически не окрашенным является **нейтральный стиль** произношения, на фоне которого выделяются стилистически окрашенные (маркированные) **высокий** стиль и **разговорный**. За пределами литературного произношения остаётся просторечие.

Слово *здравствуйте* в зависимости от ситуации общения может быть произнесено по-разному: [здрѣствуйт'ь] – высокий стиль; [здѣствуйт'ь] – нейтральный стиль; [здѣрас'т'ь], [здѣраст'ь], [дѣрас'т'ь] – разговорный стиль.

Различие между этими стилями может заключаться в соотносительности их норм с соответствующими лексическими пластами: слова нейтрального стиля в своём звучании оформляются по нормам нейтрального стиля произношения, слова высокого стиля – по нормам высокого стиля произношения, слова разговорные – по нормам разговорного стиля произношения. Так, относящиеся к высокой лексике слова *дерзание*, *свершение*, могут произноситься со звуком [э^н] в первом предупредительном слоге.

Для высокого стиля возможно использование норм старомосковского произношения или произношение без редуцирования гласных в некоторых словах иноязычного происхождения из области дипломатии (*досье*, *коммюнике*, *экспозе*), искусства (*поэт*, *сонет*, *модерн*, *модерато*, *болеро*, *рококо*, *ноктюрн*) и др.

Хотя литературное произношение предполагает строгое следование общепринятому стандарту, в пределах нормы могут существовать два или больше способов выражения одного содержания, которые не являются взаимозаменяемыми: каждый из них имеет своё назначение и может быть употреблён в зависимости от содержания высказывания и жанра речи, ситуации общения и адресата, т.е. связан с определённым произносительным стилем. Одно и то же слово, употреблённое в разных стилистических контекстах, может изменять свой произносительный облик.

Система стилей и их произносительные приметы исторически изменчивы. Напр., в XVIII в. существовало две произносительные нормы: книжная (высокая), которая, по определению М. Ломоносова, «в чтении книг и в предложении речей изустных к точному выговору букв склоняется», и некнижная (разговорная), которая более употребительна «в обыкновенных разговорах».

Л.В. Щерба в статье 1915 г. «О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов» говорит о двух стилях в произношении – полном и разговорном: *здравствуйте* и *здѣрасте*, *говорит* и *грѣт*. При этом он отмечает, что это лишь крайние случаи. В действительности же «существует бесконечное множество переходных нюансов», а «полные формы в сущности в обычной речи никогда не употребляются» [Щерба 1957: 21].

Эти стили разграничиваются следующим образом: полный (при медленном темпе речи, с отчётливым произношением звуков, тщательностью артикуляции) и неполный, или разговорный (при быстром темпе речи, с менее отчётливым произношением звуков, сильным редуцированием).

Лит.: **Аванесов Р.И.** Сведения о произношении и ударении // Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы. М., 1988; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 2007; **Вещикова И.А.** Об особенностях функционирования разговорных (компрессионных) вариантов произношения в публичной речи // Филологические науки. 2008. № 2; **Ганиев Ж.В.** Вариативность в русском произношении: перманентная борьба вокруг нормы: КД. М., 2009; **Панов М.В.** История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990; **Панов М.В.** О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие русского литературного языка: сб. науч. тр. М., 1963; **Щерба Л.В.** О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Т.М. Григорьева

СТИЛИЗАЦИЯ – стилистический приём, состоящий в намеренном воспроизведении (имитации) характерных языковых особенностей, способов построения речи того или иного стиля (индивидуального или свойственного тому или иному литературному направлению, какой-л. исторической эпохе, социальной или этнической общности и т.п.). Так, С. исторического повествования «предполагает последовательное тематически и этически мотивированное вкрапление в его композиционно-

речевую структуру лексико-фразеологических и грамматических историзмов и архаизмов, композиционных элементов текстов и документов описываемой эпохи» [Русский язык 1997: 539]. В качестве примера исторической С. можно привести начало стих. А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»: *Как ныне собирается вещей Олег / Отмстить неразумным хазарам: / Их села и нивы за буйный набег / Обрѣк он мечам и пожарам...*

А.И. Фёдоров по поводу этого отрывка замечает: «Чтобы перенести воображение читателя в эпоху древней Киевской Руси, Пушкин в первую строфу стихотворения вводит отдельные архаичные формы слов, понятные читателю: *ныне, собирается* (вместо *собирается*), *отмстить* (вместо *отомстить*), устаревшее слово *вещий* в значении “мудрый, проницательный, вдохновенный”, архаичную форму глагольного управления» [Фёдоров 1985: 114–115].

Примером исторической С. в прозе может служить речь Козьмы Минина перед жителями Нижнего Новгорода в историческом романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Вот начало этой речи: *Граждане нижегородские! – начал так бессмертный Минин. – Кто из нас не ведает всех бедствий царства Русского? Мы все видим его гибель и разорение, а помощи и очищения ниоткуда не чаем. Доколе злодеям и супостатам напоят землю русскую кровью наших братьев? Доколе православным стонать под позорным ярмом иноверцев? Ответствуйте, граждане нижегородские! <...>*

«Последовательно воспроизводя существенные черты разговорной или литературной манеры, писатель как бы перевоплощается и смотрит на мир глазами героя или того автора, стиль которого он использует для решения определённых художественных задач» [Троицкий 1964: 169].

Так, в постмодернистской литературе С. часто является проявлением иронизма автора (см., напр., главы «Достоевский-2», «Ахматова-2», «Платонов-3», «Чехов-3», «Набоков-7» и др. в романе Вл. Сорокина «Голубое сало»). Отголоски иронической С. можно встретить и в современной газете, напр.: *Геннадий Зюганов* (заголовок. – А.С.). *Главный коммунист-батюшка, зело осерчав на отъезд Б. Ельцина из Руси-матушки во время пасхальной недели – поелику «не по-христиански» сие – нацелил свою иконописную партию на возвращение блудного атеиста Бориса в лоно христианского богонартизма: больше молиться за президента, товарищи, молиться и молиться! Аз есмь КПРФ!* (КП. 24.04.1998).

Исследователи отмечают близость С. сказу и Пародии (см.).

Лит.: Алпатов А.В. Стилизация речи // Русская речь. 1970. № 4; Горшков А.И. Русская стилистика: учеб. пособие. М., 2001; Завгородняя Г.Ю. Стилизация в русской прозе XIX– начала XX веков: ДД. М., 2010; Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Тамарченко Н.Д. Чужой стиль в литературном произведении. Подражание, стилизация, пародия, вариация // Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия для студентов филологических факультетов. М., 1999; Троицкий В.Ю. Стилизация // Слово и образ: сб. ст. М., 1964; Фёдоров А.И. Образная речь. Новосибирск, 1985; Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. М., 2002.

А.П. Сковородников

СТИЛИСТИКА, – раздел языкознания, изучающий выразительные средства и возможности языка и закономерности функционирования (использования) последнего в различных сферах общественной деятельности и ситуациях общения; предметом С. является **стиль** во всех его значениях. Существенной приметой С. является изучение языка в динамике – аспект функционирования языка (речеведческий), поскольку стиль по природе своей – явление функциональное и динамичное. Поэтому развитие С. как науки связано с постепенным формированием и оформлением в языкознании коммуникативно-функционального принципа исследования. С. противопоставлена разделам языкознания, описывающим языковые единицы по уровням языковой системы (фонетика, лексикология, грамматика), но соотносительна с культурой речи и риторикой.

С., как и многие современные лингвистические дисциплины (особенно новые, напр. прагматика), многоаспектна и потому представлена не одним, а целым рядом направлений; в центре внимания каждого из них какой-л. аспект многогранного понятия «стиль».

В современной С. как науке обычно выделяются следующие направления.

Так называемая **структурная С.**, иначе – **С. языка** (С. ресурсов), занимающаяся изучением и описанием стилистически окрашенных средств и возможностей языка. Предмет её – прежде всего сами стилистически значимые средства, определение их различных окрасок, систематизация стилистически отмеченных средств, т.е. стилистическая сторона языковой системы; отсюда и её название – структурная (в противоположность речевой, функциональной). Однако поскольку стиль – явление в принципе функциональное, то и это направление не является собственно (исключительно) структурным. Кстати, **практическая С.** как раз даёт рекомендации эффективного употребления в речи стилистических средств языка. Структурная С. изучает стилистические значения и стилистические окраски языковых единиц, стилистические потенции синонимов, антонимов, средства словесной образности, стилистические нормы, систематизируя и описывая эти средства по уровням языковой системы (*Лексическая С.*; *Синтаксическая С.* и т.д.).

Центральное направление современной С. – **функциональная С.**, исследующая закономерности функционирования языка в зависимости от коммуникативных задач в различных социально значимых сферах общения и деятельности, соотносительных с формой общественного сознания; специфику и речевую системность функциональных стилей и их частных функционально-стилевых разновидностей: подстилевых, жанровых, ситуативных и т.д.; нормы отбора и сочетания в них языковых средств. В отличие от структурной С., предметом её изучения являются не языковые единицы сами по себе, но закономерности их использования, употребления в речи (текстах, типах текстов), обусловленные влиянием на речь базовых и других экстралингвистических стилеобразующих факторов. Функциональная С. рассматривает воздействие на речь общественного сознания, типа мышления, целей и задач общения и вида деятельности, а также тематики и содержания целостного произведения, его жанра. Она определяет принципы отбора, сочетания языковых элементов и организацию речи, её смысловую структуру.

В последнее время особо выделяется **С. текста** (см.), являющаяся, однако, по существу одним из аспектов функциональной С. Иногда особо выделяют **экспрессивную С.**, которая изучает не столько сами по себе экспрессивно-эмоциональные и выразительные средства языка, сколько приёмы, способы использования этих средств в речи и достигаемый ими эффект.

Более специальные (частные) направления: **историческая (диахроническая) С.** – малоработанное, но весьма перспективное направление исследований, призванное изучать развитие стилистических средств ЛЯ и его стилиевых разновидностей: прежде всего формирование функциональных стилей; **сопоставительная С.** – предмет изучения которой – стилиевые системы двух-трёх сравниваемых языков, их различия и возможные сходства (так, функциональные стили славянских и – шире – западноевропейских языков имеют многие общие стилиевые закономерности); **С. художественной речи** изучает своеобразие функционирования языка в сфере художественной литературы.

Кроме того, с учётом структуры речевого акта (автор – код (текст) – получатель) и в зависимости от того, на первом или третьем компоненте этой модели сосредоточивается исследовательское внимание, выделяют стилистику от автора, иначе – **С. кодирования**, и – от читателя – **С. декодирования**.

Лит.: Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика. М., 1977; Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи. М., 2000; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2001; Захарчук О.Е. Функционально-семантические особенности понятийно-терминологического поля стилистики: КД. Ростов н/Д, 2008; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М., 2005; Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. М., 2006; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие. М., 1977; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие. М., 2006.

М.Н. Кожина

СТИЛИСТИКА РЕСУРСОВ – направление стилистики, изучающее стилистические возможности языковых единиц разных уровней.

Во-первых, С.р. изучает и описывает **средства словесной образности**. Основные средства: эпитет, метафора, синекдоха, различные синтаксические фигуры и др. При этом стилистически маркированными считаются прежде всего образные средства, относящиеся к числу свежих, новых, оригинальных выражений (в отличие, напр., от языковых метафор типа *ножка стола, крыло самолёта, ручка двери* и речевых штампов типа *чёрное золото, голубой экран, зелёная улица, высокие рубежи* и т.п.).

Больше всего образных средств (все их разновидности) употребляется в художественной литературе и публицистике, но и другим стилям средства выразительности не чужды, хотя и менее типичны для них. Метафора и эпитет могут, напр., использоваться в науч. речи, правда из-за терминологичности и обязательной однозначности данного стиля эти средства утрачивают здесь свою образность, ср.: *клапан сердца, оптический обман, смысловые ножницы, усталость металла, головка, муфта, колено; взаимпроникающие факторы, хрящевидная поверхность, тесьмовидные формы*. Деловой речи, в силу её официальности, точности, терминологичности, безэмоциональности, средства словесной образности почти несвойственны, исключая отдельные жанры, напр., законодательно-публицистические (декреты, праздничные приказы) или некоторые собственно деловые (договоры, соглашения), ср.: синекдоха – *официальное лицо, договаривающаяся сторона, клиент гарантирует*; метафора – *несут расходы, ответственность лежит на нанимателе, вступить в законную силу*. Правда, образность в этих случаях не явная, а стёртая. Для разговорной речи образные средства вполне характерны, но активность их употребления зависит от ситуации общения, темы разговора, а также индивидуальности общающихся.

Во-вторых, С.р. изучает **синонимию**, в частности, лексическую, которая представлена двумя группами: 1) **экспрессивно-эмоциональные** синонимы: слова с повышением стиля (*флаг – стяг, родина – отчизна, губы – уста*) и с понижением (*есть – лопать, украсть – стибрить, кричать – орать*). Стилистическая окраска этой группы слов определяется на фоне стилистически нейтральности; 2) **стилистические** (или **функциональные**) синонимы: их различие определяется сферой употребления (нейтр. – *просить*, оф.-деловое – *ходатайствовать*, поэтич. – *взывать*, разг. – *клянчить*). При этом в официально-деловой и научной речи синонимия минимальна; в художественной и публицистической – максимальна, причём художественной речи свойственна так называемая контекстная синонимия, когда синонимами становятся слова, не являющиеся таковыми в языковой системе: *Она действительно походила на молодую, белую, стройную, гибкую берёзу* (Б. Полевой); в разговорной речи синонимия потенциально велика, но конкретное количество всегда зависит от индивидуальности и уровня речевой культуры говорящего.

В С.р. описывается синонимия и на других языковых уровнях: словообразовательном (*телевизор, телик; ветер, ветерок, ветрище, ветрило*); морфологическом (*инженеры – инженерá, метр ситца – ситцу, нет помидор – нет помидоров; зарёй – зарёю, доброй – доброю*); синтаксическом: синонимия предлогов (*для улучшения – в целях улучшения, за грибами – по грибы*), союзов (*если сможешь – ежели сможешь, коли сможешь*), синтаксических форм, напр.: обособленный оборот/придаточное предложение (*Подойдя ближе к дому, я узнал соседа* (кн.). – *Когда я подошел ближе к дому, то узнал соседа* (нейтр.). – *Подошедши ближе к дому, я узнал соседа* (разг.)), сочинительные/подчинительные конструкции (*Дверь открыли, и холодный пар повалил на кухню. – Когда дверь открыли, холодный пар повалил на кухню*), полное/неполное предложение (*Когда ты вернешься домой? – Когда вернешься?*).

В-третьих, к стилистическим ресурсам относится «окрашенная» лексика:

1) эмоционально-экспрессивно окрашенная лексика, т.е. лексика с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской (само слово содержит элемент оценки): (а) *губошлёп, разгильдяй, забуддыга, всемогущий, потрясающий* и т.п. Стилистическая окраска таких слов обусловлена их закреплённостью за определённым типом речи, либо разговорным, либо книжно-торжественным; (б) *дуб, медведь, ворона, тряпка* (о человеке); *болото* (о группе людей) и т.п. – ситуативно-стилистически окрашенная лексика, точнее многозначные слова, приобретающие оценочность в контексте; (в) *котик, мамочка, бабуся, възыграть* – стилистически маркированные слова. Все оттенки эмоционально-экспрессивной окраски принято делить на две группы: с положительной и отрицательной (негативной) характеристикой;

2) функционально-стилистически окрашенная лексика связана с традицией употребления в определённых стилях: (а) лексика науч. стиля – узкоспециальные термины (*полимер, дифференциал, аф-*

фиксация) и общенауч. терминология (*классификация, диалектика, аргумент*); (б) лексика оф.-делового стиля – оф.-деловая терминология (*закон, юриконсульт, документация*), канцеляризм (*нижеподписавшийся, возыметь действие, вакантное место*), особые служебные слова (*согласно, в случае, в силу того что, во изменение*); (в) лексика, характерная для публицист. стиля – публицист. терминология (*интервью, репортаж, комментатор*), общественно-публицист. термины (*дискриминация, ратификация, агрессия*); (г) лексика, употребительная в художественных текстах (преимущественно XIX в.), – слова с пометами «поэтическое», «народно-поэтическое», «высокое», «торжественное», «книжное» и т.п. (*чары, бездна, воинственный, очи, одухотворенный, ниспадать, воистину, добрый молодец, кручинушка, лебедушка*); (д) лексика разговорного стиля – собственно разговорная (*балагурить, прихворнуть, вдребезги, воркотня, нежничать*) и просторечная, среди которой выделяют лексику негрубого просторечия (*пустомеля, скупердяй, огромнуций, застудиться, ляпнуть, горланить*) и грубо-просторечную, или вульгаризмы (*рыло, пузо, хахаль, шпана, жрать, лаяться, выпендриваться*); к разговорной лексике иногда относят также диалектизмы, однако они сами по себе не имеют стилиевой окрашенности и приобретают её только в определённом контексте.

В-четвертых, на уровне синтаксиса к стилистическим средствам относятся эмоциональные и экспрессивные конструкции, напр.: предложения, различные по цели высказывания (побудительные, восклицательные, нередко вопросительные); полные предложения, являющиеся признаком книжно-письменной, интеллектуальной речи, и неполные предложения, свойственные сфере живого общения, а отсюда и художественной и публицистической речи; односоставные предложения, среди которых безличные (*Смеркается; Ему не спится; У нас нет времени*) тяготеют к разгов. и худож. речи, обобщённо-личные (*Цыплят по осени считают; Что посеешь, то и пожнёшь*) – к народной и поэтич. речи; инфинитивные предложения, являясь эмоциональным типом односоставных предложений, формируют фонд разговорной и художественно-поэтического синтаксиса (*Приглушить моторы! Свистать всех наверх! Что бы мне придумать?* и т.п.), тогда как синонимичные им безличные предложения с модальными словами *необходимо, можно, следует* и т.п., характерны для науч. и офиц.-деловой речи (*Необходимо следовать законам; Можно говорить о положительных результатах опыта*); номинативные предложения, в силу своей способности создавать образную, живую картину, типичны для художественно-поэтической и публицистической речи: *Ночь, улица, фонарь, аптека...* (А. Блок) и др.

Лит.: Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М., 1998; Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. М., 1986; Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц. М., 1983; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М., 2008; Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М., 2009; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1998; Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975; Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М., 2008; Чернышёв В.И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики. СПб., 1914.

Н.В. Данилевская

СТИЛИСТИКА ТЕКСТА – одно из направлений стилистики, предметом изучения которого является целый текст и его (текстовые) единицы в стилистическом аспекте, а именно закономерности организации текста как содержательно-смыслового, композиционно-структурного и жанрового единства в зависимости от целей и задач общения, идейного содержания, функционально-стилевой принадлежности – для наилучшей его интерпретации.

Текст издавна был объектом и предметом стилистики, поскольку стиль – свойство текста. Основы С.т. были заложены в трудах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, М.М. Бахтина, Б.А. Ларина. Однако в качестве особого направления С.т. оформилась сравнительно недавно в связи с развитием лингвистики текста и на пересечении её с функциональной стилистикой. Чёткие границы между этими дисциплинами не всегда осознаются, и проблемы С.т. рассматриваются в рамках лингвистики текста. Между тем есть основания для утверждения о принципиальном различии указанных направлений исследования. Если лингвистика текста изучает **структуру** текста вообще и собственно текстовые

единицы (ССЦ – сложное синтаксическое целое, СФЕ – сверхфразовое единство, абзац), их роль в развёртывании текста, т.е. представляет собою **грамматику** текста, то С.т. сосредоточивается на исследовании **стилистической** значимости этих и других единиц в конкретном произведении, их роли в создании стилевой специфики и выражении содержания текста.

По определению В.В. Одинцова (автора одной из первых современных работ по С.т.), «стилистика текста изучает структурно-стилистические возможности речевых произведений (включая литературно-художественные), композиционно-стилистические типы и формы, конструктивные приёмы и функционирование в речи языковых средств. Стилистика текста входит в состав стилистики речи...». «Методологической основой стилистики текста служит представление о единстве формы и содержания». «Стилистика текста, учитывая стилистическую значимость языковых единиц, стремится определить и описать стилистические эффекты, возникающие в речи благодаря структурной организации текста» [Одинцов 1980: 50–51]. Кроме того, автор отмечает, что «...важно показать **принципиальное отличие** подхода с позиций **стилистики текста** от подхода с позиций лингвистики текста» (выделено нами. – М.К.) [Одинцов 1980: 50].

Таким образом, важнейшим (основополагающим) у С.т. является не структурно-грамматический, а функциональный аспект, предполагающий единство формы и содержания и экстралингвистическую обусловленность текста. Исследование внутриабзацных связей и собственно текстовых единиц в аспекте их стилистической значимости в тексте, жанрово-композиционных его особенностей, создающих целостность текста, изучение закономерностей развёртывания последнего, обусловленное его содержанием и функционально-стилевой принадлежностью, сближают С.т. с функциональной стилистикой. Собственно, С.т. является функциональной дисциплиной, можно сказать, ответвлением функциональной стилистики, однако она уже по объекту и предмету исследования (изучая преимущественно конкретный текст), тогда как прерогативой функциональной стилистики является типология речи, закономерности функционирования языковых единиц всех уровней. Именно на основе функционального подхода С.т. можно объединить с функциональной стилистикой. Сближает их и центральный для той и другой исследовательский аспект – внимание к речевой системности (организации) текста.

Одной из проблем функциональной С.т. является изучение стилевых функций текстовых категорий (цельности, логичности, темпоральности и др.) и их роли в организации речевой и содержательно-смысловой структуры произведения, а также вопросы композиции текста.

С.т., будучи теоретической основой учебной дисциплины «Лингвистический анализ художественного текста», призвана решать две задачи: способствовать лучшему пониманию анализируемых (читаемых) текстов, а также развитию и совершенствованию умений создавать тексты в разных жанрах и стилях и их адекватному пониманию и толкованию.

В последнее время начинает оформляться в качестве особого направления коммуникативная стилистика художественного текста, которая формируется «на стыке с другими науками, комплексно изучающими целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля» [Болотнова 1998]. Оригинальная концепция стилистики именно как С.т. представлена в [Горшков 2001].

Лит.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986; Болотнова Н.С. Задачи и основные направления коммуникативной стилистики художественного текста // Вестник ТГПУ. Вып. 6. Томск, 1998; Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М., 1980; Глухоедова Н.Н. Языковая композиция художественного текста: структурные компоненты: КД. Чита, 2009; Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2001; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990; Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980; Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1997; Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин. М., 2003.

М.Н. Кожина

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ (от лат. *convergēre* – ‘приближаться, сходиться’) – сложный стилистический приём (в иной трактовке – тип выдвигания), основанный на взаимодействии стилистических средств одного или разных уровней языка в результате выполнения ими единой стилистической функции.

Термин и понятие конвергенции были введены в стилистику М. Риффатером, который понимал конвергенцию как скопление в одном месте нескольких стилистических приёмов. «Каждый из них в отдельности, – писал он, – является экспрессивным. Когда они стоят вместе, один придаёт другому дополнительную экспрессивность. Эффект, производимый конвергенцией этих стилистических приёмов, создает особую, сильную экспрессивность» [Риффатер 1980: 88–89].

В С.к. могут участвовать языковые средства (приёмы) разных уровней (разнородная, или гетерогенная, конвергенция) или языковые средства одного уровня, напр. синтаксического (однородная, или гомогенная, конвергенция). Конвергенция может осуществляться в пределах как одного предложения (сосредоточенная конвергенция), так и нескольких связанных между собой синтаксически и по смыслу предложений (рассредоточенная конвергенция) [Сковородников 1981: 204–205]. Напр.:

Мы едем по сено. Едем, едем, едем...

– *Бр-р-рам!* – *повалился я с воза, подскочил, во что-то головой торонулся, аж искры из глаз брызнули* (В. Астафьев) – в рамках одного предложения в функции актуализации значений энергичности и длительности действия взаимодействуют инверсия, асиндетон (ср.: *повалился я с воза, подскочил и во что-то головой торонулся*) и экспрессивные просторечия (*аж, торонулся*), т.е. представлена разнородная сосредоточенная С.к.; *Бабушка ещё и ещё говорила. В руках у неё крутилось и крутилось веретено. Веки мои склеивались, был я ещё слаб после болезни и всё спал, спал* (В. Астафьев) – в трёх предложениях в функции художественно-образной конкретизации изображаемого взаимодействуют парные позиционно-лексические повторы, т.е. представлена однородная рассредоточенная С.к.

Взаимодействие стилистических приёмов может осуществляться разными способами, напр. наложением и соединением: *Поговаривают, что руководство канала ТНТ решило продлить проект «Дом-2» аж до августа. Непонятно только, кому нужно очередное продолжение этой «Санта-Барбары»?* (Комок. 2005. № 17) – конвергенция способом наложения: использование в составе риторического вопроса (второе предложение) прономинации (собственного имени *Санта-Барбара* в значении нарицательного ‘длительный проект’») в негативно-оценочной функции; *Человек, который постоянно пересыпает свою речь иностранными словами или нецензурными выражениями, канцелярскими оборотами или словами-паразитами, засоряет именно свою речь* (П. Клубков) – цепочка метафор, позволяющая автору текста не только сделать речь образной, но и выразить своё негативное отношение к поставленной проблеме.

При узком понимании под С.к. понимают только один из способов взаимодействия стилистических приёмов – их последовательное соединение (сцепление), наложение же, как и вставку, относят к другому способу взаимодействия – стилистической контаминации (см.).

Как видим из примеров, С.к. используется не только в художественных, но и в публицистических и научно-популярных текстах, выполняя разнообразные функции.

Лит.: **Античные теории языка и стиля** (антология текстов). СПб., 1996; **Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. Л., 1981; **Астафьева И.М.** Стилистическое использование комплексов синтаксических приёмов // Учёные записки МГПИИЯ им. М. Горького. Т. 42. М., 1968; **Гольдман А.А.** Типы конвергенции стилистических приёмов // Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи. Ч. 1. Иркутск, 1983; **Копнина Г.А.** Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов): АКД. Красноярск, 2001; **Лопаткина С.В.** Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке (на материале художественной и публицистической речи): АКД. Абакан, 2004; **Маторина Н.С.** Информационный потенциал стилистических конвергенций (на материале англо-американской художественной прозы): АКД. М., 1989; **Обнорская М.Е.** Синтаксические конвергенции // Стилистика романо-германских языков (Материалы семинара) / Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 491. Л., 1972; **Риффатер М.** Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвистика. М., 1980; **Сковородников А.П.** Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НОРМА – совокупность исторически сложившихся и вместе с тем закономерно развивающихся общепринятых реализаций заложенных в языке стилистических возможностей. С.н. подразделяются на экспрессивно-стилистические, связанные с созданием выразительного эффекта высказывания, и функционально-стилистические – типичные для каждой сферы общения реализации принципов отбора и сочетания языковых средств, создающих определённую стилистико-речевую организацию.

Экспрессивно-стилистические нормы предполагают коммуникативно целесообразное употребление средств выразительности.

Функционально-стилистические нормы отражают специфику того или иного функционального стиля. Напр., различные требования существуют в отношении лексических повторов. В публицистической и художественной речи во избежание повторов рекомендуется использовать синонимы, местоимения. Применительно к научному стилю нормативным является повторение терминов, способствующее однозначности выражения. Точность, не допускающая инотолкования, ограничивает возможности синонимических замен и в официально-деловых текстах.

Как и общеязыковые нормы, функционально-стилистические охвачены кодификацией – отражены в лингвистических описаниях функциональных разновидностей языка, хотя кодификация здесь не столь строгая и всеобъемлющая, т.к. С.н. имеют более свободный характер, чем общелитературные. Правда, свобода эта относительна. Степень допустимости отхода от сложившихся правил организации речи меняется в зависимости от того, какое место – центральное (наиболее близкое к специфике данного стиля) или периферийное, межстилевое – занимает высказывание, каковы цели и задачи общения.

В традиционной стилистике ресурсов (стилистике языковых единиц) понятие нормы обычно связано с представлением о единстве стиля – недопустимости смешения в тексте средств с контрастными стилистическими маркировками. Для современного речеупотребления такая строгость стиля имеет весьма относительный характер, хотя в качестве общего правила она не утратила своей силы. Напр., известно, что в бытовой речи неуместны канцеляризмы или книжные слова и конструкции (См. стилистически неудачные высказывания: *Ввиду мороза я сегодня не пойду гулять*; *Надень головной убор: на улице холодно*).

Применительно к конкретному речевому произведению, речевой ситуации следует, оценивая соответствие или несоответствие высказывания С.н., учитывать фактор коммуникативной целесообразности, обуславливающий возможность взаимодействия контрастных стилистических элементов (книжных и разговорных, с высокой и низкой окраской) является эффективным стилистическим приёмом, используемым в публицистике (напр., в фельетоне – для создания комического эффекта), художественной литературе. В сочетаемости стилистических средств бóльшая свобода по сравнению с другими разновидностями языка присуща устно-разговорной речи (как выражение её эмоциональности).

Стилистически нормативным является то, что оказывается уместным для данной сферы общения, функционального стиля, речевого жанра, конкретного текста, высказывания.

Лит.: Береля И.В. Многоуровневая системность стилистических норм и проблема типологии речевых отклонений от них: КД. Краснодар, 2007; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. М., 2004; Новикова Т.Ф. Стилистика и культура речи. Региональный аспект // Русская словесность. 2007. № 5; Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2009.

Т.Б. Трошева

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА – дополнительные стилистические оттенки, которые накладываются на основное, предметно-логическое значение слова и выполняют эмоционально-экспрессивную или оценочную функцию, придавая высказыванию характер торжественности, фамильярности, грубоватости и т.д.

Нередко в качестве синонима употребляют термин Коннотация (см.). Однако в стилистике, культуре речи предпочитается термин «С.о.», связанный с употреблением и функционированием языковых единиц. Термин «коннотация» уместен при системно-языковом подходе к анализу речи (соотношение языка и действительности).

В сфере стилистически окрашенной лексики можно выделить две большие группы слов.

1. Лексика эмоционально-экспрессивно окрашенная, у которой само значение содержит элемент оценки (*кликуша, брюзга, пустомеля, слон, медведь, орёл* – о человеке, *солнышко, цветочек* и др.). Эмоционально-экспрессивные слова подразделяются на два больших разряда: слова с положительной и слова с отрицательной характеристикой. Ср.: *чаяния, грядущий, блистательный, изумительный* и *балаболка, гулёна, великовозрастный, выскочка, злоыхатель*.

2. Лексика функционально-стилистически окрашенная, к которой относятся слова, употреблённые в том или ином функциональном стиле. Прикреплённость к определённой речевой сфере, традиция употребления приводят к появлению у этих слов функционально-стилистической окраски. Функционально-стилистически окрашенная лексика подразделяется на книжную (научную, официально-деловую, газетно-публицистическую, поэтическую) и разговорную.

Книжные слова (*единомышленник, ибо, априори, вандализм*) используются преимущественно в письменно-книжной речи, и введение их в разговорные контексты придаёт последним оттенок книжности.

Разговорная лексика (*прихворнуть, вдребезги, вырядиться, всплакнуть*), свойственная разговорно-бытовому стилю, вносит в книжно-письменную речь оттенок разговорности.

Стилистические оттенки книжной и разговорной лексики выделяются на фоне нейтральной лексики (*дом, справа, третий, шить, делать*), употребительной во всех сферах и жанрах. Нейтральная лексика, составляющая основной фонд словаря, не вносит в текст стилистических оттенков и не обладает эмоционально-экспрессивной оценочностью.

Лит.: Барбон Н.В. Стилистическое расслоение словарного состава современного немецкого языка как лексикографическая проблема: КД. СПб., 2008; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2010; Несова Н.М. Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков: КД. М., 2006; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Г.Я. Солганик

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПОМЁТА – разновидность Словарной пометы (см.) – лексикографический приём указания на стилистические особенности разъясняемой словарной единицы. Напр.: (*книжн.*) – ‘книжное’, (*разг.*) – ‘разговорное’, (*прост.*) – ‘просторечное’ и т.д.

С помощью С.п. отмечаются те стилистические признаки языковой единицы (слова или устойчивого сочетания слов), которые определяют её особую позицию в отношении других, сопоставляемых с нею, единиц. Напр.: *глаза* – без пометы (нейтральное), *очи (высок., устар.)*, *зенки (прост., груб.)*.

С.п. ставится в словаре (как правило, толковом, но не только – может быть и в словаре синонимов, антонимов, трудностей языка и др.) после грамматической характеристики слова и перед его значением(ями), если относится к слову в целом, или перед тем значением многозначного слова, к которому помета относится. При устойчивых сочетаниях слов (фразеологизмах) С.п. обычно ставится после них: *Гнать в шею (прост.)* – грубо выгонять.

Система С.п. зависит от уровня развития разных областей языкознания (стилистики, лексикографии и др.) и отражает его.

В целом система С.п. далека от совершенства. Об этом свидетельствует тот факт, что почти в каждом словаре используется своя система таких помет, иногда существенно отличающаяся от системы стилистических помет других словарей. Так, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н.

Ушакова (1935) не отделяет стилистические пометы от других помет, определяющих круг употребления слова, и предлагает следующую систему: 1) С.п., указывающие на разновидности устной речи (*разг., простореч., фам., детск., вульг., арго, школьн., обл.*); 2) С.п., указывающие на разновидности письменной речи (*книжн., науч., тех., спец., газет., публици., канц., офиц., поэт., нар.-поэт.*); 3) С.п., устанавливающие историческую перспективу в словах современного языка (*нов., церк.-книжн., старин., устар.*); 4) С.п. к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта (*истор., дореволюц., загр.*); 5) С.п., указывающие на выразительные оттенки (экспрессию) слов (*бран., ирон., неодобрит., шутл., презрит., пренебр., укор., торж., ритор., эвф.*).

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова (1966) и «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (издания продолжаются) выделяют С.п., указывающие на стилистическую окраску слов: *книжн., высок., офиц., разг., прост., обл., презр., неодобр., пренебр., шутл., ирон., бран.*

«Словарь русского языка» АН СССР в 4-х тт. под ред. А.П. Евгеньевой (1957 – 1961) (МАС) к стилистическим относит следующие группы помет: 1) пометы, указывающие на принадлежность слова к различным пластам лексики русского языка (*обл., прост., груб., прост.*); 2) пометы, указывающие на стилистическую ограниченность употребления слов в ЛЯ (*разг., книжн., офиц. и офиц.-дел., высок., трад.-поэт. и народно-поэт.*); 3) пометы, указывающие на специальную область применения слова (*астр., бакт., бухг., геол., зоол. и др.*); 4) пометы, указывающие на эмоциональную окраску слова (*бран., ирон., шутл., пренебр., презр., неодобр. и почтит.*); 5) помета *устар.* к словам, выходящим из употребления в современном русском языке.

«Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в 17-ти тт. (1950–1965) сопровождает слова следующими С.п.: *разг., простореч., обл., устар., народно-поэт., шутл., ирон., бран., быт.*

С.п. одного плана в разных словарях могут отличаться. Напр., стилистически возвышенные слова и значения в Словаре Д.Н. Ушакова имеют пометы *торж.* и *ритор.*, а в словаре Ожегова – помету *высок.*

Очень часто С.п. при одном и том же слове (значении слова) в разных словарях не совпадают. Напр., слово *диспутировать* в Словаре Д.Н. Ушакова и Словаре С.И. Ожегова имеет помету *книжн.*, в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой – помету *устар.*, а в 17-томном словаре (БАСе) помет не имеет.

По мнению лингвистов, разногласия, возникающие по поводу выделения тех или иных разновидностей С.п., их иерархии и т.п., обусловлены, прежде всего, более быстрой, по сравнению с другими, сменой стилистических норм; отсутствием специально ориентированной на потребности лексикографии стилистической теории слова; сосуществованием различных подходов к интерпретации стилистического потенциала слова; существенными различиями в понимании таких категорий, как эмотивность, оценочность, экспрессивность, функциональность и мн. др.

Таким образом, мы можем говорить о том, что недостатки стилистического описания лексики в словарях обусловлены в значительной степени нерешённостью ряда важнейших проблем теоретической стилистики и отсутствием концепции стилистического потенциала слова, разработанной специально с ориентацией на лексикографическое применение.

Лит.: **Бойко Л.В.** Стилистическая ценность русского слова и её отражение в учебных словарях: АКД. М., 1991; **Денисов П.Н.** Лексика русского языка и принципы её описания. М., 1993; **Денисов П.Н., Костомаров В.Г.** Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи // Вопросы учебной лексикографии. М., 1974; **Катлинская Л.П.** Нормативные пометы в словарях и реальное речевое употребление (языковое сознание и критерии нормы) // Литературная норма и просторечие. М., 1977; **Несова Н.М.** Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков: КД. М., 2006; **Петрищева Е.Ф.** Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984; **Резниченко И.Л.** Стилистический узус русского языка советской эпохи и его отражение в лексикографии: АКД. М., 1984; **Скляревская Г.Н.** Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л., 1978; **Сорокин Ю.С.** О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5.

О.Н. Емельянова

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА – это интенционально обусловленный выбор речевых средств для выражения мировоззренческой позиции адресанта, его ценностных установок, эмоционального отношения к описываемым явлениям или предметам.

Существует три основных типа С.т.т.: тональности негативная (пейоративная), позитивная (мелиоративная) и нейтральная (объективная). Выбор текстовой тональности зависит от ведущей интенции автора (информировать, убеждать, опровергать, развлекать и т.п.), манифестируемой в дискурсе. Нейтральная тональность доминирует в официально-деловом, информационном, научном дискурсах, имеющих информативную интенциональность и стремящихся к констатации фактов, объективированному описанию действительности, что проявляется в максимальной **дезавторизации** (термин М.А. Кормилицыной) **текста**, т.е. устранению из текста сигналов авторского отношения к описываемому. В других, воздействующих типах дискурса нейтральная тональность лишь вуалирует интенцию адресанта и входит в стратегию убеждения как особый способ имплицитного воздействия на адресата. Нейтральная тональность несвойственна воздействующим типам дискурса, поскольку они базируются на определённой семантической оппозиции, детерминирующей выбор автором стилистической манеры изложения. Напр., стилистическая тональность полемики формируется вокруг бинарной оппозиции *утверждение/опровержение*. Художественный дискурс опирается на аксиологическую оппозицию *признаваемое/отвергаемое*, включающую эстетическую антиномию *прекрасное/безобразное*. Для идеологического дискурса универсальный характер имеет шкала ценностей *свой/чужой*. Автор, пытающийся эксплицитно в своём тексте оппозицию *свой/чужой*, при этом ставя акцент на *чужом*, использует пейоративную тональность. При акцентировании в данной семантической оппозиции области *своего* автор прибегает к речевому одобрению, или мелиоративной тональности. Желание автора быть объективным, неангажированным приводит его к объективной тональности, в которой данная семантическая оппозиция будет выражена имплицитно.

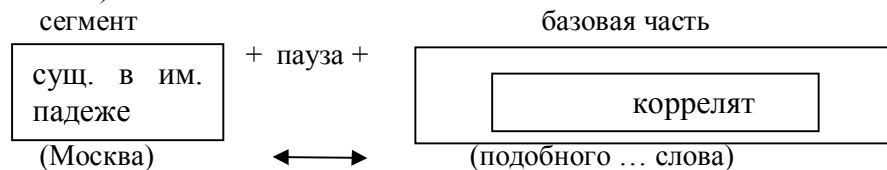
С.т.т. помогает раскрыть отношение автора текста к действительности, его ценностные установки, идеалы и убеждения. Но, помимо ценностной и идеологической позиции автора, С.т.т. раскрывает и психологические установки автора, его волевые и эмоциональные устремления. Всё это передаётся через риторико-композиционные приёмы построения текста (тропы, фигуры, амплификации и т.п.), которые не только вмещают в себя авторское эмоциональное восприятие описываемых событий, но и оказывают мощное воздействие на психо-эмоциональную сферу личности адресата, т.к. являются средствами суггестивного влияния на подсознание читателя. С.т.т. – это воздействие на эмоциональную сферу личности адресата, которое оказывается не менее, а иногда и более сильным, чем убеждение с помощью рассудочных доводов.

Лит.: Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003; Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008; Кормилицына М.А. Средства создания эмоциональной тональности газетного текста // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5. Саратов, 2005; Матвеева Т.В. Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; Смирнова М.П. Фамильярная тональность в текстах таблоидных изданий: КД. Екатеринбург, 2009.

Н.И. Клушина

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА (от лат. *figūra* – ‘очертание, образ, изображение, оборот речи’) – синтагматически типизируемый (относительно формализованный) стилистический приём (см.). Под формализованным характером фигуры понимается наличие модели (в данном случае – синтагматической схемы), реализуемой в пределах предложения или текста. Напр., С.ф. являются конструкции с именительным темой (илл. 1), анадиплозис (илл. 2), полисиндетон (илл. 3).

1. **Москва!** На картах мира нет для нас **подобного**, наполненного таким содержанием **слова** (Л. Леонов).

2. Так и вышло – загнулся и завяз... завяз и покраснел; покраснел и потерялся; потерялся и поднял глаза; поднял глаза и обвёл их кругом; обвёл их кругом и – обмер... (Ф. Достоевский).

3. ... Попишу животом, и ноздрей, и ногами, и пятками, Двухкопеечным мыслям придам сумасшедший размах (С. Чёрный).

... [] , и [] и [] и []

Разные С.ф. обладают различной степенью формализованности (моделируемости). Так, рассмотренные выше фигуры обладают достаточно высокой (хотя и не одинаковой) степенью формализованности, т.к. их реализация требует соблюдения не одного, а нескольких условий: именительный темы – четырёх (сегмент, пауза, базовая часть, коррелят в базовой части); анадиплозис и полисиндетон – двух условий (в анадиплозисе – лексический повтор компонентов, один из которых расположен в конце отрезка речи, а другой в начале следующего; в полисиндетоне – минимум два перечисляемых компонента и повторяющиеся союзы при каждом из них). Ещё меньшая степень формализованности наблюдается, напр., в апозиопезисе, при реализации которого необходимо соблюдение только одного условия – незавершённости высказывания: *Он [Ремизов] сам о себе написал. И так написал, что никто до него не мог, и после него не сможет, потому что ...* (З. Гиппиус).

[] ...

С точки зрения системного подхода к исследованию выразительных средств языка/речи и их терминологическому обозначению, целесообразно рассматривать понятия С.ф. и Тропа (см.) в качестве гипонимов (разновидностей) по отношению к родовому понятию (гиперониму) Стилистического приёма (см.).

Представленное понимание С.ф. не противоречит определению С.ф. как «синтагматически образуемому средству выразительности» [Скребнев 1997: 591], но существенно уточняет его. Существует и более широкая трактовка С.ф., в соответствии с которой С.ф. являются «любые обороты речи, отступающие от нек-рой (ближе неопределяемой) нормы разговорной “естественности”» [Гаспаров 1987: 466]. При таком взгляде на С.ф. в их состав включаются любые стилистические приёмы, в т.ч. тропы. В современной филологии отсутствует общепринятая точка зрения на терминологическое обозначение С.ф. и их классификацию.

Лит.: **Античные теории языка и стиля** (Антология текстов). СПб., 1996; **Боженкова Н.А.** Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования: АКД. М., 1998; **Василькова Н.Н.** Типология стилистических фигур в риториках и курсах словесности II половины XVIII – начала XIX вв.: АКД. М., 1990; **Гаспаров М.Л.** Фигуры стилистические // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Копнина Г.А.** Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М., 2009; **Корольков В.И.** К теории фигур // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Горького. Вып. 78. М., 1973; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Общая риторика:** пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; **Риторика и синтаксические структуры:** тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; **Сковородников А.П.** О системном описании понятия «стилистическая фигура» // Русская речь. 2002. № 4; **Скребнев Ю.М.** Очерк теории стилистики. Горький, 1975; **Скребнев Ю.М.** Фигуры речи // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Топоров В.Н.** Фигуры речи // Большой энциклопедический словарь. Языковедение / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; **Хаззагерев Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ – предназначенность (роль) языковой/речевой единицы в достижении того или иного стилистического задания. Так, в следующем тексте ярко выступает изобразительная функция речевых единиц: *Ключ начал полнеть, и не один уже ключ, а два, три, уже грозный поток хлещет из скалы, катит камни, ломает деревья, выворачивает их с корнями, несёт, крутит. Вот-вот он сметёт избушку под горой, смочит завозню и обрушит всё с гор. В небе ударят громы, сверкнут молнии, и от них вспыхнут таинственные цветы папоротника. От цветов зажёжется лес, зажёжется земля, и уже не зальёт этот огонь ни ручьём, ни Енисеем – ничем не остановить страшную бурю!* (В. Астафьев).

В приведённом примере в изобразительной функции (с целью создания наглядно-образного представления) используются: метафоры (*ключ начал полнеть, вспыхнут цветы, зажёжется лес, зажёжется земля*), эпитеты (*грозный поток, таинственные цветы, страшную бурю*), слово с экспрессивным уменьшительно-ласкательным суффиксом (*избушка*), восходящая градация (*не один ключ, а два, три, уже грозный поток; ни ручьём, ни Енисеем; ломает деревья, выворачивает их с корнем*), асиндетон (*хлещет, катит, ломает, выворачивает, несёт, крутит*), редупликация (*вот-вот*), изоколон (*катит камни, ломает деревья; ударят громы, сверкнут молнии; зажёжется лес, зажёжется земля*), анаколуп (повествовательно-восклицательная конструкция в последнем предложении). Читатель воочию видит картину стремительного наводнения, слышит шум воды, грохот камней, гром, чему способствует также аллитерация на [р] в словах *три, грозный, деревья, выворачивает, с корнем, крутит, горой, обрушит, с гор, ударят, громы, сверкнут, буря*. Эффект стремительности и стихийности происходящего усиливается приёмом аккумуляции.

Наряду с понятием «С.ф.» употребляется понятие «Стилевые функции речевых разновидностей» (см.), среди которых выделяют функции выразительности, изобразительности, образности, социальной оценки, предписания, констатации, ценностной ориентации, а также функции информативную, эстетическую, агитационно-пропагандистскую, популяризаторскую, рекламную, фактическую и др. [Данилевская 2003: 402]. Одни из перечисленных функций являются непосредственным отображением общеязыковых функций (эстетическая, информативная, фатическая, воздействующая, императивная), другие – их конкретизацией (функции изобразительности, образности, популяризаторская, рекламная, социальной оценки и др.).

Понятия и термины «С.ф.» и «стилевая функция» не являются синонимами, поскольку С.ф., кроме указания на функциональный стиль, может характеризовать высказывание с точки зрения его эмоционально-экспрессивного значения.

Лит.: Азнаурова Э.С. К вопросу о природе стилистической функции языка // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Горького. Вып. 73. М., 1973; Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. Л., 1981; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Виноградов В.А. Функции языка // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Данилевская Н.В. Стилевые функции речевых разновидностей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; Ефимов А.И. Стилистика русского языка. М., 1969; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Копнина Г.А. Об определении понятий «стилистический эффект» и «стилистическая функция» // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000; Хованская З.И. Стилистика французского языка: учеб. пособие. М., 1984.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – разновидность Речевых ошибок (см.), связанных с нарушением Стилистической нормы (см.) – исторически сложившейся общепринятой реализации заложенных в языке стилистических возможностей (экспрессивных – отвечающих за выразительность речи; функциональных – касающихся целесообразности использования тех или иных языковых средств в каждой сфере общения).

Согласно концепции Г.О. Винокура, выделяют две ступени культуры речи: низшую – связанную с правильностью речи, т.е. соблюдением Языковых норм (см.), и высшую – базирующуюся на владении стилистическими нормами, являющуюся вершиной речевой культуры (поскольку элитарная

речевая культура предполагает свободное владение всеми функциональными стилями языка, а также его экспрессивными ресурсами).

Термин «С.о.» имеет условный характер – часто говорят о **стилистических недочётах**, потому что владение стилистическими нормами не связано с простым нарушением грамматических (языковых) норм, а относится к более высокому уровню речевой культуры.

К С.о. относятся употребление слов, словосочетаний или синтаксических конструкций, которые не соответствуют стилю данного текста, нарушают стилевое единство текста; требование коммуникативной целесообразности (напр., употребление разговорных слов и конструкций в деловом документе); немотивированное повторение единиц языка в тексте (плеоназм и тавтология); прагматически не мотивированное использование нелитературной лексики (просторечий, диалектизм, жаргонизмов); засорённость речи словами-паразитами; бедность словарного запаса; канцелярит; использование единиц языка без учёта их стилистической (экспрессивно-стилистической или функционально-стилистической) окраски; неудачное использование тропов и фигур и мн. др.

Всё это, как правило, является следствием неразвитого (или недостаточно развитого) стилистического чутья и языкового вкуса носителя языка.

Лит.: Береля И.В. Многоуровневая системность стилистических норм и проблема типологизации речевых отклонений от них: КД. Краснодар, 2007; Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1981; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1999; **Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник** / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 2009; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ГРАММАТИКИ. Все ярусы языка обладают ресурсами выразительности (см. Стилистические ресурсы языка), в т.ч. морфология и синтаксис. По распространённому мнению, восходящему к работам А.М. Пешковского, стилистические ресурсы морфологии ограничены, т.к. морфологические синонимы в русском языке все наперечёт (*сыра – сыру, в лесе – в лесу, аптекари – аптекаря, добрый – добр*).

Однако синонимика хотя и составляет важнейший угол зрения стилистики, но не исчерпывает выразительные возможности морфологии. В тексте, особенно художественном, выразительными могут быть все средства языка. Экспрессивные возможности морфологии определяются не только синонимией, но и богатством категорий той или иной части речи. При этом каждая часть речи обладает собственными, особыми выразительными ресурсами. Экспрессия грамматических средств определяется теми ассоциациями и аналогиями, которые возникают при употреблении грамматической категории. Эти ассоциации дают возможность использования грамматических средств в образном значении.

Так, источником выразительности может быть основное грамматическое значение сущ. – значение предметности. Как приём изобразительности нередко используется сосредоточение имён сущ.: *Обоз обычный, три кибитки / Везут домашние пожитки, / Кастрюльки, стулья, сундуки, / Варенье в банках, тюфяки, / Перины, клетки с петухами, / Горюхи, тазы et cetera, / Ну, много всякого добра* (А. Пушкин). Намеренное перечисление различных предметов создаёт яркую шутливо-ироническую картину изобилия, многообразия, суеты.

Значительные стилистические ресурсы связаны с формами рода, числа и падежа сущ. Н.В. Гоголь в «Петербургских записках 1836 г.» писал: «Москва женского рода, Петербург мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи. Москва – старая домоседка, печёт блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается на свете; Петербург – разбитой малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европою, раскланивается с заморским людом». Автор намеренно подчёркивает признаки грамматического рода, олицетворяя

эту категорию. Возникает экспрессия, словесная игра. Приёмы выразительного использования сущ. и его форм многообразны и неисчерпаемы.

Исключительно велики стилистические ресурсы глагола, обладающего формами лица, времени, вида, склонения, числа, причастными и деепричастными формами. Богатство, разнообразие категорий определяет семантическую ёмкость, глубину, выразительность глагола. «На каком другом языке, – спрашивал В.Г. Белинский, – передали бы вы поэтическую прелесть этих выражений покойного Кольцова о степи: расстилается, пораскинулась, понадвинулась?». Практически любая категория глагола может стать источником выразительности.

Экспрессивность морфологической категории определяется также вариантностью, богатством синонимических средств выражения одного и того же содержания. При этом наиболее общим и характерным выступает сопоставление, противопоставление стилистически нейтральных и отмеченных (маркированных) вариантов. В самом общем плане это оппозиция «нормативный – ненормативный вариант». Стилистически различные варианты могут использоваться как выразительные средства: *Мы говорим не штормы, а шторма: Слова выходят коротки и смачны. / Ветра – не ветры сводят нас с ума, / Из палуб выкорчёвывая мачты* (В. Высоцкий). За просторечными формами, имеющими профессиональный характер, угадываются суровые и мужественные люди, произносящие эти «короткие и смачные» слова.

Для стилистического облика текста важное значение имеет соотношение частей речи. В этом плане главная оппозиция – «имя – глагол». Имена называют предметы, факты, события. Глагол воспринимает, обозначает процессы, действия, состояния. Одно и то же содержание сущ. выражает более статично, глагол – более динамично. По этому признаку (преобладание имён или глаголов) стили делятся на **номинативный** и **вербальный (глагольный)**. С этой точки зрения противопоставляются научная и официально-деловая речь с одной стороны и художественная речь – с другой стороны. В каждом стиле оппозиция «имя – глагол» приобретает специфический характер в связи с установкой и особенностями данного стиля. Любое произведение характеризуется той или иной морфологической структурой, своеобразным соотношением частей речи.

Таким образом, морфология содержит значительные ресурсы выразительности. Суть её заключается в том, что на основное грамматическое значение частей речи и их категорий накладываются новые, дополнительные значения, коннотации, оттенки, возникающие в контексте, в употреблении. И многое здесь зависит от мастерства, таланта, стилистической зоркости пишущего.

Значительными стилистическими ресурсами обладает синтаксис. Все его категории и единицы непосредственно или косвенно влияют на стиль текста. Доминирующий тип предложения определяет характер основного интонационного рисунка. Размер (длина) предложения, его полнота или неполнота, двусоставность или односоставность, даже пунктуация сказываются на стилистическом облике текста.

К наиболее значительным стилистическим ресурсам синтаксиса следует отнести: тип предложения (простое, сложное, период и т.п.), строй простого предложения (способы выражения сказуемого, однородные члены, вводные слова, обращения), порядок слов, характер членения предложения (парцелляция, сегментация, присоединение), риторические (стилистические) фигуры, прозаическая строфа (сложное синтаксическое целое), структура текста.

Каждый тип простого предложения имеет особое синтаксическое значение, определяющее характер его функционирования и стилистическую специфику, выступающую особенно рельефно при сопоставлении с другими типами. Полные и неполные предложения, двусоставные и односоставные предложения образуют соотносительные пары. В самом общем виде полные предложения характеризуют книжно-письменную речь, неполные – бытовую разговорную. Особые функции неполные предложения могут выполнять в книжных стилях. Так, пропуск глаголов создаёт оттенок напряжённости, быстроты действий: *Мы сёла – в пепел, грады – в прах, / В мечи – серпы и плуги* (В. Жуковский).

Односоставные предложения в целом шире используются в разговорной и художественной речи. Деловая и научная речь предпочитают двусоставные предложения. Тонкие смысловые и стилистические различия связаны с соотносительными парами: 1) личные двусоставные – безличные: *Я работаю – Мне работается*; 2) безличные – неопределённо-личные: *Его сбilo машиной – Его сбили машиной*; 3) двусоставные личные – односоставные определённо-личные: *Я работаю – работаю*.

Яркой стилистической спецификой обладают номинативные предложения, имеющие литературный и импрессионистический характер: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (А. Блок).

Значительные стилистические возможности заключены в строе предложения, в его звеньях, компонентах. Особое значение для практики речи имеют способы выражения сказуемого (*осмотрел – произвёл осмотр*), использование однородных членов, варьирование состава которых может придавать речи повествовательную плавность, пафос, патетику, разнообразные эмоциональные оттенки. На основе однородных членов строятся стилистические фигуры – Зевгма (см.), Градация (см.), Силлепсис (см.). Вообще фигуры речи (см. Стилистическая фигура) содержат широкие возможности выразительности. Вводные слова и предложения вносят в речь многообразные логические и эмоциональные оттенки.

Велика роль порядка слов. Некоторые экспрессивные варианты словорасположения типизированы. Так, выделяются варианты порядка слов, имеющие разговорную окраску, фольклорно-повествовательную, эпическую, поэтическую. Широки возможности и индивидуального использования порядка слов. Инверсия (см.), возникающая при отступлении от прямого порядка слов, всегда экспрессивно окрашена. Приёмы такого использования многообразны и практически неисчерпаемы.

Большие стилистические возможности заложены в характере, способах сочетания самостоятельных предложений в тексте. Так, цепная связь самостоятельных предложений отражает последовательное движение мысли в связной речи, параллельная связь оформляет отношения сопоставления, противопоставления, перечисления. Предложения объединяются в Прозаические строфы (см.) – основной строительный материал связной речи. Прозаическая строфа (сложное синтаксическое целое) играет важную роль в формировании стиля произведения; она участвует в смысловом и интонационном членении речи, в создании ритма прозы. В строении прозаической строфы проявляется своеобразие слога писателя. Прозаическая строфа – это своеобразная единица идиостиля.

Таким образом, возможности синтаксиса (во всех его составляющих) исключительно велики.

Лит.: Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М., 1989; Ковтунова И.И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М., 2008; Москвин В.П. Стилистика русского языка: приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград, 2000; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учебник. М., 1977; Сквородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции русского литературного языка. Опыт системного исследования. Томск, 1981; Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М., 2006; Уланова С.Б. Грамматическая семантика как объект грамматической стилистики: формо- и словообразование в современном английском языке: КД. М., 2006.

Г.Я. Солганик

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЛЕКСИКИ. Лексика – один из наиболее богатых выразительными ресурсами уровень языка. Слово – главное средство выражения мысли. Разнообразие лексикона, его состав и качество составляют важнейшее условие действенности, коммуникативной ценности Стилистических ресурсов языка (см.). Чем больше точных и выразительных слов для выражения любого содержания, тем богаче лексика того или иного языка. Поэтому главный стилистический ресурс лексики любого языка – это его словарь, заключающий в себе всё разнообразие мира – материального и духовного, все существующие и возможные предметы, понятия, концепты.

Большое значение имеет и само качество, структура слова, которое не только обозначает предмет, понятие, но и выражает отношение к обозначаемому. Это отношение закреплено в слове в качестве экспрессивного (эмоционального, коннотативного) значения, нередко неразрывно связанного с предметным значением. Экспрессивная окраска – это дополнительный оттенок оценочного характера, который наслаивается на номинативное значение слова, на предметно-логическую основу его семантики.

Экспрессивные окраски слова традиционно подразделяются на функционально-экспрессивные и функционально-стилистические. К экспрессивно (эмоционально) окрашенной лексике относятся слова, коннотативные оттенки которых заключены в значении слова и имеют устойчивый характер. Оттенки этой окраски обусловлены каким-л. отношением к называемому явлению. К функционально-стилистически окрашенной лексике относятся слова, наиболее употребительные в том или ином функциональном стиле.

Экспрессивно (эмоционально) окрашенная лексика выделяется на фоне нейтральной в стилистическом отношении, служащей своеобразной точкой отсчёта. При этом одни слова имеют высокую (повышенную) окраску, другие сниженную (ср.: *глаза – очи – гляделки*). Однако и нейтральные слова, составляющие основу подавляющего большинства художественных произведений, не лишены экспрессии. Она возникает благодаря связанному с замыслом произведения специальному отбору нейтральных слов, из совокупности которых и создаётся художественный эффект – образные картины действительности. Благодаря семантической гибкости нейтральных слов под воздействием контекста раскрываются возможности лексической единицы в передаче новых значений.

Функционально-стилистически окрашенная лексика – это лексика, закреплённая за тем или иным функциональным стилем. Традиция употребления, прикрепленность к определённой речевой сфере приводят к появлению у слов функционально-стилистической окраски: книжной (научной, официально-деловой, публицистической) и разговорной, используемой в разговорной речи.

Функционально-стилистически и функционально-экспрессивно окрашенная лексика наряду с другими разрядами образует фонд лексической синонимии – один из важнейших источников выразительности. Синонимы (семантические, стилистические, семантико-стилистические) выполняют в речи многообразные функции: используются для уточнения мысли, для сопоставления или противопоставления понятий, в функции замещения, чтобы избежать неоправданного повторения слов. Богатство синонимов – один из главных стилистических ресурсов языка.

Значительные стилистические возможности заключают в себе также антонимы, паронимы, омонимы, лексика ограниченного употребления: диалектизмы, просторечная лексика, арготизмы, профессионализмы, архаизмы, историзмы, неологизмы (см. соответствующие статьи). Неисчерпаемым источником экспрессии являются Фразеологизмы (см.). Сфера их использования исключительно широка. Они употребляются во всех стилях, но особенно часто в разговорной речи. Фразеологизмы усиливают эмоциональные и экспрессивные оттенки высказывания: как правило, фразеологизм выразительнее синонимичного ему слова или словосочетания.

Один из богатейших источников выразительности – средства словесной образности: метафоры, метонимии, эпитеты, сравнения, синекдохи (см. соответствующие статьи). Образные средства используются во всех сферах речи, однако характер и мера их употребления определяются особенностями каждого стиля.

Таким образом, к стилистическим ресурсам лексики относятся: 1) богатство, разнообразие лексики; 2) средства словесной образности; 3) лексические синонимы; 4) лексика ограниченного употребления; 5) стилистически окрашенная лексика; 6) фразеология.

С.р.л. открывают широкие возможности для действенного и творческого использования и обогащения русского языка.

Лит.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М., 1988; Вороничев О.Е. Лексическая стилистика и культура речи. М., 2008; Зайцева Н.А. Использование фразеологизмов в речи // Русский язык (приложение к газете «Первое сентября»). 2003. № 1; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка. М., 1981; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2010; Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учебник. М., 1977; Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка: учебное пособие. М., 2008; Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2008.

Г.Я. Солганик

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЯЗЫКА – возможности, предоставляемые языком для построения точной, выразительной, стилистически мотивированной речи. В принципе любое языковое средство может в особых условиях контекста стать выразительным. Однако есть средства языка, обладающие особенно значительными стилистическими возможностями. Такие С.р. есть на всех уров-

нях языковой структуры (см. Стилистические ресурсы лексики, Стилистические ресурсы грамматики).

Один из богатейших источников выразительности – средства словесной образности: Метафоры (см.), Метонимии (см.), Эпитеты (см.), Сравнения (см.), Синекдохи (см.), Стилистические фигуры (см.). Другой важнейший источник С.р.я – синонимия (лексическая, синтаксическая), с которой связана возможность выбора наиболее точного для данного контекста языкового средства. Синонимия (см. Синонимы) охватывает все уровни языка, но наиболее продуктивна в лексике и синтаксисе.

Большие стилистические возможности заключают в себе также Антонимы (см.), Омонимы (см.), Паронимы (см.). К С.р. лексики относятся также стилистически окрашенные слова, а также лексика ограниченного употребления: Диалектизмы (см.), просторечные слова (см. Просторечие), арготизмы (см. Арго), Профессионализмы (см.), Архаизмы (см.), Историзмы (см.), Неологизмы (см.).

Важнейший источник С.р.я. – фразеология (см. Фразеологизмы), позволяющая разнообразить устную речь, усиливать эмоциональные и экспрессивные оттенки высказывания.

Фоника (см.) (особенно в устной форме) предоставляет многообразные возможности звукописи, звуковой игры и т.д.

В морфологии в качестве экспрессивных средств используются морфологические синонимы, стилистически окрашенные формы, переносное употребление грамматических форм (напр., форм времени) (см. Грамматический троп).

Весьма разнообразны стилистические оттенки средств словообразования: сюда относятся прежде всего словообразовательные синонимы. Важную стилистическую роль играют также суффиксы и префиксы.

Исключительно велики С.р. синтаксиса, позволяющие выразить тончайшие оттенки содержания, авторское отношение к излагаемому, подчеркнуть те или иные стороны мысли. В этом плане большая роль принадлежит Порядку слов (см.), выбору типа предложения, его длины, интонированию высказывания (см. Интонация).

С.р.я. неисчерпаемы. Овладение ими предполагает творческий подход к языку, высокий уровень индивидуального мастерства.

Лит.: Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; Вороничев О.Е. Лексическая стилистика и культура речи. М., 2008; Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М., 1989; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2010; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учебник. М., 1977.

Г.Я. Солганик

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ КОНТРАСТ (от фр. *contraste* – ‘противоположность’) – лингвокогнитивный принцип организации речи и речевого произведения, содержанием которого является резко выраженная противоположность, служащий также общей основой двух частных принципов создания стилистических (риторических) приёмов: 1) **противопоставление**, реализуемое в антитезе и таких её разновидностях, как акроте́за, амфите́за, диате́за, алло́йоза, синкри́зис и парадиасто́ла (см. Антите́за); 2) **противоречие**, организующее приёмы Оксюморона (см.), Парадокса (см.), Паралепсиса (см.), Антифразиса (см.) и др.

С.к. играет важную роль в познавательной деятельности, отражении и воспроизведении в человеческом мышлении окружающей действительности [Бочина 2003], поскольку человеку свойственно мыслить оппозициями, бинарно воспринимать мир.

Основным средством выражения С.к. являются лексические оппозиции, чаще всего представленные антонимами, напр.: *Сколько всего случилось в её жизни на этой горбатой улице! Сколько раз она проходила здесь – маленькая и взрослая, грустная и весёлая, подавленная и счастливая, озабоченная и ветреная, пьяная и трезвая...* (Вл. Сорокин) – антите́за; *Любящий отказывается от своего «Я», вверяет себя в руки возлюбленного. Это как прыжок с небоскрёба – он пугает и завораживает. Завораживающий ужас — вот что такое любовь* (А. Куатье) – оксюморон.

Лит.: Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: ДД. Казань, 2003; Егорченко О.Н. Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке

ке: семантико-структурно-функциональная характеристика: КД. Абакан, 2006; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1998; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты /** под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.С. Кожевникова

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ – риторический прием, обладающий стилистической значимостью, т.е. привносящий в текст функционально-стилевые, эмоционально-оценочные коннотации или выполняющий иные стилистические функции. Если в термине «риторический приём» актуализирована идея речевого воздействия на адресата, то в термине «С.п.» подчеркнута роль приёма в стилистической организации высказывания/текста.

Так, придавать высказыванию оттенок разговорности могут анаколүф: *Стать женой Эрика – девчонки умрут от зависти, для них турецкий шашилычник – уже принц* (А. Рыбаков) – ср.: Стать женой Эрика – значит вызвать зависть девчонок; эллипсис: *Мишка ни на шаг не отстаёт от неё: мать в погреб и он за ней, мать на кухню – и он следом* (М. Шолохов) – ср.: ... Мать пошла в погреб, и он пошёл за ней, мать отправилась на кухню, и он побежал следом.

В следующем примере восходящая градация (климакс) участвует в организации комического текста:

– Разрешите вам предложить...

– Я замужем.

– **Шампанское, розы, ресторан.**

– Я – честная женщина! Муж, дети...

– **Море шампанского, дома из роз, яхта, кругосвет...**

– Муж ревнивец. Узнает – убьёт!

– **Океан шампанского, остров из роз, личный дом моделей, любые капризы...**

– Занятно. Но... муж... подлец! Дети... зануды!

– **Банки, заводы, гостиницы, казино, аэродромы, танкеры, нефtedоллары, золотые прииски, алмазные копи...** Снова отказывается?

– Ну почему... Я... вас... уже почти... Только повторите последнее предложение помедленнее и лучше... в письменном виде! (А. Макуни).

К С.п. традиционно, кроме стилистических фигур (примеры см. выше), относят Тропы (см.).

С.п. в художественном тексте называют иногда литературными или художественными.

Лит.: **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Гальперин И.Р.** Информативность единиц языка. М., 1974; **Копнина Г.А.** Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М., 2009; **Маклакова Т.Б.** Роль тропов и фигур в целом тексте: КД. Иркутск, 2010; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Песков А.М.** Приём литературный // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Риффатер М.** Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980; **Тимофеев Л.И.** Приём // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; **Чулкова В.С.** Многочленный стилистический приём как одно из средств интеграции текста (на материале англоязычных прозаических текстов): КД. М., 1978; **Энциклопедический словарь юного литературоведа.** М., 1998; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты /** под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС, или **СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА**, – научная дисциплина, отрасль лингвистики, изучающая стилистические ресурсы синтаксиса (см. Стилистические ресурсы грамматики). Проблемы синтаксиса и стилистики в ней тесно переплетаются, но

упор делается на стилистическом аспекте, на том, какое значение имеет синтаксическая форма, синтаксическая структура для стилистической характеристики речи.

Синтаксис, как и лексика, играет важнейшую роль в формировании стиля текста. По словам французского учёного П. Гиро, «синтаксис – это душа стиля, а лексика – его плоть». Синтаксис организует повествование, развёртывает действие, картины, предопределяет характер интонационного рисунка, путём расстановки акцентов формирует глубинную перспективу текста. Фактически все стороны синтаксической структуры оказывают заметное влияние на стиль, тональность текста, структурные типы синтаксических единиц, порядок слов, длину (глубину) предложения, даже расстановку знаков препинания и величину Абзаца (см.).

Основной угол зрения стилистики – синонимика – сохраняется и при изучении синтаксических единиц, в частности словосочетания. Большие возможности для выбора стилистических вариантов открываются при использовании форм сказуемого. Так, сказуемое, выраженное инфинитивом глагола несовершенного вида, подчёркивает интенсивность действия и ведёт к живости, динамичности, выразительности изложения: *Она опять причитать, он её снова успокаивать*. (Ср.: *Она опять стала причитать, он её снова стал успокаивать*). Подобные предложения распространены в разговорной речи, в художественной литературе.

Сказуемые, выраженные устойчивыми сочетаниями глагольного типа (глагольно-именными словосочетаниями), имеют, напротив, книжный характер: *участвовать – принимать участие, бороться – вести борьбу, помогать – оказывать помощь, осматривать – производить осмотр*). Во всех этих примерах первый член (глагол) имеет конкретный, наглядный характер, передаёт изменчивый облик предметов, тогда как глагольно-именное словосочетание более выхолощено и бледно с точки зрения наглядности, но отличается большим стремлением к понятийной точности, определённости. Поэтому глагольно-именные словосочетания широко распространены в научной и деловой речи.

В современном русском языке, особенно в словосочетаниях производственно-технической речи, широко распространена синонимия предложных и беспредложных форм: *резервуар ёмкостью (в) 17 тыс. тонн, стены толщиной (в) один кирпич, груз весом (в) 5 тонн, дома высотой (в) 4 – 5 этажей*. Здесь наблюдается процесс массового освоения литературным языком научного и профессионально-технического словоупотребления. При этом предложные формы закрепляются за научной и производственно-технической областями (критерий точности), беспредложные формы становятся приметой собственно литературного употребления (критерий экономии сил). Довольствуясь беспредложной формой, язык вытесняет избыточные средства: характер структурно-смысловых отношений ясен и без предлога. Конкуренция предложных и беспредложных конструкций – яркая страница в истории языка. Этот процесс начался в древнерусском языке и продолжается до настоящего времени. В целом появление предлогов наблюдается в словосочетаниях с пространственным значением (*еду в Москву, живу на Украине*). Последующая же потеря предлога (*сторониться от общества – сторониться общества*) связана с движением в сторону абстрагированности.

Богатыми экспрессивными возможностями в стилистике словосочетания обладают однородные члены. В научной и деловой речи они используются для нейтрального перечисления предметов, признаков, явлений. В художественной литературе, публицистике они нередко служат ярким выразительным средством. Они могут придавать речи повествовательную плавность, пафос, патетику и др. эмоциональные оттенки, если специально варьировать группировку, объединение однородных членов. Ср.: *В каждую минуту она готова была убежать, зарыдать, броситься в окно* (А. Чехов).

На основе однородных членов строятся стилистические фигуры Зевгма (см.), Градация (см.), Силлепсис (см.).

Большими стилистическими, экспрессивными возможностями обладают причастные и деепричастные обороты, придающие повествованию книжный характер. В сравнении с соотносительным придаточным определительным предложением (ср.: *Книга, которая лежит на столе, и Книга, лежащая на столе*) причастный оборот обладает большей книжностью, краткостью, динамичностью. Он в большей степени подчёркивает признак, хотя и осложнённый значением действия. Замена придаточной части причастным оборотом позволяет разнообразить речь, избежать скопления придаточных предложений.

Деепричастный оборот используется прежде всего для того, чтобы одно из действий отодвинуть на второй план. Ср.: *Стоял у окна, читая письмо; Стоял у окна и читал письмо; Стоя у окна,*

читал письмо. Такая возможность давать сочетание равноправных глаголов, с одной стороны, и устанавливать между ними перспективу, с другой, выделяя главное и второстепенное, позволяет выражать разнообразные взаимоотношения между несколькими действиями. Выразительность деепричастия заключается также в возможности конкретизировать действие, воспроизводить, рисовать его. Ср. известный пример: *Пятак упал к ногам, звеня и подпрыгивая* (Ф. Достоевский).

Значительные стилистические ресурсы заключены в синтаксической форме предложения. Так, полные предложения в большей степени характеризуют книжно-письменную речь, а неполные в большей степени свойственны разговорной речи. Однако в письменной речи неполные предложения выполняют особые функции. Так, пропуск глаголов-сказуемых создаёт оттенок быстроты, напряжённости, динамичности действий: *Мы сёла – в пепел, грады – в прах, / В мечи – серпы и плуги* (В. Жуковский).

Исключительно велико стилистическое значение порядка слов. Многообразные виды Инверсии (см.) позволяют расставлять смысловые акценты, выделять, подчёркивать те или иные части фразы. Порядок слов может характеризовать и стилевые разновидности речи. Так, выделяются варианты словорасположения, имеющие разговорную, фольклорно-повествовательную, эпическую, поэтическую окраску.

Сложные предложения наиболее частотны в книжной речи. Особенно широко они используются в научном стиле. Здесь характерны сложноподчинённые предложения. Разговорной речи более свойственно сочинение, а также присоединительная связь, что соответствует неподготовленности этой речи.

Важное место в С.с. занимают средства поэтического, Экспрессивного синтаксиса (см.), которые широко используются в художественной литературе и публицистике, но почти не встречаются в научной и деловой речи.

Особый раздел С.с. – Стилистика текста (см.). Если не выходить за рамки предложения, стилистический анализ Текста (см.) окажется обеднённым, не позволит уловить художественные особенности произведения. Своеобразие слога проявляется не столько в строении предложения, сколько в строении сложного синтаксического целого, или Прозаической строфы (см.). У каждого крупного писателя существует постоянный (хотя бы для отдельного периода или произведения) тип прозаической строфы, тип организации большого контекста, тесно связанный с его художественным методом, способом познания и видения действительности. Важное значение имеет Абзац (см.) и обусловленное им членение текста. Стилистические особенности текста зависят также от структуры речи (ведётся ли она от 1-го, 2-го или 3-го лица), от характера связи между самостоятельными предложениями, от принадлежности к тому или иному функциональному стилю, от индивидуальной манеры и др. факторов.

Лит.: Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; Ермоленко С.Я. Стилистический компонент в семантике синтаксических единиц: КД. Киев, 1983; Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993; Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974; Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1977; Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. М.; Л., 1967; Сковородников А.П. Экспрессивные конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 2006; Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 2005; Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М., 1978; Burke K. Rhetoric of Motives. Berkeley and Los Angeles, 1949.

Г.Я. Солганик

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ – впечатление, возникающее у адресата речи в результате восприятия того или иного Стилистического приёма (см.) или целого текста.

Несмотря на ряд работ, посвящённых проблеме определения С.э., общепринятой дефиниции этого понятия нет. По мнению Ю.М. Скребнева, трудность исследования и определения С.э. состоит в том, что, во-первых, «проблема стилистического эффекта, проблема эмоциональной реакции индивида на воспринимаемый текст не является собственно лингвистической проблемой. Она представляет собой внесение элемента психологии речи в лингвистическое исследование», во-вторых, «стили-

стический эффект, локализующийся в психике индивида, неизбежно уникален. Он представляет собой порождение индивидуальных ассоциаций, индивидуальной языковой компетенции. Стилистика, в свою очередь, обязана вскрыть лишь общее, коллективно значимое» [Скрбнев 1975: 26–27]. Тем не менее, С.э. поддаются определённой типизации и могут быть выявлены с помощью психолингвистического эксперимента и опосредованно – в результате контекстологического анализа. Напр., в следующем отрывке из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» трагический эффект, обусловленный содержанием, усиливается комплексом стилистических приёмов: повтором прямой речи персонажа (– *Добре, сынку, добре!*), апозицией (...ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и...), сравнением (как исполин), градацией (*Ни крика, ни стону*), метафорой (*мёртвой толпы*), синонимическим варьированием (*глаза..., очи*), инверсиями (*ужасный хряск их; отворотил глаза свои; не вырвалось из уст его; не дрогнуло лицо его*):

После этого он приблизился к эшафоту.

– Добре, сынку, добре! – сказал тихо Бульба и утавил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... <...>

Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мёртвой толпы отдалёнными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, – ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!».

С помощью стилистических приёмов может быть достигнут противоположный – комический – эффект, как, напр., в следующем описании гостиной Собакевича в «Мёртвых душах» Н.В. Гоголя:

Вошед в гостиную, Собакевич показал на кресло, сказавши опять: «Прошу!». Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах всё были молодцы, греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, помещился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу, и в самых узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щёголей, которые наполняют нынешние гостиные.

Комическая нелепость присутствия в гостиной русского помещика Собакевича не имеющих никакого отношения к истории и культуре России портретов греческих полководцев усиливается использованием приёмов гиперболы (толстые ляжки; неслыханные усы греческих полководцев; огромная нога Бобелины, казавшаяся «больше всего туловища тех щёголей, которые наполняют нынешние гостиные») и мейозиса (тощий, худенький Багратион с маленькими знаменами и пушками; щёголи с туловищами меньше ноги Бобелины).

Понятие С.э. соотносится с понятиями «стилистическое задание», «стилистическое значение» и «стилистическая функция». Стилистическое задание, будучи экстралингвистическим фактором, мотивирует отбор и употребление языковых единиц, имеющих/приобретающих Стилистическое значение (см.) и выполняющих в контексте определённую Стилистическую функцию (см.). Таким образом, стилистическое задание, опосредованное стилистическим значением и стилистической функцией, в известной мере определяет С.э. При этом С.э. не всегда может соответствовать стилистическому заданию, что свидетельствует о неуспешности коммуникативного акта.

Лит.: Болдырева Л.М. К вопросу функционально-стилистической характеристики фразеологических единиц // Учёные записки МГПИИЯ им. М. Горького. Т. 42. М., 1968; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Копнина Г.А. Об определении понятий «стилистический эффект» и «стилистическая функция» // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000; Лузина Л.Г. О содержании понятия «стилистический эффект» с точки зрения речевого воздействия // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990; Скрбнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин. М., 2003; Ярнатовская В.Е. Выражение стилистического эффекта в немецкой разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: респ. сб. науч. тр. Горький, 1982.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ – особая, экспрессивная окраска языковой единицы (или высказывания), определяющая её как яркую, выразительную, необычную или типичную для определённой речевой сферы (сфер). Это тот компонент смысловой стороны языковой единицы, который способен реализовать свои функционально-стилистические потенции при употреблении этой единицы, делая последнюю стилеобразующей в речевой системе определённого стиля (напр., наст. вневременное в контексте научной речи или наст. долженствования в деловой оказываются функционально-стилистически значимыми).

В самом общем плане стилистически значимыми в языке и речи следует считать все те языковые средства и приёмы их употребления, которые способствуют достижению выразительности речи, эффективной реализации коммуникативных задач в той или иной сфере деятельности. Поэтому С.з. часто определяют как экспрессивно-эмоционально-оценочные и функциональные свойства языковых единиц; в более широком смысле это любая их субъективная (т.е. выражающая человеческий фактор) окраска, в т.ч. социально-политическая, морально-этическая, этнографическая и др.

В речевом развёртывании С.з. является результатом реализации **стилистического задания**, т.е. специального (продуманного) намерения говорящего создать выразительное, экспрессивное высказывание, способное вызвать в восприятии адресата **стилистический эффект**. Объединяясь, эти три аспекта формируют стилистическую структуру коммуникативного акта, или так называемый «узально-стилевой комплекс» (термин Т.Г. Винокур): стилистическое задание – стилистическое значение – стилистический эффект. Крайние компоненты представляют здесь неязыковой план, а средний (С.з.) – языковой план коммуникативного акта. При этом С.з. является инвариантным признаком конкретного (лингвистического) проявления стилистического задания, а вариантность реализации последнего определяется уже неязыковой областью (типом задания, целью сообщения, диалогичностью и т.п.). Иначе говоря, С.з. в этой оппозиции является тем собственно лингвистическим «мостом», который на основе причинно-следственной связи объединяет в речевом единстве два экстралингвистических компонента речемыслительной деятельности.

В зависимости от «масштабности» высказывания С.з. может быть либо контекстуально-узальным, т.е. реализующимся в отдельном высказывании-контексте [Винокур 1980], либо функционально-нормативным, т.е. реализующимся в целом тексте, оформленном по законам (нормам) определённого стиля [Одинцов 1980; Винокур 1990; Кожина и др. 2008].

С.з. контекстуально-узального типа формируется под воздействием намерения говорящего (субъективного стилистического задания) на создание выразительного, экспрессивного высказывания, способного вызвать у слушателя/читателя стилистический эффект (напр., в разговорной и художественной речи). С.з. функционально-нормативного типа определяется объективными нормами, речевыми и логико-композиционными традициями текстообразования в конкретной стилевой разновидности (научной, официально-деловой, разговорной, художественной и публицистической сферах общения).

Синонимично термину «значение» употребляются термины «окраска» или – более общий, объединяющий два первых, – «коннотация». При этом коннотация не является чем-то второстепенным, субъективным по отношению к предметно-логическому компоненту значения слова. Факты говорят о том, что предметно-логические и эмоциональные элементы могут соединяться в содержании языковых единиц в разных пропорциях. У многих слов, напр., эмоционально-оценочная информация является основной (*вития, стяг, коленопреклонённый, гуляка, канючить, дребедень*), а у междометий, выражающих чувства, – единственной (*ай-ай-ай, вот тебе раз, тьфу*). По-видимому, указанные элементы могут расцениваться как потенциально равноправные.

Виды стилистических коннотаций имеют разную природу, но при этом они тесно взаимосвязаны, «взаимопроницаемы». Так, экспрессивная окраска (усиленная выразительность, изобразительность) проявляется в отклонении от общепринятого стандарта, эмоциональная – в выражении эмоций, чувств, оценочная – в квалификации обозначаемого предмета как «хорошего» или «плохого» по отношению к социальной норме, образная – в эффекте прозрачной внутренней формы, собственно функционально-стилистическая – в отнесённости языковой единицы к обычной для неё сфере употребления, ср.: *синтез, вакуум* (науч.), *недвижимость, получатель* (офиц.-деловой), *стикер, кворум*

(публиц.). Часто экспрессивность, эмоциональность и оценочность слиты в содержании языковой единицы и разделяются лишь условно. Экспрессивно окрашенная единица может иметь и определённую функциональную окраску. Напр., слово *драндулет* выражает шутливость, оценку качества обозначаемого предмета и при этом используется преимущественно в разговорном общении; негативно-оценочное слово *приспешник* функционально закреплено за книжной речью (преимущественно публицистической).

В современной лингвистической литературе термин «С.з.», «стилистическая окраска» или – более общий – «коннотация» употребляются как синонимы. Однако существует иное мнение. Так, М.Н. Кожина полагает, что поскольку стиль – это свойство текста, т.е. явление речевое, то естественно рассмотрение его категорий, в частности значения и окраски, на текстовом уровне. С.з. обладают не только языковые единицы, но и текст (отрезки текста, целое произведение, типы текстов) и свойства речевой организации (напр., произведений романтизма, классицизма или символизма, научных или публицистических, а также индивидуально-авторских текстов) – всё это стилистически значимо, т.к. в каждом случае характеризуется своей стилистической окраской. Вот пример С.з. на текстовом уровне. А.С. Пушкин писал: «Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? <...> Должно бы сказать: рано поутру – а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба <...>». Здесь стилиевая окраска текста реалистического и романтического явно различаются, реализуя разные С.з.

По мнению М.Н. Кожиной, всё же имеет смысл «развести» понятия «стилистическое значение» и «окраска» на основе следующих соображений. Стилиевая специфика текста не ограничивается совокупностью языковых единиц с той или иной стилистической окраской, и создаётся она не просто соединением этих средств. Стилиевая специфика текста формируется в соответствии с определёнными принципами отбора и сочетания языковых единиц, обусловленными целями общения и другими экстралингвистическими факторами. Назовём стилистические признаки речевой ткани произведения стилиевой окраской целого текста (и его фрагментов).

Вместе с тем, она является выражением на текстовой плоскости тех ментальных, когнитивных процессов, тех механизмов текстовой деятельности, которые лежат в её основе. Они и представляют собой С.з. Поэтому целесообразно различать понятия стилиевой спецификации, или окраски текста, обнаруживаемой на **поверхностном** уровне, и его С.з., обусловленное когнитивными факторами, когнитивным стилем, или стилем творческого мышления говорящего/пишущего на **глубинном** уровне.

Лит.: **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Говердовский В.И.** Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания. 1985. № 2; **Крылова О.А.** Стилистическое значение // Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982; **Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.** Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; **Одинцов В.В.** Стилистика текста: учеб. пособие. М., 1980; **Разинкина Н.М.** О разграничении понятий «эмоциональное значение» и «эмоциональная окраска» // Иностраный язык в школе. 1968. № 1; **Стернин И.А.** Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985; **Сун Цзинли.** Стилиевые и стилистические значения универбатов в различных функциональных типах речи: КД. М., 2003; **Телия В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986; **Телия В.Н.** Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991; **Шаховский В.И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Н.В. Данилевская, М.Н. Кожина, В.А. Салимовский

СТИЛЬ (от лат. *stilus* – ‘остроконечная палочка для письма’) – манера письма, своеобразие слога, склад речи. В языкознании нет единого определения понятия С., что обусловлено многомерностью самого феномена и изучением его с различных точек зрения.

В русистике наиболее общепринятыми являются формулировки термина-понятия С., базирующиеся на его определении В.В. Виноградовым: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединённая совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка,

соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73]. Отталкиваясь от этой формулировки, С. определяют как общественно осознанную, исторически сложившуюся, объединённую определённым функциональным назначением и закреплённую традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни систему языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления. Это функциональная разновидность РЛЯ, связанная с его использованием в разных сферах общения и создающая разные речевые стили как композиционно-текстовые структуры.

С. – фундаментальное понятие стилистики, и по мере её развития складывались разные его понимания. С. – одно из ранних понятий гуманитарного знания, представленное в риториках и поэтиках Древней Греции и Рима, а ещё ранее в индийских поэтиках. С. определяется как своеобразие художественной речи (писателя, произведения и т.д.). Позже обозначает сугубо индивидуальную манеру речи. Популярно высказывание Ж.Л.Л. Бюффона: «Стиль – это сам человек». В русских риториках XVII–XVIII вв., у М.В. Ломоносова представлена теория трёх стилей: высокого, среднего, низкого как совокупности одинаково окрашенных языковых средств. Это совокупности средств языка и речи либо с повышением экспрессивно-стилистической тональности либо с её понижением (см. Теория трёх стилей). Данные средства представляют собой ресурсы стилистической синонимии (*длань – рука – лапа; вкушать – есть – уплетать*). В XX в. они используются как средства создания юмора, сатиры, иронии. Однако экспрессивность речи не ограничивается указанным аспектом (синонимией). Экспрессивность стиля понимают шире: сюда относят средства с различными эмоциональными и экспрессивными окрасками и оценкой.

Однако с начала XIX в. отошла в прошлое практика построения протяжённого высказывания и целого произведения средствами одной стилистической окраски. В настоящее время словари представляют толкования термина С. как индивидуальной манеры, способа исполнения данного речевого акта, стиля речи конкретного лица, в особенности – писателя (С. Пушкина, С. Гоголя); как общепринятой манеры речи, способа её исполнения, свойственного типизированным литературным текстам: жанровым разновидностям, когда значимы не только языковые элементы, но и композиция, и другие составляющие текста (*С. романтизма, классицизма; С. какой-л. литературной школы; С. басни, репортажа, фельетона*). С середины XX в. в связи с развитием функциональной стилистики появляется и становится центральным в современной науке понимание С. как функционального (см. Функциональный стиль). В этом случае внимание сосредоточивается на речевой организации текста, это своеобразный характер речи. Существует и собственно оценочное определение С. речи – *хороший С.* (сочинения) – *плохой* – на основе соответствия/несоответствия сложившимся представлениям о норме С.

При различии этих пониманий С. у них имеются, однако, общие признаки. Это наличие некоего своеобразия, специфической характерологической черты. Феномен С., стилистического вообще – это нечто своеобразное, специфичное, характерное для того или иного предмета, явления, отличающее его от других предметов, явлений того же ряда, наличие у соответствующих слов и высказываний стилистического значения. Понятие С. всегда связано с его осознанием.

С. – явление не столько собственно языковое (строю языка), сколько речевое, свойственное текстам и создающееся в них. С. творится и выражается в речевой деятельности и запечатлевается в тексте. С. – это одно из существенных свойств текста. Известный чехословацкий учёный К. Гаузенблас характеризует стиль как «специфически человеческое явление».

Лит.: Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М., 1988; Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях // Вопросы языкознания. 1954. № 3; Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М., 2008; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1994; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Павловская О.Е. Стиль как прототипическая категория гуманитарных наук: системно-терминологический аспект: ДД. Краснодар, 2007; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред.

СТИЛЬ АВТОРА. См. ИДИОСТИЛЬ

СТИЛЬ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ. См. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

СТИЛЬ РЕЧИ. См. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ

СТОЛКНОВЕНИЕ СТИЛЕЙ. См. СМЕШЕНИЕ СТИЛЕЙ

СТРУКТУРНО-ТЕКСТОВАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

СТРУКТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

СТЫК. См. АНАДИПЛОЗИС

СУБТЕЗИС. См. ТЕЗИС

СУБЪЕКТНОСТЬ, или **КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТНОСТИ**, или **КАТЕГОРИЯ АВТОРИЗАЦИИ**, – глобальная функционально-семантическая и прагматическая категория, содержанием которой является репрезентация субъекта речи в высказывании и тексте. В категории С. находят прямое выражение авторское сознание, позиция говорящего относительно разных компонентов речевой коммуникации, прежде всего, относительно содержания высказывания. С. является важнейшей интегрирующей категорией текста.

Осмысление категории С. в лингвистике начато В. фон Гумбольдтом, изучением этой проблемы занимались Ш. Балли, Ж. Вандриес, в отечественном языкознании – А.А. Потебня, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, А.А. Леонтьев, Т.М. Дридзе, В.В. Одинцов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, М.Н. Кожина, Ю.С. Степанов и др. Развитие теории С. в России первоначально связано с грамматической традицией, в рамках которой субъект понимается как обозначение члена предложения, соответствующего предмету мысли (логический коррелят подлежащего). Далее представление о субъекте предложения-высказывания получило дифференциацию (различение грамматического, семантического, коммуникативного, логического, психологического субъектов). Позднее, параллельно со становлением лингвистики текста, развивается представление о субъекте как авторе замысла и творце речевого произведения, соответственно – о С. как текстовой категории.

С. как личностное содержание высказывания выражается двумя путями: через прямое речетекстовое позиционирование говорящего (субстанциальная С.) и через речевую ткань высказывания и текста (модальность). Субстанциальная С., или представление лица, реализуется на базе соответствующей грамматической категории, наиболее полное воплощение получает в образе автора (рассказчика, повествователя). Специализированными формами выражения С. являются прямая и несобственно прямая речь. Модальность (см.) в плане языкового выражения С. чрезвычайно многообразна, в составе её экспликаторов интонационные, лексические, грамматические, композиционно-речевые средства, фрагменты текста.

С. как текстовая категория формируется всей совокупностью модусных речевых сигналов: слов, словосочетаний, грамматических показателей лица и наклонения, лексико-грамматических рядов (модальных частиц, вводных слов и оборотов), интонационных типов предложений, текстовых фрагментов и др. Данная совокупность может интерпретироваться в терминах теории поля и трактоваться как дискретный субтекст целого текста, сосредоточенный на субъективной позиции автора.

Поскольку субъект речи неотрывен от целостной деятельности сознания и реального типа деятельности, в различных функциональных стилях речи С. специализирована. Так, в научном тексте субъект речи, он же автор текста, – это представитель научной деятельности и науки как формы соз-

нения. Его статусная роль определяет слабую выраженность как субстанциональной, так и субъективно-модальной С., а роль субъекта познания ведёт к формированию субтекста, следующего за этапами эпистемической ситуации. В разговорной же речи, принципиально персональной, и субстанциональная, и модальная С. выражены полно и разнообразно. Художественная речь характеризуется сформированным образом автора; она, как правило, имеет несколько субъектных сфер и разработанную систему средств субъективации авторского повествования и речи персонажей. В пределах каждого функционального стиля действуют и более слабые противонаправленные тенденции. Так, полемическая научная статья может «портретировать» своего автора, а художественный текст (напр., рассказы В. Шаламова) строиться объективированно.

Степень С. речи пропорциональна её воздействующей силе.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка, 1979. Т. 38. № 4; Балли Ш. Французская стилистика. М., 1955; Гуревич В.В. О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. 1998. № 1; Кожина М.Н., Титова Л.М. К вопросу об авторской индивидуальности в научном стиле речи // Исследования по стилистике. Вып. 5. Пермь, 1976; Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». Иркутск, 1993; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; Мельник Я.Г. Субъективность как языковая категория. Ивано-Франковск, 1997; Мерзлякова Н.П. Система непрототипических средств выражения субъектных модальных значений: КД. Ижевск, 2010; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. Т. 40. № 4; Химик В.В. Категория субъективности и её выражение в русском языке. Л., 1990; Шмельёва Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: ДД. М., 1995.

Т.В. Матвеева

СУДЕБНАЯ РИТОРИКА – учение о законах и правилах построения судебной речи, раздел частной риторики. Нередко используется классический термин «судебное красноречие», относящийся более к искусству и практике судебной речи (см. Судебное красноречие).

Судебная речь лежит в основании античной теории риторики, начинавшейся с обобщения опыта ведения судебных споров, в которых требовалась помощь специалистов-логографов, помогавших участникам споров составлять речи для выступлений в суде-ареопаге. С.р. имела не только практическое, утилитарное значение защиты интересов конкретного участника суда, но поскольку цель судебного рода речей – «истина», риторика соотносилась и с этикой, и с философией, и с общей образованностью ратора. Античная теория риторики основывалась на практике судебного красноречия, а воспитание оратора предполагало чтение и анализ образцовых судебных речей (Демосфен, Цицерон выступали в суде и снискали славу благодаря «защитительным» речам).

В России С.р. и практика судебного красноречия получили особое развитие с середины XIX в., когда произошла судебная реформа с введением суда присяжных. Соревновательная форма выступлений в суде обвинительной и защитительной сторон потребовали применения искусства судебного ораторства, которое имело значение не только для развития общественного сознания и либерально-демократической идеологии, но и для РЛЯ, обогатившегося блестящими выступлениями плеяды выдающихся русских судебных ораторов (В.Д. Спасовича, П.С. Пороховщикова-Сергеича, А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако и мн. др.). В то же время практика вынесения решения не-профессионалами (судом присяжных) имела свои отрицательные последствия, поскольку расцветали манипулятивные способы доказательства, когда оратор строил свою речь на использовании риторических уловок для защиты интересов своего клиента – см. анализ В.В. Виноградовым «Дневника» Ф.М. Достоевского. Последний с гневной иронией оценивал ложные приёмы доказательства в речи адвоката Спасовича, когда тот «искусно» защищал банкира, обвинявшегося в истязании своей падчерицы [Виноградов 1975].

Современная С.р. сохранила принципиальную последовательность судебного разбирательства, созданного ещё Квинтилианом в трёх «статусах судебной речи» (термин «статус» сохранился в судебной практике до сих пор): 1) статус следственного разбирательства (лат. status conjecturalis – в первой русской «Риторике» он назван «домысленным») – это стадия следствия, когда требуется разобрать обстоятельства дела, объективно зафиксировать случившееся и в современном судебном про-

цессе подготовить материалы к судебному заседанию; 2) статус судебного разбирательства (лат. *status judicialis*) – это непосредственный судебный процесс с исторически сложившейся композиционной традицией выступлений судьи, сторон, обвиняемых лиц, свидетелей и т.д.; 3) статус вынесения решения (лат. *status legalis*) – окончательная часть судебного процесса, в которой ораторам давались рекомендации, как «привести судью» к нужному решению.

Современная С.р. предполагает использование искусства ведения речи в разных жанрах судебного разбирательства. Хотя основным жанром судебной речи по-прежнему представляется судебное ораторство, т.е. защита или обвинение в судебном заседании, тем не менее, современный юрист обязан владеть множеством жанров как на стадии подготовки судебного заседания, так и в процессе его ведения и даже после его завершения. Судебный юрист ведёт консультации, готовит и пишет множество документов, имеющих отношение к подготовке судебного заседания, выступает в прессе, а после судебного разбирательства в случае неблагоприятного для его клиента решения подаёт апелляцию, проводя новые переговоры.

Таким образом, современная С.р. включает многообразие жанров устной и письменной речи, требует хорошего знания юридической документации, а при ведении «громких» процессов предполагает понимание и владение жанрами СМИ и Интернета. В то же время не только сохранены, но и обогащены требования к устной ораторской речи юриста (адвоката, прокурора, судьи), которые обязаны владеть как искусством произнесения монолога, так и ведения судебной полемики.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2008; **Аннушкин В.И.** История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002; **Васильянова И.М.** Особенности аргументации в судебном дискурсе: КД. Калуга, 2007; **Галяшина Е.И.** Методологические основы судебного речеведения: ДД. М., 2003; **Граудина Л.К.** Русская риторика. М., 2001; **Ивакина Н.Н.** Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М., 2007; **Кони А.Ф.** Избранное. М., 1989; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Плевако Ф.Н.** Избранные речи. М., 1993; **Судебное красноречие русских юристов прошлого** / сост. Костанов Ю.А. М., 1992; **Цицерон Марк Туллий.** Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

В.И. Аннушкин

СУДЕБНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ – один из древнейших видов ораторской деятельности, реализуемый, главным образом, в сфере уголовного судопроизводства. С.к. зарождается в Древней Греции в V в. до н.э. Первыми греческими ораторами и логографами (авторами речей, написанных для произнесения в суде другими людьми – обвиняемыми или потерпевшими) считают Горгия, Лисия, Исократ, Трасимаха. Крупнейшими представителями древнеримской С.к. являются Цицерон и Квинтилиан. С первых этапов существования С.к. в этой сфере реализуется софистический риторический идеал, нацеленный на состязание, победу, безусловное убеждение присутствующих в правильности позиции оратора (см. [Михальская 1996: 380]). Ораторами и философами Древнего мира были накоплены и систематизированы представления о композиции обвинительной и защитительной речи, возможностях использования «цветов красноречия» в судебных речах, наборе средств аргументации (см. трактаты Аристотеля, Цицерона). Марк Фабий Квинтилиан создал учение о статусах (различных степенях убеждённости аудитории в том, что она способна вынести решение по делу) и способах приведения её в то или иное состояние. К концу I в. н.э., таким образом, судебное красноречие представляет сферу юридической деятельности, в которой есть свои признанные мастера слова, действуют традиции, функционируют школы подготовки ораторов.

В России С.к. начинает интенсивное развитие во второй половине XIX в. в результате реформы судебной системы 1864 г. и введения суда присяжных. Условия российской действительности того времени способствуют превращению С.к. в основной и ведущий способ публичного речевого общения. Известные русские судебные ораторы А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев, С.А. Андреевский, А.И. Урусов, В.Д. Спасович, П.А. Александров, В.И. Жуковский, В.П. Карабчевский, К.Ф. Хартулари, Ф.Н. Плевако и др. демонстрируют высочайшие образцы ораторского мастерства. Приведём пример из выступления С.А. Андреевского по делу купца Андреева, в котором оратору удается несколькими фразами передать психологическое состояние обманутого, отвергнутого мужа, которому горячо любимая им жена как бы между прочим объявляет об уходе к более знатному и богатому человеку – ге-

нералу Пистолькорсу: «В жизни Андреева произошло нечто вроде землетрясения, совсем как в Помпее или на Мартинике. Чудесный климат, все блага природы, ясное небо. Вдруг показывается слабый свет, дымок. Затем чёрные клубы дыма, гарь, копоть. Всё гуще. Вот уже и солнца не видеть. Полетели камни. Разливается огненная лава. Гибель грозит отовсюду. Почва колеблется. Безвыходный ужас. Наконец, неожиданный подземный удар, треск, и – всё погибло» (цит. по [Ивакина 1995:176]).

Успеху русского С.к. способствует высокий профессиональный уровень, энциклопедизм, филологическая образованность большинства русских юристов, а главное – отношение к своей профессиональной деятельности как к социальному служению (об этом см. [Михайловская, Одинцов 1988]). Кроме того, на сферу российского С.к. того времени оказывает влияние древнерусский (православный) риторический идеал, предписывающий говорящему уважительное отношение ко всем присутствующим, скромность, добросердечие. Одной из первых крупных работ, в которой подробно рассматривается вся деятельность юриста, связанная с поэтапной подготовкой к выступлению, является книга П.С. Пороховщикова (П. Сергеича) «Искусство речи на суде» [Сергеич 1998]. Она до сих пор остаётся ценнейшим «учебником» судебной риторики для начинающих юристов.

В советский период С.к. становится менее социально востребованным, более «специализированным», а речи этого периода – в большей степени формализованными, стандартизированными по структуре, точными, логичными по содержанию и рациональными по манере изложения, чем речи русских юристов II пол. XIX в. Рассуждение окончательно становится доминирующим типом речи при построении текста судебного выступления. Минимизируется анализ психологической составляющей поступков фигурантов. Выступления самых известных советских прокуроров Н.В. Крыленко, Р.А. Руденко, В.И. Царёва, адвокатов В.Л. Россельса, И.Д. Брауде, Я.С. Киселёва отличают, кроме того, идейность, вера в правоту социалистической законности и советского суда. Подробный разбор обстоятельств дела, доказательность, юридическая обоснованность квалификации деяния ценятся в этот период выше, чем скрупулезная оценка личности подсудимого или потерпевшего, глубокая психологическая характеристика или оценка мотивов их поступков. В целом, выступления становятся менее выразительными, и постепенно в советский период нивелируется само понятие «индивидуальная манера» судебного оратора.

В конце XX в. интерес к С.к. в России вновь усиливается в связи с появлением в РФ суда присяжных. В настоящее время С.к. всё больше отделяется от общей риторики и начинает развиваться как самостоятельное научное направление (частная риторика). Предметом научных исследований являются жанровые особенности текстов обвинительных и защитительных речей [Дубровская 2002], коммуникативные стратегии и тактики обвинения и защиты, композиционная структура текстов судебных речей [Кыркунова 2010], особенности «юридической» аргументации [Шуйская 2008]. С.к. как научное направление сегодня связано не только с лингвистикой и культурой речи, но и с психологией, логикой, философией, историей и теорией государства и права, этикой, эстетикой. Как учебный предмет С.к. развивается в последние десятилетия тоже достаточно активно [Ивакина 1995, 2001]. В учебниках нового поколения подробно освещаются методические и технологические стороны подготовки будущего судебного оратора [Петров 2008], анализируется весь процесс речевой коммуникации в сфере юридической деятельности [Введенская, Павлова 2006; Красовская 2008 и др.]. Развитие С.к. подкрепляется и стимулируется судебной практикой.

Лит.: Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2006; Галяшина Е.И. Методологические основы судебного речеведения: ДД. М., 2003; Дубровская Т.В. Судебные документы и речи обвинителей как образцы речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых учёных. Вып. 5. Саратов, 2002; Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: КД. Саратов, 2010; Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. М., 1995; Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие. М., 2001; Красовская О.В. О речевой коммуникации в судебной практике: учеб. пособие. М., 2008; Кыркунова Л.Г. Судебная речь: методика работы над композицией // Юрислингвистика–10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово; Барнаул, 2010; Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. М., 1988; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учебное пособие. М., 1996; Петров О.В. Основы судебного красноречия: учеб. пособие. М., 2008; Сергеич П. Искусство речи на суде. Тула, 1998; Шуйская Ю.В. Аргументация в судебной риторике. М., 2008.

СУЖЕНИЕ ТЭЗИСА. См. ПОДМЕНА ТЕЗИСА

ТАВТОЛОГИЯ (от др.-греч. ταύτολογία – ‘тождество’) – 1. Речевой недочёт, состоящий в стилистически не обоснованном повторении в пределах одного или соседних предложений одних и тех же или разных, но однокоренных, близких по звучанию слов. Напр.: *Неудивительно, что тут же стали рождаться новые планы, как с **большой пользой использовать** планируемую достопримечательность* (КП. 08.05.2001); *Относительно данного замечания **следует сказать следующее*** (Из выступления в дискуссии). Такие недочёты при редактировании (в т.ч. – авторедактировании) легко устраняются при помощи синонимических замен (*с **большой эффективностью использовать**; нужно сказать следующее*). Термин «Т.» в негативном значении иногда используется расширительно, как «неоправданная избыточность выражения», напр.: *более лучшее положение* (в форме *лучшее* уже заключено значение сравнительной степени); *самые высочайшие вершины* (в форме *высочайшие* уже заключено значение превосходной степени) [Розенталь, Теленкова 1985: 352]. В таком значении термин Т. совпадает с одним из значений термина Плеоназм (см.).

2. Стилистический приём, представляющий собой частичное смысловое дублирование посредством повтора однокоренных слов, находящихся в пределах предложения в отношениях непосредственного или опосредованного подчинения или соподчинения, а также взаимного подчинения (координации). Общая функция Т. как приёма – акцентирование того понятия, которое заключено в корневой части повторяющихся слов. На это значение могут накладываться другие, контекстуально обусловленные, напр., усилительно-изобразительное: *С добрых мягких пожевывающих губ лошади **капали капли*** (А. Серафимович); *Он взнуздal Галлиполи **железным мундштуком железной дисциплины*** (А. Лукаш); усилительно-пафосное: *По **русским** обычаям, только пожарища / На **русской** земле раскидав позади, / На наших глазах умирают товарищи, / **По-русски** рубаху рванув на груди* (К. Симонов).

Основная сфера использования Т. как приёма – художественная проза, поэзия, публицистика. К понятию Т. иногда относят лексическую редупликацию смысла посредством синонимических слов, типа «жили-были», «давным-давно», «огород городить», «один-одинешенек» и т.п. Такая Т. характерна для фольклора и разговорной речи.

Лит.: Азимов Э.Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999; Андреева Ф.Т. Некоторые пути устранения тавтологии // Русский язык в школе. 1975. № 3; Зайц О.А. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов: КД. М., 2001; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Лопатин В.В. О тавтологических ошибках // Русский язык в школе. 1964. № 3; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Остапенко Т.С. Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии: КД. Иркутск, 2010; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. М., 1985; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

ТЭЗИС (от др.-греч. θέσις – ‘утверждение, положение’) – утверждение, для обоснования истинности или ложности которого выстраивается Доказательство (см.) или – шире – Аргументация (см.).

Т. – это кратко сформулированная позиция участника обсуждения по отношению к какому-либо вопросу. Т. в ситуации спора часто вслед за С. Поварниным сравнивают с королём в шахматной игре: «Как при игре в шахматы опытный игрок все свои помыслы связывает с позицией короля противника, так и при аргументации, какие бы данные ни вовлекались в мыслительный процесс, все они должны объединяться вокруг тезиса и подчиняться его рассмотрению» [Берков и др. 2000: 250]. Особенность Т. как элемента доказательства в том, что он выносится на обсуждение.

Прежде чем доказывать или опровергать Т., нужно выяснить: 1) все ли слова и выражения вам понятны и отчётливо определены (нередко в одни и те же слова люди вкладывают разный смысл); 2) понять, идёт речь обо всех предметах или об одном (напр.: *Все люди злы* – все или большинство?); 3) проверить Т. на достоверность (напр.: *На планете Марс есть обитатели* – учёный будет думать, в какой степени это вероятно, необразованный же может принять утверждение как достоверное) [Поварнин 1997: 272–274].

В.И. Курбатов выделяет несколько групп правил, которым должен соответствовать Т.

Правила логические: 1) тезисом не может быть аксиома или постулат, а также очевидное утверждение, не требующее установления истинности; 2) Т. не может использоваться как основание доказательства других Т. (в противном случае возникает ошибка «ложное основание»), недопустимо также доказательство Т. с помощью самого себя (ошибка «порочный круг»); 3) формулировка Т. не должна содержать взаимоисключающих суждений (хотя сам Т. может выражать внутренне противоречивое явление); 4) Т. на протяжении рассуждения должен оставаться неизменным (если не соблюдается закон тождества, возникает логическая ошибка «Подмена тезиса» (см.)).

Правила лингвистические: 1) требование чёткости, ясности и однозначности (недвусмысленности) формулировки (напр., высказывание *На стене висит портрет Иванова* может быть осмыслено как «На стене висит портрет, принадлежащий Иванову» и как «На стене висит портрет самого Иванова»; 2) Т. при его формулировке в процессе доказательства (аргументации) и в формулировке окончательного вывода должен быть выражен в терминах языка одного и того же типа (некорректно сначала представить Т. в терминах естественного языка, а потом – в виде формул, схем, графиков, т.е. терминах искусственного языка); 3) формулировка Т. не должна включать в себя стилистические приёмы: метафоры, сравнения, гиперболы и т.п.

Правила фактические: 1) Т. должен опираться на фактическую базу (он не должен быть проектом, фантазией, фикцией); 2) основанием Т. должна быть система фактов, а не единичный факт; 3) нельзя формулировать тезис на безграничных предметных областях.

Правила организационные: 1) правила фиксации Т. (неизменность его отношения не только к спорному положению, но и к Т. оппонента); 2) правило динамики Т. – оговорённое спорящими решение вводить в Т. новые положения или отказываться от ранее принятых положений.

Правила позиционные: 1) Т. должен полно и адекватно выражать позицию субъекта спора по отношению к спорному положению (позиция в споре – это отношение к предмету спора, а не к оппоненту); 2) изменение позиций одной из сторон не должно влечь за собой изменение Т. [Курбатов 1995: 259–262].

Различают основной Т. (положение, которому подчинено всё доказательство) и частный Т., или субтезис (положение, которое, будучи доказанным, становится аргументом для обоснования основного Т.) [Панкратов 2001: 48].

Т. может быть подан эксплицитно (открыто) и имплицитно (скрыто). Напр., в рекламном тексте *Фотоаппараты Conica. Пора привыкать к хорошему...* имплицитно содержится тезис «*Conica*» – *хороший фотоаппарат*. Имплицитная подача Т. характерна в основном для манипулятивных текстов.

В диалектике каждый Т. подразумевает наличие своей противоположности – Антитезиса (см.).

Лит.: Берков В.Ф., Яскевич Я.С., Павлюкевич В.И. Логика: учебник. Мн., 2000; Курбатов В.И. Стратегия делового успеха: учеб. пособие. Ростов н/Д, 1995; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство. М., 2001; Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора // Логика и риторика. Хрестоматия / сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. Мн., 1997.

Г.А. Копнина

ТЕЗИСЫ – вид вторичного текста, культивируемого главным образом в сфере научного общения и соотносимого с информативными жанрами – устными (доклад, лекция) или письменными (статья). Т., хотя и являются вторичным (не самостоятельным) типом текста, появляются обычно раньше своего первичного – доклада, лекции или статьи; потому могут считаться его пред-текстом, эмбрионом, «обещанием».

Научное общение предполагает различные этапы «добывания» информации и введения её в научный оборот; этим этапам соответствует цепь текстов, в которых последовательно воплощается информативный жанр: **заявка** (название темы исследования и краткая аннотация); **тезисы** (краткое изложение идеи, а иногда и результатов, 1–3 страницы); **научное сообщение** или **доклад** (устное изложение результатов перед научной аудиторией – на конференции, семинаре); **препринт**, или предварительная публикация (печатное изложение предварительных результатов, экспериментальных данных); **статья** (изложение результатов исследования с учётом научного контекста); **монография** (подробное изложение результатов с характеристикой научного контекста, их обсуждением, полемикой и т.п.) В этой цепи текстов Т. принадлежит важное место: являясь первым текстом, содержащим информацию о постановке проблемы и путях её решения, они являются свидетельством приоритета учёных в разработке научных идей, открытии новых направлений и т.п.

Т. публикуются в специальных изданиях, которые готовят обычно к научным конференциям или по итогам их проведения. Текст Т. может представлять собой как перечень отдельных положений, часто пронумерованных, сформулированных в виде утверждений или назывных предложений, так и связный текст без ссылок, обоснований, иллюстраций.

В деловой, учебной и других сферах Т. могут представлять собой текст автокоммуникации – предварительный, подготовительный текст, который автор готовит для себя в ходе подготовки к устному выступлению. Такого рода Т. публикуются чрезвычайно редко.

Иногда в учебной практике – школьной, вузовской – и самостоятельной научной работе написание Т. используется как форма работы над готовым чужим текстом. В таком случае Т., представляя собой наиболее краткий вариант записей, связанных с аналитической переработкой текста, оказываются в ряду других видов таких записей: план – тезисы – конспект – реферат – обзор.

Таким образом, можно говорить о двух видах текста, именуемых одним термином «Т.»: **авторских Т.**, предшествующих научному, деловому или политическому тексту, и **читательских Т.**, представляющих собой один из вариантов «переработки» научного или политического текста в ходе его изучения. Читательские Т. могут использоваться в дискуссии по поводу текста, к которому они составлены, и тогда, предшествуя устному тексту, становятся одновременно и авторскими.

Лит.: **Берг Д.Б.** Краткое руководство по написанию тезисов доклада. URL: [www.http://kmu.ifmo.ru/file/stat/16/berg.pdf](http://kmu.ifmo.ru/file/stat/16/berg.pdf); **Гецов Г.** Работа с книгой: рациональные приёмы. М., 1984; **Гецов Г.** Как читать книги, журналы, газеты. М., 1989; **Равенский Ю.И.** Тезисы и конспект // Развивайте дар слова: пособие для учащихся. М., 1982; **Федотов В.** Техника и организация умственного труда. Мн., 1989.

Т.В. Шмелёва

ТЕКСТ (от лат. *tēxtum* – ‘ткань; плетёная работа; связь, соединение’) – предельная единица системы языка и речевого общения. В конце 60-х гг. прошлого века появилась и стала крылатой фразой: «Мы говорим не словами и даже не предложениями, а текстами». Т. – «феноменологически заданный первичный способ существования языка» [Прохоров 2004: 12], первичный языковой знак. Иначе как в тексте язык нам не дан. Именно в Т. реализуется предназначение языка быть средством общения, – его коммуникативная функция. Есть Т. малых жанров (поговорки, афоризмы, загадки и т.п.), состоящие как правило из одного предложения. В формально-языковом аспекте основная масса текстов представляет собой совокупность предложений и состоящих из них фрагментов, объединённых предметом, авторским замыслом (интенцией, коммуникативным намерением), общим смыслом и целой системой лексико-грамматических способов их реализации.

Т. как единица языка – это обобщённая схема, модель формальной и смысловой структуры реализующих её конкретных предложений с их лексическим наполнением, грамматикой, категориями субъекта речи и адресата. Т. обладает признаками принадлежности к определённому Функциональ-

ному стилю (см.), подстилю и речевому жанру, субжанру; имеет определённую содержательную структуру (композицию) какого-л. функционального типа речи (описание, повествование, рассуждение или их комбинация), и внешнюю структуру – архитеконику: заглавие (см. Заголовок), членение на главы, параграфы, Абзацы (см.). В художественных Т. возможны факультативные компоненты: Эпиграф (см.), посвящение, послесловие и пр. Научные Т. включают строго структурированные введение, основную часть и заключение.

От простого набора предложений Т. отличается признаками **текстуальности**. В первую очередь это **категории целостности, связности и завершённости**. Фундаментальная текстообразующая категория – **целостность**. На ней так или иначе сфокусированы все остальные категории, параметры текста. Текст – структурное, семантическое и коммуникативное единство. Это единство темы всего текста и микротем в его смысловых фрагментах, единство коммуникативного замысла автора текста. В первую очередь целостность текста реализуется через категорию **связности**. Её называют также то когерентностью, то когезией, если не учитываются дифференциальные признаки двух последних терминов. В последнее время **когерентность** чаще понимают либо как синоним связности, либо уже – как связность в содержательном плане, а **когезию** – связность, реализуемую формальными, лексико-грамматическими, фонетическими средствами. «Текст является связным, если он представляет собой законченную последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора» [Белянин 2008: 121–122]. Связность проявляется в многообразных способах «притирания», взаимного приспособления компонентов речевой цепи, находящихся в непосредственном контакте или дистанцированных.

По способу выражения различают три вида связности предложений, составляющих Т.: логико-семантическую, грамматическую, стилистическую. Логико-семантическая связность проявляет себя как **кореферентность** (отнесённость элементов Т. к одному и тому же факту действительности – референту, образующих таким образом тематические, или изотопические цепочки); как наличие общей темы Т. и субтем в его смысловых отрезках; закономерности продвижения гипертемы и частных тем в их соотносённости с ремой (новым) (см. Актуальное членение предложения). **Изотопия** создаётся благодаря повторам, перифразам, местоименным, метафорическим и метонимическим заменам, синонимическим, родовидовым и антонимическим отношениям между элементами Т. (в «Медном всаднике» А.С. Пушкина: *Пётр – он – царь – великий царь*). Повтор – универсальное и наиболее ярко выраженное средство связности любого Т. Многообразны виды повтора: полный и частичный лексико-семантический повтор, тематический (сочетающиеся слова должны иметь общие компоненты значения), синонимический, антонимический, местоименный. Ряды таких кореферентных наименований позволяют выверить содержание Т. и его смысловые доминанты. Через повтор Ключевых слов (см.) обеспечивается единство темы Т. Напр.:

«Красный петух» над Дубинино

Один 16-квартирный двухэтажный дом сгорел в ночь на понедельник, ещё два – в пятницу. Около 4 часов утра огонь занялся в доме на улице XIX съезда ВЛКСМ, а через 40 минут – в доме на улице Младогвардейцев. В результате один дом пострадал от пожара частично, другой сгорел полностью. По предварительной версии, причиной пожара стали неосторожное обращение с огнём и поджог. За неделю крова лишились более 30 человек. Обстоятельства происшествия выясняются. Милиционеры, пытаясь предотвратить новые пожары, проверяют деревянные дома, подъезды, квартиры, чердаки и подвалы, напоминают жильцам о правилах пожарной безопасности (КР. 19.04.2011).

К грамматическим средствам текстовой связи относятся порядок слов, союзы и бессоюзная связь, единство временных и личных форм глагола, использование типов предложений, не характерных для изолированного функционирования эллиптических, парцеллированных, назывных, вводных, конструкций без личных форм глагола и т.п. Специфическое средство межфразовой связи – синтаксический параллелизм: повтор синтаксической структуры в смежных или соотносённых частях Т. Напр.: *Но ненавистны полумеры, / Не море, а глухой канал, / Не молния, а полдень серый, / Не агора, а обший зал* (В. Брюсов).

В художественных Т. используются и фонетические средства связи: рифма, ритм, аллитерация; есть и графические средства. Большое значение имеет связь конкретного фрагмента или отдельного предложения с предшествующим и последующим фрагментами текста. Элементы, указывающие на содержание какого-л. фрагмента, находящегося в предшествующей части (предтексте), реализуют

левонаправленную связь – категорию ретроспекции, или анафоры: *итак; поэтому; в этой связи; исходя из этих соображений; как было сказано ранее; тогда; в предыдущей главе; обобщая сказанное*. А элементы, указывающие на связь с последующей частью текста (посттекстом), реализуют **правонаправленную связь** – категорию проспекции, или катафоры: *далее; в будущем; в следующем разделе; как будет показано ниже*. Напр.: *Подобной встречи у них больше никогда уже не было. <...>. А потом всё обернулось иначе <...>. А позднее прибавилась ещё одна неожиданная, мучительная тягота...* (Ч. Айтматов).

Сложная природа Т. обуславливает проблематичность его однозначного, достаточного определения. В отечественной лингвистике наиболее цитируема дефиниция целостного Т., предложенная И.Р. Гальпериным. Опираясь на неё, но с критическими поправками, А.И. Горшков определяет Т. как «(1) выраженное в устной или письменной форме (2) упорядоченное и (3) завершённое словесное целое, (4) заключающее в себе определённое содержание, (5) соотносимое с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, (6) отграниченное от других подобных целых и (7) в случае необходимости воспроизводимое в том же виде» [Горшков 2006: 65].

Умения создавать, структурировать и интерпретировать Т. обусловлены **текстовыми компетенциями**. Особую значимость имеют умения определять и оформлять с учётом функционально-жанровой принадлежности, коммуникативного замысла, функций **Сильные позиции текста** (см.): заголовок, начало и заключительную часть Т.: **зачин** и **концовку** [Мещеряков 2004]. Для создания корректных, эффективных Т. необходимо владеть всеми составляющими Текстовой компетенции (см.).

Лит.: **Белянин В.П.** Психолингвистика: учебник. М., 2008; **Валгина Н.С.** Теория текста: учеб. пособие. М., 2004; **Ворожбитова А.А.** Теория текста: антропоцентрическое направление: учеб. пособие. М., 2005; **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; **Горшков А.И.** Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учебник. М., 2006; **Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М., Панченко Н.В., Чувакин А.А.** Теория текста: учеб. пособие. М., 2010; **Лосева Л.М.** Как строится текст: пособие для учителей. М., 1980; **Мещеряков В.Н.** Учимся начинать и заканчивать текст: учеб. пособие. М., 2004; **Прохоров Е.Ю.** Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. М., 2004; **Солганик Г.Я.** К определению понятий «текст» и «медиа́текст» // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2; **Соловьёва Н.Н.** Как составить текст. М., 2009.

А.А. Бернацкая

ТЕ́КСТОВАЯ КАТЕГО́РИЯ, или **КАТЕГО́РИЯ ТЕ́КСТА**, – один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определённой части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами. Категория текста имеет знаковую природу, план содержания такого знака – это определённая понятийная универсалия, единый текстовой смысл (напр., целостность, тема, тональность, пространство, проспекция), а план выражения – функционально ориентированная типовая композиция разноуровневых языковых средств.

Появление термина «Т.к.» обусловлено стремлением современной лингвистики и стилистики к выявлению структуры текста, чего невозможно добиться, опираясь лишь на элементарные единицы текста: лексемы, интонаемы, речевые приёмы. Т.к. является структурной составляющей текста, несущей в себе основные свойства целого, а именно целенаправленность и композитивность. Каждая Т.к. воплощает в себе отдельную смысловую линию текста, выраженную набором средств, организованных во внутритекстовую целостность. Совокупность Т.к., дополняющих друг друга и переплетающихся между собой создают самую крупную единицу общения – текст.

Как и для выделяемых в современной грамматике функционально-семантических категорий, главное для Т.к. – общность семантической функции выражающих её языковых элементов. Именно эта общность является критерием выделения Т.к. как особого феномена. В формальном же отношении Т.к. не унифицированы. Они не связаны жёстко с определённым уровнем или несколькими уровнями языковой системы: разнородные языковые единицы, в т.ч. суперсегментные и паралингвистические, обслуживают тот или иной универсальный смысл комплексно, во взаимодействии. Кроме того, компонентами Т.к. могут служить композиции языковых средств и текстовые фрагменты.

Первыми в лингвистике текста были замечены и исследованы (И.В. Арнольд, М.П. Брандес, И.Р. Гальперин, Е.И. Шендельс, О.И. Москальская и др.) глобальные категории целостности (когерентности), связности (когезии), завершённости, отдельности, в совокупности образующие грамматику текста. Позже на этой базе разрабатываются более конкретные классификации Т.к. Понятийные универсалии (категории текста) предлагается делить на два основных типа: содержательные (концептуальные) и структурные, с их подтипами (З.Я. Тураева). В области Т.к. применяется системно-деятельностный подход (Е.В. Сидоров), базирующийся на различении интенциональной стороны текста (того, что задумывалось и должно быть достигнуто автором) и его операциональной стороны (того, как это достигается). При таком подходе Т.к. понимается как объективное свойство системного речевого явления и деятельностно значимое качество этого явления, выводимое из процессов создания и функционирования текста.

Параллельно развивается концепция функциональных семантико-стилистических категорий, или ФССК (М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, Е.А. Баженова и др.). Под ФССК понимаются Т.к., отражающие функционально-стилевую дифференциацию речи и реализующие специфические черты того или иного функционального стиля (ФССК логичности, диалогичности, гипотетичности, акцентности и др.). Описание данных категорий производится на основании функционально-семантического и стилостатистического критериев.

Получила также развитие категориально-текстовая концепция, основанная на принципе отражательности. Текст, понимаемый как единица общения и сопряжения коммуникативной деятельности отправителя и получателя (в монологе) или активных собеседников (в диалоге), в целом отражает в себе коммуникативный акт. Т.к. как смысловая часть текста отражает один из компонентов коммуникативного акта, это субъект(-ы) речи, т.е. автор(-ы) текста в целом; оценочная точка зрения субъекта; его психологический настрой; пространство и время как неотъемлемые атрибуты ситуации, в которой порождается текст; адресат общения. Соответственно выделяются Т.к. темы, субъектности (авторизации), оценочности, тональности (текстовой субъективной модальности), текстового пространства и времени, адресата. В силу неизбежно дробного выражения каждой категории в тексте, к ним добавляется структурная Т.к. композиции. В совокупности данные Т.к. образуют коммуникативную систему, относительно адекватно моделирующую текст в целом. Описание отдельных Т.к. названного характера, их группировок и целостной систематики, в т.ч. в стилистическом аспекте, предпринималось многократно (Т.М. Николаева, З.Я. Тураева, Н.М. Разинкина, Т.В. Матвеева, Л.М. Лапп и др.).

Общее число выделяемых Т.к. постоянно наращивается: помимо названных рассматривались следующие категории: локация (комплекс прагматических категорий текста: субъект – пространство – время), проспекция и ретроспекция, подтекст, акцентность, логичность, логический тезис, иерархия, партитурность, членимость, диалогичность, гипотетичность, категоричность/некатегоричность и др.

Гипотезой описания Т.к. явилось положение о том, что единый функционально-семантический стержень (идея категории) должен получать разнородную языковую манифестацию, объединяемую этим семантическим множителем. Данная гипотеза многократно проверена и получила подтверждение на материале различных функциональных стилей речи, а также на уровне общей теории. Технология описания Т.к. заключается в отборе всех языковых, речевых и собственно текстовых средств, выражающих определённый универсальный смысл (напр., всех сигналов текстового времени), и анализе всей этой совокупности с позиций текстовой статики и динамики. Первый аспект чаще всего решается на основе лингвистической теории поля: все языковые сигналы Т.к. рассматриваются как функционально-семантическое поле с дальнейшим определением его ядра и периферии. Динамический аспект реализуется на основе категории последовательности и связан с выделением линейных структур языковых сигналов и анализом соотношений в этих линейных рядах.

Идея выявления полевого устройства Т.к. для многих категорий (тема, оценка, текстовое пространство и время) результативна, но не в полной мере, поскольку оставляет без интерпретации собственно текстовые качества категории, прежде всего, её внутреннюю текстовую структуру, композитивность. Переменных параметров, которые первостепенно значимы при научном описании Т.к., – четыре: а) набор языковых составляющих; б) текстовая значимость различных типов языковых составляющих (определяется на стилостатистическом основании, а также по их представленности в сильных позициях текста); в) комбинаторика языковых составляющих в составе линейного ряда средств выражения Т.к.; г) размещение сигналов Т.к. на пространстве текста (композиция категории).

Т.к. неравнозначны по своему содержанию и характеру структурирования, а категория композиции – структурная по своей природе – не может анализироваться на единых основаниях с другими. Единицей анализа данной категории является не языковой, а речетекстовый компонент: фрагмент текста (коммуникативный блок, относительно самостоятельный минитекст). По характеру выражения данная категория структурного типа может быть названа объёмной категорией, в отличие от прочих – полевых. Материальным элементом Т.к. может выступать как неделимая единица языка/речи (фонема, интонаема, слово, морфема, устойчивое словосочетание), так и языковая или речевая структура (фигура речи, предложение, высказывание, сверхфразовое единство, микротекст: заголовок, введение и др.).

Отдельные Т.к., как и тексты в целом, функционально ориентированы, т.е. реально существуют в виде совокупности функционально-стилевых и жанровых вариантов. Описание реального существования Т.к. в текстах разных стилей и жанров переводит проблему Т.к. в область стилистики текста.

Лит.: **Баженова Е.А.** Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001; **Баранов А.Г.** Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993; **Валгина Н.С.** Теория текста. М., 2003; **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; **Каменская О.Л.** Текст и коммуникация. М., 1992; **Категории научного текста: функционально-стилистический аспект // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М.Н. Кожинной. В 3-х тт. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. Пермь, 1998; Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. № 2; Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». Иркутск, 1993; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990; Матвеева Т.В. Фактор иерархии в категориальной структуре разговорного текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. ст. М., 2000; Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981; Николаева Т.М. «Событие» как категория текста и его грамматическая характеристика // Структура текста: сб. / отв. ред. Т.В. Цивьян. М., 1980; Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. М., 1983; Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М., 2002; Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. М., 1986; Сидоров Е.В. Основы системной концепции текста: ДД. М., 1986; Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1987; Текст и его категориальные свойства. Киев, 1989; Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986; Юрочкина О.Н. Проблема взаимодействия текстовых категорий: на материале романа У.С. Моэма «Театр» и его перевода на русский язык: КД. Екатеринбург, 2009.**

Т.В. Матвеева

ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ – 1. Вид коммуникативной компетенции, на основе которой возможно общение автора и адресата. 2. Знания о тексте, позволяющие носителю языка эффективно осуществлять текстовую деятельность, т.е. создавать текст и адекватно воспринимать его, интерпретировать, понимать. 3. Важнейший показатель коммуникативной культуры личности, заключающийся в умении эффективно общаться на основе текста.

Разработка проблемы Т.к. обусловлена тем, что в конце XX – начале XXI века усилилось внимание к говорящему и слушающему человеку. Это связано с переходом от монологической формы языковой культуры к диалогической (см. об этом работы М.М. Бахтина, А.К. Михальской, Ю.В. Рождественского и др.). Особенно востребованными являются знания по культуре речевого общения и механизму практического владения языком, умение эффективно осуществлять речевую деятельность: говорение и слушание, чтение и письмо. Всё это входит в понятие **коммуникативная компетентность**. Компетентность предполагает знание определённого круга вопросов, а компетентность как качество личности включает не только знание, но и умение их практически применять.

Понятия **коммуникативная компетентность** (см. Коммуникативно-речевая компетентность) и **текстовая компетентность** не тождественны, но связаны. Их связь обусловлена тем, что общение можно рассматривать как текстовую деятельность (Т.М. Дридзе). При таком подходе коммуникативные умения включают способность создавать тексты разных стилей и жанров и адекватно интерпретировать их. Коммуникативная компетентность является более широким понятием: помимо Т.к., она предполагает знание комплекса экстралингвистических факторов, значимых для эффективного общения, включая невербальные средства. По коммуникативной компетентности, отражающей уровень потенци-

альных возможностей личности, можно судить о её коммуникативной культуре, которая проявляется в вербальном и невербальном поведении и включает в себя, наряду с культурой речи, культуру эмоций и культуру мышления [Соколова 1995: 13]. Учитывая структуру и компоненты универсальной модели речевой коммуникации Р.О. Якобсона (автор, текст, адресат, язык (код), канал связи, действительность), место текста в ней, можно конкретизировать понятие **текстовой компетентности**:

1) она включает в себя знания о тексте, его структуре, единицах, законах текстообразования и закономерностях восприятия и интерпретации адресатом, умение вести гармоничный диалог с ним;

2) поскольку общение между автором и адресатом происходит через канал связи, эффективная текстовая деятельность предполагает знание условий и способов общения, сфер общения и умение учитывать их в процессе создания текстов и их интерпретации;

3) т.к. за текстом «стоит» языковая система, текстовая деятельность опирается на знание личностью законов языка, его единиц и их потенциальных возможностей; знания о функциональных стилях и жанрах речевого общения как важных параметрах текста, отражающих его коммуникативную природу; умение отбирать языковые ресурсы и организовывать их в процессе создания текста;

4) в связи с тем, что любой текст отражает фрагмент действительности, эффективная текстовая деятельность предполагает знания о мире, которые могут быть интересны адресату и поняты им.

Всё перечисленное позволяет рассматривать текстовую компетентность, во-первых, как комплекс знаний о тексте как форме коммуникации (его системно-структурной организации, смысловом развёртывании, прагматике, стилистических и жанровых особенностях, теме и идее, ориентации на определённого адресата, воплощении конкретных целей и задач общения). Во-вторых, как набор опирающихся на эти знания навыков и умений личности осуществлять текстовую деятельность (создавать тексты и понимать их на основе смысловой интерпретации). Наряду с этим, поскольку «за текстом стоит языковая личность автора» (Ю.Н. Караулов), текстовая компетентность предполагает умение проявлять индивидуально-авторские особенности в восприятии мира и его отражении в слове, т.е. индивидуальный стиль (см. Идиостиль). Текстовая компетентность является высшей формой проявления коммуникативной компетентности. Совершенствуя текстовую компетентность, можно повышать общий культурный уровень личности.

Лит.: **Болотнова Н.С.** Текстовая компетенция и пути её формирования в школе // Коммуникативно-деятельностный и текстоориентированный подходы к преподаванию русского языка. Томск, 2001; **Болотнова Н.С.** Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста: методическое пособие. Томск, 2002; **Болотнова Н.С.** Текстовая компетенция и её роль в профильном обучении русскому языку // Русский язык в профильном обучении: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. М.; Ярославль, 2005; **Болотнова Н.С.** Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009; **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М., 1987; **Овчинникова О.И.** Формирование текстовой компетенции на родном (русском) и иностранном (английском) языках у учащихся старшей ступени обучения: КД. Орёл, 2010; **Салосина И.В.** Формирование текстовой компетентности будущих учителей как основа профессиональной педагогической подготовки // Текст и языковая личность: мат-лы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Томск, 26–27 октября 2007 г.). Томск, 2007; **Соколова В.В.** Культура речи и культура речевого общения. М., 1995.

Н.С. Болотнова

ТЕКСТОВАЯ НОРМА – 1. Исторически сложившиеся, принятые в обществе, относительно устойчивые правила текстовой деятельности, на основе которых создаются эталонные для определённой сферы общения тексты. 2. Система коммуникативно-прагматических, жанрово-стилистических, композиционно-речевых и других норм, соответствующая определённому типу текста, отражающая его многоплановость, коммуникативную сущность, лингвистическую природу и экстралингвистическую ориентацию. 3. Гармоничная организация всех элементов структуры текста в соответствии с авторским замыслом и ориентацией на адресата.

1. Т.н. отражает имеющиеся в обществе правила и традиции эффективной текстовой деятельности в различных сферах общения, лучшие образцы которой служат эталоном для порождения текстов, типичных для каждой из сфер общения. Представление об эталоне соответствующего типа тек-

стов, характерном для определённого этапа развития общества, определяет текстовую деятельность носителей языка, порождающих подобные тексты. Для Т.н., интерпретируемой таким образом, характерны **относительная устойчивость**, создающая условия для взаимопонимания автора и адресата, и **вариативность**, открывающая возможность дальнейшего развития, совершенствования текстовой деятельности участников общения.

2. Принимая во внимание многоплановый характер текста, его коммуникативную сущность, объективные и субъективные, лингвистические и экстралингвистические факторы, определяющие деятельность автора и адресата, основные компоненты структурной организации текста, **целесообразно рассматривать Т.н. в широком смысле как систему текстовых правил (норм) в соответствии с которыми создаётся текст как сложный многоаспектный феномен.** С этой точки зрения Т.н. как понятие, имеющее сложную структуру, включает в себя:

1) **коммуникативно-прагматические текстовые нормы**, учитывающие фактор адресата, выбор оптимального канала связи с ним; соответствие текста сфере и ситуации общения, следование речевому этикету;

2) **нормы формирования содержательного плана текста**, отражающие адекватность отбора материала действительности, «стоящей» за текстом (фактов, событий); соответствующие целям и задачам общения, содержательному плану текста (теме, идее, авторскому замыслу), этическим и эстетическим нормам, принятым в обществе в рамках данной сферы общения;

3) **жанрово-стилистические текстовые нормы**, предполагающие соответствие создаваемого текста законам определённых жанров и стилей с учётом лингвистических и экстралингвистических жанрообразующих и стилеобразующих факторов;

4) **композиционно-речевые текстовые нормы**, включающие правила формальной организации текста: а) мотивированную последовательность частей в развёртывании содержания, их логичность и пропорциональность, эффективность зачина и концовки, оправданный выбор композиционно-речевых приёмов; б) соблюдение различных языковых норм, важных для понимания текста адресатом: акцентологических, орфоэпических (в условиях устного общения), орфографических, пунктуационных (в сфере письменного общения), лексических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, стилистических;

5) **текстовые нормы, связанные с его техническим оформлением**: предполагающие точность цитирования и оформления сносок, статистических данных, библиографии; включающие деление текста на абзацы; подразумевающие обоснованный выбор дополнительных графических средств, шрифта и т.д.

3. На уровне индивидуальной текстовой деятельности и подхода «от текста» с учётом его языковой и речевой системности, обусловленной авторским замыслом [Кожина 1993], Т.н. интерпретируется как гармоничное соответствие всех элементов текста, его формы и содержания авторским целям и ориентации на адресата.

В последние годы предпринимаются попытки рассмотрения гармоничной организации текста с точки зрения структурно-системного подхода (работы Н.В. Черемисиной, К.Э. Штайн и др.) и синергетического (Г.Г. Москальчук, Н.А. Манаков и др.), с выявлением элементов симметрии и асимметрии в структуре текста, изучением коэффициентов их присутствия в разных местах текста.

В связи с коммуникативной сущностью текста Т.н. включает обязательную ориентацию на адресата, т.е. она предполагает выбор определённой регулятивной стратегии, различных регулятивных средств и структур, обусловленных целями и мотивами автора. Поскольку за текстом «стоят» не только языковые личности автора и адресата, но и язык (код), действительность, канал связи (ср. модель речевой коммуникации Р.О. Якобсона), Т.н. предполагает такой отбор и организацию языковых средств, которая наиболее соответствует **содержанию** (ср. связь с компонентом «действительность»), **каналу связи** (ориентации на стилистический узус, жанровые каноны, сферу общения, характер ситуации и т.д.) и **фактору адресата**.

Т.н. имеет не только объективный, но и субъективный характер, т.к. инициатором текстовой деятельности является автор, воплощающий свой замысел и свой неповторимый стиль, но действующий в силу коммуникативной сущности текста по объективным законам текстообразования в соответствии с языковыми нормами, законами стиля и жанра, спецификой сферы общения и т.д. Т.н., таким образом, связана с понятиями **стереотипности** и **творчества**, ориентирована не только на язы-

ковые и композиционные константы, общие закономерности текстовой организации в рамках стилистического узуса, но и на мотивированные творческим замыслом отступления от них.

Т.н., несмотря на относительную стабильность, исторически изменчивы и варьируются в зависимости от типа текста (прежде всего от его жанрово-стилистических особенностей, от сферы общения, от литературного направления, к которому принадлежит автор, «стоящий» за текстом), от авторских интенций и фактора адресата.

Лит.: **Анисимова Е.Е.** Коммуникативно-прагматические нормы // Филологические науки. 1988. № 6; **Болотнова Н.С.** Филологический анализ текста. Томск, 2006; **Болотнова Н.С.** Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009; **Виноградов С.И.** Норма языковая // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М., 1987; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Сидоров Е.В.** Проблемы речевой системности. М., 1987; **Сковородников А.П.** Норма этико-речевая // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.

Н.С. Болотнова

ТЁКСТОВАЯ СУБКОМПЕТЁНЦИЯ. См. ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЁНЦИЯ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЁНЦИЯ

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕЧЬ – звучащая речь, произносимая с экранов телевизоров дикторами, ведущими программ, журналистами, гостями телепередач и адресованная многочисленной аудитории телезрителей. Т.р. представляет собой особую систему, включающую вербальный текст (слово), звуковое сопровождение (звук) и видеоряд (изображение). Вербальный текст может быть трёх видов: а) импровизированный (речь гостей программ, людей, участвующих в интервью, опросах и т.п.), б) подготовленный (речь дикторов, ведущих и тележурналистов информационных программ и т.п.), в) смешанный (речь ведущих ток-шоу, развлекательных программ и т.п.). Процент импровизации в речи участников коммуникации колеблется в зависимости от жанра телепрограммы, а также от условий трансляции: в записи или прямом эфире. В телевизионной практике различают два основных вида подачи вербального текста: синхрон и закадр. **Синхрон** – внутрикадровая речь, передающая естественный звук, записанный непосредственно при съёмке материала. Такой способ подачи звука (синхронно с изображением) используется в репортажах, интервью и служит верным средством реализации принципа достоверности информации. Чаще всего это высказывание участника события, представляющее собой законченную мысль на тему сюжета. В синхронном режиме передаются и **лайфы** – «живые картинки», изображения с места события с отдельными фразами участников. Появление корреспондента, репортёра или автора документального фильма в кадре называется **стендапом** (от англ. stand up – ‘встать на ноги’). Корреспондент при этом может продемонстрировать своё участие в мероприятии (напр., сесть за руль тестируемого автомобиля, попробовать автомобиль в движении, забросить мяч в баскетбольное кольцо и т.п.), сопровождая действия несколькими фразами по теме. Так достигается эффект соучастия и, следовательно, повышается доверие зрителя к речи корреспондента. **Закадр** – внекадровая речь, записанная в студийных условиях к определённому смонтированному видеоряду. Этот способ подачи речи может совмещаться с синхронном (напр., при переводе синхрона с иностранной речью или при комментировании прямой трансляции спортивных соревнований). Закадр представляет собой текст, составленный по правилам книжной речи, и позволяет достичь более сильного воздействия через художественные аудио- и видеоэффекты. Звуковое сопровождение может быть представлено интершумами и музыкальным фоном. **Интершумами** называют сохранённые в телевизионном тексте звуки природы (шум дождя, раскаты грома, шелест листвы и пр.), улицы (шум едущих машин, говор толпы и пр.), съёмочной площадки, студии, помещения (детский смех, скрип двери, заводской шум и пр.) и т.п. **Музыкальный фон** не только определяет эмоциональное наполнение передачи, но и выполняет структурирующую функцию. Подбор и расстановка музыкальных отрывков, осуществляемые музыкальными редакторами и звукорежиссёрами, а также

их соединение со звучащей речью и видеорядом является одной из самых трудных и важных задач при создании телевизионного текста. Специфика телевизионного коммуникативного акта заключается в обязательном наличии видеоряда, который по законам человеческого восприятия является более сильным воздействующим средством и потому несёт основную информативную нагрузку. Отснятый операторами материал монтируют в единый видеоряд видеоинженеры, художники, режиссёр, помощники режиссёра при участии автора-ведущего программы. Удачный видеоряд способен снизить в некоторой степени негативное восприятие телезрителями речевых ошибок ведущих. Кроме того, изображение помогает достичь необходимых для Т.р. принципа доверительности и эффекта присутствия. К видеоряду относятся и **титр** («заставка», надпись на экране, дающая очень краткую информацию о предстоящей передаче или выступающем), и декорации, и оформление студии, смена освещения, визуальное искажение, вставные видеоролики, фотографии, картинки, графика и пр. Большую роль играет также внешность ведущего и её соответствие теме передачи и конкретной обстановке съёмки (в той или иной степени важны фигура и лицо выступающего, его грим, одежда, мимика и жесты, манипуляция предметами интерьера). Т.р. диалогична, т.е. всегда ориентирована на реакцию зрителя. Современные технические возможности позволяют оперативно осуществить обратную связь и включить зрителя в коммуникативный процесс с помощью различных видов связи: телефона, компьютера, Интернета, пейджера и т.п.).

Фрагмент информационного сюжета с различными типами введения вербального текста:

ЛАЙФ: На старт! Внимание! Марш! <пробег участников>

ЗАКАДР: Преодоление полосы препятствий – наиболее сложное испытание для участников. Необходимы не только сила и ловкость, но и отличная координация движений.

ТИТР= Александр Евстигнеев, директор военно-спортивного клуба «Витязь»

СИНХРОН: (фрагмент интервью с Александром Евстигнеевым): Здесь надо показать свою выучку: и альпинистскую подготовку, и стрельбу, и метание гранаты. А получить такие навыки ребята могут только в профильных клубах.

ЗАКАДР: Юные десантники к учениям подошли во всеоружии. Юрий Евдокимов и его друзья сначала просто занимались в военно-патриотическом клубе, но с возрастом увлечения стали серьёзнее.

ТИТР= Юрий Евдокимов, участник соревнований

СИНХРОН: (фрагмент интервью с Ю. Евдокимовым): Когда четырнадцать исполнилось, начали там и с парашютом прыгать, и на стрельбы ездить, на соревнования всякие. Вот сейчас сюда позвали, себя показать и других посмотреть.

По классификации функциональных стилей Т.р. включается в публицистический стиль, выполняющая функции информирования и воздействия. В последние два десятилетия публицистическая речь тяготеет к разговорной не только по выбору языковых средств (широко используется профессиональная лексика, аббревиатуры, новые заимствования, относительная краткость фраз, расчленение сложных предложений и т.п.), но и по манере речи ведущих (непринуждённый тон, неофициальный тип беседы, динамичность). В зависимости от жанра и темы передачи Т.р. может строиться и по канонам других функциональных стилей (напр., официально-делового: официальные материалы по вопросам внешней и внутренней политики; научно-популярного: познавательные программы о космосе, жизни животного мира, здоровье людей и т.п.). Основным требованием к Т.р. является соблюдение артикуляционной и акустической благозвучности – удачной для произнесения и восприятия на слух фонетической организации речи, что требует составления текста без особых речевых трудностей (напр., стечения одинаковых или труднопроизносимых звуков в ряду стоящих слов: *обсудить на МеСТаХ СТаТуСТиЧеСкий оГЧёт; не описать чувСТВ ВСех собравшихся*). Дикторы и ведущие должны соблюдать орфоэпические нормы и правила интонационных конструкций русского языка, а также постоянно работать над техникой речи (см.), которая включает дыхательную гимнастику и артикуляционную разминку, и постановкой голоса (тона, тембра, обертонов) перед записью и выходом в эфир.

Лит.: Гаймакова Б.Д., Макарова С.К., Новикова В.И., Оссовская М.П. Мастерство эфирного выступления. М., 2004; Дзюба Д.Б. Типология некодифицированных явлений телевизионной речи: КД. М., 2005; Дешевова В.В. Агональность в телевизионном дискурсе: КД. Волгоград, 2010; Зарва М.В. Слово в эфире. М., 1986; Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М., 2007; Ляшенко Б.П. Хочу к микрофону: Про-

фессиональные советы диктору. М., 2007; Петрова А.Н. Искусство речи. М., 2008; Светлана С.В. Телевизионная речь. Функции и структура. М., 1976; Сенкевич М.П. Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; Телерадиоэфир: История и современность. М., 2005; Юрий Левитан: 50 лет у микрофона: сб. ст. / сост. В.М. Возчиков. М., 1987.

Л.Т. Касперова

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР – контактный по времени, но дистанцированный в пространстве и опосредованный специальными техническими средствами вид беседы. Специфика Т.р. заключается прежде всего в его дистанцированности, которая обуславливает отсутствие части паралингвистических факторов общения (жесты, мимика и пр.), в связи с чем возрастает роль других паралингвистических факторов: интонации, темпа речи, громкости и чёткости произношения и пр.

При Т.р. единственным подтверждением внимательного слушания являются соответствующие словесные сигналы (*да-да, понятно, так* и др.). Если такие сигналы отсутствуют, у собеседника может возникнуть ощущение, что вы не слушаете его, не желаете поддерживать контакт, либо произошёл сбой связи.

Если вы не договаривались о звонке заранее, следует уточнить, есть ли у собеседника время. Если вы звоните по мобильному телефону, рекомендуется узнать, удобно ли сейчас разговаривать вашему собеседнику (возможно, он едет в автобусе или ожидает приёма у врача).

Т.р. можно разделить на деловые (служебные) и бытовые (личные). Для успешного делового разговора по телефону стоит следовать нижеприведённым рекомендациям: 1. По рабочим вопросам не стоит звонить в нерабочее время, а также на сотовый (если это не было согласовано заранее) и домашний телефоны. 2. Набирать номер телефона по памяти стоит только тогда, когда вы твёрдо уверены в его правильности. В других случаях рекомендуется свериться с телефонной книжкой или справочником. 3. Тщательно обдумывайте содержание разговора (если нужно – подготовьте краткую запись основных положений), прежде чем позвонить. 4. Будьте готовы записать сообщаемую информацию. 5. Если предстоит долгий разговор, спросите собеседника, располагает ли он достаточным временем и, если нет, перенесите разговор на другой, согласованный день и час. 6. Добившись соединения по телефону с нужным учреждением/человеком, нужно называть себя и своё предприятие. 7. При неправильном соединении не спрашивайте: «Куда я попал?», просто уточните: «Это ...?». 8. Если вы ошиблись номером и «не туда попали», нужно извиниться, и лишь после этого повесить трубку. 9. Если звонящий вам ошибся номером, об этом ему нужно вежливо сказать, и лишь после этого класть трубку. 10. Отвечая на звонок рабочего телефона, рекомендуется назвать свою должность или фамилию, организацию или подразделение (если звонок внутри организации). Рекомендуется поздороваться или иным способом дать понять собеседнику, что вы готовы к контакту (*Иванова, слушаю; секретарь приёмной комиссии, здравствуйте; приёмная директора ОАО «СибСтрой», здравствуйте*). 11. Во время продолжительного монолога собеседника по телефону время от времени нужно подтверждать своё внимание краткими репликами (*ага, так, да-да* и пр.). 12. Завершая деловой разговор по телефону, стоит поблагодарить собеседника. 13. Не позволяйте вошедшему в помещение долгое время стоять и слушать вас: попросите посетителя зайти попозже или прервите телефонный разговор. 14. Если в то время, когда у вас посетитель, вам нужно сделать телефонный звонок, нужно извиниться перед посетителем и постараться сделать свой звонок максимально кратким. 15. Если коллега, которого спрашивают по телефону, отсутствует, спросите, что ему передать, и оставьте записку на столе коллеги. 16. В присутствии сотрудников старайтесь говорить по телефону вполголоса. 17. Если собеседника плохо слышно, не нужно повышать голос самому – попросите его говорить громче или перезвонить. Стоит уточнить, как слышит вас собеседник. 18. Если вы звоните кому-л., не кладите трубку, не услышав, по крайней мере, шесть длинных гудков.

Рекомендации 2, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 17 и 18 также справедливы для бытового (личного) разговора. Кроме того, на сотовый и домашний телефоны не рекомендуется звонить раньше 10 часов утра и после 22 часов вечера.

Это рекомендации, а не строгие правила. При необходимости, а также если вы хорошо знаете того, кому собираетесь позвонить, ими можно пренебречь.

Лит.: Васильева А.Н. Основы культуры речи. М., 1990; Кузин Ф.А. Культура делового общения: Практическое пособие. М., 1999; Линь Мэй. Речевые особенности и правила построения русского телефонного диалога: КД. М., 2003; Психология и этика делового общения: учебник / под ред. проф. В.Н. Лавриненко. М., 2001; Русский язык и культура речи: учеб. пособие / под ред. В.И. Максимова. М., 2001; Соломатин А. БИБЛИЯ ПРОДАЖ: настольная книга «продажного» менеджера. М., 2007; Шилова К.А. Телефонные разговоры делового человека. М., 1993.

Е.С. Архипова

ТЕМП РЕЧИ (от лат. *tēmpus* – ‘время’) – скорость речи, степень быстроты чередования звучащих элементов речевого потока. Измерить Т.р. можно, подсчитав число звуковых единиц (чаще всего подсчитывают слова, хотя они имеют разную слоговую и звуковую протяжённость во времени), произносимых в единицу времени. Считается, что средняя скорость речи при общении на русском языке составляет примерно 120–125 слов в минуту. Однако для речи, напр., учителя, характерны другие нормы: в 5–6 классах учитель, как правило, произносит не более 60, а в 11 классе – не более 75 слов в минуту [Князьков 1998]. Обычно выделяют низкий, средний и высокий Т.р. Это достаточно субъективные характеристики (в основном – с позиции слушающего). Тем не менее, характеризуя чью-то речь как «быструю» или «медленную», мы отмечаем тем самым некоторое неудобство при восприятии такой речи, поскольку слушающий обращает внимание на Т.р. говорящего именно тогда, когда этот темп становится помехой для понимания. Медленная речь (низкий Т.р.) характеризуется, в первую очередь, замедленным проговариванием слов. Это связано в основном с растягиванием гласных. Замедленное произношение согласных опасно нарушением смысла слова: «растягивание» согласного звука приводит к его искажению и нарушению звукового облика слова (ср.: *Это ве[ч]ный вопрос!* – *Это ве[ц]ный вопрос!*). Низкий Т.р. связан также с большими паузами между словами или частями высказывания: это могут быть как «пустые», не заполненные звуками голоса паузы, так и паузы хезитации (паузы обдумывания), заполненные нелексическими вставными звуками (*э-э-э... м-м-м... и др.*). При низком Т.р. часто возникают «слова-паразиты» (*в общем, вот, в принципе, знаешь, значит, как бы, ну, понимаешь, это самое* и пр.). Низкому Т.р., как правило, соответствует и пониженный уровень громкости речи. Быстрая речь (высокий Т.р.) приводит к «проглатыванию» звуков, слогов, целых слов, и следовательно, снижается разборчивость речи. Отсутствие пауз между смысловыми частями высказывания часто сопровождается отсутствием интонационного выделения, что также затрудняет понимание. При этом и в быстрой речи могут наблюдаться «слова-паразиты» и заполненные паузы хезитации, что делает такую речь ещё более трудной для восприятия.

Каждому человеку присущ свой природный Т.р., который зависит от таких индивидуальных факторов, как темперамент, образ жизни, характер. Но скорость речи зависит и от эмоционального состояния говорящего. Зная человека и имея представление об обычном для него Т.р., мы можем предположить, каково его настроение в данный момент и отношение к теме общения: замедленный Т.р. может свидетельствовать о подавленности собеседника или его безразличии к теме, а ускоренный – о раздражительности или тревоге. Понятно, что Т.р. человека бывает разным в разных обстоятельствах и говорящий способен сознательно менять темп своей речи в зависимости от ситуации (напр., в ситуации цейтнота или ситуации отдыха). Более того, эффективность речи зависит и от умения корректировать её темп в соответствии с целью общения, с коммуникативной задачей (напр., при необходимости быстрого реагирования или – напротив – когда стоит задача разрядить обстановку, успокоить). Особенно важно выработать навык контроля за своим Т.р. при дистантном общении (по телефону, с помощью интернет-связи), при котором Т.р. должен соотноситься с Т.р. собеседника и в определённом смысле слова «пристраиваться» к нему (см. об этом [Морозов]).

Для соблюдения оптимального (для данных обстоятельств и задач) Т.р. необходимо, в первую очередь, научиться следить за паузами: перед произнесением логически важного отрезка речи нужно сделать паузу, а сам этот отрезок произнести в замедленном темпе. Для совершенствования навыка быстрой речи занимаются дикционным тренингом (отрабатывают произношение усложнённых звукосочетаний) и тренируются в чётком и разборчивом произношении скороговорок (см., напр., [Алфёрова 2007]). Умение контролировать скорость своей речи и следить за её внятностью – тренируемый навык.

Лит.: Алфёрова Л.Д. Речевой тренинг: дикция и произношение: пособие для самостоятельной работы. М., 2007; Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981; Морозов А.В. Как говорить, чтобы собеседник «видел» вас на расстоянии. Элитариум – Центр дистанционного образования. URL: www.elitarium.ru/2010/07/23/kak_govorit_sobesednik_rasstojaniye.html; Надеина Т.М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: ДД. М., 2004; Педагогическое речеведение: словарь-справочник. М., 1998.

В.В. Васильева

ТЕОРИЯ ТРЁХ СТИЛЕЙ (ШТИЛЕЙ) – учение о трёх стилях, основанное на принципе трихотомичности – выделении высокого, среднего и низкого уровней в речи. Существовала в античной, западноевропейской и отечественной риторике. В «Риторике для Геренния» («Риторике к Гереннию») была дана классификация видов ораторской речи: возвышенного, среднего, сниженного. В книгах Цицерона «Об ораторе», «Оратор», «О наилучшем роде ораторов» предложено стилистическое деление по степени «украшенности», метафоричности повествования. Автор пишет о «величественной» («пышной»); «средней»; «скудной» («тощей») речи, которая зависит от предмета, о котором говорит оратор. По мнению Цицерона, «самое трудное в речи, как и в жизни, – это понять, что в каком случае уместно... Сколь неуместно было бы, говоря о водостоках перед одним только судьёй, употреблять пышные слова и общие места, а о величии римского народа рассуждать низко и просто!» [Цицерон 1972: 345].

О выделении трёх стилей изложения в зависимости от степени экспрессивности речи пишет и Квинтилиан («Образование оратора или Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений», середина I в.). С его точки зрения, каждый стиль «оформляет» свою область содержания; при этом необходимо соблюдать принцип *media via* («золотой середины»), а значит, избыток должно иметь свои пределы, блеск – мужественную сдержанность, изобретательность должна быть разумна.

И Цицерон, и Квинтилиан следуют правилу Аристотеля, который считал, что «стиль не должен быть ни слишком низок, ни слишком высок, но должен подходить к предмету речи». Стиль, соответствующий «истинному положению вещей... бывает в том случае, когда о важных вещах не говорится слегка и о пустяках не говорится торжественно...» [Аристотель 2000: 268]. Эта идея нашла своё отражение и в «Риторике» Гермогена (конец II - начало III в.), где приводится трёхчастная характеристика «материи» речи: указаны «высокие», «средние», «низкие» объекты описания.

В более позднее время – в «Риторике» XIII в. Иоанна из Гарланда – была сделана попытка связать речевую и сословную иерархию: для царя, полководца, героя была характерна речь «важного» рода, для земледельцев – «среднего», для простого народа – «простого». Об отражении в речи сословной иерархии писал и Н. Буало в известном трактате «Поэтическое искусство» («L'art poetique», 1674 г.). В России попытки описать стилистические различия между письменной и устной, прозаической и поэтической речью были сделаны Лаврентием Зизанием («Грамматика словенска съвершеннаго искусства осми частей слова и иных нужных. Ново съставленна», 1596), Мелетием Герасимовичем Смотрицким («Грамматики славенския правильное синтагма», 1619), а главное – архиепископом вологодским Макарием («Риторика», 1617–1619).

Макарий попытался сформулировать принципы отдельных типов красноречия: «научающего», «судебного», «рассуждающего», «показующего», следуя в этом за авторами античных руководств к красноречию: Демосфеном, Кораксом, Горгием, Цицероном. Не менее важной была и глава «О трёх родах глаголанья», где Макарий пишет о трёх типах речи. Первый из них – «род смиренный» – «не восстаёт над обычаем повседневного глаголанья»; второй – род торжественного красноречия – «большую частью содержится, свойственным гласом ...имеет метафорый, и от далних вещей приятых, достаточну размножает»; третий, «мерный», имеющий «участок видов», – «таков есть Овидиуш и писма, грамоты и глаголы Кикероновы» [Бабкин 1951: 332–333; Вомперский 1970: 185–187]. Таким образом, Макарий подходит к вопросу о существовании нехудожественной (деловой) прозы, «украшенной» словесности – устного и письменного красноречия, которое строится по законам эстетики, и стихотворной и ритмизованной речи – так написаны произведения, напр., Овидия и ритори-

ческие «слова» Цицерона. Дальнейшее развитие теория трёх стилей получила в сочинениях Н. Спафария («Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах», 1672), М.И. Усачёва («Риторика», 1699), Ф. Прокоповича («О риторическом искусстве», 1706–1707), Г. Даниловского («Риторика», не позднее 1720), П. Крайского («Риторика», 1734). «В это время сложился канонический тип рус. Р., в к-рой отражалась и обобщалась практика двуязычия, характеризовавшаяся особым сплавом языковых стилистических элементов – лексико-фразеологических, грамматических и синтаксических – в рамках трихотомии...» [Граудина 2001: 423]. Терминологически теория трёх стилей окончательно оформилась в работах М.В. Ломоносова «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обою красноречия, т.е. оратории и поэзии, сочинённая в пользу любящих словесные науки» (1748; его ранний вариант – «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», 1743) и «Предисловие о пользе книг церковных», 1757). В своих «Риториках» учёный применил принцип трихотомичности при характеристике морфологических и синтаксических особенностей русской «поэтической» речи, а также – звуков, впервые в русской филологии сформулировав законы эвфонии (в частности – звукового символизма). Но наиболее отчётливо идея трёхчастности отразилась в лексико-стилистическом описании «речений» русского языка, которое дано в «Предисловии о пользе книг церковных». М.В. Ломоносов разделил лексику на «три рода речений»: к **первому** роду он отнёс слова, «которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, напр.: *Бог, слава, рука, ныне, почитаю*»; ко **второму** – малоупотребительные слова, «кои хотя употребляются ...мало... однако всем грамотным людям вразумительны, напр.: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*». Слова «обветшалые», такие как: *обаваю* («ворожу, очаровываю». – И.А.), *рясны* («женское украшение, ожерелье». – И.А.), *овогда* («иногда». – И.А.), *свене* («кроме». – И.А.) ...» были отсюда исключены. Наконец, к третьему роду относятся исконно русские слова, «которых нет в остатках славенского языка, т.е. в церковных книгах, напр.: *говорю, ручей, который, пока, лишь*» [Ломоносов 1952: 588–590]. Отсюда исключаются «презренные» (просторечные) слова.

Соотношение слов этих трёх родов «речений» определяет своеобразие «трёх стилей», каждый из которых «оформляет» определённые жанры поэзии и риторики. «**Высокий**» стиль состоит из слов «славенороссийских» и «славенских», т.е. из «речений» первого и второго рода. В этом стиле пишутся «героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях». «**Средний**» стиль определяется «речениями, больше в российском языке употребительными» и «некоторыми речениями славенскими» (но таким образом, чтобы «слог не казался надутым»), а также – «низкими» (надо, однако, «остерегаться, чтобы не опуститься в подлость»). Главная черта этого стиля – стилистическое единство: «...в сём штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного». Средним стилем нужно писать все театральные сочинения, эпистолы, сатиры, эклоги, элегии, а также прозаические жанры, в которых содержатся «описания дел достопамятных и учений благородных». «**Низкий**» стиль состоит из «речений третьего рода»; допустимо употреблять и слова «среднего» рода, исключая неупотребительные славянизмы. В низком стиле следует писать комедии, увеселительные эпиграммы, песни, дружеские письма, а также давать в прозаической форме «описания обыкновенных дел». Таким образом, каждый «штиль» соответствует «материи» (содержанию) произведения и определяется использованием слов разной степени употребительности и «вразумительности».

Теорию «трёх стилей» Ломоносова отличает **историзм**: учёный пишет о том, что «российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисотлет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было...». Именно слияние «российского» и «славенского» языков в речи помогает передать разные стилистические оттенки мысли, понятия, благодаря чему «отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из других языков...» [Ломоносов 1952: 588–590]. «В послепетровское время, когда для русского литературного языка стали характерными лексическая пестрота и стилистическая неопределённость... предписания Ломоносова были несомненно прогрессивны» [Федоров 1982: 93]. Они помогли создать лексику нового литературного языка, состоящую из «славенских», «славенороссийских» и «российских» речений. Стремясь сделать соответствие содержания и формы главным качеством русской речи, Ломоносов отказался от употребления как «обветшалых», так и «презренных» речений, заложив основу стилистической нормы, вкуса, культуры речи. Реформа М.В. Ломоносова, ставшего основоположником классицизма в русской поэзии, сыграла огромную роль в становлении и развитии русской стилистики. И хотя уже в теоретических и поэтиче-

ских произведениях поэтов-сентименталистов М.Н. Муравьёва, Н.М. Карамзина, а также Г.Р. Державина, воплотившего в своём творчестве идеи предромантизма, жанрово-стилистическая регламентация уже не соблюдается, можно сказать, что корни пушкинской формулы «соразмерность и сообразность» следует искать именно в научных изысканиях М.В. Ломоносова.

Лит.: Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб., 2000; Бабкин Д.С. Русская риторика начала XVII века. М.; Л., 1951; Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трёх стилей. М., 1970; Граудина Л.К. Русская риторика. М., 2001; Квинтилиан М.Ф. Образование оратора или Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений. Кн. X. М., 1834; Курилов А.С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981; Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VII. М.; Л., 1952; Спафарий Николай. Эстетические трактаты. Л., 1978; Фёдоров В.И. История русской литературы XVIII в. М., 1982; Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве («Об ораторе», «Оратор», «О наилучшем роде ораторов»). М., 1972.

И.Б. Александрова

ТЁРМИН – слово или словосочетание, которое служит для обозначения специального понятия или явления в определённой области знаний, в той или иной сфере профессиональной деятельности.

Важнейшими признаками Т. являются: 1) дефинированность (его значение всегда можно определить с помощью правил формальной логики); 2) семантическая точность в пределах одной терминосистемы; 3) системность (способность вступать в иерархические, парадигматические, синтагматические и мотивационные отношения с другими специальными наименованиями в пределах терминологического поля, терминологии); 4) отсутствие экспрессивности; 5) конвенциональность (договорённость об употреблении, согласованность употребления именно в данном значении); 6) контекстуальная независимость. Современные исследования в области терминоведения свидетельствуют о том, что Т., как и другие лексические единицы языка, могут быть многозначными в пределах одной терминологии (*стиль, концепт, дискурс, коннотация* и мн. др. в научном языке лингвистики), а также иметь синонимы и варианты (*лингвистика – языкознание – языковедение*).

В начальный период развития русского национального языка научные и научно-технические Т. были представлены в основном заимствованиями из западноевропейских языков и в количественном отношении уступали профессионализмам и прототерминам. На определённой ступени развития научных и научно-технических знаний возникла необходимость в собственном терминопроизводстве, гармонизации и упорядочении стихийно складывающихся терминологий. В настоящее время выработаны семантические, формальные и прагматические требования к «идеальному термину». Он должен обладать непротиворечивостью семантики, быть полнозначным (т.е. в его значении должно отражаться минимальное число признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия); кратким по форме, обладать высокой деривационной способностью. Идеальный Т. должен соответствовать таким прагматическим требованиям, как удобство произношения и отсутствие нежелательных звуковых ассоциаций; внедрённость, т.е. широкая употребительность в специальных текстах и в устной речи специалистов; современность.

Культура терминопотребления заключается: 1) в точности и непротиворечивости терминопотребления в рамках конкретной науки, научной школы, выбранной теории; 2) в учёте языковых и логических связей термина в пределах конкретной терминологии; 3) в соблюдении профессиональных вариантов норм, которые могут отличаться от норм литературного языка (напр., в языках для специальных целей используются формы *масла́, сахара́* и др.). К признакам культуры терминопотребления относится также раскрытие значения Т. при первом его использовании (см. Культура термина).

Лит.: Авербух К.Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход: ДД. Иваново, 2005; Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 2007; Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение. М., 2008; Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М., 2006; Лейчик В.М. Культура термина // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 8–9 (16–17). Красноярск, 2006; Лемов А.В. Система, структура и функционирование науч-

ного термина. Саранск, 2000; **Рябова Е.А.** Проблемы и принципы систематизации терминологии: КД. М., 2010; **Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.** Общая терминология: терминологическая деятельность. М., 1993; **Татаринов В.А.** Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М., 2006; **Фельде (Борхвальдт) О.В.** Историческое терминоведение в теории и практике. Красноярск, 2001; **Шелов С.Д.** Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания. М., 1984. Вып. 5; **Шелов С.Д.** Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003.

О.В. Фельде

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА – нейтральные по экспрессивной окраске специальные наименования, основной сферой употребления которых являются научный, научно-технический и официально-деловой стили языков для специальных целей (LSP – Language for Special Purposes). К Т.л. относятся Термины (см.), терминоиды, прототермины, предтермины, детермины, квазитермины, псевдотермины. Данные разряды Т.л. различаются степенью терминологичности, глубиной связи с понятием, а также по формальным признакам (напр., количеством структурных единиц).

Центральное место среди этих наименований занимают **термины**, т.е. такие единицы специальной лексики, которые характеризуются тесной связью с научными или научно-техническими понятиями; системностью, обусловленной семантическими, мотивационными, словообразовательными, синтагматическими связями в пределах терминологического поля; контекстуальной независимостью, конвенциональностью (т.е. вводом в употребление на основе договорённости между специалистами), а также наличием чёткой дефиниции. Термин, который проник в общенародный язык без изменения объёма значения, называют **детермином** (*компьютер, ксерокс, ваучер* и мн. др.). От терминов и детерминов следует отличать **терминоиды** – терминоподобные специальные наименования, которые возникают в период зарождения нового знания и используются для номинации понятий, которые неоднозначно понимаются специалистами. В научной литературе, в т.ч. и в словарях, они употребляются с указанием различных точек зрения на их содержание. Терминоиды не обладают точностью значения, контекстуально зависимы, носят неустойчивый характер, могут использоваться в нескольких подязыках с разными значениями. Одна часть терминоидов впоследствии вытесняется из употребления терминами (так, в XVIII в. терминоид «жилище металлов» был заменен термином «месторождение», в XIX терминоид «праматерь языков» был вытеснен термином «праязык»). Некоторые терминоиды с течением времени подвергаются нормализации и становятся терминами (такова судьба бывших терминоидов *генеалогическое древо, концепт* и др.). К **прототерминам** относятся возникшие ещё в донаучный период специальные наименования, называющие не понятия, а представления об объектах профессиональной деятельности (*снадобье, зарод, бредень, жерлица* и т.п.). Они тесно связаны с общенародной лексикой. Отличительными признаками прототерминов является мотивированность «случайными» (т.е. не главными) признаками или утраченный мотив названия. Основной сферой функционирования прототерминов являются так называемые «своеязычные терминологии» (знахарства, ткачества и прядения, коневодства, охоты и рыболовства и т.п.). **Предтермины** – многословные специальные наименования, которые называют новые сформировавшиеся понятия, для которых ещё не найдено краткого наименования. Среди предтерминов преобладают описательные конструкции и сочетания с причастным или деепричастным оборотом: *лицензионный договор на реализацию товаров и услуг с использованием фирменного знака лицензедателя; пиломатериал, раскрытый сегментным способом* и т.п. Подобные единицы отличает неустойчивость формы и недолговечность. Большинство из них заменяются терминами. Напр., предтермин *золотая руда через перебивание полученная, состоящая из белых и черноватых частиц* М.В. Ломоносов заменил заимствованным термином *шлих*, который используется и поныне. В XX в. на смену предтермина *квантовый генератор света* пришёл однословный термин *лазер*. Нередко время замены многословной специальной единицы соответствующим термином затягивается. В этом случае закреплённый в специальной лексике предтермин становится **квазитермином** (напр.: *лесная и деревообрабатывающая промышленность*). К **псевдотерминам** относятся такие единицы специальной лексики, которые, обладая основными признаками термина, обозначают несуществующие или научно неподтверждённые понятия (*вечный двигатель, философский камень, телепортация* и т.п.). Упорядочение и гармонизация Т.л. –

актуальная задача прикладного терминоведения. Её решение будет способствовать оптимизации процесса получения, хранения и обмена информацией, взаимопониманию специалистов, улучшит качество научной, учебной и справочной литературы, а также будет способствовать повышению культуры профессионального общения.

Лит.: **Гринёв-Гриневиц С.В.** Терминоведение. М., 2008; **Зайцева Н.Ю.** Семиотика романских терминологических систем в их сопоставлении с английскими и русскими: ДД. СПб., 2003; **Лейчик В.М.** Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2006; **Лемов А.В.** Система, структура и функционирование научного термина. Саранск, 2000; **Паршина О.Д.** Терминологическая лексика в аспекте семантики, структуры и функционирования: дидактика: КД. Самара, 2006; **Татаринов В.А.** Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М., 2006; **Шелов С.Д.** Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания. 1984. № 5; **Шелов С.Д.** Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003.

О.В. Фельде

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ – печатные, электронные или онлайн-овые разновидности словарей Специальной лексики (см.), представляющие собой фиксацию и лексикографическое описание терминологической лексики различных наук, производств, промыслов, ремёсел и особых сфер общественной жизни. Первым российским Т.с. является «Русско-голландский глоссарий корабельных частей», составленный лично Петром I (1688–1701). В настоящее время многочисленные Т.с. – важная часть национальной культуры. Они выполняют задачи отражения и передачи специальных знаний, упорядочения терминологий и регламентирования терминопотребления. Существует множество классификаций Т.с., которые частично пересекаются, дополняя друг друга [Борхвальдт 1999; Герд 1981; Гринёв 1995; Донской 1989; Комарова 1990; Лейчик 1988; Марчук 1992; Ловцевич 2010 и др.]. По тематическому охвату Т.с. подразделяются на **многоотраслевые** (напр., «Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям знания» под ред. З.Б. Высоцкой. М., 1995); **отраслевые** (напр., «Архитектурные термины: Иллюстрированный словарь» А.С. Партиной. М., 2001) и **узкоотраслевые** (Напр., «Словарь по ортопедии лошади» С. Сухова; URL: www.lingvoda.ru/dictionaries/dictInfo_window.asp?dictId=47).

По числу описываемых языков Т.с. классифицируются на **одноязычные** (напр., «Словарь социолингвистических терминов» под ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006); **двухязычные** (напр., «Русско-английский и англо-русский словари лесотехнических терминов» И.Г. Деревянко. М., 2003) и **многоязычные** («Словарь полезных растений на 20 европейских языках» Л.Л. Балашева. М., 1970). По отношению к современности Т.с. подразделяются на **исторические** Т.с. (напр., «Терминология русской иконописи» Н.А. Замятиной. М., 1997), **словари новых терминов** (напр., «Современный экономический словарь» Б.А. Райзберга и др. М., 1997) и **неисторические** (все остальные). По объёму словаря различают **большие**, полные (напр., «Большой юридический словарь». М., 2001), **средние** (напр., «Терминологический словарь по логистике»; URL: www.loglink.ru/dictionary/), **краткие** («Краткий словарь музейных терминов». М., 1974) и **терминологические минимумы** (напр., «Терминологический минимум студента-филолога» В.М. Акаткина и Н.И. Копылова. URL: <http://lib.rus.ec/b/421019/read>). По назначению Т.с. подразделяются на **толковые** (напр., «Толковый словарь по бизнесу, коммерции и маркетингу» под ред. П.Ф. Пероченко. М., 1992), **переводные** (напр., «Англо-русский словарь математических терминов». М., 1994), **толково-переводные** (напр., «Франко-русский толково-переводный словарь по государственному управлению» Л.Г. Бондарчука. М., 2011); **регламентирующие** (напр., терминологические стандарты), **информационно-поисковые** (напр., информационные тезаурусы, классификаторы, рубрикаторы), **систематизирующие** (словари терминосистем – см. выше), и **частотные** (напр., «Частотный словарь геологической лексики». М., 1973), **словари вхождений терминов** (напр., «Словарь вхождений заимствованных архитектурных терминов конца XVII – XVIII веков» Е.А. Барутчевой. М., 1984); **учебные** («Словарь литературных терминов (Школьный словарик)» И.В. Ключина. М., 2009), **научно-популярные** (напр., «Объяснительный словарь старинных названий камней» А.Е. Ферсмана. М., 1954), **кросскультурные** («Кросскультурный терминологический словарь английских и русских терминов лингводидактики»

Г.Н. Ловцевич. М., 2010). По типу левой части словарной статьи (заголовочного слова) Т.с. подразделяются на **словари терминов** (напр., «Англо-русский и русско-английский словари бухгалтерских терминов» А.В. Андрюшкина. М., 2002), **терминоэлементов** (напр., «Элементы международной терминологии. Словарь-справочник» Н.В. Юшманова. М., 1968) и **сокращений** (напр., «Английские сокращения по космической технике». М., 1990). По принципу упорядочения словников – **алфавитные** (большинство), **алфавитно-гнездовые** («Словарь золотого промысла Российской империи» О.В. Борхвальдт. М., 1998), **идеографические** (напр., «Словарь названий мастеровых и служилых людей уральских горных заводов XVIII в.» Л.А. Шкатовой. Свердловск, 1987), **алфавитно-реляционные тезаурусы** (напр., «Гуманитарная биология. Терминологический словарь-тезаурус» А.В. Олескина. М., 2009) и **словари-гипертексты** (напр., «Словарь-гипертекст экономики и бизнеса» О.В. Евсеева. М., 1993). Т.с. занимают промежуточное положение между отраслевыми энциклопедическими и лингвистическими словарями. С первыми их сближает предмет исследования – понятийные области актуальных сфер материальной и духовной культуры, со вторыми – приёмы лингвистической характеристики терминов. Т.с. являются важнейшим средством оптимизации профессионального общения, они помогают не только закрепить, но и расширить наши представления о наиболее значимых фрагментах мира.

Лит.: **Борхвальдт О.В.** Русская терминография в историческом аспекте. Красноярск, 1999; **Герд А.С.** Терминологический словарь среди других типов словарей. Современная русская лексикография. Л., 1981; **Гринёв С.В.** Введение в терминографию. М., 1995; **Донской Я.Л.** Терминография: параметрический подход // Термины в научной и учебной литературе. Горький, 1989; **Кауфман И.М.** Терминологические словари. М., 1961; **Кобрин Р.Ю.** Опыт семантической классификации словарей // Теоретические проблемы научно-технической терминологии и практики перевода. Омск, 1985; **Кожмарова З.И.** Терминография: предмет, задачи, проблематика // Гуманитарные термины в специальной литературе. Горький, 1990; **Лейчик В.М.** Опыт построения классификации терминологических словарей // Теория и практика научно-технической лексикографии. М., 1988; **Ловцевич Г.Н.** Кросс-культурный терминологический словарь как словарь нового типа (на материале английских и русских терминов лингводидактики): ДД. М., 2010; **Марчук Ю.Н.** Основы терминографии. М., 1992; **Протченко И.Ф.** Словари русского языка. М., 1996; **Роменская В.Ф.** О классификационной схеме понятия «тип словаря» // Структурная и прикладная лингвистика. Л., 1978; **Русова Н.Ю., Ручина Л.И.** О структуре терминологического словаря комбинированного типа // Гуманитарные термины в специальной литературе. Горький, 1990; **Табанаква В.Д.** Идеографическое описание научной терминологии. Тюмень, 1999; **Хохлова Е.Л.** Содержание терминологического поля в многоязычной терминографии: применительно к исторической терминологии в английском, французском, немецком и русском языках: КД. М., 2005.

О.В. Фельде

ТЕХНИКА РЕЧИ (от нем. *technik* < лат. *tecnica* < греч. *τεχνη* – ‘искусство’) – совокупность навыков и умений по техническому исполнению речи, включающая развитие дыхания, постановку голоса, тренировку дикции – ясного произношения звуков. Т.р. – это физическая и психологическая подготовка оратора, которая позволяет научиться владеть своим телом и с помощью звучащего слова воздействовать на слушателей.

Развитие речевых способностей всегда сопровождается внешней выучкой и тренировкой – работой над Т.р. Если техника предполагает искусное владение речью, то ясно, что искусство требует отработки навыка, постоянного, упорного и сознательного повторения того или иного приёма, сосредоточения усилий в выполнении упражнений. Совершенная Т.р. означает «техническое» владение речевым аппаратом, которое выражается в ясном и чётком произношении звуков, выразительной интонации, своеобразной эстетике произношения, которая должна соответствовать лучшим образцам русской речи. Хотя Т.р. относится, скорее, к внешней стороне исполнения речи, она не может быть формальным инструментом, её необходимо одухотворить, вкладывая в каждое произносимое слово «душу живу». Поэтому для эффективного результата занятий требуются и воля, и вдохновение, и рациональное понимание смысла текста, умение передать его слушателям при взаимном удовольствии от общения.

Т.р. говорящего имеет огромное значение для восприятия речи слушающим. Каждый человек легко узнаваем по особенностям его произношения, на которое следует эстетическая и вкусовая реакция вместе с общей оценкой человека. Оценочное отношение к человеку на подсознательном уровне формируется именно здесь: как воспринимаются голос, особенности тембра, энергетика произношения, та необъяснимая прелесть, очарование иных голосов и, напротив, отчуждение, отталкивание, рождаемое иными «неприятными», т.е. не принимаемыми, голосами. Очевидно, что с точки зрения восприятия речи существуют благозвучное, «ласкающее» слух и какофоническое, «оскорбляющее» слух произношение. В интонационно-тембральном звучании проявляется духовное богатство личности человека.

При обучении Т.р. необходимо помнить, что человек «говорит всем телом», т.е. и глаза, и лицо (мимика), и руки, и плечи – все части тела «говорят», и плохо, если внимание слушателя отвлекается на «посторонние» телодвижения. Однако обучение Т.р. направлено прежде всего на обучение эффективному произношению, которое предполагает работу над следующими аспектами: 1) постановка дыхания, 2) деление речи на такты, 3) паузация, 4) темпоритм, 5) интонация, 6) логическое и психологическое ударение, 7) тембр голоса, 8) дикция и артикуляция, 9) громкость, звучность, 10) полётность.

В начале занятий по Т.р. необходимо дать несколько советов относительно постановки всего тела, ибо наши органы артикуляции и голосоведения являются «частями тела» и соучаствуют в произношении звуков: 1) стоять необходимо на прямых ногах, ибо ноги – основа правильной ораторской позы (при её отсутствии та самая «дрожь в коленях»); 2) плечи – расправлены, спина – прямая: расправленность плеч и распрямлённость спины создают необходимый психологический настрой и позволяют не просто принять уверенный вид, но и чувствовать уверенность в себе; 3) жесты должны быть естественны и оправданы смыслом речи. Осуждаются как излишнее «размахивание» руками, так и скованность, неподвижность, зажатость. На занятиях Т.р. рекомендуется сопровождение интонации жестами для того, чтобы «увлечённо» соединять содержание и эмоциональную оценку текста. Тогда рождаются нужные интонация, ритм и темп речи.

Работу над текстом рекомендуется начинать с деления его на такты – отрезки, позволяющие осмыслить содержание текста. Деление на такты способствует формированию навыка делать паузы. Пауза показывает значимость и глубину произносимого текста, поэтому один из первых советов – учиться сдерживать темп речи. Необходимо ценить каждое произносимое слово, а для этого – держать паузу, делить фразу на части, чётко и ясно произносить слова. Соблюдение нужного темпа речи приводит к вдумчивому выражению содержания речи.

Тренировку Т.р. следует начинать с произнесения трудных звуков, учась хорошо открывать рот, разминая и развивая мышцы, участвующие в произнесении звуков речи. Для этого могут использоваться традиционные ряды звуков, всегда используемые в театральной педагогике *МЫ – МЭ – МА – МО – МУ*. Согласные могут меняться, причём, чем сложнее будет их выстраиваемый ряд и чётче произношение, тем эффективнее занятие. Напр.: *КПТЫ – КПТЭ – КПТА – КПТО – КПТУ*, возможны любые перестановки согласных звуков, вплоть до последовательности, взятой из алфавита (*БВГДЫ – БВГДЭ – БВГДА* и т.д.).

От тренировки звуков переходят к скороговоркам, которые должны произноситься осмысленно, вначале медленно, затем – всё быстрее и быстрее. Желательно обращать внимание не столько на скорость, сколько на точность логических ударений, интонационную выразительность, хорошую артикулируемость звуков. Главное в трудной скороговорке – «внутреннее видение» того, о чём говоришь, тогда психологически рождается возможность точного и выразительного воспроизведения звуков.

От скороговорок следует переход к текстам – вначале детским и кратким, затем – всё более пространным, требующим выработки правильного дыхания (основы речи), умения говорить не отдельными словами, а фразами, доводящими мысль до её завершения. Тексты выбираются в зависимости от задач, которые представляются важными педагогу или самостоятельно занимающемуся человеку. Во всяком случае, тексты должны нравиться и быть «любимы», становясь своеобразными моделями и образцами для создания будущих текстов. Для совершенствования Т.р. эффективным является чтение вслух как образцовых текстов художественной или публицистической классики, так и собственных текстов, поскольку человек приучается распознавать в собственной речи ошибки и недостатки, а затем исправлять их. Из классики рекомендуется отбирать монологи, выучивать их наи-

зудь, читать вслух – можно записать себя на магнитофон, проанализировав собственные ошибки, неплохо почитать такие тексты перед профессиональным педагогом или режиссёром театра.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2008; **Аннушкин В.И.** Риторика. Экспресс-курс. М., 2008; **Аннушкин В.И.** Техника речи: учеб. пособие. М., 2011; **Бруссер А.М., Оссовская М.П.** Правильная речь – путь к успеху. 104 упражнения для самостоятельной работы. М., 2009; **Никольская С.Т.** Техника речи. Методические рекомендации и упражнения для лекторов. М., 1978; **Сунько Т.Ю.** Методика работы над техникой речи на уроках риторики в начальных классах: КД. Рязань, 2009.

В.И. Аннушкин

ТИПЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ. Речевая культура (Р.к.) представляет собою часть культуры народа, связанную с использованием языка. В неё включается сам язык, его функциональные и социальные разновидности, воплощённые в устной или письменной форме. Кроме того, в неё входят и этнические особенности языковой картины мира, и сформировавшиеся обычаи и правила поведения (в т.ч. использование невербальных средств), совокупность текстов на данном языке (см. определение Р.к. в [Русский язык 1997]).

Каждый народ за века своего существования выработал свою Р.к., и то, что свойственно речевой культуре одного народа, может быть совсем несвойственно Р.к. другого народа, хотя есть и общечеловеческие свойства в любой Р.к.: обязательно есть представление о правильности речи, её эталоне, представленном в каких-то текстах, есть передача знаний о ней (хотя сами способы передачи могут быть разными), обязательно есть правила вежливости (хотя сами эти правила тоже могут различаться). Поэтому можно говорить о русской, английской, китайской, японской и т.д. Р.к. и о Р.к. как общечеловеческом феномене.

Понятие Р.к. шире понятия культуры речи, в которое включается только характер использования языка, отношение к нему, но не сам язык и закреплённая в нём картина мира. Реализуется Р.к. в речи, в процессе общения.

Как правило, любой народ неоднороден ни по образованию, ни по степени уважения к языку и выработанным за века правилам общения, ни по роду деятельности. Отсюда понятие внутриязыковых **типов Р.к.**, которые могут быть выделены как общенациональные или только применительно к носителям ЛЯ. Г.Л. Нещименко выделяет среди говорящих на определённом языке носителей ЛЯ, т.е. действительно владеющих им, и пользователей, т.е. тех, кто ЛЯ пользуется, но в достаточной мере им не владеет. Количество выделяемых типов в сфере действия ЛЯ Н.И. Толстой сводит к одному (элитарная Р.к.), а В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротинина в 1993 г. выделили 4, а в 2001 г. – 5: полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный, литературно-жаргонизирующий и обиходный. Каждый из них распространён в определённой социальной группе, но это не тип речи, не социолект, а именно **тип Р.к.**

Полнофункциональный тип наблюдается среди людей с высшим образованием, обладающих самым высоким уровнем общей культуры. Для него характерны: владение всеми функциональными стилями ЛЯ, привычка к самоконтролю речи, навык обращения к словарям и справочникам не только в рамках своей профессии, максимально полное использование всех возможностей ЛЯ при очень осторожном и всегда целесообразном применении внелитературных средств, соблюдении ортологических, коммуникативных и этических норм. Для носителей этого типа Р.к. эталоном речи и прецедентными текстами служат тексты классической художественной литературы и действительно образцовые тексты других видов речи. Владея языком (часто и несколькими), они не злоупотребляют ни иностранными, ни сниженными словечками, не подменяют ни письменную речь тем, что свойственно устной, ни устную речь конструкциями письменной речи, свободно переходят с одного функционального стиля на другой в зависимости от условий и задач коммуникации.

Способствуют формированию полнофункционального типа Р.к. воспитание и обучение (семья, школа, вуз), характер профессиональной деятельности, требующей социальной активности и многообразности, но главное – активное самообразование, постоянное стремление расширить свои познания, проверить себя не только в своей профессии, но и в языке (проверить правильность произношения, написания, значения слов и т.д.).

Неполнофункциональный тип близок к полнофункциональному и характерен для людей всё же высокой культуры, хотя и менее высокой, чем у носителей полнофункционального типа. Это тоже люди с высшим образованием, но степень владения ими ЛЯ не достигает уровня полнофункционального: владение не всеми функциональными стилями (обычно только профессионально значимыми для них и разговорным); не всеми богатствами лексической и грамматической системы (используется лишь малая часть синонимических возможностей языка); не вполне разграничиваются ими устная и письменная формы речи (возможна подмена или владение только одной из них). В их речи встречаются нарушения ортологических, коммуникативных и этических норм (но грубые нарушения редки) из-за недостаточной их освоенности. Это как бы несформировавшийся полнофункциональный тип Р.к. Способствуют этому некоторые условия семейного воспитания (низкий культурный уровень родителей, отсутствие домашней библиотеки), плохие учителя в школе и в вузе, но главные причины – выраженная профессиональная и социальная однорольность (только оратор или только «книжный червь» – бухгалтер, работник канцелярии и т.д.) при отсутствии стремления или должных усилий к расширению круга своих интересов, привычки проверять себя не только в профессиональной сфере. Часто это интеллигенты в первом поколении, ориентирующиеся не на словари и справочники в том, что касается языка, а на то, что они слышат по телевидению, читают в газетах. Их прецедентными текстами являются не только тексты классической литературы, но и тексты СМИ, тексты «полухудожественных» произведений, тексты, написанные начальником или учителем. Ослаблено критическое внимание к речи других и к себе.

Среднелитературный тип характеризует большинство населения со средним образованием, встречается и у людей с высшим образованием. В этом типе Р.к. нарушения ортологических, коммуникативных и этических норм частотны и системны не только из-за недостаточного владения литературным языком, но прежде всего из-за игнорирования его норм при очень большой самоуверенности в их знании. Как правило, речевые ошибки сопровождаются и фактическими, свидетельствующими как о низком уровне общей культуры (напр., в газете журналист пишет о полуострове Сахалин), так и о чрезмерной самоуверенности (в газете журналист путает фамилии известных в стране губернаторов, меняет области, которыми они руководят, не утруждая себя элементарной проверкой).

Принадлежность к среднелитературному типу некоторых журналистов создаёт порочный круг, т.к. их речь воспринимается другими носителями этого типа как эталон, а следовательно, ошибки журналиста тиражируются. Ощущение некоторой ущербности своих речевых возможностей при свойственной им самоуверенности приводит носителей этого типа Р.к. или к ориентации на сугубо книжную речь, к широкому употреблению иностранных слов, или к намеренному эпатажу (бранная лексика вплоть до мата). Поскольку прецедентными текстами для носителей среднелитературного типа являются СМИ и псевдохудожественная литература, отражающая этот же тип, этот тип Р.к. постоянно самовоспроизводится без каких бы то ни было усилий со стороны его носителей.

Литературно-жаргонизирующий тип сформировался в конце XX в. усилиями журналистов как реакция на официоз и казённость речи СМИ советской эпохи. Стремление к раскованности речи, сближению с народом привело к журналистской разнузданности, прежде всего в их речи. Этот тип Р.к. характеризуется намеренным снижением речи (жаргонизация речи, предпочтение литературному слову любых его синонимов из просторечия, диалектов, жаргона, бранного лексикона).

Основные его отличия от арготического типа (см. ниже) в социальной группе носителей (журналисты) и функции используемых ими жаргонизмов (прежде всего экспрессивная). Наблюдается он у журналистов не самой высокой культуры, но вне своей профессии, возможно, относящихся к неполнофункциональному типу, так что это не столько особый тип Р.к. человека, сколько создаваемое им впечатление, тип Р.к. конкретной теле- или радиопередачи, конкретной газеты.

Влияние таких СМИ на население порождает постепенное формирование литературно-жаргонизирующего типа как действительно самостоятельного типа Р.к., носителями которого являются уже не журналисты, а те пользователи литературного языка [Нещименко 2001], ориентируясь на речь СМИ, широко используют в экспрессивных целях и жаргонизмы, и любую сниженную лексику, считая, что так и надо говорить и писать.

Обиходный тип не предполагает сознательного отношения к своей речи, выбора нужной формы и нужного стиля. Носители этого типа Р.к. – самого низкого в сфере действия ЛЯ – в любых условиях, в т.ч. и в официальной обстановке, пользуются только с детства освоенной разговорной речью и беспомощны поэтому в использовании речи в её письменной форме. Их устный монолог не

строится как текст, а всё время сбивается на диалог с кем-то из слушателей (*Понял, нет? Ты понимаешь?*). В телевизионных передачах, даже если это выступление приглашённого на передачу перед присутствующими в студии (а ведь главный адресат – телезрители), это фактически диалог со знакомым ведущим, в некоторых радиопередачах – диалог диджея с одним из позвонивших.

Формирование этого типа Р.к. – результат того, что его носитель никогда не прилагал никаких усилий для овладения навыками хорошей речи, а прецедентными текстами для него служат только домашняя и уличная речь да реклама, впечатывающаяся в подсознание из-за назойливого её повторения.

За пределами ЛЯ выделяются **просторечный, арготический и народно-речевой** типы. Просторечный характерен для речи малообразованных горожан; арготический формируется в определённых социальных группах ради «шифрования», сокрытия информации от посторонних и в парольной функции; народно-речевой типичен для диалектоносителей с их особой культурой, особыми языковыми, коммуникативными и этическими нормами и даже представлениями о мире. «Вытягивание» из этих типов определённых слов и форм иногда обогащает литературный язык, но чаще просто засоряет его.

Для всех этих типов Р.к. органична только устная форма речи, и даже передача знаний от поколения к поколению тоже происходила (и происходит) только в устной форме. Жаргонные и диалектные словари создаются лингвистами, а не носителями этих типов и не для их носителей, а ради изучения соответствующих социальных компонентов национального языка или понимания используемых в этих социальных группах слов.

Лит.: Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Вып. 25. Саратов, 1993; Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: учебник для нефилологов. Саратов, 2001; Горбаневский М.Л., Караулов Ю.М., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. М., 2000; Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей полнофункциональной речевой культуры: ДД. СПб., 2005; Инфантова Г.Г. О типах элитарной речевой культуры // Предложение и слово. Саратов, 1999; Кондратьева-Фишер И.С. Телевизионная публичная речь // Журналистика на пороге XX века: исторический опыт, современное развитие. Владикавказ, 1997; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994, СПб., 1999; Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: АКД. Саратов, 1999; Нешименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1; Осина А.В. Среднелитературная речевая культура: ее роль и место в современной русской речи: КД. Саратов, 2001; Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4; Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000; Толстой Н.И. Язык и культура // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991; Фишер И.С. Устная монологическая речь (на материале публицистических телепередач): АКД. Саратов, 1995; Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001.

О.Б. Сиротинина

ТМЕ́ЗИС (от др.-греч. τμήσις – ‘разрезание, расчленение’), или **ДИА́КОПА** (от др.-греч. διακοπή – ‘прорезь, рана’), – стилистическая фигура, представляющая собой разделение слова вставкой в него части другого слова, целого слова или реже – целого предложения. Напр.: *Примакова сдали на базу вторполитсырья* (Завтра. 2000. № 14). Ср.: вторсырьё; *Вино-шоу-кур. Развлекательная программа* (МК в Красноярске. 13–20.04.2000). Ср.: шоу Винокура; 3) *Лю – воздуха! воздуха! – блю* (Р. Рождественский).

Т. – сравнительно редкая фигура, используемая в художественных и публицистических текстах в качестве средства выражения эмоции, оценки, привлечения внимания адресата.

Иногда Т. трактуется широко как вставка одной языковой единицы в другую. В таком случае Т., по сути дела, совпадает с Парентезой (см.).

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; Янко-Триницкая Н.А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. М., 1972.

А.П. Сковородников

ТОК-ШОУ (от англ. talk show – ‘разговорное шоу’) – вид телевизионной передачи, ориентированный на многостороннее обсуждение предлагаемой темы. На современном этапе развития российского телевидения Т., охватывающее широкий круг тем окружающей действительности и не менее разнообразный контингент зрительской аудитории, относится к числу самых рейтинговых передач. Особенность Т. как телевизионного жанра заключается в сочетании жанровых признаков таких телепередач, как беседа, интервью, дискуссия, теледебаты и реалити-шоу.

Возникновение жанра Т. относится к 1967 году и связано с именем известного американского тележурналиста Фила Донахью, который во время прямого эфира с очередной знаменитостью не смог придумать следующий вопрос и обратился к зрительному залу за помощью, незамедлительно последовавшей в виде многочисленных вопросов к гостю программы. Этот момент считается временем рождения Т. как нового телевизионного жанра.

В России шоу Донахью впервые увидели в 1986 году благодаря телемостам между США и СССР. Партнёром Донахью в этих телемостах стал известный сегодня журналист Владимир Познер, ставший в дальнейшем постоянным ведущим многочисленных Т. Кроме Познера, большой вклад в развитие и становление Т. в России внесли Владислав Листьев («Взгляд», «Тема»), Юрий Любимов («Взгляд»), Эдуард Сагалаев («12 этаж»), Наталья Никонова («Пусть говорят», «Лолита. Без комплексов», «Закрытый показ», «Малахов +»).

В качестве основных целей Т. выделяются такие, как: 1) информирование аудитории о наличии проблемы и связанных с нею деталях; 2) формирование оценок в виде различных мнений по обсуждаемой теме и предложение потенциальных путей решения проблемы и/или установления истины; 3) развлекательный характер представления тем и самого обсуждения. Кроме того, Т. предоставляет возможность удовлетворить любопытство в отношении чужой личной жизни, соотнести собственный жизненный опыт с переживаниями других, создать видимость общения для одиноких людей, почувствовать собственную значимость посредством выражения личной точки зрения.

Исследователи телевизионных жанров Н.В. Вакурова и Л.И. Московкин называют Т. современным аналогом теледискуссии, представляющим собой треугольник из следующих элементов: ведущий – собеседники – гости [Вакурова, Московкин 1998: 3]. Данная модель Т. осложнена наличием внутренней дифференциации действующих лиц. Так, непосредственными собеседниками ведущего являются не только приглашённые герои программы, но и эксперты, в роли которых выступают либо специалисты в области обсуждаемых проблем, либо известные лица страны, обладающие социальным престижем и статусом, необходимым для вынесения значимых суждений. Под образом гостя в данной трёхчленной структуре следует понимать как собственно студийного гостя Т., так и многочисленную зрительскую аудиторию, находящуюся вне коммуникативного пространства телевизионной студии и выражающую своё мнение посредством современных информационных средств связи: телефонных звонков, смс- и интернет-сообщений.

Дискуссионный характер Т. выражается в соположении разных мнений и оценок. Центральной в драматургии Т. является некоторая проблемная история, которая излагается в начале программы героем или самим ведущим. В дальнейшем, в зависимости от сценария конкретной программы, история обсуждается другими героями Т. («Большая стирка», «Принцип домино», «Моя семья»), специальными экспертами («Пусть говорят», «Модный приговор»), подвергается критике со стороны организованной оппозиции («Судите сами», «К барьеру!», «Три угла»). После обсуждения темы «знающими» людьми она передаётся на суд общественности – «народа», составляющего зрительскую аудиторию в студии и/или за её пределами. Демонстрация такого плюрализма в телевизионном Т. призвана быть показателем демократизации общества и телевидения. Образу народа в Т. придаётся большое

значение, которое выражается в постоянной ориентации организаторов программы на потребности и проблемы массового зрителя, в использовании максимально упрощённой разговорной речи с элементами нелитературных вариантов национального языка и, наконец, в назидательном, дидактическом характере суждений и мнений экспертов и ведущего.

Одной из проблем современных Т. является утрата спонтанного, импровизационного начала и переход Т. к жёстко срежиссированному сценарию программы, контроль за соблюдением которого осуществляет ведущий и – шире – целый коллектив организаторов Т. (продюсеров, режиссёров, сценаристов). В связи с этим актуальной становится и проблема правдоподобия современных Т., поскольку открывшаяся правда об их постановочном характере и вымышленных героях значительно подорвала доверие зрителей к этому жанру. Сегодня предпринимаются попытки восстановить это доверие посредством приглашения многочисленных экспертов-судей и ориентации на социально-политические проблемы взамен камерных «женских» историй.

Лит.: Вакурова Н.В., Московкин Л.И. Типология жанров современной экранной продукции. М., 1998; Вартанов А.С. Актуальные проблемы телевизионного творчества: на телевизионных подмостках. М., 2003; Галимова З.Ф. Сравнение стратегий конструирования «положительного образа» (на материале русского и американского ток-шоу) // Вестник ВятГГУ. Вып. 4 (2). Киров, 2008; Кирюшкина Т.В. Особенности речи мужчин и женщин на примере ток-шоу // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999; Коченгин М.Ю. Функционально-семантические свойства американского дискурса ток-шоу: КД. Ульяновск, 2005; Кузнецов Г.В. Ток-шоу: неизвестный жанр? // Журналист. 1998. № 11/12; Могилевская Э.В. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приёмы манипулирования // RELGA. 2006. № 15; Садков П. Ток-шоу – это война // КП. 2007. № 12; Шаповалова Н.Г. Языковая личность Дмитрия Нагиева // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых учёных. Саратов, 2004. Вып. 7. Ч. I–II; Шаповалова Н.Г. Языковая игра и её функции в речи ведущих ток-шоу (Михаила Швыдкого и Дмитрия Нагиева) // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых учёных. Саратов, 2005. Вып. 8. Ч. I–II.

С.В. Волынкина

ТОЛЕРАНТНОСТЬ (от англ. *tolerance* < лат. *tolerantia* – ‘терпение, терпимость’) – категория коммуникативной лингвистики. В современном русском языке понимается как 1) высокое душевное качество, способность личности без внутренней агрессии воспринимать другого, имеющего иные/противоположные ценностные установки; 2) терпимое, лояльное отношение к другому, признание его права на существование; терпимое отношение к убеждениям, мнениям и верованиям другого; 3) поведение человека в ситуации конфликта, подчинённое стремлению достичь взаимного понимания и согласования разных установок, не прибегая к насилию, к подавлению человеческого достоинства, а используя гуманитарные возможности.

В толковых словарях XVII–XIX вв. слово не зафиксировано. В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» (1950–1965 гг.) есть сущ. *толерантность* в значении ‘терпимость’ с пометой «устаревшее». В «Современном словаре иностранных слов» (1992 г.) зафиксировано это сущ. и прил. *толерантный* (‘терпимый’), которое включено также в 4-томный «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935–1940 гг.).

Т. многофункциональна, и поэтому её рассмотрение возможно с различных позиций: философской, этической, религиозной, политической, лингвокультурологической, коммуникативной и др. Т. принадлежит к философским категориям, поскольку обозначает способ взаимоотношений, особенности сознания. Поначалу Т. рассматривалась как проблема веротерпимости (примером может служить английский «Акт о толерантности» 1689 г., избавивший религиозные секты от гонений), но затем стала пониматься шире как проявление терпимости ко всякого рода различиям между сторонами. Термин Т. в его современном философском понимании возникает, очевидно, в эпоху Реформации, а развитие получает в философии английского (Локк) и французского (Вольтер) Просвещения. Т. с позиций философии определяется как мировоззренческое явление, отражающее универсальное правило активного отношения к другому. Выделяются различные виды Т., в основе которых, по мнению Л.В. Скворцова, лежат «типы ментальности» [Скворцов 1997], а по мнению И.А. Стернина, «сферы

проявления толерантности» [Стернин, Шилихина 2001]: религиозная Т., политическая Т., педагогическая Т., этническая Т., культурная Т. и др.

С лингвистической точки зрения понятие Т. близко понятиям «ненасилие» и «терпимость», однако они не тождественны. Т., в отличие от ненасилия, включает в себя деятельность и ответственность за цели деятельности, Т. требует решимости, внутренней душевной силы.

Нельзя также отождествлять Т. и терпимость. «Терпимость в русском менталитете традиционно оценивается на бытийном уровне в основном неодобительно, поскольку преимущественно означает *терпение к плохому*» [Стернин, Шилихина 2001: 18]. Т. не оперирует аксиологическими категориями «хорошо/плохо», она основана на противопоставлении «свой/чужой»; это терпимость к другому, иному, чем у тебя, при отсутствии враждебности или отрицательного отношения к чужому. Поэтому с понятием Т. нужно соотнести не только (и не столько) понятие «терпимость», но и понятия «бесконфликтность», «сочувствие», «миролюбие», «вежливость».

Т. – это категория, регулирующая процесс общения. Вопросы Т. возникают только в ситуации конфликта, или – шире – разногласий. Важным для Т. является поведение субъектов, собственно деятельность участников коммуникации. Т. есть спектр различных типов поведения.

Для того чтобы оценивать отношение одного субъекта к другому как толерантное или интолерантное, необходимо, чтобы субъекты, имеющие разногласия, вступили в диалог. Т. выполняет регулятивную функцию, поскольку предписывает коммуникантам определённую парадигму поведения. В случае толерантного коммуникативного поведения субъект признаёт равноправие сторон в диалоге, отрицает насилие и агрессию как способ разрешения конфликта и выбирает стратегии и тактики, приводящие к гармонизирующему коммуникативному результату.

Коммуникативная категория Т. включает множество прескрипций, которые могут быть предписываемыми (что и как надо делать в общении), запретительными (чего нельзя делать в общении), интерпретирующими (как надо понимать в процессе общения те или иные коммуникативные действия) [Стернин, Шилихина 2000: 35]. К основополагающим прескрипциям можно отнести следующие:

- разумно вести себя, не прибегая к насилию в конфликтных ситуациях и не создавая такого рода ситуаций;
- признать, что другая сторона обладает принципиально теми же правами;
- быть согласным/готовым воспринять нечто (духовное, нравственно-идейное, этическое, религиозное) даже в том случае, если это нечто противоречит собственным мировоззренческим установкам;
- соблюдать коммуникативные нормы; быть вежливым, т.е. проявлять уважение к партнёру по коммуникации, что выражается в доброжелательном отношении к нему и уместном обращении, соответствующем его личностным и статусным позициям.

Культурные практики Т. «предписывают говорящему не наносить своей речью и своим поведением ущерба другому, а напротив, всячески его поддерживать и создавать тем самым благоприятный климат общения» [Формановская 2003: 348], лишь установка на доброжелательность способна создать атмосферу комфортности и возможности устранения разногласий и разрешения конфликта.

Лит.: **Культурные практики толерантности в речевой коммуникации:** коллективная монография. Екатеринбург, 2004; **Михайлова О.А.** Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. Екатеринбург, 2003; **Растатуева С.Г.** Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке: КД. Тула, 2008; **Селютин А.А.** Коммуникативная толерантность в виртуальном пространстве: на примере анализа текстов социальных сайтов: КД. Челябинск, 2009; **Скворцов Л.В.** Толерантность: иллюзия или средство спасения? // Октябрь. 1997. № 3; **Стернин И.А., Шилихина К.М.** Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2000; **Формановская Н.И.** Ритуалы вежливости и толерантность // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. Екатеринбург, 2003; **Хомяков М.Б.** Проблема толерантности в христианской философии. Екатеринбург, 2000.

О.А. Михайлова

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ – лингвистические словари, в которых описываются (толкуются) значения слов и фразеологизмов какого-л. языка средствами самого этого языка. Т.с. – это издания, включающие словарный фонд данного языка. Основная цель Т.с. – разъяснить значения лексических единиц языка и способствовать нормализации речи. Однако помимо толкования значений все Т.с. содержат сведения и об орфографии (правильном написании), орфоэпии (правильном произношении), грамматических, словообразовательных свойствах слов, их парадигматических и синтагматических (сочетаемых), а также функционально-стилистических и эмоционально-экспрессивных свойствах. Кроме того, в Т.с. приводятся некоторые исторические, этимологические, энциклопедические и другие сведения.

Все эти сведения подаются с помощью специальных лексикографических приёмов и способов, среди которых выделяют способы расположения слов (алфавитный или гнездовой), способы толкований (семантическое, синонимическое, грамматическое), разного рода ремарки и пояснения, системы помет (грамматических, функционально-стилистических, эмоционально-экспрессивных и др.), специальные условные знаки, языковые иллюстрации и др. Таким образом, Т.с. – это комплексные одноязычные словари.

Т.с. отражают лексический состав языка на определённом этапе его развития. Главными требованиями, предъявляемыми к Т.с., являются требования синхронности и узуальности. Т.с. должен быть как бы «моментальной фотографией» современного состояния языка и отражать явления, имеющие действительно широкое распространение в нём.

Т.с. могут стремиться максимально охватить лексику языка, зафиксировать все слова, хотя бы раз встретившиеся в текстах, написанных на данном языке. Это словари-тезаурусы. К такому типу приближается «Словарь русского языка», издававшийся под ред. А.А. Шахматова (начат в 1897 г. и не окончен). Однако Т.с. могут охватывать лишь какую-то часть лексики (словари литературного языка, словари иностранных слов, словари областной лексики и др.).

По отношению к языковой норме Т.с. делятся на нормативные (предписывающие) и ненормативные. Нормативные Т.с. содержат те языковые факты, которые соответствуют действующим языковым нормам и относятся к общелитературному языку (а также проникающие в литературный язык элементы из других сфер функционирования языка: диалектов, просторечия и пр.). Эти словари являются справочными пособиями по культуре речи, содействуют нормализации функционирования лексического состава языка.

Ненормативные Т.с. фиксируют всю лексику, вне зависимости от её происхождения, сферы распространения и соответствия норме.

Т.с. бывают академические и справочные. Академические Т.с. – это нормативные словари, которые содержат всестороннее и обстоятельное толкование большого объёма лексики. Напр., «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в 17-ти тт. (1955–1965 гг.).

Словарь-справочник (тоже, как правило, нормативный) охватывает лишь часть словарного состава языка и даёт более краткое толкование слов. Примером такого словаря является «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, выдержавший более 20-ти переизданий и продолжающийся в настоящее время как «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Резкой границы между академическим Т.с. и словарём-справочником не существует. Так, напр., Л.В. Щерба называл «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова компромиссным вариантом словаря.

История создания Т.с. русского языка официально открывается «Словарём Академии Российской» (I–IV части, 1789–1794), содержащим 43257 слов и являющимся гнездовым словарём в первом издании и алфавитным – во втором («Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» в 6-ти т., 1806–1822).

Первым Т.с., описывающим живой народный язык, явился «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (т. 1–4, 1863–1866), содержащий свыше 200 000 слов. Это нормативный гнездовой словарь-тезаурус, стремящийся с максимальной полнотой охватить лексику всего национального языка (с его областными видоизменениями). Словарь В.И. Даля содержит большой этнографический материал и всесторонне отражает культуру русского народа.

Первым Т.с. современного РЛЯ стал «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова в 4-х тт. (1935–1940). В нём 85289 слов. На основе этого словаря был сделан нормативный справочный однотомный «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (1949). В первом варианте

словарь содержит более 50000 слов, во втором – свыше 75 000 слов. Это самый популярный массовый толковый словарь. В 1989 г. он был удостоен премии АН СССР.

Одним из важнейших толковых словарей является большой академический «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах (1948–1965), традиционно именуемый БАС. В нём описано свыше 120000 слов (с указанием на первую фиксацию каждого слова в словарях). Это самый полный толково-исторический нормативный словарь, отражающий лексику русского языка с эпохи Пушкина до середины XX в. С 1991 г. началось переиздание этого словаря (пока вышли в свет только несколько томов).

Ещё одним значительным словарем является малый академический «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой в 4-х тт. (1957–1961; 4-е изд. – 1999), традиционно именуемый МАС. В нём около 90 000 слов.

Дополнением к Т.с. являются словари-справочники, фиксирующие новые слова и значения, не вошедшие в уже имеющиеся словари. Это так называемые Словари новых слов (см.)

Лит.: **Виноградов В.В.** Толковые словари русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977; **Гак В.Г.** Словарь // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; **Денисов П.Н.** Лексика русского языка и принципы её описания. М., 1993; **Дудкина В.Г.** Дефиниционный словарь: КД. Ставрополь, 2010; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Семёнов Н.А.** Толковые словари русского языка. Киев, 1959; **Щерба Л.В.** Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

О.Н. Емельянова

ТОНАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА – субъективная модальность на текстовом уровне (см. Модальность). В категории Т.т. находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста, его психологическая позиция по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения. Т.т. зависит также от ценностных воззрений автора и характера речевого взаимодействия. Субъективное отношение к различным компонентам коммуникативного акта и психологическое самораскрытие автора обладают, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата. Т.т. является интегрирующей категорией целостного речевого произведения (в одном из первых исследований по стилистике текста (1922) В.В. Виноградов вводит термин «основной тон автора» и ставит в зависимость от него главный стилистический слой текста [Виноградов 1980]).

Частные семантические сферы Т.т., выражаемые различными языковыми и речевыми средствами, – это эмоциональная оценка, интенсивность (усилительность, параметрическая чрезмерность) и волеизъявление, при ведущей роли эмоциональных (эмотивных) составляющих. Основные разновидности Т.т. по типу речевого воздействия: **мажорная тональность** (выражение положительных оценок и эмоций, активная энергия, общий оптимистический настрой); **минорная тональность** (выражение сниженных и отрицательных эмоциональных оценок, слабая энергия, общий пессимистический настрой); **нейтральная (нулевая) тональность**, характеризующаяся объективированностью изложения, малой значимостью субъективно-психологической составляющей речевого общения. Спектр конкретных разновидностей Т. очень велик и вряд ли может быть строго классифицирован. Технологическими характеристиками Т.т. выступают **покой** (относительно ровное состояние, длительность той или иной тональности) и **напряжённость** (неустойчивое состояние определённой Т.т., характеризующееся накоплением некоторого количества сигналов другой Т., дальнейшее увеличение которого способно привести к качественному скачку и переходу в эту другую Т.).

Средства выражения Т.т. многообразны. В их числе эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика, в т.ч. с суффиксами субъективной оценки, слова-интенсификаторы, лексико-семантические группы «Чувство» и «Воля», прямые и переносные формы повелительного наклонения, средства экспрессивной фоники и синтаксиса, специальные приёмы выразительности (тропы и фигуры). К ним могут добавляться нейтральные языковые единицы с контекстной эмоциональной коннотацией, ритмические и другие речевые средства эмоциональной экспрессии, композиционные приёмы экспрессивности. Все применяемые в тексте средства Т. могут рассматриваться как функционально-семантическое поле. Любое из таких полей может сравниваться с другими подобными, а

также с языковым (дотекстовым) полем субъективной модальности (экспрессивности). Ядро последнего образуют языковые единицы, наиболее непосредственно выражающие семантику эмоциональности, усиления, волеизъявления. Функционально-семантические поля Т.т. характеризуются перегруппировкой языковых и речевых средств, ядро таких полей образуют единицы повышенной текстовой значимости – наиболее частотные и представленные в сильных позициях текста. Текстовыми переменными поля Т.т. являются не только состав ядра и периферии поля, но и открытый или скрытый характер эмоционального и волевого авторского настроения, однородность или неоднородность текста в тональном отношении, степень стандартности применяемых средств.

Т.т. может представлять собой текстовую константу, но чаще характеризуется изменчивостью и разнонаправленностью эмотивных, параметрических и волюнтаривных характеристик, наличием не одного, а целого ряда тематических полей в зависимости от характера отношений коммуникантов, числа персонажей текста, количества предметно-тематических линий. Вариативность выражения данных смыслов очень велика. Тем не менее, каждый функциональный стиль характеризуется типовым представлением тонального содержания, отличным от всех других стилей. Различия определяются составом ядра и периферии в общем тональном поле класса текстов, плотностью средств Т., количеством тональных субполей и т.д.

Так, в научном стиле ядро тонального поля не совпадает с ядром языкового поля экспрессивности: его составляют не прямые выразители эмоций, а нейтральные лексические единицы, передающие понятие об эмоциях, причём спектр последних совсем невелик (интерес, уверенность и неуверенность, удивление, сожаление). К ним примыкают лексические усилители (частицы и параметрические определения с усилительным значением: *ведь, же, только, самый, сильный, богатый, большой*). Авторское волеизъявление находит выражение в модальности долженствования и уверенной констатации высказываемых положений, но прямое выражение волюнтаривности (через лексическую группу «Воля» и повелительное наклонение глагола) для научной речи не характерно. Плотность поля Т. в научной речи (за исключением оценочных жанров, таких как рецензия, отзыв) невелика, Т. может быть реализована и одиночными включениями. Таким образом, ведущей Т. научного текста должна быть названа нейтральная, объективно-логическая, дополняемая разреженным и слабо выраженным полем тонально определённых средств эмотивности, усиления и волеизъявления. Категория Т.т. имеет в научной речи «отодвинутый» логизированный характер.

Для сравнения, в официально-деловом стиле, отражающем социально-ролевое общение и ориентированном на констатацию фактов и на предписание адресату, психологические краски либо отвергаются в целом (текст констатирующих жанров строится в нейтральной тональности), либо сводятся к актуализации волеизъявления, обязательного предписания. Ядро текстового поля Т. заполняют лексические единицы с понятийной семой волеизъявления (*обязанность, право, обеспечить, соблюдать, разрешить, необходимо, следует*), клишированные конструкции того же рода (*должен выполняться, нести ответственность, предоставить право*) и грамматические конструкции, выдвигающие на первое место идею требования, указания, рекомендации (модально-инфинитивные и неопределённо-личные предложения). В отличие от научного стиля, тональные смыслы присутствуют в жанровых обозначениях официально-деловых текстов, их заголовках и подзаголовках (*закон, соглашение о взаимных обязательствах, требование, приказ*). Однократного использования единицы предписания в сильной позиции заголовочного комплекса достаточно, чтобы она могла сыграть роль текстового ключа, задающего тональность целого текста. Таким образом, официально-деловой стиль имеет особый склад Т.т., с доминированием волеизъявительного компонента.

В разговорной речи категория Т.т. играет ведущую роль и может выступать важнейшим интегратором непринуждённого диалога. Здесь господствует прямое выражение как мажорной, так и минорной тональности, в т.ч. с помощью невербальных и суперсегментных средств.

Аналогичным образом может быть выделено типовое тональное содержание и других функциональных стилей. В границах функционального стиля тональность дифференцируется в зависимости от жанра текста, и жанровые тональные доминанты обладают большей определённойностью. Функциональный стиль в целом характеризуется, скорее, единством статуса Т. в системе текстовых категорий, нежели единством тонального содержания. Жанровая систематика функционального стиля уточняет общую картину Т.т., причём признак Т. иногда является ведущим жанрообразующим признаком (ср. такие жанры, как *приказ и справка, беседа и допрос, речь на митинге и лекция*).

Лит.: Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993; Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протоппа Аввакума // Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980; Горшкова М.Л. К определению понятия стилистической тональности художественного текста // Текст и его категориальные свойства. Киев, 1989; Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): ДД. М., 2008; Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1971. Т. 30, № 3; Матвеева Т.В. Тональность разговорного текста: три способа описания // Stylistyka-V. Opole, 1995; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Т.В. Матвеева

ТОП. См. ТОПОС

ТОПИКА – 1. Риторическое учение об общих местах, или Топосах (см.), как источниках изобретения аргументов. 2. Совокупность общих мест и применение их на этапе изобретения мысли (см. Инвенция).

Т. отражает общие законы человеческого мышления, поэтому топы могут использоваться при построении речи на любую тему и любого типа, в т.ч. аргументирующего.

В настоящее время изучаются специфика словесного оформления отдельных топов в разных видах дискурса, возможности использования классификации общих мест как инструмента лингвориторического анализа текста, отношение Т. к концепту, фрейму и архетипу, разрабатывается вопрос о закономерностях использования топосов в том или ином речевом жанре. На материале репортажа, очерка и текстов учебно-научного стиля доказано, что существует так называемая «топическая схема жанра» – совокупность структурообразующего, базового и распространяющих топосов [Ассуирова 2003]. Знание этой схемы позволяет создавать интересный и эффективный текст.

Учение о топах востребовано в практике обучения риторике, развитию речи, в т.ч. в средней общеобразовательной школе, а также в практике социологического опроса, поскольку изменения в топосфере, как отмечает Г.Г. Хазагеров, наиболее гибко отражают сдвиги в общественном сознании.

Лит.: Аристотель. Топика. Соч. в 4-х тт. Т. 2. М., 1978; Ассуирова Л.В. Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания: ДД. М., 2003; Зеленецкий К.П. Топики // Русская словесность. Антология. М., 1997; Земская Ю.Н. Основы общей риторики: учеб. пособие / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин / под общ. ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2000; Лукашевич С.В. Топика как способ создания аргументации в юридических текстах: КД. М., 2004; Мартынова О.Ф. Топика и аргументация на уроках риторики в старших классах средней школы: КД. М., 2002; Начёрная С.В. Лингвориторическая специфика топик причины и следствия в культурно-значимых текстах: КД. Тамбов, 2003; Соболева А.К. Топика и аргументация в юридических текстах (на материале решений Конституционных Судов РФ и Германии и Верховного Суда США): КД. М., 1998; Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004; Шуйская Ю.В. Топика и аргументация в различных теориях риторики: КД. М., 2005.

Г.А. Копнина

ТОПОС (от др.-греч. τόπος – ‘место’), или **ТОП**, или **ОБЩЕЕ МЕСТО**, – лингвориторический и – в меньшей степени – литературоведческий термин, используемый в нескольких значениях.

1. Смысловые модели, способствующие развитию мысли о предмете речи, или, по М.В. Ломоносову, «способы размножения идей». Эти смысловые модели были названы «местами» потому, что каждая из них занимает определённое место (позицию) в речи. Напр., описание начинается, как правило, с определения понятия, повествование же строится по схеме *что – где – когда – как – почему*. «Общими» эти смысловые модели были названы по причине их обобщающей природы [Михальская 1996: 131].

Исследователи предлагают разные классификации Т. и выделяют их разное количество. Напр., у Аристотеля 28 Т., у М.В. Ломоносова – 16, у Н.Ф. Кошанского – 24. Наиболее частотными Т. в ре-

чевой практике являются «род и вид», «целое и части», «свойства», «сопоставление», «причина и следствие», «время», «место», «пример», «свидетельства», «имя» (происхождение понятия).

Знание Т. помогает тем, у кого нет навыков написания речей, т.е. на начальном этапе обучения риторике. Допустим, нам необходимо составить речь по теме «Неусыпный труд все препятствия преодолевает» (пример М.В. Ломоносова). В этом предложении содержатся четыре понятия («термина»): *неусыпность, труд, препятствие, преодоление*. Из первого «термина» при помощи Т. «время» можно получить идеи *утро и ночь*, а от идеи *утро – заря, денница* и т.п., от идеи *ночь – тьма, луна* и т.п. Такова же процедура получения идей из других понятий. Для построения речи достаточно три таких уровня «размножения идей» [Ломоносов 1952: 109–115]. Таким образом, анализ речи по Т. даёт лексическую базу для создания текста, что позволяет учёным говорить об их элокутивной функции (функции языкового оформления мысли).

Собрав «идеи», нужно обдумать концепцию речи и убрать то, что считаете лишним, т.к. «содержание высказывания подобно статуе, которую скульптор высекает из камня, устраняя всё лишнее: в высказывании должно быть только целесообразное – необходимое и достаточное для выражения и обоснования главной мысли» [Волков 2001: 135]. Исследователи также предостерегают от «механического» использования топов без заботы об их индивидуально-стилистическом воплощении.

2. Мысли, и понятия, основанные на ценностях и предпочтениях аудитории, обращённые к её нравственным, эстетическим и др. идеалам. Такое понимание Т. представлено в работах по неориторике (Х. Перельман, А.А. Волков и др.).

Применительно к аргументации в сочетании «общее место» слово «общий» «...указывает на то, что положение является общим для оратора и аудитории, в одинаковой степени разделяется ими» [Хазагеров, Лобанов 2004: 75]. Успех речи зависит от того, сможете ли вы свести тему к таким положениям, которые аудитория примет безоговорочно. Для этого совсем не обязательно составлять классические схемы разработки понятия, нужно изучить точку зрения слушателей и подумать, что вас с ними объединяет, какие идеи (ценностные суждения) воспринимаются или оцениваются одинаково вами и аудиторией. Причём, чем более конфликтная аудитория, тем важнее поиск и предъявление Т. [Анисимова, Гимпельсон 2002: 85–86]. Найденный Т. составляет концептуальную основу аргумента.

В современной публичной (особенно политической) речи в качестве Т. используются понятия, содержание которых толкуется и оценивается по-разному разными социальными и политическими группами, классами, партиями и т.п. (напр., *демократия, империя, глобализация, патриот* и мн. др.), поэтому в процессе изобретения речи важно проработать основные понятия темы с использованием специальной литературы.

Можно встретить и более широкое понимание Т. как разделяемое всеми, большинством или определённым сообществом мнение, воззрение, не требующее доказательств (напр., *Все люди смертны*).

3. Единица метаязыка описания и интерпретации текста, прежде всего художественного, которая в историко-литературных работах сближается с понятием архетипа. Такой Т. «...совершенно не отличим от мотива, концепта, а зачастую и от образа, иногда даже от обозначения места в буквальном смысле слова по аналогии с хронотопом Бахтина» [Хазагеров].

Лит.: Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. М., 2002; Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс: учеб. пособие. М., 2007; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Ломоносов М.В. Полное собр. соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М., Л., 1952; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996; Хазагеров Г.Г. Риторический смысл топоса. URL: www.khazagerov.com/pragmatica/82-topos-vs-concept.html; Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004.

Г.А. Копнина

ТОПОТЭЗИЯ (от др.-греч. τόπος – ‘место, местность, страна’ и θέσις – ‘положение, размещение’) – 1. «Описание вымышленных стран и местностей» [Хазагеров, Ширина 1999: 277; Москвин 2007: 766; Горте 2007: 149]. Такое описание можно считать приёмом, поскольку оно осуществляется

как отклонение от лингвопрагматического постулата (нормы) истинности. Напр.: *О, я прямёхонько иду / В леса аркадии счастливой. / Соседка, то-то сторона! / Там, говорят, не знают, что война; / Как агнцы, кротки человеки, / И молоком текут там реки; / Ну, словом, царствуют золотые времена!* (И. Крылов) (пример из [Горте 2007: 149]).

2. Приём, основанный на пространственных манипуляциях (отклонениях от нормативной пространственной онтологии). Напр.: *Когда мы вместе с нею переплывали Гиндукуш... Она разбила свою прекрасную голову... о скалы Британского Самоа* (Вен. Ерофеев); *Колумб едет, едет и натывается на Соловецкие острова* (Вен. Ерофеев).

Лит.: Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Сковородников А.П. Риторические приёмы в аспекте речевой системности // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9 (по мат-лам Междунар. науч. конф.). Пермь, 2005; Сковородников А.П. О классификации риторических приёмов // Stylistyka-XIV. Opole, 2005; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ТОСТ (от англ. *toast*; одно из значений – ‘предложение пить за чьё-л. здоровье’) – фольклорный речевой жанр, короткая торжественная застольная здравица в честь кого-л. или чего-л. Т. помогает снять напряжённость, установить контакт между присутствующими на торжестве. Успешность использования жанра зависит от готовности аудитории слушать, его уместности, наличия в речи оригинальной идеи (касающейся оценки застолья, виновников торжества, пожеланий присутствующим), от искренности говорящего.

В современной русской риторике выделяются два основных типа Т.: протокольный Т. – этикетное выступление, обращённое к официальным лицам или коллективам, группам людей; дружеский Т. – экспрессивный, иногда ироничный монолог, адресованный человеку, чаще всего связанному с автором Т. тёплыми, близкими отношениями [Стернин 2003].

Конкретные и абстрактные по содержанию Т. различаются композиционно.

Конкретный Т. начинается с обращения к аудитории, виновнику торжества, кратко определения сути, специфики торжественного момента. Далее обычно говорят о тех чувствах, которые испытывает адресант к адресату и/или излагают краткую историю их взаимоотношений. Кульминационная часть такого Т. – пожелания адресату будущих успехов и удачи. В пожеланиях глаголы *желать*, *хотеть* нередко распространяются степенным определителем *От всей души...*; *От всего сердца...* Пожелания бывают стандартные, общие и частные, применимые только к данной, конкретной ситуации. Общие пожелания, как правило, основная часть содержания протокольного Т., они чаще всего носят официально-деловой характер: *Позвольте пожелать Вам всего самого лучшего! дальнейших успехов! крепкого здоровья! счастья и процветания!* В дружеских Т. пожелание может быть выражено и без глагола *желать*: *Выиграть тебе! Хорошо тебе отдохнуть! Набраться тебе сил и здоровья!* Такая форма выражения делает Т. более экспрессивным.

Иногда желательность в Т. выражается конструкциями, образованными повелительной формой глагола (*Не болей! Не горюй!*), частицей *пусть* (*Пусть вам сопутствует удача!*); повелительной формой *будь(те)* с зависимой именной частью (*Будьте счастливы!*). Просторечно-жаргонное пожелание, которое не рекомендуется к употреблению: (*Ну) будь! Будем!* [Формановская 2002: 113–116].

Заключительная часть Т. – предложение поднять бокал. Стилистически повышенные формулы такого предложения: *Разрешите/ Позвольте поднять бокал за ...* + чаще всего сущ. в вин. падеже.

В некоторых случаях авторы Т. ограничиваются минимальным текстом, созданным по модели «За + сущ. в винит. падеже» (*За Ваше здоровье!*). Так, герой рассказа А.П. Чехова «Свадьба с генералом» предлагает поднять бокал «*За здоровье уважаемых гостей!*». Но присутствующие на свадебном торжестве гости не готовы принять такой минимализм. Один из них пытается развернуть речь, используя неуместные на свадьбе речевые формулы: *В сегодняшний день... В который мы собрались для чествования нашего юбиляра...* (А. Чехов).

Композиция абстрактного Т. более проста. Как правило, такой Т. основан на афоризме, короткой притче, имеющей, с точки зрения адресанта, непосредственное отношение к присутствующим

или к данной ситуации. «Изюминкой» такого Т. становится заключение, которое должно обладать остроумием, эффектом неожиданности, напр.: *Мой прадед говорил: «Имею желание купить дом, но не имею возможности. Имею возможность купить козу, но не имею желания». Так выпьем за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями* (Л. Гайдай. Кавказская пленница). Богатыми традициями произнесения Т. обладают кавказские народы.

Лит.: Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. М., 1999; Коморова Д.Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: КД. Томск, 2005; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Стернин И.А.** Практическая риторика. М., 2003; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.С. Цветова

ТОТАЛИТАРНЫЙ ЯЗЫК – 1. Язык, функционирующий на территории тоталитарного (от лат. *totalis* – ‘весь, целый, полный’) государства, осуществляющего полный (тотальный) контроль над всеми сферами жизни общества (напр., язык фашистской Германии, фашистской Италии, франкистской Испании, язык, обслуживавший коммунистические режимы в СССР, Румынии, Польше и др.). Лингвокультурологическая природа Т.я. не позволяет рассматривать его в изоляции от истории и культуры определённого народа. Так, Т.я. в русском варианте прошёл несколько стадий развития. Расцвет русского Т.я. – сталинская эпоха; закат – начало горбачёвской перестройки. 2. Т.я. – язык, подвергшийся насильственному идеологическому влиянию, осуществляемому с помощью централизованной языковой политики, имеющий особый репертуар функций и специфическую системную организацию. Языковая политика, предполагающая тотальный лингвоидеологический контроль, разрабатывается как совокупность стратегически обусловленных принципов и практических мероприятий, связанных с сознательным идеологическим воздействием на живой язык, прежде всего – на лексико-семантическую систему, сферу устойчивых (стандартных) сочетаний, стилистическое маркирование языковых единиц и их размещение на аксиологической шкале. Характерным для Т.я. процессом является процесс политизации философской, религиозной, правовой, эстетической сфер лексико-фразеологического состава языка. Основная функция Т.я. сводима к идеологическим предписаниям. Именно на директивной основе вырабатываются нормы идеологически правильного речевого поведения, зафиксированные и рекомендованные словарями и справочниками (в их числе толковый, энциклопедический, философский, политический, юридический, а также словарь этики, словарь атеиста, словарь пропагандиста и др.). Предписательность, директивность способствуют формированию тоталитарного общественного языкового сознания, деформированию языковой картины мира, которую отличают примитивизм, однонаправленное движение времени, замкнутость пространства, постоянные очаги напряжения, виртуальность истинного, мифологизм, наличие единой коллективной точки зрения, редукция человеческой, в т.ч. языковой, индивидуальности, находящейся за пределами системы ценностей.

Т.я. организован системно. Он располагает своим словарём, который можно представить в виде блоков взаимосвязанных **идеологем** и **мифологем**. Идеологемы (см.) и Мифологемы (см.) становятся основными операторами коммуникативного взаимодействия в тоталитарной культуре. В функции идеологемы может выступать любой речевой отрезок, значение которого связано с обозначаемым (денотатом) идеологического типа. Напр.: *вредительство, партия, революция* – это слова-идеологемы; *враг народа, диктатура пролетариата, период коллективизации, развитой социализм* – это стандартные словосочетания-идеологемы; *революционные массы взяли власть в свои руки* – это стандартное высказывание идеологического типа; роман Н. Островского «Как закалялась сталь» – текст-идеологема. Идеологические смыслы могут надстраиваться над предметной (денотативной) семантикой. В этом случае говорят об идеологических добавках. Напр., словосочетание *соглашательская линия поведения* получает семантические приращения (добавки) ‘недостойная’, ‘предательская’, ‘трусливая’, ‘коварная’. Эти добавки превращают данное словосочетание в идеологему манипулятивного типа. В качестве приращений используются оценочные семы, ср.: *гениальный* (вождь) – *прихвостень*; *критика* (отдельных недостатков) – *клевета*. Квазиидеологемы, которые на-

саждаются как истинные и имеют свою драматургию, можно назвать мифологемами. Так, мифологемами являются квазиидеологема *всенародной любви к вождю; строительства коммунизма; самого справедливого в мире советского суда* и др. Внутри блоков идеологем и мифологем устанавливаются типовые структурные связи. Универсальный тип связи – противопоставление, с помощью которого выстраиваются бинарные оппозиции, поляризующие идеологические конструкты: *советское – буржуазное; пролетарий – капиталист; большевизм – меньшевизм; материалистический – идеалистический; передовой – отсталый; развиваться – загнивать* и др. Т.я. обладает высокой степенью стандартизации. Идеологические стандарты, в число которых входят прецедентные тексты, делают коммуникацию предсказуемой, создают иллюзию всеобщей гармонии. Диалог монологизируется, оснащается догмами, поддерживающими опорную идеологическую систему. Наиболее полно тоталитарные предписания реализуются в апологетических текстах. В них идеологема и мифологема функционируют в нормативной идеологической контекстной среде, способствующей закреплению и развитию санкционированной официально идеи (идей) и высокого пафоса. Напр., постановление ЦК КПСС, первомайские лозунги, тексты-почины, клятвы (ср. также: песня о власти, производственный роман, героическая поэма и др.). Естественной реакцией носителей языка на идеологическую ложь и лингвистическое насилие является языковое сопротивление. Оно выступает как борьба с Т.я. (языковая борьба) и как намеренное игнорирование предписанных стандартов, естественное отторжение идеологической лжи. Языковое существование советского времени по отношению к русскому языку можно охарактеризовать как ситуацию фактической диглоссии: тоталитарный русский язык – анти-тоталитарный русский язык. При этом языковое сопротивление тоталитарному диктату проявлялось на общенародном (напр., политический анекдот), субязыковом (напр., авторская песня), индивидуальном (напр., язык о. Павла Флоренского) уровнях. Опыт языкового сопротивления эпохе советского тоталитаризма вскрывает глубинный стилистический потенциал русского языка.

Лит.: Барсукова В.В. Русский газетный дискурс тоталитарной эпохи в его обусловленности меняющейся партийной идеологией: КД. Пермь, 2011; Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4; Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11; Ермакова О.П. Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов // Русский язык / под ред. Е.Н. Ширяева. Ополе, 1997; Земская Е.А. Новояз, new speak, nowomowa... Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996; Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991; Купина Н.А. Тоталитарный язык. Екатеринбург; Пермь, 1995; Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998; Складаревская Г.Н. Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991; Glowinski M. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1991; Weiss D. Was ist neu am «newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985. München, 1986.

Н.А. Купина

ТОЧНОСТЬ РЕЧИ – одно из важнейших коммуникативных качеств речи, значимое для успешного взаимодействия участников общения. Достижима Т.р. при соблюдении двух условий: тождественность, достоверность названного в речи тому, что есть или было на самом деле в действительности (**предметная, фактическая Т. р.**), и выбор в своей речи таких языковых средств, которые по своему содержанию и объёму соответствуют понятиям, закреплённым за данными средствами в языке (**понятийная Т.р.**). Забота о Т. р. – коммуникативная обязанность адресанта.

Условием предметной Т.р. является достоверное и конкретное знание адресантом предмета речи. *Не говори всего, что знаешь, но знай всё, что говоришь* – подсказывает русская пословица. Надёжные источники такого знания: собственный опыт и авторитетные носители информации, прежде всего, научные, информационно-справочные, официально-деловые издания (энциклопедии, специализированные словари и справочники, документы, научная и учебная литература). См.: *белые аисты быстро летят над морем* – фактически неверно, поскольку аисты вообще не летают над морем; *пре-*

тендент на пост кандидата в президенты Российской академии наук – предметно неточно, т.к. для кандидатов в президенты пост не предусматривается.

Одним из условий понятийной Т.р. является владение понятиями, раскрывающими содержание речи, законами и правилами формальной логики (см. Логичность речи), а также категориями объективной и субъективной модальности (см. Модальность).

Язык как средство общения обязывает грамотного человека хорошо знать его ресурсы, уметь выбирать из того, что есть в языке, самое точное, учитывая при этом смысловые оттенки отдельных слов, особенности их сочетаемости, стилистические и экспрессивные возможности и ограничения (*взаимы* деньги можно взять, но не дать, а дать деньги можно *в долг*, но не *взаимы*).

Наиболее проблемным аспектом владения языком является знание его лексических ресурсов. Особенно это важно при употреблении трёх групп слов. Это **лексика ограниченного употребления**: новая и устаревшая (неологизмы, историзмы, архаизмы): *бизнес, Интернет, кибитка, пиит, кофий*; терминологическая и профессиональная (*маркетолог, прайс-лист, презентация*); заимствованная (*айфон, гаджет*); **близкие или идентичные по своей форме и/или значению лексические единицы**: многозначные слова (*магистр* – о человеке и о звании); омонимы (*косить траву* – *косить глазами*); паронимы (*официальный* – *официозный, представить* – *предоставить*); синонимы (*трудиться* – *работать*), фразеологизмы и устойчивые словосочетания (*лить воду; пириество духа*); **слова, ограниченные в своей сочетаемости** (*благодаря помощи*, но не *благодаря невнимательности*). Убеждённость человека в знании такой лексики часто оказывается иллюзией и оборачивается в силу этого в конкретном общении неточным выбором слова, словосочетания, фразеологизма и, как следствие, неточностью речи.

Культура речи предполагает знание и понимание Т. р. как относительной, не абсолютной коммуникативной ценности. Жёсткие требования с точки зрения предметной и понятийной Т.р. предъявляются прежде всего к научной и официально-деловой речи, а также к информационным текстам СМИ. Фактические и понятийные неточности противоречат социальным функциям и целям таких коммуникаций, делая их не только неэффективными, но и недопустимыми.

В условиях непосредственного обыденного общения, в разговорной речи Т.р. не является столь значимой для её оценки как эффективной, поскольку случившиеся неточности могут быть устранены прямо по ходу речевого взаимодействия. В художественной литературе, в риторике и в авторской публицистике, в рекламе важны не столько предметная и понятийная Т.р., сколько образная Т.р. как средство эффективного эмоционального воздействия на адресата. При этом понятийная Т.р. может стать даже помехой, препятствием для достижения поставленной цели.

Лит.: Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988; Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи: учебник. М., 2006; Иссерс О.С., Кузьмина Н.А. Интенсивный курс русского языка. Почему так не говорят по-русски: учеб. пособие. М., 2008; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи. М., 2000; Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения. М., 2010; Сопер П.Л. Основы искусства речи. М., 1992; Тряпицына Е.В. Категория точности художественного текста: КД. Волгоград, 2000; Шкрабкова И.В. Коммуникативные качества речи как составляющие русской православной речевой культуры: КД. Майкоп, 2009.

О.П. Жданова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ. СМ. АВТОРСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

ТРАНСФОРМИРОВАННАЯ ПАРЕМИЯ. СМ. АНТИПОСЛОВИЦА

ТРАУРНАЯ РЕЧЬ, или **ТРАУРНЫЙ ПАНЕГИРИК**, – речевой жанр, представляющий собой один из важнейших элементов ритуала прощания с усопшим. Это разновидность панегирика (хвалебной речи), демонстрирующая искусство утешения, умение оказывать моральную поддержку людям,

понесшим потерю. Написание и прочтение панегирика – весомый вклад в прощальную церемонию, способ душевной терапии.

История Т.р. уходит корнями в Древний Египет. В день похорон на берегу реки была лодка, готовая принять тело покойного. Перед тем как погрузить тело на лодку, все присутствующие могли вынести обвинение покойному. Если оказывалось, что он прожил достойную жизнь, родственники начинали восхвалять усопшего. Речи включали хвалу заслугам усопшего, его образованности, благочестию, праведности, воздержанности и другим достоинствам. Позднее хвалебные речи вошли в похоронную культуру Древней Греции. Надгробные речи всегда отличались похвалами, причём первоначальная искренность уступала место риторике по мере того, как речи приобретали официальный характер и стали служить предлогом для похвалы живым. На Руси неотъемлемой частью похорон считался похоронный плач, причитания. Они стали прообразом более поздних траурных панегириков, в которых было принято восхваление усопшего.

Т.р. призвана передать чувства и переживания произносящего. Самые трогательные и значимые речи написаны от сердца и потому всегда субъективны. Чаще всего это воспоминания конкретного человека о наиболее значимых событиях в жизни усопшего, о пережитом совместно с ним, т.е. то, что наиболее ярко характеризует усопшего.

Т.р. не обязательно должна быть безупречной с точки зрения риторической логики. Она может включать простые воспоминания, военные истории, любимые шутки покойного. Вначале, как правило, упоминаются биографические факты: возраст, дата свадьбы, места жительства, дети. Затем вспоминаются истории из жизни, фразы, черты характера, поведения, которые особенно характеризуют человека. Избегаются упоминания интимной сферы. Это возможно, только если сам покойный об этом говорил открыто. В Т.р. вместо слов «смерть» и «умереть» часто используются заменяющие слова (эвфемизмы): *уйти из жизни, заснуть, уйти от нас, расстаться с жизнью, навсегда закрыть глаза, закончить своё существование, разделить участь всего земного*.

Т.р. не должна быть затянутой: «Лучше всего простые слова о достоинствах умершего без какой-л. чрезмерности» [Леммерман 2002: 184].

Лит.: Евдокимова О.Н. Языковые и стилистические особенности траурных речевых жанров: КД. Курск, 2010; Евсиков Д. Траурный панегирик. Хвалебная речь об усопшем. Восхваление жизни усопшего. Искусство утешения // Журнал «Похоронный дом». № 1-2. URL: www.funeralportal.ru/magazine/1116/4285.html?sphrase_id=9284; Леммерман Х. Уроки риторики и дебатов. М., 2002; Резникова Л. Прощальная речь как новый жанр // Журнал «Похоронный дом». URL: www.funeralportal.ru/magazine/1088/4380.html?sphrase_id=9284.

А.С. Белозор

ТРАУРНЫЙ ПАНЕГИРИК. СМ. ТРАУРНАЯ РЕЧЬ

ТРОП (от др.-греч. *τροπος* – ‘поворот, оборот речи’) – стилистический приём (см.), состоящий в таком прагматически мотивированном отклонении от лексической и грамматической норм (или их нейтральных вариантов), которое осуществляется при помощи оператора переноса. Соответственно выделяют два типа тропов: 1) Лексический Т. (см.), являющийся отклонением от лексической нормы: *Есть в русской природе усталая нежность...* (К. Бальмонт), и 2) Грамматический Т. (см.), являющийся отклонением от морфологической нормы: *Мы летим во весь опор к цели неизвестной. Чем закончится наш бег? Знать не может человек* (А. Толстой) – использование единственного числа в значении множественного.

Исследователи отмечают, что «выделение тропов как особого языкового явления, отличного от так называемых фигур, происходит сравнительно поздно; ранняя перипатетическая теория его не знает. <...> Термин троп впервые встречается у ученика Кратета Тавриска, т.е. принадлежит стоической риторике» [Античные теории 1996: 346]. Явления, которые мы называем Т. (лексическим), у Аристотеля даются под термином «метафора». Самым широким в истории риторики можно считать определение Т., данное в трактате «О поэтических тропах» (VI в.) Георгия Хировоска: под Т. понимаются «...обороты, которые основаны как на семантическом (собственно тропы), так и на синтаксическом (фигуры) преобразовании для усиления изобразительности и выразительности речи, т.е. все имеющиеся способы украшения речи» [Прокопчук 2007: 117].

Целый класс явлений, рассматривавшихся в античности и средневековье среди тропов («фигур переосмысления», как их ещё называли), в современной риторике относят к речевым жанрам или речевым стратегиям/тактикам, называя их «квазитропами» (притча, афоризм, поговорка, сентенция, гетерогенизм, хариентизм и др.) [Хазагеров 2009: 146].

Изучению и описанию Т. посвящён раздел языкознания, который называют **тропологией** (теорией тропов), или **лепорией**. В теории Т. рассматриваются такие вопросы, как определение понятия тропа и установление его генезиса, вычленение отдельных видов Т. и их систематизация, выявление мотивированности Т. и тропологическая связь языка и мышления и нек. др.

Лит.: **Античные теории языка и стиля** (Антология текстов). СПб., 1996; **Безменова Н.А.** Очерки по теории и истории риторики. М., 1991; **Желтухина М.Р.** Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.; Волгоград, 2003; **Караченцева М.Н.** К истории русской филологической терминологии: тропы и фигуры речи: АКД. Ростов н/Д, 1999; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; **Общая риторика:** пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; **Очерки истории языка русской поэзии XX века:** тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М., 1994; **Прокопчук О.Г.** Катахреза и металеписис как тропы метафорической группы в трактате Георгия Хировоска «О поэтических тропах» (VI в.) // Риторика в свете современной лингвистики: тезисы докладов Пятой межвуз. конф. (Смоленск, 4–5 июня 2007 г.). Смоленск, 2007; **Сырма Н.А.** Тропы и фигуры речи и их текстообразующая функция (на материале русского и английского языков): АКД. Ростов н/Д, 2007; **Ушакова Ю.Ю.** Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: АДД. М., 2005; **Хазагеров Г.Г.** Риторический словарь. М., 2009. См. также лит. к ст. Лексический троп, Грамматический троп.

Г.А. Копнина

ТРОПОЛОГИЯ. См. ТРОП

УБЕЖДАЮЩАЯ РЕЧЬ – речь, целью которой является изменение позиции, точки зрения слушателей, склонение их к мнению оратора. Убедить возможно, если тема действительно носит проблемный характер. Под **проблемой** мы понимаем спорный вопрос, имеющий неоднозначное решение, трудно разрешимое противоречие, которое имеет общественную значимость, актуальность. Обозначая проблему, ритор выражает своё отношение к ней, формулируя свой Тезис (см.)

Напр., проблемными являются такие темы: *ЕГЭ как форма контроля знаний, Этаназия, Брачный договор*. Тезис может быть сформулирован следующим образом: *ЕГЭ как оптимальная форма контроля знаний; Этаназия недопустима; Брачный договор заключать необходимо*. В этих положениях чётко определена позиция оратора, которую он должен доказать. Таким образом, высказывая отношение к проблеме, оратор влияет на мнение слушателей. Тезис должен быть двусоставным, т.е. состоять из формулировки проблемной темы и отношения к ней. Он должен быть понятен: в нём недопустимы термины, многозначные, иноязычные слова – всё, что создаёт коммуникативные барьеры, затрудняя тем самым понимание высказанного суждения. Важно, чтобы в тезисе было пояснение, насколько категорично данное высказывание: оно возможно, необходимо или обязательно.

Как правило, тезис сообщают в конце вступления, после формулировки темы и проблемы выступления. Возможен и другой вариант: суждение по проблеме может быть дано после предъявления доказательств, т.е. в конце речи. И в том, и в другом случае тезис должен быть предъявлен либо открыто, либо косвенно, т.е. вытекать из совокупности рассуждений оратора.

Важно, чтобы во время выступления оратор строго держался высказанного суждения, не допускал ошибок в отношении тезиса: не расширял, не сужал его, не подменял другим суждением, тем более не терял тезис. Но высказать своё мнение по поводу проблемной темы недостаточно – необходимо привести доказательства, доводы в его пользу, т.е. аргументировать тезис (см. Аргументация).

Важно определить аргументы по силе и слабости, причём зависеть это будет от типа и характера аудитории, её компетенции, отношения к обсуждаемой проблеме, особенностей речевой ситуации. Слабые доводы вообще лучше не предъявлять в качестве доказательства, ибо они легко могут быть

опровергнуты слушателями. Не менее важно продумывать, как расположить аргументы, в каком порядке. Это опять-таки будет определяться особенностями слушателей, их отношением к проблеме. Если аудитория неопределённо относится к обсуждаемой проблеме или оратор предполагает, что ему будет трудно склонить её к своему мнению, то лучше начинать убеждение, постепенно усиливая аргументацию; если перед ним слушатели со сложившейся позицией, хорошо подготовленная аудитория, то рекомендуется начинать с сильных доводов. Надо помнить, что убеждающее выступление должно заканчиваться предъявлением сильного аргумента, чтобы окончательно склонить слушателей к своему мнению или хотя бы заставить усомниться в своей точке зрения. Сколько должно быть доводов? От трёх до пяти, поскольку большее количество аргументов воспринимается с трудом. Ещё важно помнить, что каждый аргумент становится убедительнее, если он не просто сформулирован как общее положение, абстрактное суждение, а распространён, конкретизирован, подробно пояснён, т.е. содержит примеры, иллюстрации, цифры, авторитетные суждения и т.д.

Есть ряд требований к доказательствам: аргументы должны быть доказанными, т.е. не требующими дополнительного подтверждения, непротиворечивыми, связанными между собой, логически вытекать из тезиса.

Речь, которая призвана повлиять на точку зрения слушателей, требует от оратора вовлечённости в проблему речи, искренней убеждённости в том, о чём он говорит и в чём убеждает свою аудиторию. В этом отношении, помимо актуальности проблемы, чёткого тезиса и убедительной аргументации, велика роль технических умений оратора: точной и выразительной интонации, адекватной мимики, логического акцентирования, уместного жеста и т.д.

Лит.: Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс: учеб. пособие. М., 2008; Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2000; Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996; Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997; Козлова Е.А. Прагмаэстетические средства убеждающей речи в публичном деловом дискурсе: КД. Киров, 2011; Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово: учеб. пособие. М., 2002.

С.В. Меньшенина

УГРОЗА – императивный жанр: коммуникативная цель угрожающего – желание заставить адресата что-л. сделать. Таким образом, высказывание представляет собой У., если содержит сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-л. действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-л. действие.

Автор У. – лицо или наделённое какими-л. полномочиями, или чувствующее своё превосходство (в силе, в возрасте, в определённой ситуации). Адресат – лицо зависимое в данной ситуации, способное выполнить то, что требует угрожающий, во избежание осуществления У.

Речевой жанр У. обладает футуральной перспективой: события, о которых идёт речь, относятся к сфере человеческих поступков, действий, и они отнесены в будущее. Причём важно отметить, что результат этого речевого жанра всегда в пользу угрожающего, хотя он может иметь вид как личной незаинтересованности, так и заинтересованности в благополучии адресата. Таким образом, фактор будущего существенен для этого речевого жанра: У. всегда нацелена на результативность, но угрожающему важнее добиться выполнения какого-л. действия адресатом, чем исполнить саму У.

Что касается фактора прошлого, то он нерелевантен для этого жанра: У. может быть как реакцией, так и стимулом.

Важной особенностью формальной организации У. является её косвенный характер. Дело в том, что глагол «угрожать», именуемый жанр, не сочетается с местоимением «я». Угрожать предосудительно, поэтому весьма часто можно услышать фразу: *Я не угрожаю, а только предупреждаю.* Чтобы избежать «иллокутивного самоубийства», У. «рядится в одежды» других речевых жанров – информативных: обещание, предупреждение, сообщение. Напр., обещание негативных последствий для адресата: *Я же тебя на дерьмо сведу. **Всю жизнь будешь ходить в клеветниках, не отмоешься*** (Д. Гранин). Предупреждение о негативных последствиях для адресата при условии, если адресат совершит/не совершит чего-л.: *Если сочинение завтра не сдадите, получите двойку.*

Сообщение воспринимается как У. в том случае, если адресат правильно «прочтёт» его пресуппозицию и сможет сделать верный логический вывод из этого сообщения: *Да я на зоне королём был*

... В подобной У. скрыты и предупреждение, и обещание. Такая форма У. весьма частотна в обыденной жизни. Важным условием функционирования У. в виде сообщения является учёт ситуации, в которой прозвучало высказывание.

«Зеркальное отражение» У. в виде сообщения – риторический вопрос: *Ты знаешь с кем разговариваешь? Ты забыл, кто мой отец? Хочешь в милицию попасть?*

У. может выражаться и через императивные жанры: совет, побуждение, требование, приказ и т.д.: *Лучше тебе не вмешиваться!* Чаще всего эти высказывания вне контекста или вне ситуации, казалось бы, не содержат в себе У. Но в действительности перспектива их явно нацелена на негативный результат, который подчёркивается определёнными языковыми средствами, напр., лексемами *лучше, добром*, которые позволяют понять высказывание определённым образом: лучше для адресата сделать X, в противном случае будет для него хуже: *Добром прошу, оставь меня в покое!*

У. во втором значении – шантаж, т.е. У. разоблачения, разглашения компрометирующих сведений с целью вымогательства. Отличие такой У. от У. в первом значении заключается прежде всего в образах угрожающего и адресата. Здесь нет жёсткой закреплённости социальных ролей участников коммуникации. На первое место выдвигается то, что можно назвать «ситуативной зависимостью», т.е. угрожать может и слабый сильному, и младший старшему, и подчинённый начальнику, если обстоятельства (а именно наличие компромата) складывается в пользу угрожающего.

Лит.: Жучков Д.О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа: КД. Воронеж, 2010; Стексова Т.И. Угроза как речевой жанр // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. Новокузнецк, 1992; Хохлова Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: КД. Самара, 2004.

Т.И. Стексова

УДАРЕ́НИЕ – выделение одного из компонентов речи – слога в составе слова (словесное ударение); слова в составе синтагмы (синтагматическое ударение); синтагмы в составе фразы (фразовое ударение) и отдельного слова для придания ему особого значения (логическое ударение).

Слово состоит из слогов, один из которых – ударный – выделен У. Словесное У. в русском языке – это важнейшая составляющая языка и речи. Для противопоставления ударного и безударного слогов используются три физических свойства звука: длительность, громкость и высота тона. Обычно используется либо одно из этих свойств, либо их сочетание.

Способы выделения ударного слога в разных языках различны: в английском и французском – динамическое (силовое): слог самый громкий; в новогреч. – квантитативное (долготное): слог длительный; в китайском, корейском, вьетнамском и японском – музыкальное (тоновое): слог более высокий. В некоторых языках физические свойства действуют комплексно: в норвежском и шведском языках музыкальное У. сопровождается усилением ударного слога. В русском языке ударный слог отличается большей длительностью, силой и особым качеством входящих в него звуков.

В зависимости от места У. в слове существует два типа языков: языки со связанным (фиксированным) и свободным (разноместным, подвижным) У. Финский, венгерский, чешский, эстонский имеют У. на 1-м слоге; польский язык – на предпоследнем; французский, турецкий, казахский и др. языки тюркской группы – на последнем слоге.

В русском языке У. свободное, разноместное: *до́ма, дома́; доро́га, доро́ги* и др. Кроме того, оно может быть неподвижным (*доля, доли, долю, долей, доли, долька, долюшка*) и подвижным: *спина́, спи́ну, за́ спину*. Большая часть русских слов (96 %) имеет неподвижное ударение. Подвижность/неподвижность У. проявляется лишь в словоизменительной парадигме. Для отдельно взятого слова характерно У. на определённом слоге. И именно с таким У. оно существует в языке. У. является обязательным компонентом звукового облика слова, выполняет опознавательную функцию. Перенос У. в слове может создать бессмысленное сочетание звуков и разрушить слово, что приведёт к нарушению акта коммуникации.

Русское словесное У. может выполнять смыслоразличительную функцию, и это обнаруживается в минимальных парах: *твои́ руки – нет ру́ки; пи́ли вино – пи́ли дрова́; белая му́ка – большо́я му́ка; за́мок – замо́к; пи́цца (сущ.) – пи́цца (деепр.); кро́ю – кро́ю, но́ги – но́ги, ходи́те – ходи́те*. В многосложных словах имеется побочное (дополнительное) У.: *черносморо́диновый, водо́непроницае́мый*.

У. различает варианты слов: 1) (проф./лит.) *копнас* – *ко́мпнас*; *добыча* – *добы́ча*; *шасси* – *шасси́*; 2) (диал./лит.) *вьюга* – *вью́га*; *крапива* – *крапи́ва*; 3) (прост./лит.) *холодно́* – *холодно*; *красивее* – *красиве́е*; 4) (лит. и народнопоэтич.) *девица* – *деви́ца*; *шёлковый* – *ше́лковый*; 5) (устар./совр.) *библиотека* – *библиотéка*; *кладбище* – *кла́дбище*.

Такая особенность русского словесного У. служит обогащению языка.

Акцентная норма (см.), как и нормы языка вообще, подчиняется в своём развитии общим законам. То, что для XIX в. было нормативным, в XX в. оказалось за пределами нормы. Но знание старой нормы необходимо, поскольку именно на ней построены стихотворные тексты прошлых эпох. Эти тексты – важный источник, позволяющий определить акцентные нормы прошлого. Напр.:

Пускай, не знаясь с Аполлоном, / Поэт, придворный философ,

Вельможе знатному с поклоном / Подносит оду в двести строф (А. Пушкин).

Все вокруг стола – и скок / в кипеть совещанья

Утопист, идеоло́г / Президент собрания (Д. Давыдов)

И знать вам также нету нужды, / Где я? что я? в какой глуши? (М. Лермонтов)

Несоблюдение норм У. в речи создаёт коммуникативный дискомфорт.

Лит.: Григорьева Т.М. Русский язык: Орфоэпия. Графика. Орфография (история и современность). М., 2004; Куракина Е.Б. Тенденции развития акцентологических норм в речи современных молодых москвичей: КД. М., 2011; **Орфоэпический словарь русского языка:** Произношение, ударение, грамматические формы: Ок. 65000 слов / под ред. Р.И. Аванесова; АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1989; Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. М., 2010; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

Т.М. Григорьева

УЗУС (от лат. *usus* – ‘употребление’) – языковой обычай, речевой обиход, практика использования тех или иных языковых средств. У. находится в сложных отношениях с системой и нормой: может согласовываться и противоречить им или не соприкасаться с ними, не входя в противоречие. Традиция обращения к этой триаде понятий – система/норма/узус – идёт от Э. Косериу [Косериу 1963].

Понятие У. широко используется в словообразовании, где узуальные слова («освящённые узусом», употребляемые, обычные) противопоставляются потенциальным (возможным, предусмотренным системой, но не востребованным узусом) иokkaзиональным (созданным для данного «случая», чаще всего имеющим автора и не всегда согласующимся с системой языка). И потенциальные, иokkaзиональные слова могут переходить в разряд узуальных.

Отношение к У. в лингвистике и ортологии второй половины XX в. становилось всё более терпимым, т.е. кодификаторы при установлении нормы полагаются на У., иногда вопреки законам языкового развития языка-источника заимствования и др. факторам. Достаточно показательный в этом отношении пример – описание в словарях глагола *довлеть*, который, означая «быть достаточным» в сочетании с дат. падежом (ср. библейское выражение *Довлеет дневи злоба его* и слово *самодовлеющий*), узуально употребляется в значении «давить, влиять, оказывать давление» в сочетании с твор. падежом и предлогом *над*. Норма и У. в явном противоречии, и выход из него найден в пользу У. Если в 9-м издании словаря С.И. Ожегова (1972) это противоречие особо отмечается с помощью пометы по отношению к узуальному употреблению «не рекомендуется говорить», то в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992) это, ранее не рекомендуемое значение, признаётся и «узаконивается» толкованием под цифрой 2: «Преобладать, господствовать, тяготеть». Таким образом, У. победил.

Для выявления У. иногда необходимы исследования, предполагающие статистическую обработку большого массива данных – выборки из текстов, записей произношения и т.п. Опыт описания фактов русской грамматики с учётом У. представлен в частотно-стилистическом словаре вариантов [Граудина, Ицкович 1976].

Противоречия между нормой и У. характерны только для литературных (кодифицированных) языков, в диалектах и разговорной, корпоративной речи У. является единственным регулятором

употребления языковых единиц. У. воспринимается как традиция, обычай («А у нас так говорят», – комментируют носители «освящённые узусом» факты).

Для эффективности работы над речевой культурой важно в каждом конкретном случае определить, входит ли в намерение лингвиста влиять на У. с целью его изменить, или принять его как факт, свидетельствующий о тех или иных тенденциях в изменениях языка.

Лит.: Граудина Л.К., Ицкович В.А. и др. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976, 2004; Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973; Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963; Лаптева О.А. Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. ст., посвящённый юбилею Г.А. Золотовой. М., 2002; Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990.

Т.В. Шмелёва

УМЕСТНОСТЬ РЕЧИ – важнейшее коммуникативное качество речи, определяемое её соответствием ситуации общения в целом и каждому из его структурных элементов в отдельности. Особая значимость этого качества отмечалась уже античными ораторами: «Как в жизни, так и в речи, нет ничего труднее, как видеть, что уместно» (Цицерон). Коммуникативная сущность У.р. отчётливо фиксируется назидательным содержанием русской поговорки *В доме повешенного не говорят о вёвке*.

Главным условием У.р. служит её соответствие этическим принципам вежливости и кооперативности общения, обеспечивающим эффективность взаимодействия участников речевого события. Так, кричать *Пожар!* в переполненном театре не только неуместно, но и крайне опасно. «Отличие У. от остальных коммуникативных качеств речи состоит в том, что, по сути, от оценки уместности или неуместности речи зависит, состоится ли сама речь, поскольку это качество закладывается на этапе прогнозирования самой речевой деятельности с точки зрения того, насколько та или иная речевая ситуация **благоприятна** (выделено мной. – О.Ж) для достижения данных целей общения» [Ипполитова и др. 2006: 185–186].

У.р. может «пострадать» из-за её несоответствия коммуникативной ситуации как сложной целостности любого её структурного элемента, начиная от момента речи, места, конкретного адресата и адресанта, до неуместности избранного речевого жанра, жеста, улыбки, слова, темпа речи, её тональности. С учётом этого разграничивается, с одной стороны, личностно-психологическая У.р. и ситуативная У.р., определяемые внелингвистическими характеристиками ситуации общения как таковой, с другой, – стилевая У.р. и контекстуальная У.р., выделяемые на основе соответствия используемых языковых средств требованиям реализуемого функционального стиля речи и контекста. Так, придуманная Л.В. Щербой малопонятная фраза *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрёнка* была и будет ситуативно уместной в студенческой аудитории на занятиях по лексике и грамматике, а вполне понятное сегодня предложение *Инвесторы... не хотят иметь дело с людьми, которые их ОБУЛИ или КИНУЛИ* [Горбаневский, Караулов, Шаклеин 1999: 60] стилистически было неуместным из-за использования А. Шохиним криминального жаргона в своём публичном выступлении в СМИ.

Основные критерии оценки речи с точки зрения У.р. – результативность и стабильность речевого взаимодействия адресанта и адресата, улучшение коммуникативных отношений между ними. Несоответствие речи этим критериям при возможной качественности её иных коммуникативных характеристик не позволяет считать такую речь социокультурным благом и обязывает организаторов и участников речевого события принципиально корректировать его: менять или уточнять стратегии речевого поведения участников, цели и задачи общения, его тематическое содержание, используемые языковые средства.

У.р. исходно обеспечивается ориентировкой участников общения на позитивные качества собеседника как личности, на поддержку сообразуемой с целями общения коммуникативной активности других участников общения. Так, в присутствии третьих лиц рекомендуется не замечать и не поправлять ошибки, допущенные кем-л. из собеседников; не следует подчёркивать мастерство и эффективность собственной речи, но желательно искренне отмечать коммуникативные успехи и речевое мастерство других людей, корректировать свою речь в зависимости от речевого поведения адресата.

Следует отказываться от агрессивных речевых стратегий в общении, если только они не востребованы особыми на то обстоятельствами.

Будучи синтетической коммуникативной категорией, обобщающей в своём содержании экстралингвистические и лингвистические аспекты речи, У.р. является ценностным основанием всех других коммуникативных качеств речи: **правильности, логичности, ясности, точности, лаконичности, богатства и выразительности.** Так, в речи академика, разговаривающего с шофёром, который говорит *шофера́*, жёсткая установка на литературную произносительную норму *шофёры* может стать фактором коммуникативной неудачи, спровоцировать коммуникативный дискомфорт адресата. Тост и поздравительная речь не должны быть длинными, а научная статья – слишком краткой, в отличие от тезисов. Неуместна и любая чрезмерность употребления в рамках одной коммуникативной ситуации однотипных контактоустанавливающих, выразительных и образных средств языка: одних и тех же поздравительных слов, сравнений, шуток, интонаций, одних и тех же тропов и фигур речи. Однако как особый речевой приём (в литературно-художественных, публицистических или шуточных текстах) «нагромождение» одних и тех же языковых средств может быть выразительным и уместным, см.: *Надо стоять всё твёрже / Надо любить всё крепче / Надо хранить всё строже / Золото русской речи* (Д. Самойлов).

В случае явного несоответствия речи требованиям У.р. адресанту рекомендуется внести поправку, пояснение, дополнение, извиниться или пошутить над своей оплошностью, а адресату – подать корректный сигнал коммуникативного неблагополучия (это может быть реплика, вопрос, повтор и др.) или назвать более уместное языковое средство, воспользовавшись правом на подсказку.

Лит.: Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988; Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. М., 1999; Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи: учебник. М., 2006; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения. М., 2010; Тихонова Е.С. Уместность речи как риторическая категория // Филологические науки. 1985. № 5; Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989; Шкрабкова И.В. Коммуникативные качества речи как составляющие русской православной речевой культуры: КД. Майкоп, 2009; Щербинина Ю.В. Русский язык: речевая агрессия и пути её преодоления. М., 2004.

О.П. Жданова

УМОЛЧАНИЕ – риторический приём, заключающийся в том, что часть содержащейся в высказывании информации выражается не прямо соответствующими словами, а в Подтексте (см.), с помощью **намёков**, т.е. ассоциаций, исходящих от наличествующей в данном высказывании лексики и фразеологии. По справедливому замечанию В.В. Виноградова, сущность приёма У. «состоит в изображении предмета, действия посредством называния сопутствующих явлений или сразу результатов событий» [Виноградов 1999: 76–77]. Иллюстрацией приёма У. может служить приводимый в другой публикации В.В. Виноградова фрагмент поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник», где изображается гибель черкешенки в водах реки: *Вдруг волны глухо зашумели, / И слышен отдалённый стон.... / На дикий берег выходит он, / Глядит назад... берега яснили / И опенённые белели; / Но нет черкешенки младой / Ни у берегов, ни под горой... / Всё мертво... на берегах уснувших / Лишь ветра слышен лёгкий звук, / И при луне в водах плеснувших / Струистый исчезает круг.* В этом фрагменте текста есть строки (1, 2, 10, 11), лексическое наполнение которых ассоциативно позволяет восстановить имплицитную информацию о том, что черкешенка утонула, поскольку эти строки содержат информацию о «сопутствующих явлениях» неназванного прямо события. Или, напр., фрагмент из «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя: *С полицеймейстером и прокурором Ноздрёв тоже был на «ты» и обращался по-дружески; но когда сели играть в большую игру полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил.* В этом тексте осуществляется приём умолчания, поскольку описание поведения полицеймейстера и прокурора во время карточной игры («называние сопутствующих явлений», по В.В. Виноградову) содержит намёк на то, что Ноздрёв имел репутацию нечестного игрока.

Приём У. употребляется не только в художественной поэзии и прозе, но и в публицистике, в т.ч. в её малых жанрах разной тематики, где он часто используется в развлекательной, иронической и сатирической функциях. Напр.: – *После школы учишь, детка, на врача. – Что ты, папочка, ты же прекрасно знаешь, что я не в состоянии убить даже муху!* (КР. 12.09.1998); *Из-за постоянных пробок в лондонском аэропорту российские чиновники вынуждены опаздывать на свою работу* (АиФ. 2011. № 17); *В результате ЕГЭ впервые за долгие годы преподаватели экзаменационной комиссии вузов после экзаменов не купили новые автомобили. Их купили педагоги школ!* (ЛГ. 2009. № 52).

Невербализованная (не выраженная словами непосредственно) информация в высказываниях с У. приобретает большую значимость, чем если бы это было сказано открыто [Розенталь и др. 1998: 334], поскольку рефлексия читателя/слушателя в «расшифровке» этой информации оказывается активизированной.

При широком понимании У. как любой формы имплицитной подачи информации его разновидностью можно считать так называемый Апозиопезис (см.), или намеренный обрыв (недоговорённость) высказывания.

Лит.: **Виноградов В.В.** О художественной речи Пушкина // Русский язык в школе. 1967. № 3; **Виноградов В.В.** Стиль Пушкина. М., 1999; **Краткая литературная энциклопедия.** Т. 7. М., 1972; **Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.** Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; **Сеничкина Е.П.** Семантика умолчания и способы её выражения в русском языке: ДД. М., 2003; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

УПРЁК – речевой жанр, который обслуживает ситуации речевого неодобрения. Суть жанра заключается в том, что Адресант (см.) считает, что Адресат (см.) намеренно нарушил существующее между ними «соглашение» о соблюдении каких-л. норм или осознанно не учёл в своем поведении имеющиеся у него представления об образцах поведения, существующих в социуме, и поэтому испытывает к адресату отрицательно-эмотивное оценочное отношение. В определении сути этого жанра особо важен элемент сознательности в нарушении соглашения: *Ты же знал, что завтра придут родители, а ничего не приготовил к их встрече!*

Коммуникативная цель этого жанра, так же как и Порицания (см.), – дать отрицательную оценку поведения адресата и стимулировать изменение его поведения в положительную сторону.

Образы участников могут быть представлены любыми вариантами ролевых отношений, т.к. соглашение может быть нарушено любым коммуникантом. Адресат – конкретная личность, способная нести ответственность за своё поведение. Но есть различия между У., где говорящий выше адресата, и У., где говорящий ниже адресата. Это различие заключается в основании для возникновения У. В первом случае это невыполнение адресатом каких-л. требований, рекомендаций говорящего или социума. Во втором случае – невыполнение адресатом каких-л. обещаний, обязательств, наложенных им самим на себя.

Такие переменные, как возраст коммуникантов, уровень образования, наличие/отсутствие жизненного опыта не имеют существенного значения при функционировании данного речевого жанра. У. может возникать в ситуации общения как знакомых, так и незнакомых людей, вступивших в коммуникацию (очередь в магазине, пассажиры в транспорте). Но только знакомых можно упрекнуть и за невыполнение норм, и за невыполнение обещаний (т.к. есть совместное прошлое). Фактор прошлого состоит в том, что между говорящим и адресатом в прошлом было установлено соглашение, оно либо носит коммуникативный характер, либо существует в языковой картине мира. Незнакомого можно упрекнуть только за нарушение норм, т.к. не могло быть никаких личных соглашений. Фактор будущего заключается в достижении перлокутивного эффекта: изменения поведения адресата. Но адресат может по какой-л. причине не принять У., и тогда перлокутивный эффект не будет достигнут. Инициатором соглашения может быть как говорящий: *Я же предупреждала вас, чтобы вы пришли пораньше!*, так и Адресат: *Вы же обещали приехать на следующей неделе!*

В формальной организации речевого жанра использование имени жанра встречается в ситуациях, когда говорящий опасается быть непонятым: *Я упрекаю тебя в том, что ты не выполнил моей просьбы; Я вынуждена упрекнуть вас в необязательности.*

Высказывание У. всегда двухпропозиitivны: название соглашения и название нарушения соглашения: *Ты должен был прийти в три, а опоздал на целый час.* В речи одна пропозиция может быть имплицитной: *Ты должен был прийти в три; Ты опоздал на целый час; Ты же обещал; Я же просил.* В этом случае частотно использование жанровых маркеров, организующих фактор прошлого: *же, уже, ведь.* Акцентирование фактора прошлого является средством усиления У.; подчёркивания виновности адресата. Но У. можно и ослабить путём неназывания конкретного адресата: *Кто-то обещал мне купить эту книгу или через выражение неуверенности: Мне кажется, что вы обещали не шуметь, или я ошибаюсь?*

Лит.: Давыдова Т.А. Речевой акт упрёка в английском языке: КД. Иркутск, 2003; Дубровская Т.В., Кормилицына М.А. Некоторые прагматические характеристики речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Жанры речи-3. Саратов, 2002; Каразия Н.А. Прагмалингвистическое исследование акта упрёка в контексте современной американской речевой культуры: КД. Петропавловск-Камчатский, 2004; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.

Т.И. Стексова

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА – слова, значения слов и словосочетаний, ранее употреблявшиеся неограниченно, как правило, во всех сферах речи, а в настоящее время вышедшие (выходящие) из широкого употребления и известные скорее по языку художественных произведений или из специальной литературы.

Устаревшая лексика делится на Историзмы (см.) и Архаизмы (см.). **Историзмы** – слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали: *жупан, вассал, лорнет, тягло* и др. Историзмы, как правило, терминологичны по своей природе (это единственные наименования исчезнувших реалий, не имеющие синонимов и называющие понятия, обладающие культурно-историческим значением, т.е. являющиеся специальными обозначениями). Это приводит к тому, что, с одной стороны, историзмы являются устаревшей лексикой, а с другой – активной лексикой определённых (специальных) научных дисциплин: истории, этнографии и др.

Архаизмы – слова, значения слов и словосочетаний, вытесненные из активного употребления синонимами: *выя* – ‘шея’, *чело* – ‘лоб’, *очи* – ‘глаза’, *позор* – ‘зрелище’ и др. Причинами архаизации могут быть как внешние по отношению к языку факторы, напр., запрет (табуирование), эвфемизация, пуризм и др., так и внутренние (лингвистические) процессы: развитие синонимии, омонимии, расширение или сужение значения слов и др.

Устаревание слов может быть как процессом очень коротким (напр., появление историзма *ваучер*), так и длительным – через постепенное снижение активности употребления слова (напр., *сей* – ‘этот’).

Все У.с. отличаются ограниченной сферой употребления. В большинстве случаев они являются разновидностью высокой (возвышенной) лексики, используемой в стихотворной, публицистической или ораторской речи:

Я раб, и был рабом покорным / Прекраснейшей из всех цариц.

Пред взором, пламенным и чёрным, / Я молча повергался ниц.

Я лобызал следы сандалий / На влажном утреннем песке. /

Меня мечтанья опьяняли, / Когда царица шла к реке.

И раз – мой взор, сухой и страстный, / Я удержать в пыли не мог,

И он скользнул к лицу прекрасной / И очи бегло ей обжёг... (В. Брюсов).

Часто У.с. используются как средство создания исторической стилизации в художественных текстах (обычно в исторических романах и повестях): *На длинных столах, крытых сарплатом с выбойкой, высокая с худощавым строгим лицом жена атамана сама укладывала ножи, расставляла чаши и поставцы с яндовыми* (А. Чапыгин). Кроме того, устаревшая лексика активно используется для характеристики отрицательных явлений через представление их в комическом виде: *Ныне в из-*

дательствах возникла мода – подстраиваться под телесериалы. На обложке данной книги **начертано**, как наклейка на товаре «Скоро на экранах!». И пытаются всучить людям заведомо негодный товар (РГ).

У.с. могут вернуться в активный словарный запас языка. Так произошло, напр., со словами *лицей*, *дума*, *губернатор* и мн. др.

Лит.: Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. М., 1993; Еднералова Н.Г. Устаревшая лексика русского языка новейшего периода и её восприятие языковым сознанием современных школьников: КД. Воронеж, 2003; Емельянова О.Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики): монография. Красноярск, 2013; Нестеров М.Н. Русская устаревшая и устаревающая лексика: учеб. пособие. Смоленск; Брянск, 1998; Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М., 1996; Словарь устаревших слов. М., 1997; Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

У́СТНАЯ РЕЧЬ – вид речевой деятельности, материальной формой которой являются звуковые волны, возникающие в результате работы мозга и речевого аппарата. Восприятие У.р. осуществляется главным образом с помощью органов слуха, однако важное значение имеет и зрительный канал, по которому поступает информация о мимике, жестах, пространственной дистанции между говорящим и собеседником/слушателем, а также о других невербальных средствах коммуникации, которые способны дополнить или актуализировать смысл высказывания, а в ряде случаев (напр., безразличный, строгий или ласковый взгляд) даже заменить некоторые слова. У.р. отличается большим интонационным разнообразием, которое обусловлено изменениями высоты тона в слого, слове и в целом высказывании, различиями в темпе и громкости речи, а также местом постановки логического ударения, наличием или отсутствием пауз (см. Интонация). Для У.р. типичны безударные частицы, которые участвуют в её ритмико-интонационной организации. Особенности У.р. во многом зависят от психофизиологических, интеллектуальных, возрастных, гендерных, социальных, общекультурных черт «человека говорящего». В большинстве случаев У.р. обращена к одному или нескольким собеседникам. В этом случае она обладает свойством интерактивности, поскольку может изменяться в зависимости от реакции слушателей.

По онтологическим, структурным и функциональным признакам У.р. противопоставлена внутренней и письменной речи. У.р. свойственны поступательный и линейный характер развёртывания во времени, необратимость и прерывистость, самоперебивы, повторы, автокомментарии. Ключевую роль в композиционном построении текстов У.р. играют ассоциативные присоединения. Типичными синтаксическими явлениями У.р. являются наложение конструкций (*давай сюда / её измерим*); актуализация смыслов с помощью вопросительной частицы «да» и указательных местоимений (*полчаса / да / осталось?*; *такая миленькая / беленькая шубка*); использование именительного темы в позиции субъекта (*Вся моя родня / она здесь живет / короче / ну / старожители здесьние*). Для У.р. характерен эллипсис актантов (*кстати / у меня есть такого вот типа / в клеточку*) и эллипсис предиката (*у меня аж прям / у меня прям дыхание прям!*). У.р. не свойственны многокомпонентные сложные предложения, причастные и деепричастные обороты. Отличительной особенностью У.р. является редукция средств выражения смысла, которая компенсируется общими для собеседников фоновыми сведениями (*Она / реально / сюда пока / зайти сюда / она перенервничала / а тут мы такие*). На лексическом уровне У.р. характеризуется обилием эмоционально-оценочных элементов, словесной импровизацией. В ней часто используются семантически опустошённые слова, которые выполняют роль замещения пауз (*э, а, ну, м-м-м, значит, так сказать* и т.п.), типично неточное употребление слов (*такой прям фуришет, э-э, накрыт*).

Общепринятой типологии У.р. в настоящее время нет. Выделяют устную публичную (кодифицированную) и обиходную (некодифицированную) У.р.; литературную (разговорную речь) и нелитературную (просторечную, жаргонизированную, диалектную, а также их смешанные разновидности). Указанные выше признаки У.р. свойственны прежде всего обиходной (некодифицированной) У.р.

Что касается таких жанров У.р., как лекция, доклад, выступление в парламенте и т.п., они строятся в основном по нормам книжной монологической речи (см. Книжный стиль, Монолог). По числу говорящих У.р. подразделяется на диалогическую, полилогическую и монологическую.

Лит.: Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // Вопросы языкознания. 1980. № 2; Костомаров В.Г. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» // Проблемы современной филологии. М., 1965; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Львов М.Р.** Основы теории речи. М., 2000; **Современная русская речь:** состояние и функционирование: сб. аналитических мат-лов / под ред. С.И. Богданова, Л.А. Вербицкой, Л.В. Московкина, Е.Е. Юркова. СПб., 2004; **Современная русская речь:** состояние и функционирование: сб. аналитических мат-лов. Вып. 2 / под ред. С.И. Богданова, Н.О. Рожкиной, Е.Е. Юркова. СПб., 2006; **Харламова Т.В.** Текстобразующие средства в устной речи: на материале русского и английского языков: КД. Саратов, 2000.

О.В. Фельде

УТЕШЕНИЕ и СОЧУВСТВИЕ – 1. Наименование этикетных ситуаций общения, когда выражается солидарность с адресатом в переживании и/или оценке неблагоприятных для него обстоятельств и намерение морально или иным способом ему помочь. 2. Стереотипные выражения, с помощью которых осуществляется С. и У.

Поскольку С., как правило, порождает У., а нередко и само служит У., этикетные выражения в двух этих ситуациях тесно переплетаются и порой трудно отделимы.

С., как и У., является реакцией на вербальную жалобу либо очевидные неполадки в жизни адресата. В русской коммуникативной культуре принято выражать сочувствие близкому человеку, не вышестоящему по службе, своему – и без жалобы с его стороны. Во многих национальных культурах жаловаться не принято.

Поводом для жалобы и ответного С. и У. служат плохое самочувствие, настроение, разного рода неприятности (на работе, со здоровьем), неудачи (в любви, работе, болезни), а также более значимые неприятности, причиняющие огорчения. Большое горе, напр., потеря близкого, вызывает Соболезнование (см.).

У. меняет оценку неприятности, даёт надежду на улучшение обстоятельств, опору на помощь утешающего и силы утешаемого, а также обещания моральной или физической поддержки.

Основные выражения: *Я Вам (тебе) сочувствую; Я Вам (тебе) так (очень) сочувствую!; Как я Вам (тебе) сочувствую!; Я Вам (тебе) искренне (глубоко, от души, от всего сердца, всем сердцем и т.д.) сочувствую.*

У. и С. является выражение понимания: *Я Вас (тебя) понимаю; Как я Вас (тебя) понимаю!; Я Вас (тебя) так понимаю!*

С. может служить выражение сожаления по поводу случившихся неприятностей: *Мне (так, очень) жаль, что это случилось; Как мне жаль, что тебе не повезло; Жалко, что тебе не повезло; Мне так жаль тебя! (дружеск.); Я сожалею о случившемся (офиц.).*

У. служит оправдание адресата (преимущественно от старшего к младшему): *Ты (Вы) не виноват (-ты), что так случилось; Ты (Вы) ни в чём не виноват (-ты); Ты (Вы) тут не при чём; Это не твоя (Ваша) вина; Здесь (в этом) нет твоей (Вашей) вины и др.*

У. является совет не волноваться, выраженный глаголом в повелительном наклонении, содержательно соответствующим ситуации: *Успокойся (-тесь); Не беспокойся (-тесь); Не волнуйся (-тесь); Не нервничай (-те); Не расстраивайся (-тесь); Не переживай (-те); Не горюй (-те); Не огорчайся (-тесь) и мн. др.*

Наиболее устойчивые стереотипы У.: *Возьми (-те) себя в руки; Держи (-те) себя в руках; Не падай (-те) духом; Не теряй (-те) присутствие духа (выдержки, самообладания); Не теряй (-те) голову; Не принимай (-те) (этого) близко к сердцу; Не обращай (-те) (на это) внимания; Не поддавайся (-тесь) тоске (хандре, плохому настроению); Выбрось (-те) это из головы; Соберись (-тесь) с силами (с духом); Забудь (-те) о случившемся; Не вспоминай (-те) об этом; Не думай (-те) об этом и мн. др.*

Возможно при У. воздействие на волевую сферу адресата: *Ты (Вы) должен (-жна, -жны) взять себя в руки, успокоиться; Надо (нужно, необходимо) успокоиться (не терять самообладания)* и др.

У. служит надежда на лучшее: *Всё будет (кончится) хорошо; Всё будет в порядке; Всё (это) пройдёт (изменится, обойдётся и др.),* а также обещание помощи: *Я с тобой (с вами); Можешь (-жете) на меня положиться; Можешь (-жете) на меня рассчитывать* и др.

Наконец, У. служит преуменьшение серьезности беды: *Здесь нет повода для огорчения (расстройств); Нет повода для того, чтобы терять голову (огорчаться, расстраиваться); Забудь!; Не бери в голову; Выбрось из головы; Это пустяки (ерунда, несерьёзно и др.); Какие (это такие) пустяки!* и др.

Таким образом, У. и С. влияют на изменение в лучшую сторону эмоциональной сферы партнёра. Ответом на У. и С. служит, как правило, Благодарность (см.), а также констатация: *Вы (ты) меня утешили (-ил, -ила); Вы (ты) нашли (-шёл, -ила) слова утешения* и др.

Лит.: Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1975, 1984; Акишина А.А., **Формановская Н.И.** Этикет русского письма. М., 1979, 1982, 1986; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001; Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; Казачкова Ю.В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении: жанровый аспект: КД. Саратов, 2006; **Формановская Н.И.** Использование русского речевого этикета. М., 1982, 1984; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 2002, 2004; **Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Н.И. Формановская

УЧЕБНИК. СМ. ЖАНРЫ НАУЧНОЙ РЕЧИ

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ́. Всё богатство и разнообразие русского языка как части нашей многовековой культуры отражены в лингвистических словарях, которые описывают свойства и возможности слова, а значит, помогают человеку сделать свою речь более эффективной. Многие из этих словарей совершенно необходимы в учебном процессе.

В наше время существуют разные типы учебных лингвистических словарей, умение пользоваться которыми является показателем общей культуры человека. Обращение к тому или иному словарю определяется тем, какую именно информацию необходимо получить. Перечислим некоторые из них.

Толковый словарь объясняет смысл слов и выражений. Наиболее популярными являются однотомный «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1996 г.), который содержит 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений; «Большой толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова (2009 г.), включающий свыше 180 тысяч слов и словосочетаний, вошедших в русский язык за последнее десятилетие и укоренившихся в современном русском языке. Вышедший в 2009 г. «Толковый словарь современного русского языка» В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной содержит более 35 000 слов и около 70 000 устойчивых словосочетаний, представляющих собой активную, наиболее употребительную лексику русского языка конца XX – начала XXI в.

«Новый словарь иностранных слов» Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой, И.В. Нечаевой (2003 г.) содержит и приводит толкование 25 000 заимствованных слов и словосочетаний. Словари этого типа помогают человеку использовать слово в соответствии с его точным значением, избегать многословия и неясности в речи. Как писал Декарт: «Определяйте значения слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений».

Поможет узнать происхождение, историю слова «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера в 4-х тт. (перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва) (2009 г.), который принадлежит к числу самых авторитетных **этимологических** словарей нашего времени и содержит около 4500 слов.

Одним из важных коммуникативных качеств речи является правильность, т.е. соответствие её нормам РЛЯ, которые включают в себя правильность произношения и ударения, формы употребления, написания слов. Словари правильности языка называются **ортологическими** (см. Ортологиче-

ские словари). «**Орфоэпический словарь** русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы» (под ред. Р.И. Аванесова, 2000) рекомендует варианты грамотного произношения и ударения и содержит около 65 500 слов. В «Словаре ударений для работников радио и телевидения» Л.А. Введенской (2009 г.), помимо образца правильного произношения слов, приводятся вставки – материал под рубриками «Для размышления», «Проверь себя», чтобы привлечь внимание читателя к наиболее спорным суждениям о языке, его значении как средстве общения; помочь читателю проверить, насколько безошибочна его собственная речь. Значительным вкладом в издания данного типа стал словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К.С. Горбачевича (1973 г.), который содержит около 8 тыс. слов, отобранных с учётом трудностей акцентологических, произносительных, слово- и формообразовательных. К этому типу изданий относятся «Краткий словарь **трудностей русского языка**. Для работников печати», содержащий около 400 слов и словарь-справочник журналиста «Трудности русского языка» под редакцией Л.И. Рахмановой (1981 г.). В 1981 г. был издан словарь-справочник «Управление в русском языке» Д.Э. Розенталя, включающий в себя свыше 2100 словарных статей.

Наиболее полным **грамматическим словарём** является «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение» А.А. Зализняка, включающий в себя около 100 тыс. слов (1987 г.). Он всесторонне отражает современное русское словоизменение (склонение и спряжение).

«Русский орфографический словарь» В.В. Лопатина указывает на правильность написания слов с указанием ударений и содержит необходимую грамматическую информацию. Это самый большой по объёму академический словарь из существующих **орфографических словарей** русского языка, отражающий русскую лексику в том её состоянии, которое сложилось к концу XX – нач. XXI в. К У.с можно отнести «Орфографический словарь русского языка» Б.З. Букчиной, И.К. Сазоновой, Л.К. Чельцовой (2009 г.).

В числе учебных лингвистических словарей много таких словарей, которые помогут сделать речь не только точной и правильной с точки зрения норм РЛЯ, но и яркой, выразительной, разнообразной, поскольку русский язык богат синонимами, антонимами, фразеологизмами, крылатыми выражениями. В этом помогут словари, описывающие различные пласты лексики. Это «Современный словарь русского языка. **Синонимы**» Бабенко Л.Г. (2011 г.), в котором описано более 5000 синонимических рядов, включающих около 30 000 слов-синонимов; «Учебный **словарь антонимов** русского языка» Л.А. Введенской (2010 г.), в котором представлено более 1000 антонимических пар; «**Словарь-справочник по русской фразеологии**» Р.И. Яранцева (1985 г.), содержащий около 800 фразеологизмов, «Словарь **Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения**» Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной (1995 г.), в который включено большое количество литературных цитат и образных выражений, расположенных в алфавитном порядке.

Таким образом, максимальное использование достижений русской лексикографии поможет человеку повысить речевую культуру, расширить свои возможности в коммуникативной практике.

Лит.: Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002; Петрушова О.Л. Учебные словари в межкультурной коммуникации: КД. Ярославль, 2009; **Российская педагогическая энциклопедия** / гл. ред. А.П. Горкин. М., 1993; Тарабукина М.Ф. Учебный тематический словарь: типы семантических отношений: КД. Уфа, 2002; **Шукин А.Н.** Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2 000 единиц. М., 2007.

С.В. Меньшенина

УЧЕНИЕ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ. См. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

ФАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – разновидность неязыковых ошибок, связанная с неправильностью передачи фактического материала, которая заключается в том, что говорящий или пишущий, недостаточно хорошо владея информацией по теме обсуждения, неверно излагает факты действительности, напр.: *В старой русской пословице говорится: Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт; «Красота спасёт мир», – писал Л.Н. Толстой (из школьных соч.).* В первом случае – это цитата из поэмы Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос», во втором – фраза, принадлежащая не Л.Н.

Толстому, а Ф.М. Достоевскому (роман «Идиот»). Ф.о. могут состоять не только в полном искажении (подмене) факта, но и в его преувеличении или преуменьшении, напр.: *А.С. Пушкин отразил всю российскую действительность* (из школьного соч.). Ф.о, связанные, в частности, с преувеличением или преуменьшением, могут возникать не только в силу некомпетентности, но и вследствие сознательного искажения информации, напр., в масс-медиа при освещении таких событий, как боевые действия, лесные пожары, распространение вирусов и др. В письменных текстах наиболее частотными Ф.о. являются: придуманные или искажённые факты; ошибки в названиях, именах и датах; ошибки при цитировании. Придуманные и искажённые факты встречаются как в работах учащихся и студентов, так и в художественной литературе и публицистике: *На другой день, одев требник, поп отслужил молебен в землянке Кузнецовых* (Н. Задорнов) – пример А.М. Топорова; (требник – ‘богослужбная книга’). Основная причина появления искажённых и придуманных фактов и ошибок в названиях, именах – бедность знаний о предмете речи. Такие ошибки встречаются, напр., в экзаменационных работах учащихся по русскому языку: *В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» Анна Ростова занимается своим образованием* (надо: Наташа Ростова). Ненамеренные Ф.о. отражают низкий уровень знаний. Поэтому исправление и предупреждение такого рода ошибок связано с работой над повышением общекультурного и интеллектуального уровня, развитием эрудиции. Говорящий или пишущий в своей речи должен использовать только достоверную информацию. Предупреждение сознательного искажения фактов (часто в целях манипуляции) связано с повышением уровня этической компетентности адресанта (см. Этико-речевая компетенция).

Лит.: Григорьева А.К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции: КД. Пенза, 2004; Мильчин А.М. Методика редактирования текста. М., 2005; Фоменко Ю.В. Типы речевых ошибок: учеб. пособие. Новосибирск, 1994; Черемисин П.Г. К вопросу о классификации речевых ошибок // Русский язык в школе. 1973. № 2.

А.Н. Смолина

ФАКТ-ЛИСТ. См. ЖАНРЫ ПИАР-КОММУНИКАЦИИ

ФАКТОР ТРЕТЬЕГО ЛИЦА – один из регуляторов речевого поведения (наряду с фактором адресата, заботой о коммуникативном имидже автора и др.). Его действие проявляется в том, что общающиеся (в первую очередь это относится к устной речи, т.е. к говорящим) принимают во внимание третьих лиц – того/тех, кто непосредственно в общении не участвует, но присутствует при этом – находится в одном пространстве.

Учёт присутствующих заметнее всего, когда они выступают «героями» высказываний – о них невежливо говорить *они* (*он, она*). Надо назвать человека по имени или имени-отчеству (в зависимости от ситуации), обозначить его по отношению к вам – *мой сосед, моя жена, мой сын*; или по его роли в данной ситуации – *наш гость, мой научный руководитель* и под. Нарушение этого правила наблюдается довольно часто.

Если же содержание речи третьих лиц не касается, то их присутствие всё равно учитывается, при этом можно говорить о трёх аспектах – **звучании речи, выборе лексики и темы разговора**.

Звучание речи регулируется Ф.т.л. прежде всего в отношении громкости: приличные люди в окружении незнакомых говорят приглушённым голосом. К этому приучают маленьких детей. В автобусе можно наблюдать: в два-три года дети говорят громко, а уже к пяти – как взрослые: чтобы слышал только тот, с кем ты разговариваешь, а не весь автобус. В последнее время распространилось громкое говорение по мобильному телефону повсюду: в магазинах, учреждениях, общественном транспорте. В этом сказывается ослабление действия Ф.т.л., видимо, под воздействием техники и плохого воспитания.

Влияние Ф.т.л. на выбор лексики, точнее лексические ограничения, хорошо известны. Они предполагают отказ от непристойной, или, по-научному, обценной лексики, а также всякого потенциально оскорбительного, грязного слова. О том, что этот аспект Ф.т.л. действует в современной речи небезотказно, говорят многочисленные выступления в прессе о распространении бранной лексики в ситуациях повседневной жизни: в транспорте, магазине, на остановке и т.д.

Тематический аспект учёта третьих лиц связан с их возрастом и/или полом и проявляется как ограничение на тематику разговора. Так, известно, что при детях не обсуждают темы секса. В присутствии женщин не говорят о каких-то грубых вещах. В присутствии чужих людей не обсуждают семейные и интимные дела, медицинские показания.

Таким образом, Ф.т.л. призван обеспечивать коммуникативный комфорт лиц, не принимающих прямого участия в речи, но оказывающихся свидетелями общения. Учёт этого фактора, умение найти средства языкового общения, не наносящие вреда окружающим, – показатель высокой речевой культуры.

Лит.: Кондрашин И.И. Кодекс светского поведения. М., 2006; Шмелёва Т.В. Речь как поведение: фактор третьего лица // Сибирский форум: интеллектуальный диалог. Сентябрь 2011; Marsen S. Communication Studies. N.-Y., 2006.

Т.В. Шмелёва

ФАТИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ. СМ. ФАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ

ФАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ – общение, использующее коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса общения. Основное значение и непосредственная коммуникативная цель Ф.о. состоят в самом факте общения (Б. Малиновский). Ф.о. имеет выраженный личностный характер. Как и общение в целом, Ф.о. делится на вербальное, или фатическую речь, и невербальное. Несколько иное определение Ф.о. принадлежит Р. Якобсону: это реплики, сигналы, организующие «канал связи» и обеспечивающие успешность основной – нефатической – коммуникации. Прежде всего во втором, более узком значении стали активно изучаться собственно лингвистические средства осуществления Ф.о.: вокативы, коммуникативные частицы, местоимения вежливости, формулы речевого этикета, а также наименования компонентов ситуации Ф.о. – говорящего, слушающего, коммуникативных отношений и ролей, типов ситуаций (сфер, стилей) и жанров Ф.о., фатических стратегий и тактик (Г.Г. Почепцов, В.Е. Гольдин, Н.И. Формановская, Т.Н. Колокольцева и др.).

Лингвистическое изучение Ф.о. в первом значении объективно затруднено по причине особой семантической фатической речи, а именно: производности референтной ситуации фатической речи от коммуникативной ситуации. Напр., пропозиция сообщения *Нас в купе пока всего двое* вступает в противоречие со смыслом данного высказывания – заполнителя паузы в ситуации вынужденного общения, когда молчать неловко. Лишь незначительная часть средств организации Ф.о. приходится на высоко формализованные (однозначные, конвенциональные) средства. Большинство фатических коммуникативных смыслов с трудом концептуализируются системой языка и передаются в основном посредством невербальной коммуникации или непрямой коммуникации, в которой понимание высказывания требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата.

Представляют интерес попытки объединить оба определения, напр., в глобальном понятии фатика (Т.Г. Винокур), включающем конативную функцию (вступление в контакт, его поддержку и проверку), область речевого этикета, бытовые диалоги и бытовое повествование, а также художественные диалоги и повествование, стилизованные под бытовые; ср. понятие фатического поля языка (Л.Н. Мурзин). Если фатика и информатика представляют собой два основных инварианта речевого поведения, на фатические интенции приходится не менее половины всех возможных коммуникативных интенций. Несколько иная концепция принадлежит В.В. Виноградову, выделявшему в качестве общественных функций языка общение, сообщение и воздействие.

Несмотря на огромное значение Ф.о., долгое время это явление не признавалось существенным для системы языка и проблема Ф.о. относилась к разряду периферийных в языкознании. В последнее время Ф.о. активно изучается, причём некоторые исследователи (напр., М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова) считают Ф.о. маркированным членом оппозиции «фатика ~ информатика», противопоставляя фатическое начало в речи нефатическому.

Несмотря на свою распространённость, фатика в чистом виде (как и информатика) практически не встречается в реальном общении, существуя лишь как своеобразный идеал, научная абстракция.

Ф.о., как и общение в целом, организуется типичными формами речевых/коммуникативных жанров. Многообразие **фатических речевых жанров** (Ф.р.ж.) очень велико: первичные и вторичные Ф.р.ж., простые и сложные, речевые и риторические, официальные и неофициальные, изменяющие межличностные отношения и сохраняющие их, конфликтные и гармонические, прямые и косвенные, конвенциональные Ф.р.ж., диктующие адресату речи чёткую интерпретацию коммуникативных намерений адресанта, и неконвенциональные Ф.р.ж., соотносимые не с типическими интенциями, а с бесконечно многообразными интенциональными состояниями адресата и порождающие нечёткую интерпретацию. На неконвенциональные Ф.р.ж. приходится основная часть Ф.о. Важнейшими из названных параметров, по-видимому, являются связь с межличностными отношениями и планируемая непрямая коммуникация (косвенность). Соответственно выделяется пять типов Ф.р.ж.: (1) Ф.р.ж., ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: **оскорбления, ссоры**; (2) Ф.р.ж., улучшающие межличностные отношения в прямой форме: **признания, комплименты**; (3) Ф.р.ж., ухудшающие отношения в косвенной форме: **колкость, издёвка**; (4) Ф.р.ж., улучшающие отношения в косвенной форме: **шутка, флирт**; (5) праздноречевые жанры типа **small talk**: межличностные отношения не улучшаются и не ухудшаются, степень косвенности – приблизительно 1/2.

Русская национальная речевая культура имеет ряд существенных особенностей в области Ф.о., заключающихся прежде всего в системе Ф.р.ж. К ним следует отнести (по причине особой личности русской народной речевой культуры) слабую разработанность средств нейтральной фатики типа **small talk** (жанр светской беседы и её разновидности нехарактерны, чужеродны для русской речевой культуры), а также бедность (в т.ч. в современной русской речи) системы оценочно нейтральных обращений. При этом очень богата система гармонизирующих (в т.ч. подчёркнуто тёплых и интимных) Ф.р.ж. и конфликтных Ф.р.ж. (в т.ч. экстремальных), как и система оценочно ненейтральных обращений (существует очень большое количество различающихся тонкими смысловыми оттенками положительно и отрицательно оценочных обращений, особенно в области нравственных оценок; многие из этих обращений непереводаемы на другие языки). В результате в русской коммуникации эмоционально крайние ситуации Ф.о. часто оказываются более естественными, чем нейтральные ситуации, а Ф.р.ж. типа **small talk** являются в большей степени риторическими, чем в других речевых культурах.

Всё это формирует особые требования к овладению культурой речи и общения в области русского Ф.о.

Как известно, культура речи включает в качестве важнейших собственно речевой (речежанровой) и этический критерии. Речевой критерий состоит в безусловном знании правил всех Ф.р.ж. и умении владеть ими (особенно риторическими, вторичными и косвенными жанрами) без смешения и подмен (так, даже жанр дружеской беседы может быть неуместен в ситуации светской беседы). Этический критерий состоит, прежде всего, в запрете на использование риторических и нериторических конфликтных Ф.р.ж.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992; Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М., 1996; Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4).; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993; Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993; Волкова Л.Г. Фатическая функция и синтаксические средства её реализации: формальный, семантический, коммуникативно-прагматический аспекты: КД. Томск, 1998; Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры. Саратов, 2000; Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1; Козловская Л.А. Фатическая функция языка: социолингвистический и структурно-грамматические аспекты: КД. Мн., 1993; Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981; Савина Е.А. Контактподдерживающие структуры, эксплицирующие положительную оценку (с параметром невключённости говорящего) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15); Самойленко Л.В. Фатические средства в речи пользователей компьютерной сети: КД. Астрахань, 2010; Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998; Якоб-

сон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975; Malinowski B. Phatic Communion // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth, 1972.

В.В. Дементьев

ФЕЛЬЕТОН (от фр. *feuilleton* – ‘листок, листочек’) – сатирический художественно-публицистический жанр, возникший во Франции в конце XVIII – начале XIX вв. Этим словом назывался дополнительный лист («подвал») парижской газеты «*Journal des Debats*», где сначала публиковалась самая разнообразная информация: платные рекламные объявления, театральные репертуар, последние модные тенденции, стихотворные шарады и т.п. Позднее содержание Ф. составили стихотворения, фрагменты поэм, театральные рецензии, обзоры выставок, отчёты о научных заседаниях, что развивало его развлекательную и критическую направленность и со временем привело к появлению одноимённого жанра (аббат Жоффруа, Ж. Жанен, Ш. Нодье и др.). В дальнейшем у европейских авторов критическая направленность Ф. приобрела обличительный характер, сформировав у жанра новые черты, среди которых выделялись политическая и искусствоведческая тематика, резкая сатира и ирония (Г. Гейне, Гуцков, М. Гарден и др.). В России Ф. заявил о себе в XIX в., следуя в развитии европейской традиции. Широкую известность получили произведения В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.А. Некрасова, Д.Д. Минаева, Н.С. Курочкина, А.В. Амфитеатрова, В.М. Дорошевича и др.

Цель фельетонного жанра заключается в указании на общественное зло и его разоблачение. Достижение цели автором осуществляется с помощью иронии и юмора. Влияя на общественное мнение, Ф. добивается осознания социумом сложившейся в действительности негативной ситуации и требует её преобразования. Характерными свойствами этого жанра являются злободневность, полемичность, документальность, локальность предмета осмеяния, гротеск, пафос и экспрессия. Фельетонист создаёт отрицательный образ, используя механизм сатирической типизации с преобладанием художественного компонента. Ф. свойственны такие стилистические приёмы, как перифраза, эпитет, метафора, сравнение, стилистический контраст, пародия и др. Он содержит большое количество прецедентных текстов. Жанр, как правило, невелик по объёму (А. Серафимова. URL: www.zavtra.ru/content/view/zhili-byili-9/; Л. Флорентьев. URL: www.novayagazeta.ru/politics/48007.html).

В современной науке Ф. имеет обширную теоретическую базу, тем не менее, до сих пор остаётся открытым вопрос его жанровой идентификации, поскольку стилистики Ф. и Памфлета (см.) чрезвычайно сходны. Впрочем, некоторые авторы видят различие этих жанров в том, что памфлет характеризуется большей масштабностью тем и более резкой формой обличения (склонностью к сарказму). Особенно остро эта проблема встала в связи с происходящими в последнее десятилетие процессами трансформации сложившейся жанровой системы журналистики, приведшими к появлению гибридных форм. Современное медиапространство включает модификации памфлет-Ф. (Е. Александрова-Зорина. URL: www.zavtra.ru/content/view/2011-02-0242/), Ф.-авторская колонка (Р. Арифджанов. URL: www.agentura.ru/dossier/russia/people/arifdjanov/colonka/131103/) и др., что усложнило определение жанровой принадлежности текстов, поскольку традиционно выявление черт Ф. происходило в сопоставлении с жанром памфлета. Существующая проблема делает актуальным изучение Ф. с лингвистической точки зрения.

Наряду с памфлетностью развивается и такое явление как фельетонность. По мнению А.Н. Тепляшиной, фельетонность может быть определена как технология привлечения читателей, основанная на умении писать весело и легко. При этом основополагающим свойством фельетонного стиля является широкое использование комического в разнообразных формах [Тепляшина 2000]. По нашему мнению, данные дефиниции нуждаются в уточнении и дополнении, поскольку, напр., разные виды комизма используются и в других вторичных жанрах (памфлет, пародия, сатирический комментарий).

Лит.: Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Истомина А.Е. Фельетон как жанр политического дискурса: АКД. Волгоград, 2008; Кайда Л.Г. Композиционная поэтика текста: монография. М., 2011; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Литературный энциклопедический словарь.**

М., 1987; Салимовский В.А. Жанр (литературный) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006; Салимовский В.А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006; Тепляшина А.Н. Сатирические жанры современной журналистики. СПб., 2000; Тепляшина А.Н. Творческая природа комического: жанровая парадигма современной журналистики: АДД. СПб., 2007; Тертыйный А.А. Жанры периодической печати. М., 2002; Щербаков А.В. О системном представлении жанрового поля языка/речи (на материале газетно-публицистических жанров) // Речевое общение. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 8–9 (16–17). Красноярск, 2006.

С.В. Серова

ФИГУРА РЕЧИ. См. **СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА**

ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ. См. **УМОЛЧАНИЕ**

ФИГУРЫ АЛОГИЗМА. См. **ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ**

ФИЛИППИКА. См. **ИНВЕКТИВА**

ФИЛОЛОГИЯ (от др.-греч. *φιλολογία* – ‘любовь к слову’) – 1. Учение о правилах и закономерностях создания, передачи, хранения, воспроизведения и функционирования словесных произведений. Предмет Ф. – текст, слово в широком значении, соединённые с выражаемым ими культурным содержанием.

О трудностях в определении Ф. как науки справедливо писал Д.С. Лихачёв, предпочитая говорить о её «связующей роли»: «Роль филологии именно связующая, а потому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придаёт широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения – наиболее сложной области литературоведения» [Лихачёв 1989]. В современных определениях Ф. как «совокупности научных дисциплин (языкознание (главным образом стилистика), литературоведение, история, семиотика, культурология и т.д.)» [Степанов 1996: 592] или «совокупности наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве» [Ожегов, Шведова 2005: 852] теряется идея о наличии у Ф. собственного предмета.

В фундаментальной статье С.С. Аверинцева Ф. определяется как «содружество гуманитарных дисциплин, изучающих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» [Аверинцев 2006: 452]. Однако и здесь 1) вновь не даётся определение Ф. как самостоятельной науки; 2) Ф. соотносится только с письменными текстами в то время как она, по-видимому, имеет отношение ко всем видам словесных произведений, бывших в истории человечества (и к устной, и к письменной, и печатной, и к текстам СМИ и Интернета); 3) Ф. имеет отношение не только к духовной, но и к материальной культуре, поскольку словесное творчество связано с технологией создания речи, которая также есть культурное совершенствование – ср. новые электронные средства речевой коммуникации, которые также должны рассматриваться как объект филологического исследования.

Не даёт ответа на вопрос о предмете Ф. и кропотливое историческое исследование Г.О. Винокура «Введение в изучение филологических наук» [Винокур 2000]. При всей широте привлечённого материала это исследование рассматривает фигуру филолога более как «человека читающего» и менее как творца культуры, осуществляющего создание, воспроизведение, хранение и передачу последующим поколениям лучших произведений словесности.

Ю.В. Рождественский в «Общей филологии» убедительно показал, что «филологическое знание состоит в проникновении не только в содержание того или иного текста, но и в его истолкование». Поэтапное истолкование текста позволяет последовательно выстроить понимание предметов частной и общей Ф.: в частной Ф. анализируется конкретный текст (его возникновение, авторство, вхождение в данную область культуры), а в общей Ф. – «общие исторические закономерности пони-

мания и истолкования текстов на фоне развития культуры, прогресса в знаниях и речевом общении, технического прогресса в создании текстов» [Рождественский 1996: 19]. Таким образом, общая Ф. изучает принципы организации словесности, определяемые социальными условиями коммуникации и фактурой (материальным воплощением) текста. Частные Ф. организованы по этнотерриториальному принципу: классическая Ф., изучающая античную словесность, восточная Ф. (ориенталистика, востоковедение), славянская Ф. (славистика, славяноведение), балканская Ф. (балканистика), арабская Ф. (арабистика), тюркская Ф. (тюркология) и т.п. Задача частной Ф. – конкретно-историческое изучение словесности данной этносоциальной или территориальной общности людей в связи с её историей и менталитетом.

2. Ф. – наука о культурном прогрессе человечества, выраженном в способах, принципах и правилах создания текстов (речи, словесных произведений). Филологическое знание показывает, как технологическое развитие фактуры речи влияет на её смысл, позволяя развиваться всем формам общественной культуры, различным видам семиозиса. Как наука о Словесности (см.), Ф. изучает общественно-языковую практику, обращение текстов в их организации и развитии. Обращение текстов включает в себя их создание, передачу, приём и хранение. Развитие общественно-языковой практики определяется в основном развитием фактуры текста, т.е. его материального носителя: звук, письмо, печать, технические и электронные средства информации [Рождественский 1996]. Особенность современной общественно-речевой ситуации состоит в том, что человечество впервые столкнулось с такими сложными формами словесности, как массовая информация, чьё появление рождает новый облик человека, кардинально меняет стиль жизни, формируемый стилем речи. Оптимальное развитие человеческого общества возможно только в том случае, если оно будет опираться на культуру как совокупность нравственных и интеллектуальных достижений человечества.

3. Ф. – наука о классификации всех словесных произведений национально-речевой культуры. Предмет Ф. – тексты всех существующих родов и видов словесности. Было бы недостаточно представлять её задачи только в сфере изучения стиля преимущественно художественного текста. Поскольку «в произведениях слова выражается весь состав культуры общества, **теоретическая задача филологии – построение научной картины культуры, взятой сквозь призму слова**». Если речь является «инструментом общественной организации», то филологическое знание становится «основой компетентного управления обществом» [Волков 2000: 8].

Необходимо изучение истории русской Ф., или филологических словесных наук в России, которое в настоящее время подменено историей русского языкознания с наложением схемы и содержания современного языкознания на реальную историю и содержание тех наук, которые изучались в университетах, гимназиях, лицеях XVIII–XIX столетий. Изучение истории русской Ф. должно вестись как исследование состава «словесных наук», заявленных впервые М.В. Ломоносовым и затем развитых в курсах выдающихся русских учёных-филологов.

Предмет Ф. должен быть ясно отграничен от содержания лингвистики, литературоведения и т.д. Состав терминов Ф. (словесность, её роды, виды и жанры, фактура речи, орудие, материал речи, правила речи и т.д.) существенно отличается от состава терминов лингвистики и литературоведения. Современная Ф. обращена к насущным проблемам общественно-речевой практики нового информационного общества. Цель Ф. – формирование общественной культуры, находящей выражение в слове; описание всех видов современной словесности с выявлением целей, задач, содержания, форм общения, выражения этих форм в различных жанрах речи, стилистического своеобразия текстов.

Ф. как деятельность распадается на два основных вида: исследовательская и учебная, с одной стороны, и практическая, с другой стороны. В обществе наиболее известна Ф. как учебная и научная деятельность, связанная с профессиями преподавателя языка и литературы и научного сотрудника. Однако существует большое количество практических филологических специальностей: переводчик, редактор, корректор, журналист, специалист по связям с общественностью (public relations), референт, секретарь, пресс-секретарь, библиотекарь, работник архива. Серьёзной филологической подготовки требуют все профессии, которые предполагают интенсивное общение с людьми: социальный работник, психолог, менеджер, рекламный агент, политический деятель. Таким образом, современная филология представляет собой не только область знания, но и практическую деятельность, имеющую несомненную общественную значимость.

Лит.: Аверинцев С.С. Филология // Слово-Логос. Словарь: собр. соч. Киев, 2006; **Аннушкин В.И.** Филология – словесность – языкознание в классической русской традиции и современном

научно-педагогическом процессе // К 80-летию Ю.В. Рождественского. М., 2006; **Винокур Г.О.** Введение в изучение филологических наук. М., 2000; **Волков А.А.** Юрий Владимирович Рождественский (10 декабря 1926 – 24 октября 1999) // К 80-летию Ю.В. Рождественского. М., 2000; **Лихачёв Д.С.** О филологии. М., 1989; **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Филология // Словарь русского языка. М., 2005; **Радциг С.И.** Введение в классическую филологию. М., 1965; **Рождественский Ю.В.** Общая филология. М., 1996; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.

В.И. Аннушкин, И.Е. Ким

ФОНИКА. См. **БЛАГОЗВУЧИЕ РЕЧИ**

ФОНОСТИЛИСТИКА – раздел Стилистики (см.), изучающий закономерности функционирования фонетических средств языка в связи с вопросами содержательности звуковой формы, её особенностей, связанных со стилевым строением языка. Звуковая форма текста часто бывает очень содержательна, семантически наполнена, стилистически значима. Так, напр., существуют фонетические особенности устной речи разных типов речевых культур; разговорные произносительные варианты в устной литературной речи, речи средств массовой коммуникации и т.д. Кроме того, существуют специальные стилистические приёмы и способы фонетической организации речи (особенно художественной и прежде всего поэтической), актуализирующие, выявляющие, подчёркивающие или создающие особую взаимосвязь содержания текста и его звучания. К таким приёмам и способам относятся разные формы Звукописи (см.) и Звукоизобразительности (см.), в т.ч. Аллитерация (см.), Ассонанс (см.), Звуковые повторы (см.), а также Анафора (см.), Эпифора (см.), Анадиплозис (см.).

Лит.: **Брызгунова Е.А.** Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984; **Векшин Г.В.** Фоностилистика текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования: ДД. М., 2006; **Векшин Г.В.** К фоностилистике порождения текста (стихотворения А. Пушкина) // Филологические науки. 2005. № 6; **Вещикова И.А.** Разговорные произносительные варианты в устной литературной речи // Русская словесность. 1997. № 1; **Воронин С.В.** Основы фоносемантики. Л., 1982; **Иванова-Лукьянова Г.А.** Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М., 2000; **Сиротинина О.Б.** Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4; **Черемисина-Ениколопова Н.В.** Законы и правила русской интонации. М., 1999. См. также лит. к ст. Аллитерация, Ассонанс, Анадиплозис, Анафора, Звуковой повтор, Звукопись, Звукоизобразительность, Эпифора.

О.Н. Емельянова

ФОРМЫ РЕЧИ. См. **УСТНАЯ РЕЧЬ, ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ**

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ – общее название воспроизводимых в готовом виде словосочетаний и предложений, в которых целостность значения доминирует над раздельностью составляющих компонентов-слов: *золотая молодёжь; смотреть сквозь пальцы; ни два ни полтора; не в свои сани не садись* и др.

Ф. характеризуются относительно постоянным лексическим составом и относительно постоянной грамматической формой. Большинство их обладает экспрессивностью и эмоционально-оценочным значением. Ф. используются в различных функциональных стилях, но чаще всего в разговорной, художественной и публицистической речи. Определяющим свойством Ф. является воспроизводимость, способность извлекаться из памяти подобно отдельному слову. Тем не менее, в структуре значительной части Ф. выделяются постоянные и переменные элементы. Постоянные элементы составляют основу тождества Ф., переменные – создают возможность варьирования. В составе Ф. возможны видоизменения элементов, соотносимых с разными уровнями языка: фонетическим (*сесть в калошу/галошу*); морфонологическим (*читать между строк/строчек; тёплое место/тёпленькое место/местечко*); синтаксическим (*облечь плотью и кровью/в плоть и кровь*); лексико-семантическим (*будто/словно/точно в воду глядел/смотрел; поймать/подцепить на удочку/крючок*); стилистическим (*лезть/переть на рожон*). Кроме того, возможны изменения в количественном составе элементов Ф., не разрушающие его тождества: *пройти сквозь огонь и воду (и медные трубы); разрубить (гордиев)*

узел. Указанные типы варьирования компонентов Ф. соответствуют типам варьирования слова – формального и содержательного. Близость Ф. слову обнаруживается и в наличии одних и тех же типов семантических отношений между Ф.: синонимических и антонимических. Ср.: *петь дифирамбы, возносить до небес, курить филлиам, петь аллилуйю, возводить на пьедестал, поднимать на щит, с одной стороны, и втаптывать в грязь, поливать грязью, обливать помоями, бросать камень, тыкать пальцем, вешать всех собак, бросать тень* – с другой.

Выделяют 4 типа Ф. (в зависимости от степени семантической слитности или аналитичности их значений).

1) Фразеологические сращения – это Ф., значения которых абсолютно не выводимы из значений составляющих их компонентов: *ни в зуб ногой; сидеть на бобах; собаку съест; как пить дать* и др. Фразеологические сращения относятся к Идиомам (см.). При раздельнооформленности компонентов сращения обладают единым грамматическим значением, которое соотносится с определённой частью речи, и выступают в качестве отдельного члена предложения.

2) Фразеологические единства – это Ф., целостное значение которых выводимо из значений слов-компонентов, но не прямо, а через образное представление. Напр., в Ф. *ломиться в открытую дверь* из совокупности значений слов-компонентов складывается образное представление о бессмысленных энергичных действиях, и только через это представление мы понимаем целостное истинное значение данного фразеологизма – ‘доказывать очевидное, против чего никто не спорит’. Ср. также: *сесть в лужу; держать камень за пазухой; первый блин комом; яблоку негде упасть; подливать масла в огонь; держать язык за зубами* и мн. др.

3) Фразеологические сочетания – особый структурно-семантический тип Ф., значения которых выводимы из значений составляющих их компонентов. В состав таких Ф. входят слова со свободными и фразеологически связанными значениями. Фразеологически связанными являются слова, которые сочетаются только с одним или несколькими словами: *утлая ладья, перочинный нож, щекотливый вопрос, смирительная рубашка*. К фразеологическим сочетаниям относятся также Ф. с метафорическим компонентом (словом с переносным значением): *картошка в мундире, хождение по мукам, стрелять глазами, теряться в догадках* и т.п. Фразеологические единства и фразеологические сочетания относят к идиоматическим выражениям (идиомам).

4) Фразеологические выражения – это Ф., целостное значение которых складывается из свободных значений их компонентов: *люди доброй воли, вопросительный знак, заработная плата, центр тяжести*. От свободных словосочетаний эти обороты отличаются двумя основными признаками: воспроизводимостью и устойчивостью лексического состава. Но они не входят в идиоматику языка.

Что касается грамматической формы, то подавляющее большинство Ф. способно к активному формоизменению: *открывать Америку, открываешь Америку, открыть Америку, открыл Америку, открыли Америку* и т.д. Многие Ф. легко изменяют порядок слов: *не оставит камня на камне/каменя на камне не оставит*; допускают дистантное расположение компонентов: *разжигать страсти/разжигать роковые страсти*; некоторые изменяют тип синтаксической конструкции: *вступить в жизнь/вступление в жизнь, жить на два дома/жизнь на два дома*. Постоянной грамматической формой обладает сравнительно небольшая часть Ф.: *без году неделя, кровь с молоком, на босу ногу*. Именно такие Ф. всегда выступают в роли одного и того же члена предложения, в то время как Ф. с изменяемой грамматической формой обычно выступают в роли различных членов предложения.

Традиционно к Ф. относят пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения, клише и др. Их изучением и описанием занимается фразеология – особый раздел лексикологии, а фиксируются и толкуются они в специальных фразеологических словарях, словарях крылатых слов и выражений, сборниках пословиц и поговорок.

«Фразеологич. состав языка – наиболее специфическая для данного языка часть лексикона. Постоянно пополняясь новыми единицами, фразеологич. состав отражает культурно-ист. опыт народа, а также особенности ист. законов развития данного языка» [Телия 1990: 560].

Лит.: Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. Л., 1970; **Виноградов В.В.** Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977; **Лингвистический энциклопедический словарь.** М., 1990; **Ломов А.Г.** Фразеология в творческой лаборатории писателя (на материале драматических произведений А.Н. Островского): ДД. Елец, 1998; **Телия В.Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996; **Шанский Н.М.** Фра-

зеология русского языка. М., 1963; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА. См. ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОРМА

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – ошибки, заключающиеся в отклонении от норм построения и употребления фразеологических единиц как с содержательной, так и с формальной точек зрения. К Ф.о. относят:

1) немотивированное расширение состава фразеологизма в результате употребления уточняющих слов (*из рук вон **плох**, оставляет желать **много** лучшего, расставить **все** точки над *i*, кусать **собственные** локти*);

2) неоправданное сокращение состава фразеологизма в результате пропуска одного или нескольких компонентов (*за рублем* вместо *за длинным рублем*, *ни в какие ворота* вместо *ни в какие ворота не лезет*, *ухо остро* вместо *держат ухо остро*);

3) изменение грамматических форм, употребление которых в устойчивых сочетаниях закреплено традицией (*знакомы шапочно* вместо *шапочное знакомство*, *до костей мозгов* вместо *до мозга костей*, *содомитский грех* вместо *содомский грех*, *царство небесное* вместо *царствие небесное*);

4) искажение лексического состава фразеологизма (*злачное заведение* вместо *злачное место*; *уму **нерастяжимо*** вместо *уму **непостижимо***; *до белого колена* вместо *до белого каления*);

5) контаминация (наложение) фразеологизмов (*оторвут с руками и ногами* вместо *оторвут с руками* и *отдадут с руками и ногами*; *замарать руки в крови* вместо *замарать руки* и *руки в крови*; *взять на себя роль* вместо *взять на себя* и *играть роль*);

6) несоответствие фразеологизма контексту (*Вспоминаю себя в детстве – невинный **божий одуванчик**, наивный цветок*. – ср. **божий одуванчик** – об очень старом человеке; *Я никому не рассказываю о своих неудачах – это мой **секрет Полишинеля***, ср. **секрет Полишинеля** – то, что считается тайной, но в действительности известно всем; мнимая тайна; *Не вноси свою лепту, говори, как есть*, ср. **вносить свою лепту** – принимать посильное участие в каком-либо деле; *Мы купили билеты на премьеру нового фильма первыми и заняли **место под солнцем***. – ср. **место под солнцем** – 1. право на существование. 2. прочное, высокое положение в обществе);

7) стилистическая неуместность использования фразеологического оборота (*когда Диме нужно было вернуть долг, он канул в Лету*, ср. **кануть в Лету** – бесследно исчезнуть, быть забытым (используется в книжной речи); *Известная певица отбросила коньки*, ср. **отбросить коньки** – умереть (просторечное); *Эта злющая псина, испортившая мне немало штанов, наконец ушла в мир иной*, ср. **уходить в мир иной** – умирать (употребляется применительно к человеку).

Для современного массового носителя русского языка характерно слабое знание русской фразеологии и фразеологических словарей русского языка (См. Фразеологические словари).

Лит.: Голуб И.Б. *Стилистика русского языка*. М., 1997; Львов М.Р. *Словарь-справочник по методике русского языка*. М., 1997; Розенталь Д.Э. *Практическая стилистика русского языка*: учебник. М., 1996; Цейтлин С.Н. *Речевые ошибки и их предупреждение*: учеб. пособие. СПб., 1997; Шанский Н.М. *Фразеология современного русского языка*. СПб., 1996.

Е.С. Архипова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ – словари, содержащие устойчивые обороты (фразеологизмы), имеющиеся в русском языке, их толкования, пометы, указывающие на стилистическую окраску того или иного фразеологизма, и сведения о его происхождении.

Устойчивые обороты издавна привлекали к себе внимание составителей толковых словарей. В словаре В.И. Даля, напр., насчитывается несколько десятков тысяч фразеологизмов. В статьях толковых словарей, издававшихся в начале XX в. (П. Стояна, А.Н. Соколова и др.), также содержатся фразеологические обороты.

Словарь М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Своё и чужое», опубликованный в 1903-1904 гг. (переиздан в 1996 и 1997 гг.), был первым изданием, специально посвящённым описанию образных выражений русского языка. Он содержит более 30 тыс. русских фразеологизмов. Хотя многое в этом словаре устарело, он до сих пор остается ценнейшим справочником по части русской фразеологии.

Основным словарём, в котором собраны и объяснены фразеологизмы современного русского языка, является «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова, неоднократно переиздававшийся (6-е изд. М., 2001). В словаре представлено свыше 4 тыс. фразеологических единиц. Даются толкования фразеологизмов, приводятся различные формы и литературные примеры их употребления, в ряде случаев (не везде) даются сведения об их происхождении. Вот как, напр., выглядит статья, описывающая фразеологизм *лебединая песня*:

«**Лебединая песня** (песнь). Последнее, обычно наиболее значительное произведение кого-л.; последнее проявление таланта, способностей и т.п. *Ничего не упомяну о том соусе, который есть лебединая песнь старинного повара* (Н. Гоголь). – От народного поверья, что лебедь поёт один раз в жизни – перед самой смертью».

Современная лексикография располагает и другими Ф.с. Это, напр., «Словарь фразеологических синонимов русского языка», составленный В.П. Жуковым, М.И. Сидоренко и В.Т. Шклярковым (М., 1987); словарь «Фразеологические обороты русского языка» Н.М. Шанского, Е.А. Быстровой и В.И. Зимина (М., 1988); «Школьный фразеологический словарь русского языка. Значение и происхождение словосочетаний» Н.М. Шанского, В.И. Зимина и А.В. Филиппова (М., 1997); «Школьный фразеологический словарь» В.П. Жукова (2-е изд. М., 1989); лингвострановедческий словарь «Русские фразеологизмы» В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко (М., 1990); составленный коллективом авторов под ред. В.Н. Телия словарь-справочник «Словарь образных выражений русского языка» (М., 1995); «Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. Около 7000 словосочетаний» под ред. А.И. Фёдорова (М., 1995); «Русская фразеология. Словарь-справочник», составленный Р.И. Яранцевым (М., 1997); «Универсальный фразеологический словарь русского языка» под ред. Т. Волковой (М., 2001); «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой (М., 2001) и др.

Как видно даже из самих названий этих словарей, они различаются по своим целям и кругу пользователей. Так, в словаре В.П. Жукова отобраны и описаны фразеологизмы, наиболее часто встречающиеся в речевой практике школьника. Словарь В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко может быть полезен не только носителю русского языка, но и иностранцу, изучающему русский язык, поскольку он описывает фразеологизмы с ориентацией на особенности русской культуры и российской действительности (такого лингвострановедческого компонента требует, напр., описание устойчивых оборотов типа *красный угол, на ять, пойти по миру* и под.). Словарь под ред. А.И. Фёдорова охватывает более двух веков истории РЛЯ и содержит богатые текстовые иллюстрации употребления фразеологизмов. Словарь А.К. Бирих, В.М. Мокиенко и Л.И. Степановой содержит подробные сведения об истории и этимологии русских фразеологизмов и т.д.

Ф.с. отражают в себе образный строй русского языка, являются важным подспорьем при работе над культурой речи.

Лит.: Андропова Е.В. Традиционная русская фразеология в языковой личности современных школьников и проблемы создания комплексного учебного фразеологического словаря: КД. Воронеж, 2009; Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: учеб. пособие. М., 2004; Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие. М., 2007; Русский язык: учебник / под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2004; Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996; Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М., 2003.

Л.П. Крысин

ФРАЗОВОЕ УДАРЕНИЕ. См. ЛОГИЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ

ФРАКТАТА (от лат. *frangere* – ‘нарушать, ломать’) – 1. Стилистический приём, представляющий собой какое-л. прецедентное высказывание (или его фрагмент), включённое в текст, иногда в несколько видоизменённом виде без явной логической связи с ним и/или с ситуацией. Прагматическое значение этого приёма состоит в актуализации, экспрессивизации ближайшей части текста, с

которой фрактурируемый прецедентный текст связан ассоциативно или через повтор семантически доминирующих слов. Напр.: *Чуден, конечно, Днепр при тихой погоде, но ещё чуднее последнее решение Конституционного суда в том славном городе, который стоит на этой реке <...> Шановные паны, конституционные судьи, пришли к тому мнению, что Европа нам (в смысле им) не указ. Они отказались признать действие Европейской Хартии, трактующей права языков национальных меньшинств, на территории своей страны* (НезГ. 15.07.2000). Ср. Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои (Н. Гоголь); *Затем рыжий разбойник ухватил за ногу курицу и всей этой курицей плашмя, крепко и страшно так ударил по шее Поплавского, что туловище курицы отскочило, а нога осталась в руках Азazelло. **Всё смешалось в доме Облонских**, как справедливо выразился знаменитый писатель Лев Толстой... Да! Всё смешалось в глазах у Поплавского* (М. Булгаков) (пример из [Хазагероv, Ширина 1999: 279]).

Поскольку во Ф. имеет место отклонение от логической нормы (а именно от закона достаточного основания) и логической связности всех частей высказывания, этот приём следует рассматривать как разновидность Паралогических риторических приёмов (см.). Ф. сравнительно редкий приём, используемый в художественных и публицистических текстах.

2. Иногда Ф. рассматривают как перефразированную цитату, в частности – **коммеморату** (литературную цитату, используемую без указания на источник): *До сих пор на Пятой авениде в ряду бюстов великих сынов трёх Америк вслед за президентом США Линкольном можно увидеть А. Самосу, основателя клана никарагуанских диктаторов. Два года в парламенте идут дебаты о его упразднении, **но бюст и ныне там** (Вокруг света) [Москвин 2007: 803]. Ср.: Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам; / Да только воз и ныне там (И. Крылов).*

В такой трактовке Ф. сближается с приёмом Авторского обновления фразеологизмов и прецедентных текстов (см.).

Лит.: *Культура русской речи:* Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Хазагероv Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ. Знаковость, системность, структурность, функциональность – основные онтологические (сущностные) характеристики языка. Любой объект (общество, человек, предприятие, прибор и т.д.) исправно «работает», функционирует, если каждая составная часть выполняет предназначенную ей роль, задачу в сложной структуре взаимосвязей и взаимозависимостей целого. В Пражской функциональной школе, сформировавшейся в 20-е гг. прошлого века, язык стал пониматься как целенаправленная система, в которой каждый элемент имеет своё назначение, выполняет свою задачу – **функцию**. Это «целевое» (телеологическое) толкование функции восходит к Аристотелю (IV в. до н.э.). Понятие функции шире значения: не все элементы языка имеют значение, но все значимы, имеют своё назначение, свои функции. Итак, **функция – это наименование конкретного задания, выполняемого языком или его единицей, формой всякий раз в процессе речевой реализации или в определённой коммуникативной ситуации.**

Принято различать функции языка и функции речи. Первые – величины постоянные, обязательные, универсальные и проявляются в любом речевом акте, на любом естественном языке. Они образуют закрытое множество, их наименования зафиксированы в лингвистической терминологии. Под языковыми функциями могут пониматься как функции отдельных единиц, элементов, средств выражения языковой системы, так и языка в целом. Первые фиксируют назначение элементов в системе или подсистеме языка. Единицы каждого уровня языковой системы имеют свою основную функцию, отличную от функций единиц других уровней. Основная, обязательная функция единиц низшего яруса, фонем – **смыслоразличительная** (*вол – кол – гол – дол – мол – пол* и т.д.). Единицы следующего, морфемного яруса реализуют **словообразовательные и словоизменительные** функции. Назначение единиц лексемного уровня – **номинативная** функция: давать имена предметам, явлениям, прежде всего, внеязыковой действительности. Единицы высшего, синтаксемного (синтаксического) уровня выполняют **коммуникативную** функцию, реализуя тем самым основное назначение

языка. Основная единица коммуникации – Текст (см.). Реализуя коммуникативную функцию языка, текст выполняет **социальную** функцию – организации межличностного взаимодействия, **системную** – организации акта речевой коммуникации в виде социально закономерной системы, **регулятивную** – управления коммуникативной деятельностью получателя, адресата через восприятие текста.

В качестве **функций языка** чаще всего называют **коммуникативную** (язык – средство общения, обмена информацией); **гносеологическую**, или **когнитивную** (функция познания, формирования мыслей); **(ак)кумулятивную**, или «**накопительную**» (отражение, фиксация и сохранение в единицах словаря и грамматической семантике информации о постигнутой человечеством действительности); **этническую** (язык – средство идентификации и объединения представителей одного народа); **метаязыковую** (метаязык – «язык о языке»: язык – единственная знаковая система, способная описывать себя своими же средствами). Целесообразно выделить также **креативную** функцию языка, обеспечивающую вариативность выражения. Креативность – уникальное свойство языка. Именно вариативность способов выражения делает естественный человеческий язык уникальным феноменом, служит основой художественной выразительности, языковой игры, неповторимости языковых личностей.

Функции речи – величины переменные, они факультативны, образуют открытое множество и получают своё наименование в процессе филологического анализа. Это смысловые и коммуникативно-прагматические эффекты, возникающие в процессе порождения речи в результате целенаправленной, реже неосознанной лингвокреативной деятельности производителя речи путём отбора, комбинирования, композиции единиц языка, использования Тропов (см.), Стилистических приёмов (см.), приёмов Языковой игры (см.) и т.п. Эти функции реализуются в конкретных текстах в соответствии с авторским замыслом. Они окказиональны. Их эффективность зависит от степени владения автором выразительными ресурсами языка, умения манипулировать ими для достижения определённых целей с учётом сферы использования языка.

Система функций языка/речи по отношению к структуре речевого акта была предложена К. Бюлером и расширена Р.О. Jakobsonом. Установка на предмет речи даёт **референтивную** (номинативную/денотативную/когнитивную) функцию; на адресанта – **эмотивную** (эмоционально-экспрессивную); на адресата – **конативную** (звательную-вокативную/призывно-побудительную/апеллятивную); на контакт – **фатическую** (контактоустанавливающие, контактопродолжающие и контактопрерывающие высказывания: приветствия, прощания, сигналы внимания); на само сообщение – **поэтическую**, или **эстетическую**; на код общения – **метаязыковую** (поиск путей взаимопонимания, особенно в общении с людьми, недостаточно владеющими языком или предметом общения: вопросы о значении слов, смысле высказывания и пр.). Упоминается также **магическая**, или **заклинательная** функция (в текстах – заговорах, молитвах, клятвах и т.п., связанных с верой в магическую силу слова, отождествляющих слово и называемую ими вещь).

Наряду с телеологическим существует другое, «каузальное» понимание функции, восходящее к Лейбницу (XVII в.) и принятое в математике, – как зависимость одного явления от другого.

Лит.: **Авrorин В.А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975; **Бюлер К.** Репрезентативная функция языка. М., 1994; **Вишнякова О.Д.** Функциональные особенности языкового знака в языке и речи: на материале современного английского языка: ДД. М., 2003; **Леонтьев А.А.** Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. М., 1974; **Мечковская Н.Б.** Социальная лингвистика. М., 1996; **Слюсарева Н.А.** Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981; **Jakobson Р.О.** Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

А.А. Бернацкая

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ. СМ. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЯЗЫКА. СМ. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА, или **УЧЕНИЕ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ**, – одно из центральных направлений стилистики, изучающее закономерности функциони-

рования языка в различных сферах речевого общения, соответствующих тем или иным разновидностям деятельности и представляющих прежде всего функциональные стили, а также их более частные разновидности и стилевые особенности этих разновидностей речи – специфику, речевую системность, стилевые нормы – с учётом их экстралингвистических стилеобразующих факторов.

Отличительной чертой этого направления исследований является изучение не структуры языка, но использования его в реальных актах речевого общения, что зависит не столько от строя языка, сколько от экстралингвистических (внелингвистических) факторов: от сферы общения, вида деятельности, формы общественного сознания, типа мышления, целей и задач общения, типа содержания, жанра и мн. др., определяющих закономерности функционирования языка в указанных выше разновидностях, их специфику и стилистико-речевую системность.

Поскольку именно экстралингвистические стилеобразующие факторы «дирижируют» закономерностями функционирования языка в речи и формированием специфики и речевой организации функциональных стилей и их внутренних разновидностей, обусловленных экстралингвистической основой последних, постольку встаёт вопрос о специальном изучении связей этих факторов с особенностями речи и их влияния на образование стилевой системы речевых разновидностей. Это в свою очередь требует изучения самих экстралингвистических факторов, т.е. выхода анализа за пределы «чистой» лингвистики в область смежных научных дисциплин. Поэтому привлечение знаний таких дисциплин, как психолингвистика и лингвосоциопсихология, психология, логика, теория коммуникации, прагматика, науковедение и др., оказалось необходимым и плодотворным при изучении многих вопросов Ф.с. Изучение динамики языка в социокультурном пространстве сближает Ф.с. с теорией и практикой дискурсного анализа, а по времени предвосхитило последний.

На указанной выше основе в последнее время обозначился ряд перспективных проблем и появились интересные исследования в плане деятельностного аспекта языка в процессах его использования и создания своеобразия того или иного стиля и жанровой разновидности. Ф.с. все теснее смыкается с прагмалингвистикой, лингвосоциопсихологией, теорией речевых актов и теорией речевого общения, т.е. дисциплинами коммуникативного речеведческого плана. Таким образом, Ф.с. сыграла приоритетную роль в повороте от статики языкознания к его функциональной динамике, способствовала расширению современных исследований речи в разных аспектах.

Итак, Ф.с. изучает проблемы образования в литературном языке исторически сложившихся разновидностей – функциональных стилей, их внутренней дифференциации и взаимовлияния, закономерности использования языковых средств в различных сферах общения, речевую организацию и композиционно-текстовую структуру функциональных стилей, т.е. взаимосвязи языковых средств на текстовой плоскости того или иного функционального стиля, обусловленные экстралингвистическими факторами последнего, состав этих факторов и их стилеобразующую значимость, принципы стилевого развёртывания текста, т.е. его ядерную (центральную) «зону» и периферийную вплоть до явлений пересечения стилей и др. вопросы. Ф.с. представляет собой разветвлённую сеть направлений исследования, включая в себя стилистику текста, диахроническую, сопоставительную и др. На данные Ф.с. ориентируется практическая стилистика, становящаяся всё более функциональной, и культура речи. Знание Ф.с. позволяет в соответствии со стилевыми нормами и спецификой функциональных стилей использовать языковые средства и строить текст.

Хотя истоки функционализма в лингвистике относятся к работам классиков языкознания В. Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртене, применительно к лингвистилистике – к трудам Ш. Балли и особенно к идеям Пражского лингвистического кружка, своё оформление в России Ф.с. как особая научная дисциплина, восходя к трудам Г.О. Винокура, В.В. Виноградова и др., получила лишь в 50–60 гг. XX в.

Лит.: Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка: общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль. М., 2005; Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1; Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990; Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.,

1968; **Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка**. Лексика. Саратов, 1983; **Разинкина Н.М.** Функциональная стилистика. М., 1986; **Салимовский В.А.** Жанры речи в функционально-стилистическом освещении: русский научный академический текст: ДД. Екатеринбург, 2002; **Шмелёв Д.Н.** Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

М.Н. Кожина

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ РЕЧИ – коммуникативно обусловленные и характеризующиеся речевой системностью типизированные разновидности монологической речи, к числу которых традиционно относят Описание (см.), Повествование (см.) и Рассуждение (см.). В истории развития риторики, поэтики, стилистики они имели разные названия: способы изложения, словесно-стилевые единства, композиционно-речевые формы и др. Термин «Ф.-с.т.р.» введён в научное обращение О.А. Нечаевой (1974).

Ф.-с.т.р. различаются между собой по коммуникативно-прагматической функции, типу логического содержания, структуре, используемому набору языковых средств. Описание реализует задачу автора представить предметы в их качественной определённости путём перечисления их признаков; повествование – передать последовательность событий (эти типы речи объединяются в группу представляющих, по классификации В.В. Одинцова); рассуждение – убедить читателя в существовании причинно-следственных связей между явлениями. С общим значением синхронности в описании, диахронности в повествовании, каузальности в рассуждении связаны структурно-композиционные характеристики Ф.-с.т.р.

При объединении в группу предложений, представляющих определённый Ф.-с.т.р., существенную, структурообразующую роль играет видо-временное соотношение глаголов в тексте. Значение синхронности выражается обычно глаголами несовершенного вида (чаще всего настоящего или прошедшего времени). Благодаря их «непредельности» создаётся некая длительность действий, которая и позволяет последним быть одновременными. Глаголы совершенного вида выражают значение недлительности, сменяемости действий, что и соответствует повествованию. Движение во времени может выражаться сменой форм времени глагола. Перечислительный смысл описательного текста передается обычно параллельной связью предложений, в повествовании последовательно происходящие события выражаются с помощью цепной связи.

Рассуждение состоит из цепи взаимообусловленных суждений. Показателем тесной каузальной связи является ярко выраженная синсемантика самостоятельных предложений, высокая употребительность логических маркеров: вводных слов *следовательно, итак, таким образом*, наречий со значением следствия, вывода *поэтому, потому, отсюда, тогда*, подчинительных союзов *так как, поскольку, потому что, так что* и др.

Ф.-с.т.р. имеют различные модификации. По структуре они могут быть «классическими» (близкими к типу), смешанными, вариационными; подвергаются изменениям в зависимости от предметно-тематического содержания произведения, функционального стиля, жанра, индивидуальной манеры автора.

Традиционная классификация типов речи возникла в рамках древней риторики и включает наиболее общие разновидности речи, чётко различающиеся своими сущностными признаками. В 70–90-е гг. XX в. специальное обращение лингвистов к проблеме Ф.-с.т.р., привлечение в качестве объекта исследования текстов различных функциональных разновидностей языка привело как к выделению новых типов речи, напр. констатации и Предписания (см.), характерных прежде всего для официально-делового стиля, так и к вычленению подтипов внутри каждого Ф.-с.т.р. (см., напр., подтипы рассуждения).

Функционирование типов речи в стилевых разновидностях современного РЛЯ отражает своеобразие задач коммуникации в соответствующих сферах. **В художественных текстах** преобладает повествование, оформляющее рассказ о событиях, система которых составляет сюжет произведения; широко представлено описание (пейзаж, портрет и т.д.). **В научных текстах** ведущими Ф.-с.т.р. являются описание (статическое и динамическое) и рассуждение (собственно рассуждение, доказательство, объяснение и др.). Первое служит для изображения внешних признаков объекта исследования,

т.е. для непосредственного отражения объективной действительности, что относится к воплощению результатов эмпирического исследования. Второе используется для отражения скрытых связей и закономерностей развития объектов, т.е. выражает результаты теоретического познания. Реализация традиционных коммуникативных задач **публицистики** – информирования и убеждающего воздействия – предопределяет преимущественное функционирование в публицистических текстах повествования и рассуждения. Последнего – главным образом в виде доказательства, но отличного от доказательства научного, осуществляемого с помощью строгих логических процедур: в публицистическом тексте аргументация строится на представляющей общественный интерес фактологической информации. **В официально-деловой речи** доминирующее положение занимает предписание, что связано с реализацией в тексте основной стилевой черты – императивности, обусловленной регуляторной функцией права.

Лит.: Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1983; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982; Нечаева О.А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. Улан-Удэ, 1999; Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974; Трошева Т.Б., Пузикова З.Г. Функционально-стилевые варианты доказательства в современном русском языке. Пермь, 2008.

Т.Б. Трошева

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА. См. КОННОТАЦИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ, или **ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЯЗЫКА**, – исторически сложившаяся, общественно осознанная речевая разновидность, обладающая специфическим характером, образовавшаяся в результате реализации особых принципов отбора и сочетания языковых средств в той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определённой формой общественного сознания (наука, искусство, право и т.д.). Обычно Ф.с. называют саму разновидность ЛЯ, тогда как собственно стиль представляет собою свойство, специфический характер речи этой разновидности. Ф.с. – явление ЛЯ, в котором выделяют научный, публицистический (или газетно-публицистический), официально-деловой (законодательный), разговорный (обиходно-разговорный), художественный, религиозный Ф.с.

Каждый Ф.с. создаётся под воздействием внелингвистических стилеобразующих факторов. В числе базовых оказываются, кроме упомянутых выше (формы общественного сознания и соответствующего вида деятельности), такие факторы, как **тип мышления** (логико-понятийное, образное и т.д.), общая **цель общения** в данной сфере, обусловленная назначением в социуме указанных видов деятельности, **тип содержания** (различающийся в разных сферах), типовая (базовая) **ситуация** (официальная/неофициальная) и нек. др.

Стилевая специфика Ф.с., обусловленная внелингвистическими стилеобразующими факторами, создаётся в каждом из них не столько за счёт готовых стилистически окрашенных единиц языка, сколько за счёт своих закономерностей функционирования (в т.ч. статистических) языковых средств, принципов их отбора и сочетания. В результате этого каждый Ф.с. обладает своей речевой (текстовой) организацией, иначе – стилистико-речевой системностью. Она представляет собою взаимосвязь языковых и текстовых единиц в конкретной речевой разновидности, основанную на выполнении единой коммуникативной цели и общей функции, обусловленной комплексом внелингвистических факторов. Это взаимосвязь на текстовой плоскости, в самой организации речи.

Ф.с. характеризуется стилевыми чертами, но его специфика формируется под действием определённой доминанты (иначе – конструктивного принципа). Напр., у научного стиля доминирующей чертой является единство отвлечённо-обобщённости и подчёркнутой логичности как выражение коммуникативно-познавательной деятельности; у официально-делового – императивность, иначе – предписующе-долженствующий характер речи, обусловленный регуляторной функцией права; у публицистического – соединение экспрессии и стандарта как выражение информативной и воздействующей (включающей социальную оценку) функций.

Ф.с. не является монолитным. Напр., научный Ф.с. подразделяется на **подстили**: собственно научный (ориентированный на учёных), учебно-научный (с дополнительной целью – обучения учащихся), научно-популярный. При этом во всех подстилях сохраняются черты научной речи. Однако если в первом (из названных подстилей) эти черты выступают в наиболее полном и чистом виде, представляющем ядро данного Ф.с., то в последующих, в связи с появлением дополнительных коммуникативных ориентаций, стиль речи видоизменяется. Кроме того, каждый Ф.с. представлен совокупностью **жанров**; напр., в научном выделяются статья, монография, диссертация, рецензия, учебник, лекция, реферат и др.; в публицистическом – репортаж, интервью, очерк, заметка, фельетон и др.; в офиц.-деловом – закон, указ, протокол, приказ, справка, заявление и др. Таким образом, Ф.с. представляет собою весьма сложную структуру. А с учётом взаимодействия стилей в реальной речи целесообразно выделять центр (ядро) каждого Ф.с. и его периферию вплоть до пограничных «областей» и зон пересечения Ф.с.

Ф.с. – явление историческое и социальное; становление их и развитие связано с изменениями социально-культурных условий жизни общества и использования языка. Ф.с. – существенный признак ЛЯ, поскольку историческое развитие последнего связано с расширением его функций и тем самым формированием различных Ф.с. Каждый Ф.с. обладает специфической речевой системностью, обнаруживающейся в тексте: стиль, таким образом, выступает как свойство текста.

Ф.с. по-разному реализуются в письменной и устной формах.

Лит.: Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике. Научный стиль речи. М., 1976; **Васильева А.Н.** Курс лекций по стилистике русского языка: общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль. М., 2005; **Виноградов В.В.** Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1; **Виноградов В.В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; **Винокур Г.О.** О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959; **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Головин Б.Н.** Основы культуры речи. М., 1980; **Кожин Н.А., Крылова О.А., Одинцов В.В.** Функциональные типы русской речи. М., 1982; **Кожина М.Н.** К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968; **Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.** Стилистика русского языка. М., 2008; **Костомаров В.Г.** Русский язык на газетной полосе. М., 1971; **Костомаров В.Г.** Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005; **Матвеева Т.В.** Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990; **Морова О.Л.** Средства речевого контакта в различных функциональных стилях: на материале русского и английского языков: КД. Саратов, 1997; **Развитие функциональных стилей современного русского языка.** М., 1968; **Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка.** Лексика. Саратов, 1983; **Функциональные стили и формы речи** / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов, 1993.

М.Н. Кожина

ХАРАКТЕРИСТИКА – официальный документ, содержащий отзыв, заключение о чьих-л. деловых и моральных качествах, проявляющихся в учебной и/или трудовой, общественной деятельности. Х. выдаёт администрация учреждения, организации, предприятия в ряде ситуаций: при продвижении на выборные должности, при избрании по конкурсу на работу (производственная Х. работника/сотрудника), при прохождении ознакомительной, производственной или преддипломной практики (Х. с места практики), по запросу сторонних организаций – военкомата, полиции, ГИБДД, суда (Х. с места работы/учёбы), напр., Х. учащегося или группы учащихся.

Х. может быть оформлена на общем бланке формата А4. Она имеет следующие реквизиты: название вида документа (ХАРАКТЕРИСТИКА); указание должности лица, которому выдаётся характеристика; наименование организации и имя, отчество и фамилия сотрудника, выдающего Х.; текст; подписи; печать.

Композиционные части Х. (на примере распространённого типа Х. – с места работы, или производственной Х.): 1) анкетные данные, следующие за названием документа: имя, отчество, фамилия, должность, учёная степень и звание (если есть), год рождения, образование сотрудника; 2) данные о трудовой деятельности (специальность, продолжительность работы на данном предприятии или в организации, продвижение по службе, уровень профессионального мастерства и т.п.); 3) собственно

X, т.е. оценка морально-психологических и деловых качеств сотрудника: отношение к работе, повышение профессионального уровня, участие в общественной деятельности организации, отношения с коллегами, отзывы коллектива предприятия, награды и достижения в профессиональной сфере; 4) целевое назначение X. (для предъявления в какое учреждение, предприятие она выдана).

Текст X. излагается от третьего лица. X. составляется представителем администрации и подписывается руководителем предприятия, заверяется печатью. Лицо, подписавшее характеристику, несёт ответственность за её достоверность. Пример X.:

В ГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»

ХАРАКТЕРИСТИКА

Светлова Марина Николаевна работала в ОАО «Издательство “Луч”» с 02.04.2001 по 09.12.2004 в должности старшего корректора. В её обязанности входило следующее: вычитка отредактированных рукописей, чтение корректурных оттисков, проверка соответствия набранного текста оригиналу, проверка комплектности рукописей, обеспечение унификации и правильности оформления текста и других элементов издания.

За время работы М. Н. Светлова зарекомендовала себя высококвалифицированным специалистом, к исполнению служебных обязанностей относилась ответственно и добросовестно. М. Н. Светлова дисциплинирована, постоянно повышает свой профессиональный уровень. В 2003 г. она окончила курсы повышения квалификации при Московском государственном университете печати.

М. Н. Светлова доброжелательна, коммуникабельна, пользовалась заслуженным уважением сотрудников издательства «Луч».

09.12.2004

Генеральный директор

ОАО «Издательство “Луч”»

(подпись) Е. А. Коробов

Лит.: Кирсанова М.В. Современное делопроизводство. М.; Новосибирск, 2003; Лопатникова Е.А. Делопроизводство: образцы документов с комментариями. М., 2005; **Образцы и шаблоны документов.** URL: www.working-papers.ru/obrazets-harakteristiki.html

Ю.И. Борисенко

ХИА́ЗМ (от др.-греч. χιασμός – ‘крестообразное расположение в виде греческой буквы χ’) – это сложная синтаксическая фигура, самый известный пример которой приведён в анонимной «Риторике для Геренния» (I в. до н.э.): *Надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть*. Из-за сложности этой фигуры (в неё входят синтаксический параллелизм, инверсия, повтор, антитеза) существует множество различных её определений. Самое простое предлагает П. Бакри: он называет X. перекрёстное расположение двух синтаксических отрезков (АВ-ВА), которое соединяет в центре, с одной стороны, и по краям, с другой стороны, элементы, имеющие одинаковую природу или выполняющие одну и ту же функцию. Начиная с античности эта фигура называлась по-разному – «антиметабола», «антиметалепсия», «антиметатеза», «коммутация». Термин «X.» вошёл в обиход только с XIX в. Различают три разновидности X.:

1) **простой синтаксический X.**, для которого обязательна лишь полная инверсия в сочетании с синтаксическим параллелизмом: *Как кожан чемадан! Как денежка бумажна!* (Л. Лосев). Вариантом простого синтаксического X. является **эпанод** – повторение слов в предложении в обратном порядке: *В протоколе пункт один, / Как железный стержень – / Что задержан гражданин, / Гражданин задержан* (И. Елагин);

2) **семантически осложнённый X.**, в котором к инверсии и синтаксическому параллелизму добавляются ещё два обязательных признака – двойной лексический повтор инвертируемых элементов и обмен синтаксическими функциями: – *С добрым утром, Бог, – говорит Бах. / – С добрым утром, Бах, – говорит Бог.* (А. Галич);

3) **хиастический каламбур**, который сочетает с признаками, характеризующими первые два вида, изменение значения в одном из повторяющихся слов: *День прошёл по примеру многих, / И опять на исходе дня / Я сижу, подводя итоги, / А итоги подводят меня* (Ф. Кривин). В хиастическом каламбуре в качестве элемента, обеспечивающего языковую игру, могут выступать окказионализмы:

И Пастернак отпастерначил, / Оттвардовал Твардовский. / И мелкий бес кривляться начал / В своей игре бесовской (Д. Самойлов).

Х. представляет собой универсалию, которая реализуется во всех функциональных стилях, кроме административного, в любых жанровых формах. Это могут быть фольклорные формы: скороговорка (*Дрова на траве, трава на дворе*), пословица (*Молодец против овец, а против молодца и сам овца*), ходячая шутка (*Два случая облысения – глупые волосы вылезают из умной головы и умные волосы вылезают из глупой головы*). Х. эффективно используется в публицистическом и научном стиле и как элемент художественной речи. Его можно встретить в научном труде (*Пушкин был человек в поэзии и поэт в жизни*. Ю. Лотман), в газетном заголовке (*Искусство памяти и память искусства*. Д. Лихачёв), в рекламе (*Лечиться даром – даром лечиться*), в афоризме (*Мы больше страдаем от недостатка сердечности, чем от сердечной недостаточности*. Ю. Шанин) или квазиафоризме, так называемой фразке (*Надо всегда быть самим собой. Конь и без улана конь. Улан без коня – просто человек*. Ежи Лец), в парадоксе (*Ещё о теории относительности: час с девушкой кажется минутой, а минута на горячей сковородке кажется часом*. А. Эйнштейн).

Х. легко входит в поэзию любого характера – в басню (*Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник*. И. Крылов), в медитативную лирику (*Только песне нужна красота, / Красоте же и песни не надо*. А. Фет), в гражданскую лирику (*Все рядком лежат, – / Не развесть межой. / Поглядеть – солдат! / Где свой, где чужой? / Белым был – красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был – белым стал. / Смерть побелила*. М. Цветаева), в любовную лирику (*Мне без тебя так трудно жить. / Всё неуютно, всё тревожит... / Ты мир не можешь заменить!.. / Но ведь и он тебя не может...* Н. Коржавин), в юмореску («В библиотеке». *Мышка под книжкой / С книжкой под мышкой*. М. Яснов).

И в прозе Х. находит своё место – в назидательной гноме (*Добро, которое служит злу, становится злом. Но зло, которое служит добру, добром не становится*. Ф. Кривин), в юмористической миниатюре (*Мужчины, женитесь! Женщины, мужайтесь!* А. Кнышев) и других текстуальных формах.

Яркая форма Х., обращая на себя внимание, делает высказывание легко запоминающимся.

Лит.: **Береговская Э.М.** Лингвистическая природа хиазма // Синтаксическая структура простого предложения. Смоленск, 1979; **Береговская Э.М.** К теории фигур: семантико-функциональная характеристика хиазма // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 43. № 3. М., 1984; **Кузнецова А.А.** Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке: КД. Кемерово, 2003; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные статьи. М., 1996; **Норман Б.Ю.** Хиазм в структуре славянской речи: предпосылки, функции и следствия // Slavistica revija. Любляна, 49/2001. № 4; **Сковородников А.П.** Эпанод // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Соловьёва В.С.** Хиазм в творчестве А. Блока: АКД. М., 1982; **Хан А.** Колодец творческой памяти (композиционно-смысловая роль хиазма в стихотворении Анны Ахматовой «Как белый камень в глубине колодца») // Русская филология: учёные записки Смоленского гос. пед. ун-та. Т. 8. Смоленск, 2004.

Э.М. Береговская

ХОРОШАЯ РЕЧЬ – это не просто правильная, точная, выразительная, понятная адресату речь (см. Коммуникативные качества речи) – эти качества хорошей речи выдвинуты и обоснованы ещё Б.Н. Головиным [Головин 1988], она противопоставлена плохой речи как неправильной, неточной, нецелесообразной в **данной конкретной ситуации** или в данной форме (письменной или устной), непонятной **конкретному адресату** и т.д. При этом судить о том, хорошая это речь или плохая вне знания её конкретных целей, конкретного адресата и конкретной ситуации невозможно. Хорошей в условиях сельского общения может быть и неправильная с точки зрения литературных норм диалектная речь, а плохой из-за её непонятности литературная, но, напр., чрезмерно книжная речь.

Хорошей или плохой может быть речь носителя любого типа речевой культуры (см. Типы речевой культуры), но вероятность появления хорошей речи наиболее высока у носителя полнофункционального типа речевой культуры, т.к. у него больше возможностей для точной, понятной, выразительной и правильной реализации своего замысла, а наиболее низкая в сфере действия литературного языка – у носителя обиходного типа, у которого продуцирование Х.р. ограничено бытовым общением, а в ситуациях официального общения, монолога такой человек беспомощен в создании Х.р. Очень значимы для признания речи хорошей критерии этичности речи и её соответствия нужному в данной ситуации функциональному стилю (см. Культура речи). Так, напр., точность речи необходима прежде всего в официально-деловом стиле, выразительность – в художественном, а логика обобщений при точности терминов – в научном.

Лит.: Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988; Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // Активные языковые процессы конца XX века. М., 2000; Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001.

М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина

ХРИ́Я (от др.-греч. χρεία – ‘польза, пользование’) – модель построения речи (ораторского выступления, учебного сочинения, рассуждения, доказательства), показывающая способы развития содержания речи. Х. применялась в классическом обучении риторике как проверенный способ составления речей, образец доказательства тезиса (афоризма), в котором развитие мысли происходит в определённом порядке. Х. является классическим методом рассуждения и построения ораторского монолога, призванным дисциплинировать ум через упорядочение речи.

Х. можно рассматривать как частную комбинацию общих мест (топосов), которые использовались для изобретения и расположения речи. Традиционный порядок Х. таков: 1) приступ (вступление). Во вступлении нередко указывалось на лицо, которому принадлежит данная мысль; 2) определение, или ясное и точное толкование тезиса (положения), экспликация, парафразис; 3) причина, объясняющая, почему данное положение верно; 4) опровержение, т.е. доказательство от противного (почему противоположная мысль неверна); 5) сравнение (пояснение мысли-тезиса сравнением или уподоблением); 6) пример (подтверждение мысли примером); 7) свидетельство (подтверждение данного положения мыслью из авторитетного источника); 8) заключение (вывод).

Приведённый порядок расположения топосов (от общего к частному, от тезиса к доводам) также может быть назван строгой Х., в то время как возможен и обратный порядок – от частного к общему, от разбора отдельных доводов к тезису или выводу (последним способом пользовался Сократ в своих диалогах с учениками). Последний способ называется обратной (индуктивной) Х. (см. [Михальская 2002: 219–228]).

Сборники Х. были популярны в античных школах риторики; древнейшие из них составлены риториками Гермогеном и Афтонием. В классической русской школе при обучении риторике и словесности учили писать по Х. – так оттачивали своё мастерство и М.В. Ломоносов, и А.С. Пушкин, и Н.В. Гоголь. «Хрия есть слово, которое изъясняет и доказывает краткую, нравоучительную речь или действие какого великого человека» [Ломоносов 1952: 295–296]. Даже после выведения риторики из состава преподавания лучшие учителя-словесники, по-видимому, использовали Х. как модель написания сочинения – см. школьное сочинение А.Ф. Лосева, написанное в начале XX в. и опубликованное в кн. [Михальская 2002: 238–244].

В то же время Х. справедливо критиковалась при формально рассудочном следовании композиционному порядку, заведённому в ней, поскольку всякое развитие содержания речи предполагает творческое воображение, вдохновение и уместность в расположении её частей. Речь может начинаться с самых разных частей: и с примера, и с афоризма, и со сравнения, и с объяснения причины, но педагогическая сила Х. состояла в том, что она учила начинающего оратора или писателя систематическому мышлению и позволяла полностью исчерпать предмет, о котором говорилось в речи.

Х. и в сегодняшнем обучении риторике и хорошей речи остаётся своеобразным упражнением для ученика, овладевающего проверенными способами построения доказательства или рассуждения. Темой Х. избирается обычно какое-л. изречение, либо афоризм, либо пословица. В сущности же это может быть любое положение, которое предстоит доказать и применить к нему рекомендуемые топо-

сы (смысловые модели или части речи). Примеры того, как творчески развивалась авторская мысль в примерах-рассуждениях при построении Х. в лучших учебниках словесности и риторики XIX в., показывают, какой простор для воспитания хорошего вкуса давало правильно организованное обучение. Так, одним из приёмов в составлении речей-сочинений у риториков-старообрядцев было написание на полях названия топоса («места»), а сама речь развивалась творчески по исчисляемым топосам. При этом, конечно, многое зависело от «идеологии» текста и стиля речи, избранного автором.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Экспресс-курс. М., 2007; **Аннушкин В.И.** История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002; **Античные риторики** / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978; **Волков А.А.** Основы русской риторики. М., 1996; **Граудина Л.К.** Русская риторика. М., 2001; **Ломоносов М.В.** Краткое руководство к красноречию. Ломоносов М.В. Полное собр. соч. Т. VII. М., 1952; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово. М., 2002; **Ушакова К.М.** Терминология русской риторики как учения о речи: КД. М., 2009.

В.И. Аннушкин

ХРОНОТЁЗИЯ. См. **ГИСТЕРОН-ПРОТЕРОН (ГИСТЕРОПРОТЕРОН)**

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ. См. **ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ. См. **РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ. См. **ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ЦЕПНОЙ ПОВТОР. См. **АНАДИПЛОЗИС**

ЦЕРКОВНОЕ КРАСНОРЁЧИЕ. См. **ГОМИЛЕТИКА**

ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ, или **РЕЛИГИОЗНО-ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ**, – один из функциональных стилей кодифицированного литературного языка. Обслуживает церковно-религиозную сферу. Близок к Публицистическому стилю (см.), т.к. в нём язык используется в своей агитационной функции: проповедуя слово Божие, священники стремятся воздействовать на сознание слушателей и убеждать их в существовании непреложных религиозных истин, которыми должен руководствоваться человек в повседневной жизни. Однако, в отличие от публицистики, здесь используются не просто экспрессивно окрашенные лексические и фразеологические средства, а слова и выражения, принадлежащие высокому стилю, нередко архаичные (и благодаря этому возвышенно-торжественные): *благодарение, благодать, благоденствие, боговдохновенный, дарованный, ибо, дабы, призреть, пришествие, тщица, уповать* и т.п., некоторые устарелые формы слов: *отче, сыне, Божие, диакон, изыди, пред* (вместо *перед*), *древо* и др., формы, свидетельствующие о прямом обращении говорящего к слушающим: местоимения 2-го лица *ты* (и *Ты*, если это обращение к Богу), *вы*, формы повелительного наклонения глагола и нек. др.

В синтаксисе характерными чертами являются, напр., такие, как постпозиция согласованного определения: *слово Божие, род человеческий, Царь Небесный* и т.п., нанизывание однотипных конструкций, что усиливает воздействие высказывания, напр.: *Самые большие знамения, самые удивительные чудеса никогда не могли поколебать сердце, которое ожесточилось, которое замкнулось в себе, которое отказалось от веры, не желало верить* (из проповеди).

Ц.-р.с. жанрово многообразен; в нём выделяются такие речевые жанры, как поучение, молитва, притча, исповедь, проповедь. Жанрово различаются и виды текстов богослужения: (акафист, ектеня, псалом) и тексты богословской литературы. Несомненным стилистическим и жанровым своеобразием (даже в самых современных переводах) отличается главная книга христианства – Библия, совмещающая в своих текстах черты различных речевых жанров Ц.-р.с.

Образцы Ц.-р.с.:

1) Поучение: *Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца нашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не*

труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая. Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Евангелие от Матфея 6, 1 – 4);

2) Молитва: *Отче наш, суший на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, и на небе; Хлеб наш насущный дай нам на сей день; И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.* (Евангелие от Матфея 6, 9 – 13).

3) Проповедь: *Мы гости в этом мире. Мы гости на короткое, на очень короткое время, пришедшие из тайны и уходящие в тайну. Но Господь открывает нам, что эта короткая жизнь имеет для нас огромное значение, потому что она есть школа вечности. Здесь наша душа, наша личность, наша совесть – всё, что есть в нас божественного, всё это здесь растёт и воспитывается.*

И как страшно человеку, который промотал своё время, потратил его на пустяки, на вещи ничтожные и жалкие. Он оборачивается, и оказывается, жизнь уже прошла в мелочных заботах, в пустой, бесплодной болтовне, в каких-то ложных делах, о которых, может быть, не стоило и думать, – время проходит.

Есть слова: убить время. Правильные слова, хотя и страшные. Потому что время – это наша жизнь. И если мы убиваем, напрасно тратим время, мы убиваем свою собственную жизнь. Проверяйте себя, думайте об этом, старайтесь, чтобы ничто не проходило напрасно, в праздности, в бесполезности, в бездарности (из проповеди протоиерея Александра Меня).

Лит.: Гольберг И.М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты: КД. М., 2002; Звездин Д.А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка: КД. Челябинск, 2012; Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Сб. памяти Т.Г. Винокур. М., 1996; Розанова Н.Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003; Складневская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.

Л.П. Крысин

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ. См. СЛАВЯНИЗМЫ

ЦИТАТА (от лат. citāre – ‘приводить, провозглашать’) – дословное воспроизведение Чужой речи (см.) (чаще её фрагмента – комплекса предложений, предложения, реже – словосочетания или слова); в письменной речи формально выделенной специальными маркерами (кавычками, курсивом), в устной речи – интонацией; обычно сопровождаемой указанием на источник и/или автора. В письменной речи указание на авторство и источник могут отсутствовать, но графическое выделение Ц. в таком случае обязательно. В системе форм чужой речи такая Ц. находится на границе с реминисценцией, передающей на письме чужую речь без кавычек. Ср.: *Кто «хотел бы жить и умереть в Париже», кто покорить его, кто просто побывать* (НГ. 3–6.02.2000) – слова, взятые в кавычки, являются Ц. из стихотворения В. Маяковского «Прощанье»: *Я хотел бы жить и умереть в Париже, / Если б не было такой земли – Москва; Ясно же, что наша империя органичнее, любовнее, правильнее и справедливее! Не поймёт и не приметит гордый взор иноплеменный, что сквозит и тайно светит в красоте её смиренной* (ЛГ. 2007. № 37) – выделенная часть текста – реминисценция несколько видоизменённой строфы из стих. Ф. Тютчева «Эти бедные селенья...»: *Не поймёт и не заметит / Гордый взор иноплеменный, / Что сквозит и тайно светит / В нагоде твоей смиренной.*

Неполнота оформления Ц., как правило, не допускается в научных и официально-деловых текстах, которые требуют особой точности при воспроизведении чужой речи. В устной речи Ц. «вводится с помощью специальных связок (цитирую, позвольте процитировать, дословно было сказано следующее и др.), нередко открыто обозначается и завершение Ц. (комментирующая вставка: *конец цитаты*)» [Матвеева 2010: 529].

Приведённое определение Ц. демонстрирует её узкое понимание. Широкое понимание Ц., связанное с проблемой интертекстуальности и Интертекста (см.), предполагает любые формы включения чужого текста в авторский текст.

Многие Ц. (особенно в публицистике, в ораторской, публичной речи) являются Прецедентными текстами (см.), т.е. текстами, входящими в культурное достояние многих людей, многократно употребляемыми широким кругом носителей того или иного языка, напр.: 1) *Мы идём по жизни с рекламой! В 20-е годы прошлого века нас сопровождали хрестоматийные стихи «Лучше сосок не было и нет. Готов сосать до старости лет!»* или: *«Сигареты “Ира” – вот то, что осталось от старого мира»* (ЛГ. 2004. № 48) – Ц. из рекламных текстов В. Маяковского. Но Ц. не всегда является прецедентным текстом. Иногда цитируются малоизвестные строки, которые не вызывают у адресата узнавания текста-источника. Поэтому такие Ц. обычно сопровождаются вводящими словами, указывающими на источник и/или автора Ц., напр.: 2)... *И вот сроки годности вышли, причём большинство – одновременно. И всё посыпалось. Как выражаются учёные, началось «массовое стихийное сокращение производственного потенциала в целом ряде жизненно важных отраслей»* (АиФ. 2000. № 35).

Прагматически оправданное использование Ц. в речи (цитация или цитирование) относится к разряду риторических приёмов, «понимаемых как прагматически мотивированные отклонения от языковой или речевой нормы или её нейтрального варианта. Употребление всех видов цитат является отступлением от нейтрального варианта текстовой нормы: происходит отклонение от авторской линии повествования (смена носителя точки зрения), понимаемой как нейтральный вариант наррации» [Саблина 2011: 9]. Цитация как использование Ц. в узком смысле (иначе – прямых Ц.) свойственна всем книжным стилям современного РЛЯ, но функции Ц. в этих стилях не вполне совпадают. Так, в научном стиле «цитация имеет первостепенное значение при обзоре современного состояния изучаемой области знаний, с её помощью вскрывается недостаточность или противоречивость предложенных решений, намечается то направление исследований, которое намерен развивать автор, выявляется общее и особенное в предлагаемом подходе, обосновывается актуальность проблемы. Цитата может выступать как аргумент в пользу выдвинутой гипотезы или вводить тезис, который предстоит отвергнуть. Цитация подтверждает надёжность научного знания, его включённость в интертекст как информационную реальность» [Кузьмина 1999: 231–232; см. также Котюрова 2001: 256–257]. Отмечается также, что «те же самые свойства, которые делают цитату привлекательной для учёного (определённость смысла, чёткое разграничение “своего” и “чужого”, указание на преемственность знания, демонстрация принадлежности к научной школе, парадигме научного знания и т.п.), отвращают от прямого и точного цитирования художника. Цитата в узком смысле не связана непосредственно с природой художественной речи, которой свойственны многообразные формы интертекстуальности» [Кузьмина 1999: 226–227]. Однако надо иметь в виду, что в текстах художественной литературы Ц. используются для передачи прямой речи персонажей (причём обычно роль кавычек выполняет знак тире), напр.: 3) – *А где ж Трифон? – спросил староста. – Отдыхает в клетке, – сказала Федосья, – я сейчас пойду его покличу* (И. Бунин).

Ц. широко используются в газетной публицистике, выполняя разнообразные функции. В информационных жанрах газеты преобладает **подтверждающе-иллюстрирующая функция** Ц. (см. выше илл. 1, 2). В аналитических жанрах – **аргументирующая функция**, напр.: 4) *Трудностей и проблем, как объективных, так и не слишком обязательных, у нас, естественно, хватает. Но есть и чему порадоваться. Допустим, ещё вчера казалось несбыточным, что слова «Русский мир» будут звучать из уст главы государства, что возникнет одноимённый фонд, защищающий и пропагандирующий нашу культуру. Выходит, что-то меняется – пусть медленно, подчас непоследовательно, но всё же возрождается* (ЛГ. 2007. № 35). В жанрах художественно-публицистических широко используются трансформированные Ц. в **игровой** (в т.ч. – **собственно комической**) **функции**, часто совмещаемой с другими (**рекламной, характеризующей, оценочной** и др.): 5) *Воронежский мэр на совещании по реконструкции дорог подверг асфальтобетонной критике взгляды известных словоблудов Сократа, Канта и иже с ними: «Только мат определяет суть вопроса!» Пристыженные философы бездорожья, так и не докопавшиеся до сути, тщетно пытались оправдываться: «Мы диалектику учили не по Гегелю...»* (КП. 12–19.07.2002) – ср. у В. Маяковского: *Мы диалектику учили не по Гегелю....* В пятом примере трансформированная Ц. наряду с игровой функцией выполняет и **характеризующе-оценочную**.

Следует отметить, что одну и ту же функцию, напр., **композиционно-резюмирующую**, могут выполнять как трансформированные Ц., так и не трансформированные, напр.: 6)... *Лидер большевиков РФ на съезде Партии коммунистов Молдавии сделал архивизионистское заявление: «За меня на выборах Президента России проголосовали 30 миллионов россиян, которых я попрошу купить хотя бы по одной бутылке молдавского вина, и это решит проблему экспорта молдавских вин».* **Упиться, упитьсь и упиться – так завещал великий Ленин?!** (КП. 2001. № 77) – ср. у В.И. Ленина: «Учиться, учиться и учиться!». 7) ... *Ну, в господá, так в господá. У каждого – своя звезда. Пусть порезвятся до Суда... А мы, речам не веря лживым, сдаваться всё же погодим.* **«Пока свободой горим, пока сердца для чести живы»** (Завтра. 2008. № 5) – цитируются строчки из стихотворения А.С. Пушкина «К Чаадаеву» (1818 г.).

Функцию привлечения внимания (её иногда называют рекламной) Ц. реализует в заголовках, напр.: 8) **«Глядим вперёд мы без боязни»** (ЛГ. 2007. № 40). Ср. начало стихотворения А.С. Пушкина «Стансы»: *«В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни...».*

Замечено также, что Ц. играет важную роль в создании полемического публицистического текста, потому что «позволяет буквально показать не только то, что говорится, но и то, как говорится», тем самым становясь «не только фактологической основой полемики, но и речевым средством создания образа противника» [Зайцева 1987: 128]. Следует сказать, что Ц. может быть и средством создания образа автора. Это особенно заметно тогда, когда Ц. используется, так сказать, походя, «для красного словца»: 9) *Тот факт, что люди всё больше делают выбор в пользу «качества жизни», а не «броня крепка, и танки наши быстры», предопределяет и прогнозируемую динамику партийной жизни в стране, а следовательно и результаты выборов* (АиФ. 2007. № 40).

Отметим также, что Ц. может быть текстообразующей основой в малоформатных жанрах, напр., в сатирическом комментарии (см. илл. 5). В художественном, публицистическом и научном стилях Ц. может выполнять роль эпиграфа и постскриптума.

По условиям справочной статьи здесь показаны лишь некоторые, наиболее частотные функции Ц.

Разновидностями Ц., при широком её понимании, считаются такие приёмы, как Реминисценция (см.), Аллюзия (см.), Парафраз (см.). Цитирование лежит в основе такого жанра, как Центон (см.).

Лит.: **Алейникова Ю.А.** Цитирование в научно-популярном тексте: КД. Тула, 2006; **Алещанова И.В.** Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): КД. Волгоград, 2000; **Арутюнова Н.Д.** Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1; **Варченко В.В.** Цитатная речь в медиа-тексте. М., 2007; **Зайцева С.Ю.** Цитата как сигнал полемичности текста // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика. М., 1987; **Земская Е.А.** Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996; **Казицкая Е.А.** Цитата в структуре поэтического текста: КД. Тверь, 1998; **Коньков В.И.** Прямая речь и цитата в художественном тексте // Русская речь. 1980. № 4; **Котюрова М.П.** Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2001; **Кузьмина Н.А.** Когнитивные механизмы цитации // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1999; **Лыткина И.В.** К проблеме определения понятия «прецедентный текст» // Риторические дисциплины в новых государственных образовательных стандартах. М., 2002; **Матвеева Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; **Саблина М.В.** Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: АКД. Красноярск, 2011; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ЧАСТНАЯ РИТОРИКА – учение о законах и правилах ведения и построения речи в различных родах, видах и жанрах словесности. Рассмотрение тех или иных типов речи (словесности) зависит от конкретных предпочтений составителей теоретических учений в разные исторические эпохи. Так, в античной риторике предпочтение отдаётся ораторскому монологическому красноречию, в русской классической риторике имеется ясное стремление к исчерпывающему описанию всех видов (за

исключением, пожалуй, бытового общения, хотя именно к изучению «просторечия» в отличие от «красноречия» призывал К.П. Зеленецкий).

Отмена риторики в середине XIX в. связана с предпочтением всем видам прозы изящной художественной словесности (литературы), а современная риторика отдаёт явное предпочтение изучению средств массовой коммуникации.

Первое выделение «родов речей» предпринял в своей «Риторике» великий греческий философ IV в. до н.э. Аристотель, описавший судебный, совещательный и эпидейктический (хвалебный, торжественный) «роды речей» по целям, содержанию, времени и месту ведения речи. Цель судебной речи – истина (речь о прошлом, она ведётся в ареопаге), цель совещательной речи – польза (речь о будущем, она ведётся на площади, форуме), цель эпидейктической речи – прекрасное (речь о настоящем, связывающая прошлое и будущее, она ведётся в торжественном собрании). Данное деление, обогащённое современными реалиями, остаётся актуальным и поныне, т.е. нежелательно в деловом или политическом собрании заниматься «судом» (суждениями о прошлом), а на празднике – решать деловые вопросы.

В русской риторической традиции имеется ясная тенденция к созданию универсальных описаний всех имеющихся видов и жанров словесности, однако такая тенденция всегда наталкивается на конкретные предпочтения в выделении наиболее важных и актуальных видов речи. Так, если первые описания античности касались жанров («родов») монологической ораторской речи, то уже в эпоху поздней античности в риторическом учении анализируются разные виды письменной речи, в частности, эпистолы, философские и исторические сочинения, различные жанры церковной литературы. Из латинских риторик переходит в русскую традицию деление на общую и Ч.р., имеющееся уже в латинской «Риторике» профессора Киево-Могилянской академии Феофана Прокоповича (1705 г.), описывавшего поздравительные речи, церковное, свадебное красноречие, правила написания писем к различным особам и способы писания истории [Петров 1865: 488]. Русские риторики XIX в. значительно расширили состав рассматриваемых видов словесности. Так, Н.Ф. Кошанский подробно разбирает предмет Ч.р. в 6 разделах: «1) словесность, 2) письмо, 3) разговоры (философские, драматические и др., но не бытовой диалог), 4) повествование, 5) ораторство, 6) учёность» [Кошанский 1832: форзац учебника]. Во второй половине XIX в. с заменой риторики на теорию и историю словесности в состав изучаемых видов словесности добавилось устное народное творчество, но изучение текстов всё более ограничивалось лишь произведениями изящной или художественной литературы.

Современная Ч.р. должна включить в сферу своего изучения максимальный состав форм и видов словесности. Так, Ю.В. Рождественский, полагая, что современный ритор должен «владеть всеми видами слова», предлагает рассматривать следующие роды и виды словесности:

1) Устная словесность: а) дописьменная, не имеющая письменной основы (разговорно-бытовая речь, молва, фольклор); б) литературная, т.е. устная речь, могущая иметь письменный прототип и подразделяемая на ораторику (судебная, совещательная, показательная речи), гомилетику (учебная, пропагандистская, проповедническая речи) и сценическую речь.

2) Письменная словесность, где в зависимости от писчих/неписчих орудий и материалов письма выделяются: сфрагистика, эпиграфика, нумизматика и палеография, а в палеографии – основные виды или классы письменной речи: письма, документы, сочинения.

3) Печатная словесность, литература: художественная, научная, журнальная.

4) Массовая коммуникация, подразделяемая на массовую информацию (радио, телевидение, газета, кино, реклама) и информатику [Рождественский 1996: 23; Рождественский 2004: 3].

Современная Ч.р. может быть представлена как учение о профессиональных видах речи (общения), поэтому отдельными её разделами являются разные типы профессиональных риторик (они часто описываются с помощью слов «красноречие» или «общение»): политическая, дипломатическая, судебная, педагогическая, деловая, церковная (часто выступает под именем «гомилетика»), медицинская, торговая и т.д. В сущности, каждый вид профессиональной деятельности предполагает свою «риторику», т.е. может быть описан с точки зрения речи как имеющий собственные правила, образцы и практику профессионального общения.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2008; **Аннушкин В.И.** История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002; **Аристотель.** Риторика // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978; **Волков А.А.** Основы русской риторики. М., 1996; **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2009; **Граудина Л.К., Миськевич Г.И.** Теория и практика русского красноречия. М., 1989;

Кошанский Н.Ф. Общая риторика. СПб., 1829; **Кошанский Н.Ф.** Частная риторика. СПб., 1832; **Петров Н.И.** О словесных науках и литературных занятиях в киевской академии от начала её до преобразования в 1819 году // Труды Киевской духовной академии. 1866. № 7; **Рождественский Ю.В.** Общая филология. М., 1996; **Рождественский Ю.В.** Теория риторики. М., 2004; **Ушакова К.М.** Терминология русской риторики как учения о речи: КД. М., 2009.

В.И. Аннушкин

ЧАСТОТНЫЕ СЛОВАРИ – разновидность лингвистических словарей. Ч.с. помогают определить, какие слова того или иного языка входят в активный словарный состав, какие из них более или менее употребительны в письменной речи. Так, по «Частотному словарю русского языка» под ред. Н.Н. Засориной (М., 1977, около 40 000 слов) можно установить, что наиболее часто употребляется в письменной речи всех жанров предлог *в* – он 42854 раза встретился в текстах общим объёмом 1 млн. словоупотреблений, из знаменательных слов на первом месте слово *сказать* – 2909 раз. Напротив, редко употребляются в тех же текстах слова: *абсцисса* – 10 раз; *авансцена* – 10 раз; *агат* – 10 раз; *азот* – 1 раз; *кутюра* – 1 раз и т.д.

Ч.с. помогают также определить, какие слова русского языка должен усвоить в первую очередь человек, изучающий русский язык как иностранный: напр., с учётом данных, содержащихся в частотных словарях, составляются словари-минимумы для лиц, для которых русский язык не является родным.

Ч.с. могут создаваться на корпусе текстов, ограниченном в том или ином отношении. Это могут быть Ч.с. текстов какого-л. стиля или жанра, языка какого-л. писателя. Так, в 2003 г. был опубликован «Статистический словарь языка Достоевского» (авторы А.Я. Шайкевич, В.М. Андрущенко, Н.А. Ребецкая), в котором указаны частоты слов, характерные для художественных текстов Ф.М. Достоевского, его критических и публицистических статей и для писем. Показательно, что частоты одних и тех же слов иногда существенно различаются в зависимости от того, в каком жанре они употреблены: напр., слово *будто* встречается 112 раз на каждые сто тысяч словоупотреблений в художественных текстах Достоевского, 58 раз – в его критике и публицистике и только 22 раза – в письмах; напротив, слово *деньги* в художественных текстах имеет частоту 95, в критических статьях – 36, а в письмах – 282! Столь же разителен контраст в употребительности слова *народ*: в художественных текстах и в переписке частота этого слова соответственно 27 и 26, а критических статьях – 343, т.е. различие частот более чем двенадцатикратное!

Данные, содержащиеся в Ч.с., могут служить базой для исследования различных характеристик слова, связанных с его употреблением в текстах.

Лит.: **Зайцева В.П.** Исследование частотности употребления слов в различных типах чувашских текстов: КД. Чебоксары, 2000; **Ляшевская О.Н., Шаров С.А.** Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009; **Селезнёва Л.В.** Частотный словарь как основа реконструкции художественного мира: на примере «Романтических цветов» и «Огненного столпа» Н.С. Гумилёва: КД. Тверь, 2004; **Шаров С.А.** Частотный словарь литературного языка. М., 1973; **Частотный словарь русского языка** / под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.

Л.П. Крысин

ЧИСТОТА РЕЧИ – одно из Коммуникативных качеств речи (см.), предполагающее «незасорённость» речи стилистически не мотивированной внелитературной лексикой (диалектизмами, жаргонизмами, сленгизмами, просторечиями, профессионализмами), стилистически и информативно не оправданными заимствованиями, канцеляризмами, словами-паразитами, а также словами и выражениями, отвергаемыми нормами морали (обсценизмами и бранными словами). Чистая речь – в первую очередь речь литературная, исполненная с соблюдением всех литературных норм. Нарушение этих норм может привести к неприятию друг другом участников коммуникации, к снижению имиджа говорящего. Примеры нарушения чистоты речи: ... *В России на 1000 мужчин – 1154 женщины. А нам,*

женщинам, чтобы не *загудеть* в эти 154, нужно серьёзно *раскорячиться* (КП. 25.05–1.06.2006) – неоправданные заимствования из жаргонизированной речи; – *А разве лошадь в конном клубе так уж страдает?* – Там она по 23 часа в сутки парится в стойле. <...> она сходит с ума от перестоя и скуки. И всего час на ней «катаются» – в седло влезает *толстозадое чмо* и наслаждается прогулкой по парку... (АиФ. 2006. № 26) – грубое, бранное выражение; *Предвыборный марафон завершится бесславным фолом* (ЦТ. «Время». 22.10.1995) – неоправданное заимствование (англ. fall – ‘поражение’); *Сдающие лекарственные травы в аптеку делают большое и нужное дело. Это сырьё реализуется нуждающимся в лечении нерехтчанам* (Нерехтинская правда. 29.06.1991) – неоправданный контекстом канцеляризм.

Ч.р. является обязательным условием эффективного межличностного взаимодействия. Однако употребление лексических единиц из обозначенных групп может быть стилистически мотивировано: так, напр., жаргонные слова и словосочетания могут заполнять лексические лакуны и/или быть средством создания выразительной речи. Напр.: *Обычное отмывание денег бизнес-структурами через присосавшиеся к ним псевдонаучные институты* (АиФ. 2002. № 33) – мотивированность употребления сущ. *отмывание* в публицистическом контексте обусловлена отсутствием в русском языке литературного эквивалента; *Террористы подсели на российскую «Иглу»* (АиФ. 2002. № 36) – жаргонный по происхождению жаргонизм «подсесть на иглу» участвует в создании выразительной метафоры в газетном заголовке.

Если говорящий прибегает к инвективному (оскорбительному) использованию обценной или негативно-оценочной лексики, нарушение чистоты речи становится предметом юрислингвистики (подробнее см. [Баранов 2009: 10]).

Лит.: Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза. М., 2007; Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 2005; Седов К.Ф. Дискурс как суггестия. Иррациональное воздействие в межличностном общении. М., 2011; Сковородников А.П., Копнина Г.А. Выразительные средства газетной публицистики // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 1; Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык средств массовой информации: учеб. пособие. М., 2008; Сковородников А.П., Копнина Г.А. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. Спецвыпуск «Культура речевого общения». 2009. № 2.

А.А. Трапезникова, А.П. Сковородников

ЧУЖАЯ РЕЧЬ – родовой термин для обозначения вводимых автором повествовательного текста речевых фрагментов, принадлежащих, как правило, другому лицу/лицам, реже это прошлое высказывание самого автора.

Русский язык не обладает системой формальных показателей чужой речи, т.е. грамматической категорией пересказательности. Конструкции с Ч.р. в русском языке представлены разветвлённой системой основных и периферийно-гибридных образований. Все они в той или иной мере включают три содержательных компонента: передаваемую речь, вводящие слова автора, оценочно-характеризующий элемент. С наименьшей полнотой содержание Ч.р. передаётся конструкциями с «тематической» речью. Подлежащее таких предложений представляет субъекта Ч.р., содержит глагол или отглагольное сущ., указывающие на акт общения, дополнение называет тему первичного речевого акта: *Экс-губернатор края Валерий Зубов высказался о росте тарифов ЖКХ...* (АиФ на Енисее. 2012. № 26). *Расходясь, ... мы долго трясли Варю руки, заверяли её в нашей дружбе и пламенном сочувствии* (И. Катаев).

По характеру взаимоотношений авторской и Ч.р. М.М. Бахтин предложил различать два стиля: «линейный» и «живописный». Для первого характерно жёсткое разграничение авторской и чужой речи. Это классические формы Прямой речи (см.) и Косвенной речи (см.). Они различаются формой построения и пунктуационного оформления, лексическим наполнением, функциями.

При передаче Ч.р. в «живописном стиле» либо авторский контекст пронизывает Ч.р. «своими интонациями, юмором, иронией, любовью или ненавистью, восторгом или презрением», либо активность исходит от Ч.р.: она ассимилирует, «рассасывает» речь автора. Для всего второго типа характерно развитие смешанных шаблонов передачи Ч.р. [Бахтин 2000: 451]: Несобственно-прямой речи

(см.) и несобственно-косвенной, или полупрямой, речи. Последняя характеризуется совмещением внешних признаков косвенной речи (сложноподчинённое предложение с союзной связью) с интонационно-лексическими и синтаксическими признаками прямой: ...соседки спросили, каково-то было тут обитать одной, а она ответила, **что я не одна, со мной Александр Блок, вон он, навещает, и она кивнула на дом** (Л. Петрушевская). В самом общем виде соотносённость прямой, косвенной и несобственно-прямой речи представляется так:

1) *Любовь Викторовна решила: «Добьюсь своего, чего бы это мне ни стоило!»*; 2) *Любовь Викторовна решила: она добьётся своего, чего бы это ей ни стоило!*; 3) *Любовь Викторовна решила, что любой ценой добьётся выполнения своих намерений*; 4) *Любовь Викторовна решила, что добьётся своего, чего бы это ей ни стоило.*

1 – прямая речь – наиболее близкая живой речи форма передачи чужого высказывания; выделяется особой эмоциональностью, в формальном плане – чёткой графической маркированностью речи персонажа; 3, 4 – варианты косвенной речи; 2 – несобственно-прямая речь: уступает прямой речи в эмоциональности, всё же отчасти сохраняя первоначальную экспрессию, чему способствует повторение лексики и интонационный рисунок Ч.р. [Голуб 2008: 404].

Одной из ярких инноваций в рамках передачи Ч.р. является активное использование в текстах газетно-публицистического стиля в качестве нейтральных индикаторов Ч.р. частиц *мол, дескать, де*, ранее характерных для разговорно-просторечного стиля, как синонимов *якобы*: *После расследования они установили: ничьей вины в болезни сына нет. Мол, у врачей было много работы, ...И поэтому никто **якобы** не виноват* (Собеседник. 2012. № 14). В текстах научного стиля Ч.р. может быть представлена в виде Цитаты (см.) и служить показателем достоверности, средством аргументации, развития, подтверждения мысли автора, экспликации позиции оппонента. В газетно-публицистическом тексте цитата реализует информативную и эмоционально-экспрессивную функции: может выполнять функцию аргумента, выражать иронию автора, обозначать ситуацию как типичную, использоваться как приём манипуляции в идеологической речи [Русская речь... 2007: 68–69]. Дословная, с сохранением всех языковых и экспрессивно-стилистических особенностей передача Ч.р. не гарантирует абсолютной достоверности, даже если текст не копируется: вырванное из макроконтраста оригинала и помещённое в новое контекстное пространство высказывание может, по замыслу автора, приобретать иной, даже радикально противоположный смысл.

Конструкции с Ч.р. в целом и их составные части служат задаче создания полифонии, субъективации повествования, выполняют изобразительно-экспрессивные, композиционные, характерологические – индивидуализации и интимизации, – коммуникативно-прагматические функции. Характерно влияние разговорной речи в лексическом, синтаксическом и эмоционально-экспрессивном плане. Виртуозное владение этой подвижной системой отличает истинных мастеров слова. В плане теоретического освоения феномена Ч.р. заслуживают внимания опыт разработки его системной типологизации на основе метода оппозиций [Слободская 2010] и его исследование как способа реализации определённых коммуникативных стратегий [Максимова 2006].

Лит.: Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2008; Левонтина И.Б. Пересказательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). По материалам междунар. конф. «Диалог». М., 2010; Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия: АДД. СПб., 2006; Падучева Е.В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 2011. Т. 70. № 3; Русская речь в средствах массовой информации: коллективная монография. СПб., 2007; Слободская Ю.В. Способы передачи чужой речи: оппозиционный анализ // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3.

А.А. Бернацкая

ШУТКА – комический речевой жанр малой формы, актуальный для неформальных коммуникаций. По своему коммуникативному предназначению это универсальное фатическое средство и регулятор общения, используемый не только в условиях речевого взаимодействия, но и в других типах коммуникации: в музыке, живописи, танце, театрализованных актах и др. Функционально Ш., подобно двуликому Янусу, может как укрепить, так и разрушить коммуникативный контакт, сгладить слу-

чившиеся речевые погрешности и обострить их, что формально отражается в типовой сочетаемости этого слова с оценочными прилагательными (Ш. *славная, милая, невинная – колкая, ехидная, злая*).

С развитием культуры Ш., как исходно устный речевой жанр, характерный для народного творчества, занимает видное место среди вторичных литературных жанров (комедия, фельетон, эпиграмма, мадригал, пародия и др.), проникает в неформальную специализированную речевую коммуникацию (см. ставшие популярными сборники «Законы Мерфи», «Физики шутят», «Лингвисты шутят», «Бестолковый словарь»).

В науку Ш. попадает разными путями: через фольклористику и литературоведение (как факт народной смеховой культуры), психологию, где рассматривается как проявление защитных функций психики и средство адаптации человека к дискомфорту. В философии и эстетике Ш. актуальна в контексте теории комического. В лингвокультурологии и переводоведении это показатель разнообразия и уникальности отдельных национальных культур и субкультур; отношение к Ш. – одна из ярких характеристик Языковой личности (см.).

В лингвистике Ш. рассматривается в теории текста как текстотип и комическое речевое произведение; в риторике, рекламе, PR-коммуникации исследуется как эффективное контактоустанавливающее средство и способ воздействия на аудиторию; в теории жанра это комический малоформатный речевой жанр. Основная особенность Ш. усматривается в том, что она в силу своей субъективной модальности легко «играет» самыми разными речевыми жанрами: шуточными могут быть просьбы, приветствия и прощания, вопросы и ответы, тосты, поздравления, благодарности, комплименты, афоризмы, «крохотки», а также толкования слов: *юморист – это сатирик, который хочет жить* (В. Ардов); *гречка – жена грека; духовка – жена церковнослужителя; Не только среда формирует человека, но и четверг* (М. Светлов); *Во МХАТ пришёл новый заведующий художественной частью. – Товарищ Ливанов, почему Вы не заходите в художественную часть, – спросил новый зав. – Художественное целое не может заходить в художественную часть, – ответил знаменитый артист* (Мозаика остроумия).

Эффективность Ш. определяется разными факторами. Главные из них – уместность и мастерство того, кто шутит, а также способность слушателя понять и оценить Ш. То и другое рассматривается в культуре как «драгоценное и редкостное дарование» (З. Фрейд). Уместная Ш. предполагает не только наличие повода (он обязателен, даже самая яркая и смешная Ш. без повода становится ничьёмой), но и общую расположенность участников к шутовому общению на равных, а также коммуникативную качественность шуточного текста: он должен быть доступным для понимания заложенного в нём комического смысла, лаконичным, тонально выразительным, этически ситуативно допустимым (Ш. на «лестничной площадке» и в аудитории этически различны). Эффективными могут быть как авторские, так и заимствованные (чужие) Ш. При этом ссылки на источник заимствования необязательны, поскольку Ш. – это «коммуникативный витамин», нужный именно «здесь и сейчас», эмоционально заразительный (в одиночку, как известно, не шутят, и Ш. одного участника часто подхватывается желающими тоже пошутить). Принято считать, что самые этически корректные и эффективные шутки – над собой, короткие, лёгкие, не касающиеся телесного низа. *Раневскую о чём-то попросили и добавили: – Вы ведь добрый человек, Вы не откажете. – Во мне два человека, – ответила Фаина Георгиевна, – добрый не может отказаться, а второй может. Сегодня как раз дежурит второй.*

Критерием эффективности Ш. является дружный смех, доставляющий искреннее удовольствие, способствующий взаимопониманию и сплочённости присутствующих. Основные источники неудачных Ш. – неуместность, незнание или подавление актуальных ценностно-смысловых ориентаций адресата. Неприлично шутить в ситуациях ритуального общения (особо торжественных, в церкви, на кладбище и др.), над теми присутствующими, кто старше и выше по социально-ролевому статусу, над тем, что свято и дорого для адресата: над его религиозными и морально-этическими убеждениями (*правда шутки не любит, с правдой шутить – что с огнём*); национальностью, его родными и близкими; над искренними пристрастиями, привязанностями и интересами человека; над изъянами в образовании собеседника, его именем и фамилией; над его старостью, физической и интеллектуальной ущербностью, немощью. Неуместная и некорректная Ш. может быть опасной для шутника, что фиксируется в языке различными по своему коммуникативному смыслу пословицами и другими устойчивыми выражениями (*шутки да оглядывайся; шутки Мартын и свалился под тын; мне сейчас не до шуток; шутки в сторону; за такие шутки в зубах бывают промежутки*).

Лит.: Бахтин М.М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975; Дамм Т.И. Малоформатные комические речевые жанры современной российской газеты (лингвостилистический аспект): АКД. Кемерово, 2003; Дружинский В. Весёлая книжка. Киев, 1995; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003, 2007; **Лингвисты шутят** / сост. А.К. Киклевич. М., 2006; **Макиенко И.И.** Юмор в рекламе // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. № 5; **Михайлова Л.П.** Некоторые средства создания комического в малых жанрах фольклора // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1998; **Мозаика остроумия.** Кострома, 2002; **Раневская Ф.** Случаи. Шутки. Афоризмы / сост. И. Захаров. М., 2009; **Физики шутят** / под общ. ред. В. Турчина. М., 1966; **Фрейд З.** Остроумие и его отношение к бессознательному // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995; **Щурин Ю.В.** Шутка как речевой жанр: КД. Красноярск, 1997.

О.П. Жданова

ЭВФЕМИЗМ (от др.-греч. εὐφίμῃ – ‘благоречие’) – замена грубых или резких слов и выражений более мягкими, стилистически нейтральными. Подобной заменой пользуются, если слово запрещено в обществе, является грубым или непристойным, может кого-то обидеть, расстроить и т.д. В современном обществе Э. употребляются достаточно часто: так, многие говорят *афроамериканец* вместо *негр*, *покинул нас* вместо *умер*, *задержался* вместо *опоздал*, *канцер* вместо *рак*, *высшая мера* вместо *смертная казнь*. Языковед А.А. Реформатский отмечает, что яркий пример Э. «жеманной мешанской среды» встречается у Н.С. Лескова: *К тому же и обращение у Домны Платоновны было тонкое. Ни за что, бывало, она в гостинной не скажет, как другие, что “была, дескать, я во всенародной бане”, а выразится, что “имела я, сударь, счастье вчера быть в бестелесном маскараде”; о беременной женщине ни за что не брякнет, как другие, что она, дескать, беременна, а скажет: “Она в своём марьяжном интересе”, и тому подобное* (Н. Лесков). Э. употребляются вместо тех слов и выражений, которые кажутся говорящему неприличными, грубыми, и в этом случае говорящий стремится избегать коммуникативных конфликтов, не создавать у собеседника чувства дискомфорта: говоря *незрячий* вместо *слепой*, *полный* вместо *толстый*, *неправда* вместо *ложь*, человек проявляет себя как вежливый, тактичный собеседник. Однако Э. могут использоваться также с целью завуалировать, «зашифровать» своё сообщение. Это характерно, напр., для газетных объявлений, касающихся операций с жилплощадью (*Меняю однокомнатную квартиру на двухкомнатную по солидной договорённости*), найма на работу (*Требуются грузчики без вредных привычек* = не являющиеся любителями спиртного), поиска сексуальных партнёров (*Молодая женщина окажет внимание состоятельному мужчине*). Исследователи отмечают, что одной из целей употребления Э. в тоталитарном обществе являлся камуфляж существа дела: *доброжелатель* (стукач), *учреждение* (тюрьма), многочисленные образования с первой частью *спец-* (*спецконтингент, спецотдел, спецполиклиника* и т.д.) [Крысин 1990]. К Э. часто прибегают врачи, желая сгладить возможные негативные эмоции пациентов: латинские наименования болезней вместо русских, *новообразование* вместо *опухоль*, *французский насморк* вместо *сифилис*. Активно используются Э. также в дипломатической коммуникации: *ликвидировать* в значении *расстрелять*, *наведение конституционного порядка*, *миротворческая акция* вместо *военные действия*. Человек, стремящийся использовать Э. для благозвучия собственной речи, для успешной коммуникации с другими людьми, должен знать, что в качестве языковых средств создания Э. могут употребляться определённые лексические единицы. Это слова-определители с диффузной семантикой (*определённый, некоторый, надлежащий* и т.д.), имена сущ. с достаточно общим смыслом для называния конкретных предметов и действий (*акция, продукт, товар, материал* – напр., *сигнал* в значении ‘сообщение в высшие инстанции о чём-л. неблагоприятном’), неопределённые и указательные местоимения и местоименные обороты (*это дело, одно место* – напр., название телевизионной передачи *«Про это»*), иноязычные слова (*селадон* вместо *бабник*, *педикулёз* вместо *вшивость*), а также слова, обозначающие неполноту действия, употребляемые не в своём словарном значении (*недослышать* – о глухом, *прихрамывать* – о хромом). В любом случае умение пользоваться Э. в целях успешной коммуникации – это показатель хорошо развитой, благозвучной речи.

Лит.: Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков: КД. Краснодар, 2006; Крысин Л.П. Из истории употребления слов «особый» и «специальный» // Русистика. 1990. № 2; Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1-2; Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. Л., 1961; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград, 1999; Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика: КД. Самара, 2007; Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967; Райчева Э.А. Принципы описания литературной эвфемии: КД. Волгоград, 2011; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М., 1985; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979.

Н.С. Цветова

ЭВФОНИЯ. См. БЛАГОЗВУЧИЕ РЕЧИ

ЭЗОПОВ ЯЗЫК – система вынужденных иносказаний в речи (чаще всего публицистической, ораторской или художественной), обусловленная исторической обстановкой: цензурой, невозможностью по тем или иным причинам говорить о чём-то прямо и открыто.

Это речь, полная намёков, Умолчаний (см.), Аллегорий (см.), Аллюзий (см.), Перифраз (см.) и т.п., посвящённая, как правило, рассмотрению общественно-политических вопросов, подвергающихся цензуре в условиях отсутствия свободы слова. Именно поэтому Э.я. встречается прежде всего в публицистических жанрах, в гражданской поэзии, политической сатире и т.п.

Термин «Э.я.» происходит от имени легендарного греческого баснописца Эзопа, жившего, по преданию, в VI в. до н.э. Эзоп был рабом и потому не мог открыто, свободно говорить правду о современниках. Он обратился к аллегорической басенной форме. Выражение «Э.я.» ввёл в широкий оборот М.Е. Салтыков-Щедрин, который назвал так особую, «рабью» манеру иносказательного изложения. К этому способу прибегали многие поэты, писатели, публицисты, стремившиеся обойти цензуру и потому создававшие произведения, в которых за прямым смыслом сказанного таился второй план, раскрывающий подлинные мысли автора. Поэтому в текстах, написанных Э.я., как ни в каких иных, важен Подтекст (см.). Напомним, что подтекстом называют комплекс скрытых, подспудно, неявно выраженных смыслов текста, возникающий на основе сочетания и взаимодействия единиц разных языковых уровней, как бы вытекающий из отдельных деталей, реплик, намёков и показывающий отношение автора к описываемому. Подтекст есть у любого сколько-нибудь сложного текста (художественного, публицистического или разговорного). Но в произведениях, написанных Э.я., подтекст – самое главное, то, ради чего текст и создавался. И чем более скрыт подтекст, тем важнее его роль для полного понимания текста. Заметим, что правильное (адекватное) восприятие и понимание подтекста – одна из важнейших проблем, от решения которой зависит успех коммуникации.

Вследствие различных цензурных требований в разные исторические периоды Э.я. российских авторов мог быть более или менее доступным для широкой аудитории. Так, напр., большинство сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина было создано в 80-е г.г. XIX вв., в период жестокой политической реакции. В это время литература вынуждена была, выражаясь словами М.Е. Салтыкова-Щедрина, перейти «из просто-эзоповского тона <...> в сугубо-эзоповский».

В Э.я. широко используются синонимия и символические значения многих слов и выражений, обозначающих «крамольные», запретные реалии, понятия. Напр., традиционные для поэзии слова-символы *буря*, *вихрь*, *пламя*, *искра*, *мрак*, *оковы*, *цепи* и т.д. употреблялись в переносном значении для наименования *революции*, *борьбы*, *мятежа*, *самовластья* и под.: *Душно! Без счастья и воли / Ночь бесконечно длинна, / Буря бы грянула, что ли? / Чаша с краями полна!* (Н. Некрасов). Ср.: *Буря бы грянула* – ‘свершилась бы революция’; *Чаша с краями полна* – ‘чаша народного терпения переполнена’. Тексты, включающие в себя слова-символы, слова-иносказания – это особая разновидность Э.я.

К приёмам Э.я. относится и пародирование выступлений государственных деятелей, обыгрывание фразеологизмов, использование «намекающих» эпитафий, варваризмов и мн. др. Напр., М.Е. Салтыков-Щедрин в конце «Писем к Тётеньке» (*тётенькой* он иносказательно называет либе-

ральную интеллигенцию) употребляет латинское выражение: *Затем передайте мой сердечный привет вашим домочадцам и прощайте, sapient sat. Но знаете ли вы, милая тётушка, что означает «sapient sat»?* Данное латинское изречение переводится следующим образом – «умный поймёт». Дважды приводя его в конце текста, автор подчёркивает, что читатель сам должен догадаться об истинном содержании написанного.

К жанрам, в которых преимущественно используется Э.я., относятся басня, сказка, «перевод» (псевдоперевод, когда, напр., из соображений собственной безопасности под видом перевода, т.е. «чужого слова», подаются собственный текст), «подражание». К Э.я. тяготеют сюжеты на античные, библейские и др. исторические темы.

Лит.: Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. М., 1987; Дмитриев В. Эзоповский язык // Русская речь. 1971. № 5; Паклина Л.Я. Искусство иносказательной речи. Эзоповское слово в художественной литературе и публицистике. Саратов, 1971; Райчева Э.А. Принципы описания литературной эвфемии: КД. Волгоград, 2011; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998.

О.Н. Емельянова

ЭКВИВОКАЦИЯ. См. АНТАНАКЛАЗА

ЭКЗОТИЗМЫ (от др.-греч. ἔξωτικός – ‘внешний, наружный’) – заимствованные слова, обозначающие в русском языке явления нерусской действительности.

В русском языке сформировались группы слов, связанных с отражением жизни отдельных стран, частей света, напр.: *Гидальго, идальго* (исп.) – ‘мелкопоместный рыцарь в средневековой Испании’; *кабальеро* (исп.) – ‘рыцарь, дворянин’; *кастаньеты* (исп.) – ‘ударный музыкальный инструмент’; *коррида* (исп.) – ‘в Испании и странах Латинской Америки – бой быков’; *тореадор, тореро* (исп.) – ‘участник боя быков’; *мантилья* (исп.) – ‘кружевная, обычно белая или чёрная, женская накидка’; *сиеста* (исп.) – ‘в Испании, Италии и странах Латинской Америки – полуденный (послеобеденный) отдых’. Эти слова служат для создания местного колорита. Колорит Италии передают следующие слова: *палаццо* (ит.) – ‘дворец, особняк в Италии’; *гондола* (ит.) – ‘одновёсельная плоскодонная длинная венецианская лодка’; *серенада* (ит.) – ‘песня в честь дамы, исполняемая под музыку вечером или ночью у неё под окнами’.

В русских Э. представлены далеко не все народы и страны мира. Языковые (литературные) Э. зафиксированы в толковых словарях, которые показывают, что такое «мир глазами русского». Через Э. мы выделяем около 15 стран, 20 народов. Хорошо представлена в русском языке античность – около 150 слов обозначают различные понятия той культуры (*авгур, акрополь, амброзия, амфора, гетера, гидра* и т.д.). Неплохо мы представляем Англию – около 60 слов (*бридж, виги, сквайр, стерлинг, милорд, пинта* и т.д.), Францию – около 50 слов (*дофин, ливр, мадам* и т.д.), Германию, США – более 30 слов. Выделены также в русском языковом сознании Испания, Италия (отдельно Венеция), Индия, Шотландия, Ирландия, Венгрия и др. В нерасчленённом виде в Э. представлены народы Севера (*балок, кухлянка, малица, нарты, хорей, парка* и т.д.), в целом мы воспринимаем Среднюю Азию (*арык, айран, арба, кетмень, кишлак, мираб, паранджа*), плохо различаем и народы Кавказа – отсюда и «человек кавказской национальности», которой нет и никогда не было.

В нашем видении мира большое значение имеет религия. Так, более 40 слов русского языка связаны с католицизмом и протестантизмом (*аббат, викарий, кантор*), более 40 представляют мусульманский Восток (*байрам, газават, дервиш*), более 20 слов отражают иудаизм (*иврит, кагал, пейсы, раввин, хедер, талмуд*), есть слова, связанные с буддизмом (*бонза, нирвана, пагода* и т.д.).

Одна из основных тенденций развития лексической системы современности – перераспределение между активным и пассивным словарным запасом ЛЯ и смена оценочной стороны значения слов. Передвижение слов из разряда Э. в активное употребление связано с освоением лексических значений русским языком, а явлений – русской действительностью.

В современных толковых словарях меняется трактовка значений у некоторых слов, обозначающих явления, ранее относимые к буржуазным, т.е. к зарубежной действительности, и соответст-

венно приобретающих отрицательную коннотацию. Естественно, что сейчас происходит трансформация лексического значения бывших Э. (они «употребляются без идеологического приращения» [Крысин 1996: 37]). К таким словам относятся *акция, банкир, банкрот, благотворительность, богема, босс, бюрократ, дивидент, кабаре, метрдотель, мэр, рента* и др. Таким образом, корпус Э. в целом сокращается. Однако основной их состав устойчив: с древнерусского периода известны в русском языке слова: *магистр, кумыс*, с XVI в.: *иезуит*, с XVII в. *гондола*, с XVIII в. *маклер, граф*, с XIX в. – *мазурка, мандолина, мандарин* (о Китае) и др.

Тематическая классификация Э. показывает фрагменты действительности, традиционно не переводимые на русский язык. Таких основных групп можно выделить более 20: это обращения (*леди, мадам, мадемуазель, милорд, мистер, мисс* и др.), названия верховных правителей, их детей, слуг и чиновников (*богдыхан, бей, бек, дож, курфюрст, магараджа, паша, падишах* и др.), воинов (*абрек, басмач, башибузук, викинг, гайдамак, гайдук*), высших органов власти (*ареонаг, бундестаг*), именованья земледельцев (*арат, илот, колон, неон, феллах*), обозначения денежных единиц (*гинея, грош, гульден, динар, доллар, драхма* и др.), названия учебных заведений (*пансион, медресе*), одежды, обуви (*бешимет, бурка, жупан, кабардинка, конфедератка, кунтуш*), номинация праздников (*байрам, вакханаля, курултай, сабантуй*), ветров, ураганов (*мистраль, пассат, сирокко, тайфун, торнадо*), лошадей (*аргамак, мустанг*), музыкальных инструментов (*бандура, виола, домра, жалейка, зурна*), танцев (*джига, кабардинка, канкан, качуча, краковяк*), певцов (*акын, ашуг, бард, менестрель*), песен (*баркарола, гондольера, карманьола*), обозначение единиц измерения длины, веса, ёмкостей жидких и сыпучих тел (*акр, лье, унция, фунт, галлон, пинта*), видов транспорта (*галера, гондола, джонка, кавасаки*) и др.

В плане культуры речи нужно обратить внимание на особенности употребления Э.: необходимо знать значение Э. и его национальную компоненту; надо следить за правильным его произношением, т.к. Э. в целом непривычны для нас; необходимо избегать обычных в регионе ошибок (в Приенисейской Сибири: *щербет* вм. правильного *шербет, эвёнки*, а не *эвенки*, как принято произносить в Красноярском крае; *кёты*, а не принятое *кетю; ненецкий*, а не *ненецкий; долганы*, а не *долгане; нганасаны*, а не *нганасане* и т.п.). Нужно следить за правильным использованием значения слов: *черкеска* – это одежда всех кавказцев и даже казаков, а не только черкесов, с другой стороны, *лезгинка* – это народный танец не грузин, а лезгин и т.д. Нельзя в речи соединять несоединимое: *на узбечке – мантилья* (вм. *паранджа*). Среди образованных людей лучше употребить Э., чем давать описательное определение – *килт* вм. *короткая мужская юбка шотландцев* и т.п. Э. свидетельствуют о причастности к чужой культуре, придают речи такое качество, как достоверность, и в целом повышают впечатление о личности говорящего.

Лит.: **Ванина В.В.** Экзотизмы немецкого происхождения в русском языке XX в.: на мат-ле словарей, художественных текстов и мемуаров: АКД. Барнаул, 2001; **Васильев А.Д., Веренич Т.К.** Динамика деэкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке): монография. Красноярск, 2005; **Зорина Т.П.** Экзотизмы и их использование в русской литературной речи, конец XVIII – первая треть XIX века: КД. М., 1995; **Крысин Л.П.** Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996; **Крысин Л.П.** Русское слово своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Самотик Л.Г.** Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие. Красноярск, 2005; **Тимина С.А.** Экзотизмы в современной англоязычной прессе: КД. Киров, 2003.

Л.Г. Самотик

ЭКОЛИНГВИСТИКА. См. ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ

ЭКСПРЕССЕМА. См. ЭКСПРЕССИВНОСТЬ

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ (от лат. *exprēssio* – ‘выражение’) – такая совокупность признаков языковой/речевой единицы, благодаря которым говорящий (пишущий) выражает своё субъективное от-

ношение к содержанию речи или её адресату. Напр.: *Будущее – это не бластеры или мутанты, не туманные утопические теории, а ответ на вопрос «Что есть человек?»*. Другие цивилизации устремились к биофашизму и самокопанию в геноме. Мы пойдём в небесные искания духа и победу над космической Смертью, заставляющей гаснуть звезды. Первым борцом со смертью оказался Гагарин.

Валентина Терешкова призналась: *«Хочу полететь на Марс, пусть даже и не вернусь»*. Жреческий, кастовый фанатизм отличает космонавтов от остальных людей: ракеты бы делать из этих людей. Они – якоря, удерживающие Россию пришивартованной к Небу. Нация, у которой есть космонавты, – спасена (Завтра. 2010. № 15).

В этом отрывке из панегирика Д. Тукмакова «Русская вертикаль» экспрессия позитивной оценки достигается целым комплексом выразительных средств: противопоставлением (антитезой) слов и словосочетаний с отрицательно-оценочной коннотацией (*бластеры, мутанты, туманные утопические теории, биофашизм, самокопание*) словам и словосочетаниям с положительной коннотацией (*небесные искания духа, победа над космической Смертью, борец со смертью*), метафорами (*они – якоря; Россия, пришивартованная к небу*), трансформированной реминисценцией строчки «Гвозди б делать из этих людей» из «Баллады о гвоздях» Н. Тихонова. В контексте всего произведения, в соответствующем стилистическом окружении, слова *жреческий, кастовый фанатизм* приобретают позитивную окраску. Такие выразительные средства, которые создают экспрессивность речи, иногда называют **экспрессемами** (см., напр., [Костомаров 1971: 160]).

Кроме оценочности (см. Оценка), составляющими категории Э. являются также Эмоциональность речи (см.), Интенсивность (см.) и Образность (см.). Эти содержательные компоненты категории Э. представлены по-разному (количественно и качественно) в разных стилевых, жанровых и индивидуально-авторских контекстах. Ср., напр., приведённый выше публицистический текст со следующим научным текстом: *Несмотря на большое количество исследований, внимание преимущественно уделялось изучению образности и средств её выражения в художественной речи, где она получает расширенное значение, так как задана самой художественной системой, в которой каждый языковой элемент служит созданию образности. В последнее время исследователи всё больше внимания обращают и на использование образных средств в политическом дискурсе и СМИ <...>. В разговорной же речи (далее – РР) образность и средства её выражения остаются почти не изученными* (Д.И. Яхина).

Этот текст построен на противопоставлении художественной речи политическому и разговорному дискурсам, однако это противопоставление не представляет собой речевой фигуры (антитезы). Сравнение степени изученности образности в названных видах дискурса не является образным и эмоциональным, но служит средством выражения интеллектуальной оценки. Категория интенсивности выражается лексическими интенсификаторами (*преимущественно уделялось, всё больше внимания, почти не изученными*).

В наибольшей степени Э. присуща художественной, публицистической и разговорной речи, в значительно меньшей степени – научной и деловой.

Лит.: Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985; Кожина М.Н. О языковой и речевой экспрессии и её экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987; Колбукова И.В. Принципы и методы представления экспрессивной семантики слова в двуязычном словаре: КД. М., 2007; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971; Кузнецова Н.Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века: ДД. М., 2011; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Новосибирск, 1991; Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. I. Абакан, 2000; Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987; Риторика и синтаксические структуры: тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; Ромашова И.П. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания (на материале устно-разговорной и художественной речи диалогического типа): АКД. Барнаул,

2001; **Русский язык**. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Чайковский Р.Р.** Общая лингвостилистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса // Учёные записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Т. 64. Вопросы романо-германской филологии. М., 1971; **Шаховский В.И.** Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Вып. 1. Ч. 2. Рязань, 1973.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС – раздел лингвостилистики, изучающий экспрессивные средства синтаксиса и закономерности их использования носителями языка. Э.с. изучает стилистические возможности синтаксических единиц, выступающих в качестве экспрессивных средств, их роль в создании стилистически значимых высказываний. Э.с. соотносится с более широким понятием Стилистического синтаксиса (см.).

Способность синтаксических единиц выступать в качестве экспрессивных средств связана с достижением экспрессивного эффекта. При этом средства Э.с. выступают в качестве средств усиления (выделения) эмоциональности, образности и оценочности речи. Синтаксические средства могут выделять тончайшие оттенки содержания, интенсифицировать выражение авторского отношения к излагаемому, подчёркивать те или иные стороны мысли. В этом плане большая роль принадлежит порядку слов, выбору типа предложения, его длины, интонированию высказывания, упорядоченности расположения.

Э.с. включает в себя использование стилистически значимых структурно-семантических разновидностей предложений, порядка слов, средств связи, необычных случаев употребления главных и второстепенных членов предложения, в т.ч. обособленных членов предложения, однородных членов и др.

Традиционно к ресурсам Э.с. относят Стилистические фигуры (см.): Анадиплозис (см.), Анаколупф (см.), Анастрофу (см.), Анафору (см.), Анэпифору (см.), Антиклимакс (см.), Антиметаболу (см.), Антитезу (см.), Антиэллипсис (см.), Апозиопезис (см.), Асиндетон (см.), Парентезу (см.), Геминацию (см.), Зевгму (см.), Изоколон (см.), Именительный темы (см.), Инверсию (см.), Климакс (см.), Кольцо (см.), Парцелляцию (см.), Период (см.), Полисиндетон (см.), Сегментированные предложения (см.), Симплоку (см.), Хиазм (см.), цепочку номинативных предложений, Эллипсис (см.), Эпифору (см.) и др.

Возможности Э.с. неисчерпаемы. Овладение средствами Э.с. предполагает творческий подход к языку, высокий уровень речевого мастерства.

Лит.: **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Глазкова М.Ю.** Экспрессивный синтаксис в современной публицистике: КД. Ростов н/Д, 2010; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1983; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка: АДД. М., 2000; **Риторика и синтаксические структуры:** тезисы краевой науч.-практ. конф. (Красноярск, 1–3 февраля 1989 г.). Красноярск, 1988; **Сильман Т.И.** Проблемы синтаксической стилистики. М.; Л., 1967; **Сковородников А.П.** О системном описании понятия «стилистическая фигура» // Русская речь. 2002. № 4; **Сковородников А.П.** Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; **Солганик Г.Я.** Синтаксическая стилистика. М., 1993; **Солганик Г.Я.** Стилистические ресурсы языка // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.А. Кузнецова

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ФОНД РУССКОГО ЯЗЫКА – абсолютно открытая и постоянно пополняющаяся система самых разнообразных экспрессивных средств русского литературного языка, в т.ч. заимствованных из иных вариантов национального русского языка и из иных языков.

Новые экспрессивные единицы, в т.ч. иноязычного происхождения, быстро адаптируются в уже существующих экспрессивных «группировках», «вписываясь» в формально-семантические отношения в них. В результате такого взаимодействия русских и иноязычных слов, русский Э.ф. развивается и функционирует как единое целое, уже не различающее «своего» и «чужого» [Шарифуллин 1997]. Может возникнуть проблема генетической идентификации русских экспрессивных образований, суть которой – в лингвистической необходимости разграничения «своего» и «чужого», исконных, созданных на своей словопроизводственной базе, и заимствованных слов: и те, и другие настолько «сработались» друг с другом в пространстве русских экспрессивных гнезд, что часто весьма затруднительно узнать «своё» в «чужом», а «чужое» – в «своём».

Этот фактор релевантен и в нынешней речевой ситуации, поскольку процесс экспансии иноязычной лексики различного типа в современную русскую речь продолжается, хотя, может быть, и не такими темпами, как в девяностые годы XX в. И часто новая иноязычная лексика начинает пополнять «словник» выразительных средств (особенно в Интернете).

Очень часто Э.ф. пополняется за счёт ономастической лексики: ср. старые *филя, простофиля, хавронья, ванька (ваньку валять)* и новые: *ельциновка, чубайсики, путинка, зюгоиды* и пр. В большинстве своём такие лексемы становятся политическими ярлыками (см. Словесный ярлык) либо начинают функционировать как стереотипные Инвективы (см.) в СМИ или Интернете (в блогах, форумах и пр.).

Э.ф. пополняется и за счёт собственно русской нарицательной лексики. Как правило, новые экспрессивы создаются на основе языковой (речевой) игры, в процессе которой обыгрывается буквально всё: от формы слов до их стереотипных значений.

Э.ф. – главный источник выразительности современной русской речи во всех её ипостасях: в нём фиксируются и отслеживаются, сохраняются или отвергаются самые разные способы и возможности создания более эффективной, более яркой, более экспрессивной речи.

Лит.: Латина О.В. Идиомы и экспрессивная функция языка// Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. 1991; Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник ВОЛГУ. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 1; Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. 1996. № 6; Черемисина М.И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8; Шарифуллин Б.Я. «Своё» и «чужое» в русском экспрессивном фонде // Русская речь. 1997. № 6; Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири: монография. Красноярск, 1994.

Б.Я. Шарифуллин

ЭКСПРЕССИОЛОГИЧЕСКАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ЭЛЛИНИЗМЫ. См. ГРЕЦИЗМЫ

ЭЛЛИПСИС (от др.-греч. ἔλλειψις – ‘выпадение, опущение’) – стилистическая фигура, состоящая в намеренном и стилистически значимом пропуске одного или нескольких членов предложения. Не всякое предложение, характеризующееся синтаксической неполнотой (= пропуском членов предложения, или, иначе говоря, наличием незамещённых синтаксических позиций), может квалифицироваться как стилистическая фигура Э.

Так, предложения, синтаксическая и, соответственно, смысловая неполнота которых восполняются из ситуации (напр., предложение: *Мне два до Снежинцы*, произносимое у билетной кассы) нормативны, т.к. естественны для разговорной речи и более частотны, чем их полные параллели (ср.: *Мне нужно два билета на электричку до станции «Снежинца»*). То же можно сказать о многих предложениях, синтаксическая и смысловая неполнота которых восполняется из контекста. Напр.: *С фор-*

мальной позиции лучше убить бездействием ближнего, чем действием – врага (Проект. 2009: 169). Восполнение незамещённой позиции во второй части этого предложения (...чем действием убить врага) избыточно и статистически менее вероятно; т.е. вариант предложения с незамещённой позицией является нейтральным вариантом нормы, и, в силу этого, не является фигурой речи. Стилистической фигурой являются такие контекстуально восполняемые неполные предложения, которые в определённом типе контекста менее частотны, и, следовательно, менее вероятны по сравнению с параллельными им полными предложениями. Таким контекстом, напр., является неполное двусоставное предложение с незамещённой позицией подлежащего в абсолютном начале повествования. Напр., предложение *После обеда вышли из ярко и горячо освещённой столовой на палубу и остановились у поручней* в рассказе И.А. Бунина «Солнечный удар». Здесь использование неполного предложения является отклонением от нейтрального варианта нормы (т.е. обычным для такого контекста является употребление полного предложения), а следовательно – стилистическим приёмом, в данном случае придающим зачину повествования интригующий характер.

Экспрессивными, имеющими статус стилистической фигуры, являются так называемые **эллиптические предложения**, в которых восполнение незамещённых синтаксических позиций осуществляется за счёт внутрипредложенческих лексико-грамматических валентностей наличных членов предложения. Насчитывается несколько десятков типизированных реализаций эллиптических предложений. Наиболее частотными являются предложения с незамещёнными позициями глаголов перемещения в пространстве: ... *Мишка ни на шаг не отстаёт от нее: мать в погреб и он за ней, мать на кухню – и он следом* (М. Шолохов); глаголов энергичного физического воздействия: – *Держи, держи, дурак!* – кричал Чичиков Селифану. – *Вот я тебя палашиом!* – кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин (Н. Гоголь); глаголов речи/мысли: *Нет, я не о всеобщем желании навести порядок в нашей беспорядочной стране. О другом: о произволе чиновников и беспомощности человека* (НГ. 03.02.2000) и некоторых др. Эллиптические предложения естественны для разговорной речи, где они составляют норму. Однако в текстах книжных стилей (художественного, публицистического), а также в рекламе и в ораторской (публичной) речи они воспринимаются как экспрессивное отклонение от нейтрального варианта нормы (полных предложений), а следовательно, имеют статус стилистической фигуры, придающей речи оттенки неофициальности, разговорности, энергичности, стремительности. В деловом стиле такого рода Э. не употребляется, в научной речи – дозированно в некоторых подстилях (научно-популярном, полемическом).

Речевой ошибкой является **неоправданный эллипсис**, состоящий в нарушении условий (синтаксических, семантических или стилистических), при которых опущение (пропуск) того или иного члена (членов) предложения прагматически целесообразно. Н.э. встречается как в устной, так и в письменной речи. Так, напр., в устной недостаточно контролируемой речи часто опускаются обязательные объектные распространители (дополнения) при глаголах сильного управления (и соответствующих им именах существительных): **Добившись [чего?] Печорин бросает Бэлу; *Совершенствование органов власти осуществляется за счёт укрепления их [чего?] с народными массами; *Литература знакомит [кого? с кем-чем?] и даёт образы людей, живущих на земле; *Равнение на салон, на иноязычные нормы выражения – всё это не давало [чего?] развитию; *Большое внимание можно уделить [чему?], как использовать произведения художественной литературы в воспитательной работе.*

В газетной публицистике можно встретить Н.э. во фразеологических оборотах: *По некоторым данным, значительную роль в создании «прокурорского лобби» в Совете Федерации сыграл мэр Москвы Юрий Лужков, в последнее время часто находивший язык с генпрокурором <...>* (Завтра. 1999. № 12), ср.: находить общий язык; *Надо всё-таки попытаться победить, сделать так, чтобы этот совершенно антинародный режим исчез с лица* (КП. 23.06.1995), ср.: исчезнуть с лица Земли.

Особенно бросается в глаза Н.э. в заголовках, поскольку заголовок представляет собой сильную позицию текста; опущенными оказываются те компоненты фразеологизма, которые несут основную смысловую нагрузку, напр.: *Голь на выдумку* (название передачи красноярского телевидения 03.01.1992), ср.: Голь на выдумку хитра; *Конфликт со всеми вытекающими* (ЛГ. 2007. № 2), ср.: со всеми вытекающими последствиями.

Реже встречаются в газетных текстах другие типы Н.э., напр.: *Ещё одна очень серьёзная тема – это обсуждение проблемы смертной казни для этих преступников. Я понимаю, они должны быть осуждены серьёзно, я за это, но нельзя – у нас со времён Елизаветы отменили смертную казнь* (ЛГ.

28.08.1991). Хотя смысл опущенных слов понятен из контекста («нельзя их казнить»), такого рода эллипсис не соответствует моделям, санкционированным синтаксической нормой книжной речи; *Возможно, его герои – это тени, слетевшие с подножек летящих, как поезда, эпох. Это – своего рода сублимированные излишки исторического процесса. Это – призраки, навсегда застрявшие на обочине времен. Они – это те, которые всегда, и которые никогда* (Завтра. 1997. № 27). Наличие в придаточном предложении показателей времени, а также внешнего контекста недостаточно для более или менее точного (хотя бы в пределах лексико-семантической группы) «восстановления» отсутствующего сказуемого.

Следует также заметить, что некоторые писатели, увлекаясь эллипсисом как приёмом, создают не вполне удачные, с коммуникативной и эстетической точек зрения, контексты, напр.: *Жена тогда в её ревности становилась как бы не в счёт, и возможная измена не могла её устроить как месть, а расстраивала как свежая ревность. Так он думал, и был не прав. Пришлось ему, однако, заглаживать* [что?] (А. Битов); – *Правда? – с готовностью откликнулся Лёничка. – Мне тоже сейчас не понравилось. Да ну их! – легко отмахнулся он. Монахов же – проникся* [чем?]. Он счёл должным сказать об этом и почему-то покраснел (А. Битов). По нормам РЛЯ глаголы *заглаживать* и *проникаться* являются глаголами сильного управления, требующими восполнения соответствующими распространителями.

Лит.: Алгазина Н.Н. Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; Винокур Т.Г. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965; Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1997; Грудева Е.В. Избыточность, редукция и эллипсис (на мат-ле русского языка): ДД. СПб., 2008; Давыдова М.М. Прагматические характеристики эллипсиса: КД. Тула, 2012; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Писаренко Н.Д. Внутрифразовый эллипсис в современном русском языке: КД. Днепропетровск, 2000; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Сенкевич М.П. Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; Сквородников А.П. Безглагольные эллиптические предложения в современном русском языке: КД. Красноярск, 1967; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997; Ширяев Е.Н. Нулевые глаголы как члены парадигматических и синтагматических отношений (на мат-ле русского языка): КД. М., 1967; Ширяев Е.Н. О некоторых показателях незамещённых синтаксических позиций в высказываниях разговорной речи // Русская разговорная речь. М., 1973; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сквородникова. М., 2005.

А.П. Сквородников

ЭЛОКУЦИЯ (от лат. *elocutio* – ‘выражение’) – 1. Раздел риторики, в котором рассматриваются «средства и приёмы словесного выражения замысла» [Волков 2001: 280]. 2. Третий этап Риторического канона (см.), состоящий в словесном оформлении мысли, что подразумевает выбор стиля речи, речевого жанра и языковых средств в соответствии с коммуникативным намерением говорящего (пишущего), содержанием речи и речевой ситуацией.

В работах по классической риторике выделяются следующие подразделы Э.: 1) общие наблюдения над грамматическими формами и конструкциями; 2) теория (описание и классификация) фигур; 3) учение о стиле и жанрах, которое включает в себя суждения об основных характеристиках стиля и его разновидностях, о «формах» стиля (прозе и поэзии), критериях красноречия (качествах литературной речи – в современной терминологии), наблюдения над особенностями отдельных речевых жанров.

Э. как раздел риторики дала начало Стилистике (см.). Коммуникативные качества речи являются областью исследования Культуры речи (см.), а грамматические формы и конструкции – предметом грамматики. Э. как раздел риторики, учитывая достижения других наук, ставит перед собой задачу целесообразного отбора языковых средств, т.к., не имея грамматических, стилистических и – шире – культурно-речевых навыков, нельзя овладеть искусством эффективного словесного выражения мыслей.

Раздел «Э.» иногда называют «украшением речи», т.к. в нём рассматриваются преимущественно Тропы (см.) и Фигуры речи (см.). Между тем «...многие традиционные тропы и фигуры имеют гораздо более важное риторическое значение, чем простое украшение речи» [Анисимова, Гимпельсон 2002: 205]. Так, переносы значений, составляющие суть тропов, отражают ход познавательной деятельности человека и его субъективный взгляд на мир (оценки, эмоции). Кроме того, некоторые тропы и фигуры могут использоваться как средство суггестивного воздействия. Поэтому закономерно пристальное внимание специалистов в области когнитивной лингвистики и лингвосинергетики к тропам как инструменту познания действительности и способу формирования картины мира.

Огромное количество терминов, возникшее в истории изучения Э., как отмечает Г.Г. Хазагеров [Хазагеров 2002], служит препятствием к её освоению. Не является упорядоченным терминологический аппарат теории Э.; не существует общепринятой классификации фигур речи (при широком понимании фигур речи к ним относят и тропы), хотя попытки решения этой задачи неоднократно предпринимались исследователями (аналитический обзор классификаций см. в работах Н.А. Боженковой, Т.В. Василенко, Н.Н. Васильковой, В.П. Вомперского, Ж. Женетта, Е.В. Маркасовой, Н.М. Щаренской, Г.А. Копниной и др.). Поскольку не все речевые факты могут быть интерпретированы в рамках традиционных классификаций фигур речи, исследователями была предложена концепция Риторического приёма (см.), заполняющая эту лауну в теории Э.

Лит.: Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. М.; Воронеж, 2002; Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М., 2003; Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996; Безменова Н.А. Введение // Неориторика: генезис, проблемы, перспективы: сб. науч.-аналитических обзоров. М., 1987; Боженкова Н.А. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования: АКД. М., 1998; Василенко Т.В. Типология русских риторик XVIII – начала XIX века: КД. Архангельск, 1998; Василькова Н.Н. Типология стилистических фигур в риториках и курсах словесности II половины XVIII – начала XIX вв.: АКД. М., 1990; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Вомперский В.П. Риторика в России XVIII–XIX вв. М., 1988; Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.; Волгоград, 2003; Женетт Ж. Фигуры: в 2-х тт. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. М., 2009; Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001; Маркасова Е.В. Теория фигур речи в русских риториках XVII – начала XVIII вв.: ДД. СПб., 2002; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Общая риторика: пер. с фр. / Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж. [и др.]. М., 1986; Топоров В.Н. Фигуры речи // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М., 2002; Щаренская Н.М. Греко-византийская традиция в русской риторике: трактат «О образъхъ». М., 2004; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

Г.А. Копнина

ЭМОТИВНОСТЬ РЕЧИ. СМ. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧИ

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА – это лексические единицы (слова, устойчивые словосочетания или отдельные значения многозначных слов), имеющие помимо предметно-логического значения эмоционально-оценочный компонент – дополнительную стилистическую окраску, сообщающую об отношении говорящего к предмету речи, а также об эмоциональном состоянии говорящего. Эта лексика позволяет выразить психическое состояние, эмоции, оценку кого-/чего-л. Напр.: *маманя, лобызание, брехун, антисоветчик, кружковщина, отсебятина, жёнушка, зорька, дя-*

дюшка и т.д. К эмоционально-оценочной лексике относятся и междометия *ах, ох-о, ох, о, ого, браво, бис, долой*, эмоциональность которых полностью исчерпывает их значение.

Э.-о.л. обладает выраженной положительной или отрицательной коннотацией. Ср.: *бабник, ворюга, идеяка, мужичонка*, с одной стороны, и *чадолюбивый, карапуз, виновник торжества, беззаветный, доблестный, животворный, зачинатель*, с другой стороны. Характер оценки может быть как постоянным (напр., в словах *браво, бис, долой* и под.), так и зависящим от контекста (Ср. *воитель* может иметь и ироническую, т.е. отрицательную, и высокую, т.е. положительную, окраски в зависимости от контекста). В современном русском языке гораздо более разнообразно и многочисленно представлены отрицательно окрашенные лексические единицы.

В настоящее время в лексикологии не существует единой общепринятой классификации стилистически окрашенной лексики (в т.ч. эмоциональной, экспрессивной, оценочной). Нет единого чёткого понимания и сущности категорий эмоциональности, экспрессивности, оценочности. Однако чаще всего эмоциональность и оценочность рассматриваются как составляющие более широкого понятия экспрессивности. Поэтому один и тот же пласт лексики в разных лингвистических исследованиях называют то эмоционально-экспрессивным, то эмоционально-оценочным ресурсом языка.

Основным средством фиксации эмоционально-оценочной лексики служат словари. Прежде всего речь идёт о толковых словарях современного РЛЯ. В данных словарях Э.-о.л. сопровождается либо специальными пометами (*бран.* – ‘бранное’, *ирон.* – ‘ироническое’, *шутл.* – ‘шутливое’, *неодобр.* – ‘неодобрительное’, *пренебр.* – ‘пренебрежительное’, *укор.* – ‘укоризненное’, *презрит.* – ‘презрительное’, *почтит.* – ‘почтительное’, *торж.* – ‘торжественное’, *ритор.* – ‘риторическое’), либо соответствующими комментариями. Напр.: **БАБА** – *О робком, нерешительном мужчине, юноше (обычно с оттенком пренебрежительности); ПОЧИВАТЬ* – *То же, что спать (устар. с оттенком почтительности)*. Однако указание на эмоционально-оценочный компонент значения слова может сохраняться и в его толковании. Напр.: **КОСОЛАПЫЙ** – ‘3. Шутливое название медведя’.

Лит.: Ахманова О.С. О стилистической дифференциации слов // Сб. ст. по языкознанию. М., 1958; Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию: Профессору Московского ун-та академику В.В. Виноградову [в день его 60-летия]. М., 1958; Денисов П.Н., Костомаров В.Г. Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи (по данным Словаря русского языка С.И. Ожегова) // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969; Кульбит Ю.С. Когнитивно-информационная природа эмоционально-оценочной лексики в лингвокультурном пространстве: КД. Майкоп, 2010; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984; Стаценко А.С. Эмоционально-оценочная лексика как средство реализации речевой интенции. СПб., 2011; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧИ, или **ЭМОТИВНОСТЬ РЕЧИ**, – один из компонентов (наряду с оценочностью, образностью, интенсивностью) категории Экспрессивности (см.), свойство языковых/речевых единиц выражать эмоции, чувства говорящего (пишущего) и тем самым оказывать эмоциональное воздействие на адресата.

Э.р. выражается прежде всего интонационно, а также при помощи: а) слов с эмоциональной окраской – как закреплённой лексикографически, так и субъективно обусловленной (проявляющейся в контексте, напр.: *проказник ты мой* – ласкательно по отношению к ребёнку); б) стилистически окрашенных аффиксов, напр.: *доченька, зверюга*; междометий (*ах, ох, ух, эх, ай, ой, ого-го, батюшки!* и т.д.); в) некоторых частиц, напр.: *вроде* (неуверенность), *ну и* (удивление); г) специализированных эмотивных предложений, напр.: *Что за невежество!* (удивление, оценка); *Вот молодец так молодец!* (значение высокой степени одобрения); *О чём как не об учёбе думать!* (уверенность); *Где он только ни бывал!* (удивление); д) вводных слов и словосочетаний, напр.: *на счастье, к удовольствию кого-нибудь* (радость); *к сожалению, увы, грешным делом, к несчастью* (неодобрение, сожаление); е)

стилистических приёмов (напр., риторического восклицания, риторического вопроса, инверсии) и нек. др. средств.

Средства выражения Э.р. отграничивают от средств описания (обозначения) эмоций. Напр., в приведённом ниже отрывке из художественного текста слова *изумлённо, гневно, спокойно* служат описанию эмоций, а повтор (*ступай, ступай...*), сопровождаемый в устной речи соответствующей интонацией, выражает их.

Я тихонько толкнул ногою его ногу, – он изумлённо и гневно уставился на меня синими глазами, держа кастрюлю за ручку и как бы собираясь швырнуть её в меня. Но, увидев, что я подмигиваю ему, сказал спокойно:

– *Ступай, ступай...* (М. Горький).

Спорным считают «...вопрос о высказываниях, описывающих переживания в первом лице, типа: *Я очень рад вашему успеху; У меня это вызывает отвращение.* В них чувство одновременно выражается и описывается» [Гак 1996: 21].

Э.р. тесно связана с оценочностью. Эмоционально-оценочными являются, напр., слова *солнышко, подхалим, негодяй*. Однако «некоторые эмоциональные слова (напр., междометия) не содержат оценки; в то же время слова, в которых оценка составляет само их лексическое значение (причём оценка не эмоциональная, а интеллектуальная), не относятся к эмоциональной лексике (*плохой, хороший, гнев, радость, любить, одобрять*)» [Голуб 1999: 59].

Эмоциональность, как и оценочность, может быть присуща текстам различной функциональной принадлежности: разговорным, публицистическим, научным, художественным. Об эмоционально-оценочной тональности разговорной речи пишут, напр., Е.А. Земская, Т.В. Матвеева; об эмоциональной оценочности публицистики – Г.Я. Солганик, Д.Э. Розенталь, М.А. Кормилицына; об особом эмотивном аспекте научного текста – М.Н. Кожина, Л.М. Лапп, Л.В. Шиукаева и др. Говорят и об эмоциональной тональности официально-деловых текстов, которая рассматривается «как нарушение стилевых норм делового стиля, но может встречаться» [Кормилицына 2001: 222].

Существует междисциплинарная отрасль науки – эмотиология, или лингвистика эмоций, изучающая проблемы эмотивности языка, речи и текста и представленная, прежде всего, работами Волгоградской школы лингвистики эмоций, которую возглавляет проф. В.И. Шаховский. В рамках лингвистики эмоций разграничивают «эмоциональность» и «эмотивность»: применительно к психологической характеристике личности, состоянию и уровню развития её эмоциональной сферы используют понятие эмоциональности; если же речь идёт о лингвистической характеристике текста как совокупности языковых средств, служащих для передачи носителями языка своего эмоционального состояния и отношения к миру, то употребляют понятие эмотивности.

Эмоциональное построение речи используется не только с целью придания ей экспрессивности, выразительности, но и как средство суггестивного воздействия на адресата, частично или полностью блокирующее его рациональное сознание.

Лит.: **Бабенко Л.Г.** Обозначение эмоций в языке и речи: учеб. пособие. Свердловск, 1986; **Бабенко Л.Г.** Русская эмотивная лексика как функциональная система: АДД. Свердловск, 1990; **Балли Ш.** Французская стилистика. М., 1961; **Гак В.Г.** Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность: сб. памяти Е.М. Вольф. М., 1996; **Галкина-Федорук Е.М.** Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию. Проф. Московского ун-та академику В.В. Виноградову в день его 60-летия. М., 1958; **Говердовский В.И.** Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие рационального и эмоционального в лексике) // Вопросы языкознания. 1985. № 2; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1999; **Кормилицына М.А.** Риторическая организация речи (адресованность речи) // Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001; **Малинович Ю.М.** Экспрессия и смысл предложения // Проблемы эмотивно-экспрессивного синтаксиса. Иркутск, 1989; **Маслова В.А.** Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста: ДД. Минск, 1992; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Русская грамматика.** Т. 2. Синтаксис. М., 1980; **Орлова Н.Н.** Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект (на материале современной английской прозы): КД. Ростов н/Д, 2009; **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003; **Телия В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986; **Трипольская Т.А.** Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: ДД. СПб., 1999; **Харченко В.К.** Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности

в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 36; **Шаховский В.И.** Лингвистическая теория эмоций. М., 2008; **Школьник Л.С.** Воздействие на эмоции и воздействие эмоциями. М., 1978; **Эмотивный код языка и его реализация:** коллективная монография. Волгоград, 2003; **Язык и эмоции:** сб. науч. тр. Волгоград, 1995.

Г.А. Копнина

ЭМПА́ТИЯ (от др.-греч. *ἐμπατικός*) – способность человека к непроизвольному сострадательному переживанию эмоций и чувств другого человека в процессе общения с ним. Определение эмпатии, данное Ю.С. Крижанской и В.П. Третьяковым, показывает пути, по которым должен идти говорящий в общении с собеседником, чтобы избежать коммуникативной неудачи: «Эмпатия – это такой механизм восприятия и понимания <...>, когда познание другого происходит через “вчувствование” в другого, “перевоплощение в него”, “вживание в его мир”, “сочувственную идентификацию”. <...> Эмпатия – это такое познание другого, когда он воспринимается, познаётся как бы в “чистом виде”, <...> с его функциональными возможностями в данной ситуации, т.е. познаётся “изнутри”, “через себя”» [Крижанская, Третьяков 1999: 263].

В теории личности Г. Салливана Э. – невербализируемый скрытый коммуникативный процесс, посредством которого отношения, чувства и суждения передаются от человека к человеку без публичного их проговаривания. Эмпат – человек, способный воспринимать внутренний мир другого с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков на уровне своих собственных эмоций. Термин «Э.» был введён Э. Титченером для обозначения внутренней активности, результатом которой становится интуитивное понимание ситуации другого человека. Яркий пример Э. – поведение драматического актёра, который вживается в образ своего героя. В свою очередь, зритель тоже может вжиться в образ героя, поведение которого он наблюдает из зрительного зала.

«... Эмпатия означает уважительное и правильное понимание того, что другие видят, чувствуют, в чём нуждаются и о чём просят. Уважительное понимание других не означает, что мы согласны с тем, что нам говорят. Это также не означает, что мы будем делать то, о чем нас просили. И это не означает, что нам должно нравиться то, что они говорят. Наше уважение обнаруживается в нашем внимании, которое полностью направлено на то, о чем говорят нам в данный момент. Это требует очищения нашего сознания от всякой предвзятости и предубеждений, которые мы можем иметь по отношению к говорящему» [Межличностное общение 2001: 389].

Обладание способностью к Э. – важное условие этической и, в конечном счете, успешной межличностной коммуникации. Одной из сторон Э. является, по существу, лингвопрагматический принцип вежливости, реализующийся в максимах такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии (см. Коммуникативные постулаты).

Лит.: **Большой толковый социологический словарь.** М., 2001; **Ванершот Г.** Эмпатия как совокупность микропроцессов // Карл Роджерс и его последователи. М., 2005; **Кондаков И.М.** Психологический словарь. М., 2000; **Крижанская Ю.С., Третьяков В.П.** Грамматика общения. М., 1999; **Кузнецова А.А.** Иллокутивные типы вербальной эмпатии: КД. Уфа, 2010; **Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.** Межличностное общение: учебник. СПб., 2001; **Роджерс К.** Эмпатия // Психология эмоций. Хрестоматия. М., 1984.

Н.А. Володько

ЭМФА́ЗА (от др.-греч. *ἐμφασις* – ‘указание, выразительность’) – 1. Выделение в речи важной в смысловом отношении части слова, слова в целом, группы слов, предложения при помощи интонации, особого эмфатического ударения, синтаксических средств (напр., повторения, порядка слов), усилительных частиц и т.д. Средством эмфатического подчёркивания являются все стилистические фигуры. Возможно сочетание нескольких средств. Напр.: *Не часто приходится просыпаться от тишины. / Да, да, от тишины!* (В. Астафьев) – средствами эмфатического выделения в данном случае выступают лексический повтор и повторяющаяся усилительная частица. При таком понимании понятие Э. сближается с понятиями Актуализации (см.) и Выдвижения (см.).

2. Эмоциональное, взволнованное построение речи [Квятковский 1998: 412]. Напр.: *Никто не услышит здесь, в Свинушкином овраге, моего плача, никто не увидит и не осмеёт. Какая тоска!.. Какая смертная тоска... Я всхлипывал и бессвязные, смутные, бормотал слова. Где вы? Где? Мама!... Папа!... И снова – мама!.. Где вы? Неужели нет оттуда, где вы сейчас, дверки сюда?.. И ключья обид... Почудилось – она тут, мама, близко. Прозрачная, почти до неба ростом, бежит, смотрит из-под руки, ищет меня... И гриб белый вспомнился, величайшая радость моей жизни... Огромный, как зонтик!.. И пирог, отданный Ханчику за книгу... Неожиданно тёплая коса Капы... Белое, с зажмуренными глазами лицо Кирпичёва... Схема обезвреживания противоне... Ох ты! Кто это?!* (Р. Рахманин) – эмоциональность и взволнованность автора осуществляются за счёт разнообразных повторов (выделены), риторических восклицаний (*Какая тоска!*; *Ох ты, Мама!*; *Папа!*), риторического вопроса (*Неужели нет оттуда, где вы сейчас, дверки сюда?..*), делиберативного вопроса (*Кто это?!*), парцелляции (перечисление через многоточие), пролепсиса (*она тут, мама...*), инверсии (*бессвязные, смутные, бормотал слова, и гриб белый вспомнился*), апокопы (*противоне...*), гиперболы (*огромный, как зонтик, почти до неба ростом*).

3. Троп, состоящий в употреблении слова в суженном (по сравнению с обычным) значении, напр.: *Чтобы сделать это, нужно быть человеком* (то есть героем); *Тут нужен герой, а он лишь человек* (то есть трус) [Литературный энциклопедический словарь 1987: 509].

Лит.: Калустова О.М. Явление синтаксической эмфазы в современном испанском языке: КД. Киев, 1984; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; Тарасова А.Н. Категория эмфазы и виды контраста // Филологические науки. 1995. № 5–6; Тарасова А.Н. Категория эмфазы в современном французском языке (опыт классификации эмфатических высказываний): АДД. М., 1992; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

ЭНАЛЛАГА. См. ГИПАЛЛАГА

ЭНАНТИОСЕМИЯ (от др.-греч. ἐναντιώσις – ‘противоположность’ и σήμα – ‘знак’) – совмещение в семантике слова противоположных или контрастных значений (сем). Иногда Э. называют внутрисловной Антонимией (см.), но не всегда значения такого слова противопоставлены полностью, чаще встречается контраст какого-л. признака или антонимические оттенки одного значения. Напр., противопоставление может происходить по объекту действия: *А у меня сосед холодной водой обливаются. – Ух ты, он что, морж? – Нет. Просто хулиган* (Комок. 2005. № 26); или по полюсам одного признака: *жгучий* – «очень холодный»/«очень горячий». Энантисеманты, по мнению разных учёных, являются частными случаями либо полисемии, либо омонимии.

Как правило, Э. существует в слове ограниченное время, «избавляясь» постепенно от одного из значений. Напр., в слове *лихой* – ‘плохой’ постепенно развилось положительное значение ‘удалой, смелый’, которое к настоящему времени почти вытеснило первоначальное значение. В слове *навверное* устаревшее значение ‘навверняка’ сменилось современным ‘вероятно, по-видимому’. Типы Э. могут быть представлены в виде оппозиций: синхронная – диахронная, языковая (ингерентная) – речевая (адгерентная), лексическая – грамматическая, лексемная – фразеологическая, денотативная – коннотативная, внутриязыковая – межъязыковая.

Основными причинами возникновения Э. являются синкретичность древних корней, а также регулярное антифразисное (см. Антифразис) использование слова. Напр., в слове *амбре* устаревшее значение ‘приятный запах’ сменилось ироническим разговорным ‘дурной запах’.

Э., несмотря на существование точки зрения о её «вреде» и затруднении коммуникации, является системным, регулярным явлением языка и, как правило, снимается контекстом, хотя в некоторых случаях Э. может стать причиной Двусмысленности (см.): *Редактор просмотрел эти строки* – то ли прочитал, то ли не заметил; *Страна переизбрала президента*. Переизбрать может значить или

‘избрала на новый срок’, или ‘не избрала на новый срок, а выбрала другого’. Это свойство Э. иногда выполняет эстетическое задание: *Едем, едем, не скучаем, / Разговор ползёт, как гной, / проводник обносит чаем, / жизнь обходит стороной* (В. Строчков), в т.ч. используется в развлекательных целях, напр. для создания нелепой ситуации (ср. неправильное понимание глагола *отмучиться*, сказанного про больного: выздоровел/умер). На окказиональной Э. строится Антифразис (см.).

Лит.: Бунчич Д. Энантисемия внутриязыковая и межъязыковая как проблема коммуникации // «Słowa, słowa, słowa»... w komunikacji językowej II. Hg. Marcelina Grabska. Gdańsk, 2004; Вознесенская М.М. Энантисемия в русской фразеологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). М., 2011; Вороничев О.Е. О лексическом статусе энантиосемантов, или Когда слово становится самому себе антонимом // Начальная школа плюс До и После. 2011. № 01; Ермакова О.П. Существует ли в русском языке энантисемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию начала и конца // Логический анализ языка. М., 2002; Кравцова В.Ю. Энантисемия лексических и фразеологических единиц: АКД. Ростов н/Д, 2006; Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; Шелестюк Е.В. Диахронический аспект энантисемии. URL: www.shelestiuk.narod.ru/publications/Enantiosemy-in...; Шерцль В.И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантисемии) [1884] // Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф.П. Филина. М., 1973.

М.А. Южанникова

ЭПАНА́ЛЕПСИС (от др.-греч. ἐπανάληψις – ‘возобновление, повтор’) – многократный лексический повтор, иногда с распространением повторяемых слов добавочными вставками. Напр.: **Я прав, я прав, я трижды прав!**; **Проклято, проклято, наверно проклято!**; **Забудьте! Забудьте все... забудьте, пожалуйста...** (Ф. Достоевский); **Такая чудная женщина, красивая женщина, прелестная женщина!** (В. Гиляровский); **Мы тебя знаем: о, да, воистину мы тебя знаем** (В. Долина); **Петуха упустила старушка, золотого, как день, петуха** (А. Блок); **Горели звёзды... Опять звёзды!** (В. Астафьев).

Э. служит для интенсификации описываемого, передаваемого признака, свойства, передачи сильного напряжения, волнения, чувства: **За это в Сибирь? В Сибирь, в Сибирь! Тотчас в Сибирь!**; **Вдруг слёзы градом у обоих из глаз, дрогнули руки. У обоих, у обоих разом!** (Ф. Достоевский). Э. активно используется в публицистическом стиле, т.е. там, где большую (если не ведущую) роль играет пафос текста: **Китай богатеет – средняя зарплата за последние годы выросла от ста до трёхсот долларов. Вот только работать китайцы при этом стали не меньше..., а больше. Ещё больше, намного больше** (АиФ. 2010); **Вопросы, вопросы, одни вопросы...** (Правда. 2011); **Обставлено всё было очень торжественно. Всюду цветы, много цветов, огромные корзины цветов** (Правда ГУЛАГа. 2011).

Иногда Э. строится с участием других приёмов, фигур речи, напр., Эпифоры (см.) и Градации (см.): **Не говоря ни слова, я с необыкновенною вежливостью, с совершеннейшею вежливостью, с тончайшей вежливостью приближаюсь к болонке** (Ф. Достоевский); **Но всё-таки то, что рассказывал администратор про него, даже и для Стёпы было чересчур. Да, чересчур. Даже очень чересчур...** (М. Булгаков).

Лит.: Головкина Н.Г. Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи: КД. М., 1964; **Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник** / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Фолькман Р.** Риторика греков и римлян. Таллин, 1981; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

ЭПАНА́СТРОФА. См. АНАДИПЛОЗИС

ЭПИГРАФ (через фр. *épigraphe* от греч. *ἐπιγραφή* – ‘надпись’) – короткая надпись, помещаемая перед произведением или его частью и поясняющая его дух, основную идею или отношение к нему автора. Кроме того, Э. может выступать своеобразной отсылкой к авторитету, вливаясь, таким образом, в аргументационную систему текста и являясь немаловажным элементом его поэтики. Э. наиболее свойственны художественным, публицистическим, реже – научным произведениям. Бывают Э. прозаические и стихотворные; общие, относящиеся ко всему произведению, и частные, предваряющие его фрагменты или главы.

В качестве Э. часто берут пословицы, поговорки, слова из общеизвестных литературных и фольклорных произведений, писем, дневников, из священного писания и т.п. Особую группу составляют Э., придуманные самим писателем, но, в силу специфики жанра (необходимость отсылки к авторитетному внешнему источнику или другие причины), мистифицируемые автором, напр., Э. к одиннадцатой главе «Капитанской дочки», вероятно, сочинён самим А.С. Пушкиным, а приписан А.П. Сумарокову (Цявловский М.А. «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты». М.; Л., «Academia», 1935, с. 221; Шкловский В. Заметки о русской прозе. М., 1955, с. 76).

Первые Э. появились во Франции в XV веке и представляли собой преимущественно выдержки из сочинений античных авторов, напр.: Э.-девизы Ж.-Ж. Руссо («*Vitam impendere vero*») или Э. в «*Esprit des Lois*» Монтескьё («*Prolem sine maire creatam*»). Э. зависимы от литературных и общественных настроений и подвержены влиянию моды. В России пик их популярности пришёлся на XIX век, когда ими блистали, выражая свою эрудицию и умение применить чужую мысль к новому содержанию (ср. Э. к произведениям А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского).

В России широко известны Э. классических литературных произведений, напр., Э. к «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, источником которой послужила поэма В.К. Тредиаковского «Тилемахида» («Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй») или к поэме М.Ю. Лермонтова «Мцыри» из Библии, Первой Книги царств, гл. 14, ст. 43 («Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю»).

Оформление Э. имеет свои особенности: размер шрифта в Э. должен быть таким же или меньше, чем в основном тексте; строчки должны быть примерно одной длины; в кавычки текст Э. не заключается; в конце обязательна постанова необходимого по смыслу знака препинания; предпочтительно указание автора или текста-источника (набирается отдельной строкой без точки на конце):

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна...

А.А. Фет

Э., как полифункциональный элемент текста, является эффективным средством воздействия на читателя.

Лит.: Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Мальчева Н.В. Учебный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2005; Кошкин И.В. Полифункциональность эпиграфа в творчестве А.С. Пушкина: КД. СПб., 2004; Ларкин В.С. Эпиграф как элемент кодирования смысла художественного текста: КД. М., 2010; Роль эпиграфа в интерпретации художественного произведения // Методическое пособие. Мн., 1983; Цитата и эпиграф в тексте художественного произведения: Библиографический список (1974-2008) / сост. Д.А. Панкратова. М., 2011; Цуканова Е.М. Семантическая связь эпиграфа с текстом: КД. Орёл, 2003; Шевцова Д.М. Функционирование библейских эпиграфов в художественной структуре романов Л.Н. Толстого («Анна Каренина», «Воскресение») и Ф.М. Достоевского («Братья Карамазовы»): КД. Н. Новгород, 1997.

М.А. Южанникова

ЭПИДЕЙКТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ, или **ВООДУШЕВЛЯЮЩАЯ РЕЧЬ**, – речь, воздействующая на эмоциональное состояние аудитории, объединяющая, поднимающая её дух. В античности праздничные речи назывались «эпидейктическими» (от др.-греч. *ἐπιδεικτικὴς* – ‘похвала’).

Поводом Э.р. могут стать как официальные, так и семейно-бытовые события (государственный праздник, торжественная акция, вручение наград или же день рождения, свадьба, проводы в армию, дружеские и корпоративные вечеринки). Все эти «собрания» людей традиционно сопровождаются речью, которая должна соответствовать всем правилам и канонам подобных событий. Несмотря на кажущуюся лёгкость решения риторической задачи, создание эффективного высказывания в этом жанре – дело отнюдь не простое и доступно далеко не каждому, как показывает практика выступлений. В создании этого типа текста важен творческий подход.

В речах подобного рода поднимаются темы, которые являются значимыми для всех: похвала добродетелям, прекрасным человеческим качествам, осуждение пороков, негативных сторон жизни. Оратор должен вызвать у слушателей положительные эмоции, пробудить благородные порывы, доставить удовольствие аудитории.

Э.р. должна отвечать определённым правилам. Прежде всего, речь должна быть адресной, т.е. оратор должен указать, кому или чему адресована речь, ибо предметом речи может стать как человек, так и событие. Кроме того, предмет речи должен быть индивидуализирован: в нём должны быть определены черты, характерные только для этого человека или события. Напр., если восхваляется какая-то черта человека, то очень привлекательным станет эпизод, факт его жизни, который ярко отражает эту черту. Можно включить повествование, содержащее элементы драматизации: завязку, развитие повествования, кульминацию, развязку; воображаемые диалоги, реплики. Всегда с интересом воспринимаются короткие занимательные рассказы, реальные истории из жизни, в которых ярко представлена личность адресата. Другими словами, в Э.р. необходимо наличие конкретного материала, в котором бы отразилась индивидуальность «виновника торжества», причём последний может быть как одним лицом, так и группой лиц, коллективом.

Ещё одно важное правило касается качеств речи, которая должна быть образной, выразительной, оригинальной, лишённой штампов, клишированных, стандартных выражений: часто приходится слышать на праздничных мероприятиях во время поздравлений, как оратор «присоединяется к предыдущим ораторам», обещает своими речами «не отнимать много времени», желая «крепкого здоровья, успехов в работе и счастья в личной жизни». Вряд ли такие пожелания могут вызвать восторг и поднимут настроение, т.к. они слишком обобщены, умозрительны, часто повторяемы, а значит, совсем не оригинальны. Пожелание будет по-настоящему действенным, если будет развёрнуто в более подробный, конкретный текст, близкий адресату. Каждый человек уверен в своей уникальности и в этой особой ситуации мечтает услышать о себе действительно особые слова, искренние и выразительные.

Можно выделить такие жанры этого типа речи, как поздравление, обращение, благодарность, напутствие, тост.

Особым жанром Э.р. является Тост (см.). Его отличительный признак – притчевость, включение в содержание речи текста легенды, занимательной истории, которые бы стали иносказательным моментом в речи оратора. Эта параллель становится увлекательным элементом для адресата и всех собравшихся, доставляет особое удовольствие. Наблюдения за речевой практикой показывают, что настоящий тост в ситуации застолья произносится довольно редко, ибо он, по словам специалистов, носит «заимствованный» характер, не является органичным для нашей речевой культуры. Это чаще всего подражание, имитация и своеобразное преломление инокультурной, и, прежде всего, грузинской традиции. Слова, обращённые к адресату, произносятся чаще всего в жанре поздравления.

Чрезвычайно важным становится сам момент представления речи, т.к. действенность её усиливается благодаря высокой технике произнесения. Оратор должен найти верную тональность, быть искренним, эмоциональным, открытым во время выступления, вместе с тем не впадать в излишнюю сентиментальность, ложную пафосность, что вызывает чувство неловкости у собравшихся. Важно указать на такие необходимые требования к торжественной речи, как тщательная продуманность, подготовленность речи, лаконизм.

Таким образом, Э.р. всегда была и является достаточно востребованным типом речи. Знание правил её подготовки, составления и произнесения позволяют оратору успешно выступать в торжественных ситуациях, создавая у собравшихся адекватное ситуации общения настроение, добиваясь тем самым нужного коммуникативного результата.

Лит.: **Аннушкин В.И.** Риторика. Вводный курс. М., 2006; **Аннушкин В.И.** Риторика. Экспресс-курс: учеб. пособие. М., 2008; **Михальская А.К.** Основы риторики. Мысль и слово: учеб. по-

сбие. М., 2002; Сопер П. Основы искусства речи. М., 2000; Стернин И.А. Практическая риторика. Воронеж, 2005; Шаталова С.В. Эпидейктические жанры речи: КД. Ярославль, 2009.

С.В. Менъшенина

ЭПИСТОЛА. См. ПИСЬМО₁

ЭПИСТОЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА – это культура письма, умение писать письма (от др.-греч. *ἐπιστολή* – ‘письмо’).

В Древней Руси, которая унаследовала христианскую духовную эпистолярную традицию, письма были своеобразными посланиями с их главным назначением – увещание, поучение и проповедь. Своеобразным жанром Э.к. были берестяные грамоты – письма, записки, документы XI–XV вв., написанные на внутренней стороне березовой коры – бересте. Впервые берестяные грамоты были найдены в Великом Новгороде в 1951 г. археологической экспедицией под рук. А.В. Арциховского; к настоящему времени насчитывается более 1000 грамот.

В 1708 году был издан первый русский печатный письмовник с образцами писем на все случаи жизни: *Како пишутся комплименты разные на нем. языке, т.е. писание от патентов к патентатам поздравительные и сожалительные...* Эта книга представляла образцы писем, специально адресованных «женскому полу», вводился светский политес на европейский манер; введено обращение к адресату на «Вы» [Демин 1963]. Прививались новые формы обращения (*милостивый государь; Господин мой дражайший приятель!* и др.) и соответствующие им формы прощания (*Ваш покорный слуга; Остаюсь ко услужению готовый* и др.). Они начали вытеснять старинные русские образцы писем с характерным для них самоуничижением адресанта: *Государю моему батюшку, царю Петру Алексеевичу сынишка твой, Алешка, благословения прося и челом бьет; Гсдрю моему Степану Корнилевичю женишка твоя | Улка челом бьет...* | [Грамотки 1969].

Во второй половине XVIII в. в русской Э.к. получил распространение жанр «дружеского письма» (Д.И. Фонвизин, Н.А. Львов, В.В. Капнист, М.Н. Муравьев), а в начале XIX в. авторы таких писем достигли высочайшего мастерства (А.С. Пушкин, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский и др.). В XIX в. умению писать грамотные и изящные письма обучались специально. Чтобы написать письмо, было недостаточно простой грамотности: «письмо имело свой стиль, свои формы, вне которых пишущий производил впечатление невежды» [Горнфельд 1904: 924].

Особое место в русском эпистолярной занимала женская Э.к., которой было свойственно своеобразное двуязычие. На рубеже XVIII–XIX вв. женская переписка велась, в основном, на французском языке. Особенно это касалось тех, кто получил домашнее образование и не владел письменной формой родного языка. Известно, что Татьяна Ларина «по-русски плохо знала, романов наших не читала» и письмо Онегину, написанное по-французски («доныне гордый наш язык к почтовой прозе не привык»), Пушкин переводит на русский язык, «земли родной спасая честь».

Со временем частное письмо становится явлением литературным, если оно посвящено не сиюминутным бытовым вопросам, а общественным. Процесс перехода бытового письма в область литературы был отмечен Ю. Тыняновым в статье «Литературный факт» (1929). Эпистолярные тексты позволяют оценить эпоху непосредственно, взглянуть на неё глазами современника, понять, что волновало, что радовало; какие события казались наиболее значительными.

Духовная переписка представляет собой особый жанр эпистолярной литературы. Она находится в тесной связи с традициями древнерусской литературы. Переписка духовных наставников со своими учениками воспринималась как часть пасторской службы. Содержание переписки – указание пути к христианскому спасению и совершенствованию. Однако уже в начале XX в. жанр письма претерпевает серьезные изменения. Как пишет А. Горнфельд в 1904 г., «эпоха эпистолярной литературы ... прошла для цивилизованного мира безвозвратно: ускорение темпа жизни, усиление возможности устного общения ведут к падению переписки, которая увеличивается количественно в гигантских размерах, но перестает быть предметом особого внимания и искусства. Деловая простота вытесняет условности стиля...» [Горнфельд 1904].

Особого внимания заслуживает Э.к. и эпистолярный этикет в современной электронной коммуникации, где формируются новый эпистолярный стандарт и новые выразительные средства (смай-

лики). Письмо как явление эпистолярного жанра в электронном виде становится другим: оно представляет собой смешение признаков делового и дружеского письма; в нём разрушается система этикетных формул вежливости, и это ставит перед обществом задачу её сохранения.

Лит.: Горнфельд А. Эпистолярная литература // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 80. СПб., 1904; **Грамотки XVII – начала XVIII века** / под ред. С.И. Коткова. М., 1969; **Дёмин А.С.** Русские письмовники XV–XVII вв. (К вопросу о русской эпистолярной культуре). Л., 1963; **Кабанова Т.Н.** Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения: на материале рукописных и опубликованных текстов XX века: КД. Челябинск, 2004; **Логунова Н.В.** Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв.: генезис и эволюция. Ростов н/Д, 2003.

Т.М. Григорьева

ЭПИСТРОФА. См. ЭПИФОРА

ЭПИТЕТ – художественное определение в широком смысле, основанное на переносе значения; образное, экспрессивное, стилистически значимое слово или словосочетание в синтаксической функции определения или обстоятельства, реже – сказуемого. Напр.: *Мне уже по вкусу бедные, но опрятные стихи; Я уважаю немоту, если она высокаторжественна; Диссидентов терпеть не могу. Они все до единого – антимузыкальны; Я, как стакан, хрупок и тонкостенок. Я многогранен, как стакан* (Вен. Ерофеев).

Э. может «субстантивироваться» и занять позицию объекта и даже субъекта действия: *Зинаида Гиппиус говорила о повороте русской поэзии (и не только) от «понятного о понятном» к «непонятному о непонятном»; инакопишущие* (Вен. Ерофеев). По структуре Э. бывают простыми (*тихие долины полны свежей мглой* (М. Лермонтов)) и сложными (*тяжело-звонкое скаканье* (А. Пушкин); *Владимир Красно Солнышко*).

По принадлежности к той или иной части речи различают: Э.-прилагательные; Э.-наречия; Э.-причастия; Э.-существительные-приложения.

Эпитеты часто лежат в основе других приемов: метафоры: *извивы лапчатого пламени* (А. Белый); метонимии: *зелёный шум* (Н. Некрасов); олицетворения: *гремят раскаты молодые* (Ф. Тютчев); гиперболы: *город остомиллионенный* (В. Маяковский) и мн. др.

Э. может превратиться в клише: *добрый молодец, красна девица, чистое поле, золотое сердце, золотые руки, железный занавес, белая зависть, тоска зеленая, чёрный юмор; жёлтая пресса* и т.д. Такие Э. называют постоянными. Постоянные Э. – один из приёмов народной поэзии, выполняющий функцию типизации. Постоянный Э. называет наиболее характерный признак объекта, часто как признак эталонный: *светлая горница, ретивый конь, высокий терем, живая вода* и др.

Разновидностью постоянного Э. является Э. тавтологический, образованный от того же корня, что и определяемое существительное, либо от ассоциативно близкого ему: *воля вольная, горе горькое* и под.

Слово может восприниматься как Э. вследствие того, что грамматически оно связывается не с тем словом, к которому относится по смыслу. Это так называемая Гипаллага (см.): *Симеонов бережно снимал замолкшую Веру Васильевну, покачивал диск, обхватив его распрявленными, уважительными ладонями* (Т. Толстая); *И жены кутались / В печальные платки* (А. Блок); Ср.: *И печальные жены кутались в платки*.

Если имеет место перенос Э. с управляемого слова на управляющее или (реже) с управляющего на управляемое, то это так называемый перенесённый Э. или **эналлага**: *Здесь стянута бессмысленно и тупо / Кольцом железной боли голова* (А. Блок). Ср.: *Голова стянута железным кольцом боли*.

В случае последовательного соединения нескольких эпитетов при одном определяемом слове мы имеем конструкцию, называемую **цепочкой эпитетов**: *Муза ушла по дороге / Осенней, узкой, крутой; Я помню только сад, / Сквозной, осенний, нежный* (А. Ахматова).

Наиболее закономерно использование Э. в художественной, публицистической и разговорной речи, т.е. там, где присутствует экспрессивность и образность: *И сидят напротив меня три дамы: одна вся такая из себя пасторальная, другая – лунная (именно лунная, в отличие от солнечного*

мужа), третья – *патетическая*; Ты буднишатающийся, а я праздношатающийся (Вен. Ерофеев); Маяковский, <...> *цеголявший стоеросовой прямою суждений* <...> (И. Бунин); *Результатом той информационной войны стал драматический спад доверия к средствам массовой информации вообще – независимо от степени участия каждого в помоепролитных боях* (Известия. 30.06.1999); *Цены просто заоблачные!* (из разг. речи). В официально-деловом и научном стилях эпитеты неуместны.

Лит.: **Веселовский А.Н.** Из истории эпитета // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940; **Горбачевич К.С., Хабло Е.П.** Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979; **Губанов С.А.** Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: КД. Самара, 2009; **Жирмунский В.М.** К вопросу об эпитете // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977; **Потебня А.А.** Теоретическая поэтика. М., 1990; **Русский язык.** Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; **Серебренникова Н.Г.** Механизм эпитета: на материале поэтических текстов К. Бальмонта: КД. Тамбов, 2002; **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; **Томашевский Б.В.** Теория литературы. Поэтика. М., 2001; **Тырыгина В.А.** Эпитет в различных жанрах газетно-публицистического и научного стилей: КД. М., 1999; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

О.Н. Емельянова

ЭПИФОНЕМА (от др.-греч. ἐπιφώνημα – ‘восклицание’) – разновидность плеоназма, фигура речи, состоящая в дублировании содержания основного высказывания другим, прибавляемым высказыванием (предложением или его частью), пояснительного или эмоционально-оценочного типа. Э. используется, в частности, для подытоживания мысли в конце текста или его фрагмента. Напр.: *Известно, какова в русской земле война, поднятая за веру, нет силы сильнее веры. Необорима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря* (Н. Гоголь); *А добродетельный человек всё-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку, потому что праздно вращается на устах слово «добродетельный человек»; потому что превратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нём, понукая и кнутом и всем, чем ни попало <...> Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжём подлеца!* (Н. Гоголь).

Э. называют также фразу, подводящую итог какого-л. текста или его части в виде пословицы, поговорки, афоризма. Напр., Э. завершается конечная часть статьи В. Куприянова «Чрезмерность несущественного»: *Критиковать постмодернизм – в то же время дело неблагодарное, так как в его контексте любое о нём напоминание работает на него, как реклама, в которой несущественное всегда выигрывает. Он порождён отсутствием внешней цензуры, потому спасение от него во внутреннем самоограничении, которое задано нам первым псалмом Давида: «Блажен муж иже не иде в совет нечестивых»* (ЛГ. 2012. № 28). Э. может быть трансформированным прецедентным текстом: *Михаил Кузнецов сравнил деяние кощунниц с актом атаки на американский торговый центр 11 сентября <...> Похоже, дана отмашка атаке на русскую православную церковь. Задача – внести раскол в общество, создать фон, на котором продолжить дальнейшие атаки на православие, пороча его. И опасность этого нельзя недооценивать. Получается, как некогда целились в коммунизм, а попали в Советский союз, сейчас целятся в православную церковь, а попадут в Россию* (Завтра. 2012. № 29). В Э. использовано высказывание известного учёного и писателя А. Зиновьева, ставшее крылатым: «Целились в коммунизм, а попали в Россию».

Э. используется, как правило, в текстах книжных стилей.

Лит.: **Античные теории языка и стиля** (антология текстов). СПб., 1996; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Горте М.А.** Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007; **Хазагеров Г.Г.** Риторический словарь. М., 2009; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ЭПИФОРА (от др.-греч. *ἐπιφορά* – ‘прибавка, добавление’) – стилистическая фигура, состоящая в повторении слова или сочетания слов в конце смежных отрезков речи (фраз, предложений, абзацев, стихотворных строк и т.д.).

При более широком понимании («вследствие разрушения старой терминосистемы» [Хазагеров 2009: 245]) под Э. понимают стилистическую фигуру, заключающуюся в повторении в конце смежных отрезков речи любых тождественных элементов: звуков или звукосочетаний; словообразовательных элементов; слов или словосочетаний; членов предложения, выраженных однотипными морфологическими средствами. Соответственно, выделяют Э. фонетическую, морфологическую, лексическую и синтаксическую. Напр.: *Шумели, сверкали и к дали влекли, / и знали печали, и пели вдали...* (К. Бальмонт) – фонетическая Э.; *...Она была восторженной поклонницей, наперсницей, соперницей и даже покровительницей в разные периоды их слоистой, как геологический разрез, жизни* (Л. Улицкая) – морфологическая Э.; *«Я и сам когда-то пел не уставая: где ты, моя липа, липа вековая?» И в самом деле, где ты, наша липа, липа вековая?* (В. Астафьев) – лексическая Э.; *Ещё земли печален вид, / А воздух уж весной дышит, / И мёртвый в поле стебель колышет, / И елей ветви шевелит* (Ф. Тютчев) – синтаксическая Э.

Разновидностью лексической Э. является **эпистрофа** [Москвин 2000: 74], или **эпистрофа́** [Квятковский 1998: 418], – повтор слов, словосочетаний или фраз в конце строф, как, напр., в стихотворении М. Лермонтова «Люблю я Кавказ».

Возможна так называемая двойная Э., состоящая «...в том, что повторяемому в конце каждого отрезка речи слову или словосочетанию предшествует (реже – следует за ним) ещё и рифма», напр.: *Не думай о нашем страданье – / Ему наступит конец. / В груди удержи рыданья – / Слезам наступит конец. / В душе не держи ожиданья – / Душе наступит конец...* (К. Симонов) [Хазагеров, Ширина 1999: 289].

Каждый тип Э. имеет свои функциональные особенности. Так, фонетическая Э. способствует ритмической организации поэтической речи; лексическая Э. подчёркивает эмоциональное тождество следующих друг за другом отрезков речи, используется для придания тексту нерасчлennой эмоциональности, если её употребление не связано с проявлением какой-л. конкретной эмоции. По наблюдениям исследователей, лексическая Э. применяется также для подчёркивания стабильности, непреложности конечного итога, результата и, в отличие от анафоры, для передачи отрицательных эмоций, тёмных тонов [Там же: 289], некоей фатальности, предрешённости, безысходности [Хазагеров 2009: 245], напр.: *Сейчас стали победы одерживать, но война всё равно никогда не сахар, особенно если не выпускать из памяти, что люди умирают каждый день и час. Написал в приказе букву – а кто-то умер. Провёл сантиметр на карте – а кто-то умер. Крикнул в телефон командиру полка «нажми», – и надо крикнуть, обстановка требует, – а кто-то умер...* (К. Симонов).

Э. употребляется преимущественно в художественных (особенно поэтических) и публицистических текстах, являясь, по сравнению с анафорой, менее частотной фигурой.

Лит.: Власова Ю.Н. Анафоро-эпифорические производные во французской поэзии XIX–XX вв.: КД. М., 2002; Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности: учеб. пособие. М., 1996; Измайлов В.С. Повтор как приём орнаментальной прозы: КД. М., 1995; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; Кузнецова А.А. Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке: КД. Красноярск, 2003; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Москвин В.П. Стилистика русского языка: Приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): пособие для студентов. Волгоград, 2000; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь риторических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005.

Г.А. Копнина

ЭРИСТИКА (от др.-греч. ἐριστική – ‘искусство спора’) – 1. Наука о ведении Спора (см.). 2. Искусство спора, предполагающее утверждение своей точки зрения любыми способами, включая Софизмы (см.) и Уловки (см.). Э. противостоит диалектике как поиску истины в споре.

Первое руководство по Э. написал Протагор. Один из самых известных трактатов, посвящённых Э., – труд немецкого философа Артура Шопенгауэра «Эристика, или Искусство побеждать в спорах» (1864), в котором описывались различные эристические уловки (подмена тезиса, переход на личности и т.д.). Этот труд критиковался в русских риториках, для которых соблюдение этики речи было обязательно в любом диалоге. Достоинство же трактата в том, что в нём описаны приёмы противостояния некорректным уловкам в споре.

Эристические уловки (см. Речевые уловки) основаны на фальсификации (подмене источника информации), диффамации (распространении компрометирующих, порочащих кого-л. слухов), введении в заблуждение (неверном освещении событий) и др. нарушениях этических правил речевого общения. Они используются практически во всех сферах функционирования языка. Напр., в научной литературе это так называемая библиографическая фальсификация, когда используют часть литературы вопроса, чтобы не цитировать работы тех людей, которые доказывают обратное; в рекламе это хула действий конкурентов, их товаров и услуг; в масс-медиа – нарушение тайны переписки, сообщение слухов и сплетен, нарушение авторского права; в учебной речи – самовозвышение преподавателя; в информационных технологиях – создание и распространение компьютерных вирусов [Рождественский 1997: 261–265]. Многие эристические уловки наказываются привлечением к судебной и административной ответственности.

Э. изучается в разных аспектах: историко-риторическом (приёмы ведения спора, полемики), философско-культурологическом (особенности активно-критического восприятия действительности в определённых общественно-значимых коммуникативных практиках), дискурсивно-прагматическом (различные виды речевого воздействия, характеризующиеся конфронтацией) [Тамразова 2009].

Лит.: Блажевич Н.В., Селиванов Ф.А. Эристика: курс лекций. Тюмень, 1999; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Поварнин С.И.** Спор. О теории и практике спора // *Логика и риторика. Хрестоматия* / сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. Мн., 1997; **Рождественский Ю.В.** Теория риторики. М., 1997; **Тамразова И.Г.** Функционально-прагматические характеристики эристического дискурса: КД. Пятигорск, 2009; **Шопенгауэр А.** Эристическая диалектика // *Логика и риторика. Хрестоматия* / сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. Мн., 1997.

Г.А. Копнина

ЭРИСТИЧЕСКАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. **КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ**

ЭРОТЭМА. См. **РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС**

ЭРРАТОЛОГИЧЕСКАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. **КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, ЭТИКО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ**

ЭРРАТОЛОГИЯ. См. **ОШИБКОВЕДЕНИЕ**

ЭССЕ (от фр. *essai* – ‘проба, попытка’) – прозаическое сочинение, обычно небольшого объёма, которое отличается свободной композицией и выражает личные впечатления и соображения автора по какому-л. конкретному поводу [Муравьёв 1975]. Многочисленные виды Э. (философское, моралистическое, политико-социологическое, литературно-критическое, научно-популярное) объединяет форма прямого авторского высказывания: «Эссеист говорит только от себя и за себя» [Любинский 2007: 167]. От рассказа и очерка Э. отличается тем, что концентрируется не на изложении или описании событий, а на их осмыслении; от научной статьи – ярко выраженным субъективизмом, равноправием логических и ассоциативных связей, отступлениями: эссеист словно бы фиксирует на бумаге свободное течение своих мыслей. Зачином Э. может служить описание жизненной ситуации (*Бывает полезно присмотреться*

к регулировщикам на перекрестке. Сразу становится ясна роль судьи в обществе, можно даже разобратся в хитростях частного права...), цитата («Как трудно быть кем-то довольным!» Эти суровые слова Лабрюйера должны заставить нас насторожиться...), афористичная сентенция (Характер есть обдуманное настроение. Грубиян старается быть грубым, даже в радости он корчит из себя ворчуна. Я не верю, что пока Робинзон был одинок, он обладал каким бы то ни было характером...) (Ален); и др. Эссеистическому стилю свойственны афористичность, образность, парадоксальность, употребление обиходной лексики [Кайда 2008]. Интонация «разговора с читателем» задаётся при помощи вопросительных предложений (Почему так происходит?), употребления форм повелительного наклонения (Представьте себе, что...) и первого лица мн. числа (Мы часто забываем о...); субъективность – при помощи вводных конструкций (как мне всегда казалось; на мой взгляд), апелляции к собственному опыту (Меня давно интересовало...; Однажды мне пришлось видеть...) и др.

Основоположник жанра фр. философ М. де Монтень, первым озаглавивший цикл развёрнутых размышлений на различные темы словом «Essais» (1580; в рус. традиции – «Опыты»), имел в виду именно незаконченный, предварительный характер своих заметок; «Опыты» Монтеня испытали влияние античной диатрибы и философского диалога, а также проповеди. Ключевую роль в истории жанра сыграла англ. литературная традиция (само слово «эссеист» возникло в англ. языке). «Опыты» («Essays») Ф. Бэкона (1597) отличаются краткостью и отточенная композиция, ставшие с тех пор характерными чертами жанра. Становление Э. как рода журналистики связано с именем Дж. Аддисона (журнал «Spectator», 1711). В эпоху романтизма ориентация на непосредственное, «спонтанное» высказывание привела к взлёту популярности Э.; в XX в. оно становится одним из основных жанров литературы «non-fiction» (В. Вулф, Г.К. Честертон, Ален, М. Бланшо, Х.Л. Борхес). Хотя классическая русская литература богата образцами эссеистического стиля («Арабески» и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского), в целом жанр Э. приживается в России лишь с XX в. (В.В. Розанов, В.Б. Шкловский, М.И. Цветаева и др.); сам термин фиксируется в словарях начиная с 1930-х гг. [Жолковский 2008]. В современной печати широко распространены периодические Э. (жанр газетной или журнальной колонки, «особого мнения» и пр.) – краткие отклики на те или иные события, имеющие подчеркнуто индивидуальный характер.

Лит.: Ален (Эмиль Огюст Шартье). Суждения. М., 2000; **Дмитровский А.Л.** Эссе как жанр публицистики: КД. СПб., 2003; **Жолковский А.К.** Эссе // Иностранная литература. 2008. № 12; **Зацепин К.А.** Эссе как коммуникативная форма: проблемы чтения: на материале современной эссеистики: КД. Самара, 2006; **Иванов О.Б.** Эссе в европейской философской и художественной культуре: КД. Ростов н/Д, 2004; **Кайда Л.Г.** Эссе: Стилистический портрет. М., 2008; **Любинский А.** Эссе // Любинский А. На перекрестье. СПб., 2007; **Муравьев В.С.** Эссе // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975; **Эпштейн М.** Законы свободного жанра: Эссеистика и эссеизм в культуре Нового времени // Вопросы литературы. 1987. № 7; **Adorno T.W.** Essay as a Form. New York, 1975; **Berger B.** Der Essay. München, 1964; **The Lost Origins of Essay.** St. Paul, 2009.

Т.Б. Аверина

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВА И ТЕКСТА – 1. Способность слова и текста стимулировать эстетический эффект, пробуждать творческое воображение адресата, его представление о красоте, выразительности и силе словесного искусства. 2. Предназначенность художественного слова и текста вызывать эстетическое чувство, ответную лирическую эмоцию читателя благодаря **художественно-образной речевой конкретизации** (термин М.Н. Кожиной).

Эстетическая функция (Э.ф.), реализующая стремление человека к эстетическим эмоциям, связана с гармонизацией речевого общения, с потребностью человека к достижению истины, добра и красоты. Условием выполнения словом и текстом Э.ф. является творческое начало, привнесённое языковой личностью, «стоящей» за текстом (выражение Ю.Н. Караулова), лирические эмоции автора, которые передаются адресату. С точки зрения В.П. Григорьева, Э.ф. характерна не только для произведений искусства, но и для других текстов, в которых наблюдается проявление творческого начала и экспрессии. Художественное слово выступает в этой концепции в качестве экспрессемы [Григорьев 1979: 177].

Э.ф. рассматривают как самую яркую приметку текстов художественно-беллетристического стиля и соотносят её с образностью. В стилистике художественной литературы известны разные концепции, связанные с интерпретацией образности и Э.ф. слова и текста.

В 30-е гг. А.М. Пешковским была сформулирована оригинальная семантическая теория «общей образности». Полемиическая идея образности **каждого слова**, участвующего в формировании Э.ф. художественного текста, получила большой резонанс и оживлённо дискутировалась в течение ряда лет. С критикой концепции «общей образности» А.М. Пешковского и признанием того, что в тексте имеются и «упаковочные средства» (термин Л.В. Щербы), выступил В.П. Григорьев (1979), по мнению которого отношения между «образным» и «упаковочным» материалом подвижны в разных контекстах. Вне текста, по мысли автора, слова имеют разную степень экспрессивности (это означает фактически признание разной потенциальной готовности слов выполнять Э.ф.). Действительно, выразительный потенциал тропов и нейтральных общеупотребительных слов различен, вместе с тем очевидно, что все они могут создавать эстетический эффект (ср. стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил», которое обладает большой эстетической силой, несмотря на практическое отсутствие ярких изобразительно-выразительных средств).

В работах Г.О. Винокура Э.ф. в искусстве соотносится с формой, с особым планом выражения: «Эта-то установка на выражение и определяет язык как материал поэзии» [Винокур 1990: 13]. Г.О. Винокуром была представлена **концепция внутренней формы**, опирающаяся на особенности поэтического языка, раскрывающая суть Э.ф. литературного произведения. Данная концепция сводится к тому, что «более широкое или “более далёкое” содержание не имеет своей собственной раздельной звуковой формы, а пользуется вместо неё формой другого, буквально понимаемого содержания. Таким образом, формой здесь служит содержание» [Винокур 1990: 142]. Применительно к слову это выражается в том, что «действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле» [Винокур 1990: 142]. Э.ф. слова и текста, таким образом, фактически интерпретируются автором как их смысловая многоплановость, способность рождать образные смыслы в сознании читателей.

С концепцией Г.О. Винокура связана теория Б.А. Ларина о «комбинаторных приращениях смысла», семантической осложнённости лирики, её «смысловой многорядности» [Ларин 1974]. Благодаря этой особенности, по мнению исследователя, и появляется Э.ф. у слова и поэтического текста.

Особенно большой вклад в изучение Э.ф. слова и текста внёс В.В. Виноградов. В работах 20–30-х гг. им намечаются пути анализа «эстетического оформления языкового материала» [Виноградов 1980: 3], обосновывается целостное и замкнутое изучение текста как «своеобразной структуры словесных форм в их эстетической организованности» [Виноградов 1980: 92].

В изучении Э.ф. языковых средств в художественном произведении важная роль принадлежит работам М.Н. Кожиной (1966; 2002), которая ввела понятие «художественно-образная речевая конкретизация», отражающее главную особенность художественной речи и раскрывающее механизм рождения образа (См. Язык художественной литературы). М.Н. Кожина определяет Э.ф. как наилучшим образом организованную по законам искусства коммуникативную функцию, подчёркивая, что эстетическая функция не может существовать в отрыве от коммуникативной. Отметим, что данная точка зрения разделяется многими исследователями (на это указывали Г.О. Винокур, В.В. Виноградов и др.).

Э.ф. часто сближают с поэтической и стилистической. Т.В. Матвеева определяет поэтическую функцию как направленную «на удовлетворение эстетических чувств коммуникантов» [Матвеева 2003: 384]. Э.ф. свойственна языковым средствам, включая слова, и текстам. Что же касается стилистической функции, она характерна только для языковых средств, проявляется в узких контекстах и связана с Э.ф. как частное и общее. Такая точка зрения впервые была обоснована З.И. Хованской (1975).

В рамках коммуникативной стилистики художественного текста [Болотнова 1992, 2008, 2009; Болотнова, Бабенко, Васильева и др. 2001] системная сущность эстетического значения слова и его Э.ф. исследуются с точки зрения теории регулятивности, текстовых ассоциаций (на их основе осуществляется творческий диалог автора и читателя) и смыслового развёртывания текста. Способность художественного слова и текста в целом вызывать прагматический эффект и эстетические эмоции рассматривается, таким образом, во-первых, с учётом имеющейся в тексте системы регулятивных средств и структур, управляющих познавательной деятельностью адресата; во-вторых, на основе изу-

чения ассоциативных связей слов, системы текстовых парадигм, текстовых ассоциативно-смысловых полей; в-третьих, с учётом общего смыслового развёртывания текста на основе анализа его регулятивной стратегии и поиска ключей к его различным кодам.

Лит.: Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992; Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001; Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. М., 2008; Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009; Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980; Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959; Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990; Григорьев В.П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. М., 1979; Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966; Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Пермь, 2002; Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя: Избранные статьи. М., 1974; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Новикова Л.А. Значение эстетического знака // Филологические науки. 1999. № 5; Хованская З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. Саратов, 1975.

Н.С. Болотнова

ЭТИКА РИТОРИЧЕСКАЯ. См. РЕЧЕВАЯ ЭТИКА

ЭТИКЕТНО-РЕЧЕВАЯ СУБКОМПЕТЕНЦИЯ. См. ЭТИКО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ЭТИКЕТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ – тип Речевых жанров (см.), коммуникативная цель которых – осуществить самим фактом их исполнения определённое социальное действие, предусмотренное этикетом данного языкового коллектива: Приветствие (см.), Прощание (см.), Поздравление (см.), Извинение (см.), Соболезнование (см.) и под. Э.р.ж. могут быть произнесены практически каждым членом социума (фактор автора), для осуществления других необходимы особые полномочия и социальный статус автора: *Объявляю вас мужем и женой; Объявляется война...; Отрекаюсь от престола.*

В принципе любой Э.р.ж. может быть сведён к употреблению одноимённого речевого глагола в форме настоящего актуального 1-го лица, ед. числа: *приветствую, прощаюсь, благодарю, поздравляю, соболезную...* Такое оформление Э.р.ж. максимально соответствует природе перформатива: действие совершается произнесением его именованного. Однако этот способ не единственно возможный и даже не преобладающий в повседневной речевой практике; так, приветствия и поздравления ориентированы на адресата в большей степени, чем на автора, поэтому «узаконено» их оформление с глаголами в форме второго лица: *Здравствуйте, Прощайте, Извините.* В неофициальной речи широко распространены безглагольные способы оформления Э.р.ж. в виде клише типа: *Привет; Салют; До свиданья; Пока; Прощай; С праздничком; С приездом; Спасибо.* В официальной речи оформление Э.р.ж. отличается эксплицитностью и даже плеонастичностью, ср.: *С праздником! – Поздравляю вас с праздником! – Позвольте поздравить вас с праздником!* (в последнем случае Э.р.ж. оформляется как квазиимперативный). В сфере делового общения перформативы типа *увольняю/зачисляю* оформляются как письменный квазиимперативный жанр *приказа – приказываю уволить, зачислить*, хотя нет адресата, кто бы исполнил это действие – это полномочия автора. Напр., *Приказываю командировать Г.И. Петрова в Москву для участия в конференции...* (по существу = командирую).

Соотношение первичных Э.р.ж. и их аналогов во всех сферах общения изучено недостаточно. Они стали изучаться более активно с появлением прагматики, в частности, понятия **перформатива** как особого вида речевых актов. Описываются в работах по речевому этикету и специальных словарях.

Лит.: Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1978; **Антология речевых жанров:** повседневная коммуникация. М., 2007; Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1986. № 3; Арутюнова Н.Д. Предложение и его

смысл. М., 1976; Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета: Свыше 4000 этикетных слов и выражений. М., 2004; Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983; Казачкова Ю.В. Речевой жанр «соболезнование» в личностном и официальном общении (на мат-ле сайтов сети Интернет) // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 2005. Вып. 4; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Ратмайер Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003; Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: АКД. Красноярск, 1999; Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. М., 1982; Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М., 2009.

Т.В. Шмелёва

ЭТИКО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ – одна из базовых компетенций в составе интегральной Культурно-речевой компетенции (см.). Для эффективности речи её этическая сторона имеет первостепенное значение (см. об этом [Рождественский 1997: 12; Аннушкин 2006: 128; Анисимова, Гимпельсон 2002: 212]). Недаром сказано: «Хочешь быть хорошим оратором – стань сначала хорошим человеком» (Квинтилиан). Повышенный интерес к этической стороне речи стимулировал развитие новой дисциплины – **Лингвоэтики** (см.) (подробнее в [Бессарабова 2005, 2010; Сурикова 2009]). Этические аспекты современной русской речи активно обсуждаются (обзор литературы см., напр., в [Матвеева 1998; Дмитриева 2005]). В настоящее время проблема содержания риторического Этоса (см.) трансформируется в обсуждение содержания Э.-р.к.

Содержанием Э.-р.к. является владение этическими нормами (собственно речевыми и поведенческими), а также нормами речевого этикета. **Этико-речевые нормы** представляют собой правила должного речевого поведения, основанные на морально-нравственных категориях, лингвопрагматических постулатах, или максимах (см. Коммуникативные постулаты), и национально-культурных традициях. К этико-речевым нормам относят разного рода предписания, рекомендации, советы, предостережения, запреты и т.д., которые «воплощают систему защиты нравственных ценностей в каждой культуре и регулируют формы их проявления в речи», подчиняясь главному закону общения – закону «объединения партнёров, в соответствии с которым общение должно быть конструктивным, неконфликтным, гармонизирующим и т.д.» [Риторика 2006: 200–201]. Некоторые авторы определяют содержание Э.-р.к. перечнем составляющих её приоритетов: «приоритет убеждения при ограниченности манипулирования; приоритет вежливости; толерантность; ограничение категоричности, приоритет скромности», а также указанием на содержание риторической грамотности, в основе которой лежит этика: «знание риторических законов и умение ими пользоваться; уважение к адресату и забота о нём; стремление к гармонизации речи и поиску компромисса; умение предупреждать возникновение конфликтов и гасить возникшие; соблюдение принципов необходимой и достаточной информативности» [Кормилицына, Сиротина 2011: 26].

Э.-р.к. включает также **эстетический компонент**, предполагающий ориентацию говорящего/пишущего на категорию прекрасного, отказ от того, что культурной частью общества считается безобразным в поведении и речи, учёт категории вкуса – «системы идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке» [Костомаров 1994: 21]. Эстетический компонент Э.-р.к. содержит требование благозвучия речи и не поощряет речь неблагозвучную (см. Благозвучие речи).

Некоторые учёные, основываясь на базовой категории долженствования, чётко разделяют нравственные **принципы** и **нормы (правила)**. «Если принципы задают общее содержание особенностей исполнения долга практически в любой сфере (объективность, гуманизм, плюрализм, толерантность и др.), то нормы и тем более правила в форме обязываний, дозволений, прав, запретов, требований, ограничений, стандартов, образцов, ориентиров и т.д. действуют уже в конкретных сферах отношений (хартии, кодексы, уставы, правила поведения, “памятки” и т.п.)» [Тулупов 2009: 14]. Такое разграничение даёт возможность обратить внимание на следующее.

Э.-р.к. на поверхностном уровне (уровне внешнего проявления отношения говорящего к адресату) представлена правилами Речевого этикета (см.), реализующими принцип вежливости, суть которого заключается в том, чтобы не нарушить достоинство партнёра (партнёров) по общению. Пра-

вила русского речевого этикета разработаны достаточно подробно в различных аспектах (см. Речевой этикет, Этикетные жанры речи, а также [Балакай 2001; Бирюлина 2010; Луцева 1999; Пахомова 2008; Рисинзон 2010; Формановская 2009]).

Однако Э.-р.к. не сводится к соблюдению принципа вежливости и, соответственно, к владению речевым этикетом, поскольку этико-речевые нормы основаны на фундаментальных моральных ценностях (категориях), таких как **истина, добро, красота**, «которые соответственно являются критериями оценки этичности речи и речевого поведения в целом». К этим ценностям добавляются **доброжелательность, правдивость, понятность, содержательность, информативность, целесообразность, краткость** [Риторика 2006: 202–203]. Эти этические категории играют роль принципов продуцирования нравственной речи. Этот ряд категорий-принципов может быть дополнен этическими категориями долга, совести, ответственности, смирения, кротости, скромности, терпимости, сдержанности, немногословия, миролюбия, спокойствия, уважения к партнёру по общению и другими, свойственными русскому риторическому идеалу (см. [Михальская 1996а; Михальская 1996б]) и в процессе анализа противопоставлен их этическим противоположностям, таким как гордыня, самомнение, тщеславие, заносчивость, самодовольство, себялюбие, эгоцентризм, честолюбие, самоуверенность, болтливость, наглость, раздражительность, несдержанность и т.д.

Это обуславливает целесообразность выделения в составе Э.-р.к., кроме **этикетно-речевой субкомпетенции**, ещё и **субкомпетенции нормативно-ценностной**, что подтверждается, в частности, анализом коррелирующих с некоторыми этическими категориями лингвопрагматических максим, или постулатов. Причём эти максимы могут быть уточнены и дополнены рядом этических категорий и понятий. Так, **максима скромности**, которая советует не хвалить себя, критически оценивать своё поведение и не напрашиваться на комплименты, может быть дополнена такими этическими понятиями, как кротость, незлобивость, терпимость, толерантность, сдержанность, спокойствие и др., характеризующими концепт скромности и имеющими многообразные способы языкового выражения. С другой стороны, максима (и концепт) скромности высвечивается противопоставлением таким понятиям, как гордыня, высокомерие, заносчивость, зазнайство, самонадеянность, самовосхваление, надменность, бесцеремонность, несдержанность и др., которые тоже так или иначе получают в речи языковое выражение. Далее максима скромности может быть конкретизирована соответствующими пословицами, афоризмами, правилами и рекомендациями. Напр., пословицами: *Красна речь слушанием, а беседа – смирением; Ты ему слово, а он тебе десять; Сам поёт – сам слушает*; афоризмами: *Скромнен не тот, кто равнодушен к похвалам, а тот, кто внимателен к порицаниям* (Ж. Поль); *Нет такого порока и такой дури, которые нужно было бы так нежно и так умело щадить, как тщеславие* (Дж. Свифт); правилами и рекомендациями: *Поставьте себя на их (собеседников) место; Вместо того, чтобы отбиваться от критики, поощряйте её* (Р. Фишер, Ч. Юри); *Не давайте советов, если вас не просят. Советуя по своей инициативе, мы демонстрируем собеседнику своё превосходство в опыте, знаниях и др., а это никому не приятно* (И.А. Стернин).

Завершающим этапом конкретизации этико-речевой нормы служит демонстрация и аналитический комментарий конкретных речевых действий, описание которых можно почерпнуть в художественной литературе и/или в произведениях киноискусства. Так, речевое воплощение максимы скромности и соответствующих ей этических понятий может быть продемонстрировано на примере речевого (и – шире – коммуникативного) поведения Алёши Карамазова в противопоставлении поведению Михаила Ракитина – персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Так выстраивается четырёхэтапная схема анализа и представления этико-речевой нормы: 1) этические максимы и категории; 2) обобщающе-конкретизирующие высказывания (фразеологизмы, пословицы и поговорки, афоризмы, изречения, аксиомы); 3) частные правила, предписания, указания, рекомендации и т.п.; 4) демонстрация и анализ конкретных образцов речевого поведения (подробнее см. [Сковородников 1999: 75–82]).

В составе Э.-р.к., как и в коммуникативно-речевой компетенции, присутствует паралингвистическая субкомпетенция, но вопрос этот изучен недостаточно. Во всяком случае, очевидно, что такие фонациональные средства речи, как громкость и интонация, а также жесты, поза, мимика, выражение глаз, положение говорящего в пространстве, средства тактильные (объятия, поглаживания, похлопывания, поцелуи) могут и должны рассматриваться не только с точки зрения целесообразности, но и в этическом аспекте.

Э.-р.к. так же, как языковая и коммуникативно-речевая компетенции, включает **эпратологическую** (ошибковедческую) **субкомпетенцию**, т.е. знания и умения, которые необходимы для выявления и предупреждения речевых поступков, не согласующихся с представлением об этико-речевой норме (см. Этико-речевые ошибки).

Лит.: Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. М., 2002; Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс: учеб. пособие. М., 2006; Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001; Бессарабова Н.Д. Современная российская журналистика в аспекте лингвоэтики // Журналистика в 2005 г.: трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве: сб. мат-лов науч.-практ. конф. М., 2006; Бирюлина А.И. Эволюция русского речевого этикета: КД. Тамбов, 2009; Дмитриева Н.М. Этический аспект культуры русской речи: лингвокультурологический анализ словаря студентов-аграриев: КД. Челябинск, 2005; Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Язык СМИ: учеб. пособие. Саратов, 2011; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994; Луцева О.А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох, конец XIX – первая четверть XX века: КД. Таганрог, 1999; Матвеева Т.В. Этическая компонента риторического образования: аспекты и перспективы // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-методич. бюллетень. Красноярск–Ачинск, 1998. Вып. 6; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996а; Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996б; Пахомова И.Н. Новые явления в русском речевом этикете: на мат-ле средств массовой информации: КД. М., 2008; Рисинзон С.А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете: монография. Саратов, 2010; Риторика: учебник / под ред. Н.А. Ипполитовой. М., 2006; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997; Сковородников А.П. К методологии разработки и представления русского риторического идеала // Филологические науки. 1999. № 5; Сковородников А.П., Копнина Г.А. О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Филологические науки. 2009. № 3; Сурикова Т.И. Этика как критерий исследования и оценки языка массовых коммуникаций // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография. СПб., 2009; Тулупов В.В. Этический «кодекс» журналистской профессии // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография. СПб., 2009; Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М., 2009.

А.П. Сковородников

ЭТИКО-РЕЧЕВЫЕ КАТЕГОРИИ. См. ЭТИКО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ЭТИКО-РЕЧЕВЫЕ НОРМЫ. См. ЭТИКО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ЭТИКО-РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ – нарушения этических, в частности, этикетных, норм в процессе речевого общения – устного и письменного. Такие ошибки совершаются людьми, не владеющими Этико-речевой компетенцией (см.). Так, с этической точки зрения, ненормативным является речевое общение, в котором говорящие навешивают друг другу Словесные ярлыки (см.) типа *красно коричневые, фашисты, экстремисты, демшиза* и т.п.; используют бранную лексику (см. Бранное слово, Сквернословие), Инвективы (см.) типа *соплежуй, говноед* и т.д.; допускают выражения, унижающие человеческое достоинство или демонстрирующие циничное отношение к собеседнику и/или объекту речи (см. Лингвоцинизмы); нарушают правила Речевого этикета (см.). Так, этически недопустимы такие высказывания учителя в отношении учащихся: *Ой, тупари, вы меня заколебали!; Почему ты, туняедец, не пришёл кабинет убирать?* и т.п. Циничен, а следовательно, нарушает этико-речевую норму такой журналистский текст: *В августе текущего года, как известно, исполняется аккурат 20 лет с того скорбного дня, когда всех нас покинул 2-н Элвис Аарон Пресли (Как время-то бежит!). По этому поводу его вечнозелёная вдова Присцилла дала добро на съёмки очередного радикально нового высокохудожественного фильма об её уже давно скушанном червячками супруге* (СГ. 22.07.1997). Грубо, а следовательно, не нормативно с точки зрения речевого этикета, обращение в автобусе к пожилой женщине *Пошевеливайся, бабуля!* или такая форма совета, исходящая от

младшего (по возрасту или званию) к старшему: *Советую вам прочитать эту книгу* (ср.: В этой книге Вы найдете для себя много интересного).

Чтобы не допускать Э.-р.о., необходимо не только знание этико-речевых норм, но и критическое отношение к своим речевым поступкам.

Лит.: Бессарабова Н.Д. Современная российская журналистика в аспекте лингвоэтики // Журналистика в 2005 г.: трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве: сб. мат-лов науч.-практ. конф. М., 2006; **Виноградов С.И.** Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1966; **Культура русской речи:** учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. М., 1996; **Русский язык и культура речи** / под ред. В.И. Максимова. М., 2001; **Сурикова Т.И.** Лингвистическая этика в контексте коммуникации, философии и филологии // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. ст. / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб., 2012; **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005.

А.П. Сковородников

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ФИГУРА (ЭТИМОЛОГИЯ) (от др.-греч. ἔτιμον – ‘корневое значение слова’), – 1. Повтор в рамках одного предложения однокоренных слов с близким звучанием, типа *пыль пылит, огород городить* [Литературный энциклопедический словарь 1987: 519]. Эффект Э.ф. определяется тем, что, нарочито сближая однокоренные слова, она «фиксирует внимание на их смысловых оттенках», семантически обостряет значения однокоренных слов. Напр.: *Мы уже десятками насчитываем авторов, утверждающих, что они сочиняют сочиненья, в то время как они только цитируют цитаты* [Клюев 1999: 235].

2. К Э.ф. близок приём **поэтической этимологии**, под которым понимается «вид двойного или тройного звукового параллелизма, когда поэт подбирает к первому члену сопоставления фонетически близкие слова, подчёркивая тем самым единство звуковой структуры стиха», напр.: *Забором крался конокрад, / Загаром крылся виноград* (Б. Пастернак); *Толпа метавишихся метафор / Вошла в музеи и в кафе...* (П. Антокольский) [Квятковский 1998: 258–259].

3. Э.ф. может реализоваться как расчленение слова на составные компоненты с целью обнажения его внутренней формы. Напр.: *Чтобы досадить другому, такие и себя не щадят. Так что в корысти их упрекнуть никак нельзя. Бескорыстно злоупотребляют своим служебным положением. Зло употребляют* (СК. 21.12.1985); *Заглянем в историю, чтобы было более понятно сегодняшнее положение вещей, т.к. настоящие Христа продавцы (сознательно разделяю эти слова) по сей день творят своё беззаконие* (Память. 2000. № 1). Причём такое расчленение слова может сопровождаться переосмыслением его внутренней формы: *Осыпается зелёная листва среди лета, шуришит, утекает. Чернеют леса. Каждая третья семья теряет ребёнка, ибо изначально он болен. Это Чернобыль. Наша чёрная быль* (КР. 20.08.1989).

Использование однокоренных и/или созвучных слов сближает рассмотренные приёмы с Парономазией (см.). Используются Э.ф. и поэтическая этимология в изобразительной и характерологической функциях, которые часто совмещаются, напр.: *Распутин – не фамилия, а состояние. Здесь слышится всё: **распутье, распушенность и распутица*** (Виктор Ерофеев); *Чем выше **парило** стихотворение, чем было **высокопарнее** (вернём этому слову его прекрасный первоначальный смысл), тем слабее оно доходило до её слуха <...>* (В. Ходасевич).

Э.ф. не следует смешивать с так называемой «народной этимологией» (см. Ложная этимологизация).

Лит.: Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие. М., 1999; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Литературный энциклопедический словарь.** М., 1987; **Москвин В.П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007.

А.П. Сковородников

ЭТОС – нравственно-этическая сторона речи, связанная с условиями её произнесения (написания) и непосредственно влияющая на её содержание и отбор выразительных средств. В Э. речи проявляется и оценивается личность человека-ритора по нравственно-этической уместности его высказываний, связанной с фактурой, временем, местом, сроками ведения речи, знанием того, кто, кому, когда, при каких обстоятельствах, с какой целью, каким образом и что может сказать.

В античной риторике Э. представлял собой нравственное начало (М.Р. Львов). И сегодня под Э. понимается «этическая, нравственная позиция человека, готовящегося своей речью подвинуть людей на определённые действия, призвать к изменению взглядов, отношения к предмету высказывания» (С.Ф. Иванова).

Э., пафос и логос рассматриваются как базовые качества языковой личности, претендующей на ответственное право участвовать в убеждающей речи. Категория Э. как «нравственного, морального права на убеждающую, влиятельную речь» лежит в основании философской сути риторики. Понимание ритором (участником речи) категорий добра, истины, блага, его нравственно-философская позиция позволяют затем развернуть последующие категории логоса как «созидательной идеи, творческой мысли», реализовать категорию пафоса как «эмоциональной силы слова, способной ... побудить людей к действию во имя утверждения добра, прояснения истины» [Иванова 1997: 6].

Э., пафос и логос – центральные категории риторики. Э. создаёт условия для речи, пафос – источник создания смысла речи, а логос – словесное воплощение пафоса на условиях Э. Соответственно Э. частично определяет содержание речи, по крайней мере, её тему, «которую получатель речи может считать уместной или неуместной» [Рождественский 2004: 40]. Поэтому Э. есть «знание уместности высказывания» [Волков 1996: 17].

Э., пафос и логос можно рассматривать также как последовательность акта порождения и создания речи. К условиям речи относятся внешние правила словесности, которыми определяются её внутренние правила. Всякий замысел речи осуществляется в связи с фактурой, временем, местом, условиями речи в целом, диктуемыми ими темой и содержанием речи, а затем осуществляется определёнными речестилевыми средствами, куда входят отбор слов, синтаксико-стилистическое построение текста и привлекательное произношение.

В русских классических риториках вопросы риторического Э. не разрабатывались, поскольку считалось, что русское общество придерживается единых духовно-нравственных принципов [Волков 1996]. В наше время вопросы риторического Э. занимают ведущее место в организации речевых отношений в обществе, поэтому этическая составляющая образа ратора оказывается определяющей. Общая риторика изучает условия, закономерности этической оценки образа ратора аудиторией по результатам речи. Именно этико-нравственное начало потребовало выработки понятия ораторских нравов – этических требований, предъявляемых обществом любому ратору независимо от его убеждений и дающих принципиальное право на публичную речь. Совокупность этих требований – характеристик личности ратора – может меняться в разные эпохи, что связано с общим стилем жизни, нравственными устоями и образцами поведения, которые приняты в данном обществе.

Сложность этико-философской (нравственной, идеологической) ситуации в России 90-х годов XX в. – начала XXI в. состоит в отсутствии ясных этико-идеологических ориентиров, государственного «единомыслия», вовсе не отрицающего возможностей дискуссии и «разномыслия», сплачивающей национальной идеи, выраженной риторическими средствами. Идеология плюрализма и толерантности, характерная для общества массовой коммуникации в целом, сформировала общественное мнение об относительности нравственно-этических и философско-идеологических норм. В то же время можно с безусловностью говорить о развитии этико-философской культуры, которая имеет глубокое обоснование в речевой культуре России и находит выражение во многих современных философских, научных и публицистических текстах.

Лит.: Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2009; Иванова С.Ф. Говори!.. Уроки развивающей риторики. М., 1997; Львов М.Р. Риторика: учеб. пособие для учащихся 10–11 классов. М., 1995; Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 2003; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 2004; Романенко А.П. Образ ратора в советской словесной культуре. М., 2003; Чистякова И.Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ратора: ДД. М., 2006.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЧИ – это свойство речи, обеспечивающее её коммуникативную результативность, «достижение коммуникатором прогнозируемого результата» наиболее оптимальным способом. Под эффективностью речевого общения понимают «оптимальный способ достижения поставленных коммуникативных целей» [Ширяев 1996: 14]. Э.р., её действенность, проявляются в различных формах. «Изменениям могут подвергаться вместе или по отдельности эмоциональное состояние читателей/слушателей, их поведение, знания о мире, отношение к тем или иным событиям и реалиям мира, наконец, их установки и личностные смыслы» [Иванов 2003: 789]. В отличие от других коммуникативных качеств речи, Э.р. можно оценить лишь после её произнесения или написания, проанализировав реакцию слушателей/читателей. В этом отношении понятие Э.р. сближается с используемым в психологии понятием **успешности общения**, «которая проявляется в достижении и сохранении психологического контакта с партнёром <...> через достижение совместимости, согласия, взаимной приспособленности и удовлетворённости путём гибкой корректировки целей, умений и состояний, способов воздействия в соответствии с меняющимися обстоятельствами» [Куницына и др. 2001: 415], а также отчасти с более широким понятием **хорошая речь** – в трактовке Саратовской лингвистической школы (см. [Сиротинина 2001: 16–28]).

Э.р. обеспечивается реализацией всех основных речевых компетенций, прежде всего языковой (см. Языковая компетенция), коммуникативно-прагматической (см. Коммуникативно-речевая компетенция) и этико-речевой (см. Этико-речевая компетенция). «<...> Речевые компетентности – основа эффективной речи, они оказываются её необходимым условием, поскольку эффективная речь требует, помимо того, коммуникативной мобильности и креативности, творческого начала» [Шмелёва 2011: 87].

Считается, что «для каждого речевого акта существуют особые ситуативные условия успешности, которые должны считаться выполненными, если предложение употребляется как речевой акт в соответствии с некоторой своей основной функцией. Если это соблюдается, то возникает согласование между значением предложения и соответствующими ситуативными условиями успешности» [Конрад 1985: 355]. Следует иметь в виду, что «эффективность должна определяться для каждого участника общения отдельно. В диалоге общение может быть эффективным только для одного из участников или для обоих. На многосторонних переговорах общение может оказаться эффективным для части участников» (подробнее об условиях и критериях эффективности коммуникации см. в [Стернин 2003: 21–32]).

Лит.: Бирюкова С.П. Эмоциональные средства повышения эффективности прямого речевого воздействия // Психологические механизмы регулирования активности личности. Новосибирск, 2001; Вартамян М.В. Коммуникативные основы телевизионного монолога (некоторые аспекты повышения эффективности телевизионной речи): КД. М., 1985; Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Джей Э. Эффективная презентация / пер. с англ. Мн., 1996; Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник. СПб., 2001; Леденёва С.Н. Методы психолингвистической оценки эффективности речевого воздействия: КД. М., 2004; Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь: сб. ст. Саратов, 2001; Смолененкова В.В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: КД. М., 2005; Стернин И.А. Практическая риторика: учеб. пособие. М., 2003; Ширяев Е.Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Шмелёва Т.В. Эффективная речь с позиции речеведения // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 12 (20). Красноярск, 2011.

А.П. Сковородников

ЮМОР. См. КОМИЧЕСКОЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА. См. ЮРИСЛИНГВИСТИКА

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА. См. ЮРИСЛИНГВИСТИКА

ЮРИСЛИНГВИСТИКА, или **ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА**, – лингвистическая дисциплина, объектом изучения которой является сфера взаимодействия языка, права и конфликта. Язык, взаимодействуя с правом, предстаёт в специфическом функционировании, неразрывно связанном с институтом права, с регулированием социальной коммуникации юридическими законами. Предметом изучения Ю. являются разнообразные отношения, которые возникают в зоне пересечения названных явлений. Сюда относятся: создание на базе естественного языка специального юридического языка как важнейшего инструмента законотворческой деятельности и толкования закона, юридическое регулирование конфликтов, связанных с использованием языка (оскорбление, манипуляции, призывы к насилию, плагиат и т.п.), регулирование социально-языковых внутрисударственных отношений в федеративном государстве (проблемы государственного языка, языка межнационального общения, лингвоэкологии и т.п.) и межгосударственных отношений, терминологическое, переводческое и лексикографическое обеспечение юридической деятельности, лингвистическое образование специалистов в области права, лингво-юридическое просвещение населения, изучение обыденного языко-правового сознания.

Ю. к настоящему времени включает в себя несколько разделов.

Лингвоконфликтология занимается изучением причин возникновения, характера протекания и возможных способов предотвращения конфликтов, которые возникают в языковой сфере и, в частности тех, которые регулируются современными нормами права.

Юридиколо-лингвистическая герменевтика изучает устройство, функционирование юридического языка, а также особенности восприятия и понимания текстов, выполненных на юридическом языке или языке права.

Лингвистическая экспертология изучает теоретические основы судебной лингвистической экспертизы, а также занимается разработкой методического обеспечения проведения судебных лингвистических экспертиз по различным категориям дел.

На периферии Ю. находятся ортологические и суггестивные аспекты речевой деятельности юристов (речевое поведение судьи, адвоката, соответствие текстов законов литературным нормам языка, правильность текстов законов и т.п.).

Ю. играет важную социальную роль. Особенно заметна эта роль в исследованиях по юридиколо-лингвистической герменевтике и лингвистической экспертологии.

Так, исследования в области юридиколо-лингвистической герменевтики показали, что возможность понимания текстов на юридическом языке рядовым носителем русского языка весьма ограничена, и ограничена она именно спецификой юридического языка, который, обслуживая юридическую деятельность, неизбежно претерпевает качественные изменения в своём устройстве, что не позволяет рядовым носителям русского языка автоматически и адекватно понимать юридические тексты. Однако язык российского закона должен быть максимально адекватно воспринят законопослушными гражданами, иначе диалог не состоится, и воля законодателя не будет исполнена. Закон, недоступный его исполнителю, не будет выполнять важнейших общественных функций. Необходимо также повышение уровня правовой культуры населения России. И здесь роль Ю. трудно переоценить, потому что в основе правовой культуры лежит умение воспринимать и интерпретировать тексты законов. Текст закона – это первый источник, с которым встречается гражданин на правовом поле. От того, как он сможет его понять, интерпретировать, зависит то, как он будет себя вести по отношению к правовым нормам.

В области лингвистической экспертологии специалисты по Ю. разрабатывают теоретические и методические основания для судебной лингвистической экспертизы спорных речевых произведений и действий, а также экспертизы законопроектов и других официальных документов. На практике Ю. связана с исследованием речевой продукции, вовлечённой в судебную, следственную, производственно-правовую деятельность. Чаще всего объектом лингвистической экспертизы становятся конфликтные, неоднозначно интерпретируемые субъектами правовой коммуникации речевые действия и

произведения. В этом случае лингвистическая экспертиза является одним из источников получения доказательств. С точки зрения юридической предназначённости выделяются следующие виды лингвистической экспертизы:

- экспертиза речевых произведений в связи с делами по защите чести и достоинства граждан (оскорбление, клевета, распространение порочащих сведений, неуважение к суду);
- лингвистическая интерпретация текстов закона, спорных документов (договоров);
- анализ экстремистских текстов, вовлечённых в дела, связанные с разжиганием межнациональной, социальной и религиозной розни;
- идентификация личности по языковым признакам, идентификация текстов и документов;
- квалификация речевых действий как манипулирования сознанием (реклама, предвыборные технологии, «околомедицинские» практики);
- оценка речевых произведений в связи с делами по защите авторских прав;
- оценка словесной рекламной продукции, словесных товарных знаков на предмет их правовой защиты;
- экспертиза конфликтных ситуаций, связанных с защитой конституционного права на имя;
- экспертиза конфликтов, связанных с языком, имеющим статус государственного (официального);
- экспертиза конфликтов межъязыкового перевода;
- экспертиза текстов законопроектов, проектов других документов, имеющих юридическое содержание.

Сам термин «Ю.», его дефиниция, формулировка предмета изучения как особого самостоятельного феномена предложены в 1999 г. научным коллективом Ассоциации лингвистов-экспертов и преподавателей (г. Барнаул), возглавляемым проф. Н.Д. Голевым. В течение 12 лет Ю. интенсивно развивалась и в научном, и в практическом планах. В России сформировалось несколько центров, важнейшие из которых: Гильдия лингвистов-экспертов по документным и информационным спорам (ГЛЭДИС) и Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. Результаты деятельности этих организаций представлены на сайтах www.rusexpert.ru (ГЛЭДИС), www.siberia-expert.com (СИБАЛЭКС). Лаборатории Ю. есть и за рубежом, напр.: Лаборатория юрислингвистики (Университет им. Адама Мицкевича, г. Познань, Польша): www.lingualegis.amu.edu.pl и Центр канадской юрислингвистики: www.ltt.auf.org/IMG/pdf/Jurilinguistique_au_Canada.pdf. За эти годы в разных городах мира проведён ряд крупных международных конференций по Ю., защищены диссертации разных уровней, опубликовано значительное число научной и методической продукции. Далее представлены важнейшие издания на русском языке.

Лит.: **Бажанов С.В., Морохова О.А.** Юрислингвистика и проблемы юридической терминологии // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1; **Баранов А.Н.** Лингвистическая экспертиза текстов. Теоретические основания и практика. М., 2007; **Бринёв К.И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009; **Васильев А.Д.** Современное российское языковое законодательство: юрислингвистический анализ и комментарий / МВД РФ. Сибирский юридический институт. Красноярск, 2006; **Губаева И.В.** Язык и право: искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2004; **Кузнецов А.М., Бурдин Л.С., Солнцева Н.В.** Юрислингвистика: Язык и право: Научно-аналитический обзор. М., 2006; **Осадчий М.А.** Правовой самоконтроль оратора. М., 2007; **Цена слова:** из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации // Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. Фонд защиты гласности. М., 2002; **Шокиров Т.С.** Таджикская юрислингвистика, её задачи и перспективы. Душанбе, 2011; **Юрислингвистика.** Научный журнал Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов / ред. Н.Д. Голев. Вып. 1–11. Барнаул; Кемерово, 1999–2011 гг.; **Юрислингвистика:** учеб. хрестоматия. Ч. 2 / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2009 (Специальная филология).

Н.Д. Голев

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ. См. ЯЗЫК ПУБЛИЦИСТИКИ

ЯЗЫК ГОРОДА – 1. В широком понимании – совокупность локальных особенностей речи горожан (социальных, территориальных, возрастных и др.), обусловленных разнородностью городского населения и многообразием форм общения в нём. 2. Формируемый словом облик городской среды, включающий наименования городских объектов (урбанонимы) и городскую эпиграфику (своеобразие торговых вывесок, афиш, наружной рекламы, объявлений, граффити и т.д.), которые являются объектом лингвистического градоведения.

Языковой облик города «во многом определяется географией города и отражающей его топонимией, системой ориентиров и основных городских объектов <...>. Рукотворную географию города создают его площади, проспекты, улицы» [Шмелёва 2002: 133]. Лексикон городской среды включает множество взаимосвязанных подсистем – годонимы (наименования улиц, переулков, проспектов), хоронимы (наименования районов), эргонимы (названия государственных учреждений и коммерческих фирм), ойкодонимы (собственные имена зданий), городские ориентиры и т.д., – каждая из которых имеет свою номинативную специфику, способы и модели номинации, различные в разные исторические периоды. Так, дореволюционная годонимия была исчерпывающе информативной: название улицы сообщало о том, какая она (*Ровная, Узенькая*), где расположена (*Заторемная, Набережная*), куда ведёт (*Театральная, Новобазарная*), что обеспечивало в целом её естественность, понятность и удобство для горожан. После революции власть прочно утвердила меморативный принцип присвоения имён – в честь великих вождей и деятелей революции (*Ленина, Робеспьера*), героев гражданской войны (*Лазо, Перенсона*), позднее – в честь знаменательных дат (*60-летия образования СССР*) и т.д. В связи с этим одной из значимых для языка города является проблема переименований и формирования принципов языковой политики в городской среде [Подберёзкина 2003: 511–529].

Особую атмосферу в городское речевое пространство вносят различные значимые для него объекты, субкультуры, сообщества (спелеотуристы, толкиенисты, байкеры и др.). Так, в Красноярске уникальным культурно-географическим пространством является заповедник «Столбы», на территории которого сформировался уникальный феномен городской словесной культуры – язык столбистов [Подберёзкина 1989, 1992].

В последние десятилетия «удельный вес слова в городской среде резко увеличился за счёт лавинообразного именованья новых фирм, банков, коммерческих заведений, обилия рекламы, сменившей наглядную агитацию. Снята монополия государства на формирование языкового облика города, в нём принимает участие множество людей с различными ориентациями и вкусами» [Шмелёва 2002: 134].

Для эргонимии современного города характерны тенденции к экспрессивизации ономастикона («*Разводяга*», «*Шуры-Муры*», «*Мотыкин дом*», «*Клёво*» и проч.), широкому использованию приёмов языковой игры («*Пивкофф*», «*Арт-Ель*», «*Аблоко*»); обращение к дореволюционным номинативным моделям («*Пошивочное ателье Зинчевской*», коллегия адвокатов «*Шпагин и партнёры*»); использование стереотипных моделей для образования новых названий («*PRямая линия*», «*Медиа-PRогноз*», «*PRопеллер*» и мн. др.) [Трапезникова 2006: 372–375].

Данные тенденции обусловлены особенностями ономастического сознания современного имядателя: с одной стороны, стремлением к лингвокреативности и антропоцентризму (коммерческое имя становится отражением представлений о мире и языке имядателя), с другой – низким уровнем осознанности номинативного акта.

Особую роль в формировании Я.г. играет письменность городской среды [Шмелёва 1997: 114–123]. Как отмечает Т.В. Шмелёва, современный город полифоничен, он характеризуется множеством голосов, стилей, языков, алфавитов, орфографий, шрифтов, действием разнонаправленных тенденций: экзотичности и домашности, инокультурности и «русскости», шикарности и демократичности, новизны и стандартности [Шмелёва 1998].

Изучение Я.г., формирование выразительной, разнообразной, удобной для горожанина языковой среды – актуальная задача филологических исследований.

Лит.: Исмагилова Н.В. Язык города Уфы: функционирование различных языковых подсистем и билингвизма: КД. Уфа, 2007; Капаназде Л.А., Красильникова Е.В. Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982; Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М., 2010; Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М., 1977; Подберёзкина Л.З. Язык столбистов // Язык и личность. М., 1989;

Подберёзкина Л.З. Заповедник природный и лингвистический (К проблеме изучения корпоративных языков) // Russistik. (Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка). Berlin, 1992. № 1; **Подберёзкина Л.З.** Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-методический бюллетень. Вып. 6. Красноярск, 1998; **Трапезникова А.А., Подберёзкина Л.З.** Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярска). Saarbrücken, 2011; **Трапезникова А.А.** Эргонимическая номинация в контексте лингвоэкологии города (на мат-ле Красноярска) // Вестник КрасГУ. Гуманитарная серия. № 6/1. Красноярск, 2006; **Федянина О.Н.** Некодифицированная лексика языка города Кирова: на материале жаргона и просторечия: КД. Калуга, 1997; **Шмелёва Т.В.** Многоязычие как черта речевого быта современного города // Русский язык в контексте современной культуры: тезисы докладов междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998; **Шмелёва Т.В.** Языковой облик сибирского города // Русский язык в Красноярском крае: сб. ст. Вып. 1. Красноярск, 2002; **Шмелёва Т.В., Подберёзкина Л.З.** Язык города Красноярска и городов края. Библиография // Русский язык в Красноярском крае: сб. ст.. Вып. 1. Красноярск, 2002; **Шмелёва Т.В.** Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике: межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Красноярск, 1997.

Л.З. Подберёзкина

ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ, или **СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЗЫК**, или **LSP**, – один из множества вариантов реализации общенародного языка, особая функционально-семиотическая подсистема, которая используется для профессионального общения, накопления, передачи и интерпретации специальных знаний, а также для оценки реалий профессиональной сферы. Термин «Я.с.ц.» является пословным переводом с английского Language for Special Purposes (LSP) и по частотности в настоящее время лишь немногим уступает своим синонимам. Основным фактором выделения Я.с.ц. в качестве подсистемы общенародного языка является профессиональное членение общества. Специальные подъязыки обслуживают все сферы духовной и материальной культуры, частично они могут использоваться в быту, особенно если речь идёт о домашнем хозяйстве.

В зависимости от сфер употребления и степени профессиональной замкнутости Я.с.ц. подразделяются на 3 группы: **1. Собственно специальные подъязыки (профессиональные)**, обслуживающие научную, промышленную (индустриальную), государственную, профессиональную, общественную, рекламную и информационную деятельность, профессиональную деятельность в сфере религии, дипломатии, литературы и искусства, финансов, моды, спорта и т.п.; **2. Специальные подъязыки народных ремёсел и промыслов** (Я.с.ц. охотников/рыбаков, Я.с.ц. кедрового промысла и т.п.); **3. Консубстанциональные специальные подъязыки**, не имеющие чётких границ с другими подсистемами языка: территориальными диалектами, просторечием, групповыми жаргонами, разговорной формой ЛЯ (напр., Я.с.ц. кулинарии, огородничества, пользователей интернета, радиолюбителей, солдат-контрактников и т.п.). Перечисленные выше разновидности Я.с.ц. могут существовать в письменной и устной форме, преимущественно в письменной или устной форме, исключительно в устной форме.

В структуре исторически сложившихся Я.с.ц. выделяются 2 слоя (уровня) верхний (зона нормы) и нижний (зона узуса). Верхний слой – это терминология и терминосистема (т.е. сознательно упорядоченная терминология). Нижний слой Я.с.ц. – профессиональная некодифицированная устная речь, а именно: **профессиональный жаргон** и **профессиональное жаргонизированное просторечие**. Промежуточное положение между ними занимает **разговорная профессиональная речь**, в которой, наряду с терминологической лексикой, используется значительное число профессионализмов. Для каждого из вариантов существования Я.с.ц. характерен специфический набор лексико-фразеологических средств. Основными единицами верхних регистров Я.с.ц. являются термины и другие разряды терминологической лексики (см. Терминологическая лексика), нижние регистры Я.с.ц. отличаются использованием ненормированной специальной лексики (см. Специальная лексика). В зависимости от особенностей отбора специальной лексики и задач профессионального общения выделяют научный, научно-технический, официально-деловой и разговорный стили Я.с.ц.

Лит.: **Авербух К.Я.** Манифест современной терминологии // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах “Коммуникация-

2002”» (Communication Across Differences). Ч.1. Пятигорск, 2002; **Валиева В.Х.** Универсальное и национально-специфическое в профессиональном подязыке: на материале лексики русского и английского вариантов профессионального музыкального некодифицированного подязыка: АКД. Казань, 2006; **Гринёв-Гриневиц С.В.** Терминоведение. М., 2008; **Димитриева Е.Н.** Процессы фразеологизации в английском научно-техническом тексте: на материале LSP «эксплуатация водного транспорта»: АКД. М., 2010; **Зяблова О.А.** Принципы исследования языка для специальных целей: на примере языка экономики: АДД. М., 2005; **Лейчик В.М.** Языки для специальных целей – функциональные разновидности современных развитых функциональных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 2006.

О.В. Фельде

ЯЗЫК И РЕЧЬ – основные понятия области знаний, связанной с речевой/языковой деятельностью. Язык (Я.) – знаковая система, сформировавшаяся в течение всей истории человечества параллельно с развитием мышления и его высшей формы – сознания в процессах совместной жизнедеятельности людей как необходимое условие становления, выживания и духовного формирования рода Homo sapiens. Речь (Р.) – реальность языка. Это процесс и продукт реализации (использования/употребления) индивидом в устной или письменной форме в конкретных коммуникативных ситуациях единиц языка в соответствии с их свойствами, функциями, положением в языковой системе с целью самовыражения или как реакции на внешние раздражители, в т.ч. на обращённую к нему речь другого индивида.

Согласно И.П. Павлову, Я. – вторая сигнальная система, то, что неразрывно связано с сознанием и выделяет человека из всего животного мира. «Язык есть важнейшее средство человеческого общения. Без языка человеческое общение невозможно, а без общения не может быть и общества, а тем самым и человека» [Реформатский 1967: 7]. «Язык – это деятельность, вовлекающая все функции, делающие человека человеком» [Звегинцев 1996: 50].

Для того чтобы человек начал пользоваться Я. как средством общения и приобретения накопленного человечеством опыта, должны быть выполнены предпосылки: 1) наличие сформировавшегося феномена естественного языка, получившего за тысячелетия образования конкретной этнической общности неповторимое национальное своеобразие; 2) наличие у индивида в его наследственном коде «гена языка» – языковой способности; 3) наличие в окружении индивида в период его младенчества особей, уже владеющих Я. и способных выполнить роль «пускового механизма» в овладении ребёнком речью на этом этническом языке (диалекте, наречии). Несущественно, пользуется ли микросоциум языком биологических родителей ребёнка: конкретный этнический язык с его звуковым строем, лексикой, грамматикой по наследству не передаётся. Но нельзя недооценивать биологический аспект природы Я. Это наличие языковой способности; возрастной предел первичного овладения Я.; большая или меньшая врождённая способность к овладению языками; обусловленность звукового репертуара речи спецификой речевого аппарата; ограниченность звуков речи интервалом частот, доступным уху человека; сходство строения языковой системы со структурой генетического кода; обусловленность многих явлений Я. и Р. пределами оперативной памяти и мн. др.

С точки зрения философии Я. – сущность, а Р. – явление. Я. как система имеет все универсальные свойства системности в её общенаучном и философском понимании; Р., будучи реализацией Я., также системна, имея и специфические проявления системности. Я. – феномен психический (имеет своё бытие в психике, в сознании индивида) и социальный. Социальность Я. состоит в мотивах его происхождения и назначения, в функциях и в условиях использования, в причинах и механизмах исторических изменений. Р., точнее, конкретный акт Р. – явление индивидуальное, физическое (физическая природа звуков) и физиологическое (связь с деятельностью мозга). Основная дифференциация Я. и Р. состоит в оппозиции социального и индивидуального. Но между ними диалектическая связь. Я. индивидуален по способу хранения в сознании индивида, а Р. индивидуальна по способу исполнения и социальна по способу реализации (она всегда адресна). Система языка имеет уровневую структуру (фонематический, морфематический, лексемный, синтаксемный уровни, или ярусы, подсистемы), а Р. линейна. Но линейность (реализация «горизонтальных», синтагматических отношений) присутствует и в языке: в моделях словообразования, в схемах словосочетаний и предложений), а речи не

чужды и «вертикальные», парадигматические связи: отбор единиц в процессе порождения речевых цепочек, наличие подтекста. Р. всегда ситуативна: привязана к конкретным участникам коммуникации с их статусно-ролевыми позициями, намерениями, целями, имеет временную и пространственную локализацию. Я. же абсолютно нейтрален по отношению к любой конкретике, он предоставляет ресурсы для любых коммуникативных ситуаций. Я. этноса един, а Р. неограниченно многообразна. Я. можно изучать, им можно овладеть, Р. же можно исследовать, ей можно подражать, можно её пародировать, но владеет каждый только своей речью. Можно оценить Р. индивида как благородную, высоко нравственную, красивую или безобразную, а к языку неприменимы эстетические и этические оценки. Я. стремится к стабильности, изменения в нём происходят в течение столетий, Р. же, будучи индивидуальной, актуальной и преходящей, стремится (в меру способностей и намерений автора) к новизне, неповторимости.

Анализируя различия Я. и Р., языковеды подчёркивают диалектику, их неразрывную двустороннюю связь. «Несомненно, оба эти предмета тесно связаны между собой и предполагают друг друга: Я. необходим, чтобы Р. была понятна и тем самым была эффективна; Р. же в свою очередь необходима для того, чтобы сложился Я.; исторически факт речи всегда предшествует языку» [Соссюр 1977: 57]. Исследуя Р. как эмпирическую данность, языковеды делают выводы относительно устройства Я. как системы. С известным допущением считается, что Я. «присутствует» в каждом речевом акте, в каждом предложении.

Изучение человеческого Я. – главный путь изучения человека.

Лит.: **Вольский Н.В.** Лингвистическая антропология. Введение в науки о человеке: Курс лекций. Новосибирск, 2004; **Гречко В.А.** Теория языкознания: учеб. пособие. М., 2003; **Жаналина Л.К.** Язык и речь: оппозиция // Филологические науки. 1996. № 5; **Звегинцев В.А.** Мысли о лингвистике. М., 1996; **Реформатский А.А.** Введение в языковедение. М., 1967, 2002; **Слюсарева Н.А.** О лингвистическом термине (langage – «языковая деятельность») // Язык: теория, история, типология. М., 2001; **Соссюр Ф. де.** Труды по языкознанию. М., 1977.

А.А. Бернацкая

ЯЗЫК И СТИЛЬ РЕКЛАМЫ – система языковых и внеязыковых средств выражения содержания в рекламных обращениях.

Для достижения воздействия на адресата в рекламе используются различные типы аргументов: описание потребительских качеств товара (*Ariston. Наилучший из лучших*), ссылки на авторитетное мнение, апелляция к имиджу производителя и имиджу адресата (*Nivea – это косметические изделия великолепного качества, которого Вы вправе ожидать от самой крупной косметической марки в мире; Азартный бизнес для тех, кто умеет считать*) и др. Наряду с вербальными, в рекламе применяются невербальные средства воздействия: визуально-графические (цвет, шрифт, изображение), кинетические (жест, мимика, поза), аудиальные (интонация, ритм).

Реализуя основную функцию публицистики, реклама тем не менее характеризуется стилевой пестротой – от использования средств официально-делового или научного стиля до открытой разговорности, от высокой поэтики до жаргона и просторечия. Выбор стиля определяется творческой идеей рекламиста, спецификой рекламируемого объекта, ориентацией сообщения на специальную или массовую аудиторию.

Убеждающая рекламная коммуникация должна соответствовать этическим нормам, а также быть достоверной и добросовестной, исключать обман и мошенничество. В рекламе не допускается проявление агрессии, пошлости и вульгарности, оскорбляющих общественный вкус. Помимо этических норм, в рекламном тексте необходимо соблюдать требование коммуникативно-речевой, стилевой и композиционной нормативности.

Композиция рекламного обращения обычно включает в себя заголовок, слоган (рекламный девиз), текст, состоящий из зачина, основной части и заключения, а также логотип фирмы и реквизиты рекламодателя. Однако жанровое многообразие рекламы обуславливает большую вариативность в построении конкретных рекламных обращений.

Важным компонентом рекламы является Слоган (см.) – афористическое выражение рекламной идеи. В прямой, иносказательной или абстрактной форме слоган отражает направления деятельности

предприятия, качество товаров, обслуживания и др., напр.: *Ароматы счастливой жизни!*; *Наш высокий уровень – это Ваш взлёт!*; *Новое поколение выбирает Pepsi!* В политической рекламе слоганом выступает лозунг партии, который делает её узнаваемой для избирателей, напр.: *Верим в Россию! Верим в себя!* («Единая Россия»); *Мы за бедных. Мы за русских* (ЛДПР); *За достойную старость!* («Российская партия пенсионеров»). Языковое оформление слогана обусловлено стремлением к выразительности и краткости. Для этого используются различные риторические фигуры и средства словесной образности: метонимия – *Продаём холод!*, метафорическое сравнение – *Флогена... и моя кожа нежнее шёлка*, антитеза и параллелизм – *Лучше экономно говорить, чем дорого молчать*, анафора – *Мы не ограничиваемся цветом – мы задаём тенденции будущего*, эпифора – *Больше, чем деньги, лучше, чем деньги* и др.

Эффективность рекламы обеспечивается также соблюдением стилистических принципов диалогичности, личностности и усиления напряжённости изложения. Диалогичность достигается за счёт использования вопросительных предложений (*Почему бы Вам не изучить иностранный язык с нами?*) и вопросно-ответных комплексов (*Хотите хорошо жить? Звоните!*). Личностность изложения проявляется в ориентации рекламы на неформальный диалог с адресатом (*Заплати и бери!*; *Зарядись. Освежись. Заклубись*); замене Вы-общения на ты-общение (*Ты паришь. Ты ощущаешь свободу, которую дарит тебе «Пежо 206»*); в использовании языковой игры (*Ваша киска купила бы Вискас; Идеальная пара* – реклама обувного магазина); употреблении разговорных и просторечных выражений (*Дёшево и сердито! Предлагаем компьютеры...*). Напряжённость текста, т.е. усиленное ожидание его продолжения, создается за счёт употребления местоимений, требующих смыслового восполнения (*Я тебе вот что скажу...*); условных придаточных предложений (*Если Вы хотите купить или продать квартиру, агентство «21 век» – Ваш лучший помощник*).

Механизмы распространения рекламы таковы, что она проникает в сознание человека даже помимо его воли, поэтому особую значимость в рекламной коммуникации приобретают вопросы культуры речи. Речевые ошибки (напр.: *дорогие цены; бальзам для натирания в кожу; Ваше горло не будет першить*); неестественные интонации; чуждые русскому менталитету жесты, мимика, стереотипы речевого поведения – всё это наносит вред бурно развивающейся в нашей стране рекламной коммуникации и, разумеется, культуре речи.

Лит.: Андерсон А.В. Лингвокультурологические и национально-ментальные особенности языка рекламы: КД. Краснодар, 2006; Викентьев И.Л. Приёмы рекламы. Новосибирск, 1993; Гермогенова Л.Ю. Эффективная реклама в России. М., 1994; Кохтев Н.Н. Реклама: искусство слова. М., 2004; Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М., 2003; Музыкант В.Л. Реклама в действии: стратегии продвижения. М., 2009; Песоцкий Е.А. Современная реклама. Теория и практика. Ростов н/Д, 2003; Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000; Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н. Язык рекламных текстов. М., 1981; Учёнова В.В. и др. Реклама: Палитра жанров. М., 2004; Фещенко Л.Г. Структура рекламного текста. СПб., 2003; Ягодкина М.В. Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности: ДД. СПб., 2009.

Е.А. Баженова, О.В. Протопопова

ЯЗЫК И СТИЛЬ РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. В современной науке постмодернизмом (от лат. post – ‘после’ и фр. moderne – ‘новейший, современный’) именуется направление в литературе, философии и эстетике XX – начале XXI вв., которое выступает прежде всего как способ мировосприятия. Постмодернизм (П.) представляет одну из важных фаз в историческом развитии модернизма, его появление связывается с потребностью в радикальной переоценке ценностей.

Философские позиции, взятые на вооружение П.: ощущение тотального кризиса цивилизации и восприятие мира как хаоса, лишённого всякого смысла, представление об исчерпанности прежних взглядов на историю и обесценивание «вечных» ценностей, в т.ч. кажущихся незыблемыми канонов красоты. В результате «постмодернисты сознательно отвергают нормы, правила и ограничения, выработанные предшествующей культурной традицией, отказываются от авторитетов (в т.ч. авторитета модернизма) или иронически их переосмыслиют» [Словарь литературоведческих... 2008: 121], что в текстах проявляется в виде многочисленных и

разнообразных отклонений от всех возможных языковых и речевых норм, в гипертрофированной избыточности художественных средств и приёмов постмодернистского искусства, эстетическом «фристайле» [Лексикон нонклассики 2003].

Доминантами П. являются его радикальный **деконструктивизм** («особая стратегия по отношению к тексту, включающая в себя одновременно и его “деструкцию”, и его реконструкцию» [Современная западная... 1991: 87]) и **децентризм** как средство отрицания логоцентризма.

Характерные черты постмодернистской техники:

1) глобальная цитатность, оперирующая готовыми клише и стилями из других эпох; игра с цитатами; Интертекстуальность (см.) как выражение духовной интеграции. К интертекстуальным относят такие литературные связи, как аллюзии, реминисценции, цитаты, пародии, парафразы и т.д., напр., центон Вс. Некрасова, состоящий из известных строк А.С. Пушкина: *Я помню чудное мгновенье: / Невы державное теченье. / Люблю тебя, Петра творенье! / Кто написал стихотворенье? / Я написал стихотворенье* или *И ещё: бороться и искать, найти и не сдаваться, вперёд, заре навстречу, товарищи в борьбе, штыками и картечью проложим путь себе – песни русских революций и гражданских войн, вихри враждебные, во саду ли, как у наших у ворот, ах, вы сени, и потом мы рекомендовали бы занятия музыкой...* (С. Соколов). Восприятие таких текстов требует значительной эрудиции от читателя, с чем связана «двуадресность» постмодернистского текста, который рассчитан на два типа читателя: элитарного («посвящённого») и массового («непосвящённого»);

2) ризоматическая или децентристская, лабиринтная организация повествования как результат соответствующего нового типа мышления: *Интересное мне продолжение города, запустившего улицы в чернокнижие, продолжается речью хозяина лавочки, обращённой к черни его усов: Если сегодня явится мсье Собака, что нельзя исключать, поскольку он каждый день является господином Собакой, а вычти его из дня – и в ночи завуалируется Собакой, тогда как день с золотой промоиной в собачьем месте ...* (Ю. Кокошко);

3) фрагментарность и хаотичность в изображении мира, **нонселекция** как намеренное создание текстового хаоса;

4) стирание границ между реальностью и вымыслом питает виртуальность, выдуманность и фантазийность героев и событий, напр., «такие зоо-образы современного литературного бестиария, как петух, единорог, лиса, волк, собака и кысь в произведениях Ю. Буйды, А. Боссарт, П. Крусанова, В. Пелевина, Т. Толстой» [Бабенко 2008: 155], использование вместо художественного образа **симулякра** («образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишённое подлинника, поверхностный, гиперреалистический объект, за которым не стоит какая-л. реальность» [Лексикон нонклассики 2003: 409], пространственно-временные сдвиги (смещение стран и времён);

б) алогичность, абсурдность и парадоксальность, которые занимают существенное место в поэтике П., использование шизофренического речеведения, напр.: *Здесь душа постигает, что души не существует, здесь нет Бога – и нет ничего, кроме Бога, и так далее ...* (В. Пелевин), *Жизнь – захватывающая, весёлая игра. Кошки-мышки, hide-and-seek. Я и кошка, я и мышка. I hide and I seek. Раз-два-три-четыре-пять, выхожу искать. Кто не спрятался, я не виноват* (Б. Акунин);

7) стилистические и жанровые смешения (гибридизация), напр., А. Битов роман «Пушкинский дом» создаёт на границах художественной литературы, эссеистики, литературоведения и культурологии, а в романе «Оглашенные» он стирает грань между литературой и наукой;

8) ирония, самоирония, пародийность и языковая игра, являющиеся важнейшими элементами постмодернистского текста: *Мы собрались все, могучий интеллектуальный потенциал нации, кто с гриппом, кто с трудом вставши с дивана. Бодрых и лихих, энергичных, обвешанных сотовыми микрофончиками, на могучих броневиках с пушками среди нас не было ...* (Л. Петрушевская). Одним из центральных художественных приёмов П. является **пастиш** («сознательно деформированная копия, акцентирующая те или иные черты оригинала» [Лексикон нонклассики 2003: 334];

9) неуверенность повествователя в своей позиции, зоны смысловой неопределённости, напр.: *Мне приятно думать, что я не раб его, а солдат. / Может быть, сержант, почему бы нет.* (Д. Быков), а также «нелепословие» (М.Н. Эпштейн): *Он что-то ещё говорит, // И каждое слово горит <...> Вот так: **бобзоби...** но нет, **вивизре...** // Потом **моонзу, моонзу!** – так отвечает Бог вопрошающему лирическому герою (Д. Быков);*

10) этическая амбивалентность, эстетизация безобразного, повышенное внимание к умственному и нравственному уродству, реабилитация телесного, чувственных радостей:

скабрзность содержания, использование обсценной, эксcrementальной лексики, напр., *Женщина в кусты присела / Льётся струйка прочь от тела / и белеют смутно ягодыцы...* (Э. Лимонов), оксюморонных паралогизмов: *святая проблядь* (Вл. Сорокин), *любимая паскуда* (А. Боссарт), *ласковые суки* (Виктор Ерофеев), название произведения И. Яркевича «Как я занимался онанизмом», непристойные описания «любовных сцен» в романе Вл. Сорокина «Тридцатая любовь Марины».

В диалоге русской литературы с П. «встретились силы действия (внутрироссийский мировоззренческий кризис и западная философия постмодернизма) и противодействия (константы русской ментальности, мощь национальной литературной традиции, вольный творческий дух, не терпящий жёсткого эстетического диктата)», что проявляется в конструктивном сопротивлении влиянию П. или его игнорированию на содержательном и формальном уровнях [Бабенко 2008: 348].

Принято считать, что на смену П. уже пришел **постпостмодернизм**. В. Курицын П. обозначает «как героический этап этой эпохи (этап обретения имени), а постпостмодернизм – как его более спокойное развитие, как мирную жизнь» [Курицын 2001: 256].

Лит.: Бабенко Н.Г. Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: ДД. СПб., 2008; Карпов А.С. Русский постмодернизм в отечественной науке о литературе // Филологические науки. 2002. № 1; Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2001; **Лексикон неклассики**. Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003; Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008; Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики). Екатеринбург, 1997; Сковородников А.П. Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет // Русская речь. 2004. № 6; Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. М., 2001; **Словарь литературоведческих терминов для выпускников и абитуриентов**. Ростов н/Д, 2008; **Современная западная философия: словарь** / сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. М., 1991; Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000.

О.С. Кожевникова

ЯЗЫК ИНТЕРНЕТА – название широкого круга явлений, свойственных вербальной коммуникации во Всемирной Сети. Наименование «Я.И.» условно, поскольку речь идёт не столько о структурных явлениях, сколько о речи интернет-пользователей, т.е. о коммуникативных, дискурсивных особенностях функционирования языка в виртуальной реальности.

Я.И. неоднороден и зависит от того, в какой области интернет-общения он используется. Все эти области автономны, но по типу информации, типу адресата и целям общения адресата и адресанта в виртуальном пространстве, а соответственно и по языковым ресурсам и жанрам можно условно выделить две их группы.

Первая ставит целью распространение научной, справочной, учебной, культурно-просветительской, общественно-политической информации и представлена сайтами СМИ, собственно виртуальными (Лента.ру и др.) или интернет-версиями печатных и электронных СМИ (Известия, Первый канал ТВ и др.). Язык и жанровый состав этих СМИ может сильно отличаться, но это обусловлено не столько интернет-средой, сколько типологическими отличиями самих изданий. В этой же группе официальные сайты учреждений, интернет-библиотеки, энциклопедии, научные сайты.

Основная цель пользователя при обращении к этим источникам – быстрый поиск нужной информации.

Их языковая основа – это публицистический, научный, деловой стили или язык художественной литературы (в зависимости от функциональной прикреплённости текста и сайта в целом). Иначе говоря, кроме интернет-версий теле- и радиоканалов, эти интернет-ресурсы ориентированы на письменную монологическую речь, которая и реализуется в письменной форме. Тексты же интернет-версий электронных СМИ, предназначенные для озвучивания или просмотра, реализуются на основе разговорной разновидности публицистического стиля. Жанровая основа этой группы интернет-источников также традиционна и в основном преемствуется из соответствующего стиля. К примеру, для сайтов научной, справочной и учебной информации характерны жанры научной статьи, обзора, реферата, монографии, учебника и под.; для сайтов СМИ – это оперативная информация, аналитическая статья, корреспонденция и др. публицистические жанры.

Кардинальные отличия подобных источников от письменных и электронных аналогов наблюдаются не на уровне языка, стиля, жанра, а на уровне функционирования текста. В пространстве Всемирной Паутины любой из них становится элементом гипертекста, поскольку оказывается связанным системой ссылок с тематически близкими и его развёртывание и интерпретация перестают быть линейными, а включаются в глобальный контекст. Кроме того, в Сети монологическое, разделённое временем и пространством общение автора текста и его адресата может превращаться в диалог, поскольку Паутина (напр., на форумах) обеспечивает непосредственную обратную связь с аудиторией. Только Интернет даёт возможность при необходимости оперативно устранять фактические и языковые погрешности текста. И наконец, в Глобальной Сети возможны многократный просмотр и прослушивание радио- и телетекстов независимо от сетки вещания.

Гораздо большее языковое своеобразие наблюдается в интернет-источниках второй группы, которые ориентированы на непосредственное, живое общение пользователей между собой. Это различные социальные сети, форумы, твиттеры, блоги, живой журнал. Здесь Сеть породила **новое коммуникативное явление – устно-письменную речь**, когда устное по существу, непосредственное межличностное общение реализуется в письменной форме и собеседники разделены, по крайней мере, пространством.

Такой способ функционирования языка обуславливает своеобразие адресата и адресанта, которые выступают не как реальные, а как сетевые личности. Основное их свойство – возможная анонимность. Сетевая личность – может совпадать с реальной, а может претерпевать различные изменения вплоть до полностью выдуманной и псевдонимной (за последней может скрываться даже коллектив авторов наподобие Козьмы Пруткова).

Речевое поведение сетевой личности свободно от многих обычных коммуникативных ограничений. В частности, во многих случаях в Интернете принято обращение к незнакомцам на ты, вместо традиционного Вы, императивы ед. числа (*зайди, посмотри, оцени*). Яркая характеристика сетевой личности – склонность к языковой игре, языковому творчеству и карнавализации общения. Так, в качестве ников – интернет-псевдонимов коммуникантов (общепринятых в Паутине, даже если известны настоящие имена) – встречаются такие: *Снежная королева Марго, Стервелла* и под.

Устная речь как основа межличностной коммуникации в Интернете сказывается на лексическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях. В частности, в сетевом жаргоне, помимо английских заимствований, много слов типа *мыло*, т.е. ‘электронная почта’. Продуктивны разговорные модели словообразования, напр., усечение основы (*винда* – ‘операционная система windows’, *комп* – ‘компьютер’), разговорные суффиксы (*бродилка, стрелялка* – типы компьютерных игр). Синтаксис интернет-текстов испытывает сильное влияние устной речи. Для него типичны неполные и оборванные конструкции, короткие простые предложения и возможный аграмматизм – рассогласованность членов предложения, которая часто является следствием неподготовленности, спонтанности высказывания – реакции на реплику он-лайн-собеседника.

Одна из типичных разговорных черт Я.И. – эмоциональность. Но письменная форма исключает интонацию, мимику и жест – важнейшие средства выразительности в устной речи. В свою очередь, потребности полноценного общения порождают новую пиктографическую систему – смайлики, т.е. улыбающиеся, озадаченные и нахмуренные рожицы, выражающие настроение говорящего и вставляемые в текст по мере необходимости: *За пьянки и прогулы Петрова уволили :-)*. Для выражения эмоций используются также прописные буквы, повторяемые вопросительные и восклицательные знаки (реплика-стимул: *Это невозможно !!!!!!!!!* Реплика-реакция: *He opu!*).

Наконец, яркая черта Я.И. – своеобразный речевой этикет интернет-сообщества, получивший название **сетикет** или **нетикет**. Помимо упомянутых ты-форм и ников, он включает своеобразные формулы обращения и ведения диалога (*Доброго времени суток!*, *ИМХО* – русифицированная аббревиатура английского *in my humble opinion* – ‘по моему скромному мнению’), ограничения длины сообщения (скажем, не более 1000 знаков), тематические ограничения (в частности, запрет на распространение детской порнографии). Кроме того, **сетикет** предполагает и общепринятые коммуникативные нормы, скажем, запрет неприличной формы выражения мысли, оскорблений. За нарушение правил **сетикета** интернет-сообщество может наказать нарушителя – исключить его доступ к интернет-ресурсу. Это своеобразная интернет-форма неупокоженности на сетевом жаргоне получила название *збанить* (от англ. to ban – ‘запретить, изгнать’).

Лит.: Акопов А.И. Типологические признаки сетевых изданий // Филологический вестник РГУ. 2000. № 1; Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // НЛО. 2000. № 43; Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2006; Иванов Л.Ю. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Лысенко С.А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации: КД. Воронеж, 2010; Сидорова М.Н. Интернет-лингвистика: Русский язык: Интернет-общение. М., 2006; Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка: Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж; Пермь, 1998; Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2009.

Т.И. Сурикова

ЯЗЫК ПУБЛИЦИСТИКИ – одна из важнейших разновидностей РЛЯ. Публицистика (от лат. *pūblicus* – ‘общественный’) – род литературы, посвящённый актуальным политическим, экономическим, литературным, философским и другим проблемам. Тематический диапазон публицистики неограничен: это вся жизнь в её прошлом, настоящем и предполагаемом будущем, текущие события (публицистику не случайно называют «летописью современности»), всё, имеющее общественный интерес. Главная задача публицистики – комментирование, оценка событий.

Тематической неограниченности публицистики соответствует широта её лексического состава. Материалом для формирования словаря публицистики выступает вся лексика литературного языка, а также (в меньшей мере) просторечие, жаргоны. В этом смысле Я.п. шире литературного языка. Я.п. выполняет информативную и воздействующую функции. Взаимодействие этих функций составляет специфику Я.п. и определяет структуру публицистической лексики. Информативная функция ведёт к формированию нейтрального слоя словаря, речевых стандартов, строевой лексики (*акт, акция, раунд переговоров*). Воздействующая функция обуславливает формирование большого разряда оценочной лексики, в котором особо выделяется концептуальная лексика, характеризующая социально-политическую направленность текста (*гражданское общество, демократия, коммунизм, перестройка, гласность*).

Наиболее характерна для Я.п. оценочная лексика, в т.ч. концептуальная, которую можно назвать собственно **публицистической**. Она формируется из общелитературной под действием процесса **публицистической специализации**. В результате разнородная по составу, тематике, языковым качествам общелитературная лексика трансформируется в единые, однородные функционально и стилистически разряды публицистической лексики. Так, основной путь формирования публицистической лексики из специальной – переносное её использование, сопровождаемое развитием в ней социально-оценочной окраски (*сцена истории, парламентская сцена, арена кровавых событий, агония режима, жизненная артерия, раковая опухоль расизма*).

Публицистика нуждается не только в номинации явлений, событий, фактов, но и в их социальной оценке, интерпретации. Социальная оценочность – одна из главных особенностей Я.п., определяющая происходящие в нём процессы. Напр., для периода 50–80-х гг. характерно обусловленное идеологическими причинами резкое разделение языковых средств на позитивно- и негативнооценочные (ср. *веха, форум, свершения и злодеяния, клика, клеймить*). В 90-е гг. XX в. действие социальной оценочности принимает более тонкие формы: исчезает резкое разграничение языковых средств на положительные и отрицательные, многие слова меняют знак оценки на противоположный (*бизнес, бизнесмен*) или нейтрализуются (*элита*). Широкое распространение получает ирония как средство не прямой оценки, позволяющая в условиях отсутствия в обществе чётких идеологических ориентиров избегать выражения собственной позиции.

Действие социальной оценочности проявляется и на уровне речи. Главная структурно-семантическая особенность публицистической речи – совпадение её производителя и субъекта. В публицистике говорящий (пишущий) и есть субъект речи. Между производителем и субъектом речи нет посредствующих звеньев. Эта особенность резко отличает публицистику от художественной литературы. Автора художественного произведения отделяет от читателя изображённый в этом произ-

ведении мир, мир вымышленный, но правдоподобный. Автор публицистического произведения пишет о подлинной действительности, и пишет от собственного имени, имени реальной, подлинной личности. Публицистическая речь – речь авторская, обращённая прямо и непосредственно к читателю. В этом смысле весьма точно образное определение публицистики как прямой речи.

Из главной структурно-семантической особенности вытекают все основные свойства публицистической речи. Прежде всего это исключительно важная роль автора как смысло- и стилеобразующей категории. Автор непосредственно проявляет себя в тексте – во всём многообразии его средств: структуре речи, словаре, тональности (авторской модальности), характере выразительности и т.д. Категорию автора можно представить в виде пучка отношений, главные из которых: автор – человек социальный и автор – человек частный. Между этими разновидностями, находящимися на противоположных полюсах и в чистом виде практически не встречающимися, можно вместить всё разнообразие публицистических подходов к действительности – от спокойной, рассудительной, сдержанной, объективированной интонации до эмоциональной, пристрастной, гневной. В итоге формируются разные лики категории автора: репортёр, аналитик, иронист, памфлетист, эссеист и др.

Каждый исторический период формирует свой обобщённый тип автора, т.е. усреднённую характеристику, идеальный образ автора, вобравший в себя черты множества конкретных авторов данного периода. Так, обобщённый автор тоталитарного периода – это официальный, застёгнутый на все пуговицы, прежде всего социальный человек, выражающий эмоционально, пристрастно и пафосно господствующую идеологию, использующий апробированные, общепринятые обороты речи. Личность автора, индивидуальность проявляются слабо.

Вторая черта, вытекающая из совпадения производителя речи и её субъекта, – однослойность публицистической речи. В отличие от полифоничной, многослойной художественной речи, в которой многообразно переплетаются линии рассказчика, персонажей, автора (в отступлениях), в публицистике преобладает один голос – автора. Но это ни в коей мере не признак бедности, слабости публицистики. Напротив, именно в однослойности, «одноголосии» заключается её своеобразие и сила. Субъективность – главный ресурс публицистики, что широко и многообразно проявляется в ней. Это и эмоциональность, и прямые оценки, и открытая авторская модальность, и образность, введённая в строгие рамки публицистики.

Публицистика – это интеллектуальная речь, пронизанная эмоциями автора. Мысль и чувство здесь настолько тесно сплетены, что разделить их довольно трудно. Этим публицистическая речь отличается и от научной, и от художественной. Публицистическая речь движется между двумя полюсами – интеллектуальностью (нейтральностью) и эмоциональностью (модальностью), нигде не превращаясь ни в чисто эмоциональную, ни в абсолютно интеллектуальную. Однако интеллектуальная речь, в силу необходимости доказательств, аргументации, преобладает в публицистическом произведении. Публицистическая речь – речь рациональная, заострённая отточенной мыслью, информативно насыщенная. В конечном итоге это речь, стремящаяся к афористичности, которую можно считать главной отличительной чертой публицистики. Это, разумеется, не значит, что публицист говорит и пишет афоризмами. Афоризм служит, как правило, своеобразной вершиной повествования. Он обычно открывает или (чаще) завершает рассуждение, описание, выступает эмоциональным, публицистическим аккордом. Афористичность подразумевает тенденцию публицистики к чеканной, выразительной форме, для которой афоризм – её эстетический, стилевой идеал.

Общий стилевой облик публицистической речи создаётся и посредством Стилистических фигур (см.), органично соответствующих духу публицистической прозы. Фигуры служат точному изложению мысли – выделению её компонентов, сопоставлению, противопоставлению, выразительному оформлению поворотов, изгибов, тончайших оттенков мысли. Фигуры – это техника публицистической речи, одно из главных средств её экспрессии. Однако экспрессивность создается не только фигурами. Выразителен весь строй речи: синтаксис, чётко и тонко передающий все оттенки мысли, лексика и фразеология, точно и лаконично называющие, раскрывающие и оценивающие понятия. Эстетический идеал публицистической речи – максимальное обнажение мысли, представленной в точных, ясных, выразительных оборотах, приближающихся к афоризмам. Строй публицистической речи может быть более или менее логизированным, более или менее эмоциональным, тропеизированным, но он всегда интеллектуализирован, пронизан публицистической мыслью.

Лит.: Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М., 1988; Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984; Винокур Т.Г. Законо-

мерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Гвоздев А.Н.** Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1986, 1997, 2010; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; **Костикова О.Ф.** Лингвостилистическая специфика русской публицистики начала XXI века: КД. Рязань, 2008; **Пешковский А.М.** Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938; **Пономаренко Т.В.** Явление интертекстуальности, использование инвективной и разговорной лексики в языке современной массовой и качественной российской прессы: КД. М., 2009; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка. М., 1977; **Сильман Т.И.** Проблемы синтаксической стилистики. М.; Л., 1965; **Сковородников А.П.** Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; **Скребнев Ю.М.** Очерк теории стилистики. Горький, 1975; **Солганик Г.Я.** Практическая стилистика русского языка. М., 2006; **Солганик Г.Я.** Синтаксическая стилистика. М., 2006; **Формановская Н.И.** Стилистика сложного предложения. М., 1978; **Щерба Л.В.** Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Г.Я. Солганик

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. Я. СМИ занимает важное место в стилистической структуре современного РЛЯ. Обязанная своим развитием ряду технических завоеваний, массовая информация, охватывая самые разнообразные области современной жизни, оказывает сильнейшее влияние на умы и чувства людей. Представляя практически все группы, все слои общества, СМИ играют важнейшую роль в языковой жизни.

СМИ (телевидение, радио, пресса, документальное кино) образуют сложное функционально-стилевое единство, одну из влиятельнейших и авторитетных сфер в стилистической системе современного русского языка. При этом роль СМИ постоянно возрастает. СМИ являются важнейшим средством языкового общения, в недрах которого формируются стандартные, усреднённые значения имён, служащие объединяющим началом, средством поддержания единства общества. Заложенное в СМИ объединяющее начало дало основание акад. Н.И. Конраду назвать Я. СМИ «общим языком данной нации».

СМИ имеют общие черты, позволяющие объединить их в составе одного функционально-стилевого единства, и специфические, связанные с экстралингвистическими факторами и способами осуществления, проявления коммуникативной функции.

Одна из главных общих особенностей СМИ – массовый характер информации (коммуникации), противопоставляемый персональной информации. Обращённость к массовому адресату определяет самые существенные особенности Я. СМИ. Как справедливо считал Ю.М. Лотман, есть принципиальное различие между текстом, обращённым к любому адресату, и тем, который обращён к конкретному лицу. В первом случае объём памяти адресата конструируется как обязательный для любого, говорящего на данном языке.

К общим особенностям Я. СМИ относятся:

1) коммуникативная общезначимость. Обращённое к качественно разнородной и массовой аудитории, используемое в СМИ слово должно быть общедоступным, т.е. простым, кратким, ясным, точным, выразительным. Исключаются «крайности» – средства, которые находятся на периферии языка и могут вызвать трудности в понимании сообщения (узкоспециальные слова, диалектизмы, жаргонизмы, варваризмы, жаргонизмы и др.). Следует отметить и противоположную тенденцию – проявление средств уникального и индивидуального словоупотребления. В противоборстве, взаимодействии этих тенденций и заключается процесс развития Я. СМИ, выработка его стилистических норм.

2) стандартизированность. Во многих своих жанрах язык СМИ ориентируется на стандарт – нейтральный, агитирующий, оценивающий, рассчитанный на многократное использование и нередко на эмоциональное воздействие.

3) особый характер экспрессивности. Экспрессия в Я. СМИ целенаправленна, избирательна, имеет оценочный характер. Назначение тропов – не только и не столько образность, сколько создание оценочного эффекта. Отсюда такие качества тропов, как обобщённость содержания, локальный, текстовый характер (развёртываются на небольшом контексте). Экспрессивность Я. СМИ не сводится к тропам. Экспрессивно значимы все языковые средства, поскольку все они воплощают публицистическую идею.

Важнейшая черта СМИ – когнитивность. Можно полагать, что исследование, познание не главная функция СМИ, но было бы заблуждением ограничивать их роль трансляцией знаний, просветительством. СМИ создают ту или иную картину мира. Важно выяснить, в чём специфика этой картины мира по сравнению с наивной картиной, с научной, художественной, религиозной и т.д. Создаваемая СМИ картина мира оказывает огромное воздействие на людей, т.к. сопровождается эффективными средствами воздействия. Специфика когнитивной функции СМИ – это прежде всего комплексный подход к получению знаний, в котором важную роль играют метод прямого наблюдения и социальный подход – точка зрения социального человека.

С когнитивным аспектом тесно связан и один из важнейших в исследовании Я. СМИ прагматический аспект. Картина мира, создаваемая в СМИ, предназначена для информирования, а также для убеждения, воздействия, поэтому она во многом зависит от идеологических, политических установок адресанта. Можно говорить не об одной, а о многих картинах мира, рисуемых СМИ. Общими здесь могут быть черты, связанные с природными качествами СМИ (оперативность, злободневность, подвижность и др.). По содержанию же это могут быть различные, нередко полярные картины. Поэтому прагматический аспект предполагает углублённое изучение специфики производителя речи (адресанта и адресата), определяющих во многом характер, особенности Я. СМИ – стилевую направленность, эмоциональность, оценочность и мн. др. качества.

В плане прагматического изучения Я. СМИ важное место принадлежит исследованию модальности (отношения автора к содержанию речи), а также теории и практики аргументации. Прагматика в широком смысле применительно к СМИ – это прежде всего средства убеждения, воздействия, нередко манипулирования общественным мнением.

Не менее актуален и начинающий разрабатываться культурологический аспект Я. СМИ (выяснение того, как Я. СМИ влияет на культуру). Я. СМИ с его практически неограниченной тематикой оказывает сильное воздействие на литературный язык, а через него и на культуру: насыщает речь точными и оценочными оборотами, формирует во многом язык политики, идеологии, развивает приёмы и методы дискуссии, полемики.

Отражая сложные формы речевого общения и взаимодействия, Я. СМИ оказывает сильное влияние на формирование стилистических вкусов, языковых норм, на стилистическую структуру языка в целом. Отсюда вытекает высокая ответственность журналистов за качество Я. СМИ. Очень важна культурноречевая критика Я. СМИ, многие из которых злоупотребляют жаргонизмами, просторечием, иноязычными словами, канцеляризмами.

Лит.: **Азнабаева А.Р.** Эволюционные процессы в языке региональных средств массовой информации конца XX – начала XXI вв.: КД. Уфа, 2010; **Гречихин М.В.** Современный русский медиадискурс: язык интолерантности: на материале языка российских СМИ: КД. Белгород, 2008; **Костомаров В.Г.** Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994; **Лотман Ю.М.** Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. IX. Тарту, 1977; **Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В.** Язык современных СМИ: Средства речевой агрессии: учеб. пособие. М., 2013; **Пономаренко Т.В.** Явление интертекстуальности, использование инвективной и разговорной лексики в языке современной массовой и качественной российской прессы: КД. М., 2009; **Солганик Г.Я.** О новых аспектах изучения языка СМИ // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2000. № 3; **Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования:** учеб. пособие / отв. ред. проф. М.Н. Володина. М., 2003.

Г.Я. Солганик

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – 1) это важнейшая составляющая художественной формы литературных произведений, наряду с композицией выражающая их содержание [Одинцов 1980]; 2) художественно-беллетристический стиль как одна из функциональных разновидностей литературного языка, имеющая свои лингвистические и экстралингвистические особенности, стилевые черты; 3) особый тип речи (художественной), характерный для эстетической сферы коммуникации, отличающийся образностью, эстетической функцией, повышенной эмоциональностью, антропоцентризмом, эстетической мотивированностью, особой ролью подтекста и т.д.; 4) языковые средства, отобранные автором из языковой системы и использованные в художественном произведении в соответствии с авторским замыслом; 5) свойственный писателям и поэтам стиль, манера отра-

жения эстетического восприятия действительности в художественной форме в соответствии с языковой картиной мира художника слова, его творческим методом.

До сих пор это ключевое в филологии понятие остается дискуссионным, допуская множественность интерпретаций. В литературоведении Я.х.л. рассматривают как форму выражения художественного содержания произведения и проявления творческого метода автора, его эстетического кредо: «Творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нём и через него могут быть постигнуты» [Виноградов 1959: 6]. В стилистике цель и задачи изучения Я.х.л. зависят от различных направлений, сложившихся в рамках данной науки. Для исторической стилистики важно построение «истории стилей русского письменного языка в их взаимоотношениях» [Винокур 1990: 116]. Для описательной стилистики представляет интерес отражение в литературных произведениях различных языковых средств, взятых автором из сокровищницы РЛЯ, а также выявление авторских новообразований, потенциально способных обогащать языковую систему. Функциональную стилистику интересуют эстетические функции языковых средств разных уровней, использованных автором в тексте, отражение в Я.х.л. стилиевых черт, свойственных художественно-баллетристическому стилю. В рамках коммуникативной стилистики текста Я.х.л. рассматривается в коммуникативно-деятельностном аспекте как регулятивная система сигналов эстетической информации, стимулирующая в сознании читателя различные текстовые ассоциации, значимые для процесса формирования смысла и творческого диалога автора и читателя [Болотнова 2009].

Для конкретизации понятия «Я.х.л.» необходимо рассмотреть его соотношение со смежными понятиями «литературный язык», «художественная речь», «поэтический язык». Учёные отмечают взаимосвязь этих понятий: «Поэтический язык не существует без прочных корней в языке реальной действительности» [Винокур 1990: 129]. Однако связь языка художественной литературы и литературного языка не означает их тождества: Я.х.л. в эстетических целях может выходить за пределы собственно литературного языка в область диалектной и жаргонной речи в случае эстетической обусловленности соответствующих языковых средств. Таким образом, понятие «Я.х.л.», является более широким сравнительно с понятием «литературный язык». С другой стороны, возможна более узкая трактовка Я.х.л. как одной из функционально-стилевых разновидностей литературного языка. У этой точки зрения есть свои сторонники (их большинство) и оппоненты. Не признают в качестве особого стиля Я.х.л. Л.Ю. Максимов, Н.А. Мещерский, К.А. Панфилов, Д.Н. Шмелёв и др. Ими выдвигаются следующие аргументы: 1) Я.х.л. специфичен, по ряду признаков он противопоставит литературному языку; 2) у Я.х.л. особая эстетическая функция; 3) Я.х.л. многостилен, не замкнут.

В качестве контраргументов оппоненты отмечают: 1) хотя в художественной речи и используются отдельные черты и элементы других стилей, художественная речь, как и всякий другой стиль, характеризуется целостностью и единством, поскольку средства других стилей трансформируются, попав в ткань художественного произведения [Кожина 1993]; 2) эстетическая функция – одна из функций литературного языка, одна из сфер его реализации, основывающаяся на коммуникативной функции; 3) для Я.х.л., как и для других стилей, характерны свои лингвистические и экстралингвистические особенности и стилиевые черты.

Я.х.л. нередко соотносят с поэтическим языком и художественной речью, которая определяется широко, как образная речь в разных сферах общения [Одинцов 1980: 62]. С этой точки зрения художественной речи близко понятие «поэтический язык» в его расширенном значении, трактуемое В.П. Григорьевым как «язык с установкой на творчество» [Григорьев 1979: 76–78]. При узкой трактовке художественной речи она соотносится исследователями только с понятием «Я.х.л.».

Против использования термина «Я.х.л.», считая его нестрогим, выступил В.В. Кожин, подчёркивая, что фактически в данном случае подразумевается «не язык в собственном смысле, но именно “речь”, осуществление языка в конкретных высказываниях – в произведениях литературы, науки, публицистики, в устном общении людей» [Кожин 1969: 7]. В качестве контраргумента В.П. Григорьев не без основания утверждал: «Речь без языка, текст без языка, а художественное произведение без художественного языка – это научные фикции» [Григорьев 1977: 265]. Рассматривая соотношение эстетики языка и речи, Р.А. Будагов справедливо писал: «Первая относится к самим ресурсам и возможностям языка, вторая – реализации подобных ресурсов и возможностей в том или ином тексте, у того или иного писателя» [Будагов 1975: 68]. С этим связана и концепция Г.О. Винокура, писавшего о «поэтическом языке» как «средствах языка в речи» [Винокур 1990: 140].

В качестве особенностей Я.х.л. исследователи отмечают: способность выполнять эстетическую функцию (см. Эстетическая функция слова и текста); возможность использования языковых средств других стилей; употребление, наряду с литературными, и внелитературных средств в эстетических целях; образность; явную эмоциональность; значимость подтекста; неповторимость и свежесть языковых средств для создания образов; точность речи как верность образу; наличие аномалий; избыточность и др. М.Н. Кожина в качестве наиболее значимой особенности художественной речи определила художественно-образную речевую конкретизацию. Это свойство художественной речи проявляется «в такой намеренно созданной по законам искусства организации языковых средств в речевой ткани художественного произведения, благодаря которой слово-понятие “переводится” в слово-образ (художественный)...» [Кожина 2003: 585]. Суть художественно-образной конкретизации заключается в системном, комплексном характере оценки средств и способов создания образности: от фонетических до синтаксических.

Смена научной парадигмы и связанный с этим интерес к коммуникативным аспектам анализа художественных произведений обусловили подход к Я.х.л. как к способу выражения и репрезентации картины мира автора, «стоящего» за текстом (Ю.Н. Караулов). В связи с интенсивным развитием когнитивной лингвистики особую актуальность приобретает исследование средств выражения ключевых концептов в их текстовом воплощении, изучение языковых способов организации познавательной деятельности читателей, анализ различных речевых средств, формирующих эстетический эффект текста, определяющих силу его воздействия и семантику. Дальнейшее развитие науки о Я.х.л. невозможно вне этих тенденций.

Лит.: **Балышева К.А.** Демократизация языка в массовой художественной литературе рубежа XX – XXI веков: КД. Йошкар-Ола, 2010; **Болотнова Н.С.** Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009; **Будагов Р.А.** Эстетика слова // Русская речь. 1975. № 4; **Виноградов В.В.** О языке художественной литературы. М., 1959; **Винокур Г.О.** Филологические исследования. М., 1990; **Григорьев В.П.** От текста к языку и снова к тексту // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1977. № 3. Т. 36; **Григорьев В.П.** Поэтика слова. М., 1979; **Ковтунова И.И.** Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; **Кожина М.Н.** Художественно-образная речевая организация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003; **Кожин В.В.** Слово как форма образа // Слово и образ. М., 1969; **Одинцов В.В.** Стилистика текста. М., 1980; **Песоцкий В.А.** Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа: ДД. М., 2009.

Н.С. Болотнова

ЯЗЫКОВА́Я ИГРА́ – специфическая речевая деятельность, состоящая в таком использовании стилистических приёмов (см.), которое направлено на создание остроумных, преимущественно комических высказываний и оборотов речи. Под остроумием понимается особая способность ума к изобретению или нахождению речевых оборотов и высказываний, обладающих облигаторно (обязательно) свойствами меткости, оригинальности и неожиданности, и факультативно (не обязательно) – свойствами причудливости, эксцентричности и эпатажности. Причём эти свойства, или грани, остроумия могут присутствовать в высказывании в разных сочетаниях и пропорциях [Сковородников 2010: 60–61]. Иллюстрируем сказанное примерами из художественной литературы и публицистики, в которых, как и в разговорной речи, в основном используется Я.и.: *Нашла коса на уголь. С Грефом пополам* (заголовок и подзаголовок статьи) (МК. 06–13.07.2000). Эффект ироничной Я.и. достигается отклонением от языковой (в данном случае – фразеологической) нормы. Ср.: *Нашла коса на камень, с грехом пополам; После смерти тело фараона с большими церемониями потрошили изнутри и набивали ароматами. Снаружи заключали его в раскрашенный футляр, всё вместе ставили в саркофаг и помещали внутри пирамиды* (Тэффи). Комический эффект создаётся здесь отклонением от стилистической нормы, а именно включением в контекст сакральной тематики снижено-бытовых слов *потрошили* и *набивали*, более уместных, напр., для рецепта; *Обаятельная чаровница сделает всё, чтобы скрасить вечер и ночь пожилому господину. Измерение давления, клизмы, капельница, инъекции, вызов врача* (ТД. 2001. № 9). Комический эффект «обманутого ожидания» возникает в результате нарушения текстовой нормы, согласно которой в семантически и синтаксически связном тексте предшествующее предложение в известной степени «прогнозирует» содержание последующего: – Док-

тор, ваша яблочная диета для похудения мне не помогает! – А вы яблоки моете? – Да. – Попробуйте не мыть (КП. 12–19.07.2007). Комический эффект создаётся отклонением от речеповеденческой (лингвопрагматической) нормы, поскольку рекомендация врача не соответствует его профессиональной роли; *Мужчина гоняется за женщиной до тех пор, пока она его не поймает* (АиФ. 2001. № 32). Это парадоксальное высказывание основано на Алогизме (см.) – отклонении от логического закона непротиворечия; *Обязанности бывают приятные, неприятные и супружеские* (ТЕЛЕвизор. 03–09.03.2003) Комизм этого высказывания является результатом отклонения от логического закона тождества (нарушена однородность перечислительного ряда).

Проблемным является вопрос, следует ли считать Я.и. высказывания, комический эффект которых основан на отклонениях от предметно-онтологической или этологической (поведенческой) нормы: *Новая водка «Ленинская-Шушенская»: после первой рюмки человек начинает картавить, после второй – лысеть...* (ТД. 2001. № 43); *По причине недостаточности улик известный преступник Петров прямо из зала суда был отправлен на дозавершение преступления* (ТД. 2002. № 1). Поскольку в такого рода высказываниях (а иногда и целых текстах) явлено виртуальное отклонение от лингвопрагматического (речеповеденческого) постулата правдоподобия, полагаем, что и здесь можно говорить о наличии Я.и.

Как свидетельствуют приведённые примеры, все отклонения от норм, дающие эффект остроумия и комизма, совершаются в речи. Поэтому рассматриваемый нами феномен, носящий наименование Я.и., по сути дела является речевой игрой.

Лит.: Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография. Екатеринбург, 1996; Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008; Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007; Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983; Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009; Исаева Л.В. Языковая игра в поликодовом рекламном тексте: КД. Тверь, 2011; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; Николина Н.А., Агеева Е.А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000; Норман Б.Ю. Игра на границах языка. М., 2006; Плотникова С.Н. Теория множественности миров как методологическая основа анализа игры и игрового дискурса // Игра как приём текстопорождения: коллективная монография. Красноярск, 2010; Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; Сковородников А.П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как приём текстопорождения: коллективная монография. Красноярск, 2010; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; Усолкина А.В. Языковая игра как текстообразующий фактор: на материале литературных сказок Л. Кэрролла и их переводов: КД. Екатеринбург, 2002; Фацанова С.В. Языковая игра в радиодискурсе: КД. Томск, 2012.

А.П. Сковородников

ЯЗЫКОВА́Я КАРТИ́НА МИ́РА – совокупность представлений о мире, содержащихся в словарном составе и в семантике грамматических категорий языка. «Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [Серебренников 1988: 11]. Феномен, именуемый «картина мира», является таким же древним, как и сам человек. Но предметом научно-философского рассмотрения он стал лишь с конца XIX в. На рубеже веков появилось понятие физической картины мира (Г. Герц, М. Планк, А. Эйнштейн). Планк трактовал этот термин как образ мира, формируемый физической наукой и отражающий реальные закономерности природы. Он различал практическую картину мира (целостное представление человека об окружающем мире) и научную картину (модель реального мира, лишь приблизительно адекватно воссоздающуюся в результате познания) [Серебренников 1988: 13]. Эйнштейн говорил о картинах мира, создаваемых художниками, поэтами, философами, естествоиспытателями. В настоящее время типология картин мира включает общенаучную и частнонаучные (химическую, биологическую, физическую, техническую, экологическую и т.д.), мифическую, художественную, религиозную и атеистическую, «цивилизованную» и ар-

хаическую, здорового человека и больного (в т.ч. психически), взрослого и ребёнка и мн. др. Речь может идти об универсальной общечеловеческой, национальной или личной картине мира. Любая картина мира не есть зеркальное отражение того или иного фрагмента, аспекта действительности, но всегда включает интерпретационную составляющую: ценностно-характеризующие компоненты.

Разработка понятия Я.к.м. в лингвистике связана с антропоцентрическим принципом в теории языка и в практике исследований. В центре внимания оказывается решение двух взаимосвязанных задач: определение того, как человек влияет на язык и как язык влияет на человека, его мышление, культуру. Первое связано с тем, что многие свойства языка оказываются обусловленными психическими, физиологическими, психофизиологическими особенностями человека как существа биологического и социального. Опосредованное влияние оказывает и идеология, в т.ч. языковая. Второе – признание того, что «мир предстаёт перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а значит, в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 1960].

В лингвистике, в т.ч. в специальной научной дисциплине Лингвокультурологии (см.), чаще всего выделяют **концептуальную (научную) и языковую** картины мира. Согласно Б.А. Серебренникову, концептуальная картина, или модель мира, шире и богаче языковой, поскольку в её создании участвуют разные типы мышления, в т.ч. и невербальные: единицами мыслительной деятельности выступают и образы, схемы, представления. Внутри концептуальной картины мира сосуществуют области, более и менее подверженные языковому влиянию. Поэтому о **разных** картинах мира можно говорить лишь условно.

Ядро Я.к.м. образует «наивная картина мира» – относительно постоянная, медленно изменяющаяся. Это продукт первичного знакообразования в каждом языке. Оно носит характер наивного, в т.ч. антропоморфного: обозначение элементов мира через аналогии с человеком (*подошва горы, обочина дороги, жерло вулкана, горлышко бутылки*) и зооморфного представления о мире природы и человека (ласковые обращения *киса и зайка* или, напротив, грубые сравнения человека с животными: *свинья, осёл, крыса*). В этом смысле говорят о наивной биологии, наивной геометрии, физике и т.д. Фрагмент наивной картины мира – совокупность наивных, донаучных представлений и о самом языке; сам феномен метонимически назван по самому активному органу производства речи [Арутюнова 2000]. Научная картина мира не зависит от языка, отражает достигнутый в данное время уровень познания. Она строится сознательно, целенаправленно, стремится к объективности, логичности, представлена в терминологии, дефинициях, системе доказательств.

Результаты познавательной деятельности выражаются прежде всего в процессах категоризации и концептуализации. **Категоризация** – это расчленение реальности посредством деления всего онтологического пространства на различные категориальные области, следовательно, – структурирование мира [Маслова 2001: 31]. **Концептуализация** – «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей информации, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в форме **концептов** как фиксированных в сознании смыслов» [Скорнякова 2008: 9]. Есть непосредственная связь между структурой мира и структурой языка. Нагляднее всего это демонстрирует лексико-грамматическая категория частей речи. Имя существительное представляет в языке предметы, вещи; глагол – свойства становления, движения, изменчивости; предлоги и союзы – отношения, связи и т.д. Предметам свойственны параметры единичности и множественности. Их передаёт категория числа имени существительного. Время как свойство материи находит выражение в категории времени глагола.

Оперативным механизмом представления мира в мыслительной деятельности выступает концептуализация, а в языкотворческой – **семантизация** (процесс «оязыковления» элементов опыта, познания). Каждый язык развивает свои принципы семантизации. Языковое деление не всегда совпадает с естественной сегментацией в природе, с концептуально-научными представлениями, иногда и противоречит им (*чернила* не обязательно чёрные, а *бельё* – белое; каждый школьник знает, что *атом* делим, хотя буквальное значение греческого слова – «неделимое»). Характерная черта семантизации – представление ненаблюдаемых абстрактных сущностей (времени, эмоциональных состояний, чувств, мышления, познания, социальных явлений) в терминах конкретных, физических предметов и их свойств. Напр.: *бесплодная идея, пустые слова, стройная теория; время ползёт/летит/мчится; горе сушит; ставить/поднимать вопрос, проблему; в голову приходит мысль/лезут мысли*.

Такое представление идеального – результат процессов метафоризации и метонимизации. Речь идёт не о художественных, поэтических приёмах, а о концептуальной метафоре и концептуальной метонимии как способах языкового представления уже добытых знаний и добывания новых. Сегодня доказана принципиальная встроенность Метафоры (см.) и Метонимии (см.) в практическое и научное, а не только художественное познание мира.

Направление антропоцентричных исследований, связанных с понятиями картин мира, категоризацией и концептуализацией, ролью метафоры и метонимии в познании мира и его языкового осмысления, получило в философии название концептуального анализа. «Концептуальный анализ позволяет сказать человеку о нём самом то, что он не может узнать о себе ни из какого другого источника» [Рябцева 2005: 58]. Самобытность национально-языковой картины мира вырисовывается через сравнительный анализ концептов, отдельных фрагментов Я.к.м. на материале разных языков.

Лит.: Аругюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке: сб. ст. М., 2000; Бохонко В.С. Отражение языковой картины мира в поэтическом дискурсе: КД. М., 2011; Васильева В.Ф. Языковая картина мира: миф и реальность (полемиические заметки // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2009. № 3; Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах. Томск, 2009; Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М., 2001; Муранова О.С. Языковая картина мира в тексте научно-популярной статьи: КД. СПб., 2009; Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М., 2010; Рамишвили Г.В. К проблеме «уникальности» человеческого языка // Филологические науки. 1980. № 2; Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. М., 1988; Рябцева Н.К. Концептуальный анализ и языковая картина мира: антропоцентричность языка и воплощённых в нём знаний // Язык и естественный интеллект. М., 2005; Скорнякова Р.М. Принципы моделирования языковой картины мира. Томск, 2008; Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. URL: www.philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm; Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: мат-лы к словарю. М., 2002.

А.А. Бернацкая

ЯЗЫКОВАЯ КОДИФИКАЦИЯ – явное описание языковой нормы в законодательных актах, а также в нормативной научной и справочной литературе и тем самым придание ей характера общественного установления.

Я.к. связана с ведущей ролью в литературном языке письменной формы языка, которая позволяет порождать устойчивый во времени **текст**. Кроме того, длительность и многоэтапность создания письменного текста позволяют контролировать его форму и содержание в процессе создания до его передачи адресату (читателю). Этим определяется консервативность письменной формы языка. Мягкость и строгость нормы исторически обусловлены и представляют собой волнообразную смену категоричности требований. Демократизация общества приводит, как правило, к снижению нормативных требований по отношению к единообразию языковой практики, консерватизация общественной жизни, наоборот, приводит к усилению единообразия.

Наиболее ранняя форма кодификации – соответствие традиции (**традиционная норма**), появляется как следствие расхождения современной речевой практики с прежними, как правило, письменными текстами. В постклассической латыни, напр., известен «Appendix Probi» – приложение к грамматике латинского языка «Instituta artium», которая датируется III – началом IV вв. н.э. и ранее ошибочно приписывалась Валерию Пробу (Valerius Probus), жившему в I в. н.э. Автор «Приложения» неизвестен. В этом приложении описаны 227 случаев «неправильного» употребления слов латинского языка, отличного от употребления в классической латыни.

Теоретически обоснованная норма в общей процедуре кодификации (не всегда совпадающей с кодификационной практикой) может быть представлена следующим образом.

1. Специалисты в конкретных областях лингвистики производят исследование фрагмента языковой системы, который представляет собой ряд языковых фактов, образующих варианты какого-либо языкового явления, напр., варианты формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода, обозначающих лиц: *директора* и *директоры*, *бухгалтера* и *бухгалтеры*. Устанавливаются закономерности и тенденции в употреблении вариантных форм по отношению к

каждому слову и совокупности слов в целом. Формулируется общее правило. Результаты исследований публикуются в теоретической научной литературе: монографиях, научных статьях и докладах, теоретических грамматиках.

2. Специалисты в области языковой нормы, переосмысляя данные теоретических исследований, предлагают норму как предписание использования абсолютно доминирующей языковой единицы, либо как использование нескольких (как правило, двух) вариантов, при доминировании одного из них либо при их полном равноправии. Предлагаемые правила и/или образцы публикуются в литературе практического характера: нормативных грамматиках, справочниках, нормативных и толковых словарях, учебных пособиях.

3. Нормативная и справочная литература используется в практике авторов, редакторов и корректоров средств печати и массовой информации, учебная литература используется при лингвистическом обучении, формирующем навык носителей языка.

4. Несоответствие норме контролируется на стадии подготовки текстов к публикации редакторами и корректорами, после публикации контролирующими органами, в частности, органами власти, и общественностью.

В период с конца 80-х гг. XX в. и до настоящего времени не сформирован чёткий механизм кодификации нормы. Это связано прежде всего с утратой государством контроля над публичной речью, печатью и массовой коммуникацией. Переход издательского дела и средств массовой коммуникации в частные руки привёл к тому, что государство перестало играть роль тотального контролёра публичной и массовой языковой практики. В 90-е гг. XX в., в период первоначального накопления капитала, на порядок увеличилось количество издательств и СМИ, сократились сроки и упростилась процедура подготовки текстов к изданию, в профессию редактора и корректора влились неподготовленные кадры. Вследствие всего этого редакторский и корректорский контроль над соответствием текста норме оказался ослаблен. Кроме того, словари и нормативные справочники стали особенно востребованы в связи с демократизацией публичной и массовой коммуникации. Это привело к тому, что изданием справочной лингвистической литературы, требующим чрезвычайно высокой издательской культуры и специальной лингвистической подготовки кадров, стали заниматься многие не готовые к этой деятельности издательства. В частности, широко практиковалось переиздание словарей и справочников советского периода и издание не апробированной авторитетными учреждениями новой справочной литературы. Многообразие справочной литературы и большие расхождения в рекомендациях, иногда наличие немотивированных отклонений от нормы в самих нормативных изданиях привели к дезориентации рядовых носителей языка. Это означало разрушение традиционного механизма кодификации языковой нормы и её реализации в языковой практике, что ставит перед лингвистами задачу формирования нового, учитывающего современные реалии общественно-языковой практики механизма кодификации.

Дискуссионным является вопрос о том, следует ли возрождать тотальный контроль и императивный характер нормы, присущие советской государственной системе, поскольку, с одной стороны, такая жесткость формирует высокую степень единообразия публичной и массовой коммуникации, но, с другой стороны, лишает речедеятеля большого количества выразительных средств языка. Возможно, в результате согласованных действий власти, лингвистов и активных речедеятелей будет сформирован более гибкий, но, тем не менее, действенный механизм кодификации и контроля за исполнением нормы, ограничивающий антиобщественное использование языка.

Лит.: Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978; Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: грамматика и варианты. М., 1980; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976; Ицкович В.А. Языковая норма. М., 1968; Крысин Л.П. Кодификация нормы и языковая традиция // Русский язык в школе. 2008. № 7; Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997; Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980; **Федеральный закон Российской Федерации** от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ О государственном языке Российской Федерации // РГ. 7.06.2005.

И.Е. Ким

ЯЗЫКОВА́Я КОМПЕТЕ́НЦИЯ – одна из трёх основных базовых компетенций в составе интегральной Культурно-речевой компетенции (см.). В общепонятийную часть Я.к. входит знание таких понятий, как **языковая норма, варианты нормы, критерии нормативности, кодификация**. Основной частью Я.к. является владение средствами всех уровней языка и соответствующими языковыми нормами, т.е. **структурно-языковая** субкомпетенция.

К структурно-языковой компетенции примыкает **текстовая субкомпетенция**, т.е. понимание структуры (устройства) текста, состава и роли текстовых категорий, его основной единицы – сложного синтаксического целого, которое в определённой степени соотносительно с предложением (подробнее см. Текстовая компетенция).

Поскольку центральным понятием Я.к. является правильность, т.е. соблюдение норм литературного языка на всех его уровнях, на первый план в Я.к. выходят субкомпетенции: а) **нормативно-языковая**, или **ортологическая** (от др.-греч. *ορθός* – ‘правильный’), предполагающая владение (знание и умение) основными нормами литературного языка (орфоэпическими, акцентологическими, словообразовательными, лексическими, морфологическими, синтаксическими) и нормами орфографии и пунктуации; б) **эрратологическая** (от лат. *erro* – ‘ошибка’), или **ошибковедческая**, субкомпетенция, т.е. умение находить, квалифицировать (определять тип) и оптимальным образом исправлять речевые ошибки.

Близкие определения Я.к. находим у некоторых других авторов. Напр., в учебном словаре-справочнике «Русская речевая культура» (2006): «Языковая компетенция. Осведомлённость человека (носителя языка) в системе языка. Языковая компетенция предполагает освоение необходимых знаний о языке (как знаковой системе и общественном явлении), его устройстве, развитии и функционировании. К этому типу компетенции относится овладение основными нормами литературного языка, богатство словарного запаса и грамматического строя речи, способность к языковой рефлексии, умение размышлять и рассуждать по поводу языковых явлений и языкового выбора, к оценке языковых явлений и фактов» [Русская речевая... 2006: 49; см. также Обучение... 2004: 31]. Способность к языковой рефлексии обозначена нами как «перцептивно-рефлексивная субкомпетенция» (см. Коммуникативно-речевая компетенция).

Лит.: **Обучение русскому языку в школе:** учеб. пособие / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос и др. М., 2004; **Русская речевая культура:** учебный словарь-справочник. СПб., 2006; **Сковородников А.П., Копнина Г.А.** Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. Спецвыпуск «Культура речевого общения». 2009. № 2; **Сковородников А.П., Копнина Г.А.** О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Филологические науки. 2009. № 3.

А.П. Сковородников

ЯЗЫКОВА́Я КРИ́ТИКА, или **КРИ́ТИКА ЯЗЫКА́**, – феномен, возраст которого измеряется, очевидно, возрастом человека разумного (*homo sapiens*) и человека говорящего (*homo loquens*). «Критическое отношение к языку появилось, по-видимому, сразу, как только человек начал размышлять о языке. <...> Любая рефлексия по поводу языка, в т.ч., на бытовом уровне, – письма в газету, застольные беседы и даже реплики в общественном транспорте – всё это тоже критика языка. Иногда подобная критика оказывается не менее содержательной, чем мнение компетентных специалистов» [Кронгауз 1999: 1]. В наиболее частотном употреблении этого устойчивого словосочетания имеется в виду не сам язык, – его тип, устройство, – а его использование, т.е. речь. В этом значении понятие входит в круг исследований и дискуссий в рамках культуры языка и речи (см. Культура речи), экологии языка (см. Лингвоэкология), Пуризма (см.), нормы и нормативности в языке (см. Языковая норма). Общественная критика языка: разного рода нарушений старых норм, правил, запретов, новых средств экспрессии, неологизмов, жанровой гибридизации – обостряется в периоды бурных социально-экономических и политических движений, прежде всего, при переходе от тоталитаризма к демократии и либерализму, к новой идеологии. В форме критики состояния речи выступает, прежде всего, критика общества. «За вкусом к беспредельной свободе выражения, за фамильярной развязностью тона, который в моде, часто скрывается духовный нигилизм, утрата исторической памяти и уважения

к отечеству. Возникло примечательное явление – агрессивная некомпетентность, черпающая знания из масс-медиа <...> Демократизирующееся в ускоренные сроки общество допускает неистовую либерализацию, доходящую до разнузданного отрицания...» [Костомаров 1999: 43]. Немало негативного в морально-этическое и культурно-речевое состояние общества вносят малообразованные и не стеснённые моральными нормами нувориши – «новые русские», но основная вина за катастрофическое снижение речевой культуры лежит на органах СМИ. СМИ – зеркало состояния речевой культуры общества.

Попытки изменения языка М. Кронгауз подразделяет на две разновидности. Первая относится к тоталитарному строю и выливается в «новояз» типа советского «деревянного» языка или языка Третьего рейха (В. Клемперер). Девиз второй разновидности – «Политкорректность» (см.). Напр., вместо «негр» или «чернокожий» рекомендуется говорить «афроамериканец», вместо «языка дикарей» – «язык архаического социума», вместо «инвалид» – «человек с ограниченными физическими возможностями». Это «изменения, открыто и как бы “законодательно” проводимые под нажимом различных социальных течений» [Кронгауз 1999: 5]. Большую тревогу у многих языковедов вызывает неудержимый процесс «англо-американизации» русской устной и письменной речи. Наиболее ярко выражены языковые последствия феминизма. «Феминистская критика языка (феминистская лингвистика) – своеобразное направление в языкознании, его главная цель состоит в разоблачении и преодолении отражённого в языке мужского доминирования в общественной и культурной жизни. Оно появилось в конце 1960-х – начале 1970-х годов в связи с возникновением Нового женского движения в США и Германии» [Кирилина 2002: 232]. Львиная доля феминистских новообразований направлена против так называемой «гендерной асимметрии в языке», или «языкового сексизма». Имеются в виду сущ. муж. рода, употребляемые для обозначения лиц женского пола (*каждый человек/гражданин*), названия профессий (*доктор, врач, инженер, учёный, профессор, директор*), формы мн. числа (*учителя, студенты*).

Собственно терминологический статус «Я.к.» получила в философии. Вопросы происхождения и онтологии языка изначально, начиная с античности, занимали существенное место во всех философских концепциях, школах. В наиболее влиятельном философском направлении XX века – аналитической философии – Я.к. стала основным содержанием. Источник всех научно-философских ошибок, заблуждений, противоречий стали видеть в неточностях, нелогичности, двусмысленности, неоднозначности языковых выражений, в «масках», «ловушках» языка. Был выдвинут тезис о необходимости «лечения», «очищения», «санации» языка. Появилось даже особое ответвление этой философии – «лингвистическая терапия» [Руднев 1999: 146–148]. Близка к ней по содержанию и идеологии «общая семантика» А. Кожибского, А. Рапопорта, С. Хаякавы, С. Чейза 30-50 гг. прошлого века. Основная идея – язык навязывает человеку и обществу картину мира, искажающую, подменяющую реальность и приводящую к разным «болезням» общества вплоть до революций. Напр., конструкция «либо-либо» вызывает невроты от состояния безвыходности положения (*либо коммунист, либо не коммунист: третьего не дано*) [Кронгауз 2005: 43–46].

Оценки современного состояния русского языка специалистами нередко диаметрально противоположны. Однако общим позитивом звучит мысль о том, что все многочисленные изменения в разных сферах русского языка должны стать «объектом терпеливой и последовательной просветительской работы филологов и журналистов, объектом новой линии языкового воспитания общества, а именно – языковой критики» [Караулов, Крысин 2000]. Такая Я.к. понимается как «раздел прикладной лингвистики, направленный на культивирование языка прежде всего в общественной жизни» [Трошина 1999: 104].

Лит.: Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы. М., 1972; Граудина Л.К. На перекрёстке мнений // Русская речь. 1995. № 5; Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М., 2006; Караулов Ю.Н., Крысин Л.П. Журналистов надо учить и учить // НезГ. 02.12.2000; Кирилина А.В. Феминистская критика языка // Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М., 2002; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999; Кронгауз М. Критика языка. URL: www.ruthenia.ru/logos/number/1999_3_09.htm; Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009; Руднев В.П. Лингвистическая терапия // Словарь культуры XX века. М., 1999; Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии. СПб., 2005; Трошина Н.Н. Языковая культура как предмет общественного интереса // Язык и культура: сб. обзоров. М., 1999.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ – совокупность черт, определяющих речевую деятельность индивида. Под личностью понимается человек, выступающий как субъект отношений и сознательной деятельности, что определяет присущую такой личности «совокупность социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества» [Философский... 1983: 314].

Термин и понятие «Я.л.» введены в лингвистический обиход Г.И. Богиным [Богин 1984] и разработаны Ю.Н. Карауловым в книге «Русский язык и языковая личность» (1987). Черты, характеризующие Я.л., были представлены в ней в виде сложной трёхуровневой системы, обеспечивающей речевую деятельность индивида. Это владение лексикой и грамматикой языка («грамматикон», вербально-грамматический уровень), знаниями о мире, определяющими корректное использования языковых средств («тезаурус»), и умения в области употребления языковых средств в соответствии с ситуацией общения («прагматикон»). Введение понятия Я.л. оказало и оказывает большое влияние и на развитие лингвистической науки, и на практику преподавания как родного, так и иностранного языков.

Развивая свои положения, Ю.Н. Караулов пишет: «Будем исходить из того, что понятие языковая личность предполагает такой способ представления языка, в котором находят отражение не только свойства и законы языкового строя, но и отпечатлённые в языке знания о мире, высокие человеческие ценности, равно как и низшие проявления человеческого духа. Иными словами, описание языка в этом случае нацелено на представление человека в языке, а сам человек предстаёт как специфически систематизированный продукт языковой деятельности» [Караулов 2007: 286].

За последнее десятилетие опубликовано более трёхсот научных работ, посвящённых Я.л., но и в настоящее время эта тема «продолжает оставлять простор для поисков и дискуссий» [Караулов 2007: 286].

Сам автор предлагает внести некоторые коррективы в представленную систему, которые связаны прежде всего с трактовкой тезауруса: «Когнитивный уровень оказывается более сложным по своему устройству, чем это представлялось ранее, и состоит из двух частей: базы знаний языковой личности, упорядоченных изоморфно структуре элементарной единицы знания, и уж потом второй его составляющей следует считать деятельностью ориентированный тезаурус, или языковую картину мира, естественно, включающую в себя и прагматикон языковой личности. Тогда объединение вербально-грамматического и когнитивного – формирует языковое сознание, а каждый из (трёх выделенных. – К.Р.) уровней являет собой отдельную ипостась языковой личности» [Караулов 2007: 286].

Предпосылкой создания теории Я.л. являются учение об образе автора В.В. Виноградова, работы пионеров в области лингвострановедения и лингвокультурологии – В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина, а также работы русских и зарубежных когнитологов, психологов, философов, культурологов. Важным стимулом в развитии теории языковой и речевой личности (в отношении к понятиям языка и речи) явилось обращение к тексту как объекту лингвистического исследования.

Теперь ни у кого не вызывает сомнений, отмечают исследователи, тот факт, что в сознании людей, объединённых языком и историей, существует определённый набор текстов, культурных клише, представлений и стандартных символов, за которыми закреплено известное содержание. Эти «единицы общения» составляют национально-культурную память носителей данного языка/культуры, они то и формируют инвариантные образы мира, без наличия которых невозможно существование ни одной коммуникативной системы. Инвариантные образы мира являются социально выработанными и не соотносятся с индивидуально-смысловыми образованиями как таковыми.

Установка на исследование языка как системы, как способности человека к общению (его языковой, коммуникативной и прагматической компетенции), как основы в создании текста не только расширила, но и внесла принципиальные изменения в область лингвистических исследований, теснее обозначила связи теоретического языкознания и методики обучения речевому общению.

Лит.: Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: ДД. Л., 1984; Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. №4(12); Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; Караулов Ю.Н. Структура языковой личности и место литературы в языковом сознании // Русская литература в формировании современной языковой личности: мат-лы конгресса (Санкт-Петербург, 24–27.10.2007). В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2007; Кочеткова Т.В. Языко-

вая личность носителя элитарной речевой культуры: ДД. Саратов, 1999; **Лютикова В.Д.** Языковая личность: Идиолект и диалект: ДД. Екатеринбург, 2000; **Седов К.Ф.** Структура устного дискурса и становление языковой личности: Грамматический и прагматический аспекты. Саратов, 1998; **Фило-софский энциклопедический словарь.** М., 1983.

К.А. Рогова

ЯЗЫКОВАЯ МОДА – одно из проявлений моды как социального явления во всей его сложности и прихотливости. Я.м. – один из регуляторов языкового поведения, обеспечивающий дифференциацию языковых средств по признаку престижности. Этим понятием начиная с XIX в. пользовались этнографы, диалектологи (В.И. Даль, Д.К. Зеленин), лингвисты (А.А. Шахматов, Е.Д. Поливанов, О.А. Лаптева). О «модных словечках» писали специалисты по культуре речи, обычно с негативной оценкой (см. Модные слова).

Я.м. выделяет из языковых средств модные в данный момент, делая их употребление престижным, массовым и в скором времени превращая в немодные (штампы), затем устраняя из обращения как старомодные. На каждом из этапов (модно – массово – старомодно) отмеченное модой языковое средство является знаком социальной принадлежности: к престижной языковой группе – к массе говорящих/пишущих – к группе с отсталыми языковыми вкусами. А сами модные языковые средства остаются для истории знаками времени.

Различая языковые средства «по степени модности», Я.м. обеспечивает их постоянное обновление, перемещение в центр социального внимания и вкусовых предпочтений, отбирая их в связи с языковыми вкусами эпохи. Это касается всех сторон языка. Лучше других описана и осмыслена языковедами **произносительная мода**: хорошо известно, что в конце XVIII – первой половине XIX вв. в высших слоях общества модным было *грассирование* (р – как во французском) и упомянутая Пушкиным манера произносить *«русский Н, как N французский»*. Ещё в большей степени Я.м. влияет на словоупотребление. Прибегая к использованию модных слов, говорящие достаточно часто сопровождают их комментариями типа *если воспользоваться модным/популярным словом; как сейчас модно/принято говорить*, напр.: *Постепенно эти люди стали руководителями, или, как сейчас модно говорить, топ-менеджерами*. Заразительна мода на употребление цитат, связанная с престижностью автора или источника, с одной стороны, и актуальностью их содержания, с другой. Постоянные «поставщики» модных цитат – кинематограф, художественная литература, шоу-бизнес, реклама: *Красота спасёт мир; Дорога, которая ведёт к храму* и т.д. Надо помнить, что частое употребление превращает такие выражения в речевые штампы: *О дороге, которая ведёт (или не ведёт) к храму, лично я уже слышать не могу. Сказавший это первым был гений. Или пророк. Но чего же мы талдычим, как попугаи, всё одно и то же?* (Г. Ужова).

Я.м. может быть общей и корпоративной, в последнем случае она становится средством демонстрации принадлежности к группе – возрастной, профессиональной, досуговой, что особенно характерно для оценочной лексики типа: *блеск, сила, мощь, железно, законно, потрясно, бесподобно, клёво, классно, круто...*

Сопровождающиеся Языковой рефлексией (см.) использование модных языковых средств или сознательный отказ от них – свидетельство развитого языкового сознания, высокой речевой культуры.

Существуют словари модных слов, напр., словарь В.Л. Новикова, выдержавший два издания [Новиков 2005, 2011].

Фиксация модных слов, их исследование – важное направление современной лексикологии, социолингвистики и культуры речи (см. Модные слова).

Лит.: **Ганиев Ж.В.** О моде в произношении // Язык и общество. Саратов, 1977; **Журавлёва Н.Г.** Феномен «модного» слова: лингвопрагматический аспект: КД. Ставрополь, 2010; **Каминская Т.Л., Шмелёва Т.В.** Гламур в языковом и медийном пространстве современной России // Russian Philology. Hyderabad, 2008. № 27; **Клепач Е.В.** Языковая мода: эволюция лингвокультурных форм: КД. М., 2000; **Костомаров В.Г.** Языковой вкус эпохи. М., 1994; **Новиков В.Л.** Словарь модных слов. М., 2005, 2011.

Т.В. Шмелёва

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ (РЕЧЕВАЯ МОДЕЛЬ) – результат процесса познания языка и речи, зафиксированный идеально (мысленно) или материально и отражающий основные свойства исходного объекта с той или иной степенью полноты.

Применительно к языковым и речевым явлениям понятие «модели» осмысливается по-разному. Так, под моделью предложения (его структурной схемой) понимают обобщённый инвариант, существующий в сознании носителя языка и включающий минимальную конфигурацию компонентов предложения, необходимых для реализации его предикативного значения. Модель же высказывания определяется как регулярно воспроизводимая в живой коммуникации совокупность следующих признаков отрезка речи: а) способность быть отдельной репликой в диалоге; б) наличие модели предложения (структурной схемы), реализацию которой представляет собой данное высказывание, или в случае её отсутствия – степень воспроизводимости высказывания как готового речения; в) типовая функция высказывания в контексте и обусловленный этой функцией характер реализации и распространения схемы (последнее – для высказываний, опирающихся на структурную схему предложения); г) характер тема-рематической организации; д) интонационное оформление; е) наличие и позиция вводных и вставных компонентов, междометий, модальных частиц, обращений [Дымарский 2005: 294–295]. Так, реплика Нади из фильма В. Меньшова «Любовь и голуби» *Не пойду!* имеет грамматическую модель (модель односоставного определённо-личного предложения), элиминацию темы (опущен обстоятельственный компонент; ср.: *На свидание / на берег не пойду!*) и характерный интонационный рисунок (произносится как бы по слогам с акцентным выделением первого и третьего слогов и резким понижением тона на втором) [Там же 2005: 293–294]. Существование речевых моделей объясняется тем, что сама речевая деятельность человека моделируема, т.е. осуществляется по определённым закономерностям.

Исследователи пишут о модели текста как о совокупности определённым образом организованных категорий [Матвеева 1991: 13]; модели речевого акта, включающего отправителя (адресанта), получателя (адресата), собственно сообщение с его языковым кодом, канал связи, обратную связь, коммуникативный контекст и помехи [Иссерс 1999: 12]; модели речевого жанра как «типовом проекте», схеме жанра [Шмелёва 1997: 91] и т.д.

Таким образом, если в одних случаях понятие модели отождествляется со схемой/структурой, то в других оно оказывается более широким: схема – это то, что лежит в основе модели, но не исчерпывает её. Так, признано, что в основе стилистических фигур «...лежат определённые схемы, которые в речи могут наполняться каждый раз новыми словами. Эти схемы закреплены многовековой культурной деятельностью человечества и обеспечивают “классичность”, отточенность формы» [Культура русской речи 1998: 264]. Напр., анафора графически может быть передана так: *abb... / abb*, где «а» – повторяющийся элемент; «b» – неповторяющиеся элементы; косая черта – границы отрезков речи [Хазагеров, Ширина 1999: 276]. Однако модель анафоры представляет собой не только конфигурацию элементов в отвлечении от конкретного лексического наполнения, но и совокупность условий, составляющих «технологию» отклонения от нормы и делающих это отклонение оправданным (о таком понимании модели риторического приёма см. в [Сковородников 2005: 170]).

Понятие модели используется также применительно к языку в целом: как формальное описание его грамматики и словаря, реализованное в виде системы правил [Мельчук 1999].

Лит.: Апресян Ю.Д. Понятие лингвистической модели // Русский язык в школе. 1966. № 1; Булыгина Т.В., Крылов С.А. Модель // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998; Дымарский М.Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005; Журавлёва О.В. Когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков русских и английских публицистических изданий): АКД. Барнаул, 2002; Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: АДД. Екатеринбург, 1999; Культура русской речи: учебник / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: ДД. Свердловск, 1991; Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1999; Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. Томск, 2003; Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977; Сковородников А.П. О системных основаниях классификации риторических приёмов // Риторика ↔ Лингвистика. Вып. 6: сб. ст. Смоленск, 2005; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика и Словарь рито-

рических приёмов. Ростов н/Д, 1999; Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997.

Г.А. Копнина

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА – «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации» [Семенюк 1990: 337].

Я.н., в отличие от норм других типов (коммуникативно-речевых, этико-речевых), «соотнесена с собственно языковыми фактами (языковыми единицами) – их составом, сочетаемостью, употреблением» [Культура русской речи... 2003: 367].

В настоящее время некоторые исследователи разграничивают Я.н. и литературную норму. С их точки зрения, Я.н. исторически предшествует национальной литературной норме, которая оформляется в эпоху развитого письменного национального языка, именно литературная норма является кодифицированной (см., напр., [Гречко 2003: 295–297]).

Я.н. конкретизируется в правилах и требованиях к употреблению языка. Эти требования представляют собой однозначный (императивная норма) или ранжированный по приемлемости (диспозитивная норма) выбор из разных вариантов данного языкового средства во всех сферах общения или в пределах одной сферы общения. Напр. в орфографии: *весна*, но не *висна*; в пунктуации: *встало солнце, и мы пошли дальше*, но не *встало солнце_и мы пошли дальше*, при допустимом *встало солнце – и мы пошли дальше*; в морфологии: *нет шампуня*, но не *нет шампуни*; в орфоэпии: *квартáл*, но не *квáртал*; в сочетаемости слов: *жгучий брюнет*, но не *жгучий блондин*. Вариантность языковых средств есть факт языкового разнообразия и богатства языка. С другой стороны, не все варианты могут быть приемлемы или в равной степени приемлемы в речевом общении по этическим, эстетическим соображениям или соображениям целостности языкового коллектива. Динамический характер нормы связан не только с вариантностью, но и с Колебанием языковой нормы (см.).

Я.н. включает в себя 1) норму произношения (см. Орфоэпическая норма); 2) Лексическую норму (см.); 3) Грамматическую норму (см.); 4) норму письма (см. Орфографическая норма, Пунктуационная норма).

Норма литературного языка является кодифицированной, т.е. оформленной в виде правил, описанных в справочниках, словарях, грамматиках, учебниках и учебных пособиях, нормативных юридических актах. Кодификация нормы (см. Языковая кодификация) связана с ведущей ролью в литературном языке письменной формы, которая позволяет порождать устойчивый во времени текст. Этим определяется относительная консервативность письменной формы языка. Устойчивость текста во времени позволяет долго его изучать, рассматривать не только его утилитарные свойства, но и соответствие образцу, традиции или другим требованиям общества.

В истории общества мягкость и жёсткость нормы исторически обусловлены и представляют собой волнообразную смену категоричности требований. Демократизация общества приводит, как правило, к снижению нормативных требований по отношению к единообразию языковой практики; консерватизация общественной жизни, наоборот, приводит к усилению единообразия. Необходим гибкий, но, тем не менее, действенный механизм кодификации и контроля за исполнением нормы, позволяющий целесообразное использование вариантов нормы.

Критерии языковой нормативности: 1) ориентация на систему языка; 2) функциональная мотивированность (потребность в знаке с данным значением); 3) регулярная воспроизводимость; 4) авторитетность источников и соответствие литературной традиции; 5) позитивная оценка культурной частью социума; 6) консервативность и динамичность в их сбалансированности. Важно учесть, что «ни один из указанных критериев не является абсолютным, поэтому в процессе нормативного диагностирования они используются в совокупности как система дополняющих друг друга показателей» [Культура русской речи... 2003: 284].

Норма как форма регулирования языкового поведения называется речевой (см. Речевая норма). Как и Я.н., она соотносится с понятием Узус (см.).

Лит.: Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт час-

точно-стилистического словаря вариантов. М., 1976; **Гречко В.А.** Теория языкознания. М., 2003; **Ицкович В.А.** Языковая норма. М., 1968; **Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник** / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Культура русской речи и эффективность общения.** М., 1996; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и стилистике. СПб., 1997; **Семенюк Н.Н.** Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Скворцов Л.И.** Теоретические основы культуры речи. М., 1980; **Славгородская Т.А.** Динамика понятия «норма языка» в языкознании // IV Междунар. Бодуэновские чтения (Казань, 25–28 сентября 2009 г.): труды и мат-лы: в 2-х тт. Т. 1. Казань, 2009; **Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ О государственном языке Российской Федерации** // РГ. 07.06.2005; **Филимонова Ю.В.** Системное исследование нейтрализации как явления языковой нормы в современном русском языке: КД. Ярославль, 2000; **Хакимова Е.М.** Статический и динамический аспекты языковой нормы: анализ, систематизация, обоснование: КД. Челябинск, 2003.

И.Е. Ким

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА – комплекс идеологических принципов, концепций, законодательных актов и конкретных действий, направленных на решение языковых проблем социума. Суть Я.п. – сознательное вмешательство в стихийный процесс развития языка. **Объектами Я.п.** могут выступать конкретный язык, группа языков, особенности их взаимодействия (языковая ситуация), коммуникативная ситуация в обществе или в одном из его стратов, институты формирования языковой личности. Воздействующими **субъектами Я.п.** являются министерства и ведомства (государственная власть), академические лингвистические центры, специальные комитеты и комиссии, языковые факультеты ведущих вузов, некоторые политические и общественные организации, влиятельные деятели национальной культуры. Специфику международной Я.п. определяют объединения государств, межгосударственные и межнациональные организации и институты (напр., Совет Европы, СНГ и др.).

В зависимости от своей направленности Я.п. подразделяется на **статусную** и **корпусную**. Статусная – решает проблему роли языка в данном государстве и мире в целом. Корпусная – направлена на внутреннее устройство конкретного языка. Задачами статусной Я.п. являются сохранение или изменение статуса существующего языка (государственный язык, официальный язык, региональный официальный язык, язык межнационального общения, миноритарный язык, поощряемый язык, сдерживаемый язык и др.), выбор главного языка, поддержка или подавление языков национальных меньшинств, создание наднациональных языковых систем и т.п. В задачи корпусной Я.п. входит сохранение норм литературного языка, защита родного языка от неоправданных заимствований, реформа орфографии, создание или совершенствование письменности, структурное обогащение языка (напр., путём упорядочения и развития терминосистем) и др.

По охвату и характеру воздействия различают **централизованную** и **нецентрализованную** Я.п., **конструктивную** и **деструктивную**. Централизованную Я.п., предполагающую выполнение системы общеобязательных мероприятий, осуществляют органы государственной власти. Нецентрализованную Я.п. могут проводить местные органы управления, одна из политических партий или общественных организаций (напр., власти Хакасии проводят комплекс мероприятий, направленных на сохранение и развитие хакасского языка в регионе, развитие его функций как государственного на территории республики). Нецентрализованная Я.п. необязательна за пределами данного региона. Конструктивная Я.п. направлена на расширение сфер и функций языков без ущерба остальных, на создание и развитие литературных языков. Классический пример: Я.п., проводимая в Швейцарии, Бельгии, Сингапуре, где все языки автохтонного населения имеют статус официальных. Деструктивная Я.п., напротив, направлена на постепенное вытеснение какого-л. языка из сфер общественной жизни. Выраженный деструктивный характер по отношению к русскому языку на рубеже тысячелетий имеет Я.п. в странах Прибалтики, на Украине.

По параметрам Я.п. подразделяется на **ретроспективную**, ориентированную на сохранение существующей языковой ситуации либо на возрождение какого-л. языка, и **перспективную**, направленную на изменение языковой ситуации (характерна для всех стран постсоветского пространства).

В зависимости от идеологического содержания различают **интернационалистическую** Я.п., которая учитывает все языки, функционирующие в государстве, регионе, и **националистическую**, которая осуществляется в полиэтнической стране в интересах носителей лишь одного языка.

На этапе разработки государственной концепции Я.п., формирования её целей и задач, большое значение имеют результаты социолингвистических исследований. Важнейшими этапами Я.п. являются Языковое планирование (см.) и Языковое строительство (см.).

На содержание и векторную направленность Я.п. оказывают влияние социальные факторы: общая и национальная политика государства, идеология социальных групп и др. В свою очередь, Я.п. оказывает определённое воздействие на особенности языковой, этнической, социально-культурной и социально-экономической обстановки в стране или отдельном регионе.

Субъекты, осуществляющие Я.п., могут руководствоваться одним из следующих принципов: 1) равноправия языков; 2) плюрализма по отношению к языкам национальных меньшинств; 3) интеграции (при этом Я.п. направлена на объединение языков и культур, на создание и поддержку языка межнационального общения при сохранении языков меньшинств); 4) ассимиляции (отказа от языков национальных меньшинств); 5) сегрегации (изоляции одного или нескольких языков).

В Конституции РФ (1993) декларируется принцип равноправия языков. В частности, в ст. 68 говорится о том, что 1) государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык; 2) республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации; 3) Российская Федерация гарантирует всем её народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Лит.: Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997; Гак В.Г. К типологии форм языковой политики // Вопросы языкознания. 1989. № 5; Государственная национальная политика: теория, законодательство, практика. М., 2008; Государственные и титульные языки России: энциклопедический словарь-справочник. М., 2002; Гришаева Е.Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве: функциональный аспект: ДД. Красноярск, 2007; Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998; Костюк М.Е. Государственная языковая политика и её роль в механизме обеспечения национальной безопасности России: КД. М., 2011; Красная книга языков народов России. М., 1994; Мечковская Н.Б. Социолингвистика. М., 2003; Михальченко В.Ю. Языковые проблемы Содружества Независимых Государств. М., 1994; Никольский Л.Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // Язык и общество / отв. ред. Ф.П. Филин. М., 1968; Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991; Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1992; Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках: мат-лы Всерос. науч. конф. (Москва, 1–3 ноября 1994 г.). М., 1994; Haugen E. The Ecology of Language. Standford, 1972; La crise des langues. Paris, 1985; Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Their Past, Present and Future / Ed. by I.T. Kreindler. Berlin; New York; Amsterdam, 1985.

О.В. Фельде

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ – осознание, осмысление своего языкового поведения и языковой жизни общества, а также устройства языка и отдельных языковых фактов; определяет особый тип отношения к языку, предполагающий осмысленное пользование им, языковые наблюдения, соотношение своих оценок с чужими, с нормой, узусом.

Я.р. проявляется в специальных высказываниях о тех или иных фактах языка или в пометах, сопровождающих обычные высказывания; выработаны стандартные способы её проявления, напр., кавычки, показатели типа *так сказать, как говорится, извините за выражение, как говорит такой-то* и т.д.

Я.р. можно понимать и более широко – как рефлексию по отношению ко всему, что имеет отношение к языку и его использованию. Тогда собственно Я.р. (её объект – факты языка) окажется противопоставленной рефлексии речевой, включающей рефлексию жанровую и риторическую. В

широком толковании Я.р. соотносится с понятием метафункции языка, выделенной Р. Якобсоном, а все средства её проявления должны быть охарактеризованы как **языковые метасредства, метапоказатели**.

Привести примеры всех видов рефлексии позволяют тексты современной литературы и прессы. Так, собственно Я.р. может касаться практически всех сторон языковой единицы – от её произношения до семантики: *Вся жизнь Пушкина есть уже как бы законченное художественное произведение, если избежать пошловатого слова «роман»* (В. Солоухин); *В огромном баре с дюжиной пульсирующих экранов и ошеломляюще сверлящей музыкой я заметил среднего возраста персонажа с тяжёлой советской, или, как теперь говорят, «совковой» внешностью* (В. Аксёнов); *Кажется, само слово «популизм» было впервые использовано в нашей стране именно по адресу Ельцина* (С. Яковлев). Предмет Я.р. может быть и более масштабным, напр., языковая ситуация в целом: *Мы живём в стране взорванного политического словаря* (Е. Яковлев).

Рефлексия речевая оценивает использование языка: *Я понимаю, что кого-то из прилежных читателей «Дня» может привлечь средневековая ярость антизападной риторики* (А. Янов); *Всё это разновидности партийной гиперболы, которая в отличие от художественной преувеличивает не бескорыстно – от полноты чувств, но преследуя вполне прагматическую цель, ради которой оглушает, запугивает, давит человека* (Г. Красухин); *По моим наблюдениям, длинные статьи нынче мало кто читает. Тем более статьи теоретические. Мода на краткость породила новый жанр – «критический клип»* (М. Божович).

Помимо прямого высказывания в авторских комментариях Я.р. проявляется в пародии, юмористической афористике и других малых комических жанрах; так, на 16-й полосе «Литературной газеты» в подборке М. Давыдовского «Из записной книжки» видим зафиксированный акт языковой рефлексии: *Плоды просвещения: «средства защиты», «принять за основу», «одел шубу», «удивляюсь о том»* (ЛГ. 21.09.1994).

Я.р. в большей или меньшей степени свойственна всем носителям языка; минимум рефлексии обеспечивает грамотное владение языком и речью; писатели (особенно поэты) наделены ею в максимальной степени – проявление их Я.р. представляет большую ценность, обладает высоким престижем, может быть использовано в нормализации языка [Вепрева 2002]. Развитию Я.р. способствует изучение языков, филологическое образование. Постоянная Я.р. составляет суть профессиональной деятельности лингвиста.

Лит.: Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002; **Винокур Т.Г.** Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1994; **Обыденное метаязыковое сознание:** онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1. Кемерово; Барнаул, 2009; **Пчелинцева М.А.** Способы языковой оценки революционной эпохи в текстах русских писателей-эмигрантов первой волны: КД. Саратов, 2012; **Саджи-Гаряева З.С.** Языковая рефлексия у Ю. Трифонова // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999; **Трикоз Э.Л.** Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века: КД. Вологда, 2010; **Шварцкопф Б.С.** Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Шмелёва Т.В.** Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1; **Шмелёва Т.В.** «Так сказать» и «как говорится» // Служебные слова. Новосибирск, 1987; **Шумарина М.Р.** Языковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: ДД. М., 2011; **Якобсон Р.О.** Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Т.В. Шмелёва

ЯЗЫКОВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ. См. РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ

ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ – программа сознательного вмешательства в стихийный процесс функционирования языка (языков), которая включает в себя основную и промежуточные цели, последовательность их реализации, анализ условий выполнения предстоящей деятельности, ожидаемые результаты. Целесообразно разграничивать понятия «Я.п.», «языковая политика» и «языковое строительство». Языковое строительство (см.) представляет собой **реализацию** программы Я.п. Языковая политика (см.) включает в себя языковое планирование и языковое строительство.

Термин «Я.п.» (Language Planning) был предложен Э. Хаугеном в 1959 г. Под Я.п. учёный понимал любое воздействие на язык, осуществляемое со стороны определённых организаций или частных лиц и имеющее официальный или неофициальный характер. В русистике нет общепринятого определения термина Я.п. Одни исследователи употребляют его как абсолютный синоним термина «языковая политика», другие – как один из этапов языковой политики, заключающийся в сознательной деятельности властей и специалистов по регламентации языкового существования и использования языка в обществе (при этом термины «языковое планирование» и «языковое строительство» часто не дифференцируются), третьи полагают, что Я.п. – это лишь «изучение и прогнозирование языковых проблем, а также процесс прогнозирования определённых мероприятий в сфере языка (языков)» [Клоков 1992: 7].

Исследователи выделяют 4 аспекта Я.п. **Коммуникативный** аспект направлен на удовлетворение собственно коммуникативных потребностей, которые возникают между этноязыковыми группами, а также между нациями, между государством и обществом, между учащимися и учителями и т.д. **Политический аспект** предполагает заботу государства о том, чтобы с помощью языка проводить мероприятия по государственному устройству, национальной консолидации, развитию просвещения и образования, культуры, международных связей. **Социальный аспект** Я.п. связан с установлением с помощью языка определённых отношений между представителями различных слоёв общества, с решением задачи просвещения населения и т.п. **Идеологический аспект** Я.п. предусматривает распространение через язык и с помощью информационных сетей определённой идеологии [Гришаева 2007].

Важнейшей задачей Я.п. является проблема выбора официального языка. Различают эндогlossный и экзогlossный типы её решения. Эндогlossный тип обнаруживается в случаях, когда в качестве основного или официального языка страны или региона планируется избирать один из автохтонных языков. В этом случае возможны три основные модели выбора: использование в качестве основного языка этнического большинства (Франция, Германия, Россия и др.), этнического меньшинства (ЮАР в годы апартеида, Индонезия), отказ от общегосударственного языка (Швейцария, Бельгия). При экзогlossном типе – избирается так называемый «импортированный» язык (напр., таковым является общегосударственный английский в Индии).

В зависимости от субъекта, активно участвующего в Я.п., можно выделить индивидуальное Я.п. и государственное Я.п. При индивидуальном – намерения отдельной личности направлены на заметные изменения в языковой ситуации и/или состоянии какого-л. языка. Классическим примером является успешно реализованный государством Израиль план Элизера Бен-Егуды (1858–1922) по возрождению иврита. Государственное Я.п. – это комплекс запланированных мероприятий, который должен привести к расширению или сужению сфер употребления того или иного языка, увеличению или уменьшению его носителей (нередко за счёт других языков), гармонизации взаимодействия между языками в многонациональной стране и др.

Важнейшими задачами Я.п., воздействующего на корпус языка, являются защита литературного языка от неоправданных внешних влияний, нормализаторская работа в области орфоэпии, лексики, грамматики, орфографии, модернизация словарного состава, создание своеязычных терминологий или адаптация заимствованных терминов и т.п.

Начиная с 90-х гг. XX в. на Я.п. Российской Федерации и многих европейских стран оказывает влияние принцип мультикультурализма, который предполагает, что этнические группы и индивиды полностью инкорпорируются в общество без утраты своей национальной или иной идентичности, без ограничения своих прав.

Лит.: Гришаева Е.Б. Лингвосociологические модели изучения проблем языкового планирования: Краткий очерк. Красноярск, 1997; Гришаева Е.Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве: функциональный аспект: ДД. Красноярск, 2007; Клоков В.Т. Языковая политика во франкоязычных странах Африки. Саратов, 1992; Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006; Нозимов А.А. Языковая ситуация в современном Таджикистане: ДД. Душанбе, 2010; Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975.

О.В. Фельде

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ – устойчивый термин ряда научных областей: когнитивной лингвистики, (когнитивной) психолингвистики, лингвокультурологии, философии сознания. Оно может пониматься как принадлежность индивида, этноса в целом или отдельного этноязыкового сообщества, объединённого каким-л. профессиональным, культурно-деятельностным, гендерным (различие пола), возрастным параметром. Активное использование этого термина связано с антропологическим принципом в гуманитарных науках, с ориентацией в научных исследованиях на **субъект** знания, сознания, культуры, речи и поведения. Однако содержание термина остаётся достаточно неопределённым, что частично связано с неоднозначным пониманием сознания как такового.

Сознание – высшая форма психического отражения действительности, свойство высокоорганизованной материи, родовый признак человека, выделяющий его из царства животного мира. Сознание – свойство социальное, возникает в процессе долгой эволюции и становления человека современного типа. Два основных уровня С.: чувственно-рациональный и эмоционально-ценностный [Словарь философских терминов 2011]. В содержательном плане сознание определяется как «целостный образ действительности, реализующий мотивы и отношения субъектов и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует субъект» [Петровский, Ярошевский 2000: 19]. С. «предполагает наличие чувства собственного существования; чувства присутствия в данном месте и в настоящий момент; идентификацию себя в мире» [Шошин 1994]. Многие философы полагают, что сознание «не только чудо мироздания, но и крест», «проклятый дар» Божий человеку: именно потому, что человек обладает сознанием, он способен к душевному страданию; самоубийство – чисто человеческий акт: животным он чужд [Основы философии 2009: 313].

Сознание – это переход в результате общественно-исторического развития от наглядно-действенного (чувственного) мышления, в разной мере свойственного всему животному миру, к отвлечённому, словесно-логическому. Благодаря слову, обозначающему предметы, «мир удваивается» [Лурия 1998: 39–41]. Человек может произвольно вызывать в сознании те или иные образы независимо от их наличия в непосредственном опыте; оперировать предметами даже в момент их отсутствия; передавать опыт от индивида к индивиду, а с изобретением письма и через многие поколения. Каждое слово не только обозначает предмет, явление действительности, но и кладёт в основу наименования один из существенных признаков реального феномена. Тем самым слово выполняет в процессе познания абстрагирующую, обобщающую, анализирующую функции. Это «идеология языкового сознания» [Акопов 2010: 104].

Принято считать, что впервые понятие Я.с. использовал В. фон Гумбольдт, определивший язык как продукт народного Я.с. В философии сознания Я.с. трактуется как функция существования человека. В психолингвистике под Я.с. понимается «часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании» [Стернин 2002]. С позиций когнитивной лингвистики язык воспринимается «как инструмент, как набор таких языковых структур, с помощью которых формируется своеобразное “окно”, через которое нам дано “заглянуть” в сознание». А Я.с.– это «особого рода... устройство, которое обеспечивает слияние, интеграцию знания языка со знаниями о мире. Языковое сознание, таким образом, возникает как результат взаимодействия единиц знаний о мире с языковыми единицами <...> Формула единиц языкового сознания выглядит следующим образом: $EЗМ + ЯЕ = ЯС$ » [Караулов, Филиппович 2009: 10]. Я.с. понимается как объективно существующий феномен, как объект реальности. Имеется две формы, две ипостаси существования Я.с. Ассоциативно-вербальная сеть отражает один режим его работы – «активный (стимульно-реактивный, или смыслопорождающий, от знака к смыслу)... Другой режим – знакопорождающий (от заданного смысла к способу его выражения – знаку, который можно назвать пассивным...)» [Там же: 255].

Нейролингвистика исследует влияние языка на сознание, занимается программированием психических процессов, поиском путей, способов эффективного воздействия на Я.с. В некоторых работах по лингвистике оно рассматривается как то звено, через которое осуществляется связь языка и мышления, как синоним языкового/речевого мышления. Специфической формой выражения Я.с. признаётся языковое значение. В работах по лингвокультурологии встречается отождествление Я.с. с понятием языкового менталитета, определяемого «как национально-специфичный способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощённый в семантиче-

ской системе национального языка» [Радбиль 2010: 66]. Понятие Я.с. сопряжено с понятиями картин мира, языковой личности, национального менталитета. Словосочетание Я.с. наиболее часто встречается в трёх контекстах и, соответственно, в трёх значениях:

1) как «образ мира»: отображение в психике индивида предметного мира. Это информация о мире, хранящаяся в сознании в языковой форме;

2) как представление о языке, присущее индивиду. В таком понимании Я.с. проявляет себя в форме рефлексии – размышлений, комментариев о языке как общечеловеческом феномене, роли языка в жизни индивида и общества, о соотношения родного и «чужих» языков, о механизмах языка, словотворчества, текстопорождения и т.п. Это и оценки индивидом конкретных высказываний, речей, элементов речи других индивидов (реже – своих);

3) как противопоставленность осознанного использования языка неосознанному. Уровень владения языком необязательно связан со степенью осознанности его употребления. Школьное образование на учебных предметах родного языка и литературы направлено на осознание механизма языка, его строя, речепорождения ребёнком, уже владеющим речью.

Я.с. всегда специфично по отношению к национально-культурной принадлежности субъекта, поэтому нередко используется термин «**этноязыковое**» или «**лингвокультурное**» сознание; можно было бы ещё точнее говорить о «лингвоэтнокультурном» сознании. «Национальное самосознание» – термин, синонимичный «национальной самоидентификации» [Здравомыслов 2001: 53].

Исследуются типы и причины вербализации Я.с. Различают **теоретическое** (профессиональное) и **обыденное** («среднего» носителя языка, нефилолога) Я.с. и, соответственно, **теоретическое** и **обыденное метаязыковое сознание**. Метаязыковое сознание реализуется «относительно законченными метаязыковыми высказываниями, содержащими комментарий к употреблённому слову или выражению» – метаязыковыми рефлексивами [Вепрева 2005: 8; Вепрева 2002]. Я.с. и **языковое самосознание** – главные признаки языковой личности. «Языковое сознание рождает тексты, языковое самосознание — метаязык и метатексты» [Никитина].

Функции языкового и метаязыкового сознания: отражательная (создаёт языковую картину мира); оценочная; ориентировочно-селективная (выбор языковых средств в соответствии с коммуникативным заданием и ситуацией); интерпретационная (прежде всего, в метаязыковых высказываниях); регулятивно-управляющая (оценка высказывания с точки зрения построения согласно нормам данного языка) [Вепрева 2005: 45]. И.А. Стернин предложил отграничить от Я.с. **коммуникативное сознание**: «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации». В концепции автора коммуникативное сознание включает языковое как свою составную часть, но не исчерпывается им. Коммуникативное сознание народа изучается через анализ коммуникативного поведения данного народа – совокупность норм и традиций общения народа [Стернин 2002].

При исследовании Я.С. эффективно используются экспериментальные методики, прежде всего, ассоциативная.

Лит.: Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М., 2010; Вепрева И.Т. Метаязыковой комментарий в современной публицистике: Типология и причины вербализации языкового сознания // Известия АН. Сер. лит. и языка. 2002. Т. 61, № 6; Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005; Волков А.А. Язык и мышление: Мировая загадка. М., 2007; Гарбар И.Л. Специфика языкового сознания носителей русского языка разных поколений: КД. М., 2010; Здравомыслов А. Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт. М., 2001; Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2009; Киселева М.П. Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики: КД. Ростов н/Д, 2009; Лурия А.Р. Язык и сознание. / под ред. Е.Д. Хомской. Ростов н/Д, 1998; Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. Ч. 2. URL: philologos.narod.ru; Обыденное языковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч. 1; Основы философии / под ред. В.Д. Бакулова, Е.Н. Ерыгина. Ростов н/Д, 2009; Основы философии / под общ. ред. А.Н. Ерыгина. М., 2009; Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 2000; Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. посо-

бие. М., 2010; **Словарь философских терминов** / научная редакция проф. В.Г. Кузнецова. М., 2011; **Стернин И.А.** Коммуникативное и когнитивное сознание (С любовью к языку). М.; Воронеж, 2002. URL: www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm; **Тарасов Е.Ф.** Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. №2; **Уфимцева Н.В.** Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. Сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.; Калуга, 2005; **Уфимцева Н.В.** Онтогенез языкового сознания: методологический аспект // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: Сб. науч. работ к 70-летию со дня рождения А.А. Леонтьева. М., 2008; **Ушакова Т.Н.** Языковое сознание и принципы его исследования. URL: www.ipras.ru/boiko-school/texts/2003/ushakova03_yazyk_sozn.pdf; **Шошин П.Б.** Пути концептуализации бессознательного // Бессознательное: сб. ст. Т. 1. Новочеркасск, 1994.

А.А. Бернацкая

ЯЗЫКОВОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ – противодействие носителей языка лингвистическому диктату. Я.с. существует в любой языковой и культурной среде, служит своеобразным средством регулирования речевого поведения, разграничения социально допустимого и недопустимого, желательного и нежелательного, одобряемого и неодобряемого, правильного и неправильного, рекомендованного и нерекондованного. Напр., в определённой степени жаргон (язык социальной группы) выступает как противодействие правильной литературной речи, кодифицированным общелитературным нормам, языковым стандартам (см. Жаргон). Возможность осознанного отступления от языковых норм создаёт не только иллюзию языковой свободы, но и в случае полиглотизма носителя жаргона позволяет продемонстрировать лингвистическую независимость, исключительность, социально-групповую отдельность. В диалоге конкретный жаргонизм может служить сигналом принадлежности говорящего к определённому кругу, т.е. участвовать в формировании оппозиции «свой – чужой». Напр.: – *Соображаешь, Монах, есть у тебя серое вещество в черепке. – У нас говорят «масло», – усмехнулся я...* (Е. Монах).

Употребление слова общенационального языка в несвойственном ему значении – один из способов языкового сопротивления узусу, общепринятой практике использования языковых единиц: – *Давно телевизор смотришь? – спросил он (вошедший. – Н.К.), закуривая папиросу. Заметив моё удивление, ухмыльнулся: – Из желторотых, что ли? Телевизор – это вон та лампочка за стеклом. Кликуха? – Монах. Кстати, когда я сидел, у нас телевизором тумбочку с продуктами называли* (Е. Монах).

Многообразные формы Я.с. развиваются в эпоху господства Тоталитарного языка (см.), располагающего своим словарём, который можно представить в виде системы Идеологем (см.) и мифологем, обязательных для речевого употребления. Предписательная функция тоталитарного языка, находящегося под контролем государственной языковой политики, порождает три типа речевых реакций: реакции, соответствующие системе; реакции, противоречащие системе; реакции, игнорирующие систему. В первом случае наблюдаем реализацию идеологических предписаний, а также формирование новых идеологем и мифов в духе опорной системы. Языковая самобытность личности, находящейся во власти идеологических схем, мировоззренческих клише, подавляется. Во втором случае наблюдаем стремление носителей языка вырваться из тисков идеологических стандартов, преодолеть ограниченность тоталитарного мировоззрения. В третьем случае наблюдаем тенденцию к отчуждению системы идеологем и мифологем, связанную со стремлением носителя языка не выходить за пределы «старого» (традиционного) ментального мира. Последние два типа речевых реакций составляют Я.с., проявляющееся в двух основных формах: как языковая борьба, или «борьба с языком» тоталитарного времени, рождённым революцией, и как языковое противостояние – намеренное игнорирование так называемого новояза, использование языка традиционного, исконного, лишённого искусственных идеологических наслоений. В конкретном речевом произведении могут сосуществовать обе формы. Первая форма языкового сопротивления приводит к процессам деидеологизации и демифологизации, а в конечном счёте – к деформации картины советского ментального мира. Вторая форма сопротивления, используя в качестве основной речевую тактику избегания, способствует консервации собственно национальной картины мира.

В ситуации фактической диглоссии (тоталитарный русский язык – антитоталитарный русский язык) можно говорить о Я.с. общенародном, субязыковом и индивидуальном. Общенародное Я.с. проявляется, напр., в таких жанрах, как политический анекдот, крестьянская частушка. Субязыковое

сопротивление (напр., авторская песня) наблюдается в границах субкультуры. Индивидуальное языковое сопротивление связано с речевым опытом отдельных людей. В их числе учёные (напр., языковой опыт А.А. Реформатского), артисты (напр., языковой опыт Аркадия Райкина), философы и религиозные деятели (напр., язык о. Павла Флоренского), носители языка, обладающие здравым смыслом и чувством юмора (напр., явление так называемой «датской» поэзии) и др.

Наиболее ярко индивидуальное Я.с. проявляется в художественной речи. Крупный художник выработывает систему приёмов Я.с., соответствующих его творческой индивидуальности, эстетической позиции, конкретному замыслу и конситуации. В этом смысле правомерно говорить об идиостилевых направлениях художественного Я.с. Напр., язык антиутопий Андрея Платонова можно охарактеризовать как не погружённую в смеховое высокоую пародию на новояз. Оперировав идеологическими концептами, составляющими ценности традиционного ментального мира, А. Платонов показывает, как новые идеологические концепты вбирают в себя традиционные, замещают последние. Используя в качестве средства Я.с. приём стилизации апологетики идеологических клише, А. Платонов вскрывает разрушительное влияние языка и идеологии на человека, находящегося под постоянным гнѐтом усредняющих языковую личность текстов, отмеченных модусом долженствования: – *Пролетариат живѐт для энтузиазма труда, товарищ Воцев! Пора бы тебе получить эту тенденцию. У каждого члена Союза от этого лозунга должно тело гореть!* (А. Платонов). Ср.: *Мы должны бросить каждого в раскол социализма, чтобы с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм* (А. Платонов). Средство Я.с. в юмористических рассказах М. Зощенко – приём погружения слов-идеологем в стилистически низкую контекстную среду. Конфликтная сочетаемость приводит к деидеологизации, десакрализации идеологически высоких смыслов. Напр.: – *Товарищи... молочные братья! Да что же это происходит в рабоче-крестьянском строительстве? Без манишечки человеку пожрать не позволяют!* (М. Зощенко).

Я.с. расценивалось советскими властями как идеологическое преступление. Тексты, не соответствующие идеологическим предписаниям, объявлялись клеветническими, безыдейными, упадническими и др. Такой подход отражѐн в партийных документах (напр., в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”...»).

Я.с. эпохи тоталитаризма – свидетельство духовной силы народа и неисчерпаемых возможностей русского языка.

Лит.: Крысин Л.П. *Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация.* М., 2003; Купина Н.А. *Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры.* Екатеринбург, 1999; Паперный З. *Музыка играет так весело.* М., 1990; **Язык и личность** / отв. ред. Д.Н. Шмелѐв. М., 1989.

Н.А. Купина

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО – важнейшая, наряду с языковым планированием, часть языковой политики. Я.с. представляет собой комплекс конкретных действий по реализации задач языкового планирования. Термин «Я.с.» возник в 1920–1930-е гг. в Советском Союзе для обозначения серии мероприятий, направленных на создание и внедрение алфавитов для бесписьменных языков бывшей Российской империи, разработки своеязычных терминологий, кодификации норм литературного языка и ликвидации неграмотности. Я.с. осуществляется как на общегосударственном, так и на региональном уровнях.

Выделяют несколько этапов Я.с. в советской и постсоветской России. Первый хронологически охватывает несколько послереволюционных лет. В это время осуществлялась работа по совершенствованию алфавитов национальных меньшинств современной России. Второй (1920–1930-е гг.) характеризуется переводом графических основ нескольких десятков письменностей на латиницу, созданием письменности для ранее бесписьменных народов; а также развитием народного образования, подготовкой национальных кадров. Для третьего периода (30-е гг. XX в.) характерен перевод большинства письменностей народов СССР на кириллицу. В середине и второй пол. XX в. (40-е – 80-е гг.) усилия специалистов были направлены на совершенствование алфавитов и правил правописания, подготовку терминологических словарей и терминологических ГОСТов, практическое решение проблем культуры речи как русского, так и нерусского населения. Четвёртый этап (90-е годы XX в. – начало XXI вв.) – время законодательного регулирования языковой ситуации и языковой политики в

РФ, принятия законов о языках и практических мер по расширению функций государственных языков РФ, усиления нормализаторской и терминотворческой работы.

Лит.: Гаркавец А.Н. Принципы национальной политики и языкового строительства. Алма-Ата, 1990; Герд А.С. Языковая политика // Возрождение культуры России. Язык и этнос. СПб., 1995; Головкин Ж.С. Современное языковое строительство в восточнославянском культурном пространстве: АКД. Белгород, 2009; Государственная национальная политика: теория, законодательство, практика. М., 2008; Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1984; Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: к основам общей теории. М., 1977; Исаев М.И. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка // Язык и общество. М., 1968.

О.В. Фельде

ЯЗЫКОВОЕ ТАБУ – строгое ограничение, запрет на употребление отдельных слов, выражений, речевых действий, обусловленное этическими, религиозными, историко-культурными, социальными причинами.

Механизм табуирования слов прост и восходит ко времени возникновения языка. Считалось, что произнесение слова вызывает обозначаемое им действие. А если умолчать, то можно избежать ненужных последствий. Отсюда и первоначальные попытки избегать слов типа *дьявол, смерть*, потому что произнесённое слово могло вызвать, согласно верованиям тех времён, фактическое появление называемого.

Современное Я.т. имеет несколько другие причины. Оно объясняется попытками избегать всяческих понятий, воспринимаемых как резкие, слишком острые и прямые, а прежде всего – вульгарные. Мотивируется Я.т. прежде всего этико-речевой нормой. Табуированию подлежат обозначения физиологических отправления, «низких» частей тела, матерная брань, Инвективы (см.), вульгарные и циничные обороты речи (см. Вульгаризация речи, Лингвоцинизмы).

Табуирование не означает, что запрещается определённое явление. Запрещается публичное говорение о явлении или его прямое название. Действие Я.т. проявляется либо в умолчании, либо в использовании словесных заменителей – Эвфемизмов (см.), как, напр., обозначение физиологических нужд словами: *пи-пи, писи, кака, испортить воздух*.

Я.т. имеет ярко выраженную культурную специфику, которая и определяет сферы табуирования, степень табуирования тех или иных явлений, выбор языковых и коммуникативных средств для их обозначения. Незнание и неумение использовать языковые заменители табуированных явлений ведёт к негативному восприятию речи и соответствующей оценке речевых действий, что влечёт за собой Коммуникативную неудачу (см.).

Лит.: Дембска Катажина. Языковое табу: эвфемизмы и вульгаризмы в современном русском языке. URL: http://publib.upol.cz/~obd/fulltext/Rossica-38/Rossica-38_30.pdf; ; **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Ларин Б.А.** Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: сб. в честь акад. И.И. Мещанинова. Л., 1961; **Матвеева Т.В.** Табу // Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Попова Я.В.** Табу в сфере коммуникативно-языковой актуализации // Язык. Культура. Общество. Вып. 2. Саранск, 2010; **Райчева Э.А.** Принципы описания литературной эвфемии: КД. Волгоград, 2011; **Рутер О.А.** Табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой: лингвистический аспект: КД. Ростов н/Д, 2007.

Н.А. Володько

ЯЗЫКОВОЙ ВКУС – часть индивидуального Языкового сознания (см.), состоящая в интуитивной оценке различий в использовании языковых средств. Отсутствие Я.в. – это прежде всего неумение увидеть различия в произношении, словоупотреблении, построении высказывания и текста; незнание других возможностей произнесения, оформления или безразличное отношение к любой из них. В конечном счёте проявление Я.в. связано с **выбором** в зависимости от коммуникативной ситуации, фактуры речи, жанра. Различие Я.в. может обнаружиться в обсуждении текста: одним он покажется слишком официальным, другим – невыразительным и т.п. Я.в. может быть в разных отноше-

ниях с нормой, узусом и языковой модой: вкус человека, напр., не позволяет ему принять модных выражений или широко распространённых в узусе. Так, проявлением Я.в. оказываются высказывания о любимых/нелюбимых словах: *Сейчас в большой России, я не люблю слово «провинция», существует огромная жажда, тяга к прекрасному; Отреагировал Янин бурно: Терпеть не могу слова «болеельщик»! Я любитель спорта, поклонник общества «Спартак», а «болеть» оставляю итальянским тиффози* (примеры И.Т. Вепревой).

В отечественной языковой культуре ценится Я.в. писателей, поэтов, актёров, поэтому к ним обращаются в спорных случаях, на них ссылаются при столкновении вкусов. Так, именно на этом принципе построен словарь ударений И.Л. Резниченко: в случаях вариативного ударения она приводит стихи разных поэтов, и читатель может выбрать один из них, сообразуясь скорее с Я.в. близкого ему поэта, чем с рекомендацией лингвиста.

Личный Я.в. лингвиста может расходиться с его профессиональными знаниями и убеждениями, на чём построена книга М.А. Кронгауз: *Не люблю, когда я не понимаю отдельных слов в тексте или в чьей-то речи. Даже если я понимаю, что это слово из английского языка и могу вспомнить, что оно там значит, меня это раздражает* [Кронгауз 2007: 13]. Кстати, можно отметить, что иноязычные слова нередко отторгаются как «засоряющие» родной язык и традиционно воспринимаются как серьёзная проблема его состояния.

При важности в рассмотрении Я.в. личностного начала, уже привычно говорить о Я.в. эпохи (В.Г. Костомаров, Г.Н. Трофимова, М.А. Кронгауз). Современный Я.в., как отмечают разные лингвисты, тяготеет к свежести выражения, оригинальности и нетривиальности, что дало основания для формирования «грамматики креативности» [Ремчукова 2005]. При этом для него характерна открытость к лексическим ресурсам, которые ещё 30 лет назад считались нелитературными и не могли использоваться в публичной речи. По материалам прессы был собран словарь такого рода слов [Ермакова, Земская, Розина 1999]. Современный Я.в. предполагает русификацию заимствований, в результате чего появляются словечки типа *Хаяушки!*, *Океюшки!*, *лайкать*, *пиарить* и т.п. Иногда иноязычные слова «награждаются» негативной оценочностью, как, напр., *пиар*.

Я.в. можно воспитывать, на что направлено лингвистическое образование в школе, вузовские курсы культуры речи.

Как понятие речевой культуры, Я.в. соотносим с эстетическим вкусом – одной из центральных категорий эстетики.

Лит.: Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002; Вепрева И.Т. Метаязыковой взгляд на любимые и нелюбимые слова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1. Кемерово; Барнаул, 2009; Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь общего жаргона: Ок. 450 слов. М., 1999; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994; Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007; Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010; Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. М., 2008; Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики (морфологические ресурсы русского языка): АДД. М., 2005; Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2004; Черняк В.Д. Словарь по русской речевой культуре: учебный словарь-справочник. СПб., 2006.

Т.В. Шмелёва

ЯСНОСТЬ РЕЧИ. См. ДОСТУПНОСТЬ РЕЧИ

СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ

- Т.Б. Аверина (Санкт-Петербург)
Н.Н. Акулова (Красноярск)
И.Б. Александрова (Москва)
В.И. Аннушкин (Москва)
Т.В. Аннушкина (Москва)
Е.С. Архипова (Красноярск)
Е.А. Баженова (Пермь)
А.В. Барина (Красноярск)
И.В. Башкова (Красноярск)
А.С. Белозор (Красноярск)
А.А. Бернацкая (Красноярск)
Э.М. Береговская (Смоленск)
Н.С. Болотнова (Томск)
Ю.И. Борисенко (Красноярск)
Н.Е. Булгакова (Лесосибирск)
А.Д. Васильев (Красноярск)
В.В. Васильева (Санкт-Петербург)
М.В. Веккесер (Лесосибирск)
Л.А. Винская (Красноярск)
Ю.Н. Власова (Смоленск)
Н.А. Володько (Ачинск)
С.В. Вольнкина (Красноярск)
Н.Д. Голев (Кемерово)
О.И. Горбич (Москва)
Т.М. Григорьева (Красноярск)
Н.В. Данилевская (Пермь)
В.В. Дементьев (Саратов)
Л.Р. Дускаева (Санкт-Петербург)
Е.В. Евсеева (Лесосибирск)
О.Н. Емельянова (Красноярск)
Е.Е. Ермакович (Красноярск)
О.П. Жданова (Красноярск)
М.И. Зверева (Красноярск)
К.А. Зорин (Красноярск)
С.Ю. Камышева (Москва)
Е.С. Кара-Мурза (Москва)
Л.Т. Касперова (Москва)
И.Е. Ким (Красноярск)
Н.В. Кириченко (Пермь)
Л.А. Киселева (Красноярск)
Н.И. Клушина (Москва)
Н.В. Ковтун (Красноярск)
О.С. Кожевникова (Красноярск)
М.Н. Кожина (Пермь)
Т.Н. Колокольцева (Волгоград)
Г.А. Копнина (Красноярск)
М.А. Кормилицына (Саратов)
Э.А. Королькова (Красноярск)
М.П. Котюрова (Пермь)
Л.П. Крысин (Москва)
А.А. Кузнецова (Красноярск)
Н.И. Кузнецова (Саратов)
Е.В. Кулик (Красноярск)
Г.С. Куликова (Саратов)
Л.В. Куликова (Красноярск)
Н.А. Купина (Екатеринбург)
Л.Г. Кыркунова (Пермь)
В.М. Лейчик (Москва)
С.В. Мамаева (Лесосибирск)
Т.В. Матвеева (Екатеринбург)
С.В. Меньшенина (Москва)
А.К. Михальская (Москва)
О.А. Михайлова (Екатеринбург)
Б.Ю. Норман (Минск)
Н.В. Обелюнас (Кемерово)
Е.В. Осетрова (Красноярск)
Л.Б. Парубченко (Барнаул)
Л.З. Подберёзкина (Красноярск)
М.Ю. Поташкова (Красноярск)
О.В. Протопопова (Пермь)
Ю.Н. Пшеницина (Красноярск)
К.А. Рогова (Санкт-Петербург)
Л.Б. Савенкова (Ростов-на-Дону)
В.А. Салимовский (Пермь)
Л.Г. Самотик (Красноярск)
М.В. Сашенко (Санкт-Петербург)
С.В. Серова (Красноярск)
О.Б. Сиротинина (Саратов)
А.П. Сквородников (Красноярск)
В.В. Славкин (Москва)
А.Н. Смолина (Красноярск)
Г.Я. Солганик (Москва)
А.Н. Сперанская (Красноярск)
Т.И. Стексова (Новосибирск)
Т.И. Сурикова (Москва)
Н.А. Сысоева (Красноярск)
М.П. Тихонова (Смоленск)
Н.В. Толстоус (Смоленск)
А.А. Трапезникова (Красноярск)
Т.Б. Трошева (Краснодар)
О.В. Фельде (Красноярск)
М.А. Филатова (Красноярск)
Н.И. Формановская (Москва)
Н.С. Цветова (Санкт-Петербург)
В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург)
Б.Я. Шарифуллин (Лесосибирск)
С.Б. Шарифуллин (Красноярск)
Т.В. Шмелёва (Великий Новгород)
Л.С. Шмультская (Лесосибирск)
А.В. Щербаков (Москва)
М.А. Южанникова (Красноярск)
О.Л. Якутина (Смоленск)

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВНИК
(базовые культурно-речевые компетенции)

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Общепонятийная субкомпетенция

Автор
Адресант
Адресат
Адресация речи
Арго
Аттриция
Высказывание
Гендерная лингвистика
Герменевтика
Действенность речи. См. Эффективность речи
Диалект
Диалог
Диалогичность
Дискурс
Дискурсивные практики
Диффамация. См. Лингвистическая экспертиза
Жаргон
Значение и смысл
Идеологема
Категоризация. См. Языковая картина мира
Классификация речевых ошибок
Коммуникативно-речевая компетенция
Коммуникация
Конситуация
Контекст
Концепт
Концептосфера
Корректурa
Критика языка. См. Языковая критика
Культура журналистской речи
Культура речи
Культурно-речевая компетенция
Культурно-речевая норма. См. Культурно-речевая компетенция
Лингвистика креатива
Лингвистика речи. См. Речеведение
Лингвистическая конфликтология. См. Лингвоконфликтология
Лингвистическая прагматика
Лингвистическая экспертиза
Лингвистическая экспертология. См. Юрислингвистика
Лингвистическая этика. См. Лингвоэтика
Лингвоконфликтология
Лингвокультурология
Лингвоперсонология
Лингвопрагматика. См. Лингвистическая прагматика
Лингвостилистика, или Лингвистическая стилистика
Лингвоэкология
Лингвоэтика

Литературное редактирование
Литературный язык
Локутивный акт (локутивное значение). См. Локуция
Локуция
Макросоциоллингвистика. См. Социоллингвистика
Массовая коммуникация
Массовая литература
Массовый человек
Медиалингвистика
Межкультурная коммуникация
Микросоциоллингвистика. См. Социоллингвистика
Мифологема. См. Тоталитарный язык
Модальность
Модернизм
Молодежный жаргон
Монолог
Национальный язык
Норма культурно-речевая. См. Культурно-речевая компетенция
Общелингвистическая компетенция
Общение
Общепонятная субкомпетенция. См. Общелингвистическая компетенция
Ортология
Отклонение от языковой/речевой нормы
Ошибковедение
Паралингвистика. См. Паралингвистические средства общения
Письменная речь
Полилог
Политическая лингвистика
Политическая риторика
Постмодернизм
Постпостмодернизм. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы
Прагмалингвистика. См. Лингвистическая прагматика
Пресуппозиция
Просторечие
Протагонист
Психоллингвистика
Пуризм
Редактирование
Речевая деятельность
Речевая культура. См. Типы речевой культуры
Речевая модель. См. Языковая модель
Речевая среда
Речеведение
Речевое воздействие
Речевое общение
Речевое событие
Речевой портрет
Речевой стандарт
Речевой стереотип. См. Клише
Речевые ошибки
Речевые сферы
Речь. См. Язык и речь
Русский постмодернизм
Русский язык как государственный

Сетелитература
Синкретизм
Сленг
Словесность
Смысл. См. Значение и смысл
Стилистика
Социальный диалект. См. Социолект
Социолект
Социолингвистика
Термин
Типы речевой культуры
Тоталитарный язык
Устная речь
Филология
Формы речи. См. Устная речь, Письменная речь
Функции языка и речи
Хорошая речь
Эколингвистика. См. Лингвозекология
Эрратологическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция, Этико-речевая компетенция, Языковая компетенция
Эрратология. См. Ошибковедение
Этико-речевая компетенция
Эффективность речи
Юридикологическая герменевтика. См. Юрислингвистика
Юрислингвистика
Юрислингвистика. См. Юридическая лингвистика
Язык города
Язык и речь
Языковая картина мира
Языковая компетенция
Языковая критика
Языковая личность
Языковая мода
Языковая политика
Языковое планирование
Языковое сознание
Языковое сопротивление
Языковое строительство
Языковой вкус

Лексикографическая субкомпетенция

Акцентологические словари
Ассоциативные словари
Диалектные словари
Лексикографическая субкомпетенция
Лингвистические и энциклопедические словари
Логические словари
Ортологические словари
Орфографические словари
Орфоэпические словари
Паремийные (паремиологические) словари. См. Словари паремий
Словари «слитно-раздельно»
Словари антонимов

Словари афоризмов
Словари выразительных средств языка
Словари жаргонных слов
Словари иностранных слов
Словари крылатых слов и выражений
Словари новых слов
Словари омонимов
Словари паремии
Словари паронимов
Словари пословиц и поговорок
Словари правильности русской речи и трудностей русского языка
Словари синонимов
Словари современного русского языка
Словари сокращений
Словари сравнений
Словари ударений. См. Акцентологические словари
Словари устаревших слов
Словари энциклопедические. См. Лингвистические и энциклопедические словари
Словари языка писателей
Словарная помета
Стилистическая помета
Терминологические словари
Толковые словари
Учебные словари
Фразеологические словари
Частотные словари

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Структурно-языковая субкомпетенция

Аббревиатура. См. Культура употребления аббревиатур
Актуальное членение предложения
Англицизмы
Антонимы
Арготизмы. См. Арго
Архаизмы
Библеизмы
Бытовая лексика
Варваризм
Внелитературная лексика
Галлицизмы
Германизмы
Говор. См. Диалект
Грецизмы
Деловая лексика
Депрофессионализмы. См. Профессионализмы
Детермины. См. Терминологическая лексика
Детский язык (речь)
Диалектизмы
Дистаксия. См. Полисемия
Жаргонизмы
Жаргоноид. См. Жаргонизмы
Займствования

Заимствованная лексика. См. Заимствования
Идиома
Иностранные слова. См. Иноязычные слова
Иноязычные вкрапления
Иноязычные слова
Интернационализмы
Интонация
Историзмы
Квазипрофессионализмы. См. Профессионализмы
Квазитермины. См. Терминологическая лексика
Клише
Коллоквиализм. См. Разговорная лексика
Коммуникативно-смысловое членение предложения. См. Актуальное членение предложения
Крылатые слова и выражения
Культура употребления аббревиатур
Латинизмы
Литературная лексика
Многозначность. См. Полисемия
Модные слова
Наречие. См. Диалект
Неологизмы
Номены. См. Специальная лексика
Обратный порядок слов. См. Порядок слов
Общеупотребительная лексика
Общеупотребительные средства языка
Окказионализмы
Омографы. См. Омонимия
Омонимия
Омонимы. См. Омонимия
Омофоны. См. Омонимия
Омоформы. См. Омонимия
Паронимы
Переносное значение. См. Полисемия.
Полисеманты. См. Полисемия
Полисемия
Полонизмы
Порядок слов
Прототермины. См. Терминологическая лексика
Профессионализмы
Профессиональная лексика. См. Профессионализмы
Прямое значение слова. См. Полисемия.
Псевдотермины. См. Терминологическая лексика
Разговорная лексика
Рема. См. Актуальное членение предложения
Русские личные имена
Синонимы
Синтаксические синонимы. См. Синонимы
Славянизмы
Сленгизмы
Специальная лексика
Специальный подъязык (LSP). См. Язык для специальных целей
Старославянизмы. См. Славянизмы
Стереотипность речи
Структурно-языковая субкомпетенция. См. Языковая компетенция

Терминологическая лексика
Ударение
Устаревшие слова
Фразеологизмы
Функциональная перспектива предложения. См. Актуальное членение предложения
Церковнославянизмы. См. Славянизмы
Экзотизмы
Эллинизмы. См. Грецизмы
Эмоционально-оценочная лексика
Энантиосемия
Языковая модель

Текстовая субкомпетенция

Абзац
Анафорические строфы
Вербально-иконические тексты
Гипертекст
Грамматика текста. См. Лингвистика текста
Заголовок.
Заголовочный комплекс
Изотопия. См. Текст
Интертекст
Интертекстуальность. См. Интертекст
Категория авторизации. См. Субъектность
Категория субъектности. См. Субъектность
Категория текста. См. Текстовая категория
Ключевые слова
Когезия. См. Текст
Когерентность. См. Текст
Кореферентность. См. Текст
Креолизованный текст
Лид
Лингвистика текста
Метатекст
Описание
Повествование
Подзаголовок. См. Заголовок
Подтекст
Поликодовый текст. См. Креолизованный текст
Предтекст
Прецедентный текст
Прозаическая строфа
Рассуждение
Регулятивность текста
Сверхфразовое единство. См. Прозаическая строфа
Связность текста. См. Текст
Сильные позиции текста
Синтаксис газетно-публицистического текста
Сложное синтаксическое целое. См. Прозаическая строфа
Средства межфразовой связи. См. Прозаическая строфа
Структурно-текстовая субкомпетенция. См. Языковая компетенция
Субъектность

Текст
Текстовая категория
Текстовая компетенция
Текстовая модальность. См. Регулятивность текста
Текстовая субкомпетенция. См. Языковая компетенция
Тональность текста
Функционально-смысловые типы речи
Целостность текста. См. Текст
Эпиграф

Нормативно-языковая субкомпетенция

Акцентная норма
Варианты нормы. См. Языковая норма
Грамматическая норма
Графика. См. Орфографическая норма, Орфография
Колесания языковой нормы
Критерии нормативности. См. Языковая норма
Культура термина
Лексическая норма
Литературная норма. См. Языковая норма
Морфологическая норма
Норма правописания. См. Орфографическая норма и Пунктуационные нормы
Норма словоупотребления. См. Лексическая норма
Норма ударения. См. Акцентная норма
Нормативно-языковая (ортологическая) субкомпетенция. См. Языковая компетенция
Орфографическая норма
Орфография
Орфоэпическая норма
Орфоэпический вариант
Орфоэпия. См. Орфоэпическая норма
Правильность речи
Пунктуационные нормы
Синтаксическая норма
Словообразовательная норма
Текстовая норма
Узус
Фразеологическая норма. См. Лексическая норма
Языковая кодификация
Языковая компетенция
Языковая норма

Эрратологическая субкомпетенция

Акцентные ошибки
Амфиболия
Грамматические ошибки
Грубые и негрубые ошибки
Контаминация
Лексические ошибки
Морфологические ошибки
Нарушение границ предложения
Нарушение лексической сочетаемости
Негрубые ошибки. См. Грубые и негрубые ошибки

Неоправданный эллипсис
Неправильное словоупотребление. См. Лексические ошибки
Описка
Орфографические ошибки
Орфоэпические ошибки
Ошибки в выборе антонимов
Ошибки в выборе паронимов
Ошибки в выборе синонимов
Ошибки в использовании омонимов и многозначных слов
Ошибки в использовании формул речевого этикета
Ошибки в построении предложения
Ошибки в построении предложения с однородными членами
Ошибки в построении простого предложения
Ошибки в построении сложного предложения
Ошибки в построении сложного синтаксического целого
Ошибки в построении текста
Ошибки в склонении имен
Ошибки в словообразовании
Ошибки в согласовании
Ошибки в спряжении глаголов
Ошибки в ударении. См. Акцентные ошибки
Ошибки в употреблении деепричастных и причастных оборотов
Ошибки в употреблении параллельных синтаксических конструкций
Ошибки в употреблении слов иноязычного происхождения
Ошибки в управлении
Ошибки порядка слов
Пунктуационные ошибки
Речевые ошибки
Синтаксические ошибки
Солецизм
Фразеологические ошибки
Эрратологическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция, Этико-речевая компетенция, Языковая компетенция

КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Нормативно-прагматическая субкомпетенция

Благозвучие речи
Богатство речи
Выразительность речи
Доступность речи
Доходчивость речи. См. Доступность речи
Жанровая норма
Изобразительность. См. Образность
Информационно-речевая норма. См. Речевая норма
Качества хорошей речи. См. Коммуникативные качества речи
Коммуникативная норма
Коммуникативно-прагматическая норма. См. Речевая норма
Коммуникативные качества речи
Коммуникативные постулаты
Краткость. См. Лаконичность речи
Лаконичность речи
Лингвоэтологическая норма. См. Коммуникативная норма

Логическая норма. См. Логичность речи
Логичность речи
Максимы речевого общения. См. Коммуникативные постулаты
Молчание
Норма речи. См. Речевая норма
Нормативно-прагматическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция
Постулаты речевого общения. См. Коммуникативные постулаты
Речевая норма
Стилистическая норма
Точность речи
Уместность речи
Фоника. См. Благозвучие речи
Чистота речи
Эвфония. См. Благозвучие речи
Ясность речи. См. Доступность речи.

Информационная субкомпетенция

Интернет-ресурсы по лингвистике. См. Лингвистические интернет-ресурсы
Информативность речи
Информационная война
Информационная субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция
Информационные технологии
Лингвистические интернет-ресурсы

Тактико-стратегическая субкомпетенция

Коммуникативные стратегии и тактики
Речевая (коммуникативная) стратегия. См. Коммуникативные стратегии и тактики
Речевая (коммуникативная) тактика. См. Коммуникативные стратегии и тактики
Тактико-стратегическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция

Жанрово-стилистическая субкомпетенция

Автобиография
Автореферат диссертации
Аннотация
Антипоговорка
Апоф(т)егма. См. Афоризм
Афоризм
Байлайнер. См. Жанры пиар-коммуникации
Брифинг. См. Пресс-конференция
Бэкграундер. См. Жанры пиар-коммуникации
Вердиктивы. См. Речевой акт
Воодушевляющая речь. См. Эпидейктическая речь
Вторичные речевые жанры. См. Речевые жанры
Высокий стиль
Газетизмы
Газетно-публицистический стиль. См. Публицистический стиль
Генристика. См. Жанроведение
Гипержанр
Гнома. См. Афоризм
Дезаторизация текста. См. Стилистическая тональность текста
Деконструктивизм. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы

Деловая беседа
Деловая беседа
Деловое письмо
Децентризм. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы
Диалог в педагогическом общении
Доверенность
Доклад
Докладная записка
Жалоба
Жанроведение
Жанрово-стилистическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция
Жанры научной речи
Жанры обиходно-разговорной речи. См. Разговорная беседа, Семейная беседа
Жанры официально-делового стиля
Жанры пиар-коммуникации
Жанры публицистики
Жанры художественной литературы
Заметка
Заявление
Идиостиль
Иеремиада. См. Жалоба
Извещение
Имиджевое интервью. См. Жанры пиар-коммуникации
Императивные речевые жанры
Индивидуальный стиль. См. Идиостиль
Инструкция
Интервью
Информативные жанры речи
Информирующая речь
Исповедь
Канцеляризмы
Канцелярский стиль. См. Официально-деловой стиль
Квазипословица. См. Антипословица
Книжная речь. См. Книжный стиль
Книжный стиль
Комиссивы. См. Речевой акт
Комментарий
Коммуникативная стилистика текста
Коммуникативный стиль
Коннотация
Конспект
Констативы. См. Речевой акт
Консультация
Ламентация. См. Жалоба
Лекция
Лингвостилистика, или Лингвистическая стилистика
Литературные жанры
ЛогоэпистемOID. См. Антипословица
Лозунг
Максима. См. Афоризм
Медиастилистика
Межстилевые средства языка. См. Общеупотребительные средства языка
Монография
Научная статья

Научно-популярный подстиль
Научный стиль
Научный текст в культурно-речевом аспекте
Нейтральные средства языка. См. Общеупотребительные средства языка
Некролог
Нонселекция. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы
Обиходно-разговорный (обиходно-бытовой) стиль. См. Разговорный стиль
Общеупотребительная лексика
Общеупотребительные средства языка
Объявление
Объяснение
Объяснительная записка
Отзыв. См. Рецензия
Отчет
Официально-деловой стиль
Оценочные жанры речи
Очерк
Палиндром
Памфлет
Пародия
Парадокс
Паремиологическая единица. См. Паремия
Паремиологический неологизм. См. Антипословица
Паремиологическое клише. См. Паремия
Паремия
Пастиш. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы
Педагогические речевые жанры
Первичные речевые жанры. См. Речевые жанры
Перевертень. См. Палиндром
Переговоры
Перформативы. См. Речевой акт
Письмо₁
Письмо₂
Повестка. См. Извещение
Поговорка
Подстиль
Пословица
Пословица-неологизм. См. Антипословица
Пословичный(-ая) трансформ(а). См. Антипословица
Проповедь
Практическая стилистика
Презентация
Пресс-конференция
Пресс-релиз
Призыв
Притча
Публицистическая статья
Публицистический стиль
Реплика
Разговорная беседа
Разговорная речь
Разговорность
Разговорный рассказ
Разговорный стиль

Расписка
Резюме
Религиозно-проповеднический стиль. См. Церковно-религиозный стиль
Репортаж
Реферат
Рецензия
Речевой акт
Речевые жанры
Самопрезентация. См. Презентация
Светская беседа
Семейная беседа
Сентенция. См. Афоризм
Симулякр. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы
Синтаксическая стилистика. См. Стилистический синтаксис
Слоган
Служебная записка
Служебное письмо. См. Деловое письмо
Сниженный стиль
Сообщение
Стилевые функции речевых разновидностей
Стилевые черты
Стилестическая тональность текста
Стили произношения
Стилистика
Стилистика ресурсов
Стилистика текста
Стилистическая окраска
Стилистическая функция
Стилистические ресурсы грамматики
Стилистические ресурсы лексики
Стилистические ресурсы языка
Стилистический синтаксис
Стилистический эффект
Стилистическое значение
Стиль
Стиль автора. См. Идиостиль.
Стиль массовой коммуникации. См. Публицистический стиль
Стиль речи. См. Функциональный стиль
Тезисы
Телевизионная речь
Телефонный разговор
Теория трех стилей (штилей)
Ток-шоу
Гост
Убеждающая речь
Учебник. См. Жанры научной речи
Учение о функциональных стилях. См. Функциональная стилистика
Факт-лист. Жанры пиар-коммуникации
Фельетон
Фоностилистика
Функциональная разновидность языка. См. Функциональный стиль
Функциональная стилистика
Функционально-стилистическая окраска. См. Коннотация
Функциональный стиль

Характеристика
Художественная речь. См. Язык художественной литературы
Художественный стиль. См. Язык художественной литературы
Церковно-религиозный стиль
Шутка
Экспрессивный синтаксис
Эпидейктическая речь
Эпистола. См. Письмо₁
Эпистолярная культура
Эссе
Этикетные речевые жанры
Язык газеты. См. Язык публицистики
Язык города
Язык для специальных целей
Язык и стиль рекламы
Язык и стиль русской постмодернистской литературы
Язык Интернета
Язык публицистики
Язык средств массовой информации
Язык художественной литературы

Логико-аргументативная субкомпетенции

Антипарастиазис. См. Опровержение
Антистретфон. См. Опровержение
Антирезис. См. Опровержение
Антитезис
Аподиоксис. См. Опровержение
Апопланесис. См. Подмена тезиса
Аргумент
Аргументация
Дигрессия. См. Подмена тезиса
Довод. См. Аргумент
Доказательство
Логико-аргументативная субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция
Ложная аргументация. См. Аргументация
Метабазис. См. Подмена тезиса
Некорректная аргументация. См. Аргументация
Опровержение
Подмена тезиса
Расширение тезиса. См. Подмена тезиса
Субтезис. См. Тезис
Сужение тезиса. См. Подмена тезиса
Тезис

Эристическая субкомпетенция

Барьеры общения. См. Коммуникативные барьеры
Дебаты
Демагогия
Диверсия
Дискуссия
Диспут
Коммуникативные барьеры

Оппонент
Полемика
Пропонент
Речевое манипулирование
Речевые уловки
Слухи
Софизм
Спор
Эристика
Эристическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция
Языковое манипулирование. См. Речевое манипулирование

Ораторологическая субкомпетенция

Академическое красноречие
Акцио. См. Произнесение речи
Античная риторика
Аудитория
Богословско-церковное красноречие. См. Гомилетика
Внешний облик оратора
Вопрос. См. Культура вопроса и ответа
Гаптика. См. Паралингвистические средства общения
Гомилетика
Деловая риторика
Дикция
Диспозиция
Закон края
Замысел речи. См. Инвенция
Запоминание речи
Изобретение речи. См. Инвенция
Иллокуция
Имидж
Инвенция
Интенциональность
Интенция
Интеракция
Исполнение ораторской речи. См. Произнесение речи
Кинесика. См. Паралингвистические средства общения
Комманикативный конфликт
Коммуникативная ситуация
Коммуникативное намерение. См. Иллокуция, Интенция
Коммуникативное событие. См. Речевое событие
Коммуникативно-речевая компетенция
Коммуникативные свойства слова. См. Коммуникативный потенциал слова
Коммуникативный акт. См. Речевой акт
Коммуникативный потенциал слова
Коммуникативный потенциал текста
Коммуникативный успех
Контактоустанавливающие средства
Косвенное высказывание
Косвенный речевой акт. См. Косвенное высказывание
Красноречие
Логическое ударение
Логос

Мемория. См. Запоминание речи
Невербальные средства общения. См. Паралингвистические средства общения
Невербальная семиотика. См. Паралингвистические средства общения
Неориторика
Новая риторика. См. Неориторика
Образ автора
Образ ратора
Общая риторика
Общее место. См. Топос
Окулесика. См. Паралингвистические средства общения
Ораторика
Оратория. См. Ораторика
Ораторологическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция
Ораторская речь
Паралингвистические средства общения
Пауза
Пафос
Педагогическая риторика
Перлокутивный акт. См. Перлокуция
Перлокуция
Поведение оратора в аудитории
Произнесение речи
Проксемика. См. Паралингвистические средства общения
Пронунциация. См. Произнесение речи
Прямое высказывание. См. Косвенное высказывание
Публичный монолог
Разнообразие речи. См. Богатство речи
Расположение речи. См. Диспозиция
Речевая ситуация. См. Коммуникативная ситуация
Речевое поддерживание
Речевое придерживание
Речевой (коммуникативный) идеал. См. Риторический идеал
Речевой имидж
Ритм
Ритмизация. См. Ритм
Ритор
Риторика
Риторический идеал
Риторический канон
Роды красноречия
Семейная риторика
Судебная риторика
Судебное красноречие
Темп речи
Техника речи
Топ. См. Топос
Толика
Топос
Траурная речь
Траурный панегирик. См. Траурная речь
Фразовое ударение. См. Логическое ударение
Хрия
Церковное красноречие. См. Гомилетика
Частная риторика

Элокуция
Этос
Языковая рефлексия

Экспрессиологическая субкомпетенция

Абсурдизация
Аверсия. См. Риторическое обращение
Авторская пунктуация
Авторское обновление фразеологизмов и прецедентных текстов
Адинатон. См. Импоссибилия
Аккумуляция
Акромонограмма. См. Анадиплозис
Акротеза. См. Антитеза
Акрофоническая перестановка. См. Контрапетрия
Аллегория
Аллеотета. См. Грамматический троп
Аллитерация
Аллойоза. См. Антитеза
Аллюзия
Алогизм
Амплификация
Амфиболия
Амфитеза. См. Антитеза
Анаграмма
Анадиплозис
Анажпифора. См. Анэпифора
Анаколуф
Анантаподотон. См. Анаколуф
Анастрофа
Анафора
Анимализация. См. Олицетворение
Антанаклаза
Антиклимакс. См. Градация
Антиметабола
Антиолицетворение. См. Овеществление
Антипрозопопея. См. Овеществление
Антитеза
Антифразис
Антиэллипсис
Антономазия
Анэпифора
Аподозис. См. Период
Апосиопезис. См. Апозиопезис
Апозиопезис
Апокопа
Апострофа. См. Риторическое обращение
Асиндетон
Ассонанс
Астеизм. См. Антифразис
Аугментатив. См. Диминутив
Ахрония. См. Гистерон-протерон
Бессоюзие. См. Асиндетон
Буквализация метафоры
Вариативные развернутые повторы

Возвращение. См. Анадиплозис
Вопрос делиберативный. См. Риторический вопрос
Вопрос медитативный. См. Риторический вопрос
Вопросно-ответный ход
Восходящая градация. См. Градация
Вставная конструкция. См. Парентеза
Выдвижение
Выразительные средства языка
Геминация
Гипаллага
Гипербат
Гипербола
Гипокризис. См. Мимезис
Гипофора
Гистерология. См. Гистерон-протерон
Гистерон-протерон
Говорящее имя
Гомеология
Гомеотелевт
Гомеозоптон. См. Гомеология
Градация
Грамматическая метафора. См. Грамматический троп
Грамматический троп
Графон
Гротеск
Делиберативный вопрос
Деминутив. См. Диминутив
Деперсонификация. См. Овеществление
Диакоспа. См. Тмезис
Диалогизация монологической речи
Диатеза. См. Антитеза
Диафора. См. Антанакласса
Дилогия
Диминутив
Дупликация. См. Анадиплозис
Единоконечие. См. Эпифора
Единоначатие. См. Анафора
Звуковой повтор
Звукоизобразительность
Звукопись
Звукоподражание
Зевгма
Изоколон
Иллеизм. См. Синтаксическая антиципация
Именительный лекторский. См. Именительный темы
Именительный представления. См. Именительный темы
Именительный темы
Импоссибилия
Инанимация. См. Овеществление
Инверсия
Иносказание
Инструментовка
Интенсивность речи
Интимизация повествования

Ирония
Каламбур
Катахреза
Квазиантитеза. См. Антитеза
Климакс. См. Градация
Кольцевой повтор. См. Кольцо
Кольцо
Комическое и языковые средства его выражения
Коммемората. См. Фрактата
Конкатенация
Контактный повтор. См. Анадиплозис
Контаминация
Контрапетрия
Корневой повтор
Косвенная речь
Лексический троп
Литота
Ложная этимологизация
Макаронизм
Медитативный вопрос
Мейозис
Метабола
Метагоге. См. Олицетворение
Метатеза
Метафора
Метонимия
Мимезис
Многopредложие. См. Полисиндетон
Многословие. См. Плеоназм
Многосоюзиe. См. Полисиндетон
Намёк. См. Умолчание
Народная этимология. См. Ложная этимологизация
Настоящее историческое. См. Грамматический троп
Настоящее предписания. См. Грамматический троп
Несобственно-авторская речь. См. Несобственно-прямая речь
Несобственно-прямая речь
Нисходящая градация. См. Градация
Обманутое ожидание
Обновление пословицы. См. Антипословица
Образность
Овеществление
Окказиональное словотворчество как средство выразительности
Оксюморон
Олицетворение
Ономатопея. См. Звукоподражание
Опредмечивание. См. Овеществление
Остраннение
Оценка
Оценочность речи. См. Оценка
Палилогия. См. Анадиплозис
Паралепсис. См. Паралипсис
Паралипсис
Парагерменевтические риторические приемы
Парадиастола. См. Антитеза

Паралингвопрагматические риторические приемы. См. Параэтологические риторические приемы
Паралогические риторические приемы
Парафраз(а). См. Перифраза
Параэтологические риторические приемы
Парентеза
Парономазия
Парцелляция
Период
Периссология. См. Плеоназм
Перифраза
Перкурсия
Персонификация. См. Олицетворение
Плока. См. Антанаклаза
Плеоназм
Повтор
Подхват. См. Анадиплозис
Позиционно-лексический повтор
Полиптот
Полисиндетон
Постоянный эпитет. См. Эпитет
Поэтическая этимология. См. Этимологическая фигура
Пролепсис. См. Синтаксическая антиципация
Прерванно-возобновлённое предложение. См. Прерванно-продолженное предложение
Прерванно-продолженное предложение
Приём окказионального словотворчества. См. Окказиональное словотворчество
Приём речевого воздействия. См. Риторический прием
Приём художественный. См. Риторический прием
Прозиопеза. См. Просиопезис
Прозопопея. См. Олицетворение
Прономинация. См. Антономазия
Просиопезис
Протазис. См. Период
Прямая речь
Псевдоконтрапетрия. См. Контрапетрия
Разложение идиомы. См. Авторское обновление фразеологизмов и прецедентных текстов
Реализация метафоры. См. Буквализация метафоры
Редупликация. См. Анадиплозис
Реминисценция
Ретардация
Речевая фигура. См. Стилистическая фигура
Риторическая фигура
Риторические приемы виртуального отклонения от онтологической нормы
Риторический вопрос
Риторический прием
Риторическое восклицание
Риторическое обращение
Рондо. См. Кольцо
Сарказм. См. Комическое и языковые средства его выражения
Сатира. См. Комическое и языковые средства его выражения
Сегментированная конструкция. См. Сегментированное предложение
Сегментированное предложение
Силлепсис
Симплока

Синекдоха
Синестезия
Синкризис
Синонимический повтор
Синонимический ряд
Синтаксическая антиципация
Синтаксическая аппликация. См. Парцелляция
Синтаксическая фигура. См. Стилистическая фигура
Синтаксический параллелизм
Скандирование
Смещение стилей
Спекулятивный вопрос. См. Делиберативный вопрос
Сравнение
Стилизация
Стилистическая конвергенция
Стилистическая фигура
Стилистический контраст
Стилистический прием
Столкновение стилей. См. Смещение стилей
Стык. См. Анадиплозис
Тавтология
Тмезис
Топотезия
Трансформация фразеологизмов и прецедентных текстов. См. Авторское обновление фразеологизмов и прецедентных текстов
Трансформированная поговорка. См. Антипоговорка
Троп
Тропология. См. Троп
Умолчание
Фигура речи. См. Стилистическая фигура
Фигура умолчания. См. Умолчание
Фигуры алогизма. См. Паралогические риторические приемы
Фрактата
Хиазм
Хронотезия
Художественный прием. См. Риторический прием
Цепной повтор. См. Анадиплозис
Цитата
Чужая речь
Эзопов язык
Эквивокация. См. Антанаклаза
Экспрессема. См. Экспрессивность
Экспрессивность
Экспрессивный синтаксис
Экспрессивный фонд русского языка
Экспрессиологическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция
Эллипсис
Эмотивность речи. См. Эмоциональность речи
Эмоциональность речи
Эмфаза
Эналлага. См. Гипаллага
Эпаналепсис
Эпанастрофа. См. Анадиплозис
Эпистрофа. См. Эпифора

Эпитет
Эпифонема
Эпифора
Эротема. См. Риторический вопрос
Эстетическая функция слова и текста
Этимологическая фигура
Юмор. См. Комическое и языковые средства его выражения
Языковая игра

Перцептивно-рефлексивная субкомпетенция

Аудирование. См. Культура слушания
Культура вопроса и ответа
Культура слушания
Перцептивно-рефлексивная субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция
Языковая рефлексия

Эрратологическая субкомпетенция

Асхематон. См. Неудачное использование стилистических приемов
Бедность речи
Двузначность
Дефекты речи
Какология. См. Неблагозвучие
Какофония. См. Неблагозвучие
Какэмфатон. См. Неблагозвучие
Канцелярит
Канцелярский штамп. См. Канцелярит
Коммуникативная неудача
Коммуникативное самоубийство. См. Коммуникативная неудача
Лексический анахронизм
Логические ошибки
Многословие. См. Плеоназм
Нагромождение. См. Плеоназм
Нанизывание падежей
Неблагозвучие
Неоправданный пропуск слов. См. Неоправданный эллипсис
Неудачное использование стилистических приемов
Однообразие речи. См. Бедность речи
Речевой штамп
Слова-паразиты
Смещение стилей
Стилистические ошибки
Уместность речи
Фактические ошибки
Эрратологическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция, Этико-речевая компетенция, Языковая компетенция

ЭТИКО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Нормативно-ценностная субкомпетенция

Гармонизация речевого общения
Нормативно-ценностная субкомпетенция. См. Этико-речевая компетенция

Политическая корректность. См. Политкорректность
Политкорректность
Псевдоэвфемизм
Речевая ответственность
Речевая этика
Риторическая этика. См. Речевая этика
Толерантность
Эвфемизм
Эмпатия
Этика риторическая. См. Речевая этика
Этикетно-речевая субкомпетенция. См. Этико-речевая компетенция
Этико-речевая компетенция
Этико-речевая норма. См. Этико-речевая компетенция
Этико-речевые категории. См. Этико-речевая компетенция
Языковое табу

Этикетно-речевая субкомпетенция

Запрет. См. Запрещение
Запрещение
Знакомство
Извинение
Комплимент
Несогласие. См. Отказ
Обращение
Одобрение, похвала
Отказ
Пожелание
Поздравительная речь
Поздравление
Порицание
Похвала. См. Одобрение, похвала
Предложение
Предписание
Приветствие
Приглашение
Признание
Просьба
Прощание
Разрешение
Речевой этикет
Соболезнование
Совет. См. Предложение
Согласие
Угроза
Упрёк
Утешение и сочувствие
Фактор третьего лица
Фатические речевые жанры. См. Фатическое общение
Фатическое общение
Этикетно-речевая субкомпетенция. См. Этико-речевая компетенция
Этикетные речевые жанры

Эрратологическая субкомпетенция

Бранное слово
Вульгаризация речи
Диатриба. См. Инвектива
Дисфемизм
Инвектива
Какофемизм. См. Дисфемизм
Лингвоцинизмы
Немотивированное использование внелитературной лексики
Неудачное использование формул речевого этикета. См. Ошибки в использовании формул речевого этикета
Обсценизмы
Обценная лексика. См. Обсценизмы
Ошибки в использовании формул речевого этикета
Речевая агрессия
Сквернословие
Словесный ярлык
Филиппика. См. Инвектива
Эрратологическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция, Этико-речевая компетенция
Этико-речевые ошибки
Языковая компетенция

АЛФАВИТНЫЙ СЛОВНИК

Аббревиатура. См. Культура употребления аббревиатур	13
Абзац	13
Абсурдизация	13
Аверсия. См. Риторическое обращение	14
Автобиография	15
Автор	15
Автореферат диссертации	16
Авторская пунктуация	17
Авторское обновление фразеологизмов и прецедентных текстов	19
Адинатон. См. Импоссибилия	20
Адресант	20
Адресат	21
Адресация речи	23
Академическое красноречие	24
Аккумуляция	25
Акромонограмма. См. Анадиплозис	26
Акротеза. См. Антитеза	26
Акрофоническая перестановка. См. Контрапетрия	26
Актуальное членение предложения	26
Акцентная норма	28
Акцентные ошибки	29
Акцентологические словари	30
Акцио. См. Произнесение речи	31
Аллегория	31
Аллеотета. См. Грамматический троп	32
Аллитерация	32
Аллойоза. См. Антитеза	33
Аллюзия	33
Алогизм	35
Амплификация	35
Амфиболия	37
Амфитеза. См. Антитеза	37
Анаграмма	37
Анадиплозис	38
Анаколуф	39
Анантаподатон. См. Анаколуф	40
Анастрофа	40
Анафора	41
Анафорические строфы	42
Анаэпифора. См. Анэпифора	42
Англицизмы	43
Анимализация. См. Олицетворение	43
Аннотация	43
Антанаклаза (антанакласис)	44
Антиклимакс. См. Градация	45
Антиметабола	45
Антиолицетворение. См. Овеществление	46
Антипарастазис. См. Опровержение	46
Антипословица	46
Антипрозопопея. См. Овеществление	47
Антирезис. См. Опровержение	47
Антистрefon. См. Опровержение	47

Антитеза	47
Антитезис	49
Антифразис	49
Античная риторика	50
Антиэллипсис	51
Антонимы	52
Антономазия (антономасия)	54
Анэпифора	55
Аподиоксис. См. Опровержение	56
Аподозис. См. Период	56
Апозиопезис (Апозиопеза)	56
Апокопа	57
Апопланесис. См. Подмена тезиса	58
Апосиопезис. См. Апозиопезис	58
Апострофа. См. Риторическое обращение	58
Апоф(т)егма. См. Афоризм	58
Арго	58
Арготизмы. См. Арго	59
Аргумент	59
Аргументация	61
Архаизмы	62
Асиндетон	64
Ассонанс	64
Ассоциативные словари	65
Астеизм. См. Антифразис	67
Асхематон. См. Неудачное использование стилистических приёмов	67
Аттриция	67
Аугментатив. См. Диминутив	68
Аудирование. См. Культура слушания	68
Аудитория	68
Афоризм	70
Ахрония. См. Гистерон-протерон	70
Байлайнер. См. Жанры пиар-коммуникации	70
Барьеры общения. См. Коммуникативные барьеры	70
Бедность речи	70
Бессоюзие. См. Асиндетон	71
Библеизмы	71
Благозвучие речи	73
Богатство речи	74
Богословско-церковное красноречие. См. Гомилетика	75
Бранное слово (брань)	75
Брифинг. См. Пресс-конференция	76
Буквализация метафоры	76
Бытовая лексика	76
Бэкграундер. См. Жанры пиар-коммуникации	77
Варваризм	77
Варианты нормы. См. Языковая норма	78
Вариативные развёрнутые повторы	78
Вербально-иконические тексты	79
Вердиктивы. См. Речевой акт	80
Внелитературная лексика	80
Внешний облик оратора	81
Возвращение. См. Анадиплозис	82
Воодушевляющая речь. См. Эпидейктическая речь	82

Вопрос делиберативный. См. Риторический вопрос	82
Вопрос медитативный. См. Риторический вопрос	82
Вопрос. См. Культура вопроса и ответа	82
Вопросно-ответный ход	82
Восходящая градация. См. Градация	82
Вставная конструкция. См. Парентеза	82
Вторичные речевые жанры. См. Речевые жанры	82
Вульгаризация речи	82
Выдвижение	83
Выразительность речи	84
Выразительные средства языка	85
Высказывание	87
Высокий стиль	88
Газетизмы	89
Газетно-публицистический стиль. См. Публицистический стиль	90
Галлицизмы	90
Гаптика. См. Паралингвистические средства общения	91
Гармонизация речевого общения	91
Геминация	92
Гендерная лингвистика	93
Генристика. См. Жанроведение	94
Германизмы	94
Герменевтика	95
Гипаллага (гипаллаг)	96
Гипербат (гипербатон)	96
Гипербола	97
Гипержанр	98
Гипертекст	99
Гипокризис. См. Мимезис	100
Гипофора	100
Гистерология. См. Гистерон-протерон	101
Гистерон-протерон (гистеропротерон)	101
Гнома. См. Афоризм	102
Говор. См. Диалект	102
Говорящее имя	102
Гомеология	103
Гомеотелевт (гомеотелевтон)	103
Гомеозоптон. См. Гомеология	104
Гомилетика	104
Градация	106
Грамматика текста. См. Лингвистика текста	107
Грамматическая метафора. См. Грамматический троп	107
Грамматическая норма	107
Грамматические ошибки	108
Грамматический троп	109
Графика. См. Орфографическая норма, Орфография	109
Графон (граффон)	110
Грецизмы	110
Гротеск	111
Грубые и негрубые ошибки	112
Двусмысленность	114
Дебаты	114
Дезавторизация текста. См. Стилистическая тональность текста	115
Действенность речи. См. Эффективность речи	115

Деконструктивизм. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы	115
Делиберативный вопрос	115
Деловая беседа	116
Деловая лексика	116
Деловая риторика	117
Деловое письмо	118
Демагогия	119
Деминутив. См. Диминутив	121
Деперсонификация. См. Овеществление	121
Депрофессионализмы. См. Профессионализмы	121
Детермины. См. Терминологическая лексика	121
Детский язык (речь)	121
Дефекты речи	123
Децентризм. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы	124
Диакота. См. Тмезис	124
Диалект	124
Диалектизмы	125
Диалектные словари	126
Диалог	128
Диалог в педагогическом общении	129
Диалогизация монологической речи	131
Диалогичность	131
Диатеза. См. Антитеза	133
Диатриба. См. Инвектива	133
Диафора. См. Антанаклаза	133
Диверсия	133
Дигрессия. См. Подмена тезиса	134
Дикция	134
Дилогия	134
Диминутив	135
Дискурс	136
Дискурсивные практики	137
Дискуссия	138
Диспозиция	139
Диспут	140
Дистаксия. См. Полисемия	140
Дисфемизм	141
Диффамация. См. Лингвистическая экспертиза	141
Доверенность	141
Довод. См. Аргумент	143
Доказательство	143
Доклад	145
Докладная записка	146
Доступность речи	147
Доходчивость речи. См. Доступность речи	147
Дубликация. См. Анадиплозис	147
Единоконечие. См. Эпифора	147
Единоначатие. См. Анафора	147
Жалоба	147
Жанровая норма	148
Жанроведение	150
Жанрово-стилистическая субкомпетенция. см. Коммуникативно-речевая компетенция	151
Жанры научной речи	151
Жанры обиходно-разговорной речи. См. Разговорная беседа, Семейная беседа	152

Жанры официально-делового стиля	152
Жанры пиар-коммуникации	155
Жанры публицистики	157
Жанры художественной литературы	158
Жаргон	160
Жаргонизмы	161
Жаргоноид. См. Жаргонизмы	162
Заголовок	162
Заголовочный комплекс	163
Заимствования	163
Заимствованная лексика. См. Заимствования	165
Закон края	165
Заметка	165
Замысел речи. См. Инвенция	167
Запоминание речи	167
Запрет. См. Запрещение	168
Запрещение	168
Заявление	169
Звуковой повтор	170
Звукоизобразительность	170
Звукопись	171
Звукоподражание	172
Зевгма	173
Знакомство	173
Значение и смысл	175
Идеологема	176
Идиома	177
Идиоматическое выражение. См. Идиома	178
Идиостиль	178
Иеремиада. См. Жалоба	180
Извещение	180
Извинение	181
Изобразительность. См. Образность	182
Изобретение речи. См. Инвенция	182
Изоколон	182
Изотопия. См. Текст	183
Иллеизм. См. Синтаксическая антиципация	183
Иллокуция	183
Именительный лекторский. См. Именительный темы	183
Именительный представления. См. Именительный темы	183
Именительный темы	183
Имидж	184
Имиджевое интервью. См. Жанры пиар-коммуникации	185
Императивные речевые жанры	185
Импоссибилия	185
Инанимация. См. Овеществление	186
Инвектива	186
Инвенция	187
Инверсия	188
Индивидуальный стиль. См. Идиостиль	189
Иносказание	189
Иностранные слова. См. Иноязычные слова	190
Иноязычные вкрапления	190
Иноязычные слова	191

Инструкция	192
Инструментовка	192
Интенсивность	192
Интенциональность	193
Интенция	194
Интеракция	195
Интервью	196
Интернационализмы	198
Интернациональная лексика. См. Интернационализмы	198
Интернет-ресурсы по лингвистике. См. Лингвистические интернет-ресурсы	198
Интертекст	198
Интертекстуальность. См. Интертекст	199
Интимизация повествования	199
Интонация	200
Информативность речи	202
Информативные жанры речи	203
Информационная война	204
Информационная субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция	204
Информационно-речевая норма. См. Речевая норма	204
Информационные технологии	206
Информирующая речь	207
Ирония	208
Исповедь	209
Исполнение ораторской речи. См. Произнесение речи	210
Историзмы	210
Какология. См. Неблагозвучие	211
Какофемизм. См. Дисфемизм	211
Какофония. См. Неблагозвучие	211
Какэмфатон. См. Неблагозвучие	211
Каламбур	212
Канцеляризмы	212
Канцелярит	213
Канцелярский стиль. См. Официально-деловой стиль	213
Канцелярский штамп. См. Канцелярит	213
Катахреза (катакреза)	213
Категоризация. См. Языковая картина мира	214
Категория авторизации. См. Субъектность	214
Категория субъектности. См. Субъектность	214
Категория текста. См. Текстовая категория	214
Качества хорошей речи. См. Коммуникативные качества речи	214
Квазиантитеза. См. Антитеза	214
Квазипословица. См. Антипословица	214
Квазипрофессионализмы. См. Профессионализмы	215
Квазитермины. См. Терминологическая лексика	215
Кинесика. См. Паралингвистические средства общения	215
Классификация речевых ошибок	215
Климакс. См. Градация	216
Клише	216
Ключевые слова	217
Книжная речь. См. Книжный стиль	218
Книжный стиль	218
Когезия. См. Текст	220
Когерентность. См. Текст	220
Колебание языковой нормы	220

Коллоквиализм. См. Разговорная лексика	221
Кольцевой повтор. См. Кольцо	221
Кольцо	221
Комиссивы. См. Речевой акт	222
Комическое и языковые средства его выражения	222
Коммемората. См. Фрактата	223
Комментарий	223
Коммуникативная неудача	224
Коммуникативная норма	225
Коммуникативная ситуация	226
Коммуникативная стилистика текста	226
Коммуникативное намерение. См. Иллокуция, Интенция	228
Коммуникативное самоубийство. См. Коммуникативная неудача	228
Коммуникативное событие. См. Речевое событие	228
Коммуникативно-прагматическая норма. См. Речевая норма	228
Коммуникативно-речевая компетенция	228
Коммуникативно-смысловое членение предложения. См. Актуальное членение предложения	229
Коммуникативные барьеры	229
Коммуникативные качества речи	230
Коммуникативные постулаты	231
Коммуникативные свойства слова. См. Коммуникативный потенциал слова	232
Коммуникативные стратегии и тактики	232
Коммуникативный акт. См. Речевой акт	234
Коммуникативный конфликт	234
Коммуникативный потенциал слова	234
Коммуникативный потенциал текста	236
Коммуникативный стиль	237
Коммуникативный успех	239
Коммуникация	240
Комплимент	242
Конкатенация	243
Коннотация	244
Конситуация	245
Конспект	246
Констативы. См. Речевой акт	246
Консультация	246
Контактный повтор. См. Анадиплозис	247
Контактоустанавливающие средства	247
Контаминация	248
Контекст	249
Контрапетрия	249
Концепт	250
Концептосфера	251
Кореферентность. См. Текст	252
Корневой повтор	252
Корректурa	252
Косвенная речь	254
Косвенное высказывание	255
Косвенный речевой акт. См. Косвенное высказывание	256
Красноречие	256
Краткость речи. См. Лаконичность	257
Креолизованный текст	258
Критерии нормативности. См. Языковая норма	258
Критика языка. См. Языковая критика	258

Крылатые слова и выражения	259
Культура вопроса и ответа	259
Культура журналистской речи	261
Культура речи	262
Культура слушания (аудирования)	262
Культура термина	263
Культура употребления аббревиатур	265
Культурно-речевая компетенция	266
Культурно-речевая норма. См. Культурно-речевая компетенция	266
Лаконичность речи	266
Ламентация. См. Жалоба	267
Латинизмы	267
Лексикографическая субкомпетенция	268
Лексическая норма	270
Лексические ошибки	271
Лексический анахронизм	272
Лексический троп	273
Лекция	274
Лид	275
Лингвистика креатива	276
Лингвистика речи. См. Речеведение	277
Лингвистика текста	277
Лингвистическая конфликтология. См. Лингвоконфликтология	278
Лингвистическая прагматика	278
Лингвистическая стилистика. См. Лингвостилистика	279
Лингвистическая экспертиза	280
Лингвистическая экспертология. См. Юрислингвистика	281
Лингвистическая этика. См. Лингвоэтика	281
Лингвистические и энциклопедические словари	281
Лингвистические интернет-ресурсы	282
Лингвоконфликтология	283
Лингвокультурология	284
Лингвоперсонология	285
Лингвопрагматика. См. Лингвистическая прагматика	286
Лингвостилистика	286
Лингвоцинизмы	288
Лингвозкология	288
Лингвоэтика	290
Лингвоэтологическая норма	291
Литературная лексика	291
Литературная норма. См. Языковая норма	291
Литературное редактирование	291
Литературные жанры	292
Литературный язык	293
Литота	294
Логико-аргументативная субкомпетенция. см. Коммуникативно-речевая компетенция	295
Логическая норма. См. Логичность речи	295
Логические ошибки	295
Логические словари	297
Логическое ударение	298
Логичность речи	299
Логос	299
Логоэпистемонид. См. Антипословица	300
Ложная аргументация. См. Аргументация	300

ложная этимологизация (ложное этимологизирование)	300
Лозунг	300
Локутивный акт (локутивное значение). См. Локуция	301
Локуция	301
Макаронизм	302
Макросоциолингвистика. См. Социолингвистика	302
Максима. См. Афоризм	303
Максимы речевого общения. См. Коммуникативные постулаты	303
Массовая коммуникация	303
Массовая литература	304
Массовый человек	305
Медиалингвистика	306
Медиастилистика	307
Медитативный вопрос	309
Межкультурная коммуникация	309
Межстилевые средства языка. см. Общеупотребительные средства языка	310
Мейозис	311
Мемория. См. Запоминание речи	311
Метабазис. См. Подмена тезиса	311
Метабола	311
Метагоге. См. Олицетворение	312
Метатеза	312
Метатекст	312
Метафора	313
Метонимия	315
Микросоциолингвистика. См. Социолингвистика	316
Мимезис (мимесис)	316
Мифологема	316
Многозначность. См. Полисемия	318
Многопредложие. См. Полисиндетон	318
Многословие. См. Плеоназм	318
Многосоюзие. См. Полисиндетон	318
Модальность	318
Модернизм	320
Модные слова	322
Молодёжный жаргон	323
Молчание	325
Монография	326
Монолог	328
Морфологическая норма	329
Морфологические ошибки	330
Нагромождение. См. Плеоназм	331
Намёк. См. Умолчание	331
Нанизывание падежей	331
Наречие. См. Диалект	332
Народная этимология. См. Ложная этимологизация	332
Нарушение границ предложения	332
Нарушение лексической сочетаемости	332
Настоящее историческое. См. Грамматический троп	333
Настоящее предписания. См. Грамматический троп	333
Научная статья	333
Научно-популярный подстиль	333
Научный стиль	334
Научный текст в культурно-речевом аспекте	336

Национальный язык	338
Неблагозвучие	339
Невербальная семиотика. См. Паралингвистические средства общения	340
Невербальные средства общения. См. Паралингвистические средства общения	340
Негрубые ошибки. См. Грубые и негрубые ошибки	340
Нейтральные средства языка. См. Общеупотребительные средства языка	340
Некорректная аргументация. См. Аргументация	340
Некролог	340
Немотивированное использование нелитературной лексики	341
Неологизмы	341
Неоправданный эллипсис. См. Эллипсис	342
Неориторика	342
Неправильное словоупотребление. См. Лексические ошибки	343
Несобственно-авторская речь. См. Несобственно-прямая речь	343
Несобственно-прямая речь	343
Несогласие. См. Отказ	345
Неудачное использование стилистических приёмов	345
Неудачное использование формул речевого этикета. См. Ошибки в использовании формул речевого этикета	346
Нисходящая градация. См. Градация	346
Новая риторика. См. Неориторика	346
Номены. См. Специальная лексика	346
Нонселёкция. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы	346
Норма культурно-речевая. См. Культурно-речевая компетенция	346
Норма правописания. См. Орфографическая норма, Пунктуационные нормы	346
Норма речи. См. Речевая норма	346
Норма словоупотребления. См. Лексическая норма	346
Норма ударения. См. Акцентная норма	346
Нормативно-прагматическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция	346
Нормативно-ценностная субкомпетенция. См. Этико-речевая компетенция	346
Нормативно-языковая (ортологическая) субкомпетенция. См. Языковая компетенция	346
Обиходно-разговорный (обиходно-бытовой) стиль. См. Разговорный стиль	347
Обманутое ожидание	347
Обновление пословицы. См. Антипословица	348
Образ автора	348
Образ ратора	350
Образность	351
Обратный порядок слов. См. Порядок слов	352
Обращение	352
Обсценизмы	353
Обсценная лексика. См. Обсценизмы	354
Общая риторика	354
Общее место. См. Топос	355
Общелингвистическая компетенция	355
Общение	356
Общепонятная субкомпетенция. См. Общелингвистическая компетенция	357
Общеупотребительная лексика	357
Общеупотребительные средства языка	357
Объявление	358
Объяснение	359
Объяснительная записка	360
Овеществление	361
Однообразие речи. См. Бедность речи	362
Одобрение, Похвала	362

Окказионализмы	363
Окказиональное словотворчество как средство выразительности	364
Оксюморон (оксиморон)	365
Окулесика. См. Паралингвистические средства общения	366
Олицетворение	366
Омографы. См. Омонимия	367
Омонимия	367
Омонимы. См. Омонимия	369
Омофоны. См. Омонимия	369
Омоформы. См. Омонимия	369
Ономатопея. См. Звукоподражание	369
Описание	369
Описки	370
Оппонент	371
Опредмечивание. См. Овеществление	372
Опровержение	372
Ораторика	374
Оратория. См. Ораторика	377
Ораторологическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция	377
Ораторская речь	377
Ортологические словари	378
Ортология	379
Орфографическая норма	380
Орфографические ошибки	381
Орфографические словари	382
Орфография	383
Орфоэпическая норма	385
Орфоэпические ошибки	386
Орфоэпические словари	387
Орфоэпический вариант	388
Орфоэпия. См. Орфоэпическая норма	389
Остраннение (остранение)	389
Отзыв. См. Рецензия	390
Отказ	390
Отклонение от языковой/речевой нормы	391
Отчёт	391
Официально-деловой стиль	392
Оценка	393
Оценочность речи. См. Оценка	394
Оценочные жанры речи	394
Очерк	395
Ошибки в выборе антонимов	397
Ошибки в выборе паронимов	397
Ошибки в выборе синонимов	399
Ошибки в использовании омонимов и многозначных слов	399
Ошибки в использовании формул речевого этикета	400
Ошибки в построении предложений с однородными членами	402
Ошибки в построении предложения	403
Ошибки в построении простого предложения	403
Ошибки в построении сложного предложения	406
Ошибки в построении сложного синтаксического целого (прозаической строфы)	407
Ошибки в построении текста	409
Ошибки в склонении имён	410
Ошибки в словообразовании	411

Ошибки в согласовании	412
Ошибки в спряжении глаголов	413
Ошибки в ударении. См. Акцентные ошибки	414
Ошибки в употреблении параллельных синтаксических конструкций	414
Ошибки в употреблении причастных и деепричастных оборотов	415
Ошибки в употреблении слов иноязычного происхождения	417
Ошибки в управлении	418
Ошибки порядка слов	419
Ошибковедение	421
Палилогия. См. Анадиплозис	422
Палиндром	422
Памфлет	423
Парагерменевтические риторические приёмы	424
Парадиастола. См. Антитеза	425
Парадокс	425
Паралепсис. См. Паралипсис	425
Паралингвистика. См. Паралингвистические средства общения	425
Паралингвистические средства общения	426
Паралингопрагматические риторические приёмы. См. Параэтологические риторические приёмы	427
Паралипсис	427
Паралогические риторические приёмы	428
Парафраз(а). См. Перифраза	428
Параэтологические риторические приёмы	429
Паремийные (паремиологические) словари. См. Словари паремий	429
Паремиологическая единица. См. Паремия	429
Паремиологический неологизм. См. Антипословица	429
Паремиологическое клише. См. Паремия	429
Паремия	429
Парентеза (парентезис)	430
Пародия	431
Паронимы	433
Парономазия (парономасия)	433
Парцелляция	434
Пастиш. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы	435
Пауза	435
Пафос	436
Педагогическая риторика	436
Педагогические речевые жанры	438
Первичные речевые жанры. См. Речевые жанры	440
Перевертень. См. Палиндром	440
Переговоры	440
Переносное значение слова. См. Полисемия	441
Период	441
Периссология. См. Плеоназм	442
Перифраза (перифраз)	442
Перкурсия	443
Перлокутивный акт. См. Перлокуция	443
Перлокуция	443
Персонификация. См. Олицетворение	444
Перформативы. См. Речевой акт	444
Перцептивно-рефлексивная субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция	444
Письменная речь	444
Письмо ₁	445
Письмо ₂	446

Плеоназм	447
Плока. См. Антанаклаза	448
Поведение оратора в аудитории	448
Повествование	449
Повестка. См. Извещение	450
Повтор	450
Поговорка	451
Подзаголовок. См. Заголовок	452
Подмена тезиса	452
Подстиль	453
Подтекст	454
Подхват. См. Анадиплозис	456
Пожелание	456
Поздравительная речь	456
Поздравление	458
Позиционно-лексический повтор	459
Полемика	460
Поликодовый текст. См. Креолизованный текст	461
Полилог	461
Полиптот (полиптотон)	462
Полисеманты. См. Полисемия	462
Полисемия	462
Полисиндетон	464
Политическая корректность. См. Политкорректность	465
Политическая лингвистика	465
Политическая риторика	467
Политкорректность	467
Полонизмы	469
Порицание	469
Порядок слов	470
Пословица	472
Пословичный(-ая) трансформ(-а). См. Антипословица	474
Постмодернизм	474
Постоянный эпитет. См. Эпитет	476
Постпостмодернизм. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы	476
Постулаты речевого общения. См. Коммуникативные постулаты	476
Похвала. См. Одобрение	476
Поэтическая этимология. См. Этимологическая фигура	476
Правильность речи	476
Прагмалингвистика. См. Лингвистическая прагматика	477
Практическая стилистика	477
Предложение	477
Предписание	479
Предтекст (пред-текст)	480
Презентация	481
Прерванно-возобновлённое предложение. См. Прерванно-продолженное предложение	482
Прерванно-продолженное предложение	482
Пресс-конференция	483
Пресс-релиз	484
Пресуппозиция	484
Прецедентный текст	485
Приветствие	486
Приглашение	488
Приём окказионального словотворчества. См. Окказиональное словотворчество	489

Приём речевого воздействия. См. Риторический приём	489
Приём художественный. См. Риторический приём	489
Признание	489
Призыв	490
Притча	490
Прозаическая строфа	492
Прозиопеза. См. Просиопезис	491
Прозопопея. См. Олицетворение	493
Произнесение речи	493
Проксемика. См. Паралингвистические средства общения	494
Пролеписис. См. Синтаксическая антиципация	494
Прономинация. См. Антономазия	494
Пронунциация. См. Произнесение речи	494
Проповедь	494
Пропонент	495
Просиопезис (Просиопеза)	496
Просторечие	496
Просьба	497
Протагонист	499
Протазис. См. Период	499
Прототермины. См. Терминологическая лексика	499
Профессионализмы	499
Профессиональная лексика. См. Профессионализмы	500
Прощание	500
Прямая речь	501
Прямое высказывание. См. Косвенное высказывание	503
Прямое значение слова. См. Полисемия	503
Псевдоконтрапетрия. См. Контрапетрия	503
Псевдотермины. См. Терминологическая лексика	503
Псевдоэвфемизм	503
Психолингвистика	504
Публицистическая статья	506
Публицистический стиль	507
Публичный монолог	509
Пунктуационные нормы	511
Пунктуационные ошибки	512
Пуризм	513
Разговорная беседа	514
Разговорная лексика	516
Разговорная речь	517
Разговорность	518
Разговорный рассказ	518
Разговорный стиль	519
Разложение идиомы. См. Авторское обновление фразеологизмов и прецедентных текстов	520
Разнообразие речи. См. Богатство речи	520
Разрешение	520
Расписка	521
Расположение. См. Диспозиция	521
Рассуждение	521
Расширение тезиса. См. Подмена тезиса	522
Реализация метафоры. См. Буквализация метафоры	522
Регулятивность текста	522
Редактирование	524
Редупликация	525

Резюме	526
Религиозно-проповеднический стиль. См. Церковно-религиозный стиль	527
Рема. См. Актуальное членение предложения	527
Реминисценция	527
Реплика	529
Репортаж	529
Ретардация	530
Реферат	531
Рецензия	532
Речевая (коммуникативная) стратегия. См. Коммуникативные стратегии и тактики	533
Речевая (коммуникативная) тактика. См. Коммуникативные стратегии и тактики	533
Речевая агрессия	533
Речевая деятельность	535
Речевая культура. См. Типы речевой культуры	535
Речевая модель. См. Языковая модель	535
Речевая норма	535
Речевая ответственность	537
Речевая ситуация. См. Коммуникативная ситуация	538
Речевая среда	538
Речевая фигура. См. Стилистическая фигура	539
Речевая этика	539
Речеведение	540
Речевое воздействие	541
Речевое манипулирование	542
Речевое общение	543
Речевое поддерживание	545
Речевое придерживание	546
Речевое событие	547
Речевой (коммуникативный) идеал. См. Риторический идеал	548
Речевой акт	548
Речевой имидж	549
Речевой портрет	551
Речевой стандарт	552
Речевой стереотип. См. Клише	553
Речевой штамп	553
Речевой этикет	554
Речевые жанры	556
Речевые ошибки	557
Речевые сферы	558
Речевые уловки	559
Речь. См. Язык и речь	560
Ритм	560
Ритмизация. См. Ритм	561
Ритор	562
Риторика	563
Риторическая фигура	564
Риторические приёмы виртуального отклонения от онтологической нормы	564
Риторический вопрос	565
Риторический идеал	566
Риторический Канон	568
Риторический приём	568
Риторическое восклицание	570
Риторическое обращение	570
Роды красноречия	571

Рондо. См. Кольцо	572
Русские личные имена	572
Русский постмодернизм	574
Русский язык как государственный	576
Самопрезентация. См. Презентация	577
Сарказм. См. Комическое и языковые средства его выражения	577
Сатира. См. Комическое и языковые средства его выражения	577
Сверхфразовое единство. См. Прозаическая строфа	577
Светская беседа	577
Связность текста. См. Текст	578
Сегментированная конструкция. См. Сегментированное предложение	578
Сегментированное предложение	578
Семейная беседа	580
Семейная риторика	580
Сентенция. См. Афоризм	582
Сетелитература	582
Силлепсис	583
Сильные позиции текста	584
Симплока	585
Симулякр. См. Язык и стиль русской постмодернистской литературы	586
Синекдоха	586
Синестезия	587
Синкретизм	588
Синкризис	589
Синонимический повтор	590
Синонимический ряд	591
Синонимы	592
Синтаксис газетно-публицистического текста	593
Синтаксическая антиципация	595
Синтаксическая аппликация. См. Парцелляция	596
Синтаксическая норма	596
Синтаксическая стилистика. См. Стилистический синтаксис	597
Синтаксическая фигура. См. Стилистическая фигура	597
Синтаксические ошибки	597
Синтаксические синонимы. См. Синонимы	598
Синтаксический параллелизм	598
Скандирование	598
Сквернословие	599
Славянизмы	600
Сленг	601
Сленгизмы	602
Слова-паразиты	603
Словари «слитно-раздельно»	604
Словари антонимов	605
Словари афоризмов	606
Словари выразительных средств русского языка	607
Словари жаргонных слов	608
Словари иностранных слов	609
Словари крылатых слов и выражений	610
Словари новых слов	611
Словари омонимов	612
Словари паремий	613
Словари паронимов	614
Словари пословиц и поговорок	614

Словари правильности русской речи и трудностей русского языка	616
Словари синонимов	617
Словари современного русского языка	618
Словари сокращений	620
Словари сравнений	621
Словари ударений. См. Акцентологические словари	622
Словари устаревших слов	622
Словари энциклопедические. См. Лингвистические и энциклопедические словари	622
Словари языка писателей	623
Словарная помета	624
Словесность	625
Словесный ярлык	626
Словообразовательная норма	626
Слоган	628
Сложное синтаксическое целое. См. Прозаическая строфа	629
Служебная записка	629
Служебное письмо. См. Деловое письмо	629
Слухи	629
Смещение стилей	631
Смысл. См. Значение и смысл	631
Сниженный стиль	632
Соболезнование	633
Совет. См. Предложение	634
Согласие	634
Солецизм	635
Сообщение	635
Софизм	636
Социальный диалект. См. Социолект	637
Социолект	637
Социолингвистика	638
Спекулятивный вопрос. См. Делиберативный вопрос	639
Специальная лексика	639
Специальный подъязык (LSP). См. Язык для специальных целей	640
Спор	640
Сравнение	641
Средства межфразовой связи. См. Прозаическая строфа	642
Старославянизмы. См. Славянизмы	643
Стереотипность речи	643
Стилевые функции речевых разновидностей	644
Стилевые черты	645
Стили произношения	646
Стилизация	647
Стилистика	648
Стилистика ресурсов	649
Стилистика текста	651
Стилистическая конвергенция	653
Стилистическая норма	654
Стилистическая окраска	655
Стилистическая помета	655
Стилистическая тональность текста	657
Стилистическая фигура	657
Стилистическая функция	659
Стилистические ошибки	659
Стилистические ресурсы грамматики	660

Стилистические ресурсы лексики	662
Стилистические ресурсы языка	664
Стилистический контраст	664
Стилистический приём	665
Стилистический синтаксис	666
Стилистический эффект	668
Стилистическое значение	669
Стиль	671
Стиль автора. См. Идиостиль	672
Стиль массовой коммуникации. См. Публицистический стиль	672
Стиль речи. См. Функциональный стиль	672
Столкновение стилей. См. Смещение стилей	672
Структурно-текстовая субкомпетенция. См. Языковая компетенция	672
Структурно-языковая субкомпетенция. См. Языковая компетенция	672
Стык. См. Анадиплозис	672
Субтезис. См. Тезис	672
Субъектность	672
Судебная риторика	673
Судебное красноречие	674
Сужение тезиса. См. Подмена тезиса	676
Тавтология	676
Тактико-Стратегическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция, Коммуникативные стратегии и тактики	677
Тезис	677
Тезисы	678
Текст	679
Текстовая категория	681
Текстовая компетенция	683
Текстовая норма	684
Текстовая субкомпетенция. См. Языковая компетенция, Текстовая компетенция	685
Телевизионная речь	686
Телефонный разговор	687
Темп речи	688
Теория трёх стилей (штилей)	689
Термин	692
Терминологическая лексика	692
Терминологические словари	694
Техника речи	695
Типы речевой культуры	697
Тмезис	699
Ток-шоу	700
Толерантность	701
Толковые словари	702
Тональность текста	704
Топ. См. Топос	706
Топика	706
Топос	706
Топотезия	707
Тост	708
Тоталитарный язык	709
Точность речи	710
Трансформация фразеологизмов и прецедентных текстов. См. Авторское обновление фразеологизмов и прецедентных текстов	711
Трансформированная поговорка. См. Антипоговорка	711

Траурная речь	712
Траурный панегирик. См. Траурная речь	712
Троп	712
Тропология. См. Троп	713
Убеждающая речь	713
Угроза	714
Ударение	715
Узус	716
Уместность речи	717
Умолчание	718
Упрёк	719
Устаревшие слова	720
Устная речь	721
Утешение и сочувствие	722
Учебник. См. Жанры научной речи	723
Учебные словари	723
Учение о функциональных стилях. См. Функциональная стилистика	725
Фактические ошибки	725
Факт-лист. См. Жанры пиар-коммуникации	725
Фактор третьего лица	726
Фатические речевые жанры. См. Фатическое общение	726
Фатическое общение	726
Фельетон	728
Фигура речи. См. Стилистическая фигура	729
Фигура умолчания. См. Умолчание	729
Фигуры алогизма. См. Паралогические риторические приёмы	729
Филиппика. См. Инвектива	729
Филология	729
Фоника. См. Благозвучие речи	731
Фоностилистика	731
Формы речи. См. Устная речь, Письменная речь	732
Фразеологизмы	732
Фразеологическая норма. См. Лексическая норма	733
Фразеологические ошибки	733
Фразеологические словари	734
Фразовое ударение. См. Логическое ударение	735
Фрактата	735
Функции языка и речи	736
Функциональная перспектива предложения. См. Актуальное членение предложения	737
Функциональная разновидность языка. См. Функциональный стиль	737
Функциональная стилистика	737
Функционально-смысловые типы речи	738
Функционально-стилистическая окраска. См. Коннотация	740
Функциональный стиль	740
Характеристика	741
Хиазм	742
Хорошая речь	743
Хрия	744
Хронотезия. См. Гистерон-протерон (гистеропротерон)	745
Художественная речь. См. Язык художественной литературы	745
Художественный приём. См. Риторический приём	745
Художественный стиль. См. Язык художественной литературы	745
Цепной повтор. См. Анадиплозис	745
Церковное красноречие. См. Гомилетика	745

Церковно-религиозный стиль	745
Церковнославянизмы. См. Славянизмы	746
Цитата	746
Частная риторика	748
Частотные словари	750
Чистота речи	750
Чужая речь	751
Шутка	752
Эвфемизм	754
Эвфония. См. Благозвучие речи	755
Эзопов язык	755
Эквивокация. См. Антанаклаза	756
Экзотизмы	756
Эколингвистика. См. Лингвозкология	757
Экспрессема. См. Экспрессивность	757
Экспрессивность	757
Экспрессивный синтаксис	759
Экспрессивный фонд русского языка	760
Экспрессиологическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция	760
Эллинизмы. См. Грецизмы	760
Эллипсис	760
Элокуция	762
Эмотивность речи. См. Эмоциональность речи	763
Эмоционально-оценочная лексика	763
Эмоциональность речи	764
Эмпатия	766
Эмфаза	766
Эналлага. См. Гипаллага	767
Энантисемия	767
Эпаналепсис	768
Эпанастрофа. См. Анадиплосис	769
Эпиграф	769
Эпидейктическая речь	770
Эпистола. См. Письмо ₁	771
Эпистолярная культура	771
Эпистрофа. См. Эпифора	772
Эпитет	772
Эпифонема	773
Эпифора	774
Эристика	775
Эристическая Субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция	775
Эротема. См. Риторический вопрос	776
Эрратологическая субкомпетенция. См. Коммуникативно-речевая компетенция, Этико-речевая компетенция, Языковая компетенция	776
Эрратология. См. Ошибковедение	776
Эссе	776
Эстетическая функция слова и текста	777
Этика риторическая. См. Речевая этика	778
Этикетно-речевая субкомпетенция. См. Этико-речевая компетенция	778
Этикетные речевые жанры	778
Этико-речевая компетенция	779
Этико-речевые категории. См. Этико-речевая компетенция	782
Этико-речевые нормы. См. Этико-речевая компетенция	782
Этико-речевые ошибки	782

Этимологическая фигура (этимология)	782
Этос	783
Эффективность речи	784
Юмор. См. Комическое и языковые средства его выражения	785
Юридикo-лингвистическая герменевтика. См. Юрислингвистика	785
Юридическая лингвистика. См. Юрислингвистика	785
Юрислингвистика	785
Язык газеты. См. Язык публицистики	787
Язык города	787
Язык для специальных целей	789
Язык и речь	789
Язык и стиль рекламы	791
Язык и стиль русской постмодернистской литературы	792
Язык Интернета	794
Язык публицистики	796
Язык средств массовой информации	798
Язык художественной литературы	799
Языковая игра	801
Языковая картина мира	802
Языковая кодификация	804
Языковая компетенция	806
Языковая критика	806
Языковая личность	808
Языковая мода	809
Языковая модель (речевая модель)	810
Языковая норма	811
Языковая политика	812
Языковая рефлексия	813
Языковое манипулирование. См. Речевое манипулирование	815
Языковое планирование	815
Языковое сознание	816
Языковое сопротивление	818
Языковое строительство	819
Языковое табу	820
Языковой вкус	821
Ясность речи. См. Доступность речи	822